

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (54)

КОГНИЦИЯ,
КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС:
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Часть II

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 3 (54)

**КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС:
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием**

20–21 апреля 2023 года

Часть II

Москва – Тамбов
2023

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52638 от 25 января 2013 г.

Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2023 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Новодранова В. Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С. Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Потанина Н. Л., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 **Когнитивные исследования языка** / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Моск. гос. лингв. ун-т, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 3 (54) : Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20–21 апреля 2023 года. Часть II / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – 816 с.

ISBN 978-5-00078-708-3

В настоящем сборнике представлены такие актуальные направления исследований в области когнитивной лингвистики, как теоретико-методологические аспекты, проблемы когнитивной прагматики, когнитивной социолингвистики, а также когнитивные основы межкультурной коммуникации и профессиональной коммуникации. Среди рассматриваемых тем – обсуждение взаимодействия когниции и полимодальной коммуникации, а также особенностей когнитивных исследований текста и разных типов дискурса, лексики, фразеологии и грамматики.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области когнитивной, полимодальной, дискурсивной лингвистики, а также исследователям, интересующимся аспектами взаимодействия языка и когниции, языка и культуры, прагматики и коммуникации.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-708-3 (Вып. № 3 (54). Часть II)
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2023
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2023

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 3(54)

**COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE:
MODERN ASPECTS OF RESEARCH**

**Papers of All-Russian Scientific Conference
with International Participants**

20–21 April, 2023

Part II

Moscow – Tambov
2023

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscommadzor), Certificate of Registration PI No. FS 77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2023. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N. N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Demyankov V. Z., Doctor of Philology, Professor;
Furs L. A., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);
Novodranova V. F., Doctor of Philology, Professor;
Babina L. V., Doctor of Philology, Professor;
Vinogradova S. G., Doctor of Philology;
Panasenko L. V., Doctor of Philology, Professor;
Potanina N. L., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A. L., Doctor of Philology, Professor;
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Kozlova E. A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences ; Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 3 (54) : Cognition, communication, discourse: modern aspects of research : Papers of all-Russian scientific conference with international participants 20–21 April, 2023. Part II / Volume's editor-in-chief L. A. Furs. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2023. – 816 p.

ISBN 978-5-00078-708-3

This volume presents such topical areas of research in the field of cognitive linguistics as theoretical and methodological aspects, problems of cognitive pragmatics, cognitive sociolinguistics, as well as the cognitive foundations of intercultural communication and professional communication. Among the topics under consideration is a discussion of the interaction of cognition and polymodal communication, as well as the features of cognitive studies of the text and different types of discourse, vocabulary, phraseology and grammar.

The collection of papers is meant for a wide range of specialists in the field of cognitive, polymodal, discourse linguistics, as well as researchers interested in aspects of the interaction of language and cognition, language and culture, pragmatics and communication.

СОДЕРЖАНИЕ

IX. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ

<i>Абросимова Л. С., Редкозубова Е. А.</i> Когнитивные основания словообразовательной мотивации	21
<i>Бабина Л. В.</i> Механизмы формирования смыслов прецедентных имен, потенциально допускающих их конфликтное восприятие	25
<i>Базарова Б. Б.</i> Концептуальная область ЧЕЛОВЕК в неологизмах в английском языке.	30
<i>Беликова Г. В.</i> Конкурирующие значения как отражение альтернативной концептуализации повседневности (на материале французского языка).	33
<i>Богданова С. Ю.</i> Концептуализация динамической ситуации с помощью комбинации пространственных лексических единиц	37
<i>Бугаков А. Н.</i> Пространство как способ вторичной интерпретации мира в языке	42
<i>Верещагина А. В.</i> Понятие «Любовь» в греческом языке.	47
<i>Воронцова Ю. А.</i> Прецедентное имя как средство выражения имплицитного смысла в интернет-комментарии	51
<i>Галюк А. А.</i> Когнитивные структуры глаголов «выручить» и «вызволить»	56
<i>Гусева О. А.</i> Смех в интернет-общении (на материале английского языка)	60
<i>Dubovitskaya E. Yu.</i> Dysphemization as a way of expressing truth in the English media.	64
<i>Ершова Н. Б., Кутимская А. Ю.</i> Репрезентация концептов GELD и KREDIT в современном немецком языке (на материале современного корпуса немецкого языка/DWDS)	68
<i>Ершова Н. Б., Эсаулова А. В.</i> Лексическая репрезентация концептов GESETZ и ЗАКОН в немецком и русском языках (на материале политического дискурса)	74
<i>Калинина Л. В.</i> Уловить, изменить(ся), охватить: концептуализация процесса эволюции в работах В. И. Вернадского	78
<i>Карпинская Н. В.</i> Вербализация концепта СЕРДЦЕ в библейских текстах	83
<i>Коканова Е. С.</i> Когнитивно-семантический подход к лексикографическому портрету глаголов движения при создании ненецкого онлайн-словаря	88
<i>Коломлина И. В.</i> Властные отношения как объект изучения в лингвистике	91
<i>Криворучко И. С.</i> Неологическая репрезентация аксиологических доминант англоязычного делового дискурса: когнитивный подход	96
<i>Ву Нгок Иен Кхань.</i> Когнитивно-дискурсивный анализ русского глагола <i>задеть</i>	100
<i>Лось А. Л.</i> Когнитивный аспект репрезентации тактильных признаков в русском языке	105
<i>Лукьянова Е. Е.</i> Лонгитюдный эксперимент как способ изучения формирования когнитивных структур, репрезентируемых широкозначными глаголами, у современного школьника (на примере <i>to claim</i>).	109

Синь Лумин. Представление об одиночестве в русском языковом сознании (когнитивно-дискурсивный аспект)	114
Манченкова А. И. Энциклопедический оним как инструмент создания смысла в рамках театрального дискурса	118
Маслова Н. А. Репрезентация концепта ДЕТСТВО в советском песенном дискурсе	122
Медведева С. Н. Сопоставительный анализ семантики глаголов ‘make’, ‘drive’, ‘get’, ‘keep’, ‘hold’, ‘leave’, ‘set’, ‘put’ в каузативных конструкциях	127
Михеева С. Л. Местоименный редупликат <i>самый-самый</i> : прагматические аспекты смысла	132
Минченков А. Г. Интерпретирующий потенциал лексемы <i>now</i>	136
Мухина И. К. Концепт ИГРА как интегративный формат знания	141
Надеева Л. Е. Формирование переносных значений двукомпонентных зоонимов	146
Никитина В. В., Калакова С. А. Концептуализация и репрезентация лени в естественном языке (на материале английского и русского языков)	149
Окулова Е. А. Номинативное поле концепта JOY в английском языке в среднеанглийский и новоанглийский периоды	155
Панасенко Л. А. Когнитивные доминантные признаки идентифицирующих значений лексики	160
Петрухина Е. В. Когнитивные аспекты деривации в русском языке	164
Питина С. А., Таскаева А. В. «Детские» эргонимы Челябинска	170
Позднякова Е. М., Суворина Е. В., Ченских Е. П. Когнитивно-корпусный анализ лексических единиц <i>brain</i> и <i>mind</i> в современном английском языке	174
Порохницкая Л. В., Самойлова В. В. Концептуальные предпосылки реализации дисфемистического потенциала эвфемизмов (на материале комментариев в социальных сетях)	179
Пташкин А. С. Лингвосенсорика английских и русских примет отклонения	182
Радус Л. А. Институциональный имидж как концепт	186
Разумовская Ю. М. Когнитивно-матричный анализ прецедентных имен (на материале прецедентного имени Золушка (Cinderella)	191
Редкозубова Е. А., Абросимова Л. С. Когнитивный потенциал сленгизмов	196
Робустова В. В. Когнитивный механизм выделенности в топонимических прозвищах	200
Салтанова П. А., Бондарчук Г. Г. Интенсивность в когнитивном аспекте (на материале англоязычного автобиографического дискурса)	205
Самаркин Г. О. Концептуализация стыда в японском языке	209
Сивова Т. В. Цвет шиповника в цветовой концептосфере русского языка: от стереотипного цвета к продающему цвету <i>неоновый зеленый шиповник</i>	215
Сироткина Т. А. Концепт ЮГРА в языковой картине мира жителей региона	220
Ситькова А. С. Оценка как важнейшая составляющая когнитивной деятельности человека	225

<i>Смурова О. В.</i> Семантическая база оценочного концепта вероятностной природы	229
<i>Устинова Т. В.</i> Множественность интерпретаций окказионализмов с когнитивной точки зрения	234
<i>Холдеева Е. Ю.</i> Когнитивный подход к исследованию феномена показа в английском языке	238
<i>Chekhanova I. V.</i> The concept TRADITION and its representation in English	243
<i>Чжан Х.</i> Стереотипное представление о ДОБРОМ ЧЕЛОВЕКЕ в русском языковом сознании	248
<i>Чуксина Е. А.</i> Способы репрезентации концепта FEAR (на материале художественного дискурса)	252
<i>Шевелева Е. О.</i> Специфика репрезентации концепта POWER в современных англоязычных медиатекстах	257
<i>Шелепова Н. В.</i> Лингвистические формы представления мифологического сознания (на материале английских мифологических концептов THE WORLD TREE и CHAOS)	263
<i>Шкуран О. В.</i> Экспликация языковой единицы <i>napruot</i> как вторичного когнитивно-смыслового кода	268
<i>Щербак А. С.</i> Мышление – ономастический знак – действительность	272
<i>Яковенко Е. Б.</i> Концептуализация сердца в древнеанглийской картине мира	276

X. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ

<i>Балакин С. В.</i> Когнитивные основы развития глагольных времен во французском и португальском языках	281
<i>Беседина Н. А.</i> Современные исследования морфологии в аспекте взаимодействия когниции и коммуникации	285
<i>Виноградова С. Г.</i> Когнитивные доминанты интерпретации событий	290
<i>Колодяжная В. Н., Трубаева Е. И.</i> Антонимичная семантика выражений <i>highly likely</i> и <i>hardly likely</i> как репрезентантов полюсных вариаций значения неполноты действия или признака в современном английском языке	294
<i>Пак Н. С.</i> Когнитивно-дискурсивные характеристики вторично-предикативных структур в функции обстоятельства времени в англоязычном медицинском дискурсе	299
<i>Сигал К. Я.</i> Смыслоразличительная функция знаков препинания в когнитивной интерпретации	304
<i>Слаутина М. В.</i> Грамматические категории как основа семантических противопоставлений в речи младших школьников	308
<i>Тананыхина А. Ю., Тананыхина А. О.</i> Морфологически репрезентируемый концепт ВРЕМЯ в истории английского языка	311
<i>Цубера А. Ю.</i> Семантические особенности языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел в переводческой перспективе	316

<i>Чекина А. А.</i> Синтаксис обрядово-этикетных формул одной прагматики	320
<i>Чикина Е. Е.</i> Родительный падеж как маркер когнитивного модуса дискурса (на материале немецкого языка)	325
<i>Шарандин А. Л.</i> Девербатив и деадъектив как коммуникативно-дискурсивные формы лексемы и их отражение в толковых словарях	330
<i>Шилова Н. В.</i> Дискурсивные частицы как средства выражения коммуникативной структуры предложения	335

XI. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

<i>Абросимова Л. С., Сагайдачная Н. Н.</i> Ментальные границы прецедентности библейзмов: современные интерпретации	340
<i>Ананьева Л. А.</i> Исторический дискурс в романе Арно Гайгера «У нас все хорошо»	345
<i>Андреева В. О.</i> Дискурсивный анализ советского плаката в годы Великой Отечественной войны	349
<i>Антонова Е. Н.</i> Особенности божественного стихотворчества в дискурсивной трактовке современников	354
<i>Анчек С. Х.</i> Адыгская языковая личность в поэтическом дискурсе	358
<i>Безукладова И. Ю., Фурс Л. А.</i> Моделирование социального пространства в области профессиональной деятельности	363
<i>Белошицкая Н. Н.</i> Когнитивная природа драматургической дискурсивной тональности	367
<i>Беседина Е. А., Буркова Т. В.</i> «Когнитивная инфекция» в коммеморативном дискурсе: случаи ошибок и их последствия для трансфера знаний	371
<i>Беспалова Е. В.</i> Немецкий ландшафтный дискурс рекламы: когнитивные механизмы и импликации	376
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i> Гиперкоррекция, или стилистический диссонанс в русском устном дискурсе	381
<i>Борботько Л. А.</i> Когнитивно-дискурсивная модель театральной коммуникации	386
<i>Бочарникова Е. А.</i> Дискурс психологии и дискурс медицины: точки пересечения	390
<i>Бронникова О. В., Самофалова А. С.</i> Нейрофизиологические основания дискурсивных тактик в рекламном дискурсе	394
<i>Велентеев М. В.</i> Метафора как один из способов выражения отношения населения к проблемам здравоохранения США в неинституциональном медиа дискурсе	399
<i>Гринева М. С.</i> Метакоммуникативные средства контроля понимания в психотерапевтическом дискурсе	404
<i>Гудкова К. В.</i> К вопросу о семантическом мышлении: «одушевление» в английском языке	409
<i>Дзюба Е. В., Рябова И. Ю.</i> Текст и интердискурс: специфика взаимодействия	413

<i>Дмитриева С. С.</i> Об особенностях формирования новых смыслов на базе прецедентных ситуаций в политическом медиадискурсе	418
<i>Дронова Н. П.</i> Когнитивно-дискурсивный анализ номинаций свойств лиц женского пола в фастнахтшпилях XVI в.	423
<i>Дудкова Д. С.</i> Когнитивно-прагматический аспект интерпретации франкоязычного хип-хоп дискурса.	428
<i>Ерещенко М. В.</i> Актуализация информативно-аттрактивной функции в заголовочном комплексе	432
<i>Ерофеева И. В., Усманова Л. А.</i> Летописный дискурс сквозь призму когнитивного подхода	436
<i>Калинин О. И., Князева Е. Г.</i> Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода.	441
<i>Карданова-Бирюкова К. С.</i> Принципы моделирования коммуникативного поведения в интернете (на материале интернет-форумов)	446
<i>Катермина В. В., Чернова И. В.</i> Когнитивно-прагматические особенности коммуникативной толерантности в педагогическом дискурсе	450
<i>Катермина В. В., Ширяева Т. А.</i> Неологизмы-топонимы в англоязычном дискурсе: когнитивный аспект	454
<i>Колесникова О. И., Пескишев Г. А.</i> Аналогия как когнитивный механизм репрезентации оценки литературного произведения в сетевом медиадискурсе.	459
<i>Красикова Е. А.</i> Креативный потенциал форм обращения в китайском кинодискурсе	463
<i>Кремнева А. В., Головина Т. А.</i> «Чужое слово» как один из способов когнитивной экономии (на примере англоязычного художественного дискурса).	467
<i>Курбанов И. А., Малагин Д. В.</i> Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в русскоязычном политическом медиадискурсе	471
<i>Магировская О. В.</i> Формат дискурса как определяющий фактор концептуальной интеграции знаний	475
<i>Манаенко Г. Н.</i> Смысловые компоненты медиадискурса: событие, факт, оценка	480
<i>Миронова М. Ю.</i> Динамика дискурсивных маркеров авторской позиции в англоязычной научной статье	484
<i>Михалева Е. И., Иванова Ю. Е.</i> Фонопрагматические особенности речи оратора в разных типах дискурса	490
<i>Ненашева Ю. А.</i> Лексические активаторы когнитивных процессов в просодической организации высказываний при чтении вслух	495
<i>Никонова Е. А.</i> Editorial как дискурсивный жанр СМИ	499
<i>Петросян М. С.</i> Семантика и аксиология неологизмов в нутриционистском дискурсе	502
<i>Потанина Н. Л.</i> Специфика социального дискурса в романе И. Макьюэна.	506

<i>Потанина Н. Л., Платицына Н. И.</i> Эстелла versus Алиса: особенности репрезентации концепта LITTLE LADY в викторианском художественном дискурсе	514
<i>Рахимова А. Р.</i> «Вертикаль» как основание оценки в представлении знания о психической деятельности человека (на материале научного психологического дискурса и терминосистемы психологии)	520
<i>Романова Т. В., Маликова Д. А.</i> Вторичная интерпретация терминов когнитивистики в медийном дискурсе.	526
<i>Сафьянова И. В.</i> Языковая реализация лингвокультурных концептов SOUL/SPIRIT в англоязычном поэтическом дискурсе	529
<i>Седова Н. К.</i> Номинативный потенциал метафорических концептов в англоязычном спортивном комментарии и репортаже (на материале публикаций, посвященных финалу чемпионата мира по футболу)	534
<i>Серова И. Г.</i> Лингвистическая репрезентация ирреального мира в научно-фантастическом произведении субжанра «Киберпанк».	538
<i>Соколова В. Л., Шевелева Е. О.</i> Коммуникативные особенности дискурсивного программирования в хеджирующих конструкциях англоязычных СМИ.	542
<i>Стефанович М. В.</i> Особенности интроспективных наречных ремарок с суффиксом -ly в драматургическом дискурсе.	546
<i>Толмачева И. Н., Якимова О. А.</i> Языковые средства формирования потенциально конфликтных смыслов в разных типах дискурса.	551
<i>Федотова О. С.</i> Метадискурс автора англоязычной художественной прозы как двухуровневое образование	555
<i>Челпанова Е. В., Белова Л. А.</i> Лингвистические средства кризисного дискурса в англоязычной художественной литературе (на примере романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева»)	560
<i>Чес Н. А.</i> Концептуально-метафорические основания конструирования образных представлений в политическом медиадискурсе.	565
<i>Шабалина В. Я.</i> Когнитивно-прагматические параметры научно-методического дискурса.	570
<i>Шашилова А. М., Тамерьян Т. Ю.</i> Семиозис языкового знака в новостном дискурсе	575
<i>Шмелёва Е. С.</i> Газетный заголовок: лингвокреативность vs. информативность (на материале англоязычных таблоидов 90-х)	579
<i>Шутёмова Н. В.</i> Информативная функция деклараций о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия	583
<i>Эльстон-Бирон А. В., Панченкова М. Ф.</i> Когнитивные особенности дискурса ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ (на материале произведений А. П. Чехова)	587
<i>Юрьева Н. М.</i> Несколько штрихов к построению гипотезы об эволюции устной истории в речевой деятельности	592

XII. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

<i>Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.</i> Когнитивный аспект понимания текста при переводе	596
<i>Алесенкова В. Н.</i> Концепты внутреннего мира в лирических драмах А. Блока	600
<i>Атлас А. З.</i> Вербальный и невербальный каналы смыслового восприятия текста-источника при вторичной репрезентации	605
<i>Бадаева Н. В.</i> Концепты цифровых экономических СМИ Германии	609
<i>Белоглазова Е. В., Генидзе Н. К.</i> Дискурсо- и жанрово-обусловленная прецедентность в заголовках произведений Russia: сравнительное корпусное исследование	614
<i>Борисова Е. Г.</i> Когнитивная модель восприятия сверхфразовых связей (на основании свойств служебных слов)	617
<i>Брайтлинг М. С., Тимралиева Ю. Г.</i> Особенности метафорического осмысления рабства в романе Т. Моррисон «Возлюбленная»	622
<i>Воронина Л. В., Скокова Т. Н.</i> Объект-субъектная двойственность концептуального целого	626
<i>Вычужанина А. Ю., Сурмятова Ю. В.</i> Когнитивное исследование лингвоцветовых особенностей идиостиля Дж. Роулинг на материале романа «Гарри Поттер и философский камень»	630
<i>Глазырин В. А.</i> Опыт поэтико-идеографического анализа стихотворения О. Э. Мандельштама “Notre Dame”	636
<i>Даниленко И. А.</i> Когнитивное моделирование авторского художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА (на материале романа Томаса Кенелли “The Daughters of Mars”)	642
<i>Денисова Н. В.</i> Когнитивно-дискурсивные характеристики искусствоведческих текстов: фактор адресанта	646
<i>Димитриева О. А.</i> Образы и сравнения в репрезентации вакхического человека в прозе А. П. Чехова	651
<i>Дроздова Т. В., Вишнякова Е. А.</i> Когнитивно-диссонантные ситуации как стимул создания стилистического эффекта в литературно-художественном тексте	655
<i>Дронова О. А.</i> Функции индивидуально-авторской метафоры в романе Арно Гайгера «Старый король в своем изгнании»	660
<i>Ефименко Т. Н.</i> Элиминирование конфликта в медиатексте: когнитивный аспект	665
<i>Zherdeva O. N., Frolova O. V.</i> Representation of European and American national pictures of the world in H. James’s novel “The Europeans” (based on the Germanic languages)	669
<i>Измайлян Д. Б.</i> Реализация когнитивно-идеологического компонента в текстах массовой информации	674
<i>Ильина Е. В.</i> Концептуализация образа России в поэзии Л. Н. Андерсен (на материале отдельных произведений)	679

<i>Кащеева А. В.</i> Репрезентация многоаспектного знания в учебном тексте	683
<i>Климова Т. А.</i> Роль образов света и тени в когнитивном стиле писателя-билингва (на материале романа Кадзуо Исигуро “A Pale View of Hills”)	688
<i>Клиновская А. А., Стрельцова В. В.</i> Россия глазами немцев (на материале книги «Черно-белый роман» Марион Пошманн).	693
<i>Кожухова И. В., Кошкарлова Н. Н.</i> Телеграм-канал М. Захаровой: языковые особенности.	698
<i>Комкова Н. И.</i> Концепт ЛЮБОВЬ в прозе Б. В. Шергина: лексические средства репрезентации.	702
<i>Коннова М. Н., Хорохорина С. Е.</i> Динамические метафоры времени в поэзии Э. Дикинсон: аксиологическое измерение.	706
<i>Кострова О. А.</i> Концептуальные оттенки каузальности в немецких беллетристических и научных текстах	711
<i>Кучер В. В.</i> Цвет в языковой репрезентации визуального восприятия в репродуктивном регистре художественного текста.	716
<i>Сюй Лили.</i> Ориентационные метафоры в классическом тексте китайской философии «Да сюэ».	721
<i>Макарова А. С.</i> Вербализация концепта КРЕСТ в православной медиапроповеди	725
<i>Мальшиев Д. А.</i> Биокогнитивный подход к исследованию персонажей фантастических текстов	730
<i>Морина Л. А.</i> Прототип и инвариант в концепции риторического декодирования текста.	733
<i>Нильсен Е. А.</i> Метафоры времени в английском травелогe	738
<i>Озенева Е. А.</i> Текстовый когнитивный код	742
<i>Петкау А. Ю., Юйпэн У.</i> Портрет концепта ЗДОРОВЬЕ в китайской социальной рекламе	747
<i>Питолина Н. В.</i> Художественное время как способ интерпретации текста.	751
<i>Пташкин А. С.</i> Оценочная диктема и категории (на примере категории DEVIATION/ДЕВИАЦИЯ в романе У. Гибсона «Нейромант»)	755
<i>Самарина А. Г.</i> Концептуальное и языковое взаимодействие как основа эффективной коммуникации (на материале русскоязычных рекламных объявлений).	760
<i>Соловьева Ю. О.</i> Виды прецедентных текстов в современной научно-популярной книге о праве	764
<i>Степанова А. Н.</i> Парадоксальные высказывания в поэтической речи в когнитивном аспекте (на материале эмотивной лексики в НКРЯ).	769
<i>Сунь Сяоли.</i> Специфика перевода на китайский язык русских рефлексивов, построенных по модели <или как...> в текстах Ф. М. Достоевского	774
<i>Татаринцев Н. С., Тимралиева Ю. Г.</i> Репрезентация пространства в рассказах ужасов К. Баркера	779

Содержание

<i>Тугуз Т. Р.</i> Спейсмены как маркеры художественного пространства в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведения Г. Джеймса «Бостонцы»)	783
<i>Турбина О. А.</i> Антропологические принципы концептуализации и категоризации мира в языке.	788
<i>Цветяева Е. Н., Панкратьева Е. С.</i> Фразеология «перевернутого мира» в немецкой «народной» графике раннего нового времени	792
<i>Чемодурова З. М.</i> Семантика и прагматика шахматной игры в художественном тексте	797
<i>Чистякова А. А.</i> Когнитивный анализ заголовка рэп-текста (на примере текста Kendrick Lamar “Purple Heart”)	802
<i>Шевченко Л. Л.</i> Шекспировский код и его актуализация в романе Айрис Мердок “The Sacred and Profane Love Machine”	806
<i>Щирова И. А.</i> К проблеме активных начал интерпретации	811

CONTENTS

IX. COGNITIVE STUDIES OF LEXIS

<i>Abrosimova L. S., Redkozubova E. A.</i> Cognitive bases of word formation motivation	21
<i>Babina L. V.</i> Mechanisms for the formation of the meanings of precedent names, potentially allowing their conflict perception	25
<i>Bazarova B. B.</i> The conceptual field MAN in English neologisms	30
<i>Belikova G. V.</i> Competing meanings as a reflection of alternative conceptualization of everyday life in French.	33
<i>Bogdanova S. Yu.</i> Conceptualization of a dynamic situation by means of a combination of spatial lexical items	37
<i>Bugakov A. N.</i> Space as a means of secondary language interpretation of the world	42
<i>Vereshchagina A. V.</i> Concept LOVE in Greek	47
<i>Vorontsova Yu. A.</i> A precedent name as a means of expressing an implicit meaning in an Internet comment	51
<i>Galiuk A. A.</i> Cognitive structures of the verbs “to help out” and “to rescue”	56
<i>Guseva O. A.</i> Laughter in English-speaking Internet communication	60
<i>Дубовицкая Е. Ю.</i> Дисфемизация как способ выражения правды в англоязычных СМИ	64
<i>Ershova N. B., Kutinskaya A. Yu.</i> Representation of concepts MONEY and CREDIT in modern German (based on a modern German corpus/DWDS)	68
<i>Ershova N. B., Esaulova A. V.</i> Lexical representation of concepts GESETZ and LAW in German and Russian (based on a political discourse)	74
<i>Kalinina L. V.</i> <i>To catch, to change, to cover</i> : conceptualization of the process of evolution in the works of V.I. Vernadsky	78
<i>Karpinskaya N. V.</i> Verbalization of the concept HEART in biblical texts	83
<i>Kokanova E. S.</i> Cognitive-semantic approach to the lexicographic portrait of the motion verbs in creating a Nenets online dictionary	88
<i>Kolomlina I. V.</i> Power relations as an object of linguistic research	91
<i>Krivoruchko I. S.</i> Neological representation of axiological dominants in English business discourse: cognitive approach	96
<i>Vu Ngoc Yen Khanh.</i> Cognitive discourse analysis of the Russian verb <i>задеть</i>	100
<i>Los' A. L.</i> Cognitive aspect of the representation of tactile features in Russian.	105
<i>Lukyanova E. E.</i> Longitudinal experiment as a method to study a student cognitive structure formation represented by verbs with broad semantics (based on the verb <i>to claim</i>)	109
<i>Xin Luming.</i> Representation of loneliness in Russian linguistic consciousness (cognitive-discursive aspect)	114
<i>Manchenkova A. I.</i> Encyclopedic onyms as a way of creating meaning in theatrical discourse	118
<i>Maslova N. A.</i> Representation of the concept CHILDHOOD in a Soviet song discourse	122
<i>Medvedeva S. N.</i> Comparative analysis of semantics of the verbs ‘make’, ‘drive’, ‘get’, ‘keep’, ‘hold’, ‘leave’, ‘set’, ‘put’ in causative constructions	127

<i>Mikheeva S. L.</i> The pronominal reduplicate САМЫЙ-САМЫЙ: pragmatic aspects of meaning	132
<i>Minchenkov A. G.</i> Interpretive potential of the lexeme <i>now</i>	136
<i>Mukhina I. K.</i> Concept GAME as an integrative format of knowledge	141
<i>Naldeeva L. E.</i> Formation of figurative meanings of two-component zoonyms	146
<i>Nikitina V. V., Kalakova S. A.</i> Concept LEN' in natural language (based on the material of English and Russian)	149
<i>Okulova E. A.</i> The nominative field of the concept JOY in the Middle and Modern English periods	155
<i>Panasenko L. A.</i> Cognitive dominants of identifying meanings of lexis	160
<i>Petrukhina E. V.</i> Cognitive aspects of derivation in Russian	164
<i>Pitina S. A., Taskaeva A. V.</i> "Children" ergonyms of Chelyabinsk	170
<i>Pozdnyakova E. M., Suvorina E. V., Chenskikh E. P.</i> Cognitive-corpus analysis of <i>brain</i> and <i>mind</i> in contemporary English	174
<i>Porokhnitskaya L. V., SamoiloVA V. V.</i> Conceptual premises of realizing the dysphemistic potential of euphemisms (based on comments on social networks)	179
<i>Ptashkin A. S.</i> Linguosensorics of English and Russian signs of deviation	182
<i>Radus L. A.</i> Institutional image as a concept	186
<i>Razumovskaya Yu. M.</i> Cognitive-matrix analysis of precedent names (based on the precedent name Cinderella)	191
<i>Redkozubova E. A., Abrosimova L. S.</i> The cognitive potential of slang	196
<i>Robustova V. V.</i> Cognitive mechanism of perspective in toponymic nicknames	200
<i>Saltanova P. A., Bondarchuk G. G.</i> Intensity in the cognitive aspect (based on the English autobiographical discourse)	205
<i>Samarkin G. O.</i> Conceptualization of SHAME in Japanese	209
<i>Sivova T. V.</i> Rosehip color in the Russian color conceptsphere: from stereotypical color to selling color <i>neon green rosehip</i>	215
<i>Sirotkina T. A.</i> The concept UGRA in the language picture of the world of region residents	220
<i>Sitkova A. S.</i> Evaluation as the important component of human cognitive activity	225
<i>Smurova O. V.</i> Semantic base of the concept EPISTEMIC EVALUATION	229
<i>Ustinova T. V.</i> Interpretative pluralism of nonce-words: a cognitive semantics perspective	234
<i>Kholdeeva E. Yu.</i> Cognitive approach to the study of the phenomenon of showing in English	238
<i>Чеханова И. В.</i> Концепт TRADITION и его репрезентация в английском языке	243
<i>Zhang H.</i> A stereotypical view of a kind person in Russian linguistic consciousness	248
<i>Chuksina E. A.</i> Ways of representing the concept FEAR (on the basis of the artistic discourse)	252
<i>Sheveleva E. O.</i> The representation of the concept POWER in contemporary English media texts	257

<i>Shelepova N. V.</i> Linguistic forms of mythological consciousness representation (based on the English mythological concepts THE WORLD TREE and CHAOS) . . .	263
<i>Shkuran O. V.</i> Explication of the language unit <i>patriot</i> as a secondary cognitive-semantic code	268
<i>Shcherbak A. S.</i> Thinking – onomastic sign – reality	272
<i>Yakovenko Ye. B.</i> Conceptualization of the heart in the Old English worldview	276

X. COGNITIVE STUDIES OF GRAMMAR

<i>Balakin S. V.</i> Cognitive bases for the development of tenses in French and Portuguese.	281
<i>Besedina N. A.</i> Contemporary morphology research: cognition and communication interaction	285
<i>Vinogradova S. G.</i> Cognitive dominants for events interpreting	290
<i>Kolodyazhnaya V. N., Trubaeva E. I.</i> Antonymic semantics of the expressions <i>highly likely</i> and <i>hardly likely</i> as representatives of variations of the meaning of incomplete action or feature in modern English.	294
<i>Pak N. S.</i> Cognitive and discursive characteristics of secondary predicative structures as adverbial modifiers of time in English medical discourse	299
<i>Seagal K. Ya.</i> The meaning-distinguishing function of punctuation marks in cognitive interpretation	304
<i>Slautina M. V.</i> Grammatical categories as the basis of semantic oppositions in the speech of younger students	308
<i>Tananykhina A. Yu., Tananykhina A. O.</i> Morphologically represented concept TIME in the history of English.	311
<i>Tsubera A. Yu.</i> Current / present state of affairs in Russian-to-English translation perspective	316
<i>Chekina A. A.</i> Syntax of ritual and etiquette formulas of one pragmatics	320
<i>Chikina E. E.</i> Genitive case as a marker of the cognitive modus of discourse (based on the material of German).	325
<i>Sharandin A. L.</i> Deverbative and deadjective as communicative-discursive forms of a lexeme and their reflection in explanatory dictionaries	330
<i>Shilova N. V.</i> Discursive particles as a means of expressing the sentence communicative structure.	335

XI. COGNITIVE STUDIES OF DISCOURSE

<i>Abrosimova L. S., Sagaidachnaya N. N.</i> Mental limits of biblical precedence: modern interpretations	340
<i>Ananyeva L. A.</i> Historical discourse in Arno Geiger’s novel “ES GEHT UNS GUT”	345
<i>Andreeva V. O.</i> Discourse analysis of the Soviet poster of the Great Patriotic War	349
<i>Antonova E. N.</i> Features of bohemian poetry in the discursive interpretation of contemporaries.	354
<i>Anchek S. Kh.</i> The Adyghe linguistic personality in poetic discourse	358

<i>Bezukladova I. Yu., Furs L. A.</i> Modeling of social space in the field of professional activities	363
<i>Beloshitskaya N. N.</i> The cognitive nature of the dramaturgical discourse tonality.	367
<i>Besedina E. A., Burkova T. V.</i> “Cognitive infection” in commemorative discourse: error cases and their implications for knowledge transfer.	371
<i>Bespalova E. V.</i> German landscape advertising discourse: Cognitive mechanisms and implications	376
<i>Bogdanova-Beglaryan N. V.</i> Hypercorrection or stylistic dissonance in Russian oral discourse	381
<i>Borbotko L. A.</i> Cognitive-discursive model of theatrical communication	386
<i>Bocharnikova E. A.</i> The discourse of psychology and the discourse of medicine: intersection points	390
<i>Bronnikova O. V., Samofalova A. S.</i> Neurophysiological basis for discursive tactics in advertising discourse	394
<i>Velenteenko M. V.</i> Metaphor as the way of expressing the attitude of the population to the problems of US health care in non-institutional media discourse	399
<i>Grineva M. S.</i> Metacommunicative means of managing understanding in discourse of psychotherapy	404
<i>Gudkova K. V.</i> On the issue of semantic thinking: Animation in English	409
<i>Dzyuba E. V., Ryabova I. Yu.</i> Text and interdiscourse: specifics of interaction	413
<i>Dmitrieva S. S.</i> On precedent-based sense formation in political media discourse	418
<i>Dronova N. P.</i> Cognitive-discursive analysis of the nominations of the properties of female persons in the fastnachtspiel of the 16th century	423
<i>Dudkova D. S.</i> Interpretation of Francophone hip-hop discourse from the perspective of cognitive pragmatics	428
<i>Ereshchenko M. V.</i> Actualization of the informative-attraction function in the title complex.	432
<i>Erofeeva I. V., Usmanova L. A.</i> Chronicle discourse through the prism of cognitive research	436
<i>Kalinin O. I., Knyazeva E. G.</i> Cognitive-discursive approach to information war	441
<i>Kardanova-Biryukova K. S.</i> Principles of modeling communicative behavior on the Internet (based on Internet forums).	446
<i>Katermina V. V., Chernova I. V.</i> Cognitive and pragmatic peculiarities of communicative tolerance in pedagogical discourse	450
<i>Katermina V. V., Shiryayeva T. A.</i> Neologisms-toponyms in English discourse: a cognitive aspect.	454
<i>Kolesnikova O. I., Peskishev G. A.</i> Analogy as a cognitive mechanism for representing the evaluation of a literary work in a network media discourse.	459
<i>Krasikova E. A.</i> The creative potential of address forms in the Chinese cinematic discourse	463
<i>Kremneva A. V., Golovina T. A.</i> ‘Borrowed word’ as a means of cognitive economy (based on English fiction discourse)	467
<i>Kurbanov I. A., Malagin D. V.</i> Metaphorical modeling of the US President Joe Biden image in the Russian political media discourse	471

Contents

<i>Magirovskaya O. V.</i> Discursive format as a key factor in conceptual integration of knowledge	475
<i>Manaenko G. N.</i> Sense components of media discourse: event, fact, assessment . . .	480
<i>Mironova M. Yu.</i> Dynamics of the author's position discourse markers in an English scientific article	484
<i>Mikhaleva E. I., Ivanova Yu. E.</i> Phonopragmatics of speech in different discourses	490
<i>Nenasheva Yu. A.</i> Lexical activators of cognitive processes in prosody of read-aloud speech	495
<i>Nikonova E. A.</i> Editorial: mass media discourse genre	499
<i>Petrosyan M. S.</i> Semantics and axiology of neologisms in nutritionist discourse . . .	502
<i>Potanina N. L.</i> The specifics of social discourse in the novel by I. McEwan	506
<i>Potanina N. L., Platitsyna N. I.</i> Estella versus Alice: representation specifics of the concept LITTLE LADY in Victorian artistic discourse	514
<i>Rakhimova A. R.</i> "Vertical" as the basis of assessment in the knowledge representation about the human mental activity (based on a psychological discourse and terminological system of psychology)	520
<i>Romanova T. V., Malikova D. A.</i> Secondary interpretation of cognitive terms in media discourse	526
<i>Safyanova I. V.</i> Linguistic representation of linguo-cultural concepts SOUL/SPIRIT in poetic discourse	529
<i>Sedova N. K.</i> Nominative potential of metaphorical concepts in English sports commentary and report (covering the World Cup final)	534
<i>Serova I. G.</i> Linguistic representation of irreality in the science fiction subgenre of cyberpunk	538
<i>Sokolova V. L., Sheveleva E. O.</i> Communicative characteristics of discursive programming in English mass media hedges	542
<i>Stefanovich M. V.</i> Adverbial remarks and their peculiarities in drama discourse	546
<i>Tolmacheva I. N., Yakimova O. A.</i> Linguistic means of potentially conflicting meaning formation in various types of discourse	551
<i>Fedotova O. S.</i> English fiction metadiscourse as a two-level structure	555
<i>Chelpanova E. V., Belova L. A.</i> Linguistic means of the crisis fiction discourse in English (based on J. Steinbeck's novel "Grapes of Wrath")	560
<i>Ches N. A.</i> Metaphorical concepts as a basis for constructing images in political media discourse	565
<i>Shabalina V. Ya.</i> Cognitive-pragmatic parameters of scientific and methodological discourse	570
<i>Shaipova A. M., Tameryan T. Yu.</i> Semiosis of a language sign in news discourse . . .	575
<i>Shmelyova E. S.</i> Newspaper headline: linguistic creativity vs. informativity (based on 90-ies' English tabloid articles)	579
<i>Shutemova N. V.</i> Types of information in statements of outstanding universal value of world heritage sites	583
<i>Elston-Biron A. V., Panchenkova M. F.</i> Cognitive features of the discourse "Declaration of Love" (based on the works of A. P. Chekhov)	587
<i>Yurieva N. M.</i> A few touches to the construction of a hypothesis about the evolution of oral history in speech activity	592

XII. COGNITIVE STUDIES OF TEXT

<i>Alekseeva L. M., Mishlanova S. L.</i> Cognitive aspect of text comprehension in translation	596
<i>Alesenkova V. N.</i> The inner world concepts in the lyric dramas by A. Blok	600
<i>Atlas A. Z.</i> Verbal and visual codes as sources of meaning in a twice-told tale	605
<i>Badaeva N. V.</i> Concepts of German digital economic media	609
<i>Beloglazova E. V., Genidze N. K.</i> Discourse- and genre-related precedence in Rossica headings: A comparative corpus study	614
<i>Borisova E. G.</i> Cognitive model of perception of superphrasal relations (based on the properties of functional words)	617
<i>Breitling M. S., Timralieva Yu. G.</i> Peculiarities of metaphorical understanding of slavery in T. Morrison's novel "Beloved"	622
<i>Voronina L. V., Skokova T. N.</i> The object-subject duality of the conceptual whole	626
<i>Vychuzhanina A. Yu., Surmyatova Yu. V.</i> Cognitive study of linguistic and color features of J. Rowling's idiosyncrasy based on the novel "Harry Potter and the Philosopher's Stone"	630
<i>Glazyrin V. A.</i> Experience of poetic-ideographic analysis of O. E. Mandelstam's poem "Notre Dame"	636
<i>Danilenko I. A.</i> The national component and the author's vision within the nominative field of the literary concept WAR in Thomas Keneally's novel "The Daughters of Mars"	642
<i>Denisova N. V.</i> Cognitive and discursive dimensions of an art review versus an artist's statement	646
<i>Dimitrieva O. A.</i> Images and comparisons in the representation of the Bacchic man in the prose of A. P. Chekhov	651
<i>Drozdova T. V., Vishnyakova E. A.</i> Cognitive dissonant situations as a stimulus for creating a stylistic effect in a literary artistic text	655
<i>Dronova O. A.</i> Functions of the individual author's metaphor in Arno Geiger's novel "The Old King in His Exile"	660
<i>Efimenko T. N.</i> Conflict elimination in media text: cognitive aspect	665
<i>Жердева О. Н., Фролова О. В.</i> Репрезентация европейской и американской национальных картин мира в новелле Г. Джеймса «Европейцы» (на материале германских языков)	669
<i>Izmailyan D. B.</i> The representation of cognitive-ideological component in mass media texts	674
<i>Ilyina E. V.</i> Conceptualization of the image of Russia in L. N. Andersen poetry (based on individual works)	679
<i>Kashcheyeva A. V.</i> Multidimensional knowledge representation in the educational text	683
<i>Klimova T. A.</i> The role of images of light and shadow filtered through bilingual author's cognitive style: a look at Kazuo Ishiguro's "A Pale View of Hills"	688
<i>Klinovskaya A. A., Streltsova V. V.</i> Russia with the eyes of Germans (based on "Black and White Novel" by Marion Poschmann)	693

<i>Kozhukhova I. V., Koshkarova N. N.</i> Telegram channel of M. Zakharova: language features	698
<i>Komkova N. I.</i> The concept LOVE in the prose of B. V. Shergin: lexical means of representation	702
<i>Konnova M. N., Khorokhorina S. E.</i> Dynamic time metaphors in E. Dickinson’s poetry: An axiological perspective	706
<i>Kostrova O. A.</i> Conceptual shades of causality in German fictional and scientific texts	711
<i>Kucher V. V.</i> Colour in lingual representation of visual perception in the descriptive register of literary text	716
<i>Xu Lili.</i> Orientational metaphors in the classical text of Chinese philosophy “Da Xue”	721
<i>Makarova A. S.</i> Verbalization of the concept CROSS in the Orthodox media sermon	725
<i>Malyshchev D. A.</i> Biocognitive approach to analyzing characters in a fictional text	730
<i>Morina L. A.</i> Prototype and invariant in the concept of rhetorical text decoding	733
<i>Nilsen E. A.</i> Time metaphors in English travelogue	738
<i>Ogneva E. A.</i> Text cognitive code	742
<i>Petkau A. Yu., Yupeng U.</i> Portrait of the concept HEALTH in Chinese social advertising	747
<i>Pitolina N. V.</i> Time in fiction as a means of text interpretation	751
<i>Ptashkin A. S.</i> Evaluative dicteme and categories (based on the category DEVIATION in W. Gibson’s novel “Neuromancer”)	755
<i>Samarina A. G.</i> The conceptual and language interaction as the basis for effective communication (based on Russian advertisements)	760
<i>Solovieva Yu. O.</i> Types of precedent texts in a popular science book on law	764
<i>Stepanova A. N.</i> Paradoxical statements in poetic speech in the cognitive aspect (based on emotive vocabulary in Russian National Corpus)	769
<i>Sun Xiaoli.</i> The specificity of translation into Chinese of Russian reflexives built according to the model <ili kak> in the texts of F. M. Dostoevsky	774
<i>Tatarintsev N. S., Timralieva Yu. G.</i> Representation of space in C. Barker’s horror stories	779
<i>Tuguz T. R.</i> Spacenames as markers of literary space in the background terminal of the cognitive scene in G. James’s “The Bostonians”	783
<i>Turbina O. A.</i> Anthropological principles of conceptualization and categorization of the universe in the language	788
<i>Tsvetaeva E. N., Pankratieva E. S.</i> Phraseology of the topsy-turvy world in German folk visual art during early modern period	792
<i>Chemodurova Z. M.</i> Semantics and pragmatics of a chess game in fiction	797
<i>Chistyakova A. A.</i> Cognitive analysis of a rap text title (based on Kendrick Lamar’s “Purple Heart”)	802
<i>Shevchenko L. L.</i> Shakespearian code and its representation in Iris Murdoch’s novel “The Sacred and Profane Love Machine”	806
<i>Shchirova I. A.</i> On the issue of active principles of interpretation	811

IX. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ

Л. С. Абросимова, Е. А. Редкозубова
(Ростов-на-Дону, Россия)

Южный федеральный университет
lara.abrossimova@mail.ru; katedredkozubova@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Онтологический подход позволяет построить обобщенную когнитивную модель словообразовательной мотивации, отражающую объективные формы нового знания или реалий, требующих языкового именованя, структурные формы языковых единиц, принимающих участие в процессе словообразования, субъективный уровень (прагматический, личностный), семантический и дискурсивный уровни.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная модель, словообразованье, словообразовательная мотивация, пропозиция, производное слово.

Словообразование служит процессам номинации, т. е. наименованию объектов и явлений действительности и формированию соответствующих языковых единиц номинации разного уровневго статуса с целью их фиксации и использования в речи. При этом словообразовательные форманты способны кодировать определенную информацию. Следовательно, словообразование связано как с когнитивно-фреймовой структурой языка, так и с речемыслительной деятельностью человека.

Когнитивистика – это ветвь антропоцентрического направления в науке, включающего человеческий фактор в изучаемые процессы. Так как субъектом культуры в общем и словотворчества в частности является человек, мы всегда обращаемся к его духовной сфере, которая имеет свою природу, включает процессы познания и является богатым источником творческих новаций.

Когнитивная лингвистика изучает вопросы соотношения и взаимодействия сознания и языка, процессы концептуализации и категоризации мира при помощи языка. Таким образом, неизбежно, что исследования в рамках когнитивной лингвистики носят онтологический характер, поскольку онтология – учение о бытие, экзистенциях разного рода, наиболее общее описание

существующего универсума. Задача онтологического исследования – выявить те основания, по которым можно реконструировать глубинный бытийный уровень того или иного феномена.

Это можно сделать, по нашему мнению, только через изучение человека в культуре: «исследование концепций культуры в рамках когнитивной антропологии позволяет выявить особенности подхода к культуре как к когнитивной системе, а также зафиксировать переосмысление взаимообусловленности культуры и мышления человека. В то же время понимание культуры как когнитивной системы, которую члены общества используют в социальном взаимодействии, требует исследования знаковых систем» [Коваленко 2011]. Такая фиксация переосмысления происходящих изменений вокруг человека реализуется в производстве не только разных текстов, но и производных единиц – дериватов, которые, в свою очередь, являются продуктивным материалом при анализе культуры, истории, этноса. Так, например, мы обнаруживаем в языке новые производные, в которых ярко отражаются тенденции современности и, анализируя которые, возможно фиксировать, а, следовательно, и транслировать новые проявления социально-культурной жизни народа. Среди английских неологизмов последних лет мы обнаруживаем такие единицы, как *unretirement* (возврат пенсионеров на рабочие места), *anti-ambition* (нежелание стремиться к карьерному росту, возникло как результат пандемии, когда у людей появилась вынужденная возможность пересмотреть приоритеты и найти себя вне рабочего пространства), *stresslaxation* (ощущение тревожности при попытке расслабиться), *shrinkflation* (незаметное уменьшение количества продукта при сохранении цены); *permacrisis* (постоянный кризис, отражающий длительную нестабильность); *warm bank* (теплое общественное место, где можно согреться бесплатно тем, кто не может позволить себе оплату за отопление дома). В русском языке появились *антиваксер*, *тероборона*, *тайконавт* и др. Все вышеприведенные неологизмы дают ярко информацию о сегодняшних проблемах социально-экономического развития и доказывают то, что производное слово – результат категоризирующей мыслительной деятельности человека.

Интересно отметить, что большинство обнаруженных английских неологизмов являются блендами, что доказывает продуктивность данного способа словообразования в связи с его экономичностью и выразительностью. «Когнитивная релевантность контаминированных единиц связана с вынесением суждения о каком-либо предмете, объекте действительности, основанного на приписывании ему определенных признаков и свойств» [Абросимова 2012: 19–20]. По мнению Л. В. Бабиной: «Вторичная структура знания формируется на базе исходной за счет различного взаимодействия процессов вторичной концептуализации, вторичной категоризации, в том числе оценочной категоризации» [Бабина 2019: 5].

Когнитивная сущность словообразовательной мотивации заключается в единстве ее разнообразных и противоречивых форм: объективной, физической, субъективной, социальной, лингвистической. Для того чтобы выстроить стройную систему описания словообразовательной мотивации дериватов, важно рассматривать объективные формы существования нового знания или реалии, требующих своего наименования в языке, физические (структурные) формы всех языковых единиц, участвующих в процессе словотворчества, субъективный уровень (прагматический, личностный), семантический и дискурсивный уровни.

На объективном уровне словообразовательной мотивации в производном слове собраны данные о культурных условиях формирования производного слова или нового значения. Социально-культурная сфера включает в себя различные сферы жизнедеятельности человека (быт, промышленность, спорт, политику, экономику, науку и технику, искусство и др.).

На втором неязыковом уровне – субъективном (или интенциональном) – реализуются индивидуальные, соотносящиеся с прагматикой ономатурга (творца слова), намерения. Известно, что активное обогащение словаря происходит не только за счет развития разных общественных процессов, но и за счет индивидуальных авторских творений. Так, например, неологизм *metaverse* (метавселенная) представляет собой контаминированную единицу, образованную путем слияния компонента сложного слова (*combining form meta* и части *universe*). Исходно данное слово было окказионализмом Нила Стивенсона, автора научно-фантастического романа «Лавина», а сегодня данная лексема зарегистрирована в *Cambridge dictionary* со значением: *the internet considered as an imaginary area without limits where you can meet people in virtual reality (= images and sounds, produced by a computer, that seem to represent a real place or situation)*.

Следующий уровень – лингвистический, который можно разделить на структурный, семантический и дискурсивный. Структурный (физический) уровень производного слова реализуется в составе слова, его словообразовательной модели, структуре производящей основы и производного слова, словообразовательном форманте. Семантический уровень включает значение производного, то есть «лексический категориальный формат знания воспроизводит в языке структуру и содержание категорий естественных объектов, т. е. онтологическую модель категоризации мира, и потому может считаться аналоговым, или логическим» [Болдырев 2006: 21], общекатегориальные семы, частнокатегориальные семы словообразовательных формантов, концептуальный блендинг. Здесь основное внимание «уделяется глубинной, смысловой характеристике производного слова, отражающей предикатную ориентированность его структуры и сопровождаемой вычленением того

компонента пропозиции, который непосредственно используется для создания производного» [Янценецкая 2014: 167–168]. Комплексный анализ словообразовательной мотивации основывается на «пропозициональном подходе, дополненным ономастологическим анализом словообразовательной производности, что приводит к функциональному аспекту исследования, при котором создание номинативной единицы рассматривается как элемент коммуникативного акта» [Янценецкая 2014: 168].

Обобщенная модель словообразования создается через изучение конкретных фактов реальности, благодаря их общности и взаимодействию. В словообразовании находят отражение телесные, ментальные и национально-культурные основания человека. Говоря о когнитивном подходе к изучению различных явлений, мы не можем говорить только о моделях, формантах и структурах, полное описание невозможно в рамках только лингвистической науки. Производные слова представляют собой интеграцию ментальных и материальных форм. Требуется междисциплинарная методология, которая и реализуется в онтологических исследованиях.

Исследование когнитивных аспектов языка выходит за пределы одной науки, так как мы изучаем сейчас язык по-новому: не изолированно, а вместе с человеком. Теперь актуально понимание того, что наука – не есть зеркальное отражение мира, а является осознанной *интерпретацией* мира. Поэтому, исследования в области культурной и языковой семантики являются актуальными и востребованными не только современными филологами, но и философами, культурологами, антропологами и представителями других наук.

Литература

Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика, вып. 120. С. 18–22.

Бабина Л. В. Концептуальная деривация как процесс создания вторичных структур в языковой картине мира // Материалы Восьмой Международной научной конференции «Культура в зеркале языка и литературы». Тамбов, 13–14 ноября 2020 г. Издательство: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 14–22.

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Коваленко Е. М. Культура как когнитивная система // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-kognitivnaya-sistema>

Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 167–192.

L. S. Abrosimova, E. A. Redkozubova
(Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

COGNITIVE BASES OF WORD FORMATION MOTIVATION

The ontological approach makes it possible to build a generalized cognitive model of word-building motivation, including objective forms of a new reality or knowledge that require their name in the language, structural forms of all language units involved in the process of word formation, subjective level (intentional, pragmatic, personal), linguistic (semantic) and discursive levels.

Key words: cognitive linguistics, cognitive model, word formation, word formation motivation, proposition, derivative word.

Л. В. Бабина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН, ПОТЕНЦИАЛЬНО ДОПУСКАЮЩИХ ИХ КОНФЛИКТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ¹

В статье рассматривается конфликтогенный потенциал прецедентных имен русского языка. Выявляются языковые и когнитивные механизмы формирования смыслов прецедентных имен, потенциально допускающих их конфликтное восприятие.

Ключевые слова: прецедентные имена, конфликтогенный потенциал, языковые механизмы, когнитивные механизмы.

В современном обществе проблема языкового взаимодействия между участниками коммуникативных процессов, эффективность которого во многом обуславливается его бесконфликтностью, является чрезвычайно актуальной. Достижение эффективного языкового взаимодействия предполагает решение ряда задач, к числу которых относится выявление потенциально

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>.

конфликтных языковых средств, а также когнитивных и языковых механизмов формирования смыслов, потенциально допускающих их конфликтное восприятие [Болдырев 2022].

В статье предпринимается попытка рассмотреть конфликтогенный потенциал прецедентных имен (далее – ПИ) за счет выявления языковых и когнитивных механизмов формирования таких смыслов ПИ, которые потенциально допускают их конфликтное восприятие. При проведении исследования используются методы концептуально-дефиниционного и контекстуального анализа.

ПИ, как известно, актуализирует определенное знание о носителе имени, которое должно разделяться представителям какого-то социума, какой-то национальной культуры или разных культур, в связи с чем выделяют социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные имена. Следует отметить, что ПИ, имеющие для двух разных культур одинаковую форму выражения, могут обладать разным содержанием [Красных 2003: 178]. Знание, актуализируемое ПИ, носит многоаспектный характер и включает представления о внешности, чертах характера его носителя, ситуациях, с которыми он так или иначе связан. Зачастую те или иные внешние или внутренние качества носителя ПИ могут восприниматься как эталонные, с которыми осуществляется сравнение. Хотя ПИ способно вызывать как положительные, так и отрицательные ассоциации, поскольку человек существо противоречивое, чаще всего за отдельными ПИ закреплены ассоциации определенного рода – или положительные или отрицательные.

Как показывает анализ, апелляция к ПИ с отрицательной коннотацией при описании внешности, черт характера или поведения человека может его обидеть и даже вызвать конфликт между участниками коммуникации.

(1) – Шнель! – скомандовал офицер, и Евдокия вдруг как кошка подскочила к Пете-полицая и плюнула ему в лицо: – Тьфу! **Иуда!** Пошел к хвостам собачьим! ... – Ненормальная, – утерся Петя (Елена Родченкова. Ночные фиалки // «Ковчег», 2015) [НКРЯ].

В примере (1) используется ПИ *Иуда* с отрицательной коннотацией, обозначающее предателя, которое уже стало нарицательным и позволяет передать негативное отношение одного из участников коммуникации к другому.

(2) *Мощная личность, но ведь он маниакальный убийца! Всё, что сейчас происходит, показалось бы детским лепетом по сравнению с тем, что устроил бы этот **Карабас-Барабас**, будь он при власти!* ... (Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015) [НКРЯ].

В примере (2) имя сказочного персонажа *Карабас-Барабас* употребляется для обозначения злодея и также характеризуется отрицательной коннотацией.

ПИ, имеющие положительные коннотации, позволяют позитивно охарактеризовать человека. Например, имя французского актера Ален Делона, ставшее широко известным, способно актуализировать информацию о внешней привлекательности описываемого человека.

(3) *К тому моменту она уже знала, что царевич – простой шофер, с трудом закончивший школу. <... > Странно, конечно, что, имея довольно большой выбор, Катя остановилась на парне не своего круга, но, с другой стороны, может, он хорош собой, как молодой Ален Делон?»* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)) [НКРЯ].

Вместе с тем даже ПИ, актуализирующие знания о положительной характеристике человека, способны в некоторых контекстах передавать отрицательное отношение говорящего к участнику коммуникации, описываемому при помощи ПИ, а их употребление в прямой речи может привести к недопониманию и даже конфликту между участниками коммуникации. Нейтрализации положительной коннотации ПИ способствует их использование с определенными языковыми средствами, к числу которых можно отнести:

– выражения, передающие несоответствие тому качеству, которое обозначается ПИ. Например:

(4) *«А до меня начало наконец доходить. Никто не покупал старую мебель. Это вернулся драгоценный муженек Антонины, тот самый кобель, который едва не вогнал ее в продолжительную депрессию, обозвав синим чулком. Также мне Ален Делон, блин, членистоногий.»* (Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)) [НКРЯ].

В примере (4) с ПИ используется просторечное выражение *также мне* «кто-либо совсем не соответствует тому, на что претендует, чем занимается» [<https://phraseology.academic.ru>], передающее презрительное отношение персонажа к мужу подруги, которое поддерживается прилагательным *членистоногий* (обычно в нач. сущ. *членистоногие* «(зоол.) тип многоклеточных животных, тело которых разделено на отдельные сегменты, членики, с конечностями на каждом из сегментов, также состоящими из члеников (раки, пауки, насекомые и т. д.)» [<https://dic.academic.ru>]), употребляемым метафорически. Следует также отметить, что важно и интонационное оформление высказывания.

– слова, передающие несоответствие какому-либо качеству, к которому отсылает ПИ:

(5) *Посмотрю я на тебя, когда станешь бабушкой внука, у которого в отцах пять байкеров и два мотоцикла! – Ты не трогай мою дочь! И мотоциклы... Лучшие смотри за своими детьми, Менделеев недоделанный! У тебя их в два раза больше! А если они останутся без матери? – Их мать имеет*

голову на плечах, а у тебя там... (Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002)) [НКРЯ].

В примере (5) ПИ *Менделеев*, за которым стоит представление о выдающемся химике, используется с прилагательным *недоделанный* «не доведённый до совершенства; выполненный частично, неполностью» [<https://dic.academic.ru>]. Употребляя данные языковые средства, участница коммуникации стремится задеть свою подругу, работающую в лаборатории института неорганической химии и уделяющую работе много времени.

(6) *Да-а, Кондратьич, – осуждающе говорит Тюрин. – Плохой из тебя Кулибин! Сигнализация, сигнализация!.. А она не фурычит!.. – Почему не фурычит? – обижается Кондратьич. – Схема работает отлично. Только контакт иногда барахлит... Техника – упрямая вещь!..* (Леонид Филатов, И. Шевцов. Сукины дети (1992)) [НКРЯ].

В примере (6) использование ПИ *Кулибин*, актуализирующем знания о талантливом мастере-самоучке, совместно с прилагательным *плохой* «неудовлетворительный, не отвечающий предъявленным требованиям или ожиданиям, не такой, как следует» [<https://dic.academic.ru>], а также упоминание проблемы с сигнализацией обижает одного из участников коммуникации.

– конструкции, позволяющие передать отсутствие качества, ассоциируемого с носителем ПИ. Например:

(7) *И если так случится, что его прихватят, а нам удастся уйти, путь морем будет для нас закрыт. Его прижмут, и он все выложит, потому что он не Зоя Космодемьянская. Я не ставил это ему в вину, просто констатировал как факт. А случиться могло что угодно. Недаром на полях старинных русских лоций писали: «Там, где неизвестность, предполагай ужасы»* (Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)) [НКРЯ].

В примере (7) ПИ *Зоя Космодемьянская*, актуализирующее представления о стойкости характера, беззаветной любви и преданности Родине, употребляется в отрицательной конструкции, что позволяет передать отсутствие качеств, актуализируемых ПИ, у человека, о котором идет речь в предлагаемом отрывке.

Что касается когнитивных механизмов, определяющих формирование смыслов ПИ, то предполагаем, что к ним можно отнести когнитивные механизмы «резонанс» и «сравнение». Под механизмом «резонанс» вслед за Ф. Х. Руис де Мендоса понимается актуализация наиболее важных смыслов, необходимых для интерпретации языкового средства [Ruiz de Mendoza, Masegosa 2014: 183], которая предполагает высвечивание не только определенных знаний, стоящих за ПИ, но и связанных с ними выводных знаний. Так, в примере 4 актуализируется не только знание о привлекательной внешности, но и о том, что человек с такими внешними

данными многим нравится и может себе позволить определенное поведение. Когнитивный механизм «сравнение» подразумевает сопоставление характеристик концепта, передаваемого ПИ, и концепта, включающего знания о человеке, для характеристики которого привлекается ПИ. В данном случае происходит сравнение по контрасту, что позволяет передать ироничное отношение и способствует нейтрализации положительной коннотации ПИ.

Таким образом, конфликтогенным потенциалом могут обладать и ПИ с положительной коннотацией, функционирующие в контексте, нейтрализующем ее. Языковыми средствами, способствующими реализации конфликтогенного потенциала ПИ с положительной коннотацией, являются выражения и слова со значением несоответствия какому-либо качеству, передаваемому ПИ, конструкции, передающие отсутствие качества, ассоциируемого с носителем ПИ. Когнитивными механизмами реализации конфликтогенного потенциала ПИ с положительной коннотацией выступают механизмы «резонанс» и «сравнение по контрасту».

Литература

- Болдырев Н. Н.* Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4(51). С. 25–30.
- Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez F. J., Masegosa A. G.* Cognitive Modeling: A linguistic perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru>

L. V. Babina (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

MECHANISMS FOR THE FORMATION OF THE MEANINGS OF PRECEDENT NAMES, POTENTIALLY ALLOWING THEIR CONFLICT PERCEPTION

The article deals with the conflictogenic potential of Russian precedent names. The author reveals linguistic and cognitive mechanisms that are used to form the meanings of precedent names, potentially allowing their conflict perception.

Key words: precedent names, conflictogenic potential, language mechanisms, cognitive mechanisms.

Б. Б. Базарова (Улан-Удэ, Россия)
*Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
bbbazarova@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ЧЕЛОВЕК В НЕОЛОГИЗМАХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе предпринимается попытка рассмотреть новые слова в английском языке с позиции когнитивной неологии. Когнитивный подход может способствовать решению вопросов, связанных с механизмами появления новых наименований в языке, а также развитием новых значений у существующих единиц языка. Обращается внимание на концептуальную область ЧЕЛОВЕК.

Ключевые слова: концептуализация; неологизмы; словообразование; словообразовательные модели; английский язык.

Е. С. Кубрякова указывает на то, что данные неологии представляют следовательно бесценные сведения о технике осуществления актов семиозиса и словообразовательных актов в современных языках, о создании и выражении новых символов, о средствах и способах их «упаковки» в определенные языковые формы, и что благодаря этому мы можем получить представление о путях превращения концептуальных, ментальных структур нашего сознания в такие материальные сущности, как языковые знаки с их собственными телами (знаконосителями) и значениями, а, следовательно, о путях перехода указанных структур из сферы интериоризованного, внутреннего, ментального мира в сферу конвенциональных форм языка – сферу обозначения этих структур, их выражения средствами языка для передачи их другим людям [Кубрякова 2002].

Материалом рассмотрения в нашей работе послужили неологизмы, фиксируемые электронным ресурсом Word Spy (WS), который практически в режиме он-лайн «наблюдает» за появлением новых слов [<https://www.wordspy.com/>]. Очевидно, этот ресурс нельзя отнести к словарям неологизмов, но он, безусловно, полезен для носителей языка и для всех тех, кто специально интересуется пополнением словарного запаса английского языка, способами образования новых слов и под. Составители в своей работе пользуются материалами средств массовой информации, приводя контексты употребления слова, с пометами, указывающими на то, когда слово было впервые зафиксировано и т. д. Представляется, что WS можно использовать в курсе лексикологии, как с точки зрения динамики словарного состава, словообразовательного потенциала, так и с точки зрения структурно-семантических особенностей новых лексических единиц.

Работа с ресурсом возможна по алфавиту (By Alpha), по тэгу (By Tag), по дате (By Date), можно познакомиться с новым словом по случайной выборке (Random Word) или узнать самые популярные сто слов за последнюю неделю (Top 100), возможен также поиск по нескольким параметрам (Full Search). WS в целом представляет собой архитектуру по типу гиперо-гипонимических отношений. Здесь представлены в обобщенном виде следующие концептуальные области (зд. под тэгами): Business (бизнес), Computers (компьютеры), Culture (культура), Language (язык), Science (наука), Sociology (социология), Technology (технология), The World (мир). Далее, например, под тэгом business зафиксировано 16 наименований, computers – 17, culture – 31, language – 9, science – 8, sociology – 13, technology – 9, the world – 11. В свою очередь, концептуальная область Computers представлена 53 лексическими единицами и т. д. Беглое знакомство с представленными словами не позволяет сделать определенных статистических выводов о популярности слов и выражений в какой-то определенной концептуальной области. Тем не менее, приведем для наглядности примеры. Так, в разделе Business под категорией Advertising (реклама) мы насчитали 21 лексическую единицу. Computers – internet – 226. Culture – appearance (внешность) – 54. Language – buzzwords (модное слово, словечко) – 56. Science – environment (окружающая среда) – 133. Sociology – people (люди) – 472. Technology – devices (устройства, приборы) – 132. The world – crime (преступление) – 132.

Обратим внимание на категорию People, где, как отмечалось выше, зафиксировано свыше четырехсот лексических единиц. Перейдем к рассмотрению некоторых примеров, например, с компонентом *dog*.

n. dog that caught the car (1) – a person who has reached their goal but doesn't know what to do next (сущ. о человеке, достигшем определенной цели и теперь не знающем, чем заняться). Самое раннее употребление, зафиксированное в печати, датировано 1985 годом. Как мы видим, имеет место устойчивое выражение, что подтверждается приведением других вариантов этого выражения – *dog that caught the truck*, *dog that caught the bus*, согласно комментарию, выражение появилось из наблюдения за собаками, которые, как известно, любят гнаться за движущимся транспортом, что и послужило когнитивной основой для появления идиомы.

n. dog watching TV (2) – a person who is viewing or working with something without understanding what it is or what it does (сущ. о человеке, занимающемся чем-то, не понимая сути происходящего). Самое раннее упоминание относится к 1997 г. В данном примере когнитивной основой послужило также наблюдение за собаками, которые могут «смотреть» телевизор, но вряд ли можно приписать им осмысленный просмотр.

n. *dog whisperer* (3) – a person who has, or claims to have, a natural ability to relate to or connect with dogs (сущ. о человеке, у которого особо близкие отношения со своим псом). Самое раннее упоминание относится к 1998 г. В данном случае слово появилось по аналогии с *horse whisperer*, выражением, ставшим популярным после выхода в свет книги, а затем и фильма под этим названием. Видимо, могут встречаться также другие варианты слова, в зависимости от питомцев: *cat whisperer*; *bird whisperer*; *rat whisperer*; *mouse whisperer*; *elephant whisperer* и т. д., ряд можно продолжить.

n. *dog-collar worker* (4) – a priest or other member of the clergy who wears a Roman collar (сущ. о католических священниках, в связи с тем, что они носят одежду с жестким воротником, т. н. римский воротник). Самое раннее упоминание относится к 1994 г. Очевидно, слово появилось по аналогии с другими словами, обозначающими принадлежность к профессии – *white collar*; *blue collar* и под.

n. *dogochondriac* (5) – a person who is excessively preoccupied by their dog's health, or who tends to imagine ailments that the dog does not actually have (сущ. о мнительном человеке, который озабочен состоянием здоровья своего пса). Самое раннее упоминание относится к 2004 г. Очевидно, слово появилось по аналогии со словом *hypochondriac*.

С точки зрения соотношения структур знания и способов их отражения в языке, эти примеры иллюстрируют те когнитивные механизмы, которые задействованы в появлении неологизмов: эмпирический опыт человека, наблюдение, сравнение, инференция и ословливание результатов наблюдения по аналогии с существующими в языке моделями. По мнению Л. В. Бабиной, «производная лексика, таким образом, позволяет закрепить и вербализовать концептуальные объединения, появившиеся в актах познания и оценки мира и являющиеся результатом развития концептуальной системы человека, которая включает знания разного типа и характера» [Бабина 2009: 134].

Литература

Бабина Л. В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 128–149.

Заботкина В. И. К вопросу о когнитивной неологии. Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сборник в честь Е. С. Кубряковой. Москва: Языки славянских культур, 2009. С. 337–349.

Заботкина В. И., Рунова Н. В. Когнитивные механизмы образования новых метонимических значений (на примере новых существительных в английском языке) // Вестник Московского государственного университета. 2007. Вып. 532. С. 74–80.

Заботкина В. И. Слово и смысл. Москва: РГГУ, 2012.

Кубрякова Е. С. Неология: проблемы и перспективы // Проблемы английской неологии: материалы научной конференции (29 января 2002 г.) М.: МГЛУ, 2002. С. 5–11.

Word Spy. Word Lover's Guide to New Words. URL: <https://www.wordspy.com/>

V. B. Bazarova (*Ulan-Ude, Russia*)
Buryat State University

THE CONCEPTUAL FIELD MAN IN ENGLISH NEOLOGISMS

New words in English from the cognitive point of view are considered. Cognitive approach might be of help in neological studies. Fragments of the world conceptualized and verbalized in the form of new words are in the focus of the paper, the conceptual field MAN is used to illustrate it.

Key words: conceptualization; neologisms; word formation; derivational patterns; English.

G. V. Belikova (*Москва, Россия*)
*Московский педагогический
государственный университет*
gv.belikova@mpgu.su; galatin@yandex.ru

КОНКУРИРУЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Обсуждается вопрос антитетической схематизации явлений повседневной жизни как отражение взаимоисключающего понимания феноменов повседневности в процессе лингвосемизиса. В призме фреймовой семантики анализируются причины и механизмы формирования контрарной семантики языковых выражений, описывающих один и тот же факт опыта человека/общества. Исследовательский акцент делается на экспликации отношения зависимости значения языкового знака от соответствующих фреймовых структур знаний и, тем самым, представления индивидом кодируемого в языке феномена повседневности в качестве знаковой системы, обуславливающей социальное взаимодействие.

Ключевые слова: языковое значение, фрейм, альтернативная концептуализация, фреймовая семантика, схематизация.

Языковое значение в парадигме когнитивной семантики представляет, как известно, интегрированное знание, опосредованное соответствующими когнитивными структурами, обозначаемыми как фреймы (М. Минский, Ч. Филлмор), когнитивные области (Р. Лэнекер), ментальные пространства (Ж. Фоконье), когнитивные модели (Дж. Лакофф), когнитивные контексты (Н. Н. Болдырев), а также концепты, пропозиции, сценарии, гештальты. Существенная роль в формировании семантики номината принадлежит индивиду, истолковывающему различным образом концептуальное содержание феномена опыта. Поэтому можно констатировать определенный релятивизм значения языкового выражения относительно известных индивиду понятийных фреймов и в то же время специфики выделения индивидом элементов этих фреймов, т. е. фокусировки и заполнения их терминалов определенными значениями, передаваемыми соответствующими языковыми единицами и формами. Иными словами, в процессе концептуализации в языке одной и той же «сцены» [Филлмор 1983:111] и в зависимости от того, как индивиду *представляется* эта сцена, ее семантическая реальность может оказаться не просто неоднозначной, но кардинально противоположной той, что формируется другим интерпретатором этого же факта действительности. Этот семантический (и коммуникативный) казус – создание и использование конкурирующих значений номинатов одного и того же явления повседневности – можно, думается, объяснить тем, что при формировании значения языкового выражения, описывающего один и тот же феномен, у интерпретаторов релевантными оказываются различные элементы фреймовых структур знаний, стоящих «за» соответствующими языковыми единицами и формами (ср.: *un coup de grâce* – букв. «удар милости», в значении «отключение медицинских приборов, чтобы ускорить конец страдающего больного», и *meurtre, crime médical* – «убийство, медицинское преступление»).

Остановимся подробнее на одном факте контрарной схематизации события повседневности, в результате которой значение его номината активизирует взаимоисключающие смыслы, т. е. именно те альтернативные представления о явлении действительности, «упакованные» в значении соответствующего номината, которые заполняют сфокусированные терминалы фреймовой структуры знаний о нем. Пример интересен прежде всего тем, что данный языковой знак был «заимствован» из своего регулярного фрейма в качестве инструмента образной схематизации другого феномена повседневности, категориально отличного от прямономинативного денотата первичной концептуализации. Речь идет о ставшем каноническим выражении *verre à moitié plein ou à moitié vide* (букв. «стакан наполовину полон или наполовину пуст», в значении об оптимистах и пессимистах), демонстрирующем не только диаметрально противоположную схематизацию

предмета созерцания, но и недостаточность языковой информации для понимания смысла выражения, а значит, необходимость предварительного знания определенной понятийной структуры, «предусмотренной» вне всякого контекста для адекватного понимания смыслового содержания данного языкового знака. Действительно, прямая референция, собственно то, о чем идет речь в данном выражении, определена функционированием пропозиции: в стакане содержится определенное количество жидкости, которая занимает половину его объема. При этом предикаты *наполовину полон/пуст* означают, в первом случае, заполненность (т. е. наличие жидкости) сосуда наполовину, во втором – его пустое (т. е. отсутствие жидкости), незаполненное пространство. Очевидно, что эти регулярные фреймы интерпретации, активируемые связанными с ними лексемами (*стакан, полон, наполовину, пуст* и т. д.), обуславливают лексико-грамматическое значение данного языкового выражения, но не его общеизвестное смысловое содержание – оптимистичное или пессимистичное отношение к действительности и, таким образом, перифрастичное наименование оптимиста или пессимиста в зависимости от того, как представляется человеку стакан с его содержимым.

Переносное значение данного аналитического номината отсылает к другой реальности, референция к которой опосредована категориально иной фреймовой структурой знаний с концептуальным основанием «оптимист» и «пессимист». Можно полагать, что такое референциальное «переориентирование» языкового знака происходит в результате вторичной схематизации объекта «сосуд с жидкостью», сущность которой (в параметрах кантовского «схематизма» [Кант 2015]) можно представить следующим образом: в процессе подведения этого «предмета созерцания» под понятия «оптимист/пессимист» данные понятия получают гомогенную объекту *предметность* содержания посредством образа, вызывающего вербальные ассоциации «стакан наполовину полон/стакан наполовину пуст». Сложно достоверно определить, почему именно этот образ оказался центральным в возможном поле ассоциаций, активируемых номинатами «оптимист/пессимист». Можно, тем не менее, предположить, что языковые знаки *verre à moitié plein/à moitié vide* были изначально «заимствованы» из популярного математического анекдота (собственно математического фрейма) о неизменном объеме наполовину полной/пустой бутылки [The Mathematics Teacher 1927: 346], хронологически чуть позже отмечаем первое, по-видимому, символическое толкование данных языковых выражений, где наполовину пустая бутылка символизирует «вечно оплакивающих свои потери», а наполовину полная – «придворных Непобедимых» [The linguistlist bulletinboard 1933: 14], а также их метафорическое использование в качестве *фигурального* обозначения непосредственно понятий «пессимист/оптимистом» [Wells 1935: 20].

В дальнейшем выражения *verre à moitié plein/ à moitié vide* полностью «присваиваются» суперфреймом «психология личности» с его субфреймами «оптимист» и «пессимист», т. е. данные языковые знаки интерпретируются в категориях «принимающего» фрейма и функционируют как лексические представители этой «психологической» (а не математической) категории мышления человека.

В заключение необходимо отметить, что лингвистическая вариативность при овнешнении акта схематизации эмпирического феномена – явление вполне закономерное, при условии, что язык располагает необходимым для такой концептуализации инструментарием. Однако, понимание причин и механизмов формирования не только синонимичных, но и конкурирующих значений языковых знаков требует осознания специфики отношения между явлением повседневности и его лингвистическим представлением, т. е. между понятийными структурами и кодируемыми в языке смыслами. Установление и экспликация непосредственной связи между фреймами и значениями языковых единиц проясняет логику формирования альтернативных значений не просто как акта различной схематизации фрагмента окружающей реальности, но и его взаимоисключающего понимания, что свидетельствует об онтологической значимости языковых значений как способов социального взаимодействия.

Литература

Кант И. Критика чистого разума. URL: <https://studfile.net/preview/1868081/page:34/>

Лэнекер Р. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3 (009). С. 15–27.

Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.

Филлмор Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. Вып. 12. Прикладная лингвистика. С. 74–122.

Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

Wells Gabriel. To the Editor of The New York Times. New York Times, 13 November 1935, pg. 20. URL: <https://listserv.linguistlist.org/pipermail/ads-l/2004-December/044115.html>

The linguistlist bulletinboard. Los Angeles Times, Feb 26, 1933, p. 14. URL: <https://english.stackexchange.com/questions/419132/origin-of-the-expression-glass-half-full-or-half-empty>

The Mathematics Teacher, Electronic journal. Volume 20, 1927. URL: <https://english.stackexchange.com/questions/419132/origin-of-the-expression-glass-half-full-or-half-empty>

G. V. Belikova (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University

COMPETING MEANINGS AS A REFLECTION OF ALTERNATIVE CONCEPTUALIZATION OF EVERYDAY LIFE IN FRENCH

The article discusses the problem of antithetical schematization of everyday life phenomena as a reflection of the mutually exclusive understanding of everyday phenomena in the process of linguosemiosis. In the prism of frame semantics, the causes and mechanisms of the formation of contrarian semantics of language expressions describing the same fact of human/society experience are analyzed. The research emphasis is on explication of the relation of the dependence of the meaning of a linguistic sign on the corresponding frame structures of knowledge and, thus, the individual's representation of the phenomenon of everyday life encoded in the language as a sign system that determines social interaction.

Key words: linguistic meaning, frame, alternative conceptualization, frame semantics, schematization.

С. Ю. Богданова (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет
rusjap@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ С ПОМОЩЬЮ КОМБИНАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена проблеме репрезентации автором художественного произведения динамической ситуации с помощью «опор» в виде комбинаций пространственных лексических единиц для того, чтобы облегчить читателю процесс конструирования соответствующего образа в виде ментального пространства.

Ключевые слова: концептуализация, пространственные лексические единицы, образность, ментальное пространство, фрейм, динамическая ситуация.

Образность как особый способ концептуализации действительности все чаще становится предметом обсуждения в лингвистических работах [Гольдберг 2013; Федяева 2022; Бабина 2022 и др.]. Хотя такой способ применим в различных сферах, в большей степени он характерен для жанра художественной литературы, где автор предлагает читателю ряд своего

рода опор для построения желаемого образа. В процессе декодирования информации интерпретирующее восприятие читателя [Беляевская 2016: 15] является индивидуальным и в достаточной степени субъективным, так как оно основывается не только на разделяемых членами социума, но и на собственных фреймах, сформировавшихся в результате когнитивной деятельности. Благодаря опорам, предложенным автором художественного произведения, в режиме реального времени читатель конструирует ментальные пространства. По словам О.К. Ирисхановой, «язык располагает особыми средствами создания и построения ментальных пространств: обстоятельствами времени и места, грамматическими формами глагола, вводными словами, условными частицами, вопросительными конструкциями и т. д.» [Ирисханова, 2001: 45].

Если речь идет о динамической ситуации, в которой происходит изменение расположения одного или нескольких персонажей и производятся определенные действия, или о ситуации моральных «метаний» героя произведения, автор прибегает к употреблению таких «особых средств» как лексические единицы (в том числе аналитические), содержащие в своей семантике тот или иной пространственный компонент. Особенный интерес в этом плане представляет комбинация таких лексических единиц, которая может складываться спонтанно, либо использоваться в готовом виде (коллокации, сложные наречия и сложные адвербиальные послелогов в английском языке).

Для ограничения материала исследования внимание здесь будет сосредоточено на комбинациях пространственных лексических единиц, использующихся в репрезентации динамических ситуаций, которые происходят как в окружающем мире, так и ментальной сфере. Как правило, динамическая ситуация представлена в художественной литературе как наблюдаемая, с описанием действующих лиц, их расположения относительно точки отсчета и направления их перемещений, происходящих по их воле или инициированных другим участником.

В качестве примера языковой репрезентации динамической ситуации можно привести следующее предложение (1).

(1) *She **threw** a suspicious glance at him and **walked away down** the street with a **rapid** step, **turning** her head **back over** her shoulder **from time to time*** (A. Christie).

В этом предложении есть глаголы направленного действия (throw, turn), движения (walk), пространственные наречия (away, back), предлоги (down, over), а также устойчивое выражение from time to time, обозначающее неоднократность действия, и прилагательное rapid «быстрый» в словосочетании rapid step «быстрым шагом». Обращает на себя внимание в данном контексте

глагол *throw* с пространственным семантическим компонентом, употребленный в значении «бросить взгляд». Вероятно, автор использовал именно этот способ передачи смысла с целью «поддержать» динамическую ситуацию. Концептуальные структуры, актуализированные в (1), представляют собой фреймы, взаимодействующие друг с другом при создании образа динамической ситуации. Фраза *turning her head back over her shoulder* представляет собой преднамеренно использованный прием языковой избыточности, так как повернуть голову назад можно только через плечо, и необходимости добавления части фразы *over her shoulder* для передачи базового смысла не было. Однако, если речь идет о конструировании читателем ментального пространства, увеличение количества «опор» вполне оправдано.

Подобный пример использования глагола с пространственным семантическим компонентом для передачи зрительной активности в динамически насыщенном контексте представлен во фрагменте (2). То, что это действие является наблюдаемым, заявлено в самом начале (*He saw*).

(2) *He saw her eyes **fall upon** Bentley in the car park **above** her. He **got out, pulled on his overcoat, and walked down to** the landing* (E. George).

Наряду с фразовыми глаголами с пространственно-направительными послелогоми *got out, pulled on, walked down*, обозначающими действия персонажа, для описания изменения направления взгляда использован глагол движения *fall*. Несмотря на то, что глаголы зрения (*look, peer, glance* и др.) также содержат в семантике указание на направленность действия, использование глагола *fall* способствует усилению данного образа и действительно лучше подходит в качестве «опоры» для конструирования ментального пространства, связанного с динамической ситуацией.

В примере (3) представлена динамическая ситуация укачивания младенца, причем описываются непосредственно наблюдаемые движения в эгоцентрическом контексте.

(3) *I **pick her up and walk her back and forth, and jiggle her gently up and down, until she settles again*** (M. Frain).

Ряд пространственных лексических единиц (*up, back and forth, up and down*, глаголы действия с пространственным компонентом *pick* и *jiggle*, глагол движения *walk*) призваны конструировать ментальное пространство, связанное с динамической ситуацией, в виде сложного сценария, репрезентирующего процедуру укачивания, которая может быть представлена как попеременное движение в разных направлениях.

Для репрезентации данного типа движения используются сложные наречия *back and forth* и *up and down*, в которых наречия, обозначающие оппозитивные пространственные отношения в пространственных измерениях «горизонталь» и «вертикаль», образовали новые лексические единицы,

зафиксированные в словарях и приобретшие значение «туда-сюда». При этом наречие *back and forth* может обозначать направление попеременного движения в любом измерении, включая вертикальное, а наречие *up and down*, как правило, предполагает движение в вертикальной плоскости. В то же время следует отметить, что комбинация предлогов *up and down* может быть использована для репрезентации движения как в вертикальной плоскости (4), так и в горизонтальной (5).

(4) *Her own voice followed her **up and down** the staircase, through the kitchen and parlor* (Ph. Michaels).

(5) *When asked about it by Francesca Gerrard, she had smiled **up and down** the length of the dining table* (E. George).

Следует отметить, что сложные наречия *back and forth* и *up and down* сближаются по значению с наречием *to and fro* и отличаются устойчивым порядком элементов в комбинациях, в отличие от комбинаций *in and out* и особенно *off and on* (*on and off*). Как правило, такие сложные наречия употребляются для обозначения направления неоднократного попеременного движения или действия, однако комбинации этих наречий могут быть использованы для указания на однократное изменение направления на противоположное. В таком случае порядок следования наречий в комбинации может быть другим (*down and up*), обозначая реальное направление движения автомобиля сначала вниз, а затем вверх (6). То же самое происходит с порядком слов (*out and in*) в примере (7), где сначала персонаж слышит выдох, а затем вдох.

(6) *The car's long prow dips into the last tunnel. **In and out, down and up*** (D. Lodge).

(7) *She imagined she could only hear him breathe, slowly **out and in*** (R. Bradbury).

Нарушение устойчивой последовательности наречий в комбинациях, бесспорно, должно привлекать внимание читателя и побуждать его к конструированию нового ментального пространства, а не воспроизведению готовых фреймов, репрезентируемых сложными наречиями *up and down* и *in and out*.

Подобные комбинации пространственных лексических единиц продолжают формироваться, приобретая некоторую устойчивость как коллокации, хотя пока они не зафиксированы в словарях. Так, можно отметить комбинацию наречий *off and away*, обозначающую важное пространственное измерение, не имеющее однословного выражения. Первое наречие *off* представляет измерение «контакт», а именно, направление от поверхности, а второе наречие *away* обозначает направление удаления вплоть до полного исчезновения. В примере (8) представлена динамическая ситуация, относящаяся к ментальной сфере, где женщина, вынужденная после развода отдавать

ребенка отцу на определенное судом время, представляет, как ребенок будет от нее отдаляться.

(8) *He would become a boy who no longer saw his mother every day, and he would scuttle a little and float off and away like paper carried by wind* (L. Moore).

В качестве опор для построения читателем ментального пространства автор выбирает глагол движения *scuttle* и фразовый глагол движения *float off and away*. В предложении есть также сравнение воображаемого действия с уносимой ветром бумагой. Особенно обращает на себя внимание выбор глагола *scuttle* в данном контексте. Согласно словарю, обычно в значении «поспешно бежать маленькими шагами, удирать» он употребляется с послелогами *away* и *off* [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/scuttle>], которые в комбинации использованы в качестве сложного послелога глагола *float*, расположенного в тексте после глагола *scuttle*. Очевидно, что именно пространственное измерение, обозначаемое комбинацией наречий *away and off*, является основой для создания нужного образа.

В тексте художественного произведения уделяется большое внимание созданию ментальных пространств, поскольку образы, которые хочет создать автор, должны быть «вызваны» в сознании читателя путем конструирования на основе имеющихся у него фреймов и сценариев. Чтобы читатель мог сконструировать нужный образ, автор задает некоторые опоры в виде тщательно подобранных слов в каждом предложении текста. Комбинации лексических единиц с пространственным значением позволяют автору репрезентировать динамическую ситуацию в тексте произведения и подсказать читателю, каким образом она была концептуализирована.

Литература

Бабина Л. В. Модели интерпретации двухкомпонентных синтаксических сложных флоронимов // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (51). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 80–84.

Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 13 (752). С. 9–17.

Гольдберг В. Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 64–75.

Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 3. С. 44–49.

Федяева Е. В. Образность как способ концептуализации и основание языковой интерпретации действительности // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (51). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 178–182.

*S. Yu. Bogdanova (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University*

**CONCEPTUALIZATION OF A DYNAMIC SITUATION
BY MEANS OF A COMBINATION
OF SPATIAL LEXICAL ITEMS**

The article discusses the writer's representation of dynamic situations with the help of so-called 'supports' such as combinations of spatial lexical items, in order to make it easier for the reader to build up the corresponding image in the form of a mental space.

Key words: conceptualization, spatial lexical items, imagery, mental space, frame, dynamic situation.

*A. Н. Бузаков (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
anb_tms@mail.ru*

**ПРОСТРАНСТВО КАК СПОСОБ ВТОРИЧНОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА В ЯЗЫКЕ¹**

В статье рассматривается развитие понятия «пространство» из онтологического в гносеологическое в философии и языкознании. Выявляются характеристики пространства как гносеологического понятия и анализируется их роль в процессе вторичной языковой интерпретации мира.

Ключевые слова: пространство, гносеология, характеристики пространства, когнитивные модели, первичная интерпретация, вторичная интерпретация.

В истории философии понятие пространства прошло определенный путь в своем развитии: от категории онтологии, физического мира – до категории познания. В первом случае пространству приписывались такие фундаментальные свойства материальных объектов, как *протяженность, ограниченность, вместимость* [Фролов 1989: 78].

Пытаясь решить физическую, по сути, задачу о месте гравитации в представлении о пространстве, сформулированном на тот момент в двух концепциях – И. Ньютона и Г. Лейбница, И. Кант поднимает проблему *соотношения объективного, чувственного и математического* в описании мира.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта РФФ, проект № 20-18-00372.

В итоге, в своей трансцендентальной теории И. Кант ставит под сомнение онтологическую объективность воспринимаемого мира, отмечая *ограниченность чувственного, эмпирического познания*. В результате он приходит к выводу о том, что переход от чувственного восприятия окружающего мира к формированию понятий о нем должны обеспечивать определенные базовые формы познания, к которым он относит *пространство* и *время*, см.: [Асмус 1973: 188–198; Ойзерман 2009]. Другими словами, И. Кант предложил рассматривать пространство не только как свойство материи, но и как гносеологическую категорию.

Значительный вклад в проблему понимания пространства как формы познания внесли исследования в области языкознания. В рамках концепции В. Фон Гумбольдта «язык – дух народа» к концу XIX века под влиянием многочисленных исследований языков народов Африки, Америки и Азии сформировалось общепринятое в языкознании представление о том, что мышление человека и формы познания определяются *символами*, прототипами которых выступают элементы системы языка. В частности, проблемам символических систем сознания, процессам их формирования, их функциям в мышлении и соотношению с языком посвящены работы А. Бергсона, Э. Кассирера. На основе исследований в области этнолингвистики и психологии они приходят к выводу, что в языке, следовательно, в мышлении, средства именованного пространства и пространственных отношений выполняют функцию *априорной схемы познания*, лишь через соотнесение с которой *все* интеллектуальные представления становятся чувственно выразимыми и постигаемыми [Бергсон 1992: 94; Кассирер 2002: 133]. А. Бергсон описал пространство через понятия *количества* и *однородности*, позволяющие сознанию *дифференцировать* и *одновременно* воспринимать объекты самой различной природы: от предметов реальности до абстрактных сущностей и состояний сознания [Бергсон 1992: 89–93].

Л. Витгенштейн с помощью инструментов логики попытался решить проблему ограниченности возможных высказываний в языке, описав вторичную по отношению к языку символическую систему – «Логическое пространство» – как некую модель языка [Витгенштейн 2017: 32–42]. В описываемой модели наглядно показана значимость взаимного расположения символов, т. е. *синтаксиса* [Витгенштейн 2017: 52, 54].

Таким образом, в гуманитарных науках в начале XX века сформировалось представление о языке как символической системе, созданной *на основе пространственных категорий*, которые разум выстраивает по типу познаваемой структуры реального мира. Дальнейшее исследование символических систем и попытки их моделирования сыграли ведущую роль в науках о языке. В качестве примеров можно привести уровневое представление

языка, теорию оппозиций, теорию полей в языке. В когнитивной лингвистике идея, что знания организованы с помощью определённых сложных структур – *когнитивных моделей*, продолжает развиваться и объединяет многие теории: теорию фреймовой семантики Ч. Филлмора, теорию концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теорию ментальных пространств Ж. Фоконье, теорию прототипов и категорий базового уровня Э. Рош, когнитивную грамматику Р. Лэнекера (см.: [Болдырев 2018: 183]).

Опираясь на описанные выше исследования и теории, можно выделить следующие *характеристики пространства как гносеологического концепта*, участвующего в языковой интерпретации знаний о мире:

1) **Дискретность.** Пространство объединяет определенные объекты и потому может быть поделено на отрезки, т. е. является *измеряемым*.

2) **Одновременность существования объектов.** Объекты различимы между собой и воспринимаемы только по той причине, что возможно их *одновременное существование для субъекта*. Объекты в пространстве занимают принципиально разное положение, что в случае их полной идентичности является их различительным свойством.

3) **Тождественность объектов.** Объекты, составляющие пространство должны обладать *общими* определяющими пространство *атрибутами*, своего рода измерениями. Например, все объекты реального мира обладают тремя привычными для восприятия пространственными измерениями, которые определяют их *протяженность*.

4) **Тип пространства определяется атрибутами входящих в него объектов.** Типы ментальных пространств могут быть различными в зависимости от типов формирующих пространство объектов и их атрибутов, но они всегда ограничены пространственными представлениями: могут быть бесконечными или иметь границы, иметь различное число измерений (прямая, плоскость, трёхмерное пространство) или представлять вместилище абстрактных объектов (без привычных измерений, но с пространственной структурой и обязательным набором атрибутов включаемых в них объектов).

5) **Пространственные характеристики объектов.** Помимо атрибутов, обеспечивающих входение в тот или иной тип пространства, объекты обладают пространственными характеристиками *внутри самого пространства*, такими как *положение* относительно других объектов, субъекта или точки фокуса, *размер (или количество)*, *движение*.

6) **Эгоцентризм.** Пространство в сознании структурируется с учётом субъекта, фокуса его внимания или места действия, т. е. формируется вокруг субъекта или без него [Болдырев 2000: 213; Безукладова 2011: 158].

Отметим, что выделенные характеристики не учитывают законы физики, следовательно, свойства физической материи. Для пространства как

гносеологической категории скорее подходит определение из области математики, чем философии: *пространство – логически мыслимая форма или структура, определяемая аксиоматикой свойств её элементов* [МЭ: 712], что не удивительно, так как у разных типов ментальных пространств одна природа – сознание. Построение разного рода ментальных пространств и оперирование ими – *когнитивные процессы*, необходимые, во-первых, для определения и разграничения объектов внутри пространства; во-вторых, для селекции объектов согласно общим свойствам и для объединения их в классы и категории; в-третьих, для построения системы их взаимного расположения (структуры пространства); в-четвёртых, для оперирования объектами внутри системы: *размещение* (во времени или пространстве), *изменение размера, соединение, разделение, движение* и др.

В широком смысле пространственные характеристики, как априорные формы познания в представлении И. Канта, в контексте символического мышления создают основу для механизмов получения и формирования знания [Бергсон 1992: 105; Кассирер 2002: 135], процессов *концептуализации* и *категоризации* [Болдырев 2018: 48]), выступают средством схематизации новой информации и опыта, обеспечивают *структурирование когнитивной системы* и картины мира в сознании человека [Там же: 252–253]. Данные процессы, согласно Н. Н. Болдыреву, стоит понимать как *первичную языковую интерпретацию мира* [Там же: 259]. В узком смысле – в основе процессов переработки индивидуальным сознанием имеющегося коллективного и субъективного знания и формирования нового индивидуального знания с опорой на существующие схемы (фреймы, сценарии, когнитивные модели) – в основе *вторичной языковой интерпретации знаний о мире* [Там же: 260].

Иллюстрацией двух типов языковой интерпретации на основе выделенных пространственных характеристик может служить глагольная репрезентация способов пространственной локализации объектов. Так, в функции первичной языковой интерпретации пространственной локализации объектов выступают позиционные глаголы в своей исходной семантике: *сидеть, лежать, стоять*, нем. *sitzen, liegen, stehen* и др. Вторичная языковая интерпретация локализации объектов может осуществляться с помощью тех же глаголов в метафорической функции, например: *сидеть в мозгу, лежать на поверхности, стоять над кем-либо*; нем. *der Anzug sitzt gut, die Fenster liegen nach Süden, Tränen stehen in den Augen, letzte Hand ans Werk legen, die Spannung hing im Zimmer*; а также глаголов других семантических групп в соответствующих контекстах: *держат деньги в банке, вертится в голове, дышать в спину*; нем. *im Kopf halten, völlig aus dem Gedächtnis schwinden, einen Platz in dem Zug nehmen, einen künftigen Maller in dem Schüller sehen, die Straße zieht sich durch den Ort*. В последнем случае позиционное осмыс-

ление глаголов других семантических групп обеспечивается изменением области определения на концептуальном уровне и сочетаемости – на языковом.

Таким образом, появление гносеологического понятия пространства в процессе исторического развития соответствующей философской категории и лингвистического понятия создало основу для языковой интерпретации мира (первичная языковая интерпретация) и знаний о мире (вторичная языковая интерпретация).

Литература

Асмус В. Ф. Иммануил И. Кант. М.: Наука, 1973.

Безукладова И. Ю. Категоризация индивидуального пространства как способ структурирования окружающего мира // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. № 7(99). С. 153–159.

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // *А. Бергсон* Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.

Болдырев Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–216.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон, 2017.

Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

МЭ – Математическая энциклопедия. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1984.

Ойзерман Т. И. Кантовская концепция пространства и времени // И. Кантовский сборник. 2009. № 1(29). С. 7–19.

Фролов И. Т. Введение в философию. Том 2. М.: Издательство политической литературы, 1989.

A. N. Bugakov (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

SPACE AS A MEANS OF SECONDARY LANGUAGE INTERPRETATION OF THE WORLD

The article considers the development of the concept of space from ontological to gnosological one in philosophy and linguistics. The author analyzes the role of characteristics of space as a gnosological concept in the secondary language interpretation of the world.

Key words: space, gnosology, characteristics of space, cognitive models, primary interpretation, secondary interpretation.

А. В. Верецагина (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет
linaanghelina@mail.ru*

ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ» В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

В данном исследовании осуществляется сравнительный анализ древнегреческой и новогреческой языковой картины мира, а также языковых картин мира различных греческих авторов. Материалом статьи стали греческие слова, относящиеся к обозначениям такого ключевого понятия языковой картины мира как «любовь» в диахронии. Отмечаются определенные сдвиги в обозначении данного понятия в греческом языке.

Ключевые слова: языковая картина мира, любовь, древнегреческий язык, новогреческий язык, диахрония.

«Любовь» относится к ключевым понятиям языковой картины мира и анализируется в трудах многих ученых [Карасик 2004; Степанов 2004; Вендина 2005; Воркачев 2007; Макшанцева 2008; Бахар 2009; Покручина 2017; Полетаева 2018; Чанг 2019], часто в сравнительном ключе. Следует отметить работы, исследующие также непосредственно обозначение понятия «любовь» на материале греческого языка [Онианс 1999; Лосев 1993; Чаньшев 1990; Шестаков 1999; Апресян 2012]. В настоящей статье мы рассматриваем в сравнительном аспекте греческую лексику, связанную с обозначением понятия «любовь» в диахронии, а также у различных древнегреческих авторов, в том числе исследуется ее деривационный потенциал. Материалом данного исследования являются данные основных словарей греческого языка и отдельных авторов [Дворецкий 1958; Хориков, Малев 1993].

I. В древнегреческом языке выделяются следующие основные лексемы, обозначающие понятие «любовь»: ἔρως, φιλία, στυγὴ, ἀγάπη.

Во-первых, наибольшим деривационным потенциалом по данным словаря в древнегреческом языке обладает лексема φιλία, зафиксированная у авторов V в. до н. э. как «любовь/привязанность» (Ксенофонт), «дружба» (Ксенофонт, Фукидид), «стремление/жажда» (Платон), «предмет любви» (Еврипид). Глагол же φιλέω, который имеет значения «любить; относиться дружески; целовать; радушно принимать; иметь обыкновение, склонность», встречается уже у Гомера в трех значениях из пяти. В целом зафиксировано около 600 производных от корня φιλ-, не считая имен собственных. Среди них более 180 существительных, причем более 160 сложные – φιλαθροπλία «человеколюбие, человечность; благосклонность, снисходительность» (Ксенофонт, Платон, Демосфен и др.), φιλαεχθημοσύνη «враждебность, недоброжелательность» (Исократ, Демосфен), φιλαργυρία «сребролюбие»

(Полибий, Плутарх и др.), встречаются и с приставками (10). Зафиксировано около 290 прилагательных, в том числе сложные (около 280) – φίλαγρος «любящий деревню, сельскую жизнь» (Лукиан), φιλαπολίτης «любящий своих сограждан» (Плутарх), φιλάγαθος «любящий добро, добродетель или доброту» (Аристотель, Плутарх), в том числе и с приставками (7). В древнегреческом языке выделяются также 57 глаголов, среди которых 54 – сложные (φιλανθρωπεύομαι «быть человеколюбивым, обращаться гуманно» (Демосфен) или «встречать человеческое отношение к себе» (Диодор), φιλεργέω «быть деятельным, трудолюбивым» (Плутарх), φιληκοέω «охотно или со вниманием слушать» (Полибий)), в том числе 14 с приставками. Кроме того, отмечаются 29 наречий (φιλέχθρος «враждебно, неприязненно (Диоген Лаэртский), φιλικῶς «дружественно, по-дружески» (Ксенофонт, Аристотель)), среди которых 24 сложные, в том числе 4 с приставками.

На втором месте по количеству однокоренных слов находится древнегреческая лексема ἔρως «любовь, преимущественно страсть (Аристотель, Софокл, Еврипид, Ксенофонт); страстное желание, горячее стремление (Эсхил, Платон, Геродот, Фукидид, Аристофан); предмет любви, любовь (Пиндар); наслаждение, радость (Софокл)». Можно выделить 50 однокоренных слов в древнегреческом языке, не считая имен собственных. Среди них зафиксировано 23 прилагательных, 11 из которых сложные (ἐρασίμολος «песнелюбивая» (Пиндар), ἐρασιχρήματος «сребролюбивый» (Ксенофонт)), 16 существительных 6 из которых сложные, например, ἐρωτομανία «безумная любовь», 8 глаголов, 3 из которых сложные (ἐρωτομανέω «быть безумным от любви» (Палатинская Антология), παιδεραστέω «любить мальчиков» (Платон, Лукиан, Плутарх)), 3 наречия (ἐρωτικῶς «любовно, влюблено» (Платон, Плутарх)).

На третье место по количеству однокоренных слов можно поставить ἀγάλη «любовь», которое появляется в Новом Завете и относится к христианству. Зафиксировано не менее 17 однокоренных лексем – 4 существительных, 4 прилагательных, 7 глаголов (4 из них с приставкой), 1 наречие, не считая имен собственных, например, ἀγάλησις «любовь, влечение» (Платон, Аристотель, Плутарх), ἀγάλητικός «склонный к любви, любящий» (Плутарх), ἀγαπητός «любимый; приятный; любезный; удовлетворительный», ἀγαπητῶς «охотно, с радостью; достаточно».

В-четвертых, наименьшим деривационным потенциалом обладает сторγή «любовь» (γονέων πρὸς τέκνα (Аристотель) и πρὸς ἕκτονα (Плутарх) «родителей к детям»). Выявлено более 10 лексем, не считая имен собственных, – например, στέρηψα «любовные чары» (Софокл), στέρηψρον «любовь» (Эсхил, Еврипид). Следует отметить, что 6 из них сложные, например, φιλοστοργέω «нежно любить» (Платон, Диодор, Полибий), φιλοστοργία и φιλόστοργον

«нежная любовь, горячая привязанность (Плутарх, Диодор, Полибий), φίλόστωργος «нежно любящий, горячо привязанный» (Феокрит, Плутарх) и ἀφίλόστωργος «чуждый любви, бессердечный» (Плутарх), φίλοστόργος (Платон, Аристотель).

II. Перейдем к анализу новогреческих лексем. Во-первых, в новогреческом языке в целом зафиксировано более 300 производных от корня φίλ-, не считая имен собственных. Среди них более 140 существительных, причем около 120 сложные (φίλοχρηματία «корыстолюбие, жадность к деньгам», φίλοτιμία «самолюбие, чувство собственного достоинства; усердие, рвение»), в том числе и с приставками (более 20). Зафиксировано более 150 прилагательных (φίλοψεδής «любящий ложь, лживый», φίλόσκιος «тенелюбивый», φίλομαθής «пытливый, любознательный»), в том числе сложные (более 140) и с приставками (более 30). В новогреческом языке выделяются также 17 глаголов (φιλῶν «мирить; мириться»), φιλοδοξῶ «быть честолюбивым; страстно желать, стремиться»), среди которых 13 – сложные, а кроме того, 3 с приставками. Наречий с корнем φίλ- в новогреческом не выявлено. Получается, что φίλ – это самый продуктивный корень и в новогреческом языке, хотя дериватов почти в 2 раза меньше, чем в древнегреческом языке.

На втором месте по количеству дериватов, как и в древнегреческом, находится лексема ἐρωτας (ἐρως) «любовь, влечение; увлечение, страсть», имеющая 44 однокоренные лексемы, не считая имен собственных, среди которых 25 существительных (17 из них сложные), 16 прилагательных (10 из них сложные), а также 3 глагола (2 из них сложные), например, ἐρωτεύομαι «влюбляться», ἐρωτισμός «эротизм», ἐρωτικός «любовный; эротический; влюбчивый», ἐρωτοδιωμάτις «привлекательный, очаровательный».

На третьем месте в новогреческом языке по количеству однокоренных слов можно поставить, как и в древнегреческом языке – ἀγάπη «любовь, привязанность; влюбленность, увлечение; склонность; любимое существо; ирон. нежности», от которой зафиксировано 28 лексем, не считая имен собственных (6 существительных, 12 прилагательных, 4 из которых сложные, 10 глаголов, 3 из которых сложные, 1 наречие), например, ἀγαλιζῶ «мирить, мириться», ἀγαπητικός «возлюбленный, любовник», ἀγαλισμα «примирение, согласие», ἀγαπημένα «дружно, в согласии». Это количество, однако, больше, чем в древнегреческом языке.

В-четвертых, в новогреческом сохранилась лексема στωρή «нежность, ласковость, нежная любовь (чаще родительская); большая привязанность» и около 10 дериватов (4 из них сложные), не считая имен собственных, например ἀφιλόστωρία «черствость, бесчувственность, бессердечность, бездушие», ἀφίλόστωργος «не любящий; бездушный, бессердечный», αστωρία «нелюбовь, бездушие, бессердечность», φίλοστωρία «нежность, нежная любовь».

Как и в древнегреческом языке, новогреческая лексема *στοργή*, несколько изменившая свою семантику, имеет небольшой деривационный потенциал.

Несмотря на то, что все лексемы, обозначающие любовь в древнегреческом языке, сохранились в новогреческом языке, к ним еще добавляются еще 3 – *μανία* «страсть, мания, страстное увлечение», *λατρεία* «любовь, преклонение, обожание, культ» и *σεβντάς* «пылкая страстная любовь». Лексема *σεβντάς* является малопродуктивной. В свою очередь слово *μανία* имеет около 100 дериватов, например, *θεατρομανία* «страсть к театру», а *λατρεία* не менее 60, например, *αρχαιολατρεία* «преклонение перед античностью».

Таким образом, засвидетельствованы определенные сдвиги в языковом выражении понятия «любовь» и изменение языковой картины мира в греческом языке, а также подтверждается множественность языковых картин мира греческих авторов.

Литература

Апресян Р. Г. Слова любви: *eros, philia, agape* // *Философия и культура*. 2012. № 8 (56). С. 27–40.

Бахар Гюнеш. Концепт «Любовь» и историко-национальные факторы его понимания // *Вестник Дагестанского государственного университета*. Серия 2: гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 103–104.

Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры (концепт Любовь) // *Славянский альманах*. 2005. № 2004. С. 468–512.

Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Иностранные и национальные словари, 1958.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Лосев А. Ф. Эрос у Платона // *Лосев А. Ф.* Бытие – имя – космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 32–60.

Макшанцева Н. В. Концепт «любовь» в русском языке // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2008. № 1. С. 112–116.

Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: «Прогресс-Традиция», 1999.

Покручина М. Ю. Лингвокультурологические особенности концепта «Любовь» // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 101–105.

Полетаева Т. А. Понятийно-образные характеристики концепта «любовь» в лингвофилософском аспекте // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: филология. 2018. № 4. С. 182–191.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.

Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь. Москва, 1993.

Чанг Чинггво Сопоставительное лингвокультурологическое описание концепта «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 1. С. 237–242.

Чаньшиев А. Н. Любовь в античной Греции // Философия любви. Т. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 36–67.

Шестаков В. П. Философия любви в Древней Греции и Риме. М.: Республика: Терра-Книжный клуб, 1999.

A. V. Vereshchagina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

CONCEPT LOVE IN GREEK

In this study, a comparative analysis of the ancient Greek and modern Greek language pictures of the world, as well as language pictures of the world of various Greek authors, is carried out. The material of the article was Greek words related to the designations of such a key concept of the language picture of the world as LOVE in diachronia. Certain shifts in the designation of this concept in the Greek language are noted.

Key words: language picture of the world, concept, love, ancient Greek, modern Greek, diachrony.

Ю. А. Воронцова (Белгород, Россия)
Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ

В статье рассматривается прецедентное имя как средство выражения имплицитной информации в тексте интернет-комментария. Отмечается, что в интернет-комментарии извлечение смысла, представленного в имплицитной форме, осуществляется в результате понимания, основанного на процессе инференции.

Ключевые слова: интернет-комментарий, прецедентное имя, инференция, имплицитная информация.

Современные дискурсивные практики свидетельствует о том, что неотъемлемым явлением интернет-коммуникации стал комментарий. Общение в коммуникационной среде представляется сложным и многоаспектным яв-

лением, поэтому интернет-комментарий как специфический способ речевого поведения открывает новое поле исследования.

Интернет-комментарий позиционируется как многоуровневое структурно-семантическое образование, сложное взаимосвязанное и взаимообусловленное целое единство. В рамках интернет-дискурса комментарий чаще всего постулируется как своеобразная коммуникативная среда, имеющая текстовую структуру (Доброва М. С., Имбер С. Ю., Карпоян С. Ф., Морозова О. Н., Савельева И. В., Сидорова И. Г., Танабаева И. Р., Тепляшина А. Н. и др.). Комментарий предоставляет возможность всем участникам свободно излагать свои мысли, поэтому он является не только источником формирования мнений о происходящих событиях, но и платформой для проведения дискуссий.

Лингвокогнитивные механизмы формирования, интерпретации, извлечения, понимания смысла текста составляют предмет постоянного научного интереса исследователей. В данной статье обратимся к прецедентному имени как средству выражения имплицитности в тексте интернет-комментария, размещенного в различных сообществах в социальной сети Вконтакте. С помощью метода сплошной выборки иллюстративный материал выделялся нами из текстов, размещенных в комментариях к публикациям на различные темы в социальной сети Вконтакте. Орфография и пунктуация образцов текстов комментария передаются без изменений.

Прецедентные имена формируют информационное поле, в котором присутствуют временные, событийные, культурные, оценочные характеристики информации. Аппелляция к прецедентным именам в комментарии обусловлена их инференциальной семантикой, а также способностью оперировать относительно короткими сообщениями, предполагающими быстрые реакции. Поэтому прецедентные имена активно используются в комментариях, встраиваются в дискурс.

«Имплицитность является одной из универсальных языковых категорий, существование которых обусловлено асимметрией плана содержания и плана выражения, несоответствием категорий языка и мышления» [Одинцова 2016: 91]. В интернет-комментариях иногда передаваемые смыслы представлены в имплицитной форме, извлечение которых осуществляется в результате понимания, основанного на процессе инференции. Коммуникативная эффективность комментария обеспечивается передачей имплицитно выраженных установок, которые трактуются пользователями на основе инферентного вывода. В качестве лексического инструмента конструирования имплицитных смыслов в интернет-комментарии часто используется прецедентное имя.

Особый интерес представляют комментарии, которые имеют диалогический формат, в таком случае требуются короткие, информационно-емкие

реакции, поэтому ключевая роль в формировании смысла отводится именно прецедентным именам. Полилог из прецедентных имен демонстрирует то, что действия участников взаимозависимы, что пользователям известна исходная ситуация, что выбранный смысл вносит существенный вклад в коммуникацию. Такая согласованность речевых действий способствует корректной интерпретации текста комментария.

Например: Мужчину в женском платье и белье за рулем остановили сотрудники ГИБДД на Сахалине. По имеющейся информации в этот же день на улице Сахалинской заметили еще одного гуляющего юношу в женском наряде. (Подслушано у ДПС). *К: Твикс. К: Новые серии «Джентльмены удачи». К: Попандуполо существует. К: Ну прям «Свадьба в Малиновке». К: «Свадьба в Малиновке» повторяется. К: Керенский. К: Свадьба в Малиновке отдыхает. К: Свадьба в Малиновке, вторая серия, в новом составе. К: «Свадьба в Малиновке» документальный фильм. К: А в это время где-то на границе с Польшей, сидя на заднем сидении Kia Picanto? Президент «Керенский» поправил хвост песцовой шубы и проверил в зеркальце макияж. К: Свадьба в Малиновке. К: Я мог поговорить об этом и с живым Керенским. К: Верки Сердючки местного пошива.*

Преступник пытался сбежать из города, а чтобы его не опознали, оделся в шапку с цветочком и другое женское (Mash | Мэш). *К: Керенский аплодирует стоя. К: Попандуполо-2022. К: Ещё один Попандуполо.*

Конфигурация прецедентных имен в комментарии определяет позицию коммуниканта и детерминирует речевое поведение других пользователей. Доминантная роль в создании тематического единства в развитии обсуждаемой информации отводится авторам комментариев, которые реализуют установку на фатический план общения, что способствует объединению прецедентных имен в целостное коммуникативное пространство.

Благодаря прецедентным именам «Свадьба в Малиновке», «Джентльмены удачи», «Твикс», «Керенский», «Верка Сердючка», «Попандуполо» развивается контекстозависимость, то есть выстраивается ассоциативная связь «тот, кто переодевается в женскую одежду». В комментариях получаемый инферентный смысл «маскировка» задается содержанием прецедентных имен, так как «значение прецедентной единицы, выводимое из соотношения ее с источником, с одной стороны, и с контекстуальным индикатором, с другой, подчиняется правилам сложения смыслов, дающих не простую сумму смыслов, а новые смыслы» [Королева 2007: 186]. В результате интерпретации прецедентных имен происходит семантическое расширение содержания иницирующего текста.

В Москве начались съемки одиннадцатого сезона многосерийной медицинской драмы «Склифосовский» (Телеканал РОССИЯ 1). *К: Американские*

домохозяйки подавали в суд на Санта Барбару за напрасно потраченное время, а наши подадут на это мыло? К: Следующая рабыня Изаура! К: Что вы, до Марьи Сергеевны с 21 сезоном им далеко. К: Сам ты Барбара! К: Вторая Санта Барбара нам обеспечена. К: Когда закончится эта Санта Барбара.

Прецедентные имена «Санта Барбара», «Рабыня Изаура», «Марья Сергеевна» (главная героиня сериала «Тайны следствия») помогают реконструировать доминантный смысл «скучный, длинный, неинтересный сериал, в основе которого лежит затянутая и запутанная ситуация в семейной или личной жизни, любовные многоугольники», имплицитно присутствующий в комментариях.

Прецедентные имена являются средством конструирования информации, они помогают комментаторам не только поддерживать общее семантическое пространство обсуждаемого текста, но и определять направление последующих реакций, основанных на ментальных стереотипах.

Присутствие в комментариях прецедентных имен демонстрирует включенность в тематическую направленность иницирующего текста, то есть речевые действия комментаторов скоординированы в семантической зоне, которая актуальна для исходного сообщения. В результате коммуникативное взаимодействие приобретает «ветвящийся характер <...>, когда комментарий исходного текста становится авторством для другого читателя» [Ермоленкина 2021: 30]. Знание значения прецедентного имени обуславливает ценностно-смысловой вектор взаимодействия комментаторов.

Во всех случаях комментаторы используют и интегрируют фоновые знания, постепенно проникают в полисемантическое пространство прецедентных имен. Обязательным элементом обработки и интерпретации текста является инференция, она помогает актуализировать синкретичный характер прецедентного имени, то есть позволяет выявить имплицитную информацию, заложенную в комментарий, и восстановить смысл, не представленный вербально.

Прецедентные имена обладают способностью формировать необходимые смысловые приращения в текстах-реципиентах. Будучи самостоятельной смысловой единицей, прецедентное имя не только составляет полноценное семантическое пространство интернет-комментария, но и формирует глубинные смыслы, заложенные автором сообщения, тем самым расширяя информационный потенциал текста. Прецедентные имена, отсылающие к прецедентным событиям, представляют собой формально не представленное включение, поскольку в тексте источник не указывается, пользователь должен идентифицировать имплицитированную информацию, присутствующую в комментарии.

Отметим, что инференция имплицитного смысла текста интернет-комментария, включающего прецедентное имя, может быть затруднена, если пользователи не обладают общими фоновыми знаниями. «Для полного понимания высказывания необходим анализ структурных и семантических характеристик высказывания, т. к. это помогает соотнести данное высказывание с исходной ситуацией (прецедентным текстом), определить границы интерпретации и соотнести данное речевое образование с контекстуальным окружением» [Королева 2007: 186].

Таким образом, основу операции по извлечению имплицитного смысла комментария составляет инференция. Сегментом проявления инференции являются прецедентные имена, которые репрезентируют имплицитную информацию, заложенную в тексте интернет-комментария. Интерпретация, построенная на инференции, позволяет направлять понимание, формировать, расширять семантическое наполнение текста, организовывать новые смыслы, акцентировать содержание, необходимое для концептуального понимания текстового пространства комментария, тем самым генерировать итоговую инференцию на основе актуализированных выводов.

Литература

Ермоленкина Л. И. Механизмы дискурсивного воздействия в коммуникативном пространстве конвергентного радио // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 25–33.

Королева О. Г. Формирование и интерпретация аллюзивной единицы как источника имплицитных значений // Наука. Инновации. Технологии. 2007. № 51. С. 183–189.

Одицова И. В. Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 91–96.

Y. A. Vorontsova (Belgorod, Russia)
The Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs in Russia
named after I. D. Putilin

A PRECEDENT NAME AS A MEANS OF EXPRESSING AN IMPLICIT MEANING IN AN INTERNET COMMENT

The article considers a precedent name as a means of expressing implicit information in the text of an Internet comment. It is noted that in the Internet commentary, the extraction of the meaning presented in an implicit form is carried out as a result of an understanding based on the process of inference.

Key words: Internet comment, precedent names, inference, implicit information.

*А. А. Галюк (Санкт-Петербург, Россия)
Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
alinegalyuk@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛОВ *ВЫРУЧИТЬ* И *ВЫЗВОЛИТЬ*

Статья посвящена описанию глагольных синонимов *выручить* и *вызволить* с позиции когнитивно-дискурсивного подхода с целью экспликации когнитивных сценариев лексем. Выделяются релевантные признаки синонимов, моделируются когнитивные структуры. Делается вывод о целесообразности применения когнитивно-дискурсивного подхода для конструирования сценариев глаголов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная структура, сценарий, когнитивно-дискурсивный подход.

Когнитивная структура слова представляет собой теоретический конструкт, который обнаруживается посредством характеристики той или иной области знания в ее корреляции с деятельностью человека [Кравченко 2009: 97–99]. Выявление данной модели может осуществляться различными способами. На наш взгляд, оправданно использование когнитивно-дискурсивного подхода, основоположником которого является Е. С. Кубрякова. Она утверждает взаимную обусловленность когнитивной и коммуникативной деятельности ввиду социальной природы когниции: именно при общении происходит процесс познания окружающей действительности, что и фиксируется в языке [Кубрякова 2004: 16]. Данный подход подразумевает синтез существующих концепций рассмотрения лексических единиц, что позволяет провести комплексный анализ слов, в особенности синонимов. Этому мнению придерживаются, например, С. Л. Мишланова и М. А. Хрусталева: «в качестве подхода, способного интегрировать существующие теоретические наработки в области синонимии, можно рассматривать когнитивно-дискурсивный подход и изучать синонимию нужно в когнитивном аспекте» [Мишланова, Хрусталева 2009: 13].

В данной статье на материале контекстов «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) в свете когнитивно-дискурсивного подхода анализируются лексемы *выручить* и *вызволить* с целью моделирования когнитивных структур глаголов. Согласно словарям синонимов русского языка, представленные лексемы связаны синонимичными отношениями [Александрова 2001: 475; Евгеньева 2003: 207]. Помимо интегральных когнитивно-дискурсивных признаков, проведенный анализ продемонстрировал наличие различий между двумя единицами, что нашло отражение

в когнитивных сценариях глаголов, а также составе компонентов когнитивной структуры.

Глагол *выручить* является стилистически нейтральным, употребляется в грамматической конструкции «выручить + винительный падеж». Частотно указание способов помощи посредством использования зависимых слов в творительном падеже (*я тебя выручу советом*) или наличия описания в контексте.

Ситуации использования глагола широко варьируются, что обусловлено наполнением терминала «способы оказания помощи». Как правило, помощь оказывается акционально, причем субъект действия, во-первых, единственный, кто может выручить, во-вторых, помогает неожиданно для объекта. К примеру, *Ася подошла к микрофону. Вообще-то ей бы хотелось остаться на месте, к тому же микрофон оказался слишком высок для нее. Выручил режиссер, он вовремя подскочил и ловко настроил нужный уровень* (Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ]. Здесь обнаруживается следующий скрипт: проблема у человека – неожиданная помощь от другого человека – решение проблемы. Отметим, что в данной ситуации субъект действия не связан с объектом дружескими и родственными отношениями.

Выручают и вербальными способами в ситуации, когда участник общения не знает, как ответить на вопрос: *В результате над столом витало общее нервное настроение, напряженность нарастала. Это чувствовалось по тому повышенному вниманию, какое гости начали уделять своим тарелкам. Уткнувшись в них, каждый обдумывал первые ходы. Выручил Простов, который решительно загнал разговор в политическое русло* (Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019) [НКРЯ]. В этом случае сценарий конкретизируется: первый узел представлен, как «проблема при ведении разговора».

Особо необходимо отметить наиболее частотную ситуацию, когда помогают финансово. См. в НКРЯ: *Пальчиков прикинул, на какой срок ему хватит сбережений. Он посчитал, что целый год сможет прожить равномерно, с терпением, без излишеств. Не успел он так умиротворенно подумать, как позвонила дочь и попросила **выручить**: им с мужем не хватает на новый автомобиль* (А. Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014) [НКРЯ]. В данном случае объект целенаправленно обращается к субъекту с просьбой выручить, поскольку у последнего имеется эта возможность. Более того, между людьми могут наблюдаться близкие отношения, что отмечается в узле «характеристика субъекта». Эта особенность влияет и на содержание второго элемента сценария, указанного ранее.

Когда субъект помощи – близкий человек, глагол вербализует идею о том, что друзья и родственники должны выручать, более того, можно от-

метить идею о взаимовыручке: *Недовольно фыркнув выхлопом, он укатил. Ну вот, обидел друга, который так выручил меня! Кто бы еще согласился на этот рейс?* (Валерий Попов. Ты забыла свое крыло // «Октябрь», 2013) [НКРЯ]. Таким образом, характер отношений между людьми обуславливает обязательный характер оказания помощи. В скрипте это фиксируется так: проблема у человека – просьба помочь – решение проблемы близким человеком.

Обнаруживаются особенности в дискурсивном описании глагола: в спортивном дискурсе лексема *выручать* предполагает, что спортсмен благодаря своим действиям приносит команде дополнительные баллы или победу. Это дискурсивное свойство влияет на прототипический сценарий глагола: последний эпизод предполагает победу или преимущество в игре. Например, *Андрей Василевский из «Тампа-Бэй» отразил 22 броска, а его коллега Семен Варламов выручил свою команду 36 раз и был признан первой звездой матча* («Нью-Йорк Айлендерс» обыграл «Тэмпу-Бэй» и сократил отставание в серии // Vesti.ru, 2020.09) [НКРЯ].

Глагол *вызволить*, по данным толковых словарей, имеет помету разговорное или просторечное [МАС I: 256; Ожегов, Шведова 1999: 255]. Синоним используется в конструкции «вызволить + из + родительный падеж». Различия между синонимами обнаруживаются и в когнитивно-дискурсивных характеристиках.

Так, лексема *вызволить* указывает на наличие у человека большой беды, из которой он не может самостоятельно выбраться. В этом случае субъектом действия является авторитетный человек или группа людей: *Но после армии, из которой он то ли дезертирует, то ли его вызволит князь Юсупов, чья жена Ирина была поклонницей поэта, Северянин в 1917-м сначала перевезет в Эстонию семью, мать, Елену Золотареву с дочерью Валерией и «Музу музык», Марго Домбровскую, а затем, бросив свой архив, письма, стихи у своего друга Бориса Верина, переедет туда и сам* (В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)) [НКРЯ]. Здесь выявляется сценарий: нахождение человека в безвыходном положении – помощь от влиятельного индивида – решение проблемы.

Можно выделить контексты, в которых актуализируется прямое значение глагола ‘помочь выбраться из замкнутого пространства на волю’. Данная семантико-когнитивная особенность фиксируется не только во внутренней форме слова, но и выражается косвенным дополнением. Важно подчеркнуть, что это свойство особенно ярко эксплицируется в новостном дискурсе при сообщении об экстремальных ситуациях. Приведем пример: *На Камчатке спасателям удалось вызволить из сугроба подростка. Мальчик соорудил себе из снега тоннель, однако конструкция оказалась ненадежной* (Школьника

на Камчатке спасли из огромного сугроба // Парламентская газета, 2021.02) [НКРЯ]. Требуется обратить внимание на следующее: логическим субъектом и объектом могут являться не только один человек, но и группа людей. Это отражается в скрипте глагола, репрезентирующего ситуацию выше, а именно попадание человека в экстремальную ситуацию – помощь профессионалов – спасение человека.

Итак, прототипическим сценарием глагола *выручить* является: возникновение проблемы у человека – неожиданная помощь от другого человека/ просьба о помощи близкого человека – решение проблемы. Лексема *вызволить* репрезентирует следующий скрипт: нахождение человека или группы людей в безвыходном положении – оказание помощи другим человеком или группой людей – спасение объекта действия. Данные структуры могут модифицироваться в зависимости от ситуаций, которые вербализуются глаголами, а также от типа дискурса.

Таким образом, проведенное исследование проиллюстрировало, что когнитивно-дискурсивный анализ позволяет выделить ключевые параметры лексических единиц, которые лежат в основе когнитивных структур. Кроме того, подход дает возможность наиболее полно отобразить способы и средства репрезентации когнитивных структур в виде сценариев.

Литература

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синонимич. рядов // З. Е. Александрова. 11-е изд. перер. и доп. М.: Русский язык, 2001.

Кравченко А. В. Что такое «когнитивная структура», или Об одном пространственном заблуждении // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. 9. С. 96–104.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

МАС – Словарь русского языка. Т. I–IV / под ред. А. П. Евгеньевой. М: «Русский язык», 1985–1988.

Мишланова С. Л., Хрусталева М. А. Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009.

Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

A. A. Galiuk (Saint Petersburg, Russia)
The S. M. Kirov Military Medical Academy

COGNITIVE STRUCTURES OF THE VERBS *HELP OUT* AND *RESCUE*

The paper is devoted to the examination of the verbal synonyms *help out* and *rescue*, employing a cognitive and discourse approach, in aim to expose the cognitive scripts. The key hallmarks of the units are revealed as well as the cognitive structures are constructed. It is claimed that a cognitive and discourse approach is an expedient method to detect scripts of verbs.

Key words: cognitive linguistics, cognitive structure, script, cognitive and discourse approach.

О. А. Гусева (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет*
gouseva_olga80@mail.ru

СМЕХ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ (на материале английского языка)

Интернет-общение сочетает в себе признаки письменной и устной речи. Для восполнения зрительной и звуковой компоненты общения, используется, например, лексика, обозначающая смеховые реакции. Она также позволяет выразить отношение и оценку, как при лично-очном общении. Особый интерес представляют собой когнитивные механизмы и пути создания и передачи в языке смыслов, свойственных очной коммуникации.

Ключевые слова: сленг, интернет-общение, смеховая реакция, смех, когнитивные механизмы.

Интернет-общение – явление относительно новое, развивающееся и уже много лет являющееся объектом и предметом исследований как лингвистов, так и психологов, социологов и т. д. Интернет стремительно стал неотъемлемой частью жизни миллионов по всему миру. Одной из самых важных потребностей, которые, по мнению исследователей, удовлетворяет интернет, является потребность в коммуникации [Усачева, 2014: 278]. Однако интернет стал особенным видом коммуникации. Как отмечает Кронгауз М. А., интернет смешал понятия устной и письменной речи, для которых всегда

были характерны различия в грамматике, синтаксисе и лексике: «С появлением интернета возник новый промежуточный тип коммуникации и новая промежуточная форма языка. Язык интернета по одним своим характеристикам, безусловно, письменный (точнее говоря, визуальный), а по другим – устный. ...Формально и технически это письменная речь. А вот с точки зрения жанров и структуры речь в интернете, безусловно, относится к устной» [Кронгауз, 2013: 15] Кроме того, как в любой письменной речи, в интернет-общении теряется интонация, жесты и мимика, и этот пробел заполняется определенным образом. Появляются и начинают функционировать разнообразные невербальные знаки (например, смайлы, картинки, мемы), а также лексические единицы, восполняющие недостаток аудио-визуальной компоненты. К таким единицам относятся и слова/выражения, обозначающие смеховую реакцию. Это могут быть как полноценные единицы, принадлежащие к стандартному языку, так и сленговые. Обратимся к изучению сленговых слов и выражений как наиболее ярких и частотных в интернет-общении.

По данным словаря Urban Thesaurus, который регистрирует лексику, появляющуюся и активно использующуюся в интернет-общении, английский язык очень богат именно на сленговые единицы, обозначающие смеховые реакции: их около 1300. Оставим за скобками вопрос о том, почему смеховые реакции в интернет-общении сформировались как сленговые единицы – поиску ответа на него необходимо посвятить отдельное исследование. Одна из предполагаемых причин – экономия усилий. В устной речи наблюдается такая же тенденция, проявляющаяся в виде усеченных конструкций, сокращений, аббревиатур и т. д. Иными словами, проще написать lol или jaJa, чем I am laughing loudly. Так же, как в устном межличностном общении улыбка или смех сопровождает речь, в интернет-общении подобные словечки сопровождают сообщение, не занимая много времени и места.

Тем не менее, какими бы ни были причины появления таких единиц, для нас представляют интерес закрепленные в них смыслы. Как показал наш небольшой анализ, данные выражения имеют широчайшую палитру значений и оттенков значений, а также являются выходцами из самых разнообразных языковых пластов – от нейтральной стандартной лексики до имен собственных и идиом.

Как известно, благодаря почти полной анонимности интернет-коммуникация имеет свои преимущества. Если раньше такое явление как сленг ассоциировалось практически только с молодежью, то на данном этапе термин «интернет-сленг» не имеет образовательных, возрастных и/или гендерных характеристик. Кронгауз отмечает, что «есть, впрочем, приемы и словечки, специфические именно для отдельных групп (то есть зависящие от возрас-

та, пола, любви к определенной музыкальной группе, спортивной команде и т. п.)» [Кронгауз, 2013: 17], но в основном «это языковые приемы, отдельные выражения и слова, характерные для речи многих пользователей интернета» [Кронгауз, 2013: 17]. Это утверждение справедливо и по отношению к объекту нашего исследования. Сленговые выражения, обозначающие смеховые реакции, не имеют привязки по возрасту, полу и т. д., однако велика вероятность, что существуют определенные тенденции в употреблении того или иного выражения представителями разных (возрастных, профессиональных и иных) групп. В какой-то степени на употребление того или иного слова или выражения может влиять мода или традиция, принятая в социальной группе, к примеру, в студенческой среде.

Обратимся к словарю *Urban Thesaurus*, зарекомендовавшему себя в качестве ресурса сленга и обценной лексики. Мы намеренно исключаем из анализа непечатную лексику, а также единицы с подобным значением. Мы нашли и проанализировали чуть более 100 самых частотных единиц – синонимов лексемы *laugh*. Неточность количества объясняется наличием единиц, одинаковых по значению, но различающихся только вариантами написания (например, *muhaha/muahaha/mwahahahahahahaa!!!* и *lol/lolz/lolololololol/lulz*).

Как уже упоминалось выше, найденные лексемы передают огромную палитру смыслов. Анализ дефиниций показал, что при формировании этих смыслов задействованы различные параметры и, соответственно, меняется фокус внимания. Пользователь, при желании, может дать понять виртуальным собеседникам, что он смеется громко/тихо/бесшумно; долго/много/однократно; саркастично/зло/по-доброму/снисходительно; сдерживает или не сдерживает смех. Такое разнообразие представлено единицами различных типов. Рассмотрим наиболее интересные из них.

По форме и структуре почти половина анализируемых единиц (46) – аббревиатуры, в которых зашифрована целая фраза, ключевым (чаще всего первым) словом которой является лексема *laugh* (например, *lol* – *laugh out loud*; *lolp* – *laugh out loud please*; *lool* – *laugh outrageously out loud*; *lim* – *laugh inside myself*; *lml* – *laugh mad loud*; *lll* – *live, love, laugh*). Даже в такой краткой выборке видно богатство смыслов и зашифрованной информации.

Еще 19 единиц – звукоподражательные, некоторые из которых различаются лишь вариантами написания и произношения (*bwahaha/muhaha/muahaha; hah/har; ho/haw*). Исходя из описания передаваемых данными лексемами смыслов, интересным представляется, что узкие краткие гласные [e] и [i] ассоциируются либо с тихим смехом/смешком (*heh; kiki*), либо с коварным смехом исподтишка (*hehe*). Звук [a:] участвует в звукоподражательных словах, означающих несколько видов смеха. Во-первых, это обычный смех

(jaja; haha), во-вторых, саркастический (hag; hah), в-третьих, злобный или злорадный (bwahaha; muahaha). Гласный [o:] в первую очередь ассоциируется с громким и добрым смехом Санта-Клауса (ho ho ho).

Интересно, что в ряду звукоподражательных слов нашли свое место и стереотипные представления о том, как звучит смех на других языках. К примеру, jaja – смех испанцев, hue hue hue – смех бразильцев, kolkolkolkol – смех русских, причем именно злобный/зловеющий (evil).

Некоторые лексемы могут передавать не смеховую реакцию как таковую, а отношение к предмету разговора как к вызывающему смех/улыбку. Например funny; risible; humor; joke. Интересно, что в 100 наиболее частотных единиц, передающих идею смеха, Urban Thesaurus включил и некоторое количество имен собственных, которые, как следует из объяснений, употребляются как нарицательные для обозначения приятных во всех отношениях людей (чаще всего в подростковой среде), которые умеют смешить и поднимать настроение, а иногда сами по каким-то причинам являются посмешищем: Victoria; Rosie; Alejandro; Amari; Ivanna; Hannah; Весса; Trina; Melissa и др. Причины, по которым в фокусе внимания оказались именно эти имена, еще предстоит выяснить в дальнейших исследованиях.

Следует также отметить, что среди анализируемых выражений встречаются на первый взгляд далекие от такого значения – giraffe; bubble. Оказывается, это примеры английского рифмованного сленга, свойственного кокни. Например, giraffe рифмуется с 'laugh', соответственно having a giraffe декодируется как having a laugh. В лексеме bubble прослеживается целая цепочка метаморфоз. Bubble – это сокращение от bubble bath, что в свою очередь должно рифмоваться с laugh. Одной из особенностей кокни является произнесение глухого межзубного звука [θ] как [f], таким образом в устной речи bath рифмуется с laugh и предоставляет возможность построить такую сленговую единицу.

Подводя предварительные итоги, мы можем сказать, что лексемы, обозначающие смеховые реакции в интернет-общении, – сложные, составные единицы, включающие разнообразные языковые явления (аббревиатуры, сокращения, звукоподражательные слова, имена собственные, рифмованный сленг), в которых могут быть зашифрованы словосочетания, предложения, полноценные ситуации. В них закодирована широкая информация, которая передается как лексическими значениями отдельных слов, так и значениями целостных конструкций.

В заключение необходимо отметить, что система обозначения смеховой реакции в сленге крайне подвижна, сложна и очень мало изучена. В нее вовлечены разные элементы, которые подвержены изменениям, поэтому

представленные выводы не могут носить окончательный характер. Данная тема требует глубокого и тщательного анализа с привлечением более обширного материала.

Литература

Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: CORPUS, 2013.

Усачева А. В. Психологические особенности интернет-коммуникаций // Вестник Государственного университета управления. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-internet-kommunikatsiy>

Urban Thesaurus. URL: <https://urbanthesaurus.org>

O. A. Guseva (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

LAUGHTER IN ENGLISH-SPEAKING INTERNET COMMUNICATION

Internet communication comprises characteristics both of written and spoken speech. In order to substitute for the audio and visual signals special words are used, for instance, words denoting laughter. They allow to express attitudes and assessment like in person-to-person communication. Cognitive mechanisms behind these meanings, typical of personal communication, are of considerable interest.

Key words: slang, laughter, internet communication, laughter, cognitive mechanisms.

E. Yu. Dubovitskaya (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University
katerinalis-2002@yandex.ru

DYSPHEMIZATION AS A WAY OF EXPRESSING TRUTH IN THE ENGLISH MEDIA

The article touches upon the issue of the intentional use of dysphemism in the English-language media. The causes of dysphemization, the ratio of dysphemism and euphemism are analyzed. The strategy “friend or foe” is considered in detail, the set of vocabulary used within the framework of this strategy is determined. Examples are given from various articles and interviews covering domestic and international events, which use dysphemisms.

Key words: dysphemism, dysphemism, euphemism, euphemism, taboo, political correctness.

Taboo is the basis of political correctness. It is used not only in everyday speech, but also in the media. Mass media often reflect those events that in ordinary life are subject to public taboos, for example, death, interpersonal relationships, illness, mental and physical disabilities, violation of rights, violence, criticism of the traditions and foundations of other countries and nationalities, etc. Following the principle of political correctness, people working in the media use words with a neutral or positive connotation in their speech. However, there is an obvious movement in the other direction – the expressive one, with its use of bright emotionally coloured means that give this or that phenomenon a certain assessment. One of these means is called dysphemization. It, like other processes, has become an important element in the creation of a new language stylistic norm.

In order to define the phenomenon in question it is worth returning to its basis. According to V.I. Karasik, an important characteristic of mass culture is the constant movement towards the removal of taboos [Карасик 2010: 110]. The researcher calls this process “desacralization”, and also draws attention to the fact that “neutral colloquial and sometimes deliberately reduced colloquial register is becoming the norm of official communication. The entire system of stylistic registers is decreasing” [Карасик 2010: 110].

Another name for this phenomenon is “detabooing”, which becomes one of the ways of expressing taboo speeches in the media discourse. Taboo resolution is the main focus of detabooing. Thus, when detabooing, the following methods of transferring tabooed speech meanings are distinguished: direct nomination, opposition “friend or foe”, defamation, stereotyping, pseudo-dysphemization, sensationalism. The difference between pseudo-dysphemization and dysphemization is that the former is aimed at expressing sympathy, and not at insulting the participants in communication, despite the fact that both processes are based on the use of stylistically reduced vocabulary, for example, jargon, vernacular or vulgarism. The opposition «friend or foe» is often combined with stereotyping, since both of them indicate the “otherness” of the interlocutor belonging to another culture. To express the opposition “friend or foe”, the following means are used: possessive pronouns (our, your, them, that, this, our, their); evaluative adjectives (alien, different, strange, different, strange); ethnonyms (Russians, Americans, Germans); offensive nicknames (chocks, Muscovites, Paki) and so on.

One of the distinguishing features of the “friend or foe” opposition in dysphemization. Dysphemization as well as euphemization, is the tendency to hide, disguise the wrong or bad behaviour of “friends” and focus on the negative actions of “strangers”. So, double standards are set when evaluating any events, depending on who is considered “ours” and who is considered “strangers”.

For example, the negative word “terrorism” will refer only to the actions that are performed by “strangers”, while the same actions performed by “insiders” are considered right or necessary. “Terror”, “aggression”, “attack” – the words that belong to describe “aliens”; “protection”, “act of retaliation” / “defence”, “retaliation” – for “friends”.

The following negatively coloured dysphemisms are used to describe the forces of the enemy: “assassins”, “bad people”, “the warring gangs”, “the hosts of the perpetrators of 9/11” (hosts of killers who blew up the twin towers), “thugs” (bandits). Such dysphemisms as “fighters”, “extremists”, “warlords” (dictators), “militants” (rebels) help to justify aggression from “their part”, since it is “them” who are fighting against the so-called evil – with “extremists” and “terrorists”. “The speed with which *our* dear, *familiar* democracy is vanishing under the weight of totalitarian pettiness is appalling and one wonders when *this* easygoing nation will rise against the trends set so blithely by that authoritarian basket Tony Blair and continued by mediocrities such as Hazel Blears and Jacqui Smith” [Porter 2008]. In this statement, the opposition “friend or foe” is especially clearly seen: such pronouns as “our”, “this”, and the adjective “familiar”, which refer to the concept “our”, are opposed to the pronoun “this”, which here represents the concept “alien”.

Other linguistic means are also involved in creating the “friend or foe” opposition: political vocabulary (“democracy” – “totalitarian/authoritarian”), evaluative vocabulary (“easy-going/dear” – “blithely/appalling/mediocrities”), colloquial vocabulary (“basket”). Thus, the words in the example above have a specific connotation: positive – to describe the «own» component, negative – for the «foreign» component. In the space of social interaction, dysphemization, as well as euphemization, performs a compensatory function, providing emotional comfort to partners in communication.

There are several reasons for the use of dysphemisms in communication:

1. The desire to narrow the area of artificially created prohibitions in modern society. Thus, the use of dysphemisms can serve to fill the vacated space in speech [Larin]. There is an increase in the use of rude, colloquial words and expressions in everyday communication, for example, “dim-wit” (fool) or “deadneck” (idiot). The use of “death tax” instead of “estate tax” in the following example illustrates the speaker’s desire to be open about the real state of affairs, rather than smooth the general impression with euphemisms, e. g.: *The President’s budget calls for the largest increase in the death tax in U. S. history in 2010* [Veronique de Rugy].

2. Violation of established social norms. Thus, frustration can become a trigger for the aggressive behavior of a communication participant. A. Bandura proposed a theory according to which frustration can cause inappropriate

or aggressive behaviour in those who are used to reacting aggressively to humiliation towards them [Bandura], e. g.: *McCain claimed that Obama's health care plan would "force small businesses to cut jobs" and would put "a bureaucrat" in between you and your doctor* [Allgaier]. In this statement, John McCain denounces Obama's health care program and also demonstrates his superiority over his opponent, using the word "bureaucrat" instead of "government official".

3. Deliberate discrediting of the enemy in order to attract the audience. At the linguistic level, this is manifested through the use of dysphemisms, which can serve as accusers of illegal or undesirable actions on the part of the discredited object, e. g.: *But yesterday was one of the worst days of bloodshed since Baghdad fell* [Doran]. The use of "bloodshed" instead of "war" is aimed at exposing the real consequences of the war and exposing the plan of the government apparatus. *Labor really has become such a sect that its members truly believe that the key to Britain's problems is to get rid of Blair*. In this example, the use of the word "sect" takes on an ironic connotation due to its negative meaning, as well as due to the general context of the statement.

4. Sticking to a certain speech style in order to create a certain image that meets social standards, e. g.: *"The devil came here yesterday", Chavez said, referring to Mr. Bush's address on Tuesday and making the sign of the cross. "He came here talking as if he were the owner of the world"* [CBS]. Thus, using the crude expressions "the devil" and "the owner of the world", Chavez tries to create an image of a man from the people who speaks the same language with the public.

Thus, dysphemization plays the same important role as euphemization, having a targeted impact on the audience through the use of tactical language tools.

Литература

- Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.
- Allgaier R.* McCain Lies About Obama's Health Plan. URL: <http://alligatorreport.wordpress.com/2008/09/15/mccain-lies-about-obama'shealth-plan-just-the-facts/>
- Porter H.* Our obsession with crime is crushing our freedoms. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/sep/07/justice.police>
- Veronique de Rugy.* Night of the Living Death Tax. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB123846422014872229>
- Doran J.* US Support For War Fades As Casualties Mount. URL: <http://www.globalpolicy.org/component/content/article/167/35343.html>
- CBS – Chavez Calls Bush 'The Devil'.* URL: <http://www.cbsnews.com/news/chavez-calls-bush-the-devil>

Е. Ю. Дубовицкая (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина*

ДИСФЕМИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПРАВДЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья затрагивает вопрос намеренной дисфемизации языковых выражений в англоязычных СМИ. Анализируются причины дисфемизации, соотношение дисфемии и эвфемии. Подробно рассматривается стратегия «друг или враг», определяется набор лексики, используемой в рамках данной стратегии. Приводятся примеры из различных статей и интервью, освещающих внутренние и международные события, для описания которых используются дисфемизмы.

Ключевые слова: дисфемия, дисфемизм, эвфемия, эвфемизм, табу, политкорректность.

Н. Б. Ершова (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
nat23031976@yandex.ru*

А. Ю. Кутимская (Иркутск, Россия)
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет
alina.kutimskaja@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *GELD* И *KREDIT* В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале современного корпуса немецкого языка / DWDS)

В статье рассмотрены особенности репрезентации основных концептов немецкой банковской терминологической системы *GELD* и *KREDIT*. В исследовании использован основной принцип прототипического подхода – антропоцентрический. Авторами настоящей статьи предпринята попытка создания двухкомпонентной модели дефиниционного анализа данных концептов путем выделения когнитивно-семантических элементов и средств их лексической репрезентации, приведены статистические данные частотности использования лексических единиц на материале современного корпуса немецкого языка.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, концепт, прототипический, синонимия, терминологическая система.

Сегодня прослеживается интерес современной лингвистической науки к исследованиям терминосистем с позиции когнитивного подхода. Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных лингвистов: Е. И. Головановой [2008, 2011], В. М. Лейчика [2009], В. Ф. Новодрановой [2005], Р. Faber [2012] и других.

Актуальность работы обусловлена интересом современной лингвистической науки к изучению прототипического моделирования терминосистемы, где основным принципом являются атропоцентрический, а также рассмотрению языковых средств репрезентации концептов. Ключевой идеей здесь, по мнению Е. С. Кубряковой, является «тенденция поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования» [Кубрякова 1995: 212], т. е. человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но определяет «перспективы этого анализа и его конечные цели», а также доминантный принцип, т. е. «...ориентация человека на определенные знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности» [Болдырев 2019].

Поскольку одним из наиболее дискутируемых языковых явлений в современной терминологии является наличие синонимии, этот факт подтверждает *научную новизну* исследования. На протяжении всего прошлого столетия данный аспект привлекал внимание лингвистов, в большинстве случаев лексическая синонимия рассматривалась в рамках структурно-семантического подхода, который, в силу своей точности и линейности, соответствует специализированным языкам. При кажущейся доказанности многих результатов, существуют определенные противоречия. «Синонимия составляет философскую сторону языка. Без этого (синонимии) нельзя постичь дух и не достичь базового знания». Выводы современной науки позволяют через феномен синонимии выявить особенности познавательной деятельности индивида [Шумилова 2009]. Исходя из этого, синонимы нужно рассматривать только с учетом познания языковой личности, использующей их в своем языке. Проблема синонимии, изучаемая на протяжении десятилетий, остается дискуссионной во многих своих аспектах. Современный подход к исследованию синонимов основан на принципе антропоцентризма [Бенвенист 2002], который подтверждает невозможность линейного конструирования синонимических отношений в терминосистемах, несмотря на их точность и эксплицитность (А. А. Реформатский, Д. С. Лотте, В. П. Даниленко, С. В. Гринев).

Некоторые исследователи [Куртаева 2021] на основании данных, полученных при изучении терминов, приводят следующий список прототипических признаков: однозначность (в рамках данной терминосистемы), дефинированность, понятийная и структурная безэквивалентность, стилистическая нейтральность, номинативность, денотативность. Прототипический подход

подразумевает отказ от строгого соответствия термина предъявляемым к нему требованиям. С нашей точки зрения, модель изучаемого концепта строится на основании выделенных когнитивно – семантических элементов и его представленности в лексике, а затем из соотнесения их друг с другом. *Материалом исследования* послужили данные Современного корпуса немецкого языка, созданного Берлин – Бранденбургской академией наук. Результаты поиска включают в себя лексические единицы, характеризующие концепты GELD и KREDIT, их значение, этимологию, частотность употребления, синонимические группы, примеры использования словарных дефиниций [DWDS.de].

В рамках настоящей статьи мы обращаемся к двухкомпонентной модели дефиниционного анализа концептов, предложенной А. А. Лепёнышевой [Лепёнышева 2011: 170]. Автор предлагает алгоритм, позволяющий наиболее полно построить двухуровневую модель изучаемого концепта путем выделения не только когнитивно-семантических элементов и его лексических репрезентации, но и соотнесения их друг с другом.

В результате проведенного исследования было установлено, что в современном немецком языке концепт GELD репрезентируется такими лексемами, как: *das Geld, die Devisen, das Kapital, das Zahlungsmittel, die Währung* [DWDS.de].

Geld, со значениями: 1. общее законное платежное средство в виде монет и банкнот; 2. фиксированные суммы, суммы денег, предназначенные крупной компанией, (государственным) учреждением для определенной цели. *Das fehlende Geld lähmt die Initiative, aber manchmal beflügelt es sie auch* [Die Zeit, 15.10.1998, Nr. 43] (*Отсутствие денег парализует инициативу, но иногда это также вдохновляет вас*).

Devisen, средства оплаты в иностранной валюте; балансы в иностранной валюте за рубежом. *Die Schweizer halten Guthaben von netto 640 Mrd. Fr. in Euro, von 502 Mrd. Fr. in Dollars und von 677 Mrd. Fr. in übrigen Devisen* [Neue Zürcher Zeitung, 10.06.2012] (*Швейцарцы владеют балансами в размере 640 млрд долл. в евро, 502 млрд долл. в долларах и 677 млрд долл. в остальной иностранной валюте*).

Kapital, владение деньгами и другими ценностями, используемыми для производства, которое приносит прибыль. *Allerdings konnten die Gäste aus ihrer Überlegenheit kein Kapital schlagen* [Die Zeit, 05.10.2013 (online)] (*Однако гости не смогли извлечь капитал из своего превосходства*).

Zahlungsmittel, деньги, поручение выписанное на деньги. *Aber das gängige Zahlungsmittel bleibt für die folgenden drei Jahre die DM* [Süddeutsche Zeitung, 17.04.1998] (*Однако основным платежным средством в течение трех лет остается немецкая марка*).

Währung, со значениями: 1. официально введенная государством на его территории (или несколькими государствами в более крупном валют-

ном пространстве) и действующая везде денежная система; 2. соответствующая система монет и банкнот; 3. наряду с валютой или вместо нее (1, 2) обычная денежная система, обменные и платежные средства с ограниченной областью действия. *Bitcoin ist die bekannteste und am weitesten verbreitete digitale Wahrung* [Die Zeit, 14.01.2016]. (*Биткойн – самая известная и широко используемая цифровая валюта*).

Анализ фактического материала показал, что исследуемый нами концепт GELD репрезентируется посредством имен существительных *die Devisen, das Kapital, das Zahlungsmittel, die Wahrung*, которые зафиксированы в Современном корпусе немецкого языка (DWDS).

Имена существительные *die Devisen, das Kapital, das Zahlungsmittel, die Wahrung* находятся на периферии данных синонимических рядов. Ядром синонимического ряда является лексема *das Geld*, обозначающая платежные средства, в общем. А периферией – лексемы, обозначающие платежные средства (*Zahlungsmittel*), капиталы (*Kapital*), валюту (*Wahrung*), а также различные типы валют, например биткойн (см. *Таблица 1*).

Таблица 1

Существительное	Частотность использования в газетах в 2022 году (согласно Современному корпусу немецкого языка)
Geld	140698
Devisen	4258
Kapital	4530
Zahlungsmittel	626
Wahrung	3333

В результате анализа средств репрезентации концепта KREDIT были обнаружены следующие лексемы: *der Kredit, die Anleihe, das Darlehen, die Hypothek* [DWDS.de].

Anleihe – в основном долгосрочное долговое обязательство с фиксированным доходом на рынке капитала. *Obligationen, Anleihen, Bonds – in Deutschland spricht man auch von Renten – sind verschiedene Begriffe fur ein und dasselbe: festverzinsliche Wertpapiere* [Neue Zurcher Zeitung, 27.06.2017]. (*Облигации, долговые обязательства, ссуды – в Германии также говорят о пенсиях – это разные термины для одного и того же: ценные бумаги с фиксированным доходом*).

Darlehen – сумма, которую вы заимствуете у кого-либо или которую вы одалживаете кому-либо. *Die Rate fur ein Darlehen kostet derzeit nur etwa*

halb so viel wie vor zehn Jahren [Bild, 27.04.2005] (Ставка по кредиту в настоящее время стоит в два раза меньше, чем десять лет назад).

Hypothek – залог имущества (залоговое удержание), внесенного в земельный кадастр для обеспечения требования, и в отличие от аналогичного основного долга зависит от наличия связанного с ним требования. *Stehen Sie vor der Entscheidung ein Eigenheim zu kaufen, müssen Sie in der Regel hierfür ein Darlehen aufnehmen, um die Immobilie zu finanzieren. Da andere Sicherheiten meistens nicht ausreichen bzw. oft gar nicht vorhanden sind, werden **Hypotheken** eingesetzt, um den entsprechenden Kredit abzusichern* [Hypothek, 21.12.2018] (Если вы принимаете решение о покупке дома, вам обычно нужно взять кредит для этого, чтобы финансировать недвижимость. Поскольку других залогов чаще всего недостаточно или часто их вообще нет, ипотека используется для предоставления обеспечения соответствующего кредита).

Концепт KREDIT обозначает займы, средства, выданные кому-либо на временной основе. К периферии данного концепта относятся лексические единицы, характеризующие займы, выданные для покупки недвижимости (*die Hypothek*), долговые обязательства с фиксированным доходом (*die Anleihe*) или сумму, которую одалживают у частного лица (*das Darlehen*) (см. Таблица 2).

Таблица 2

Существительное	Частотность использования в газетах в 2022 году (согласно Современному корпусу немецкого языка)
Kredit	10542
Anleihe	2567
Darlehen	3604
Hypothek	2099

Обобщая все вышеизложенное, необходимо отметить, что базовые концепты GELD и KREDIT репрезентируются именами существительными, которые характеризуют банковскую терминосистему немецкого языка.

Среди средств лексической репрезентации концепта GELD выделим лексему *Geld*, обозначающую платежные средства, в общем, и лексемы *Zahlungsmittel*, *Kapital*, *Währung*, обозначающие выражения денежных отношений в конкретных случаях. Что касается средств репрезентации концепта KREDIT, то к таковым отнесем: лексему *Kredit*, обозначающую займы, средства, выданные кому-либо на временной основе, а также лексемы *Anleihe*, *Darlehen*, *Hypothek*, которые обозначают долговые обязательства в конкретных случаях.

Проведенное исследование подтверждает наличие синонимии в современной терминологии, а также включенность в состав набора прототипических признаков, таких как однозначность, стилистическая нейтральность, номинативность и др.

Мы ограничены рамками статьи и не можем в полном объеме изложить наши изыскания. Дальнейшие исследования особенностей репрезентации представленных концептов в немецкой языковой картине мира мы видим в комплексном изучении их особенностей.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002.
- Болдырев Н. Н.* Доминантный принцип представления знаний в словаре // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расширенного заседания (Всероссийской с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвященного 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии, 29–30 октября 2019 г., г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 29–39.
- Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011.
- Голованова Е. И.* Когнитивное терминоведение: предмет, проблема, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 13–18.
- Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука XX века: сб. статей. М.: Росгуманитарный университет, 1995. С. 144–238.
- Куртаева М. О.* Категория «термин» в свете прототипического подхода // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сборник научных трудов / отв. редактор А. В. Федорюк. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 53–57.
- Лейчик В. М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2009.
- Лепеньшиева А. А.* К вопросу о методах изучения концептов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 3. С. 168–174.
- Новодранова В. Ф.* Проблемы терминообразования в когнитивнокоммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. М. Лейчика. М.; Рязань: Пресса, 2003. С. 150–155.
- Шуилова А. А.* Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 144–148.
- A cognitive linguistics view of terminology and specialized language / ed. by P. Faber.* Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012.
- DWDS.de* – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Geld>

*N. B. Ershova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

*A. Ju. Kutimskaya (Irkutsk, Russia)
Irkutsk National Research Technical University*

**REPRESENTATION
OF CONCEPTS *MONEY* AND *CREDIT*
IN MODERN GERMAN
(based on a modern German corpus / DWDS)**

The article discusses the features of the representation of the main concepts of the German banking terminology system GELD and KREDIT. The study uses the basic principle of the prototypical approach – anthropocentric. The authors of this article have attempted to create a two-component model of the definitional analysis of these concepts by highlighting cognitive-semantic elements and means of their lexical representation, statistical data on the frequency of use of lexical units on the material of the modern corpus of the German language are given.

Key words: anthropocentric, concept, prototypical, synonymy, terminological system.

*Н. Б. Ершова, А. В. Эсаулова
(Тамбов, Россия)*

*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
nat23031976@yandex.ru;
annaesaul@mail.ru*

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТОВ *GESETZ* И *ЗАКОН*
В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале политического дискурса)**

В статье рассмотрены лексические средства репрезентации концептов *GESETZ* и *ЗАКОН* в немецком и русском языках на материале политического дискурса, проводится сопоставительный анализ лексических единиц, репрезентируемых данных концепты, раскрывается понятие политический дискурс.

Ключевые слова: концепт, лексема, политический дискурс, программа политических партий.

Политический дискурс является неотъемлемой частью общественно-политических отношений. Он образует и определяет сложную единицу языка, знания и действия. Развитие политического дискурса происходит не только языковыми и невербальными средствами, но и зависит от экстралингвистических факторов, определяемые оценочным форматом общения. Политический дискурс представлен в различных средствах массовой информации, таких как договоры, выступления, предвыборные кампании, редакционные статьи, газетные комментарии, интервью и конференции.

В современной лингвистике выделяют два основных подхода к определению политического дискурса: узкий и широкий. Под политическим дискурсом в узком смысле принято понимать институциональный подход к передаче речи. Стоит отметить, что он тесно связан с институтами политической и общественно-политической жизни. Политический дискурс в широком смысле предполагает свободный стиль речи.

Некоторые лингвисты определяют политический дискурс в узком смысле, объясняя это тем, что политический дискурс реализуется в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ речей политиков.

При использовании широкого подхода политического дискурса основным компонентом являются не просто выступления политиков, а все тексты политического характера. В основе дискурса лежат жанры исключительно политической среды, а на периферии – жанры реагирования, которые сочетают в себе элементы политического и массмедийного дискурсов [Шейгал 2000: 244]. Действительно, политики часто используют простой, «прямой» язык, смешанный с разговорным языком, пословицы и идиомы. Отсюда следует, что политики часто используют два стиля: риторический стиль, который может включать, например, разговорный язык и политический, определяемый специальной терминологией и речевыми конструкциями.

Таким образом, политический дискурс – понятие многогранное, и принято его рассматривать в широком и узком смысле. Изучая политический дискурс в его широком смысле, принято отмечать, что он должен всегда исходить из субъекта и быть адресованным кому-либо и содержать в своем тексте конкретную информацию. Что касается политического дискурса в узком смысле, то его цель отмечается как воздействие на адресата, сохранение и осуществление политической власти.

В настоящей статье мы рассмотрим средства лексической репрезентации концептов GESETZ и ЗАКОН в немецком и русском языках на материале политического дискурса. Для изучения данного вопроса, мы обратились к программам таких политических партий Германии, как ультраправая политическая партия AfD, социалистическая левая партия Die Linke.

Отметим, что в Германии действует Основной закон, вступивший в силу 23 мая 1949 года, поэтому в программах политических партий часто используется лексема *das Grundgesetz: Ehe und Familie stehen nach dem Grundgesetz zu Recht unter dem besonderen Schutz des Staates* [Grundsatz für Deutschland, Alternative für Deutschland: Art 6] (*Согласно Основному закону брак и семья по праву находятся под особой защитой государства*).

Данный пример демонстрирует использование сложного имени существительного *das Grundgesetz* с предлогом в дательном падеже в значении *Конституция*, которое характеризует политическую и правовую сферы.

На основе анализа политических партий было зафиксировано частотное использование сложного имени существительного с соединительным элементом '-s', в состав которого входит лексема *das Gesetz*, являющаяся основным компонентом сложного имени существительного.

Wir fordern ein Gleichstellungsgesetz auch für die Privatwirtschaft. [Parteiprogramm Die Linke 2006: 50–51]. (*Мы призываем к принятию закона о равенстве и для частного сектора экономики.*) В 10% примеров были обнаружены синонимы, которые не относятся к правовой сфере, но характеризуют интересующий нас концепт.

Например, Левая партия пишет в своей предвыборной программе: *Von deutschem Boden darf nie wieder Krieg ausgehen – diesem Gebot muss wieder Geltung verschafft werden* [Parteiprogramm Die Linke 2011: 69]. (*Война никогда больше не должна начинаться на немецкой земле – этот закон должен быть восстановлен*). Имя существительное *das Gebot* может использоваться в значении «моральный закон».

Интересным представляется использование в тексте программы политической партии AfD имени существительного *der Grundsatz: Die AfD bekennt sich zu den bewährten Grundsätzen der waidgerechten Hege und Jagd* [Grundsatz für Deutschland, Alternative für Deutschland 2016: 16]. (*AfD придерживается проверенных принципов по отношению к охоте*). Здесь имя существительное *der Grundsatz* используется в значении «фиксированное правило» и «ориентир действий».

Собранный фактический материал демонстрирует, что концепт GESETZ в немецком политическом дискурсе определяется как юридически обязывающее предписание, конституция, моральный закон, фиксированное правило, ориентир действий и может относиться к правовой и морально-этической сферам. С лексической стороны исследуемый нами концепт представлен использованием сложных имен существительных, а также различных синонимов.

Для того чтобы рассмотреть концепт ЗАКОН в русском политическом дискурсе, мы обратились к предвыборным программам либерально-

демократической партии России (ЛДПР), левой политической партии КПРФ, национально-консервативной политической партии «Родина» и левой российской политической партии «Коммунисты России».

Если в ФРГ действует Основной закон, то в России с 12 декабря 1993 действует Конституция, поэтому мы часто можем встретить для репрезентации концепта ЗАКОН имя существительное *Конституция* или однокоренные слова. Например, политические партии часто делают реформы по отношению к закону. Политическая партия ЛДПР не исключение. В своей предвыборной программе она предлагает «*внести изменения в Конституцию Российской Федерации, чтобы закрепить конституционный статус русского народа на всей территории России*» [Программа партии ЛДПР]. Это означает, что тем самым партия стремится укрепить права людей, закреплённые Конституцией РФ. В русском языке имя существительное *Конституция* употребляется в значении «основной закон, принятый государством», «акт урегулирования» и относится к политической сфере.

Левая политическая партия КПРФ также имеет предложения по отношению к российскому законодательству: «*пересмотреть законы, ухудшающие материальное положение граждан*», «*законодательно закрепить недопустимость использования Вооружённых Сил против народа*» [Программа партии КПРФ]. В данном случае имя существительное ЗАКОН используется в значении «правила, установленное государством» и носит правовой характер.

Анализ фактического материала дает нам основание утверждать, что концепты GESETZ и ЗАКОН, как в немецком, так и русском языках репрезентируются при помощи имен существительных и определяются как нормативный акт, правило, установленное государством, моральное правило и непреложность и используется в правовой, политической и моральной сферах. В немецком языке зафиксирована частотность использования сложных имен существительных с основным компонентом *das Gesetz* в составе сложного существительного, а также имени существительного *das Gebot*, которое используется в значении «моральный закон».

В русском языке используется, наряду именем существительным *Закон* имя существительное *Конституция*, которое выступает синонимом применительно к текстам политических партий РФ.

Таким образом, отметим, что концепт GESETZ в немецком политическом дискурсе репрезентируется сложными именами существительными, производными от имени существительного *das Gesetz* и синонимами, применительно к другим сферам. Концепт ЗАКОН репрезентируется в русском политическом дискурсе двумя существительными *Закон* и *Конституция*.

Литература

- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
Программа ЛДПР. ЛДПР укажет дорогу. URL: <http://www.ldpr-ural.ru/section/group/programm/>
- Программа партии «Родина» на выборах депутатов государственной думы VIII созыва 2021 г. URL: <https://rodina.ru/partiya/documentsForRead/48>
- Grundsatz für Deutschland, Alternative für Deutschland. URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm/>
- Parteiprogramm Die Linke. URL: <https://www.die-linke.de/partei/programm/>

N. B. Ershova, A. V. Esaulova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

LEXICAL REPRESENTATION OF CONCEPTS *GESETZ* AND *LAW* IN GERMAN AND RUSSIAN (based on a political discourse)

The article examines the lexical means of representation of the concepts *GESETZ* and *LAW* in German and Russian on the material of political discourse, a comparative analysis of the lexical units represented by these concepts is carried out, the concept of political discourse is revealed.

Key words: concept, lexeme, political discourse, program of political parties.

Л. В. Калинина (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru

УЛОВИТЬ, ИЗМЕНИТЬ(СЯ), ОХВАТИТЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ЭВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ В. И. ВЕРНАДСКОГО

В статье анализируются глаголы *улавливать/уловить, изменять(ся)/изменить(ся), охватывать/охватить*, их производные и их синонимы как языковые средства, с помощью которых В. И. Вернадский описывает три стадии циклического процесса эволюции живых (когнитивных) систем. Показано, что процесс эволюции в работах В. И. Вернадского концептуализируется на основе прототипа причинности.

Ключевые слова: эволюция, познание, концептуализация, метафора, В. И. Вернадский.

В 2023 году исполняется 160 лет со дня рождения выдающегося отечественного учёного и мыслителя В. И. Вернадского. Одной из важнейших идей В. И. Вернадского была идея о ноосфере («сфере разума») как высшей стадии эволюции биосферы. Несмотря на противоречивое отношение представителей разных наук к «ноосферному учению» В. И. Вернадского, для когнитивной лингвистики оно представляет несомненный интерес хотя бы потому, что рассматривает целенаправленную познавательную деятельность человека как процесс естественного взаимодействия с окружающей средой. Как пишет А. В. Кравченко, «когнитивные системы – это живые системы, а жизнь как процесс представляет собой когнитивный процесс» [Кравченко 2021: 139]. По сути, эта мысль, основополагающая для современной биологии познания, и утверждается в работах В. И. Вернадского. Цель настоящей статьи – на основе семантического и контекстуального анализа языковых средств, используемых В. И. Вернадским, показать, каким образом концептуализируются представления учёного об эволюции живых (когнитивных) систем.

Для начала дадим общую характеристику представлений В. И. Вернадского о процессах распространения жизни на планете и о переходе биосферы в ноосферу. Все цитаты приводятся по изданию [Вернадский 2022].

По В. И. Вернадскому, эволюция «живого вещества» осуществляется следующим образом: *«Космические излучения вечно и непрерывно льют на лик Земли мощный поток сил... Благодаря космическим излучениям биосфера получает во всём своём строении новые, необычные и неизвестные для земного вещества свойства... Вещество биосферы благодаря им [излучениям. – Л. К.]... становится активным, собирает и распределяет в биосфере полученную в форме излучений энергию, превращает её в конце концов в энергию в земной среде, свободную, способную производить работу»* (с. 10). В результате *«твари Земли являются созданием сложного космического процесса... в котором... нет случайности»* (с. 11). В какой-то момент человек как один из биологических видов побеждает все остальные виды и начинает существенно менять «лик планеты», причём *«мощь его связана... с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом»* (с. 588), так что *«человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой»* (с. 589). Таким образом формируется ноосфера – *«последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории»* (с. 592).

Можно сказать, что в понимании В. И. Вернадского эволюция биосферы происходит по такой циклической схеме: *улавливание энергии из окружающей среды – строительство и/или изменение живого вещества – распространение обновлённого живого вещества и преобразование свойств*

среды. Поскольку ноосфера является неотъемлемой частью и порождением биосферы, эволюция ноосферы идёт аналогичным образом: *улавливание идеи из окружающей среды – создание и/или изменение научной теории – распространение обновлённой научной теории и преобразование свойств среды*. Таким образом, живая (когнитивная) система и среда находятся в отношениях взаимной каузальности, когда «изменение... в организме ведёт к изменению в окружающей среде, модифицируя это изменение так, что оно, в свою очередь, оказывает модифицирующее влияние на организм, и так далее в рекурсивном порядке» [Кравченко 2021: 202].

Необходимость передать отношения взаимной каузальности обуславливает тот факт, что в текстах В. И. Вернадского указанные стадии эволюции живых (когнитивных) систем концептуализируются на основе прототипа причинности. Причинность представляет собой «кластер, состоящий из других компонентов» [Лакофф, Джонсон 2008: 105], которые «снова и снова воспроизводятся вместе в одном действии за другим... как набор совместно реализующихся характеристик» [там же: 106]. При этом эволюция собственно биосферы и эволюция ноосферы описываются у В. И. Вернадского в одних терминах – это метафорические номинации, созданные на основе глаголов физического действия типа *охватывать/охватить, захватывать/захватить, улавливать/уловить*. Материалом исследования явились около 300 контекстов, включающих указанные глаголы, их производные и некоторые их синонимы.

Первая стадия процесса эволюции передаётся с помощью единиц с корнем *-лов-* (26 примеров в нашем материале): *улавливать(ся), уловить, улавливание, улавливаемый, ловящий, уловленный, уловимый, неуловимый*. Почти все эти единицы выступают в переносном значении и обозначают не физическое действие ‘стараться схватить движущееся’ (ср. единичный пример: *высекание искры и улавливание её из камня* (с. 490)), а действие перцептивное или интеллектуальное ‘стараться воспринять, получить, использовать что-н.’ [Ожегов, Шведова 2005: 331]. Ср.: «*Весь зелёный организм... приспособлен к... улавливанию и превращению космического луча*» (с. 34); «*Луч, падая на Землю, всюду встречает ловящий его организм*» (с. 70); «*Мы улавливаем и осознаём только ничтожную часть этих излучений*» (с. 17); «*...здесь явно существуют пока не уловленные закономерности*» (с. 112); «*Такая задача на первый взгляд кажется неуловимой и чрезмерно широкой*» (с. 226); «*Пастер первый... уловил в 1860–1880-х годах его [явления правизны-левизны. – Л. К.] основное значение в биогеохимических процессах*» (с. 533).

Этот же смысл отчасти выражают лексические единицы с корнем *-хват-*: *захватывать(ся), захватить(ся), охватывать(ся), охватить(ся)*,

схватывать(ся), схватить(ся) и др., которые составляют большую часть наших примеров (175 словоупотреблений). Анализ семантики данных слов показывает, что лексические единицы с корнем *-хват-* называют действие, которое может быть как направленным вовне, «к флангам», так и направленным внутрь некоторой целостности, проникающим. Ср., напр.: «Охватывать – ... 2. Окружать, обступать, *располагаясь вокруг*... 4. Включать в себя, в свой состав, в своё содержание» [ССРЛЯ 1959: 877]. При обозначении «включения чего-либо в себя» слова с корнем *-хват-* метафорически обозначают то же, что слова с корнем *-лов-*, ср.: «Количество создаваемого на гектаре органического вещества ограничено и теснейшим образом связано с той солнечной лучистой энергией, которую *захватывает* ‘улавливает’ зелёное растение» (с. 54); «*Захватываемая* ‘улавливаемая’ организмами солнечная энергия составляет небольшую часть той, которая достигает поверхности Земли» (с. 74); «Значительная часть этой энергии *захватывается* ‘улавливается’ верхней земной оболочкой» (с. 75); «Всюду и сейчас растительные сообщества... приурочены к тому, чтобы многократно *перехватить* ‘уловить, поймать’ солнечный луч» (с. 71–72); «...благодаря им [научным исканиям. – Л. К.] *схватится* ‘будет уловлено, понято’ всё, что может быть выражено в математических формулах» (с. 249); «Старые мечты и настроения мыслителей... всегда частью наукой *схваченные* ‘уловленные, воспринятые’, как будто близятся к реальному... осуществлению» (с. 413).

Однако в 90% случаев глаголы с корнем *-хват-* и их производные в работах В. И. Вернадского метафорически описывают завершающую стадию эволюционного цикла, то есть распространение в среде обновлённого живого вещества или, в случае ноосферы, обновлённой научной теории. Ср.: «Часть потомства с новой маткой улетает и *захватывает* ‘распространяется на’ новое пространство вне ареала, необходимого для жизни первого, исходного государства» (с. 41); «Потенциальная возможность *захвата* ‘распространения по’ поверхности всей планеты путём размножения... присуща всем организмам» (с. 479); «Ими [поколениями. – Л. К.] обновляется вещество, *охваченное* жизнью ‘на которое распространяется жизнь’» (с. 60); «В областях, только что наукой *захватываемых* ‘на которые распространяется наука’... мы встречаемся с уже готовыми представлениями, выработанными или высказанными философами, раньше *охвата* их наукой ‘распространения на них науки’» (с. 441–442); «Идеи Ньютона... окончательно *охватили* ‘распространились на’ научную мысль» (с. 616).

Между крайними стадиями – «улавливания энергии/идеи» и «распространения преобразованного(ой) вещества/теории» – осуществляются

процессы изменения, перехода, обретения нового качества. Для их обозначения в текстах В. И. Вернадского используются лексические единицы *менять(ся), изменить(ся), изменение, изменчивость, обмен, переходить, переход, переходный, перелом, превращение, (быть на) грани, (быть на) границе* и другие (более 80 примеров в нашем материале). Ср.: «*Живое вещество является пластичным, **изменяется**, приспосабливается к **изменениям среды***» (с. 308); «*Ход научного творчества является той силой, которой человек **меняет** биосферу*» (с. 356); «*...развитие одного и того же процесса **превращения** солнечной световой энергии в действительную энергию Земли*» (с. 33); «*Биосфера не раз **переходила** в новое эволюционное состояние*» (с. 313); «*Мы живём на **переломе**, в... новую эпоху жизни человечества*» (с. 319); «*Мы **стоим на границе** величайших **изменений** в познании мира*» (с. 637).

Таким образом, процессы эволюции и когниции в работах В. И. Вернадского концептуализируются единообразно как состоящие из трёх циклически повторяющихся стадий: получение *X* (*улавливать*) – преобразование $X \rightarrow Y$ (*изменять(ся), превращать, переходить*) – распространение *Y* (*охватывать, захватывать*). В основе данной модели лежит прототип причинности («что возникает из чего», «что порождается чем») и различные вариации его метафорического расширения (см.: [Лакофф, Джонсон 2008: 104–111]). При этом собственно живой организм (когнитивная система) в описании В. И. Вернадского наделяется такими признаками, что его можно было бы метафорически осмыслить по модели реификации: «живой организм (когнитивная система) – это антенна», так как антенна – это устройство, предназначенное для излучения или улавливания электромагнитных волн (ср.: [Ожегов, Шведова 2005: 25]) и работающее по принципу «уловить *X* – преобразовать $X \rightarrow Y$ – распространить *Y*».

Литература

- Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Издательство АСТ, 2022.
- Кравченко А. В.* Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму. (Новая повестка дня в языкознании). М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959.

L. V. Kalinina (Kirov, Russia)
Vyatka State University

**TO CATCH, TO CHANGE, TO COVER:
CONCEPTUALIZATION
OF THE PROCESS OF EVOLUTION
IN THE WORKS OF V.I. VERNADSKY**

The article analyzes the verbs *улавливать/уловить* 'to catch', *изменять(ся)/измениться* 'to change', *охватывать/охватить* 'to cover', their derivatives and their synonyms as linguistic means by which V.I. Vernadsky describes three stages of the cyclic process of evolution of living (cognitive) systems. It is shown that the process of evolution in the works of V.I. Vernadsky is conceptualized on the basis of the prototype of causality.

Key words: evolution, cognition, conceptualization, metaphor, V.I. Vernadsky.

Н. В. Карпинская (Луганск, Россия)
Луганский государственный аграрный университет
obr_okr2017@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА СЕРДЦЕ
В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ**

В статье представлены библейские выражения с соматическим концептом СЕРДЦЕ, репрезентирующим духовно-нравственные характеристики. Благодаря своей дидактической направленности, концепт обладает источником ценностных предписаний человеку: выбора нравственных позитивных/негативных качеств, волевых усилий, усиленной внутренней работы. Когнитивно-смысловое наполнение концепта СЕРДЦЕ как составляющей когнитивной структуры предполагает целый ряд концептуальных смыслов, лежащих за пределами слова, что и делает его фактом культуры русского народа.

Ключевые слова: концептуализация, библейский текст, соматический концепт СЕРДЦЕ, когнитивный анализ, библеизм, традиционные ценности.

Общекультурное наследие Библии определяет необходимость лексикографической и фразеологической фиксации, лингвокультурологического описания устойчивых единиц как фактора сохранения и дальнейшего развития современного языка. Исследование лексического состава русских

фразеологических единиц (ФЕ) с соматическими концептами представляет значительный интерес, поскольку оно оказывает особо значимое в системе понимания «мира души» через элементы «внешнего мира» человека, которые глубоко концептуализируются в библейских текстах. В. Н. Телия отмечает, что мощным культуросносным источником для русского миропонимания и языкового сознания послужило христианство с его нравственными установками и ритуалами, которые изложены в библейских текстах [Телия 1996: 244].

Исследование языка Библии как языка веры и как основы духовного кода общенародного языка с позиции не только когнитивной, но и теолингвистики несомненно будет способствовать более глубокому пониманию языка как носителя духовной памяти человечества. По мнению Е. В. Бобыревой, религиозный дискурс, к которому относятся библейские тексты, представлен своими особыми концептами. Автор разделяет их на первичные и вторичные [Бобырева 2008: 164], т. е. первоначально принадлежащие только религиозной сфере (*Бог, ад, рай, грех, дух* и др.) и те, которые параллельно функционируют как в религиозной, так и светской сфере. Выбранный нами соматический концепт СЕРДЦЕ относится к концептам вторичной сферы (*страх, закон, наказание, любовь* и др.), поскольку этот соматизм продуктивен и является компонентом многих ФЕ и паремий, напр.: *отлегло от сердца; обнажать сердце; сердце кровью обливается* и др. [БСРП 2007: 607]; *Сердце не камень; Сердце с перцем, душа – с чесноком; Сердцу веселие – душа цветет* [БСРП 2010: 804] и современных символов любви, преданности (напр., образ пары лебедей, подплывающих друг к другу; эмодзи в виде сердца; жестовый знак в виде сердца и т. д.).

Цель данного исследования состоит в репрезентации систематики концепта СЕРДЦЕ, входящего в состав библеизмов как ключевого элемента механизма нравственности человека и духовной опоры традиционных ценностей русской культуры.

В. фон Гумбольдт писал, что духовное своеобразие народа и строй его языка чрезвычайно взаимосвязаны. Если существует первое, то с него обязательно должно «вытекать» второе. «Язык есть якобы внешнее выявление духа народов: язык народа – его дух, и дух народа – его язык, и тяжело представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 2000: 68].

Человек воспринимает мир через самого себя, осмысливает его, описывая свое тело, обращаясь к соматическим концептам, в которых хранятся языковые конструкции, позволяющие прикоснуться к национальному своеобразию культуры. Они являются исходным для первичного и базового понимания реалий мира. И важными для этого когнитивного процесса становятся устойчивые единицы в библейских текстах.

Известно, что определение терминов *библейзм* у разных исследователей (А. К. Бирих, Е. М. Верещагин, В. Г. Гак, Л. М. Грановская, И. Гури, К. Н. Дубровина, Й. Матешич, А. В. Медведев, В. М. Мокиенко, Н. Николаюк, В. Л. Ширяев, Т. М. Шихова, С. Г. Шулежкова, и др.) допускает широкие и узкие трактовки. При этом доминирующим признаком всегда остается идентификация *библейзма* на основе его первоисточника. Так, в одном из наиболее ёмких и признанных определений В. Хлебды подчеркивается, что библейзм «понимается скорее интуитивно, так как вопрос о границах библейской фразеологии и содержании корпуса библейских фразеологизмов остался открытым. Причиной этого являются два порога понимания – «библейскости» и «фразеологичности» [Хлебда 1997: 68]. Мы будем использовать термин *библейзм* как устойчивое сочетание слов, обладающее целостным значением и восходящее по своему происхождению к Библии. Не относим отдельные слова, восходящие к текстам Священного Писания, в т. ч. топонимы (*Вавилон, Назарет* и др.), антропонимы (*Ной, Каин* и др.), которые имеют прецедентный характер, но односложны и являются *крылатыми словами* [Ломакина 2018: 25]. По мнению ученых сохраняется такая формулировка: «Библейзм – языковая единица, характеризующаяся рядом признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики)» [Лилич, Мокиенко, Степанова 1993: 52]. Как видим, в группу библейзмов исследователи включают слова, устойчивые словосочетания слов и афоризмы библейского происхождения с определенными характеристиками.

Рассмотрим библейзмы с компонентом *сердце*, репрезентирующим соматический концепт.

В русском Синоидальном переводе Библии слово *сердце* в Ветхом Завете встречается пятьсот девяносто один раз, в Новом Завете – сто пятьдесят пять, что свидетельствует об образе всеобъемлющей любви: «Возлюби Господа Бога твоего всем *сердцем* твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22:37) [Евангелие 2019: 83].

В библейских текстах соматизм *сердце* иллюстрирует следующие характеристики человека: 1) показатель нравственных чувств (*дурное сердце; обманутое сердце; изнемогает сердце* и др.); 2) номинант мыслей и мышления, сердечной молитвы (*сердце мое размышляет; все мысли помышления сердца злы; молиться в сердце своем; слагая в сердце своем* и др.); 3) источник эмоций, желаний (*возрадуется в сердце твоём; не враждуй на брата твоего в сердце твоём; расслабили сердце; не убоится сердце; трепещущее сердце; печаль на сердце; желания*

сердца и др.); 4) волевой центр (*из сердца исходят помыслы; ожесточил дух и сердце; в чистоте сердца и правоте; сердце разумное* и др.); 5) показатель волеизъявления Бога (*и раскаялся Господь, что создал человека на Земле и восскорбел в сердце своем* (Быт. 6–8); *повернулось во Мне сердце Мое* (Ос. 11) [Библия 2010: 54, 870]. В таких текстах отсутствует указание на соматизм *сердце* как на физический орган человека, возможно, в связи с отсутствием знаний о жизненных функциях, кроме понимания диады *жизнь – смерть*.

Образ сердца часто используется в Библии для характеристики того, что позволяет нам самовыражаться, то есть представлять собой личность. Иными словами, соматический концепт СЕРДЦЕ репрезентирует динамические силы, делающие нас уникальными. Как пишет В. И. Карасик, вслед за Ю. С. Степановым, что в «лингвокультурологический концепт входит все то, что и делает его фактом культуры» [Карасик 2004: 96].

Рассмотрим несколько примеры устойчивых выражений с соматическим компонентом СЕРДЦЕ. Это соматический концепт чаще всего встречается при описании внутренних душевных переживаний или ощущений, эмоций влюбленного, чистых намерений и щедрого человека напр.: *Да будет у меня с вами одно сердце. Если вы пришли ко мне с миром, хотите помочь мне, то я буду вам другом.* [Библия 2010: 404].

Особую группу составляют библеизмы с эпитетами, ставшими компонентами ФЕ с разной степенью смысловой нагрузки, наполненными эмоционально-экспрессивным чувством, напр.: *горячее сердце* (речь идет о пылком, страстном человеке, способном на сильные чувства и переживания); *золотое сердце* (о добром, сострадательном, заботливом и искреннем человеке принято так говорить); *от полного сердца* (полные любви) и др. С наибольшей степенью выражения конкретной референции употребляются библеизмы с притяжательными местоимениями: *сердце моё* (ласковое обращение к дороговому, любимому человеку).

Как видим, в концептуальное поле соматический концепт СЕРДЦЕ входят дефиниции, содержащие сакральный смысл, т. е. определяющий «ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствует вера и доверие к Богу и миру» [Шкуран 2019: 205].

Таким образом, ценностная характеристика соматического концепта СЕРДЦЕ, входящего в состав библейской фразеологической единицы, предполагает целый ряд концептуальных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова, они скрыты, но в них можно проникнуть через тонкий лингвокультурный анализ языка, который содержит социально значимую религиозную и духовно-нравственную информацию.

Литература

- Библия. Ветхий Завет.* М.: Российское библейское общество, 2010.
- Святое Евангелие.* М.: Сибирская Благовонница, 2019.
- Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание, Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
- Гумбольдт В. ф.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Библизмы в русском, чешском и словацком литературном языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 1993. Вып. 3 (№ 16). С. 51–59.
- Ломакина О. В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Изд-во РУДН, 2018.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок / под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских поговорок / под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2010.
- Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Шкуран О. В.* Сакрально-прагматическая константа в паремии *Не в деньгах [только] счастье* // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 204–211.
- Chlebda W.* Библия в языке – язык в Библии // *Problemy frazeologii europejskiej.* II. Warszawa, 1997. S. 68–69.

N. V. Karpinskaya (Lugansk, Russia)
Lugansk State Agrarian University

VERBALIZATION OF THE CONCEPT HEART IN BIBLICAL TEXTS

The article presents biblical expressions with the somatic concept HEART, representing spiritual and moral characteristics. Due to its didactic orientation, the concept has a source of value prescriptions for a person: the choice of moral positive/negative qualities, volitional efforts, intensified inner work. The cognitive-semantic content of the concept HEART as a component of the cognitive structure implies a number of conceptual meanings that lie beyond the word, which makes it a fact of the culture of the Russian people.

Key words: conceptualization, biblical text, somatic concept HEART, cognitive analysis, Biblical studies, traditional values.

Е. С. Коканова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
e.s.kokanova@narfu.ru

**КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ
ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
ПРИ СОЗДАНИИ НЕНЕЦКОГО
ОНЛАЙН-СЛОВАРЯ**

На начальном этапе разработки ненецкого онлайн-словаря при создании словарной статьи глагола русско-ненецкого словаря столкнулись с семантическими особенностями лексикографического портрета глагола движения, характеристики которого возможно выделить в рамках когнитивно-семантического подхода.

Ключевые слова: когнитивно-семантический подход, глагол движения, ненецкий язык, онлайн-словарь, лексикографический портрет.

В статье предпринята попытка лингвистического описания семантических характеристик лексем на примере образных глаголов движения на начальном этапе разработки ненецкого онлайн-словаря. Сказанное не означает, что другие лексемы интересными свойствами не обладают. Словарные статьи всех лексем разрабатываемого ненецкого онлайн-словаря должны придерживаться принципа унификации, но возможны отступления. В рамках данного исследования рассмотрены некоторые заслуживающие внимания свойства образных глаголов движения. Материалом исследования послужили лексические единицы из тундрового диалекта ненецкого языка, представленные в Русско-ненецком словаре (1948) и Ненецко-русском словаре (1954).

Образные глаголы движения встречаются не только в ненецком языке (например, ханярць ‘скользить, нестись легко и беспрепятственно’ [Шилова 2003: 77], *тядана(сь)* ‘быстро идти в широко распахивающейся одежде’, *нэлолабта(сь)* ‘быстро пойти, шумя рваной одеждой’, *нэлхала(сь)* ‘бежать, производя шум одеждой’ [Чугунекова 2020: 144]), но и в якутском, хакасском, тувинском языках и т. д. [Харитонов 1954, Чугунекова 2020, Шилова 2003 и др.]. Подчеркивается, что «в большинстве случаев в семантике таких глаголов выступает зрительный образ, представляющий собой как бы снимок с реального образа, с его разнообразными признаками» [Харитонов 1954: 179].

Лексикографический интерес представляют образные глаголы движения в ненецком языке с точки зрения когнитивно-семантического подхода. Смысл описания с когнитивной точки зрения глагола в ненецком языке вообще и образного глагола движения в частности заключается в том, чтобы объяснить, как представлена свернутая информация. Так, глагол *нялода(сь)* представляет собой некое концептуальное пространство с двумя доменами «движение» (медленное движение) и «зрительный образ» (ползущий человек). Говорящий на ненецком языке использует ту или иную лексему для адекватной ориентации адресата в соответствующем концептуальном пространстве. Коммуникативно приемлемыми с точки зрения когнитивно-семантического подхода становятся глаголы *вдэрць*, *ламбихорць*, *халмарць* ('ходить пешком, расхаживать', 'ходить на лыжах', 'бегать зигзагами'). Так, образный глагол движения *халмарць* вызывает чувственное представление, когда происходит изменение образа от бега зигзагами волком к бегу зигзагами собакой, человеком.

Никто не будет спорить, что ненецкий и русский языки по-разному формируют знания. При разработке ненецкого онлайн-словаря нужно учитывать «исследование способов формирования и интерпретации значений языковых единиц и смыслов в контексте определенной социокультурной или национальной концептосферы» [Болдырев 2014: 83]. Для большинства людей концепт БЕГ/СЮРБАВА посредством языковых средств создает концептуальное пространство «быстрое движение», и это восприятие по сути одинаково для русской и ненецкой культур. С одной стороны, это оправдывает лексикографические ожидания. С другой стороны, в русском языке «бегать» обозначает не только движение, но и ухаживание, в переносном смысле также можно говорить о глазах, времени, мурашках и т. д. В ненецком же языке «бегать» добавляет несколько другие образы: *сюрба(сь)* 'побежать, бежать (о человеке)', *нявота(сь)* 'бежать, убежать (о крупном животном)', *варна(сь)* 'идти, бежать, прийти (о небольшом животном, о птице)', *ханерць* 'бежать свободно (про оленя без упряжи)', *хут 'мэддэ(сь)* 'бежать (о неуклюжем человеке или животном)' и т. д. На создание лексикографического портрета образного глагола движения будет влиять, по мнению Е. С. Кубряковой, уникальные концептуально-семантические особенности лексических единиц [Кубрякова 2004: 487].

Интересные семантические особенности обнаруживают ненецкие глаголы: *мирна(сь)* 'нестись, мчаться', *ху'лэ(сь)* 'нестись, плыть по течению', *пу'ларё(сь)* 'нестись (по ветру)', *варилибтеба(сь)* 'бежать в сторону (о человеке)'. С когнитивно-семантических позиций, они представляют собой некое концептуальное пространство с двумя доменами «движение»

и «зрительный образ» (пространство). Так, движение может быть локализовано на различной темпорально-локальной оси координат. Мир состоит из событий, имеющих пространственно-временную протяженность [Худяков 2000: 97, Коканова 2005: 19].

Таким образом, в русской и ненецкой культурах один и тот же концепт может отличаться своим наполнением, но многие его аспекты могут совпадать. Можно также отметить, что не каждый предмет материального мира представляет собой концепт, но именно рассмотрение таких феноменов через призму национальных особенностей помогает понять, что языковые картины народов России могут не пересекаться друг с другом, несмотря на то, что они представляют собой совокупность огромного количества факторов, однако, некоторые аспекты все же обладают некой универсальностью. В ходе разработки ненецкого онлайн-словаря при моделировании каждой словарной статьи необходимо отразить как типовые, так и индивидуальные свойства лексем.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Коканова Е. С.* Английские сентенциональные наречия в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Институт языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Русско-ненецкий словарь*: ок. 15000 слов / сост. А. П. Пырерко, Н. М. Терещенко; под общ. ред. академ. И. И. Мещанинова. М.: ОГИЗ: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1948.
- Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Хомич Л. В.* Ненецко-русский словарь для ненецкой начальной школы. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1954.
- Худяков А. А.* Семнозис простого предложения: монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000.
- Чугункова А. Н.* Образные глаголы движения хакасского языка как отражение национальной языковой картины мира (в сравнении с тувинским и ненецким языками) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2020. С. 139–145.
- Шилова В. В.* Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск, 2003.

E. S. Kokanova (*Arkhangelsk, Russia*)
Northern (Arctic) Federal University

**COGNITIVE SEMANTIC APPROACH
TO THE LEXICOGRAPHIC PORTRAIT
OF MOTION VERBS
IN CREATING A NENETS ONLINE DICTIONARY**

The paper deals with the semantic peculiarities of the verbs at the initial stage of making the Russian-Nenets online dictionary. When creating a dictionary entry there is special attention to the lexicographic portrait of the motion verb. A cognitive semantic approach is used.

Key words: cognitive semantic approach, motion verb, the Nenets language, online dictionary, lexicographic portrait.

I. V. Коломлина (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
irina_kolomlina@mail.ru

**ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ**

В статье рассматриваются властные отношения на основе таких характеристик концепта POWER, как «контроль», «влияние», «сила». Особенности властных отношений анализируются в концептуальных областях ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Установлено, что в каждой области осмысление данных характеристик имеет свою специфику.

Ключевые слова: властные отношения, концепт, концептуальная область.

Исследование властных отношений в классическом дискурсивном русле было инициировано М. Фуко. По мнению ученого, «власть – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе; ... она не приобретается, вырывается или делится, ее не удерживают и не упускают. Власть осуществляется из бесчисленных точек и в игре подвижных отношений неравенства» [Фуко 1996: 193–194]. Фактически, в такой ситуации выделяются позиции субъекта и объекта власти, которые

противопоставляются по характеру властных отношений и между которыми реализуется дискурс, раскрывающий степень и тип власти.

Данный подход в дальнейшем был развит в теории дискурса Т. В. Дейка [Ван Дейк 2022], а также в исследовании М. В. Йоргенсена и Л. Дж. Филлипса. В частности, указывалось, что «власть есть ничто иное, как продуктивная сила, конституирующая дискурс и, следовательно, реальность, не принадлежащую определенным агентам, таким как индивиды, государства или группы с конкретными интересами» [Йоргенс, Филипс 2008: 37]. Это понятие указывает на абстрактность властных отношений, в области которых отмечается явление доминирования в широком смысле – как превосходство одних субъектов над другими, как власть предубеждений и манипулирования, где последнее может осуществляться как через вербальные, так и визуальные средства.

Следует отметить, что как объект лингвистики властные отношения изучались неоднократно в русле социолингвистического подхода и в рамках теории дискурсивного анализа. В рамках первого направления анализировались язык социального статуса, дискурсы определенных субъектов, находящиеся у власти, речевой этикет, коммуникативное лидерство, манипулятивное общение (Д. И. Шаховский, В. И. Карасик, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, А. Б. Алексеев, А. Ю. Чайкина, О. А. Никишина и др.). В области второго направления рассматривались особенности выражения статусно-ролевых отношений, где в последнее время все чаще обращается внимание на восприятие концепта «власть/властные отношения» в национальных картинах мира (О. С. Иссерс, Е. О. Шевелева, Е. А. Красильникова, Е. В. Миненко, А. А. Гетман, А. В. Худяков, К. А. Кокорина и др.). Целью данного исследования является изучение концептуальной основы властных отношений на материале современного английского языка.

Для определения содержательных характеристик концепта POWER был проведен концептуально-дефиниционный анализ одноименных лексем:

power – 1) ability to control people and events; 2) the amount of political control a person or group has in a country; 3) strength; 4) an official or legal right to do something; 5) authority; 6) a person, organization, or country that has control over others, often because of wealth, importance, or great military strength; 7) possession of control, authority, or influence over others;

to power – 1) to act with great strength or in a forceful way;

powerful – 1) having a lot of power to control people and events; 2) having a very great effect [CD, MWD].

В ходе проведенного анализа были установлены такие характеристики концепта POWER: 1) контроль; 2) влияние; 3) сила. Были также выявлены

концептуальные области, в которых реализуются властные отношения: ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. С учетом специфики данных областей выделенные концептуальные характеристики будут осмысляться по-разному, что соотносится с фактором когнитивного динамизма (о когнитивном динамизме см.: [Фурс 2021]).

Обратимся к анализу конкретных примеров, чтобы определить особенности объективации властных отношений в разных концептуальных областях:

*The enjoyment of **power over another** is fed by imagination from the viewpoint of his resisting and suffering self* [Graham 1985].

В данном примере репрезентируется характеристика «контроль» в рамках концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Характерно, что контроль над другими рассматривается наблюдателем как источник радости, на что указывает контекст этого примера.

*The letter concluded with a request for a final session of the USSR Supreme Soviet in order to **hand over power constitutionally**. Prior to the Alma Ata meeting, Kazakhstan's President Nazarbayev had expressed his preference for the name «Eurasian Commonwealth of Independent States» for the new body* [BNC].

Характеристика «контроль» объективируется на основе концептуальной области ГОСУДАРСТВО. В этом случае для наблюдателя значимость имеет законодательная база для осуществления контроля – конституция страны.

*The research of writers, such as Likert, who support the principle of management by participation suggests that employees may be more productive when they consider that they have some influence over planning decisions which affect their work; and some individuals are motivated by the need for **power** and show great concern for exercising **influence and control**, and for being leaders* [BNC].

В области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ властные отношения часто репрезентируются за счет активизации двух характеристик «контроль» и «влияние», которые рассматриваются как основа лидерства в компании.

Рассмотрим особенности объективации характеристики «влияние»:

*Anselm had **powerful** friends in Ireland, and during his lifetime the ecclesiastical future of the country seemed to lie in his hands* [Southern 1990].

В концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ данная характеристика рассматривается как способ получения выгоды.

*The Hayes Society claimed to admit butlers of «only the very first rank». Much of the **power** and prestige it went on to gain derived from the fact that unlike other*

such organizations which have come and gone, it managed to keep its numbers extremely low, thus giving this claim some credibility [Ishiguro 1989].

В этом примере активизируется характеристика «влияние» в концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Как указывается в контексте, степень влияния организации определяется профессионализмом работников (*only the very first rank*).

*In the period of expansion from 1893 to 1914, Germany developed an extremely **powerful** position in the new technologies of chemicals, dye stuffs and electrical engineering* [Champion, Townsend 1990].

Характеристика «влияние» в преломлении к государству в этом примере рассматривается в аспекте лидерства на мировой арене по производству химических веществ и в инженерном деле.

Рассмотрим далее, как репрезентируется характеристика «сила»:

*Its dean was his former teacher and friend, Eric Milner-White. Dean and chapter **did everything in their power** to get Ramsey* [Chadwick 1991].

В концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ данная характеристика осмысливается образно за счет метафоры КОНТЕЙНЕР. В результате создается ассоциация «сделать все возможное, что в их силах».

*"Forget it." Helen was trying to decide how much of Nicola's resolve, how much of **her negotiating power**, proceeded from fear* [Curtis 1992].

В области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ характеристика «сила» конкретизируется за счет проявления определенных способностей человека. В частности, в данном примере это сила переговорных усилий.

*The accession of a child-king was also a dangerous time, especially if he, or indeed a mature monarch, was dominated by one group at the expense of others. Some of the forces from which a strong ruler forged **powerful** government were then likely to contribute to disorder* [Lawson 1993].

В этом случае прилагательное *powerful* репрезентирует характеристику «сила» в преломлении к правительству. Примечательно, что значение «сильное правительство» неоднократно подчеркивается иными лексическими единицами и в контексте (*forces, a strong ruler*).

Таким образом, были выявлены три характеристики концепта POWER «контроль», «влияние», «сила», которые активизируются в концептуальных областях КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГОСУДАРСТВО, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Характеристика «контроль» объективируется в зависимости от концептуальных областей следующим образом: один субъект обладает эмоциональной властью или законодательной властью над другим, либо является лидером в социальной группе. Характеристика «влияние» рассматривается, как правило, в качестве способа получения выгоды или способа установления лидерства в социуме.

Для последней характеристики, «сила», характерна конкретизация общим понятием «способность что-либо выполнить» во всех концептуальных областях.

Литература

- Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. URSS, 2022.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный центр, 2008.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996.
- Фурс Л. А.* Когниция и когнитивный динамизм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 52–58.
- Chadwick O.* Michael Ramsey: a life. Oxford: OUP, 1991.
- Champion A. G., Townsend A R.* Contemporary Britain: a geographical perspective. London: Routledge & Kegan Paul plc, 1990, pp. 1–110.
- Curtis J.* Sons of the morning. London: Corgi Books, 1992, pp. 115–265.
- Ishiguro K.* The remains of the day. London: Faber & Faber Ltd, 1989, pp. 1–110.
- Graham A C.* Reason and spontaneity. London: Curzon Press Ltd, 1985, pp. 1–60.
- Lawson M K.* Cnut: the Danes in England in the early eleventh century. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1993, pp. 9–150.
- Southern R W.* Saint Anselm. A portrait of a landscape. Cambridge: CUP, 1990, pp. 254–364.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
- MWD – Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- BNC – British National Corpus. URL: <http://phrasesinenglish.org/searchBNC.html>

I. V. Kolomlina (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University
irina_kolomlina@mail.ru

POWER RELATIONS AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

The article deals with power relations based on such characteristics of the concept POWER as “control”, “influence”, “strength”. Features of power relations are analyzed in the conceptual domains STATE, CORPORATE RELATIONS, INTERPERSONAL RELATIONS. It has been established that the comprehension of these characteristics has its own specifics in each domain.

Key words: power relations, concept, conceptual domain.

И. С. Криворучко (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
ira7791@mail.ru

НЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

В статье предпринимается попытка определить доминантные признаки концепта MONEY, обеспечивающие формирование оценочных значений у единиц заданной категории. Посредством лингвоаксиологического анализа англоязычных неологизмов выявляются основные ценностные и антиценностные тенденции развития и функционирования современных платежных средств.

Ключевые слова: антиценности, деловой дискурс, деньги, концепт, неологизм, когнитивный подход.

Одной из наиболее значимых реалий в жизни человека и, следовательно, в его языковом сознании являются деньги, поскольку это основа успешных товарно-денежных отношений, без которых невозможно существование современного общества. Деньги как базисное понятие человеческого опыта находят богатое отражение в языке посредством языковых единиц, спектр которых постоянно пополняется за счет процессов неологизации. В нашем исследовании речь пойдет о репрезентации доминантных признаков концепта MONEY, формирующих оценочные структуры знания. Вслед за Н. Н. Болдыревым под концептом мы понимаем единицу «осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2019: 48]. Когнитивный подход в изучении языкового материала свидетельствует о необходимости разграничения понятий лексемы “*Money*”, при восприятии которой сознание человека апеллирует к объекту реальной действительности, и концепта MONEY, являющегося по сути ментальной структурой, отражающей и фиксирующей опыт. Концепт, будучи ключевой номинацией фактов культуры, обладает ценностной характеристикой. Его репрезентантами являются стилистически нейтральные, не ограниченные в эмоционально-экспрессивном отношении, минимально зависящие от контекста лексемы, определяемые Л. Б. Здановской как «ядерные компоненты концепта» [Здановская 2009: 285]. Выделенная нами группа неологических единиц тематической направленности “*Money*” концептуализирует важный

фрагмент действительности, аксиологический аспект которого недостаточно изучен современной лингвистикой. Это обуславливает необходимость и актуальность нашего исследования, целью которого является определение когнитивных доминант ценностного поля неологических единиц, представляющих концепт MONEY посредством описания выражающих его языковых средств. Материалом исследования послужили неологизмы из электронных лексикографических источников: Cambridge Dictionaries Online Blog и Urban Dictionary.

Повседневный деловой дискурс предполагает расширенное понимание профессиональной коммуникации, полноправными участниками которой выступают как субъекты профессиональной деятельности, специалисты, так и лица без специальных знаний и навыков, но являющиеся адресатами такой деятельности и ее результатов. Диапазон профессионального уровня участников деловой коммуникации предполагает разнообразие ценностей, формирующих ценностное поле рассматриваемого концепта. Как отмечают исследователи, «ценностное поле, будучи одной из психологических основ личности, складывается из близких друг другу понятий – личных и общественных ценностей» [Катермина, Липириди 2021: 48], концепт MONEY один из немногих в деловом дискурсе, в котором это сочетание проявляется наиболее ярко.

Новые виды денег вызывают интерес и популярность, что предопределяет высокий ценностный потенциал их номинаций: **Bitcoin** (“*a virtual currency, used on the Internet*” – «виртуальная валюта, используемая в Интернете»), отсутствие ярко выраженных ценностных составляющих в дефиниции компенсируется оригинальностью названия, представляющего собой сочетание виртуального понятия *bit* – единица измерения информации с материальным *coin* – монета; **cryptocurrency** (“*a generic term for bitcoin-type e-currencies*” – «общий термин для электронных валют типа биткойн»), как и в случае с биткойном дефиниция неологизма нейтральна, из названия четко понятно, что это какие-то деньги. *Crypto* означает, что эти деньги зашифрованы. Что именно шифруется и как, не отражается ни в дефиниции, ни в номинации. Ценностный потенциал этого понятия, по нашему мнению, заключен в новизне и оригинальности такой формы денег, ее положительная коннотация предопределяется также удобством и анонимностью использования.

Среди неологизмов тематической направленности “*Money*” нами была выделена группа единиц, номинации которых раскрывают цели, на которые тратятся эти деньги: **sleeponomics** (“*the money that is spent on products, techniques, etc. that are designed to help people sleep better*” – «деньги, которые тратятся на продукцию, методы и т. д., которые призваны

помочь людям лучше спать»), термин, придуманный для описания процветающей индустрии, которой удалось в условиях вездесущего влияния технологий и продолжительного рабочего графика возвести хороший сон в область искусства. Семы *to help* и *better* в дефиниции этого понятия предопределяют его положительную коннотацию и соответствующий ценностный характер. **Hound pound** (“*the money that dog owners as a group spend on their pets*” – «деньги, которые владельцы собак, объединившись, тратят на своих питомцев»), зооморфный компонент *hound*, вызывающий положительные эмоции (собака = друг), определяет ценностный потенциал данного выражения, что подтверждается следующим контекстом: *Pet-friendly tourism, or the hound pound, is an extremely lucrative market – worth over £4bn and growing all the time. Dog Friendly Perthshire will provide a real opportunity for tourism businesses to expand their pet-friendly potential and boost the area’s tourism* [scottishfield.co.uk, 27 April 2018]. В качестве синонима *hound pound* приводится *дружественный к питомцам туризм*, определение *pet-friendly* является атрибутом ценности не только делового, но и общечеловеческого характера. Помимо этого в описании достаточно маркеров, позволяющих определить неологизм *hound pound* в категорию экономические ценности: *extremely lucrative market – чрезвычайно прибыльный рынок; a real opportunity – реальная возможность; to expand potential – расширить потенциал* и др.

Помимо цели, на которые тратятся деньги, некоторые номинации отображают и источник их происхождения: **homebody economy** (“*the money spent and earned through the production and sale of products, such as takeaway foods, aimed at people who mostly stay at home in the evenings*” – «деньги, потраченные и заработанные за счет производства и продажи продуктов, таких как еда на вынос, предназначенных для людей, которые в основном остаются дома по вечерам»), нейтральная позиция дефиниции предопределяет обращение к самой номинации: после всеобщего локдауна *homebody* – *домосед* больше не считается уничижительным словом; оно отражает широко распространенную, растущую тенденцию и силу, охватившую практически все отрасли экономики, сосредоточенной вокруг находящегося у себя дома клиента. В рамках более масштабных усилий по извлечению выгоды из «экономики домоседов» многие сервисы ориентируют свои товары и услуги на «домашних» потребителей. Растущая потребность в таких товарах и услугах и готовность их предоставлять позволяют нам говорить о значительном ценностном потенциале неологизма *homebody economy* в современном деловом дискурсе.

Ценностное поле концепта MONEY в значительном количестве представлено антиценностными категориями. Одной из распространенных

тем антиценностного спектра делового дискурса является тема гендера: **manimoney** (“*alimony paid to a man*” – «алименты, выплачиваемые мужчине»), сама номинация компонентом *man* подчеркивает предназначение этих денег представителю определенного гендера, тем самым мы видим имплицитно заложенное осуждение такого мужчины, искажение его гендерной роли, поскольку исторически алименты выплачиваются женщинам, и в названии этих денег (*alimony*) отсутствует гендерная привязка. Женщина, получающая алименты, не вызывает общественного порицания в отличие от мужчины.

Деньги, как известно, являются измерителем стоимости товаров или услуг, легко на них обменивающийся. В этом заключается их первостепенная ценность. Деньги, не выполняющие свою основную функцию средства платежа, попадают в категорию антиценностей: **ghost money** (“*money that’s already intended to be used to pay for something*” – «деньги, которые уже предназначены для оплаты чего-либо»), нейтральный характер дефиниции выражения обуславливает обращение к его номинации: метафорический компонент *ghost* подразумевает что-то несуществующее. Применительно к деньгам такое определение формирует к ним негативное отношение, поскольку ими нельзя воспользоваться.

Концепт MONEY может быть представлен единицами с отчетливо негативной коннотацией: **flight capital** (“*money that is taken out of a country, usually a less developed one and often illegally, and invested in a place where it will gain high returns*” – «деньги, вывезенные из страны, обычно менее развитой, и часто нелегально, и вложенные туда, где они принесут высокую прибыль»), весь антиценностный потенциал выражения заключен в слове *illegally* – незаконно. Содержащийся в номинации метафорический компонент *flight* служит не только обозначением возможного способа вывоза этих денег, но и для выражения ироничного отношения к невозможности их вернуть.

Таким образом, ценностная картина мира образована совокупностью концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей. Когнитивный подход в аксиологическом анализе дискурса позволяет создавать модель ценностного сознания человека. Семантика лексики, описывающей концепт MONEY, отражает ценностные приоритеты участников англоязычного делового дискурса. Среди них можно отметить особый интерес к появившимся благодаря развитию технологий новым видам денег. В категорию ценностей попадают также деньги, предназначенные для определенных целей таких, как здоровье, домашние питомцы и др. Антиценностные категории концепта MONEY представлены неологическими единицами гендерной направленности и находящимися вне правового поля понятиями.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Здановская Л. Б. Репрезентация понятия «Стройка» в медиадискурсе // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 285–293.

Катермина В. В., Липуриди С. X. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021.

Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>

Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>

I. S. Krivoruchko (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

NEOLOGICAL REPRESENTATION OF AXIOLOGICAL DOMINANTS IN ENGLISH BUSINESS DISCOURSE: COGNITIVE APPROACH

The article attempts to determine the dominant features of the concept MONEY, which ensure the formation of estimated values for units of a given category. Through a linguo-axiological analysis of English neologisms, the main value and anti-value trends in the development and functioning of modern means of payment are revealed.

Key words: anti-values, business discourse, money, concept, neologism, cognitive approach.

Ву Нзюк Иен Кхань (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
vingocyenkhanh@gmail.com

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ГЛАГОЛА ЗАДЕТЬ

В статье проводится когнитивно-дискурсивный анализ русского глагола межличностных отношений *задеть*. Рассматриваются когнитивные сценарии, заложенные в семантике глагола, выявляются особенности его функционирования в разных типах дискурса. Исследование проводится на материале толковых словарей, а также на обширном корпусном языковом материале.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, когнитивно-дискурсивный подход, когнитивный сценарий, глагол.

Как справедливо отмечает Е. Г. Беляевская, «ход лингвистических исследований XIX–XX вв. показал, что невозможно проанализировать и описать какое-либо языковое явление без понимания того, как говорящий пользуется им в процессе коммуникации и почему говорящий применяет (или реализует) некоторую языковую сущность именно так, а не иначе» [Беляевская 2006: 78]. Особенность когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике видится в том, что, по мнению Е. С. Кубряковой, «по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с содержанием новых знаний» [Кубрякова 2000: 23].

В данной работе объектом исследования является глагол *задеть*, который представляет интерес для анализа так как, во-первых, в одном и том же контексте может одновременно функционировать как глагол межличностных отношений, глагол (речевого) поведения и глагол речи; во-вторых, данный глагол частотен в речи носителей современного русского языка.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей семантики и функционирования данного глагола в различных типах дискурса.

По данным толковых словарей русского языка, *задеть* имеет следующее значение: ‘обидеть, оскорбить, уязвить’ [БАС: т. 6, 158–159; МАС 1999: т. 1, 516; Шведова 2007: 247; БТС 1998: 320], что формирует у этого глагола инвариантный сценарий ‘обидеть кого-либо’, например, *Она снова засмеялась, но я почувствовал, что мне удалось ее задеть*. (Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)) [НКРЯ]. БАС, МАС и БТС отмечают, что глагол *задеть* относится к разговорному стилю речи. Анализ контекстов, представленных в «Национальном корпусе русского языка», позволяет нам выделить внутри данного инварианта следующие варианты сценарии:

1. ‘Причинять нравственную боль’. Приведём примеры: *Разумеется, такие ребята с неохотой и некоторой долей страха посещают школу, поскольку боятся того, что сверстники будут высмеивать их слабость, дразнить и при любом удобном случае стараться задеть побольше* (Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)); *«У меня был кавалерийский карабин, а у него берданка. Его мужское самолюбие было задето... Конфликт кончился тем, что, уезжая во Владивосток по заданию штаба для передачи сведений подпольному партийному комитету, я оставила свой карабин Саше* (В. О. Авченко. Фадеев (2017)) [НКРЯ]. В приведённых контекстах отмечается, что субъект действия «задеть» может намеренно или ненамеренно обидеть кого-нибудь, или, объективно, не обижает никого, но объект действия считает, что он был задет.

2. 'Обидеть кого-нибудь вербально': «Я хочу принести извинения перед всеми, кого **задели** мои слова про День Победы (Бастрыкин поручил проверить высказывания Моргенштерна о Дне Победы // Ведомости, 2021.10); <...> Отец Сергея **задел** меня, назвал уголовницей. Теперь отвечаю тем же (Сын Сергея Зверева решил подать в суд на отца // Lenta.ru, 2020.11); <...> язык подонков/ который в какой-то степени не был сам по себе проявлением троллинга/ но использовался для того/ чтобы **задеть** чьи-то чувства/ спровоцировать людей на ответные эмоции (Оксана Мороз. Троллинг и хейтерство (2017)) [НКРЯ]. Из приведённых контекстов видно, что субъект может задеть кого-либо своими словами, грубой или ненормативной лексикой, матом и др. Здесь глагол *задеть* употребляется как глагол межличностных отношений и глагол речи / глагол речевого поведения.

3. 'Глубоко обидеть кого-нибудь своим поведением', например, *Всего один раз в жизни, когда к юбилею отца сняли замечательный фильм, в котором присутствовали все, включая его муз и связанные с ними истории, а про меня не упомянули, о том, что у него есть дочь, не было ни одного слова, – вот тогда я сказала о том, что меня **задело**, папе.* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)); *Я не настаивала, но все же обиделась. Быстро же она раздалась с нашей дружбой!*** Прошло несколько лет, в течение которых Оксана мне так ни разу и не позвонила. Ее молчание меня обеспокоило и сильно **задело**. Я много раз пыталась сама до нее дозвониться, но она сменила номер телефона. «Бог с тобой! – решила я (Елена Литинская. Откровение Оксаны // «Ковчег», 2013)); – И его, и всех нас очень **задело** предательство Ющенко, – говорит Евгений Червоненко (Порох // «Русский репортер», 2014)) [НКРЯ]. В подобных контекстах отношения между субъектом и объектом действия «задеть» являются близкими, поэтому объект действия больше задет, что может подчёркиваться словосочетаниями с наречиями степени, например, *сильно / очень задело*. В первом примере глагол *задеть* употребляется как глагол межличностных отношений и глагол поведения; во втором примере – как глагол межличностных отношений, глагол поведения и глагол речи.*

4. 'Задеть кого-либо при конкретных условиях, обычно в ссоре, в дискуссии': *В заключение Олег Игоревич (писатель О. И. Дивов – Ву Н. И. К.) «задел» критиков: мол, нужна еще одна лекция, «очень обидная, очень недобрая», на предмет «насколько наши критики разбираются в фантастике, что они считают фантастикой, почему не знают ни истории этого направления в литературе, ни даже базовых литературоведческих терминов в этой области...»* (Елена Сафронова. Фантаст в большой литературе: проблема самосознания // «Октябрь», 2013); *Хотя и бывший вице-президент, справедливости ради, пытался изо всех сил **задеть** оп-*

понента если не делом, то хотя бы словом (Поддать пожару // Известия, 2020.10) [НКРЯ]. При реализации данного сценария субъект противопоставляется объекту по ролевому статусу, например, писатель – критик, политики-оппоненты.

5. ‘Нанести обиду кому-либо колким замечанием’: *Но проблема в том, что сегодня в России на ошибки почти всегда указывают издевательски, пытаюсь унизить, оскорбить, задеть* (Дмитрий Губин. Гибридные режимы и спор на повышенных тонах (13.01.2017) // 2017); *Ты, Гена, своей ленью и пофигизмом скоро всех достанешь. Идем дальше: что другие члены семьи? Не могли детки позариться на мамино украшение? Геннадий, судя по всему, ни капли не задетый ее замечанием, спокойно доложил: <...>* (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)) [НКРЯ].

Отметим, что анализ контекстов показывает, что субъект часто боится невольно «задеть» кого-либо своим поведением, в том числе, речевым, например, *Я осмеливаюсь кое о чем догадываться, но никогда не уверена в своих догадках настолько, чтобы не бояться задеть кого-то* (Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014); *А в этой книге, точнее, в наших с Соломоном беседах, я старался никого не задеть, никого не обидеть.* (Владимир Спиваков, Йосси Тавор. «Просто нужно видеть и слышать» // «Огонек», 2014); *И вы извините, если я вас задела.* (Форум: Школьные рамки (2013)) [НКРЯ].

В материале корпуса преобладает употребление именно формы совершенного вида глагола – *задеть*, что можно объяснить тем, что действие *задеть* обычно осуществляется однократно, спонтанно, намеренно или ненамеренно в речи, в общении, в конкретном типе дискурса. В качестве иллюстрации приведём следующие контексты: *Если даже я тебя по своему неразумию задела/ если ты начнёшь надо мной насмехаться/ то пусть судит ты бог и моя худость* (Валентин Янин. Человек XIII века. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)); *Ну что/ есть у тебя для меня какие-нибудь новости? Только напрямую/ не бойся/ так сказать/ задеть моё мужское самолюбие* (Николай Досталь, Михаил Кураев. Петя по дороге в Царствие Небесное, к/ф (2009)) [НКРЯ].

Глагол *задеть* частотен в речи носителей современного русского языка. Так, в НКРЯ в основном корпусе обнаружилось 6716 вхождений глагола *задеть*, в газетном подкорпусе – 9838 вхождений, в поэтическом подкорпусе – 328 вхождений, в устном подкорпусе – 183 вхождения, в мультимедийном подкорпусе – 75 вхождений. Даже с учётом того, что в это количество включаются контексты, где глагол *задеть* употребляется во всех своих значениях, а также где употребляется существительное *задел*, количество употреблений глагола велико. По данным основного корпуса, глагол *задеть* наиболее ак-

тивно функционирует в текстах о «частной жизни» (953 вхождения – 14.19%) и «политике и общественной жизни» (769 вхождений – 11.45%).

Таким образом, анализ данных толковых словарей русского языка и контекстов употребления глагола *задеть*, представленных на сайте НКРЯ, позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, глагол *задеть* в первую очередь является единицей лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) «глаголы межличностных отношений», поскольку в качестве субъекта и объекта выступает человек, действие *задеть* часто осуществляется при непосредственной коммуникации. Глагол *задеть* может входить в ЛСГ «Глаголы поведения» благодаря семе ‘задеть кого-либо своим поведением’, в ЛСГ «Глаголы речи» благодаря семе ‘говорить что-нибудь с целью обидеть кого-нибудь’. Во-вторых, субъект и объект действия «задеть» могут быть близкими, знакомыми и незнакомыми людьми, действие «задеть» может осуществляться намеренно / ненамеренно, в непосредственном / не непосредственном общении, вербально / невербально. В-третьих, являясь глаголом межличностных отношений, изучаемый нами глагол употребляется чаще в форме совершенного вида – *задеть* в связи с однократностью, спонтанностью обозначаемого им действия. В-четвёртых, глагол *задеть* употребителен в русском языке, функционирует в разных типах дискурса, хотя, по данным толковых словарей, относится к разговорному стилю речи. Частотность глагола и наличие нескольких вариантов его когнитивного сценария можно объяснить стремлением носителей языка маркировать неодобряемое в русской лингвокультуре действие.

Литература

- БАС* – Большой академический словарь. СПб.: Изд-во «Наука», 2006.
- Беляевская Е. Г.* Семантика в трёх парадигмах лингвистического знания: (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. Серия: теория и история языкознания. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. С. 66–83.
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Кубрякова Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. Серия: теория и история языкознания. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5–13.
- МАС* – Словарь русского языка. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru/>
- Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007.

*Vu Ngoc Yen Khanh (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

COGNITIVE DISCOURSE ANALYSIS OF THE RUSSIAN VERB ЗАДЕТЬ

This article investigates the Russian verb meaning 'to hurt somebody', using cognitive discourse analysis. We focus on cognitive scripts, research functional-semantic features of this verb by analyzing different types of discourse. Materials research contains definition of the verb in Russian dictionaries and contexts on website Russian National Corpus.

Key words: cognitive linguistics, cognitive semantics, cognitive scripts, cognitive discourse analysis, verb

*А. Л. Лось (Москва, Россия)
Национальный исследовательский
университет «МИЭТ»
al_los24@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТАКТИЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию сочетаемости лексем *твердый* и *жесткий*, описывающих тактильные ощущения в русском языке. На основе обобщения сочетаемостных характеристик выявлены сходные и отличительные семантико-когнитивные признаки в составе значения лексем *твердый* и *жесткий* и показаны различия в смыслах, передаваемых этими лексемами.

Ключевые слова: перцепция, тактильное ощущение, сочетаемость, значение, семантико-когнитивный признак.

Репрезентация перцептивной информации в языке отражает когнитивные процессы, связанные с ориентацией индивида в окружающем мире. Тактильные перцептивные ощущения занимают важное место в перцептивном опыте в целом, поскольку передают информацию о физических характеристиках объекта, таких как гладкость, выпуклость, ровность, мягкость, жесткость, сухость, наполненность влагой и др.

За основу исследования были взяты русские номинанты тактильных ощущений, отвечающие за восприятие таких характеристик объекта как *жесткий* и *твердый*. Отметим, что в русском языке противоположное *твердому* и *жесткому* качеству *мягкости* представлено только одной лексической

единицей *мягкий*. При этом есть также лексема *нежный*, которая частично описывают сходное физическое качество: *нежная кожа / руки*, и в целом представляет эмоциональную оценку качества индивида, а не физических свойств объекта: *нежный взгляд, нежная подруга*.

В толковых словарях лексемы *твердый* и *жесткий* толкуются друг через друга или через сходные слова (см. подчеркнутые части определений ниже):

твердый – ...такой, что нельзя смять, не уступающий давлению, жесткий, крепкий... [ТСРЯ];

– ...такой, который с трудом поддается сжатию, сгибанию и другим физическим воздействиям, жесткий на ощупь... [СРЯ2 1995: 343];

жесткий – твердый, плотный на ощупь, неупругий... [ТСРЯ];

– твердый, крепкий, плотный на ощупь... [СРЯ1 1995: 479].

Сходство описания значения данных лексем в словарях и описание значения через синонимичные понятия, с одной стороны, вызывают вопросы разграничении значений синонимов и о различиях в их употреблении, а с другой, показывают, что проблема описания и объяснения значения в целом трудно поддается решению.

Для выявления различных и сходных семантико-когнитивных признаков в составе значения лексем *жесткий* и *твердый* обратимся к сочетаемости этих лексем. Сочетаемость лексем помогает выявить дополнительные характеристики значения – семантико-когнитивные признаки, и тем самым уточнить значение. Обозначенные семантико-когнитивные признаки, построенные на основе сочетаемостных характеристик исследуемых слов, не только уточняют значение, но и объясняют различия в значении и употреблении.

Сочетаемостные характеристики русских номинантов тактильных ощущений изучались на основе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Обобщенная выборка контекстов со словами *твердый* и *жесткий* составила 202 и 185 единиц соответственно. В круг нашего анализа вошли контексты, описывающие как физические, так и идеальные свойства объектов.

Лексема *твердый* имеет следующую сочетаемость: *твердый карандаш / палец / материал / динамит / пласт земли / бережок / головной убор / наст на обочинах / орех / лед / бронзовый завиток / воротничок с металлическими ромбами / крупный камень / сmerzшийся мешок / каменный цветок / живот / подбородок / картонный стакан / сыр / неживой предмет / /корсет / шар / ноготь / мячик / пол / слой пепла / участок почвы / кристалл / тело / вещество; не очень твердый металл; твердый и гладкий грунтовочный слой; твердый и сильно пожелтевший фотоснимок; твердый внутри как дерево и распущенный снаружи рулон ваты; нащупать в кармане твердый гардеробный номерок; твердый, пластиковый на вид виноград; твердый как панцирь;*

твердый характер / взгляд / голос / тон / стук / ответ / удар (все примеры здесь и далее из НКРЯ).

У слова *жесткий* выявлены следующие контексты употребления: *жесткий материал / диск / смычок / колючий кустарник / корпус / подлокотник / воротник / порошок / каркас / диванчик / валенок / войлочный рукав пальто / узкий диван / палец / матрац / щетка / полотенце / рука; жесткий, словно железный паркет; тыкать своим жестким пальцем в картину; педаль имеет жесткий корпус;*

жесткий контроль / правила / свод правил / сильный человек / график / курс / режим / порядок / конфликт / расчет / характер.

Как видно из примеров, лексемы *жесткий* и *твердый* совпадают в ряде контекстов употребления: *жесткий / твердый палец; твердый / жесткий материал; твердая / жесткая поверхность; твердый / жесткий воротник; твердый / жесткий каркас; твердый / жесткий головной убор; твердый / жесткий диск; твердый / жесткий курс; твердый / жесткий характер; твердый / жесткий ответ.* При этом есть контексты со словом *жесткий*, в которых невозможна его замена на лексему *твердый*: *жесткий колючий кустарник / *твердый колючий кустарник* (здесь и далее неправильные высказывания отмечены знаком «*»); *жесткий диван / *твердый диван; жесткая щетка /? твердая щетка; жесткое полотенце / *твердое полотенце; жесткий паркет /? твердый паркет; жесткий войлочный рукав пальто / *твердый войлочный рукав пальто; жесткая ткань / * твердая ткань.* В ряде контекстов также невозможно заменить слово *твердый* на слово *жесткий*: *твердый динамит / *жесткий динамит; твердый пласт земли / *жесткий пласт земли; / твердый бережок / *жесткий бережок; твердый шар / * жесткий шар; твердый металл / * жесткий металл; твердое вещество / * жесткое вещество; твердое тело /? жесткое тело; твердый объект / * жесткий объект.*

Наличие большого количества контекстов, в которых единицы *жесткий* и *твердый* не взаимозаменяемы, говорит о том, что их значение различно и, следовательно, требует уточнения. Проанализировав отличные контексты употребления исследуемых лексем, мы попытались сформулировать семантико-когнитивные признаки, которые могут объяснить различия в употреблении этих лексем. Первый семантико-когнитивный признак был сформулирован как «эмоциональная оценка тактильного воздействия на воспринимающего субъекта», который входит в состав значения лексемы *жесткий* и отсутствует в структуре значения лексемы *твердый*. При присвоении объекту качества *твердый* значима его собственная внутренняя тактильная характеристика (*Он нащупал в кармане твердый гардеробный номерок / Она лежала и чувствовала всем телом твердый пол*), тогда как

лексема *жесткий* вносит информацию об оценке тактильного воздействия на индивида, как видно из примеров: *От жесткой почвы под ногами стали болеть подошвы ступней / Сергей больно ударился ногой о жесткий наст / было больно и неудобно спать на жесткой войлочной подстилке.* Наличие этого признака объясняет различия в сходно употребляемых контекстах с лексемами *жесткий* и *твердый* в случаях, когда эти единицы описывают объекты идеального мира. *У него твердый характер* – в этом предложении значима внутренняя характеристика человека, он сильный, устойчивый, решительный, не уйдет в сторону от своих принципов. *У него жесткий характер* – значимо влияние *характера* на окружающих, на воспринимающего субъекта; не допускающий отклонений других людей от своих указаний, суровый по отношению к другим. Признак «оценки тактильного воздействия на воспринимающего субъекта» также налагает запрет на описание качеством *жесткий* идеальных существ *воля / уверенность* (**жесткая воля / уверенность*), поскольку они представляют внутренний мир индивида.

Следующий семантико-когнитивный признак, который позволяет разграничить значения лексем *твердый* и *жесткий*, получил название «целостность формы, равномерная плотность и негибкость структуры». Этот признак в полной мере входит в состав значения лексемы *твердый*, тогда как для лексемы *жесткий* релевантна только «целостность формы», ср.: *жесткая сетка* (неравномерная по структуре) / *жесткий жгут* (гибкий по структуре); *жесткая ткань / мох / войлок* (гибкие по структуре, неравномерные по плотности).

Не совсем вписываются в логику постулируемых отличительных признаков контексты употребления со словом *жесткий*: *жесткий пластик / жесткая конструкция / опора* (возможно, в данных контекстах объект *опора / конструкция* представлена как целостная по форме, гибкая, прочная, не отклоняющаяся в стороны, в отличие от *твердой опоры*, которая репрезентирована как целостная, равномерная по плотности и негибкая).

Выявленные в ходе обобщения сочетаемостных характеристик семантико-когнитивные признаки позволяют выявить и объяснить различия в значении и употреблении лексем *твердый* и *жесткий*, отвечающих за тактильное восприятие. Вместе с тем тот факт, что остаются контексты, которые не получили четкого объяснения и требуют дополнительного исследования, говорит о сложности и неоднозначности проблемы когнитивной интерпретации значения.

В качестве перспективы исследования можно предложить дополнительное изучение единиц *жесткий* и *твердый* применительно к описанию внутреннего мира человека, а также репрезентации иных тактильных признаков как в русском, так и в других языках.

Литература

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>

СРЯ1 – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.

СРЯ2 – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.

ТСРЯ – Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>

A. L. Los' (Moscow, Russia)
National Research University
of Electronic Technology

COGNITIVE ASPECT OF THE REPRESENTATION OF TACTILE FEATURES IN RUSSIAN

The article is devoted to the study of the combinability of *твёрдый* (*solid*) and *жесткий* (*rigid*) lexemes, describing tactile sensations in the Russian language. Based on generalization of combinable characteristics, similar and distinctive semantic and cognitive features in the meaning of *твёрдый* (*solid*) and *жесткий* (*rigid*) lexemes are identified and differences in the meanings conveyed by these lexemes are shown.

Key words: perception, tactile sensation, combinability, meaning, semantic and cognitive feature.

Е. Е. Лукьянова (Москва, Россия)
ГБОУ Школа № 1412
a.loukianova@mail.ru

ЛОНГИТЮДНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫХ ШИРОКОЗНАЧНЫМИ ГЛАГОЛАМИ, У СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА (на примере *to claim*)

В статье рассмотрены результаты психолингвистического исследования с целью изучения фрагментов языкового сознания школьника, формирующихся в процессе изучения иностранного языка. Экспериментальные данные позволяют выстроить когнитивную структуру, сложившуюся в языковом сознании современного школь-

ника, на основе анализа ассоциативных полей слово-стимула *to claim*, выстроенных в результате обработки ответов учащихся 6 и 10 классов.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, когнитивная структура, широкозначное слово, языковое сознание.

В настоящее время изучение структуры и содержания языкового сознания составляет важную исследовательскую область психолингвистики. Однако значительная часть работ посвящена изучению языкового сознания взрослого человека, в то время как механизмы формирования языкового сознания у подростка рассматриваются в единичных исследованиях [Гуц 2004; 2014; Антонова 2013; 2014; 2017; Бутакова 2018 и др.]. Однако подобные исследования крайне важны, поскольку они помогают «зафиксировать» собственно процесс становления и развития когнитивных структур [Залевская 2011: 87]. С этих позиций особенно продуктивен лонгитюдный эксперимент, повторяемый в одной группе испытуемых с определенной регулярностью.

Нами был спланирован психолингвистический эксперимент с целью выявления особенностей формирования когнитивных структур, репрезентируемых словами широкой семантики, в языковом сознании школьника [Лукьянова 2020: 244]. В статье представлены результаты одного из этапов – ассоциативного эксперимента [Лукьянова 2021: 104].

В ходе эксперимента испытуемым предлагалось зафиксировать первую ассоциацию, которая пришла им на ум при прочтении стимула *claim*. В опросный лист входили другие широкозначные глаголы и ряд слов-дистракторов, чтобы избежать возникновения случайных ассоциативных связей у испытуемых.

В эксперименте принимали участие учащиеся 6 классов (33 человека) и учащиеся 10 классов (34 человека).

На первом этапе обработки анкеты все реакции были распределены на группы в зависимости от языка ассоциата, что позволило проследить тенденции в участии родного и иностранного языка в процессе формирования когнитивной структуры в языковом сознании школьника. Нами было зафиксировано, что учащиеся 6 классов предложили реакции на родном языке 23 раза (70%), на английском языке 5 раз (15%), в 10 классе – на русском 2 (6%), на английском – 29 (85%). Реакции на слово-стимул *claim* на родном языке представлены ассоциатами типа *брать, заявлять, клеймо, тихий, требовать* и др., на английском языке ассоциаты представлены выражениями типа *to claim money, to claim the reward, rock, mountain* и др. Таким образом, в анкетах учащихся 10 классов мы наблюдаем увеличение количества реакций на английском языке в сравнении с испытуемыми 6 классов. Некоторые ответы учащихся были представлены вариантами, созвучными с русскими

словами, такими как *климат*, *climate*, *взбираться*, *гора* (= *climb*), *клеймо*, *тихий* (= *calm*) и др. В основании этой ассоциативной связи лежит принцип фонетического и графического подобия, а семантической связи с стимульным словом эти ассоциаты не обнаруживают.

На втором этапе все ассоциаты были проанализированы с точки зрения характера связи между стимулом и реакцией. В 6 классе мы получили 5 синтагматических реакций (15%) типа *to claim money*, *to claim a hat* и 5 парадигматических ассоциатов (15%) типа *заявлять*, *получить* и др. Следует отметить, что большая часть реакций в этой возрастной группе не была интерпретирована, так как ассоциаты не соотносились ни с одним из компонентов семантической структуры широкозначного глагола *to claim*.

В 10 классе испытуемые предложили 19 реакций синтагматического типа (56%): ср. *to claim a reward*, *to claim the right*, *to claim that he is right* и 8 реакций парадигматического типа (23%): ср. *to ask*, *to insist*, *to take something*.

Так, те учащиеся 6 классов, кто уже достаточно хорошо овладел лексической единицей *to claim*, в равной степени оперируют парадигматическими и синтагматическими ассоциатами для решения коммуникативной задачи, однако в целом количество таких учащихся мало в сравнении с учащимися 10 классов.

Третий этап обработки экспериментальных данных заключался в комплексном анализе сложившейся у школьников когнитивной структуры и в формировании ассоциативного поля этого глагола широкой семантики. Доминанту ассоциативного поля глагола *to claim* у испытуемых 6 классов составляет кластер “*assert that one has gained or achieved something*”, в который вошли ассоциаты типа *получать*, *to claim подарок / a hat* (15%), к периферии относится 9% ассоциатов, объединенных вокруг компонента семантической структуры широкозначного глагола “*state or assert that something is the case*”, типа *заявлять*, *упоминать* и 6% реакций, объединенных вокруг компонента семантической структуры широкозначного глагола “*make a demand for money*”, ср. *to claim money*.

Доминантой ассоциативного поля у испытуемых 10 классов стали реакции типа *to claim the reward*, *to claim books*, *to claim a work*, *to claim the right*, *to claim victory*, репрезентирующие компонент семантической структуры глагола *to claim* “*assert that one has gained or achieved something*” (53%). Периферию составляют реакции типа *to claim money*, репрезентирующие компонент семантической структуры широкозначного глагола “*make a demand for money*” (11%), ассоциаты типа *to claim publicly*, *to claim that he is right*, *my point of view*, объединенных вокруг компонента семантической структуры широкозначного глагола “*state or assert that something is the case*” (9%), и ре-

акции типа *to ask*, *to insist*, в которых репрезентирован компонент значения “*formally request or demand*” (6%).

По результатам эксперимента мы сделали следующие выводы: учащиеся 6 классов предлагают значительно меньше разных ассоциатов при прочтении стимульной единицы, в ассоциативное поле входит ограниченное число реакций, в то время как испытуемые 10 классов фиксируют более сложные и разнообразные ассоциаты. Систематическая опора на родной язык среди испытуемых, обучающихся в 6 классах, позволяет нам предположить, что испытуемые работают по определенному алгоритму при продуцировании реакции. Количество отказов может являться показателем степени сформированности когнитивных структур, связанных с той или иной широкозначной лексемой, и готовности использования этих языковых единиц в речи. Каждой возрастной группе характерна своя иерархическая организация когнитивных структур, репрезентируемых широкозначным глаголом *to claim*, и мы наблюдаем количественные и качественные различия в ассоциативных полях, выстроенных по реакциям испытуемых разного возраста.

Закономерно предположить, что современный подросток осваивает лексические единицы не только в рамках школьной программы, а также за пределами школы, расширяя свой словарный запас (в том числе на изучаемом иностранном языке) через чтение дополнительной литературы, работу на компьютере, использование интернета, общение в соцсетях, компьютерные игры, просмотр видеофильмов и телевизионных программ. Ввиду появления новых социальных реалий происходят изменения в иерархизации компонентов когнитивных структур, и это вызвано отчасти внеучебной деятельностью школьника. Следовательно, к 10 классу мы наблюдаем максимальное количество усвоенных значений широкозначного глагола и сформированный навык его использования в предложенных коммуникативных ситуациях.

Представляется, что дальнейшее изучение ассоциативных связей, формируемых в языковом сознании современного школьника, который изучает иностранный язык, может быть направлено на глубокое изучение механизма формирования соответствующих когнитивных структур, изучение факторов, влияющих на выбор языка при фиксировании языка реакции.

Литература

Антонова Н. В. Экспериментальное исследование когнитивной структуры значения слова в сознании детей в возрасте от 4-х до 11-ти лет (эксперимент по формулированию дефиниций) // Научно-теоретический и прикладной журнал. Серия: Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Ч. 2. № 1. С. 20–24.

Гуз Е. Н., Елисеева Н. Н. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления уровня сформированности компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (15). С. 198–207.

Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011.

Карданова К. С. Лингво-психологическое исследование реструктуризации образа сознания империя/empire: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Карданова-Бирюкова К. С. Цифровые инструменты в проведении психолингвистического исследования // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 4. С. 123–135.

Лукиянова Е. Е. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания школьника // Вестник ТГУ. Серия: филология. 2020. № 4 (67). С. 244–250.

Лукиянова Е. Е., Карданова-Бирюкова К. С. Становление в сознании школьника когнитивных структур, репрезентируемых широкозначными словами (на примере глагола to support) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11. № 3. С. 102–110.

Степыкин Н. И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С. 110–116.

Пицальникова В. А. Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2019. № 1. С. 41–49.

E. E. Lukyanova (Moscow, Russia)

Secondary School № 1412

a.loukianova@mail.ru

**LONGITUDINAL EXPERIMENT AS A METHOD
TO STUDY A STUDENT COGNITIVE STRUCTURE
FORMATION REPRESENTED
BY VERBS WITH BROAD SEMANTICS
(based on the verb to claim)**

The article describes the results of the psycholinguistic experiment, conducted with the goal to study the fragments of the student's language cognition formed during the process of learning a foreign language. The results of the experiment help to form a structure in the language cognition of a modern student based on the analysis of associative fields of the stimulus verb *to claim* built as a result of the studying the associations of the student from the 6th and the 10th forms.

Key words: associative experiment, stimulus, reaction, cognitive structures, words with a wide scope of meaning, language cognition.

Синь Лумин (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
felixchung19122@hotmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)

В статье выявляется концептуализация понятия «одиночество» в русском языковом сознании. Анализ проводится на материале данных толковых словарей, результатов экспериментов и обширном корпусном языковом материале.

Ключевые слова: когнитивное представление, языковое сознание, одиночество, когнитивно-дискурсивный аспект.

Как подчеркивает Е. С. Кубрякова, российская версия когнитивной лингвистики, получает название когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая наряду с общими установками когнитивизма опирается на традиции отечественного языкознания и отечественной психологии и во многом продолжает идеи ономаσιологического направления в анализе языковых явлений [Кубрякова 2004: 11–24]. В данном исследовании используется когнитивно-дискурсивный подход к анализу материала. Цель статьи состоит в выявлении представления об одиночестве, существующего в языковом сознании носителей русского языка. Под языковым сознанием понимаются «такие образы, входящие в состав интегрального образа мира, которые имеют в своем составе слово как обязательный компонент наряду со значением, личностным смыслом, предметным содержанием и чувственной тканью» [Яковлев 2019: 163]. Материалом для исследования послужили данные толковых словарей, результаты проведенных автором экспериментов и данные Национального корпуса русского языка.

Существительное «одиночество» последовательно толкуется в лексикографических источниках, как «состояние *одинокого* человека» [МАС II 1986: 593; Ожегов 2006: 445], т. е. дефиниция является отсылочной. В свою очередь, прилагательное *одинокий* применительно к человеку полисеманлично, выделяются такие значения, как 1) ‘отделенный от других подобных, без других, себе подобных; без близких’ и 2) ‘не имеющий семьи’ [Ожегов 2006: 445]. Соответственно, и состояние одинокого человека может трактоваться в двух значениях. Для выявления представления об одиночестве в русском языковом сознании были проведены ассоциативный эксперимент и когнитивный тест.

В свободном ассоциативном цепочечном эксперименте на стимул «одиночество» приняли участие 115 человек. Анкетирваемым предлагалось

назвать слова, словосочетания, паремии, устойчивые выражения, строчки из песен или стихов, названия персонажей или названий художественных произведений, кинофильмов и т. п., которые, по их мнению, ассоциируются с понятием «одиночество». Количество реакций не ограничивалось, на выполнение задания отводилось 10 минут. В результате было получено 513 реакций. Ряд ассоциатов указывают на стимулирующее действие внешних объектов на чувство одиночества: ассоциаты *лес, берег озера, остров* обозначают реалии природного ландшафта, ассоциаты *холод, дождь, завывание ветра, серое небо* – погодные условия, ассоциаты *осень, ночь, зима, время, старость* акцентируют роль временных факторов. На негативное влияние одиночества на организм субъекта указывают ассоциаты *депрессия, бессонница, сердцебиение*, а ассоциаты *найти спасение и невозможность высказать кому-нибудь свои мысли и переживания* подчеркивают пассивное реактивное поведение субъекта, находящегося под негативным влиянием одиночества. Несколько ассоциатов, предполагающих активное поведение субъекта, связаны с выполнением творческой или исследовательской работы, см. ассоциаты *плодотворно работать, размышлять*. Рациональное познание одиночества отражают ассоциаты *состояние, мудрость, социальная проблема*. Амбивалентность влияния одиночества на субъекта проявляется на психологическом и эмоциональном уровнях, см. ассоциаты на психологическом уровне: *саморазвитие, самодостаточность, дешевая пустота, боль души*, на эмоциональном: *спокойствие, радость, грусть, тоска, страх, скука*.

К выполнению когнитивного теста были привлечены 50 русских респондентов разного пола, возраста, рода занятий и образования. Информантам был предложен вопрос «Что такое одиночество? (Дайте определение своими словами)». Полученные результаты позволили выявить инварианты и варианты ответов. Более 80% ответов информантов близко связаны со словарными значениями. Можно выделить два инварианта субъективных дефиниций: «Чувство обособленности, отдельности от других людей, ощущение оторванности от мира» и «Проживание человека отдельно, без стабильных близких отношений; отсутствие жены/мужа, партнера, детей». Вариативными являются следующие позиции в ответах респондентов. **Позиция 1** – вариант а) «состояние, в котором человеку кажется, что люди вокруг его не понимают, ему не с кем разделить свои переживания, мысли»; вариант б) «чувство сильной тоски от ощущения ненужности»; вариант в) «состояние, когда не чувствуешь поддержки»; вариант г) «такая ситуация, когда человеку некому помочь». **Позиция 2** – вынужденное или же желаемое положение в обществе. Если вынужденное, то «человеку некомфортно пребывать в таком состоянии, он испытывает тоску, печаль, обиду, жалость к самому

себе». Если желаемое, то «бывает так, когда человек сам вовсе не против быть один, тогда для него одиночество не является тяжким грузом». С точки зрения данной позиции, одиночество оценивается амбивалентно. **Позиция 3** – вариант а) «комплекс чувств или состояние, оцениваемые как дискомфортные»; вариант б) «оказывает негативное влияние на физическое и эмоциональное здоровье человека». Негативное одиночество занимает доминирующее место в ответах респондентов. **Позиция 4** – длительное или краткое состояние человека. Вариант а) «длительное, духовное, моральное состояние человека»; б) «состояние человека в момент времени».

Дискурсивный анализ лексемы *одиночество* был проведен на языковом материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Приведем некоторые наиболее типичные и частотные сочетания (глагол + *одиночество*; прилагательное + *одиночество*) из НКРЯ, выделив группы примеров в соответствии с различными онтологическими метафорами.

Группа 1: а) *одиночество тяготило его; одиночество навалилось на него; наше одиночество было нарушено; люди боролись за одиночество; борются со своим одиночеством*; б) *вечное, долгое, окончательное одиночество*. В этой группе рассмотрение метафор, представляющих одиночество как некую автономную сущность, позволяет определить такие его параметры, как вес, способ движения, стабильность и, соответственно, выявить его свойства – тяжесть (*навалилось, тяготило*), способность к нарушению целостности, прекращению существования при воздействии извне (*было нарушено*), способность быть врагом (*борются с одиночеством*) или желаемым объектом (*борются за одиночество*), длительность (*вечное, долгое, окончательное*).

Группа 2: а) *одиночество толкает подростка на поиски первой любви; одиночество родило в нем странные чувства; одиночество отступило; одиночество гложет душу и сердце; одиночество разбивает им сердце*; б) *гордое одиночество*. В приведенных примерах одиночество еще более персонафицировано, наделяется даже свойством личности – *гордое*.

Группа 3: а) *люди впадали в одиночество; погрузиться в одиночество; меня окружало одиночество; сидел в одиночестве; бреду по одиночеству; пройдя через одиночество; вытащила меня из одиночества; выйти из одиночества*; б) *беспросветное, беспредельное, бесконечное, безысходное, полное, глубокое одиночество*. Одиночество как эмоциональное состояние концептуализируется как некая среда, субстанция, в которую человек *впадает, погружается*, которая его *окружает*. Человек может какое-то время находиться в этой субстанции – *сидеть в одиночестве*. Одиночество приобретает пространственные характеристики: протяженности – *брести по одиночеству, пройти через одиночество*; отсутствия границ – *беско-*

Схема. Когнитивное представление об одиночестве
в русском языковом сознании

нечное, беспредельное, беспросветное одиночество; и в то же время их наличия – *выйти из одиночества*; глубины – *глубокое одиночество*. С одной стороны, одиночество может восприниматься как среда, не имеющая выхода – *безысходное*, с другой стороны, человеку можно помочь покинуть эту субстанцию – *вытащить из одиночества*.

С опорой на проведенный анализ представление об одиночестве в русском языковом сознании можно наглядно представить в виде схемы. На представленной схеме сплошные стрелки обозначают сильные связи в соответствиях между элементами модели, а пунктирные стрелки – более слабые соответствия.

Таким образом, представление об одиночестве концептуализируется в русском языковом сознании как когнитивная структура, отличающаяся целостностью и внутренней иерархией взаимодействующих и взаимообусловленных компонентов.

Литература

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

МАС – Словарь русского языка в 4 т. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2. 1986.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
Яковлев А. А. «Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории?» // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 157–171.

Xin Luming (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

REPRESENTATION OF LONELINESS IN RUSSIAN LINGUISTIC COGNITION (COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT)

The article reveals the conceptualization of the conception of “loneliness” in the Russian linguistic cognition. The analysis is carried out on the basis of data from explanatory dictionaries, experimental results and extensive corpus language material.

Key words: cognitive representation, linguistic cognition, loneliness, cognitive-discursive aspect

А. И. Манченкова (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
amanch2011@mail.ru

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ОНИМ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ СМЫСЛА В РАМКАХ ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА ¹

Цель настоящей работы – выявить особенности функционирования энциклопедического онима в процессе создания смысла в театральном дискурсе. Материалом исследования послужило либретто оперы «Patience» Уильяма Гилберта и Артура Салливана. Онимы, встречающиеся в данном произведении, были проанализированы с точки зрения когнитивной ономастики, в результате чего представилось возможным сделать вывод о том, что оним является продуктивным способом создания и передачи смысла в театральном тексте.

Ключевые слова: театральный дискурс, когнитивная ономастика, оним, энциклопедический оним, декодирование языкового знака.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

В процессе создания театральной постановки авторы произведения, безусловно, задумываются как о невербальной, так и о вербальной составляющей представления. Слова, которые актёры произносят с театральных подмостков, влияют на зрителя точно так же, как свет, музыка и декорации. Особенно важным для драматургов и либреттистов является грамотное использование культурно специфичных языковых единиц, ведь от того, сможет ли зритель их успешно декодировать, зависит полнота понимания им происходящего на сцене. Цель настоящего исследования – проследить, как использование культурно значимых имён собственных способно создавать пласты значения в рамках театрального представления.

Следуя за Кубряковой Е. С., мы утверждаем, что язык «устроен так, чтобы оптимальным образом кодировать знания, полученные в ходе восприятия и осмысления мира» [Кубрякова 2004: 52]. Процесс кодирования требует и дальнейшего процесса декодирования, успешность которого зависит от объёма знаний о мире, которыми обладает участник коммуникативного процесса. В том случае, когда речь идёт о декодировании ономастического знака, который Щербак А. С. определяет как «любое имя собственное как вторичный знак, отражающий комплекс знаний об имени собственном (языковые и энциклопедические знания) и служащий для организации ономастического знания в человеческом сознании» [Щербак 2012: 49], задача усложняется тем, что чаще всего необходимо не только знать, о каком человеке или месте идёт речь, но и понимать, какая характеристика за ним скрывается.

Бодрова Е. В. полагает, что «значение собственного имени в речи связано с индивидуальным комплексом знаний о предмете, а также прагматическими установками участников акта речи» [Бодрова 2017: 30]. Помимо этого, «в значение <языковой> единицы входит не только информация об объекте, но и <...> оценочность и интерпретация объекта» [там же], что значимо для настоящей работы.

Кроме того, центральным понятием для данного исследования стало понятие энциклопедического онима. Коллективная монография «Имя собственное в национально-культурном пространстве» предлагает следующее определение энциклопедического антропонима: «имя собственное человека, обладающее ценностью и являющееся объектом сохранения и воспроизводства в семиотическом пространстве» [Игнатьева и др. 2022: 10]. В данном труде также отмечается значимость подобного рода антропонимов для культуры: «энциклопедический антропоним является как языковым знаком, так и знаком культуры» [там же]. Мы полагаем, что представляется возможным расширить понятие энциклопедического антропонима до энциклопедического онима, включив в него и другие виды имён собственных (топонимы,

хремотонимы и т. д.), которые также культурно значимы и способны нести в себе определённую ценность.

Перейдём к анализу либретто оперы «*Patience*». Являясь сатирой на движение эстетизма, столь распространённое в Великобритании в конце XIX века, «*Patience*», увидевшая свет в 1881 году, выводит на сцену драгунский полк, солдаты которого вынуждены бороться за внимание прекрасных дам с поэтом Реджинальдом Банторном. Зритель впервые знакомится с бравыми солдатами, когда они исполняют арию «*The Soldiers of our Queen*», которая и представляет основной интерес для настоящего исследования. Всего в опере встречается 162 имени собственного, большинство из которых (54%) являются именами героев оперы. Однако одна только «*The Soldiers of our Queen*», несмотря на краткость, содержит 39 онимов, которые не связаны с персонажами данного музыкального произведения и являются энциклопедическими по своей сути:

- 25 антропонимов (*Lord Nelson, Caesar, Dickens, Tennyson, Tussaud, etc.*);
- 9 литературных антропонимов (*Mephisto, Hamlet, Peveril, Micawber, etc.*);
- 3 топонима (*Sodor, Man, Aragon*);
- 1 кароним (*the Victory*);
- 1 урбаноним (*Burlington*).

Ария представляет собой размышления полковника Калверли, офицера драгунского полка, о том, какими качествами обладает примерный офицер-драгун. Полковник использует в своей песенной речи большое количество имён собственных, в значении которых скрывается та или иная характеристика солдата. «*If you want a receipt for that popular mystery / Known to the world as a Heavy Dragoon, / Take all the remarkable people in history, / Rattle them off to a popular tune*» [Complete Works of Gilbert and Sullivan 2017: 264] – этими словами полковник Калверли начинает свой музыкальный монолог, на протяжении которого театральным зрителем услышит много имён, и если он не обладает определённым багажом фоновых знаний, то значение онимов и смысл всей арии будут утеряны.

К примеру, одна из характеристик, которой Калверли наделяет солдат под своим предводительством – это «*coolness of Paget about to trepan*». И без знания значения имени собственного *Paget* можно догадаться, что речь идёт о представителе медицинской профессии; в этом нам поможет глагол «*to trepan*» («трепанировать»). Однако если знать, что оним *Paget* относится к известному британскому хирургу сэру Джеймсу Педжету (*Sir James Paget*), который был знаменит своими работами в области хирургической патологии, данная строчка песни окрашивается в новые, исключительно положительные тона, ведь внутри онима *Paget* скрывается оценочный компонент. По такому же принципу работают, к примеру, строки «*the genius strategic*

of *Caesar and Hannibal*», где речь идёт о великих полководцах Древнего мира Цезаре и Ганнибале; «the pluck of *Lord Nelson* on board of the *Victory*», где доблесть драгунского полка сравнивается со смелостью британского флотоводца лорда Горацио Нельсона; или же «style of the Bishop of *Sodor and Man*», где за титулом епископа Содора и Мэна скрывается, согласно Г. Бэнфорду, Роули Хилл (Rowley Hill), успешно служивший церкви в этом качестве с 1877 по 1887 годы и завоевавший уважение своих прихожан [Benford 1999: 68].

Для настоящего исследования немаловажным оказался тот факт, что многие имена собственные, использованные У. Гилбертом и А. Салливаном в тексте арии «The Soldiers of our Queen», являются наследием именно британской культуры. Безусловно, из уст полковника Калверли звучат и универсально-прецедентные онимы типа *Caesar, Aragon, Thomas Aquinas* и др., однако ария изобилует национально-прецедентными именами (*Roderick, Burlington, Peveril* и др.), которые принадлежат британскому лингвокультурному сообществу и могут быть непонятны представителям иных культур. Следовательно, справедливо утверждать, что энциклопедические онимы, выбранные У. Гилбертом и А. Салливаном, создают и в полной мере раскрывают смысл произведения для представителей именно Великобритании.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что активное использование имён собственных в театральном дискурсе способно формировать и передавать оттенки смысла в речи персонажей. Наличие энциклопедических онимов в либретто оперы усиливает культурную специфику текста и обеспечивает сохранение и трансляцию культурных смыслов при условии успешного декодирования онимов зрителем.

Литература

Бодрова Е. В. Значение имени собственного с позиций когнитивной лингвистики // Нижневартковский филологический вестник. 2017. № 2. С. 24–31.

Игнатьева Е. П. Имя собственное в национально-культурном пространстве: коллективная монография. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура).

Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012.

Benford H. The Gilbert and Sullivan Lexicon. Third Edition, with foreword by Kenneth Sandford and illustrations by Geoffrey Shovelton. Houston, TX: Queensbury Press, 1999.

Complete Works of Gilbert and Sullivan (Illustrated) (Delphi Series Eight Book 7). Delphi Classics, 2017.

*A. I. Manchenkova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

**ENCYCLOPEDIC ONYMS
AS A WAY OF CREATING MEANING
IN THEATRICAL DISCOURSE**

Present work aims to reveal the ways an encyclopedic onym may function in the process of creating meaning in theatrical discourse. The study was based on the libretto of «Patience», an opera created by William Gilbert and Arthur Sullivan. The proper names found in the text were analyzed from the point of view of cognitive onomastics, as a result of which it was possible to conclude that onyms are a productive way of creating and conveying meaning within a theatrical text.

Key words: theatrical discourse, cognitive onomastics, onym, encyclopedic onym, decoding of a linguistic sign.

*Н. А. Маслова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
21072000z@gmail.com*

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ДЕТСТВО
В СОВЕТСКОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена описанию фразеологических репрезентантов концепта ДЕТСТВО. В качестве материала исследования выступают стихи советских поэтов-песенников. Проанализирована семантика песенных текстов, составляющих концепт ДЕТСТВО. Выделены основные группы, составляющих концепт ДЕТСТВО.

Ключевые слова: концепт, детство, концептосфера, песенный дискурс, идеологема.

В настоящее время особый интерес ученых вызывает исследование песенного дискурса, выступающего как хранилище культурных знаний, «которые являются отражением жизни народа, ценностей, представлений, каких-либо культурных норм и моделей поведения» [Ворошилова 2013: 43]. Песня отражает самобытность народа, его традиции, привычки. Изучение песенного дискурса позволяет приблизить понимание менталитета народа, увидеть его мировоззрение, а также проследить историческое развитие. Одной из перспектив исследования советского песенного дискурса является описание его концептосферы.

Языковым особенностям российских песен в когнитивном, стилистическом аспектах посвящены работы Т. А. Григорьевой (2003), О. С. Кострюковой (2007), Е. В. Нагибиной (2002) и др.

Песенный дискурс, являясь одним из жанров художественного дискурса, через систему образов отображает важные эталоны культуры, коллективные ценности и нравственные ориентиры общества. Исследование концептов, реализующихся в песнях, интересно с точки зрения выявления особенностей национального характера, нравственных ценностей и психологического склада человека, поэтому может проводиться с использованием лингвоаксиологического анализа, утвердившегося в последние годы (см., например: [Ломакина 2021] и др).

Концепт ДЕТСТВО, несмотря на общечеловеческий характер, имеет в русской лингвокультуре имплицитные смыслы. Так, благодаря советскому писателю Максиму Горькому одним из лозунгов XX века стали слова «*Дети – цветы жизни*», восходящие к фразе «*Дети – живые цветы земли*», употреблённой писателем в рассказе «Бывшие люди». В сознании советских людей был сформирован стереотип необходимости у каждого ребёнка воспоминаний о счастливом советском детстве. Идеологическая установка в СССР регламентировала особую воспитательную систему, опирающуюся на нормы и ценности воспитания нового советского гражданина.

В советском песенном дискурсе интенция автора направлена на формирование в сознании слушателей важных ценностных ориентиров, закладывающих понятия нравственности и морали, особенно у детей. Этому способствовали кинематограф, мультфильмы, литература и песни (прежде всего – детские, часто впервые транслируемые в мультипликации), через которые открывался и образ взрослого человека, готового окружить ребенка пониманием и любовью.

В современной психологии детством является этап онтогенетического развития индивида, начинающийся с рождения ребенка и кончающийся его непосредственным включением во взрослую жизнь [Психологический ... 1997: 93]. Детство определяется установленными возрастными рамками. Однако рассматриваемый концепт будет дополнять эмоциональная составляющая (наивность, фантазия, непосредственность), воспоминания о детстве.

Традиционно детство осмысливается как прекрасная пора жизни, что создаётся посредством подбора определений положительной семантики: «*Милое-милое, давнее-давнее детство моё вспоминается мне*» [стихи Д. Кедрина, исп. В. Толкунова], «*Дом будет полон счастливых детей*» [стихи Г. Козырева, исп. В. Толкунова]. Детство ассоциируется у взрослого человека со сказочной страной, куда попасть уже не удастся: «*И в радостный час и в беду // Шагая по дальним дорогам // Я снова как в детстве далеко // Тебя*

в свои судьбы зову» [стихи А. Шаферана, исп. А. Герман]; «Зимней сказкой пахнет снег, // Дождь струится золотой // **В босоногой той стране, // Всем нам милой и родной. // В босоногой той стране // Дождь струится золотой...**» [стихи И. Талькова, исп. Сенчина]. Счастливая детская пора – это возможность босиком бегать по двору с друзьями, поэтому страна эта будет босоногой: «По ночам **босоногое детство** мне снится» [стихи М. Пляцковского, исп. В. Толкунова]. Возвращение в детство представляется чем-то несбыточным, неосуществимым, как сон: «Где это было, // Когда это было, // **В детстве, а может во сне**» [стихи Д. Тухманова, исп. Л. Сенчина]; «И пел я молитву из нескольких слов, // **Что родом из детства и радостных снов**» [стихи Н. Дерзновенко исп. Толкунова]. Репрезентанты сон и воспоминание являются значимыми характеристиками концепта ДЕТСТВО.

В песенных текстах ДЕТСТВО актуализируется через воспоминания, память об этой поре. Воспоминания о детстве вызывают тоску, печаль, умиление, нежность. Детство ассоциируется с местом, где прошло детство: вспоминается дом, в котором родился и вырос человек; это очень спокойное, тихое место, куда хочется вернуться взрослому человеку: «**Домик на самой окраине // Жить будет в сердце моём. // Тот с детства до боли родной, // Тот домик на самой на окраине // С дымком над кирпичной трубой**» [слова А. Поперечного, исп. В. Толкунова]; «**Домик в деревне маленький, // Солнцу открыты ставенки, // Весь деревянный, старенький... // Как хорошо мне в нём!**» [стихи С. Ковальского, исп. В. Толкунова]; «**Родная луговая сторона, // Душа твоими песнями полна. // Я с детства твоим воздухом дышу // И сердцем лишь тебе принадлежу**» [слова Л. Куксо исп. В. Толкунова]; «**Тот же дом и та же вишня, // Только мамы нет...**» [стихи А. Шаферана, исп. А. Герман].

Детство как начальный период жизни проходит быстро; человек часто не замечает, как быстро оно проходит и наступает взросление: «**Но время птицей пролетело, // И в детство нить оборвалась**» [слова В. Гина, исп. В. Толкунова]; «**Детство ушло вдаль. // Детства чуть-чуть жаль. // Помню сердце стук, // И смелость глаз, и робость рук**» [стихи Л. Ошанина, исп. В. Толкунова].

Становясь взрослым, человек осознает, что детство – это не просто возрастной период, это состояние покоя, счастья и беззаботности, в которое хочется вернуться. Однако часто ребенок не осознает прелесть этого времени и пытается скорее повзрослеть: «**Мы, из детства убегая без оглядки, // Все, что надо и не надо, позабыли**» [слова Э. Шима, исп. В. Толкунова]; «**Позаброшены игрушки // Вот и сын ушёл к подружке... // Жизнь бежит не останавливай, // Ах куда спешить**» [стихи К. Филипповой, исп. В. Толкунова].

Значительную часть песенного дискурса о детстве составляют песни с образом войны, что позволяет говорить о концепте ВОЙНА как сопредельном

концепту ДЕТСТВО для нескольких поколений советских людей. В ментальном сознании человека война ассоциируется с бедой, смертью, потому что нередко несет за собой горечь утраты близкого человека; для ребенка – нередко связана с смертью родителей. Несчастное детство репрезентируется посредством изображения гибели отца: *«Лишь один мальчонка с острым носиком в веснушках // Тем гостинцам праздничным не рад. // Дедушка, мне ничего не надо! // Об одном прошу тебя, родной! // Возврати мне папу!»* [слова Д. Булавинцева, исп. В. Толкунова]; *«Мы живём по-прежнему: // Мама, я, // Кошка тёти Стешина – // Вся семья. // Только мне всё чудится: // Пап да пап... // Дождик, что ж ты ломишься – // Кап да кап... // **Может, ты во-ротишься, // Пап, а пап?**..»* [слова Е. Наумовой, исп. В. Толкунова].

Счастливое детство противопоставлено образу войны. Песня «Вальс на Голгофу» на стихи Карины Филипповой в исполнении Валентины Толкуновой свидетельствует о связи начала войны и завершения детства, беззаботного времени: *«Петеньки, Сашеньки – дети вчерашние – // Парам в вальсе загробном застыли»* [стихи К. Филипповой, исп. В. Толкунова].

Через взаимопроникновение концептов ДЕТСТВО, ДОМ, СЕМЬЯ советские поэты-песенники открывают важность гармоничных внутрисемейных отношений. Мать и отец, воспитывая ребенка в атмосфере любви и заботы, дают ему чувство защищенности и уверенности в своем будущем: *«Идет малыш, не знающий беды, // И на Земле легки его следы, // **Родители** с него не сводят глаз. // В счастливый день и час»* [стихи И. Тарба, Е. Николаевской, исп. А. Герман]; *«Пусть никакая печаль не тревожит // **Детскую** душу твою. // Ты не увидишь ни горя, ни муки, // Доли не встретишь лихой»* [стихи М. Исаковского, исп. А. Герман].

Концепт ДЕТСТВО неразрывно коррелирует с концептом СЕМЬЯ, репрезентантом в котором выступает отец и мать: *«Ехать замечательно на плечах **на папиных**, // Доставать макушкой до сигнала «Стоп!». // **Папы**, даже важные, – все одноэтажные, // А вот так, с добавкою, **папа** – небоскреб»* [стихи М. Танича, исп. В. Толкунова]; *«В космос, не страшась, их **отцы** летят, Дети полетят выше. Тише, дети спят, Тише, дети спят, Тише, дети спят, тише...»* [стихи И. Шаферана, исп. Л. Сенчина]; *«**Батюшка** в юности мне говорил, // Что рядом со мною всегда и везде // Ангел-Хранитель»* [стихи Н. Дерзновенко, исп. В. Толкунова]; *«Переходит улицу **мама двухсерийная** // И вторую серию за руку ведёт»* [стихи М. Танича, исп. В. Толкунова].

В советском песенном дискурсе пересекаются функционально-семантические поля концептов ДЕТСТВО и МАТЕРИНСТВО: *«Спят мои сокровища чумазые, // **Носики-курносики** сопят»* [стихи А. Булычевой, исп. В. Толкунова]; *«**Дочь**, ты зря обиду прячешь // Улыбайся без забот»* [стихи М. Пляцковского, исп. В. Толкунова]; *«**Мама** моя – нежность моя»*

[стихи Г. Георгиева, исп. В. Толкунова]; «*Тёплые руки мамыны, // В печке ворчанье каменной, // И ощущеньем радости // Мой старый наполнен дом*» [стихи С. Ковальского, исп. В. Толкунова].

Таким образом, в советском песенном дискурсе концепт ДЕТСТВО репрезентируется через множество образов и коррелирует с другими концептами, которые следует классифицировать как сопредельные: СЕМЬЯ, ВОЙНА, ПАМЯТЬ, СЧАСТЬЕ.

Взаимодействие перечисленных концептов образует концептосферу советского песенного дискурса, комплексное изучение которого позволит изучить ряд многоаспектных задач: 1) выявить идеологемы советского общества; 2) показать способы репрезентации основных концептов, составляющих концептосферу, представив корреляцию лексических и фразеологических средств; 3) определить лингвоаксиологический потенциал советских песен.

Литература

Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013.

Григорьева Т. А. Стереотипность шлягера как текста массовой культуры: автореферат дис. ... канд. филол. Наук. СПб, 2003.

Кострюкова О. С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореферат дис. ... канд. филол. Наук. М., 2007.

Ломакина О. В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.

Нагибина Е. В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002.

Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: АСТ, 1997.

N. A. Maslova (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *CHILDHOOD* IN A SOVIET SONG DISCOURSE

The article is devoted to the description of phraseological representations of the concept CHILDHOOD. The research material is the poems of Soviet songwriters. The semantics of the song texts that make up the concept CHILDHOOD is analyzed. The main groups that make up the concept CHILDHOOD are highlighted.

Key words: concept, childhood, conceptsphere, song discourse, ideologeme.

*С. Н. Медведева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
medvedeva.s@unecon.ru*

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ ‘MAKE’, ‘DRIVE’, ‘GET’,
‘KEEP’, ‘HOLD’, ‘LEAVE’, ‘SET’, ‘PUT’
В КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ**

Настоящая работа выполнена в русле конструкционной семантики и направлена на сравнительное описание значений глаголов ‘make’, ‘drive’, ‘get’, ‘keep’, ‘hold’, ‘leave’, ‘set’, ‘put’ в составе каузативных конструкций. В результате исследования были выделены три семантических типа каузации: каузация воздействия, каузация удержания в состоянии, каузация воздержания от воздействия.

Ключевые слова: каузативные конструкции, конструкционная семантика, семантическая кластеризация, типы каузации, корпусные базы данных, глаголы make/ drive/ get/ keep/ hold/ leave/ put/ set.

В современных отечественных и зарубежных работах по семантике синтаксиса, конструкционной грамматике и когнитивной лингвистике каузативным конструкциям традиционно уделяется значительное внимание. Подобный интерес можно объяснить тем, что данные конструкции представляют собой сложные многокомпонентные структуры, и изучение взаимного влияния семантики их элементов позволяет пролить свет на лингвокогнитивные механизмы формирования каузативного значения.

Настоящее исследование выполнено в русле конструкционной семантики и нацелено на комплексное сравнительное описание значений каузативных конструкций с глаголами ‘make’, ‘drive’, ‘get’, ‘keep’, ‘hold’ и ‘leave’, ‘put’, ‘set’ в современном английском языке. Исследование проводилось на материале корпусной базы данных Corpus of Contemporary American English.

В рамках работы были поставлены и выполнены следующие задачи: определение понятия ‘каузация’; рассмотрение структуры каузативных конструкций в современном английском языке; формирование запросов MAKE/ DRIVE/ GET/ KEEP/ HOLD/ LEAVE/ PUT/ SET NOUN ADJ в корпусной базе данных Corpus of Contemporary American English; обработка полученных коллострукций методом семантической кластеризации; анализ и сопоставление полученных кластеров; выявление типов каузирующего воздействия.

Настоящая работа предполагает использование общенаучных методов анализа и синтеза с целью дать определение понятию каузации и схематично представить структуру каузативных конструкций. Формирование первичного массива исследовательского материала производилось с помощью сплошной выборки. Очистка исследовательского материала от случайных словосочетаний осуществлялась методом контекстуального анализа.

Каузация как выявление причинно-следственных связей между событиями представляет собой междисциплинарный объект, который исследуется в рамках логики, философии, когнитивистики, биологии, физики, медицины и других отраслей знания. Б. Коупли и Ф. Вулф отмечают, что в лингвистике каузация описывается как отношение между актантами и, в сущности, выступает в роли семантического примитива [Copley, Wolff 2014: 1]. В целом, восприятие каузации как отношения соответствует одному из ключевых положений когнитивной лингвистики, согласно которому «мышление человека строится из двух основных концептуальных единиц – предметов и отношений между ними» [Boldyrev, Pavlova, 2020: 71]. Иными словами, каузация в лингвистике не исследуется отдельно, но рассматривается в рамках каузативных конструкций, состоящих из компонентов и отношений между ними. Е. М. Позднякова также отмечает, что «принятие агентивности (каузации) за основной семантический компонент в трактовке агентивности позволит нам рассматривать широкий набор глаголов как предикатов агентивной конструкции. Семантика предикатов таких конструкций в нашем понимании может быть связана с причинностью в широкой ее трактовке» [Позднякова 1997: 98]. Таким образом, осуществление действия всегда так или иначе связано с каузацией, выражение которой не ограничивается строго определенным списком глаголов.

Одной из значимых разработок в области лингвокогнитивных оснований каузации и семантики каузативных глаголов можно назвать теорию силового взаимодействия Л. Талми. В данной теории важными компонентами каузативной ситуации являются с одной стороны – агонист как носитель воздействия и само воздействие, а с другой стороны – антагонист как объект воздействия и его желание/ нежелание перейти в некое целевое состояние [Соснин 2008: 187–188]. Подобный подход к каузации позволил Л. Талми разработать динамико-силовые схемы, описывающие каузацию как взаимодействие актантов каузативного события. Исходя из этого, каузативная конструкция в обобщенном виде может быть представлена следующей схемой: КАУЗАТОР + ВОЗДЕЙСТВИЕ + ПАЦИЕНС + РЕЗУЛЬТАТ (СОСТОЯНИЕ/ДЕЙСТВИЕ ПАЦИЕНСА).

Учитывая то, что глаголы выступают ядром пропозиции в вербоцентричных языках, каким является английский, и описывают действия или состоя-

ния, можно предположить, что каузирующее воздействие будет в некоторой степени обусловлено семантикой глагола в соответствующей конструкции, так как значение глагола нередко содержит информацию о характере и манере воздействия, времени, интенциональности, волевости и т. д. Например, в предложении «I tried to talk her into ordering ice cream» глагол показывает, что воздействие происходило в прошлом, каузатор предпринял попытку именно речевого воздействия, об успешности которого не всегда можно сделать выводы без расширенного контекста, что также отмечает Е. В. Ермолаева [Ермолаева 2015: 76]. В блоке результата раскрываются намерения и цель каузации. В предложении «Don't drag me into your argument!» каузатор является адресантом, а пациент выступает адресантом, который заявляет о своей осведомленности относительно намерений и цели каузатора, тем самым оказывая сопротивление воздействию. Сам глагол 'drag' образно описывает силовое воздействие, осуществляемое каузатором против воли пациента.

Данное исследование опирается на два ключевых понятия: конструкция – сложная единица языка, состоящая из лексически фиксированного ядра и вариативной части (коллоката); и коллострукция – сложная единица языка, для которой характерна лексическая заполненность как ядра, так и вариативной части.

На начальном этапе исследования в корпусной базе данных COCA во вкладке List поочередно выполнялись и фиксировались запросы MAKE/ DRIVE/ GET/ KEEP/ HOLD/ LEAVE/ SET/ PUT NOUN ADJ, где глаголы представлены в лемматизированной форме, охватывающей всю парадигму их грамматических форм; NOUN – это любое существительное, стоящее после одного из указанных глаголов, а ADJ – любое прилагательное, расположенное после существительного.

В результате, полученные коллострукции были распределены на следующие семантические кластеры:

Make: 1) Создавать ситуацию, условия для действий – make + things/ life/ parenting + worse/ better/ easy/ easier/ clearer/ fair/ easy/ interesting/ better/ awkward. 2) Информировать, провоцировать эмоции – make + people/ women/ men/ children/ students/ customers + happy/ aware.

Drive: 1) Менять цены – drive + prices/ costs + higher/ lower. 2) Доводить до потери контроля над собой, агрессии – drive + people/ women/ men/ children/ students/ Catholics/ environmentalists/ customers + mad/ crazy/ batty/ wild/ insane.

Get: 1) Поступить, совершить определенное действие – get + things/ stuff + ready/ wrong/ right. 2) Провоцировать эмоции, приводить в состояние – get + people/ students/ kids/ children/ girls/ women + interested/ ready/ excited/ comfortable/ involved/ aware/ scared/ mad. 3) Приготовить пищу – get + dinner/supper/ breakfast/ lunch + ready.

Keep: 1) Поддерживать достигнутое желаемое качество или состояние: keep + things/ information + simple/ fresh/ professional/ clean/ nice/ fair/ afloat/ neat/ positive/ confidential; keep + people/ Americans/ students/ customers/ shareholders + healthy/ safe/ engaged. 2) Не менять цены: keep + prices/ taxes/ costs/ rates + low/ high. 3) Удерживать от перехода в состояние: keep + food warm/ water clean.

Hold: 1) Призывать/ не давать уйти от ответственности – hold + people/ politicians/ parents/ schools/ teachers/ officials/ women/ men/ individuals/ employers/ government/ companies + accountable/ responsible/ liable. 2) Ценить – hold + life + dear/ precious.

Leave: 1) Взаимодействовать с предметами, изменять их положение и физические характеристики или оставить в исходном состоянии – leave + doors/ space + open/ surface clean/ hair smooth/ shiny. 2) Привести к какому-либо состоянию или миновать – Leave + people/ soldiers/ men/ women + alone/ dead/ homeless/ unemployed/ hungry/ alive/ intact.

Set: 1) В прямом смысле – поджечь, в переносном – окрасить в огненные цвета – set + homes/ buildings/ autumn/ corruption/ trees/ heaven/ forests/ cars + ablaze/ aflame. 2) В прямом смысле – пустить по течению, в переносном – предоставить кого-либо самому себе – set + humankind/ flowers + adrift. 3) Освободить – set + people/ slaves/ humanity + free. 4) Снять ограничения – set + science/ life/ information/ art + free. 5) Повысить или понизить планку – set + expectations/ standards/ record + high/ low. 6) Назначить цену – set + prices + high.

Put: 1) Привести в какое-либо эмоциональное состояние – put + people/ seniors + afraid/ desperate. 2) Ценить, сделать главным – put + hospitality high/ immigration central.

В ходе проведенного исследования удалось установить, что результат в каузативной конструкции выражается именно потенциальными состояниями пациенца: ‘make customers happy’ – ‘happy customers’, ‘keep prices high/ low’ – ‘high/ low prices’, ‘leave people homeless’ – ‘homeless people’, но не *‘make prices hungry’. Кроме того, по характеру воздействия каузатора на пациенца рассмотренные глаголы можно разделить на три типа:

1) Глаголы воздействия, которые способствуют переходу пациенца в другое состояние – ‘make people aware’, ‘drive environmentalists crazy’, ‘get students involved’, ‘leave hair shiny’, ‘leave people homeless’, ‘set corruption ablaze’, ‘put seniors desperate’);

2) Глаголы удержания пациенца в текущем состоянии – ‘hold companies liable’, ‘hold politicians accountable’, ‘keep food warm’, ‘keep prices low’);

3) Глаголы воздержания от воздействия (‘leave doors open’, ‘leave surface clean’, ‘leave people alive’).

При этом глагол ‘leave’ может означать как воздействие, так и воздержание от него, в связи с чем в процессе анализа каузативных конструкций рекомендуется учитывать не только результативное состояние пациента, но и соотносить его с исходным, так как именно изменение состояния указывает на то, случилось ли воздействие.

Литература

Ермолаева Е. В. Индексальные каузативные конструкции с глаголами «point», «welcome», «charm» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 17(728). С. 70–81.

Позднякова Е. М. Языковые средства реализации семантической воли агенса в позиции субъекта // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 1997. № 1(5). С. 98–102.

Соснин А. В. Теория силового взаимодействия Леонарда Талми // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 2008. Вып. 10. С. 185–191.

Boldyrev N. N., Pavlova A. V. State as a cognitive dominant of linguistic cognition // EpSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences: Proceedings of the Philological Readings (PhR2019), Orenburg, 19–20 сентября 2019 года. Vol. 83. – London, United Kingdom: EPSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences. 2020. P. 69–76.

Copley B., Martin F. Causation in Grammatical Structures. Oxford: Oxford University Press, 2014.

S. N. Medvedeva (*Saint-Petersburg, Russia*)
Saint-Petersburg State University of Economics

COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTICS OF THE VERBS ‘MAKE’, ‘DRIVE’, ‘GET’, ‘KEEP’, ‘HOLD’, ‘LEAVE’, ‘SET’, ‘PUT’ IN CAUSATIVE CONSTRUCTIONS

The current research lies in the field of constructional semantics and is aimed at providing comparative description of semantics of the verbs ‘make’, ‘drive’, ‘get’, ‘keep’, ‘hold’, ‘leave’, ‘set’, ‘put’ in causative constructions. As a result, three semantic types of causation have been identified: causation of action, causation of retention as well as causation of refrain.

Key words: causative constructions, constructional semantics, semantic clusterisation, causation types, corpora, the verbs make/ drive/ get/ keep/ hold/ leave/ put/ set.

С. Л. Михеева (Чебоксары, Россия)
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева
mikhsveta@rambler.ru

МЕСТОИМЕННЫЙ РЕДУПЛИКАТ *САМЫЙ-САМЫЙ*: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛА

В статье рассматривается функционирование местоименного редупликата *самый-самый*, выполняющего в речи роль интенсификатора значения уникальности при оценке качеств и свойств явлений, событий и объектов действительности. Материалом для анализа служат иллюстрации из Национального корпуса русского языка. Выявлено, что данный редупликат влияет на развитие у относительных прилагательных качественного значения.

Ключевые слова: местоимение, местоименный редупликат, оценочный компонент, превосходная степень, интенсификатор.

Адекватное описание лексического значения местоименного слова – один из проблемных вопросов, который невозможно считать закрытым, несмотря на давнюю историю его изучения и многочисленные современные исследования. Хорошо осознаваемые говорящими и употребляемые в речи без особых затруднений, местоимения представляют собой семантический феномен с размытыми и проницаемыми границами между различными оттенками смысла. Особенно ярко это проявляется у группы слов, относимых в традиционной грамматике к разряду определительных местоимений. При обращении к их словарным толкованиям обнаруживается функциональный подход к описанию семантики: указываются условия употребления слова или смысловые нюансы, которые вносит местоимение в то или иное конкретное сочетание. На эту особенность указывают З. И. Комарова и Ю. Ю. Шадрина: «<...> это как бы «интерпретационное толкование», раскрывающее **типовые употребления** местоимений в тех или иных контекстуальных условиях» [Комарова, Шадрина 2010: 35–36] (здесь же см. подробный анализ существующих подходов к «проблемному полю местоименности» в целом). Обоснованным представляется предположение о том, что само «интерпретационное толкование» должно быть обусловлено прагматическими аспектами как неизбежным компонентом речевой ситуации (см. в частности анализ функционирования местоимений *самый* в [Сяоли 2022], *другой* [Носкова, Матханова 2021]).

Определительное местоимение *самый*, соотносимое с адъективным типом склонения, обнаруживает уникальное свойство: оно способно обра-

зывать удвоенную форму *самый-самый* по примеру и аналогии с качественными прилагательными (*белый-белый, красивый-красивый* и т. п.) (подробно о редупликации см. [Панков, Овтина 2018]). На него обращает внимание В. П. Берков: «Интересное явление – возникшая сравнительно недавно форма, которую можно назвать «неуточненным суперлативом» – редулицированное сочетание *самый-самый*, в зависимости от контекста означающее «самый лучший, самый большой, самый популярный, самый знаменитый, самый модный и т. д.»: *здесь собрались самые-самые, она всегда покупает самое-самое* и т. п.» [Берков 1996: 114]. Анализ словарных данных показал, что рассматриваемый редуликат представлен как отдельная единица в составе словарной статьи к местоимению *самый* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова: «САМЫЙ, -ая, -ое, мест. определит. 1. Употр. для уточнения при словах «этот», «тот», а также (прост.) при личном местоимении в знач. именно. *Эта самая книга. В этом самом месте. Так это вы и есть Петров? – Я с.* 2. Употр. для уточнения места и времени в знач. прямо, как раз, непосредственно. *У самого моря. На с. верх забрался. С самого утра. Самое время учиться. Сейчас самая пора обедать.* 3. Подчеркивает определяемое существительное в знач. взятый сам по себе, как таковой. *Достаточен с. факт согласия.* 4. При прилагательном образует его превосходную степень, а при существительном указывает на крайнюю степень количества или качества. *С. хороший. С. модный. Самая малость. Самые пустяки. В самом разгаре событий.* 5. самое, частица. Означает своевременность: самое подходящее время, самая подходящая пора, именно сейчас (прост.). *Сейчас бы самое пообедать. Самое разведать, пока темно.* ● *В самом деле* – действительно, точно. *Он в самом деле настоящий друг.* ● *На самом деле* – в действительности, так, как оно есть. *Уверяет в дружбе, а на самом деле равнодушен.* ● *В самый раз* (разг.) – 1) вовремя, именно в нужный момент. *Успел в самый раз;* 2) впору (в 1 знач.), как раз по размеру. *Сапоги в самый раз.* ● ***Самый-самый (самая-самая, самое-самое) (разг. шутл.) – самый хороший, лучше всех. Она самая-самая!*** [Ожегов URL]. Как и удвоенные формы прилагательных, рассматриваемая единица функционирует в качестве средства выражения интенсивности: «редупликация помогает выразить «идею большого количества» в широком смысле. Например, при редупликации прилагательных и наречий выражается «большое количество» признака предмета или действия, то есть его интенсивность» [Панков, Овтина 2018: 146].

Условия возникновения редуликата *самый-самый* и ее семантические особенности позволяет выявить материал, представленный в основном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Здесь удвоенная форма *самый-самый* представлена 834 вхождениями в 621 документе; распределение по годам охватывает период с 1755 по 2019 гг.; пример первого

включения в функции интенсификатора: *Дайте мне самого, самого строгого философа, у которого бы сердце было крепче кремня, право, и оно растает от женских глаз, и вы увидите, что любовь всякую философию прогонит одним только взглядом.* [П. А. Плавильщиков. Бобыль (1790)]; дефисное написание, зафиксированное в корпусе в первый раз: Дефисное написание: *Вообще, он самый-самый беспокойный и неприятный у нас человек.* [Н. С. Лесков. Божедомы (1868)] (здесь следует сделать оговорку о том, что в этом вопросе приходится доверять той орфографии и пунктуации, которые зафиксированы в текстах корпуса).

Некоторые моменты статистики по распределению по годам: 1790–1963 – от 1 до 5 иллюстраций; 1964–2019 – от 1 до 52 иллюстраций: 1964–8, 1987–17, 1997–27, 2002–52, 2003–44.

До середины XX в. абсолютное преимущество за сочетаниями с качественными прилагательными, где удвоенная форма выполняет роль интенсификатора сравнительного значения: *Случается, подойдут неожиданные гости к его калитке в самый-самый напряженный час «священного» рождения новых мыслей, новых слов.* [С. М. Голицын. Тайна старого Радуля (1972)]; – *А ты когда был самый, самый счастливый?* [Л. А. Кассиль. Будьте готовы, Ваше высочество! (1964)].

Также многочисленны примеры, подтверждающие словарное значение 2 (см. выше): 1) – *А ведь это только начало, Павел Игоревич!* – сказал Прохоров, когда инженер осторожно примостился на краешек подоконника. – *Это только самое-самое начало...* [Виль Липатов. И это все о нем (1984)]; *До самых-самых высот стремись, где уже никто не в силах тебя затронуть...* [Павел Нилин. Интересная жизнь (1969–1980)].

Корпус позволяет проследить влияние избыточности семантики рассматриваемого редупликата на окачествование относительных прилагательных, с которыми все чаще начинает сочетаться – такое употребление становится частотным с середины XX века: <...> *Но тут не былинки – растения чудодейственной силы, издревле дарившие нас частицей своей сокровенной мощи. И не какие-нибудь знахарские, хотя и этих жаль, потому что прекрасны и таят нераскрытое, но самые-самые аптечные, признанные официальной медициной* <...> [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]. Показателен следующий фрагмент – один из крайних случаев подобного влияния семантики местоимения *самый*: *Игорь, самый умный, самый, самый, самый всякий.* [Л. В. Барлас. Дневник (1956)]. Чрезмерная избыточность семантики превосходности приводит к гиперболизации и последующей иронизации смысла, весь процесс семантических преобразований при этом сопровождается развитием у местоимения и соответственно редупликата оценочного компонента.

В следующих примерах эксплицирована мотивация оценочного смысла, который зарождается в самом местоимении: <...> и в первую очередь не следует забывать, что все же Америка – **самая богатая, самая сильная, наитехнически усовершенствованная страна, – самая, самая, самая – тысячи людей шагают сейчас по тишине Америки.** [Б. А. Пильняк. О'кэй. Американский роман (1934)]. В случаях положительной оценки речь идет об исключительности объекта в различных параметрах измерения, причем, как уже было отмечено, в подобной ситуации под влиянием общего оценочного контекста «окачествлению» подвергаются относительные прилагательные: *Фтор. Самый активный, самый электроотрицательный, самый металлоидный, самый реакционноспособный, самый агрессивный элемент. Самый, самый, самый...* <...> [А. Опаловский. Фтор // «Химия и жизнь», 1965]. С другой стороны, повышается оценочный статус характеризуемого объекта. Как следствие, выразителем собственно положительного оценочного значения оказывается редупликат, который становится способным передавать этот смысл в отсутствие прилагательного, которое он «должен» сопровождать: *Вот что надо было тогда ответить: он просто самый-самый, как «мерседес».* [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)]; *Самое-самое кафе в самом-самом районе Берлина.* [Ксения Самарина. Берлин (2013)]. Это может быть одной из причин, объясняющих появление дефисного написания и формы-редупликата. Среди массива примеров наблюдаются случаи утроенного написания – и формально совпадающего с однородным рядом, и дефисного: *Самая лучшая система бульваров во всем земном шаре – ходи по бульварам, обходи Чикаго, не выйдя ни на какую улицу. Всё самое, самое, самое... Что это за город – Чикаго?* [В. В. Маяковский. Мое открытие Америки (1925–1926)]; – *Скажи мне, что есть в Одессе самое-самое-самое.* [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)].

Запечатленный в письменной форме редупликат *самый-самый* фиксирует экспрессивный элемент разговорной речи, служащий, с одной стороны, для выражения подчеркнуто эмоционального отношения субъекта речи к характеризованному явлению, событию, объекту, с другой, для создания оценочного контекста, внутри которого он сам получает возможность для реализации дополнительных функционально-смысловых оттенков.

Литература

Берков В. П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность: коллективная монография. Санкт-Петербург: Наука, 1996. С. 107–129.

Комарова З. И., Шадрина Ю. Ю. Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2010. № 1. С. 32–39.

Носкова В. Н., Матханова И. П. Функционирование местоимения *другой* и особенности его словарного представления // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 64–85.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27816>

Панков Ф. И., Овтина Е. А. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 1А. С. 140–158.

Сяоли С. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. 2022. № 2. С. 7–23.

S. L. Mikheeva (*Cheboksary, Russia*)
Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University

THE PRONOMINAL REDUPLICATE *САМЫЙ-САМЫЙ*: PRAGMATIC ASPECTS OF MEANING

The article deals with functioning of the pronominal reduplicate *самый-самый* (*most most*), which in speech plays the role of an intensifier of the value of uniqueness in assessing the qualities and properties of phenomena, events and objects of reality. The material for the analysis is illustrations from the National Corpus of the Russian Language. This reduplicate affects the development of the qualitative meaning of relative adjectives.

Key words: pronoun, pronominal reduplicate, evaluative component, superlative, intensifier.

А. Г. Минченков (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный университет
a.minchenkov@spbu.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *now*

В статье исследуются возможности вторичной интерпретации лексемы *now* в дискурсе на основе признака «актуальность для текущего момента». Показано, что лексема может употребляться в качестве иллокутивной частицы, выполняя разнообразные функции в зависимости от ситуации общения и интенций говорящего и обеспечивая эффективное взаимодействие между участниками коммуникации.

Ключевые слова: вторичная интерпретация, интерпретирующий потенциал, когнитивный контекст, дискурс, иллокутивная частица, признак.

Современная когнитивная парадигма лингвистических исследований, одним из основных методологических принципов которой является принцип антропоцентризма, предоставляет большие возможности описания семантического потенциала лексических единиц. Широкий взгляд на языковую когницию, идущий в русле научной школы Е. С. Кубряковой, основывается на положении о том, что каждая единица языка должна анализироваться не только с точки зрения когниции, но и с точки зрения коммуникации [Кубрякова 2009]. При этом, как отмечает Н. Н. Болдырев, язык, помимо когнитивной и коммуникативной функций, выполняет еще важную интерпретирующую функцию [Болдырев 2007: 25–26], которая напрямую связана с принципом антропоцентризма и отражает интенциональный характер языковой деятельности индивидов. Языковые единицы, с одной стороны, объективируют результат категоризации человеческим сознанием окружающего мира, а, с другой стороны, обладают потенциалом выражения разнообразных индивидуальных смыслов, тем самым выступая средством вторичной интерпретирующей концептуализации мира. Единицы языка обладают богатым интерпретирующим потенциалом, который реализуется при их употреблении в дискурсе. Подобный подход позволяет учитывать при анализе значения весь когнитивный контекст, понимаемый как структура или структуры знаний, отражающие весь познавательный опыт человека [Болдырев 2014: 119]. Признание многоуровневости значений языковых единиц предполагает необходимость «выхода за рамки собственно языковой системы в процессе изучения языковых значений и обращение к когнитивным контекстам разного уровня сложности» [Болдырев 2013: 8].

Описанный подход приобретает особую актуальность, когда целью анализа является выявление интерпретирующего потенциала языковых единиц, чье значение традиционно и прочно ассоциировано с определенными когнитивными контекстами и конкретной частеречной принадлежностью. Речь идет о группе слов английского языка, обозначенных нами как маскирующиеся иллокутивные частицы. Понятие маскирующейся иллокутивной частицы было введено и рассмотрено нами ранее на примере, в частности, лексем *positive* и *positively* [Минченков 2018]. Иллокутивные частицы используются в целях речевого взаимодействия между участниками коммуникации, и их функция состоит в том, чтобы маркировать высказывания в точки зрения интенций говорящего [Hervey & Higgins 1999, Levinson 1994]. Важными особенностями иллокутивных частиц являются их ориентированность на говорящего, отсутствие жесткой синтаксической связи с другими словами внутри предложения и, соответственно, невозможность поставить к ним вопрос от какого-либо отдельного

слова. Характеристика «маскирующаяся» отражает тот факт, что данные единицы привычно, в большом количестве контекстов, употребляются не как частицы, а как другие части речи, что затрудняет их идентификацию в качестве иллокутивной частицы.

Цель данной статьи состоит в анализе интерпретирующего потенциала английской лексемы *now*, чаще всего функционирующей в качестве наречия времени. Материалом для исследования послужили данные словарей, корпуса Collins Cobuild Wordbank 2006, а также примеры из литературы.

Как отмечает словарь английского языка, лексема *now* используется для референции к настоящему времени в противоположность прошедшему или будущему, а также при описании прошлых событий для референции к конкретному описываемому моменту. В частности, в примере (1) *We are now a much more fragmented society* это наречие противопоставляет состояние общества в настоящем его состоянию в прошлом, а в примере (2) *She felt a little better now* самочувствие героини в описываемый момент противопоставляется ее более раннему самочувствию [CALD]. В обоих примерах к анализируемой лексеме можно поставить вопрос от сказуемого и тем самым подтвердить ее функционирование в качестве наречия времени.

Рассмотрим теперь другой пример: (3) '*...what do you think he said then?*' *Dixon shook his head. 'I don't know, Professor; 'he said in sober veracity – 'Flute and piano. ... 'Flute and piano; not recorder and piano. 'Welch laughed briefly. 'Now a recorder; you know, isn't like a flute ...'* [Amis 1976: 7]

Анализ когнитивного контекста показывает, что речь в примере идет об ошибке, которую, по мнению профессора Велча, допустил репортер, написав, что исполненное музыкальное произведение было для флейты и фортепиано, вместо блок-флейты и фортепиано. Профессор считает необходимым заметить, что флейта и блок-флейта совершенно разные инструменты, и такая ошибка недопустима. При анализе возможная гипотеза о том, что лексема *now* является наречием времени, опровергается, в том числе, благодаря привлечению наших знаний о мире – невозможно представить себе, что блок-флейта когда-то ранее была похожа на флейту, а в момент, когда происходил этот диалог, уже перестала быть похожа. Другими словами, анализируемая лексема синтаксически не связана со сказуемым в функции обстоятельства времени. В результате анализа становится очевидно, что говорящий использует данную лексему для привлечения внимания собеседника к актуальной, с его точки зрения, информации, что дополнительно подтверждается использованием маркера *you know*, выполняющего схожую функцию. На способность лексемы *now* выступать в качестве средства привлечения внимания к актуаль-

ной информации, указывают и словари английского языка, в которых можно найти похожие примеры: (4) *My son went to Almeria in Southern Spain. Now he and his wife are people who love a quiet holiday* [CALD]. Вводимое с помощью лексемы высказывание описывает характерное, а не новое свойство героя и его жены, о чем свидетельствует, в частности, употребление классифицирующего сочетания *people who*. По мнению говорящего, знание об этом свойстве актуально для понимания первого высказывания. Особенности функционирования лексемы *now* в примерах (3) и (4) подходят под описанные выше критерии отнесения единиц к иллокутивным частицам. Наш анализ показывает, что лексема *now* достаточно часто употребляется как частица в функции привлечения внимания к актуальной информации, преимущественно, в устном дискурсе. Представляется, что возможность использования этой лексемы в качестве средства вторичной интерпретации обусловлена общим для наречия времени и частицы признаком, который можно было бы обозначить как «актуальность для текущего момента». Не случайно при описании функционирования *now* для введения актуальной информации словарь добавляет, что это информация, которую необходимо знать, прежде чем говорящий может продолжить [CALD], то есть она актуальна именно в данный момент времени.

Анализ функционирования *now* в дискурсе выявляет случаи, когда актуальная информация вводится данной лексемой в противопоставление ранее упомянутому или имплицитному: (5) *...there was something like a forged testimonial or something of the sort, I gathered. Something rather shady, anyway. Now, of course, this journal of his may be quite above-board and so on. I'm not saying it isn't* [Amis 1976: 82]; (6) *'I don't know much about car engines. Now, if Sam was here, he'd definitely help you'* [CCWB]. В примере (5) *now* используется говорящим, чтобы указать на то, что имплицитный предыдущими высказываниями смысл – все, что связано с героем, включая его журнал, вызывает подозрение – возможно, не соответствует реальности. В примере (6) герой противопоставляет себе другого героя, привлекая внимание собеседника к тому, кто реально может ему помочь.

Признак «актуальность для текущего момента» также репрезентируется, когда интересующая нас лексема маркирует переход к новой теме (говорящий сигнализирует, что именно эта новая тема сейчас актуальна) (7), к заключению (8), возврат к прежней или основной теме разговора (9), или же используется просто для привлечения внимания собеседника (10). При переходе к новой теме и привлечении внимания *now* может встречаться в сочетании с лексемой *then*:

(7) "...he's had a warning letter..." "What?" cried Jimmy excitedly... "You can't mean it?" – "Yes, I do. He told Father about it. Now what do you think it points to?" [AC1981: 58]

(8) "It couldn't very well have been someone from outside" – "No," agreed Bundle, more readily this time. – "Very well. Now, that narrows down things considerably..." [AC1981: 55]

(9) 'Now, where was I?' [CCWB]

(10) "Now then, Alfred, have you got a cupboard downstairs where you could shove all this glass?" [AC1981: 87].

Стоит отметить также, что, как показывает наш анализ, лексема *now* в дискурсе может выполнять и другие, причем сильно отличающиеся друг от друга функции. Так, она встречается как эмфатическая частица, используемая для усиления просьбы или требования (вероятно, подчеркивая необходимость немедленного выполнения действия): (11) *Now, stop it, both of you* [Pr 1987: 232]. С другой стороны, она может употребляться как маркер хезитации (преимущественно в вопросительных высказываниях: (12) '*When did her hand shake?*' – '*When was it now? I can't remember... I think she was just nervous*' [AC1993: 82].

Таким образом, проведенное исследование выявило, что дискурсивное употребление лексемы *now* демонстрирует ее большой интерпретирующий потенциал, а многообразие окружающего мира и интенций говорящего обуславливает большую вариативность вторичной интерпретации данной лексемы.

Литература

Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–28.

Болдырев Н. Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24. Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 7–13.

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118–122.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

Минченков А. Г. Маскирующаяся иллюкутивная частица и когнитивный контекст // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 67–75.

AC1981 – Christie A. *The Seven Dials Mystery*. London: Bantam, 1981.

AC1993 – Christie A. *Cards on the Table*. London: Harper Collins, 1993.

Amis 1976 – Amis K. *Lucky Jim*. London: Penguin Books, 1976.

CALD – Cobuild Advanced Learner's Dictionary. Glasgow: Harper Collins, 2014.

CCWB – Collins Cobuild Wordbank. Collins Cobuild Dictionary on CD-Rom, 2006.
Hervey S. & Higgins I. Thinking Translation. London: Routledge, 1999.
Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
Pr 1987 – Priestley J. B. Time and the Conways. London: Penguin Books, 1987.

A. G. Minchenkov (*Saint Petersburg, Russia*)
St.-Petersburg State University

INTERPRETIVE POTENTIAL OF THE LEXEME NOW

The paper explores the possibilities of secondary interpretation of the lexeme *now* in discourse on the basis of the conceptual feature ‘current relevance’. It is shown that the lexeme can be used as an illocutionary particle, performing various functions depending on the situation and the speaker’s intentions and contributing to effective interaction between the participants of the communication process.

Key words: secondary interpretation, interpretive potential, cognitive context, discourse, illocutionary particle, conceptual feature.

И. К. Мухина (*Екатеринбург, Россия*)
*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина
golst@el.ru*

КОНЦЕПТ ИГРА КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ФОРМАТ ЗНАНИЯ¹

Статья посвящена выявлению интегративного характера знаний, объединенных комплексным концептом ИГРА. На основе изучения совокупности языковых значений многозначного слова, представлений о когнитивно-пропозициональной структуре, репрезентирующей ситуацию игровой деятельности, обыденных и экспертных знаний в структуре концепта, составления идеографической карты совмещенных смыслов делается вывод о матричном формате знаний.

Ключевые слова: концепт, когнитивная матрица, сопряженное знание, синонимы, идеографическая карта мира.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь–тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

Многоаспектность знания, репрезентируемого понятием «игра», проявляется, в первую очередь, на уровне языковой системы в виде совокупности лексических значений данного многозначного слова, с одной стороны, объединяющей несколько **процессных значений**: времяпрепровождение, доставляющее удовлетворение, служащее развлечением одним лишь участием в нем [здесь и далее лексические значения приводятся по Ефремова 2006]; активные действия в определенный момент спортивной или карточной игры; изображение кого-, чего-либо на сцене как исполнение какой-либо роли; с другой стороны, являющейся суммой **результативных значений**: занятие для развлечения, отдыха, укрепления здоровья; конкретный вид, способ такого занятия, основанный на определенных условиях, подчиненный определенным правилам; законченное сценическое исполнение роли; определенный ход в спортивной или карточной игре.

Существенные представления о концепте, согласно концепции Л. Г. Бабенко [см. Бабенко 2017], сформулированы в словаре ключевых концептов русского языка в виде обобщенной словарной дефиниции и представляют ядро концепта ИГРА: «Игра – это занятие, обычно служащее для отдыха и развлечения, увеселения, укрепления духа и здоровья, заполнения досуга и эстетического наслаждения его участников и зрителей, а также какой-либо вид, способ такого занятия» [Мухин, Мухина 2017: 686]. Таким образом, в ядерной части концепта ИГРА закреплены основанные на опыте знания как о процессе игровой деятельности, так и о конкретном способе осуществления такого развлекательного занятия.

Многоаспектность знания подчеркивается наличием в словарных дефинициях леммы – имени концепта лексических репрезентантов с семантикой «неразрывное соединение, сочетание чего-либо»: см. *игра* как «Занятие, обусловленное **совокупностью** определенных правил, приемов и служащее для развлечения, увеселения, заполнения досуга».

Вторым способом проявления интегративности знания в лексических репрезентациях концепта ИГРА является множественность способов отображения, вербализованная в явлении синонимии. При этом синонимическому обозначению подвергаются следующие компоненты когнитивно-пропозициональной структуры, представляющей обобщенную ситуацию игры.

СУБЪЕКТ 1 как человек, участвующий в игре (*игрок, разг. играющий*); в частности, тот, кто держит банк в карточных играх (*банкир, банкومت*); СУБЪЕКТ 2, участвующий в ситуации игровой деятельности, например, тот, кто судит спортивные игры, состязания, следит за соблюдением правил игры и разрешает возникающие споры (*судья, арбитр, рефери*).

ПРЕДИКАТ – принимать/принять участие в состязании, которое проходит по установленным правилам с использованием специальных предметов

(играть/сыграть, разг. перебрасываться/переброситься, разг. перекидываться/перекинуться, разг., шутил. сражаться/сразиться, разг.-сниж. дуться; играть с азартом: разг. резаться, разг.-сниж. жарить); привлекать к себе внимание лица противоположного пола, приглашать к любовным отношениям, намекая на возможность близости (флиртовать, заигрывать, кокетничать); конкретное действие в определенный момент игры: перемешивать/перемешать игральные карты в колоде перед игрой (перетасовывать / перетасовать, растасовывать / растасовать, тасовать); класть/положить на карту партнера старшую карту, выигрывая тем самым один ход в карточных играх (разг. крыть/покрыть что, бить/побить что, покрывать/покрыть что).

ПРЕДМЕТЫ, используемые в процессе игры, например, карты одной масти, объявляемой по правилам игры старшей, бьющей карты всех других мастей (козыри, устар. сюры); денежная сумма, поставленная на кон в некоторых карточных играх (банк, разг. котел).

РЕЗУЛЬТАТ игры, проявляющийся как **успех**, который достигается, когда одерживают верх в игре, спортивном соревновании, дающий право на получение награды, приза, денег, имущества (победа, выигрыш); побеждать/победить (выигрывать/выиграть, обыгрывать/обыграть, побивать/побить, разг. переиграть, разг.-сниж. обдуть/обдуть, разг.-сниж. обставить/обставить); процесс, при котором кто-либо, играя во что-либо, возвращает проигранное (отыгрывание, отыгрыш); или как **поражение** для играющего: терпеть/потерпеть поражение (проигрывать/проиграть, разг.-сниж. продувать/продуть); играя в азартную игру, оставаться/остаться в проигрыше, лишаться/лишиться денег, имущества (проигрывать/проиграться, разг.-сниж. продуваться/продуться); лишаться/лишиться материальных ценностей, потерпев поражение при игре в азартные, обычно карточные, игры (проигрывать/проиграть, разг.-сниж. продувать/продуть, разг.-сниж. просаживать/просадить).

В-третьих, информация о сопряжении концепта с другими ментальными пространствами представлена в зоне ближайшей периферии концепта ИГРА. Идеографическая карта лексико-фразеологических и паремиологических репрезентаций подобных совмещенных смыслов включает в себя следующие денотативно-идеографические группы.

«Интеллект»: в игре происходит испытание силы, упорства, отваги, находчивости, воли, интеллекта игроков (*Риск – благородное дело; Трусы в карты не играют*); человек проявляет личностные качества (*В игре да в дороге (в попутье) узнают людей*); игра развивает ловкость и хитрость (*Догадаешься, как проиграешься*).

«Эмоции»: игра часто сопровождается спортивным интересом, сильными эмоциями напряжения, азарта, чувством самоутверждения (*Стоит выиграть, чтоб не бояться проиграть*), переживанием победы и горечи поражения;

результатом игры может быть *воодушевление, радость, восторг*; проигрыш приводит неудачного игрока в состояние *уныния, разочарования, гнева*.

«Развлечение и отдых»: к игре также причисляют действия, основанные на риске, а также интенсивных движениях, вызывающих чувство страха, выброс адреналина и приводящих человека в особое психическое и эмоциональное состояние (*качели, американские горки*); большая популярность азартных игр (*рулетка, игра в кости, карты*), привела к появлению специальных игровых заведений (*казино*); такие города и территории, как Лас-Вегас, Монте-Карло, Макао, существуют в значительной степени благодаря азартным играм; в России для размещения *игорных домов* отведены специальные зоны в стороне от крупных городов.

«Искусство»: разновидностью игровой деятельности является *актерская игра* в театре как художественное отражение жизни посредством сценического представления, героями которого могут быть не только реальные люди, но и сказочные персонажи, животные; с игровыми элементами можно встретиться на *карнавалах, маскарадах, праздниках, цирковых представлениях, творческих конкурсах*.

«Родственные отношения»: элементы игры обнаруживаются и в семейной жизни (*Несчастлив в игре, так счастлив в любви; Счастлив игрой, да несчастлив женой; Нет лучше игры, как в переглядушки*).

«Социальные отношения»: большую роль играет игра в таких видах общественной деятельности, которые предполагают борьбу и соперничество, различные формы обмана и мистификации: в любовной игре, когда отношения мужчины и женщины осмысляются как азартная игра, целью которой является выигрыш (*флирт, кокетство, флиртовать, заигрывать, кокетничать; играть бровями; распушить [навлиний] хвост; стрелять глазами; строить глазки; играть в любовь*); в политике (*предвыборная гонка; терять/набирать очки; сойти с дистанции*) – **«Политика»**, рыночных отношениях (*играть на бирже*) – **«Экономика»**, на войне – **«Военная служба»**, в судебных разбирательствах – **«Право»**.

Итак, в концепте ИГРА репрезентируются многоаспектные знания матричного формата – «система разных когнитивных контекстов, представленных ее компонентами интегративно в рамках единого сложного концепта» [Болдырев 2014: 60]. Игровая деятельность осмысляется как протекание, ход какого-либо явления, как совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата и одновременно как конечный итог, завершающий собою какое-либо действие, явление, развитие чего-либо. В структуре данной когнитивной матрицы знание варьируется от обыденного (*детские, настольные спортивные игры*) до экспертного (способность понимания *каламбуров* – остроумных выражений, шуток, основанных на *игре слов*).

Содержательная глубина и сложность рассматриваемого концепта проявляются в присутствии в сознании носителей языка нескольких концептуальных областей, связанных с понятием отдыха и развлечения, заполнения досуга, увеселения и получения от этого эстетического наслаждения, одновременно ассоциирующихся и с детской, и со спортивной, и с актерской игрой, и с любовным флиртом, и с игрой слов, которые в то же время в рамках конкретной ситуации приобретают статус самостоятельных, когда при фокусировании на отдельной области концепт (и репрезентирующее его слово) приобретают разное содержание. Выявлено, что языковыми средствами реализации аспектов единого интегративного знания, объединенного концептом ИГРА, частотно выступают синонимы. Идеографическое картографирование лексических репрезентаций концепта позволило определить в качестве регулярных такие компоненты, сопряженные с ситуацией игровой деятельности, как развлечение и отдых, интеллектуальная деятельность, эмоции, родственные и семейные отношения.

Литература

Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. С. 11–23.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. URL: <https://www.efremova.info>

Мухин М. Ю., Мухина И. К. Игра // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. С. 686–702.

I. K. Mukhina (*Yekaterinburg, Russia*)
Ural Federal University
named after First President of Russia B. N. Yeltsin

CONCEPT GAME AS INTEGRATIVE FORMAT OF KNOWLEDGE

The article is devoted to identifying the integrative nature of knowledge combined by the integrated concept GAME. Based on the study of the totality of the linguistic meanings of a multi-valued word, ideas about the cognitive-propositional structure repre-

senting the situation of gaming activity, ordinary and expert knowledge in the concept structure, compiling an ideographic map of combined meanings, a conclusion is made about the matrix format of knowledge.

Key words: concept, cognitive matrix, conjugate knowledge, synonyms, ideographic map of the world.

Л. Е. Налдеева (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина
naldeeva@inbox.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ЗООНИМОВ

В статье рассматриваются вопросы формирования переносных значений двухкомпонентных сложных слов-зоонимов. Выявлен ряд случаев, когда происходит переосмысление. Даны примеры, когда сложное слово, обозначающее животное, переосмысляется и начинает обозначать человека.

Ключевые слова: зооним, сложное слово, концептуальная деривация, метафорическая модель, концептуальная характеристика.

В основе когнитивного подхода к языку, по словам Н. Н. Болдырева, лежит его изучение и понимание как способа мироздания, обоснования и изъяснения мысли, структуризации и хранения знания в сознании человека, а также обмен этими знаниями [Болдырев 2002]. С точки зрения антропоцентричности языка человек находится в центре своего познания, что получает отражение в том числе в языковых единицах, передающих знания о самом человеке.

Объектом исследования данной статьи становятся двухкомпонентные зоонимы, которые в результате переосмысления выступают средствами передачи оценочных знаний о человеке.

Цель – выявить двухкомпонентные зоонимы, развивающие переносные значения в результате метафорического переноса по когнитивной модели HUMAN-BEING – ANIMAL, а также концептуальные характеристики, определяющие метафорический перенос. Для выявления переносных значений двухкомпонентных сложных слов-зоонимов применяется метод когнитивного моделирования, также метод концептуально-дефиниционного анализа, в ряде случаев, метод этимологического анализа.

В процессе концептуальной деривации происходит вторичная концептуализация и перекатегоризация концептов, вербализованных зоони-

мическими лексемами в прямом значении, в результате чего изменяется их смысл и содержание, что приводит к появлению переносных значений. В ходе исследования фактического материала было установлено, что зоонимы в переносном значении получают осмысление относительно концептуальной области HUMAN BEING на основе таких концептуальных характеристик, как ‘sound’, ‘appearance’, ‘behaviour’, ‘appearance-colour’. Зоонимы в переносном значении выступают средством репрезентации оценочных знаний о человеке, позволяя через характеристику, свойственную животному, описать действия человека, тем самым формируя еще одно стороннее мнение. При образовании и моделировании лексических единиц с использованием уже существующего потенциала и с учетом межконцептуальных связей и ассоциаций происходит передача не только смыслов, но и оценочного мнения конкретного человека. Подобные переносы зачастую происходят в течение словообразовательного процесса, но иногда сопровождают последующее переосмысление уже оформленного существующего композита.

В данной статье мы приведем ряд примеров двухкомпонентных зоонима, которые в результате переосмысления начинают обозначать человека.

Дефиниция слова *snowbird* в прямом значении – “this bird is common across much of temperate North America and in summer ranges far into the Arctic” [Wikipedia]. Переносное значение данного слова, появляющееся в результате его переосмысления, следующее: “a person who spends the winter in a warm place” [Online slang dictionary]. Метафорический перенос по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL осуществляется на базе концептуальной характеристики ‘behaviour’. Поведение человека, который в холодные месяцы предпочитает проводить в теплых странах, схоже с поведением перелетных птиц, которые пролетают сотни километров, чтобы вывести потомство и к наступлению холодов вернуться в теплые страны.

Слово *ladybird* в прямом значении используется для обозначения насекомого “any of approximately 5,000 widely distributed species of beetles (insect order Coleoptera) whose name originated in the Middle Ages, when the beetle was dedicated to the Virgin Mary and called “beetle of Our Lady” [Britannica]. В результате переосмысления слово приобретает переносное значение “a British term for a pretty young lady” [Urban dictionary]. Развитие переносного значения осуществляется по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на основе концептуальной характеристики ‘appearance’, и эмотивных ассоциациях, имеющих отношение к божьей коровке – у многих ее внешний вид вызывает умиление.

Сложное слово *snowcap* в своем прямом значении обозначает птичку «is a species of hummingbird», в описании внешнего вида которой указыва-

ется наличие белого пятна в районе головы. “The male’s plumage is a unique mix of iridescent bronzes, purples, and dark reds, contrasting with a shining white cap that stands out like a beacon in the shade of the humid forests where this species occurs. Typical of many hummingbirds, the female Snowcap has more subdued plumage – green above and white beneath, without the flashy white cap” [American Bird Conservancy]. В переносном значении слово приобретает новый смысл “an old person with white or grey hair” [Online slang dictionary]. Птичка обладает пятном круглой формы в верхней части головы, что внешне напоминает седого человека, в данном случае переносное значение образуется в результате метафорического переноса по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на основе характеристики ‘appearance-colour’.

Слово *barking spider*, имеющее прямое значение “a species of tarantula (family Theraphosidae) that is native to the arid regions of Australia. It can stridulate to produce a «hissing» sound when disturbed or threatened” [Wikipedia], в результате переосмысления приобретает переносное значение “that which is (humorously) said to be the cause of a fart” [The free dictionary]. Переосмысление осуществляется на основе когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL при этом в фокус попадает концептуальная характеристика ‘sound’. Дело в том, что звук, который при стрессовой ситуации издает паук напоминает звук выходящих газов из кишечника. Слово в переносном значении не обозначает человека, но используется для обозначения звука, издаваемого человеком.

Таким образом, двухкомпонентные слова, обозначающие животных, могут приобретать переносные значения за счет метафорического переноса по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на основе таких характеристик, как ‘appearance-colour’, ‘appearance’, ‘behaviour’, ‘sound’. Существительные репрезентируют оценочные знания о человеке, появляющиеся за счет сравнения человека с животным.

Литература

Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. посвящается Е. С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103–114.

Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki>

The free dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com>

The online slang dictionary. URL: <http://onlineslangdictionary.com>

Britannica. URL: <https://www.britannica.com>

Urban dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com>

American Bird Conservancy. URL: <https://abcbirds.org>

L. E. Naldeeva (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

FORMATION OF FIGURATIVE MEANINGS OF TWO-COMPONENT ZOONYMS

The article deals with the formation of figurative meanings of two-component compound words-zoonyms. A number of cases have been identified when rethinking occurs. Examples are given when a compound word denoting an animal is rethought and begins to denote a person.

Key words: zoonym, compound word, conceptual derivation, metaphorical model, conceptual characteristic.

В. В. Никитина, С. А. Калакова
(*Москва, Россия*)
*Московский государственный
педагогический университет*
DemchenkoV@mgru.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕНИ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ (на материале английского и русского языков)

В статье рассматривается семантическая структура лексических единиц *лень, неохота, бездействие, апатия, прокрастинация* и *lazy / laziness, idle / idleness, sloth, indolence*, репрезентирующих концепт лень в языковой картине мира носителей современного английского и русского языков.

Ключевые слова: семантика, концепт, лень, языковая картина мира, лингвокультурные аспекты исследования.

В языке нет ничего, кроме значения.

О. А. Сулейманова

Концепт ЛЕНЬ является одним из базовых в русской языковой картине мира. В связи с этим, представляется значимым рассмотреть функционирование концепта ЛЕНЬ и сопоставить полученные данные с англо-саксонской картиной мира. В настоящем исследовании были использованы традиционные методы исследования применительно к семантическому исследованию: компонентный, дистрибутивный, корпусный и лингвокультурологический анализ, которые позволяют дать точное описание семантическим языковым явлениям, которые широко применяются в семантических исследованиях и показали свою состоятельность [Селиверстова, 1988; Сулейманова, 1999; Щерба, 1974;

Демченко, 2019]. Следует отметить, что методология исследования помимо традиционных источников поиска эмпирического материала (аутентичные источники, корпуса текстов) включает и сетевые технологии Big Data (поисковые системы). В ряде исследований показано, что с помощью поисковых систем Google, Yandex и др можно получить лингвостатистические данные о частотности употребления языковых единиц и использовать их для обоснования результатов исследования (Research Engine) [Сулейманова, Демченко, 2018; Петрова, 2019; Никитина, 2020; Демченко 2018; Petrova, 2020, Suleimanova 2020] (см. Таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Частотность употребления исследуемых лексических единиц на 20.04.22

Лексические единицы	Частотность употребления в поисковой системе Google	Частотность употребления в поисковой системе Yandex	Advanced Search Документы в PDF формате
Лень	19 900 000	4 млн	229 000
Бездействие	7 160 000	2 млн	708 000
Апатия	5 270 000	5 тыс.	101 000
Прокрастинация	1 190 000	5 тыс.	4 690
Неохота	2 450 000	856 тыс.	29 300

Таблица 2

Частотность употребления исследуемых лексических единиц на 06.03.2022

Лексические единицы	Частотность употребления в поисковой системе Google	Advanced Search Документы в PDF формате
Lazy	2 140 000 000	11 200 000
Laziness	32 300 000	2 370 000
Idle	2 020 000 000	22 300 000
Idleness	9 220 000	3 610 000
Indolent	16 000 000	2 210 000
Indolence	5 260 000	392 000
Sloth	86 900 000	1 440 000
Apathy	74 900 000	8 230 000

Результаты второго этапа исследования показали, что *лень* вносит информацию о нежелании субъекта (X) совершать контролируемое действие (P), ввиду физической расслабленности, медлительности субъекта действия (X) или же предполагаемый результат не стоит усилий или непривлекателен, при этом следует отметить, что субъект (X) может прибывать в данном состоянии как непродолжительное, так и продолжительное время. Следовательно, состояние субъекта не маркировано по длительности. Семантическая структура не осложнена коннотативным компонентом, тем не менее наряду с нейтральным значением, существительное может иметь негативный коннотативный компонент значения. *Мне было лень идти на стоянку и сметать снег с машины.* Лексическая единица *неохота* вносит информацию о нежелании субъекта (X) совершить контролируемое действие, ввиду физической расслабленности, медлительности субъекта действия (X) или же предполагаемый результат не стоит усилий или непривлекателен, при этом следует отметить, что в отличие от существительного *лень*, частотнее данное действие является непродолжительным. *Мне вообще неохота было с ним связываться.* Лексическая единица *бездействие* вносит информацию о наличии или отсутствии у субъекта (X) желания для совершения действия (P). Представляется важным выделить, что данное действие может быть контролируемым, когда субъект осознано не выполняет действие (P), которое входило в его обязанности, и неконтролируемым, когда субъект (X) находится в состоянии неподвижности, оцепенения, вызванное неожиданностью, тяжёлым переживанием и т. п. Следует отметить, что субъект (X) может прибывать в данном состоянии как короткое, так длительное время. Следовательно, состояние субъекта (X) не маркировано по длительности. Семантическая структура не осложнена коннотативным компонентом в основном значении, тем не менее наряду с нейтральным значением, существительное может иметь негативный коннотативный компонент значения. *Он был зол на свою травму, на вынужденное бездействие.* Лексическая единица *апатия* вносит информацию о том, что субъект (X) проявляет глубокое безразличие, равнодушие по отношению к какому-либо действию (P) в виду субъективных и объективных причин, данное состояние является неконтролируемым. При этом следует отметить, что субъект может прибывать в *апатии* продолжительное время. Семантическая структура данного слова не осложнена коннотативным компонентом, т. е. имеет денотативный компонент значения. *Я снова проваливался в апатию.* Лексическая единица *прокрастинация* вносит информацию о том, что субъект (X) не желает совершить контролируемое действие, то есть X откладывает действие (P) до крайнего момента / срока в виду субъективных

и объективных причин. При этом следует отметить, что субъект прибывает в состоянии физической и ментальной расслабленности, медлительности в виду психического отклонения / расстройства длительное время. Семантическая структура данного слова не осложнена коннотативным компонентом, т. е. имеет денотативный компонент значения. *Я не могу побороть прокрастинацию и начать работать.*

Представляется важным отметить, что семантические признаки налагаются не только лексической единицей, но и синтаксической конструкцией, в которой реализуется данная единица. Так, материал исследования позволил выделить своеобразную группу односоставных предложений – генитивные и дативные конструкции, в которых реализуются исследуемые языковые единицы. Таким образом, их дифференциация позволяет выдвинуть гипотезу о семантическом различии исследуемых конструкций, которые заполняются исследуемыми единицами [Сулейманова 1999]. Дативной конструкцией (*Мальчику было лень / неохота идти на стоянку*) вносится информация о том, что объект ощущает результат действия; объект представляется одушевлённым; дативно-безличная конструкция вносит информацию о влиянии на объект внешней силы извне, наличие признака ненаблюдаемости, т. е. используются предикаты, относящиеся к внутреннему миру человека; наличие признака заинтересованности носителя предикатного признака в осуществлении действия, в его результатах. Семантические признаки генитивной конструкции (*Весной у меня наступила сильная апатия*) указывают на нахождение в пространстве (не только в физическом); не вносится информация о том, что объект ощущает результат действия; используются в ситуациях фоновой деятельности вместо фокуса на событии; характеризуется наличием признака ненаблюдаемости, т. е. используются предикаты, относящиеся к внутреннему миру человека; генитивно-безличная конструкция подразумевает действие сил, существующих и действующих в самом объекте [Сулейманова 1999]. Лексические единицы *лень* и *неохота* употребляются в неопределенно-личных и безличных предложениях, в частности в дативных конструкциях. Согласно теории О. А. Сулеймановой, для семантики дативных конструкций диагностическим признаком является признак ненаблюдаемости, когда речь идет о визуально ненаблюдаемом событии или явлении, лексические единицы *лень* и *неохота* описывают внутренний мир человека. Кроме того, в данной конструкции лицо, над которым было совершено действие выражено личными местоимениями, например, *ему, ей, мне*. Помимо этого, в данной конструкции выражается «заинтересованное лицо». *Ему было лень делать домашнюю работу* описываемое событие находится в фокусе внимания. Лексические

единицы *apatия* и *прокрастинация* употребляются в определенно-личных, неопределенно-личных и безличных предложениях, в частности в генитивных конструкциях. В данной конструкции действие может быть представлено как во внутреннем (психическом) пространстве человека: *У меня появилась сильная апатия*, так и во внешнем – *У меня оторвалась пуговица*. В генитивной конструкции не передается информация о том, что субъект (X) ощущает результат действия (P), произведенного над ним. Кроме того, выбирается дативная конструкция, если в фокусе внимания стоит переживающий субъект; если переживания субъекта не существенны, а важно то, кого затрагивает P, предпочитается генитивная конструкция. Лексическая единица *бездействие* не входит ни в генитивную, ни в дативную конструкцию, он обособлен и не соотносится с исследуемыми лексическими единицами. Системный анализ русского языкового материала показал, что значимые семантические компоненты заложены не только в лексическую единицу, но и в синтаксическую структуру. Следовательно, для концептуализации денотативной ситуации, представляется значимым проанализировать структуры, формирующие концепт ЛЕНЬ в англо-саксонской культуре. Представляется важным подтвердить, что в английском языке лексические единицы *lazy*, *idle*, *sloth*, *indolence* употребляются в предложениях с активным субъектом действия. Не представляется возможным выделить семантические признаки безличности, поскольку данные признаки не категоризируют концепт ЛЕНЬ в английском языке. Например, не реализуется признак, где субъект (X) является объектом действия (P) направленных на него каких-либо внешних сил, то есть действие направлено на субъекта только извне. В английском языке зона ответственности не перекладывается на внешние силы.

Лингвокультурологический анализ в русском и английском языках показал, что в англо-саксонской картине мира общество негативно относится к человеческой *лени*, в то время как в русской картине мира отношение к *лени* неоднозначное. Русский человек относится к концепту ЛЕНЬ отрицательно в основном потому, что ленивый человек, отлынивая от работы не сможет обеспечить свои базовые потребности. Однако во многих контекстах *лень* воспринимается как простительная слабость.

Таким образом, в работе были выявлены семантические и синтаксические особенности исследуемых языковых единиц, репрезентирующих концепт ЛЕНЬ. Переводы исследуемых единиц позволили выявить, что данного рода безличность в концептуализации *лени* в английском языке не имеет места поскольку лексические единицы *lazy*, *idle*, *sloth*, *indolence* употребляются в предложениях с активным субъектом действия.

Литература

Демченко (Никитина) В. В. К вопросу о «логических кругах» в лексикографической практике: компонентный анализ группы глаголов типа *shudder* // Вестник Московского городского педагогического университета. 2019. № 2(34). С. 109–113.

Никитина В. В. Возможности и верификационный потенциал поисковых систем (Big Data) при проведении семантического исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 853–859.

Петрова И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5(3). С. 127–142.

Селиверстова О. Н. Эксперимент в семантике // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1988. № 5. С. 431–443.

Сулейманова О. А. Использование big data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 466–472.

Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений: монография. М: Диалог МГУ, 1999.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении // Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 24–39.

Petrova I. M. Using big-data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. № 13(3). P. 392–400.

Petrova I. M. Digital technologies for cognitive linguistics studies in magistracy // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference. 2020. № 4. P.584–591.

Suleimanova O., Vodyanitskaya A., Yaremenko V., Fomina M. Digital Engines at Work: Promoting Research Skills in Students // Proceedings of the International Conference on Education and New Developments (END2020). 2020. P. 349–352.

V. V. Nikitina, S. A. Kalakova (Moscow, Russia)
Moscow City University

CONCEPT *LEN'* IN NATURAL LANGUAGE (based on the material of English and Russian)

The paper aims to analyze the semantic features of lexical units *len'*, *neokhota*, *bezdejstvie*, *apatiya*, *prokrastinatsiya* and *lazy / laziness*, *idle / idleness*, *sloth*, *indolence* representing the concept of *len'* within the linguistic world view of contemporary English and Russian languages' native speakers.

Key words: semantics, concept *LEN'*, linguistic worldview linguistic and cultural features.

Е. А. Окулова
(Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский Государственный
Экономический Университет
lizagrem@mail.ru

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА *JOY* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ И НОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ

В статье отражены результаты корпусного исследования номинативного поля концепта *JOY* (РАДОСТЬ) в среднеанглийский и новоанглийский периоды на базе толковых словарей и текстов корпусов английского языка. Результаты показали различия в составе номинативного поля концепта в разные периоды развития языка, а также основные когнитивные признаки концепта и синтаксические роли, в которых экспликанты данного концепта выступают в предложении.

Ключевые слова: концепт, эмоциональный концепт, концепт *JOY*, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика.

Эмоции являются важнейшими компонентами человеческой деятельности, так как они способствуют коммуникации с другими людьми и помогают выразить реакцию на события, которые происходят в мире. В лингвистике, особенно в рамках когнитивной и контрастивной лингвистик, особое внимание уделяется *эмоциональным концептам* [Филимонова 2012; Воркачев 2004; Красавский 2008; Нильсен, Малышева 2021].

В данном исследовании проведен анализ репрезентации в английском языке одного из наиболее сложных, с точки зрения вербально-концептуальной организации, эмоциональных концептов – *JOY* (РАДОСТЬ). Анализ проведен в диахронии, для того чтобы отследить динамику изменений экспликации концепта, а также изменение состава его номинативного поля и его когнитивных признаков. Для исследования были выбраны тексты из корпусов английского языка соответствующих периодов: среднеанглийского языка *Corpus of Middle English Prose and Verse* [URL] и современного английского языка *Corpus of Contemporary American English* [URL] и *British National Corpus* [URL], а также использованы толковые словари английского языка *Oxford English Dictionary* [Murray: 1989], *Middle English Dictionary* [URL]. Исследование основано на анализе сочетаемости лексем-репрезентантов с другими лексемами, объективирующими концепт в языке. Для каждого концепта был произведен поиск в корпусе по следующим соче-

таниям: 1) лексема-репрезентант + глагол; 2) глагол + лексема-репрезентант; 3) лексема-репрезентант + существительное; 4) прилагательное + лексема-репрезентант. Каждое из сочетаний позволяет проанализировать представление экспликантов концепта в разных ролях: в качестве субъекта или объекта, какие когнитивные признаки имеет концепт и с какими другими концептами он соотносится.

Лексемой-репрезентантом концепта JOY в среднеанглийский период является лексема joy (joi(e)): 1) a feeling of happiness or pleasure; a state of happiness or well-being; 2) the perfect joy of heaven; 3) an exclamation: O joy!; (b) in prayers, benedictions, exclamations, asseverations, etc.; 4) an outward expression of pleasure or happiness; 5) praise to God, worship; 6) a source of pleasure or happiness [URL]. Таким образом, основными компонентами концепта в среднеанглийский период являются *чувство / состояние счастья, удовольствие, внешнее выражение удовольствия или счастья, хвала Богу, восклицание, выражающее радость*. В корпусе среднеанглийского языка Middle English Prose and Verse [URL] методом сплошной выборки были отобраны все сочетания лексемы joy (joi(e)) по критериям, описанным выше. Всего в корпусе было найдено 453 упоминаний лексемы. Также при отборе данных были учтены многочисленные повторы.

Во-первых, стоит отметить, что корпус среднеанглийского языка сравнительно небольшой, и дает маленькую выборку, но, тем не менее, помогает сформировать некое представление касательно компонентов концепта в тот период. Во-вторых, поиск по сочетанию joy + verb не дал результатов, поэтому можно предположить, что в среднеанглийский период экспликанты эмоции радости не осмыслились в роли субъекта.

Самое большое количество сочетаний с прилагательным gret (great – большой, великий) – 37 сочетаний, что говорит о том, что один из важных качественных признаков радости – то, что она большая, великая, т. е. эмоция осмысливается как сильная. Также радость может быть чистой (pure = pure – 1), бесконечной или истинной (endless, true – 1), также встречается выражение be full of joy – 5 (быть полным радости). Все это может говорить о характере эмоции как сильной, яркой, наполняющей человека изнутри. Радость чаще всего сочетается с blysse (bliss – блаженство, счастье – 14), murþe (mirth – веселье, радость – 6), gladnes (gladness – радость – 4), heven (heaven – небеса – 4), grace (милость, милосердие – 3), bounty (щедрость – 2), gud (god – Бог – 2), paradys (paradise = рай – 1), glory (слава – 1), hope (надежда – 1), comfort (comfort – комфорт – 1), honoure (honour = честь – 1), pleasure (удовольствие – 1), pease (мир – 1), felicite (felicity = удача – 1), welfare (процветание, благополучие – 1).

Также радость осмысливается как то, что можно создать (make – 12), найти (suche = search – 5), плакать от / либо плакать (молить) за что-то (часто употребляется в обращении к Богу (weep for – 5); радость также можно *иметь* (have – 3) или *давать* (give – 2). В целом, радость достаточно часто встречается в контексте обращения к Богу, скорее всего, эмоция радости была часто связана с милостью и дарами Божьими.

Лексемой-репрезентантом концепта JOY в новоанглийский период (в современном английском языке) также является лексема joy: 1) pleasure; extreme gladness; 2) thing causing joy; 3) satisfaction, success [Murray: 1989]. Таким образом, основными компонентами концепта в новоанглийский период являются: *удовольствие, сильная радость, предмет, приносящий радость, удовлетворение и успех*. Как видно из словарной статьи, состав компонентов концепта претерпел некоторые изменения: добавились такие компоненты, как *успех* и *удовлетворение, предмет* (физическое качество), и исчезли компоненты, связанные с *обращением к Богу и счастьем*. В корпусах современного английского языка [URL] также методом сплошной выборки были отобраны самые частотные сочетания лексемы joy по критериям, описанным выше. Всего лексема JOY упоминается в 37403 контекстах. Также при отборе данных были учтены повторы.

Как и в среднеанглийском языке, чаще всего joy сочетается с прилагательным *great* (944) и его формами (сравнительной и превосходной степенью). Эмоция радости, как и любая другая эмоция, различается по степени интенсивности, однако чаще всего радость описывается прилагательными с ярко выраженной степенью интенсивности, обозначающими силу эмоции, ее полноту и качество. *Great*, скорее всего, является неким универсальным прилагательным, способным обозначить и полноту, и силу радости в конкретной ситуации («*He travels frequently and gets great joy out of helping young writers and interns develop their skills*» [URL]). Однако, анализируя следующие, менее частотные сочетания, можно отметить, что радость используется с прилагательными, которые придают этой эмоции новое качество. Эмоции относятся к абстрактным понятиям, поэтому находят осмысление в конкретном и видимом. Так, эмоция радости в английском языке становится чистой (*pure* и *sheer*). Сочетание с прилагательным *pure* (332) часто можно встретить в религиозных контекстах («*Yes, all true happiness, pure joy, sweet bounties, and untroubled pleasure lie in knowledge of God*» [URL]), а синонимичное ему *sheer* (193) – в разговорном языке («*I can't find any other book that would replace the sheer joy I had reading yours*» [URL]).

Часто радость сопоставляют с гордостью (*pride* – 469), слезами (*tears* – 435) и жизнью (*life* – 411). Частотность варианта «радость + слезы» связана с тем, что в английском языке есть выражение «tears of joy», эквива-

лентное русскому «слезы радости». Слезы, как правило, считаются реакцией организма, возникающей, когда человек испытывает отрицательные, негативные эмоции. Однако слезы, в первую очередь, – это реакция организма на стресс, и радость для людей тоже является стрессом. Любопытно также, что *pride* оказалась самой частотной лексемой, которая сочетается с *joy*, однако этому тоже есть объяснение: наличие в английском языке идиомы «*be your pride and joy*» со значением «*to be something or someone that is very important to you and that gives you a lot of pleasure*» [URL]. Таким образом, *joy* переосмысливается через призму ценности, важности, т. е. быть чей-либо радостью равно быть ценным и важным.

Сочетание с глаголом *to bring* (приносить – 341) может говорить о том, что кто-то или что-то может принести радость в нашу жизнь, также радость можно найти (*find* – 288), получить (*take* – 131) и почувствовать (*feel* – 114). Радость – это эмоция, но в первую очередь она осмысливается как нечто, что можно получить от людей, предметов, ситуаций, действий.

В современном английском языке радость реже всего осмысливается как субъект действия, однако такие сочетания встречаются. Чаще всего радость приходит (*to come*) в результате выполнения каких-либо действий («*The joy comes when you help someone who's been struggling*» [URL]).

Таким образом, проведенный корпусный анализ дает следующие результаты:

1) В среднеанглийский период концепт JOY содержит следующие компоненты: *feeling / state of being happy, pleasure, praise for God, exclamation or expression of happiness*. JOY соотносится с такими концептами, как: *bliss, mirth, gladness, heaven, grace, bounty, God, paradise, glory, hope, comfort, honor, peace, felicity, welfare*. Когнитивные признаки JOY: *great* (размер), *endless* (длительность), *pure, true* (качество). Также JOY осмысливается как объект, радость можно создать, молить, иметь и давать (*make, weep for, have и give*).

2) В новоанглийский период концепт JOY содержит следующие компоненты: *pleasure, extreme gladness, thing causing joy, satisfaction, success*. JOY соотносится с такими концептами, как: *pride, tears, life, peace, love, happiness*. Когнитивные признаки JOY: *great* (размер), *pure, sheer, real, simple* (качество). Также JOY осмысливается как объект действия (*to bring, to find, to take, to feel*), и субъект действия (*joy comes*).

Данное исследование показало, что эмоциональный концепт несмотря на то, что эмоции присущи всем людям, и их набор одинаковый, может осмысливаться по-разному в разные периоды времени. Например, в среднеанглийский период радость равноценна счастью, тогда как в современном английском языке эти две эмоции разграничиваются. В современном ан-

глийском языке радость также может представляться как некий самостоятельный субъект. В среднеанглийский период радость была тесно связана с Богом, а в современном английском языке мы не обнаруживаем таких компонентов в частотных сочетаниях с *joy*.

Литература

- Воркачев С. Г.* СЧАСТЬЕ как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
- Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.
- Нильсен Е. А., Малышева Е. А.* Отражение концепта HAPPINESS в паремиологическом фонде английского языка // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 3 (46). С. 198–202.
- Нильсен Е. А., Малышева Е. А.* Отражение концепта HAPPINESS в текстах СМИ (на материале корпусных данных)// Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 4 (47). С. 348–354.
- Филимонова О. Е., Хомякова Е. Г.* Категория эмотивности в контексте современной когнитивной лингвистики // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 184–189.
- Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
- Corpus of Contemporary American English.* URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
- British National Corpus.* URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
- Middle English Dictionary.* URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all>
- Middle English Prose and Verse.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/>
- Murray J.* The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989. Vol. 1–20.

E. A. Okulova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

THE NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT *JOY* IN THE MIDDLE AND MODERN ENGLISH PERIODS

This article contains the results of a corpus study of the nominative field of the *JOY* concept in the Middle English and Modern English periods based on monolingual dictionaries and texts of the English language corpora. The results showed differences in the composition of concepts in different periods of language development, as well as its features and roles in which it is explicated in the language.

Key words: concept, emotional concept, *JOY* concept, cognitive linguistics, corpus linguistics.

*Л. А. Панасенко (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
laptop74@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИХ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматриваются принципы функционирования лексики в дискурсе с позиции доминантного принципа организации языкового сознания. Интерпретирующий потенциал лексических единиц описывается в терминах когнитивных доминант, организующих дискурсивное пространство. Определяются факторы формирования идентифицирующих значений лексики как результата интерпретации профессиональных реалий.

Ключевые слова: интерпретирующий потенциал лексики, первичная интерпретация, вторичная интерпретация, интерпретирующие форматы знания, доминантный принцип, когнитивные доминанты интерпретации.

Когнитивный подход к исследованию природы и функционирования языка дает возможность выделить интерпретирующую функцию как уникальное свойство языка формировать онтологическое пространство человеческого мышления. Это проявляется в разных по сложности когнитивных операциях по освоению мира и конструированию его возможных версий как ментальных вариантов, создаваемых сознанием при помощи языковых структур, и в общем плане связано с проблемой лингвокреации. При этом очевидным является тот факт, что в основе процесса формирования смысла лежит взаимодействие знания языкового и неязыкового характера, определяемое и регулируемое творческим началом конкретного индивида как субъекта речемыслительной деятельности. Данные теоретические установки справедливы в отношении осмысления интерпретирующего потенциала лексики с позиции доминантного принципа организации языкового сознания, который определяется как «ориентация человека на определенные знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности [Болдырев 2019б: 39] и «обусловлен самой природой языка и интерпретирующим характером человеческого сознания... проявляется в свойствах языковой картины мира, системы языка, его единиц и категорий, всей дискурсивной деятельности человека в ментально-языковом конструировании окружающего мира» [Болдырев 2019б: 40].

Лексические категории, как категории отражательного типа, т. е. объективирующие результаты осмысления объектов и явлений окружающего

мира, заключают в себе знание, выступающее в качестве доминант интерпретации. Согласно энциклопедическим моделям языкового значения источником такого знания является физическая и социальная интеракция человека [Evans 2006: 206], определяющая перцептивную, когнитивную и аффективную составляющие опыта человека, связанного с тем или иным словом [Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста 1998]. Такое знание имеет статус схемы, которая лежит в основе первичной интерпретации мира и детерминирует процессы вторичной интерпретации [Болдырев 2019а]. Анализ интерпретирующего потенциала лексических категорий дает возможность установить форматы интерпретирующего знания, исходя из психофизических параметров человеческого мышления, отражающих характер и каналы поступающей информации, а также способы ее обработки. Соответственно, признаки объектов и явлений окружающей действительности, имеющие перцептивный, функциональный, операциональный, экспериенциальный, ассоциативный характер, и признаки, вытекающие из опыта наблюдения [Панасенко 2014], как категоризирующие абстракции, или когнитивные доминанты интерпретации, могут выступать «фильтрами» понятийного субстрата, моделирующими дискурс. Выделенные доминанты интерпретации, реализуемые на уровне лексики, указывают на непосредственную связь нашей концептуальной системы с физическим и культурным опытом.

Выбор когнитивной доминанты интерпретации детерминируется принципом селективности, согласно которому говорящий субъект проецирует тот или иной интерпретирующий признак на осмысляемый объект или явление ввиду того, что он обладает для него особой значимостью, имеет когнитивный вес, и характеризуется дискурсивной релевантностью. Другими словами, такой выбор позволяет создать ментальную модель объекта или явления, отвечающую прагматическим установкам говорящего. Это подтверждается деятельностным принципом познания в психологии, согласно которому «переработка информации превращается в познание, адекватное окружающему миру, только в том случае, если перерабатывается информация, предназначенная для удовлетворения того, что полезно, что вредно, а что – безразлично» [Ушаков 2009: 7]. Это, в свою очередь, указывает на то, что выбор доминанты интерпретации ориентирован на «жизненные интересы» человека и определяется его психофизическими особенностями и активным взаимодействием с миром.

Онтологическое разнообразие мира позволяет предполагать, что соответствующие лексические категории демонстрируют широкий диапазон вторичных интерпретирующих структур. Так, исследование интерпретирующего потенциала лексической категории «атмосферные осадки» в англий-

ском языке показало, что в качестве когнитивных доминант интерпретации могут выступать перцептивный и экспериенциальный форматы знания, которые активизируются говорящим для передачи оценки физических и психических характеристик человека, качественной характеристики события и количественной характеристики абстрактного явления [Болдырев, Панасенко 2018].

Интерпретирующие форматы знания, заключенные в лексике, активизируются в процессе формирования дискурса, в том числе профессионального, где они выступают, прежде всего, концептуально-ориентирующими доминантами и определяют вторичные интерпретирующие структуры идентифицирующего характера, т. е. служат идентификации профессиональных реалий. Можно сказать, что они являются коллективными (конвенциональными) доминантами, «которые в языковой деятельности обнаруживаются в использовании имен концептов и категорий, характерных для коллективного сознания соответствующих групп» [Болдырев 2019б: 41]. Так, например, перцептивный формат знания выступает моделирующей основой дискурса моды и проявляется в активизации перцептивных модальностей. При этом ведущую роль в интерпретирующей концептуализации выполняют признаки зрительной перцепции, которые служат когнитивными доминантами в формировании соответствующих визуальных образов. Осмысление реалий мира моды осуществляется на основе интерпретации формы (4), а также цветовых композиций (1), комбинации цвета и блеска (2) или плотности цвета (3):

1. В моде окрашивание в стиле **твид** (твидовое окрашивание) – это перемешивание тонких прядей разных естественных оттенков, имитирующих ткань твид (URL: <https://vk.com/@education21vek-tvidovoe-okrashivanie-trend-2020-goda>);

2. Маникюр «**жидкий металл**» – самый эффектный нейл-тренд этой зимы (URL: <https://www.thesymbol.ru/beauty/trends/>);

3. Ногти – **бургунди в мармеладе**: тренд, который сейчас обожают парижанки (URL: <https://dzen.ru/a/Y8gN4Xhfi047NMRO>);

4. **Puddle pants** – это экстремально широкие и длинные брюки. Название у этого тренда говорящее: puddle – это по-английски «лужа». А штанины puddle pants, ниспадающие до пола, действительно похожи на маленькие лужицы (URL: <https://pulse.mail.ru/article/puddle-pants-novyj-trendovyj-fason-bryuk-kotoryj-vytesnit-vse-os-talnye-703523615553879361-542867184803311711/>).

В отличие от дискурса моды, где визуализация определяет выбор интерпретирующих решений, идентифицирующий профиль экономического дискурса, характеризующегося аналитической основой, строится на активизации признаков формата наблюдения, что предполагает дифференциацию

конкретных проявлений объектов (5) или обработку информации по принципу выделения динамических и статических характеристик объектов и явлений (7, 6):

5. Как известно, на фондовом рынке издревле оперируют две разновидности биржевых игроков: «**быки**» и «**медведи**» [НКРЯ];

6. Официальный представитель P2P-обменника Bitzlatо ... считает, что Topcoin в **криптозиму** [долгий период устойчиво низких котировок подавляющего большинства криптоактивов. – «Газета.Ру»] все еще неинтересен (URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2022/07/08/15088688.shtml>);

7. Эксперты не исключают эффект **домино**, когда в будущем из-за банкротства одной компании закроются еще несколько связанных с ней предприятий [НКРЯ].

Таким образом, формирование идентифицирующего профиля профессионального дискурса связано с интерпретацией его реалий посредством активизации знания, закрепленного за соответствующими лексическими единицами. Выбор профиля определяется активизацией коллективных когнитивных доминант, формируемых опытным знанием взаимодействия с миром, что детерминируется психофизической природой человека, результатами рационализации получаемой извне информации, спецификой предметной деятельности человека и онтологией профессиональных реалий.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019а.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019б. Вып. XXXVII. С. 37–44.

Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А. Когнитивные доминантные признаки в формировании оценочных значений // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: сб. науч. ст. / отв. ред. О. Я. Федоренко. М.: Диона, 2018. С. 18–24.

Панасенко Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: коллективная монография / ред. А.А Залевская. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1998.

Ушаков Д. В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития. 2009. Вып. 3. С. 5–12.

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

L. A. Panasenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE DOMINANTS OF IDENTIFYING MEANINGS OF LEXIS

The article examines the principles of lexis functioning in discourse from the viewpoint of the dominant principle of the organization of linguistic cognition. The interpretive potential of lexical units is described in terms of cognitive dominants that organize the discursive space. The factors of formation of identifying meanings of lexical units as a result of interpretation of professional realities are specified.

Key words: interpretive potential of lexis, primary interpretation, secondary interpretation, interpretive formats of knowledge, dominant principle, cognitive dominants of interpretation.

Е. В. Петрухина (Россия, Москва)
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
elena.petrukhina@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕРИВАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается словообразовательная, семантическая, морфологическая и синтаксическая деривация в русском языке с когнитивной точки зрения. Целью такого анализа является соотнесение основных деривационных моделей с их концептуальной основой и типами концептуальных преобразований, определенными в когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: концептуальная, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая деривация, русский язык.

Теория деривации, активно разрабатываемая в русистике и славистике с середины XX века, хорошо вписалась в когнитивную и интегрирующую научную парадигму XXI века. Успешное развитие словообразовательной дериватологии способствовало расширенному применению дериватологической теории к анализу любых вторичных языковых единиц – от фонологических до синтаксических, а затем выходу дериватологии в текст и дискурс (подробнее о дериватологической теории в динамике см.: [Балакин 2019; Petrukhina, Karpilovska 2021]). Закономерным эта-

пом развития дериватологии стало изучение роли механизмов деривации в концептуальной системе человека [Бабина 2007; Беседина 2017; Болдырев 2018, 2021а, б].

Такое широкое понимание деривации и определение общих деривационных принципов в языке было сформулировано Е. С. Кубряковой еще в 70-х годах XX века. «Мы называем деривацией процесс образования или результат образования в языке любого вторичного знака, т. е. знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из нее путем применения определенных правил. Принцип деривации и складывающиеся в процессе деривации единиц отношения производности между ними имеют основополагающее значение для понимания строения и функционирования всей системы языка» [Кубрякова 1974]. Разработанная Е. С. Кубряковой синхронная реконструкция деривационного акта [Кубрякова 1980], а также принципы ономаσιологической дериватологии М. Докулила [Dokulil 1962] и синтаксического подхода к словообразованию В. Дорошевского [Doroszewski 1952] способствуют изучению общих процессов и моделей в концептуальной системе человека, связанных с языковой производностью. Концептуальная деривация в последние два десятилетия активно исследуется в российской когнитивной лингвистике при сохранении преемственности с ономаσιологическим и синтаксическим направлениями в дериватологии XX века. В данной статье классические деривационные механизмы (на материале русского языка) рассматриваются с когнитивной точки зрения и в соотношении с исследованиями концептуальной деривации.

В узком значении термин «деривация», как известно, употребляется синонимично «словообразованию» [Кубрякова 1974], что соответствует значимости словообразовательной теории для исследования деривационных механизмов языка. Наиболее детально в славистике описана именно словообразовательная деривация. Дериват, или производное слово, в отличие от непроизводного, обладает расчлененной структурой, элементы которой связывают его, во-первых, с мотивирующим словом, а во-вторых, с понятийными (ономаσιологическими) категориями и субкатегориями языка. Механизмы такой связи в начале 60-х годов XX в. были исследованы М. Докулилом (на материале чешского языка) [Dokulil 1962]. Выделенные типы словообразовательной производности – модификация, мутация и транспозиция [Dokulil 1962: 46], актуальны для анализа и других способов конструирования производных единиц и связанных с ними преобразований концептуальных структур.

При модификации к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, уточняющий это понятие. За модификационными

преобразованиями стоят регулярные модели концептуальной деривации: происходит сужение и конкретизация концептуального содержания, его развитие «за счет уточнения, добавления, градуирования, устранения или нейтрализации каких-либо характеристик» [Болдырев 2021б: 17], ср. *лиса – лисенок, студент – студентка, важный – важнейший, маловажный, неважный*. Н. Н. Болдырев показал, что сходные концептуальные модели могут быть реализованы между номинативными единицами и без поддержки словообразовательных средств, например при уточнении, градуировании или отрицании в сложных номинациях: «*директор – региональный директор – генеральный директор*», а также в рядах синонимов и противопоставленных им антонимов: «*друг – знакомый – приятель – неприятель – враг*» [Болдырев 2021б: 18].

Мутация же – это создание номинации нового явления на основе его отношения к исходному. Мутация соотносится с такой концептуальной деривацией, как «изменение концептуального формата», т. е. «с образованием новой структурной единицы в сравнении с исходной, например, сложной концептуальной структуры, фрейма или пропозиции на базе одного или нескольких элементарных концептов...: ДОРОГОЙ – ДОРОЖИТЬ (“кто, чем, почему”) – ДОРОГОСТОЯЩИЙ (“что-то стоит дорого”)»... [Болдырев 2021б: 18].

В. Дорошевский еще в середине XX в. для описания подобных словообразовательных отношений предложил использовать схемы, в обобщенном виде представляющие «основной понятийный скелет» дериватов. Они отражают суждение о денотате, воплощенное в формальной структуре производного слова, например *śpiewak* (певец) толкуется через пропозитивную структуру «тот, кто поет» [Doroszewski 1952: 307–308]. Деривационная модель при таком подходе рассматривается и анализируется как свернутое и получившее новую формальную структуру сообщение об определенных свойствах и атрибутах обозначаемого, как суждение и, шире, полное знание об обозначаемом фрагменте действительности [Кубрякова 2013: 22; Петрухина 2018].

На сходных мутационных механизмах основываются и некоторые типы семантической деривации. Ю. Д. Апресян в Активном словаре русского языка (2014) на основе общности концептуальных преобразований рассматривает словообразовательную модель *учить – учитель* в качестве прототипа для семантической деривации в таких парах, как *баллотироваться – кандидат, оперировать – хирург* [Апресян 2014: 29]. В модели «Смысл ↔ Текст» регулярные типы концептуальной деривации, реализующейся между подобными номинациями (между «синтагматическими партнерами слова», или «лексическими коррелятами») описываются

в терминах «лексических функций» [Мельчук 1974: 78]. Корреляция имени множества с именем отдельного его члена в этой терминологии рассматривается как лексическая функция *Sing*. Например: *Sing (горox) = горошина*; *Sing (партия) = член*, *Sing (электорат) – избиратель*. С данной модификационной моделью соотносится концептуальная деривация в обратном направлении: от номинации отдельного члена множества к имени множества, т. е. лексическая функция *Mult* (совокупность): *Mult (корабль) = флот*; *Mult (студент) = студенчество*. Данные лексические функции соответствуют упомянутому первому типу концептуальной деривации, для которого, характерно сохранение формата исходного знания при изменении его структуры и конфигурации [Болдырев 2021б], а в терминах ономаσιологии это модификационные преобразования.

На моделях модификации базируется и морфологическая деривация, при которой одна форма производится от другой, например в видообразовании (*красить > покрасить*, *открыть > открывать*) и образовании форм страдательного залога глаголов НСВ (*ремонтировать > ремонтироваться*, *рассматривать > рассматриваться*) [Lemann 2003; Петрухина 2014]. При этом деривационные процессы в морфологии регулируются соотношением противопоставленных морфологических форм с общим категориальным значением (вида, залога и др.), т. е. представлена двухуровневая модель общих концептов и их реализации в грамматических формах [Болдырев 2021а: 27]. Относительно словоизменительных морфологических категорий также можно говорить о концептуальной деривации, хотя в языке происходит чередование словоформ и между формами нет отношения производности, например, между падежными формами имени (*страна, страны, стране...*) или личными формами глагола (*пою, поешь, поет...*) [Бондарко 1976]. На концептуальном уровне деривация предстает как многоуровневая модель перехода от общего концепта к его конкретным реализациям при помощи определенных понятий, например, общий концепт времени предполагает членение «реального временного континуума на настоящее, прошедшее, будущее время» при помощи понятия момента речи [Болдырев 2021а: 27]. При этом конкретизация общего концепта морфологической категории в одной из противопоставленных форм (в отличие от сходных концептуальных схем за пределами грамматики) является обязательной. Соответственно грамматические концепты выступают как когнитивные доминанты языковой интерпретации [Болдырев 2019; Беседина 2020].

Ряд типов семантической деривации как процесса формирования семантики многозначных слов, описанных Ю. Д. Апресяном, соответствуют выделенному Н. Н. Болдыревым третьему типу концептуальной деривации,

характеризующемуся изменением «концептуальной области определения, или когнитивного контекста» [Болдырев 2021б: 18–19], например в регулярных метафорических моделях семантической деривации прилагательных: тип *глубокая река* → *глубокие знания*, *широкая река* → *широкие обобщения*, *крепкий мужчина* → *крепкий сон* [Апресян 1974: 213].

В синтаксисе также оперируют понятием деривации, рассматривая ее как способ создания вторичных синтаксических единиц – словосочетаний, предложений и синтаксем – от первичных (базовых). Деривационный синтаксис связан с идеями Л. Теньера [Tensière 1959], а также генеративной грамматики Н. Хомского [Chomsky 1957 / 2002]. Деривационные синтаксические структуры активно изучались в трудах многих российских лингвистов (подробнее см.: [Petrukhina, Karpilovska 2021]). Синтаксическая деривация с концептуальной точки зрения связана прежде всего с модификацией пропозициональных моделей. В своей вторичной функции модифицированные синтаксические модели «обеспечивают разные способы конфигурирования концептуального содержания ... за счет использования различных когнитивных механизмов: профилирования, перспективизации, генерализации, конкретизации, тема-рематического членения, сужения, расширения, импликации, инференции, объединения нескольких пропозиций...» [Болдырев 2021б:17]. Например, модификации исходной пропозиции могут определены одним из «припропозитивных» смыслов, таких как: 1) фазисность (*Он переводит статью – Он начал / продолжает / закончил переводить статью*); 2) модальность (*Он может / должен / хочет переводить статью*); 3) отрицание (*В лесу были грибы – В лесу не было грибов*); 4) авторизационные значения (*Книга интересная – Книга считается / оказалась / показалась интересной*); 5) количественность (*Дома построены – Домов построено!*); 6) интерпретация субъекта (обобщенность: *Его все ждут – Вечно его ждешь*; неопределенность: *Отец звонит – Звонят*) [Белошапкина, Шмелева 1981]. Сходные модификации пропозиции отражены в модели синтаксического поля предложения Г. А. Золотовой, представленной в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова и кол. 1998].

Таким образом, наш анализ с когнитивной точки зрения регулярных словообразовательных, семантических, морфологических и синтаксических деривационных моделей демонстрирует сходные типы преобразований в концептуальной системе говорящих на русском языке при реализации этих моделей. Такой поход к исследованию разнородных с точки зрения средств выражения производных языковых единиц и категорий позволяет установить концептуальные связи и сходства между ними, часто скрытые при их уровневом разделении.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян Ю. Д.* (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Том 1. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Бабина Л. В.* Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 86–91.
- Балакин С. В.* Гносеологический потенциал концептуальной деривации // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 53–57.
- Белошапкова В. А., Шмелева Т. В.* Деривационная парадигма предложения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1981, № 2. С. 43–51.
- Беседина Н. А.* Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 311–327.
- Беседина Н. А.* Доминантные смыслы в морфологии // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 682–687.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43–53.
- Болдырев Н. Н.* Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 37–42.
- Болдырев Н. Н.* Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021а. № 4. С. 22–34.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретирующий потенциал вторичных структур // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 1 (44). С. 15–24.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. М.: Наука, 1976.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998.
- Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 64–77.
- Кубрякова Е. С.* Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 81–155.
- Кубрякова Е. С.* О мотивированности производных слов (когнитивно-семиотический аспект проблемы). // *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. Ed. K. Bužánsyová, V. Chocholová. Bratislava: Veda, 2013.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика. Синтаксис. М.: Яз. рус. культуры, 1974.
- Петрухина Е. В.* Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // *Scando-Slavica*. 2014. Т. 60. № 2. С. 253–274.
- Петрухина Е. В.* Ключевые вопросы современного славянского словообразования (в свете трудов Е. С. Кубряковой) // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 32. С. 80–89.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: ČAV, 1962.

Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952.

Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton. 1957 / De Gruyter Mouton, 2002.

Lemann V. Grammaticische Derivation (Aspekt, Genus verbi, Komparation, Partizip und andere Phänomene zwischen Flexion und Wortbildung) // Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana. München, 2003. S. 139–162.

Petrukhina E., Karpilovska I. Derivation. URL: http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_033679

Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale, Paris: Klincksieck, 1959.

E. V. Petrukhina (*Moscow, Russia*)
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE ASPECTS OF DERIVATION IN RUSSIAN

The article deals with word-formation, semantic, morphological and syntactic derivation in Russian from the cognitive point of view. The purpose of this analysis is to correlate the main derivational models with their conceptual basis and the types of conceptual transformations defined in cognitive linguistics.

Key words: conceptual, word-formation, morphological, syntactic derivation, Russian language.

С. А. Питина (*Челябинск, Россия*)
Челябинский государственный университет
sap.pitina@rambler.ru

А. В. Таскаева (*Челябинск, Россия*)
Южно-Уральский государственный институт
искусств имени П. И. Чайковского,
Челябинский государственный университет
taskaeva_anna@bk.ru

«ДЕТСКИЕ» ЭРГОНИМЫ ЧЕЛЯБИНСКА¹

В работе проанализированы особенности названий челябинских магазинов для детей. Целью исследования является изучение универсальных и уникальных региональных названий. Выявлено, что «детские» эргонимы представлены преце-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ и Челябинской области, грант № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

дентными именами, гибридными названиями, блендами, неймами с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Ключевые слова: городской ономастикон, Челябинск, микропоним, эргоним, регионализм.

Изучению городского ономастикона посвящено немало работ, что свидетельствует об актуальности исследований данного пласта лексики в целом и на примере конкретного региона или города [Голомидова 2022; Кривошапова, Горяев, 2022; Крюкова 2017, Erofeeva, Shustova, 2020]. В настоящей работе продолжено изучение региональной лексики на новом эмпирическом материале. Эргонимы как часть городского ономастикона составляют открытую, нередко меняющуюся под влиянием языковой моды и постоянной конкуренции систему названий коммерческих организаций, в них репрезентированы как общие, так и локальные особенности. Цель исследования заключается в систематизации и описании названий магазинов для детей с позиций лингвокультурологии и социолингвистики. Для достижения поставленной цели при помощи приема сплошной выборки с официальных сайтов Челябинска было отобрано около 300 названий магазинов для детей.

Названия магазинов составляют большой пласт городского ономастикона, который представлен разными подсистемами эргонимов. Выбранный авторами эмпирический материал отличается креативностью, разнообразием словообразовательных способов и моделей. Основными особенностями «детских» эргонимов на уровне словообразования являются:

1. Суффиксация, реализующаяся при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Звездочка, Нянюшка, Развивашки, Солнышко, Степашка, Ангелочки 74, Апельсинка, Детки 74, Кроватки 74, Любимый мишутка, Мишутка, Бегемотик, Карпузик, Пупсик* и многие другие.

2. Словосложение и блендинг: *Босоножка, Детландия, Конструктория, МамаПапиЯ, Япраздник, Супердетки, Япраздник*, транслитерированные названия *БебиБум 74, Бизивордум*, английское слитно написанное словосочетание, воспринимающееся как композит *Magictoys74*. Оригинальным является использование прописных букв в середине и даже в конце ряда креативных названий: *Счастливая Семья*. 3. Заимствования из английского языка: *Baby & Shop, Kitty, Magictoys74, Rich Family, Little Star, Little fox*. Следует отметить, что количество иностранных слов и словосочетаний в названиях магазинов для детей составляет не более 10% по сравнению с эргонимами других подгрупп, в частности, с названиями магазинов цветов, туристических агентств, кафе и ресторанов, языковых центров (подробнее см.: [Питина 2022; Pitina, Kharchenko 2022]).

4. Гибридные и транслитерированные названия: *Kroha.Market, Mir Bambini, Moda Bambini, SnovaLeto*.

Прилагательное «детский», существительные «детки», «детство» являются частотными в названиях магазинов для детей: *Детки, Детские мечты, Детский размер, Детки-конфетки, Лучик детства, Detkam74*. Синонимичные «кроха», «малыш», «малютка», «мини» представлены следующими эргонимами: *Все для крохи, Друг малыша, Мой малыш, Крошкин дом, Малютка74, МиниМы, Персона мини*, а также английскими и транслитерированными эргонимами *BabyMarket Pro, Kid'star74, Kroha.Market, MiMiKids, New baby, Rix Kids*.

В рассматриваемых эргонимов нередко встречаются прецедентные имена и словосочетания: *Алиса, Белоснежка, Бемби, Буратино, Добрыня, Матроскин, Маугли, Лимпопо, Незнайка, Робинзон, Смешарики, Теремок, Томошка 74*, английское прецедентное имя *Gulliver*. Выбор прецедентных имен не всегда можно назвать оправданным. Так, эргонимы *Робинзон* и *Гулливер* репрезентируют героев-взрослых, а название магазина для детей *Маугли*, вероятно, имплицитно подразумевает потребность в одежде для ребенка. Прецедентные словосочетания представлены в следующих названиях: *Веселый Тигра, Кот Баюн, Маленькая страна, Пепси Длинный Чулок*. Отметим, что в перечисленных примерах прецедентных названий магазинов преобладают имена героев детских сказок и фильмов.

Использование разговорных слов и выражений, детской лексики также характерно для эргонимов: *Аюшки, БиБиСтарт, Дошколята, Кукусики, Любимушка, Малышаня, Малыш-Агу, Модняшки, Няшки, Развивашки, Трям, Яселька, Bebeshka*.

Рифмованные словосочетания являются оригинальными и креативными номинациями: *Детки-конфетки, Дочки-сыночки, Дочки и сыночки, Крошка Антошка, Я мини Я*.

Гиперболизация в анализируемых названиях представлена существительными «империя», «мир», «страна», «планета»: *Детский мир, Империя детства, Маленькая страна, Мир детских развлечений, Мир детства, Мир игрушек, Мир малыша, Планета детства*, гибридное словосочетание *Mir Bambini*. В эргонимах *Уголок детства, Модный дворик* пространственная составляющая названия сужена благодаря использованию уменьшительных суффиксов -ок, -ик. В словосочетаниях *Мир малыша, Маленькая страна* наблюдается компенсаторное уменьшение пространственной составляющей названия магазина благодаря использованию уточняющего существительного «малыш» и прилагательного «маленький». В эргониме *Хобби остров* также наблюдается уточнение распространения увлечений детей территорией острова, а не планеты или мира. В названии магазина *Школьный остров*

уточняется выбор товаров и возраст детей. Эмотивные уточняющие названия реализуются при помощи прилагательных «нежный», «лучший», «любимый», «маленький»: *Любимый Мишутка, Нежный возраст, Лучший выбор, Маленький аист*. Оценивающие однословные и двухсловные названия также являются привлекательными для покупателей: *Ангелочки 74, Озорник, Почемучка, Умница, Солнышко, Мое чудо*.

Эргонимы-предложения немногочисленны, содержат уточняющие слова: *Все для крохи, Я расту*.

Эргонимы-антропонимы могут быть русскими уменьшительно-ласкательными именами: *Витюшка, Мишутка, Настенька, Степашка, Филиппок*, транслитерированными при помощи латинского алфавита женскими именами: *Arisha, Natali-natalek*.

Прямая мотивация характерна для большинства «детских» названий магазинов: *Почемучка, Все для крохи*, для частично мотивированных, связанных с темой «детство» эргонимов: *Нежный возраст, Пупсик*. К немотивированным эргонимам можно отнести такие эргонимы, как *Апельсинка, Бегемот, Бегемотик, Лучик, МногоСна, Совенок, Совушка*. Ряд существительных в составе эргонимов с зоонимами, употребляющихся с уменьшительно-ласкательными суффиксами, могут быть частично мотивированными, поскольку они нередко используются в обращениях к детям: *Мамина зайка, Львенок, Пингвиненок, Зебренок*.

В «детских» эргонимах реализуются как общие для всех эргонимов структурные, семантические и стилистические особенности, заключающиеся в использовании суффиксации, словосложения, заимствований, гиперболизации, обобщения и конкретизации, так и свойственные эргонимам рассматриваемого типа характеристики: преобладание существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами. В региональных названиях магазинов для детей уточняется номер области – 74, используются игра слов, прецедентные имена, детские слова и выражения.

Литература

- Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. № 19, № 1. С. 160–179.
- Кривоцапова Ю. А., Горяев С. О. «Каменные» улицы Екатеринбурга // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 197–207.
- Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004.
- Питина С. А. Особенности креативных региональных урбанонимов // Доклады Башкирского университета. 2022. Вып. 5. С. 279–283.

Erofeeva T. I., Shustova S. V. Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Residents in Perm Region // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Iazykoznanie.* 2020. 19 (4). P. 42–51.

Pitina S. A., Kharchenko E. V. Creativity of Regionalisms on the Level of Word Building // *Philological Class.* 2022. 27 (4). P. 67–75.

S. A. Pitina (*Chelyabinsk, Russia*)
Chelyabinsk State University

A. V. Taskaeva (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State Institute of Arts
Named after P. I. Tchaikovsky,
Chelyabinsk State University

“CHILDREN” ERGONYMS OF CHELYABINSK

The paper studies Chelyabinsk names of shops for children. The target of the research is to analyze universal and unique regional ergonyms. The authors argue that precedent names, hybrid nominations, blends, names with diminutive suffixes are typical of the ergonyms for children.

Key words: Urban onomasticon, Chelyabinsk, micro-toponym, ergonym, regionalism.

Е. М. Позднякова (*Москва, Россия*)
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ,
helenpozdnakova@yandex.ru

Е. В. Суворина, Е. П. Ченских (*Москва, Россия*)
Московский городской педагогический университет
SuvorinaEV@mgpu.ru;
ChenskikhEP@mgpu.ru

КОГНИТИВНО-КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ *BRAIN* И *MIND* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты когнитивно-корпусного анализа близких синонимов *brain* и *mind*, а также результаты сравнения анализируемых лексических единиц в диахронии и в сечениях корпуса по жанрам; построены лексические

профили конструкций *any adjective+brain(mind)* с использованием частотных данных и значений критерия взаимной информации на базе лингвистического корпуса СОСА.

Ключевые слова: лингвистический корпус, лексический профиль, частотность, статистический критерий взаимной информации, близкие синонимы.

Использование лингвистических корпусов современного английского языка, оснащенных развитыми системами корпусных менеджеров, позволяют выполнять анализ когнитивных различий между синонимами, в том числе так называемыми «близкими синонимами» (*near-synonyms*). Наиболее популярным на сегодня для таких исследований является корпус современного американского английского языка СОСА (<http://english-corpora.org/coca>). Данный корпус является непрерывно дополняемым, жанрово и гендерно сбалансированным. Его емкость на дату написания статьи превысила 1 миллиард слов. Встроенные статистические инструменты позволяют анализировать как первичную и относительную частотность употребления анализируемой лексической единицы, так и правдоподобие совместной встречаемости, выраженное различными статистическими критериями.

В работе методика построения лексических профилей [Суворина 2011], [Позднякова 2012] используется для выявления когнитивных различий между именами существительными *brain* и *mind*. Настоящее исследование является логическим продолжением выполненного ранее анализа фразеологизмов с компонентом *brain* с точки зрения языковой репрезентации одноименного концепта [Ченских 2022].

В современной нейронауке понятия *brain* и *mind* являются предметом активного обсуждения. В частности, в работе [Shaffer 2016] указывается, что эти слова часто воспринимаются как взаимозаменяемые. Дж. Шаффер пытается объяснить всю палитру когнитивных процессов в сознании индивидуума как цепочку биохимических реакций.

Разведочный анализ включений лексических единиц (далее – ЛЕ) *brain* и *mind* в корпус СОСА привел к результатам, представленным в таблицах 1, 2 (стр. 176, 177). Прежде всего обращает внимание разнонаправленность четко выраженных практически линейных трендов (таблица 1). В интервале с 1990 по 2019 год относительная частотность употребления ЛЕ *mind* убывает, уменьшившись за 30 лет на 17%. Одновременно относительная частотность употребления ЛЕ *brain* выросла за тот же период времени почти вдвое.

Жанровое распределение относительной частотности употребления ЛЕ *brain* и *mind* полностью различно. Так ЛЕ *brain* имеет два локальных

Таблица 1

Диахронические изменения относительной частотности употребления *mind* и *brain*

	1990–94	1995–99	2000–04	2005–09	2010–14	2015–19
<i>mind</i> частота/ милл.	264.17	255.03	245.18	237.10	226.57	220.21
<i>brain</i> частота/ милл.	57.72	79.60	76.89	88.21	95.07	100.50

максимума: для веб-страниц и журналов, в то время как ЛЕ *mind* имеет также два локальных максимума: для ТВ-передач и художественной прозы.

Анализ результатов показывает, что нейролингвистическая биохимическая концепция [Shaffer 2016], очевидно, не способна объяснить наблюдаемые различия, так как эволюция человека за 30 лет вряд ли способна изменить биохимию мозга.

Можно предположить, что разница между ЛЕ *brain* и *mind* имеет когнитивный, а не биохимический характер. Для подтверждения данной гипотезы воспользуемся техническим приемом построения и анализа лексических профилей конструкций *any adjective+brain* и *any adjective+mind* с помощью корпусного менеджера СОСА. Первые десять коллокатов, полученные с использованием частотности употребления и с критерием взаимной информации (MI), представлены в таблице 3. Из полученных данных следует, что единственной областью пересечения анализируемых лексических профилей являются имена прилагательные *human* и *right*. Причем это пересечение наблюдается только в данных частотности употребления. Переход на использование критерия взаимной информации и расчет правдоподобия совместной встречаемости приводит к полному абсолютному различию лексических профилей.

Расширение естественного лексического профиля до первых 30 коллокатов для выбранной конструкции с использованием критерия взаимной информации не привело к появлению зон пересечения.

Таблица 2
Распределение относительной частотности
употребления *brain* и *mind* в разных сечениях корпуса COCA

сечение (жанры)	ALL	BLOG	WEB	TV/M	SPOK	FIC	MAG	NEWS	ACAD
частота/ милл.	85.92	81.67	107.49	98.25	64.26	84.19	140.30	43.59	65.21
BRAIN									
частота/ милл.	249.11	260.23	283.87	401.94	197.03	410.42	179.39	125.06	132.70
MIND									

Таблица 3
Лексические профили конструкций *any adjective+brain* / *any adjective +mind*

mind		brain	
MI	частотность	MI	частотность
one-track	open	positronic	human
self-transforming	human	blast-induced	traumatic
steel-trap	right	mood-elevating	right
gorgon-like	public	systemizing	severe
trauma-based	fucking	high-jacked	new
ever-loving	conscious	non-cheating	developing
subconscious	beautiful	permanant	other
unspiritual	subconscious	mood-stabilizing	left
unconcentrated	American	scrapie-infected	permanent
well-wired	brilliant	encultured	normal

Совместный анализ коллокатов в конструкциях *any adjective + brain* и *any adjective + mind* (режим COMPARE в корпусном менеджере COCA), выполняемый только с использованием относительной частотности употребления, привел к следующим результатам. В целом лексическая единица *mind* намного более употребительна: на одно вхождение ЛЕ *brain* в корпусе встречается 2.9 ЛЕ *mind*. В паре *human mind – human brain* имеется почти равновесие: на одно вхождение *mind* имеется 1.2 вхождения *brain*. В конструкции *right mind – right brain* ЛЕ *mind* в 6 раз чаще употребляется, чем с ЛЕ *brain*. Нецензурное словочетание *f*** mind* в 10 раз превосходит по частоте коллокацию с *brain*.

Рассмотрим списки имен прилагательных с абсолютным (более чем в 10 раз) доминированием вхождения ЛЕ *mind*: *subconscious, criminal, damn, sharp, clear, beautiful*. Аналогичный список для ЛЕ *brain*: *normal, big, developing, specific, functional, certain, particular*. Анализ KWIC-данных для коллокатов (имен прилагательных), формирующих лидирующую часть списка, с большим отрывом показал наличие контекстов, связанных с обсуждением исключительно медицинских вопросов, в том числе и в общей, не узкоспециальной, научной литературе. Даже в потенциально интересном для исследователей словосочетании *emotional brain*, речь, согласно анализу KWIC-данных, идет о лимбической нервной системе.

Таким образом, анализ лексических профилей корпуса COCA показал, что лексические единицы *brain* и *mind* не являются взаимозаменяемыми в конструкциях с именами прилагательными. ЛЕ *brain* используется практически только при обсуждении медицинских (касательно человека) и технических (при обсуждении искусственного интеллекта и роботов) вопросов.

Литература

Позднякова Е. М. Моделирование участка ментального лексикона: компьютерно-корпусный подход // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 173–177.

Суворина Е. В. Построение лексического профиля слова по различным статистическим критериям (на материале Британского Национального корпуса) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2011. № 5. С. 163–167.

Ченских Е. П. Фразеологическая репрезентация концепта *brain* в современном английском языке (на материале толковых и фразеологических словарей) // Человек в фокусе лингвистики, литературоведения и языкового образования. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. С. 105–115.

Shaffer J. Neuroplasticity and Clinical Practice: Building Brain Power for Health. *Frontiers in Psychology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01118/full>

E. M. Pozdnyakova (*Moscow, Russia*)
*Moscow State Institute
of International Relations (University)*

E. V. Suvorina, E. P. Chenskikh
(Moscow, Russia)
Moscow City University

COGNITIVE-CORPUS ANALYSIS OF *BRAIN* AND *MIND* IN CONTEMPORARY ENGLISH

The results of the near-synonyms *brain* and *mind* analysis by means of the COCA corpus are presented. The lexical profiles were elaborated for *any adjective + brain (mind)* patterns using frequency and mutual information criteria. The diachronic and genre distributions prove the difference between the lexical units under the analysis.

Key words: corpus, lexical profile, frequency, mutual information, near-synonyms.

Л. В. Порохницкая, В. В. Самойлова
(Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет*
lidie@list.ru; lera.english@inbox.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСФЕМИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭВФЕМИЗМОВ (на материале комментариев в социальных сетях)

В статье предлагается алгоритм анализа степени дисфемистического потенциала эвфемистических единиц современного английского языка. На материале комментариев социальной сети *Twitter* описаны базовые триггеры трансформации эвфемистической единицы в дисфемистическую.

Ключевые слова: дисфемизм; эвфемизм; дисфемизация; дисфемистический потенциал; эвфемистический потенциал; концепт; концептуальная модель.

Несмотря на подробную проработку многих вопросов теории эвфемии и дисфемии в трудах отечественных и зарубежных исследователей, необходимо выделить две проблемы, которые по-прежнему остаются недостаточно изученными. Во-первых, речь идет о статусе эвфемистической единицы в парадигматике. Так, не вполне ясно, почему многие единицы, которые

на протяжении десятилетий считались эвфемизмами и даже зафиксированы в этом статусе в эвфемистических словарях, начинают все чаще использоваться с целью излишней конкретизации высказывания, что противоречит базовым принципам эвфемии. Другими словами, можно ли вообще говорить о существовании оппозиции эвфемизм – дисфемизм, или же речь идет лишь о наличии у языковой единицы некоторой степени эвфемистического (дисфемистического) потенциала? Второй вопрос касается факторов реализации дисфемистического потенциала у эвфемизма. Возможно ли выделить предпосылки (триггеры) [Порохницкая 2020], которые запускают процесс трансформации эвфемистической номинации в дисфемистическую, и описать ее концептуальные закономерности?

Материалом нашего исследования послужили языковые единицы, зафиксированные в Оксфордском словаре эвфемизмов под редакцией Р. Холдера [Holder 2003], вербализующие ряд концептов (СМЕРТЬ, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ПОЛИТИКА, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, ЛОЖЬ, НИЗКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ). Степень эвфемистического потенциала отобранных единиц верифицировалась в текстах комментариев пользователей социальной сети *Twitter* за период с 2020 по 2023 гг. Выборка примеров для данного исследования осуществлялась путем поиска «точного соответствия фразе» в *Google Advanced Search*.

На настоящем этапе исследования можно констатировать, что в дискурсе англоязычных социальных сетей наблюдаются две, на первый взгляд, противоположные тенденции: с одной стороны, стремление заменить грубую, непристойную лексику нейтральными по эмоциональной нагрузке выражениями (эвфемизация), а с другой стороны – тенденция к усилению речевой агрессии, намеренному огрублению речи (дисфемизация). Причем в некоторых случаях две эти интенции достигаются путем применения одних и тех же языковых средств.

По результатам проведенного анализа можно сделать несколько предварительных выводов.

– Одним из ведущих триггеров раскрытия дисфемистического потенциала эвфемистической единицы следует признать трансформацию концептуальной модели, на базе которой формируется семантика языковой единицы, из метонимической (НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕРТЬ И ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ) в метафорическую (УВОЛЬНЕНИЕ), что позволяет фокусировать те концептуальные составляющие, которые в метонимическом концепте были не задействованы.

*Another no-hope liar to get shot of. Time to **put him out of his misery**. He can't even convince himself never mind the rest of us. #JeremyHunt #ToriesDestroyingOurCountry,*

This man needs to hurry up and depart this life! #KevinMcCarthy is afraid his number is up, rightfully so.

– Важнейшим по результатам проведенного исследования триггером дисфемизации эвфемизмов можно считать также параллельную актуализацию метафорических и метонимических концептуальных моделей в семантике языковых единиц, используемых последовательно в одном абзаце. В анализируемом примере можно наблюдать перечисление единиц, которые базируются на зооморфных метафорических концептах (*cock and bull story, his ducking and diving*), которые обеспечивают невысокую степень эвфемистического потенциала, в одном ряду с классическим политкорректным эвфемизмом, семантика которого моделируется на основе обобщенного метонимического концепта (*deliberate concealment*). В результате создается эффект дисфемистической градации, которая усиливается за счет экспликации значения эвфемизма и использования прямой номинации (*lie*).

His ever changing cock and bull story, his ducking and diving to evade accountability has been an exercise in deliberate concealment and cover up from start to finish.

Another day, another 'terminological inexactitude' (Tory lie) Today, Boris Johnson was found guilty of lying about his flat refurbishment.

– Еще одной стратегией, выделяемой в рамках настоящего исследования, надо признать параллельную реализацию метафорических концептуальных моделей, конструируемых яркие, легко визуализируемые образы. В анализируемом примере за создание таких образов отвечают метафорические концепты кластера ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Языковые единицы, имеющие в основе своей семантики такие представления (*a penny short of a pound, to lose more coins*), изначально обладают очень низкой степенью эвфемистического потенциала, который может быть актуализирован только в ограниченном спектре коммуникативных ситуаций. Высокая плотность таких единиц в тексте, а также использование других метафорических сочетаний, характеризующихся отрицательной коннотацией (*has no idea what planet he's on, dummy puppet*), нивелируют эвфемистичность отмеченных устойчивых сочетаний и способствуют реализации их дисфемистического потенциала.

Joe Biden is a dummy and has no idea what planet he's on, now they've got Biden whom, imho, is a penny short of a pound & losing more coins by the day, Joe Biden is a dummy puppet, does whatever his handlers say!

В дальнейших работах мы планируем верифицировать данные, полученные в рамках настоящего исследования, на материале других видов современного англоязычного дискурса.

Литература

Порохницкая Л. В. Метонимический триггер в эвфемии // Филологические науки. 2020. № 6 (1). С. 25–29.

Holder R. W. Oxford Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 2003.

L. V. Porokhnitskaya, V. V. Samoilova

(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL PREMISES OF REALIZING THE DYSPHEMISTIC POTENTIAL OF EUPHEMISMS (based on comments on social networks)

The article proposes an algorithm for analyzing the degree of dysphemistic potential of euphemisms in modern English. Based on the comments on the social network *Twitter*, the article describes the basic triggers for the transformation of a euphemistic unit into a dysphemistic one.

Key words: dysphemism, euphemism, dysphemization, dysphemistic potential, euphemistic potential, concept, conceptual model.

А. С. Пташкин (*Томск, Россия*)

Национальный исследовательский

Томский политехнический университет

cognitionscience@tpu.ru

ЛИНГВОСЕНСОРИКА АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПРИМЕТ ОТКЛОНЕНИЯ

Цель исследования – определить особенности языкового выражения категории ОТКЛОНЕНИЯ в рамках примет в английском и русском языках. Рассматривается сенсорика общего корпуса примет и примет с соматизмами, репрезентирующими семантическое поле указанной ментальной единицы. Автором выделяются зрительные, зрительно-слуховые, слуховые, зрительно-осязательные, осязательные приметы, а также лакуны. Категория ОТКЛОНЕНИЕ впервые исследуется с позиции лингвосенсорики.

Ключевые слова: примета, категория, лингвосенсорика, лексема, фразеологическая единица, лакуна, отклонение.

В лингвосенсорике принято выделять общие приметы, а также приметы с соматизмами [Харченко, 2012: 56]. В рамках данной работы данные приметы представлены как средство выражения категории ОТКЛОНЕНИЕ. Данную ментальную единицу можно представить как семантическое поле со своим центром и периферией. Центр традиционно формируют лексические единицы, принадлежащие нейтрально-книжному стилю, а периферию – языковые единицы, репрезентирующий разговорный стиль. Сенсорные приметы включены автором в периферийную область выявленной категории.

Приметы с соматизмами указывают на отклонения в работе органов, частей тела. Например, в русской примете *чтобы не болела голова, не бросайте в печь волосы* упоминается голова, а также отделяемая часть тела – волосы. Данная примета является осязательно-зрительной в порядке упоминания компонентов: «...болела голова» + «...не бросайте волосы». Кроме того, лексема *печь* указывает на тепло, дополняет осязательную составляющую примету. В ее английском эквиваленте *you must always burn your hair clippings or you will get rheumatism* также упоминаются волосы (кончики волос), но во второй части приметы вводится иная фразеологическая единица, указывающая на внутреннюю болезнь и актуализирующая значение «воспалительное заболевание соединительной ткани». Зрительный акцент репрезентирован в данной примете с помощью языковой единицы «...burn your hair clippings», а осязательный акцент представлен в рамках фразы «...get rheumatism» (заболеть ревматизмом).

В русском языке также есть приметы, указывающие на внутренние проблемы со здоровьем *вернуть мужскую силу поможет постоянно носимый в кармане желудь. Он же пригодится женщине, страдающей от бесплодия*. В английском ближайшем эквиваленте представлено указание на возраст и удачу – *youth, good luck, long life: if a lady carries an acorn in her pocket, she will be blessed with perpetual youth. Carrying an acorn in your pocket will bring you good luck and long life*.

Русские и английские приметы могут указывать на возможные травмы. Например: *если у вас чешется нос – «или в рюмочку смотреть или с лестницы лететь» / a tickling nose could indicate you are in for a fight or await an important communication* (Если чешется нос – вас ожидает драка или важный разговор) [МССП 2013]. В левой части русской приметы представлен осязательный акцент «...чешется нос», правая часть включает в себя зрительный компонент – «...в рюмочку смотреть», «...с лестницы лететь». Таким образом, в некоторых приметах наблюдается переключение сенсорного сигнала. Лексическая единица «...с лестницы лететь» актуализирует значение «травмироваться», а сочетание «...в рюмочку смотреть» репрезентировано

значением «пьянствовать». В английской примете осязательный компонент в левой части реализуется в рамках словосочетания «tickling nose», в правой части отсутствует сенсорная составляющая отклонения, не выявлено переключения сенсорного сигнала.

Аудиоприметы включают в себя прогноз: to wish a person good luck it is used to say «break a leg» (принято говорить «сломай ногу», чтобы пожелать человеку удачи). Фразеологическая единица break a leg актуализирует положительное значение – «удачи» в рамках данной приметы. Глагол to say репрезентирует слуховой компонент. Русский эквивалент приметы является зрительным – «Ни пуха, ни пера!», он также актуализирует значение «удачи», но не указывает на физические травмы.

Приметы с компонентом отклонения могут включать также переключение сенсорного сигнала со зрительного на слуховой: if you look at someone crossed eyed and the wind blows, you will become cross-eyed в английском языке. Лексическая единица «crossed eyed» актуализирует значение «косоглазый». Фразовый глагол «to look at» указывает на зрительную составляющую, а фраза the wind blows (дует ветер) репрезентирует слуховой сигнал. В русском эквиваленте *чтобы вас не слгазили, избегайте встречи с косым человеком* отсутствует переключение сенсорных сигналов, преобладает зрительный компонент – «избегайте встречи с косым человеком».

Среди сенсорных примет, репрезентирующих семантическое пространство категории отклонения, при контрастивном описании распространена лакунарность. Например, для русской приметы *если девушка уколет или обрежет палец в новогоднюю ночь, она непременно выйдет замуж в следующем году* не выявлены соответствия в английском языке. Лексема «уколет» и словосочетание «обрезать палец» указывают на осязательный сигнал. Русская примета *зашивать одежду на себе нельзя – «память или ум зашьешь», а если все-таки зашиваешь, то нельзя в это время разговаривать и нужно держать нитку в зубах* также является лакуной для английского языка в силу различий языковых картин мира. Данная примета указывает на ментальную составляющую категории отклонения – «память или ум зашьешь», сочетает в себе зрительный и осязательный сигналы. Безэквивалентны для английского языка и следующие приметы *не ставьте зеркало перед кроватью, чтобы оно не забрало у вас силы и вы не заболели; Когда хвалят вашу красоту или здоровье, надо трижды сплунуть, чтобы не слгазили, или сполоснуть лицо холодной водой*. В первом случае присутствует зрительный акцент в левой части приметы, а в правой части представлен прогноз. Во втором примере кроме зрительного компонента указывается еще и время, а также рекомендация. Фрагмент «сполоснуть лицо холодной водой» включает в себя осязательный сигнал.

В зрительных приметах, связанных со здоровьем, выделяется большая группа зоопримет. Например: *если бабочка залетела в дом – к болезни*. Часто такие приметы включают в себя прогноз. В русской примете реализуется зрительный компонент, английский эквивалент включает в себя осязательную составляющую – похолодание, а также указывает на смену времен года – приход зимы: *the sight of Monarch butterflies is a sign that winter and cold weather are on the way* (бабочка Данаида Монарх – предвестник скорого похолодания и зимы). В следующей русской примете зрительный сигнал сочетается со слуховым: *если голубь бьется в окно, кто-то из домочадцев заболевает*. В английском эквиваленте речь идет о дьяволе и о том, что он может как-то навредить голубке и ее душе: *the devil cannot harm or enter the soul of a dove*. Глагол *harm* актуализирует прямое значение «навредить»: дьявол не может навредить голубке или вселиться в ее душу. В правой части английской приметы осязательный акцент оформляется глаголом «to enter» – «вселяться».

В английских и русских приметах активно используется образ ласточки – *ласточки вьют гнезда на вашем доме – он будет защищен от пожара и бурь. У того, кто разорит гнездо ласточки, появятся веснушки*. Фразеологическая единица «вить гнездо» в левой части приметы включает зрительный акцент, которому подчинены «пожар» и «буря», для которых характерен зрительно-осязательный акцент. Во второй части русской приметы не наблюдается упоминание какого-либо физиологического или ментального отклонения. Зрительная сенсорика наблюдается в первой части приметы при указании на действие – «разорять гнездо», и во второй части для передачи результата – «появятся веснушки». Указание на физиологическое отклонение наблюдается в английской примете: *if a woman accidentally treads on swallow's eggs lying on the ground, she will be barren* / если женщина случайно наступит на яйца ласточки, лежащие на земле, она станет бесплодной. В левой части приметы зрительный сигнал передается с помощью сочетания «наступить на яйца». Правая часть приметы указывает на прогноз о внутреннем нарушении в работе органов и вводится с помощью лексемы «barren», актуализирующей значение «бесплодная».

Сенсорные приметы, репрезентирующие периферийное семантическое пространство категории ОТКЛОНЕНИЕ, могут быть объединены в две большие группы: общие приметы и приметы с соматизмами, включающие зрительные, слуховые, осязательные сигналы. Обонятельные и вкусовые акценты не были выявлены в ходе семантического анализа сенсорных примет. Каждая группа зрительных, слуховых и осязательных примет включает в себя подгруппы примет, указывающие на образы птиц, животных, а также на погодные условия, времена года или даже на неправильное поведение человека, ведущее к нездоровью. Представлены приметы, в которых ре-

лизуется сразу несколько сенсорных сигналов: от зрительного к слуховому, от зрительного к осязательному и др. В этом случае говорят о переключении сенсорных сигналов. При описании контрастивных пар примет выявлены также лакуны. Механизмы образования сенсорных примет связаны с особенностями запечатления личного и народного опыта в картинах мира в английском и русском языках.

Литература

МССП – Многоязычный словарь суеверий и примет / под ред. Д. Пуччо. М.: ФЛИНТА, 2013.

Харченко В. К. Лингвосенсорика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

A. S. Ptashkin (Tomsk, Russia)

National Research Tomsk Polytechnic University

LINGUOSENSORICS OF ENGLISH AND RUSSIAN SIGNS OF DEVIATION

The aim of the study is to determine peculiar features of the linguistic expression of the category of DEVIATION within the framework of signs in English and Russian. The sensorics of the general corpus of signs and signs with somatisms representing the semantic field of this mental unit is considered. The author reveals visual, visual-auditory, auditory, visual-tactile, tactile signs, as well as gaps. The category of DEVIATION is studied in the light of linguosensorics for the first time.

Key words: sign, category, linguosensorics, lexeme, phraseological unit, gap, deviation.

Л. А. Радус (Москва, Россия)

Военный университет

им. князя Александра Невского

lara_rad@bk.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КАК КОНЦЕПТ

В статье последовательно рассматривается институциональный имидж общественного института как целенаправленно создаваемый образ референта, существующий в сознании в форме концепта. Данный классификационный тематический

концепт-фрейм имеет понятийную основу, отличается образностью, национально-культурной обусловленностью и определяется идеологическими ценностями.

Ключевые слова: институциональный имидж, концепт АРМИЯ, структура концепта, идеологема.

Понятие имидж является предметом исследования многих научных дисциплин: политология, социология, культурология, история, социальная психология, PR, лингвистика, семиотика. Эксплуатация одного термина в разных науках, с одной стороны, приводит к появлению междисциплинарности характера проводимых исследований, с другой – размывает понятийные границы имиджа как предмета научных исследований. Политический имидж активно изучается отечественной лингвистической наукой, в частности Г. Г. Почепцовым [Почепцов 2001], О. И. Калининим [Калинин 2018], В. С. Феклюниной [Феклюнина 2004], Б. Г. Койбаевевым [Койбаев 2013] и другими.

Имидж часто рассматривается как производный элемент сознания человека, группового и индивидуального. Так, А. П. Панкрухин и А. Ю. Игнатъев описывают имидж страны как «трехуровневый феномен индивидуального, группового или массового сознания, фиксирующий и реализующий цели его создателей» [Панкрухин, Игнатъев 2008: 9], И. Я. Рожков и В. Г. Кисмерешкин указывают, что любой имидж «не столько отображает реальность, сколько создает виртуальные объекты» [Рожков, Кисмерешкин 2006: 18].

В данной работе мы предпринимаем попытку рассмотреть имидж, в частности институциональный имидж вооруженных сил, с позиций когнитивной лингвистики, а именно как пример концепта-фрейма. Мы последовательно постараемся описать возможную типологию концепта-имиджа, его характеристики и структуру.

Типология концепта-имиджа

Отталкиваясь от определения концепта Е. С. Кубряковой как «кванта структурированного знания» [Кубрякова и др. 1997: 60] и понимания концепта как «того, что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, его представление о фрагменте мира» [Пименова 2004: 127], мы полагаем, что институциональный имидж общественного института является целенаправленно создаваемым образом референта, существующим в сознании в форме концепта того объекта, знание о котором он содержит.

Опираясь на классификацию концептов Н. Н. Болдырева [Болдырев 2014], мы можем определить политический имидж как: а) классификацион-

ный концепт, объединяющий в сознании адресата-реципиента в результате интерпретации концептуальных признаков нескольких фактов-событий, тематически объединенных вокруг одного субъекта политической деятельности; б) тематический концепт, так как целенаправленность формирования имиджа предполагает необходимость идентичного понимания у всех носителей социокультуры, то есть коллективного знания; в) концепт-фрейм, который отражает многокомпонентное, многоаспектное знание об общественном институте.

Характеристики концепта-имиджа

Попытаемся систематизировать весь комплекс теоретических знаний о концептах применительно к изучению имиджа армии как единицы концептуального уровня. На наш взгляд, при рассмотрении имиджа вооруженных сил как производной концепта АРМИЯ мы можем выделить нижеследующие характеристики:

1. Понятийная основа

В основе концепта лежит понятие как мысль, фиксирующая сущностные признаки политического института, отличающие его от других рационально оцениваемых человеком понятий и явлений общественно-политической жизни. То есть основу, ядро концепта АРМИЯ, который предопределяет имидж вооруженных сил, лежит опыт рационального осмысления человеком армии и ее роли в жизни страны и народа, прошедшее рационально-когнитивную обработку представление об армии как об общественно-политическом институте.

2. Образность

Концепт АРМИЯ, который лежит в основе имиджа вооруженных сил, обладая сложной структурой, отличается многослойной образностью. Взаимодействуя с элементами нефизического мира, человек не может не использовать возможности концептуализации, построенные на образности: метафоры, метонимии. Именно образность является тем важным элементом, который оказывает прямое воздействие на формирование имиджа, как переосмысленного образа армии как субъекта политической деятельности.

3. Вербальная эксплицированность

Очевидно, что многослойная структура концепта АРМИЯ, его понятийная основа и дополнительные когнитивные признаки, находят свое отражение в языке, речи и дискурсе в совершенно разных формах: пословицы, поговорки, новостные сообщения, официальные заявления и так далее.

4. Аксиологическая обусловленность

Концепт АРМИЯ как основа институционального имиджа вооруженных сил включает в себя не только понятие об армии как об общественном

институте и связанные с ними образные ассоциации, но и ценностные представления человека об окружающем мире. Осмысление общественно-политических институтов подчинено имеющимся ценностным ориентирам, а формирование имиджа вооруженных сил напрямую связано с формированием идеологических ценностей относительно государства и армии вообще. Так, концепт АРМИЯ во многом является и культурной ценностью определенного народа, как бы «цементирует» общественно-политические взаимоотношения в обществе, определяя ценностное отношение народа к важнейшему общественному институту.

5. Национально культурная обусловленность.

Культурная обусловленность концепта выражается в том, что он рождается в конкретной социально-исторической ситуации. Даже универсальные базовые концепты, такие как концепт АРМИЯ, имеют национально культурную обусловленность, которая связана с исторической памятью того или иного народа, с его географическим положением, менталитетом и так далее. Во многом, культурная обусловленность проявляется в вербальной экспликации концептов, проявляющихся в разнице метафорических проекций. Так, например, в китайском языке метафоры армии в значительной степени предопределяются культурой: АРМИЯ – стальная КИТАЙСКАЯ СТЕНА [Калинин, Радус 2021].

Смысловая структура концепта-имиджа

Подходы к исследованию структуры концепта отличаются, однако все исследователи сходятся во мнении, что концепт – это многослойное образование. Структура концепта – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации фрагмента картины мира.

Как указывает И. А. Стернин, «концепт не может быть представлен как жесткая структура, что связано с его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [Стернин 2001:58–59].

Н. Н. Болдырев отмечает динамическую природу концепта и подчеркивает, что «...объем концепта увеличивается за счет новых концептуальных характеристик, обволакивается новыми слоями» [Болдырев 2001: 29–30].

На наш взгляд, основой базового ядра концепта-имиджа будет являться чувственно-рациональный образ-понятие, обусловленный идеологически и культурно предопределенными ценностями. Мы полагаем, что в случае структуры концепта общественно-политического института, такого как АРМИЯ, именно идеологический компонент, воздействующий на ценно-

сти, будет основой для образного представления о субъекте общественно-политической жизни, также он может в значительной степени воздействовать и на содержательное понятие определенного концепта.

Важно заметить при этом, что детальное содержание понятийного компонента может в определенной степени отличаться в разных социокультурах и даже в рамках одной культуры на разных этапах ее развития, что связано с идеологией, определяющей ценностный компонент. Идеологические ценности, или конкретные идеологемы, будут являться определяющими для формирования знания об армии как об общественном институте, они, с одной стороны, оказывают воздействие на понятийный компонент, а с другой, проявляются в специфических образах, наиболее ярко отражающихся в индивидуальном сознании носителей определенной социокультуры.

Таким образом, мы последовательно рассмотрели институциональный имидж общественного института как целенаправленно создаваемый образ референта, существующим в сознании в форме концепта того объекта, знание о котором он содержит. Данный классификационный тематический концепт-фрейм имеет понятийную основу, отличается образностью и национально-культурной обусловленностью. При этом идеологические ценности, являясь определяющими для формирования знания об общественном институте, оказывают определяющее воздействие на формирование имиджа данного общественного института.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 25–36.

Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: КноРус, 2018.

Калинин О. И., Радус Л. А. Метафорическая репрезентация медиаобраза вооруженных сил (на примере ВС РФ и НОАК) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 12. С. 4005–4010.

Койбаев Б. Г. Политический имидж государства в современном глобальном информационном пространстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2013. № 1. С. 45–48.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИНК «Графика», 2004.

Панкрухин А. П., Игнатьев А. Ю. Имидж страны: смена парадигмы. Взгляды из Канады, России, Великобритании и Латвии // Корпоративная имиджеология. 2008. Т. 02. С. 8–15.

Почепцов Г. Г. Имиджеология. 2. изд., испр. и доп. М: Ваклер, 2001.

Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи. М: РИП-холдинг, 2006.

Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 58–65.

Феклюнина В. С. Политический имидж России в американской прессе 2000–2004 гг.: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.

L. A. Radus (Moscow, Russia)
Military University

INSTITUTIONAL IMAGE AS A CONCEPT

The article considers the institutional image of a public institution as a purposefully created representation of a referent that exists in the form of a concept. This classification thematic concept frame has a conceptual basis, is distinguished by figurativeness, national and cultural specifics and is determined by ideological values.

Key words: institutional image, ARMY concept, concept structure, ideologeme.

Ю. М. Разумовская (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
Julieden@yandex.ru

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН (на примере прецедентного имени Золушка (Cinderella))

В статье проводится исследование прецедентного имени (далее – ПИ) Золушка (Cendrillon), осмысляемого относительно когнитивных контекстов ЛИТЕРАТУРА и КИНО когнитивной матрицы ПИ, на материале российского и французского медиадискурса. С помощью когнитивно-матричного анализа, позволяющего осуществить моделирование концепта ЛИЧНОСТЬ, рассматриваемого как ядро когнитивной матрицы ПИ, показано, каким образом данный концепт соотносится с когнитивными контекстами ПОЛИТИКА, СПОРТ, ЭКОНОМИКА, КРИМИНАЛ.

Ключевые слова: медиадискурс, прецедентность, прецедентное имя, концепт ЛИЧНОСТЬ, когнитивно-матричный анализ, когнитивный контекст.

В статье функционирование ПИ рассматривается на материале медиадискурса – своеобразного гибридного коммуникативного феномена, который особенно активно развивается в последние годы. Дискурс массмедиа, а также синонимичные понятия – медиадискурс, медийный дискурс, *media discourse*, *mass media*, *mass media discours* – это основные термины, которые используются в исследованиях, чтобы назвать этот вид институционального дискурса. В нашем исследовании мы придерживаемся термина Т. Г. Добросклонской, которая определяет медиадискурс как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2020: 110]. Медиадискурс обладает на сегодняшний день очень большой властью и авторитетом, и именно посредством СМИ происходит влияние на широкую аудиторию. Этим объясняется наш интерес к тому, как используемые в медиадискурсе прецедентные феномены, а конкретнее, ПИ, способны формировать картину мира личности и воздействовать на ее сознание.

В проблематику данной статьи входит рассмотрение такого достаточно молодого направления лингвистических учений, как прецедентность, которое приобретает все большую популярность среди исследователей, но до настоящего времени не получило универсального осмысления. Основываясь на определении прецедентного текста Ю. Н. Караулова, которое затем было поддержано, развито и дополнено такими известными учеными, как В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Е. А. Нахимова и другими, под прецедентными феноменами мы понимаем явления, «...1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво культурного сообщества» [Красных 2003: 170].

Основываясь на этих тезисах, мы ставим цель – описать ту структуру знания, которая привлекается для осмысления ПИ, и представить особенности интерпретации ПИ. Нами рассматривается функционирование ПИ *Золушка* (фр. *Cendrillon*), довольно широко представленного в российском и французском медийном дискурсе. Исследование проводится с помощью метода когнитивно-матричного анализа, который был предложен Н. Н. Болдыревым и направлен на моделирование общей и/или частной когнитивной матриц за счет выявления «концептуальных характеристик ядра, когнитивных контекстов как областей их осмысления, взаимосвязями между данными характеристиками и соответствующими контекстами, а также языковых средств актуализации этих взаимосвязей» [Болдырев

2018: 391]. Предлагается рассматривать концепт ЛИЧНОСТЬ как ядро частной когнитивной матрицы ПИ, контекстами которой могут быть концепты ИСКУССТВО, НАУКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, в рамках концепта ИСКУССТВА, имеющего интегративный характер, нами выделяются концепты ЛИТЕРАТУРА и КИНО. Концепт ЛИЧНОСТЬ также представляется как общая когнитивная матрица, включающая контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА и СТАТУС [Разумовская, Бабина 2022: 360]. Кроме этого, считаем целесообразным выделить контекст СИТУАЦИЯ, который включает информацию о тех ситуациях, с которыми ассоциируется носитель ПИ, например *Золушка (Cendrillon)*. В статье также применяется метод контекстуального анализа.

Осмысление ПИ *Золушка (Cendrillon)* требует обращения прежде всего к концептам ЛИТЕРАТУРА (имя персонажа сказки французского автора Шарля Перро) и КИНО (имя героини известного кинофильма «Золушка» (1947), снятого по сказке). При осмыслении этого ПИ актуализируется целый набор характеристик концепта ЛИЧНОСТЬ. Проанализированные нами примеры показывают, что при осмыслении данного ПИ происходит обращение к другим концептам, помимо концептов ЛИТЕРАТУРА И КИНО. Так, при его осмыслении могут привлекаться концепты ПОЛИТИКА, СПОРТ, ЭКОНОМИКА, КРИМИНАЛ, МУЗЫКА, рассматриваемые как контексты когнитивной матрицы ПИ. Рассмотрим некоторые примеры, чтобы это проиллюстрировать.

1) *Политическая золушка. Бывшая горничная и профсоюзный активист Рашель*

Во Франции с перевесом в 177 голосов депутатом от избирательного округа Валь-де-Марн была избрана бывшая горничная Рашель КЕКЕ. <...> В новом Национальном собрании она представляет альянс зеленых, социалистов и левых. «Солидарность» рассказывает историю Рашель Кеке, смотрит на новый французский парламент и вспоминает похожие истории политических «золушек» [<https://www.solidarnost.org/articles/politicheskaya-zolushka.html>].

В примере (1) при осмыслении ПИ *Золушка* актуализируется характеристика ‘скромная и трудолюбивая девушка, жизнь которой неожиданно изменил счастливый случай’ концепта ЛИЧНОСТЬ (контекст СИТУАЦИЯ), однако под влиянием языкового контекста (упоминание о должности Рашель Кеке – депутат) он рассматривается относительно когнитивного контекста ПОЛИТИКА, что приводит к актуализации характеристики ‘профессиональный статус’. Кроме того, актуализируется характеристика ‘девушка, которая едет на бал’, подобно Золушке, бывшая горничная становится видным политическим деятелем во Франции, то есть выходит на политическую арену.

(2) GRÈCE. *La Cendrillon de l'Europe*

Depuis le boom économique des années 1990 et l'euphorie des Jeux olympiques, en 2004, nous sommes tombés au point de mendier de quoi survivre auprès de nos partenaires européens. Nous sommes la Cendrillon de l'Europe et tendons la main vers celles qui ressemblent fortement aux méchantes sœurs du conte. Et nous attendons la bonne fée qui va transformer nos lapins en robes du soir sublimes et notre citrouille en carrosse. Nous flirtons avec l'idée qu'un prince charmant nous conduira sur la route étincelante de la sortie de crise. En fait, ce sont des mesures très sévères qui nous attendent [https://www.courrierinternational.com/article/2011/06/21/la-cendrillon-de-l-europe].

В примере (2), взятом из французского медиадискурса, осмысление ПИ *Cendrillon* требует обращения к когнитивному контексту СИТУАЦИЯ концепта ЛИЧНОСТЬ и актуализации характеристики 'нелюбимый ребенок в семье, подвергающийся обидам и унижениям, чью жизнь может изменить только счастливый случай'. При этом концепт ЛИЧНОСТЬ рассматривается относительно контекста ЭКОНОМИКА. Греция представлена как Золушка среди других европейских стран, ведущих себя по отношению к ней так, как злые сестры ведут себя по отношению к бедной Золушке, и только счастливые перемены в европейской экономике, подобно встрече с принцем на балу, могут ей помочь.

(3) *Золушка* – тяжеловес

Несмотря на все свои анкетные данные, новый чемпион мира в самом престижном супертяжёлом весе Олег Маскаев заявляет, что он россиянин и что свой титул будет защищать под бело-сине-красным флагом.

*– Да, это так. После боя мой отец в шутку сказал: «Ты стал **Золушкой от бокса** – как она, сумел вырваться из бедности, добиться своего». Эти слова разошлись по всем газетам, меня теперь только так и называют – **Золушка**. И мне радостно, что мою жизнь можно сравнить со сказкой. [https://archive.aif.ru/archive/1661157].*

При осмыслении ПИ прежде всего актуализируется характеристика 'скромная и трудолюбивая девушка, жизнь которой неожиданно изменил счастливый случай' когнитивного контекста СИТУАЦИЯ концепта ЛИЧНОСТЬ. Однако под влиянием языкового контекста происходит отсылка к когнитивному контексту СПОРТ и актуализируется характеристика 'профессиональный статус', на что указывает упоминание о профессии героя – боксёр. Выросший в небогатой семье спортсмен много тренировался и благодаря этому сумел победить соперников и вырваться из бедности. Отметим интересную особенность – смену гендера в примере. Это позволяет нам говорить о гендерной нейтральности ПИ. ПИ *Золушка* может применяться как для обозначения женщины, оказавшейся в данной ситуации, так и мужчины.

(4) *Полиция в Петербурге задержала грабителя-«золушку»*

Полицейские в Санкт-Петербурге задержали подозреваемого в ограблении обувного магазина, оставившего на месте преступления собственную кроссовку [<https://lenta.ru/news/2015/11/21/zolushka/>].

При осмыслении ПИ относительно когнитивного контекста СИТУАЦИЯ концепта ЛИЧНОСТЬ в фокус внимания попадает характеристика ‘девушка, потерявшая туфельку на балу, по которой ее находит принц’, по аналогии с утерянной на балу туфелькой в примере упоминается о забытом на месте преступления грабителем кроссовке, по которому его находит полиция. То есть при интерпретации ПИ происходит обращение к когнитивному контексту КРИМИНАЛ и активизация характеристики ‘профессиональный статус – грабитель’. Отметим, что в примере автор материала прибегает к ироническому осмыслению ПИ. Как и в примере (2), отмечается нейтрализация гендера, Золушкой оказывается мужчина.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что при использовании ПИ *Золушка (Cendrillon)*, изначально осмысляемого относительно когнитивных контекстов ЛИТЕРАТУРА/КИНО, в медиадискурсе происходит отсылка к таким контекстам, как ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, СПОРТ, КРИМИНАЛ. Для интерпретации ПИ требуется актуализировать контексты СИТУАЦИЯ и СТАТУС концепта ЛИЧНОСТЬ, рассматриваемого относительно упомянутых контекстов.

Литература

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва: КДУ, Добросвет, 2020.

Красных В. В. «Свой среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Бабина Л. В., Разумовская Ю. М. Когнитивные основы изучения прецедентных имен (на материале русского языка) // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 2 (49). С. 359–364.

Политическая золушка // Солидарность 21.06.2022. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/politicheskaya-zolushka.html>

GRÈCE. La Cendrillon de l'Europe // Courier international 28.06.2011. URL: <https://www.courrierinternational.com/article/2011/06/21/la-cendrillon-de-l-europe>

Золушка – тяжеловес // Аргументы и факты 18.10.2006. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1661157>

Полиция в Петербурге задержала грабителя-«золушку» // Lenta.ru 21.11.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/21/zolushka/>

Yu. M. Razumovskaya (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

**COGNITIVE-MATRIX ANALYSIS
OF PRECEDENT NAMES
(based on the precedent name Cinderella)**

The article studies the precedent name (hereinafter PN) Cinderella (Cendrillon), comprehended in relation to the cognitive contexts LITERATURE and CINEMA of the PN cognitive matrix, on the basis of Russian and French media discourse. With the help of cognitive-matrix analysis, which allows modeling the concept PERSONALITY, considered as the core of the cognitive matrix of PN, it is shown how this concept correlates with the cognitive contexts POLITICS, SPORTS, ECONOMY, CRIMINAL.

Key words: media discourse, precedence, precedent name, cognitive matrix analysis, concept, cognitive context.

E. A. Редкозубова, Л. С. Абросимова
(*Ростов-на-Дону, Россия*)
Южный федеральный университет
kateredkozubova@mail.ru; lara.abrossimova@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛЕНГИЗМОВ

Статья посвящена выявлению и актуализации когнитивного потенциала, наблюдаемого в некодифицированных языковых системах, например, в сленге современного русского и английского языков. Сленг рассматривается как когнитивно-познавательный феномен, реализующий разнообразные функции, основными из которых признаются следующие: коммуникативно-репрезентативная, когнитивно-гносеологическая, экспрессивно-номинативная. Когнитивный потенциал сленгизмов прослеживается как в лексике, так и в грамматике. Подчеркивается связь когнитивно-гносеологической функции субстандарта с мировоззренческой.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная модель, сленг, субстандарт, категоризация, метафоризация.

В современной лингвистике аспекты взаимосвязи языка и культуры, языка и мышления плодотворно исследуются как на материале литературного языка, так и на базе данных о субстандартных подсистемах, среди которых наибольшее влияние на коммуникативное пространство оказывает сленг.

Поскольку существование литературного (стандартного) языка невозможно без противопоставленности субстандарту, а в совокупности они создают полное представление о соответствующей лингвокультуре, сленг выполняет интегративную функцию и являет собой значимый и неотъемлемый компонент общенационального языка. Современные исследователи сходятся во мнении относительно того, что подлинный лингвокреатив наблюдается в субстандарте, в частности в сленге. Сегодняшняя языковая ситуация характеризуется увеличением удельного веса и роли сленгизмов в системе национального языка.

Изучение субстандарта, в частности сленга, по нашему мнению, не должно ограничиваться рамками социолингвистики, лексикологии или стилистики. Новые знания о сленге, более глубокое понимание его природы возможны при рассмотрении языкового субстандарта, например, в лингвокультурологии, лингвофилософии как взаимодополняющих и взаимообогащающих языковедческих дисциплинах. Кроме того, анализ фактологического материала выявляет богатый лингвокогнитивный потенциал сленгизмов, делая их привлекательным объектом изучения в рамках и с привлечением методов когнитивной лингвистики. Именно на таком «расширительном» исследовании сленга и настаивают авторы настоящей работы, обращаясь к анализу когнитивного потенциала сленгизмов русского и английского языков.

Когнитивный потенциал сленга проявляется, прежде всего, в его метафорической природе. Высказывания о метафорическом характере сленга стали хрестоматийными, но от этого не утратили своей актуальности и справедливости. Достаточно вспомнить приводимое в фундаментальном труде Э. Парtridge лаконичное определение сленга Г. К. Честертона: «All slang is metaphor, and all metaphor is poetry» [Partridge 1960: 24]. Широкое распространение получила трактовка когнитивного механизма субстандартной метафоры как мыслительного процесса. Этот процесс состоит из следующих шагов: во-первых, на основе моделирующего признака происходит слияние двух генерирующих базисов, обладающих сходством, во-вторых, порождается сленговый метафорический образ.

Структура метафорического образа в субстандарте характеризуется сложностью и многокомпонентностью. При этом одним из обязательных концептуальных признаков сленговой метафоры является «оценка». В сленге русского и английского языков, как и в стандарте, роль генерирующих базисов выполняют такие концепты, которые, с одной стороны, в понятийной системе говорящих обладают высокой значимостью, а с другой стороны, относятся к концептам базового уровня когнитивной категоризации. [Lakoff, Johnson 1980].

Механизмы и модели метафоризации в сленге могут носить как универсальный, присущий нескольким лингвокультурам характер, так и личностно-детерминированный. Отметим правоту и согласимся с мнением когнитивистов относительно того, что «средством метафоризации часто выступает глубоко субъективное восприятие предмета или явления» [Попова 2010: 207].

О когнитивной эффективности механизмов метафоризации в сленге свидетельствуют данные опытных исследований, проведенных в Калифорнийском университете. Оказалось, что сленговые метафоры запоминаются лучше, чем буквальное использование тех же выражений или не сленговых эквивалентных высказываний. Этот вывод согласуется с представлением о том, что сленг позволяет говорящему передавать как пропозициональную информацию, так и свое отношение к этой информации, а также дополнительные знания об окружающем мире [Gibbs 1985].

Когнитивный потенциал сленгизмов раскрывается и при анализе грамматических категорий. Сленговые синонимы к общеязыковым *pluralia tantum* сохраняют соответствующее числовое оформление. Так, обозначения типов обуви *бати, гады, колеса, коцы, макасы, шузы* являются иллюстрацией того факта, что «во всех формах естественного языка, включая его субстандартные подсистемы, такие когнитивные свойства внеязыковой действительности, как множественность, симметричность, двойственность находят грамматическое отражение в форме *pluralia tantum*» [Редкозубова 2014: 104]. Когнитивные возможности сленгизмов реализуемы в морфологии, поскольку, как справедливо отмечает Н. А. Слюсарева, морфология когнитивна, так как способствует переходу «от более «наивного» отражения действительности в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения» [Слюсарева 1986: 18–19].

Такое базовое свойство сленга, как ироничность, насмешка над социальными, моральными, языковыми и прочими условностями и авторитетами, является одним из инструментов познания говорящим окружающего мира в процессе категоризации и концептуализации действительности. Так, в коллективном когнитивном пространстве Англии 17–18 веков сформировалось и закрепилось представление о лицемерии пуритан, вслед за чем у до этого нейтральной единицы *Puritan* фиксируется метафорическое значение *женщина легкого поведения*. Таким образом, ирония формирует систему когниций.

В сленге детально разработаны и когнитивно освоены понятия, наиболее актуальные для его пользователей, понятия, отражающие мировоззрение его создателей и носителей. Изучение фактического материала свидетельствует о том, что мировоззренческие установки и модели поведения, принятые

в англосаксонском социуме, когнитивно семантизированы в современном американском сленге и репрезентируются в виде развернутых синонимических рядов.

Отметим, что в рамках когнитивной парадигмы представляется возможным рассматривать синонимию в корреляции с процессом познания окружающего мира и с феноменом селективного мышления. При этом в основе синонимии лежит процесс категоризации, представление мира в виде категорий, то есть выделение в нем классов аналогичных объектов, признаков и т. д. С другой стороны, при выборе синонима происходит когнитивный процесс мысленного соотнесения объектов или признаков с той или иной категорией.

Развитой и сложной синонимией отличаются сленговые номинации монетарного лексикона. Анализ словарных статей позволил выявить наличие в системе американского сленга девяти синонимических рядов, объединенных такими значениями, как «денежные средства»; «большие деньги»; «небольшие деньги»; «деньги для подкупа»; «отложенные/спрятанные деньги»; «фальшивые деньги»; «взятые в долг деньги»; «наличные»; «ворованные деньги», «электронные/цифровые денежные средства». Наибольшее число синонимов (45) входят в ряд с интегральным значением «денежные средства». Наименее когнитивно семантизирован и репрезентативен синонимический ряд «электронные/цифровые денежные средства»: он образован тремя сленгизмами, что представляется вполне закономерным с учетом недолгого нахождения в обращении таких денежных средств, а также их неоднозначного юридического статуса.

В заключении отметим, что сленгизмы обладают значительным когнитивным потенциалом и представляют собой интереснейший феномен для перспективных исследований в рамках когнитивной лингвистики.

Литература

- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010.
- Редкозубова Е.А.* Сленг в современном коммуникативном пространстве: дис. ... докт. филол. наук. Ростов н/Д., 2014.
- Слюсарева Н.А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986.
- Gibbs W. Raymond, Nagaoka A.* Getting the Hang of American Slang: Studies on Understanding and Remembering Slang Metaphors // *Language and Speech*. 1985. Vol. 28 (2). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002383098502800206>
- Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Partridge E.* *Slang Today and Yesterday*. London: Routledge and Kegan Paul, 1960.

E. A. Redkozubova, L. S. Abrosimova
(Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

THE COGNITIVE POTENTIAL OF SLANG

The article is devoted to the identification of cognitive potential observed in uncodified language systems, for example, in the slang of modern Russian and English. Slang is considered as a cognitive phenomenon that implements a variety of functions, the main of which are the following: communicative-representative, cognitive-epistemological, expressive-nominative. The cognitive potential of slangisms can be traced both in vocabulary and grammar. The connection of the cognitive-epistemological function of the substandard with the ideological one is emphasized.

Key words: cognitive linguistics, cognitive model, slang, substandard, categorization, metaphorization.

V. V. Робустова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
nikarbs@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ВЫДЕЛЕННОСТИ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩАХ¹

В статье рассматриваются прозвища мест с точки зрения реализации ими индивидуализирующей или характеризующей функции. Прозвища, основанные на официальном названии определенного места, выполняют индивидуализирующую функцию. Прозвища, репрезентирующие определенную характерную черту благодаря когнитивному механизму выделенности, выполняют характеризующую функцию, что позволяет использовать их по отношению к нескольким объектам номинации со сходными характерными чертами.

Ключевые слова: топонимическое прозвище, когнитивный механизм выделенности.

Когнитивные механизмы формирования ономастических единиц понимаются как упорядоченные мыслительные процессы, которые обуславливают семантическую и формальную структуру онима, а также отраженные в нем стереотипные представления восприятия и осмысления

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

действительности. Формирование ономастических единиц обеспечивается когнитивными способностями человека, к числу которых относятся память, внимание, чувственное восприятие, выбор объекта наблюдения и различные мыслительные операции. В основе номинативного процесса лежит память. Она «хранит не только то, что объективировано языком и получило отражение в языке, но и массу впечатлений, ощущений, представлений, остающихся от нашего чувственного и практического познания мира» [Кубрякова 2004: 358]. У человека, который дает наименование чему-нибудь или кому-нибудь, всегда проявляется когнитивная способность извлекать хранящиеся в его сознании «ономастические знания» (имена и названия). В них отражаются воспоминания об услышанном или увиденном, прочувствованном или осмысленном, познанным человеком в течение всей своей жизни. Имена собственные отражают способность человека помнить, узнавать, распознавать, припоминать или забывать. Долговременная память лежит в основе когнитивно-вербальной деятельности индивида и представляет «умственный тезаурус», который организует знания человека о словах и других вербальных символах, их значениях и референциях, о связях между ними и о правилах, формулах и алгоритмах манипулирования этими символами (А. А. Залевская, А. А. Леонтьев).

Когнитивные механизмы объединены в четыре группы в зависимости от мыслительной способности человека, которая в них задействована. 1. Внимание (выделенность): выбор, абстракция, схематизация, профилирование, динамическое внимание. 2. Суждение (сравнение): соотношение фона и фигуры, метафора, категоризация. 3. Перспектива: точка зрения, субъективность/объективность, дейксис, эмпатия. 4. Устройство (гештальт): существование, структурная схематизация, распространение, силовая динамика, образные схемы. О. Т. Молчанова выделяет семь вариантов выделенности при изучении имен собственных [Molchanova 2007: 76]. Из этого следует, что в результате действия когнитивного механизма выделенности кодируются наиболее существенные и важные для языка характеристики, которые ложатся в основу репрезентации ономастических знаний. Формирование ономастических единиц во много определяют когнитивные механизмы метафоры и метонимии. Метафора является ключом к пониманию форм репрезентации ономастических знаний. Процессы когнитивной метафоризации направлены на мотивацию метафорических употреблений имен собственных, в ходе которых выявляется образное представление об объекте или субъекте.

«Языковые значения – это определенные конфигурации знания: концептуальное содержание плюс схема» [Болдырев 2019: 306]. Передача ономастических знаний в виде концептов (единиц знания) и языковых единиц

(единиц языка) – есть ономастическая репрезентация. В качестве когнитивного основания ономастической репрезентации выступает ономастический концепт, который являет собой выраженную ономастической формой единицу знания. При этом объективацию с помощью языковых средств получают те ономастические концепты, которые вошли в концептуальную структуру онима. Концептуализация в ономастике проявляет свою специфику на всех языковых уровнях, создавая базу для рассмотрения ономастической репрезентации как особого категориального способа репрезентации знаний в языке. Большинство ученых признает, что способы формирования концептов в сознании человека определяются формами обыденного познания. Ономастические концепты в сознании отдельного человека формируют субъективный мир, в то же время представления человеческого коллектива, выраженные в языке, формируют объективированный образ того или иного объекта. Появление ономастических концептов осуществляется на основе чувственного опыта (в результате чувственно-эмпирического восприятия окружающей действительности), на основе опыта предметно-практической деятельности (в результате действий и операций с различными предметами), в результате экспериментально-познавательной и научной деятельности людей, на основе мыслительной деятельности и на основе вербального и невербального общения [Щербак 2012: 106].

В качестве практического материала исследования были использованы прозвищные наименования мест, представленные в словаре Oxford Dictionary of Nicknames в количестве 132 единиц. Исходя из определения прозвища: “a nickname is a familiar or humorous, sometimes derogatory, name given to a specific person, place, or thing instead of or as well as the proper name. It commonly reflects some key aspect of an individual’s physical appearance, personality, or achievement. A nickname often pithily encapsulates some quality or attribute thought of as characteristic of a particular person” [Delahunty 2006: vii], мы видим, что прозвище относится к вторичной номинации, не является обязательным для определенного субъекта/объекта, но, при наличии, всегда осуществляет его характеристику. Все прозвища мотивированы и имеют либо эксплицитно, либо имплицитно выраженную внутреннюю форму. Изучив материал, мы разделили прозвища на индивидуализирующие – способные принадлежать только определенному единичному объекту в силу уникальности его характеристики, заложенной в основе прозвища, и характеризующие – способные принадлежать неограниченному количеству мест, при наличии у них характеристики, профилируемой в основе прозвищной номинации. Индивидуализирующие прозвища чаще всего основаны на официальном названии места, в прозвище данное название как-то обыгрывается, сокращается, трансформируется. Рассмотрим примеры.

Ally Pally – Александра-палас, построенный в северной части Лондона в 1873 году, с 1936 года в нем располагалось ВВС, прозвище появилось в то время.

Alligator Alley – часть высокоскоростной трассы, которая идет из Тампы в Майами, место известно большим количеством аллигаторов, которые населяют природный территориальный комплекс Эверглейдз, сквозь который проходит трасса.

Первая прозвищная номинация основана на официальном названии и может принадлежать только этому объекту. Вторая прозвищная номинация относится к характеризующему типу и может использоваться для названия любой местности, где обитает большое количество аллигаторов. В основе характеризующего прозвища лежит дескрипция, оно построено с помощью когнитивного механизма выделенности.

Индивидуализирующие прозвища: *Beckingham Palace* (особняк Дэвида и Виктории Бекхэм, в основе прозвища лежит ономастический бленд – фамилия семьи и название резиденции короля, что добавляет ироническую нотку с учетом аллюзии на стоимость особняка Бекхэмов и их стиль жизни), *the Bob* (the Bodleian Library of Oxford University), *Frisco* (Сан-Франциско), *Gotham* (Нью-Йорк, по ассоциации с названием деревни в английской народной сказке *The Wise Men of Gotham*), *Madchester* (Манчестер, центр рок-музыки). Индивидуализирующие прозвища составили 11 названий.

Характеризующие прозвища: *Apple Isle* (Тасмания, регион в Австралии, где выращивают яблоки), *the Barbary Coast* (Тендерлойн, центральный район Сан-Франциско, известный азартными играми, преступностью и коррупцией; прозвище принадлежало Средиземноморскому побережью Северной Африки от Марокко до Египта, этимологически связано с иностранными жителями – чужими – *Barbary – Berbers – Barbarians – Barbaros*), *the Cabbage Garden* (штат Виктория, Австралия).

Среди характеризующих прозвищ можно выделить разные модели, но номинативный принцип общий – наличие определенных характеристик у объекта номинации. Широко распространена модель PrN of PrN – *Athens of America* (Бостон, отсылка к процветающему культурному центру страны), вместо Америки может быть любая другая страна, данный тип прозвищ можно отнести к сложным характеризующим прозвищам, так как первая часть номинации представлена именем собственным, в рамках которого профилируется определенное значение, что предполагает знакомство с данной языковой единицей. *Athens of the North* – прозвище Эдинбурга с идентичной мотивировкой. Модель PrN ComN тоже часто является основой для конструирования характеризующего прозвища, не смотря на ономастический компонент в названии и его, казалось бы,

индивидуализирующую функцию. *Eisenhower Platz* (Гросвенор-сквер в Лондоне, место расположения посольства США, рядом много зданий заняты военными ведомствами США). *George Cross Island* (Мальта, благодаря расположению британской военно-морской базы во время Второй мировой войны).

Так же продуктивной моделью характеризующего прозвища является ComN of PrN – *the Backbone of England* (the Pennines), *the Backbone of Italy* (the Apennines). Профилируется определенная черта местности, прозвище может быть дано любой местности, удовлетворяющей данной характеристике (горная цепь большой протяженности). Продуктивными так же являются модели Adj + ComN – *the Big Apple* (Нью-Йорк), *the Big Smoke* (Лондон), *Diamond City* (Амстердам). *The Great White Way* (Бродвей, благодаря ночной иллюминации). Модель ComN of ComN всегда является характеризующей, так как не содержит индивидуализирующего компонента, представленного онимом: *the Bride of the Sea* (Венеция), *the City of the Violet Crown* (Афины, благодаря красивому фиолетовому оттенку горных вершин, плюс аллюзия на имя легендарного короля Iop, имеет значение фиолетовый). Данная модель является самой продуктивной, 13 примеров прозвищных номинаций данного вида зафиксированы в словаре с основой the City of и 7 прозвищ с основой the Land of – *the Land of Cakes* (Шотландия), *the Land of Flowers* (Флорида), *the Land of Little sticks* (Канада).

Когнитивный механизм выделенности лежит в основе характеризующих прозвищ, которые составили 121 единицу из 132 единиц исследования. Индивидуализирующие прозвища основаны на официальном названии объекта, определенным образом репрезентированном в прозвищной единице: с помощью сокращения, контаминации, аллитерации, аллюзии. В них отсутствует описание набора характеристик, на первый план выходит именно название объекта.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о человеке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2012.

Molchanova O. From Words to Altai Place-Names (Topography Cognition and Semantics). Szczecin, 2007.

Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford: Oxford University Press, 2006.

V. V. Robustova (*Moscow, Russia*)
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE MECHANISM OF PERSPECTIVE IN TOPONYMIC NICKNAMES

The article deals with the nicknames of places from the point of view of their individualizing or characterizing function. Nicknames based on the official name of a certain place perform an individualizing function. Nicknames, representing a certain characteristic feature due to the cognitive mechanism of perspective, perform a characterizing function, which allows them to be used in relation to several objects of the nomination with similar characteristic features.

Key words: toponymic nickname, cognitive mechanism of perspective

П. А. Салтанова, Г. Г. Бондарчук
(*Москва, Россия*)

*Московский государственный
лингвистический университет
1996-polina@mail.ru;
bondarchuk.gal@yandex.ru*

ИНТЕНСИВНОСТЬ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (на материале англоязычного автобиографического дискурса)

В статье рассматриваются некоторые аспекты изучения концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ и вербализующей его языковой категории интенсивности. Высказывается мнение, что интенсивность отличает в первую очередь субъективный и прагматический характер. Приводятся примеры из английского автобиографического дискурса, где интенсивность выступает вместе с эмоциональностью и оценкой.

Ключевые слова: интенсивность, когнитивная лингвистика, экспрессивность, субъективность, прагматический характер, оценка.

Полагают, что проблема *интенсивности* как одной из онтологических категорий привлекает внимание ученых разных областей на протяжении длительного времени, так как имеет для мышления человека и его изучения непреходящее значение.

В русле современной когнитивной парадигмы лингвистического знания интенсивность рассматривается как один из основополагающих

концептов, исследования которого остаются актуальными в силу важности данного концепта для человеческого общения. Однако, несмотря на обширную теоретическую литературу по данной проблематике, ряд вопросов остается дискуссионным. Так, среди ученых не существует единого мнения относительно определения концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ, критериев его отделения от смежных с ним понятийных категорий, например, с одной стороны, от категорий градуальности, количества, качества, меры признака, считающихся объективными, и, с другой стороны, от категорий эмоциональности, экспрессивности, оценочности и др., относящихся к субъективно-прагматическим. По справедливому замечанию В. Н. Егоровой, «при изучении интенсивности на базе любого современного языка исследователи сталкиваются с рядом проблем, самой главной из которых является, пожалуй, проблема разграничения и связи интенсивности со смежными категориями» [Егорова 2009: 224].

Как отмечается, «понятие интенсивность <...> рассматривается учеными на разных языковых уровнях: морфологическом, лексическом, стилистическом. Не вызывает сомнения тот факт, что интенсификация свойственна в тех или иных пределах любой сфере функционирования языка» [Краева 2021: 13].

Мнения ученых сходятся в том, что интенсивность отличает субъективность и прагматический характер. Средства интенсификации в большой степени характеризуют того, кто их использует, они являются отражением личности говорящего, поскольку интенсификация высказывания предполагает субъективное восприятие окружающего мира, а не только объективную констатацию факта. Как отмечает В. В. Безрукова, «категория интенсивности является одним из самых важных средств индивидуализации высказывания, поскольку субъективное значение интенсивности выражается посредством объективно существующей категории интенсивности в языке» [Безрукова 2004: 7]. Данное мнение полностью согласуется с мыслью, высказанной Е. С. Кубряковой, о том, что «значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый ‘концептуализатором’ при рассмотрении ситуации и для выразительного портретирования ее» [Кубрякова и др. 1996: 73].

Что касается вербализации концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ, то категория интенсивности может проявляться на разных языковых уровнях: лексическом (синонимические ряды, наречия), морфологическом (степени сравнения наречий и прилагательных), синтаксическом (восклицательные предложения, инверсия). Причем интенсивность может выражаться не только эксплицитно, но и имплицитно при помощи слов разных частей речи, имеющих в своем значении сему интенсификации (см. [Родионова 2005]).

Исследователями-лексикологами было установлено, что для выражения семантики интенсивности самую значимую роль играет слово, а лексические средства в целом преобладают над другими средствами в системе языка для выражения этого концепта, так как являются наиболее разнообразными, многочисленными и продуктивными.

Ученые выделяют разные формы интенсификации и разные виды интенсификаторов. Одним из наиболее логичных является, на наш взгляд, выделение интенсификации внешней формы и интенсификации содержания. В. В. Безрукова пишет в своем диссертационном исследовании: «Как интенсификация внешней формы, так и интенсификация содержания подразделяются на 1) континуальную (to roar, to hiss, to explode) и 2) дискретную (to be deader, to be ultra-posh). Усиливая содержание, мы выдвигаем на первый план либо 3) качественный (stony denials), либо 4) количественный аспект интенсификации (a thousand pities). Интенсификация качественного содержания, в свою очередь, может быть либо а) предельной (the cleverest, golden opportunity), либо б) непредельной (somewhat smarter). Количественная интенсификация также существует в двух видах: а) точная (a hundred thousand years later, hordes of teen-girls) и приближительная (a lot of Emile Zolas)» [Безрукова 2004: 10].

И. И. Убин к интенсификаторам относит также слова и словосочетания, которые он считает экспрессивными: производные прилагательные и наречия с аффиксами *-less, in-, un-* как в *boundless (desire, ambition), undying (fidelity, hatred)*; и сложные прилагательные, в которых первый элемент служит усилением второму: *death-tired, icy-cold*. К экспрессивному способу выражения интенсивности ученый также относит фразеологические обороты: *like + сущ., as + сущ. (different as chalk and cheese)* [Убин 1974].

Для проводимого нами исследования важна мысль о том, что «все три компонента – интенсифицирующий, эмоциональный и оценочный – совмещаются в значении очень многих интенсифицирующих средств при ведущей роли именно усиления признака» [Родионова 2005: 9]. Авторы работ по проблеме интенсивности отмечали также, что подобное взаимодействие часто встречается в рекламе, публицистических текстах, а также в художественной литературе и разговорной речи.

Результаты нашего исследования автобиографического дискурса свидетельствуют о том, что интенсификация, оценка и эмоциональность характерны и для данного вида дискурса. Полагаем, одна из причин этого заключается в том, что в автобиографиях люди часто эмоционально описывают очень хорошие, радостные события своей жизни или, наоборот, события плохие, печальные или даже трагические.

Приведем несколько примеров из автобиографии «More Myself» (2020) американской певицы, пианистки и автора песен Алиши Киз (Alicia Keys) (интенсификаторы выделены нами – П. С., Г. Б.):

1. *I've spent so many years withholding parts of myself, sacrificing my spirit to make others feel comfortable.* / Я провела столько лет, скрывая часть себя, жертвуя своей душой, чтобы другие чувствовали себя комфортно.

2. *I'm in my dressing room, if you can call it that. It's really a tiny gray space, one that feels as small and colorless as I do on this day.* / Я в своей гримерке, если это можно так назвать. Это действительно крошечное серое пространство, которое кажется таким же маленьким и бесцветным, как и я в этот день.

3. *But beyond my greatest expectations, *The Diary of Alicia Keys exploded.* / Но, превзойдя мои самые большие ожидания, «Дневник Алиши Киз» стал сенсацией.*

4. *And amid the constant moving, the constant packing and unpacking, the constant pleasing and pretending, I'd delivered my grandest performance yet: convincing the world that, behind my smile, all was as perfect as it appeared.* / И среди постоянных переездов, постоянных упаковок и распаковок, постоянного угождения и притворства я сыграла свое самое грандиозное представление на сегодняшний день: убедила мир, что за моей улыбкой все было так же идеально, как казалось.

5. *I try to tell her what words feel inadequate to convey. That I'm beyond burned out. That I've never felt more alone or disconnected from myself. That after years of running, rarely slowing down to breathe and reflect, my body and spirit have come unhinged – disassembled, scattered, lost.* / Я пытаюсь сказать ей то, что, по-моему, невозможно выразить словами. Что я совершенно выгорела. Что я никогда не чувствовала себя более одинокой или оторванной от самой себя. Что после стольких лет гонки, редко замедляющейся для того, чтобы немного отдышаться и поразмыслить, мое тело и душа пришли в расстройство – разобранные, рассеянные, потерянные.

6. *Until the afternoon, beneath a merry-go-round of unforgiving hot lights, when a quarter century of tears and suppression collapses onto your shirt.* / До полудня, под каруселью неумолимо горячих огней, когда четверть века слез и подавленности обрушиваются на твою рубашку.

Литература

Безрукова В. В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

Егорова В. Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6(3). С. 224–226.

Краева И. А. Развитие категории «градуальность» в английском языке: монография. М.: Триумф, 2021.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2005. Вып. 2. С. 300–313.

P. A. Saltanova, G. G. Bondarchuk
(*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

**INTENSITY
IN THE COGNITIVE ASPECT
(based on the English autobiographical discourse)**

The article discusses some aspects of studying the concept INTENSITY and the language category of intensity that verbalizes it. The opinion is expressed that intensity is primarily subjective and pragmatic by nature. Some examples are given from the English autobiographical discourse, where intensity goes together with emotionality and evaluation.

Key words: intensity, cognitive linguistics, expressiveness, subjectivity, pragmatic character, evaluation.

Г. О. Самаркин (*Красноярск, Россия*)
Сибирский федеральный университет
georgiisamarkin@gmail.com

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТЫДА
В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ**

В настоящей работе предпринята попытка охарактеризовать концептуализацию *стыда* в японском языке. Дается описание роли *стыда* в японской лингвокультуре, а также намечаются содержательные элементы мировоззрения японцев, на основе которых происходит формирование и актуализация *стыда*, вследствие чего производится семантический анализ корпуса фразеологических и паремиологических единиц как репрезентантов японского *стыда*.

Ключевые слова: концептуализация, стыд, вина, ути/сото, японский язык.

В антропоцентрической парадигме языкознания вопрос отражения внеязыкового опыта средствами языка играет ключевую роль в понимании того, какова картина мира носителей данного языка. Суть процесса концептуализации некоторого фрагмента жизни индивида заключается в осмыслении массива поступающей информации, в конечном итоге находящей свое воплощение в сознании человека в виде концептов, концептуальной структуры и концептуальной системы [Кубрякова и др. 1996; цит. по: Беседина, Степаненко 2010: 20], что также находит свое воплощение в языковой репрезентации и определяет, в свою очередь, языковую концептуализацию как осмысление окружающей действительности и представление знания о ней в вербализованном виде [Там же].

В языкознании нет однозначного взгляда на *концепт*. Н. Н. Болдырев указывает, что под концептом следует понимать квант знания, выделяемый человеком с целью практического применения – передачи в языковой форме и аккумуляции знаний об окружающем мире [Болдырев 2016: 18]. Н. Д. Арутюнова подчеркивает возникновение и актуализацию *концепта* как эффект от взаимодействия факторов национальной традиции, идеологии, системы ценностей и иных элементов обыденного мировоззрения [Арутюнова 1993: 6]. Т. М. Гуревич же отмечает, что *концепт* – «единица этнокультурного коллективного сознания, являющаяся обобщением значений своих лексических реализаций» [Гуревич 2006: 16]. Формирование представлений об окружающем мире и их трансляция в процессе коммуникации возможны при актуализации концептов, выстраиваемых в некоторую структуру и систему. В данном отношении роль языка заключается в доступе к концептуальной системе, вследствие чего предоставляется возможность анализа системы знаний как индивида, так и некоторой общности. В фокусе настоящего исследования находится концептуализация *стыда* в японском языке, который, намечая ценностный базис, дает стратегию существования в японском лингвокультурном сообществе, тем самым являясь его культурной константой.

Характеристика *стыда* в японской лингвокультуре отражена в двух векторах: западной и собственно японской. Разграничение данных взглядов определяется позицией человека в плоскостной структуре общества: мироощущение западного человека тяготеет к определению своей роли в иерархии, когда в японской культуре он является участником горизонтальных отношений – человека с человеком, в связи с чем на Западе индивид позиционирует себя личностью, а в Японии – звеном в социальных отношениях [Корнилов 1998; цит. по: Шкапа 2004: 169]. Кроме того, *стыд* в японском социуме релятивен, что не только раскрывает ситуативную природу японской нравственности, но и выражает отсутствие в ее рамках универсальных и аб-

солютных конвенций: одни ценности и нормы в определенных ситуативных рамках преобладают, тогда как в иных случаях своей актуализации, наоборот, не играют существенной роли.

Западный взгляд на природу *стыда* в японской культуре консолидируется вокруг работы Рут Бенедикт «Хризантема и меч» (1946 г.), в которой представлена первая попытка исследовать японский национальный характер и, в частности, определить *стыд* как базовый концепт японской культуры. В данном отношении *стыд* – ответная реакция человека на критику [Бенедикт 2016: 262], возникающая в индивиде имманентно как следствие безнравственного с социальной точки зрения поведения. *Стыд* основывается на переживании личной вины и невозможности соблюсти баланс при следовании общественным нормам [Там же]. Принимая это во внимание, Р. Бенедикт разделяет *культуру стыда* и *культуру вины* как независимые понятия в японской картине мира.

В рамках собственно японского взгляда находят отражение концепции Сакута Кэйити, Иноуэ Тадаси, Сугияма Лебра Такиэ, Дои Такэо, Сакуда Кэйити, Хамагути Эсюн, Тиэ Наканэ и др. Основные положения, выдвигаемые данными исследователями, заключаются в вопросах связи *стыда* и *вины* и сводятся к тому, что *стыд* экстраверсен и манифестирует «義務» (/гиму/ «неоплатный/пожизненный долг»), а *вина* интроверсна и отражает «義理» (/гири/ «долг, который возможно вернуть»). Кроме того, при рассмотрении сущности *стыда* также дается дифференциация *публичного* («公恥» /ко: ти/) и *личного* («私恥» /сити/) *стыда* [井上忠司 1977; цит. по: Kent 1992: 104]. Основой для такого разделения является объект, с которым себя сравнивает индивид: в рамках *публичного стыда* им предстает социальная группа, к которой относит себя индивид, а *личного стыда* – собственное идеальное эго.

Вина и *стыд* выполняют функцию регуляторов межличностных отношений [Дои 2021: 57], однако именно *стыд*, вследствие направленности вовне, обладает коммуникативной значимостью. *Стыд* предопределяет характер поведения человека, в том числе, в коммуникативной ситуации и выражается в объективации индивидуальных отрицательных черт и ослаблении собственного эго при дифференциации *своего* («内» /ути/) и *внешнего* («外» /ото/) *круга*. Это, в свою очередь, обеспечивает не только идентификацию социальной роли коммуникантов, но и оценку степени близости к *своему кругу* [Гуревич 2006: 23].

Репрезентация *стыда* в японской лингвокультуре очерчивается нами в двух аспектах – культурно-семиотическом и социально-прагматическом. Культурно-семиотический аспект предполагает транслирование культурных констант сквозь призму фразеологических и паремиологических

единиц. Социально-прагматический аспект позволяет рассмотреть степень актуализации стыда в разворачивающейся коммуникативной ситуации, в отношении которой значительную ролью обладают степени вежливости в японском языке, поскольку в соответствии со статусом и принадлежности к определенному кругу как адресанта, так и адресата актуализируются соответствующий языковой инструментарий [Sugiyama Lebra 1971: 247]. Таким образом, *стыд* в рамках японской лингвокультуры зиждется не только в обыденном сознании, но и предполагает языковую репрезентацию, актуализируемую в коммуникации. В настоящем исследовании мы рассматриваем культурно-семиотический аспект, поскольку именно он является базовым для описания картины мира японцев и дальнейшего смещения фокуса исследования на социально-прагматический аспект.

Принимая во внимание вышеуказанную характеристику, прежде необходимо очертить основные семантические доминанты *стыда*, для чего мы обратились к дефиниционному анализу лексемы «恥» (*хадзу*/ «стыд») и, обработав 10 словарных статей 5 словарей японского языка («スーパ一辞林», «コトバンク», «Weblio国語辞書», «Goo国語辞書», «国語辞典オンライン»), идентифицировали доминантные семы: «面目を失うこと» (/мэнмэ-о усинау кото/ «потеря лица»), «自分の欠点» (/дзibun-но кэттэн/ «собственный изъян»). Результаты проведенного анализа демонстрируют, что в японском мировоззрении *стыд* имеет экстраверсную, социальную (потеря лица) и интроверсную, личностную (собственный изъян) направленность. Далее мы обратились к фразеологическому и паремиологическому фонду японского языка, отобрав и обработав 32 единицы (10 фразеологизмов и 22 паремии), в которых отражены рассмотренные доминантные семы, что, в свою очередь, позволило очертить аспекты концептуализации *стыда*.

Проведя семантический анализ единиц, мы отметили ряд характеристик японского мировосприятия, в рамках которых *стыд* находит свою актуализацию:

1. Социальные конвенции: японская лингвокультура, будучи высококонтекстуальной и коллективистской, заключает в себе значимость соблюдения социальных норм самим же индивидом для сохранения не только достоинства личности, но и устойчивости коллектива, с которым ассоциирует себя индивид («面を汚す» (букв. «Испачкать лицо» – «Очернить»), «恥を知る» (букв. «Знать стыд» – «Постыдиться»), «屋漏に愧じず» (букв. «Не подвергая себя стыду в невидимом углу» – «Вести себя достойно, даже когда никого нет»)).

2. Жизненный уклад: *стыд* в картине мира японцев актуализируется вне временной перспективы, что отражается в индивидуальных границах

жизнедеятельности и, в частности, представлении о «сыновьей почти-тельности» как долга перед предками («恥の上塗り») (букв. «Наслоение позора» – «Испытывать нескончаемый стыд»), «命長ければ辱多し» («Чем дольше жизнь, тем больше стыда»), «聞くは一時の恥、聞かぬは一生の恥» (букв. «Спросить – мимолетный стыд, не спросить – стыд до конца жизни» – «Лучше спросить и смутиться, чем промолчать и никогда не узнать»)).

3. Самобытность: японские социальные конвенции реализуют ограничительную функцию *стыда* в своих же границах, что описывает его непостоянство и нерелевантность при нахождении индивида за пределами своего сообщества («旅の恥は掻き捨て») (букв. «Соскреби стыд путешествия» – «Что произошло в пути – остается позади»)).

4. Честь и достоинство: потеря лица в японской лингвокультуре намечает личностные потери, проецируемые на членов данной социальной группы, вследствие чего индивид стремится загладить вину или совершить реванш, чтобы не только реабилитировать себя, но и, переживая катарсис, загладить вину перед *своим кругом*. Кроме того, в данном ключе имеет важность историческая референция, как, например, к древнему Китаю, а именно к лицу Юэ-вана Гоуцзяня – образу непреклонного человека, подвергавшего себя лишениям, чтобы совершить месть и вернуть честь своей страны («臥薪嘗胆») (букв. «Лежать на хворосте и пробовать на вкус желчь» – «Испытание лишений для возвращения утраченного»), «会稽之恥») (букв. «Позор горы Куайцзи» – «Сводить счеты»), «石淋の味を嘗めて会稽の恥を雪ぐ») (букв. «Испытав на вкус почечные камни, смыть позор горы Куайцзи» – «Сводить старые счеты»)).

Кроме того, *стыд* имеет физиологические характеристики:

1. Анатомическая локализация: лицо как репрезентативная часть тела («厚顔無恥») (букв. «Дерзкое лицо и отсутствие стыда» – «Бесстыдство»), «面に泥を塗る») (букв. «Измазать лицо грязью» – «Очернить честь»)).

2. Цвет: теплый цветовой спектр, соотносимый с природной метафорой, как внешняя проекция *стыда* («顔に紅葉を散らす縄目の恥») (букв. «Позор пойманного с рассыпанными по лицу листьями клена» – «Сгорать со стыда»)).

3. Температура: отрицательные показатели, свидетельствующие о крайнем дискомфорте, проецируемом на внутреннее ощущение *стыда* («冷汗三斗») (букв. «Холодный пот объемом 3 то» – «Сгорать со стыда»)).

Таким образом, в культурно-семиотическом аспекте демонстрируется, что *стыд* в японской картине мира является регулятором социальных отношений, определяющих жизнь индивида как носителя конвенций и быта. За пределами своей лингвокультуры японец высвобождается из конвенци-

ональных рамок, предписывающих ему стратегию межличностного взаимодействия в его родном социуме. Кроме того, *стыд* распространяется как во временной перспективе, аккумулируясь на протяжении всей жизни, так и в рамках *своего круга*, в котором проступок оставляет отпечаток на индивиду, его чести и достоинстве.

Литература

Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1993. С. 3–6.

Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. СПб.: Наука, 2016.

Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: сб. науч. тр. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.

Беседина Н. А., Степаненко С. Н. Концептуализация количества в современном английском языке / Проблемы концептуализации и категоризации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4 (025). С. 20–29.

Гуревич Т. М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2006.

Дои Т. Структура амаэ. Фундаментальный анализ японского характера. М.: Серебряные нити, 2021.

Шкана Н. В. Стыд и вина в японской культуре // Вестник ЧГУ. 2004. № 1. С. 169–173.

Kent P. Shame as a Social Sanction in Japan: Shameful Behaviour as Perceived by the Voting Public // Japan Review. 1992. Vol. 3. P. 97–130.

Sugiyama Lebra T. The Social Mechanism of Guilt and Shame // Anthropological Quarterly. 1971. Vol. 44. P. 241–255.

G. O. Samarkin (*Krasnoyarsk, Russia*)
Siberian Federal University

CONCEPTUALIZATION OF SHAME IN JAPANESE

The paper is devoted to characterizing how *shame* is conceptualized in the Japanese language. Here, the role of *shame* in terms of the Japanese linguaculture is described, and the features taking part in forming and actualizing *shame* as an element of the worldview are outlined. The main characteristics of the conceptualization are given on the basis of the semantic analysis of phrasemes and plemias which are objected as the units representing the Japanese *shame*.

Key words: conceptualization, shame, guilt, *uchi/soto*, the Japanese language.

Т. В. Сивова (Гродно, Беларусь)
Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы
sitavi@tut.by

**ЦВЕТ ШИПОВНИКА
В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ОТ СТЕРЕОТИПНОГО ЦВЕТА
К ПРОДАЮЩЕМУ ЦВЕТУ
НЕОНОВЫЙ ЗЕЛЕНый ШИПОВНИК**

Представлены результаты исследования, посвященного описанию фрагмента цветовой концептосферы русского языка. На материале текстов различных дискурсов установлен количественно-качественный состав терминов цвета, значимых в дескрипции шиповника; выявлены доминанты цвета и уникальные цветохарактеристики; описан функциональный потенциал дескрипций; выявлена активность тенденции продуцирования терминов цвета на основе цветowych описаний шиповника.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, концепт, концептосфера, языковая картина мира.

Культурологический, аксиологический, символичный потенциал номинаций шиповника (Т. А. Агапкина, С. Г. Горбовская и др.) обуславливает исследовательский интерес к его колористическому потенциалу, к месту и роли колористических дескрипций растения в цветовой концептосфере русского языка (В. Г. Кульпина) и диктует необходимость носящего полидискурсивный характер исследования, задачами которого являются определение количественного и качественного состава терминов цвета, значимых в колористической визуализации шиповника; выявление как доминант цвета, репрезентирующих стереотип цветового представления о растении, так и спектра уникальных индивидуально-авторских определений; описание функционального потенциала колористических дескрипций шиповника, специфики их функционирования в текстах различных дискурсов (лексикографическом, ассоциативном, художественном, рекламном).

Цвет шиповника. Лексикографический дискурс. Колористическая характеристика растения в словарях фиксируется непоследовательно. Цвет как дифференцирующий признак отражен в «РСС»: *шиповник* ‘дикая или садовая кустарниковая роза с немахровыми цветками и удлинёнными желто-красными съедобными плодами’ [РСС 2002]; в «БТС» актуализируется лишь в иллюстративной зоне: *Белый, розовый шиповник* [БТС 2000: 1497].

Цвет шиповника. Ассоциативный дискурс. Результаты проведенного нами в 2021 г. НАЭ (611 респ., студенты ГрГУ им. Янки Купалы; 4 фак.; гендер:

297 (м), 314 (ж); возраст: 17–20 лет), в ходе которого респондентам было предложено привести цветовую реакцию на стимул-фитоним шиповник, позволяя выявить актуальное цветовое представление о растении в языковом сознании носителей русского языка. Результаты НАЭ: всего реакций на стимул «шиповник» 471, различных реакций 33, единичных 16, отказов 140. Ср.: **красный** 263: 151 (ж), 112 (м); зеленый 82: 39 (ж), 43 (м); розовый 32: 25 (ж), 7 (м); оранжевый 25: 17 (ж), 8 (м); бордовый 11: 7 (ж), 4 (м); коричневый 8: 4 (ж), 4 (м); фиолетовый 7: 5 (ж), 2 (м); черный 4: 2 (ж), 2 (м); алый 3: 3 (ж); желтый 3: 3 (м); красный, зеленый 3: 1 (ж), 2 (м); светло-зеленый 3: 3 (ж); темно-красный 3: 3 (ж); салатový 2: 1 (ж), 1 (м); светло-красный 2: 1 (ж), 1 (м); синий 2: 1 (ж), 1 (м); ярко-розовый 2: 2 (ж); багряный 1: 1 (м); белый 1: 1 (ж); желто-прозрачный 1: 1 (м); зялёна-карычневы 1: 1 (ж); красно-оранжевый 1: 1 (ж); красный, бордовый 1: 1 (м); красный, желтый 1: 1 (м); красный, зеленый, розовый 1: 1 (ж); оранжево-красный 1: 1 (ж); розово-зеленый 1: 1 (ж); розово-оранжевый 1: 1 (ж); темно-коричневый 1: 1 (м); темно-синий 1: 1 (ж); темно-темно-красный 1: 1 (м); темный 1: 1 (м); фиолетово-розовый 1: 1 (ж); нет ответа 140: 40 (ж), 100 (м). Ср. с «РАС»: **красный** 4, белый дикий 1, цвет 1 [РАС 2002: 732]. Таким образом, спектр терминов цвета, значимых в визуализации шиповника, состоит из 14 единиц; доминантой является *красный*, репрезентирующий колористический стереотип восприятия растения; спектр включает около 20 уникальных (единичных) цветоопределений растения, среди которых *багряный*, *белый* и др.; а также демонстрирующие стремление респондентов точно передать цветовое впечатление 1) композиты различной модификации: *красно-оранжевый*; *светло-зеленый*; *ярко-розовый*; *желто-прозрачный*; *темно-темно-красный*; 2) двух- и трехкомпонентные цепочки цвета, некоторые последовательности терминов цвета: а) *красный*, *бордовый*; *красный*, *желтый*; некоторые из которых носят устойчивый характер: *красный*, *зеленый*; б) *красный*, *зеленый*, *розовый*; 3) лексем со зн. ‘по цвету близкий к черному, очень густой по окраске’: *темный*.

Цвет шиповника. Авторский дискурс. Обращение к прозе признанных классиков литературы позволяет выявить опосредованное культурным влиянием и уровнем профессионального мастерства писателя цветовое представление о шиповнике. Так, выявленный в прозе К. Г. Паустовского (Собрание сочинений в 9 т.) цветовой спектр, используемый в описаниях шиповника, включает 5 терминов цвета (в порядке убывания): *оранжевый*; *алый*, *белый*, *огненный*, *пурпурный*; расширение происходит за счет лексем со зн. ‘свет’ (*пламя*, *пылать*, *свечение*); со зн. ‘становиться зрелым’, ‘быть в цвету’; с имплицитным цветом (*нарядный*, *праздничный*). Функциональный потенциал, актуализируемый дескрипциями растения, помимо онтологической функции: *мимо озера, заросшего шиповником, нарвал оранжевых ягод* [Паустовский

1982а: 157], включает изобразительно-выразительную, эксплицирующую закономерную связь цвета и света: *лежали, пылая, огромные лепестки шиповника, покрытые, как бисером, крупной росой* [Паустовский 1982в: 320]; динамику цветовых изменений, обусловленную влиянием внешних факторов: *к полудню иней таял. <...> белые, будто засахаренные ягоды шиповника превращались в оранжевые* [Паустовский 1983а: 236]. Хронотопическая функция дескрипций обнаруживается в создании темпорального и пространственного измерения текста: *К осени берега Канавы покрываются пурпурными пятнами, но не от осенней листвы, а от обилия очень крупных ягод шиповника* [Паустовский 1982а: 622]; *видеть по ночам свечение шиповника, похожее на мерцание белой ночи* [Паустовский 1983б: 440]. В некоторых случаях в целях повышения экспрессии актуализируется лишь образная составляющая (имплицитный цвет): *Шиповник стоял, повернувшись большими цветами к солнцу, нарядный, совершенно праздничный* [Паустовский 1983а: 446]. Изложенное свидетельствует об изобразительно-выразительном потенциале колористических дескрипций растения и обуславливает наше обращение к НКРЯ.

Цвет шиповника. Национальный корпус русского языка [НКРЯ] фиксирует более 20 терминов цвета, значимых в визуализации растения: **розовый** 34 (*бело-розовый, бледно-розовый, зарозоветь, розовый, розово-желтый*); красный 26 (*краснеть, красноветвистый, краснота, красный, красно-бурый, кроваво-красный, ярко-красный*); алый 20 (*алеть, алый, ярко-алый*); желтый 11 (*желтеть, желтобокий, желтый, нежно-желтый, розово-желтый*); белый 8 (*белый*); пурпурный 4 (*пурпур, пурпурный, ярко-пурпуровый*); зеленый 3 (*зеленеть, зеленый*); бурый 2 (*буреть, красно-бурый*); кровавый 2 (*кровавый, кроваво-красный*); лиловый 2 (*лиловый, темно-лиловый*); рубиновый 2 (*рубиновый*); черный 2 (*чернеть, черный*); багряный 1 (*багряный*); золотой 1 (*золотой*); коричневый 1 (*ржаво-коричневый*); оранжевый 1 (*оранжевый*); пунцовый 1 (*пунцовый*); рдяный 1 (*рдяный*); ржавый 1 (*ржаво-коричневый*); рыжий 1 (*рыжий*); фиолетовый 1 (*фиолетовый*). Спектр расширяется лексемами со зн. ‘быть в цвету’ 53 (чаще для темпоральной соотнесенности): *в начале лета, когда вовсю цвел шиповник* (Дмитриев, 1995); б) со зн. ‘свет’, ‘тьма’: *шиповник горел алыми цветами* (Гранин, 1962); в) со зн. интенсивности окраски, вплоть до ее утраты; г) со зн. многоцветности; д) авторскими описаниями, созданными в результате пересечения флористического кода с кулинарным: *ягоды, слегка удлиненные, напоминали клешни вареных раков* (Палей, 2008); с соматическим: *розовыми, телесно-девчоночьими, лупоглазыми цветами пялится шиповник* (Астафьев, 1999); *сорвет с моих щек густоцвет шиповника* (Шишков, 1928). Функционал дескрипций реализуется в конструировании 1) пространственного измерения текста: помимо

собственно флористического, а) пространства фауны: *червячков, более красных, чем ягоды лесного шиповника* (Фраерман, 1935); б) воздушного: *облака, <...> яркие, розовые, как цветы шиповника, с густой багровой подкладкой* (Александрова, 2010); в) соматического: *глядел куст шиповника и колюче смеялся красными губами веток* (Сергеев-Ценский, 1906); *бледно-розовое, как лепестки шиповника, лицо* (Никандров, 1920); г) вестигального: *темляки их шашек украшены бантами, алевшими, словно цветы шиповника* (Алдан-Семенов, 1966); д) «вещного мира»: *желтели крупные плоды, похожие на елочные шарики* (Лавряшина, 2011); 2) темпорального измерения: *ягоды к осени буреют* (Ткаченко, 1975), т. е. цветового хронотопа [Сивова 2018].

Выявленный в ПК НКРЯ спектр, значимый в визуализации шиповника, включает 14 терминов цвета: **алый** 15 (*аленький, алень, алый, заалеть*); красный 7 (*закатно-красный, закраснеться, красный, покраснеть*); белый 3 (*белоснежный, белый*); багряный 2 (*багрянец, багряный*); кровавый 2 (*кровавый, кровь*); пурпурный 2 (*пурпурный*); розовый 2 (*розовый*); румяный 2 (*румянец, румянить*); зеленый 1 (*зеленый*); малиновый 1 (*малиновый*); огненный 1 (*буйно-огненный*); оранжевый 1 (*оранжевый*); палевый 1 (*палевый*); рдяный 1 (*зардеться*); расширяется лексемами со зн. ‘быть в цвету’ 16; со зн. ‘свет’ 5. Контексты проявляют специфику поэтического текста, актуализируя изобразительно-выразительные возможности языка: *Шиповник цветом белоснежным, То цветом крови иль зари* (Иванов, 1910); *вырос шиповник / и стены покрыл, как антонов огонь* (Ушаков, 1973).Descriptions растения обнаруживают потенциал в создании терминов цвета: *Густой шиповник на щеках* (Клюев, 1933); *Шиповником обветрен за кирками закат* (Ушаков, 1927).

При совмещении реестров терминов цвета, значимых в визуализации шиповника (словари № 1; НАЭ № 2; проза Паустовского № 3; НКРЯ № 4; ПК НКРЯ № 5), обнаруживается выявляющая приоритетные цвета область их пересечения в точках цвета а) *белый* № 1–5; б) *алый, оранжевый* № 2–5; *розовый* № 1, 2, 4, 5; в) *багряный, зеленый, красный* № 2, 4, 5; *пурпурный*, лексемы со зн. ‘быть в цвету’ № 3–5; г) *желтый, фиолетовый, черный* № 2, 4; *кровавый, рдяный* № 4, 5; *огненный* № 3, 5. Особый интерес представляют единичные цветообозначения, демонстрирующие уникальность языковой картины мира носителя языка: *золотой, пунцовый* (НКРЯ), *малиновый, палевый* (ПК НКРЯ). Ср. в рекламном тексте: *малиновый шиповник, серьги классические* (in.pinterest.com).

Цвет шиповника. Рекламный дискурс (avito.ru; ozon.ru) в силу специфики (при актуализации рационального или эмоционального аргументирования) демонстрирует креативные возможности как носителей обыденного сознания, так и профессиональных копирайтеров: колористические

описания шиповника становятся основой для создания терминов цвета, пополняя списочный состав лексикографически закрепленных единиц, что значимо для создания полной версии описания цветовой концептосферы языка. Цветообозначения коррелируют с номинациями товаров, принадлежащих широкому спектру категорий (парфюмерно-косметические товары, текстильные, галантерейные, хозяйственные, строительные, канцелярские принадлежности). Распространенность получает термин цвета *шиповник*, *цвет шиповника* (около 20), что свидетельствует, вероятно, о стереотипности цветового впечатления: *пряжа Семеновская, Шиповник; платье праздничное летнее Lost Ink, цвет шиповника*; с другой стороны, спорадически фиксируются случаи, иллюстрирующие вариативность толкования цвета: *помада Elena, Шиповник, тон 092; цвет темно-розовый; гель-лак № 105 Цвет шиповника; цвет сливовый*. Ср. с *шиповник* (зн. не раскрывается) [Цвет 2005: 205]; *шиповник* ‘красновато-оранжевый, цвета ягод шиповника’ [Харченко 2009: 510]. В корреляции с др. терминами цвета, с лекс. со зн. ‘свет’, с имплицитным цветом образуются «продающие» цветообозначения: *гель-лак Lovely № 207, оттенок неонового зеленого шиповника; помада Alvin D’or, № 24 Серебристый шиповник с эффектом перламутра; «Румяный шиповник», помада и карандаш; платье Lost Ink, цвет яркого шиповника (розовый); помада № 217 “WET & WILD”, Дикий шиповник (розовый)* (см. РАС); в некоторых случаях отражающие стереотип цвета: *юбка на плотной резинке. Розовая, как цветущий шиповник*; сопровождающиеся оценочностью: *помада, 01 Чарующе-розовый шиповник майский Dr. Hauschka; блузка женская, цвет шиповника, ну очень красивая* и др.

Выявленный спектр цветообозначений (60 единиц), его доминанты и уникальные члены, сферы функционирования дескрипций, их изобразительно-выразительный потенциал свидетельствуют о значимости колористических дескрипций шиповника в моделировании пространственного и темпорального измерения текста, в отражении среза массового и индивидуального языкового сознания, в продуцировании терминов цвета.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.01.2021).

Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 2. 1981б. Т. 3. 1982а. Т. 5. 1982в. Т. 6. 1983а. Т. 7. 1983б.

РАС – Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002.

Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2018.

Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2009.

Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2005.

T. V. Sivova (Grodno, Belarus)

Yanka Kupala State University of Grodno

**ROSEHIP COLOR
IN THE RUSSIAN COLOR CONCEPTOSPHERE:
FROM STEREOTYPICAL COLOR
TO SELLING COLOR *NEON GREEN ROSEHIP***

The article presents the results of a polydiscursive research devoted to the description of the floral space of the Russian colour conceptosphere. Based on the texts of lexicographic, associative, artistic and advertising discourses, the quantitative and qualitative composition of colour terms significant in rosehip descriptions was determined; colour dominants and unique colour characteristics were identified; functional potential of descriptions was described; active tendency of colour terms production based on rosehip colour descriptions was revealed.

Key words: linguistics of colour, term of colour, phytonym, concept, conceptosphere, language picture of the world.

T. A. Сироткина (Сургут, Россия)

*Сургутский государственный
педагогический университет
sirotkina71@mail.ru*

**КОНЦЕПТ *ЮГРА* В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА**

В статье на региональном языковом материале рассматриваются основные концептуальные области концепта *ЮГРА*, являющегося одним из базовых концептов языковой картины мира жителей региона.

Ключевые слова: концепт, Югра, языковая картина мира, ономастика, ассоциативный эксперимент.

Выделяя основные направления современной лингвистики, учёные-лингвисты на одно из важных мест ставят региональные ономастические исследования. Лингвокультурную значимость, безусловно, имеют региональные ономастические концепты, сформировавшиеся под влиянием исторических и культурных процессов и отражающие ментальность жителей региона. Одним из таких концептов является концепт ЮГРА.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведённого в группе студентов СурГПУ, свидетельствуют о том, что концепт ЮГРА в языковом сознании жителей региона состоит из множества концептуальных областей. На стимул «Югра» были даны реакции, репрезентирующие следующие концептуальные области:

- «природа» (леса, болота, тайга, Обь);
- природные ресурсы» (газ, нефть, чёрное золото);
- «флора» (мох, брусника, ягоды, грибы);
- «фауна» (белки, олени, медведь, рысь, заяц, лиса);
- «коренные жители» (ханты, манси);
- «промыслы» (рыболовство, охота);
- «промышленность» («Сургутнефтегаз», «Роснефть»);
- «руководство» (губернатор, Комарова);
- «условия жизни» (зима, холод, снег, короткое лето, холод собачий, нехватка кислорода, мало света);
- «качество жизни» (заработки, высокая зарплата, льготы).

Самыми частотными реакциями на предложенный стимул оказались лексемы *нефть, олени, болото, газ, ханты, рыба, Комарова*.

Как мы видим, в языковом сознании современных жителей региона ведущей является концептуальная установка «Югра – регион, комфортный для проживания, поскольку здесь красивая природа, богатые природные ресурсы, хорошие условия для жизни людей». Однако такая установка сложилась лишь в конце XX века, в период активного освоения территории.

В языковой картине мира жителей России, например, XIX века преобладала концептуальная установка «Югра – место, практически не пригодное для жизни», связанная с малоосвоенностью данного пространства, служившего к тому же местом ссылки.

Один из сургутских политических ссыльных XIX века Сергей Трофимович Швецов даёт следующую характеристику месту своей политической ссылки: *«Дик и неприветен Сургутский край. Все в нем сурово, печально, угрюмо, хотя грандиозно и величественно: суров климат, угрюма и таинственна молчаливая тайга, неприветны необозримые пространства вод. Холодом и унынием веет от этого далекого края, но этот холод не холод могилы – повсюду заметны проявления жизни, дикая могучая природа заклю-*

чает в себе неисчерпаемые богатства, только, как бы нарочно, для лучшего сохранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые, неприступные формы» [Тобольский 1998: 37]. А вот как описывает югорскую зиму наш современник Сергей Луцкий в своей миниатюре «Минус пятьдесят»: «Мороз под пятьдесят. Тихо так, что слышен злой визг снега под ногами на другом конце деревни. И то лишь изредка. В такую стужу люди сидят по домам, топят печки, а на улицу выходят при крайней необходимости. Горизонт затянут мутной пеленой, которая бывает только в большие морозы».

Одной из главных ценностей, отраженных в языковой картине мира жителей региона, являются *быт и традиции коренных народов*. Лингвистический анализ региональных текстов, например, художественных сравнений, функционирующих в них, позволяет читателю, не принадлежащему этносу, в культуре которого был создан художественный текст, многое узнать об этнической культуре именно благодаря национально обусловленным сравнениям. Так, например, стихотворение Марии Вагатовой «Мужчина проехал» начинается следующим образом:

Жизнь – дорога через тундру./ Хорошо бегут олени!/ А возница сам походит/ На оленя-вожака./ И несется вдаль упряжка/ Вдоль урманов и селений,/ И сидение на нарте/ Сплетено из ивняка./ Бьют бубенчики изриво,/ Каждый шаг навстречу звоном.../ И, как мох, черны возницы/ И усы, и борода.../ Мчит упряжка через годы./ После долгих перегонов,/ Словно снежный ком на ели,/ Станет голова седа...

В данном стихотворении хантыйской поэтессы общекультурное сравнение «жизни – дорога» оказывается окрашенным особым, национально обусловленным, взглядом на мир и человека.

Национально специфичные сравнения представлены и в прозе известного хантыйского писателя Еремея Даниловича Айпина, например, в его новом романе в «В поисках первоземли»: «На первом курсе он ходил вокруг нее, как охотник в первоснежье ходит тропить зайца»; «И он еще крепче обнял ее упругое, похожее на царственную нельму, тело».

Тесно связана с предыдущей концептуальной областью концептуальная область «быт и традиции русского этноса». Анализ, например, промысловой лексики дает интересную информацию об особенностях местной охоты и рыбалки. Так, например, используются жителями региона ловушки на зверя и птицу, приспособления для зимней и летней рыбалки: «Из конских волос делат **плёнки**, куропаток ловить, **кулёмки** на белку, на куницу, на соболя, **майна** – лунка для подводного лова» [Русское слово 2017: 55]; «На **манчики** утки сразу прилетят» [Русское слово 2017: 61]; «Лед из лунки черпали **зюзьгой**. Зюзьгу еще зовут **сак**» [Русское слово 2017: 36]; «**Морды** делали

из дерева или из рек... *Морда – это то же самое, что и фитиль, только плетется из тонких прутиков*» [Русское слово 2017: 63].

Средством передвижения по большим и малым северным рекам служили и до сих пор служат самые различные лодки. Используя в речи лексемы, называющие лодки, носители языка отмечают взаимосвязь национальных традиций в изготовлении одного и того же предмета («*Бударка – деревянная лодочка, как долблёночка хантыйская*» [Русское слово 2017: 24], описывают материал, из которого они изготавливались («*Долблёнка-осиновка – из осины*» [Русское слово 2017: 35]), а также способ изготовления и особенности передвижения на них («*Калданка – маленькая лодочка. Она не сколачивается из досок, а выдалбливается. Одно весло, на ней нужен навык серьезный, а то махом с нее...*» [Русское слово 2017: 48].

Наряду с рыболовством и охотой, местные жители всегда занимались собирательством. Собранные ягоды и цветы служат и для употребления в пищу, и для лечения: «*Голубица – ягода такая лесная, но больше всего по краям болот*» [Русское слово 2017: 32], «*Дочку девесилом пою – простыла. Лечебная трава от кашля*» [Русское слово 2017: 35].

Еще одной ценностью регионального культурного пространства являются природные богатства, в частности, нефть. Так, например, концепт ДОБЫЧА НЕФТИ находит отражение в ономастическом пространстве региона. В разных городах Югры есть улицы Буровиков, Нефтяников, Геологическая, Геологов, Геодезистов, Геофизиков). Вписаны в региональный ономастикон имена нефтяников Бахилова, Губкина, Мелик-Карамова и другие.

Сургутский поэт Ленид Гайкевич пишет:

Я всегда уважал честный труд./ Ничего в нем зазорного./ Я приехал работать в Сургут/ Ради золота черного (стихотворение «Черное золото») [Сквозь время 2022: 40].

Поэт Василий Коненков продолжает:

Наш родной и любимый Сургут,/ Можешь дальше ты нами гордиться,/ Тебя батькой, кормильцем зовут,/ А еще нефтяною столицей (стихотворение «Песнь о Сургуте») [Сквозь время 2022: 67].

Одним из важных концептов, образующих региональную концептосферу Севера Западной Сибири, является концепт РЫБА. Считать его не просто одной из составляющих концептов ЕДА или ФАУНА, а отдельной когнитивной единицей, имеющей в языке многочисленные репрезентанты (осетр, нельма, муксун и т. д.) и вызывающей целые ряды ассоциаций, позволяют фрагменты мемуарных текстов, отражающих значимость данного концепта для региональной картины мира: «*Главную пищу сургутян составляла рыба: окуни, караси, язи, леци и т. д. Дорогие сорта рыбы (осетр, нельма, муксун и т. п.) добывались только промышленниками на арендуемых у остяков так назы-*

ваемых песках. На зиму запас рыбы заготавливался каждым в желательном для него количестве летом при спаде вод. Для этого загораживали стоки воды из разных балок в реку и тут выбирали рыбу, стремящуюся в реку, руками. Рыба тут же кое-как чистилась и солилась в бочках» [Тюменский 1998: 60].

Еще один особо значимый в лингвокультурном плане региональный концепт – ЛЕС. Его фреймовая структура отражает следующие представления о лесе:

– громадная часть рассматриваемой территории: «Южная часть округа покрыта лесами. Как ни громадны и ни величественны эти леса (правильнее сказать, лес, так как он тянется сплошной полосой с запада на восток, нигде не прерываемый), но они не отличаются разнообразием древесных пород. Из лиственных, насколько известно, встречается лишь береза, да и та хорошо растет в более южных частях округа – южнее течения Оби; из хвойных же повсеместно распространены кедр, лиственница, местами пихта, преобладающими же породами являются сосна и ель» [Тюменский 1998: 36].

Одним из фреймов данного концепта является фрейм ОБИТАТЕЛИ ЛЕМА, репрезентируемый множеством составляющих его лексических единиц: «В сургутской тайге водятся лисица, соболь, росомеха, бобр (последние годы, впрочем, редко встречается), песец, рысь, медведь, волк, бурундук, белка, горностай, сохатый, дикий олень и пр.; из птиц здесь в изобилии найдется рябчиков, куропаток, различные породы тетеревов, лебедей, гусей, гаг, уток, журавлей и т. д.; из крупных дорогих пород рыбы назовем осетра, нельму, сырка, стерлядь, тальмень и др. Все это в чудовищных размерах населяет тайгу, ее болота, озера, реки и служит приманкой для человека» [Тюменский 1998: 37].

Таким образом, концепт ЮГРА, являясь базовым концептом языковой картины мира жителей региона, включает такие основные концептуальные области, как «природа», «природные ресурсы», «флора», «фауна», «коренные жители» и некоторые другие. Концептуальная установка «регион, непригодный для проживания», бытующая в сознании жителей России XIX века сменяется к концу XX века концептуальной установкой «богатый регион, комфортный для проживания».

Литература

Русское слово на земле Югорской: опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского междуречья. Тюмень, 2017.

Сквозь время. Литературное объединение «Северный огонек». Сургут: «Издательские решения», 2022.

Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998.

T. A. Sirotkina (*Surgut, Russia*)
Surgut State Pedagogical University

THE CONCEPT *YUGRA* IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF REGION RESIDENTS

Based on the regional linguistic material, the article examines the main conceptual areas of the concept UGRA, which is one of the basic concepts of the language picture of the world of the inhabitants of the region.

Key words: concept, Ugra, language picture of the world, onomastics, associative experiment.

A. С. Ситькова (*Пермь, Россия*)
*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*
sitkovaana@yandex.ru

ОЦЕНКА КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается понятие оценки с позиции когнитивной лингвистики, анализируется оценочный характер человеческого познания. Материалом исследования послужила декларация ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности (ВУЦ) заповедного района Те-Вахипунаму, доказательство уникальности которого репрезентировано посредством развернутой системы эпитетов.

Ключевые слова: оценка, когнитивный подход, человеческое познание, ценность, всемирное наследие, выдающаяся универсальная ценность.

Оценка – это деятельность человека, связанная с познанием ценности. Человеку в процессе жизнедеятельности свойственно не только осознавать свойства и особенности окружающих его предметов, но и оценивать их с определенных позиций, выявляя при этом как положительные, так и отрицательные их стороны. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «оценка задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства», а также относит оценку к числу собственно человеческих категорий [Арутюнова 1988: 5]. Кроме того, для того чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека [Арутюнова 1998: 181].

А. А. Ивин рассматривает оценку как высказывание о ценностях, при этом под ценностью понимает всякий предмет любого интереса, желания, стремления и т. п. По его мнению, оценка представляет собой такое определение объекта, при котором выявляется его положительное или отрицательное значение для субъекта [Ивин 1970: 12]. Важнейшей особенностью оценки является присутствие в ней субъективного фактора, взаимодействующего с объективным. Это значит, что оценочное высказывание всегда подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом, даже при условии, если субъект оценки в нем выражен не прямо. Е. М. Вольф отмечает, что «присутствие оценочного субъекта предполагает некоторые особые свойства оценочного рассуждения и в первую очередь возможность спора об оценках, при котором сталкиваются разные мнения» [Вольф 2002: 22]. В целом оценочная деятельность представляет собой сложное явление, которое не только отражает отношение автора к тому или иному фрагменту мысли, но и пронизывает всю ткань текста. Оценка, в свою очередь, связана не только с интеллектуальной или чувственной характеристикой объекта со стороны его позитивности, негативности или нейтральности, но прежде всего с когнитивным актом познания, с пониманием, поскольку оценить какой-либо предмет – значит, познать и познать его сущность [Данилевская 2009: 21]. Оценка является одним из самых антропоцентричных явлений, поскольку реализуется сознанием субъекта при восприятии и обработке информации о внешнем мире и соотносится с внутренним миром человека, отражая картину мира. Существование в языке категории оценки неразрывно связано с представлением человека о ценности. Ценности способствуют целостному и благополучному существованию человека и мира в целом, упорядочивают нашу действительность и обеспечивают ее осмысление, а также определяют и демонстрируют отношение человека к миру и всем происходящим в нем событиям, включая в себя цели, стремления, убеждения, воззрения, потребности, интересы и представления о смысле жизни. Оценивание мира происходит посредством соотнесения ситуации с принятыми в конкретном обществе нормами.

Рассматривая соотношение понятий «ценность» и «оценка», М. С. Каган отмечает, что «ценность есть значение объекта для субъекта – благо, добро, красота и т. п., а оценка есть эмоционально-интеллектуальное выявление этого значения субъектом – переживание блага, приговор совести, суждение вкуса и т. д.» [Каган 1997: 67]. Исходя из этого, можно сказать, что языковая оценка представляет собой вербализацию воспринятой посредством разума или эмоций ценности чего-либо.

Исследуемый текст представляет собой один из основных документов ЮНЕСКО, прокламирующих выдающуюся универсальную ценность объ-

ектов всемирного наследия, в частности, района на юго-западном побережье Южного острова Новой Зеландии, крупнейшего в стране. Данная заповедная зона, одна из немногих в мире, принадлежит к смешанному типу объектов ЮНЕСКО, т. е. представляет собой как культурное, так и природное достояние человечества.

Рассмотрим языковые способы репрезентации оценки в исследуемом документе, а также проанализируем их роль в реализации интенциональных установок текста. Декларации ЮНЕСКО «Te Wahipounamu – South West New Zealand» свойственна высокая частотность оценочной лексики, что, в свою очередь, способствует доказательству выдающейся универсальной ценности данного объекта.

Посредством использования форм превосходной степени прилагательных репрезентируется доказательство ценности природных особенностей района Те-Вахипоунаму. Например, сообщается, что уникальный ландшафт района способствует укреплению репутации Новой Зеландии в качестве значимого природного объекта на международной арене (“Te Wāhipounamu – South West New Zealand contains many of the natural features which contribute to New Zealand’s international reputation for superlative landscapes: its **highest** mountains, **longest** glaciers, **tallest** forests, **wildest** rivers and gorges, **most rugged** coastlines and **deepest** fiords and lakes, as well as the remnant of an extinct volcano in Solander Island”).

Развернутую репрезентацию посредством использования оценочной лексики в декларации получает тезис о мировой ценности и исключительной живописности ландшафта (“From the vast wilderness of Fiordland in the south to the spectacular upthrust of the Southern Alps in the north, the landscapes are world class for the sheer excellence of their scenic beauty”).

Использование развернутой системы эпитетов формирует в сознании реципиента необходимую систему ценностей, способствует осознанности и пониманию необходимости бережного отношения к окружающему миру, а также создает определенный ориентир поведения человека, направленный на сохранение уникального района Новой Зеландии (“spectacular landforms”, “unique biota”, “pristine state”, “exceptional and outstanding natural characteristics”, “outstanding examples of plant succession after glaciation”, “outstanding example of the impact of the Pleistocene epoch of earth history”, “the most important events in the earth’s evolutionary history”, “significant piedmont surfaces in the north-west glaciation”, “the impressive diversity of alpine ecosystems”, “dominant landscape feature”, “spectacular moraines”, “property is of global significance”, “unmatched in their composition, extent and intactness by any such forests anywhere in the world”).

Кроме того, активное использование оценочной лексики способствует доказательству существенной роли района в поддержании популяций редких видов животных, таких как нелетающая редкая птица Такахе; подвид Южного киви; редчайший вид птицы киви – рови; маленькая насекомоядная птица – желтоголовая мохуа; желтолобый прыгающий попугай; вид уток – бурый или новозеландский чирок (“The property contains the entire wild population of the rare and endangered takahē (*Notornis mantelli*), the entire population of the South Island subspecies of brown kiwi (*Apteryx australis*), New Zealand’s rarest Kiwi, the rowi (*Apteryx rowi*), the only significant remaining populations of the seriously declining mohua/yellowhead (*Mohoua ochrocephala*), the only large populations remaining of kākā and kākāriki/yellow-crowned parakeet, the only remaining population of pateke/Fiordland brown teal in the South Island”).

Таким образом, оценка явлений действительности бесспорно является неотъемлемой частью жизни и важнейшей составляющей когнитивной деятельности человека. Система ценностей восходит к представлению о хорошем и нормативном, формируя ориентир поведения человека, а также его жизненные и практические установки. Развернутая система оценочных эпитетов не только способствует доказательству ВУЦ юго-западной окраины Те-Вахипоунаму новозеландского острова Южный, но и формированию у реципиента чувства ответственности и осознанности в отношении важности сохранения мирового наследия ввиду его неизмеримой ценности.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 175–181.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Данилевская Н. В.* Научный текст как динамика оценочных действий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 2. С. 20–28.
- Ивин А. А.* Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
- Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
- Шутёмова Н. В.* Жанровые характеристики Декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия в лингвостилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. Вып. 2. С. 52–62.
- Шутёмова Н. В.* Экспрессивность декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 1. С. 96–108.
- Te Wahipounamu – South West New Zealand.* Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/551>

A. S. Sitkova (*Perm, Russia*)
Perm State National Research University

EVALUATION AS THE IMPORTANT COMPONENT OF HUMAN COGNITIVE ACTIVITY

The paper considers the concept of evaluation from the perspective of cognitive linguistics and analyzes the evaluative nature of human cognition. It is illustrated through the example of the Statement of Outstanding Universal Value of Te Wahipounamu – South West New Zealand, the proof of the uniqueness of which is represented by an expanded system of epithets.

Key words: evaluation, cognitive approach, human cognition, value, World Heritage, Outstanding Universal Value.

O. B. Смурова (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет*
olsmurova@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ БАЗА ОЦЕНОЧНОГО КОНЦЕПТА ВЕРОЯТНОСТНОЙ ПРИРОДЫ

В статье описана семантика концептуальной основы модусной категории эпистемической оценки, формирующейся в результате взаимодействия категорий модальности и оценки. Семантическая база концепта рассмотрена на трех уровнях: функционально-семантическом, семиотическом и когнитивном. Показано, что функционально-семантический уровень связан с функционированием эпистемической оценки в реальных речевых ситуациях, тогда как семиотический и когнитивный уровни служат основой для формирования эпистемической оценки как концепта.

Ключевые слова: межкатегориальные взаимодействия, модальность, модусные категории, оценка, эпистемическая оценка.

Лингвистический оценочный концепт вероятностной природы интегрирует семантику двух самостоятельных категорий – модальности и оценки. Взаимодействие указанных категорий осуществляется за счет пропозиционального характера обеих категорий и таких их общих семантических свойств как субъективность и недескриптивность. Взаимодействие категорий модальности и оценки происходит в области значений общих для этих

категорий, а именно в области эпистемических значений, и затрагивает не только уровень языковой категоризации, но и понятийный уровень, и уровень языковых единиц. Необходимо подчеркнуть, что эпистемическая оценка и эпистемическая модальность являются феноменологически различными категориями: первая выражает степень уверенности говорящего в достоверности ситуации, тогда как вторая – меру недействительности пропозитивной ситуации (т. е. степень ее достоверности).

На понятийном уровне взаимодействие модальности и оценки основано на том, что суждения о признаках (в том числе и ценностные) практически всегда остаются в области мнения, не дотягивая до фактуальности. Неполная фактуальность ярче всего проступает в вероятностных оценках, которые представляют собой гипотезу говорящего, что очевидным образом сближает оценку и модальность.

На функционально-семантическом уровне при взаимодействии модальности и оценки происходит не просто частичное наложение их семантических областей, но формируется новая функционально-семантическая категория (ФСК) – ФСК эпистемической оценки. Особенности взаимодействия модальности и оценки свидетельствуют в пользу доминантности оценки, тогда как модальность носит рецессивный характер, не только (и не столько) в том смысле, что роль модальности в рассматриваемом взаимодействии менее значительна, а, скорее, потому что модальность в этом взаимодействии реинтерпретируется. Формально модальные показатели по-прежнему продолжают выражать меру недействительности, однако адресатом такие высказывания воспринимаются как отражающие степень уверенности говорящего.

Поскольку реинтерпретации при взаимодействии модальности и оценки подвергается именно модальность, то семантической доминантой выступает оценка. В пользу доминантности оценки свидетельствует и то, что специфическая семантико-синтаксическая структура эпистемических высказываний связана именно с оценочностью: в семантической структуре типичного оценочного высказывания имеется синтагматически изолированный оценочный показатель – эксплицитный модус, тогда как у высказывания с модальным глаголом имеется лишь внешняя модальная рамка, а эксплицитный модус отсутствует [Смурова 2012]. Таким образом, возникшая новая категория является оценочной и имеет выраженную модусную природу.

С точки зрения когнитивного подхода, к какому бы типу ни относилась категория, ее спецификой как особого формата знания является «объединение объектов на основе общего концепта» [Болдырев 2006: 6]. Это означает, что ФСК эпистемической оценки должна соответствовать эпистемической оцен-

ка как когнитивная категория, т. е. как *концепт*, поскольку языковая форма является отражением когнитивных структур. Более того, при когнитивном подходе формирование системы понятий, связанных с эпистемической оценкой, рассматривается как движущая сила формирования одноименной лингвистической категории.

Семантическая база концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА имеет сложную структуру и, помимо функционально-семантического, проявляется также на семиотическом и когнитивном уровнях. Семантическое содержание первых двух уровней организовано в виде полевых структур: функционально-семантического поля (ФСП) и номинативного поля концепта (НПК). ФСП эпистемической оценки (ФСП ЭО) организовано по полицентрическому типу, с двумя выраженными центрами, отражающими эпистемическую уверенность и эпистемическую неуверенность. Два микрополя эпистемической оценки являются результатом перекаатегоризации модальных значений эпистемической необходимости и эпистемической возможности в оценочные значения. На когнитивном уровне двум центрам ФСП соответствуют два субконцепта гештальтной природы: эпистемическая УВЕРЕННОСТЬ и эпистемическая НЕУВЕРЕННОСТЬ. Субконцепт НЕУВЕРЕННОСТЬ занимает более центральное положение в концепте, чем субконцепт УВЕРЕННОСТЬ.

Оба микрополя ФСП ЭО имеют центральную модальную, в которую входят только морфологические показатели эпистемической оценки – модальные глаголы, и более периферическую немодальную зоны. ФСП ЭО способно к взаимодействиям с полями других функционально-семантических категорий, в результате которых образуются варианты инвариантного значения эпистемической оценки, которые выражаются в определенном контексте и /или речевой ситуации и формируются при взаимодействии ФСК ЭО с другими категориями.

В результате межкатегориальных взаимодействий, в модальной зоне микрополя эпистемической неуверенности возникают следующие частные оценочные значения: *эпистемическая, потенциальная, гипотетическая и факультативная возможности*. Самым частотным является значение «чистой» эпистемической возможности. За счет интенсивных межкатегориальных взаимодействий в модальной зоне этого микрополя происходит более подробное членение эпистемической шкалы, отражающей градации неуверенности.

В модальной зоне микрополя эпистемической уверенности к вариантам оценочного значения, помимо самой частотной *эпистемической уверенности*, относятся *дедуктивная уверенность, убежденность и прогностическая уверенность*.

Оценочный компонент семантического потенциала ЭО, помимо обязательной субъективности, включает в себя две составляющих: *степень уверенности* в истинности содержания пропозиции и *степень обоснованности* его суждения, которые мы рассматриваем как базовые семантические функции ЭО [Смурова 2011, 2018].

На семиотическом уровне базовые семантические функции ЭО выступают как *денотаты языковых знаков*, выражающих ЭО как концепт. Когнитивная база обоснованности имеет две составляющих: объективную, связанную с внешней действительностью как источником информации, и субъективную, связанную с фоновыми знаниями говорящего, с его пониманием ситуации, тогда как степень уверенности говорящего носит чисто субъективный характер.

Отражением результата эпистемической оценки в сознании говорящего являются шесть когнитивных состояний говорящего: (1) «уверенность»; (2) «уверенность в обратном»; (3) «скорее уверенность»; (4) «скорее уверенность в обратном»; (5) «допущение возможности»; (6) «сомнение». Языковые средства, репрезентирующие указанные когнитивные состояния, относятся к ядру номинативного поля концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. Средства, связанные со способом оценки, относятся к занимают более периферическое положение в НПК ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА.

Номинативное поле концепта (НПК) представляет собой совокупность языковых средств, объективирующих лингвистический концепт гештальтной природы ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. НПК характеризуется высокой степенью развитости, в нем выделяется ядро и периферия, которым соответствуют ядро и периферия концепта как когнитивного (т. е. относящегося к сознанию) образования. Смысловые зоны, связанные с ключевыми словами НПК *certainty, probability, improbability, possibility u doubt*, относятся к ядру концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА и отражают субъективно понимаемую недостаточность имеющихся у говорящего эпистемических гарантий. В языковых средствах, репрезентирующих такие смыслы, вербализуется результат оценочной категоризации действительности. Эти смысловые зоны составляют понятийный компонент ядра концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА.

К периферии концепта относятся смысловые зоны, отражающие периферию НПК ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. Языковые средства, группирующиеся вокруг ключевых слов *inference* и *evidence*, репрезентирующих логический вывод и эвиденциальность, относятся к ближней периферии НПК ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. К дальней периферии относятся смыслы, входящие в зоны «незнание» и «знание».

Семантическое содержание на семиотическом уровне связано с местом, которое знак занимает в семиотической системе, с тем, как он взаимодей-

ствует с другими знаками системы языка. Семиотический аспект описания также позволяет установить связи языковых знаков с обеими сторонами их отношений: с прообразом знака в экстралингвистической действительности (денотатом) и с его смысловым содержанием (сигнификатом). Когнитивное описание позволяет рассматривать семантическую информацию как средство доступа к концептуальным структурам, «как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1991: 8].

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Кубрякова Е. С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации: сб. науч. тр. М., 1991. С. 4–21.

Смурова О. В. Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2011. Вып. 27 (633). С. 67–78.

Смурова О. В. Средства выражения эксплицитного модуса и его функции в эпистемическом высказывании (на материале The British National Corpus). // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2012. Вып. 27 (660). С. 22–44.

Смурова О. В. Математическая модель концептуализации эпистемических смыслов // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 34. С. 395–397.

O. V. Smurova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SEMANTIC BASE OF THE CONCEPT *EPISTEMIC EVALUATION*

The paper describes the semantics of the conceptual basis of the modus category of epistemic evaluation, which is formed as a result of the interaction between the categories of modality and evaluation. The semantic base of the concept is considered at three levels: functional-semantic, semiotic and cognitive. It is shown that the functional-semantic level is associated with the functioning of epistemic evaluation in real speech situations, while the semiotic and cognitive levels serve as the basis for the formation of epistemic evaluation as a concept.

Key words: intercategoryal interactions, modality, modus categories, evaluation, epistemic evaluation.

Т. В. Устинова (Москва, Россия)
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
utanja@mail.ru

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Статья описывает процесс и результат конструирования значения окказионализмов в терминах когнитивной лингвистики. На примере стихотворений поэта-заумника А. Крученых показаны потенциально возможные варианты интерпретации окказионализмов с учетом их сложно организованного концептуального содержания и вероятных сдвигов фокуса внимания концептуализатора.

Ключевые слова: неконвенциональное смыслообразование, когнитивный домен, контаминация, лингвокреативность, заумь.

Мы исходим из того, что окказионализмы представляют собой «пред-концепты», чье актуальное значение формируется *ad hoc* в ситуации интерпретирования [Устинова 2018]. Недоопределенность (*underspecification*) – это сущностное свойство любых языковых единиц, в речи их значение в любом случае динамически конструируется говорящим/слушающим с учетом большого количества лингвистических и экстралингвистических факторов [Radden et al. 2007]. Однако в случае речевого сообщения, содержащего окказионализмы, недоопределенность используемого языкового выражения является намеренной, прагматически обусловленной, стилистически актуализированной и зачастую эстетически нагруженной: отправитель сообщения выбирает неконвенциональную форму смысловыражения, поскольку ставит перед собой цель передать реципиенту новое знание об окружающей действительности – настолько новое, что для его обозначения конвенциональных способов вербализации оказывается недостаточно.

Смысловое восприятие речевого сообщения, содержащего окказионализмы, предполагает способность реципиента к семантической и концептуальной креативности. Одним из аспектов, требующих от концептуализатора когнитивных усилий, является установление мотивирующего контекста для смыслового вывода. Ранее нами было показано, что мотивирующими факторами в конструировании значения окказионализмов являются следующие: (1) словообразовательный контекст окказионализма (внутрисловные ассоциативные связи); (2) внешний контекст (ситуативный и языковой), который обусловлен спецификой употребления окказионализма в конкрет-

ном высказывании; (3) различные виды макроконтракста (фонковые знания и отдаленные вербальные ассоциации, косвенно относящиеся к контексту словоупотребления окказионализма); (4) личный контекст реципиента (личностные смыслы) [Устинова 2018].

Лексический окказионализм, построенный автором по продуктивным словообразовательным моделям определенного языка, является единицей со сложным концептуальным содержанием: окказионализм, как и другие производные слова, обладает «особой комбинаторикой и особой аранжировкой готовых знаков в комплексный (сложный) знак» [Кубрякова 2004: 424]. Будучи носителем сложно-структурированных словообразовательных значений, окказионализм способен «схватывать целые объединения концептов» (по выражению Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 425]). Данное свойство окказионализма можно описать с точки зрения специфического профилирования и соотношения ближайшего и дальнейшего концептуального фона в конструировании значения, если опираться на основные положения теории Р. Лэнкекера [Langacker 2008].

В норме языковое выражение взаимосвязано с широким когнитивным доменом, но в конкретной речевой ситуации активируется некоторая часть этого домена («диапазон» (*scope*) в терминологии Р. Лэнкекера [Langacker 2008: 62]). Различается максимальный диапазон (*maximal scope*), потенциально возможный для выведения значения, и непосредственный диапазон (*immediate scope*) – часть домена, непосредственно релевантная для смыслового вывода в конкретном случае [Langacker 2008: 63]. Случай окказионализмов интересен тем, что в силу большей недоопределенности языкового выражения, в сознании реципиента активируется более широкий диапазон когнитивного домена (или нескольких объединяемых доменов), результатом чего становится большее количество (по сравнению с конвенциональными единицами) потенциально возможных сдвигов в профиле в силу большего числа активируемых ассоциаций.

Как показывают экспериментальные исследования, предлагаемые реципиентами варианты толкования значения окказионализмов всегда несут на себе отпечаток субъективно переживаемого личного опыта [Устинова 2018]. Эти «личностные смыслы» не являются произвольными, они объективно ограничены языковой формой окказионализма (его внутренним словообразовательным контекстом и внешним контекстом словоупотребления). Post hoc при обработке результатов эксперимента можно выделить несколько вариантов видения когнитивной сцены, которые предпочли участники экспериментальной группы. Однако при моделировании механизмов смыслового восприятия окказионализмов – в отличие от случаев конструирования конвенционального значения – объективные языковые факторы с меньшей

долей вероятности позволяют прогнозировать, какие именно элементы широкого концептуального фона окажутся наиболее релевантными для вывода актуального речевого значения. Окказионализмы как неконвенциональные формы смысловыражения изначально создаются отправителем сообщения таким образом, чтобы актуализировать сложность представляемого явления окружающей действительности и представить его в сложной совокупности нетривиальных характеристик. Таким образом, потенциальная множественность интерпретаций окказионализма является важным элементом коммуникативного намерения адресанта.

Рассмотрим множественность интерпретаций как свойство окказионализмов на примере индивидуально-авторских новых слов поэта-заумника А. Крученых (1886–1968 гг.). В качестве материала анализа возьмем окказионализмы, образованные путем лексической контаминации. Будем исходить из того, что в таких случаях концептуальную интеграцию следует считать наиболее очевидным механизмом смыслообразования.

Стихотворение «Лето деревенское» начинается следующими строками: *Чарджуйных дынь золотое темя / и снежная мяхкоть / меделе-е-ейным запахом пчелу увлечет* [Крученых 2001: 165]. С учетом мотивирующих отсылок к конвенциональным единицам (*мед, лей* [лить], *елей*), а также с учетом темы стихотворения как художественного высказывания, концептуальное содержание окказионализма *меделейный* [запах] с большой долей вероятности будет профилироваться на фоне домена «цветение / опыление цветущих растений». Чтобы понять характеристику запаха дыни, который привлекает насекомых, реципиент из исходного ментального пространства МЕД с очень большой долей вероятности может заимствовать такое свойство, как *сладость*. Также вероятным является то, что в фокус внимания реципиента попадет такое свойство запаха, как *летучесть* (способность быстро распространяться в воздухе). Это может произойти за счет того, что в форме окказионализма задана способность запаха свободно распространяться (*литься*) и звукосимволическими средствами (графически, с помощью дефиса) актуализирована обширность площади распространения запаха в атмосфере: ЛЕ-Е-ЕЙ. Реципиенты могут определить ЕЛЕЙ в качестве еще одного исходного пространства и отобрать для перемещения в бленд такие концептуальные элементы, как *маслянистость* и *ароматность*. Для некоторых реципиентов, исходя из их личного опыта, релевантными могут оказаться другие ассоциации, поскольку они будут опираться в смысловом выводе на другой концептуальный фон – когнитивный домен «атрибуты церковной службы». Тогда свою роль в окончательном смысловом выводе сыграет символическое значение еля, и концептуализируемому объекту могут приписываться такие свойства, как ценность, дар, средство утешения,

целительная сила, символ благополучия и др. Отметим, однако, что описанная потенциальная множественность интерпретаций в реальных условиях будет очень различаться от одного реципиента к другому. Нельзя исключить случай, что большинство указанных возможностей смыслообразования вообще не будет реализовано реципиентами с неразвитыми лингвокреативными способностями (при недостаточной семантической гибкости, ассоциативной продуктивности и др.). Тогда смысловая емкость окказионализма будет ими игнорироваться, а единственным свойством, приписываемым объекту, будет, вероятно, *сладость*.

Еще один пример окказионализма, образованного путем контаминации, находим в стихотворении А. Крученых «Мороженица богов» [Крученых 2001: 292–295]: *Костям зя-я-бкостно ... / Целит громийца – взюк! / Мороз с ножем!* Наречие *закбкостно* передает свойство человеческого тела испытывать чувствительность к холоду. Очевидно, что бленд будет наследовать структуру исходного ментального пространства ЗЯБКО (испытываемое ощущение холода). Реципиент может детализировать свое понимание этого ощущения, если найдет элемент *кост-* релевантным для смыслового вывода. Здесь потенциально есть возможность для ассоциативной связи с несколькими идиомами-прототипами, например: *пробрать до костей, промерзнуть до костей* и *кости трещат*. Таким образом, испытываемое ощущение холода может получить нетривиальную репрезентацию: оно будет представляться как радикально острое, доставляющее боль, ведущее к потере чувствительности, акустически воспринимаемое (в виде слышимого треска) и т. п. Однако, как и в предыдущем проанализированном случае не все потенциально возможные инференции будут доступны всем реципиентам.

Таким образом, интерпретативная множественность окказионализмов обусловлена широким концептуальным фоном для вывода значения, который задан их неконвенциональной языковой формой. Ценность речевых сообщений с окказионализмами (особенно в художественной и поэтической речи) заключается в их способности вызывать у реципиента множественные и разнообразные вербальные ассоциации, которые ведут к концептуальным сдвигам и трансформациям в процессе смысловой обработки информации.

Литература

- Крученых А. Е. Стихотворения, поэмы, опера / вступ. ст., подг. текста и комм. С. Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 2001.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Устинова Т. В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2018. С. 213–228.

Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Radden G. The construction of meaning in language / G. Radden, K. M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund // Aspects of Meaning Construction / Ed. by G. Radden, K. M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1–15.

T. V. Ustinova (*Moscow, Russia*)
Lomonosov Moscow State University

INTERPRETATIVE PLURALISM OF NONCE-WORDS: A COGNITIVE SEMANTICS PERSPECTIVE

The paper summarizes the construal approach to the construction of meaning of poetic nonce-words. Neologisms of the Russian poet A. Kruchyonch are analyzed from the perspective of integrated meaning construction and described in terms of potentially possible variants of contextually dependent meaning elaboration.

Key words: non-conventional meaning construction, cognitive domain, contamination, language creativity, zaum.

Е. Ю. Холдеева (*Иркутск, Россия*)
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет
ekaterina12081985@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ПОКАЗА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются различные типы перцептивно ориентированных действий, описываемых высказываниями с некоторыми значениями *show*. При этом автор выявляет синтаксические и семантические особенности конструкций, организованных выделенным предикатом. Представленный анализ осуществляется с применением метакатегорий Наблюдатель и Наблюдаемое. В работе доказывается, что применение аналитического инструментария когнитивных исследований помогает рассмотреть сложный феномен показа в новом ракурсе.

Ключевые слова: показ, восприятие, перцептивно ориентированное действие, Наблюдатель, Наблюдаемое.

Отличительной чертой современных когнитивных исследований является осознание необходимости учитывать роль человеческого фактора в языке. Как отмечает Н. Н. Болдырев, в рамках когнитивного подхода значительная роль в формировании языковых значений отводится «человеку как наблюдателю и как носителю определенного опыта и знаний» [Болдырев 2004: 24]. Фигура Наблюдателя часто применяется в качестве инструмента семантического анализа (см., напр.: [Апресян 1974], [Арутюнова 1999], [Болдырев 2001], [Падучева 2004], [Верхотурова 2008] [Колесов 2008]), что значительно расширяет возможности разъяснения различных явлений языка. Кроме того познающий субъект-наблюдатель является категорией, которая помогает осуществить всестороннее изучение человека как представителя культуры [Верхотурова 2006: 155].

Нас интересуют глагольные предикаты со значением показа в английском языке (*show, demonstrate, point, exhibit* и др.), семантика которых тесно связана с перцептивно-когнитивной областью человеческого опыта. Показ как биокогнитивный феномен является основой ряда действий, которые в нашей работе характеризуются как «перцептивно ориентированные». Такие действия предполагают присутствие субъекта этих действий (Агенса), который, манипулируя некоторым объектом (Наблюдаемым), ориентирует Наблюдателя на восприятие показываемого. Предикаты перцептивно-ориентированных действий в английском языке обладают ярко выраженной полисемией, что говорит о необходимости изучения их семантики. Таким образом, цель статьи – рассмотреть различные типы перцептивно ориентированных действий, описываемых главным представителем группы – *show*, и выявить когнитивно-семантические особенности конструкций, организованных выделенным предикатом.

В первую очередь смоделируем сценарий прототипической ситуации показа, обозначаемой глагольной лексемой *show*, главное значение которой трактуется как «if you show an object to someone, you hold it up or give or take it to them, so that they can look at it» [Farlex]. В таких ситуациях Агенса держит Наблюдаемое в руках и протягивает его таким образом, чтобы Наблюдатель имел возможность его тщательно разглядеть. Ср.:

1) *He loved his family, he **showed** me pictures. He was so proud of all these photographs of his mother* [iWeb].

2) *She proudly **showed** me the certificate she had received for her scholastic performance* [iWeb].

3) *A friend **showed** me the book they received for their child and I was so impressed I ordered one for my 2 year old grandson's birthday* [iWeb].

В примерах в качестве показываемого объекта выступают небольшие предметы (фотографии, документ, книга), которые могут поместиться в ру-

ках человека. Часто в подобных ситуациях Наблюдаемое играет особую роль для Агенса, поскольку он гордится или доволен тем, что обладает им. Субъект прототипического действия протягивания ожидает положительной реакции (интерес, похвала, симпатия и т. д.) от субъекта восприятия на показываемый предмет. Так, в примере (1) Агенса с гордостью демонстрирует Наблюдателю фотографии членов своей семьи. Наверняка, он не стал бы их показывать человеку, который не проявляет интереса к его биографии. В высказывании (2) субъект действия протягивает Наблюдателю документ, полученный за школьные достижения. В конструкции наречие *proudly* характеризует состояние Агенса как переживающего чувство глубокого удовлетворения при демонстрации предмета его гордости. В высказывании (3) субъекту действия показа удастся заинтересовать Наблюдателя, и он получает положительную оценку субъекта восприятия на показываемую книгу. Тот факт, что Наблюдатель всегда выходит в синтаксис подобных конструкций и занимает место косвенного дополнения (тема высказывания), можно объяснить избирательностью Агенса к выбору равнодушного субъекта восприятия.

В следующей группе примеров *show* описывает действия, рассчитанные на получение консультации Наблюдателя-специалиста:

4) *However, in April 2016 she noticed what looked like skin tags growing on her legs. She **showed** them to her doctor and biopsies were taken* [iWeb].

5) *I have a swelling knees and **showed** it to the doctor* [iWeb].

6) *Any documents you are asked to sign at this early stage should **be shown** to a lawyer to ensure you are not making any unwise legal commitments* [iWeb].

В примерах предикат *show* имеет значение «offer, exhibit, or produce (something) for scrutiny or inspection» [OLD] и описывает действия показывания, рассчитанные не только на восприятие, но и на профессиональную оценку Наблюдателя. Субъект восприятия, находясь в режиме профессионального отношения к Наблюдаемому, устанавливает его соответствие или несоответствие определенным критериям. Такой Наблюдатель выводится на «поверхность» с помощью предлога *to* и становится ремой высказывания. Наблюдаемое может подвергаться оценке специалистов из разных областей. Так, в примерах (5) и (6) Наблюдаемым становится сам Агенса и часть его тела, которую он показывает доктору для получения консультации. В высказывании (6) в качестве специалиста выступает юрист, которому должны демонстрировать все документы для того, чтобы он установил, соответствуют ли они установленным правовым нормам.

Предикат *show* может описывать ситуации показа, в которых Агенса направляет субъекта восприятия в пространстве (ср., *show* – «to show someone a house, building, or other place by taking them around it» [Activator]):

7) *We shared a couple of meals, he **showed** me the house he built for himself modeled on the famous Biltmore mansion* [iWeb].

8) *I once sold houses. I **showed** houses to thousands of people, but I lost my enthusiasm after a while* [iWeb].

В качестве Наблюдаемого в примерах выступает помещение, в котором субъект восприятия присутствует в первый раз. Субъект действия знакомит Наблюдателя с некоторым местом, реализуя различные намерения. В примере (7) целью направительных действий Агенса является ознакомление гостей с домом, в котором он проживает. Наверняка при этом оба участника ситуации показа находятся в дружеских отношениях. В примере (8) Агенси уже не является хозяином дома, а риэлтором, основная задача которого – продать или сдать недвижимость потенциальному клиенту (ср., напр.: *show* – «to permit access to (a house, for example) when offering for sale or rent» [АНД]). При анализе языкового материала было отмечено, что различие типов Наблюдателей влияет на синтаксис высказываний. Так, при обыденном житейском наблюдении субъект восприятия позиционируется как тема конструкции и вводится сразу же после предиката *show*. В рамках формальных отношений Наблюдатель становится ремой высказывания и вводится с помощью предлога *to* (*to thousands of people*).

Во всех вышеописанных ситуациях Наблюдатель прежде всего концептуализируется как субъект визуального восприятия. Однако *show* может описывать ситуации показа, в которых Наблюдатель является субъектом сознания, который получает некоторое знание, но не посредством зрительного восприятия:

9) *The mathematician **showed** the validity of the conjecture* [TheFree Dictionary].

10) *In late 2016, scientists **showed** that the removal of senescent cells using genetically engineered mice greatly restored lung function in old mice* [iWeb].

В примерах в качестве субъекта действия выступают ученые, которые посредством исследований доказывают какую-либо научную гипотезу (ср., напр.: *show* – «establish the validity of something, as by an example, explanation or experiment» [Farlex]). Поскольку подобные действия нацелены на то, чтобы информировать как можно больше людей, в конструкциях не может быть места для конкретного субъекта восприятия. Получаемые собирательным Наблюдателем сведения часто выражаются в конструкциях с *that* (пример (10)), что сближает подобные конструкции с конструкциями, организованными речевыми предикатами или предикатами мыслительной деятельности.

Итак, предикат *show* категоризует самые разнообразные типы перцептивно ориентированных действий. Классификационный анализ дефиниций

Таблица
Когнитивно-семантические особенности ситуаций,
описываемых предикатом *show*

Вид перцептивно-ориентированного действия	Особенности Наблюдаемого	Характеристики Наблюдателя	Статус Наблюдателя
прототипические действия протягивания	помещающиеся в руках предметы	симпатизирующий субъект восприятия	тема высказывания
действия, направленные на получение консультации	объекты, подвергаемые экспертной оценке	эксперты в режиме профессионального отношения к Наблюдаемому	рема высказывания (с помощью предлога <i>to</i>)
направительные действия	объекты недвижимости	гости / потенциальные покупатели	тема высказывания/ рема высказывания
действия, доказывающие научную гипотезу	результаты научных экспериментов	собирательный Наблюдатель	синтаксически невыразимый

позволил описать прототипическое действие показа и некоторые действия, отличные от прототипического. В ходе анализа языкового материала выделены когнитивно-семантические особенности ситуаций показа, организованных предикатом *show*, а также описаны характеристики участвующего в них Наблюдателя и выявлены особенности объектов-Наблюдаемых, природа которых отличает каждую рассмотренную модель. Полученные результаты исследования представлены в таблице в обобщенном виде.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии): учеб. пособие. Тамбов: ТГУ, 2001.
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
- Верхотурова Т. Л. Наблюдатель как методологическая категория лингвистического и общенаучного дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. № 2. С. 155–162.

Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008.

Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. Барнаул: БГПУ, 2008.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Activator – Longman Language Activator. London: Longman Dictionaries, 1993.

AHD – American Heritage Dictionary. URL: <https://ahdictionary.com/>

Farlex – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>

iWeb – The iWeb Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>

OLD – Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

E. Yu. Kholdeyeva (*Irkutsk, Russia*)

Irkutsk National Research Technical University

COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF SHOWING IN ENGLISH

The article deals with various types of perceptually oriented actions described by the statements with some meanings of *show*. At the same time, the author reveals the syntactic and semantic features of the constructions organized by this predicate. The presented analysis is carried out using the metacategories «the Observer» and «the Observed». The paper proves that the use of analytical tools of cognitive research helps to consider the complex phenomenon of showing from a new point of view.

Key words: showing, perception, perceptually oriented action, the Observer, the Observed.

I. V. Chekhanova (*Tambov, Russia*)

Derzhavin Tambov State University

ira_chekh@mail.ru

THE CONCEPT *TRADITION* AND ITS REPRESENTATION IN ENGLISH

The aim of the investigation is the concept *TRADITION* description and structuring. The article reveals the English language correlative means representing the content of the concept in question. The author comes to the conclusion that the concept *TRADITION* is one of the main complex concepts that form the human concept sphere.

Key words: concept, dictionary definition, concept characteristic, lexical unit, tradition, culture.

The concept, according to scientists, “is a package of information that is refracted through the prism of the principles and life experience of a person, thereby forming a system of certain ideas about the world. However, any, even a very complex concept, encoded in the linguistic unit of any of the natural languages, ... can be represented as a certain configuration of elementary meanings that are semantically universal and indecomposable” [Vezhbitskaya 2001: 8]. Structuring a concept lets you study its elements, ways of transformation, determine a set of language tools that allow you to reflect a concept in the language.

Sequential selection of all the semantic components of the meaning leads to the decomposition of the meaning into components, which, within the framework of this study, makes it possible to determine the semantic elements of the lexical meaning, representing the concept TRADITION, one of the main concepts that reflect reality, a concept that is usually associated in the minds of people with a certain level of human development.

Let us turn to the definitions of the lexeme tradition, given in the explanatory dictionaries of the English language:

The handing down of statements, beliefs, legends, customs, information, etc., from generation to generation, especially by word of mouth or by practice (Cambridge International Dictionary of English).

The passing down of the beliefs, practices and customs from the past to the present. A school of art or literature handed down through the generations and generally observed. A continuing pattern of culture beliefs or practices. A customary or characteristic method or manner (Longman Dictionary of English Language and Culture).

Based on these data, the following characteristics of the concept TRADITION can be distinguished:

- process, action (the passing down, way of thinking or behaving, handing down of);
- temporal characteristic: long, having a certain length (continuously followed, for a long time, a continuing pattern of);
- qualitative characteristic: continuity (inherited way, from generation to generation, from the past to the present);
- object of transmission, inheritance (statements, beliefs, legends, customs and information, etc.);
- subject of action (society or group);
- spheres of existence and functioning (society, art, literature, theology, culture, religion).

It should be noted that in the process of verbalization the concept is realized as a set of lexical units capable of describing the information contained in the concept to a greater or lesser extent. You can identify and define these lexical units using

the dictionary of synonyms: *tradition* syn. *custom, practice, habit, way, convention, usage, folklore, unwritten law* (Dictionary of English Synonyms and Antonyms). It can be said that this concept is represented in the language not only by the lexeme *tradition*, but also by a number of lexemes presented in the dictionary of synonyms.

Based on the study of dictionaries, we conclude that the content of the concept TRADITION includes a well-established complex of norms of behavior, moral values and principles, institutions of human communication formed over the centuries. The information stored in this concept is passed down from generation to generation, and this shows the connection between the present and the past. Knowledge of traditions contributes to the formation of a modern way of life. In the process of verbalization, the concept TRADITION is represented by a set of lexical units that are synonymous with the lexeme *tradition* and carry additional characteristics.

So, the analyzed concept is updated in many areas of public life and is inextricably linked with society and to a certain extent is a necessary part of human life (in a particular society or group; pattern of culture beliefs or practices; body of unwritten religious precepts; school of art or literature). The following conceptual characteristics were singled out: spheres of existence and functioning (society, art, literature, theology, culture, religion), on the basis of which 3 main spheres of functioning of this concept were systematized and identified:

- cultural and social sphere, including religion, art, folklore (cultural and social tradition),
- political and historical sphere, including public relations, law, ideological principles (political, historical and ideological tradition),
- family sphere, including family traditions, relationships (family tradition).

Consider the subcategory “cultural and social tradition”.

The culture of each person, formed under the influence of society, the rules and traditions adopted in it, has a major impact on his lifestyle in the broadest sense of this concept. The key concepts that make up the lifestyle are rule, habit, custom, clothes, home. Norms and rules form a certain framework that supports the existence of society: *She had always accepted the unwritten law of the pop jungle; all publicity is good publicity... and no matter what the excuses, she needed the headlines as much as their writers needed her. She regularly conceded it was all part of the “game” she was involved in* (Stone, 1994–96).

This example describes the sphere of show business (pop jungle) and the rules operating in it (unwritten law – “a custom followed as a rule, though not formally or officially stated”). These rules are a certain style and way of life, following which one can succeed (all publicity is good publicity... and no matter what the excuses, she needed the headlines as much as their writers needed her). By accepting the rules of the game and this way of life, a person becomes a part of this game (part of the “game” she was involved in).

However, at some point, a person wants to deviate from the rules and form their own ones: *If he had his way, Peter McDermott thought? He would have fired the chief house detective long ago. But he had not his way and now, once more, the obese ex-policeman was missing when he was needed most* (Hailey, 1967). *His way* is a phrase, the use of which indicates a certain model of an individual's behavior, his style and way of life.

For many people, the rules eventually turn into a habit that is sometimes followed unconsciously, traditionally established foundations also appear in crisis situations: *Even in moments of crisis the Duchess was accustomed to breakfasting well. It was a habit carried over from childhood at her family's country seat of Fallingbrook Abbey where breakfast had always consisted of a hearty meal of several courses, often after a brisk cross-country gallop* (Hailey, 1967). Such a clarification as carried over from childhood indicates that this habit or behavior pattern has already been committed unconsciously and for quite a long time, testifying and pointing to the Duchess's lifestyle.

Her husband didn't reply, nor did she expect him to. It was an understood convention that Arthur Pridmore left breakfast conversation to his women (James, 1979). The convention lexeme in this example indicates the way of life and behavior among family members. This pattern of behavior is so traditional for a husband (her husband didn't reply,) that the wife doesn't even pay any attention to it (nor did she expect him to; an understood convention).

From the above examples, it becomes obvious that the following lexemes are used to verbalize the category "lifestyle as a cultural and social tradition": unwritten law, habit custom, way, convention.

Let's move on to the "family tradition" subcategory. The family is a formation characteristic of different societies, between whose members certain relations are formed, the conditions for these relations are formed, the rules and norms of coexistence are developed.

For a long time, a certain model of a traditional family has been formed, the conformity of which is considered the norm. Norms, rules established in society regarding what a traditional family is, are unwritten laws. A certain rhythm, the repetition of the same actions, events – all this forms the life and relationships between family members: *In the middle of this quiet preview of my academic future, Ma does something; only a small thing, but it breaks an unwritten law of the household; and that's what started me off... The accident had brought about certain changes in our house* (Maitland, 1993).

This example shows that non-compliance with stable traditions and norms of behavior in the family (unwritten law of the household), which gradually turned into a certain ritual, can disturb peace (that's what started me off) and even make changes in the life of the family and its members (accident

had brought about certain changes in our house; Ma does something; only a small thing).

If we decide what behavior we want and how we will assess it, and then reward that behavior when it occurs (a practice found in any family), then we have a chance of pleasing both individual and organization (Hunt, 1990). Speaking about behavior in the family, in this example, not only the word behavior is used, but also the phrase “a practice found in any family”.

But it was the custom of old, of all good wives to be nurse to their own children, so we read in the Scripture (Morgan, Giles, 1987). The lexeme *custom*, used in this context in the meaning of relations and behavior patterns between family members, and more precisely between mother and children (wives to be nurse to their own children), represents the subcategory “family tradition”.

The analyzed material made it possible to conclude that certain traditions function in different social systems and therefore are a necessary condition for their life. Traditions are inherent in the most diverse areas of public life (economics, politics, law, etc.), they occupy a certain place in religion, science and art. So, the concept TRADITION is one of the main complex concepts that form the human concept sphere. The content of this concept includes a set of norms of behavior, moral principles, institutions of human communication, elements of social and cultural heritage that are passed down from generation to generation and preserved for a long time.

References

Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. [*Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.]

И. В. Чеханова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина*

КОНЦЕПТ *TRADITION* И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью настоящего исследования является описание и структурирование концепта *TRADITION*, а также выявление языковых средств, репрезентирующих содержание данного концепта в английском языке, и их систематизация в виде лексического коррелята.

Ключевые слова: концепт, словарная дефиниция, характеристика концепта, лексическая единица, традиция, культура.

Х. Чжан (Санкт-Петербург, Россия)
Шаньси Датунский университет
Санкт-Петербургский государственный университет
bisuzh06@163.com

СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОБРОМ ЧЕЛОВЕКЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье анализируется портрет *доброто человека* в языковом сознании носителей русского языка. На основании проведённого автором анкетирования выявляются частотные сочетания прилагательного *добрый* с существительными, типичные черты характера и поведения *доброто человека*, *доброто мужчины* и *доброто женщины*, отличие между *добрым человеком* и *хорошим человеком*.

Ключевые слова: языковое сознание, свойство личности, анкетирование, стереотипное представление, добрый, русский язык.

В последние годы «языковое сознание», размежевавшись с термином «сознание», как самостоятельный термин, стало объектом исследования специалистов таких научных областей, как лингвистика, психология, культурология, этнография и т. п. [Попова, Стернин 2007: 42–43]. В данной статье, вслед за Е. Ф. Тарасовым, под языковым сознанием мы понимаем «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2004: 36]. Как свойство личности, анализируемое прилагательное отражает одну из основных черт менталитета, под которым понимается «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей» [Попова, Стернин 2007: 40].

Для выявления языкового портрета *доброто человека* в сознании носителей русского языка в августе 2022 г. было проведено анкетирование, включавшее когнитивный и ассоциативный тесты. В опросе приняли участие 100 человек следующих четырех возрастных групп: 18–24 года (37 чел.), 25–39 лет (39 чел.), 40–54 года (15 чел.) и 55–80 лет (9 чел.). По гендерному признаку, количество информантов женского пола составляет 72%, а количество информантов мужского пола – 28%. Большинство опрошенных имеют высшее образование (гуманитарное – 81%, техническое – 10%), работают в различных сферах деятельности: образовании (преподаватели, студенты, учителя), бизнесе (маркетологи, менеджеры по развитию, предприниматели), государственных структурах и др.

Среди словосочетаний прилагательных «*добрый*» и «*добрая*» с существительными первое место занимают наименования лиц, по убыванию частотности это следующие слова: *добрый – человек* (52), *papa* (12), *учитель* (9), *мальчик* (7), *дедушка* (7), *парень* (7), *сосед* (7), *мужчина* (6), *преподаватель* (6) и др.; *добрая – женщина* (28), *мама* (26), *бабушка* (17), *учительница* (14), *девочка* (13) и др. Можно заметить, что исследуемое свойство личности сочетается чаще всего с гиперонимами-наименованиями лиц – *человек, мужчина, женщина*, а также отмечается у людей, хорошо известных субъекту – родственников, соседей, преподавателей. Применительно к человеку, прилагательное *добрый* употребляется также со следующими существительными, характеризующими поведение, внешность, дающими в сочетании с прилагательным общую положительную оценку человека: *добрый – поступок* (10), *взгляд* (8), *характер* (6), *совет* (5), *нрав* (3) и т. д.; *добрая – душа* (22), *улыбка* (9) и др.

Что касается близких к прилагательному *добрый* по значению слов и словосочетаний, то среди предложенных респондентами лидируют прилагательные *хороший* (35), *отзывчивый* (28), *понимающий* (13), *заботливый* (13), *сердечный* (9), *душевный* (8), *ласковый* (8). Видно, что все данные единицы выражают положительную оценку. Все полученные на данный вопрос ответы могут быть условно (поскольку трудно однозначно разделить характер и поведение) классифицированы по следующим тематическим группам: **1) характер человека:** *отзывчивый, заботливый, сердечный, душевный, ласковый, великодушный, дружелюбный, внимательный, милосердный, мягкий, человечный, ранимый* и др.; **2) поведение:** *поддерживающий, всегда готовый помочь, спокойно реагирующий и способный разделить горести, понимающий, проявляющий сочувствие* и др.; **3) оценка другими людьми:** *приятный, положительный, позитивный, порядочный, располагающий, славный* и др.; **4) внешность:** *милый, улыбающийся*; **5) физическое состояние:** *здоровый, крепкий*; **6) интеллект:** *умный, мудрый*.

Проанализируем приведённые опрошенными дефиниции *доброго человека*. Полученные высказывания о чертах характера и поведении носителей данного качества можно систематизировать следующим образом: **по характеру** *добрый человек – желающий хорошего другим людям, отзывчивый, заботливый, душевный, внимательный, великодушный, щедрый, бескорыстный, справедливый, нежадный, альтруистичный, сильный, с золотым сердцем, с чистой душой*; **по поведению** *он всегда добровольно, бескорыстно помогает; заботится не только о других людях, но и о животных; стремится и умеет утешить, поддержать советом, выслушать; умеет разделять успехи других людей; делает добро другим; готов к уступкам; разрешает все, руководствуется нравственными нормами; поступает по велению сердца*

и души; не будет делать зла даже тем, кто поступил с ним очень плохо; **к окружающим** носитель данной черты характера *относится с терпением, с уважением (особенно к тем, кто ниже его в социальной иерархии); с пониманием, с любовью и душевной теплотой; не требует от окружающих быть идеальными, а принимает других такими, какие они есть. По внешности* добрый человек – красивый, улыбающийся. *С точки зрения интеллекта*, он является мудрым. Респонденты отметили также поступки, которые добрый человек не совершает. Например: *не желает и не делает зла; не проходит мимо тех, кто нуждается в помощи; не равнодушен к чужому горю; ничего не жалеет; не сердится, если делают что-то не так; не язвит и не критикует; не может обидеть или сказать плохое слово родному или незнакомому человеку; не вредит; не ожидает ничего взамен.* Информант привёл жизненный принцип доброго человека: *«не делай другому того, чего не желаешь себе»*. Интересно, что некоторые мнения респондентов противоречивы, ср., с одной стороны, *«Добрый человек, это тот, который думает не только о своем собственном благе, но и об окружающих и близких людях»*; *«Человек, не делающий зла, помогает всем, даже в ущерб себе»*; с другой стороны, *«Готовый помочь не в ущерб своим делам и интересам»*. Опрошенные считают, что никого нельзя однозначно назвать добрым или злым, а надо судить о человеке по конкретным поступкам.

По мнению 84% информантов, прилагательное *добрый* может характеризовать человека любого пола. Кроме того, 9% респондентов считают, что данное свойство личности присуще женщине, а с точки зрения остальных 7% опрошенных, – мужчине. При описании *доброго мужчины* и *доброй женщины* 45 респондентов не дифференцируют типичные черты характера и поведения по полу. Остальные информанты полагают, что общими для мужчин и женщин характеристиками оказываются: *заботливый, отзывчивый, готовый помочь, понимающий, эмпатичный, вежливый, внимательный, мягкий, улыбчивый*. Различия между ними заключаются в том, что **добрый мужчина** – *справедливый, щедрый, сильный, честный, спокойный, великодушный, снисходительный, неагрессивный, доброжелательный, порядочный, шутник, помогает больше в физическом плане; а добрая женщина* – *любящая, терпеливая, скромная, милосердная, мудрая, весёлая, позитивная, искренняя, спокойная, способная прощать, хорошая хозяйка, помогает больше в плане сострадания*.

По поводу разницы между *добрым* и *хорошим человеком* 63 информанта считают, что *добрый человек* – это всегда хороший человек. Потому что доброта является одной из составляющих качеств хорошего человека. 34 опрошенных полагают, что, с одной стороны, добрый – это субъективное, относительное и более конкретное понятие, а хороший – более глобальное.

Поэтому *доброто* человека, имеющего какие-либо недостатки, или по какой-либо причине совершающего плохой поступок, нельзя назвать хорошим человеком. Высказывания «*чрезмерная доброта*», «*излишняя доброта*» свидетельствует о существовании границы между положительной оценкой и отрицательной оценкой, данной доброму человеку. Степень доброты, превышающая негласную в лингвокультуре норму, оценивается отрицательно.

На вопрос «*Считаете ли Вы себя добрым человеком?*» 63 человека ответили «Да». 10 респондентов дали отрицательные ответы. Остальные 27 человек затруднились с ответом. 21 информант полагает, что это зависит от ситуации, т. е. номинируемое прилагательным свойство расценивается как ситуативное, а не постоянно присущее человеку.

Среди известных личностей, которых информанты считают добрыми, были приведены следующие имена: **1) в религиозной сфере:** *мать Тереза* (14), *Иисус Христос* (5), *Далай лама* (4); **2) актёры:** *К. Ю. Хабенский* (11), *Киану Чарльз Ривз* (8), *Анджелина Джоли* (7), *Ч. Н. Хаматова* (7), *Г. М. Вицин* (3), *Ю. В. Никулин* (3), *Ю. Д. Куклачёв* (2), *Е. П. Леонов* (2), *Джеки Чан* (2), *Джонни Депп* (2), *Одри Хепбёрн* (2); **3) писатели / поэты:** *Дарья Донцова* (7), *А. П. Чехов* (4), *Л. Н. Толстой* (2), *К. И. Чуковский* (2); **4) специалисты в какой-либо области деятельности:** зоолог и биогеограф *Н. Н. Дроздов* (6), педагог *Януш Корчак* (4), филолог *Д. С. Лихачёв* (3); **5) политики:** *В. В. Путин* (4), *Махатма Ганди* (3); **6) политические деятели:** *принцесса Диана* (3); **7) модели:** *Н. М. Водянова* (3); **8) врачи:** *Е. П. Глинка* (2), *Н. И. Пирогов* (2); **9) певцы:** *П. С. Гагарина* (2), *Селена Мари Гомес* (2); **10) телеведущие:** *И. В. Галич* (2). Кроме того, опрошенным было предложено назвать имена добрых героев сказок, мультфильмов. Наиболее частотными 10 героями среди полученных 156 имен оказываются: *кот Леопольд* (23), *Иванушка* (15), *доктор Айболит* (12), *Золушка* (10), *крокодил Гена* (9), *Белоснежка* (7), *Алёнушка* (6), *Винни-Пух* (6), *Настенька из «Морозко»* (6), *Чебурашка* (6).

Таким образом, результаты анализа данных анкетирования позволяют сделать вывод, что выявляются главные характеристики доброго человека по характеру, поведению, по отношению к окружающим и т. д. При описании доброго мужчины и доброй женщины отмечено наличие общих и различных черт.

Литература

- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007.
Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.

H. Zhang (Saint Petersburg, Russia)
Shanxi Datong University
Saint-Petersburg State University

A STEREOTYPICAL VIEW OF A KIND PERSON IN RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article aims to analyze the portrait of a kind person in linguistic consciousness of native speakers of Russian. Based on the survey conducted by the author, the characteristics of the combination of the adjective *kind* with nouns, typical character traits and behavior of a kind person, a kind man and a kind woman, the difference between a kind person and a good person are revealed.

Key words: linguistic consciousness, property of personality, questionnaire, stereotypical view, kind, Russian.

Е. А. Чуксина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. П. Державина
evgeniyach96@yandex.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *FEAR* (на материале художественного дискурса)

Статья посвящена изучению вербальной репрезентации концепта *FEAR*. Выделены определяющие вторичную репрезентацию концепта *FEAR* метафорические когнитивные модели, рассмотрены пропозиции, лежащие в основе объективирующих ситуации эмоционального переживания предложений-высказываний. На основе анализа выявленных пропозиций определили особенности осмысления трёх этапов переживания эмоции страха.

Ключевые слова: концепт *FEAR*, сценарий, когнитивная модель, пропозиция, предложение-высказывание.

Каждый день человека состоит из событий, разных по своей динамичности и вовлечённых в них участникам. К событиям могут относиться как физическая деятельность субъекта события, его взаимодействие с другими участниками события, так и ситуации внутренних мыслительных процессов и эмоциональных переживаний, которые могут иметь лишь частичное визуальное проявление.

Одни события проходят незамеченными, другие в силу своей значимости получают ту или иную интерпретацию, которая отражена в способах языковой репрезентации того или иного события, той или иной ситуации.

Как и любое другое событие, ситуация эмоционального переживания имеет такие основные этапы, как начало, развитие и завершение. В данной работе концепт FEAR представлен в виде сценария, в котором выделяются три указанных выше этапа, на каждом из которых реализуются компоненты рассматриваемого концепта, к которым относятся эмоция, субъект эмоции и причина эмоции.

Особая роль в репрезентации события принадлежит глаголу. К настоящему времени накопилось большое количество классификаций глагола. Согласно Н. Н. Болдыреву, «глаголы, выражающие предикаты «действия» (как физического, так и ментального), вступающие в синтаксическую связь с субъектом-агентом и имеющие соответственно акциональное категориальное значение» являются акциональными глаголами, а глаголы «обозначающие “процессы”, “состояния”, “свойства”, “отношения” и обнаруживающие соответственно категориальные значения “процессуальности”, “статичности”, “свойства”, “релятивности” – неакциональными» [Болдырев 2022: 106].

В настоящей работе используется классификация предложенная Л. Г. Бабенко, которая разделяет глаголы на глаголы «действия и деятельности» (глаголы движения, глаголы перемещения объекта, глаголы помещения, глаголы физического воздействия на объект и др.); глаголы «бытия», «состояния», «качества» (глаголы бытия, глаголы качественного состояния); глаголы «отношения» (глаголы взаимоотношения, глаголы владения) и др. Одни глаголы используются для первичной, другие – для вторичной репрезентации определённых этапов сценария переживания эмоции страха. Первичная репрезентация ситуации эмоционального состояния страха осуществляется при помощи глаголов приведения в эмоциональное состояние (*to frighten, to scare, to terrify* и др.) и глаголов эмоционального состояния (*to fear, to be afraid of, to be scared of, to be frightened* и др.). При вторичной репрезентации концепта FEAR используется существительное в сочетании с глаголом определённой лексико-семантической группы.

Целью работы является определение способов вторичной репрезентации концепта FEAR, а также когнитивных моделей, определяющих вторичную репрезентацию концепта.

Материалом для исследования стали произведения английской литературы эпохи Неоклассицизма: «История Тома Джонса, найдёныша» Джона Филдинга; «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта; «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

На каждом этапе выделяются метафорические когнитивные модели FEAR – ARTIFACT, FEAR – PLACE, FEAR – HUMAN BEING, которые определяют вторичную репрезентацию ситуации эмоционального состояния страха. Для того чтобы понять, каким образом осмысляются ситуации эмоционального состояния страха, нужно обратиться к пропозициям, определяющим предложения-высказывания, в которых используются наименования эмоций с глаголами разных лексико-семантических групп. Рассмотрим возможные компоненты пропозиций.

Экспериенсер, под которым, вслед за У. Куком, понимается носитель определённого эмоционального, мыслительного внутреннего переживания.

Агент, который, согласно У. Чейфу, является тем, у кого есть сила производить определённое действие, которое может быть, как направленным, так и ненаправленным на объект.

Бенефициант понимается как лицо, которое, согласно У. Куку, находится в состоянии обладания чем-либо, а также получает или теряет что-либо вследствие его собственных действий, либо в результате воздействия на него другого лица.

Пациенсом, по В. В. Богданову, является аргумент, являющийся одушевлённым объектом воздействия.

Объектив, по В. В. Богданову, понимается как неодушевлённый объект воздействия.

Экспериенсив, согласно В. В. Богданову, это неодушевлённый объект эмоционального состояния субъекта эмоции.

Стимул, по Л. Талми, является объектом, вызывающим определённое эмоциональное состояние.

При первичной репрезентации ситуации эмоционального состояния страха пропозиция, определяющая предложение-высказывание, может включать следующие компоненты: субъект-экспериенсер, субъект-стимул, объект-экспериенсив, объект-экспериенсер. Таким образом, пропозицию, в которой предикатом является глагол приведения в эмоциональное состояние, можно представить следующим образом: субъект-стимул – предикат – объект-экспериенсер. Глаголы эмоционального состояния образуют следующую пропозицию: субъект-экспериенсер – предикат – объект-экспериенсив.

Указанные выше компоненты концепта FEAR получают иное осмысление при вторичной репрезентации ситуации эмоционального состояния страха.

Этап зарождения эмоции может репрезентироваться в предложении-высказывании при помощи наименования эмоции страха и глаголов лексико-семантической группы «приобретение» (*to give, to bring*). Предложение-высказывание определяет пропозиция **субъект-агент – предикат – объект-бенефициант – объект-объектив**.

При вторичной репрезентации причина эмоции осмысляется как субъект-агент, каузирующий действие; субъект эмоции – как объект-бенефициант; эмоция – как объект-объектив. Такому осмыслению способствует метафорическая когнитивная модель FEAR – ARTIFACT.

(1) *The travellers who joined Sophia, and who had given her such terror, consisted, like her own company, of two females and a guide* [Fielding URL].

Этап переживания эмоции может объективироваться в предложении-высказывании при помощи номинанта эмоции и глаголов лексико-семантической группы «приобретение» (глаголы обладания – *to have*). Предложение-высказывание определяет пропозиция **субъект-бенефициант – предикат – объект-объектив**.

При вторичной репрезентации субъект эмоции осмысляется как субъект-бенефициант; эмоция – как объект-объектив. Такому осмыслению способствует метафорическая когнитивная модель FEAR – ARTIFACT.

(2) *For, after having been accustomed several months to the sight and converse of this people, and observed every object upon which I cast my eyes to be of proportionable magnitude, the horror I had at first conceived from their bulk and aspect was so far worn off, ...* [Swift URL].

Этот же этап передаётся в предложении-высказывании при помощи номинанта эмоции и глаголов лексико-семантической группы «существование» (*to be; to live*). Предложение-высказывание определяет пропозиция **субъект-экспериментер – предикат – место**.

При вторичной репрезентации субъект эмоции осмысляется как субъект-экспериментер, эмоция – как место. Такому осмыслению способствует метафорическая когнитивная модель FEAR – PLACE.

(3) *O, Lady Bellaston! what a terror have I been in for fear your reputation should be exposed by these perverse accidents!* [Fielding URL].

Этап завершения эмоционального состояния может репрезентироваться в предложении-высказывании при помощи номинанта эмоции и глаголов лексико-семантической группы «физическое воздействие на объект» (глаголы «очистения и удаления объекта» – *to remove, to dispel, to clear, to erase, to wear off, to be devoid of*; глаголы «избавления» – *to ease; to banish*). Предложение-высказывание определяет пропозиция **субъект-агент – предикат – объект-объектив**.

При вторичной репрезентации причина завершения эмоции осмысляется как субъект-агент, эмоция – как объект-объектив. Такому осмыслению способствует метафорическая когнитивная модель FEAR – ARTIFACT.

(4) *...the courtesy of these people had by degrees removed all the apprehensions of Partridge...* [Fielding URL].

Третий этап также передаётся в предложении-высказывании при помощи номинанта эмоции и глаголов лексико-семантической группы «социальные

отношения» (*to get over*). Предложение-высказывание определяет пропозиция **субъект-агент – предикат – объект-агент (контрагент)**.

При вторичной репрезентации субъект эмоции (экспериенсер) осмысляется как субъект-агент, а эмоция – как объект-агент (контрагент). Такому осмыслению способствует метафорическая когнитивная модель FEAR – HUMAN BEING.

(5) *He had now got over his fright, and his spirits being a little raised with the dram I had given him, he was very cheerful, and told me, as before, he would die when I bid die* [Defoe URL].

Компонент концепта FEAR – эмоция – осмысляется как нечто пассивное, как передаваемый кому-то объект (первый этап); как то, что оказывает пассивное (непрямое) воздействие на субъект (второй этап); как нечто пассивное, управляемое причиной и субъектом эмоции и также как то, чему принадлежит активная сила, позволяющая противостоять внутренним и внешним обстоятельствам (третий этап).

Другой компонент концепта FEAR – субъект эмоции – осмысляется как лицо, которому свойственна инициатива возникновения эмоции (первый этап); как то, что подвергается косвенному воздействию эмоции (второй этап) и как то, чему может принадлежать как пассивная, так и активная сила в процессе завершения эмоционального состояния (третий этап).

Третий компонент концепта FEAR – причина – осмысляется как лицо, которому принадлежит активная сила на этапах возникновения и завершения эмоции (первый и третий этап).

Таким образом, метафорическая репрезентация, отражает то осмысление компонентов концепта FEAR, которое они получают при использовании наименований эмоций с глаголами разных лексико-семантических групп в предложении-высказывании.

Литература

Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2022.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

Defoe D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe. URL: <https://www.gutenberg.org/files/521/521-h/521-h.htm> (дата обращения: 10.09.2022).

Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling. URL: <https://www.gutenberg.org/files/6593/6593-h/6593-h.htm> (дата обращения: 10.09.2022).

Swift J. Gulliver's Travels. URL: <https://www.gutenberg.org/files/829/829-h/829-h.htm> (дата обращения: 10.09.2022).

*E. A. Chuksina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

**WAYS OF REPRESENTING THE CONCEPT *FEAR*
(on the basis of the artistic discourse)**

The article is devoted to the study of the verbal representation of the concept FEAR. Metaphorical cognitive models defining the secondary representation of the concept FEAR are determined, propositions underlying the sentences-utterances which objectify situations of emotional experience are defined. The analysis of the identified propositions reveals the characteristics of interpretation of three stages in experiencing the emotion of fear.

Key words: FEAR, scenario, cognitive model, proposition, sentence-utterance.

*E. O. Шевелева (Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
shevelev28@mail.ru*

**СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *POWER*
В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ**

В статье демонстрируется механизм внедрения деструктивной лексики, составляющей определенные конфликтогенные области концепта POWER, в событийный фрейм. Цель статьи – проследить изменение конфигурации фрейма «событие», выявить ключевые способы дискурсивного программирования в медиатекстах современных американских СМИ, обосновать роль эмотивов как средства манипулятивного воздействия в новостных сообщениях о России.

Ключевые слова: фрейм, событие, концепт, конфликт, война, эмоции.

Изучение политического дискурса последних нескольких лет, а в свете происходящих сегодня событий и нескольких последних месяцев, свидетельствует о том, что современный медиадискурс (как западный, так и отечественный) представляет собой благодатную почву для т. н. когнитивно-дискурсивного миромоделирования, где в пределах новостной статьи, репортажа журналиста, мема на злобу дня или иных видов медиатекста за счет объективации в дискурсе ментальных конструктов разной степени концептуальной сложности создаются «нужные» модели мира. Между тем логика построения любого сообщения о событии, а точнее само это событие предполагает наличие определенной структуры, обязательным элементом

которой является т. н. «объективная» плоскость события, включающая знания об участнике (участниках) события, месте и времени развертывания события, то есть действий агенса и, как следствие, изменение существовавшей ранее ситуации. Фактически данные элементы определяют доминантные, базовые слоты фрейма «событие» в любом контексте его существования – *Кто? Что? Где? Когда? Каков результат?* Информационная функция медиасообщения предполагает отсутствие какой-либо индивидуальной интерпретации личностей участников события и/или элементов пространственно-временной локализации, однако, как показывают многочисленные исследования представлений категории событийности в медиадискурсе, объективная плоскость трансляции события подвергается значительным модификациям за счет реализации стратегии коммуникативного программирования на различных дискурсивных уровнях. Владелец же такой возможности, создатель (творец) той самой «новой» реальности – наблюдатель-интерпретатор (в терминах Э. Р. Нигматуллиной), то есть автор новостного сообщения (текста репортажа или иного медиатекста). Именно «автор закладывает определенную информацию в текст, продуцируемый им в ходе дискурсивной деятельности, имея в виду некоторого читателя (группу читателей) и программируя свое воздействие на получателя информации» [Беляевская 2017: 111–112]. Таким образом, наблюдатель-интерпретатор становится не просто частью концептуальной структуры медиасобытия, он использует заложенный в языковых механизмах потенциал вариативной интерпретации действительности и в случае необходимости активирует его.

Цель настоящей работы – проследить механизм внедрения деструктивной лексики, вербализующей определенные конфликтогенные смысловые области концепта POWER в тексты современных англоязычных новостных сообщений о России.

Источником материала послужили 15 новостных статей, представленных на официальном сайте CNN в период с 1 января по 6 января 2023 года и фокусирующихся на текущих событиях с участием России. В ходе анализа были использованы статьи как на военную, так и на экономико-политическую тематику. Общий объем текстового материала составил порядка 40 тысяч печатных знаков.

Как известно, концептуальные основания вербальной составляющей любого дискурса – это сложная система взаимосвязанных механизмов репрезентации информации в человеческом сознании, представляющих собой некую молекулу ДНК текста. Так же, как и ДНК, совокупность всех языковых единиц текста – макромолекула, которая хранит информацию в виде определенного концептуального кода, обеспечивая передачу некоей программы. Однако ДНК может быть повреждена из-за воздействия внешних

агентов. Здесь механизм коммуникативного программирования (в терминах Соколовой В. Л.) сравним с намеренным изменением молекулы ДНК. Например, молекулу можно «починить», заменив «больной» ген на «здоровый». В случае же современного медиатекста очевидна обратная операция: изменение объективной (конструктивной) молекулы на деструктивную с мощным манипулятивным зарядом при помощи так называемых «конфликт-генов». Под «конфликт-генами» мы понимаем внедряемые в нужные участки ДНК текста лексические единицы конфликтотенной семантики. При этом мы согласны с тем, что коммуникативное программирование осуществляется не только за счет лексической составляющей текста, но и на лексико-коммуникативном, грамматико-коммуникативном, фонетическом и прочих дискурсивных уровнях [Соколова 2022б: 101].

Проведенный анализ лексического наполнения отобранных статей показал, что по-прежнему (см.: [Шевелева, 2018; Шевелева, 2019]) главным средством негативизации образа России в западном медиапространстве остается семантический арсенал вербализаторов мега-концепта POWER, рекуррентность отдельных смысловых блоков которого настолько интенсивна, что вытесняет традиционно значимые концептуальные элементы.

Объективная плоскость описываемых событий оказывается почти полностью за пределами внимания реципиента. Выявлены всего пять основных параметров объективного освещения события: 1. Имена и фамилии участников события (*Vladimir Putin, Shoigu, Vitali Klitschko, Volodymyr Zelenskiy, Klaus Iohannis, Recep Tayyip Erdoğan* и т. д.); 2. Посты и должности, занимаемые участниками события (*President, Commission spokesman, Defence Minister, The mayor of Kyiv, The German foreign minister* и т. д.); 3. Названия международных организаций, социальных сетей и мессенджеров, новостных порталов и т. п., являющихся косвенными участниками события (*The European Union, The United Nations, Telegram, the Guardian, Reuters, Interfax* и т. п.); 4. Географические объекты, как природные, так и социальные (*Kyiv, Moscow, Brussels, Turkey, Ukraine, Russia, the Atlantic Ocean, the Black Sea* и т. п.); 5. Временная локализация (*since 2014, on 24 February, on New Year's Eve, dated 20 December and 2 January* и т. п.). По нашему мнению, собственная семантика данных языковых единиц является лишенной каких-либо оценочных семантических признаков и сама по себе не несет какой-либо деструктивной или созидательной нагрузки, поскольку выполняет лишь номинативную функцию, способствующую созданию так называемого «условия задачи» – «дано». Несмотря на то, что нами отмечено незначительное участие элементов объективной плоскости в освещении известных событий, данные элементы составляют концептуальный каркас новостных сообщений и могут служить его облигаторными (неизменными) слотами.

Субъективная же плоскость события наполнена большим количеством лексических единиц (далее – ЛЕ), смысловое содержание которых реализует семантику POWER. При этом важно отметить, что в настоящий момент происходит очевидное смещение концептуального фокуса POWER с таких смысловых доминант, как «способность», «энергия», «контроль», «власть», «влияние» (как способность), на частные, традиционно менее значимые концептуальные признаки POWER, такие как «военная мощь», «война», «смерть», «горе» («страдание»), «влияние» (как оказание воздействия, в том числе и механического (химического)), «право».

К наиболее ярким конфликт-генам, обеспечивающим самую высокую номинативную плотность концепта **«военная мощь»**, следует отнести ЛЕ таких смысловых блоков, как «виды вооружения» (включая сведения об их исключительных технических характеристиках) (*multiple-launch rocket systems, hypersonic cruise missiles, hypersonic weapons, above five times the speed of sound – and manoeuvrability, armed with Zircon (Tsirkon) hypersonic weapons, the latest hypersonic missile system, powerful weapons, military vehicles, combat-ready ships, Himars launchers, arms, rifles, anti-tank weapons, guns, molotov cocktails, body armour, the bulletproof vests, protective plates, identification systems, weaponry*) и «военные контингенты» (*military general staff, troops, soldiers, the defense sector, new military units, peacekeepers, servicemen, armed forces, the army, top commanders, paratroopers, police force, forces, self-defense forces, regiment, manpower*). Концепт **«война»**, как одна из смысловых доминант современного западного медиадискурса, реализуется: 1) за счет таких ЛЕ, как *war, battlefield, attack* и *conflict*, которые в силу своей широкой семантики охватывают все элементы военных конфликтов и баталий; 2) за счет ЛЕ, номинирующих применение различных видов вооружений и/или задействование личного состава, например, *to launch, to strike, to order [troops] into, to send [a frigate], to fortify [the area], to conduct combat operations, to deploy troops*; 3) за счет ЛЕ, номинирующих ведение боевых действий, таких как *to fight, to resist, to conduct, to ambush, to set up [checkpoints], offensive, shooting, to crush*.

Внедрение в смысловое пространство медиатекста концепта «смерть» и, как следствие, концепта «горе» («страдание») происходит посредством употребления таких ЛЕ, как *casualties, the casualty rate, the dead, devastation, death toll, deadly, the missing, killed, mourners, lay wreaths and roses, priest, recipe prayers, to bear losses, mass graves, grief, wounded*. Данный смысловой блок имеет, как нам представляется, важнейшее манипулятивное значение, ибо он апеллирует к чувствам реципиента, вызывая так называемый «лакриматорный» эффект [Соколова 2022а: 91].

Такая концептуальная доминанта POWER, как «влияние» в своей разновидности «оказание прямого воздействия, в том числе механического/

химического/физического), реализуется в тексте посредством единиц *to strike, to destroy, to disable, to detonate, to explode*. И хотя номинативная плотность данного смыслового блока невелика, его рекуррентность в контексте свидетельствует о его высокой значимости для описания результата события.

Важнейшим программирующим действием обладает такая концептуальная доминанта POWER, как «право». «Неправомерность» действий России в регионе, представление о ней как об агрессоре, нагнетается употреблением таких клишированных фраз, как *illegal war, to violate the international conventions, invasion, to invade*.

Облигаторный элемент фрейма «событие» – результат (изменение изначального состояния) – наполняется лексическими единицами с семантикой замедления и упадка *to choke off, to drop to, to reduce, to slow down, to fall*, чем подчеркивается деструктивное влияние действий России на экономику Европы.

Как отмечает Э. Р. Нигматуллина, «эмоциональная составляющая в медийном тексте зачастую представляется в качестве отдельного самостоятельного концепта и представляет собой категорию, которая мало освещается при исследовании газетного/журнального текста» [Нигматуллина 2021: 10]. Изученный материал позволил выявить репрезентанты пяти семантических зон (далее – СЗ) смыслового пространства эмоций (далее – СПЭ). СЗ 1 «лексические обозначения базовых эмоций» представлена такими ЛЕ, как *anger, fear, grief, aggression, rage, scared*. СЗ 2 «лексические обозначения эмоциональных состояний» реализуется за счет ЛЕ *in shock, in dismay*. СЗ 3 «лексические обозначения эмоционально-интеллектуальных состояний» представлена такими ЛЕ, как *no doubt, to believe, to realize, confused*. К СЗ 4 «лексические обозначения физических проявлений эмоций» отнесены *to break down, to mourn, bone in the throat*. СЗ 5 «лексические единицы с устойчивой ассоциацией с эмоциями» традиционно представлена такими ЛЕ, в семантике которых присутствует компонент «эмоция». Интересно, что т. н. «скрытые» эмотивы (в терминах Э. Р. Нигматуллиной) не были обнаружены в исследованном нами языковом материале. На наш взгляд, данный факт связан с необходимостью эксплицитного описания проявляемых эмоций, то есть употребляемые эмотивы не должны иметь никаких импликаций и предполагать различные интерпретации. Самая же крупная и лексически насыщенная СЗ – шестая – «указания на события и действия, формирующие эмотивный фон». Это, как подчеркивает Э. Р. Нигматуллина «репрезентанты фреймов, соотносимых с ситуациями и действиями, которые выступают в качестве источников эмоций» [Нигматуллина 2021: 15]. В нашем материале такими фреймами очевидно являются фреймы «военная мощь», «война», «смерть», «горе» («страдание»), «влияние» (как оказание воздействия, в том числе

и механического (химического)), «право». Важно подчеркнуть, что несмотря на повсеместное присутствие в изученных медиатекстах эмотивов разных типов, они, тем не менее, не затронули т. н. «объективную» плоскость события. Нами не отмечено ни одного случая эмоциональной оценки личностей ключевых участников события – президентов воюющих стран – со стороны авторов статей. Между тем подобное сдержанное описание события компенсируется включением в тексты статей эмотивов СЗ 6, а также смещением концептуального фокуса мега-концепта POWER. Данные механизмы негативизации безусловно выполняют свою роль, оказывают должное воздействие на реципиента и способствуют углублению и расширению субъективизации англоязычного медиадискурса в отношении описываемого конфликта в целом.

Полученные в ходе изучения англоязычных медиатекстов результаты говорят о тенденции не только к негативизации образа отдельных персоналий нации и их деятельности, но и об очевидности экстраполяции антипатий в отношении конкретных личностей на всю нацию в целом (в том числе на ее язык, культуру, науку), создавая деструктивный образ любого представителя государства, будь то его глава, выдающийся деятель науки или искусства или простой гражданин.

Литература

Беляевская Е. Г. Стратегии формирования скрытых смыслов в медиадискурсе (на материале британской прессы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 109–122.

Нигматуллина Э. Р. Реализация лексико-семантической категории эмоций в англоязычном газетном / журнальном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2021.

Соколова В. Л. Дискурсивные средства создания лакриматорного эффекта в англоязычных СМИ // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: Сборник материалов V международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). М.: 2022а. С. 90–96.

Соколова В. Л. Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022б. Вып. 1 (856). С. 99–106.

Шевелева Е. О. Открытие Крымского моста: негативизация события западными СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 218–230.

Шевелева Е. О. Рекуррентность концепта «Power» как инструмент формирования образа России в англоязычных медиатекстах // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 81–87.

E. O. Sheveleva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT *POWER*
IN CONTEMPORARY ENGLISH MEDIA TEXTS**

The article demonstrates the mechanism of inserting destructive lexis representing certain conflict-laden areas of the concept *POWER* into the frame 'event'. The article aims to trace the modification of the frame 'event', to reveal the key tools of discursive programming in contemporary American mass media texts, and to justify the role of emotives as a means of manipulative influence in news report about Russia.

Key words: frame, event, concept, conflict, war, emotions.

Н. В. Шелепова (Астрахань, Россия)
*Астраханский государственный
технический университет
shelepova1976@mail.ru*

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
(на материале английских мифологических концептов
THE WORLD TREE и *CHAOS*)**

В статье представлены результаты изучения мифологических концептов *THE WORLD TREE* и *CHAOS* с позиций когнитивного подхода, позволяющего раскрыть специфику функционирования мифологического сознания в условиях современности и проанализировать языковые способы объективации этих концептов.

Ключевые слова: мифологическое сознание, репрезентации, интерпретация, объективация, мифологический концепт.

Сегодня вопросы сознания как никогда стали актуальными. Проблемы искусственного интеллекта, нейросетей, нейролингвистики, механизмы работы сознания, моделирование мыслительных процессов – вот далеко не полный перечень дискуссионных моментов, всесторонне освещаемых в современной научной литературе. Среди этого пестрого множества мифологическое сознание как разновидность сознательных процедур обыденного формата, на наш взгляд, представляет собой весьма интересный объект изучения, хотя само по себе сознание не является объектом.

Известно, что сознание и язык могут естественным образом функционировать лишь при условии существования представлений (которые М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский называют *метапредметами*) о самих этих предметах [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 35]. Мифологическое сознание не является исключением. Мифологические представления/репрезентации составляют важную часть мифологического сознания наряду с другими формами. Они позволяют мифу быть, функционировать.

В философских работах миф очень часто рассматривается как структура/конструкт/конструкция сознания (см. работы В. Вундта, Ф. Ницше, З. Фрейда, К. Леви-Стросса и др.). По мнению М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, миф – это скорее *факт сознания*, обладающий целостностью, за которым стоит ряд интерпретаций [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 84]. Структура сознания характеризуется некой изначальной заданностью, ограниченной конечным по своему классификационному ряду материалом [Там же: 80]. Миф же невозможно загнать в какие-либо рамки; он не сводим к составляющим его элементам и не выводим из них. Поэтому любое изучение мифа или его лингвистически объективируемых форм будет условным, т. к. такое «препарирование» позволит воссоздать/реконструировать лишь часть представления о том или ином мифологическом событии.

Тем не менее, будучи фактом сознания, миф может объективно находиться в структуре сознания или субъективно интерпретироваться в смысле этой структуры [Там же: 84]. Так, включение различных структур сознания и процедур выражается, например, в том, что мифологический концепт МИРОВОЕ ДРЕВО (англ. THE WORLD TREE) часто интерпретируется как представление об устройстве мира и выступает в качестве универсальной концепции мироздания с горизонтальным и вертикальным пластами членения, содержащими бинарные оппозиции (верх – низ, небо – земля, земля – подземное царство, правый – левый, север – юг, восток – запад и др.) – *пространственная схема* и в этом смысле рассматривается как символ *постоянства, неизменности*. THE WORLD TREE может также интерпретироваться как временная схема/модель, объединяющая в себе прошлое, настоящее и будущее, а вместе с этим и предков, ныне живущих и потомков. В более узком временном ключе – утро, день, ночь; смена времен года и погоды, т. е. является символом течения времени, изменений. В целом THE WORLD TREE выступает в качестве представления о миропорядке, космическом, глобальном мироустройстве, в котором действуют определенные пространственно-временные законы постоянства и перемен (более подробное изучение МИРОВОГО ДРЕВА см.: [Шелепова 2018]), а потому данный космологический концепт представляет собой, олице-

творяет МИРОВУЮ МУДРОСТЬ (англ. THE WORLD WISDOM). Для сравнения: в ирландском и валлийском языках слова, обозначающие дерево *fid* и *gwydd* и мудрость *fios* and *gywddon* соответственно, этимологически связаны [Monaghan 2003: 452]. По мнению В. Н. Топорова, Мировое дерево (*Космос/ Cosmos* в других терминах) – универсальный знаковый комплекс [Топоров1 2011: 451], что подтверждает слова Е. С. Кубряковой о знаковом или символическом характере репрезентации/представления [Кубрякова 1997: 157]. В современном сознании концепт МИРОВОЕ ДРЕВО также находит свое выражение в генеалогическом древе, алхимическом древе, древовидных структурах данных, схемах и т. д.

Еще один космологический мифологический концепт, логически связанный с предыдущим и противопоставляемый ему, – ХАОС (англ. CHAOS) (др.-греч. χάος, от χαίνω ‘разверзаться’, ‘раскрываться’, ‘изрыгать’, от **khnwos*, от праиндоевроп. корня **ghieh-* «зевать, широко открывать») [OED], ср. χάσμα ‘яма’, ‘пропасть’, ‘зияющая бездна’; ‘зев’, ‘пасть’) [Топоров2 2011: 418]. Как пишет В. Н. Топоров, особая организующая роль Мирового древа ярко прослеживается при сравнении с тем, что предвляло его, эту идею, – Хаосом [Топоров1 2011: 452], который рассматривается им как первоначальное неупорядоченное состояние, предшествующее созданию мира, космоса; одновременно его первоисточник и его конечное состояние; первое во времени (или даже до времени) состояние Вселенной; первопотенция, развертывание которой привело к созданию мира [Топоров2 2011: 418].

В английский язык существительное *Chaos* пришло из греческого через латинский (в греч. мифологии *Хаос* – одна из первопотенций наряду с Геей, Тартаром и Эросом). Первое употребительное значение было «неизмеримая и бесформенная пустота, бесконечная тьма», особенно в отношении состояния, которое предшествовало Сотворению Вселенной Богом [DC]. В версии «Бытия» Вульгаты (латинский перевод Библии) (1530-е гг. на англ. языке) слово *Chaos* использовалось для обозначения «пустоты в начале творения, запутанного, бесформенного, элементарного состояния Вселенной» [OED].

В современном англоязычном сознании *Chaos* представлен как “*a state of things in which chance is supreme; especially: the confused unorganized state of primordial matter before the creation of distinct forms*” [MW]; “*the state believed to have existed before the universe gained order, in which it had no shape or form*” [MD]; “*the infinity of space or formless matter supposed to have preceded the existence of the ordered universe*” [DC].

Анализ представленных дефиниций *Chaos* позволяет выделить следующие концептуальные составляющие: 1) форма существования – состояние – *state*; вещество – *matter*; 2) отсутствие организации, порядка =

беспорядок, господство случайности – *the confused unorganized state, before the universe gained order, to have preceded the existence of the ordered universe, chance is supreme*; 3) отсутствие дифференцируемой (материальной) формы – *before the creation of distinct forms; no shape or form; formless*; отсутствие границ – *the infinity of space*; 4) изначальность, первоначальность, исконность – *primordial*; 5) состояние, предшествующее другому состоянию – *before the creation of distinct forms, before the universe gained order, to have preceded the existence of the ordered universe*; 6) гипотетичность – *believed to, supposed to...*

В итоге получаем следующее: словарные дефиниции содержат ментальные представления о форме существования, наличии/отсутствии связей внутри образования, наличии/отсутствии материальной формы, границ, наличии/отсутствии временного начала, соотносённости с другим состоянием/явлением, гипотетичности/фактуальности явления.

Сегодня существительное *Chaos* расширило свой интерпретирующий потенциал, что проявляется в метафорических значениях и научной терминологии: “**Ia**: a state of utter confusion; **b**: a confused mass or mixture” [MW]; “a state of total confusion with no order” [CD]; **scientific** “the behavior of systems that follow deterministic laws but appear random and unpredictable” [DC]. Значение «полное замешательство» (ок. 1600 г.) является расширенным значением богословского использования слова *Хаос* [OED].

Активно функционируя в современном англоязычном сознании, концепт *CHAOS* объективируется в различных лингвистических формах, трансформируясь и расширяя свою когнитивную структуру, что находит выражение во множестве языковых сочетаний с: 1) прилагательными *absolute, complete, deterministic, great, ensuing, pure, resulting, total, utter, widespread* а также *cosmic, domestic, economic, entertaining, financial, market, pandemic, pathological, political, quantum, social, traffic, travel*; 2) глаголами **verb + chaos**: *avoid, bring, cause, create, find, make, prevent, represent, sow, etc.*; **chaos + verb**: *break out, ensue, erupt, ensue, reign*; 3) предлогами **preposition + chaos**: *in (organized) chaos, out of chaos, amid the chaos*; 4) **verb + preposition + chaos**: *be in chaos, be thrown/plunged into chaos, go to chaos, descend into chaos*.

Кроме того, не редко встречаются фразы, содержащие в своей структуре компонент *chaos*: *in a condition of chaos, on the brink of chaos, to the brink of chaos, on the edge of (complete) chaos, order out of chaos* [DC, MD, MW, OLD].

Таким образом, находясь в структурах сознания в качестве факта, миф активно интерпретируется этими структурами и находит свое дальнейшее выражение, объективируется в разнообразных языковых формах, раскрывая свой практически безграничный потенциал.

Литература

Кубрякова Е. С. Репрезентация, ментальная репрезентация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 157–160.

Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Топоров1 В. Н. Мифология: статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2011.

Топоров2 В. Н. Мифология: статьи для мифологических энциклопедий. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2011.

Шелепова Н. В. К вопросу об универсальности мифологемы «Мировое древо» // VIII Лазаревские чтения: сборник материалов международной научной конференции: в 2-х частях. Ч. 1. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2018. С. 269–270.

Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. N. Y.: Facts On File, Inc., 2003.

CD – Cambridge Dictionary. Chaos. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/chaos>.

DC – Dictionary.com. Chaos. URL: <https://www.dictionary.com/browse/chaos>.

MD – Macmillan Dictionary. Chaos. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/chaos>.

MW – Merriam Webster. Chaos. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/chaos>.

OED – Online Etymology Dictionary. Chaos. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=chaos>.

OLD – Oxford Learner’s Dictionary. Chaos. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/chaos?q=chaos>.

N. V. Shelepova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

LINGUISTIC FORMS OF MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS REPRESENTATION (based on the English mythological concepts *THE WORLD TREE* and *CHAOS*)

The paper presents the results of studying the mythological concepts THE WORLD TREE and CHAOS from the standpoint of a cognitive approach, which allows revealing the specifics of the mythological consciousness functioning in modern conditions and analyzing the linguistic methods of objectifying these concepts.

Key words: mythological consciousness, representations, interpretation, objectification, mythological concept, THE WORLD TREE, CHAOS.

О. В. Шкуран (Луганск, Москва, Россия)

*Луганский государственный
педагогический университет,*

*Российский университет дружбы народов
oksana.shkuran@mail.ru*

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ ПАТРИОТ КАК ВТОРИЧНОГО КОГНИТИВНО-СМЫСЛОВОГО КОДА

В статье представлены метод семантической реконструкции и когнитивный анализ для рассмотрения языковой единицы *патриот*, которая приобретает широкое словоупотребление, заменяя слово *отчизнолюбец*. Показано, что данная лексема гармонично вписывается в деривационную базу слова *Отечество* и имеет прозрачную внутреннюю форму. Когнитивно-смысловое наполнение концепта ПАТРИОТ как составляющей когнитивной структуры репрезентирует себя как духовную опору современного русского языка, сформировав статус вторичного когнитивно-смыслового кода русской лингвокультуры XX–XXI вв.

Ключевые слова: концепт ПАТРИОТ, когнитивный анализ, семантическая реконструкция, сакральность.

Ориентируясь на вербальный язык, сознание, мышление, творческую духовно-практическую деятельность человека со сложившимся архетипом, произошло смещение центра когнитивных процессов и интерпретация естественных вербальных данных. основополагающее качество человека – владение внешним и внутренним языком – выдвинуло перед учеными способность обретения новой исследовательской динамики и радикальных преобразований «всех ее базовых позиций» [Кубрякова 1995: 207].

Когнитивные исследования открыли дополнительные перспективы с учетом антропоцентрических установок и устоявшейся теоретической парадигмы. Слово на протяжении многих веков стало главным инструментом человеческого самосознания и познания мира, смыслообразующим центром культуры. Принятый Указ Президентом России от 09.11.2022 «Об утверждении государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определил главные русские ценности, представленные такими языковыми единицами, как «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента РФ 2022: 2], которые очертили концеп-

туальное поле «Традиционные ценности» и стали толчком для упрочнения духовных скреп российского общества и повышенного лингвистического интереса к концептам ДОСТОИНСТВО, ЖИЗНЬ, ИДЕАЛ, ОТЕЧЕСТВО и др.

Предметом нашего исследования стала экспликация языковой единицы *патриот* как вторичного когнитивно-смыслового кода русской лингвокультуры взамен слову *отечестволюбец*, активно функционирующей до начала XVIII в.

Материалом для исследования послужили словарные статьи из лингвистических словарей как в диахроническом, так и синхроническом аспектах.

Русский язык, российская история являются столпами сохранения национальных ценностей и идеалов русского народа, а русское слово выступает основным источником духовного и вещественного опыта поколений и основой культуры, способствуя постижению мира и выступая формой воплощения человеческого духа. Оно определяет, наряду с живыми идеями современности, унаследованные из прошлого языковые единицы *патриот* и *отчизнолюбец*. Спектр значений, иллюстрирующий архетипы языка, живет и формируется под влиянием своих законов, принципов построения, поэтому для изучения когнитивно-смыслового кода данных слов необходимо воспроизвести примеры в разные периоды развития языка, а также различные связи и соотношения с другими лексическими парадигмами. «Такие закономерности различаются по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [Иванов, Ломакина, Ершов 2022: 113].

Языковые единицы сферы материальной и духовной культуры, форм мировоззрения эволюционируют и влияют на формирование типов мышления, поскольку они также зависят от разных цивилизационных эпох. Без учета общей базы материальной и духовной культуры, без знаний истории общественной мысли невозможно выяснить причины и условия семантического развития лексических систем. Еще в 90-х гг. XIX в. М. М. Покровский подчеркивал: «отдельные явления языка вполне понятны нам лишь тогда, когда мы будем изучать их в связи с общим развитием» [Покровский 1899: 19].

В «Славянском корнеслове» употреблено слово *отечестволюбец* – ‘тот, кто любит Отечество свое’ [Шишков 1817: 347]. Как пишет автор, «мы по большей части вместо своего *отечестволюбец* употребляем французское слово *patriote*, сделанное из латинского *patria* ‘отечество’, ибо в латинском языке нет слова *patriota*, или не то значит, а есть *compatriota* ‘соотечественник’. Само собой *patriote* не больше говорит, как только ‘отечественник’, а не ‘отечестволюбец’. Итак, оно есть условное, не выражающее само собой любви к отечеству, но принятое в этом смысле» [Там же: 348].

Комментарии заканчиваются мыслью о том, что проще сказать патриотическое чувство, чем отечестволюбивое чувство.

В МСДРЯ отсутствует словарная статья к слову *patriot*, но широко представлены дефиниции к слову *отец*, среди которых значимое место занимает ‘Бог-Отец, значимая ипостась Троицы’, что свидетельствует о том, что Бог сам определяет место рождения человека и выбирает ему Отчизну в значении ‘отцы, предки, род’; ‘вотчина, родовое владение’; ‘право родового владения’ [Срезневский 1902: 832]. Как видим, для русского человека местом рождения является Отчизна, которая дает не только право, но и обязанность владения и защиты этого места. Слово *отчелюбич* в данном словаре называет человека, любящего отца и свою Отчизну.

В ПССС слово *отец* имеет девять значений, где выделена дефиниция ‘отец вечный вечного сына, Господь нашего Иисуса Христа, первое лицо Святой Троицы’, что еще раз подтверждает сакральность слова *Отчизна*, которое дальше автор иллюстрирует следующим образом ‘род, поколение, вотчина, родовое поместье’. Дериватом к слову *Отчизна* определено слово *отчестволюбец* в значении ‘любящий свое Отечество, патриот’ [Дьяченко 1899: 395].

Впервые, по наблюдениям М. Фасмера, слово *patriot* употреблено любителем всего европейского, царем Петром I [Фасмер 2009: 217]. В 1717 году была издана книга «Рассуждение, какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII Шведского 1700 году имел...», в которой автор сочинения барон Петр Шафиров впервые употребляет это слово с толкованием значения на полях ‘Отечества сын’. Впервые было зафиксировано новое для русских людей слово, которое чаще употреблялось и звучало как ‘Отечества сын’ или ‘верный сын Отечества’. Ряд историков связывают популяризацию слова *patriot* с полемикой среди английских политиков в 70-е годы XVIII века с двусмысленным значением – ‘искренние или фальшивые чувства к родине’. Ведь горячо любящий, верный сын Отечества не будет вредить родной земле и своим соотечественникам.

СРЯ иллюстрирует такие дефиниции: ‘тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, родине. ... Впервые слово *patriot*, по мнению М. Калинина, появилось в период Французской революции 1789–1793 гг. Патриотами тогда называли себя борцы за народное дело, защитники республики’ [СРЯ 1988: 32]. «Слово, имея различное количество выявленных координат связей и отношений в лексическом значении, ступени развития от количества к качеству и от качества к количеству, представляет сложную сущность, которая трансформируется в мысль, мысль – в смысл (содержание, назначение, цель денотата), смысл – в языковую единицу с сакральной, профанной, десакральной семантикой (содержание денотата в контексте

культуры), языковую единицу в константу (содержание денотата в мироздании) с различной семантикой» [Шкуран 2022: 573].

Это свидетельствует о многофакторной экспликации языковой единицы *патриот* с дефиницией ‘соотечественник’ на основе комплексного смыслового воздействия и активизации его вторичного смысла ‘тот, кто любит свое Отечество’.

Таким образом, фрагмент лингвистического исследования показывает незаслуженно забытое слово с прозрачной внутренней формой *отечестволюбец* в силу своего длительного звучания, сложности произношения и стремления современного русского языка к краткости и лаконичности. Когнитивно-смысловое наполнение языковой единицы *патриот* как составляющей когнитивной структуры репрезентировало себя как духовную опору современного русского языка и приобрело статус вторичного когнитивно-смыслового кода русской лингвокультуры XX–XXI вв.

Литература

Указ Президента РФ – Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 02.01.2023).

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений). М.: Типография «Вильде», 1899 (репринтное, отсканированное издание). (ПЦСС)

Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Ершов В. И. Категоризация пословичной семантики: номологические пословицы // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4 (51). С. 112–116.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Издательство, 1995. С. 144–238.

Покровский М. М. Материалы для исторической грамматики латинского языка. М.: Университетская типография, 1899.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН. 1902. (МСДРЯ)

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А. П. Евгеньев; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3: Муза-Сят. М.: Астрель: АСТ. 2009.

Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных. СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2002.

Шкуран О. В. Соотношение смысла и значения слова // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 3 (50). С. 570–574.

O. V. Shkuran (*Lugansk; Moscow, Russia*)
Lugansk State Pedagogical University,
Peoples' Friendship University of Russia

EXPLICATION OF THE LANGUAGE UNIT *PATRIOT* AS A SECONDARY COGNITIVE-SEMANTIC CODE

The article presents a method of semantic reconstruction and cognitive analysis for the consideration of the *patriot* language unit, which is becoming widely used, replacing the word *fatherland lover*. It is shown that this lexeme harmoniously fits into the derivational base of the word *Fatherland* and has a transparent internal form. *PATRIOT* as a component of the cognitive structure represents itself as a spiritual support of the modern Russian language, having formed the status of a secondary cognitive-semantic code of the Russian linguoculture of the XX–XXI centuries.

Key words: *PATRIOT* concept, cognitive analysis, semantic reconstruction, sacredness.

А. С. Щербак
(*Самарканд, Узбекистан; Тамбов, Россия*)
Самаркандский государственный университет
имени Шарофа Рашидова,
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
ant_scherbak@mail.ru

МЫШЛЕНИЕ – ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ЗНАК – ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Доказывается, что имена собственные сопряжены с когнитивными процессам и ономастические знаки как концептуальные сущности, лежащие в основе функционирования языка, занимают срединное положение между мышлением и действительностью.

Ключевые слова: когнитивная ономастика, ономастический знак и мышление, река Волга.

Важной составляющей многолетней и плодотворной исследовательской программы концепции Н. Н. Болдырева, основателя когнитивной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур», является разработка теории ономастической репрезентации [Болдырев, Алпатов 2008; Болдырев 2016]. Эта теория ориентирована на изучение и описание роли ономастических категорий в объективировании и классифицировании знаний о мире в такой их разновидности, как ономастические знания.

Теория языковой репрезентации ономастических знаний развивает изучение особого типа когнитивных структур, связанных с осознанной ономастической деятельностью человека и восходит к широкому пониманию имени собственного как языкового знака (Т. Гоббс, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова).

Имена собственные наделены яркой особенностью: в их семантике отражается содержание дискурсивной информации, чему способствует их интерпретация в качестве образа, символа или мифа. А. Ф. Лосев «различает три степени смысловой насыщенности языка – знак вообще, символ и миф» [Лосев 2009; Пустовалова 2018: 54].

Под «ономастическим знаком» нами понимается любое имя собственное, отражающее языковые и энциклопедические знания и служащее для организации ономастического знания в человеческом сознании, а именно в ономастическом сознании.

Когда нужно дать чему-то наименование или назвать кого-либо, мы мысленно представляем себе конкретный объект/субъект через посредство ономастического знака, пытаемся отразить в нём имеющееся знание в языковом сознании и закрепить за ономастическим знаком определенную форму репрезентации в языке.

Отражение собственных имен в сознании носителей того или иного языка являет собой специфическую составляющую метаязыкового сознания, которая способствует формированию ономастического сознания у любого человека. Термин «ономастическое сознание», введенный в научный оборот Т. В. Шмелевой, активно используется при когнитивном подходе к изучению ономастических единиц [Щербак 2020]. В одной из немногих работ, посвященных изучению признаков модного ономоупотребления, ономастические единицы рассматриваются сквозь призму «ономастического сознания» языковой личности [Врублевская 2017].

Теоретическая значимость когнитивного исследования онимов опирается на положение о невербальности мышления и представлении имени собственном как наглядном образе, передающим дополнительные смыслы. Из этого следует, что именно контекстуальная фоновая информация позволяет нам понять репрезентируемое знание о той или иной ономастической единице.

Ведущие ученые Тамбовской когнитивной школы на различном языковом материале разрабатывают новые методы когнитивного анализа (Н. Н. Болдырев, Л. А. Фурс, Л. В. Бабина, С. Г. Виноградова и др.). Обращает на себя внимание разработка когнитивно-матричного метода, направленного на исследование ономастических фактов и выявление тематически-концептуальных областей, лежащих в основе понимания значений ономастических единиц [Ду Чуньян 2021].

Обладая широкими коннотациями, имена собственные формируют особые зоны ономастического значения, как следствие – появляются образы и мифы. Так, знания матричного формата, лежащие в основе осознания гидронима Волга, открывают доступ к таким концептуальным областям, как: ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО, СТРАНА, ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЛИТЕРАТУРА, ЖИВОПИСЬ, ЧУВСТВА и ЭМОЦИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и другие.

Первые упоминания учеными о широко известном образе реки Волги были обнаружены в таких народных песнях, как «Ах ты, Волга ли, Волга-матушка», «Волга, реченька глубока», «Вниз по матушке по Волге», «Волга, моя матушка», например, строки неизвестного автора:

Волга-реченька глубока!
Прихожу к тебе с тоской:
Мил сердечный друг далеко,
Ты беги к нему волной.

Вспоминаются строки неизвестного автора народной песни на музыку А. С. Верстовского:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...

Традиционно считается, что первым русским поэтом, посвятившим отдельное стихотворение реке, был А. П. Сумароков, затем, через 33 года, появились строки Н. М. Карамзина («Волга», 1793), а еще через год создает свое стихотворение И. И. Дмитриев («К Волге», 1794).

В XIX веке образ Волги соединяется с темами «Война России с Наполеоном», «Восстание под предводительством Степана Разина». Слова «Волга-матушка» в последней четверти XIX века появляются в тех произведениях, где речь идет о Степане Разине, хотя это мы наблюдали и у А. С. Пушкина. Здесь прецедентом является, видимо, стихотворение Д. Садовникова, ставшее песней:

Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

*(Садовников Д.
«Из-за острова на стрежень...», 1883)*

Атаман Разин назван сыном матушки-Волги, ее женихом, а его грозный, удалой, широкий нрав сродни буйному характеру реки. Волга отождествля-

етс с Родиной-матерью, она является символом свободы, простора, широты и величия духа русского человека.

Образ Волги мыслится как в народном творчестве, так и в литературных сочинениях, например, «Как по Волге-Матушке» – песня о Волге Владимира Высоцкого, песня «Течёт Волга», исполняемая Людмилой Зыкиной, в живописи (картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге»).

Слово Волга отражает яркий художественный образ купечества в пьесе «Гроза» А. Н. Островского. Пьеса начинается словами Кулигина о неиссякаемой красоте волжских просторов. Река Волга в пьесе является участницей всех событий: на берег Волги уходят влюблённые, и здесь «взбунтуется» Тихон...; высокий волжский обрывистый берег и заречные дали вводят образ пространства России; героиня пьесы Катерина появляется на сцене, мечтая раскинуть руки и взлететь с прибрежной кручи, однако уходит из жизни, падая с этой кручи в Волгу.

Как любая единица языка, имя собственное имеет свое «ономастическое значение», и гидроним Волга, будучи единицей лексической системы языка, ориентирован не только на номинацию реального водного объекта, но и на отражение знания матричного формата.

Ядерный гидроним Волга в когнитивной матрице дает общее представление человека о географическом объекте, экономически важной транспортной артерии (как известно, это пятая по длине в России река), представление о главной реке России, о том, что это «мать русских рек», «красавица народная».

Компонентами матрицы служат когнитивные контексты, отражающие контекстуальную фоновую информацию, что позволяет нам понять репрезентируемое знание о Волге как факте русской географии, истории и культуры, как чувственно-наглядном образе, поскольку река воспринимается как сфера переживаний, эмоциональности, впечатлительности. Иными словами, слово *Волга* отражает не только гидронимические, но и антропонимические, культурологические, эмоционализованные представления человека.

Таким образом, имена собственные включены в структуру сознания и мышления и сопряжены с когнитивными процессами. Когнитивный подход к изучению ономастических знаков как концептуальных сущностей, лежащих в основе функционирования языка, позволяет считать, что имена собственные занимают срединное положение между мышлением и действительностью.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 35–48.

Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5–14.

Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2017.

Ду Чуньян. Перифразы небесных тел в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2021.

Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Академический проект, 2009.

Постовалова В. И. О межпарадигмальных переходах в полипарадигмальном пространстве постижения лингвистической реальности (Диалектический мир А. Ф. Лосева) // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова. / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 35–69.

Щербак А. С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 301–304.

A. S. Shcherbak

(Samarkand, Uzbekistan; Tambov, Russia)

*Samarkand State University named after Sharof Rashidov,
Derzhavin Tambov State University*

THINKING – ONOMASTIC SIGN – REALITY

It is proved that proper names are associated with cognitive processes and onomastic signs, as conceptual entities that underlie language functioning and occupy a middle position between thinking and reality.

Key words: cognitive onomastics, onomastic sign, thinking, the Volga river.

Е. Б. Яковенко (Москва, Россия)

*Институт языкознания РАН
yakovenko_k@rambler.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕРДЦА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье исследуется фрагмент концептуальной области ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА, представленный в древнеанглийском языке лексемой *heorte*. Обращение к памятникам религиозной и светской литературы показывает, что исследуемая единица, с одной стороны, реализует признаки религиозного концепта, с другой стороны, проявляет ряд специфических признаков наивного концепта, позволяющих противопоставить ее другим элементам концептуальной области, вербализованным единицами *hüge*, *mōd*, *gāst*, *sāwel*.

Ключевые слова: концептуальная область, внутренний мир человека, древнеанглийский язык, религиозный концепт, наивный концепт.

Общепринятым является утверждение, что внутренний мир человека, не поддающийся непосредственным наблюдениям, может быть описан благодаря языковым данным. Об этом писали еще в 90-е гг. основоположники отечественной когнитивистики Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова и многие другие – так или иначе этот тезис проходит через все когнитивные исследования. Если первоначально речь шла при этом об описаниях живых языков, то со временем понимание языка как способа и инструмента познания явлений внутреннего мира было перенесено и на сферу исторического языкознания, где правота вышеуказанного тезиса также была не раз подтверждена.

Данная работа преследует цель изучить фрагмент концептуальной области ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА, вербализованный в древнеанглийском языке лексемой *heorte* «сердце» и ее производными. Интерес представляют как общие признаки концепта HEORTE, позволяющие ему функционировать в составе указанной области, так и его специфические признаки, противопоставляющие его другим элементам данного ментального образования. Материал исследования составляет около 500 контекстов лексемы *heorte* и ее производных, главным образом *mildheort* и *mildheortnes*, выявленных путем сплошной выборки из древнеанглийских поэтических и прозаических памятников (выборка сверена с данными Хельсинкских корпусов древнеанглийской прозы и поэзии [XML Helsinki Browser 2022]).

Обращение к текстам показывает, что рассматриваемый концепт демонстрирует различное функционирование в памятниках прозы и поэзии. В древнеанглийской прозе, преимущественно религиозной и переводной, контекстная семантика *heorte* определяется содержанием оригинала, и каких-либо существенных отступлений от оригинала здесь не наблюдается.

Так, в англосаксонских Евангелиях, Пятикнижии Эльфрика и псалмах (IX–X вв.) лексема *heorte* актуализирует представления о сердце как центре религиозных чувств, связующем звене между человеком и Богом. Среди важнейших концептуальных признаков, реализуемых *heorte* и его производными в древнеанглийских библейских переводах, следует отметить: «центр эмоций» (Gen. 6:6, Ex. 4:14, Deut. 28:65, Ps. 1:8, 12:2, John 16:6, 22 и др.), «средоточие моральных качеств» (Ex. 7:22, Matt. 15:19 и т. п.), «центр разума, памяти, совокупность мыслительных процессов» (Gen. 6:5, Deut. 29:4, Matt. 13:15 и др.) (подробнее о сердце в библейской картине мира см. [Яковенко 2009]). В этой группе текстов *heorte* практически всегда воспроизводит лат. *cor*, и лишь в отдельных случаях семантика латинской единицы, в свою очередь, воспроизводящей др.-евр. *leb* и греч. *kardia*, передается с помощью др.-а. *mōd* «сердце, душа, ум, разум, дух».

*And Drihten ahyrde Pharaones **heortan**, ðæt he hig ne gehirde, swa Drihten bebead Moise* (АОТ, Ех. 9:12) (здесь и далее древнеанглийские тексты воспроизводятся, в соответствии с печатными изданиями, в ряде случаев – без указания долготы гласных).

*induravitque Dominus **cor** Pharaonis et non audivit eos sicut locutus est Dominus ad Mosen* (BSV, Ех. 9:12).

*Но Господь ожесточил **сердце** фараона, и он не послушал их, как и говорил Господь Моисею* (РСП, Исх. 9:12).

*Seo æ his Godes bið on his **heortan**, and ne aslit his fot* (OEP, Ps. 36:31).

*lex Dei eius in **corde** ipsius et non subplantabuntur gressus eius* (BSV, Ps. 36:31).

*Закон Бога его в **сердце** у него; не поколеблются стопы его* (РСП, Пс. 36:31).

При этом *heorte* может окказионально демонстрировать сочетаемость, отличную от наблюдаемой в тексте-источнике, что может быть охарактеризовано как семантическое тождество ключевых слов при отсутствии структурно-семантического тождества контекстов. Так, Эльфрик передает лат. *toto corde* в Deut. 4:29 (в РСП – «всем сердцем») как *mid inweardre heortan* (букв. «внутренним сердцем, сердцем, обращенным вовнутрь»), но в аналогичных контекстах Deut. 6:5, 11:13 стоит *mid ealre heortan* «всем сердцем».

В англосаксонских Евангелиях *heorte* и его производные *mildheortnys* (*mildhiortnes*, *mildheortnes*) «милосердие» (калька лат. *misericordia*), бахуврихи *mildheort* и его производные *mildheortlic* «милосердный», *mildheortlice* «милосердно» служат вербализации признака «доброта, милосердие»:

*Eadige synd ða **mild-heortan**, forðam ðe hi **mild-heortnysse** begytaþ* (ASG, Matt 5:7).

*Beati **misericordes**: quoniam ipsi **misericordiam** consequentur* (BSV, Matt 5:7).

*Блаженны **милостивые**, ибо они **помилваны** будут* (РСП, Матф. 5:7).

*Eornostlice beop **mild-heorte**, swá eower fæder is **mild-heort*** (ASG, Luk 6:36).

*Estote ergo **misericordes** sicut et Pater vester **misericors** est* (BSV, Lk 6:36).

*Итак, будьте **милосерды**, как и Отец ваш **милосерд*** (РСП, Лук. 6:36).

Этот признак концепта оказывается ведущим в гомилиях Эльфрика (проповедах на библейские сюжеты) [ASH].

Earmheort «милосердный», образованное по той же модели, что и *mildheort*, встречается в памятниках лишь единожды (в древнеанглийском переводе «Диалогов» папы Григория I, выполненном епископом Верфертом (Waerferth) в конце IX в. и заслуживает внимания постольку, поскольку коррелирует с аналогичными кальками в других древнегерманских языках – гот. *armahairts* и двн. *miltherzi*).

В светских текстах концепт HEORTE развивает несколько иную систему признаков, хотя сердце также предстает как средоточие эмоций, черт

характера, воли и разума, т. е. как внутренний человек во всех или отдельных своих аспектах. Так, в древнеанглийских поэмах обнаруживается упоминание о «помыслах сердца» (*heard heortan* *geþoht*, *Wife's Lament*, l. 43; *heortan* *geþohtas*, *Seafarer*, l. 34; *Maxims I*, l. 3; *heortan* *geþoncum*, *Phoenix*, l. 552), «печали на сердце» (*hreo* *to heortan*, *The Meters of Boethius: Meter 18*, l. 11), «щедрейшем сердце» (*heortan unhnæaweste*, *Widsith*, l. 73), «невинном сердце» (*bealoleas heorte*, *Maxims I*, l. 39) [XML Helsinki Browser].

В древнеанглийской языковой картине мира некоторые моральные качества и эмоциональные состояния получают обозначение с помощью бахуврихи: *gromheort* «злбный, враждебный» (*Beowulf*, l. 1682), *stearcheort* «смелый, мужественный» (*Beowulf*, l. 2288), *blīðheort* «веселый» (*Beowulf*, l. 1803), *rūmheort* «славный, великий» (*Beowulf*, l. 2111) (последнее, как и его производное *rūmheortnes*, встречается также в религиозной прозе). Однако словообразовательная модель Adj + N с именным компонентом *heort(e)* не всегда предполагает метонимическое употребление композита: *hātheort* «гнев, ярость» (букв. «жар в сердце, горячность») демонстрирует именное функционирование (например, в *Wanderer*, l. 66), а *wēdenheort* «безумный», «безумие» – как адъективное, так и именное, наряду с его производным *wēdenheortnes*.

Примечательно, что в древнеанглийской литературе случаи метафорического употребления *heorte* весьма немногочисленны. Это, например, упоминание о камне, лежащем тяжким грузом на сердце:

*Gewiteð ðonne wepende on weg faran
engel to his earde and ðæt eall sagað:
“Ne meahte ic of ðære heortan heardne aþringan
stylenne stan; sticað him tomiddes”* (*Solomon and Saturn*, ll. 47–50).
«Рыдающий ангел возвращается на землю и говорит:
«Не смог я сдвинуть тяжелый острый камень с того сердца –
Он торчит у него внутри»».

Но в целом система привычных нам антропоморфных, зооморфных, артефактных метафор, способствующих концептуализации сердца, в древнеанглийской картине мира еще не развита. Более того, в целом ряде исследуемых контекстов внутренний человек обозначается единицами с абстрактной семантикой – *hyge* и *mōd*, реже *gāst*, *sāwel*, для которых метафорическое употребление нехарактерно. При этом может возникнуть любопытное атрибутивное сочетание производного *heorte* и абстрактной единицы: *on geheortum hyge* «в смелой душе» (*A Father's Instruction*, l. 86), которое, с одной стороны уводит к *heorte* как символу храбрости, с другой стороны, показывает, что семантика рассматриваемых единиц нечетко разграничена и их референтные области пересекаются.

Литература

РСП – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. Перепечатано с Синодального издания. Объединенные Библейские Общества, 1993.

Яковенко Е. Б. Сердце в библейской картине мира // Человек. 2009. № 5. С. 105–121.

AOT – The Old English Heptateuch; and, Ælfric's Libellus de Veteri Testamento et Novo. Oxford: Oxford University Press for the Early English Text Society, 2008.

ASG – The Gospels: Gothic, Anglo-Saxon, Wycliffe and Tyndale versions arranged in parallel columns. London: Gibbings, 1907.

ASH – The Homilies of the Anglo-Saxon Church. The First Part, Containing the Sermones Catholici, or Homilies of Ælfric. In the Original Anglo-Saxon, with an English Version. Vol. II. Ed. by B. Thorpe. London, Printed for Ælfric society, 1844.

BSV – Biblia Sacra Vulgata. Stuttgart, 1994.

OEP – Old English Psalms Edited and Translated by P. P. O'Neill. London: Dumbarton Press, 2016.

XML Helsinki Browser. URL: <https://helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk> (дата обращения: 25.06.2022).

Ye. B. Yakovenko (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics RAS

CONCEPTUALIZATION OF THE HEART IN THE OLD ENGLISH WORLDVIEW

The article examines a fragment of the conceptual area THE INNER MAN, represented in Old English by the lexeme *heorte*. The analysis of its contexts in religious and secular records demonstrates, on the one hand, properties of a religious concept, on the other hand, it shows a number of specific non-religious features that make it possible to oppose it to other elements of the conceptual area represented by the lexemes *hyge*, *mōd*, *gāst*, *sāwel*.

Key words: conceptual area, INNER MAN, Old English, religious concept, everyday concept.

Х. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ

*С. В. Балакин (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный университет
путь сообщения
sergiorusso2007@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье рассматриваются процессы вторичной концептуализации глаголов во французском и португальском языках, которые приводят к изменению временной парадигмы. Основными тенденциями являются, с одной стороны, упрощение плана прошедшего времени, с другой – усложнение плана будущего времени. В основе таких изменений лежат когнитивные процессы фокусирования и дефокусирования.

Ключевые слова: концепт ВРЕМЯ, концептуальная характеристика, ментальное пространство, фокусирование, дефокусирование.

Грамматический концепт ВРЕМЯ в романских языках обладает следующими концептуальными характеристиками: «дистантность», «обладание», «движение вперед», «итеративность» и «отношение» и «настоящий момент речи». При этом каждая концептуальная характеристика обладает двойственным характером. С одной стороны, как показывает концептуально-репрезентативный метод [Беседина 2006], данные характеристики актуализируют непосредственно соответствующие морфологические признаки. Конкретизация каждой концептуальной характеристики, пишет Н. А. Беседина, происходит на уровне предложения-высказывания [Беседина 2022: 303]. С другой стороны, наличие системы согласования времен в сложных контекстах, свидетельствует об отношениях между перечисленными концептуальными характеристиками.

Временные отношения в романских языках (в частности, для французского и португальского) с точки зрения когнитивной лингвистики можно объяснить с помощью теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, отражающей наличие особой совокупности грамматических

концептов, которая конструируется по мере необходимости указать временную соотношенность [Fauconnier, Turner 1998: 137].

Взаимодействие концептуальных характеристик есть процесс, при котором для франко- и португалоговорящих при речепорождении важным оказывается настоящий момент речи. Соответственно, концептуальная характеристика «настоящий момент речи» во французском и португальском языках является доминирующей и неизменной. Концептуальные характеристики, репрезентирующие прошедшие и будущие времена, более многочисленны и их отношения более разнообразны.

Возникают следующие взаимодействия концептуальных характеристик во французском языке: «настоящий момент речи (Présent)» → «настоящий момент речи (Présent)», «настоящий момент речи (Présent)» → «итеративность» (Imparfait), «настоящий момент речи (Présent)» → «обладание» (Passé Composé), «обладание (Passé Composé)» → «обладание/дистантность (Plus-que-Parfait)», «итеративность (Imparfait)» → «обладание/дистантность (Plus-que-Parfait)», «обладание (Futur Simple)» → «обладание/дистантность (Futur Intérieur), «движение вперед (Futur Immédiat)» → «обладание/дистантность (Futur Intérieur)», «обладание (Passé Composé)» → «движение вперед/дистантность (Futur dans le Passé)», «итеративность (Imparfait)» → «движение вперед/дистантность (Futur dans le Passé)». Ср.: соотношение концептуальных характеристик «движение вперед (Futur Simple)» → «обладание/дистантность (Futur Intérieur)»:

En d'autres termes, battre Marine Le Pen et ensuite Emmanuel Macron. Car l'élu insoumis le martèle de façon limpide: il «ne veut pas que Madame Le Pen prenne le pays» sans pour autant «que Monsieur Macron garde le pouvoir». «Je serai premier ministre parce que les Français l'auront voulu», espère le député de Marseille [Le Figaro, URL].

Для португальского языка возникают следующие основные совокупности характеристик: «настоящий момент речи (Presente)» → «обладание / движение вперед (Futur Simple / Futur Proximo)», «настоящий момент речи (Presente)» → «итеративность (Pretérito Imperfeito)», «настоящий момент речи (Presente)» → «обладание (Pretérito Composto)», «дистантность» (Pretérito Pefeito Simples) → «обладание/дистантность (Pretérito mais-que-Perfeito Composto)», «обладание» (Pretérito Composto) → «обладание/дистантность (Pretérito mais-que-Perfeito Composto)», «обладание (Pretérito Composto)» → «движение вперед (Futur Proximo)». Ср.: соотношение концептуальных характеристик «дистантность» (Pretérito Pefeito Simples) → «обладание/дистантность (Pretérito mais-que-Perfeito Composto)»:

<...> Na próxima esquina separar-seiam, cada qual para seu lado, e foi depois de lá chegarem, quando já ambos tinham dito, Até logo, que o professor

de Matemática, quatro passos andados, se voltou para trás e perguntou <...> [Saramago 2002: 17].

Исследование показало, что одна и та же характеристика может быть актуализована в разных временных контекстах. Так, например, концептуальная характеристика «обладание» может актуализировать морфологические признаки как прошедшего, так и будущего времен. Это происходит за счет того, что данная характеристика морфологически передается за счет глагола категории посессивности *avoir/haver*. Ср.: *j'ai dansé – je danserai/hei dançado – dançarei*. С другой стороны, концептуальные характеристики «движение вперед» и «обладание» равнозначны для описания одной и той же ситуации в будущем и для современного состояния французского и португальского языков соотношения «настоящий момент речи (Présent)» → «обладание» (Futur Simple) и «настоящий момент речи (Présent)» → «движение вперед» (Futur Immédiat)» неразличимы.

В настоящее время наблюдается вторичная концептуализация характеристик за счет дефокусирования одной концептуальной характеристики и фокусирования другой. По сути дела, на лицо два противоположных когнитивных процесса; об этом пишет, например, О. К. Ирисханова: «<...> если в процессах порождения новых структур новых значений задействовано явление фокусирования (а именно фокусирование является одним из важнейших понятий когнитивной психологии и когнитивной лингвистики), то равновесие неминуемо должно быть соблюдено обратным процессом – процессом дефокусирования» [Ирисханова 2007: 71]. В целом процесс дефокусирования направлен «на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Там же: 72]. Так, например, в следующем контексте наблюдается дефокусирование характеристики «обладание/дистантность». В результате этого вместо предполагаемого времени *Plus-que-parfait* употребляется время *Passé Composé*, что становится характерным явлением для французского языка. Ср.:

Les attentats de 2015, s'ils ont reçu une réponse judiciaire satisfaisante, ont entraîné une onde de choc dans la société française et affaibli la capacité de résistance collective du pays sans qu'on en prenne une claire conscience, ce qui était leur objectif, argumente l'auteur [Le Figaro, URL]. При этом сама концептуальная характеристика «обладание/дистантность» может актуализоваться в свободных контекстах, в которых отсутствует описание другой ситуации в прошлом.

L'illustrateur allemand avait eu à cœur au cours de sa carrière d'utiliser son art pour aborder des sujets inhabituels auprès de son jeune public: la mort, le sens de la vie, mais aussi la recherche de la justice [Le Monde, URL].

Дефокусирование концептуальной характеристики «обладание/дистантность» является наиболее встречаемой и в португальском языке, в котором

наблюдается актуализация двух характеристик «дистантность – дистантность» вместо дистантность – обладание/дистантность». Ср.:

<...> *fosse capaz de atirar este disparate para trás das costas, esquecer-me desta loucura, olvidar este absurdo, aqui fez uma pausa para pensar que o primeiro elemento da frase teria sido suficiente, e depois concluiu, Mas não posso, o que mostra à sociedade a que ponto já chegou a obsessão deste desnordeado homem* <...> [Saramago 2002: 17]. В представленном контексте вместо Pretérito mais-que-perfeito Simples, обозначающее действие, предшествующее другому действию в прошлом, употреблено время Pretérito Simples.

Также наиболее встречаемым процессом (в особенности, во французском языке) является дефокусирование концептуальной характеристики «итеративность» в плане прошедших времен. В данном случае частотно фокусирование концептуальной характеристики «настоящий момент речи». Ср.:

Devant les députés allemands et avant le sommet européen à Bruxelles, le chancelier Olaf Scholz déclarait ce 20 octobre que l'idée de plafonner les prix du gaz, qui divise les États membres de l'UE, ne peut fonctionner qu'en étroite coopération avec des partenaires non européens comme la Corée du Sud et le Japon [Le Figaro, URL].

Таким образом, во французском и португальском концепт ВРЕМЯ претерпевает процессы вторичной концептуализации. В настоящее время наблюдают процессы фокусирования и дефокусирования концептуальных характеристик, что приводит к смещению временных форм и к упрощению временных отношений.

Литература

Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород Изд-во БелГУ, 2006.

Беседина Н. А. Морфология как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса»: когнитивная интерпретация // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4 (51). С. 300–304.

Ириханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов. М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 69–80.

Énergie: les Européens arrachent à l'Allemagne de premières concessions. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/accord-des-27-en-vue-de-mesures-pour-contenir-les-prix-de-l-energie-20221021>

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22 (2). P. 133–187.

Gaz: «Un prix plafonné par l'UE comporte un risque» estime Olaf Scholz. URL: <https://video.lefigaro.fr/figaro/video/gaz-un-prix-plafonne-par-lue-comporte-un-risque-estime-olaf-scholz/>

Législatives 2022: Mélenchon «demande» aux Français de «l'élire premier ministre» et appelle la gauche à se «rassembler». URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/legislatives-2022-melenchon-demande-aux-francais-de-l-elire-premier-ministre-et-appelle-la-gauche-a-se-rassembler-20220419>

Mort de Wolf Erlbruch, l'illustrateur de «De la petite taupe qui voulait savoir qui lui avait fait sur la tête». URL: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2022/12/15/mort-de-wolf-erlbruch-l-illustrateur-de-de-la-petite-taupe-qui-voulait-savoir-qui-lui-avait-fait-sur-la-tete_6154623_3382.html

Pierre Vermeren: «Islam politique en France, ce que nous refusons obstinément de voir». URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/pierre-vermeren-islam-politique-en-france-ce-que-nous-refusons-obstinement-de-voir-20220706>

Saramago J. O homem publicado. Lisboa. Caminho, 2002.

S. V. Balakin (*Russia, Ekaterinburg*)
Ural State University of Railway Transport

COGNITIVE BASES FOR THE DEVELOPMENT OF TENSES IN FRENCH AND PORTUGUESE

This article deals with the processes of secondary conceptualization of verbs in French and Portuguese. It leads to a change in the tense paradigm. The main trends are, on the one hand, simplifying the plan of the past tense, on the other hand, complicating the plan of the future tense. These changes are based on the cognitive processes of focusing and defocusing.

Key words: concept TIME, conceptual characteristic, mental space, focusing, defocusing.

Н. А. Беседина (*Белгород, Россия*)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
NBesedina@bsu.edu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРФОЛОГИИ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

В статье представлены направления исследования морфологии языка в контексте взаимодействия когниции и коммуникации. Особое внимание уделяется анализу морфологических категорий и форм с точки зрения их участия в реализации про-

цессов концептуализации, категоризации и интерпретации в языке. Автором также предложен анализ морфологической репрезентации в единстве и взаимодействии трех основных аспектов оперирования знанием в языке.

Ключевые слова: морфология, когниция, коммуникация, морфологическая репрезентация, аспекты языкового оперирования знанием.

Исследование языковых явлений с когнитивной точки зрения предполагает, по мнению Е. С. Кубряковой, изучение их «на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 16], т. е. с учетом выполнения ими двух функций – когнитивной (участие в процессах познания) и коммуникативной (участие в актах речевого общения). Именно такой подход принят в отечественной когнитивной лингвистике. Уточним, что когниция понимается как постоянно продолжающийся процесс формирования сведений о мире, как приобретение знаний с использованием навыков и умений (см. подр. анализ в [Кубрякова 2004; Болдырев 2018]), что обуславливает наличие когниции в качестве неотъемлемого свойства индивида, выступающего носителем сложной системы знаний о мире. В качестве сущностных характеристик когниции выделяются антропоцентричность и интерпретация (см. подр.: [Магировская 2016]).

Одно из направлений в когнитивных исследованиях языка сопряжено с изучением морфологического уровня с точки зрения реализации словом двух отмеченных функций, а также с учетом выделения деривационной и категориальной морфологии. Деривационные процессы нашли когнитивное освещение и объяснение в терминах концептуальной деривации, вторичной концептуализации и вторичной интерпретации, лингвокреативной деятельности в работах Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, Л. В. Бабиной и их учеников, что позволило разработать самостоятельный раздел лингвистики – когнитивное словообразование. В настоящей статье речь пойдет о категориальной морфологии и о возможности ее рассмотрения в качестве самостоятельного раздела – когнитивной морфологии. Отметим, что возможности разновекторного исследования морфологических категорий и форм в когнитивной лингвистике задаются существованием целого ряда современных теорий: теорий категоризации и концептуализации, многоуровневой теории значения, интегрированной теории репрезентации знаний в языке, теории интерпретации, объединяемых в рамках когнитивной теории языка.

Анализ морфологических категорий и форм в привязке их к основным познавательным процессам, а также в преломлении к процессу репрезентации концептуального содержания в языке позволяет установить, как языковые факты отражают видение и восприятие мира человеком, а так-

же уточнить роль и место морфологии в системе языка и формировании смысла в процессе речемыслительной деятельности (подр. см.: [Беседина 2006]). Такой анализ дает основание выделить три основных уровня концептуализации в морфологии, рассматриваемых как разные способы структурирования знаний и создающие основу для построения таксономии морфологических категорий, включающую в себя три категориальных области: категории, ориентированные на уровень предикативности, категории, ориентированные на уровень сказуемости, и категории, ориентированные на уровень собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов. Выделение указанных уровней концептуализации и категориальных областей подтверждает двунаправленность морфологии в системе языка. С одной стороны, она ориентирована на лексику, так как грамматический потенциал слова заложен частично в его семантике, а с другой стороны, реализация морфологических категорий осуществляется на уровне синтаксиса, что предполагает наличие у них синтаксической направленности и синтаксической перспективы. Именно такая двусторонняя направленность, имеющая под собой когнитивную основу, позволяет морфологии выполнять роль техники языковой системы, фиксирующей типичные связи между семантикой и синтаксисом.

Углубленное изучение морфологических категорий и форм предполагает их изучение не только с точки зрения морфологической репрезентации знаний, но и в единстве и взаимодействии трех основных аспектов оперирования знанием в языке. Напомним, что основные аспекты оперирования знанием в языке были выделены Н. Н. Болдыревым в рамках интегрированной теории репрезентации знаний в языке и включают в себя репрезентативный аспект, семиотический аспект и интерпретационный аспект (см. обобщение вопроса в [Болдырев 2018]).

Репрезентативный аспект позволяет интерпретировать морфологические категории как особый формат представления языкового знания, имеющего «непосредственное отношение к онтологии языка, его природе, внутреннему устройству и законам функционирования» [Болдырев 2007: 24]. Именно в рамках выделенных выше категориальных областей, рассматриваемых при таком анализе как специальные категориальные форматы, морфологические формы, будучи средством репрезентации той или иной части концептуального содержания, демонстрируют, каким способом осмысливается мир человеком, а также то, какие характеристики окружающего мира фиксируются в этих морфологических формах.

Семиотический аспект оперирования знанием предполагает выявление языковых и когнитивных механизмов формирования смысла в процессе морфологической репрезентации. В этом случае необходимо особо подчер-

кнуть тот факт, что морфология не столько передает собственные смыслы, так называемые морфологические смыслы, а служит основой для формирования широкого спектра смыслов в процессе коммуникации (смыслов грамматических и лексико-грамматических по своей сути) (см. подр. анализ в [Беседина 2015]).

Интерпретационный аспект оперирования знанием нацелен на анализ первичной интерпретации, основанной на системной языковой переработке знаний о мире, и на установление различных способов вторичной интерпретации знаний в языке, осуществляемой с помощью морфологических форм, допускающих различное осмысление в процессе коммуникации вследствие возможности индивидуальной интерпретации окружающей действительности человеком. В этом смысле можно говорить о креативности в системе морфологических форм, что позволяет им служить основой для создания языковых единиц, в основе которых лежит концептуальное содержание, подвергшееся изменению по определенной модели с целью формирования нового смысла.

Первичная интерпретация, осуществляемая, как убедительно было доказано О. В. Магировской, на уровне понятийного осмысления (подробно см.: [Магировская 2016]), приводит к формированию концептов и категорий, которые обладают обобщенным содержанием. Оно включает результаты обработки информации о восприятии информации о реальной действительности, что обуславливает формирование концептуально-категориальных смыслов, которые фиксируются в языке различными способами, в том числе, и системой морфологических форм и категорий. Понятийное осмысление предполагает системную языковую переработку знаний о мире, которая избирательна по своей сути и предполагает, в конечном итоге, формирование языкового знания. Как следствие, результатом интерпретативной деятельности становится система базовых морфологических параметров-смыслов, которые обеспечивают разную степень когнитивной выделенности тех или иных фрагментов окружающей действительности, ориентированных на фундаментальные, наиболее важные для коммуникации смыслы.

Системная языковая переработка знаний о мире, осуществляемая человеком как субъектом интерпретативной деятельности, находит представление в реализации целого ряда категорий. Для английского языка в качестве таковых выступают, например, категории времени, числа, определенности/неопределенности, залога, падежа, наклонения и т. д. Первичная интерпретация, таким образом, отражает способность морфологии концептуализировать мир в строго заданных параметрах. Данная особенность морфологической концептуализации позволяет морфологическим формам, будучи жестко

фиксированным, однозначно относить концептуализируемые сущности к соответствующей области языковой концептуализации.

В процессе вторичной интерпретации переосмыслению подвергаются зафиксированные ранее через морфологические категории и формы коллективные знания о мире, о категориях объектов и событий, что приводит к формированию новых знаний об этих объектах и событиях мира, фиксируемых в грамматической системе языковой категоризации. Вторичная интерпретация предполагает функциональное варьирование морфологических категорий и форм, служащее формированию новых смыслов, в том числе оценочного характера.

Наибольший потенциал вторичного осмысления в английской морфологии обнаруживают формы множественного числа имени существительного, формы превосходной степени имени прилагательного, формы Present Progressive, артиклевые формы (подробнее см., например: [Беседина 2017; Шемаева 2014]).

Анализ морфологии в контексте взаимодействия когниции и коммуникации позволяет акцентировать значимость морфологии в процессе дискурсивной деятельности, показать роль морфологических категорий и форм в познавательных процессах, глубже осмыслить их место в речемыслительной и интерпретативной деятельности человека.

Литература

Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2006.

Беседина Н. А. Морфология в контексте интегрированной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 33–38.

Беседина Н. А. Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке. Тамбов, 2017. С. 311–327.

Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Магировская О. В. Интерпретативная сущность когниции // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 450–460.

Шемаева Е. В. Когнитивные основы лексикализации форм множественного числа имени существительного (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014.

*N. A. Besedina (Belgorod, Russia)
Belgorod State University*

CONTEMPORARY MORPHOLOGY RESEARCH: COGNITION AND COMMUNICATION INTERACTION

The paper views morphology in the context of cognition and communication interaction. The emphasis is on the analysis of morphological categories and forms in the perspective of conceptualization, categorization and interpretation. The author also considers morphological representation in the interplay with 3 aspects of linguistic processing of knowledge.

Key words: morphology, cognition, communication, morphological representation, aspects of linguistic processing of knowledge.

*С. Г. Виноградова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
vinogradova.sg@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ

В статье интерпретация событий рассматривается с точки зрения разных представлений о когнитивных доминантах, подчеркивается их роль в организации частного / вторичного осмыслении событий.

Ключевые слова: интерпретация, событие, языковое сознание, когнитивная доминанта, вторичный.

В интерпретации события говорящий исходит из тех или иных интенций и прежде всего ориентируется на доминирующую в когнитивном плане структуру (когнитивную доминанту), которая включает значимые на данный момент знания и соотносится с определенной синтаксической структурой [Фурс 2004]. Когнитивная доминанта при этом отражает факт намеренного акцентирования тех или иных аспектов события в процессе создания высказывания [Фурс, Ноблок 2007]. В данном ракурсе важными являются базовая когнитивная модель события, в основе которой лежит пропозиция, когнитивное фокусирование на базовых концептуальных признаках (таких как 1) автономное действие, направленное действие; 2) акциональность, каузативность, процессуальность, свойство, состояние или 3) бытийность,

безличность, инверсив, верификатив, экспрессив) и выбор соответствующих языковых средств их объективации, заданных границами и свойствами простого предложения (подробнее см.: [Фурс 2004]). В интерпретации связанных событий (например, двух событий как фрагмента действительности) говорящий ориентируется на базовую когнитивную модель, в основе которой лежит пропозициональный комплекс. В зависимости от характера осмысления событий и их связей, а также отношений их участников объективация этой модели в языке преимущественно осуществляется за счет тех или иных типов и конструкций сложного предложения. Представляется, что доминантную роль в интерпретации говорящим события или связанных событий играет и схема распределения информации на данное (известное, узнаваемое) и новое (неизвестное, неузнаваемое), обусловленная спецификой апперцепции и иконичности, возводимых в ранг принципов познавательной активности человека.

Вместе с тем в более широком смысле в качестве когнитивных доминант рассматривается часть элементов языкового сознания, которые приобретают значимый характер, отражающий особенности мировидения целого социума или представлений отдельного человека [Болдырев 2020: 22–24]. Подобные доминанты образуют систему, которая предопределяет интерпретацию всей внешней и внутренней информации, поступающей в мозг человека сквозь призму конкретного языка. Коллективно-индивидуальная специфика интерпретации объясняет тот факт, что когнитивные доминанты могут быть общими и частными [Там же: 32]. В качестве общих когнитивных доминант при конфигурировании содержания в языке обычно используются различные образные схемы и их отдельные элементы, структура концептуально-тематических областей, разных типов концептов и категорий, целевые установки, стереотипы, ценностные ориентиры и шаблоны, логические, ассоциативные, метафорические и метонимические связи, таксономии и иерархии; частные доминанты проявляются в выборе фокуса, аспекта осмысления, когнитивных и языковых механизмов формирования смысла и конкретных языковых единиц для его передачи (см.: [Болдырев 2019: 40–41]).

С учетом такого представления о когнитивных доминантах проведено исследование интерпретации связанных событий на материале сложных предложений. В частности установлено, что преимущественное позиционирование сложного предложения как формы языкового сознания в процессе общения и его объективация посредством сложного предложения как семантико-синтаксической единицы зависит от ряда мотивирующих когнитивных доминант, которые выступают в качестве факторов активации формата сложного предложения в коллективном и индивидуальном аспектах осмысления связанных событий и их репрезентации в языке (подробнее см.: [Виноградова 2020]).

Замечено, что в ходе интерпретации событий определенные стереотипы, ценностные ориентиры, схемы-шаблоны и ассоциативные связи как общие доминанты могут получать частное или вторичное осмысление сквозь призму знаний, формирующих структуру той или иной доминирующей для индивидуального языкового сознания концептуально-тематической области. В основе такого осмысления лежит соотношение интерпретируемого и интерпретирующего концептов, которое отражает новое восприятие полученных знаний, вариантов их языкового закрепления, формирование производного или нового знания на базе существующего или известного, перераспределение смыслов, т. е. разные стороны процесса концептуальной деривации [ВСВЯКМ 2022].

Так, измененные пословицы и поговорки (примеры представлены ниже) иллюстрируют интерпретацию событий, при которой преобразование концептуального содержания обеспечивается в результате переосмысления концепта исходной пословицы / поговорки с учетом привлечения знаний новой концептуально-тематической области. При этом знания стереотипного и ценностного характера, заложенные в отправном материале, также претерпевают некоторые изменения. Как показывает языковой материал, отдельные компоненты исходных пословиц или поговорок заменяются словами, репрезентирующими знания этой новой области, в условиях максимального сохранения грамматических форм и конструкций исходных пословиц / поговорок.

На маску надейся, а сам не плошай; По маске встречаются, по температуре провожают; Своя маска – ближе к телу; У семи нянек дитя без маски [СКЭ 2021: 485–486]. На обидчивых газ экономят; Без газа жить – углём небо коптить; Газ в хранилище не воробей, вылетит, не поймаешь; Отремонтированной турбине в сопло не смотрят [https://proza.ru/2022/09/17/67].

В ходе интерпретации событий может происходить переосмысление схем-шаблонов, которые отражают знания, касающиеся той или иной сферы коммуникации и языкового поведения. Коммуникация ребенка-школьника и родителей (см. пример далее) организуется особым образом с учетом построения ребенком ряда логических связей, конструирования сложно структурированных пропозиций и комплексов с ними при привлечении данных концептуально-тематической области, объединяющей знания профессионального характера. Это, в частности, «выливается» в использование простого распространенного предложения и сложного предложения с преимущественно малодоступным характером отображаемых референтов, средств языковой репрезентации знаний о ведении дипломатических переговоров.

За завтраком

Мать: Дорогой, ты не опоздаешь на службу в Министерство иностранных дел?

Отец: Мне осталось решить лишь одну проблему. Сынок, покажи, пожалуйста, дневник.

Сын: Папа, я понимаю твою просьбу и уважаю твое право отца задавать подобные вопросы. Я заверяю тебя, что я внимательно рассмотрю твое заявление, проведу необходимые консультации, и в ближайшее время мы вернемся к обсуждению этой темы... [https://m.vk.com/video-12423521_132296581].

Примеры ниже демонстрируют результаты частного выстраивания ассоциативных связей и конструирования «искусственных» событий. Их интерпретация в системе позволяет легче осознавать сущность сложных научных явлений, конкретных учений и концепций. При этом говорящий обращается к примитивным знаниям как доминанте из-за недостаточной подготовленности к освоению научной информации и в речи в основном прибегает к использованию предложений с относительно высоким показателем доступности обозначаемых референтов.

Философия на пальцах

Пальцы неизбежны. (Стоицизм: ход событий предустановлен); *Если ударить по пальцам и будет больно, то они есть, а если не больно – то их нет.* (Сенсуализм: ощущения являются единственным источником познания); *Пальцы есть, потому что я думаю, что они есть.* (Идеализм: основа всего существующего – дух (идея), но не материя); *Поди разберись в этих пальцах!* (Скептицизм: принципом мышления является сомнение) [https://recoder.livejournal.com/97916.html].

В целом отмеченные представления о когнитивных доминантах дают возможность утверждать, что в ходе интерпретации событий ориентированность на доминанты позволяет говорящему реализовывать свои коммуникативные намерения как в структурном, так и содержательном планах, исходя из коллективных и индивидуальных (вторичных) представлений о мире, а также языке и его функционировании.

Литература

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37–44.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 4 (43): Когнитивные доминанты языкового сознания: коллективная монография. Тамбов: Изд-во Принт-Сервис, 2020. С. 21–79.

Виноградова С. Г. Когнитивные доминанты активации формата сложного предложения // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 4 (43): Когнитивные доминанты языкового сознания: коллективная монография. Тамбов: Изд-во Принт-Сервис, 2020. С. 188–204.

ВСвЯКМ – Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022.

СКЭ – Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая / Ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.

Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004.

Фурс Л. А., Ноблок Н. Л. Когнитивные основы авторских стратегий в англоязычном предвыборном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 36–41.

https://m.vk.com/video-12423521_132296581

<https://proza.ru/2022/09/17/67>

<https://recoder.livejournal.com/97916.html>

S. G. Vinogradova (*Tambov, Russia*)

Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE DOMINANTS FOR EVENTS INTERPRETING

The article considers events interpreting from the point of view of different ideas about cognitive dominants and with emphasis on their role in organizing a private / secondary comprehension of events.

Key words: interpretation, event, linguistic consciousness, cognitive dominant, secondary.

V. N. Колодяжная, Е. И. Трубаева

(Белгород, Россия)

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

veronikabgu@mail.ru

АНТОНИМИЧНАЯ СЕМАНТИКА ВЫРАЖЕНИЙ *HIGHLY LIKELY* И *HARDLY LIKELY* КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ПОЛЮСНЫХ ВАРИАЦИЙ ЗНАЧЕНИЯ НЕПОЛНОТЫ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ПРИЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Языковые аппроксиматоры позволяют передать оттенки семантики определяемых лексем. В современном английском языке к аппроксиматорам принято относить некоторые наречия и их сочетания. Исследуемые оценочные словосочетания высту-

пают в языке в качестве репрезентантов противоположных базовых семантических ориентиров, способны одновременно отражать относительно полные, противоположные понятия.

Ключевые слова: адвербиальное словосочетание, аппроксиматор, антонимы, значение приблизительности.

Процесс аппроксимации и оценки в целом неразрывно связаны с мышлением, восприятием и осмыслением явлений действительности и не представляется возможным без сравнения, сопоставления и противопоставления качеств и различных характеристик объективной реальности. Все явления окружающей действительности представлены в человеческом сознании в определенной системе, связи, особенности взаимодействия и функционирования, которые находят свое отражение в языке.

Противопоставление – один из важнейших этапов как когнитивного процесса в целом, так и процесса аппроксимации в частности. Осуществляя противопоставление, человек ориентируется на определённые базовые количественные и качественные характеристики анализируемого явления действительности. Таким образом, одни такие базовые ориентиры имеют наиболее ярко выраженные черты анализируемого явления действительности, а другие (противоположные) обладают наименьшей степенью выраженности или практическим отсутствием анализируемых качеств по причине наличия противоположных характеристик описываемого явления. Важно отметить, что явление антонимии зачастую отражает семантический контраст анализируемых явлений. Именно отражение отношения наличия противоположных характеристик, а не отношение наличия – отсутствия, является строгим условием антонимических отношений. Описываемые противоположные базовые ориентиры выстраивают связи, на которых в своем сознании человек производит градацию степени выраженности двух противоположных характеристик реальной действительности. Такие отрезки обладают множеством пересечений с другими аналогично выстроенными связями.

Следует подчеркнуть, что количество пересечений таких семантических связей в языке постоянно растет, а качество самих семантических связей постоянно усложняется. Данное явление есть следствие постоянного развития языковой системы в ответ на необходимость решения постоянно усложняющихся коммуникативных задач. Процесс коммуникации требует более четкого или как минимум тактичного, уместного описания явлений действительности. Одним из действующих механизмов описываемого процесса является аппроксимация.

Н. Н. Болдырев подчеркивает концептуально-языковую природу категории аппроксимации, как ориентированной на оценку и интерпретацию

адресатом информации в процессе ее передачи средствами языка. Определяя категорию аппроксимации как модусную категорию, он отмечает способность данной категории отражать отношение автора высказывания к фактам объективной действительности [Болдырев 2005: 33].

Языковые аппроксиматоры, являясь инструментами передачи оценочных смыслов, позволяют точнее передать оттенки семантики определяемых лексем, способствуют более качественному решению коммуникативной задачи – более точному выражению мысли говорящего и сути высказывания. Тем не менее, следует подчеркнуть, что семантическая точность высказывания на прямую зависит от оценочных смыслов, которые желает выразить автор высказывания, от его отношения к описываемым явлениям действительности и ситуации в целом. Значение приблизительности, размытости наличия признака определяемого компонента, которое несут аппроксиматоры, в сочетании с верным выбором того или иного аппроксиматора обеспечивает воздействующую силу высказывания, усиливают его перлокутивный эффект. Употребление аппроксиматоров в речи способствует правильному пониманию высказывания реципиентом с точки зрения говорящего. Наличие аппроксиматора способствует усилению воздействующей силы высказывания на слушателя, навязывая мнение и отношение автора к описываемым в речи событиям.

В современном английском языке к аппроксиматорам принято относить некоторые наречия и их сочетания. В частности, наречия неполноты действия или признака *barely, merely, only, hardly, scarcely, almost, nearly, solely, likely, just, rarely* способны выполнять в современном английском языке функцию аппроксиматоров. В зависимости от своих семантических характеристик каждое из перечисленных наречий способно отражать определенные оттенки значения приблизительности определяемого действия или признака.

Учитывая вышеперечисленные факты, интерес привлекает явление антонимии оценочных значений выражений *hardly likely* и *highly likely* как аппроксиматоров в современном английском языке. Выполняя функцию аппроксиматоров, передавая значение приблизительности, данные единицы языка способны одновременно отражать относительно полюсные, противоположные понятия. Системный анализ антонимии выражений *hardly likely* и *highly likely* требует их рассмотрения с точки зрения морфологического, синтаксического и прагматического аспектов.

Выражение *highly likely*, введенное в широкий обиход британским премьером, прочно закрепилось в речи как иностранных, российских дипломатов, так и простых обывателей. Средства массовой информации писали, что фраза «*highly likely*» произвела революцию в мировом праве. Принципа «*highly likely*» оказалось достаточно для высылки российских дипломатов

из Евросоюза и США или для очередных американских санкций против Москвы [НСН]. Таким образом, начиная с 2020 года выражение *highly likely* из рядового словосочетания, передающего значение «вероятно, с высокой степенью возможности», превратилось в достаточно узнаваемое и широко используемое устойчивое выражение со значением, которое может быть описано как «совершенно точно и неоспоримо, не требующее доказательств» или мем, как принято сейчас его называть.

Выражение *highly likely* является словосочетанием, в состав которого входит наречие меры и степени *highly* и лексема *likely*, которая в современном английском языке может выступать в роли прилагательного или наречия. Согласно анализу материалов словарей, лексема *likely* в качестве прилагательного имеет ряд значений: 1) вероятный, возможный; 2) годный подходящий; 3) многообещающий, подающий надежды, перспективный [LingvoLive]. В роли наречия лексема *likely* передает значение 1) вероятно, насколько это реально; насколько можно ожидать [LingvoLive].

Наречие меры или степени *highly*, передающее значения 1) весьма, крайне, чрезвычайно; 2) высоко; 3) благоприятно, благосклонно; 4) тщательно, продуманно искусно, в составе выражения *highly likely* играет роль определителя, в то время как *likely* является семантическим ядром словосочетания – определяемым. Наречие *highly* семантически моделирует значение выражения в целом, оно переносит пограничное значение ядра словосочетания *likely* в сторону наибольшей степени вероятности.

Семантический и сравнительный анализ выражений *highly likely* и *hardly likely* показывает, что в составе *hardly likely likely* также является семантическим ядром – определяемым, а наречие *hardly*, передающее значение 1) едва, еле, насилу; 2) едва ли, вряд ли, почти не; 3) тяжело, с трудом, через силу [LingvoLive], выступает в роли определителя. Как и в предыдущем словосочетании происходит семантическое моделирование значения словосочетания. Но в комбинации с наречием неполноты действия или признака *hardly* пограничное значение ядра словосочетания *likely* перестраивается в сторону наименьшей степени вероятности. С данной точки зрения интерес привлекают следующие примеры: *The Germans were hardly likely to begin a major offensive without first liquidating this little pocket of resistance – their tactics were predictable enough* [context.reverso.net].

В приведенном примере наречие неполноты действия или признака *hardly* в составе оценочного словосочетания *hardly likely* выступает в роли инструмента семантической модификации степени вероятности совершения действия в сторону наименьшей степени.

В случае замены *hardly likely* на *highly likely* в составе приведенного примера наречие степени *highly* в составе оценочного словосочетания аналогично

будет выполнять роли инструмента семантической модификации степени вероятности совершения действия, но в таком случае значение степени вероятности, передаваемое словосочетанием *highly likely*, изменится в сторону наибольшей степени. Употребление оценочных словосочетаний – аппроксиматоров – в составе речевого высказывания свидетельствует о высокой степени его эмотивности. С точки зрения синтаксиса анализ употребления исследуемых словосочетаний в современном английском языке показывает, что для оценочных словосочетаний *highly likely* и *hardly likely* употребление в сочетании с глаголом-связкой и последующей начальной формой глагола является сходным случаем употребления.

Следует отметить, что наличие описанного семантического моделирования лексемы *likely* в словосочетаниях *highly likely* и *hardly likely* непосредственно связано с этимологией наречий определителей *highly* и *hardly*. Согласно анализу материалов словарей, наречие меры и степени *highly* образовано от *high* в сочетании с суффиксом *-ly*. Наречие неполноты действия или признака *hardly* происходит от прилагательного *hard* в сочетании с суффиксом *-ly* [Online etymology dictionary].

Таким образом, семантический анализ и анализ употребления выражений *highly likely* и *hardly likely* в контексте позволяет описать рассматриваемые словосочетания как антонимы, где *highly likely* передает значение высокой степени вероятности по причине легкости достижения цели или счастливого стечения обстоятельств, а *hardly likely*, напротив, служит для передачи значения чрезвычайно низкой степени вероятности по причине тяжести процесса или неудачного стечения обстоятельств. Исследуемые оценочные словосочетания выступают в языке в качестве репрезентантов противоположных базовых семантических ориентиров, которые выстраивают связь. Построение данной семантической связи обеспечивает градацию степени выраженности двух противоположных характеристик реальной действительности в сознании человека.

Литература

Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний о языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. к юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов, 2005. С. 16–39.

НСН – Национальная служба новостей. URL: <https://nsn.fm/in-the-world/in-the-world-god-khayli-laykli-kak-fraza-britanskogo-premera-stala-memom> (дата обращения: 22.12.2022).
context.reverso.net. URL: <https://www.context.reverso.net> (дата обращения: 22.12.2022).
LingvoLive. URL: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения: 22.12.2022).

Online etymology dictionary URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 25.12.2022).

V.N. Kolodyazhnaya, E. I. Trubaeva
(Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

**ANTONYMIC SEMANTICS OF THE EXPRESSIONS
HIGHLY LIKELY AND *HARDLY LIKELY*
AS REPRESENTATIVES OF VARIATIONS
OF THE MEANING OF INCOMPLETE ACTION
OR FEATURE IN MODERN ENGLISH**

Language approximators allow you to convey the shades of the semantics of the defined lexemes. In modern English, it is customary to refer to approximators some adverbs and their combinations. The studied evaluative phrases act in the language as representatives of opposite basic semantic landmarks, they can simultaneously reflect relatively pole, opposite concepts.

Key words: adverbial phrase, approximator, antonyms, approximate meaning.

Н. С. Пак (*Архангельск, Россия*)
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
n.pak@narfu.ru

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВТОРИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР
В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ**

В данной статье предпринята попытка подклассификации вторично-предикативных структур с формальной функцией «обстоятельство времени» в англоязычном медицинском дискурсе. Основаниями для классификации выступают когнитивные (структура пропозиции, типы предикатов) и дискурсивные (ценность, цель) параметры.

Ключевые слова: вторично-предикативная структура, хронологические отношения, репрезентация, пропозиция, англоязычный медицинский дискурс.

Вторичная предикативность (англ. «secondary predication») рассматривается в работах отечественных [Беклемешева 2011; Николаева 2000] и зарубежных [Raroport 2019; Verkerk 2009] исследователей как любая «неканоническая» предикативность, не выражающаяся синтаксически при помощи

подлежащего и сказуемого. Многочисленные глубинные связи и компоненты смысла не отражаются в полной мере в поверхностной структуре грамматических конструкций с вторичной-предикативностью [Коканова, Пак 2022]. Это делает актуальным исследование таких конструкций на более глубоком уровне для решения теоретических и практических задач, таких как обучение иностранному языку и переводу. Одной из целей таких исследований является уточнение подходов к классификации вторично-предикативных структур, так как их свернутый характер делает невозможной классификацию по любым формальным признакам. Даже идентичные по грамматическому составу конструкции неоднородны с точки зрения количества репрезентируемых ситуаций и характера связи между ними. Кроме того, вторично-предикативные структуры, как и любые факты грамматики, невозможно рассматривать в отрыве от единиц более высокого класса, а значит, классификация грамматических единиц должна учитывать особенности дискурса, задающего цель и характер взаимодействия.

Исходя из изложенного, нами была поставлена задача выявить подтипы вторично-предикативных структур, выполняющих формальную функцию обстоятельства времени в англоязычном медицинском дискурсе. Выбор функции обстоятельства времени как общего компонента смысла исследуемых структур связан с дискурсивными характеристиками медицинского текста: ВРЕМЯ как одна из базовых ценностей медицинского дискурса.

Исследование проводилось на материале английских осложненно-подчиненных предложений с обстоятельством времени, извлеченных методом сплошной выборки из медицинских статей, учебных пособий и монографий по медицине, инструкций и руководств по медицинской практике.

Как уже было упомянуто выше, ценность времени является дискурсивной характеристикой медицинских текстов, в связи с чем осложненные предложения с обстоятельством времени встречались неоднократно в каждом исследуемом тексте. Общий смысловой компонент таких конструкций, отражающийся в поверхностной структуре – временная соотнесенность ситуаций – присутствовал так или иначе во всех осложненных предложениях с обстоятельством времени, однако в результате более глубокого анализа среди вторично-предикативных структур в роли обстоятельства времени было выделено три подтипа. Краткая характеристика каждого подтипа приведена в таблице 1.

Вторично-предикативные структуры в роли обстоятельства времени первого подтипа можно проиллюстрировать следующим примером:

1) *Use clean gloves **when handling all blood and body fluids*** [Doyle 2015].

В данном случае вторично-предикативная структура с предикативным центром, выраженным причастием, репрезентирует ситуацию,

Таблица 1

Подклассификация вторично-предикативных структур
в роли обстоятельства времени

Подтип	Хронологические отношения	Тип предиката	Количество пропозиций в предложении	Цель
1	одновременность, неоднократность	акциональный	две и более	отразить закономерности, факты, регулярные причинно-следственные связи
2	последовательность	акциональный, статальный	две и более	дать «точку отсчета», отразить условные и причинно-следственные связи
3	одновременность	акциональный	одна	выразить параллельность действий внутри одной ситуации

потенциально возникающую неоднократно, но всегда в одно время с ситуацией, выраженной в главном предложении (всякий раз, когда адресат имеет дело с кровью и другими органическими жидкостями, ему следует использовать чистые перчатки). Таким образом, предикаты находятся в хронологических отношениях одновременности. С точки зрения лексико-семантических отношений, акциональный вторичный предикат *handling* не только задает временные рамки, но и ставит условие для первичного предиката *use clean gloves* (использовать перчатки нужно именно тогда, когда работаешь с кровью, не раньше и не позже). Временные отношения здесь превалируют над условными, что на формальном уровне отражается в использовании причастия настоящего времени, содержащего смысловой компонент «длительность».

В отличие от вторично-предикативных структур первого подтипа, вторично-предикативные структуры в роли обстоятельства времени второго подтипа репрезентируют ситуации, также возникающие в одном временном промежутке с ситуацией, репрезентированной в главном предложении, но предшествующие ей или следующие после нее. Предикаты в этом случае находятся в хронологических отношениях последовательности. Иллюстрацией может служить следующий пример:

2) *Early in the pandemic, 26% of adults across seven European countries including the UK were unsure or unwilling to get a COVID-19 vaccine **when available*** [Paul 2021].

С точки зрения лексико-семантических отношений прилагательное *available* задает начальную временную точку, после которой становится возможной ситуация, репрезентируемая в главном предложении. Таким образом, сначала вакцина станет доступна (на момент речи она еще не разработана), а уже потом уже опрошенные смогут от нее отказаться. Кроме того, между предикатом в главном предложении и предикативным центром вторично-предикативной структуры наблюдаются условная или причинно-следственная связь (хотеть или не хотеть получить вакцину можно будет только если ее разработают).

Третий подтип вторично-предикативных структур в роли обстоятельства времени, в отличие от предыдущих двух, не добавляет новых условий / следствий / последующих ситуаций к уже известным ситуациям в главном предложении. Всё предложение вместе с вторично-предикативной структурой вводит новую ситуацию, в которой несколько действий происходит параллельно и неотделимо друг от друга. В этом случае мы склонны считать, что несмотря на наличие нескольких предикатов, они соотносятся с одной, пусть и сложной, пропозицией. Предикаты находятся в отношениях одновременности, а с лексико-семантической точки зрения предикативный центр вторично-предикативной структуры выражает добавочное действие, поясняя и конкретизируя ситуацию, репрезентированную в главном предложении. Проиллюстрируем следующим примером:

3) *Thus HCP have an increased risk of developing serious complications including pneumonia and death, **while also endangering colleagues and patients*** [Zmerli 2021].

Несложно заметить, что данное предложение отличается от вышеприведенных примеров со структурами первого и второго подтипов. Медицинские работники рискуют получить осложнения и одновременно подвергают риску коллег и пациентов. Ни одно из этих действий не может происходить без другого: если заболевший медицинский работник ходит на работу, то подвергает риску и себя и окружающих; если же не ходит, никто риску не подвергается.

Таким образом, несмотря на идентичную формальную функцию в предложении (сложное обстоятельство времени) и схожую поверхностную структуру, английские вторично-предикативные структуры в роли обстоятельства характеризуются различной хронологической отнесенностью к предикату главного предложения, а также различными дополнительными связями

с ним (условие, причина, следствие, добавочное действие), что доказывает необходимость подклассификации вторично-предикативных структур для теоретических и практических задач.

Литература

Беклемешева Н. Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011.

Коканова Е. С., Пак Н. С. Интегративный принцип формирования смысла свернутых грамматических конструкций в современном английском языке // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4 (51). С. 117–121.

Николаева Т. Г. Семантически осложнённые предложения с атрибутивными вторично-предикативными структурами в современном английском языке: на материале произведений художественного и научного стилей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008.

Doyle G. R., McCutcheon J. A. Clinical Procedures for Safer Patient Care. Victoria, BC: BCcampus, 2015.

Paul E., Steptoe A., Fancourt D. Attitudes towards vaccines and intention to vaccinate against COVID-19: Implications for public health communications // The Lancet Regional Health – Europe. 2021. Vol. 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2020.100012>

Rapoport T. Secondary Predication // The Oxford Handbook of Event Structure. 2019. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199685318.013.19>

Verkerk A. A semantic map of secondary predication // Linguistics in the Netherlands. 2009. № 26 (1). P. 115–126.

Zmerli O. A challenging modified measles outbreak in vaccinated healthcare providers / O. Zmerli, A. Chamieh, E. Maasri, E. Azar, C. Afif // Infection Prevention in Practice. 2021. Vol. 3. Issue 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.infpip.2020.100105>.

N. S. Pak (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

COGNITIVE AND DISCURSIVE CHARACTERISTICS OF SECONDARY PREDICATIVE STRUCTURES AS ADVERBIAL MODIFIERS OF TIME IN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE

The article attempts to subclassify secondary predicative structures with the formal function of adverbial modifiers of time in English medical discourse. The classification is based on cognitive (proposition structure, types of predicates) and discursive (value, purpose) parameters.

Key words: secondary predicative structure, chronological relations, representation, proposition, English medical discourse.

К. Я. Сигал (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

kjseagal@yandex.ru

СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматривается смысловоразличительная функция знаков препинания в разных синтаксических структурах. Подобная функциональная нагрузка пунктуационного маркирования свидетельствует о том, что пунктуация принимает участие в смысле и – вследствие этого – в синтаксическом структурировании высказывания. В когнитивной интерпретации этого факта автор опирается на такие понятия, как конструирование и салиентность.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, пунктуация, синтаксис, смысловоразличительная функция, конструирование, салиентность.

Как известно, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к языку считается, что «каждый акт коммуникации <...> имеет отношение к когнитивному процессу, а потому и может быть описан либо по своим когнитивным предпосылкам, либо по своим когнитивным последствиям» [Кубрякова 2012: 68]. Представляется, что при обращении к письменному высказыванию аналогичное утверждение может быть сделано по отношению к пунктуационному маркированию как процессу и к пунктуационной «упаковке» как к его результату.

Пунктуация в коммуникативном акте, осуществляемом на письме, во-первых, обеспечивает привычную (при кодификации – нормативную) графическую форму высказывания, в котором пунктуационные позиции отмечаются необходимыми знаками препинания либо их отсутствием; во-вторых, акцентирует смысловые отношения (и оттенки), которые получили выражение в синтаксической форме и лексико-грамматической структуре высказывания; в-третьих, способствует смысловой дифференциации синтаксических структур. Если в первом случае пунктуация воспринимается как конститутивное свойство письменного высказывания, а во втором – как дополнительная графическая «строка» в передаче смысловой информации, то в третьем случае пунктуация принимает на себя смысловоразличительную функцию, т. е. дифференцирует смысловую и – вследствие этого – конструктивную организацию высказываний на письме.

Применительно к смысловоразличительной функции знаков препинания, обладающей непосредственной коммуникативной предназначенностью, можно говорить как о когнитивных предпосылках, так и о когнитивных последствиях пунктуационного маркирования. На это указывает такой факт:

реализация смысловозначительной функции знаков препинания основана на том, что строение высказывания, в том числе его пунктуационная «упаковка», «как бы программируется заданным смыслом» [Валгина 2004: 20].

«Знаки препинания, – пишет П. Бэксайдер, – подобны сигналам, подаваемым футбольными судьями. Все присутствующие на стадионе не могут услышать, как судья объявляет “офсайд”, но они могут видеть сигнал» [Bakscheider 1972: 874]. Знак препинания приобретает свою сигнификацию (= подобную сигнальность) не *in vacuo*, а в определенных семантико-конструктивных условиях – пунктуационных позициях. Выполнение знаками препинания смысловозначительной функции непосредственно зависит «от когниции, т. е. от того, как концептуализируется человеком описываемая им ситуация» [Кубрякова 2012: 196].

В дискурсивной практике смысловозначительная функция реализуется в пунктуационной «упаковке» письменных высказываний двояким образом: либо разными знаками препинания в одной и той же синтаксической структуре, представленной в разных высказываниях; либо одним знаком препинания (= фигурой), фоном для которого выступает другой знак препинания, более (или менее) привычный в данной пунктуационной позиции. Если первый тип реализации смысловозначительной функции знаков препинания связан с семантически значимой сменой вариантов пунктуационного маркирования, то второй тип – с отбором одного из таких вариантов. При этом стоит отметить, что никакой факультативности в пунктуационной «упаковке» высказывания здесь нет: «нужный смысл фиксируется только одним пунктуационным вариантом, другой смысл требует и иного оформления» [Валгина 2004: 28]. В пунктуации смысловозначительная функция осуществляется в визуально-графическом коде, отображающем дифференциацию смысловых заданий пишущего в синтаксической организации высказывания.

Так, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» есть два эпизода, в которых Стива Облонский приглашает на обед сначала Левина (ч. 4, гл. VII), а затем Алексея Александровича Каренина (ч. 4, гл. VIII). Ср.: – *Ты приедешь? – Ну, разумеется. – Так в пять часов и в стюжке* [Толстой 1987: 417] и – *В пять часов, и в стюжке, пожалуйста! – крикнул он еще раз, возвращаясь к двери* [Там же: 421]. В первом примере имеются однородные обстоятельства с одиночным соединительным союзом *и*: оснований для постановки запятой нет. Во втором примере посредством союза *и* присоединяется уточняющее обстоятельство, в интерпозиции маркируемое двойной запятой. Этот знак препинания, дифференцирующий однородность и уточнение, выполняет смысловозначительную функцию. В данном случае переход от однородности к уточнению обусловлен тем, что однородные обстоятельства семантически разноплановы: поэтому на основе союзной части однородного ряда может быть создано добавочное сообщение. Прагматической же «подо-

плекой» пунктуационной перестройки послужило особое волнение Стивы Облонского (вовсе не случайно его высказывание маркировано восклицательным знаком), приведшее к выдаче просьбы «по порциям».

В «Записках выдающегося двоечника» А. А. Гиваргизова представлен такой диалог: – *Послушай, Сереберцева, – спрашивал Сережа у отличницы Сереберцевой, – почему ты такая отличница? <...> Может быть, ты ешь что-нибудь особенное или пьешь? – Да вроде нет, – задумалась Сереберцева. – Пепси, чипсы. – Я тоже – пепси-чипсы, – сказал Сережа <...>* [Гиваргизов 2019: 7]. Запятая и дефис выполняют здесь смысловоразличительную функцию. В речи Сереберцевой запятой маркирован открытый, т. е. допускающий продолжение, ряд однородных дополнений, тогда как в речи Сережи дефис связывает только данные компоненты в единую именную группу с функцией дополнения. В подобных группах «дефис является знаком приближенности и обобщения (для имен – их нереферентного употребления)» [Акимова 1990: 156]. В речи Сережи *пепси-чипсы* обозначает ‘нечто обычное, что пьют и едят’, и это экспрессивное обобщение выражается именно знаком «дефис». Такого рода семантическое единство еще более ощутимо в многокомпонентных именных группах, оформляемых посредством повторяющегося дефиса. Ср. в рассказе Л. Барсуковой «Женщины как витрины»: *Продали квартиру-дачу-гараж-погреб в своем сибирском городке, прибавили накопления, и вот она – новенькая квартира в Санкт-Петербурге <...>* [Барсукова 2021: 253–254]; *<...> все равно никто не видит, что там внутри туфель-сапог-кроссовок делается* [Там же: 258]. Понятно, что в первом случае имеется в виду ‘недвижимое имущество’, а во втором – ‘обувь’.

Эти пунктуационные факты со всей очевидностью демонстрируют, что при тождестве лексико-грамматического состава различия в смысловом структурировании высказываний приводят к разному их синтаксическому структурированию. В письменном регистре подобной дифференцировке высказываний служат знаки препинания, благодаря которым в разном оформлении одной и той же пунктуационной позиции (пример из А. А. Гиваргизова) либо в смысловом разграничении разных пунктуационных позиций (пример из Л. Н. Толстого) выполняется смысловоразличительная функция.

Такого рода пунктуационное маркирование, обеспечивающее выражение коммуникативно значимых смысловых отношений и оттенков, имеет свои когнитивные предпосылки. К ним следует отнести, во-первых, осознание вариантов пунктуационного оформления (в частности, отсутствия знаков препинания и двойной запятой, запятой и дефиса) как «альтернативных способов конструирования референтной ситуации» [Кубрякова 2012: 190], а во-вторых, ориентацию смысловой ценности каждого из этих вариантов на салиентность, благодаря чему происходит фокусирование на тех особенностях концепту-

ализируемой ситуации, которые наиболее важны для нужд коммуникации с точки зрения пишущего. Смыслоразличительная функция знаков препинания позволяет отобразить на письме (т. е. при преимущественной локализации интонирования во внутренней речи) разное «виденье ситуации» [Там же: 196].

Когнитивными последствиями установки на смыслоразличительную функцию и, конечно, воплощения ее в пунктуационном узусе являются, во-первых, наработка стереотипных «связок» знаков препинания (а также – их отсутствия), обеспечивающих на письме разные способы конструирования ситуации – одной и той же в онтологическом плане, а во-вторых, потребность в обогащении функционального диапазона знаков препинания и – реже – в появлении новых средств пунктуационного маркирования. Например, в конце XX – первых десятилетиях XXI веков в сфере однородных членов предложения активизируется знак «дефис», превращающий синтаксически однофункциональный ряд в номинативоподобное единство.

Литература

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990.

Барсукова Л. Счастье ходит босиком. М.: Эксмо, 2021.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004.

Гиваргизов А. А. Записки выдающегося двоечника. 3-е изд. М.: Время, 2019.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 7. М.: Правда, 1987.

Backscheider P. Punctuation for the reader – a teaching approach // *The English journal*. 1972. Vol. 61. № 6. P. 874–877.

K. Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

THE MEANING-DISTINGUISHING FUNCTION OF PUNCTUATION MARKS IN COGNITIVE INTERPRETATION

The article deals with the meaning-distinguishing function of punctuation marks in different syntactic structures. Such a functional load of punctuation marking indicates that punctuation involves in the semantic and, consequently, syntactic structuring the utterance. In the cognitive interpretation of this fact, the author uses such concepts as construal and salience.

Key words: cognitive linguistics, punctuation, syntax, meaning-distinguishing function, construal, salience.

М. В. Слаутина (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
mslautina@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ КАК ОСНОВА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена проблеме взаимодействия лексической и грамматической семантики в антонимических парах имен существительных. Материалом послужили результаты анкетирования младших школьников – ошибочно составленные антонимические пары, включающие числовые формы одного слова и родовые корреляты.

Ключевые слова: антонимы, грамматическая категория, грамматическое значение, лексическое значение.

Изучение лексикона ребенка в аспекте парадигматических отношений дает возможность не только увидеть свойственные детской речи явления, но и выявить процессы, характерные для языковой системы в целом, в частности, взаимодействие лексической и грамматической семантики в слове и лексической группировке.

Материал для исследования был получен в ходе анкетирования учащихся 2–4 классов школ г. Екатеринбурга. Всего в опросе участвовали 60 человек. Школьникам было предложено написать определение антонимов, привести примеры и подобрать антонимы к предложенным словам. К числу ожидаемых результатов можно отнести полное или частичное воспроизведение определения антонимов из учебников русского языка, повторение примеров.

Особый интерес представляют ошибочно подобранные примеры антонимических пар. Анализ отрицательного материала позволяет, в частности, увидеть, как взаимодействуют лексическая и грамматическая семантика в пределах микропарадигмы. Ошибочные антонимические пары типа *берег – берега, девочки – мальчики* демонстрируют не столько неувоенность грамматических категорий, сколько влияние грамматической семантики на лексическое значение слова. Подобные явления вполне системны в языке: одна из грамматических форм может развивать отдельное самостоятельное значение (ср.: *бег – бега, выбор – выборы* и т. п.), однако в детской речи мы имеем дело с несколько иными процессами, обусловленными не столько внутриязыковыми факторами, сколько детской спецификой восприятия действительности и отражения ее в языке.

Грамматическая категория рассматривается как множество взаимоисключающих обязательных значений, каждое из которых противопоставлено другому или другим в рамках этой категории. Таким образом, ментальная операция противопоставления лежит в основе существования грамматических категорий. Наиболее очевидно ощущаются такие противопоставления в категориях с преимущественно семантической функцией. В нашем материале подобные примеры (ошибочные пары антонимов) относятся к двум именным категориям – числу и роду: *ученик – ученики, учитель – учительница* и т. п., и эти ошибки являются системными.

Использование в качестве антонимов числовых форм имен существительных – наиболее частотная, повторяющаяся ошибка. Очевидно, это обусловлено спецификой самой категории. Категория числа в русском языке включает две граммы: единственное число ('один объект') и множественное число ('более одного объекта'). Сложные случаи количественных значений (таких, как дискретная – недискретная множественность и под.) и соответствующих им форм не являются предметом нашего рассмотрения. В качестве примеров антонимов учащиеся приводили пары числовых форм конкретных существительных, например, *ученик – ученики, класс – классы*. Очевидно, в данном случае грамматическая семантика единичности и множественности «выходит на передний план»: противопоставление осуществляется на основе компонентов 'один' – 'много', которые функционируют в семантике антонимической пары как компоненты лексического значения, не входя при этом в семную структуру отдельного слова, и становятся основанием для формирования семантической оппозиции.

Количественные противопоставления могут осложняться дополнительными смыслами. Так, ошибочные антонимические пары *радость – радости, хитрость – хитрости* отражают более сложную когнитивную структуру: логической операции противопоставления предшествует конкретизация абстрактного значения, что дает основание для количественного противопоставления, т. е. в этом случае мы имеем дело не только с категорией числа, но и с лексико-грамматическим противопоставлением абстрактной и конкретной семантики.

Еще одна грамматическая категория, влияние которой можно увидеть в ошибочной интерпретации лексических антонимов, – это категория рода. Это касается только существительных, обозначающих человека. В данном классе слов категория рода фактически двучленна (мужской – женский род) и соотносится с гендерными различиями. Употребление родовых коррелятов *учитель – учительница, ученик – ученица* в качестве антонимов репрезентирует глубинную культурную оппозицию, представление о гендерной противоположности. Семантическая оппозиция *мужчина – женщина* за-

фиксирована в качестве антонимической пары в [Львов 1984; Колесников 1972; Михайлова 2005], «гендерные» антонимы широко представлены в Викисловаре (напр., *друг – подруга, поэт – поэтесса* и даже *дурак – дура*). Категория рода в данном случае выступает «транслятором» представлений о мужском и женском поведении, образе жизни, привычках и т. п.: антонимические пары *мама – папа, ученик – ученица, мальчики – девочки* отражают и представления социума, и переосмысление ребенком собственного опыта. Дискуссионность подобных антонимов отмечается и в лингвистических исследованиях [Мухин 2017: 210]. Последовательное включение подобных лексем в зону антонимии говорит о широком понимании семантической оппозитивности и опоре, скорее, на внеязыковые факторы при выборе антонимических пар.

Обобщая наблюдения, отметим явную избирательность в использовании грамматических категорий для выражения семантических противопоставлений. Так, если категория падежа не используется при конструировании антонимических пар по вполне понятным причинам (она многочленна и выполняет синтаксическую функцию), то игнорирование глагольных категорий, в которых явно прослеживается оппозитивная семантика (напр., видовые значения длительности и завершенности, противопоставление прошедшего и будущего времени), вероятно, можно объяснить только сложностью устройства глагольной парадигмы и неизученностью ее учениками начальной школы.

Определяя причины влияния грамматики на интерпретацию лексических фактов в речи детей, нельзя не согласиться со С. Н. Цейтлин, которая основной причиной появления грамматических ошибок называла «*давление языковой системы*» и указывала на унифицированность грамматических и лексических явлений в детской речи [Цейтлин 1982: 6]. Ориентация на языковую систему, а не на норму, диффузность лексического и грамматического значений создают возможность при затруднении в подборе лексических антонимов использовать ресурсы грамматики языка.

Литература

Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1972.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984.

Михайлова О. А. Словарь антонимов русского языка. М.: Эксмо, 2005.

Мухин М. Ю. Границы русской антонимии и лексикографическая практика // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (166). С. 203–214.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982.

M. V. Slautina (*Ekaterinburg, Russia*)
*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin*

**GRAMMATICAL CATEGORIES
AS THE BASIS OF SEMANTIC OPPOSITIONS
IN THE SPEECH OF YOUNGER STUDENTS**

The article is devoted to the problem of the interaction between lexical and grammatical meanings in antonym pairs represented by nouns. The article is based on the results of a questionnaire completed by primary school children – incorrectly matched antonym pairs that included number forms of the same word and gender correlates.

Key words: antonyms, grammatical category, grammatical meaning, lexical meaning.

A. Ю. Тананыхина (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Санкт-Петербургский государственный университет
asya-tn@yandex.ru*

A. О. Тананыхина (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
allatan@mail.ru*

**МОРФОЛОГИЧЕСКИ РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЙ
КОНЦЕПТ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Данная статья рассматривает особенности концептуализации и структуры морфологически репрезентируемого концепта ВРЕМЯ и его соотношение с морфологически репрезентируемым концептом ВИД. Анализируется развитие данного концепта в диахронии, начиная с индоевропейского языка и заканчивая современным английским языком.

Ключевые слова: морфологически репрезентируемый концепт ВРЕМЯ/ ВИД, ядро концепта, периферия концепта, видо-временные формы.

Абстрактное понятие времени формировалось на базе конкретных представлений и первоначально осмысливалось в связи с конкретными событиями и процессами. У человека нет возможности непосредственно наблюдать время, поэтому он познает время сравнивая события [Lakoff 1999]. Только наименьшая часть представлений о времени является результатом непосредственно опыта ощущения реального времени. Концепт ВРЕМЯ связан

с такими концептами, как СОБЫТИЕ, ДВИЖЕНИЕ, ПРОСТРАНСТВО. Н. А. Беседина справедливо резюмирует, что представления о событиях, пространстве и движении составляют исходную базу для формирования концепта ВРЕМЯ, который, в свою очередь, является неким обобщением характеристик других измерений [Беседина 2006: 140].

Концептуализация времени тесно связана с разными компонентами когнитивной деятельности, например, с восприятием, памятью, воображением. Само разделение действительности на «настоящее», «прошедшее» и «будущее» – это относительно позднее явление. Б. А. Серебренников утверждает, что в архаичных языках категория времени была выражена слабо [Серебренников 1970]. Существуют даже гипотезы о том, что в какой-то период развития индоевропейского глагола последний не знал разграничения настоящего и прошлого [Перельмутер 1977].

Морфологически репрезентируемый концепт ВРЕМЯ отражает то, каким образом время осмысляется в языке, ведь язык концептуализирует не реальное время совершения событий, а события относительно момента речи. То есть, временные формы определяют ситуацию как совпадающую с моментом речи, следующую за моментом речи или предшествующую ему. Однако кроме вышеупомянутых характеристик, важными являются и аспектуальные свойства ситуации, т. е. характеристики протекания ситуации и распределения ее во времени [Беседина 2006]. В английском языке данные характеристики репрезентируются через категорию вида. Морфологически репрезентируемый концепт ВИД формируется на базе концепта ВРЕМЯ и профилирует в его рамках характеристики, существенные с точки зрения характера протекания ситуации во времени, например, длительности, повторяемости и наличия результата [Беседина 2006].

При помощи концептуального анализа рассмотрим, как содержание морфологически репрезентируемого концепта ВРЕМЯ менялось от индоевропейского к современному английскому языку.

У индоевропейского глагола выделяются три основы: презенс, аорист и перфект. Данные формы не выражали собственно время, а скорее вид действия: презенс имел значение развивающегося действия, аорист обозначал мгновенное действие, а перфект – завершенное действие [Мейе 2006: 214]. К. Шилдс считает, что на самом первом этапе развития индоевропейского языка глагольные формы противопоставлялись по принципу «здесь и сейчас» и «не здесь и не сейчас», при необходимости «объективное время» указывалась частицами и наречиями [Shields 1999: 18–19]. Таким образом, в индоевропейском языке в морфологически репрезентируемом концепте ВРЕМЯ ядро составляли аспектуальные значения завершенности, мгновенности и развивающегося действия. Также близко к ядру располагалось значение итеративности, которое грамматически

выражалось редупликацией. Собственно временная отнесенность остается на периферии морфологически репрезентируемого концепта ВРЕМЯ.

В прагерманском языке, а затем и в остальных германских языках получает развитие категория времени, виды же практически исчезают. Хотя в древнеанглийском языке и существовал глагольный префикс “ze”, обозначающий совершенный вид глагола, формы с префиксом “ze” существовали лишь у некоторых глаголов, поэтому неправомерно говорить о стойкой категории совершенного вида в древнеанглийском [Ильиш 1968]. В древнеанглийском языке в морфологически репрезентируемом концепте ВРЕМЯ ядро составляли временные значения настоящего и прошедшего. На некой удаленности от ядра концепта располагались значения перфекта, аориста и итеративности, значение которых частично сохранялись в аблауте сильных глаголов. На периферии концепта оказывались временное значение будущего (оно выражалось лексически или с помощью претерито-презентных глаголов), предпрошедшее временное значение, результативность, длительность действия.

В среднеанглийском и новоанглийском оформляются все три временные значения настоящего, прошедшего и будущего, которые характерны для современного английского языка. Устанавливаются аспектуальные характеристики продолжительности/непродолжительности, а также результативности. Таким образом, в ядро морфологически репрезентируемого концепта ВРЕМЯ входят как временные значения (оппозиция «прошедшее-настоящее-будущее»), так и упомянутые выше аспектуальные значения. На периферии остаются такие аспектуальные значения как итератив, аорист, имперфект и т. д.

Для иллюстрации примеров репрезентации морфологически репрезентируемого концепта ВРЕМЯ на разной стадии развития английского языка приведем отрывки из текста Библии, составленной на древне-, средне- и новоанглийском.

Из среднеанглийского периода были взяты библия Уиклифа и библия Тиндейла, последняя составлена почти на два века позже, и таким образом иллюстрирует изменения в течение самого среднеанглийского периода. (OE – древнеанглийский перевод библии, IX–X вв., ME1 – библия Уиклифа, 1382 г., ME2 – библия Тиндейла 1526 г., ModE – библия короля Якова, 1611 г.)

1) OE ***Pa Martha gehyrde ðæt se Hælende com, Ða arn heo ongean hyne***
ME1 ***Therefore as Martha herde, for Jhesu cam, she rennet to him***
ME2 ***Martha as soon as she herde that Jesus was commynge, went and met him*** [<https://archive.org/details/gothicanglosaxo00ulfi/page/n0>].

ModE ***Then Martha, as soon as she heard that Jesus was coming, went and met him*** [<https://www.kingjamesbibleonline.org>].

Когда Марта услышала, что идет Иисус, она пошла и встретила его.

В древнеанглийском и в первой половине среднеанглийского формы прошедшего времени *com/ cam* передавали, что действие происходит в прошлом.

Носителям языка не был интересен вид действия или его продолжительность, а лишь его отнесенность ко времени. Во второй половине среднеанглийского периода и в новоанглийском уже появляются формы *was commynge/ was coming*, которые не просто выражают временную отнесенность, но еще и передают вид действия, подчеркивая незавершенность и длительность действия. Таким образом, носителям языка уже становится важной не только оппозиция настоящее-прошедшее, но и завершенность-незавершенность.

2) OE *And cwæþ to him, ne rædde ge hwæt Dæuid dyde...*

ME1 *And he seide to hem, whether ge han nat rad, what Dauith didde...*

ME2 *He sayde unto them, have ye nott reed, what David did...*

[<https://archive.org/details/gothicanglosaxo00ulfi/page/n0>].

ModE *But he said unto them, Have ye not read what David did*

[<https://www.kingjamesbibleonline.org>].

Он сказал им, не читали ли вы о том, что сделал Давид ...

В древнеанглийском форма *rædde* выражает лишь отнесенность к прошлому, а начиная со среднеанглийского периода в том же контексте появляются перфектные формы с глаголом *haven/ have*. В данном случае говорящим стало важным подчеркнуть идею завершенности и результата, приобретает значение оппозиция завершенность – незавершенность. Носителям же древнеанглийского языка была важна в основном временная отнесенность.

3) OE *þa hi þæt gebod gehyrdon, þaferdon hi.*

ME1 *The whiche, when thei hadden herde the kyng, went awei.*

ME2 *When they had herde the kyng, they departed.*

[<https://archive.org/details/gothicanglosaxo00ulfi/page/n0>].

ModE *When they had heard the king, they departed.* [<https://www.kingjamesbibleonline.org>].

После того как они услышали (приказ) царя, они уехали.

В данном примере можно проследить эволюцию значения предшествования, характерную для современной формы Past Perfect. Предшествование в прошлом в древнеанглийском и среднеанглийском периодах отдельно не выражено. Носителю языка не было важно особо подчеркивать этот смысл, он находился на периферии концепта «время» и при необходимости выводился из контекста. Однако в конце среднеанглийского периода и в ранненовоанглийском, этот смысл уже представлен формой Past Perfect.

Таким образом, содержание морфологически репрезентируемого концепта ВРЕМЯ менялось в процессе развития языка. Какие-то его характеристики не были значимы для носителей языка, а значит и не требовали специальной формы, например, будущее время в силу своей абстрактности не было значимо для древних германцев и англосаксов. Мышление древних людей в принципе было более конкретным, ведь будущее является абстракцией более высокого уровня,

в то время как настоящее и прошлое является опытом человека [Серебренников 1970]. Какие-то характеристики, наоборот, теряли свою значимость и уходили на периферию концепта. В истории английского языка наблюдается своего рода «круговорот», когда вид сначала сместился на периферию, а затем снова вошел в ядро концепта. Однако необходимо отметить, что видовые характеристики, бывшие в индоевропейском и существующие в современном английском, отличаются. Если в индоевропейском основными видовыми характеристиками были завершенность, незавершенность и мгновенность действия, то в современном английском это длительность, результативность и завершенность.

Литература

- Беседина Н. А.* Морфологически передаваемые концепты. Тамбов, 2006.
Ильин Б. А. История английского языка. М.: Изд-во «Высшая школа», 1968.
Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: УССР, 2002.
Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол: видовременные и залоговые категории. Л.: Наука, 1977.
Серебренников Б. А., Уфимцева А. А., Булыгина Т. В. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.
King James' Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org>
Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic book, 1999.
Shields Kenneth C. A. History of Indo-European Verb Morphology. Yale: John Benjamins Publishing Co., 1992.
The Gothic and Anglo-Saxon Gospels in parallel columns. URL: <https://archive.org/details/gothicanglosaxo00ulfi/page/n0>

A. Yu. Tananykhina (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

A. O. Tananykhina (St. Petersburg, Russia)
State Russian Herzen Pedagogical University

MORPHOLOGICALLY REPRESENTED CONCEPT TIME IN THE HISTORY OF ENGLISH

The article dwells upon the structure of the morphologically represented concept TIME, peculiarities of its conceptualization and its relation to the morphologically represented concept ASPECT. The concept development is analyzed diachronically from the Indo-European language to modern English.

Key words: morphologically represented concept TIME, morphologically represented concept ASPECT, concept nucleus, concept periphery.

А. Ю. Цубера (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
adriana.tsubera@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ ТЕКУЩЕГО, НАСТОЯЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье обосновывается актуальность исследования, посвященного анализу семантики языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел в переводческой перспективе; описывается методологическая база исследования; ставится проблема выделения средств обозначения текущего, настоящего положения дел и последующего уточнения семантики выбранных для анализа языковых единиц в переводческом аспекте.

Ключевые слова: гипотетико-дедуктивный метод, корпусный эксперимент, настоящее, текущее положение дел, семантический эксперимент, русско-английский перевод.

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу семантики языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел. Согласно А. Мустайоки, под настоящим положением дел понимается такое положение дел, которое происходит в определенное время, совпадающее с моментом речи или с моментом референции [Мустайоки 2019: 436]. При этом момент речи соотносится с позицией говорящего, который «устанавливает место описываемого положения дел на временной оси» [Мустайоки 2019: 436]. Отмечается, что, когда говорящий сообщает о настоящем положении дел, он подчеркивает его актуальность для данного момента, даже если оно имело место до или после момента речи.

Палитра языковых средств репрезентации текущего, настоящего положения дел включает в себя большое число единиц, в том числе темпоральные наречия, словосочетания, частицы, прилагательные, уточняющие значение времени (ср. *настоящий, сегодняшний* в русском языке и *current, present, contemporary* и под. в английском языке). В работе [Мустайоки 2019] помимо предложений с глаголами настоящего времени несовершенного вида в качестве средств выражения настоящего положения дел также выделяются бытийные, номинативные, генитивные предложения и ряд других средств.

В настоящей работе формулируется актуальность проводимого исследования, его методологическая база, ставится проблема выделения средств

обозначения текущего, настоящего положения дел и последующего уточнения семантики языковых единиц обозначения текущего, настоящего положения дел в переводческом аспекте.

Актуальность данной работы определяется несколькими факторами.

Во-первых, в результате анализа лингвистической литературы было выявлено, что семантические особенности языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел в переводческой перспективе не становились предметом специального исследования, тогда как выделение языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел и описание их семантических особенностей необходимо для выполнения адекватного и эквивалентного перевода текстов с русского языка на английский язык.

Во-вторых, сопоставительный анализ средств репрезентации текущего, настоящего положения дел на материале русского и английского языков необходим для внесения дополнений в уже существующие методики и практики устного и письменного перевода.

Методологию исследования определяют положения когнитивной лингвистической семантики, связанные с

- представлением о семантических типах предикатов [Селиверстова 1982];
- обоснованием выбора экспериментальной методики исследования в рамках триангуляционного подхода, при котором используется гипотетико-дедуктивный метод на основе эксперимента в сочетании с составлением запросов в поисковых системах и работой с корпусом текстов [Селезнева 2006; Сулейманова, Фомина 2018];
- введением сетевых технологий в лингвистический эксперимент и оценкой их потенциала применительно к экспериментальным исследованиям [Фомина 2020];
- представлениями о функциональном синтаксисе русского языка и подходом к описанию семантических категорий по принципу «от значения к форме» [Мустайоки 2010; Мустайоки 2019].

Таким образом, в данной статье ставится проблема выделения языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел и выявления особенностей их семантики; приводится краткий обзор исследовательской методики с применением цифровых ресурсов.

Эмпирическая база и методика исследования

Источником материала для исследования послужили архивы электронных фондов Национального корпуса русского языка [<https://ruscorpora.ru/>], Британского национального корпуса [<https://www.english-corpora.org/bnc/>] и Корпуса современного американского варианта английского языка [[317](https://</p></div><div data-bbox=)

www.english-corpora.org/coca/]. В результате обращения к корпусам текстов было набрано более 1200 примеров употребления рассматриваемых единиц в речи.

Одним из важнейших этапов проведения исследования явилось **опи- сание методологического подхода** к экспериментальной части работы.

Так, в рамках данной работы было проведено многоэтапное исследова- ние, основанное на триангуляционном подходе. Вслед за О. А. Сулеймановой и М. А. Фоминой для проведения семантического исследования рассматри- ваемых единиц в рамках триангуляционного подхода нами применяется гипотетико-дедуктивный метод на основе эксперимента в сочетании с со- ставлением запросов в поисковых системах и работой с корпусом тестов [Сулейманова, Фомина 2018]. Использование триангуляционного подхода позволяет исследователю подтвердить данные, полученные из одного источ- ника, данными из другого источника, что позволяет говорить о надежности результатов [Сулейманова, Фомина 2018].

Для разграничения значений рассматриваемых лексических единиц на первом этапе исследования проводится сбор примеров употребления данных единиц в письменной и устной речи с помощью обращения к корпусам текстов.

На втором этапе производится исчисление всех окружений, в которых встречаются рассматриваемые единицы. Исследователем проводился дис- трибутивный анализ рассматриваемых единиц, далее выдвигалась гипотеза об их значении (см., например, некоторые результаты анализа особенностей семантики русских и английских прилагательных с общим значением *теку- щий, настоящий* в [Цубера 2021; Цубера 2022]).

Для подтверждения сформулированной гипотезы формируются поис- ковые запросы, содержащие конкурирующие данные, после чего производ- ится сравнение данных. При этом исследователи получают данные, кор- релирующие с данными корпусного эксперимента, согласно которым была выдвинута гипотеза о значении рассматриваемых языковых единиц. После исследователь обращается к лингвистическому эксперименту с участием информантов-носителей языка для верификации и уточнения гипотезы.

В рамках настоящего исследования из всей палитры средств обозначения настоящего положения дел в качестве объекта исследования (как представля- ющие для нас особый исследовательский интерес) выбраны русские прилагательные со значением *текущий, настоящий*, словосочетания с данными при- логательными, уточняющие значение времени, а также предикаты, относимые к особому типу глаголов-так называемым предикатам класса (гетерогенного класса – ср. *руководить, воспитывать* – и предикаты со значением гомоген- ного класса – ср. *питаться, курить* (вообще)), которые «не могут обозначать что-то непосредственно протекающее во времени» [Селиверстова 1982: 102], но при этом, будучи употребленными в настоящем времени, способны, как

отмечает А. Мустайоки, расширять временные рамки и задавать широкую временную характеристику положения дел, подчеркивая его значимость в настоящий момент [Мустайоки 2019: 448–449]. Такие предикаты, по мнению Т. В. Булыгиной, употребляются «либо в общих суждениях, либо в значении узуального настоящего» [Булыгина 1980: 345], а по мнению А. Мустайоки, выступают в качестве средств выражения неактуальных положений дел [Мустайоки 2019: 448–449]. Интересно при этом, что неактуальные положения дел чаще всего выражаются предложениями с глаголами настоящего времени несовершенного вида.

Выводы

Таким образом, в данной работе получил отражение вопрос актуальности исследования, посвященного проблеме описания семантических особенностей языковых средств обозначения текущего, настоящего положения дел, был описан методологический подход, а также обозначен вектор проведения дальнейшего исследования.

Литература

Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Издательский дом «ЯСК», 2010.

Мустайоки А. С. Функциональный синтаксис русского языка: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Селезнева, Г. А. Лингвистический эксперимент и его место в экспериментальной науке // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения: Вторые чтения памяти О. Н. Селиверстовой, Москва, 17 октября 2005 года. М.: Московский государственный педагогический университет, 2006. С. 256–272.

Селиверстова, О. Н. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Сулейманова О. А., Фомина М. А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика, научные труды по филологии. М.: Книгодел, 2018. С. 220–235.

Фомина М. А. Опыт использования триангуляционных методик с опорой на метод экспертных оценок и корпусный эксперимент при когнитивной интерпретации результатов семантического эксперимента // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 2 (41). С. 885–889.

Цубера А. Ю. Особенности семантики английских прилагательных *current* и *present* // Сборник работ молодых ученых. В многомерном пространстве современной лингвистики. Вып. 2. Когнитивно-дискурсивная парадигма в исследованиях молодых ученых. М.: Принтика, 2021. С. 248–253.

Цубера А. Ю. Семантические представления, релевантные для описания текущего, настоящего положения дел (на материале русско-английского корпуса параллельных текстов) // Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие: материалы межд. лингв. форума. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2022. С. 397–405.

A. Y. Tsubera (Moscow, Russia)
Moscow City University

CURRENT/PRESENT STATE OF AFFAIRS IN RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION PERSPECTIVE

The paper focuses on the relevance of the research devoted to the analysis of current, present state of affairs in Russian-to-English translation perspective; describes the methodology of the study; raises the problem of allocating the means denoting current, present state of affairs and subsequent clarification of their semantic features.

Key words: corpus-based experiment, hypothesis-deduction method, triangulation, current/present state of affairs.

А. А. Чекина (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
fillinfolk@gmail.com

СИНТАКСИС ОБРЯДОВО-ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ ОДНОЙ ПРАГМАТИКИ

В статье рассматривается функционирование синтаксической структуры обрядово-этикетных формул народной речи. Выявляются особенности прагматики диалогового единства, воспроизводящегося диалектоносителями в ситуации доения коровы: *Море под коровой! – Река молока!* Делается вывод о многофункциональности подобных синтаксических структур.

Ключевые слова: обрядово-этикетная формула, синтаксис, прагматика, этикет народной речи, благопожелание.

Язык фольклора в синтаксическом смысле имеет особую специфику. Это довольно хорошо отражено в работах исследователей Е. Б. Артёмко [1977], А. Т. Хроленко [1992], И. А. Оссовецкого [1975], З. К. Тарланова [1999] и других. И. А. Оссовецкий отмечает, что синтаксис языка фольклора «специ-

ифичен и очень эстетически нагружен» [Оссовецкий 1975: 71–73]. К эстетическим категориям в синтаксисе языка фольклора можно отнести ритм и рифму, которые образуют, как известно, легкую воспроизводимость любого текста. Это же можем наблюдать и в наших формулах*: *Если место готовишь, а кто чужой и вошёл, то говорит: «Спорынья** в квашиню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!»*. [СДК: 1988, I, 30. Николо-Раменье].

Необходимо отметить, что зачастую специфика синтаксиса большинства устойчивых конструкций (в нашем случае – обрядово-этикетных формул) характеризуется ещё и прагматической семантикой. Такие формулы всегда употребляются в определенных ситуациях в исключительно прагматических целях:

– при полоскании белья: *Если бельё полощешь, а идёт кто, дак скажет: «Беленько!»*. А ты ответишь: *«Спасибо!»* и дальше работаешь. [СДК: 1987. Сковятино, Череповецкий р-н, Вологодская обл.].

– при доении коровы: *Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока»*. [СДК: 1987. Сковятино, Череповецкий р-н, Вологодская обл.].

– при замешивании теста: *Если место готовишь, а кто чужой и вошёл, то говорит: «Спорынья в квашиню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!»*. [СДК: 1988, I, 30. Николо-Раменье].

Если обратиться к многогранному исследованию синтаксиса, например, пословиц, то З. К. Тарланов отмечает, что «синтаксис пословиц – это всегда синтаксис живой народной речи определенного периода, доведенный до совершенства» [Тарланов 1999: 39]. Важно помнить, что «синтаксис пословиц и синтаксис живой народной речи – это вещи одноплановые, равнозначные» [Там же]. То же вполне можно сказать и о других малых речевых формах народной речи, в частности – обрядово-этикетных формулах, которые довольно ярко и самобытно представляют собой живую народную речь.

Итак, в центре нашего внимания оказываются особые устойчивые конструкции, которые обозначены как обрядово-этикетные формулы. В настоящей статье подробно рассматривается одна группа – формулы приветствий с прагматикой благопожелания (*Беленько!*; *Спорынья в квашиню!*), в частности – формула приветствия в ситуации доения коровы *Море под коровой!* в единстве с традиционной репликой-ответом *Река молока!*

Рассматриваемые формулы представляют собой диалогические единства, которые всегда ситуативно обусловлены – они всегда произносятся

* Все примеры взяты из экспедиционных записей архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры русского языка СПбГУ (далее – СДК).

** Спорынья: 1) Быстрота, ловкость, сноровка в работе; 2) Успех, удача в каком-л. деле; 3) Изобилие, богатство, прибыль (СРНГ, 40, с. 236–237).

в строго ритуализированной ситуации. Важно подчеркнуть, что в таком случае мы имеем дело с речевой ситуацией, в которой следует учитывать два дискурсивных момента, влияющих и на семантику, и на форму диалога.

Первый момент – это всегда встреча двух субъектов говорения – S1 и S2. Нужно учитывать, что это может быть случайная или намеренная встреча, но это всегда строго ритуализированное общение, предполагающее традиционный диалог: произносится первая обязательная реплика, адресующаяся хозяйке: S1 – *Море под коровой!* и даётся обязательный на это ответ, адресующийся зачинателю диалога: S2 – *Река молока!* Только после соблюдения всех норм речевого этикета начинается обычный разговор, имеющий свои цели. Таким образом, можно сказать, что перед нами обязательная речевая реплика, имеющая давние культурные корни. Иными словами, это обрядово-этикетная речевая единица, имеющая форму диалога, причем соединяющая (как минимум) две функции – приветствие и благопожелание.

Второй момент – обязательность и завершенность диалога, отсюда – та неизбежная вариативность, привносимая конкретным говорящим, при которой смысл, однако, не меняется. «В пределах жанра, а тем более в пределах инварианта, типичные ситуации действия, обстоятельства и т. п. при изложении расчлняются, примерно, одинаково; такие типичные места представляют собой как бы матрицу с одной или несколькими незаполненными ячейками, которые в конкретных вариантах заполняются, примерно, одинаковым языковым материалом» [Оссовецкий 1975: 71–73]. Рассматриваемая обрядово-этикетная формула имеет богатую производимость и вариативность, которую подробно описала в монографии «Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры» Л. Ю. Зорина [2012]. В нашем материале встречается несколько вариантов этой формулы: *Море под коровой – 2. Море молока – 1. Ведро молока – 1. Ведром (тебе) – 2. Ведром тебе, Бог помощь – 1. Река молока (только как ответ) – 2.*

Исследуя синтаксическую структуру подобных диалогических единств, необходимо отметить, что в разное время лингвисты обозначали эти конструкции разными терминами. А. А. Шахматов выделял неполные предложения, где конструкции без глагола (отсутствие предиката) он называл нарушенными [Шахматов 1941: 30–31]. В «Грамматике русского языка» 1954 года наблюдается классификация неполных (эллиптических) конструкций, куда можно отнести и наши формулы. По этой классификации они будут относиться к «неполным предложениям, представляющим устойчивые сочетания: *Спокойной ночи!*» [АГ-1954: Т. 2. Ч. 1.: 97]. В Русской грамматике – 80 такие речевые единицы обозначаются как слова-предложения, которыми называются «отдельные словоформы или сочетания определенных слов, закрепившие за собой ту или иную коммуникативную функцию и произносимые с соответствующей

интонацией» [РГ-1980: Т. 2]. Например, «выражения приветствия и ответа на него, благодарности и реакции на благодарность, пожелания, просьбы, поздравления и ответа на них: *Здравствуй(те)*; *До свидания*; *Прощай(те)*; *С добрым утром*; *Добрый день*; *Привет!*; *Мое почтение*; *Счастливого пути*; *Всего хорошего!*; *Всех благ*» [РГ-1980: Т. 2], что вполне созвучно и с рассматриваемыми конструкциями. Как видно, подобные конструкции в структурно-синтаксическом отношении не поддаются однозначной идентификации, что расширяет границы их интерпретации в различных смыслах.

Необходимо помнить, что анализируемые обрядово-этикетные формулы принадлежат устной речи. А для синтаксиса разговорной речи, которая характеризуется обрывочностью, недосказанностью, краткостью зачастую характерен конситуативный эллипсис, т. е. такие синтаксические конструкции, в которых не весь смысл вербализован, но он становится ясным при развертывании диалога в конкретной ситуации. Рассматриваемые формулы могут быть обозначены как конструкции с нереализованной валентностью (*Море под коровой!*). Это можно объяснить особенностями устной разговорной речи – с одной стороны, с другой – тем обрядом, при котором участникам диалога не нужно объяснять правила заданной коммуникации, поскольку они обладают этим знанием подсознательно.

Следует разобрать реплики исследуемого диалогического единства по отдельности: *Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока»*. [СДК: 1987. Сквятино, Череповецкий р-н, Вологодская обл.].

Первая реплика, являющаяся собственно благопожелательной, представляет собой эллиптическую конструкцию в оптативном (пожелательном) наклонении. Необходимо учесть, что пожелание – это «адресованное слушающему изъявление желания добра, здоровья и т. п., причём слушающий является одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации» [Бондарко 1990: 181]. Если условно восстановить реплику, то получится привычная пожелательная конструкция: <Пусть будет> *море под коровой!* При нулевом участии глагола, что характерно для эллиптических конструкций, субъектом действия оказывается слово-символ – «море», которое произносится в благопожелательной функции: хозяйке желают море молока. При фактическом отсутствии предиката предикативность всё же ощущается – через лексико-семантическую наполненность формулы, которая в содержательном плане актуализирует намерение пожелать хозяйке благополучного исхода дела. Следовательно, это пожелание связано с прагматическим смыслом доения коровы – получения от неё большого количества молока. Именно с этим соотносится и само слово – «море» в значении ‘огромное количество, чрезвычайное обилие чего-л’ [СРЯ 1957–1961]. В мифопоэтической традиции

славян море предстаёт как символ безграничного пространства, безбрежности, его огромной величины – всё это в значении ‘много’ [СД 2012: Т. 3: 299].

Зачастую в народной традиции море соотносится с реками. Это проявляется в ответной реплике диалогового единства. Она может быть восстановлена по той же схеме, выполняющая оппозитивную функцию: <Пусть будет> *река молока!* Река здесь может трактоваться как ‘непрерывно движущийся поток чего-л’ [СРЯ: 1957–1961]. Культурная семантика реки определяется такими свойствами, как быстрое течение, подвижность, протяженность в пространстве, извилистость (искривленность русла) [СД 2012: Т. 4: 416].

Употребление подобных слов-символов указывает не только на большое количество молока, но и на сам процесс доения, причём всё это – в символическом значении, закреплённом за синтаксической конструкцией. И. А. Осовецкий относил подобные формулы к «поэтической фразеологии» [Осовецкий 1975: 71–73], которая «представляет собой художественные лексико-синтаксические единства разной степени обобщенности» [Там же]. Она может включать в себя «стабильные синтаксические конструкции со словами-символами и с заданной экспрессией» [Там же], что наблюдается и в нашей обрядово-этикетной формуле приветствия, произносимой в ситуации доения коровы.

Необходимо помнить, что кроме символического значения, обрядово-этикетная формула обладает прагматическими целями. Такое приветствие произносится в конкретной ситуации с конкретной целью – пожелать хозяйке удачного, «добротного» завершения дела – получения от коровы большого количества молока. Такие благопожелания Л. Ю. Зорина называет «трудовыми», т. е. «высказываниями с коммуникативным заданием пожелания добра, блага в адрес женщины, доящей корову» [Зорина 2012: 53].

Таким образом, синтаксическая структура обрядово-этикетной формулы выполняет ряд функций: символическую, эстетическую, прагматическую, этикетную и обрядовую. Именно в синтаксическом строе «архаические элементы уместны в той мере, в какой они бытуют и в живой народной речи», а значит – и в культуре, и в сознании людей, что нередко диалектоносители сами не могут точно объяснить. «Пословичное суждение», как и любое, относящееся к малым речевым паремимологическим жанрам народной речи, «всегда воплощается в наиболее живой синтаксической форме языка» [Тарланов 1999: 39].

Литература

Артемченко Е. Б. Синтаксический строй русской народной песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.

Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры. Вологда: ВПГУ, 2012.

Осовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.

Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.

Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 30–31.

АГ-1954 – Грамматика русского языка. 1954. Т. 2. Ч. 1. С. 97.

РГ-1980 – Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. URL: <http://rusgram.narod.ru/index1.html> (дата обращения: 20.01.2023).

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1995–2012.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 23.01.2023).

A. A. Chekina (Saint-Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

SYNTAX OF RITUAL AND ETIQUETTE FORMULAS OF ONE PRAGMATICS

The article examines the functioning of the syntactic structure of ritual and etiquette formulas of folk speech. The features of the pragmatics of the dialogical unity reproduced by dialect speakers in the situation of milking a cow are revealed: *More pod korovoj!* – *Reka moloka!* The conclusion is made about the multifunctionality of such syntactic structures.

Key words: ritual and etiquette formula, syntax, pragmatics, etiquette of folk speech, benevolence.

E. E. Chikina (Vladimir, Russia)
Vladimirский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
despoyna@mail.ru

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ КАК МАРКЕР КОГНИТИВНОГО МОДУСА ДИСКУРСА (на материале немецкого языка)

В статье рассматривается функционирование родительного падежа немецкого языка как маркера когнитивного модуса дискурса. Автор опирается на гипотезу о дискурсивной природе грамматической категории падежа и приходит к выводу

о маркировании формами родительного падежа когнитивных процессов взаимодействия отдельных лексических концептов, а также процессов развертывания концепта текста.

Ключевые слова: грамматика, когнитивная лингвистика, дискурс, концепт, родительный падеж, немецкий язык.

Грамматика естественного языка как совокупность определенных принципов и механизмов восприятия и отображения мира в процессе лингвокреативной деятельности одновременно входит в сферу интересов как когнитивных, так и дискурсивных исследований, поскольку «дискурс порождается когнитивной системой говорящего» [Кибрик 2015: 603]. При этом грамматические категории, структурирующие дискурс, с одной стороны, проявляют знаковую природу [Кравченко 1998: 98], с другой стороны, Ю. С. Степанов определяет дискурс как «один из возможных миров» [Степанов 1995: 42]. Поэтому, как представляется, грамматические категории должны соответствовать двойственной природе дискурса и делиться на семиотические, т. е. создающие актантно-синтаксическую структуру предложения, и дискурсивные, т. е. создающие независимую от говорящего реальность.

Мы полагаем, что падеж относится к дискурсивным грамматическим категориям. Он актуализирует когнитивный модус дискурса, который представляет собой канал связи с концептосферой автора, детерминирующей дискурс. Родительный падеж, при наличии его в грамматической системе языка, – это одна из конфигураций когнитивного модуса дискурса, создающая в нем причинно-следственное измерение.

Формы родительного падежа в немецком языке маркируют следующие процессы:

I. Активация причинно-следственных связей отдельных лексических концептов в процессе порождения дискурса.

1. Несогласованное определение в именном словосочетании.

Это наиболее типичная для немецкого языка синтаксическая позиция реализации генитива. Модель S + S (Gen) маркирует активацию двух лексических концептов, где S входит в актуальный слой концепта S (Gen). Соответственно, S (Gen) иерархически первичен в концептосфере говорящего. Подобная причинная зависимость двух концептов в семантической схеме высказывания реализуется разнообразными значениями атрибутивного генитива – посессивным (*das Buch der Schwester*), соотносительным (*die Mutter meines Freundes*), партитивным (*einer meiner Freunde*), субъектным (*das Singen der Frau*), объектным (*die Befreiung der Geiseln*) и пр. Но для всех подобных сочетаний активация S (Gen) в процессе порождения дискурса

происходит ранее активации S и становится причиной дискурсивной реализации последнего.

Эта же модель наблюдается в конструкциях с немецкими предлогами, требующими родительного падежа: *wegen, trotz, innerhalb, außerhalb, aufgrund, anstelle, (an)statt*, образованных от существительных и этимологически восходящих к конструкции S + S (Gen).

2. Генитивный объект.

Обязательный объект в генитиве в немецком языке зависит от глаголов и прилагательных ментального действия или внутреннего состояния субъекта. В структуре соответствующего глагольного или адъективного концепта этот элемент является инициализатором (причиной) инициации действия предиката, в том числе имеющего в составе прилагательное в качестве предикатива. *Wir gedenken der Ahnen. Man klagt ihn **der Korruption an**. Wir bedürfen der Hilfe. Ich erfreue mich **der Freiheit**. Du kannst dir **meiner Unterstützung** sicher sein!* В данном случае реализация когнитивного модуса дискурса обуславливается комбинацией семантики объекта и предиката. Для объектов в родительном падеже таким образом создается эффект слабого периферийного актанта, поскольку дискурсивная позиция генитива не предполагает участия актанта в образовании активного автономного пространства дискурса.

3. Обстоятельства причины и образа действия.

Данные синтаксические элементы создают объективные логические связи в структуре глагольных концептов. Конфигурация генитива естественным образом согласуется с семантикой обстоятельства причины, но в современном немецком языке причинный генитив утрачен. Ему на смену приходят лексемы *deshalb, derhalb, deswegen*, которые представляют собой застывшие субстантивные генитивные конструкции. Переходный этап от маркирования причины действия к осмыслению его обобщенной характеристики наблюдается в генитивных сочетаниях с абстрактными существительными *das Ding, der Fall, die Sache*, которые логически допустимы в рамках любого глагольного концепта. Их генитивные формы образуют многочисленные наречия образа действия: *schlechterdings, leichterding, jedenfalls, günstigenfalls, gesetzenfalls, glücklicherweise, möglicherweise, seltsamerweise* [Барсукова 2011: 128]. Причина действия переосмысливается в его неотъемлемую характеристику, как, например, в предложении *Sie **ging** (1) **festen Schrittes** (2) **zur Tür und öffnete** существительное (2) является логическим признаком глагола (1). Как обстоятельства образа действия могут быть интерпретированы и локальные генитивные обстоятельства, например, *seines Weges gehen*, где существительное в родительном падеже также семантически показывает тесную логическую связь с глаголом.*

II. Реализация концепта текста в грамматической структуре высказывания.

Помимо активации отдельных концептов, дискурсивная позиция генитива связана с развертыванием концепта текста, понимаемым нами, вслед за В. В. Красных, как глубинный смысл, совокупность интенций и мотивов автора, приведший к порождению дискурса [Красных 2001: 213]. По замечанию В. Г. Адмони, родительный падеж в индоевропейских языках обозначает «исходный пункт развертывания мысли» [Адмони 1963: 46], что и ведет к образованию причинного измерения в когнитивном модусе дискурса, маркируемым генитивом. В немецком языке генитив участвует в развертывании концепта текста следующим образом.

1. Генитив в пропозициональной перспективе высказывания.

Пропозиция как объективное для говорящего суждение, обладающее свойством истинности, соотносится с позицией причинно-следственного измерения дискурса, а в семантической схеме высказывания с позицией его когнитивного центра, т.е. подлежащего. Но в языках номинативного строя приоритет для подлежащего отдается позиции номинатива, создающего причину в автономно-пространственном модусе дискурса. Для соотнесения элементов предикативной пары с генитивом в современном немецком языке необходимы особые условия. Подлежащее может крайне редко (ранее эта конструкция была более частотной) выражаться генитивом, если имплицитно оно связано с концептом числа или меры – *Der Worte sind genug gewechselt; Und solcher Stellen waren überall*. Как представляется, признак числа или меры теснейшим образом связан с познавательно-рациональной составляющей концептосферы и субъект может не реализоваться в автономном пространстве дискурса. В данном случае когнитивный центр высказывания интерпретируется как канал связи с концептосферой.

Позиция генитива может быть характерна и для не согласованного с подлежащим предикатива, обозначающего на семантическом плане результат мыслительной деятельности говорящего, ставший причиной порождения дискурса – *Ich bin der selben Meinung*. В данном случае несогласованность субъекта и предикатива подчеркивает принадлежность элементов предикативной пары к разным модусам дискурса – субъект в номинативе создает причинное измерение автономного модуса дискурса, предикатив в генитиве – связывает предикативную пару с концептосферой говорящего.

Связь предикатива с генитивной позицией проявляется и в функционировании предикативного атрибута: *gesenkten Kopfes, leichten Herzens*. Генитив маркирует здесь свернутую, т.е. непроявленную в автономно-пространственном модусе дискурса предикативную связь.

2. Генитив в модальной перспективе высказывания.

Предикативный генитив тесно связан с генитивом модального обстоятельства – *meines Erachtens, meines Wissens*. В данном случае модальная перспектива высказывания получает причинное измерение. Созданная дискурсивная реальность интерпретируется как результат интеллектуальной деятельности говорящего.

3. Нарративная перспектива.

Причинно-логические связи в концепте текста задают необходимую событийную последовательность его развития. Поэтому позиция генитива закрепляется и за обстоятельством времени. Причем родительный падеж показывают те конструкции, которые семантически не задают точные временные координаты действия, а включают действие высказывания в общий контекст. Как правило, это конструкции с неопределенным артиклем: *eines Tages, eines Morgens*. Однако сходные свойства проявляют также конструкции с предлогом *während*, этимологически восходящим к первому причастию глагола *währen* ‘продолжаться, длиться’ в атрибутивной функции в комбинации с существительным в генитиве. Таким образом, *während des Krieges* < *währendes Kieges* проявляет семантику дуративности, а дискурсивная позиция генитива маркирует включенность действия в нарративную логику, задаваемую концептом текста.

Итак, рассмотрение генитива как маркера причинного измерения когнитивного модуса дискурса в немецком языке позволяет сделать следующие выводы:

1. Немецкий генитив всегда связан с логическими иерархиями и причинно-следственными связями в концептосфере говорящего.

2. При взаимодействии отдельных лексических концептов форма генитива маркирует инициализатор их возникающей связи или логически необходимый признак этой связи.

3. При порождении концепта текста форма генитива маркирует его пропозициональные, модальные и нарративные зависимости, также являющиеся частными случаями причинно-следственных зависимостей языкового мышления.

Литература

- Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
- Барсукова Т. В. Развитие конструкций с абсолютным генитивом в немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 610. С. 123–130.
- Кибрик А. А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 595–634.
- Кравченко А. В. Знак как категория и категория как знак // Общие проблемы строения и организации языковых категорий / Мат-лы научн. конф. М.: ИЯ РАН, 1998. С. 93–99.

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис. Кучково поле, 2001.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 32–70.

E. E. Chikina (Vladimir, Russia)

Vladimir State University

named after Alexander and Nikolay Stoletovs

GENITIVE CASE AS A MARKER OF COGNITIVE MODUS OF DISCOURSE (based on the material of German)

The article deals with the functioning of the genitive case in German as a marker of cognitive modus of discourse. The author leans on the hypothesis of discursive nature of the grammatical category of case and comes to the conclusion that the forms of the genitive case mark the cognitive process of interaction of individual lexical concepts, as well as the processes of deployment of the text concept.

Key words: grammar, cognitive linguistics, discourse, concept, genitive case, German.

А. Л. Шарандин (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

sharandin@list.ru

ДЕВЕРБАТИВ И ДЕАДЪЕКТИВ КАК КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ ЛЕКСЕМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

В статье представлен нетрадиционный взгляд на языковой статус девербатива и деадъектива как субстантивных форм глагола и качественного прилагательного. Они рассматриваются как результат синтаксической деривации, имеют гибридную семантику и характеризуются с точки зрения концептуального содержания и концептуальной структуры. Статус особых форм исключает их участие в лексической категоризации и обуславливает включение в словарные статьи тех слов, от которых они образованы.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, девербатив, деадъектив, синтаксическая категоризация, толковые словари.

Понятие когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм включает в свое содержание взаимосвязь и взаимодействие когниции как сферы познания, коммуникации как области общения, связанной с передачей информации о познанных предметах и явлениях действительности, дискурса как продукта речевой практики. В ней лексема представлена определенным морфолого-синтаксическим образованием – формой слова, характеризующей его концептуальную структуру в отношении концептуального (лексического, предметно-понятийного) содержания.

Девербативы типа *бег, чтение* и деадъективы типа *доброта, синь*, относятся в русском языке к числу языковых единиц, категориальный статус которых неоднозначно представлен в научной и учебной литературе. Выделяется *два* принципиально противоположных *мнения* об их статусе в системе деривационных единиц с точки зрения характера деривации – лексического или синтаксического.

Большинство исследователей придерживается позиции, согласно которой девербатив и деадъектив являются результатом словопроизводства. Они рассматриваются как самостоятельные лексемы, образованные от соответствующих глаголов и прилагательных суффиксальным способом. Однако при этом обращается внимание на особенности лексической семантики данных образований. Девербатив соединяет в себе семантику глагола и категориальное значение существительного [Золотова 1982: 125]. Такая же гибридная специфика характеризует и содержание деадъектива, которому присуща семантика качественного прилагательного и категориальное значение существительного. Однако гибридный характер обнаруживается не только у девербатива и деадъектива, но и, например, у причастий и деепричастий, которые при этом определяются большинством лингвистов как особые формы глагола, а не как производные самостоятельные лексемы. Поэтому возникает вопрос о том, почему одинаковый по своей природе категориальный характер девербатива и, например, причастия оказался различным в плане его языкового статуса, ведь они являются по своему определению результатом синтаксической деривации. По мнению Е. Куриловича, «синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой» [Курилович 2013: 32]. Однако синтаксический характер определяет грамматическую семантику слова и тем самым различия, которые присущи формам слова, а не разным лексемам. Поэтому, наряду с категоризацией девербатива и деадъектива в качестве самостоятельных существительных, в научной литературе представлен подход, согласно которому данные образования признаются особыми формами глагола

и прилагательного. Эти формы В. Г. Руделев определяет как субстантивные формы, появление которых в тексте обусловлено тема-рематическим членением высказываний [Руделев 1979].

В чем *когнитивная сущность девербатива*? На наш взгляд, *девербатив* как *субстантивная форма глагола* интерпретирует и объективирует в сознании глагольный признак безотносительно к модально-временным его проявлениям и представляет это в форме существительного. Данная форма в наибольшей степени приспособлена для отражения глагольного признака без модально-временных характеристик. Это позволяет в какой-то степени интерпретировать и воспринимать глагольный признак как некую самостоятельную сущность, видеть нерелевантность его проявления в связи с носителем признака, ибо сам признак становится предметом мысли и оказывается носителем дальнейших предиктируемых признаков. По мнению Г. А. Золотовой, будучи носителями признакового значения, девербативы «делают сообщение синтаксически более сложным, более емким, компактным, полипредикативным» [Золотова и др. 1998: 42]. В результате концептуальное содержание слова, включающее объективацию отражения познаваемого объекта действительности, интерпретируется человеком с учетом *коммуникативно значимых* признаков, для чего используются разноструктурные способы их передачи в тексте (дискурсе).

Когнитивная сущность деадъектива так же, как и девербатива характеризуется отсутствием модально-временных и компаративных характеристик в восприятии качественно-предикативного признака, для чего используется субстантивная форма.

В целом же, определяя девербатив и деадъектив на шкале репрезентации глагольного и качественного признака, можно видеть в них особые формы, имеющие гибридный характер, который определяет единство лексической объективации и ее дискурсивного (морфолого-синтаксического) оформления. Это значит, что данные репрезентанты не участвуют в лексической классификации слов, а обслуживают, структурируют концептуальное содержание той лексемы, с которой они связаны лексически. Но при этом концептуальное содержание обнаруживает в коммуникации различную реализацию глагольного и адъективного качественного состояния. Это находит отражение в той или иной степени его полноты и яркости в категории репрезентации – от прототипического его представления в предикативных формах до его представления как предмета мысли, до «выродившегося» процессуального и качественного признака.

Лексикографическая параметризация девербатива и деадъектива в толковых словарях оказывается различной в зависимости от принятого решения об их языковом статусе. Если девербатив и деадъектив признаются

самостоятельными лексемами в отношениях с их производящими словами, то мы имеем словообразовательные пары, которые представлены в самостоятельных словарных статьях. В случае же признания их в качестве особых форм, имеющих синтаксический характер, девербатив и деадъектив должны включаться в состав тех глагольных и адъективных слов, от которых образованы, т. е. они не имеют самостоятельной словарной статьи.

В лексикографической практике представлено достаточно непоследовательное применение данного решения. Такое положение дел мы связываем с непоследовательностью рассмотренного выше теоретического подхода к языковому статусу девербатива и деадъектива. Показательными в этом плане могут быть словарные статьи слов *крепить* и *крепление* в СРЯ и СО. В первом словаре выделяется 5 значений глагола *крепить*, среди которых в качестве основного представлено значение «прочно прикреплять, соединять»: *Крепили к шпалам рельсы*. В самостоятельной словарной статье *крепление* указана соотнесенность с данным значением: «действие по глаг. *крепить* (в 1 знач.), т. е. *крепление* является девербативом. В СО у глагола *крепить* выделяется 4 значения, одно из которых также соотносится с девербативом *крепление*: «1. см. крепить».

Как легко заметить, слова *крепить* в 1-м значении и *крепление* (в 1-м значении) оказались лексически тождественными. Различия же определяются частеречной репрезентацией лексического значения глагола в собственной позиции (предиката) и в позиции существительного, которая обусловила функционирование глагола в субстантивной форме. Но при этом не произошел перевод глагольной семантики в субстантивную, о чем свидетельствует модель мотивации. Ср. СРЯ: действие по глаг. *крепить*, т. е. действие по действию; в СО: см. *крепить*, т. е. то же, что *крепить*. Однако в СО обращает на себя внимание то, что в этом значении слово *крепление* подается и в словарной статье *крепить*, т. е. слово *крепление* оказалось представленным в двух словарных статьях.

Таким образом, на наш взгляд, интерпретационный характер девербативной формы обеспечивает другую «фокусировку» глагольного действия в актуальном членении предложения. В ремагической (предикативной) позиции действие характеризуется в модально-временном восприятии, а в тематической позиции (подлежащего) мы имеем восприятие, лишенное модально-временных признаков. Это и позволяет воспринимать действие как некую самостоятельную сущность, ибо сам акциональный признак становится предметом мысли («крепление свай» – СРЯ). Наиболее естественной языковой формой для выражения предмета мысли является форма существительного. При этом отражательная и интерпретирующая природа девербатива удерживает в языковом сознании носителей русского языка

его генетическую и коммуникативную связь с глаголом, лексическое значение которого определяет его концептуальное содержание.

Однако если у отглагольного образования появляется в мотивационной модели формантная часть с обозначением предмета (субстанции), то в этом случае *нет девербатива, нет субстантивной формы глагола*, а есть подлинное производное существительное. В результате мы имеем омонимичные образования. Так, например, слово *крепление*, связанное с глаголом *крепить* в значении «2. Совокупность устройств для предохранения горных выработок от обвалов (*Рудничное крепление*)» или «3. *Приспособление для закрепления, скрепления чего-н. (Лыжные крепления)*» – СО, оказывается не девербативом, а подлинным существительным. В этом случае перед нами собственно словообразовательное значение, выраженное суффиксом *-ени-* с предметным значением.

На наш взгляд, словарь должен отразить омонимичность слов *крепление* с девербативным (глагольным) содержанием и с собственно субстантивным (предметным) значением, представляя их значения в разных словарных статьях. Девербатив логично включать в словарную статью того глагола, от которого образована эта форма, а собственно существительное, являющееся результатом лексеобразованиия, будет иметь свою самостоятельную статью. В результате мы имеем возможность упорядочения словарных значений и сокращения ЛСВ в соответствии с назначением словарной статьи. В качестве ведущей функции следует признать лексическую объективацию концепта, который в речевой деятельности человека актуализируется и реализуется в различных коммуникативно-дискурсивных формах лексемы.

Литература

- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Золотова Г. А. и др. – Золотова Г. А., Онитенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998.
- Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Морфология современного русского языка: хрестоматия. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 29–39.
- Руделев В. Г. Существительное в русском языке. Тамбов: ТГПИ, 1979.
- СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
- СРЯ – Словарь русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1983.
- Шарандин А. Л. К вопросу о языковом статусе девербатива // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М: Языки славянских культур, 2009. С. 267–277.
- Шарандин А. Л. Концептуальная структура и категориальный статус деадъектива в контексте теории интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 503–509.

*A. L. Sharandin (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

**DEVERBATIVE AND DEADJECTIVE
AS COMMUNICATIVE-DISCURSIVE FORMS
OF LEXEMES AND THEIR REFLECTION
IN EXPLANATORY DICTIONARIES**

The article presents an unconventional view of the linguistic status of the deverbative and the deadjective as substantive forms of the verb and qualitative adjective. They are considered as the result of syntactic derivation, have hybrid semantics and are characterized in terms of conceptual content and conceptual structure. The status of special forms excludes their participation in lexical categorization and determines the inclusion in dictionary entries of those words from which they are formed.

Key words: conceptualization, categorization, deverbative, deadjective, syntactic categorization, explanatory dictionaries.

*Н. В. Шилова (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
n.shilovanina@yandex.ru*

**ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ
КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

В данной статье рассматривается вопрос об изучении роли выделительно-ограничительных частиц в коммуникативно-синтаксической организации предложения во французском и русском художественном дискурсе. Данные частицы рассматриваются с риторическими средствами, которые имеют особое значение в художественном дискурсе.

Ключевые слова: выделительно-ограничительные частицы, тема, рема, дискурс, художественный дискурс.

Коммуникативное (актуальное) высказывание имеет общие для многих языков средства выражения, которые отличаются по своим функциональным характеристикам, что объясняется спецификой грамматического строя того или иного языка.

В синтетических языках главными способами выделения коммуникативного центра высказывания являются порядок слов, интонация, ударение [Адамец 1999; Бабаян, Купцов, Шилова 2022]. В аналитических языках наи-

более характерны предложения с выделительными оборотами, специальные выделительные синтаксические конструкции, предложения с изолянтами, сегментированные предложения с репризой и антиципацией, артикль [Купцов, Шилова 2022a]. Как отмечают исследователи. Также в аналитических языках эффективным способом выражения коммуникативного членения предложения является порядок слов [Купцов, Шилова 2022б]. Так, подлежащее, выполняющее функцию ремы, занимает в предложении конечную позицию; объектное дополнение, являющееся темой, занимает начальную позицию, перед главными членами предложения; обстоятельство-тема находится в начале предложения, а обстоятельство-рема, заключающее в себе наиболее важную – актуальную – информацию, помещается в конце предложения [Гак 2004; Матезиус 1967; Реферовская 2007; Рылов 2007; Слюсарева 1981; Шевякова 1980].

Целью данной статьи является изучение особенностей функционирования выделительно-ограничительных частиц *seulement* во французском языке, *только* в русском языке в коммуникативной структуре предложения и их роли в передаче актуальной информации в художественном дискурсе. Материалом для исследования послужили оригинальные произведения XIX века французских и русских писателей.

Как показал анализ конкретного языкового материала, французская частица *seulement* и русская частица *только* являются достаточно часто средством рематизации подлежащего, находящегося в начальной позиции, являясь при этом единственным показателем его рематичности. Ср.:

(фр.) ***Seulement, je ne vais pas de ton côté, ma chère...*** (Verne);

(рус.) ***Только одна половина его была озарена светом*** (Гоголь).

Хотелось бы отметить, что во французском языке рематический характер компонентов высказывания дополнительно выделяется с помощью определенного артикля. Ср.:

Seulement, le meuble rouge était affreux, elle changerait ça (Zola);

Seulement, le rôle est donné (Zola).

Выделительно-ограничительные частицы во французском и русском языках достаточно часто употребляются перед подлежащим, занимающим конечную позицию, являясь тем самым дополнительным (помимо порядка слов) показателем его рематического характера. Ср.:

(фр.) ***Ah! si nous avions seulement un couteau!*** (Verne);

(рус.) ***У старика была согнута только одна нога*** (Толстой).

Выделительно-ограничительные частицы достаточно часто выделяют сказуемое в качестве ремы предложения. Ср.:

(фр.) ***A cette distance, on distinguait seulement une masse compacte et brouillée*** (Zola);

(рус.) ***Только жуужжала и билась*** *какая-то большая муха.* (Толстой).

Во французском и русском языках также выявлено несколько случаев, когда частицы выделяют в качестве ремы именную часть сказуемого. Ср.:

(фр.) ***Seulement Satin*** *connaissait les endroits* (Zola);

(рус.) ***Только слепой*** *не разглядит!* (Достоевский).

Выделительно-ограничительные частицы во французском и русском языках достаточно часто употребляются при дополнении-реме, являющемся носителем актуальной информации. Ср.:

(фр.) ***Seulement, son regard*** *en disait long!* (Verne);

(рус.) *Я единственно ***только для вас**** (Достоевский).

Выделительно-ограничительные частицы употребляются также при обстоятельстве-реме, занимающем в предложении как начальную, так и конечную позицию. Ср.:

(фр.) ***Seulement, en sortant***, *Aramis posa sa main sur le bras de d'Artagnan* (Dumas);

*Il est donc probable que, ***depuis quelques semaines seulement***, des naufragés ont été jetés par une tempête sur un point de la côte* (Verne);

(рус.) ***Только в одном окошечке*** *виден еще был свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик* (Гоголь);

*Как известно, производится ***только в самых сильных порывах радости**** (Гоголь).

Отметим, что данные частицы достаточно редко употребляются при определении, являющемся ремой. Ср.:

(фр.) *Personne n'en parle ***seulement plus**** (Zola);

(рус.) *Ведь больше никаких экипажей и не делал, ***как только рессорные**** (Гоголь).

Приведем пример, где выделительно-ограничительная частица *seulement* во французском художественном дискурсе употребляется в эллиптическом предложении, которое содержит целиком новую, актуальную информацию. Ср.:

(фр.) ***Pas seulement un signe...*** (Zola);

Un mot seulement... (Verne).

Стоит отметить, что в материале, подвергшемся анализу в ходе проведенного исследования, встречается несколько случаев употребления ограничительных частиц (фр.) *seulement*, (рус.) *только* в моделях противительного отрицания вместе с частицей *non* во французском языке и *не* в русском языке, что придает отрицательному предложению повышенную экспрессивность, выделяя в качестве ремы все компоненты высказывания. Ср.:

1) подлежащее:

(фр.) ***Non seulement Gédéon Spilett et Harbert, mais aussi Pencroff et Nab*** *prirent part à l'expédition* (Verne);

(рус.) ***Не только одни мертвые души, но еще и беглые*** (Гоголь).

2) сказуемое:

(фр.) ... **non seulement j'approuve** ce qu'il vient de faire, mais encore je l'en félicite (Dumas);

(рус.) Он **не только не интересовался** ее посещениями, но даже почти досадовал на нее (Достоевский).

3) дополнение:

(фр.) Il avait fallu, en effet, songer **non seulement aux objets** que l'on emportait, mais aussi à ceux que le hasard permettrait peut-être de ramener à Granite-house (Verne);

(рус.) **Не только у вас**, в центре дел и света, но и здесь (Толстой).

4) определение:

(фр.) Ce fut sur lui que tombèrent toutes les félicitations, qu'Athos, Porthos et Aramis lui abandonnèrent **non seulement en bons** camarades, mais en hommes (Dumas);

(рус.) Перчатки на ней были **не только заношенные, но даже изодранные** (Достоевский).

5) обстоятельство:

(фр.) **non seulement dans le coton, mais dans les fibres textiles du chanvre et du lin** (Verne);

(рус.) Разнесла всю историю, в короткое время, **не только в городе, но и по уезду** (Достоевский).

Таким образом можно сделать вывод, что в эффективности художественного дискурса большую роль играют частицы и риторические средства, охватывающие лексические и синтаксические конструкции, а также различные образные выражения, которые не только выделяют и усиливают значения отдельных слов и словосочетаний, но и привлекают внимание слушающего (читающего), делают дискурс полным и значимым, обеспечивая интенсивность речи в художественном дискурсе.

Литература

- Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1999.
- Артунова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Бабаян В. Н. Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов, Н. В. Шилова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31).
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.
- Гоголь Н. В. Мертвые души. М.: Изд-во ТКО «АСТ»: Олимп, 1996.
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Санкт-Петербург: Библиополис, 1995.
- Купцов А. Е. Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном

художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 3 (50). С. 269–273.

Купцов А. Е. Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова // Язык и общество. Диалог культур и традиций: сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2022б. С. 223–232.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.

Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. М.: УРСС, 2007.

Рылов Ю. А. Простое осложненное предложение в испанском языке. Москва: Высшая школа, 2007.

Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981.

Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Эксмо, 2007. Т. 1. 2007.

Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. М.: Наука, 1980.

Dumas A. Les trois mousquetaires. Bruxelles: Soc. belge de libr., 1844.

Verne J. L'île mystérieuse. Paris: Librairie générale française, 1995.

Zola Ém. Nana. Paris: Paris: E. Dentu, 1883.

N. V. Shilova (Yaroslavl, Russia)
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

DISCURSIVE PARTICLES AS A MEANS OF EXPRESSING THE SENTENCE COMMUNICATIVE STRUCTURE

This article discusses the question of studying the role of limiting particles in the communicative-syntactic organization of sentences in French and Russian literary discourse. These particles are considered with rhetorical means, which are of particular importance in literary discourse.

Key words: limiting particles, theme, rhema, discourse, literary discourse.

XI. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

Л. С. Абросимова (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный федеральный университет
lara.abrossimova@mail.ru

Е. Н. Сагайдачная (Ростов-на-Дону, Россия)
Ростовский государственный экономический
университет РГЭУ (РИНХ)
sag-natali@yandex.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ БИБЛЕИЗМОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В работе затрагивается когнитивная интерпретация прецедентных библейских имен в рекламном дискурсе, где Библия рассматривается как «сильный текст», обладающий культурной значимостью для различных народов и носителей многих языков. Подчеркиваются факторы воздействия прецедентного феномена на формирование языковой личности. Такой угол зрения позволяет определить культурные доминанты в языковой картине мира.

Ключевые слова: прецедентность, когнитивная интерпретация, библейские прецедентные имена, картина мира.

Изучая проблему прецедентности, можно выявить ее пересечение с когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией, поскольку, согласно Ю. Н. Караулову, данное явление имеет сверхличностный характер. В связи с тем, что «стоящее за номинативной единицей прецедентное содержание обуславливается не только факторами культурной традиции, но и факторами системноязыковыми» [Родионова 2001: 65], на данный момент остаются дискуссионными и теория прецедентности в частности, и многие понятия когнитологии в целом.

В последние годы наблюдается активное развитие исследований прецедентности в рамках изучения и сопоставления разных языковых картин мира. С позиции теории лингвострановедения, исследователями которого являются Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, феномен прецедентности

является равноуровневым и разноплановым. Согласно Ю. Н. Караулову, также исследующему эту проблему, можно обнаружить немалое влияние прецедентного феномена на формирование образа языковой личности, поскольку он является значимой частью национальной языковой картины мира (Р. Якобсон).

В современной научной парадигме существуют прецедентные тексты разной степени значимости. Прецедентно «сильные» тексты (В. Н. Топоров) – это такие произведения, которые обладают культурной значимостью для различных народов и носителей многих языков. Таким текстом и является Библия. По мнению Н. М. Орловой, этот удивительный «по длительности своего существования и времени воздействия на все сферы культуры текст не теряет своего прецедентного значения, живет в сознании миллионов носителей европейской и мировой культуры и бесконечно воспроизводится во вновь продуцируемых речевых произведениях на разных языках, что, в свою очередь, ведет к его постоянному динамическому варьированию» [Орлова 2011: 3].

Текст Библии бесконечно воспроизводится в произведениях литературы, в рекламе, в СМИ, в экономико-политической сфере и особенно в интернет пространстве как средство хранения и передачи знаний в когнитивной интерпретации [Трубарева 2011: 114]. Это, в свою очередь, подразумевает образование новых значений у многих библейских прецедентных имен и позволяет определить культурные доминанты в языковой картине мира, понять, согласно Лере Бородицки, *как думают говорящие* (...how speakers think). Примечательно, что подчас самим представителям английского языка представляется сложным определить связь тех или иных прецедентных имен с текстом Библии. “According to the Bible, mankind from the times of Babylon is divided culturally, mentally and historically in order to unite itself in the cognition of God, and the Word was God calling people to communicate with each other and with others, if only to establish themselves meaningfully in the world” [Beilin 2019].

В последние десятилетия количество прецедентных имен, вербализируемых в коммуникации, и частотность их использования стремительно увеличивается. Сакральный смысл конкретно библейских прецедентных имен был значительно принижен и искажен, что связано с особенностями постмодернистского мышления и ценностей, характерных для современной коммуникативной ситуации. Часто постмодерн не только не предлагает личности каких-либо опор для его существования, но и подвергает осмеянию то, что прежде мыслилось как святыни. “...even performing the functions of religious languages, new (popular) confessional speeches are not considered sacred, therefore, their sacralization does not occur” [Beilin 2019]. Апологеты постмодернистских моделей образования, продвигающих утилитарные и прагматические интересы, игнорируют тот факт, что история, литература

и языки учат молодых людей думать, задавать вопросы, сомневаться, определяться в жизни в качестве целостной личности, а не в качестве придатка функционирующей социальной машины. Обеспокоенность по поводу неуклонного сокращения числа думающих, глубоко образованных, ищущих людей наблюдается сегодня в любом обществе, основанном на рыночных ценностях (Ж. Бодрийяр, П. Дж. Бьюкенен, В. А. Кутырев, Л. С. Абросимова, М. А. Богданова).

В связи с процессами глобализации наблюдаются существенные качественные и количественные изменения в наборе прецедентных феноменов. Библейские прецедентные имена не избежали подобной участи и активно используются в разных типах дискурса.

Данные тенденции находятся в активном обсуждении специалистами различных областей знания, таких как лингвистика и межкультурная коммуникация, политология, социология, журналистика, рекламоведение, а также многими людьми, интересующимися английским языком, а также его закономерностями развития и функционирования [Гудков 2007: 116].

При переводе какого-либо текста очень важно придерживаться таких критериев, как буквальность перевода, верность тексту оригинала, а также красота перевода и т. п. [Слепович 2000: 27]. В случае с Библией, ее перевод больше всего должен был отталкиваться от другого немаловажного критерия – перевод должен быть своего рода средством изучения оригинала. Принцип, согласно которому перевод используется для изучения оригинала текстов Библии, развивается уже более 2000 лет. “The history of the biblical translation culture represents a living organism, because it reproduces itself, assimilates and processes the nature and surrounding world, reacts in a particular way to the impact of other cultures” [Shveitser 2010: 35].

Несмотря на то, что породившие БПИ социально-исторические условия давно исчезли, данные имена активно используются в английской лингвокультуре и по сей день, ибо “...lexical units keep connection with the religious sphere until this day, their functioning in the language and speech inevitably entails recreation of particular religious pictures and situations in the consciousness” [Beilin 2019].

Существует множество классификаций использования библейских прецедентных имён в различных дискурсах, что указывает на их функционирование в совершенно разных областях. Согласно анализу, сфера СМИ является наиболее активной в использовании БПИ. Сегодня они часто употребляются политиками, журналистами, общественными и культурными деятелями (30% согласно данным BNC). Рассмотрим несколько примеров БПИ в рекламном дискурсе (описанные триггеры перекликаются с «нерациональными паттернами», описанными когнитивными психологами А. Тверски и Д. Канеман в теории поведенческой экономики).

– EVE (<https://en.evebattery.com/about/company.html>) – название компании по производству литиевых батареек. На сайте компании мы находим слоган “Time flies, history unites, EVE people make every second more wonderful”, который образует в восприятии прочный мостик к основной задаче (message) компании “We make the future safe and beautiful”. Аллюзия к райскому саду и библейской Еве усиливается благодаря невербальным средствам – основные цвета сайта компании зеленый, желтый, нежно-голубой.

– Сеть быстрого питания Burgatory в американском Питтсбурге (Пенсильвания) (<https://burgatorybar.com>) своим полутемным интерьером в красно-черных тонах и аллюзией к чистилищу *purgatory* (2-я книга Маккавеев 12, 38–45), где возносится хвала за заботу об очищении умерших от их грехов, привлекает внимание определенной группы населения. По словам владельца заведения, необыкновенный вкус заботливо приготовленных ими бургеров способен вознести клиентов заведения «на небо». В данном случае мы видим полное изменение негативной коннотации на стилистически положительную. Данный экспрессивный прием нацелен на определенную целевую аудиторию.

– Американская ювелирная компания “Apples of gold” (<https://apples-of-gold.com/css-2/apples-of-gold-jewelry.png>) уже на главной странице своего сайта дает ссылку на библейскую притчу 25:11 *A word fitly spoken is like apples of gold in pictures of silver* (в синодальном переводе – Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах – слово, сказанное прилично). Тем самым компания подчеркивает изящную уместность, уникальное качество и неповторимость дизайна своей продукции.

– Необычайно интересно употребление в названиях компаний не отдельных слов или отрывков цитат, а цифровых ссылок к разным частям библейских письменных источников. Например, сеть спортивных центров «Фитнес 9:21» (ссылка на 1-е послание Коринфянам 9:27 “But I keep under my body, and bring it into subjection: lest that by any means, when I have preached to others, I myself should be a castaway”). Синодальный перевод «но умиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». Непосвященных это название привлечет уникальностью в цифровой символике, а удивление и любопытство – одни из основных триггеров привлечения массового внимания. Для религиозного человека эта ссылка перенесет данный фитнес центр в разряд надежных заведений, создав прочный образ места, где клиент наверняка победит телесную слабость.

Объективная интерпретация текста Библии является очень простой задачей. Выбор отдельного БПИ в современных средствах массовой информации продиктован, в первую очередь, целевой аудиторией, что ведет к динамической вариативности данных феноменов.

Литература

Абросимова Л. С., Богданова М. А. О состоянии образования в эпоху постмодерна // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования» (24–26 ноября 2011 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2011. С. 166.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации: сб. статей. М.: Филология, 2007. С. 116–119.

Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2011.

Родионова И. В. К вопросу о специфике отражения прецедентного текста на уровне языковых отономастических номинаций // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 20. С. 64–68.

Слепович В. С. Курс перевода (английский – русский язык). Минск: Тетра-Системс, 2000.

Трубаева Е. И. Текст как объект когнитивного исследования // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Новое в современной филологии», БелГУ, 2011. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/18504> (дата обращения 10.01.2023).

Beilin M. The phenomenon of translation of sacral texts in modern Christian discourse // 2019/01/01 SHS Web of Conferences. URL: <https://www.researchgate.net/> (дата обращения 10.01.2023).

Shveitser A. D. Theory of translation: Status, Problems, Aspects. М.: Nauka, 2010.

L. S. Abrosimova (Rostov on Don, Russia)
Sourthen Federal University

E. N. Sagaidachnaya (Rostov on Don, Russia)
Rostov State Economic University

MENTAL LIMITS OF BIBLICAL PRECEDENCE: MODERN INTERPRETATIONS

The paper touches upon the cognitive interpretation of precedent biblical names in advertising discourse, where the Bible is considered as a “strong text” with cultural significance for various peoples and speakers of many languages. The factors of the influence of the precedent phenomenon on the formation of a linguistic personality are emphasized. This angle of view allows us to determine the cultural dominants in the linguistic worldview.

Key words: precedent, cognitive interpretation, biblical precedent names, concept, worldview.

*Л. А. Ананьева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
lidushhka@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ АРНО ГАЙГЕРА «У НАС ВСЕ ХОРОШО»

В статье проанализирован исторический дискурс в романе А. Гайгера «У нас все хорошо», представленный на уровне системы образов, хронологических характеристик и сюжетно-композиционной структуры произведения. Рассмотрен австрийский контекст проблемы «преодоления прошлого» в романе Гайгера. Обоснована связь специфики исторического дискурса романа Гайгера с постмодернистским историзмом.

Ключевые слова: дискурс, исторический дискурс, семейный роман, «преодоление прошлого», Арно Гайгер.

Дискурс – сложный и динамичный термин, активно используемый в последние десятилетия в сфере гуманитарного знания. Понятие дискурса не имеет единого определения, что обусловлено многоаспектностью этого феномена, а также междисциплинарным подходом к его изучению. Исследованию проблемы дискурса посвящены научные труды зарубежных и отечественных исследователей (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Серио, Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен, Я. Торфинг, Т. Ф. ван Дейк, Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, М. Я. Дымарский, Г. Н. Маненко, Ю. Н. Караулов, О. Ф. Русакова и др.) По мнению французского философа М. Фуко, дискурс есть «...область всех высказываний, то ли индивидуализируемая группа высказываний, то ли установленная практика, учитывающая некоторое число высказываний» [Фуко 1996: 81–82]. Иными словами, под дискурсом понимается в широком плане использование языка в речевой коммуникации, обусловленное экстралингвистическими факторами.

Художественная литература представляет собой пространство взаимодействия различных дискурсов. Это явление обозначается термином «интердискурсивность», под которой понимается «особая взаимосвязь языковых единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании переход от одного типа дискурса к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [Чернявская 2004: 106–111]. Художественный текст представляет собой интердикурс в силу того, что в нем синтезируются различные культурно-исторические и национальные коды. В большинстве

художественных произведений художественный дискурс взаимодействует так или иначе с дискурсом историческим, выступающим «фактологической основой художественного нарратива» [Пономарева 2010: 243–247].

Исторический дискурс традиционно играет важную роль в семейном романе-хронике. Авторы семейных хроник, по мнению Е. В. Никольского, «снижают масштаб истории, «очеловечивая» ее» сквозь призму описания быта семьи, формирование характеров, взглядов поколений [Никольский 2020: 50–65]. Примером взаимодействия исторического и художественного дискурсов является семейный роман австрийского прозаика Арно Гайгера (Arno Geiger, р. 1968) «У нас все хорошо» (“Es geht uns gut”, 2005), принесший автору широкую известность и престижную «Немецкую книжную премию». По мнению В. Шмидт-Денглера, этот роман представляет собой «введение в последние 70 лет австрийской истории»* (см.: [Schmidt-Dengler 2007: 123–133]). В нем повествуется о жизни трех поколений семьи Штерк-Эрлах, судьба которых непосредственно связана с историей Австрии, поэтому изображение семьи становится способом осмысления прошлого и настоящего страны.

Специфика историзма в романе Гайгера обусловлена постмодернистским принципом недоверия к метарассказам, одним из которых выступает история. Как пишет философ Ж. Ф. Лиотар, «мы сегодня являемся свидетелями раздробления, расщепления великих историй и появления множества более простых, мелких, локальных историй-рассказов; смысл этих крайне парадоксальных по своей природе повествований – не узаконить знание, а драматизировать наше понимание кризиса» (цит. по: [Ильин 2001: 132]). В композиции романа Гайгера используются принципы фрагментарности и монтажа. Происходящие в романе события представлены с точки зрения различных персонажей – членов семьи Штерк-Эрлах, поэтому история семьи распадается на отдельные нарративы воспоминаний героев. Полиперспективный тип повествования предполагает субъективную оценку происходящих в романе событий, в том числе и австрийского прошлого.

События романа охватывают период с 1938 по 2001 год, при этом каждая глава в романе обозначена датой, связанной с тем или иным событием в истории Австрии XX в. Среди них – аншлюс Австрии (1938), штурм Вены (апрель 1945), подписание Декларации о независимости Австрии (1955). Подлинность дат придает романским событиям достоверность. При этом, порядок следования глав не подчиняется хронологическому принципу: история семьи распадается на ряд эпизодов и столь же фрагментарным является и взгляд на австрийскую историю в целом.

* Здесь и далее перевод текста – Ананьева Л. А.

В романе Гайгера широко используются вставные конструкции, репрезентирующие исторический дискурс: исторические документы, газетные публикации, фрагменты радиопередач. Эти вставки состоят из смонтированных отдельных исторических фактов, что также определяет фрагментарность исторической реальности в романе. Выделение этих документальных вставок курсивом подчеркивает гетерогенность романного нарратива. Стоит отметить, что эти включения в большинстве случаев сообщают о войнах и катастрофах, из-за чего исторический дискурс романа отличается трагизмом.

Исторический дискурс романа связан с проблемой австрийского взгляда на «непреодоленное прошлое». По мнению историков, осмысление периода гитлеризма в Австрии происходит иначе, чем в Германии. Несмотря на то, что Австрия выступала во второй мировой войне на стороне Германии, проблема вины австрийцев звучит менее остро, поскольку Австрия воспринимает себя «первой жертвой Гитлера» [Ковтун 2020: 49–59]. О. Ю. Пленков утверждает в связи с этим: «...оккупацию в течение десяти лет в Австрии восприняли как гнетущую несправедливость: разделение страны на зоны оккупации оказалось для её жителей более тяжёлым, чем нацизм и война. Даже после ухода оккупационных войск разрыва с прошлым не произошло» [Пленков 2019: 53–54].

Неоднозначно решается вопрос вины австрийцев и в романе Гайгера. Образ Рихарда Штерка, представителя старшего поколения семьи, связан с ключевой для романа темой «непреодолённого прошлого». После аншлюса Австрии Рихард старается себя вести незаметно, не выступая ни оппозиционером, ни сторонником нацистов. Находясь под давлением, Рихард подписал отказ от занятий политикой, а затем, чтобы избежать возможных конфликтов с новыми властями, решил не предъявлять судебный иск к охранной компании магазина его жены Альмы, сотрудник которой оставил свой пост, чтобы приветствовать вступление немецких войск в Вену. Рихард принимает решение закрыть магазин, чтобы в его доме воцарилась патриархальная идиллия. Неучастие Рихарда в политике в сороковые годы, способствовало его карьере: после окончания войны он сделался министром и содействовал подготовке Государственного договора о независимости Австрии в 1955 г. Рихард Штерк, определяющий не только судьбу своей семьи, но и страны в целом, изображен в романе как конформист. Его решения обусловлены пассивностью и стремлением избежать ответственности.

Показательна и судьба Отто – сына Рихарда и Альмы Штерк, погибшего на войне в подростковом возрасте. Его образ присутствует в романе в качестве скрытой семейной травмы, воспоминания о нем почти стерлись. Отто был членом юнгфолька, одной из частей гитлерюгенда. Родители не одобряли специфический лексикон Отто, приобретенный им на лагерных

сборах, но и не предотвратили его участия в войне и дальнейшей гибели. Стремление избежать воспоминаний о нем связано со скрытым чувством вины за судьбу сына, выбор роли жертвы.

Бои на территории Вены представлены в романе с точки зрения Петера Эрлаха – представителя второго поколения семьи, зятя Рихарда. Петер состоял в рядах гитлерюгенда, а его отец поддерживал нацизм. В главе драматически изображены попытки подростков оборонять Вену от танков союзных войск, ранение Петера и гибель подростка, возможно, Отто Штерка. В качестве лейтмотива в этой главе функционирует цитата, контрастирующая с натуралистичностью и трагизмом изображенных боев: *“Krieg, ein paar Zahlen, Statistiken, Markennamen, Vorkommnisse (Effekte) und da und dort ein Ereignis, das nicht jeden betrifft”* (Geiger 2019: 148). Эта цитата ставит вопрос об отстраненном восприятии войны, подчеркивает нежелание вдаваться в подробности, изучать и познавать историю. Став взрослым, Петер не вспоминает о юности, возлагая всю ответственность на своего отца.

Таким образом, герои романа не пытаются осмыслить трагические события своего прошлого и историю Австрии. Символом их некритичного отношения к истории страны выступает игра «Кто знает Австрию?», изобретенная Петером после окончания войны. Познание истории вытесняется игрой с интересными фактами об Австрии. Столь же символичным является уничтожение семейного архива последним представителем рода Штерк-Эрлах, Филиппом, сознательно выбирающим забвение.

Таким образом, в семейном романе Гайгера взаимодействуют история семьи и история страны. Исторический дискурс романа А. Гайгера представлен на уровне системы образов, хронологических характеристик и сюжетно-композиционной структуры романа. Специфика историзма Гайгера связана с постмодернистским взглядом на историю, что определяет фрагментарность и субъективность изображения австрийского прошлого. В романе Гайгера ставится проблема забвения и некритичного взгляда австрийского общества на историческое прошлое.

Литература

- Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001.
- Ковтун Н. В. Переосмысление наследия Второй мировой войны в австрийской литературе конца XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 1. С. 49–59.
- Никольский Е. В. Романый субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая) // Art Logos. 2020. № 3(12). С. 50–65.
- Пленков О. Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019.

Пономарева М. Г. Своеобразие исторического дискурса в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 4. С. 243–247.

Фуко М. Археология знания: пер. с французского. К.: Ника-Центр, 1996.

Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–111.

Geiger A. Es geht uns gut. München: dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co KG, 2019.

Schmidt-Dengler W. Die Not der Österreichischen Autoren mit der Geschichte // Österreichische Identität und Kultur. Praesens Wien Verlag, 2007.

L. A. Ananyeva (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

HISTORICAL DISCOURSE IN ARNO GEIGER'S NOVEL “ES GEHT UNS GUT”

The article analyzes the historical discourse in A. Geiger's novel “Es geht uns gut” presented on the level of protagonists, chronotopic characteristics and narrative composition of the work. The Austrian context of the problem of “overcoming the past” in Geiger's novel is considered. The connection of the specifics of the historical discourse of Geiger's novel with postmodern historicism is substantiated.

Key words: discourse, historical discourse, family novel, “overcoming the past”, Arno Geiger.

В. О. Андреева (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

avo.03@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и основана на принципе междисциплинарности и многоуровневости исследования. Цель работы заключается в анализе советского плаката периода Великой Отечественной войны как особого дискурсивного жанра и выявлении основных способов воздействия на целевую аудиторию. Материалом исследования послужили 200 советских плакатов периода 1941–1945 гг.

Ключевые слова: советский плакат, Великая Отечественная война, дискурсивный анализ, междисциплинарность, речевое воздействие.

В последнее время наблюдается повышенный исследовательский интерес к изучению плакатного искусства советского периода. Являясь средством передачи эмоционального воздействия на человека, плакат характеризуется мощным персуазивным эффектом и выступает в роли основного вида изобразительного искусства в годы Великой Отечественной войны. Плакат как исторический документ и культурный код нации, отраженный в языке, привлекает внимание социума и нуждается в лингвистическом анализе.

Традиционно в основе когнитивно-дискурсивных исследований лежит принцип междисциплинарности, который предполагает использование данных других областей знания [Болдырев 2013: 33]. Так, для анализа советского плаката периода Великой Отечественной войны как особого дискурсивного жанра требуется изучение и обобщение материалов исследователей из смежных гуманитарных наук. В связи с этим в процессе изучения речевого воздействия в советском плакате принцип многоуровневости приобретает ключевое значение [Там же: 34].

Актуальность предпринятого исследования продиктована рядом факторов. Во-первых, отмечается рост интереса исследователей к анализу различных аспектов изучения советского плаката. Так, проводится систематическое изучение советского плаката 1941–1945 гг. с позиции выявления художественных и композиционных особенностей [Ефименко 2017]. В работах исследуются приемы и средства, при помощи которых выстраивается изображение врага [Зыков 2022]. Кроме того, в знаковой системе массовой культуры военного периода рассматривается категоризация образов женщины и ребенка, их социальные и идеологические роли [Есипов 2021; Ларионов 2021]. При этом плакатный материал выступает в роли объекта семиотики и анализируется как гибридный (мультимодальный) текст. Так, в ряде работ исследуется единство вербальных и невербальных сообщений, при котором рассматривается взаимодействие различных кодов [Дыдров 2015]. Исследованы также положения о языковой организации текста в советском военном плакате и выделены структурно-семантические особенности плакатного лозунга [Уланов 2015].

Тем не менее, проблема речевого воздействия в советском плакатном искусстве периода Великой Отечественной войны не представляется достаточно изученной. На данный момент не предложена общая типология использования коммуникативных стратегий и языковых средств, применяемых для воздействия на целевую аудиторию в советском плакате периода 1941–1945 гг. Следует отметить, что многочисленные исследования плакатов военного периода в основном фокусируются на анализе их графико-иллюстративной композиции, тогда как дискурсивных исследований по данной теме не представлено, что можно считать обоснованием актуальности настоящей работы.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых, анализирующих различные аспекты изучения речевого воздействия и связанные с:

- представлениями о языковых средствах реализации речевого воздействия в политическом и рекламном дискурсе [Чернявская, Молодыхенко 2017; Haskins, Zappen 2010];

- выделением языковых индикаторов коммуникативных стратегий и определением модели их описания [Иссерс 2008];

- представлениями о различных средствах выражения побуждения к действию в русском языке [Богданова 2015; Бирюлин 1994];

- интерпретацией поликодового текста как коммуникативного единства, слагаемого из нескольких семиотических кодов, при котором вербальная и визуальная составляющая создают когерентное целое [Чернявская 2009];

- введением сетевых технологий в семантический анализ текста и оценкой потенциала поисковых систем применительно к экспериментальным исследованиям [Петрова 2022; Сулейманова 2020].

Плакат как объект междисциплинарных исследований

Советский плакат военного периода 1941–1945 гг. традиционно служит объектом целого ряда исследований в области гуманитарных наук. Так, в искусствоведении плакат изучается с позиции анализа художественной графики [Ефименко 2017]. Исследователи выделяют композиционные особенности советского массового искусства военных лет и анализируют художественные образы, созданные авторами плакатов в период с 1941 по 1945 гг. Как отмечает А. А. Ефименко, в изобразительном искусстве периода Великой Отечественной войны основным сюжетом плакатов является противопоставление возвышенного образа воина-красноармейца и преимущественно карикатурного изображения противника. При этом под влиянием результатов военных действий и экономической ситуации в стране изменялись отличительные особенности композиции и тематики советского плаката. Например, в работах 1941 года можно отметить динамизм и многофигурность композиции. Для плакатного искусства данного периода характерно изображение массовых сцен сражений в сочетании с призывами к борьбе за независимость Родины. К особенностям плакатного искусства 1942 года относят доминирующую роль темы возмездия и глубокой ненависти к захватчикам, которая находит свое воплощение посредством малофигурной композиции с крупным изображением, в котором центральное положение занимает советский человек. Примечательно, что обстановке не уделяется

особого внимания – используется минимум деталей, фон условен. В плакатах 1943–1945 гг. советский воин по-прежнему занимает центральное положение. Вместе с тем, с точки зрения композиционного оформления плаката поза человека изображается более открытой, уверенной, выражение его лица становится спокойным или радостным.

С позиции направленности плакатов А. А. Ефименко выделяет героические и сатирические виды. К первой категории относятся плакаты, в которых центральное положение занимает советский патриот, в то время как плакаты второй категории отображают карикатурный образ врага. При этом в сравнении с искаженными пропорциями противника изображение защитника обычно крупнее и занимает центральное положение в плакате [Ефименко 2017]. Таким образом, в советском плакатном искусстве военного периода наблюдается противопоставление образов воина-освободителя и врага, которое усиливает эмоциональное воздействие на адресата и сопровождается использованием определенных композиционно-художественных приемов.

В этой связи представляется релевантным изучить способы выражения противопоставления «своих» и «чужих» при помощи языковых средств. Так, для плакатов периода Великой Отечественной войны характерно использование стилистически маркированной лексики, что выражается посредством создания положительного семантического поля при описании советского воина (*Герои Отечественной войны; Народ и армия непобедимы; Сталинские соколы; Защитник Родины – любимый сын советского народа; Слава победителям*) и исключительно отрицательного (*Смерть фашистской гадине; Не позволим фашистским варварам ходить по Советской земле; Раздавить фашистское чудовище; Покажем презренным фашистским убийцам, как драться умеет советский моряк; Мицение и смерть гитлеровским палачам* и т. д.) – при описании противника.

Таким образом, учет как собственно лингвистических факторов, так и экстралингвистических знаний помогает создать наиболее полное представление об изучаемом объекте исследования.

Литература

Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994.

Богданова Л. И. Русский императив в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 2 (18). С. 21–28.

Болдырев Н. Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 7–13.

Дыдров А. А. Семиотика советского плаката времен Великой Отечественной войны // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 67-й науч. конф. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 793–797.

Есинов А. Л., Силина В. Л. Женский образ в политическом плакате периода Великой Отечественной войны // Образование и культурное пространство. 2021. № 2. С. 59–65.

Ефименко А. А. Особенности композиции и художественных образов советского социального плаката времен Великой Отечественной войны // Пермь: ООО «Аэтерна», 2017. С. 179–183.

Зыков Н. П. Образ врага в советских пропагандистских плакатах во время Великой Отечественной войны // Вестник науки. 2022. Т. 4. № 7(52). С. 51–59.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Ларионов А. Э. Образы детства в советском плакате периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 100–113.

Петрова И. М., Иванова А. М., Никитина В. В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учеб. пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». Москва: ООО «Языки Народов Мира», 2022.

Сулейманова О. А. Принципы и методы лингвистических исследований. 2-е издание. Москва: «Языки Народов Мира», 2020.

Уланов А. В. Структурно-семантическая организация лозунга в советском военном плакате // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 3(15). С. 114–116.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Москва: «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2017.

Haskins E. V. Totalitarian visual “monologue”: reading Soviet posters with Bakhtin // RSQ-Rhetoric Society Quarterly. 2010. Vol. 40. № 4. P. 326–359.

V. O. Andreeva (Moscow, Russia)
Moscow City University

DISCOURSE ANALYSIS OF THE SOVIET POSTER OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article focuses on the cognitive-discursive approach and relies on the interdisciplinarity and multilevel research principle. The paper analyzes the Soviet posters of the Great Patriotic War as a special discursive genre and covers the most relevant techniques used to influence the target group. The research is based on 200 posters of the 1941–1945 period.

Key words: Soviet poster, the Great Patriotic War, discourse analysis, multidisciplinary, speech impact.

*Е. Н. Антонова (Москва, Россия)
Государственный университет по землеустройству
stchl@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ БОГЕМНОГО СТИХОТВОРЧЕСТВА В ДИСКУРСИВНОЙ ТРАКТОВКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

В статье рассматриваются признаки классического поэтического текста в структуре художественного интертекста. Поэзия классиков в работе позиционируется как божественное стихотворчество. Особенности данного типа дискурса интерпретируются сквозь призму восприятия художественного мира современниками. В качестве эмпирического материала используются данные, полученные в ходе лингвокультурологического опроса студентов.

Ключевые слова: художественный дискурс, поэтический текст, интертекст, поэзия классиков, структурно-семантические особенности, интерпретация языковых явлений.

Современная лингвокультурная действительность диктует новые условия функционирования языка в целом и в частных его проявлениях. Новое поколение по-иному воспринимает художественный текст на воспитательном, образовательном, эстетическом, культурном уровнях. В настоящее время первостепенную роль играет информативная сфера жизни социума. В связи с кардинальными изменениями когнитивных установок общества происходит качественная и количественная трансформация литературного процесса. Помимо мутаций в оценке классического литературного наследия, умы современников перестраиваются на создание и абсорбцию видоизмененного интеллектуального продукта, в основе которого лежат принципы эпохи глобальной цифровизации. Говоря о понимании и трактовке текста, О. В. Ломакина замечает: «В настоящее время филология накопила достаточный теоретический концептуарий, который необходимо использовать на практике – при анализе текстов» [Ломакина 2017: 130].

В структуре художественного интертекста выделяются различные типы поэтического дискурса. В связи с этим интересной исследовательской сферой является классический текст литературного наследия, который в данной работе определен в качестве **божественного стихотворчества**. Поэтическому наследию классиков посвящено множество работ [Сычева 2012а; 2012б; 2013], однако в трактовке современной молодежи классический стихотворный текст качественно отличается от академического понимания, восходящего к учениям авторитетных филологов и педагогов. Современная интерпретация **дискурсивна**, то есть понятийно-рассудочна

и опосредованно-логична, она отстранена от созерцательно-чувственного и непосредственно-интуитивного.

С целью получения эмпирического материала среди студентов неязыкового вуза был проведен лингвокультурологический опрос «**Дискурсивные возможности современника**», включающий в себя 15 вопросов филологического и общекультурного порядка. Ответы были получены от 300 человек.

Первый вопрос был сформулирован так: «**Напишите первую пришедшую на ум стихотворную строку. Если вспомните, укажите автора**».

В подавляющем большинстве случаев респонденты упоминали представителей богемного стихотворчества. Наиболее воспроизводимыми оказались строки А. С. Пушкина (в ряде случаев – без автора), значительно реже указывались стихи С. А. Есенина, еще реже – М. Ю. Лермонтова. Кроме того, студенты вспомнили В. В. Маяковского, А. А. Блока, А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева, О. Э. Мандельштама, С. Я. Маршака, В. В. Набокова, Р. И. Рождественского, Н. С. Гумилева, А. А. Ахматову, Б. Л. Пастернака, В. Хлебникова, К. М. Симонова, М. И. Цветаеву и др. То есть были задействованы в основном творцы прошлого и позапрошлого столетий. Также фигурировали имена Г. Р. Державина, В. И. Гафта, О. Хайяма, Б. Б. Рыжего, Э. А. Асадова, Р. Г. Гамзатова, И. А. Бродского.

Приведем примеры ответов на данный вопрос:

– «*у лукоморья дуб зеленый АС Пушкин*»; «*Я помню чудное мгновение, А. С. Пушкин*»; «*Я к Вам пишу, чего же боле / Что я могу ещё сказать / А. С. Пушкин*»; «*Сижу за решёткой в темнице сырой – А. С. Пушкин*»; «*Буря мглою небо кроет (Пушкин)*»; «*Мороз и солнце; день чудесный! (А. С. Пушкин)*»; «*Я вас любил: любовь ещё, быть может, / В душе моей угасла не совсем (А. С. Пушкин)*» и т. д.;

– «*Снова двенадцать ночи (Есенин)*»; «*Заметался пожар голубой, позабылись родимые дали (С. Есенин)*»; «*Я помню, любимая, помню / Сиянье твоих волос... / Не радостно и не легко мне / Покинуть тебя привелось. С. А. Есенин*»; «*Вы помните, вы все конечно помните. С. Есенин*»; «*Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосёт глаза / Сергей Есенин*» и т. д.;

– «*Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, француз отдадена (Лермонтов)*»; «*Немного лет тому назад, / Там где сливаясь шумят / Струи Арагвы и Кувры / Был монастырь Лермонтов*» и т. д.;

– «*Семья – Ералаш, а знакомые – нытики...*» (Саша Чёрный, «Жёлтый дом»); «*Не оставляйте матерей одних*» – Расул Гамзатов»; «*А судьбы кто? Чацкий*»; «*Вы любите розы? (Маяковский)*»; «*ради щек твоих, ширазских роз (Гумилёв «Подражание Персидскому»)*»; «*Я могу тебя очень ждать... (Асадов)*»; «*Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей. / Запихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских*

степеней. / Осип Мандельштам»; «Молчи, скрывайся и таи / Все чувства и мечты свои / Пускай в душевной тишине встают и заходят оне / Безмолвно, как звёзды в ночи, любуйся ими и молчи / Silentium! Тютчев» и т. д.

Без указания автора: «Забудем на день про работу / Про эти усталые лица / Чем займёмся в субботу? / Я предлагаю / Влюбиться»; «Скажи-ка дядя, ведь не даром. Москва спаленная пожаром, французам отдана»; «Я сидел у окна в переполненном зале.»; «Имя твое – птица в руке»; «Деревья не растут, / А умирают стоя»; «Темный ельник снегами как мехом опушили седые морозы»; «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку» и т. д.

Неточные цитаты (с автором и без): «Дом. Улица. Фонарь. Аптека (Александр Блок)»; «Я памятник воздвиг нерукотворный. Пушкин»; «Достаю из кармана широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза. / Маяковский» и другие.

Одним респондентом была процитирована известная новогодняя песня: «В лесу родилась ёлочка, / В лесу она росла, / Зимой и летом стройная, зелёная была   », сопровождающаяся характерными эмодзи.

Была представлена и другая песня: «Кто-то называет меня маньяком, извергом / Кто-то серийным убийцей, исчадием ада / Бешеным животным, кто-то считает бредовой фикцией / Ищет милиция с другими силовиками / Иной пугают непослушных детей / Мои поступки не ради славы / Я просто ненавижу большинство людей / Антон Черняк / Музыкальный исполнитель / группа Кровосток».

В структуре некоторых ответов содержались личные комментарии:

««Я сижу в темноте. И она не хуже в комнате, чем темнота сна-ружи.», Бродский (**лично я люблю из-за исполнения *poïze mc***)»; «Месяц в окошко ласково светит – **собственного сочинения**» и проч.

Присутствовал также бессодержательный ответ на вопрос о поэтической цитации: «Не могу вспомнить».

По предварительным подсчетам, А. С. Пушкина процитировали около трети респондентов (а с теми, кто назвал его стихотворение без авторства, процентов на десять больше), около четверти отвечавших привели строки С. А. Есенина и М. Ю. Лермонтова, немного более сорока процентов – стихи других перечисленных авторов (в том числе без источника). Таким образом, имя А. С. Пушкина занимает лидирующую позицию при воспроизведении строк, характеризующих богемное стихотворчество (классическую поэзию) в художественном интертексте.

В дискурсивной трактовке современников выявляются и ассоциативно-вербальные связи, характеризующиеся ответами студентов-нефилологов на восьмой вопрос «**Коротко напишите, какие ассоциации вызывает у Вас стихотворение А. С. Пушкина “К *** (Я помню чудное мгновенье...)”**»:

– позитивное восприятие: *«любовь, которая спасает человека, / возвышает его душу и наполняет жизнь смыслом; очень милое стихотворение, вызывает какую то тоску по хорошим временам; Красота, нежность, прохлада, блеск, свет; Вызывает чувство лёгкости, таинственности, чистой красоты; зимнее солнце; Как мужчина вспоминает о девушке, которая засела у него в голове; зима, школьное утро, рассвет, кабинет литературы; Кто-то кого-то ожидает после длинной разлуки; Пушкин очень умело передает все то, что испытывает влюбленный человек: его сомнения, надежды, желания, страдания... Мы видим, как он переживает разлуку и невозможность встречи с любимой.; Ассоциируется с серией «смешиариков», в которой персонаж сочинил такое же стихотворение, поменяв вторую строчку.; Очень популярное стихотворение, его знает каждый школьник в России; Меня искренне восхищает подбор литературных средств, для описания своих чувств, которые подобрал Александр Сергеевич. Звучит чувственно и красиво; соответственно, и это стихотворение не исключение; Ассоциируется с музыкой, которая одновременно и пьянит и приводит в чувство. В шумной среде невозможно существовать без музыки. Будто Пушкин именно о ней и писал; Пионы, бежевый цвет, вуаль; Ассоциации возникают о хороших воспоминаниях с детства. Помню как мама готовила на ужин шарлотку и нужно было идти утром в школу, ещё когда я учился в 4 классе.»* и т. д.

– негативное восприятие: *«Не нравится; Никогда не любила это стихотворение; Я его не знаю».*

Структурно-семантические особенности ряда ответов студентов демонстрируют спешку и незаинтересованность: часто приводятся короткие строки, предложения начинаются со строчной буквы, пропускаются общепринятые знаки препинания, допускаются грамматические ошибки и пр.

Параметры **интерпретации языковых явлений**, продемонстрированные современниками, неоднородны: наблюдается как отчетливая способность к анализу интертекста и трактовке поэтического дискурса, так и косноязычие, преднамеренный отказ от размышлений, как грамотность, так и наличие орфографических, пунктуационных, стилистических и иных ошибок. В целом, поэзия сегодня не имеет такой духовной ценности, как для предшествующих поколений, а богемное стихотворчество знакомо молодежи на поверхностном уровне.

Литература

Ломакина О. В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 130–137. DOI 10.22363/2313–2299–2017–8–1–130–137.

Сычева Е. Н. Образ животного в устойчивых сочетаниях (на материале поэтической фразеологии Ф. И. Тютчева) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012а. № 9. С. 232–242.

Сычева Е. Н. Фразеологизмы с соматизмом «душа» в поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2012б. № 2–2. С. 322–327.

Сычева Е. Н. Стихия земли в поэтической фразеологии Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 343–348.

E. N. Antonova (*Moscow, Russia*)
State University of Land Use Planning

FEATURES OF BOHEMIAN POETRY IN THE DISCURSIVE INTERPRETATION OF CONTEMPORARIES

The article examines the features of a classical poetic text in the structure of an artistic intertext. The poetry of the classics in the work is positioned as bohemian poetry. The peculiarities of this type of discourse are interpreted through the prism of the perception of the artistic world by contemporaries. The data obtained during the linguistic and cultural survey of students are used as empirical material.

Key words: artistic discourse, poetic text, intertext, poetry of classics, structural and semantic features, interpretation of linguistic phenomena.

С. Х. Анчек (*Майкоп, Россия*)
*Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева
ancheksuret@mail.ru*

АДЫГСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуются тексты некоторых поэтических творений известного адыгейского писателя и поэта И. Ш. Машбаша с целью описания национальной специфики языкового сознания поэта – носителя современного адыгейского языка. В ходе анализа текстов выявляются языковые знаки, используемые адыгской языковой личностью в поэтическом дискурсе для обозначения предметов, событий и явлений в иных смыслах, чем в окружающей реальности. Установлено, что в сознании поэта содержится богатый тезаурус, основанный на истинном знании языка и культуры адыгского народа.

Ключевые слова: адыгская языковая личность, языковое сознание, поэтический дискурс, тезаурус, языковые знаки, паремия.

Актуальность темы вызвана возрастающим интересом к проблемам языковой личности [Караулов 1987], [Бальбурова 2019], [Гурулева 2016], языкового сознания [Уфимцева 2011], [Ушакова 2000], регионального (национального) языкового сознания [Уфимцева 2022: 253–258], так как язык существует и функционирует в тесной связи с его носителем-человеком.

За любым поэтическим творением стоит языковая личность автора. Т. Л. Гурулева отмечает, что «языковая личность в процессе речевой деятельности продуцирует речевые произведения – тексты (дискурсы). Анализ структуры дискурса позволяет выявить особенности отдельной языковой личности» [Гурулева 2016: 327]. Анализируя адыгейские поэтические тексты, можно описать как специфику национального языкового сознания, сформированного на основе истинных знаний современного языка и культуры адыгского народа, так и специфику регионального языкового сознания носителя современного адыгейского языка. Как известно, адыги проживают компактно в трех регионах Российской Федерации, в которых государственными языками наряду с русским являются адыгейский, кабардинский и черкесский языки.

Известный адыгейский писатель и поэт Исхак Машбаш в своих поэтических творениях воплотил годами отточенные народом сюжеты и композиции. Корневое начало поэзии Машбаша – народное образное мышление, народное слово, которое особенно отразилось в книгах «Колесо времени. Четверостишия» (Майкоп, 2009), «Уахътэм ищэрэхъ. СатыриплI усэхэр» (Мыекъуапэ, 2010), в каждой из которых около 850 четверостиший. Они взяты из глубин народной жизни, созданы чистым и сочным языком, которым автор владеет мастерски:

<i>Хасэм ыlorэр</i>	«Решение хасэ –
<i>Цыпхъ,</i>	Основа жизни,
<i>Хабзэм ыlorэр</i>	Решение хабзэ –
<i>Бзыпхъ.</i>	Норма жизни».
	(Перевод наш – А. С.)

Четверостишия являются одной из наиболее употребительных форм организации поэтического текста. Они обладают определённой композицией: вступление – развёртывание – поворот – заключение. Этот формат привлекает внимание многих читателей тем, что он очень лаконичен и удобен для восприятия и позволяет сформулировать законченную мысль. К примеру:

<i>Уахътэм ищэрэхъ – ичIыфэ стелъа! –</i>	За колесом – за временем – бегу,
<i>Сылъэчъэ, седжэ, ичъэ сьдэхъурэн.</i>	Как будто я у вечности в долгу.
<i>Сызылъежъагъэр – сьдэу сьдела! –</i>	Но только тот, кто впереди меня,
<i>ГъуыIышым тесышъ, ыгуи кыысэгъурэн.</i>	Все гонит вскачь железного коня.

Языковое сознание И. Ш. Машбаша – это богатый тезаурус, содержащий множество слов и словосочетаний, некоторые из которых в процессе продуцирования поэтом речевых произведений выстраиваются в синонимические ряды, расширяя свои семантические границы. К примеру, слово *уахътэ* «время» используется поэтом в прямом значении, а лексемы *цэрэхъ* «колесо», *гъашIэ* «вечность», *гъучIыш* «железный конь» подвергаются семантическому смещению, образуя синонимический ряд в значении «время».

Языковая личность поэта является сложной структурой. Е. А. Горло выделяет пять составляющих языковой личности поэта: 1) способность к речевой деятельности; 2) коммуникативная компетенция; 3) индивидуальная языковая картина мира; 4) индивидуальный стиль; 5) индивидуальное речевое поведение [Горло 2006: 65].

Рассматривая первую составляющую языковой личности – «способность к речевой деятельности», сразу нужно отметить, что четверостишия, собранные в этой книге являются ярким примером и доказательством большого ума поэта, наличия высокого потенциала производить речевые акты.

Вторая составляющая языковой личности поэта – коммуникативная компетенция – это способность автора организовывать свое речевое поведение, умение передавать информацию в конкретных речевых ситуациях, чтобы читатель смог адекватно воспринимать поэтические тексты. И. Машбаш выстраивает легкие для восприятия речевые обороты, включая в них языковые единицы, отражающие знакомые читателю примеры из жизни, из действительности. Например, стихотворение «*ТIуагъэм тырыкIэгъожьы*» («Жалею о сказанном»):

*Гъэмэфэ фабэм тызригъэзэцрэм
КIымэфэ чьыIэм ижъ тыкIэхъопсы,
Бжыхъэ отI-псытIым тыгу зызэпикIрэм
АхэмкIэ тIуагъэм тырыкIэгъожьы.*

Мы все, когда наступит летний зной,
О свежести мечтаем ледяной.
Но как придет осенняя пора,
Жалею мы о сказанном вчера.

Данное четверостишие демонстрирующее яркий пример человеческих желаний, говорит о том, что стимул жизни всегда меняется: человек мечтает то о *кIымэфэ чьыIэм ижъ* «ледяной свежести», то о *гъэмэфэ фабэм* «летнем зное».

И. Машбаш предпочитает употребление слов и выражений в переносном значении. Сравнение – языковой троп, широко используемый Машбашем в своем творчестве. Он выявляет сходства, соответствия между природными и жизненными явлениями, проводит параллели между ними путем лексического сравнения либо сравнения целых синтаксических рядов. Например, стихотворение «*Жъоку ныкъокIуас*» «Негасимый (полугасший) огонь»:

<i>Гугъуемылыхэу пхэ машор</i>	В костре осеннем так бесстрастно пламя,
<i>Бжыхэ джэныкъом цыкIэсты,</i>	Горит огонь, ленивый и незлой...
<i>Лугъончэ жьокоу сыбгашьо</i>	Но все, что было, остается с нами –
<i>Дэлы гушысэм сыкъесты.</i>	Как жар под этой серою золой.

В стихотворении речь идет о сокровенных мыслях, которые рождаются в сердце – это скрытые, не обнаруживаемые, не высказываемые, затаенные мысли. С одной стороны, поэт вербально передает реальную картину того, что человек может сидеть за осенним костром, наблюдать за поведением огня, и в это время разные мысли просыпаются в сердце, о которых он про себя размышляет. С другой стороны, на наш взгляд, языковые единицы *гугъуемылI пхэ машу* «бесстрастное пламя костра», *бгашьом дэль гушыс* «сердечные, сокровенные мысли», *Лугъончэ жьоку* «жар без дыма» в рамках текста семантически становятся равнозначными, образуя синонимичный ряд, в котором доминантой является *гушыс* «мысль».

Первые две строчки некоторых четверостиший семантически помещают в одно пространство, а следующие две строчки – переносят в другое пространство, но оба пространства могут характеризовать одно природное явление. Например: *ПсынэIэчъыр, пхэтэкъэжъыр* («Каждому – свое»).

<i>ПсынэIэчъыр чъэмэ-чъэзэ,</i>	Бежит ручей, чтоб речкой стать когда-то,
<i>Мэцхы, матэ – хым еIужьы.</i>	А после – камни в море обкатать.
<i>Пхэтэкъэжъыр шэмэ-шэзэ,</i>	Но даже пень могучий, в три обхвата,
<i>Зыдэцылгым цэкIодыжъы.</i>	В бездействии трухоу может стать.

Есть «люди-ручейки», которые всегда в действии, хотят большего добиться в жизни, для этого преодолевают препятствия, готовы горы свернуть, чтобы достигнуть цели, а есть «люди-пеньки», которым все равно, что происходит в жизни, создают свой мирок и копошатся в нем. Поэт не осуждает и не хвалит их, предоставляя это право читателю.

С целью усиления выразительности и подчеркивания сказанной мысли И. Ш. Машбаш часто использует одновременно и сравнение, и гиперболу:

<i>Жьыбгъэр къепцэ, пкIэшэ тхъапэр</i>	<i>Ветер, оседлав лист дерева,</i>
<i>Ионэшэу жьым цэхъапIэ,</i>	<i>Носится по воздуху.</i>
<i>Ар фимыкъоу чьыгы шгъапэр</i>	<i>Кроной дерева, словно венником,</i>
<i>ИпхэнкIыпхэу ом цэпхъанкIэ.</i>	<i>Подметает небосвод.</i>

Описывая реальную картину природного явления, Машбаш прибегает к гиперболизации возможности ветра: *пкIэшэ тхъапэр ионэшэу жьым*

цэхъанкIэ «оседлав лист дерева, скачет по воздуху». Поведение ветра он передает вербально, прибегая к сравнениям: *чъыгы шхъанэр ипхъэнкIыпхъэу ом цэлпхъанкIэ* «кроной дерева, словно венником, подметает небосвод».

Многие четверостишия по форме и содержанию напоминают паремии. Исхак Машбаш, с детства впитавший от людей старшего поколения народные традиции и мудрость, основы культуры и родной речи, сам строит свои изречения так же лаконично, находит нужные слова, содержащие большой воспитательный заряд: *ШушIэ зимыIэр / Насытынчъ, / ЗигъашIэ чъыIэр / Гугъэнчъ* «Кто не способен на добро – / Несчастен, / Чья жизнь холодная – / Безнадежен». *Гур мыгъэу / Нэри гъырзп, / Гур мыплъэу / Нэри плъэрэп* «Сердце не заплачет – / Глаза не заслезятся, / Сердце не заметит – / Глаза не увидят».

Достоинство исследуемых нами четверостиший еще в том, что они легко читаются, призывают к размышлениям, они украшены звонкими созвучиями. Например, в четверостишии *Бадзэми тэжъо еIо* звуко сочетание *[жъо]* повторяется 5 раз: *жъоныгъо, жъонакIор, мажъо, тэжъо, егъажъо*. В стихотворении *Iэжэгуай* почти в каждом слове встречается звуко сочетание *[шъо]*: *Уташъорэр / Шъом екIы, / Уишъуашъорэр / КъытшIукIы*.

И. Ш. Машбаш с легкостью находит нужные слова. У него собственная языковая картина мира, которая закрепились в его сознании. Адыгские этнокультурные единицы, народные традиции, адыгэ хабзэ, народная мудрость, реалии – все это составляющие компоненты адыгской языковой личности, сущность специфики адыгского языкового сознания. Сам поэт обладает высоким интеллектом, его сознание снабжено огромным тезаурусом с много-миллионным словарным составом, с помощью которого он мастерски строит речевые обороты, соблюдая нормы современного адыгейского языка, речевая коммуникация его эффективно воздействует на читателя.

Литература

Бальбурова Л. К. Влияние языковой личности на реализацию переводческой деятельности (на материале современных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 202–207.

Горло Е. А. Языковая личность в поэтическом дискурсе // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2006. № 1. С. 65–71.

Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ коммуникативного поведения этнической языковой личности: параметры и технология описания речевого портрета // Culture and Civilization. 2016. Vol. 6, Is. 6A. P. 327.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Уфимцева Н. В. Региональное языковое сознание и методы его исследования // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной

лингвистике: материалы III Международной научной конференции (27–29 октября 2022 года). Майкоп: АГУ, 2022. С. 19–30.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.-Калуга: Институт языкознания РАН, 2011.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сборник статей. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 13–23.

S. Kh. Anchek (*Maykop, Russia*)

Adyghe Republican Research Institute of the Humanities

THE ADYGHE LINGUISTIC PERSONALITY IN POETIC DISCOURSE

The article examines the texts of some poetic creations of the famous Adyghe writer and poet I. S. Mashbash in order to describe the national specifics of the linguistic consciousness of the poet – a native speaker of the modern Adyghe language. The analysis of the texts reveals the linguistic signs used by the Adyghe linguistic personality in poetic discourse to designate objects, events and phenomena in other senses than in the reality. It is established that the poet's mind contains a rich thesaurus based on true knowledge of the language and culture of the Adyghe people.

Key words: Adyghe linguistic personality, linguistic consciousness, poetic discourse, thesaurus, language signs, paremia.

И. Ю. Безукладова, Л. А. Фурс (*Тамбов, Россия*)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

ibesukladova@yahoo.com,

liudmila.furs@gmail.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются процессы образного осмысления социального пространства в области профессиональной деятельности на материале крылатых выражений. Выявлены метонимическая и метафорическая модели. Метонимическая модель представлена отношениями «деятельность – цель». Метафорическое моделирование базируется на основе структурной и ориентационной метафор, а также на основе метафоры КОНТЕЙНЕР.

Ключевые слова: социальное пространство, метафора, метонимия, профессиональная деятельность.

Социальное пространство является неотъемлемой частью существования человека как члена общества и, будучи, с одной стороны, глобальной категорией в силу разнообразности социальных интеракций человека, это понятие носит также и универсальный характер, так как осознается людьми независимо от национальных границ. Как указывает И. Ю. Безукладова, социальное пространство осмысляется в двух областях жизнедеятельности человека – частной и общественной и определяется соответственно как приватное и социальное. Осмысляется оно на основе «характеристик принадлежности, включённости, симметричности, зависимости, доминирования» [Безукладова 2020: 528]. Антропоцентризм речемыслительной деятельности человека дает основания полагать, что в процессах осмысления социального пространства данные характеристики будут осмысляться образно на основе активизации различных когнитивных моделей. Данное положение, по мнению Л. А. Фурс, согласуется с принципом когнитивного динамизма, предполагающего учет интенций говорящего во взаимосвязи с условиями коммуникации. Этот принцип «дает объяснение возможным модификационным процессам в ходе обработки знания сознанием человека и подчеркивает процессуальность его ментальной деятельности. Процессуальность как сущностная характеристика когнитивного динамизма обеспечивается способностью мышления человека устанавливать ассоциативные связи и выводить причинно-следственные закономерности в ходе обработки уже имеющегося знания, полученного опытным путем» [Фурс 2021: 53]. Целью данного исследования является описание моделей социального пространства в области профессиональной деятельности, служащих основой для создания различных ассоциаций на примере крылатых фраз. Интерес представляет разъяснение процессов формирования оценочного знания на основе базовых характеристик социального пространства.

Обратимся к анализу конкретных примеров:

(1) доминирование

Доминирование предполагает отнесенность к более высокому уровню иерархии в социальном пространстве, которое дает ряд преимуществ. Характерно, что осмысление социального пространства на основе этой характеристики всегда сопровождается активизацией ориентационной метафоры, которая выводится инферентно на основе семантики языковых единиц или представлена эксплицитно:

Начальник всегда прав (НКРЯ).

Начальник как официальное должностное лицо, наделенное властью, руководит подчиненными и принимает решения. В данном случае социальное пространство сориентировано на вертикальный вектор интеракций, а наречие *всегда* подчеркивает постоянство вертикали власти. При этом

создается ассоциация, что даже когда начальник не прав, это никому не дает право критиковать его.

Плодотворный обмен мнениями – это когда приходишь к шефу со своим мнением, а уходишь с его мнением (АС).

Аналогичный характер доминирования в социальном пространстве представлен и в этом примере. За счет противопоставления, репрезентируемого местоимениями *свой – его* и антонимическими глаголами *приходить – уходить*, проецируются полярные точки в пространстве. Это позволяет подчеркнуть отсутствие точек соприкосновения в выработке общего решения. Навязывание мнения начальника усиливает характер доминирования, которое объективируется лексемой *шеф*.

Старайся работать только с теми, кто сильнее тебя. Именно такие люди помогают тебе расти (АС).

В этом примере доминирование базируется на обладании хорошими профессиональными качествами, дающими преимущества над другими. Такое положение дел обеспечивает профессиональный рост других сотрудников.

(2) принадлежность

Принадлежность в социальном пространстве осмысливается как нахождение в составе целого по принципу отношений «часть – целое»:

Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации (АС).

Оценка формируется за счет метонимического моделирования «деятельность – цель». На этой основе социальные интеракции интерпретируются с точки зрения посвящения каждого достижению одной цели.

(3) включённость

Характеристика «включённость» базируется на метафорической модели КОНТЕЙНЕР, когда нахождение в команде осмысливается как нахождение в пространстве единомышленников:

Успеха достигают только люди с опытом работы в команде, которые желают использовать опыт команды (АС).

Если все вместе идут вперед, то успех позаботится о себе сам (www.citatnica.ru).

В следующих примерах активизируется структурная метафора:

Никто не может насвистывать симфонию. Нужен весь оркестр, чтобы ее сыграть (www.citatnica.ru).

Одно колесо не покатит повозку (www.citatnica.ru).

В первом случае знание о том, как исполняется симфония, является основой для осмысления действий членов одной команды. Во втором примере знание об устройстве повозки, для передвижения которой необходимы четыре колеса, переносится на область социальных интеракций. В результате

создается ассоциация, что успеха в профессиональной деятельности можно достичь, только согласованно работая в команде.

(4) симметричность

Симметричность предполагает одинаковость расположения объектов в пространстве:

Служба и дружба – две параллельные линии – не сходятся (А. Суворов).

В этом случае указывается на важность приватного и социального пространств в жизни человека, которые не пересекаются, но одинаково важны для существования человека.

(5) зависимость

Зависимость как характеристика социального пространства указывает на подчинённость другим:

Театр, как и спорт – это прежде всего способность к командному существованию, пониманию того, что, даже если ты суперзвезда, но не получишь правильную подачу от партнёра, вся твоя звёздность уйдёт в пыль (Г. Волчек).

В данном примере рассматриваются отношения зависимости в социальном пространстве на основе структурной метафоры. Ассоциация по аналогии заключается в переносе знаний о командной игре, когда важно получить хорошую передачу для успешного достижения цели, на область театрального коллектива, где даже у суперзвезд существует зависимость от действий других участников социального пространства.

Таким образом, за счет метафорического и метонимического моделирования формируется образное осмысление социального пространства. В этом процессе выявлены структурная и ориентационная метафоры и такой подвид ориентационной метафоры, как КОНТЕЙНЕР. Метонимический перенос представлен отношениями «деятельность – цель». При этом в ряде случаев метафорические отношения выводятся инферентно за счет семантики языковых единиц. Проведенное исследование подтвердило значимость всех характеристик социального пространства в моделировании образных представлений о таком пространстве в области профессиональной деятельности.

Литература

Безукладова И. Ю. Когнитивные основания эгоцентрической категоризации социального пространства в немецком языке // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (42). 2020. С. 526–531.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

Фурс Л. А. Когнитивная лингвистика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 52–58.

AC – All Citations / URL: <https://allcitations.ru/tema/rabota>

Citatnica. URL: <https://citatnica.ru/citaty/tsitaty-pro-kollektiv>

I. Yu. Bezukladova, L. A. Furs (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

MODELING OF SOCIAL SPACE IN THE FIELD OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

The article deals with the processes of figurative comprehension of social space in the field of professional activity on the basis of popular expressions. Metonymic and metaphorical models are revealed. The metonymic model is represented by the relations “activity – goal”. Metaphorical modeling is based on structural and orientational metaphors, as well as on the basis of the CONTAINER metaphor.

Key words: social space, metaphor, metonymy, professional activity.

Н. Н. Белошицкая (Архангельск, Россия)
*Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
n.beloshickay@narfu.ru*

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

Дискурсивный параметр «тональность» рассматривается в статье как категория пересечения прагматических и семантических измерений. Вводится понятие «драматургическая» тональность как презентационный механизм структурирования дискурса. Подчеркивается необходимость анализа когнитивных механизмов, детерминирующих характер тональности как двунаправленного процесса – оформление смысла высказывания говорящим и интерпретация этого смысла слушающим.

Ключевые слова: драматургическая тональность, коммуникативная ситуация, конструирование смысла, интерпретация, языковая личность, когнитивно-дискурсивные стратегии.

Интерес к изучению системной организации поведения человека делает актуальным раскрытие ситуативных и личностных характеристик участников коммуникации. «В дискурсе проявляется не только встроенная в систему языка социальность, но и когнитивность, семиотичность, культурологическая составляющая [Сулименко 2009: 174].

Комплексный подход к исследованию языковой личности и организации коммуникативного поведения человека требует синтеза и объяснительных моделей. Семиотическое моделирование позволяет объять необходимые

в данном случае социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры [Карасик 2020: 284]. Из существующих подходов к описанию и анализу дискурса в процессе семиотического моделирования инструментальный подход обладает достаточным объяснительным потенциалом для более тонкого выявления и описания когнитивной природы указанных выше параметров дискурса. «Инструментальный подход к исследованию дискурса позволяет в новом свете рассмотреть те характеристики общения, которые в традиционной системно-структурной лингвистике относились преимущественно к ведению стилистики. Центральным моментом в описании дискурса с этих позиций является тональность общения» [Карасик 2015: 74].

Исследователи тонального параметра дискурса фокусируют его разные составляющие. «Коммуникативная тональность – эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов» [Карасик 2017: 75]. В диссертационном исследовании Т. О. Багдасарян находим такое определение: «Мы понимаем под тональностью такое представление текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, к реципиенту и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозициональное содержание в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов» [Багдасарян 2000]. Брыжина Т. С. подчеркивает, что тональность «возникает при взаимодействии коммуникантов и может влиять на их установки по отношению друг к другу и ситуации общения» [Брыжина 2009: 6]. Знаниевый компонент тональности подчеркивает в своем исследовании С. Е. Тупикова: «Тональность отражает знания конкретного человека, поскольку ту или иную тональность выбирает сам говорящий (адресант)» [Тупикова 2010: 264].

Сложность трактовки понятия «тональность» связана с субъективным характером этого параметра, но наблюдается единодушие относительно его использования для конструирования и интерпретации смыслов в условиях коммуникативного взаимодействия. Тональность всегда связана с категориями конкретной коммуникативной ситуации и определяется характеристиками коммуникативного события. Тональность есть действие говорящего – проявление интенций, установок, фоновых знаний и комплекса пресуппозиций. Можно говорить о тональности как выборе говорящего и тональности восприятие текста адресатом. О прагматическом характере этой категории дискурса сказано достаточно много. Однако знание когнитивной составляющей этой категории не менее релевантно для понимания действия приспособительных механизмов, обеспечивающих положительные результаты коммуникативного поведения. Тональность общения выступает тем барометром дискурсивной деятельности, который фиксирует слажен-

ность участия таких нерядоположенных составляющих психики и сознания человека, как эмоции, инстинкты, потребности, мотивы, установки, знания, жизненный опыт. Выбор тональности говорящим и интерпретация тональности слушающим в том ключе, который и предполагался автором высказывания предполагает обладание общим знанием о мире. Неудивительно, что именно в парадигме лингвокультурологических исследований явлению тональности уделяется значительное внимание в последнее время.

Когнитивный потенциал дискурсивной тональности заключается в использовании ее для эмотивного изображения, представления и моделирования реальности. В ситуации обострения интереса исследователей к изучению когнитивного основания процесса познания и освоения реальности и использованию информации в целях воздействия возникает необходимость анализа презентационного механизма структурирования дискурса. Обозначим этот механизм термином «драматургическая тональность». Особую актуальность явление драматургической тональности приобретает при рассмотрении в рамках презентационной теории дискурса, когда дискурс представляется как «презентационная модель вербальной и невербальной коммуникации» [Олянич 2004: 14]. Драматургическая дискурсивная тональность представляет механизм структурирования дискурса, средство воздействия, формируемое на основе такой лингвосомиотической категории, как театральность.

При характеристике феномена драматургической тональности приобретают особую важность комплекс когнитивных переменных: «языковая личность», «фоновые знания», «фокус внимания», «точка зрения». Через механизм драматургической тональности происходит выстраивание коммуникации, нарратива коммуникативного события для реализации задач воздействия, таким образом, драматургическая тональность пронизывает презентационный тезаурус языковой личности.

Проанализируем проявление драматургической тональности в наиболее прототипическом для данной тональности виде дискурса – масс-медийном дискурсе. Обратимся к анализу раздела сайта Северного (Арктического) федерального университета – «презентационные материалы». Материал анализа вполне отвечает критериям драматургичности и режиссуры – в разделе представлены презентационные ролики, дается ссылка на печатные материалы, транслирующие миссию и корпоративные ценности университета, здесь же расположена ссылка на сайт газеты «Арктический вектор». Зрелищность как сущностный элемент театральности реализуется в этом коммуникативном пространстве через синтез вербальных и невербальных средств – эффективную комбинацию текстовых отрывков с видеороликами, яркими фотографиями, цветовой символикой университета. Адресат вовлекается в коммуникацию с помощью вербальной стимуляции: *«Специалисты*

обеспечивают университет **целым спектром** презентационных материалов, создают **уникальную** медиа и промо продукцию с целью **максимально полного** освещения деятельности САФУ и создания **уникальной** информационно-архивной базы по тематике освоения и развития Европейского Севера России и Арктики» [<https://narfu.ru/university/about/presentation/>]. Воздейственный потенциал приведенного текста определяется «постановкой», нарочитостью используемых лексических единиц с семантикой превосходности, полноты качества, максимальности. Саморепрезентация импактора через номинацию «специалисты» не оставляет сомнений в высоком профессионализме авторов материалов, предлагаемых читателям – потенциальным студентам университета. Изобилие элементов аргументации в столь коротком тексте – «целый спектр», «уникальная медиа продукция», «максимально полное освещение», «уникальная информативно-архивная база», сложность синтаксической и синтагматической структуры – формируют мизансцену раздела сайта. Семантика ключевой леммы «уникальная» служит основой для процесса дискурсивного развертывания. Здесь драматургичность тональности определяет задействие информативно ненасыщенных, семантически недетализированных лексических единиц, не дескриптивного, а демонстративного характера. Эмотивная маркированность текста достигается определенно позитивной, «созидательной» семантикой лексических единиц – «обеспечение», «создают», «освещение», «создание», «освоение», «развитие».

Драматургическая тональность демонстрирует креативную деятельность языковой личности, отражает ее когнитивно-дискурсивные стратегии воздействия на эмоционально-психическую сферу адресата. Драматургическая тональность определяется взаимодействием стратегий текстопостроения, контекста и стоящими за поверхностной семантикой сконструированного текста ментальными структурами участников коммуникации. Ситуативно выбранные средства реализации драматургической тональности позволяют судить об эволюции речевого поведения языковой личности, эксплицируют этическое пространство носителя языка, дают представление о стратегических предпочтениях языковой личности и установках на определенное речевое поведение.

Литература

- Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
- Брыжжина Т. С. Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
- Карасик В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 73–79.

Карасик В. И. Коммуникативная тональность: типы и способы выражения // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2017 № 2 (18). С. 75–89.

Карасик В. И. Языковые картины бытия. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.

Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинта, 2009.

Тушикова С. Е. Категории, концепты, тональность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3 (83). С. 264–269.

N. N. Beloshitskaya (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

THE COGNITIVE NATURE OF THE DRAMATURGICAL DISCOURSE TONALITY

The article analyzes the parameter of discourse tonality as the phenomenon where pragmatic and semantic dimensions cross. The term “dramaturgical tonality” is introduced. It is defined as the presentational mechanism for structuring discourse. The author underlines the necessity to explore cognitive mechanisms of tonality as they determine the two-direction way of tonality action – packing the meaning of the utterance by the speaker and this meaning interpretation by the interlocutor.

Key words: dramaturgical tonality, communicative situation, construction of the meaning, interpretation, language personality, cognitive-discursive strategies.

Е. А. Беседина, Т. В. Буркова
(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
e.besedina@spbu.ru, t.burkova@spbu.ru

«КОГНИТИВНАЯ ИНФЕКЦИЯ» В КОММЕМОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ: СЛУЧАИ ОШИБОК И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ

На примере мемориальных досок в статье рассмотрены некоторые особенности процесса трансфера знаний в коммеморативном дискурсе. Указаны ошибки, неточности и умолчания, которые допускаются при создании контента памятной доски

и ведут к прямому снижению уровня транслируемых знаний и недоверию к данному источнику информации.

Ключевые слова: коммеморативный дискурс, мемориальная доска, трансфер знаний, малоформатный текст, междисциплинарность.

Одной из ярких и наиболее распространенных форм коммеморативного дискурса являются мемориальные доски, сочетающие как вербальный, так и невербальный, художественный, компоненты. Феномен мемориальной доски очень интересен для исследования с позиций междисциплинарности, в том числе и когнитивной лингвистики. Есть все основания считать мемориальные доски разновидностью малоформатного текста, поскольку они несут в себе основные его признаки: отдельность, обозримость, наблюдаемость, тематическую определенность и завершенность, формальную и семантическую самодостаточность, интертекстуальность. Как отмечали авторы в предыдущих работах [Беседина, Буркова 2015: 319], текст мемориальной доски представляет собой связанное единство специальных и неспециальных смыслов, которые репрезентируют взаимодействие экспертного и обыденного знания.

Мемориальные доски выполняют три главных функции: информационно-коммуникативную, историко-мемориальную и художественно-эстетическую. Реализация информационно-коммуникативной функции напрямую связана с процессом трансфера знаний в коммеморативном дискурсе, так как и вербальная, и невербальная составляющие рассматриваемого коммеморативного ансамбля способствуют трансляции читателю определенной системы сведений и фактов. Эта система, как правило, включает в себя и известные, благодаря фоновым знаниям потребителя, данные, и новые для него сведения. В то же время в подавляющем своем большинстве мемориальные доски, как и любая другая коммеморативная практика, участвуют в реализации официальной политики памяти, а значит, передают наблюдателю вполне конкретные, актуальные в тот или иной период времени, социально-политические, идеологические установки.

Но, по образному выражению В. З. Демьянкова, «знания можно не только передать и получить, но и «подцепить», как заразу – помимо своей воли» [Демьянков 2017: 8]. В процитированной статье В. З. Демьянков рассматривает разновидности «недоброкачественного» трансфера знаний, передаваемого через СМИ. Целый ряд «штаммов» «когнитивной инфекции» – ошибок, неточностей, умолчаний – можно найти и в коммеморативном дискурсе. Попытаемся выделить те из них, которые встречаются в вербальных и невербальных частях мемориальных досок.

Первую группу «штаммов» составляют ошибки, которые можно назвать явными, незавуалированными. Количественно эта группа не столь

уж велика, но тем не менее в российских городах присутствуют памятные доски, в текстах которых присутствуют орфографические ошибки, причем даже в написании имен героев знака. Так, в 2021 г. в Твери на часовне Всех Тверских святых были установлены мемориальные доски в память о погибших в начале XX в. тверских губернаторах. Вскоре, однако, они были сняты для исправления допущенных орфографических и фактических ошибок. Приведем тексты этих знаков, в которых орфографические ошибки бросаются в глаза: «Памяти Тверского генерал-губернатора / Павла Александровича Слепцова / Павшего от рук левых эссеров на сем месте / 25 марта/7 апреля 1906 года / Верный долгу, царю и Отечеству...»; «Памяти Тверского генерал-губернатора / Николая Георгиевича фон – Бюнтинга / Павшего от рук революционной толпы / 2/15 марта 1917 года / Верный долгу, царю и Отечеству...» [В Твери из-за ошибок сняли мемориальные доски... 2021. Подчеркнуто авторами] Вероятно, комментарии излишни...

«Штаммы» второй группы не только гораздо более многочисленны и разнообразны (можно четко выделить 5 их типов), но и более латентны. Для их определения требуются, по крайней мере, достаточно серьезные фоновые знания.

Прежде всего это мемориальные доски, само место размещения которых вызывает сомнения или является достоверно ошибочным. Так, уже не одно десятилетие между петербургскими краеведами, журналистами, литературоведами, историками ведутся споры о правомерности установления в городе (именно по тем адресам, где эти памятные знаки располагаются ныне) мемориальных досок Александру Грину (Ул. Декабристов, д. 11) и Дени Дидро (Исаакиевская пл., д. 9). Широкому кругу наших современников эти дискуссии неведомы, но и в первом, и во втором случае указание «В этом доме...» делает наблюдателя носителем, возможно, ложного знания.

В содержании мемориальной доски как образца малоформатного текста не обойтись без обобщений. Второй тип рассматриваемой группы представлен теми памятными знаками, в текстах которых содержатся слишком большие обобщения, из-за чего вся вербальная часть такого знака воспринимается как ошибочная. Одна из мемориальных досок, установленных на домах ул. Театральной Воронежа, гласит: «В этом доме с 1949 г. жила одна из первых физиков мировой науки, профессор Воронежского государственного университета Мария Афанасьевна Левитская (1883–1963)». Заслуги М. А. Левитской, «воронежской Склодовской-Кюри», перед отечественной наукой неоспоримы, однако определение «одна из первых физиков мировой науки» вызывает большие сомнения и вопросы, надеемся, даже у учеников современной средней школы.

Близко к этому типу «когнитивных инфекций» подходит третья группа мемориальных досок. Здесь мы встречаем в текстах дефокусирование, выраженное в замалчивании каких-либо объективно важных характеристик героя знака в угоду политической конъюнктуре или интересам отдельных социальных групп. Рубеж XX–XXI столетий дает немало примеров такого рода. В 2016 г. широкий общественный резонанс получил конфликт в Петербурге, разгоревшийся вокруг открытия в городе памятной доски в честь Густава Карла Маннергейма в Кавалергардском Ее Императорского Величества Марии Федоровны полку. Текст описываемого знака, весьма лаконичный, дает нам представление лишь об одной странице жизни этого исторического деятеля – его службе в российской царской армии: «Генерал-лейтенант русской армии Густав Карлович Маннергейм служил с 1887 по 1918 гг.». Таким образом, оказался нарушен один из основных принципов передачи информации в коммеморативном дискурсе (указание, почему мемориальная доска установлена именно в этом месте). Самое же главное – по сути, был предан забвению факт командования маршалом Маннергеймом финской армией в период битвы за Ленинград, его прямые контакты с Гитлером, т. е. то знание, которое для подавляющей части ленинградцев-петербуржцев указывает на недопустимость, прежде всего, с моральной точки зрения, появления мемориальной доски этому национальному герою Финляндии в городе, пережившем блокаду.

«Вредность» для процесса трансфера знаний четвертой группы мемориальных досок заключается в таящихся в них неточностях или фактических ошибках, более или менее явных. Так, одна из мемориальных досок Вологды, посвященная расположенному в маркированном ею здании сортировочному эвакуогоспиталю, сообщает, что госпиталь работал «... в годы Великой Отечественной войны с 1941 по 1947 год...». Примером «глобальной лжи» с 1990-х гг. является памятный знак на фасаде одного из домов по Каменноостровскому проспекту Петербурга: «В этом здании находилась первая электрическая лаборатория основанная М. В. Ломоносовым по указу Императора Петра I». Если найти ошибку в первом приведенном примере не составляет никакого труда, то в петербургской доске все не так просто. И тем не менее – что ни слово, то неправда. Здание, «украшенное» анализируемым памятным знаком, было возведено в кирпичном стиле во второй половине XIX в., поэтому в нем никак не мог работать М. В. Ломоносов (1711–1765). К середине XVIII в. Академия наук переехала на Васильевский остров, именно этот район и был связан с жизнью и деятельностью великого русского ученого. Первая в России научная лаборатория была не «электрической», а химической. Наконец, Указ Петра I о создании Академии появился в конце января 1724 года, когда помору Михайле Ломоносову было всего лишь 12 лет. К счастью, таких примеров «глобальной лжи» в России очень немногo.

Пятый тип «инфицированных» мемориальных досок содержат ложные или неоднозначно трактуемые смыслы в своей невербальной, художественной части. Обратимся вновь к петербургским мемориальным доскам. На фасаде д. 15 по Большой Морской ул., где долгое время располагалось Управление по строительству «Главзапстрой», размещена мемориальная доска, текст которой вполне корректен для коммеморативного дискурса: «В этом доме с 1963 по 1987 год работал начальник Главзапстроя Герой социалистического труда, лауреат государственных премий в области строительства Корнелий Аркадьевич Глуховской». Однако барельеф памятного знака выглядит довольно неоднозначно. К. А. Глуховской изображен, вероятно, в один из рабочих моментов: в деловом костюме, со звездой Героя на лацкане пиджака, с телефонной трубкой, поднесенной к уху. Такой барельеф воспринимается жителями и гостями города как очень спорный и даже циничный: будто бы уважаемый руководитель и после своей кончины получает по телефону ценные указания и распоряжения «сверху». К тому же созданный образ советского «аппаратчика» напоминает о пресловутом «телефонном праве» и затмевает выдающиеся профессиональные достижения героя. Визуальный ряд мемориальных досок, как и вербальный, может содержать и прямые фактические ошибки, что также не способствует корректности процесса трансфера знаний.

Итак, на примере коммеморативного ансамбля мемориальных досок мы видим, что посредством этих памятных знаков может успешно осуществляться трансфер знаний. Тем не менее этот процесс в ряде случаев приобретает черты некачественности или даже ложности. Причиной тому служат достаточно разные по своему характеру, явные или скрытые ошибки, неточности, умолчания как в вербальной, так и невербальной части контента мемориальных досок, допущенные их авторами/заказчиками намеренно или неосознанно. Последствиями таких «когнитивных инфекций» следует признать не только прямое снижение уровня транслируемых знаний, но и порождение недоверия к данному источнику информации.

Литература

Беседина Е. А., Буркова Т. В. Мемориальная доска как малоформатный текст // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 317–319.

В Твери из-за ошибок сняли мемориальные доски в память об убитых губернаторах // Караван Ярмарка. 2021. 8 апреля. URL: <https://www.karavantver.ru/v-tveri-iz-za-oshibok-snyali-memorialnye-doski-v-pamyat-ob-ubityh-gubernatorah/> (дата обращения: 23.01.2023).

Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5–13.

E. A. Besedina, T. V. Burkova
(St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

**“COGNITIVE INFECTION”
IN COMMEMORATIVE DISCOURSE:
ERROR CASES AND THEIR IMPLICATIONS
FOR KNOWLEDGE TRANSFER**

Taking memorial plaques as an example, the authors examine some features of knowledge transfer in commemorative discourse. The article points out errors, inaccuracies and omissions, which are made in the content of commemorative plaques and lead to a direct reduction in the level of translated knowledge and distrust of the given source of information.

Key words: commemorating discourse, memorial plaque, knowledge transfer, text of small size, interdisciplinarity.

E. B. Беспалова *(Самара, Россия)*
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королёва
bespalowa@mail.ru

**НЕМЕЦКИЙ ЛАНДШАФТНЫЙ ДИСКУРС РЕКЛАМЫ:
КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ИМПЛИКАЦИИ**

В статье обсуждаются способы когнитивного представления знаний о немецких ландшафтах в рекламном дискурсе национальных парков Германии. Рассматриваются когнитивные механизмы профилирования, сравнения, метафоры и метонимии, реализуемые в высказываниях разной степени имплицитности и способствующие повышению релевантности рекламного сообщения.

Ключевые слова: рекламный дискурс, ландшафтный дискурс, когнитивный механизм, импликация, релевантность.

Специфика изучения рекламного дискурса состоит в интегративности исследовательских подходов, призванных учитывать разнородные формы репрезентации знаний, разноплановость передаваемой информации (ср.: [Григорьева 2020]), разнообразие рекламных обращений, «складывающихся в определенную жанровую систему» [Фещенко 2002: 25]. Наибольший интерес представляет эффективность воздействия рекламного дискурса, которая связана с принципами его организации (тематическим, субъектным,

интенциональным, этнокультурным) во взаимодействии с используемыми когнитивными механизмами, среди которых называют профилирование, сравнение, спецификацию, метафору и метонимию [Григорьева 2020]. Учитывая диалогичность дискурсивного процесса, считаем обоснованным принимать во внимание как вопросы «интерпретации знаний о мире при кодировании информации в языковой форме» [Беляевская 2016: 16] с позиции автора рекламного текста (ср. *Sprecher-Bedeutung* [Rolf 2013]), так и процессы декодирования и инференции, осуществляемые получателем на основе принципов кооперации и релевантности [Sperber, Wilson 2008; Rolf 2013].

Цель статьи – проанализировать способы когнитивного представления знаний о немецких ландшафтах, задействованные в немецком ландшафтном дискурсе рекламы, описать когнитивные механизмы, включающие семантические и прагматические импликации. Материалом исследования послужили рекламные тексты о немецких национальных парках, размещённые на сайтах о путешествиях (<https://www.reise.de/specials/nationalparks/deutschland>; <https://www.radiosaw.de/deutschlandsnationalparks>; <https://reisemagazin.reiseschein.de/nationalparks-deutschland/>).

Процессы семантизации и смыслопорождения в дискурсе включены в социальный контекст, поэтому при анализе мы оперируем следующими понятиями: понятие *практики*, включающее субъектов рекламного дискурса, коллективные установки, культурно-специфические нормы и конвенции, понятие *индексальности*, означающей, что «использование языка связано с социальными характеристиками людей . . . и с ожидаемыми от них действиями» и понятие *рефлексивности*, подразумевающее сопоставление действия с его осмыслением и описанием» [Чернявская 2021: 11–12]. Участниками рекламного дискурса о национальных парках Германии являются в качестве отправителей авторы размещённых на сайтах текстов, представляющие туристическую отрасль и нацеленные на привлечение возможно большего числа посетителей. Получатели – это массовый адресат, потенциально заинтересованный в путешествиях на природу и в получении новой информации о возможностях и выгодах подобных путешествий. К рекламной коммуникации вполне применима концепция релевантности [Sperber, Wilson 2008], согласно которой для достижения максимального когнитивного эффекта или «когнитивного вознаграждения» необходима максимизация релевантности поступающих данных. Представляется, что релевантность для получателей рекламы обеспечивается учётом их интересов, потребностей, способностей, ориентиров, жизненного и культурного опыта. Применительно к получателям рекламы о национальных парках речь идёт о потребностях в организации новых путешествий и разнообразного досуга на природе, способности оценить уникальность природных достопримечательностей, природное разнообразие, стремлении максимально разнообразить свой опыт общения с природой и по-

нимание важности природоохранных мер. Рекламодатели демонстрируют остенсивное языковое поведение, проявляя ясное намерение сделать явной возможность реализации потребностей адресата, вывода на поверхность текстовой структуры множество сигналов, позволяющих адресату сделать вывод о том, что данный парк стоит посетить. Обратимся к анализу аспектов поверхностной структуры рекламных текстов, продемонстрируем реализацию ряда когнитивных принципов (ср.: [Болдырев 2021: 97–103]) и функционирование семантических и прагматических импликаций.

В соответствии с тематическим принципом организации рекламных сообщений объектом исследуемого рекламного дискурса, представляемым рекламодателями, выступают национальные парки – обширные охраняемые природные территории с определёнными ландшафтными формами, флорой и фауной и возможностями их посещения. В языковом оформлении рекламных текстов тематика представлена единицами, вербализующими в немецком языке концепт LANDSCHAFT: названиями разнообразных ландшафтных форм регионов Германии (*Wattenmeer, Flussläufe, Felsformationen, Wälder, Seen- und Flusslandschaften, Bergbäche*), именами собственными географических реалий (*Sächsische Schweiz, der Schwarzwald, der Harz, der Brocken*), названиями типичных представителей флоры (*Fichten, Buchen, Tannen*) и фауны (*Luchse, Fledermäuse, Spechte, Wildkatzen, Rothirsche*). Фреймы «досуг / экскурсия на природе» реализуются в названиях предлагаемых экскурсионных программ и маршрутов и в глаголах одноимённого тематического поля (*Führungen, Wander- und Fahrradwege, Reitwege, Wildnispfade; bewundern, wandern, radfahren, erleben, beobachten, bestaunen*).

Максимизация релевантности достигается благодаря *профилированию* – выдвиганию говорящим на передний план тех характеристик концептов, которые, по мнению адресанта, наиболее полно выполняют его намерение [Григорьева 2020: 291]. На поверхности текста выдвигание обеспечивается комплексом семантических и синтаксических средств: номинацией, усилительными конструкциями, словообразовательными средствами, организацией коммуникативной перспективы предложения. В рекламном дискурсе о национальных парках профилируются многообразие ландшафтных форм (1) и способы организации досуга (2); уникальность природных достопримечательностей, включая уникальность флоры и фауны (3); интенсивность эмоциональных переживаний (4); связь особенностей ландшафта с культурой и историей страны (5):

(1) Die Vielfalt reicht vom Wattenmeer was fast die gesamte Nordseeküste umschließt bis hin zum Hochgebirgsnationalpark Berchtesgaden.

(2) Wandern, Radfahren, Langlauf und Schneeschuhwanderungen ergänzen die Möglichkeiten und sind bei Weitem noch nicht alles, was im Bayerischen Wald erlebt werden kann.

(3) *In diesem Gebiet wachsen die letzten verbliebenen Reste großer, unzerschnittener Buchenwälder ... Diesem Alleinstellungsmerkmal ist es auch zu verdanken, dass sich dort viele seltene Tierarten niedergelassen haben.*

(4) *Uralte Moore, Bachläufe und nicht zu vergessen der atemberaubende Brocken...*

(5) *Der Name Sächsische Schweiz kommt von zwei Schweizer Künstlern, die sich beim Anblick der Natur an ihre Heimat erinnert sahen.*

Когнитивная операция *сравнение* осуществляется в высказываниях, сравнивающих привлекательность немецких регионов с другими (6). При этом высказывание может обладать довольно высокой степенью имплицитности: содержать конвенциональную импликацию о том, что природа Америки или Австралии непременно произведёт впечатление на путешественника, экзистенциальную импликацию о существовании и в Германии такой природы, а также прагматические импликации о сложности организации и дороговизне далёких путешествий, что подтолкнёт получателя рекламы выбрать поездку именно по Германии:

(6) *Möchte man also beeindruckende Natur erleben, muss es nicht immer gleich in die USA oder nach Australien gehen.*

Гораздо чаще в рекламе адресант использует превосходную степень сравнения, подчёркивая исключительность рекламируемого парка, способного обеспечить исключительность переживаемого явления:

(7) *Was das Wattenmeer außerdem einzigartig macht ist das Phänomen von Ebbe und Flut, welches nirgends so intensiv erlebt werden kann wie am Wattenmeer.*

Когнитивные механизмы *метафоры* и *метонимии*, применяемые рекламодателями, позволяют создавать высказывания разной степени имплицитности, часто содержащие косвенную положительную оценку за счёт коннотативных значений и образности (10) и повышающие релевантность за счёт экспликации целей адресата (10, 8) и опоры на его жизненный опыт (11). Парки и ландшафтные формы могут персонифицироваться (9, 10), посетители – метонимизироваться (8).

(8) *Vom nördlichen Wattenmeer über einzigartige Flussläufe... bis hin zu urigen Wäldern im Süden ist alles vertreten, was Naturherzen höherschlagen lässt.*

(9) *Mitten in einer vielfältigen Berglandschaft thront der 1.141 Meter hohe Brocken als höchster Punkt des Nationalparks.*

(10) *Der Schwarzwald ist ein natürliches Abenteuer, das zahlreiche Impressionen verspricht.*

(11) *Die Wälder, Bergbäche und Gipfel können sich hier uneingeschränkt entfalten, wodurch jeder Besuch nur eine Momentaufnahme ist.*

Таким образом, когнитивные механизмы представления знаний способствуют организации рекламных высказываний адресантом и их понимание адресатом в соответствии с принципом релевантности. Адресант предполагает определённый набор потребностей адресата и выстраивает стратегию воздействия. Лингвокультурная специфика рекламных текстов о ландшафтах проявляется в особенностях словообразования, номинациях, импликациях культурной информации и коннотациях.

Литература

Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке и её основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 13 (752). С. 9–17.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Григорьева В. С. Рекламный дискурс через призму доминант его организации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 4. С. 283–297.

Феценко Л. Г. Структура рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2002.

Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Rolf E. Inferentielle Pragmatik. Zur Theorie der Sprecher-Bedeutung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2013.

Sperber D., Wilson D. A Deflationary account of metaphor // Gibbs, Jr., R. (Ed.). The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought (Cambridge Handbooks in Psychology). Cambridge: Cambridge University Press. 2008. P. 84–106.

E. V. Bepalova (Samara, Russia)
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev

GERMAN LANDSCAPE ADVERTISING DISCOURSE: COGNITIVE MECHANISMS AND IMPLICATIONS

The paper deals with ways of cognitive representation of knowledge about German landscapes in the advertising discourse devoted to German national parks. The cognitive mechanisms of profiling, comparison, metaphor and metonymy are considered, which are implemented in statements of varying degrees of implicitness and contribute to an increase in the relevance of an advertising message.

Key words: advertising discourse, landscape, cognitive mechanism, implication, relevance.

Н. В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
n.bogdanova@spbu.ru

ГИПЕРКОРРЕКЦИЯ, ИЛИ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ДИССОНАНС В РУССКОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ¹

В статье рассматривается гиперкоррекция как типичное явление устного дискурса, порождающее стилистический диссонанс, или «ошибки от усердия». Исследование выполнено на корпусном материале и затрагивает проблемы гипервежливости, конъюнкционализации, прагматикализации и некоторые другие. Результаты исследования могут быть полезны в различных прикладных аспектах лингвистики.

Ключевые слова: гиперкоррекция, стилистический диссонанс, речевой корпус, конъюнкционализация, прагматикализация, коллоквиалистика, категория вежливости.

Устный дискурс (УД) уже давно стал одним из наиболее актуальных и интересных объектов исследований. Лингвисты описывают его особенности на всех языковых уровнях, выявляют в нем новые единицы или новые коннотации старых, пытаются установить корреляции всех этих особенностей с типом текста (монолог – диалог), типом коммуникации (публичная – непубличная), типом речи (спонтанная/неподготовленная – квазиспонтанная / в той или иной степени подготовленная), с социальными ролями говорящих в акте коммуникации (симметричные – асимметричные), а также с социо- и психологическими характеристиками конкретного говорящего.

Материал устной речи оказывается тем шире и богаче, чем больше аспектов наблюдений над ним задействуют лингвисты. Поистине, чем дальше в лес, тем больше дров. Устный дискурс – это своего рода антипод шагреневой коже: чем больше его исследуют, тем больше возможностей для новых «открытий» он предоставляет.

Так, любопытным явлением УД следует признать *гиперкоррекцию*, которая возникает в ситуации, когда человек старается говорить лучше, грамотнее, чем в принципе способен. В результате появляются так называемые «ошибки от усердия», или просто некоторый стилистический диссонанс.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92563238 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Ср.: «В языкознании <...> гиперкорректность – следствие языковой неуверенности в попытке говорить “правильно”, используя более престижные формы. Гиперкоррекции могут подвергаться как написание, так и произношение слова, а также другие аспекты языка» [Википедия 2023]; в случае гиперкоррекции носитель языка привлекает в речь избыточные конструкции, стремясь «повысить статус» своей речи [LiveJournal 2023]. Попробуем очертить круг тех явлений УД, которые могли стать результатом гиперкоррекции.

Наиболее очевидными ситуациями такого рода являются случаи, когда вместо стилистически нейтрального слова говорящий избирает более высокое или книжное, что и создает стилистический диссонанс. Один хорошо знакомый мне человек, сохранивший школьные воспоминания о специфике спряжения глагола *хотеть*, но не уверенный, что правильно помнит эту специфику, вместо нейтрального *хочу / не хочу* (во всех формах) на всякий случай регулярно говорил *желаю / не желаю* (также во всех формах) и это выдавало невысокий уровень его *речевой компетенции* (УРК). Он же вместо *я устал* говорил *я уставши(й)*, снова используя форму, более свойственную книжной речи (здесь, впрочем, возможно и влияние ряда среднерусских говоров, в которых распространены подобные формы: *пришѣдши, ушѣдши, женивши*; но к этим говорам мой знакомый точно отношения не имел).

Заметим, что к гиперкоррекции можно отнести только необоснованный переход из нейтрального стиля речи в высокий (книжный). Переход на более низкую стилистическую ступень (например, использование в нейтральной литературной речи просторечия или жаргона), тоже свойственный людям с невысоким УРК, расценивается, скорее, как речевая ошибка, поскольку никак не связан с «усердием» и желанием говорить «красиво» («повысить статус» своей речи). Думается, что применительно к языку в целом в данном случае можно говорить о его *демократизации*, а применительно к конкретному говорящему – о *стилистической ошибке*.

Еще одним проявлением гиперкоррекции можно считать немотивированное использование в УД некоторых вводных слов. Прежде всего это относится к единицам *как говорится, так сказать и что называется*, призванным, согласно словарным дефинициям, смягчить какую-то формулировку или маркировать в речи что-то «нетривиальное»: пословицу, поговорку, идиому, прецедентный текст и т. п. [МАС 1985: 323; 1988: 101; 1986: 355]. Однако достаточно часто говорящие с невысоким УРК используют в своей речи эти единицы без всякой мотивации, вхолостую, в какой-то степени «для красного словца», и тогда они превращаются в так называемые *декоративы* (в лингвистическом обиходе – *никчемутивы*), ср. (примеры (1)–(5) – из корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД), см. о нем: [Русский язык... 2016; <https://ord.spbu.ru/>]):

1) ну // в принципе / я сейчас смотрю / потому что / как говорится / он всё-таки составлял два месяца назад;

2) там бывает там / так далее / *В ну (...) со мной / как бы () как говорится / намного легче в том плане / что я могу поворчать / но я всё равно это сделаю;

3) ну здорово / ну всё будет зависеть от моего так сказать нового графика;

4) это вот (э-э) / так сказать / (м-м) и есть те самые объекты;

5) по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется.

По многим примерам – (2), (4) – видно, что подобные декоративы часто оказываются в устной речи в выраженном хезитативном окружении (подчеркнуто), что и дало основания создателям словаря прагматических маркеров (ПМ) отнести их к классу *хезитативов* (о типологии русских ПМ и, в частности, о рассматриваемых единицах в роли ПМ см.: [ПМ 2021]).

Гиперкорректными можно признать и высказывания, содержащие избыточное этикетное слово *пожалуйста*, ср. (примеры (6)–(8) – из записей окружающей речи, в основном из общения студентов с преподавателем, в котором особенно хорошо видно их стремление говорить красиво и правильно):

6) *А можно официанта пожалуйста пригласить?*

7) *А вы не могли бы пожалуйста сказать страницу, я не могу найти;*

8) *Можете, пожалуйста, мне сигнализировать, когда Данил придёт на работу?*

Помимо гиперкорректности, такие употребления можно интерпретировать еще и как *гипервежливость*, или «новейшую русскую вежливость» [Высоцкая, Северская 2019: 225] – способ (прием) *речевого манипулирования*, который помогает адресанту в коммуникативном акте добиться желаемого результата (подробнее об этом явлении см.: [Ложкина 2022]).

В сферу гиперкоррекции попадают и многочисленные составные союзные средства, которые стали результатом *конъюнкционализации* (перехода знаменательных слов в союзы) и получили в лингвистике осторожные наименования «речевые коннекторы» (РК) или «скрепы» [Инькова 2021]. РК могут связывать предикативные единицы (или даже сверхфразовые единства) по типу как сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложений, ср. (примеры (9)–(14), помимо ОРД, извлечены еще из устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка [https://ruscorpora.ru/] и корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Звуковой корпус... 2013] – эти примеры специально атрибутированы):

9) но (...) джас и в общем (...) нормальный вход / ну нормальный в смысле того / что *Н он был крепкий;

10) (э-э) н... (у-у) ну нет! это я в том плане что / (э-э) хорошо / что там его тут же где-то кто-то там чего-то всё-таки повязали / *П ну / наверно рядом находящиеся сообразительные мужчины;

11) То есть они приносят туда [нрзб] / ну / селезня или утку / ну / с той целью / чтобы вот было доброе лето / уродился добрый урожай и так далее (УП);

12) Мне кажется / без этого сложно / с учетом того / что армия сейчас у нас на деньгах держится / то остается только одно / за идею (УП);

13) на самом деле / я бы очень хотела себя послушать // я думаю / что я на работе скину (...) на компьютер // а потом послушаю как я говорю // # а скинь у нас тоже / интересно знаешь посмеяться // ну **учитывая** / **что** там будут записаны / почти сутки;

14) то есть я не была занята ни кастрюлями ни магазинами это **единственно что** южный рынок покупала для души себе что хотела (САТ).

В приведенных контекстах также видно излишнее «усердие» говорящего, заменяющего простые союзы (*то есть, потому что, чтобы*) на «престижные» составные, которые, по его мнению, «повышают статус» его речи.

По-видимому, можно найти еще много других примеров гиперкоррекции в русском повседневном УД, но и уже приведенные с убедительностью показывают, во-первых, сколь многочисленны в нашей коммуникации явления такого рода. Во-вторых, практически все они зафиксированы только в научных статьях и не имеют лексикографического описания, тогда как, например, РК вполне способны пополнить реестр служебных единиц русского языка и нуждаются в детальном исследовании.

В-третьих, явления такого рода маркируют низкий УРК говорящего и могут служить диагностирующим признаком при речевой характеристике языковой личности. Наконец, в-четвертых, наблюдения над гиперкорректными образованиями в современной речи могут быть полезны не только в рамках коллоквиалистики (теории разговорной речи) и когнитивистики, но и во всех прикладных аспектах, включая лингводидактику, практику перевода или моделирование коммуникативного поведения носителя русского языка.

Литература

Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гиперкорректность> (дата обращения 10.01.2023).

Высоцкая И. В., Северская О. И. «Можно, пожалуйста, ...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 225–233.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

Инькова О. Ю. О понятии «текстовая скрепа» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 13–20.

Корпус «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru/>

Ложекينا В. А. МОЖНО ПОЖАЛУЙСТА: гиперкорректность и речевое манипулирование в молодежной речи // Психологические и социолингвистические исследования. 2022. № 10. С. 86–90.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык. Том I. А–Й, 1985. 699 с.; Том II. К–О, 1986. 736 с.; Том IV. С–Я, 1988.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016.

LiveJournal. URL: <https://dok-zlo.livejournal.com/2174333.html> (дата обращения: 15.01.2023).

N. V. Bogdanova-Beglarian
(St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

HYPERCORRECTION OR STYLISTIC DISSONANCE IN RUSSIAN ORAL DISCOURSE

The article considers overcorrection as a typical phenomenon of oral discourse that generates stylistic dissonance, or “errors from zeal”. The study is based on corpus material and touches upon the problems of the “new Russian politeness”, conjunctionalization, pragmatization and some others. The results of the study can be useful in various applied aspects of linguistics.

Key words: hypercorrection, stylistic dissonance, speech corpus, conjunctionalization, pragmatization, colloquialism, hyperpoliteness.

Л. А. Борботько (Москва, Россия)

Московский городской университет

ludmilaborbotko@gmail.com

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследование посвящено проблеме структурирования когнитивно-дискурсивной модели театрального дискурса, обладающего ансамблевым характером. Каждый отдельный элемент, интегрированный в общую канву и функционирующий синергично, представляет отдельный дискурсивный жанр.

Ключевые слова: театральный дискурс, когнитивно-дискурсивная модель, проксемическая модель, паратекст.

Театр как один из древнейших видов искусства, имеющий ритуальный характер, в процессе эволюции человеческого общества трансформируется из обрядового действия в событие, обладающее одновременно развлекательным, культууроформирующим и воздействующим потенциалом. К ключевым свойствам театральной коммуникации относятся ее комплексный характер, а также мозаичность, предполагающая большой набор обязательных элементов. Их функционирование регламентировано в силу каноничности, конвенциональности и ритуализованности театрального дискурса [Борботько 2014], обладающего «свойствами коммуникативного пространства, в рамках которого осуществляется опосредованное общение автора пьесы и зрителя в зале» с целью оказать»максимальное воздействие на потенциального адресата (зрителя)» [Zheltukhina 2017: 86].

В то же время театральный дискурс представляет собой синтетический феномен в силу возможности интегрировать иерархически выстроенные элементы, функционирующие синергично. Синергия структуры обозначенного типа дискурса обуславливает его ансамблевый характер – все звенья составляют единый ансамблевый комплекс [Киселев 2004: 188], при том, что каждый отдельный элемент представляет собой самостоятельный дискурсивный жанр, характеризующийся индивидуальной структурностью, многомерной соподчиненностью составляющих, образующих единую систему [Там же].

Театральная коммуникация реализуется как процесс соположения концептуальных пространств драматурга, режиссера, театрального коллектива, актерской труппы, критиков. Совокупное концептуальное пространство, формируемое профессионалами в области театральной коммуникации для воздействия на зрителей, пересекается с концепту-

альным пространством аудитории, результатом чего является успех или неуспех постановки.

Помимо составляющих, описанных выше, театральный дискурс включает в себя вспомогательный аппарат, систему ориентиров, функционирующих в параллели со спектаклем и имеющих прагматическую цель – представить зрителю необходимую информацию и дать «авторитетную оценку специалиста в конкретной предметной области» [Викулова 2012: 64]. Подобный вспомогательный аппарат, обрамляющий спектакль, составляет динамичную и функциональную систему – паратекст, включающую в себя перитекст (околотекстовые элементы) и эпитекст (затекстовые элементы) [Genette 2001]. Отметим, что затекстовый характер эпитекста обуславливает его непосредственное влияние на интерпретацию общего контекста.

Позиционируя театральную коммуникацию как систему взаимодействующих элементов, перейдём к построению модели театрального дискурса, эксплицирующей векторы пересечения коррелирующих концептуальных пространств – зрителей, драматурга, режиссера, коллектива, актеров, критиков и других, реализующихся на трёх уровнях восприятия сценического действия: формальном, ментальном языковом и ментальном неязыковом уровнях [Алесенкова 2019: 342]. Моделирование позволяет поставить «лингвистические вопросы в более широкую перспективу человеческого познания концептуальной организации, анализируя лингвистическую интерпретацию как когнитивный процесс» [Boldyrev 2020: 2]. Таким образом, моделирование театральной коммуникации представляет собой «комплексный многовекторный интерпретативный процесс, который можно представить в виде совокупности взаимосвязанных этапов» [Огнева 2022: 37], позволяющих реализовать принципиально важную задачу воздействия на зрителя.

Описываемую модель театральной коммуникации справедливо причислить к когнитивно-дискурсивным, что «обусловлено сферой функционирования дискурса и его типом» [Там же: 39].

В основании модели располагается драматург как создатель и инициатор информационного канала. Он создает текст, выполняющий функцию проксемной модели, впоследствии демонстрируемой актерским коллективом на сцене. Исходный драматургический текст берет в работу режиссер-постановщик, выступающий первым адресатом, ретранслирующим информационное сообщение уже в трансформированном виде далее по вектору адресации. Театральный коллектив (композитор, сценограф, декоратор и пр.) получает передаваемое сообщение, прошедшее первый экран преломления (драматург → режиссер), выступая, при этом,

адресатом-ретранслятором второго плана и также выставляя собственный экран преломления. Далее в работу включается актерская труппа, функционируя в качестве адресатов-ретрансляторов третьего плана. Экран, выставляемый актерами, обладает максимальным потенциалом преломления, поскольку зритель как квазиадресат, которому, тем не менее, направлен коммуникативный канал, воспринимает сообщение в той форме, в какой оно продемонстрировано на сцене актерским составом. Следовательно, режиссер-постановщик, театральные коллектив и актерская труппа формируют спектакль как полимодальную проксемическую модель, трансформируемую в процессе прохождения через точки, в которых выставлены экраны преломления. В совокупности драматургический текст, который ложится в основу спектакля, режиссерская работа, вовлечение театрального коллектива и актерской труппы, а также зрители, без которых невозможно существование театрального дискурса как такового, формируют проксемическую модель *Teatr*.

Уточним, что помимо ключевых составляющих, имеющих отношение к непосредственной реализации постановки на сцене театра, модель *Teatr* также включает элементы, сопровождающие спектакль, в частности, театральная программа и билет. Они являются полимодальными и поликодовыми компонентами, функционирующими в корреляции с конкретной постановкой и содержащими информацию в виде перитекста: заголовок / название, обозначения действий и сцен, либретто, список действующих лиц и исполнителей, место в зрительном зале, дата показа, цена. Будучи интродуцированными в театральное пространство, обозначенные элементы представляют собой звенья единой семиотической цепи, созданной для реализации спектакля на сцене.

Помимо обозначенных перитекстов, сопровождающий вспомогательный аппарат спектакля включает также те единицы, которые находятся за пределами театральной постановки, расширяя, при этом, изначальную дихотомию театрального пространства – пространства сцены и зрительного зала. Так, в полепроксемической модели *Teatr* встраиваются модели театральной рецензии, зрительских откликов, пресс-обзоров. Модели рецензии и откликов являются персонифицированными онтологически. Пресс-обзор нацелен на передачу фактологической информации, однако, в некоторых случаях текст реализует продвигающую и рекламную функцию. Отметим, что рецензия и обзор, в отличие от отзывов, создаются профессионалами в области театрального искусства, что обуславливает траекторию вектора адресации – профессиональные читатели, любители, широкая публика.

Другими элементами эпитекта, стоящими одновременно обособленно от спектакля как центрального элемента описываемой коммуникативно-

когнитивной системы и непосредственно воздействующими на него, являются афиша и флаер / рекламный буклет. Описываемые эпитекстуальные конструкты являются полимодальными, поликодовыми персонифицированными моделями, выполняющими информационную и рекламную функцию.

Отдельно стоит рассмотреть сайт театра. В большинстве случаев сайт как полимодальный поликодовый конструкт работает в корреляции с театром, имеющим широкий репертуар, поэтому его справедливо причислить к гипертекстам. Тем не менее, если сайт создается для конкретного спектакля (антреприза, мюзикл, не включенный в постоянный репертуар), то очевидным становится его эпитекстуальный формат.

Таким образом, представленная когнитивно-дискурсивная модель представляет собой совокупность конструктов, функционирующих интегративно для реализации определенного когнитивного кода в контексте конкретного типа дискурса – театрального.

Литература

Алесенкова В. Н. Когнитивное театроведение как опыт анализа ментальных процессов в контексте постдраматического театра // Манускрипт. 2019. № 11. С. 341–345.

Борботько Л. А. Категории театрального дискурса как институционального образования // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 3(23). С. 113–122.

Виколова Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор – издатель – читатель» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 63–69.

Киселев В. С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 184–190.

Огнева Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37–49.

Boldyrev N. N. The interpretive dominant in the cognitive theory of language // Philological Readings. 2020. Vol 83. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. P. 1–8.

Genette G. Paratexts: Thresholds of interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Zheltukhina M., Vikulova L., Mikhaylova S., Borbotko L. & Masalimova A. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm // XLinguae. 2017. 10. P. 85–100.

*L. A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University*

COGNITIVE-DISCURSIVE MODEL OF THEATRICAL COMMUNICATION

The research attempts to study the issue of designing the cognitive-discursive model of theatrical discourse, which appears to possess an ensemble character. Each individual element integrated into the general framework and functioning synergistically represents a separate discursive genre.

Key words: theatrical discourse, cognitive-discursive model, proxemic model, paratext.

*Е. А. Бочарникова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный
технический университет
Bocharnikova2006@bk.ru*

ДИСКУРС ПСИХОЛОГИИ И ДИСКУРС МЕДИЦИНЫ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи знаний психологического и медицинского дискурсов и описанию некоторых особенностей интегрированного знания. С позиций контекстуального, дефиниционного, семантического и концептуального типов анализа осуществлен анализ примера, который позволил выявить возможность порождения нового знания или видоизменения существующего в результате информационного синтеза данных дискурса психологии и медицины.

Ключевые слова: дискурс, медицинский, психология, знание, концепт, концептуализация, репрезентация.

Во второй половине XXI века проблема пересечения разных типов дискурса обретает интерес у многих ученых, являясь одним из важнейших и весьма перспективных исследовательских объектов в области наук о человеке.

Стремление наук к интеграции в попытках описать и объяснить усложняющиеся вопросы современности приводит к мобилизации познавательных «усилий» дисциплин, имеющих общий объект исследования.

Таковыми дисциплинами выступают, например, медицина и психология, изучающие человека с точки зрения его психического и соматического состояния.

Рассмотрим фрагмент из книги английского психолога Брюса Худа “The Self Illusion”/ «Иллюзия “Я”»:

*We like to laugh and make others laugh. Not only does laughter have a multitude of benefits in terms of coping with **stress and illness**, but it works to bind individuals together in social coalitions. It is a deep emotional response activated by the emotional regions of the amygdala and associated **brain networks**, but it operates in conjunction with higher order processes related to social cognition – thinking about others... Multiple **sclerosis, strokes, Alzheimer’s disease, Parkinson’s disease and other forms of brain lesions** can damage the communications between different parts of the brain that control social behavior.*

В данном фрагменте, взятом из текста по психологии, автор, репрезентируя концепт психологии laughter (СМEX), рассуждает о свойствах данного явления, характерных для членов сообщества и способных оказывать определенное влияние на их миро- и самоощущение. Говоря о том, что LAUGHTER (СМEX) – это эмоциональная реакция, проявление которой отражается на психическом состоянии человека, оказывая также воздействие на его соматику, автор косвенно представляет знания области медицинского дискурса, имплицитно восходящий к нему концепт LAUGHTER THERAPY (СМЕХОТЕРАПИЯ).

Отметим, что термины «концепт» и «понятие» в данной работе отождествляются, поскольку мы рассматриваем в основном научные концепты, а понятия и концепты отличаются лишь тем, как утверждают ученые, что понятия содержат «наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики» (см., например: [Болдырев 2014: 53]).

Дискурс же, вслед за Е. С. Кубряковой, мы понимаем не только как сложное коммуникативное явление, результатом которого является создание текста, но и феномен, отражающий зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств [Кубрякова 2000].

Обращаясь к словарю медицинских терминов, находим следующее определение термина “laughter therapy” («смехотерапия») – “*therapeutic use of humor and laughter to improve emotional wellbeing and health*” [PD]/ «*терапевтическое применение юмора с целью улучшения эмоционального состояния и здоровья*». Выделенные нами характеристики явно указывают на содержащееся знание медицинского характера.

Интересно, что концепт LAUGHTER (СМEX), содержащийся в названии направления медицины “laughter therapy” («смехотерапия»), изначально относится к дискурсу психологии, о чем свидетельствует

включение данного понятия в содержание специализированного источника: “*laughter a vocalization used to express joy, happiness or amusement, created by the rapid contraction and relaxation of the stomach and through breathing*” [MDO], к тому же в данном определении имеется отсылка к анатомическому дискурсу (выраженная лексемами “*stomach*” и “*breathing*”), входящему в состав медицинского дискурса, что, на наш взгляд, раскрывает тесную взаимосвязь дискурса психологии и медицины, признание которой в данном случае позволяет понять последствия определенных физиологических проявлений.

Эксплицитно выраженный основной термин медицинского дискурса “*illness*” («болезнь»), используемый в контексте исследуемого фрагмента психологической литературы, напрямую сообщает о целительных способностях смеха и роли последнего в процессе социализации и получении желаемого самоощущения от нахождения в обществе.

Медицинский дискурс осуществляется в социальной среде, в связи с этим актуализация в анализируемом фрагменте психологического текста также и знаний из области социологического дискурса представляется неслучайной. Лексические единицы “*social coalitions*” и “*willingness to be members of the group*”, репрезентирующие знания из области социологии, как раз указывают на интегрирующее свойство смеха, указывая на способность людей шутить и смеяться над собой (т. е., проявлять себя в обществе), реализуя данную способность быстро и легко адаптироваться в новой ситуации, в другом сообществе.

Иную сторону смеха раскрывает насыщенный негативным смыслом глагол «to ostracize», употребляя который, автор показывает, что посредством юмора люди могут разобщаться, исключаться из общения, при чем довольно жестоким образом.

Примечательно также использование автором знаний из области нейробиологии, о чем свидетельствует объективация таких понятий данной научной области, как: “*brain networks*” и “*brain regions parts of the brain*”, “*amygdala*”. Обращаясь к этим понятиям, автор сообщает о том, что нарушения, вызывающие сбои в работе связей разных частей мозга, способствуют появлению болезненных состояний. Автор называет такие заболевания, как: “*sclerosis*”/»*расеянный склероз*», “*stroke*”/»*инсульт*», “*Alzheimer’s disease*”/»*болезнь Альцгеймера*», “*Parkinson’s disease*”/»*болезнь Паркинсона*» и “*and other forms of brain lesion*”/»*другие формы поражения головного мозга*» как следствие дисфункции отделов мозга, связанных со смехом. Без обращения к этим понятиям было бы невозможно передать знание о том, что это индивидуальные концепты, представленные прецедентными именами.

Таким образом, в результате привлечения знаний медицинского дискурса, реализованных в психологическом тексте через использование лексических единиц, соотносящихся с указанными выше концептами, восходящими к области знания медицины, описываемый автором концепт психологии LAUGHTER (СМEX) «обрастает» характеристиками, которые невозможно выявить, интерпретируя данное понятие исключительно с точки зрения психологии. Таким образом, смех, являясь, в первую очередь, явлением физиологического характера, имеет свойства, применимые в медицине, однако выявить данный факт удалось в результате исследования содержания фрагмента психологического текста.

Анализ представленного фрагмента позволяет сделать вывод о том, что понятие LAUGHTER (СМEX), являясь составляющей дискурса психологии, имеет свойства, применимые в медицине. Представленный фрагмент является одним из многочисленных примеров, демонстрирующих факты синтеза знаний из области психологии и медицины, которые встречаются не только в психологической и медицинской литературе, но и в других типах дискурса, где знания этих дискурсов, возможно, представленные в комбинации, используются в ходе получения знания другой науки, предметом изучения которой также является человек и его жизнедеятельность.

Отметим также, что, помимо медицинских знаний, заимствованных автором данного отрывка психологического текста, в процессе формирования понятия LAUGHTER (СМEX), как мы убедились из выше представленного анализа, автором привлекаются сведения социологического дискурса и дискурса нейробиологии, также способствующие формированию более полной и всесторонней репрезентации концепта посредством «снабжения» его концептуального поля теми признаками, которые релевантны для данного концепта в конкретном когнитивном поле и в пределах концептуальных пространств соответствующих дискурсов.

Данное исследование, проведенное с позиций когнитивной лингвистики, не только позволило установить точки пересечения дискурсов психологии и медицины, но и в ходе проведения контекстуального, дефиниционного, семантического и концептуального типов анализа наметило пути возможного применения результатов соучастия данных дискурсов как для области психологии, так и для области медицинской науки.

Изучение проблемы взаимопроникновения дискурсов, таким образом, в целом может быть ключом к нахождению новых идей и появлению знаний, которые позволят по-другому увидеть проблему и определить более эффективные способы ее решения. Данное утверждение, на наш взгляд, применимо не только к медицинскому и психологическому типам дискурса, но также может дать свои плоды в результате изучения взаимодействия других типов дискурсов.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН. 2000. С. 7–25.

Hood B. *The Self Illusion*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

PD – Psychology Dictionary. Laughter. URL: <https://psychologydictionary.org/laughter> (дата обращения: 21.10.2022).

MDO – Medical Dictionary Online. Laughter-therapy. URL: <https://www.online-medical-dictionary.org/definitions-l/laughter-therapy.html> (дата обращения: 21.10.2022).

E. A. Bocharnikova (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Technical University

THE DISCOURSE OF PSYCHOLOGY AND THE DISCOURSE OF MEDICINE: INTERSECTION POINTS

The article is devoted to the study of the relationship between the knowledge of psychological and medical discourses and the description of some features of integrated knowledge. From the standpoint of contextual, definitional, semantic and conceptual types of analysis, the analysis of an example is carried out. It appeared possible to identify the possibility of generating new knowledge or modifying the existing knowledge as a result of the informational synthesis of psychological and medical data.

Key words: discourse, medical, psychology, knowledge, concept, conceptualization, representation.

O. V. Bronnikova, A. S. Samofalova

(Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
o.v.bronnikova@utmn.ru, a.s.samofalova@utmn.ru*

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ТАКТИК В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлена попытка определения нейрофизиологических оснований дискурсивных тактик в рекламном дискурсе. На основе рекламных постов термального курорта «Баден-Баден» термы Уктус в социальной сети ВКонтакте рассматриваются

способы языковой апелляции к потребностям человека как врожденным поведенческим программам.

Ключевые слова: нейрофизиология, дискурсивные тактики, рекламный дискурс, социальная сеть ВКонтакте, термальный курорт.

Когнитивная лингвистика изучает язык как способ видения мира человеком, как средство концептуализации действительности. Она фокусируется на общих принципах категоризации и механизмах обработки информации. Когнитивистика базируется на обязательствах, которые предполагают привлечение данных смежных наук, поскольку существует необходимость объяснения языковых процессов в тесной связи со знаниями о разуме и особенностях функционирования человеческого мозга. Исследования последних лет отталкиваются от понимания когниции как единства четырех «Е» (embodied, embedded, enacted and extended). Когниция не существует вне телесного опыта, происходит в контексте реальной действительности (в рамках внутреннего мира человека и того, что его окружает) и неотделима от концептуального содержания сознания [Бронникова 2017: 23–24]. Язык и языковая интерпретация являются единственно надежным способом доступа к сознанию [Болдырев 2014: 21–22]. Таким образом, языковая интерпретация основана на сенсорной перцепции и переработке общего социокультурного знания и индивидуального опыта человека [Бронникова 2017: 27–29].

Указанные предпосылки позволяют нам обратиться к исследованиям в области нейрофизиологии для установления физиологической основы функционирования дискурсивных тактик в рекламном дискурсе. Мы предполагаем, что это даст возможность понять, что может повлиять на эффективность использования дискурсивных тактик. Так, академик П. В. Симонов полагает, что «будучи органом психики и организации поведения, мозг предстает перед нами как мотивированный мозг, побуждаемый к деятельности многообразными потребностями живого организма. Потребность – это специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем в окружающем мире. Сохранение и развитие человека – проявление этой силы, возможные лишь потому, что в мире существуют предметы его влечений «как не зависящие от него предметы; но эти предметы суть предметы его потребностей; ...существенный для проявления и утверждения его сущностных сил предметы» [Симонов 1987: 11–12].

П. В. Симонов предложил разделить биологические потребности на 3 группы, каждая из которых обеспечивается работой особых нервных клеток внутри головного мозга – чаще в его глубоких структурах, важней-

шей из которых является гипоталамус как главный «центр бессознательного» [Симонов 2004]. Выделяются следующие поведенческие программы (потребности): 1) витальные («жизненно необходимые»); 2) социальные (связанные с «внутривидовым взаимодействием»); 3) программы саморазвития («направлены в будущее»): подражание («делай как я»), «программы свободы», игровые (тренировка двигательных и социальных навыков), исследовательская программа, в том числе связанная с творчеством и новизной. Третий блок поведенческих программ связан с адаптацией организма к окружающему миру и постоянной настройкой на изменения. Он включает исследовательское поведение (ориентировочный рефлекс, поисковое поведение, манипуляции с предметами, активизацию речевых центров) и творчество, постоянный поиск новой информации и новизны. Удовлетворение этих потребностей ведет к выработке гормона «счастья» – дофамина, который выделяется в среднем мозге и отвечает за формирование положительного эмоционального фона. Таким образом, мозг стремится зафиксировать положительный опыт и воспроизвести его в будущем, чтобы повысить уровень дофамина [Там же].

Поскольку язык является продолжением органов чувств [Кравченко 2015: 577–578] и активизируется в речевых центрах головного мозга (информационно-речевая модель мира) [Дубынин 2022], мы предполагаем, что возможно активизировать указанные центры потребностей с помощью языковых средств, и, соответственно, повлиять на решения, принимаемые человеком, в данном случае сделать выбор в пользу термального курорта. В этой связи учет знаний о нейрофизиологических врожденных потребностях играет первостепенную роль при выстраивании дискурсивных тактик. Проанализировав рекламные посты в социальной сети ВКонтакте, мы выделили ряд дискурсивных тактик (далее ДТ): ДТ обращения к сенсорному восприятию органами чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, тактильные ощущения): *Праздники закончились, а вкусно кушать можно всегда! Баден-Баден – это любовь с первой вилки. Сосны под снежными шапками, теплое мерцание фонарей на крышах домов, поднимающийся пар над бассейном по близости – термальная сказка особенно греет душу в череду Новогодних праздников*; ДТ заботы (забота о психическом и физиологическом здоровье клиентов): *У нас есть свой рецепт спокойствия: 1. Мы соблюдаем информационную гигиену, стараемся больше общаться с родными и друзьями, чей позитив нас заряжает, как и улыбки гостей. 2. Не забываем и про физические нагрузки: занимаемся спортом в свободное время, на работе также проявляем активность в делах. 3. И, что очень важно, мы стараемся больше отдыхать. И вам советуем!* (подражание – «делай как мы!»); *Только спокойствие. Для тех, кто этой осенью перепробовал все способы успокоения*

и расслабления, у нас есть еще один – СПА отдых в Баден-Баден. Новые специалисты, новые техники процедур, новые ощущения. Отдых, дарящий покой и умиротворение, ждет вас (экономия сил), ДТ эмотивного воздействия (обращение к эмоциям и активизация положительных эмоций): **Как прошли Новогодние праздники – можно понять по количеству набранных килограммов. Но не только! Еще по количеству эндорфинов от гастрономических удовольствий и красивых фотокарточек застольев.** Данные ДТ активизируют витальные поведенческие программы.

ДТ уникальности (указание на исключительность термального курорта на Урале): **А разве можно сегодня представить Екатеринбург без терм на Уктусе? Сложно! А ведь до 27 декабря 2018 года мы не знали, что это за счастье – иметь термальный курорт в своем городе!**; ДТ семейных ценностей: **Желаем вам в этот день хорошо отдохнуть в теплой обстановке, улыбок родных лиц вокруг, и пусть на душе будет тепло!**; И самого большого термального бассейна Екатеринбурга мало, **чтобы сравнить его с размером безграничной любви к маме!**; ДТ дружелюбности: **Огромная горячая благодарность всем нашим гостям: спасибо, что с нами! Будем рады вашим теплым словам** в комментариях. Выделенные ДТ апеллируют к социальным потребностям, а именно: детско-родительское взаимодействие; иерархия (лидеры и подчиненные, статус, уникальность); территориальные (чувство собственности).

ДТ челленджа (активизация игровой деятельности, геймификация): **Чем активнее вы, тем больше шансы на победу! Не проплывайте мимо; Кто первым угадает, какие 2 из этих фактов – всего лишь выдумка, а какие 3 – чистая правда, тот получит в подарок блюдо от шефа;** ДТ изобилия (указание на большое разнообразие услуг): **В термах на Уктусе 12 саун, и одна удивительнее другой: римский хамам, финская сауна, между ними – новая автобусная парная; В Бадене всего много и сразу: тепла, радости и удовольствий;** ДТ присоединения (отсылка к известным фильмам, крылатым выражениям, знаменитым людям, другим развлекательным заведениям и т. д.): **Один в термах. Проснуться в Баден-Баден и понять, что ты совсем один на всем курорте? Вот это приключение! Хочешь – коктейль, хочешь – в любую баню, и плавай, сколько хочешь! Размечтались мы... А вы?** (отсылка к фильму «Один дома»: программа свободы). Данные ДТ обращаются к программам саморазвития, которые включают программу новизны и исследовательской деятельности. Они побуждают человека «собирать» новую информацию и получать в ответ выброс дофамина. Эти дискурсивные тактики также задействуют «игровую» программу, связанную с тренировкой двигательных и социальных навыков, программу подражание («делай как я») и свободы.

При анализе примеров было установлено, что одна ДТ одновременно обращается к нескольким видам биологических потребностей, что способствует формированию целостного образа окружающей действительности: *В Бадене всего много и сразу: тепла, радости и удовольствий* (ДТ избылиия, обращения к сенсорному восприятию и эмотивного воздействия). Кроме того, было установлено, что постоянно используются одни и те же дискурсивные тактики. Это дает возможность закрепить необходимую информацию в долговременной памяти, активизировать зону лобной коры (потребностно-мотивационную) и сформировать более устойчивые связи, которые позволяют влиять на информационно-речевую модель как второй важнейший компонент личности человека [Дубынин 2022].

Во всех дискурсивных тактиках доминирует положительно окрашенная лексика (*удивительнее, благодарность, хорошо, тепло, счастье, улыбок и др.*), что увеличивает дофаминовое подкрепление и объем знаний в долговременной памяти. Данному процессу способствует, в том числе регулярное размещение постов, указание на постоянно обновляющийся ассортимент услуг, блюд в ресторане, перечень мероприятий и т. д.

Таким образом, чтобы привлечь внимание клиентов, необходимо активно публиковать новые посты, грамотно используя дискурсивные тактики, которые апеллируют к максимально возможному количеству врожденных поведенческих программ и вербализуются разнообразными языковыми средствами.

Литература

Баден-Баден термы Уктус – официальная страница термального курорта «Баден-Баден» в Вконтакте. URL: <https://vk.com/badenuktus> (дата обращения: 22.01.2023).

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Бронникова О. В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2017.

Дубынин В. А. Нейрофизиология искушений и воля, 2022. URL: https://vk.com/video-17993183_456239543 (дата обращения: 10.12.2022).

Кравченко А. В. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 574–594.

Симонов П. В. Избранные труды: [В 2 т.]. Т. 1: Мозг. Эмоции. Потребности. Поведение / отв. ред. И. А. Шевелёв. М.: Наука, 2004.

Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.

O. V. Bronnikova, A. S. Samofalova

(Tyumen, Russia)

University of Tyumen

NEUROPHYSIOLOGICAL BASIS FOR DISCURSIVE TACTICS IN ADVERTISING DISCOURSE

The article presents an attempt to determine a neurophysiological basis for discursive tactics in advertising discourse. We assert that linguistic means can appeal to inborn behavioral programs and may have a positive impact on the effectiveness of advertising posts in the social network VKontakte.

Key words: neurophysiology, discursive tactics, advertising discourse, social network VKontakte, thermal resort.

M. B. Велентеенко (*Сургут, Россия*)

Сургутский государственный университет,

masha141194@mail.ru

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ПРОБЛЕМАМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ США В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ МЕДИА ДИСКУРСЕ

Анализ высказываний зрителей канала CNN помог выявить главную, по мнению граждан, проблему системы здравоохранения США – высокие цены на медицинское обслуживание. Удалось выяснить, что метафоры, выражающие недовольство граждан проблемами системы здравоохранения чаще всего восходят к таким концептам, как СТРАДАНИЕ и СМЕРТЬ.

Ключевые слова: метафора, когнитивная наука, система здравоохранения США, медиа дискурс.

Метафора занимала и занимает умы многих ученых, философов и лингвистов. Вся древняя история человечества – это метафорические ритуалы, в том числе борьбы со страхом и стихийными бедствиями.

По мнению А. П. Чудинова, метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления [Чудинов 2001: 6]. Метафора стала объектом изучения ряда смежных и несмежных наук – риторики, философии, психологии, психоанализа, герменевтики, математики, информационных технологий и когнитивной лингвистики.

Метафора – нечто большее, чем способ восприятия и описания опыта. Это призма, через которую складывается и проецируется картина мира человека и его восприятие окружающей действительности. При помощи метафоры человек выражает свой опыт. В связи с этим метафора может использоваться как один из важнейших инструментов познания мышления человека и воздействия на его восприятие, опыт и поведение.

Понятие когнитивной науки трактуется многими учёными по-разному: наука о человеческом мозге, о сознании человека; наука, объясняющая и описывающая системы, обеспечивающие обработку информации; наука, занимающаяся познавательными процессами и тем, как протекают эти самые познавательные и мыслительные процессы в голове человека [Болдырев 2014: 2].

По мнению Р. Шепарда, *когнитивная наука* – это наука о системах представления знаний и получения информации. По мнению Е. С. Кубряковой – наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами [Кубрякова 2004: 5]. Когнитивная лингвистика отвечает на те же вопросы, что и когнитивная наука, только в связи с языком.

В своих трудах Н. Д. Арутюнова подчёркивает, что основное значение *когнитивной метафоры* заключается в создании новых значений. Метафора превращается в способ *формирования недостающих языку значений*, более не являясь средством создания образа [Арутюнова 1978: 1].

Метафора глубоко укоренилась во всех сферах жизни человека. Медицина и система здравоохранения – не исключения. В странах с устойчивыми политическими системами и непереходной экономикой принято выделять 5 устойчиво функционирующих моделей здравоохранения.

Система здравоохранения США принадлежит к модели здравоохранения с государственным регулированием программ обязательного медицинского страхования для отдельных категорий граждан. Основные источники финансирования такой системы – личные средства граждан и прибыль юридических лиц [Медик 2009: 4]. С положительной стороны систему характеризуют широкий выбор учреждений и врачей, их высокий доход и государственная поддержка отдельных категорий граждан.

К негативным аспектам относятся высокая стоимость медицинских услуг и ограниченная доступность медицинской помощи для широких слоёв населения, неэффективное использование ресурсов, недостаточное внимание к помощи на дому и профилактике заболеваний, гипердиагностика, проведение дорогостоящих процедур и вмешательств без достаточных на то медицинских показаний, нерегулируемое ценообразование услуг.

В своём исследовании американские врачи Рене Й. Хсиа и Стефани Загоров пришли к выводу, что медицинские услуги США, даже те, ко-

торые относятся к неотложной медицинской помощи, не удовлетворяют потребности общества, а скорее носят чисто коммерческий характер [Hsia 2022: 8].

Медиа дискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская 2015: 3]. Медиа дискурс определяет содержание информационного поля, где ведущие программ становятся инфлюенсерами общественного мнения.

На примере метафор мы рассмотрим, как население США относится к проблемам здравоохранения и выражает своё отношение к ним в социальной сети *YouTube*. Нами было проанализировано 234 комментария и ответы других пользователей к этим комментариям под видео на канале CNN ‘*This is why US health care is so expensive*’.

TegridyFarmer: People could afford to eat better if they were not **drowning in student load debt and medical bills**. Люди могли бы позволить себе питаться лучше, если бы не **тонули в долгах за учебу и медицинских счетах**, – утверждает автор комментария, проводя параллель между смертью и ценами на медицинские услуги, сравнивая их с рекой, водоворотом, в котором гибнет утопающий.

Kim Andre Skogstrand: [...] You can’t put band aid on cancer, and the **cancer in your system is the private for profit model**. You can’t make an «adjustment» to get around a problem, when **that problem is the very core, the spine that the entire industry is build upon**. [...] Систему медицинского обслуживания ассоциируют с **раковой опухолью** на теле населения, а проблема с завышенными ценами на услуги – с **сердцевиной, стержнем**, то есть центральной в системе здравоохранения США.

Jeff Smith: A lot of us know **its tanking** and has been for quite a while. В американском английском глагол ‘tank’ означает **проигрыш, поражение**. Пользуясь глагольной метафорой, Джефф указывает на неэффективность системы здравоохранения.

Raging Monk: [...] At the end of the **three day ordeal** they found out her calcium and magnesium was low. [...] Автор сравнивает лечение своей дочери с трёх-дневным **испытанием**, что также выражает недовольство и разочарование пациента в оказанных ему услугах.

bigike1313: We need single payer, the patient. [...] Not the **predatory pricing model** we have now [...] Метафора **хищническая модель ценообразования** приравнивает граждан к добыче, отсылает к миру животных, что также говорит о том, что высокие цены ассоциируются у населения не только с недоступностью получения медицинских услуг, но и со смертью.

Fleur Bandito: Our corporate owned government allows private insurance company monopolies and pharmaceutical **price-gouging**. В американском английском глагол ‘gouge’ означает завышение цен обманным путём. Такая метафорическая характеристика завышения цен говорит об утрате автором доверия к ценообразованию.

Dave: [...] It ultimately **boils down** to big (inefficient) government (aka, FDA) that makes it expensive. I think if you shorten the time to approval, you will have cheaper drugs/healthcare. Метафора **свести к** (дословно – «уварить») ещё раз подчёркивает тот факт, что говорящие считают главной проблемой высокие цены на медицинские услуги, а причиной такого ценообразования – действия государства.

Jeremy P: [...] in PH they are not allowed **to milk the insurance**. Автор данного комментария уточняет, что в Филиппинах, в отличие от США, нельзя **доить** людей по страховке. В данном случае автор сравнивает человека с дойной коровой, а государство – с хозяином. Это означает, что автор комментария не доверяет своему государству, а цены на медицинское обслуживание считает необоснованно завышенными.

Harvey Thompson: Don't blame capitalism. The private market has always been better at distributing goods and services than the government. Blame **lobbying** and **crony capitalism** and people that mislead you that it's the free market that's the problem when it's their own **greedy pockets**. Such as Cory Booker.

Автор данного комментария не только осуждает стратегии ценообразования, называя ответственных в этом, по его мнению, **жадными карманами**, но и считает, что причиной этому стали **лоббирование** – вид деятельности, заключающийся в воздействии со стороны представителей государственных и негосударственных организаций на международные организации и объединения с целью добиться принятия ими определённых решений и создания **клановости в капитализме**.

Henry Jacobsen: Is it good just **to throw** all medical bills **in the garbage**? Автор данного комментария делает отсылку к ещё одной немаловажной проблеме системы здравоохранения – гипердиагностике. Генри задаёт риторический вопрос «Это нормально **выкидывать** все счета на оплату медицинских услуг **в мусорное ведро**?»

First name Last name: Why is it so expensive? Because government is involved... anything they touch **skyrockets the price**. Think housing, education, and insurance. Автор данного комментария находит причину завышенных цен в причастности государства, говоря, что «все, к чему они прикасаются, **взлетает в цене до небес**. Подумайте о жилье, образовании и страховании».

LostInTranslation: Nice attempt at **gaslighting** Автор следующего комментария называет призыв-решение проблемы дороговизны медицинских

услуг в видео (ведущий призывает население «начать с себя» и правильно питаться) *газлайтингом* – формой психологического насилия и социального паразитизма, главной задачей которого является заставить человека мучиться и сомневаться в адекватности своего восприятия окружающей действительности через постоянные обвинения и запугивания.

FRAIL-T: It is absolutely amazing how many people can't see the obvious. It is precisely the fact that the Government has *its hands in it that* it is so expensive. [...] Правительство *приложило к этому руку*, – утверждает автор данного комментария, – поэтому это (медицинские услуги) так дорого.

Radwulf Eboraci: Sorry Sanjay, your problem is *everybody in the chain is looking to make a PROFIT* from your pain. *Redundancy* and *greed at all levels*. [...] Автор данного комментария считает, что «*всем нужна только прибыль*», обвиняя ответственных в «*излишестве*» и «*жадности на всех уровнях*».

Подводя итог, можно отметить, что центральной проблемой системы здравоохранения – *сердцевинной* – граждане США видят высокие цены на медицинские услуги. В то время как сама проблема высокого ценообразования осмысливается высказавшимися через метафоры, восходящие к концептам СТРАДАНИЕ и СМЕРТЬ.

Литература

Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37, № 4. С. 333–343.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014.

Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 45–56. URL: <https://medialing.ru/massmedijnnyj-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki/>

Медик В. А., Юрьев В. К. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. М.: Професионал, 2009.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2001.

CNN. This is why US health care is so expensive. URL: <https://youtu.be/wO-DADzX59w>

Hsia R. Y., Zagorov S. Structural discrimination in emergency care: How a sick system affects us all. Med (N. Y.), 2022. February 11; 3 (2): 98–103.

*M. V. Velenteenko (Surgut, Russia)
Surgut State University*

**METAPHOR AS THE WAY OF EXPRESSING
THE ATTITUDE OF THE POPULATION
TO THE PROBLEMS OF US HEALTH CARE
IN NON-INSTITUTIONAL MEDIA DISCOURSE**

Analysis of the statements of CNN viewers helped to identify the main problem of the US healthcare system according to citizens – high prices for medical care. It was found out that metaphors expressing citizens' dissatisfaction with the problems of the healthcare system most often go back to the concepts of SUFFERING and DEATH.

Key words: metaphor, cognitive science, US healthcare, media discourse.

*M. С. Гринева (Калуга, Россия)
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского
GrinevaMS@tksu.ru*

**МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДСТВА
КОНТРОЛЯ ПОНИМАНИЯ
В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена изучению метакоммуникативных высказываний практического психолога, направленных на контроль взаимопонимания с клиентом в психологической консультации. По данным анализа 145 транскриптов психологических консультаций установлено, что психолог использует два типа метакоммуникативных высказываний: констатирующие наличие или отсутствие понимания и устанавливающие понимание / предотвращающие непонимание.

Ключевые слова: метакоммуникация, метакоммуникативное высказывание, понимание, профессиональный дискурс, психотерапевтический дискурс, психологическая консультация.

Метакоммуникация играет значительную роль в институционально-профессиональных дискурсах, связанных с оказанием человеку квалифицированной помощи (медицинском, педагогическом, психотерапевтическом) по причине высокой степени перформативности речи специалиста в данных контекстах. Наряду с организацией и координацией самого процесса общения, обеспечение взаимопонимания и поддержание обратной связи между

партнерами по коммуникации – одна из ключевых функций метакоммуникации [Остапенко 2013: 33].

Единицей метакоммуникации является метакоммуникативное высказывание (далее – МкВ), которое, вслед за В. Д. Девкиным, определяется как «высказывание о способе выражения мысли, о форме изложения, об отношении собеседника к избираемому оформлению речи, о теме разговора, о достижении взаимопонимания и о другом, обслуживающем вербальное общение» [Девкин 1981: 31].

Психотерапевтический дискурс представляет собой диалогическое общение практического психолога и клиента с целью предоставления квалифицированной психологической помощи клиенту в форме психологической консультации [Weiste, Peräkylä 2015]. Во время психологической консультации клиент описывает свою жизненную ситуацию, а психолог реагирует, предлагая релевантные интерпретативно-аналитические формулировки. Таким образом, в задачи психолога входит контроль точности понимания описываемой клиентом жизненной ситуации, а также проверка гипотез о когнитивно-аффективном состоянии клиента [McLeod, McLeod 2011: 137–140].

Цель практического анализа заключалась в идентификации и категоризации МкВ практического психолога, направленных на управление пониманием в психологической консультации. В качестве фактического материала использовались анонимизированные транскрипты 75 англоязычных [<https://search.alexanderstreet.com/ctm>] и 70 русскоязычных [<https://psyhelp24.org>] психологических консультаций.

Установлено, что психолог использует два основных типа МкВ для управления пониманием: 1) МкВ, констатирующие наличие / отсутствие понимания (вербализация обратной связи); 2) МкВ, направленные на активное достижение взаимопонимания / предотвращение непонимания. К МкВ второй группы относятся МкВ, направленные на контроль пропозиционального содержания и иллокутивной силы высказываний психолога или клиента. Рассмотрим на примерах.

1. Констатация наличия / отсутствия понимания

1.1. Вербализация/проверка понимания

МкВ психолога направлены на демонстрацию следованию ходу мысли клиента. Анализ транскриптов позволил выделить три группы МкВ: а) реактивные утвердительные МкВ (*I follow what you are saying; I see where you are going with this; Понимаю; Вижу*); б) вопросительные МкВ, направленные на проверку понимания (*Do you know what I mean? You know what I'm saying? Do you see what I'm saying? Правильно ли я понимаю? Я прав? Так можно сформулировать?*); в) МкВ, предварающие или следующие за уточняющими

вопросами психолога, вербализующие намерение психолога лучше понять клиента (*Just trying to fully understand what it means for you; let me make sure I understand; let me see if I'm getting what you're saying; I just want to make sure I wasn't missing something; если я правильно понимаю; смотри, как я поняла*).

В примере (1) метакоммуникативная оговорка *Just trying to fully understand what it means for you* / *Просто пытаюсь лучше понять, что это для Вас значит* следует за конкретизирующим вопросом о перевозбужденном состоянии клиента после общения с людьми.

(1) *CLIENT: Happens to me all the time. I mean I told you when I have dealings with other people, if it's fine it's my own doing I get energized from them. Sometimes it goes over the top.*

THERAPIST: So it is wound up over the top energized? Just trying to fully understand what it means for you.

1.2. Вербализация непонимания

Как правило, психолог демонстрирует непонимание логической связи между высказываниями клиента или содержания высказывания ввиду его нечеткой формы выражения. За демонстрацией непонимания могут следовать конкретизирующие или уточняющие вопросы.

В примере (2) психолог не улавливает логическую связь между высказываниями клиента об ограничении общения и поддержании здоровья. Непонимание маркировано МкВ: *I'm missing this* / *Я не улавливаю*.

(2) *CLIENT: And if people want to start asking questions, I'll answer them. But I'm not going to bring it up unless they start asking me questions, unless they approach me because, in my instance, it's what I need to do to get healthy, to make my life less stressful and more negative free.*

THERAPIST: Wait. I'm missing this. What is it that you need to get healthy?

2. Достижение понимания / предотвращение непонимания

2.1. Контроль понимания пропозиционального содержания высказывания

Для понимания пропозиционального содержания или референции высказывания клиента психолог задает уточняющие вопросы, направленные на конкретизацию смысла конкретного языкового выражения. В англоязычном психотерапевтическом дискурсе психолог часто цитирует часть высказывания клиента и просит уточнить или подтвердить предлагаемую трактовку.

Так, в примере (3) психолог просит клиентку подтвердить корректность интерпретации выражения *your whole self* / *всю себя*, когда клиентка говорит о тенденции отдавать «всю себя» партнеру в отношениях.

(3) *CLIENT: I think that's like my problem. Like I didn't have a relationship without giving my whole self to a person.*

THERAPIST: And so when you say, «your whole self,» is it your attention that you're referring to primarily?

Если психолог сомневается в правильном истолковании собственного высказывания клиентом или допускает такую возможность, он использует МкВ для уточнения смысла высказывания и преодоления недосказанности.

В примере (4) психолог в ответ на уточняющий вопрос клиента, сигнализирующий о недопонимании, использует МкВ: *I'm asking / я спрашиваю* и *that's my question / вот, в чем состоит мой вопрос*.

(4) *THERAPIST: That's not the issue. But the question is are you defining yourself by your capacity for activity?*

CLIENT: Right now? Is that what you're asking?

THERAPIST: I'm asking, are you, Jessa, defined by, in addition to other things you may identify with, your ability to be active? Is that you? And when you're not active, are you less you? That's my question.

2.2. Контроль понимания иллюкутивной силы высказывания

Психолог использует МкВ для подтверждения или уточнения иллюкуции высказываний клиента, так и для конкретизации иллюкутивной силы собственных высказываний. МкВ, направленные на уточнение иллюкуции высказывания клиента, представляют наименее частотную группу в корпусе транскриптов.

В примере (5) психолог и клиент совместно осуществляют целеполагание психологической консультации, и с целью проверки собственной гипотезы психолог задает клиенту уточняющий вопрос о том, чего он намеревается достичь на определенном этапе психотерапии: *Are you looking for more feedback from me today? / Вы хотите получить больше обратной связи от меня сегодня?*

(5) *CLIENT: Yeah, just I don't know. (chuckles) That's my plan. I don't know what else to say.*

THERAPIST: Are you looking for more feedback from me today, is that...?

CLIENT: I think so.

Расшифровка интенции психолога клиентом значима для достижения терапевтического эффекта психологической консультации и укрепления терапевтического союза, поэтому психологу важно обеспечить корректное понимание собственного коммуникативного намерения.

В примере (6) психолог стремится предупредить искаженную интерпретацию клиентом своего коммуникативного намерения посредством метакоммуникативных оговорок с перформативными глаголами: *Я Вас не стыжусь, а обращаю Ваше внимание; я Вас не отвергаю; я не пытаюсь притыднить... информирую*.

(6) *КЛИЕНТ: Я всегда стараюсь относиться бережно к людям. Эта опция сама собой всегда включается. Хочется, чтобы рядом был тот, кому важно, что я чувствую... опять слезы.*

ПСИХОЛОГ: Ну, смотрите, дистанцию выдержать вам, можно сказать, не удалось. **Я вас сейчас не стыжу, а, скорее, обращаю ваше внимание на то, что и со мной вы в контакт вступили довольно быстро...** Но и заметьте, **я вас не отвергаю, остаюсь здесь. Я искренне чувствовал тепло и давал вам поддержку. У вас закралась мысль о формальности моей позиции – очень похоже на обесценивание моего проявления тепла к вам. Последним я тоже не пытаюсь пристыдить, если что. Информую на данный момент, как я вижу происходящее.**

Подводя итоги, следует отметить полифункциональность МкВ в профессиональном дискурсе – МкВ, используемые для управления пониманием, также функционируют как средства хеджирования терапевтических формулировок и тем самым поддерживают гармоничную и некатегорическую тональность психотерапевтического дискурса.

Литература

Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1981.

Остапенко Д. И. К трактовке понятия «метакоммуникация» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 32–35.

Служба круглосуточной психологической помощи онлайн. URL: <https://psyhelp24.org/primery-konsultatsij> (дата обращения: 30.01.2023).

Counseling and Psychotherapy Transcripts: Volume II. Alexander Street Press, 2014. URL: <https://search.alexanderstreet.com/ctrn> (дата обращения: 30.01.2023)

McLeod J., McLeod J. Counselling Skills: A practical guide for counsellors and helping professionals. Second Edition. Open University Press/McGraw-Hill Education, 2011.

Weiste E., Peräkylä A. Therapeutic Discourse // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction, First Edition. Boston: John Wiley, Sons, 2015. P. 1506–1515.

M. S. Grineva (Kaluga, Russia)
Tsiolkovsky Kaluga State University

METACOMMUNICATIVE MEANS OF MANAGING UNDERSTANDING IN DISCOURSE OF PSYCHOTHERAPY

The article explores the psychotherapist's metacommunicative utterances aimed at managing understanding during a therapy session. Based on the analysis of 145 transcripts of therapy sessions it was found that the psychotherapist uses two types of metacommunica-

tive utterances to signal understanding or misunderstanding and to establish understanding or prevent misunderstanding.

Key words: metacommunication, metacommunicative utterance, understanding, professional discourse, psychotherapeutic discourse, psychotherapy session.

К. В. Гудкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
gudkovakira@bk.ru

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ: «ОДУШЕВЛЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается различие между логическим и семантическим мышлением. Анализируется характерный для английского языка способ упаковки информации в дискурсе: а именно, «одушевление» неодушевленных объектов.

Ключевые слова: упаковка информации, «одушевление», семантическое мышление.

Современный когнитивный подход к языку базируется на положении о связи языка и мышления. Согласно этому подходу, информация в нашей когнитивной системе хранится в виде фреймов, или другими словами, в виде особых пакетов информации. Когда мы вступаем в область дискурса, то есть в область использования языка, то видим, что язык отражает наши мыслительные процессы, воплощает мысли в слова, или, по образному выражению У. Чейфа, является особой «упаковкой» передаваемой информации [Чейф 1983:35]. Не будет преувеличением сказать, что окружающая нас действительность представляет собой континуум, в то время как любой язык является образованием дискретным. Отразить в полной мере вербально континуум реальной или воображаемой действительности задача непосильная для любого языка. Поэтому говорящий и «упаковывает» передаваемую информацию определенным образом, чтобы реципиент мог ее наилучшим образом понять и усвоить. При этом каждый язык организует, «упаковывает» информацию о существующей или воображаемой действительности своим только ему присущим способом. Особенности упаковки информации определяются и характером когнитивных структур, которые лежат в основе построения высказываний на том или ином языке. Одной из таких структур является семантическое мышление.

Как отмечает А. Т. Кривоносов, логическое мышление – это абстрактный процесс отражения материального мира. Но мир является единым для всех

людей, кроме того, физиологически и психологически все люди устроены одинаково. В силу этого мышление подчинено единому материальному миру и единым физиологическим и психологическим законам людей. Но у логического мышления есть подчиненное ему так называемое семантическое мышление, т. е. естественный язык, иными словами та «упаковка» передаваемой информации, которая может различаться и различается в зависимости от того или иного языка [Кривонос 2017: 346–347].

Упаковка включает такие задачи, как различение данной и новой информации, принятие решения о том, должно ли существительное подаваться как определенное или как неопределенное, установление субъекта и темы и т. п. Упаковка может также включать такую задачу, как приписывать ли неодушевленному существительному возможность осуществлять те или иные действия, или, говоря иными словами, «одушевлять» существительное.

Формой семантического выражения мысли являются синтаксические структуры. Синтаксис, как известно, раздел грамматики, который занимается изучением законов соединения слов и строением предложений. А поскольку предложение – это форма выражения мысли, то синтаксические структуры являются способом логического и семантического выражения нашего мышления. Без синтаксиса выразить в вербальной форме то или иное сообщение невозможно. Но каждый язык в каком-то смысле навязывает выражаемой мысли свой, ему присущий синтаксис, поэтому и представляется возможным говорить о семантическом мышлении, находящим выражение, в частности, в синтаксисе языка.

В данной статье рассматривается один из характерных для английского языка тип семантического мышления, а именно синтаксический способ организации информации, который назовем одушевлением.

С точки зрения логического мышления в начале мысли как правило обозначен субъект, затем указывается факт его бытия или качество его бытия (состояние, действие). Именно такая логическая структура и закреплена в английском предложении.

Английский язык – это язык аналитический, в силу чего морфологические показатели в нем представлены слабо, и основным синтаксическим средством выражения мысли является порядок слов. Поэтому на первом месте английского предложения, как правило, стоит подлежащее, причем оно может быть выражено различными существительными, как конкретными, так и абстрактными. Для английского языка характерны действительные построения фразы с четким подлежащим, желательно сильным.

Как отмечает М. А. Аполлова, такая синтаксическая скованность должна чем-то компенсироваться. И вот на место синтаксической свободы в английском языке приходит свобода семантическая [Аполлова 1977: 15]. В част-

ности, эта свобода находит свое выражение в творческом использовании различных существительных, например, в «одушевлении» неодушевленных существностей, в расширении значения существительных. Английский язык не допускает свободу с точки зрения построения структуры высказывания, но допускает эту свободу в построении смысла высказывания, т. е. свободу с точки зрения семантического мышления.

Отсюда достаточно распространенной конструкцией в английском языке является конструкция типа: *the article says, close examination tells a rather different story, afternoon saw Jack and Somers polishing floors* и пр., которую и называем «одушевлением». В приведенных примерах подлежащие совершают определенные действия, причем следует отметить, что с точки зрения семантического мышления русского языка такие действия указанные подлежащие совершать не могут.

Тем не менее, такой способ организации информации не прерогатива исключительно английского языка. В русском языке довольно часто информация организуется таким же образом, а именно некоторому объекту приписывается выполнение определенного действия. Таким образом, можно сказать, что логическое выражение мысли русскоговорящих и англоговорящих совпадает. Различие же кроется в семантическом оформлении, то есть в так называемом семантическом мышлении.

В силу упомянутой семантической свободы английский язык «одушевляет» многие понятия, русский же «одушевляет» только ограниченный спектр понятий. В русском языке нет строгого структурного оформления мысли, в нем присутствует большая синтаксическая свобода. Поэтому в русском языке трудно одушевлять неодушевленные предметы, делать их деятелями, а английский одушевляет постоянно, не только неодушевленные, но и абстрактные существности. Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами:

New simulated gas detector offers realistic training for mine rescue teams.

GM has said it is happy with its size and business plan.

Fast-moving developments on the ground require looking ahead.

В русском языке передаваемая информация должна быть упакована по-другому. Данные существности оформляются членами предложения, семантику которых они и передают: дополнения, обстоятельства. И если семантическое мышление русского языка допускает в ряде случаев приписывание совершения определенных действий (процессы говорения, ментальные действия) неодушевленным существностям, как видно из следующих примеров: GM заявляет, Российский кабмин надумал бороться за интересы женщин др., то другие действия с точки зрения семантического мышления данные неодушевленные существности совершать не могут.

С точки же зрения семантического мышления английского языка эти объекты могут осуществлять разнообразные действия. Семантическое мышление английского языка допускает, например, такую упаковку информации: *I can't really see the logic that would drive GM to get in bed with FCA*. Компании приписывается возможность совершать действия, которые в реальном мире могут осуществлять только одушевленные сущности. В русском языке данная информация должна передаваться иным способом.

Семантическое мышление тесным образом связано с фреймами, то есть со структурами знания, которые хранятся в памяти или создаются из компонентов, содержащихся в памяти. Одним из таких фреймов является фрейм действия, или другими словами, акциональный фрейм. Понятие действия является одним из центральных с точки зрения взаимодействия с окружающим нас миром. Понятие действия ассоциируется прежде всего с глаголом. По своей природе действие многообразно. И при вербализации того или иного действия актуализируется та или иная разновидность акционального фрейма. В. И. Хайруллин наряду с различными типами акциональных фреймов выделяет акционально-анимистический фрейм, который позволяет приписать признак действия, обычно выполняемого одушевленным объектом, неодушевленному объекту [Хайруллин 2020: 128].

В силу отмеченной синтаксической скованности акционально-анимистический фрейм более характерен для когнитивной системы английского языка, нежели русского.

В настоящее время в силу значительного влияния, которое оказывает английский язык на современный русский, языковая интерференция охватывает и такую область языка, как синтаксис. Не характерные для русского языка структуры с одушевлением начинают использоваться повсеместно, что приводит к ломке русского синтаксиса, насаждению чужеродных для языка синтаксических построений. Возникает своего рода зависимость от английской «упаковки», создается впечатление, что по-другому передать по-русски ту или иную мысль, то есть без чужой упаковки, невозможно.

По всей видимости, это явление может быть объяснено тем фактом, что и для английской, и для русской когнитивных систем акциональный фрейм является одним из центральных фреймов. Поэтому при переводе с английского языка высказываний, в которых активируется акционально-анимистический фрейм, происходит активация этого фрейма и в русском языке. Такого рода синтаксические структуры не вызывают отторжения у носителей русского языка. Тем не менее они часто являются чужеродными, особенно их переизбыток. При переводе следует обращать особое внимание на данные структуры, выявлять их семантическую роль в предложении и передавать в «упаковке», свойственной русскому языку.

Литература

- Аполлова М. А.* Specific English. М.: Международные отношения, 1977.
Кривоносов А. Т. Слово и мысль (вопросы взаимодействия языка и мышления). Москва-Нью-Йорк: Авторское издание, 2017.
Хайруллин В. И. Перевод и фреймы. М.: «ЛИБРОКОМ», 2020.
Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.

K. V. Gudkova (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

ON THE ISSUE OF SEMANTIC THINKING: ANIMATION IN ENGLISH

The article focuses on the difference between logical and semantic thinking. The typical English way of discourse information packaging is analyzed, namely, the animation of inanimate objects.

Key words: information packaging, animation, semantic thinking.

E. В. Дзюба (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого*
elenacz@mail.ru

И. Ю. Рябова (*Екатеринбург, Россия*)
*Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева*
i.y.rjabova_3012@mail.ru

ТЕКСТ И ИНТЕРДИСКУРС: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сквозь призму современных концепций о существовании гибридных текстов, функционирующих в интердискурсах, рассматривается незавершенный роман А. С. Пушкина «Дубровский».

Ключевые слова: интердискурс, гибридный текст, гибридизация, концептуальная область, художественный текст, документ.

Введение. Освещение правовых реалий в художественном тексте (ХТ), подчиненное явным интенциям автора, обусловлено индивидуально-творческой перспективой поиска решения проблемы, существующей на общественном уровне. «Столкновение» двух социально значимых дискурсов (права и ХТ) в одном смысловом пространстве, многогранные отношения их взаимодействия создают условия для порождения пространства иного формата – интердискурса. Под интердискурсом (ИД) понимается «единое гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, сформированное на стыке правового и художественного типов дискурса, во многом обусловленное исторической реальностью, или социальным вертикальным контекстом» [Дзюба, Рябова 2022: 59–76]. В данном интердискурсивном пространстве формируются т. н. гибридные тексты (ГТ).

Актуальность изучения ГТ определяется размытостью границ категории гибридности, рассматриваемой на стыке семиотики, лингвистики, литературоведения, текстологии, дискурсологии. Требуют уточнения особенности процесса гибридизации как механизма когнитивного моделирования, позволяющего сблизить в сознании реципиента две полярные концептуальные области.

Теоретическая база исследования. Исследование ведется в русле когнитивной лингвистики (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, О. К. Ирисханова, О. В. Соколова, Чернявская В. Е., Т. Van Dijk, L. Talmy), в частности в рамках когнитивно-дискурсивного (А. А. Кибрик), семантико-когнитивного (З. Д. Попова, И. А. Стернин) и дискурсивно-диалогического (М. М. Бахтин, Т. Ф. Плеханова, Е. Weigand) подходов. Конвергенция подходов позволяет рассмотреть ИД с позиции реализации различных типов социально-языкового сознания (правосознания, лингвокреативного, цитатного и т. д.), выявить специфику формально-содержательной структуры произведения, особенностей жанра и языкового инструментария ХТ с юридической проблематикой. Если речь идет о литературных произведениях, в которых автор намерен решить остросоциальную проблему с юридической составляющей, то на таких текстах лежит отпечаток интердискурсивности.

Обсуждение и результаты. Интенция автора ХТ транслировать знание из закрытой правовой сферы в широкие круги общественности ведет к становлению ИД как уникальной социокультурной практики. Включенность автора текста одновременно в две профессиональные области: права и художественной литературы – позволяет ему сконструировать картину мира, максимально приближенную к реальной. Свойство гибридности текста, функционирующего в ИД, обусловлено следующими возможностями: 1. сосуществование и взаимодействие в одном пространстве двух «профессиональных жаргонов» в целях разрешения социально-

значимой проблемы (по М. М. Бахтину); 2. кооперация и диалогизм типов социально-языкового сознания (правосознание, лингвокреативное и т. д.); 3. открытость границ и мобильность взаимодействующих дискурсов; 4. непрерывное динамическое развитие ИД и формирование его ключевых свойств – ризоматичности, диалогичности, эмерджентности новых смыслов и др.

Неоспорим факт, что диалогичность отраженных в текстах типов мышления, смешение жанров, стилей, языковых и неязыковых кодов весьма характерны для современных литературных произведений. Приметой времени становится, например, появление на прилавках книжных магазинов комикса «Мастер и Маргарита», манги «Преступление и наказание» и др. Однако и классическая литература может свободно включать в свою художественную структуру жанры и языковые элементы иных языковых сфер. Нередко в художественную ткань произведения вклиниваются т. н. «документарные записи» – подлинные («текст в тексте») или созданные автором как факт художественного вымысла («документальный образ»), но приближенные к реальности [Яблоков 2018: 167–187]. Иными словами, некоторые тексты, ставшие для нас образцами классической литературы, тоже можно считать гибридными, если они функционируют в ИД.

Рассмотрим в качестве примера незавершенный роман А. С. Пушкина «Дубровский» (1832 г.), в котором автор в доступной для широких масс художественной форме излагает специфику общественной жизни в России в начале XIX в., что проявлялось в разобращении дворянской среды, беспринципности и продажности судей, нарастании недовольства среди народа (ср.: «Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела, – Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, стращая и подкупая судей и толкая вкривь и впрямь всевозможные указы...» [Пушкин]). П. Дебрецени отмечает: «Мысль об этом романе подал Пушкину его друг П. В. Нащокин, рассказавший ему действительную историю... про одного белорусского небогатого дворянина, по фамилии Островский (как и назывался сначала роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения, и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить...» [Дебрецени 1996: 160]. Автор также указывает, что Пушкин и Нащокин решили найти реальное судебное решение по данному делу. Документ, полученный Пушкиным, «представлял собою копию определения по реальному судебному делу, разбиравшемуся в Козловском уездном суде в октябре 1843 г. ... Пушкин, даже не переписав полученную им копию документа, вставил ее в рукопись своего романа. Он изменил только имена и даты...» [Дебрецени 1996: 160]. Хотя у пушкинского истца и ответчика есть имена, все же текст судебного акта лишен обозначения частных момен-

тов: конкретные факты заменены многоточием или знаком звездочки (*), что свидетельствует о типичности состояния судебных дел того периода, ср.: «18... года октября 27 дня ** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским имением, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим ** губернии в сельце Кистеневке, мужеска пола ** душами, да земли с лугами и угодьями ** десятин» [Пушкин]. Исследователи [Дебрецени 1996; Петрунина 1979] подчеркивают, что подобные бесчинства суды чинили повсеместно.

Текст незаконченного романа «Дубровский», таким образом, носит гибридный характер: во-первых, в силу своей проблематики (в романе пересекаются разные сюжетные линии: социально-историческая, или «бунтарская» (по Н. Н. Петруниной), правовая и личностно-биографическая, или любовная. Это проявляется в диалоге разных типов сознания (историка-«общественника» и писателя-беллетриста). Во-вторых, свидетельством гибридизации становится соединение текстов разных жанров: прием «текст в тексте» позволяет включить реальное судебное решение в ткань романа. Н. М. Куренная отмечает, что «как только исторический факт переходит в сферу культуры, он перестает быть собственно реальной историей и становится фактом исторического сознания, по сути, фактом культуры, ... и ... обретает новые смыслы» [Куренная 2018: 8–9]. В данном случае реальный судебный процесс, текст оригинального «определения суда» приобретают знаковый характер, становятся свидетельством, исторически значимым для правосознания и гражданского самосознания общества того времени.

Вхождение жанра судебного решения в ХТ привносит в ткань произведения элементы чуждого – официально-делового (юридического) – стиля. Фрагменты, связанные с появлением среди персонажей заседателя Шабашкина и самим судебным процессом, песят «канцеляритом», ср. выражения: *...из коего дела видно..., из числа таковых...; передать в полное распоряжение; секретарь ... стал читать определение суда; он владеет имением по праву наследства; ...всякое постороннее притязание на ... его собственность есть ... мошенничество* и т. д.; появляется специальная (терминологическая) лексика: *купчая, истец, ответчик, канцелярист, доверенный; неправильное владение, несправедливое присвоение, судебное определение и др.* А. С. Пушкин, тонко чувствующий язык, намеренно сохраняет стилистику казённого, сухого, чиновничьего стиля, который в данном тексте подтверждает бесчеловечность и безжалостность судебной системы. Важно отметить, что Пушкин в «Дубровском» «не просто констатирует факт разорения дворянства. Он осмысляет этот факт как

звено в своей концепции русской истории, видит в частной судьбе героя свидетельство того революционирующего воздействия, которое оказывает процесс раздробления и отчуждения имений на «наше старинное дворянство». ...Незавершенный роман Пушкина стал опытом органического слияния картин реальной действительности и обширной исторической идеи» [Петрунина 1979: 144]. Пушкин выносит на широкое обсуждение (и осуждение) проблемы судопроизводства в России и, включая их в широкий исторический контекст, видит в этом причину нарастающего недобольства народа.

Заключение. Интердискурсивное пространство, интегрирующее две концептуальные области: правовую сферу и область художественного вымысла, – порождает текст гибридного характера. Гибридизация ХТ проявляется на следующих уровнях: 1) прототекста (в основе сюжета и даже самого текста лежат реальные исторические факты и документы); 2) текстовой и жанровой структуры (включение текста особого, нехудожественного жанра, в частности – жанра судебного решения); 3) языковых / стилистических особенностей произведения, обусловленных появлением персонажей с разными речевыми практиками, в т. ч. профессиональными (с появлением судебной проблематики в художественном тексте обнаруживаются элементы юридического канцелярита). Гибридный текст как репрезентант конкретной исторической реальности обобщает культурно-историческую «память» и личный опыт индивидов и свидетельствует о неразрывной связи социальных институтов, в том числе посредством сферы художественной литературы.

Литература

Дебрецени П. Блудная дочь. «Рославлев» и «Дубровский» // Анализ художественной прозы Пушкина. СПб.: «Академический проект», 1996. С. 148–195.

Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория событийности в интердискурсе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 3. С. 59–76.

Куренная Н. М. Документ и «документальное» как историкокультурная проблема // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сб. науч. трудов / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 7–23.

Петрунина Н. Н. Пушкин на пути к роману в прозе. «Дубровский» // Пушкин. Исследования и материалы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Т. IX. Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1979. С. 141–167.

Яблоков Е. А. Документ в художественном мире произведения и поэтика «отсутствующего» документа в творчестве писателей 1920–1930-х гг. // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сб. науч. трудов. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 167–187.

E. V. Dzyuba (*St. Petersburg, Russia*)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

I. Y. Ryabova (*Yekaterinburg, Russia*)
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

TEXT AND INTERDISCOURSE: SPECIFICS OF INTERACTION

From the perspective of modern conceptions related to the existence of hybrid texts functioning in the interdiscourse the authors focus on the uncompleted novel “Dubrovsky” by A. Pushkin.

Key words: interdiscourse, hybrid text, hybridization, conceptual domain, artistic text, document.

С. С. Дмитриева (*Москва, Россия*)
МГИМО МИД России
Lana.sdmi@gmail.com

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СМЫСЛОВ НА БАЗЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье анализируются прецедентные ситуации как механизм формирования новых смыслов в англоязычном политическом медиадискурсе. Процесс смыслопорождения, как правило, сопровождается модификацией концептуальной структуры прецедента, что может выражаться как в изменении содержания слотов прототипического фрейма, так и в тотальном изменении его иерархической структуры.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентная ситуация, прецедентность, политический дискурс, фрейм, прототип.

В общем смысле прецедентность в лингвистике проявляется в том, что лексические единицы, репрезентирующие уникальную ситуацию или событие, используются для осмысления и репрезентации других событий и явлений [Чес 2020]. Прецедентные феномены (ПФ), в свою очередь, представляют собой некие прототипические элементы языкового плана дискурса, которые влияют на процессы категоризации, концептуализации и интерпретации действительности. Д. Б. Гудков определяет прецедентные

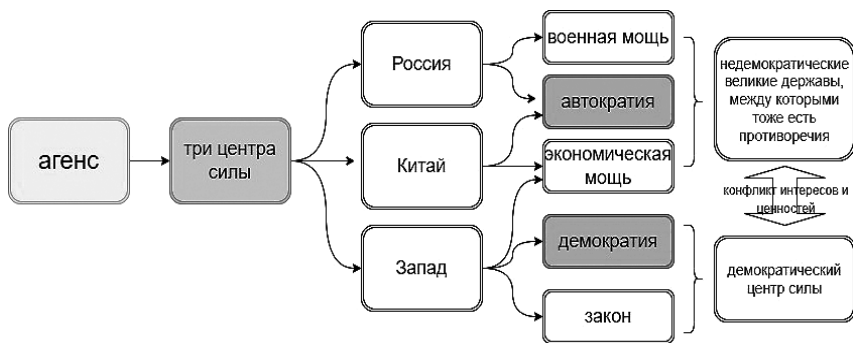
феномены как «инвариант представления культурного предмета» и выделяет следующие типы ПФ: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация [Гудков 2008]. В рамках данной статьи мы проанализируем функционирование прецедентных ситуаций в текстах политического медиадискурса, через обращение к которым происходит концептуализация актуальных политических явлений и процессов. Прецедентная ситуация – это некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу лингвосообщества [Гудков 2008]. Прецедентная ситуация становится триггером определенного прототипического сценария, который актуализирует знания и представления об историческом событии и стимулирует процесс осмысления политической действительности через призму культурно-исторического опыта. При этом проецирование данного сценария на актуальное явление всегда сопровождается модификациями его концептуальной структуры, в результате чего происходит формирование новых смыслов в дискурсе.

В ряде случаев при функционировании ПФ в дискурсе может сохраняться иерархическая структура прототипического фрейма и его фокусные смысловые элементы, что можно проследить на примере прецедентного феномена *The Great Game*. В историографии термин '*Большая игра*' используется для обозначения геополитического соперничества между Британской Империей и Российской Империей за господство в Южной и Центральной Азии в XIX – н. XX вв. В политическом медиадискурсе прецедентный феномен *the Great Game* и его дериваты (*a new great game, great game revisited, the other great game*) использовались для репрезентации противостояния между СССР и США в Афганистане, военных действий в Ливии, Сирии, а впоследствии и для репрезентации любых конфликтных ситуаций в мире, в которые вовлечены «великие державы». Так, например, ПФ использовался при репрезентации ситуации в Венесуэле в 2019 году: *The continued absence of any coherent grand strategy would leave Latin America vulnerable to a New Great Game* (The Foreign Affairs, 16 Apr, 2019).

В прототипическом сценарии можно выделить два агенса: Российская и Британская империи. Они являются равноправными участниками сценария и обладают сходными характеристиками: великие державы, обладающие военной мощью и политическим влиянием в странах, которые стали местом развития конфликта. При использовании ПФ для репрезентации событий в Латинской Америке происходит профилирование подслотов агенса: важно не то, какие именно страны вовлечены в конфликт, но их дифференциальная характеристика «принадлежность к великим державам». Кроме того, происходит дефокусирование слотов «время»

и «место действия»: Большая игра уже не является событием, обладающим определенными временными и пространственными характеристиками, она может развиваться в любой точке мира, и состав участников может меняться.

При возобновлении обращения к прецедентной ситуации в политическом медиадискурсе концептуальная структура прецедентного феномена может усложняться. Например, в статье *Who Will Win the New Great Game?* (*The New York Times*, 24 Apr 2018) в фрейме *Большая игра* появляется три агенса – Россия, Китай, и коллективный Запад (*It involves three prime players, Russia, China and the West*) и три пациенса – Сирия, Украина, Тихоокеанский регион (*And there are three places where the different claims to power clash: Syria, Ukraine and the Pacific*). У агенсов, которых по-прежнему объединяет общий дифференциальный признак «принадлежность к великим державам», появляются индивидуальные характеристики, фокусирование которых приводит к созданию дополнительных смыслов. Борьба между участниками новой Большой игры сводится не просто к борьбе великих держав за сферы влияния, но к борьбе демократических и недемократических сил: *To differing degrees, governments and citizens from Cairo to Copenhagen have grown skeptical about whether liberal democracy and postwar internationalism have been, or will be, the right choice for them. ... China and Russia stand ready as alternative models and protective powers.*

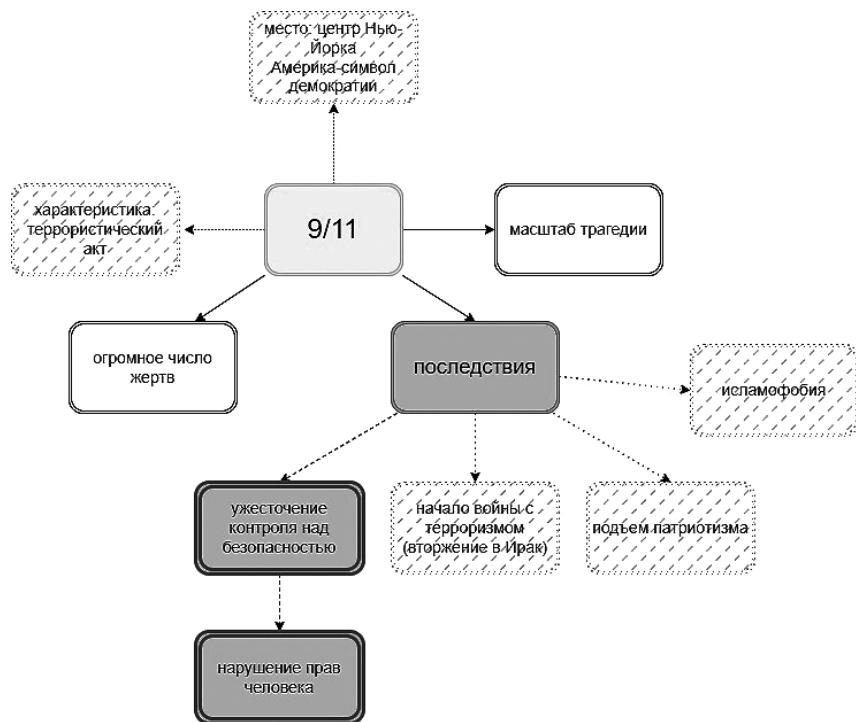

В приведенных примерах формирование новых смыслов происходит за счет профилирования или изменения содержания слотов или подслотов прототипического фрейма при сохранении его иерархической структуры и транслируемого фокусного смысла «соперничество между великими державами, выражающееся в укреплении своего влияния в третьих странах».

Однако в ряде случаев формирование новых смыслов в дискурсе сопровождается более серьезной модификацией концептуальной структуры ПФ. В частности, может наблюдаться фокусирование элементов, которые имели вторичный семантический фокус в прототипическом фрейме, в то время как первичный фокусный смысловой элемент может дефокусироваться либо полностью элиминироваться как незначимый.

Это хорошо видно на примере использования прецедентного феномена 9/11 в статье о введении суровых карантинных мер по борьбе с распространением коронавируса: *We can't let the coronavirus lead to a 9/11-style erosion of civil liberties (The Guardian, 23 Mar, 2020)*. На основании анализа энциклопедических источников [Britannica, encyclopedia.com, the New Dictionary of Cultural Literacy], можно выделить следующие дифференциальные признаки прототипической ситуации: *масштаб трагедии, огромное число жертв, последующие действия американских властей (война с терроризмом, активация военных действий в Ираке), рост исламофобии, подъем патриотизма*. В анализируемой статье использование прецедентного феномена сопровождается фокусным выделением нестандартного признака: *surveillance* (слежка, надзор, контроль). В энциклопедических источниках довольно редко встречаются упоминания информации о жестких мерах по обеспечению безопасности, принятых в США после теракта 11 сентября (контроль за перемещениями, доступ к переписке и телефонным звонкам и т. п.), а значит этот признак, если и является дифференциальным, то находится на периферии когнитивной базы ЛКС. Таким образом, при функционировании ПФ в дискурсе происходит выделение вторичного фокусного элемента концептуальной структуры прецедентной ситуации «*нарушение прав человека*» и полное элиминирование фокусного дифференциального признака «*терроризм*». При этом, фокусирование нестандартного признака не означает полного дефокусирования всех остальных, «стандартных» элементов прототипического сценария. То есть использование прецедентного феномена позволяет репрезентировать коронавирус как событие, которое по масштабам и последствиям сопоставимо с терактами 11 сентября и которое в конечном итоге также может привести к существенному ограничению свобод.

На представленной ниже схеме видно, что формирование новых смыслов на базе прецедентной ситуации 9/11 сопровождается дефокусированием или элиминированием фокусных элементов прототипического сценария (графически изображены в виде заштрихованных слотов) и фокусированием нестандартных элементов сценария: фокус внимания перенаправлен на слот «последствия», в котором в результате профилирования происходит «высвечивание» информации о нарушении прав и свобод человека.

На основании анализа языкового материала можно сделать вывод, что формирование новых смыслов в дискурсе на базе прецедентных ситуаций происходит вследствие модификаций концептуальной структуры прототипического сценария при его проецировании на актуальное явление политики. Способность к модификации является эффективным механизмом прагматической адаптации прецедента к дискурсу, который позволяет участникам дискурса решать свои коммуникативные задачи.

Литература

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса, 2008. URL: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#%D0%B7_21 (дата обращения: 01.05.2019).

Чес Н. А. Функциональный потенциал аллюзий в современном политическом медиадискурсе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сборник научных трудов. Вып. 36. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. С. 346–351.

Hirsh E. D., Joseph F. Kett, James Trefil. The New Dictionary of Cultural Literacy. New York: Houghton Mifflin Company, 2002.
Encyclopedia Britannica. URL: www.britannica.com

S. S. Dmitrieva (*Moscow, Russia*)
MGIMO University

ON PRECEDENT-BASED SENSE FORMATION IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The article explores precedent situations as a mechanism of sense formation in the English-language political media discourse. This process is usually associated with a modification of the precedent's conceptual structure, which can be manifested both in a modified content of some slots in the prototypical frame and in the total alteration of its hierarchical structure.

Key words: precedents, precedent situations, political discourse, frame, prototype.

Н. П. Дронова (*Тамбов, Россия*)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
dronovanina@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ СВОЙСТВ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В ФАСТНАХТШПИЛЯХ XVI В.

На основе когнитивно-дискурсивного анализа фастнахтшпилей немецкого драматурга Г. Сакса были выявлены негативно-оценочные концепты, характеризующие лица женского пола, показаны способы вербализации, обусловленные социокультурной спецификой карнавального дискурса.

Ключевые слова: дискурс, номинация, когнитивно-дискурсивный анализ, концептуально-языковая специфика, образно-оценочные модели.

Основные постулаты когнитивно-дискурсивного подхода, изложенные в трудах зарубежных и отечественных лингвистов (Т. А. Ван Дейк, У. Чейф, Н. Д. Арутюнова, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков и многих других), дали мощный импульс для исследования наиболее сложной и многоаспектной проблемы в когнитивной лингвистике – концептуально-языковой специфике определенного типа дискурса. «Дискурс

есть всегда детище своего времени, отсюда все его особенности определяются прежде всего состоянием общества и теми социальными ролями, которые в этом обществе может играть человек» [Кубрякова 2004: 526]. Неизбежность выхода в «экстралингвистические» сферы и поиска когнитивных, культурных и социальных объяснений» [Кибрик 1994:128] обуславливает развитие новых подходов к исследованию концептуально-языковой специфики дискурса, особенностей дискурсивной деятельности участников коммуникации, в том числе и на материале других историко-культурных эпох. Знаковая составляющая дискурса, сигнализирующая об определенном социокультурном контексте его интерпретации, определяется Н. Н. Болдыревым как когнитивно-дискурсивная интерпретанта. Процедура анализа, направленного на изучение социокультурной специфики дискурса, включает комплекс таких приемов, как определение концептуально-тематической области, в рамках которой происходит формирование того или иного типа дискурса, выделение конкретных концептов и их характеристик, составляющих содержание когнитивно-дискурсивной интерпретанты, изучение когнитивных и языковых механизмов формирования метадискурсивных, социокультурных смыслов и др. (см. подробнее: [Болдырев 2019:411–415]).

Фастнахтшпиля как историко-культурно-обусловленный тип дискурса 15–16 вв. исследуется в настоящее время с позиций содержательной, функциональной, гендерной перспективы (Н. Н. Шевлякова, Д. Е. Нифонтова, R. Hahn, I. Glier, W. Lenk, H. G. Kemper, H. Feudy, Chr. Varo и др.). В данной статье предпринимается попытка когнитивно-дискурсивного анализа номинаций свойств лиц женского пола, вербализующих в дискурсе концептуально-тематическую область «слабости и недостатки человека», восходящих в некоторой степени к шкале религиозных «антиценностей». Ср.: DUMMHEIT (ГЛУПОСТЬ) – FAULHEIT (ЛЕНЬ) – TRINKEN (ПЬЯНСТВО) – BUNLSCHAFT (БЛУД) – FRECHHEIT (ДЕРЗОСТЬ) и др. Выбор языковых единиц участниками коммуникации обусловлен влиянием ряда социокультурных факторов: 1) причастность участников шпиля к нижнему уровню социальной иерархии (преимущественно необразованному крестьянству, духовенству и др.), 2) особый «статус второго сорта» (zweitrangiger Status) лиц женского пола в патриархальном обществе позднего средневековья. «Если учесть фактор отношения к женщине, то в этой связи не удивительно, что женщина входит в триаду «дурацких» персонажей наряду с излюбленной фигурой «шута-дурака» – крестьянином (die Bauernfigur) и собственно шутком как неотъемлемой фигурой карнавала (die Narrenfigur) [Roth 1997: 14, 110]. Комически-карнавальная дискурсивная фигура фастнахтшпиля базируется на использовании образно-оценочных моделей разговорного языка, репрезентирующих своеобразную матрицу элементарных знаний и представлений о мире

и человеку в языковой картине мира 16 в. Специфика дискурса проявляется в «нарушении внешней бытовой достоверности и создании гиперболических и гротескных, шутовых образов» (Шевлякова 2003), что находит отражение в выборе вербальных средств участниками события, противопоставленными в нашем случае прежде всего по гендерному признаку (ср. Bauer – Bäuerin, Knecht – Magd, Mann – Frau). Заметим, что число участников женского пола в исследуемых фастнахтшпилях значительно уступает числу лиц мужского пола. Так, на основе подсчета номинаций участников в 22 шпилях число персонажей женского пола составило лишь около четверти от общего количества участников (ср.: 20:89).

Концепт DUMMHEIT (ГЛУПОСТЬ) как конституирующий маркер «дурацкого» дискурса, в центре которого главную роль «шута-дурака» играет женщина, актуализируется разноструктурными образованиями, нагруженными иронически-оценочными смыслами и нюансами. Так, «отсутствие умственных способностей у лиц женского пола концептуализируется привычным образом как «незаполненность сосуда» или, напротив, «заполненность наивностью, приравненной к глупости» (метафора ВМЕСТИЛИЩЕ). Ср.: *halber Narr* (наполовину дуручка) и *der Einfaltvoll* (полна наивности) (перевод здесь и далее – Н.Д.). Существительные с отрицанием *nicht*, отрицательной приставкой *un-*, предлогом *ohne* и др. также сигнализируют о нарушении нормы – отсутствии разума. Ср.: *Unverstand, ganz ohne Verstand, nicht klug* (без разума, совсем без здравого смысла, не умный). Свойство FAULHEIT шуточно представляется вербально как процесс «лежания на боку» в течение длительного времени: *Zwölf Stunden liegst auf einer Seiten* (12 часов лежишь на боку). Гротескное соединение реального с вымышленным базируется в когнитивном плане на интеграции знаний бытового плана из сферы образа жизни (лежать = отдыхать) и представлений о времени, обозначенном темпоральным квалификатором преувеличенной «длительности отдыха».

Согласно логике карнавала «все наоборот» в фастнахтшпиле наблюдается смена ролей, когда женщина наделяется свойствами, присущими в патриархальном обществе в общем-то мужчине. Так, метафора ВМЕСТИЛИЩЕ (*voll sein*) – напиваться, зооморфная метафора *saufen* (пить о животных, пьянствовать о человеке), гипербола «двойной меры» *zwei Maß* (две меры) используются в вербализации концепта TRINKEN (пьянство) применительно к женскому полу для характеристики безмерного потребления спиртных напитков. Например, *da würd sie eher voll denn ich*. (Она «наполняется» быстрее, чем я). Гротескный квалификатор *leichnam gerne* (мертвецки), в когнитивном основании которого лежит совмещение логически несовместимых смыслов – образ «мертвеца» + желание *gerne* (оксюморон), конкретизирует

карикатурно-комически физическое состояние женщины, что прагматически направлено на ее осуждение и вызов смеха зрителей игры. Ср.: *und trinkest leichnam gerne* (И напиваешься мертвецки).

Устаревшие в современном немецком языке номинации *Buhlschaft / Buhlerei* (блуд, распутство), глагол *buhlen*, имя деятеля *der Buhler*, *Buhlschaft treiben* (распутствовать) регулярно используются со стилистически сниженной коннотацией в вербализации любовной связи персонажей или скорее намек на связь. Так, «прелюбодеяние» крестьянки в фастнахтшпиле “Das heiÙe Eisen“ представлено вербально количественными показателями по нарастающей от числа «один» к целому ряду чисел, гиперболически иллюстрирующих число ее любовников. Например: *mit unserem Kaplan* (с нашим капелланом) – *noch zwei Männer* (еще два человека) – *der Männer vier* (четыре человека) – *ja nur sieben* (да только семь) – *wohlleicht ein Dutzend* (пожалуй, целая дюжина) – *mit sovielen Männern* (с многими мужчинами). «Гиперболическая телесность» (М. Бахтин) находит отражение в ряде метафоро-метонимических моделей с семантикой «ухаживания, измены, негативных последствий связей», при этом гротескные образы концентрируются вокруг моментов, связанных с процессами естественного бытия человека: беременность, рождением, старостью и т. д. Например: *Hast einen Bankert jüngst getragen* (Да ты же рано «принесла» внебрачного ребенка); *Der Bauch ist dir schon wieder schwer* (Живот твой вновь тяжел). Натуроморфная метафора «ОГОНЬ» комически характеризует любовную «страсть / горение» героини: *im Leib und Herz entbrennen* (гореть душой и телом), *wie auf heißem Rost liegen* (досл. лежать, как на раскаленной решетке).

Различные формы фамильярно-площадной речи персонажей женского пола – ругательства, бранные слова с угрозой, проклятиями – расширяют диапазон представлений о негативных свойствах характера и поступках (FRECHHEIT). Небрежно-грубое обращение к мужу, включающее номинацию *Narr/Schalk*, демонстрирует не только низкую оценку интеллектуальных способностей обоих собеседников, но и сигнализирует о концептуальной связи номинации с дискурсом, центральной фигурой которого является «шут-дурак /плут». Ср.: *Du Narr* (Ты, дурак), синоним *du Tropf, du fauler, grober Bauernknopf* (ничтожество), *du Schalk* (плут) и др. Гротеск агрессивного поведения женщины, чаще словесной угрозы с ее стороны, вербализуется на основе ряда словосочетаний с семантикой «физического воздействия»: 1) ударить по какой либо части тела: *den Balg bleuen* (ударить по животу), *beidem Haar wecken* (будить кого-л. за волосы), 2) избивать с использованием какого-либо бытового инструмента: *mit dem Rocken, Kochlöffel schlagen* (ударить прялкой, ложкой), показывающих таким образом неправдоподобное «главенство» (ВЕРХ) женщины в «перевернутом мире» карнавала.

Негативно-оценочные квалификаторы, в содержательной структуре которых заложены диффузно-размытые представления языческого, мифологического, религиозного характера, дополняют иронически-гротескный образ. Ср.: *O Mutter, bös ist die Komplex! Fürwahr, bist eine alte Hex, / Milchdiebin und Unholdin gar.* (О мать, полна ты зла, старая ведьма, воровка молока, чертовка). Таким образом, когнитивные механизмы смыслообразования и речепорождения действующих лиц в дискурсе базируются на системе знаний и представлений о мире и человеке, сложившейся в историко-культурный период начала Нового времени. Профилирование негативно-оценочных концептов в дискурсе фастнахтспила обусловлено прагматической дидактически назидательной стратегией автора, направленной на высвечивание и осмеяние типичных слабостей человека и на его воспитание.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Roth M. “Umgekehrte Welt”? Macht, Sexualität und Geschlechterhierarchie im Fastnachtsspiel des späten Mittelalters // *Psychologie und Gesellschaftskritik*. 1997. № 21(3/4). S. 99–117.

Sachs H. Fastnachtspiele. Leipzig: Verlag Philip Reclam, 1973.

N. P. Dronova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF THE NOMINATIONS OF THE PROPERTIES OF FEMALE PERSONS IN FASTNACHTSPIL OF THE XVI CENTURY

Based on the cognitive-discursive analysis of the fastnachtspiles of the German playwright G. Sachs, negative evaluative concepts characterizing female persons were identified, and methods of verbalization due to the socio-cultural specifics of carnival discourse were shown.

Key words: discourse, nomination, cognitive-discursive analysis, conceptual-linguistic specificity, figurative-evaluative models.

*Д. С. Дудкова (Казань, Россия)
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ
dudkova-darina@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ХИП-ХОП ДИСКУРСА

Рассматриваются факторы, влияющие на когнитивную интерпретацию дискурса, на примере анализа текстов франкоязычного хип-хоп исполнителя. Подчеркивается, что мультимодальность будет играть все большую роль в процессе декодирования имплицатур. Делается вывод об особом значении пресуппозиционного знания, творческой ответственности реципиента.

Ключевые слова: контекст, интерпретация, хип-хоп дискурс, имплицатуры, коммуникативная интенция.

Речетворчество, равно как и восприятие и интерпретация текстов, это всегда когнитивный процесс, неотъемлемо связанный с индивидуальным опытом, особенностями психики, возможностями памяти и др. По замечанию Ж. Н. Масловой, текст имеет бинарную природу – он одновременно «существует как часть материального мира», и «как нематериальная часть ментального, культурного и социального пространства» [Маслова 2010: 175]. Текст не существует изолированно, вне социокультурного контекста, он создается и интерпретируется в конкретных ситуациях общения. Следовательно, обработка дискурса – одновременно когнитивное и социальное событие, «пользователи языка конструируют представление не только соответствующего текста, но и социального контекста, и эти два представления взаимодействуют» [ван Дейк и Кинч 1988: 159].

В существующей литературе понятиям «текст» и «дискурс» посвящено множество работ. В нашем исследовании мы придерживаемся широко принятого взгляда на дискурс как на текст, рассматриваемый вкупе с его экстралингвистическими характеристиками. Интерпретация текста, как уже было сказано, происходит с учетом контекста коммуникативной ситуации, который в свою очередь ограничен личностными особенностями коммуникантов. Лингвистически оформленный текст является неотъемлемым компонентом художественного произведения. Но «художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман 1996: 37].

Понимание имплицатур, заложенных автором, достигается в разной степени, находясь в прямой зависимости от реципиента, его когнитивных

характеристик. Согласно теории Т. А. ван Дейка и В. Кинча о стратегиях понимания связного текста, реципиент контролирует множество взаимосвязанных когнитивных процессов одновременно. Например, мотивации реципиента, его предположения об интенциях коммуниканта оказывают влияние на представление дискурса в его памяти. Стратегическое (под этим определением мы будем понимать наиболее эффективное и не ресурсозатратное с прагматической точки зрения) использование знания происходит в одно время с установлением связей между пропозициями текста, которое, в свою очередь, возможно благодаря имеющимся в долговременной памяти структурам построения высказываний, моделям схожих ситуаций, с которыми реципиент соотносит услышанное [ван Дейк и Кинч 1988: 160–177]. Иными словами, будет ли воспринято и декодировано сообщение, зависит от личного (житейского, академического, читательского, др.) опыта реципиента и его способности стратегически применить это знание.

Тем не менее, «специфика поэтического текста такова, что смысл не вытекает прямо из содержания» [Маслова 2010: 177]. Художественный текст представляется открытой семиотической системой, и простое соотношение услышанного с имеющимися фреймами не всегда может привести к удовлетворительному результату. Слова, используемые коммуникантом, зачастую лишь намек на интенцию, заложенную в его сообщении. Одно высказывание кроет в себе множество трактовок. Часто такая многозначность заложена автором намеренно. В других случаях они являются результатом установок реципиента. Импликатуры могут быть как эксплицитными, так и имплицитными, или даже «случайными» [Blakemore 1992: 57–58]. В этом и проявляется динамичность текста, его роль пространства, в котором совершается «процесс формирования смысла» [Маслова 2010: 175]. Если автор предпочитает не накладывать строгих эксплицитных ограничений на трактовку значений, то возрастает своего рода творческая ответственность реципиента [Blakemore 1992: 157]. Интерпретация в таком случае понимается как творческая деятельность реципиента, требующая усилий и готовности исследовать возможные прочтения обозначенных концептов. Поэтический текст, текст полный слабых импликатур, высоко конденсирован, т. е. единичная идея может включать в себя множество прочтений, количество которых будет зависеть во многом от реципиента. «Следовательно, понимание – это уже не просто пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а часть интерактивного процесса, в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего» [ван Дейк и Кинч 1988: 161]. Вместе с тем, следуя логике законов кооперации речевых актов Г. П. Грайса, можно предположить, что автором будут заложены такие импликатуры, которые реципиент сможет успешно декодировать. По словам А. Пилкингтона,

«цель поэтического произведения заключается не в том, чтобы затруднить понимание (реципиента) и превратить интерпретацию в непосильный ребус» [Blakemore 1992: 164].

К одним из наиболее популярных поэтических жанров сегодня можно отнести хип-хоп тексты. Изучение хип-хоп дискурса, как компонента остросоциальной субкультуры, которая оперативно реагирует на изменения, происходящие в локальных и глобальных сообществах, представляет живой интерес для исследователей множества гуманитарных направлений. Будучи разновидностью своего американского предшественника, франкоязычный хип-хоп разделяет с ним общие черты, например, зачастую обращается к схожему кругу тем, таким как социальная неустроенность, алкоголизм, насилие и т. п. Однако, безусловно, имеет специфический контекст становления и уникальные характеристики, среди которых стоит отметить виртуозное владение французским языком, внимание, с которым артисты подходят к слову, их знакомство с литературной традицией их культуры [Шмелев 2019: 109].

Путем сплошной выборки, мы отобрали для анализа ряд композиций популярного нормандского исполнителя, композитора и режиссера Orelsan. Его творчество изобилует игрой слов, характерной для франкоязычного медийного поля в целом, метафорами, пронизано горькой иронией и самоиронией.

Знакомство с любым текстом, как правило, начинается с заголовка. Жизнеутверждающее, на первый взгляд, название композиции “*Tout va bien*” (фр. «Всё в порядке», здесь и далее перевод автора), при последующем внимательном прослушивании приобретает грустный ироничный оттенок. Стилистика текста напоминает разговор ребенка и взрослого, укладывающего его спать. На это указывают частотные обращения “*petit*” (фр. «малыш»), кольцевая композиция текста (повторение фразы “*Dors, dors*” (фр. «Спи, засыпай») в начале и конце текста), отсутствие грубой лексики, что контрастирует с другими текстами Orelsan. Размеренный ритм и схожая структура пропозиций, выраженных условными предложениями, делают композицию мелодичной и похожей на тихую, убаюкивающую беседу. Все двустипишия содержат двойную рифму (прим.: “*Si le monsieur dort dehors, c’est qu’il aime le bruit des voitures / S’il s’amuse à faire le mort, c’est qu’il joue avec les statues*” – фр. «Когда мужчина спит на улице, он просто любит шум машин, / Он притворяется мертвым – балуется, замирает словно мим»), сильнее переплетая идеи куплетов между собой.

За экспликутурами, ориентированными, главным образом, на ребенка, который в силу своей наивности и недостатка знаний о мире, принимает их за истину, взрослый человек способен распознать импликутуры, подразумеваемые автором. Соотнося описываемые концепты с моделями реальных

ситуаций (замерзший бездомный на улице; женщина, жертва домашнего насилия, носит солнечные очки в дождливый день, чтобы скрыть побои; взрывы во время терактов и т. д.), с которыми он мог столкнуться в личной жизни, прочесть о них или услышать репортажи, взрослый человек распознает скрытые импликатуры. Двойной смысл пропозиций передает концептуальная сложность лексем. Например, говоря об исчезновении бездомного, герой использует следующее объяснение *“C'est qu'il est sûrement sur une île avec un palmier dans sa bière”*, где лексема *“île”*, (распространенное значение «остров») используется в значении «тот свет, смерть», а *“bière”* (часто «пенный напиток») в значении «гроб».

Рефреном в течение всей композиции для усиления суггестивного эффекта на реципиента повторяются фразы *“Tout va bien, petit, tout va bien”*, *“Dors, dors”*, которыми лирический герой пытается успокоить не только ребенка, но и себя, своего внутреннего ребенка, пытающегося закрыть глаза на социальные проблемы и несправедливость в обществе. Поэтому текст можно рассматривать не только как критику современного рэпера социума, но и персонализированный укор за подобное поведение его взрослым членам, ведь, как известно «сон разума рождает чудовищ».

Стоит отметить, что в случае песенного дискурса, его мультимодальность (например, сопровождение озвученным видеоклипом) сегодня является еще одним звеном в многокомпонентном процессе интерпретации. Видеоряд вносит внеочередное измерение, требующее самостоятельного осмысления и соосмысления его с текстом лингвистическим. Аудиовизуальные средства могут как вторить семантическим смыслам дискурса, который они сопровождают, так и предлагать возможные иные прочтения. Так, например, противопоставление аудио-видео ряда тексту, в видеоклипе *“Tout va bien”* соответствующей композиции активизирует иные эпизодические ситуации в долговременной памяти слушателя, они контрастируют с вербализованным текстом и ярко раскрывают имплицитную коммуникативную интенцию автора.

Таким образом, интерпретация отдельных пропозиций предполагает наличие специфического пресуппозиционного знания со стороны слушателя и пресуппозиции со стороны коммуниканта о наличии такого знания. Когнитивные механизмы интерпретации преимущественно универсальны, адресат обращается к имеющейся у него системе знаний и представлений, хранящихся как в оперативной, так и долговременной памяти. Тем не менее, восприятие любого текста будет сугубо уникальным, вследствие того, что специфические характеристики реципиента превращают интерпретацию в высоко индивидуальный опыт, который впоследствии окажет свое влияние на восприятие иных текстов.

Литература

- ван Дейк Т. А. Стратегии понимания связного текста / перев. с англ. В. Б. Смиренского // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 153–212.
- Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 1996.
- Маслова Ж. Н. Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5 (021). С. 174–182.
- Шмелёв В. В. Англоязычные заимствования в разрезе субкультуры во Франции // Вестник Московского университета. 2019. № 3(22). С. 105–119.
- Blakemore D. Understanding utterances: an introduction to pragmatics. Oxford: Basil Blackwell, 1992.

D. S. Dudkova (Kazan, Russia)

Kazan National Research Technical University
named after A. N. Tupolev – KAI

INTERPRETATION OF FRANCOPHONE HIP-HOP DISCOURSE FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE PRAGMATICS

Factors involved into cognitive interpretation of discourse are considered in the framework of francophone hip-hop discourse. Multimodality of discourse is claimed to gain a bigger scale in the deriving implicatures. A special role of presupposition and creative responsibility of a recipient are brought to the fore.

Key words: context, interpretation, hip-hop discourse, implicatures, communicative intention.

M. V. Ereshchenko (Rostov-na-Donu, Russia)

Южный федеральный университет
mar.ereshchenko@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАТИВНО-АТТРАКТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ

В статье рассматриваются вопросы конструирования новостного дискурса путем введения в заголовочный комплекс различных типов аттрактивов. Особую сложность представляет исследование природы самого процесса воздействия и измерение уровня воздействия при использовании аттрактивов.

Ключевые слова: аттрактив, заголовочный комплекс, новость, новостной дискурс.

Воздействующий потенциал новостного дискурса широко описан в работах зарубежных и отечественных ученых. Начнем с определения понятий «дискурс» и «новостной дискурс». Ю. М. Лотман рассматривается дискурс как генератор новых смысловых потоков, как разновидность культурной, социальной и идеологической практики, как вид социально-речевого поведения [Лотман 1992: 202]. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими-прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136–137]. Е. С. Кубрякова предложила, на наш взгляд, наиболее полную дефиницию: «дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (online), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525].

Что касается понятия «новостной дискурс», то Т. ван Дейк определяет его как когнитивную и социальную деятельность журналистов по производству текстов и их значений, с одной стороны, и как результат интерпретации этих текстов читателями, слушателями, зрителями, с другой стороны. Рамки интерпретации задаются социальными репрезентациями, которые предопределяют единую точку зрения [ван Дейк 1989: 123].

Новость обрабатывается с учетом экономических, политических, социальных и психологических аспектов. Ван Дейк предложил «формальную конвенциональную схему» новостного дискурса, где заголовок – высшая макропропозиция, вводка (lead) – верхняя часть макроструктуры, история или комментарий – нижняя часть макропропозиции [Van Dijk 1988]. Макроструктуры объясняют, почему большинство читателей обычно помнят только основные темы, т. е. более высокие уровни макроструктуры новостного сообщения.

Важной способностью новостного дискурса является дифференцированная интерпретация события: так, реципиент новости, информирующей о каком-то событии, может а) получать ее в виде лаконичного названия; в таком случае событие эквивалентно факту; б) получать краткое изложение события (его дайджест); в) иметь дело с детализированным изложением события; г) столкнуться с аксиологическим анализом события, содержащим прогноз грядущего события, вызванного описанным [Ereshchenko 2022; Klemenova 2022].

Таким образом, клиент новостного дискурса всегда имеет дело с событийной интерпретацией разной степени информативности, зависящей от степени

точности / приблизительности денотации факта / события соответствующим знаком, в свою очередь, детерминированной определенной коммуникативной интенцией продуцента. Следует отметить, что Е. И. Шейгал под информативностью предлагает понимать подачу (изложение) информации, характеризующуюся такими критериями, как небанальность, релевантность и адекватность [Шейгал 2000: 46]; по мнению Е. В. Ключева, важнейшим критерием является критерий небанальности или *content's novelty* (новизны содержания) [Ключев 1996: 218].

Особое внимание в исследовании уделяется заголовочным комплексам. Содержание текста в них репрезентируется в компрессированном виде. Благодаря информативно-аттрактивной, воздействующей функции заголовки легко воспринимаются, структурируются и по-разному интерпретируются реципиентами [Болдырев 2009; Болдырев 2019].

В задачи данного исследования входит рассмотрение той функции, которую актуализируют аттрактивы для инициации процессов новостного дискурсообразования и дискурсоразвертывания – интродуктивной функции. Аттрактивы конструируют семиотику заголовка, придавая контексту эмоциональность.

Приведем примеры, привлечение внимания читателей. Мы проанализировали характер актуализации таких аттрактивов в приведенных заголовках и обнаружили их типы (указывается тип и семиотизируемый им вариант аттракции).

South Korea: No information to corroborate US media report on Kim Jong Un gravely ill (USA Today: 2020); (Южная Корея: нет информации, подтверждающей сообщения американских СМИ о том, что Ким Чен Ын тяжело болен – *Перевод наш.* – М. Е.).

Обнаружены типы аттрактивов:

а) *дубионим* (от лат. *dubium* – сомнение, недостоверность) – трансляция неуверенности в достоверности информации об инфицировании северокорейского лидера коронавирусом (*No information to corroborate US media report*);

б) *фамосив* (от лат. *famosus* – [скандално] известный) – активация интереса к слухам о событии, якобы произошедшем с известной и недолюбиваемой Западом политперсоной (*report on Kim Jong Un gravely ill*);

в) *персоналия* – упоминание имени одного из мировых политических лидеров (*Kim Jong Un*);

г) *интенсив* – предположение о возможной тяжести заболевания (*gravely ill*).

Воздействующая сила цепочки аттрактивов в данном заголовке заключается в семиотической поддержке интенций агента новостного дискурса привлечь внимание клиента: обратим внимание на то, что расчет агента базируется на предположении о наличии у клиента ряда компетенций, таких как знание политической и культурной ситуации в Северной Корее; обладание информацией о личности ее нынешнего главы; критичность в отношении правдивости слухов о его инфицировании коронавирусом.

Police agencies are using drones to enforce stay-at-home orders, raising concerns among civil rights groups (USA Today: 2020); (Полицейские органы используют беспилотники для обеспечения выполнения гражданами распоряжения оставаться дома, что вызывает обеспокоенность групп борцов за гражданские права – *Перевод наш.* – М. Е.).

Аттрактивы:

а) *техноним* – денотация вовлечения IT-технологий в процесс контроля властью соблюдения порядка (*using drones to enforce orders*);

б) *империоним* (от лат. *imperium* – власть) – денотация субъектов трансляции распоряжений власти (*Police agencies; to enforce orders*);

в) *протектив* – коннотация возможности избежать заражения коронавирусом (*stay-at-home orders*);

г) *суспиционим* (от лат. *suspicionis* – предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-н. поступков, в справедливости чьих-н. слов, в честности чьих-н. намерений) – денотация недоверия и подозрительности по отношению к обоснованности действия властей со стороны политически активного населения (*raising concerns among civil rights groups*).

Аттракция пронизана интригой, основанной на подозрении населения, что власть использует цифровые технологии для слежения за людьми (вспомним Джорджа Оруэлла и его аналогию «правительство = Большой брат, следящий за тобой»). Читатель, разумеется, с громадным интересом ожидает дальнейшего развития анонсированного события в дискурсоразвертывании.

Таким образом, аттрактивы конституируют семиотику заголовочных комплексов, инициируя процесс дискурсообразования, при этом либо эмоционализируя контекст, либо размывая его, тем самым создавая интригу, побуждая клиента к дальнейшему чтению новостного материала, апеллируя к его эмоциональной, когнио-культурной или этнокультурной компетенции и поддерживая процесс дискурсоразвертывания.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Клюев Е. В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 212–220.

Кубрякова Е. С. Дискурс: определение и направления в его исследовании // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 519–531.

Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2000.

Ereshchenko M. Concept of Content-Based News Discourse Construction // Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces. – London: Routledge, 2022. – Ch. 7. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003266112-10>

Klemenova E. N. Local press in the digital age: Case Study / E. N. Klemenova, O. M. Farakhshina, M. V. Ereshchenko // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham: Springer, 2022. P. 1155–1159. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_192

van Dijk T. A. News analysis: Case studies of international and national news in the press. Hillsdale, New Jersey Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1988.

USA Today, 2020. URL: <https://www.usatoday.com/>

M. V. Ereshchenko (*Rostov-on-Don, Russia*)
Southern Federal University

ACTUALIZATION OF THE INFORMATIVE-ATTRACTION FUNCTION OF THE TITLE COMPLEX

The article deals with the issues of constructing news discourse by introducing various types of attractive elements into the heading complex. Of particular difficulty is the study of the nature of the process of influence itself and the measurement of the level of influence when using attractive elements.

Key words: attractive elements, heading complex, news, news discourse.

И. В. Ерофеева, Л. А. Усманова (*Казань, Россия*)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
erofeeva89@mail.ru

ЛЕТОПИСНЫЙ ДИСКУРС СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Применение когнитивного подхода к анализу важнейших для русского народа представлений имеет особое значение в диахроническом аспекте, поскольку позволяет проследить формирование концептуального наполнения многих значимых понятий, увидеть направления и пути развития смыслового содержания таких слов,

как *вера, любовь, дух, душа* и др., в совокупности семантических, аксиологических и когнитивных факторов.

Ключевые слова: летопись, мировоззрение, семантика, аксиология, культура, средневековье.

Понимание языка как орудия создания, развития, хранения и трансляции культуры позволяет обратиться к изучению лингвоспецифических конфигураций идей, заключенных в значении слов, выражений, синтаксических конструкций, словообразовательных моделях, невербальных средствах языкового выражения и т. п., и, соответственно, приблизиться к более полному осмыслению языковой картины мира носителей языков, прояснить осмысление индивидом своего места в социуме, определить его принадлежность к определенной культуре.

Лингвокультурологический подход к изучению языковых единиц позволяет определить их ментальные репрезентации, обозначить наиболее важные для культуры понятия, в которых заключены семиотический и культурный коды нации. Такой подход актуален как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. При обращении к древнейшим памятникам письменности возможно реконструировать наиболее значимые для человека средневековья понятия, определить их место в языковой картине мира того времени и тем самым воспроизвести особенности мировоззрения наших предков. По мнению когнитологов, формирование концептуальной системы как отдельного человека, так и социума в целом «не может не зависеть во многом от времени и места проживания, исторической эпохи, социального статуса человека и его взаимоотношений с другими людьми» [Болдырев 2013: 11].

Летописный текст представляет богатейший материал для проведения лингвокультурных исследований, и не только потому, что в нем соединились произведения разной жанровой направленности, но и потому, что в нем отразились идейные установки своего времени. Летопись не была произведением одного автора, она писалась на протяжении длительного времени, и ее составители выполняли поручение духовных или светских властей. Наиболее ярким произведением данного жанра является «Повесть временных лет» [ПВЛ 2001]. Будучи памятником монастырского летописания, составленным в Киево-Печерском монастыре, она отличается особым вниманием к вопросам духовным. Хотя, как и в любой другой летописи, в ней перемежаются произведения разной жанрово-стилистической направленности. Однако даже в воинских повестях, написанных по конкретным историческим материалам, победы и поражения русских князей связываются с божественным предначертанием, наказанием за совершенные грехи.

Для передачи представлений о мире вечном, духовном необходимы были соответствующие лексические единицы. Среди них были как непроизводные, так и созданные по определенным словообразовательным моделям. В эпоху христианизации Руси особое место приобретают понятия, вошедшие в круг религиозной терминологии. В древнейших текстах содержится значительное количество примеров, в которых представлено отражение влияния византийского христианства на языческое сознание славян. Появление новых религиозных смыслов у существовавших и в дохристианский период лексем было объективным процессом наполнения их новым концептуальным содержанием. В процессе формирования религиозной терминологии они становятся ключевыми концептами русской духовной культуры.

Так, к праславянскому лексическому фонду относятся лексемы *вѢра*, *слава*, *мука*, *воля*, *судь*, *скорбь* и др., функционировавшие в профанном смысле на протяжении многих веков. В новых условиях, начиная с X–XI веков, они входят в круг понятий, связанных с духовной жизнью, а потому имеют особый аксиологический статус. Новые сакральные смыслы способствуют транспозиции лексических единиц из всеобщего языка в групповой [Верещагин 1982: 107].

Одной из важнейших категорий национальной культуры становится понятие *вѢра*. В древнерусском языке слово *вѢра* имело ряд значений «истина, правда», «присяга, клятва», «доверие», на базе которых и появилось специальное религиозное значение, калькированное из греческого языка – «сознание божественного закона, религия».

В «Повести временных лет» именно это новое значение выходит на первый план, при этом слово *вѢра* входит в ряд устойчивых ситуативных формул Древней Руси, связанных с конфессиональным мировоззрением средневекового человека, например: «*ВѢра бо наша свѣтъ есть*» (ПВЛ, 986 г.). Такие значимые для культуры понятия выступали как семантические синкреты, вбиравшие совокупность смыслов, эксплицирующихся в определенных контекстах.

Поэтому данная лексема употребляется прежде всего в религиозных произведениях, вошедших в летописный текст: «Речи философа» (11 словоупотреблений), «Символе веры Владимира» (9), «Сказании о Борисе и Глебе» (3), где оно выступает со значением «вероисповедание, вера, религия». Например, в «Символе веры»: «*Якоже оувѣдѣши страны хрестьяньския. оутверди вѢру в них праву и несовратьну*» (ПВЛ, 988 г.) и др. Значение «доверие» также является актуальным в рассматриваемую эпоху и сохраняется до настоящего времени. В летописи оно актуализируется в контекстах, повествующих о военных событиях: «*И рекоша не имуть вѢры наши князи. аще не ядят сами*» (ПВЛ, 997 г.); «*Давыдъ же емь вѢру лживым словом*» (ПВЛ, 1097 г.).

К важнейшим проявлениям человеческой культуры издревле относились и такие понятия, как «дух» и «душа». В летописях употребление соответствующих лексем согласуется с существовавшим уже тогда представлением о двух ипостасях человека – его внешней оболочке и внутренней сущности. Средневековое понимание категорий «дух» и «душа» как созданных Богом характерно для всех религий мира. Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» позволяют воспроизвести систему значений лексем *духъ* и *душа*, актуальных для средневекового периода, и понять их иерархию. Так, ученые выделяют у слова *духъ* 12 взаимосвязанных значений. Первыми отмечаются те, которые относят *духъ* к явлениям природного, физического мира: «дуновение, движение ветра», «испарения, запах». Далее у слова *духъ* выделяется значение, представляющее физиологическое проявление человеческой природы – «дыхание», и, наконец, наиболее значимое, имеющее отношение к внутренней организации личности – «душа, жизнь», а также специальное религиозное значение «бесплотное сверхъестественное существо, собственно дух».

Таким образом, от конкретных значений, связанных этимологически с корнем *дути*, происходит расширение семантического объема до номинации ключевых концептов русской культуры. Характерно, что в древнерусском языке слово *духъ* могло выступать как синоним слов *душа* и *жизнь*. В значении слова *духъ* отразилось, с одной стороны, представление о внутреннем мире человека, душе как средоточии этических и моральных норм, с другой стороны, *духъ* – это Святой Дух, третья ипостась Бога. При этом на первый план в системе значений слова *духъ* выходит именно Святой Дух, о чем свидетельствуют примеры употребления в контекстах летописных статей: «*Сниде Духъ Святыи на апостолы, приимше обЪтованье Святаго Духа и разидошася по вселенЪи оучаще и крестяще водою*» (ПВЛ, 986 г.).

В смысловом содержании понятие «душа» очень близко понятию «дух», чему способствует и общность происхождения, и единая внутренняя форма, и вхождение данных лексем в круг номинаций религиозно значимых понятий. Но уже в древности происходит их семантическая дифференциация, затрагивающая как когнитивно-психологический, так и онтологический аспекты: если *духъ* – это «бесплотное, сверхъестественное существо, существующее в недоступном нам духовном мире», то *душа* – «бесплотное существо, являющееся носителем жизни и духовного мира человека», поэтому одним из словарных значений слова *душа* является «человек».

В христианской концепции мира важное значение приобретает и понятие *любовь*. Божественная природа данного чувства, восприятие Бога как источника любви обуславливает его лингвокультурное понимание в средневековье. Так как Бог устойчиво ассоциировался с любовью и яв-

лялся ее источником, именно способность к проявлению данного чувства способствовала приобщению к Богу. В «Повести временных лет» нашло отражение христианское понимание любви в Древней Руси. Летописцы использовали произведения религиозной литературы в качестве источника сентенций на нравственно-этические темы. В погодной статье 1078 года отражается значимое для христиан понимание сущности любви в цитате из «Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова»: *«Яко Иоанъ глаголетъ: Богъ любви есть, пребываяи в любви в БозѢ пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ»* (ПВЛ, 1078 г.).

Высшая форма любви – это любовь к Богу, потому что и сам Бог является воплощением любви и сутью его отношения к людям. В летописи приводится интерпретация библейского представления о данном чувстве: *«Сю заповѣдь имам от него, да любяи Бога любить брата своего, в любовь бо все свершается, любве ради и грѣси расыпаются, любве бо ради сниде Господь на землю, и распяться за ны грѣшныя»* (ПВЛ, 1078 г.).

Наряду с этим понятие *любовь* имело отношение и к реальной действительности, отражало отношения между людьми. Однако, в отличие от современного русского языка, в Древней Руси осмысление любви было ближе к понятию *дружба*. Слово *любовь* имело значения «привязанность», «благосклонность», «приверженность», «согласие», что характеризует именно дружеские отношения. Значение «страсть, влечение к лицу другого пола» также отмечается «Словарем русского языка XI–XVII вв.», однако в этом значении оно отмечается в летописи в единичных примерах, потому что сама личная жизнь еще не являлась предметом описания.

Таким образом, реконструкция значимых для культуры понятий по материалам летописных текстов позволяет изучать историческую семантику в неразрывном единстве с культурными ценностями эпохи, дает возможность наблюдать за формированием ключевых концептов русской культуры, историей их семантического развития, истоками смыслов, заложенных в эти понятия в глубокой древности, еще в дописьменный период. В эпоху христианизации Руси ключевые концепты русской культуры приобретают новое смысловое наполнение, обусловленное как влиянием православной традиции, так и комплексом социальных, исторических и культурных факторов.

Литература

Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (034). С. 5–13.

Верещагин Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминоворочества // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 105–114.

ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. С. 1–286.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН, Институт русского языка. М.: Наука, 1975–2006. Вып. 1–28.

*I. V. Erofeeva, L. A. Usmanova (Kazan, Russia)
Kazan Volga Federal University*

CHRONICLE DISCOURSE THROUGH THE PRISM OF COGNITIVE RESEARCH

The application of the cognitive approach to the analysis of the most important ideas for the Russian people is of particular importance in the diachronic aspect, since it allows us to follow the formation of the conceptual content of many significant concepts, to see the directions and ways of developing the semantic content of such words as *вера, любовь, дух, душа*, etc. in the aggregate of semantic, axiological and cognitive factors.

Key words: chronicle, world outlook, semantics, axiology, culture, Middle Ages.

*О. И. Калинин, Е. Г. Князева (Москва, Россия)
Военный университет им. князя Александра Невского
okalinin.lingua@gmail.com*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

В статье рассмотрена информационная война как целенаправленное стремление изменить образ реальности. Изучение этого процесса предполагает выявление концептов-мишеней из числа базовых основ культуры и менталитета через дискурсивные тактики, предопределяющие закономерности воздействия на концептуальную сферу «противника».

Ключевые слова: информационная война, концепт-мишень, дискурс-анализ, речевое воздействие.

В последнее время мы все чаще сталкиваемся с тем, что информация перестает быть просто формой сохранения и передачи знания, а процесс массовой коммуникации в области медиа, как традиционных, так и новых, превратился в перманентно осуществляемое речевое воздействие. В этой

связи информационная война (*далее* – ИВ) и смежные с ней понятия и явления представляются нам важным предметом исследования лингвистики, где последняя может проявить себя как поистине «наука стратегического значения».

С точки зрения лингвистики ИВ рассматривается обычно как коммуникативное явление, «информационное воздействие друг на друга с использованием технологий для получения преимущества в материальной или идеологической сфере» [Колмогорова, Сквородников 2017: 11].

Многие ученые отмечают, что ИВ связана с когнитивной сферой, поскольку объектом воздействия в рамках ИВ оказываются ментальные структуры. Так, подчеркивается, что ИВ – это разновидность «языкового воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления или подчинения» [Колмогорова, Сквородников, Копнина 2017: 12], «коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [Почепцов 2015: 121], «информационные воздействия на общественное (массовое) сознание с целью внесения изменений в когнитивную структуру» [Коцюбинская 2015: 95].

Все приведенные определения в равной степени характеризуют ИВ как коммуникативное явление, указывая на когнитивную сферу как на объект ИВ. Больше внимание уделяется прагматическим аспектам языкового воздействия, а центральное место в вопросе изучения ИВ занимают «речевые тактики и приёмы речевого воздействия, благодаря которым актуализируется коммуникативная/речевая стратегия» [Кушнерук 2019: 15].

При этом нам кажется принципиально важным обратить внимание на возможность смены угла зрения на ИВ. В контексте трансформации ИВ в массовое, перманентно осуществляемое воздействие ее следует рассматривать как последовательное изменение и/или конструирование образа реальности, достигаемое за счет использования различных коммуникативных стратегий. В данном случае мы переносим акцент с средств ведения ИВ на ее цель, а цель любого процесса – есть основание для его феноменологического осмысления.

В этой связи на передний план исследования феномена ИВ выходит не столько рассмотрение тактик и стратегий речевого воздействия, сколько ее когнитивная сущность, осуществляемая в контексте дискурсивной деятельности, поэтому мы полагаем использование когнитивно-дискурсивного подхода к рассмотрению феномена ИВ не только возможным, но и обязательным.

Методология этой парадигмы была сформулирована Е. С. Кубряковой: «в этой парадигме, по сути своей функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неиз-

бежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения)» [Кубрякова 2004].

Рассматривая дискурс как «единство языковой формы, значения и действия в социальном контексте» [Калинин 2018: 13], мы можем полагать, что одна из основных функций дискурса – это продуктивная репрезентация окружающего мира в формально-языковых структурах, что делает дискурс одним из инструментов познания мира и конструирования концептуальной картины мира человека. В целом это предполагает, что любой анализ дискурса, есть, по сути, исследование в рамках когнитивной парадигмы.

Т. ван Дейк также подчеркивал, что «взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами – не просто корреляционное или каузативное, а... сложный социокогнитивный процесс» [ван Дейк 2014: 21].

В этой связи, анализируя отдельные речевые произведения как элементы ИВ, исследователь прежде всего опирается на возможности дискурс-анализа, главной сложностью которого в данном случае выступает многообразие концептуальных подходов и методических приемов.

Для анализа ИВ наиболее релевантным представляется подход, разработываемый в работах Т. ван Дейка, чья модель дискурс-анализа базируется на вычлениении из коммуникативных практик и/или конкретных текстов конституирующих их смысловых блоков, которые позволяют идентифицировать идеологическую позицию автора текстов и навязываемое им читателям «определение ситуации» [ван Дейк 1989: 45–60], в совокупности с методом критического дискурс-анализа, согласно которому «социальный контекст однозначно подчинен языковому контексту, который ограничивает первый своими языковыми условностями и доступными ему интеллектуальными ресурсами» [Бёдекер 2010: 8–13].

И. В. Троцук указывает на две возможных стратегии дискурс-анализа: восходящую и нисходящую. Первая предполагает сплошной контент-анализ, позволяющий «реконструировать дискурс, риторические и прагматические характеристики которого можно было бы эксплицировать на достаточно широкую область практикам описания мира в данной социальной структуре» [Троцук 2016: 10]. Так, применительно к анализу ИВ можно предположить, что такой подход предполагает признание любого публичного речевого произведения элементом ИВ, который подлежит анализу, призванному выявить закономерности отдельных лингвопрагматических характеристик, определяющих воздействие. Основной целью такого анализа является выявление дискурсивных практик, представляющих собой систематизированную логику ИВ. Иными словами, восходящий дискурс-анализ в контексте изучения ИВ, – есть выяснение «тактики ведения боевых действия» и определение «типа используемого оружия».

Нисходящая стратегия, согласно И. В. Троцук, чаще всего основана на критическом дискурс-анализе и призвана «обнаруживать «вшитые» в конкретные тексты идеологемы и модели действительности» [Троцук 2016: 8]. Предполагается, что исследователь сначала определяет некий дискурс как доминанту, отличающуюся набором закономерностей отражения социального контекста, и затем «спускается» через дискурсивные тактики и стратегии к отдельным идеологемам и их интерпретации сквозь призму социальной действительности. Так, применительно к анализу ИВ можно заключить, что нисходящая траектория базируется на изначальном определении дискурса ИВ, в рамках которого исследуются отдельные тексты. Основной целью такого анализа является выявление идеологем и моделей конструирования действительности, поэтому можно сказать, что нисходящий дискурс-анализ – есть поиск «целей для атаки», определение «уязвимых мест в обороне».

Принимая во внимание онтологическое системное сходство ИВ и войны конвенциональной, мы полагаем, что обе описанные стратегии будут эффективными в зависимости от исходных задач исследования, так как в обоих случаях мы проходим по «лестнице» Н. Фэйркло: текст (лексико-синтаксические особенности), дискурсивные практики (социальный контекст порождения высказывания + его прагматические особенности), социальная действительность. Ключевым является, пожалуй, не направление «движения по лестнице», а системный учет всех трех вышеуказанных уровней.

В контексте понимания ИВ как процесса целенаправленного изменения и/или конструирования образа реальности финальной целью дискурс-анализа является выявление концептуальных основ, на которые направлен этот процесс. Как восходящая траектория анализа от текста к социальной действительности, так и нисходящая от социального контекста к тексту призваны через выявляемые дискурсивные практики определить те концепты-фреймы, которые находятся «под огнем».

Отметим, что чаще всего это базовые концепты, составляющие основы культуры и менталитета: СЕМЬЯ, СВОБОДА, ВЕРА, которые стоит четко отделять от идеологически и политически маркированных концептов: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, КОРРУПЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ.

Так, примером когнитивно-дискурсивного подхода к анализу ИВ может быть, информационное воздействие в американском медиа дискурсе относительно так называемой «торговой войны» с КНР. Исследователь может заметить, что отдельные сообщения про «неравноправие тарифов и пошлин», «торговый дисбаланс» перемежаются обвинениями в «гонениях на уйгуров», «подавлении протестов». Так, логика ИВ прослеживается в воздействии через концептуальное содержание идеологем «права человека», «авторитаризм» к попытке изменения представлений о «свободе» и «власти» применительно

к Китаю как у домашней аудитории для оправдания реализуемой политики и аудитории в других странах для получения одобрения своих действий, так и аудитории «противника» для достижения преимущества.

Таким образом, рассмотрение ИВ в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы предполагает не только учет когнитивной природы воздействия, но и осознание стратегической цели ИВ как целенаправленного стремления изменить образ реальности, что предполагает выявление концептов-мишеней из числа базовых основ культуры и менталитета. Подобный анализ предполагает проведение последовательного критического дискурс-анализа, где центральной единицей анализа является текст в совокупности с социальным контекстом, а предметом исследования – дискурсивные тактики, предопределяющие закономерности воздействия на концептуальную сферу «противника».

Литература

Белошапкина Т. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории актуальности) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 214–218.

Бёдекер Х. Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера: пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34–65.

ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. О. А. Гулыги, сост. В. В. Петрова, под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.

Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: ООО «Издательство «КноРус», 2018.

Колмогорова А. В., Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны. Книга 1. Красноярск: СФУ, 2017.

Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. Т. 4(54). С. 93–96.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63(3). С. 3–12.

Кушнерук С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая Лингвистика. 2019. № 6 (6). С. 12–22.

Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015.

Троцук И. В. Варианты реализации дискурсивного анализа в социологических (и не только) исследованиях // Материалы V Всероссийского социологического конгресса-2016: «Социология и общество: Социальное неравенство и социальная справедливость». Москва-Екатеринбург, 2016. С. 1–11.

Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities // Discourse & Society. 1993. No 4. P. 133–168.

O. I. Kalinin, E. G. Knyazeva
(Moscow, Russia)
Military University

COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO INFORMATION WAR

The article considers the information war as an intentional changing the image of reality. The study of this process involves the identification of target concepts from among the basic foundations of culture and mentality through discursive tactics that predetermine the patterns of influence on the enemy's conceptual sphere.

Key words: information war, target concept, discourse analysis, speech impact.

К. С. Карданова-Бирюкова *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
kardanova-birukovaks@mgpu.ru

ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ (на материале интернет-форумов)

В фокусе исследования находится психолингвистическая интерпретация, в которой коммуникация рассматривается как сложное семиотическое пространство, в котором происходит смыслопорождение. Такое толкование коммуникации в наибольшей степени применимо к интернет-общению, поскольку здесь теряется значимость отдельного собеседника, а каждый коммуникант взаимодействует с гетерогенной коммуникативной средой. В докладе представлены некоторые результаты проведенного исследования и теоретические постулаты, позволяющие моделировать динамику коммуникации в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-дискурс, эксперимент, коммуникативное поведение, смыслопорождение.

Как организующее начало социума и основа бытия человека коммуникация представляет интерес для ряда наук: философии (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Э. Кассирер, Л. Витгенштейн, М. Кастельс и др.), психологии (Т. Ньюкомб, Г. Малецке и др.), логики (Дж. Остин, Дж. Серль, Т. ван Дейк, П. Грайс, Дж. Лич и др.), технических наук (К. Шеннон, У. Уивер, Н. Винер, Р. Рид и др.), социологии (Н. Луман, Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, Э. Кац,

М. де Флёр и др.), лингвистики (В. фон Гумбольдт, Ч. Осгуд, Н. Хомский, Р. Якобсон, В. Матезиус, И. Э. Клюканов и др.) К магистральным исследовательским парадигмам относятся структурно-типологическая, герменевтическая, риторическая и ряд др. [Клюканов 2010]. Наше исследование связано с психолингвистической традицией, в центре внимания которой исконно находилась коммуникация как та среда, в которой осуществляется речевая деятельность человека. Следовательно, через изучение коммуникации как социального бытия человека возможно моделирование процесса порождения речи субъектом коммуникации и/или процесса понимания речи реципиентом, а также моделирование когнитивных процессов, лежащих в основе первого и последнего. Иными словами, коммуникация представляет собой комплексное семиотическое пространство, в котором осуществляется смыслопорождение.

Такое толкование коммуникации в наибольшей степени применимо к интернет-общению, поскольку здесь теряется значимость отдельного собеседника, а каждый коммуникант взаимодействует с гетерогенной коммуникативной средой. В силу обезличенности и дистантного характера этого общения интернет-коммуниканты в меньшей степени ориентированы на поддержание диалога с конкретным собеседником. Напротив, интернет-общение носит гибкий характер, в ходе которого выстраивается полилог, в котором одновременно участвует значительное количество собеседников, при этом они могут вступать в коммуникацию и выходить из нее в любой произвольный момент времени, даже обрывая коммуникативные цепочки. Такая коммуникация отличается нелинейностью и отсутствием четкого прогнозируемого сценария развития.

Так возникают особые условия, в которых происходит смыслопорождение. Возможны самые разные сценарии коммуникативного поведения участников интернет-общения благодаря снятию ряда барьеров и возможности отступления от социально-одобряемых коммуникативных норм.

Методологическую основу исследования вариативности коммуникативного поведения может составлять аутопоэтическая теория – одно из центральных направлений общей теории систем [Берталанфи 1969]. Исконно разработанная для описания эволюции живых организмов теория аутопоэза трактует поведение живой системы как постоянный процесс адаптации в конструируемой ею среде. При этом среду составляют не объективные параметры окружающего живую систему пространства, а те элементы, которые эта живая система способна воспринимать с учетом своей организации и которые релевантны для ее бытия [Maturana, Mpodozis, Letelier 1995; Карданова-Бирюкова 2021]. Эти методологические установки в наибольшей степени применимы к интернет-общению, отличающемуся гибкостью

и возможностью выстраивания коммуникативного пространства субъектом коммуникации самостоятельно.

Следует отметить, что аутопоэтическая теория представляет собой очень перспективную исследовательскую парадигму и применяется для решения разных научных задач [Danesi 2009; Iba 2010; Реџек, Ovsenik 2018 и др.].

Как представляется, наиболее перспективным инструментом изучения вариативности коммуникативного поведения участника общения на интернет-форумах является эксперимент (см. рассуждения о важности подобных экспериментов в [Сулейманова 2013; Карданова-Бирюкова 2018] и др.). Экспериментальным путем возможно задавать вектор развития речевого поведения участника интернет-общения и анализировать то, насколько стереотипным или вариативным является прогнозируемый сценарий коммуникативного поведения в каждом заданных кейсов.

Так, участникам эксперимента – молодым людям студенческого возраста, что уже позволяет считать их активными участниками интернет-общения (поскольку статистически подтверждено, что пользователями интернет-форумов, социальных сетей, разного рода чатов и др. форматов дистантной коммуникации являются именно люди в возрасте до 25 лет), – предъявлялись фрагменты интернет-коммуникации, после прочтения которых испытуемым предлагалось написать ответную реплику, как если бы они были участниками этого коммуникативного события. При этом кейсы задавались с учетом разных параметров – стимульные реплики могли быть объемными или компактными, более общего или более частного содержания, требующие фоновых знаний или нет, разной тональности и т. д. Ответные реплики далее систематизировались и анализировались в зависимости от того, как строилось ответное речевое действие.

Так, результаты проведенного исследования показали, что во многих случаях участники интернет-общения пользуются стереотипными коммуникативными формулами, не адаптируя ответ под заданные условия осуществления коммуникативного взаимодействия. Видимо, дистантность интернет-общения воспринимается многими как основание для минимизации коммуникативного усилия. При этом частотно использование стратегии самопрезентации, когда в формулируемом ответном речевом действии участник интернет-общения не стремится выдержать единую вопросно-ответную линию, а скорее ориентирован на демонстрацию собственного опыта, знаний, достижений или, напротив, агрессии, в том числе намеренной дискредитации собеседника.

Дальнейший анализ данных, полученных экспериментальным путем, и актуальных моделей коммуникативного поведения, наблюдаемых при анализе интернет-форумов, чатов и социальных сетей, позволяет делать выво-

ды о специфике выстраивания речевого поведения субъекта коммуникации в интернет-пространстве, о степени стереотипизации или уникальности сценариев коммуникативного поведения и пр. особенностях интернет-взаимодействия. В этом видится важность и перспективность планирования и создания дизайнов подобных экспериментов.

Таким образом, методология аутопоэза дает возможность задавать измеряемые параметры динамического объекта, а следовательно строить модель, в которой учитывается пластичность субъекта коммуникации, проявляющаяся в его постоянной адаптации в конструируемой им среде. Такая модель коммуникации позволяет задавать измеряемые параметры этой семиотической среды, а динамичность коммуникации приобретает фиксацию через языковые единицы и стереотипные речевые действия как конвенциональные способы трансляции смыслов. В интернет-общении эта модель реализуется наиболее очевидным образом и открывает целый ряд исследовательских перспектив в исследовании интернет-коммуникации.

Литература

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

Карданова-Бирюкова К. С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2018. № 1 (17). С. 85–97. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.9>

Карданова-Бирюкова К. С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 24–34. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_24.

Клюканов И. Э. Коммуникативный универсум. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Сулейманова О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 60–68.

Danesi M. Explaining change in language: a cybersemiotic perspective // Entropy. 2009. # 11(4). P. 1055–1072. URL: <https://doi.org/10.3390/e11041055>.

Iba T. An autopoietic systems theory for creativity // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2010. # 2 (4). P. 6610–6625. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.04.071>.

Maturana H. R., Mrodozic J., Letelier J. C. Brain, language and the origin of human mental functions // Biological Research. 1995. Vol. 28. P. 15–26.

Peček T., Ovsenik M. Organization, autopoiesis and human potential as paradigm of the future organization // Organizacija. 2018. # 51 (3). P. 208–218. URL: <https://doi.org/10.2478/orga-2018-0015>.

K. S. Kardanova-Biryukova (*Moscow, Russia*)
Moscow City Pedagogical University

**PRINCIPLES OF MODELING COMMUNICATIVE
BEHAVIOR ON THE INTERNET
(based on Internet forums)**

The focus of the study is psycholinguistic interpretation, in which communication is viewed as a complex semiotic space in which meaning is generated. This interpretation of communication is most applicable to Internet communication, since the significance of an individual interlocutor is lost here, and each communicant interacts with a heterogeneous communicative environment. The report presents some results of the study and theoretical postulates that allow modeling the dynamics of communication in the Internet space.

Key words: Internet communication, Internet discourse, experiment, communicative behavior, meaning generation.

В. В. Катермина, И. В. Чернова
(*Краснодар, Россия*)
Кубанский государственный университет
veronika.katermina@yandex.ru,
chernova.iv.elt@mail.ru

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Настоящее исследование посвящено изучению коммуникативной толерантности в педагогическом дискурсе как стратегии поиска компромисса и предупреждения конфликтов. В ходе исследования нами были описаны конфликтные ситуации, возникающие в образовательной среде высшей школы и способствующие проявлению коммуникативной толерантности, предложены способы избегания конфликтов и пути поиска компромиссов.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность, дискурс, педагогический дискурс, когнитивная прагматика.

Вопрос выстраивания толерантных отношений является одним из самых важных проблем современного общества. Тем самым исследование способности человека противостоять выражению негативных эмоций, агрессивности, конфликтности, безапелляционности представляется нам

чрезвычайно актуальным. Когнитивная природа коммуникативной толерантности проявляется в том, что речевое поведение и решение языковых проблем тесно связаны с сознанием и мышлением человека. С точки зрения лингвистической прагматики толерантность является коммуникативной стратегией, способствующей эффективному достижению коммуникативной цели путем преодоления исходных негативных интенций адресанта, смягчения эксплицируемой отрицательной оценки, обеспечения комфортной коммуникации. Вопросы определения понятий толерантности и коммуникативной толерантности привлекают внимание многих исследователей [Верецагина, Гафиатулина, Самыгин 2018; Головатая 2006; Михайлова 2004; Муллагалиев, Погорельская, Пришлова, Яруллин 2010; Перцев 2005; Селютин 2006; Стернин 2001].

Объектом нашего исследования был выбран педагогический дискурс, в рамках которого мы выявляем участников и типы взаимодействия между ними, описываем конфликтные ситуации и коммуникативные тактики, с помощью которых реализуется стратегия коммуникативной толерантности. Основанием для проведения исследования стал рост конфликтных ситуаций, возникающих в образовательной среде высшей школы в целом и в частности на факультете иностранных языков. Участниками педагогического дискурса являются учащиеся, взаимодействующие с педагогами, контентом и друг с другом, педагоги, обменивающиеся между собой профессиональным опытом и знаниями, и родители учащихся, интересующиеся их обучением [Катермина, Чернова 2022].

Исследование показало, что в пределах всех обозначенных типов взаимодействий могут возникать конфликтные ситуации.

1. Учащийся – контент. Примером зарождения конфликта в данном случае может служить отказ студента читать выбранное для курса домашнего чтения произведение определенного автора, обосновав это буквально следующими словами: *“I think he/she is a mediocre writer, his/her novels are second-rate, and I don't know how reading them can contribute to my knowledge of English”*. В данной ситуации педагог постарался разобраться в причинах такого суждения и далее обосновать выбор литературы. Далее компромисса удалось достичь путем расширения поля работы с произведением, знакомства с рецензиями, критическими статьями, мнениями читателей, обсуждения их в группах и индивидуально. Тем самым удалось прийти к такой форме работы, когда студенты не только получают возможность высказать свою точку зрения, но и познакомиться с другими мнениями, обсудить их, обосновать каждое, заставить свой мозг мыслить критически, а не вступить в конфликт с контентом и из этого конфликта ничего не получить. Конфликт – это всегда стресс, он должен быть толчком к чему-то

продуктивному, а не тупиком, стеной, в которую мы упираемся и перестаем развиваться.

2. Преподаватель – студент. Те конфликтные ситуации, которыми поделились с нами коллеги, в большинстве своем возникали на почве взаимодействия студент – контент. Личных неприязненных отношений между педагогами и обучающимися удастся избежать. Споры и противоречия же, возникающие в точках зрения на современные реалии, всегда происходят на почве ценностей и убеждений, которые формируются с детства под влиянием семьи, окружения, воспитания, культуры и так далее, поэтому спор, где сталкиваются убеждения, и где люди, помимо всего прочего, хотят убедить другого в чем-то и хотят смены его позиции, самый трудноразрешимый. Сталкиваясь с дискуссионным вопросом в рамках занятия нам всегда нужно руководствоваться парадигмой: *we feel the way we think and we act the way we feel*. В связи с этим преподавателю при обсуждении дискуссионного вопроса необходимо давать студенту больше времени на обдумывание ответа, которое необходимо, чтобы снять внутреннюю напряженность, попросить выразить мысль в письменной форме, которая поможет снять избыточную эмоциональность ответа.

3. Конфликтные ситуации, возникающие в рамках взаимодействия педагогов во многом протекает в русле профессионального развития и представляются нам сегодня как самые болезненные. Конфликтные ситуации в данном типе взаимодействия являются результатом столкновения поколений, взглядов на методологические и психологические основы преподавания, отношений к традиционным и более современным подходам к обучению.

4. Студенты между собой. Конфликтные ситуации между обучающимися на факультете иностранных языков редки, но иногда могут разворачиваться на почве разницы во взглядах, на какую-либо проблему, что неудивительно. Также иногда возникают конфликты между студентами, имеющими разные уровни владения языком. В данном случае причиной разногласий выступает какая-то внутренняя нетерпимость к «чужим», «не таким, как я». И к сожалению, нетерпимых студентов становится все больше. В речи учеников интолерантность проявляется в использовании вопросительных предложений и императивов (*Ну, как этого можно не знать? Давайте посидим и подождем!*), междометий (*Эх, опять ошибся! Фух, наконец-то правильно! Увы!*), языка тела: *ёрзанье, цоканье, постукивание пальцами по столу*. В данном случае появляется необходимость толерантность воспитывать – через парную или групповую работу, выполнение совместных проектов, творческих заданий, в которых каждый из учащихся имел бы возможность проявить себя, показать свой талант, потенциал, который может быть и не связан непосредственно с изучением

материала или уровнем владения им, но благодаря которому задание может быть выполнено, решение найдено, компромисс достигнут.

Как известно, современные проблемы требуют современных решений, однако, те способы, с помощью которых общество сегодня «решает» споры (блокировка в социальных сетях и мессенджерах, закрытие доступа к сайтам, контенту или ресурсу, отмена индивида и даже целого профессионального сообщества) не применимы ни в педагогической среде, ни в какой-либо еще. В ходе исследования мы установили, что одним из главных способов предупреждения, нивелирования и разрешения конфликтных ситуаций является *диалог*, навыком ведения которого должны владеть не только ученики, но и педагоги, оставив ультимативные формы коммуникативного поведения в прошлом. Только предоставление обратной связи, побуждение к обсуждению, наставничество, обоснованность, аргументированность и доказательность каждого аспекта педагогической деятельности могут способствовать снижению конфликтности.

Литература

Верещагина А. В., Гафиатулина, Н. Х., Самыгин, С. И. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 61–64.

Головатая Л. Г. Толерантность как проблема философии образования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006.

Катермина В. В., Чернова И. В. Средства, технологии и типы взаимодействий в цифровом образовательном пространстве. Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе: сб. науч. тр. Вып. 6. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. С. 118–125.

Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 15–26.

Муллагалиев Н. К., Погорельская М. И., Пришлова А. А., Яруллин Б. Р. Толерантность как основная составляющая личности педагога (на примере многоязычной модели образования в Республике Татарстан) // Актуальные проблемы педагогики и психологии детства: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2010. С. 275–285.

Перцев А. В. Толерантность как практическая философия педагогики: монография. Екатеринбург: Полиграфист, 2005.

Селютин А. А. К вопросу о термине «коммуникативная толерантность» // *Lingua Mobilis*. 2006. № 3. С. 64–68.

Стернин И. А. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001.

V. V. Katermina, I. V. Chernova

(Krasnodar, Russia)

Kuban State University

**COGNITIVE AND PRAGMATIC PECULIARITIES
OF COMMUNICATIVE TOLERANCE
IN PEDAGOGICAL DISCOURSE**

The article deals with the study of communicative tolerance in the pedagogical discourse as a strategy for finding a compromise and preventing conflicts. In the course of the research, we described conflict situations that arise in the educational environment of higher education and contribute to the manifestation of communicative tolerance, suggested ways to avoid conflicts and approaches to find compromises.

Key words: communicative tolerance, discourse, pedagogical discourse, cognitive pragmatics.

V. V. Катермина (Краснодар, Россия)

Кубанский государственный университет

veronika.katermina@yandex.ru

Т. А. Ширяева (Пятигорск, Россия)

Пятигорский государственный университет

shiryaevat@list.ru

**НЕОЛОГИЗМЫ-ТОПОНИМЫ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются когнитивные особенности неологизмов-топонимов англоязычного дискурса на материале электронных словарей. Проведенный анализ позволил выявить влияние новой лексики с топонимическим компонентом в англоязычном дискурсе на общественное мнение создателей данного вида дискурса при помощи определенных дискурсивных практик, свойственных данному институту.

Ключевые слова: неологизм, дискурс, топонимы, когниция, оценка, коннотация.

Неология сегодня развивается в разных направлениях. В научной литературе встречается «упоминание когнитивного, психолингвистического, коммуникативного и социолингвистического направлений, деривационного и стилистического направлений» [цит. по: Базарова, Шангаева 2018: 411].

Я. А. Олефир выделяет «словообразовательную неологию, социолингвистическое направление в неологии, лингво-культурологическое направление, психолингвистическое направление и когнитивное направление» [цит. по: Базарова, Шангаева 2018: 411]. Ю. А. Воронцова считает, что «в современной неологии можно выделить два основных направления: 1) исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии); 2) выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неографии)» [Воронцова 2016: 112]. Обзор научной литературы показывает «все большее распространение когнитивного подхода в решении задач, стоящих перед неологией. В рамках когнитивного направления, как представляется, можно получить ответы на многие вопросы, связанные с механизмами появления новых наименований в языке, а также развитием новых значений у существующих единиц языка» [Базарова, Шангаева 2018: 411].

Объектом данной статьи являются неологизмы с топонимическим компонентом в англоязычном дискурсе. Материал исследования – электронные словари новых слов.

Топонимия объединяет в себе «множество названий местностей, территорий и географических пространств. Предметом изучения топонимии выступают особенности номинации мест в языке. Топонимия тесно связана с такими науками, как география, история, социология и лингвистика. Изучение данного подраздела имеет важное значение для лингвистики в целом» [Уразметова 2016: 4].

В новой научной парадигме топоним понимается «не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания» [Корнева 2016: 150].

Изучение топонима «как определенной структуры знания позволяет выявить и описать ментальные представления о пространстве в целом, об отдельных географических объектах и особенностях их восприятия тем или иным этносом, а также воссоздать ментальный образ самого человека, проживающего на определенной территории» [Корнева 2016: 150–151].

Так, в анализированном материале можно выделить неологические единицы, с топонимическим компонентом, принадлежащие к экономическому дискурсу: *civets – Columbia, Indonesia, Vietnam, Egypt, Turkey and South Africa seen as key markets for economic growth; MINT – Mexico, Indonesia, Nigeria, and Turkey: the fast-growing economies of these countries considered as a group; Celtic tiger – the Irish economy, or Ireland itself, as regarded during the period of rapid economic growth that characterized the 1990s and early 21st century.*

Первые два неологизма представляют собой аббревиатуру, в то время как в основе второй из них лежит символ – кельтский тигр. «Прозвище “кельтский тигр” Ирландия получила еще в 1994 году, когда экономист инвестбанка Morgan Stanley Кевин Гарднер отметил таким образом высокие темпы роста в этой стране, сопоставимые с показателями восточноазиатских «тигров» (Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, экономики которых очень быстро росли в течение 1980-х и первой половины 1990-х). Период бурного роста, низкой инфляции и снижения безработицы уже в конце 1990-х получил название “ирландское экономическое чудо”» [https://expert.ru/expert/2010/01/pohozhdeniya_keltskogo_tigra/?ysclid=ld5yggbdqk63110494].

На границе экономического и политического дискурсов находятся неологизмы, отражающие «выход» стран или штатов из содружеств.

Первым неологизмом послужила единица *Grexit – the (as yet hypothetical) Greek exit from the Eurozone (еще пока гипотетический) выход Греции из Евросоюза*).

По аналогии были образованы известные неологизмы *Brexit*, а также *Calexit – an exit by the state of California from the United States of America*; *Textit – an exit by the state of Texas from the United States of America*; *Scexit / Scoxit – Scotland exiting the UK*.

В целом, «словообразовательная модель неологизма Brexit послужила основой для возникновения целого ряда неологизмов для обозначения «гипотетических» названий других стран, поговаривающих о выходе из Европейского союза: *Auxit – Austria + exit*, *Bexit – Belgium + exit*, *Chexit / Czechit – Czech + exit*, *Dexit – Deutschland + exit*, *Fixit – Finland + exit*, *Frexit – France + exit*, *Germexit / Gerxit – Germany + exit*, *Irexit / Irexit – Ireland + exit*, *Italexit / Itexit – Italy + exit*, *Luxembexit – Luxembourg + exit*, *Nexit – Netherlands + exit*, *Oexit – Österreich + exit*, *Pexit / Portexit / Portugexit / Portuxit – Portugal + exit*» [Катермина, Соловьева 2019: 107].

Достаточно большое количество неологизмов с топонимическим компонентом можно встретить при обозначении языков: «английский язык занимает ведущие позиции в современном мире, поэтому не случайно появление новых сложносокращенных единиц – смешение английского языка с другими языками, что также указывает на процессы, происходящие в англоязычном академическом дискурсе. Первым усеченным компонентом таких слов служит название конкретного языка, вторым, как правило, усечение -lish (от English): *Swedlish – a blend of Swedish and English*, *Russlish – a blend of Russian and English*, *Denglish – a blend of Deutsch and English*, *Frenglish – a blend of French and English*, *Japlish – a blend of Japanese and English*, *Spanglish – a blend of Spanish and English*, *Konlish – a blend of English and Korean* [Катермина 2022: 44–45].

Экологический дискурс представлен неологизмами *London throat – a mild infection, similar to a cold, said to be common among people who live in London and caused by pollution* (легкая инфекция, похожая на простуду, которая, как говорят, распространена среди людей, живущих в Лондоне, и вызвана загрязнением окружающей среды) и *Africa plume – a long, thin mass of warm air that moves upwards from Africa, causing warmer weather in more northerly parts of the world* (длинная разреженная масса теплого воздуха, которая движется вверх из Африки, вызывая более теплую погоду в более северных частях мира).

А литературный дискурс – новым жанром книг, которые написаны авторами из Ирландии или в основу которых положено описание современного Дублина: *Dub-Lit – a genre of books written by authors from Ireland and set in present-day Dublin*.

К музыкальному дискурсу можно отнести новые единицы, представляющие собой сокращения: *J-pop – pop music from Japan; K-pop – n pop music from Korea; Scandipop – pop music from Scandinavia*.

Отдельно стоит отметить единицу, представляющую, на наш взгляд, ценностные ориентиры современного общества: *Walden zone – a room or office that contains no technology, particularly devices that have Internet connections (комната или офис, в котором нет техники, особенно устройств, подключенных к Интернету)*. В основе единицы лежит аллюзия на книгу Генри Торо “*Walden, or Life in the Woods*” («Уолден, или Жизнь в лесу»), описывающая два года его жизни у озера Уолден-Понд в штате Массачусетс. День за днём описывая подробности жизни в лесу, Торо прославляет природу и способность индивидуума жить независимо от общества.

Неологизмы с топонимическим компонентом присутствуют в разных типах дискурса, таким образом раскрывая их значимость и место в системе англоязычного дискурса. Номинативные единицы «выполняют не только собственно назывательную функцию, но и функцию репрезентации отдельных фрагментов мира и его концептуализации ... они формируют понятия и другие концептуальные сущности, свидетельствующие о том, каким видится окружающий человека мир, что в нем остановило его внимание и какие именно крупницы опыта, знаний и оценок человек счел для себя наиболее существенным» [Кубрякова 2004: 430].

Литература

Базарова Б. Б., Шангаева Н. К. Современные технологии и человек в неологизмах // Мир науки, культуры, образования. № 5 (72) 2018. С. 411–413.

Воронцова Ю. А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 111–114.

Катермина В. В. Аксиологические трансформации как причина порождения новой лексики // Ценностные ориентации эпохи цифровизации: монография. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022. С. 47–64.

Катермина В. В., Соловьева Н. С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 103–111.

Корнева В. В. Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 150–154.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

Уразметова А. В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2016.

Интернет ресурсы

<http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>

https://expert.ru/expert/2010/01/pohozhdeniya_keltskogo_tigra/?ysclid=ld5yggbydk63110494

<http://www.macmillandictionary.com/>

<http://www.urbandictionary.com/>

<http://www.wordsby.com/>

V. V. Katermina (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

T. A. Shiryaeva (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

NEOLOGISMS-TOPONYMS IN ENGLISH DISCOURSE: A COGNITIVE ASPECT

The article deals with the cognitive features of neologisms-toponyms of the English discourse on the material of electronic dictionaries. The analysis made it possible to reveal the influence of the new vocabulary with the toponymic component in the English discourse on the public opinion of the creators of this type of discourse with the help of certain discursive practices inherent in this institution.

Key words: neologism, discourse, toponym, cognition, evaluation, connotation.

О. И. Колесникова, Г. А. Пескишев (Киров, Россия)

*Вятский государственный университет
usr08728@vyatsu.ru, stud127605@vyatsu.ru*

АНАЛОГИЯ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТЕВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье представлен концептуальный анализ использования аналогии как когнитивного механизма репрезентации оценки первого произведения русского постмодернизма – романа С. Соколова «Школа для дураков». Оценочная концептуализация реализуется в различных концептуальных сферах в зависимости от субъективных реакций авторов отзывов о книге, представленных в сетевом медиадискурсе.

Ключевые слова: аналогия, когнитивный механизм, оценочная концептуализация, концептуальный анализ.

Дискурс о художественном произведении, отражающий субъективно-оценочное восприятие рядового, «наивного» читателя, не может не содержать признаки художественной рефлексии, являясь, несомненно, продуктом лингвокреативного мышления. Одним из способов такого мышления является аналогия как когнитивный механизм процесса интерпретации прочитанного текста, результаты которого репрезентируются в одном из наиболее характерных для читательских отзывов и рецензий прагматилистических приемах выражения оценки. Цель исследования сетевого медиадискурса состояла в концептуальном анализе фактов использования аналогии авторами отзывов о книгах, представленных на блог-платформах Telegram, Дзен и LiveLib.ru. На материале корпуса текстов о романе С. Соколова «Школа для дураков» устанавливались особенности репрезентации субъективной оценки прочитанного посредством аналогии.

В широком смысле под аналогией принято понимать разновидность рассуждения, в котором утверждается подобие предметов или явлений в каких-либо свойствах, признаках или отношениях [Порус, Воробьева 2023]. Выбор когнитивной опоры при установлении подобия осуществляется на основании сходства объекта аналогизирования с новым фрагментом действительности, «извлеченным» из иной концептуальной сферы. Как отмечается исследователями, связь опоры и интерпретируемой новой сущности объекта всегда субъективна, так как «ориентир “выхвачен” сознанием субъекта познания в определенных условиях и в его основе лежит общекультурный и индивидуальный опыт» [Матвеева, Гордеева 2017: 12]. Поскольку аналогии всегда предшествует операция сравнения двух объектов со стороны мыслящего субъекта, данный механизм базируется на способности человеческого мышления фиксировать сходство в различии, так как

для аналогии требуется «не любое совпадение, а сходство в существенных признаках при несущественности различий, которое служит основой для уподобления двух материальных или идеальных объектов» [Азначеева 2017: 110].

Языковая интерпретация предполагает оперирование когнитивными структурами, стоящими за языковыми единицами, на основе когнитивных процедур сравнения, абстрагирования и расширенного ассоциирования, составляющих суть образования аналогий. Данные процессы протекают в сознании человека, с их помощью он воссоздаёт структуру фрагмента мира, фиксируя ее через языковую номинацию. Также важно отметить, что «аналогия используется не только продуцентом, но и реципиентом, например, при декодировании смыслов языковых единиц вторичной номинации» [Исаева 2022: 112].

В микрорецензиях и отзывах как жанрах сетевого медиадискурса аналогия выступает частотным способом репрезентации прежде всего косвенной оценки. Обращаясь к пресуппозициональному фонду знаний адресата, автор оценочного высказывания явно рассчитывает на его литературную эрудицию и направляет ассоциирование в нужное русло, не всегда комментируя смысловые связи, которые находит. Данные собранного нами корпуса показывают, что в этом случае авторы сравнивают роман С. Соколова с другими литературными произведениями, чаще всего модернистскими или постмодернистскими, находя в них близкие черты. Например: *были ассоциации с Даниилом Хармсом и «Пеной дней» Бориса Виана*. Можно предположить, что в первом случае такими чертами являются фрагментарность и лаконичность формы, сквозные мотивы и образы, которыми отличается творчество Хармса. Параллель со стилем изложения в «Пене дней» Б. Виана обусловлена, видимо, тем, что последний построен на принципе коллажа.

Предметом аналогии, в основном, являются сходные черты композиции, стиль и язык произведений разных писателей, например: *удивительная книга без начала и конца, языком и стилистикой чем-то напоминающая Набокова* – здесь отсутствует вербализация четкого основания для сближения разных стилей. Однако более характерно указание на общие признаки, репрезентируемые, тем не менее не совсем явно и прозрачно, например: *«Школа для дураков – это, считайте, папа «Овсянок» Дениса Осокина, настолько похожи эти две книги, между которыми простираются 30 лет. Только детище Соколова многограннее и приличнее (без меда и молока), как и полагается старшему*. Как видим, аналогии отличаются когнитивными векторами проведения параллелей; характерно, что выбор ассоциативной основы в каждом случае субъективный. В ряде случаев параллелей несколько: так, в следующем примере, характеризуя книгу, субъект дискурса проводит аллюзийные связи сразу с двумя источниками: *она нелогичная, непоследовательная и абсурдная, как сама наша жизнь. Повествователь,*

словно бы следуя завету из «Макбета» Шекспира, подобно Бенджи из «Шума и ярости» Фолкнера, рассказывает историю от лица идиота.

Следует отметить, что в фактах с аналогиями доминирует негативная оценка, причем можно говорить о разной степени неодобрения. При высокой степени неприятия романа С. Соколова субъект дискурса, часто эмоционально и несдержанно, показывает, что книга в форме «потока сознания» особого героя однозначно им не принимается, например: *«Школа для дураков» стала для меня настоящим испытанием. Автор вдохновенно плетет кружева из слов, но в этом прихотливом узоре без бутылки не разобраться; ...как читатель, я не нашла причин продолжать зрызть этот кактус.* При более низкой степени неодобрения автор отзыва допускает возможность высокой оценки книги, но находит отдельные недостатки, например: *все это здорово и новаторски сделано (для советского автора в 1976 году – так и вообще запредельный уровень), но слегка отдаёт «литературой для литературоведов».*

Наиболее типичный для критики элемент художественного мира писателя, обнаруженный при анализе корпуса отзывов и рецензий в сетевом медиадискурсе, – форма изложения мыслей героя романа, в которой отсутствует логика, последовательность и... возможность осмысленного восприятия. Когнитивной опорой для аналогии в блог-текстах нередко выступает ситуация взаимодействия с природной стихией, репрезентируемая в лингвокреативном ключе. Подчеркнем, что, как и в полноценной (профессиональной) литературной рецензии, субъект оценки «актуализирует не только первичную реальность, но и вторичную, отображенную» [Самсонова 2016: 165]. В блог-дискурсе он передает свое состояние при чтении через иные когнитивные пространства. Характерно, что метафорический механизм такой передачи опирается преимущественно на чувственную сферу, что отмечалось в исследовании О. И. Колесниковой, установившей, что в современном критическом медиадискурсе четко представлена «рефлексия эмоционального состояния автора текста, оценивающего прозу с позиций ярко выраженного авторского «я», с откровенным субъективизмом в оценочных интерпретациях предмета речи» [Колесникова 2022: 52]. Освоение смысла при чтении книги репрезентируется блогерами в эмоциональных образах как *продирание через колючий кустарник; погружение в реку* и т. д. Еще один из способов оценочной концептуализации в блог-текстах – описание состояния автора отзыва о книге в момент ее чтения через перевод мысли в оригинальную плоскость сравнения, например: *Ты словно плаваешь в формалине, без мыслей и чувств, изредка просыпаясь и находя что-то интересное для себя.*

Когнитивный механизм аналогизирования реализуется и при положительной интерпретации процесса чтения книги (*«Школа для дураков» похожа на бабочку с янтарными крыльями, полетом которой просто нужно наслаждаться; «Школа для дураков» словно первая любовь, сначала вос-*

хитительная, наполненная до максимума эйфорией, затем, когда эйфория проходит, наивная и обыденная, но разве это повод перестать влюбляться?). Для него так же характерны аллюзии, как и для негативно-оценочного дискурса (*по-толстовски* отстранённое, музыкальное *по Андрею Белому*, но задевающее *по Достоевскому*; японская поэзия, умеренный западный модернизм *в духе Фолкнера; Джойс* для самых маленьких), а читательская рефлексия окрашена позитивными импульсами (*Чем-то немного напомнило «Вино из одуванчиков», но, пожалуй, только настроением ностальгии по детскому лету и встречей с будущей взрослой жизнью*).

Таким образом, аналогия как оценочный механизм и прагматилистический прием передачи субъективного восприятия произведения объединяет разные когнитивные сферы, которые либо интуитивно, либо основываясь на глубоких познаниях литературы, формируются в сознании субъекта оценки. Авторское отношение к прочитанному может стать частью высказывания в процессе оценочной концептуализации и входить в устойчивое представление о языке, стиле, композиции, форме постмодернистского произведения как усваиваемом или смутном, малопонятном фрагменте действительности в сознании носителя языка. Концептуальный анализ материала показал, что в дальнейших исследованиях оценочных механизмов нельзя не учитывать неразрывной связи прагматического, когнитивного и аксиологического аспектов оценки.

Литература

Азначеева Е. Н. Аналогия как средство речевого воздействия в публицистическом дискурсе // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности личности. Челябинск: Изд-во Челябинского госуниверситета, 2017. С. 109–140.

Исаева И. П. Роль аналогии как когнитивного механизма в языковой интерпретации // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2022. С. 111–115.

Колесникова О. И. Критический профессиональный медиадискурс: способы оценочной концептуализации произведений современной прозы // Мир русского слова. 2022. № 2. С. 52–61.

Матвеева Т. М., Гордеева К. О. Номинативный потенциал структурно-семантической аналогии в профессиональной коммуникации // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности личности. Челябинск: Изд-во Челябинского госуниверситета, 2017. С. 5–52.

Порус В. Н., Воробьева С. В. Аналогия // Гуманитарный портал: Концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002–2022 (последняя редакция: 17.01.2023). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7211>

Самсонова А. А. Специфика речевого выражения оценки в жанре рецензии // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции: межвуз. сб. науч. работ. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 165–173.

O. I. Kolesnikova, G. A. Peskishev (Kirov, Russia)
Vyatka State University

**ANALOGY AS A COGNITIVE MECHANISM
FOR REPRESENTING THE EVALUATION
OF A LITERARY WORK
IN A NETWORK MEDIA DISCOURSE**

The article presents a conceptual analysis of the use of analogy as a cognitive mechanism for the representation of the evaluation of the first work of Russian postmodernism – S. Sokolov’s novel “School for Fools”. Evaluative conceptualization is implemented in various conceptual spheres depending on the subjective reactions of the authors of the book reviews presented in the online media discourse.

Key words: analogy, cognitive mechanism, evaluative conceptualization, conceptual analysis.

Е. А. Красикова (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет
krasikova.liza@mail.ru*

**КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ
В КИТАЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ¹**

Исследование направлено на изучение лингвокреативности на материале китайского кинодискурса. В качестве основного используется метод дискурсивно-параметрического анализа. В статье представлены результаты исследования синтаксического микропараметра «формы обращения».

Ключевые слова: лингвокреативность, кинодискурс, параметризация, китайский язык, формы обращения.

Данная статья посвящена изучению синтаксических средств проявления креативного потенциала китайского языка в кинодискурсе. Материалом исследования выступает китайская кинокомедия «一家亲», на русский язык данное название можно перевести как *Сваты*.

В нашем исследовании под кинодискурсом понимается «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

(лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» ([Слышкин, Ефремова 2004: 37] см. [Зыкова 2021:102]).

Исследуя лингвокреативность в кинопроизведениях, И. В. Зыкова разрабатывает дискурсивно-параметрический метод анализа, включающий в себя корпусное аннотирование макро-, микро- и интердискурсивных параметров лингвокреативности в текстах фильмов [Зыкова 2021]. В данной статье предпринята попытка проанализировать синтаксический параметр «формы обращения» на материале китайского языка.

Особенности отечественного кинодискурса подробно описаны И. В. Зыковой в коллективной монографии «Лингвокреативность в кинодискурсе». В то же время особенности кинодискурса в Китае являются малоизученными, это и указывает на актуальность настоящего исследования. Специфика кинодискурса в КНР обусловлена в первую очередь историческими предпосылками. Развитие киноискусства за последние 70 лет в Китайской Народной Республике можно условно разделить на два основных этапа, где реформы открытости являются критическим историческим переходом.

Первый этап охватывает период от основания КНР до 3-го пленарного заседания 11-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая, почти за 30 лет до политики реформ и открытости (1949 г. – 1978 г.). Данный этап делится на несколько периодов: от основания КНР до начала Культурной революции (1949–1966), фильмы, снятые во время Культурной революции (1966–1976) и периода восстановления экономики (1976–1978).

Второй этап включает период после 3-го пленарного заседания 11-го Центрального комитета Коммунистической партии. Данный этап включает фильмы, снятые в первые годы реформ и открытости, фильмы 1990-х годов, фильмы 21-го века и фильмы после 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая [Zhifeng Hu, Yin Chen 237–261: 2021].

Материалом настоящего исследования послужило кинопроизведение второго этапа развития китайского киноискусства (2018 г. выпуска, после 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая) под названием «Сваты» («一家亲»), режиссер Сюй Хайянь (徐海燕), жанр социальная (семейная) комедия (家庭/喜剧), хронометраж 71 минута, 36 секунд, количество знаков 7069, страна производства материковый Китай (КНР), компания *Jiangsu Lucky Cat Film and Television Technology Co* 江苏幸运猫影视科技有限公司.

Сюжет фильма построен на взаимоотношениях внутри одной китайской семьи. Молодые супруги Лянлян (亮亮) и Личжу (丽珠) знакомят своих

родителей друг с другом. Свекор и теща невзлюбили друг друга с первого взгляда, однако жизнь под одной крышей заставляет семью сблизиться.

Как показал проведенный анализ, в китайской кинокомедии присутствует набор синтаксических средств, которые обладают оригинальным (или неконвенциональным) использованием. К числу таких средств относятся формы обращения.

Как отмечает Н. И. Формановская, «в коммуникативных процессах обращение – это одна из частотных единиц общения, а именно адресация, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [Формановская 2000: 83]. Помимо личных имен собственных, которые в китайском языке уже сами по себе являются оригинальными образными выражениями, например: 丽珠 Личжу дословно «прекрасный жемчуг», 亮亮 Лянлян дословно «яркий, светлый», 大宝 Дабао дословно «Великое сокровище», также были выделены обращения, отражающие родственные отношения, основанные на *эмоции уважения и почтительности*. Например:

1. «老婆，我爱你!» Жена, я тебя люблю.
2. «女儿，真的长大了。」 Дочка, ты действительно выросла.
3. «老公，快点!» Муж, поскорее!
4. «爸，你真师。」 Папа, ты просто мастер.
5. «亲家母。你消消气，亮亮他妈走的早，就我一个人带孩子。」

Свекровь, остынь. Мать Лянляна ушла очень рано. Я один воспитывал сына.

В вышеуказанных примерах термины родства являются неотъемлемыми маркерами иерархических отношений в китайской культуре даже внутри семьи. Интенсивная активизация терминов родства в коммуникативной ситуации обращения создает комический эффект. Это объясняется тем фактом, что данная форма обращения, с одной стороны, подчеркивает значимость кровного родства в китайской культуре, с другой стороны, в данном комедийном кинопроизведении является своеобразным триггером, поскольку в сюжетной линии, напротив, прослеживаются отношения взаимного неуважения и неприятия между родственниками.

Интересно отметить, что в речевом акте персонажей использование имени собственного в полной форме (в китайском языке: фамилия + имя) было зафиксировано только один раз. Употребление полного имени при обращении и интонация в данном случае носит иронический характер, а также высвечивает эмоцию раздраженности, поскольку в анализируемом эпизоде персонаж по имени Чжан Дабао спрятал собаку хозяйки дома и пытается это скрыть. В это время она обращается к нему следующим образом:

6. 张大宝你干什么呢? «Чжан Дабао, что ты там делаешь?»

В остальных случаях родственники обращались друг к другу, употребляя в подавляющем большинстве термины родства или нулевые обращения с использованием личного местоимения 你 *ты*.

Также была выделена такая форма уважительного обращения, как 先生 «*господин*» к пострадавшему пешеходу. В данном примере наблюдается использование тройного повтора для передачи эмоционально-возбуждённого тона речи говорящего, а также для усиления комического эффекта.

7. «你不会有事の。先生，先生，先生!» *Все будет хорошо. Господин, господин, господин!*

Следующая подгруппа обращений, которая была выделена в ходе анализа, основана на **эмоции уничижения**. Например: «臭小子» на русский язык можно перевести такими бранными словами, как: *вонючка; засранец; паршивец, зараза; «臭婆娘» баба, гулящая баба*. В данных примерах отмечается неконвенциональное использование иероглифического знака «臭» с узуальным значением «*вонючий, тухлый*», который в данном примере выступает в роли полупрефикса к слову «小子» *паренек*: «臭» + «小子» дословно «*вонючий*» + «*паренек, малый*». Аналогичным является и следующий пример: «臭» + «婆娘», «*вонючий*» + «*замужняя женщина*».

Слово «坏蛋» *тухлое, испорченное яйцо* состоит из двух иероглифических знаков «坏» *плохой, испорченный* и «蛋» *яйцо*, соответственно первое значение данного слова «*тухлое яйцо*». Однако в переносном смысле употребляется при бранном обращении «*негодяй; прохвост; мерзавец; гадина*». В данном примере креативным является аффикс «蛋», который является родовой морфемой для бранных слов по типу *глупец, дурак* и т. д.

Подгруппа уменьшительно-ласкательных обращений, основанная на **эмоции восхищения и любования**, представлена следующими примерами: «宝贝» и «闺女». Первое значение слова 宝贝 *драгоценная ракушка* или *сокровище* в качестве обращения употребляется со значением «*золотко, деточка*» в основном к детям. Первое значение иероглифического знака 闺 *женская половина дома* при сочетании с иероглифическим знаком «女» *женщина* образует слово 闺女 *незамужняя девушка*, которое является почтительным, ласковым обращением к молодой девушке или дочке.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить специфику активизации одного из микропараметров синтаксического уровня в китайском комедийном кинодискурсе, а также сформировать представление о культурно обусловленных особенностях реализации креативного потенциала китайского языка.

Литература

Зыкова И. В. ГЛАВА II. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 100–189.

Зыкова И. В. Креативный потенциал языка в поле киномедиальности // Наука без границ: англистика в XXI веке: материалы Международной научной конференции, Москва, 13–15 октября 2021 года / отв. редактор Е. Е. Голубкова. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2021. С. 7–12.

Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативнопрагматического подхода // Специализированный вестник Красноярского государственного университета. 2000. Вып. 11. С. 83–88.

Zhifeng Hu, Yin Chen: Looking backwards and forwards: film art in China // Journal of Chinese Film Studies. 2021. Volume 1, Issue 2, P. 237–261 p. 胡智锋、陈寅: 新中国70年电影发展的历史回眸与前瞻思考《中国电影研究》第一卷第二期.

E. A. Krasikova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE CREATIVE POTENTIAL OF ADDRESS FORMS IN THE CHINESE CINEMATIC DISCOURSE

The research is aimed at studying linguocreativity based on the material of the Chinese film discourse. The method of discursive-parametric analysis is used as the main one. The article presents the results of a study of the syntactic microparameter “forms of address”.

Key words: linguocreativity, film discourse, parametrization, the Chinese language, forms of address.

A. В. Кремнева, Т. А. Головина (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
annakremneva@mail.ru, gol-an-ta@mail.ru

«ЧУЖОЕ СЛОВО» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ КОГНИТИВНОЙ ЭКОНОМИИ (на примере англоязычного художественного дискурса)

Одним из средств когнитивной экономии выступает интертекстуальность, элементы которой в виде цитат, аллюзий и т. д. используются авторами художественных произведений для передачи в экспрессивной и емкой форме наиболее важных смыслов в самых драматичных эпизодах, в частности, в момент смерти главного героя.

Ключевые слова: интертекст, когнитивная экономия, англоязычный художественный дискурс.

Будучи одним из универсальных языковых принципов, принцип экономии с давних времен привлекает внимание лингвистов. Реализация данного принципа, широко распространенного в современных языковых практиках, осуществляется при выборе говорящим языковых средств, позволяющих построить краткое по форме и емкое по смыслу высказывание. Это в полной мере отвечает современным требованиям к коммуникации передавать максимальное количество информации за минимальную единицу времени, а поскольку единица времени меняться не может, то модификации подвергается сам язык [Николаева 2000: 15].

Рассмотрение принципа языковой экономии «глазами новых концепций» (более подробно см.: [Голубкова 2017, Козлова 2019, Кремнева 2017]) и, прежде всего, с позиций когнитивного ракурса является, как отмечает Л. А. Козлова, попыткой проанализировать процессы, лежащие в основе работы человеческого сознания при выборе тех или иных средств передачи смысла [Козлова 2019: 37–38]. Идеи о тесной взаимосвязи между языковой и когнитивной экономией были высказаны Т. В. Черниговской, которая пишет о том, что при использовании композиционно и синтаксически более простых конструкций «говорящему когнитивно «выгоднее» передавать большее количество информации меньшими средствами, а слушающему тоже «выгоднее» включать все виды контекстов, чтобы декодировать компактное сообщение правильно» [Черниговская 2017: 14].

Одним из эффективных средств реализации принципа когнитивной экономии, как нам представляется, выступает кодирование смысла с помощью «чужого слова» – включения в свою речь элементов широко известных текстов в виде цитат, аллюзий, реминисценций, прецедентных имен и т. д. Использование «чужого слова», составляющее суть феномена интертекстуальности, представляет собой, с одной стороны, один из наиболее сложных, неконвенциональных способов кодирования и передачи смысла, требующий от говорящего/ пишущего умения использовать различные способы «упаковки смысла» в своей языковой деятельности, а от реципиента – способности реконструировать скрытые смыслы в тексте или устном сообщении. С другой стороны, использование интертекстуальных включений, являющихся одним из наиболее сильных языковых экспрессивных средств репрезентации смысла, является «когнитивно более выгодным», поскольку говорящий опирается на общий фонд знаний с реципиентом, что позволяет ему использовать более экономную форму выражения смысла.

Исследуя англоязычный художественный дискурс, мы обратили внимание на то, что авторы зачастую используют интертекстуальные элементы, описывая наиболее драматичные или даже трагические события романа, например, момент смерти главного героя. Произнесенное в последние минуты жизни, «чужое слово» в виде фрагмента прецедентного текста выполняет роль

«смыслового триггера», активирующего в памяти слушающего/ читающего весь прецедентный текст или всю прецедентную ситуацию. Благодаря двойной референтной соотнесенности – и к прецеденту, и к текущему моменту повествования, «чужое слово» становится средством порождения и передачи новых смыслов, которые в ходе дальнейшего прочтения и осмысления событий романа зачастую выступают доминантными смыслами всего произведения в целом.

Перейдем к примерам. Обратимся к отрывку из романа С. Моэма *“The Painted Veil”* («Разрисованный занавес»), в сюжете которого английский врач-бактериолог Уолтер Фейн, работающий в Гонконге, узнает об измене своей жены Китти в тот момент, когда ему предстоит поездка в охваченный эпидемией холеры район. Он настаивает на том, чтобы жена поехала вместе с ним, что воспринимается ею как месть за измену. Она полагает, что муж хочет ее смерти. Но заражается холерой он сам, спасая десятки жизней. В последние минуты, когда жена просит у него прощения за доставленные ему страдания, он произносит: *“The dog it was that died”*.

(1) *She stayed as still as though she were turned to stone. She could not understand and gazed at him in terrified perplexity. It was meaningless. Delirium.* (S. Maugham. *The Painted Veil*).

Как следует из приведенного отрывка текста, Китти не поняла предсмертные слова Уолтера, приняв их за бред. Она не смогла проинтерпретировать смысл, который умирающий Уолтер вложил во фразу, отсылающую нас к стихотворению О. Голдсмита, где речь идет о взбесившейся собаке, которая укусила человека, но, вопреки ожиданиям, умерла собака, а не человек:

But soon a wonder came to light,
That shew'd the rogues they lied,
The man recovered from the bite,
The dog it was that died.

(O. Goldsmith.

An Elegy on the Death of a Mad Dog)

Сложность интерпретации смысла этих строк заключается в том, что Уолтер Фейн никогда не желал смерти своей жены. Напротив, он надеялся, что, увидев страдания других людей и помогая им, она сможет измениться сама, что и произошло. Произнося эти слова, он высказывает не собственное мнение, а, скорее, мнение тех обывателей, которые, как и его жена, расценивали его поступок как месть за измену, а потому в его словах звучит горькая ирония, которую Китти, к сожалению, так и не смогла оценить.

Другим примером использования «чужого слова» как наиболее экспрессивного и емкого по содержанию способа трансляции смысла может

послужить отрывок из романа Дж. Стейнбека *“East of Eden”* («К Востоку от Эдема»). В момент смерти главный герой произведения Адам воспроизводит усеченную библейскую цитату *‘timshel’*, адресуя ее своему другу китайцу-философу Ли.

(2) *Adam looked up with sick weariness. His lips parted and failed and tried again. Then his lungs filled. He expelled the air and his lips combed the rushing sigh. His whispered word seemed to hang the air: ‘Timshel!’ His eyes closed and he slept* (J. Steinbeck. *East of Eden*).

Ранее в одном из эпизодов романа Адам и Ли путем сравнения переводов центральной строки библейской притчи приходят к выводу о том, что суть ее искажена в английских переводах Библии. Древнееврейское слово *‘timshel’* означает не “ты будешь господствовать” (*‘thou shalt rule’*), как это переведено в Библии короля Иакова, и не “господствуй” (*‘do thou rule’*), как в американской стандартной Библии, а “Ты можешь господствовать над грехом” (*‘Thou mayest rule over the sin’*). Смена модального оформления библейской фразы имеет огромное значение, поскольку она меняет и смысл притчи, и смысл романа Стейнбека – человек не обречен на вечное чувство вины за первородный грех, ему дается свобода выбора, он может господствовать над грехом. Усеченная библейская цитата *‘timshel’* становится смысловой доминантой романа. Впервые появившись в его середине и повторяясь несколько раз на важных поворотах сюжета, обрастая при этом дополнительными смыслами, это слово становится прецедентным для героев произведения. Именно оно завершает роман, занимая финальную сильную позицию и представляя собой наиболее когнитивно «выгодную» форму передачи всех оттенков смысла.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что принцип экономии находит свою реализацию в выборе кратких по форме и емких по содержанию языковых средств. Одним из таких средств выступает интертекстуальность, разнообразные элементы которой в виде цитат, аллюзий и т. д. используются авторами художественных произведений для передачи наиболее важных смыслов в самых драматичных эпизодах, в частности, в момент смерти главного героя. Использование интертекстуальных включений вместо развернутого объяснения позволяет рассматривать «чужое слово» как одно из средств когнитивной экономии.

Литература

Голубкова Е. Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 252–279.

Козлова Л. А. Когнитивная экономия и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 37–45.

Кремнева А. В. Прецедентное имя как одно из средств когнитивной экономии // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXXIII. С. 210–214.

Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

A. V. Kremneva, T. A. Golovina (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University

**‘BORROWED WORD’
AS A MEANS OF COGNITIVE ECONOMY
(based on English fiction discourse)**

One of the means of cognitive economy is intertextuality. Its elements in the form of quotations, allusions, etc. are used by authors of fiction novels, who in expressive and concise way convey the meaning in the most dramatic episodes, for example, at the moment of the death of the protagonist.

Key words: intertext, cognitive economy, English fiction discourse.

И. А. Курбанов, Д. В. Малагин (Сургут, Россия)
Сургутский государственный университет
ibragimkurbanov@mail.ru;
dane4kamalagin@mail.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА США ДЖО БАЙДЕНА
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИАДИКУРСЕ**

Настоящая статья посвящена вопросу метафорического моделирования образа действующего президента США Джо Байдена в русскоязычном политическом медиадискурсе. Авторы рассматривают концептуальную метафору и отмечают ее прагматический потенциал при создании имиджа политика. Авторами выделяются и анализируются метафорические модели, на основании которых делается вывод о тенденции к негативному моделированию образа Джо Байдена в русскоязычных СМИ.

Ключевые слова: метафорическая модель, концептуальная метафора, политический медиадискурс, Джо Байден.

Теория концептуальной метафоры зародилась и получила развитие в 80-х гг. XX в., когда известные американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей знаковой работе “Metaphors we live by” («Метафоры, которыми мы живем») на ярких примерах показали, что человеческое мышление метафорично, а метафоры – неотъемлемая часть понятийной системы человека [Lakoff 1980].

Таким образом, концептуальная (или когнитивная) метафора стала мыслиться как особая ментальная операция, способ описания и категоризации окружающей действительности [Шпетный 2019: 377].

В когнитивной лингвистике метафоризация мыслится как проведение мыслительных ассоциативных операций над двумя фреймами (концептами, знаниями), в результате которого изменяется онтологический статус объекта – неизвестное становится известным, а на уже известное «проливается новый свет».

Когнитивная метафора всегда является частью определенной метафорической модели (М-модели), которая определяется как «существующая в сознании носителей языка связь между понятийными системами двух взаимодействующих фреймов» [Цыбина 2012: 277]. Таким образом, метафорическая модель может быть наглядно представлена формулой «X – это Y» (например, ЖИЗНЬ – это ПУТЕШЕСТВИЕ), элементы которой, однако, находятся не в отношении тождества, а в отношении подобия.

В вопросе классификации разновидностей концептуальных метафор мы отдаем предпочтение типологизации российского ученого А. П. Чудинова, который, проанализировав массивный корпус политических текстов, выделяет четыре типа метафор: **антропоморфные, социоморфные, природоморфные и артефактные** [Чудинов 2001].

Чаще всего когнитивные метафоры рассматриваются на основе дискурса, наиболее продуктивный вид которого в современном коммуникативном пространстве представляет медиадискурс [Добросклонская 2008: 5]. В нашей работе на основании различных определений терминов «дискурс» и «медиадискурс» мы определяем политический медиадискурс как «совокупность всех медиатекстов, реализуемых в поле массовой информации и продуцируемых СМИ» [Арутюнова 1998; Карасик 2002; Кожемякин 2010; Степанов 1995].

Отбор и анализ языкового материала для исследования, в который вошли около трехсот случаев употребления концептуальной метафоры в текстах русскоязычного политического медиадискурса, позволил выделить такие метафорические модели образа президента США Джо Байдена, как ДЖО БАЙДЕН – ЭТО МЕРТВЕЦ, ДЖО БАЙДЕН – ЭТО РОБОТ, ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВЕТХОЕ ЗДАНИЕ, ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТАРЫЙ МЕХАНИЗМ, ДЖО БАЙДЕН – ЭТО УПРАВЛЯЕМАЯ КУКЛА и др.

Так, модель ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВЕТХОЕ ЗДАНИЕ воспроизводится в медиатекстах сто семьдесят три (173) раза, что делает ее наиболее частотной, и репрезентируется следующими метафорами:

Сети США: «Байден – это ходячая развалина и угроза для страны» [Regnum].

Когда президент США Байден наглядно – нагляднее некуда – проявил на глазах у всего мира свою печальную ветхость, как физическую, так и умственную [...] [РИА Новости]

Байден «посыпался», ему мерещится Трамп [Вести.Ru].

Фрейм: ветхие здания

Слоты: развалина, ветхость, посыпаться.

В толковых онлайн словарях Ушакова и Кузнецова обнаруживаем следующие определения лексемы «развалина» – «остатки разрушенного строения» / «о дряхлом, разбитом болезнью человеке» [Большой толковый словарь русского языка; Толковый словарь Ушакова онлайн]. Здесь метафорический перенос осуществляется путем актуализации признаков «дряблость», «разваливание», «ветхость» в источнике фрейма ВЕТХИЕ ЗДАНИЯ и их проецированию на целевой фрейм ПРЕЗИДЕНТ АМЕРИКИ ДЖО БАЙДЕН. В результате образовавшиеся концептуальные метафоры и соответствующая М-модель наделяются мощными отрицательными коннотациями и наносят ущерб репутации и образу Джо Байдена. По классификации А. П. Чудинова, данные метафоры считаются *артефактными*, поскольку перенос осуществляется из «артефактной зоны», т. е. предметов, созданных руками человека.

Подводя итог вышесказанному, в настоящей статье была предпринята попытка к выделению наиболее частотных и продуктивных метафорических моделей образа президента США Джо Байдена в русскоязычном политическом медиадискурсе, первое место среди которых занимает М-модель ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВЕТХОЕ ЗДАНИЕ. Другие выделенные модели актуализируют такие признаки в образе президента США, как старость, болезненность, управляемость, игрушка в чужих руках, несамостоятельность, мертвецкий внешний вид. Все они в своей структуре имеют ярко выраженные негативные коннотации, что позволяет судить о тенденции к построению М-моделей с отрицательной прагматикой. Таким образом, достигается необходимый негативный прагматический эффект на адресатов и формирование у них отрицательной оценки образа Джо Байдена как политического деятеля. Стоит также предположить, что чем чаще встречается определенная метафорическая модель, тем более устойчивый образ она конструирует.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
- Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Кожемякин Е. А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). С. 13–21.
- Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
- Цыбина Ю. Ю.* Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурсе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 1 (21). С. 213–220.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.
- Шпетный К. И.* Об основаниях когнитивной лингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. № 1 (817). С. 370–382.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 13.11.22).
- Вести.Ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2636282> (дата обращения: 13.11.22).
- РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210322/bayden-1602216768.html> (дата обращения: 13.11.22).
- Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 13.11.22).
- Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3571913.html> (дата обращения: 13.11.22).

I. A. Kurbanov, D. V. Malagin (Surgut, Russia)
Surgut State University

METAPHORICAL MODELING OF THE USA PRESIDENT JOE BIDEN IMAGE IN THE RUSSIAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

This paper deals with the issue of metaphorical modeling of the image of the U. S. President Joe Biden in the Russian-language political media discourse. The authors examine the conceptual metaphor and note its pragmatic potential in creating the image of the politician. The authors also distinguish and analyze metaphorical models, on the basis of which they conclude that there is a tendency towards negative modeling of the image of Joe Biden in the Russian-language media.

Key words: metaphorical model, conceptual metaphor, political media discourse, Joe Biden.

О. В. Магировская (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
magirovskayaov@yandex.ru

ФОРМАТ ДИСКУРСА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЙ

В статье раскрывается форматная сущность дискурса, доказывается обусловленность когнитивно-прагматического конструирования дискурса его форматом, формулируются принципы форматной организации дискурса.

Ключевые слова: формат дискурса, тип знания, принцип форматной организации дискурса, когнитивно-прагматическое конструирование дискурса.

Когнитивный подход к исследованию языковой деятельности человека (как в плане ее формирования в процессе эволюционного развития, так и в аспекте различных способов ее проявления, включая лингвокреативность) позволяет глубже осознать всю сложность и представляет возможность теоретического объяснения данного феномена. Именно когнитивный подход, демонстрирующий свою перспективность в рамках многих современных работ, предоставляет доказательную методологическую базу для исследования всех уровней языка и языковой деятельности: от фонетического до дискурсивного, выступающего, в свою очередь, многоаспектным уровнем проявления человека в языке.

Дискурс выступает результатом сложного когнитивно-прагматического взаимодействия его участников. Как следствие, наиболее рациональным подходом к его описанию и объяснению выступает, на наш взгляд, учет и понимание когнитивно-прагматических принципов его формирования и функционирования.

Когда речь идет о когнитивно-прагматической организации дискурса, необходимо принимать во внимание тот факт, что любой дискурс формируется относительно определенного типа, который, в свою очередь, обусловлен и предполагает наличие целого ряда форматных характеристик. В рамках проводимого исследования под форматом понимается определенная структура организации знания, обусловленная конкретным способом его построения и подачи в соответствии с определенными принципами и правилами. Н. Н. Болдырев определяет формат знания как «определенную форму или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях» [Болдырев 2006: 5]. Применительно к дискурсу формат – это специфическая внутренняя организация знания, которая со-

ответствует обусловленному жанром и стилем алгоритму актуализации целостного интегративного знания.

Вышесказанное позволяет указать на такую особенность форматных (формальных, структурных) характеристик дискурса, как их базовый характер и операционная сущность. Соответственно, в аспекте данных характеристик дискурсивная деятельность автоматична по своей сути. Она регулируется определенными стереотипами, имеет стереотипную природу своего проявления [Jonstone 2018; Sellner & Morgan 2017]. Иными словами, формат дискурса определяет необходимый объем активизируемого знания (вычленяемого из всего объема коллективного и индивидуального знания активного участника дискурса), а также конкретный набор когнитивных механизмов его конфигурации и сценариев типичных дискурсивных ситуаций. Данные операционные компоненты дискурса организованы в определенной иерархии, что позволяет должным образом конструировать дискурс и наиболее адекватным образом его интерпретировать, т. е. оценивать дискурсивное поведение основных участников дискурса (говорящий/пишущий) и выбранные ими коммуникативные модели, правильно воспринимать их прагматическую интенцию, понимать смысловую нагрузку целостного дискурса и логику организации концептуального знания [там же].

Например, объявление инструктивно-регламентирующего характера предполагает конструирование коммуникативного события, в основе которого лежит знание о ситуациях, связанных с нормами поведения в определенных институциональных заведениях и местах. Для этого выбираются конкретные языковые единицы, способы и механизмы дискурсивной репрезентации смысла.

В случае с ситуациями запрета это могут быть отрицательные императивные предложения (*У нас не курят! Не входить! Руками не трогать!* и др.), императивные предложения с семантическими единицами запрета (*Курение запрещено! Кормить птиц категорически запрещено!* и др.), а также изображения, сопровождающие текстовую часть или используемые как семиотически самостоятельные знаки (изображение перечеркнутой зажженной сигареты, экспоната и др.).

Необходимость или желание проявить уважение к клиентам обуславливают выбор таких коммуникативно-прагматических способов общения, как вежливость, диалогичность и разъяснительность/детализация. В результате, конструирование дискурсивного знания по прагматическому вектору вежливого общения осуществляется с помощью этикетного междометия *пожалуйста* (*Пожалуйста, держите ценные вещи при себе; Пожалуйста, закрывайте дверь; Пожалуйста, не кормите птиц* и др.), слов различной

частеречной принадлежности с семантикой просьбы (*Просьба не входить; Убедительно просим вас не пользоваться служебным лифтом* и др.).

Диалогичность объявления, в свою очередь, предполагает когнитивное прогнозирование как положительной реакции на просьбу или запрет, так и желания его нарушить. В соответствии с этим в объявлении используются слова благодарности (*У нас не курят! Спасибо; Просьба не входить! Спасибо* и др.) или дополнительная информация, указывающая на необходимость выполнения требования/просьбы или последствия от их невыполнения (*Пожалуйста, не садитесь на скамью! Окрашено; Экспонаты руками не трогать! Штраф 3000 рублей* и др.), которые позволяют представить единую коммуникативную ситуацию как последовательность нескольких коммуникативных актов, ориентированных на возможную внутреннюю ментальную реакцию пассивного участника дискурса на выражение запрета/просьбы/ требования.

Разъяснительность/детализация запрета/просьбы/требования выступает необходимым дискурсивным приемом побуждения осознать и понять их необходимость, важность и целесообразность. Для этого во вторую часть объявления включаются дискурсивные фрагменты с содержательно-фактуальной информацией, указывающей на нежелательные последствия (*Убедительно просим вас не кормить птиц во избежание загрязнения территории и памятников архитектуры; Пожалуйста, не пользуйтесь телефоном, чтобы не отвлекать других посетителей* и др.), возможные варианты действий (*Пожалуйста, не кормите птиц. Птиц можно покормить в соседнем сквере на ул. Пушкина; Не входите, пожалуйста, в зрительный зал! Репетицию можно посмотреть с балкона и бельэтажа* и др.), несложность выполнения требуемого/рекомендуемого действия (*Пожалуйста, не кормите животных кормом, принесенным из дома. Правильно сбалансированный корм можно бесплатно получить у администратора на входе в павильон; Толкайте сильнее! Дверь тяжелая, но открыть ее нетрудно* и др.).

В свою очередь, дискурс похожей прагматической направленности – дискурс инструкции – имеет отличную от инструктивно-регламентирующих объявлений организацию, что, прежде всего, обусловлено его принадлежностью к другому типу дискурса и, следовательно, построением относительно других форматных характеристик.

Так, инструкция (правила поведения, инструкция по эксплуатации, правила пожарной безопасности, охраны труда и т. д.) является нормативным документом и имеет визы утверждения и согласования ответственными лицами, четкие структуру и содержание. Для конструирования знания о данном фрагменте действительности используются языковые

единицы с семантикой долженствования (*должен, следует, обязан* и др.), глаголы конкретных исполняемых действий (*проводится, делается отметка, приходят, пропускают, включают, уступают* и др.), а также имена существительные, выступающие единицами номинации конкретных участников описываемой ситуации (*учитель – школьник – администрация школы; организация – сотрудник; участники дорожного движения* и др.). Способ концептуализации дискурсивных фрагментов лишен эксплицитной диалогичности. Он является строго регламентирующим, предусматривающим все возможные ситуации и предписывающим конкретные правила поведения (действия). Соответственно, он является максимально подробным, включает детализированное (фреймовое и сценарное) описание конкретных ситуаций.

Приведенные примеры конструирования прагматически сходных, но типологически различных дискурсов позволяют показать, что наряду со структурной организацией дискурса, обусловленность определенным форматом влияет на способ концептуализации конкретных типов знания, включенных в содержательную составляющую дискурса, а также на степень их проявления и способ интеграции. К таким типам знания, в первую очередь, относятся:

- знание о мире как знание предмета сообщения и конкретной коммуникативной ситуации (в зависимости от типа дискурса выбирается конкретное знание и его объем, подлежащий концептуальной конфигурации);

- знание о социуме как определенная концептуальная система интерпретации социального контекста знаний о мире, а именно знание о вовлеченных в дискурс участниках, социальных группах и, шире, национальных коллективах, их социокультурных нормах, правилах поведения, ожиданиях, стереотипах и ценностях (тип дискурса всегда обуславливает конкретную социальную направленность конфигурируемого знания, он также предполагает включенность конкретного знания о концептуализируемом фрагменте реального мира в конкретный социальный контекст (его ориентацию на место, исторический период и т. д.), в зависимости от типа дискурса всегда проявляется определенная степень национально-культурной специфики репрезентируемых концептов);

- знание о языке как знание всего арсенала языковых средств и приемов (в зависимости от типа дискурса его участники выбирают наиболее приемлемые языковые единицы и структуры, с помощью которых передается необходимый объем актуализируемого знания);

- коммуникативное знание как знание о конкретной дискурсивной ситуации (в зависимости от типа дискурса его активным участником всегда выбирается определенная коммуникативная стратегия или набор

коммуникативных стратегий для достижения необходимой прагматической цели, ориентированной на других участников данной дискурсивной ситуации).

Форматная обусловленность дискурсивной концептуализации знаний, таким образом, предполагает следование определенным правилам, которые терминологически могут быть обозначены как принципы форматной организации дискурса. К этим принципам относятся (1) принцип концептуальной конфигурации дискурсивного знания; (2) принцип коммуникативно-прагматического оформления дискурсивного знания; (3) принцип интегративной целостности конфигурируемого знания и его коммуникативно-прагматического оформления. В результате их дискурсивной актуализации дискурс выступает особым способом репрезентации мира, конструируемого на основе всех типов знания, которыми оперируют его участники, предполагает активизацию целого ряда когнитивных механизмов конфигурации этих знаний и коммуникативных стратегий и тактик их прагматического оформления, находясь при этом в определенных рамках, заданных конкретным типом дискурса (его форматом).

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Johnstone B. Discourse analysis. John Wiley & Sons, 2018.

Sellner M. B., Morgan J. L. Discourse and linguistic theory // Theoretical Issues in Reading Comprehension. Routledge, 2017. P. 165–200.

O. V. Magirovskaya
(Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

DISCURSIVE FORMAT AS A KEY FACTOR IN CONCEPTUAL INTEGRATION OF KNOWLEDGE

The article views the format of discourse as its basic operational characteristic feature. It proves its determining role in cognitive-pragmatic construal of discourse and formulates the principles of discourse format organization.

Key words: format of discourse, type of knowledge, principles of discourse format organization, cognitive-pragmatic construal of discourse.

Г. Н. Манаенко (Ставрополь, Россия)
Северо-Кавказский федеральный университет
manaenko@list.ru

СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕДИАДИСКУРСА: СОБЫТИЕ, ФАКТ, ОЦЕНКА

В статье проводится анализ содержания опорных смыслов медиадискурса. Устанавливается, что для корректного определения соотношения события, факта и оценки необходимо учитывать понятия ситуации и пропозиции. Доказывается, что онтология фактов – это мир дискурса.

Ключевые слова: субъект идеологии, событие, ситуация, пропозиция, факт, дискурс.

Корреляции *событие – факт* и *факт – оценка*, как и их составляющие, находятся в фокусе внимания представителей разных областей гуманитарного знания и имеют особую значимость для современного дискурса масс-медиа. При этом существенной предстает проблема объективности, безусловности и достоверности факта по отношению к событию и оценке в информационном пространстве, генерируемом СМИ и Интернетом: «Если бы новостной факт был однолинейно хрестоматийным видением, то это не было бы событием и знанием (в публицистическом плане)» [Соловьев 2000: 12].

Разделяя тезис о противопоставленности «журналистики факта» и «журналистики мнения» (а значит, и оценки), многие практики и теоретики дискурсивной деятельности в сфере массовой коммуникации интуитивно полагают, что категория *факта*, в отличие от категории *оценки*, лишена условности и субъективизма. Между тем еще М. М. Бахтин отмечал, что сознание и мышление человека, его «дух» предстают перед людьми в форме текстов, опосредованных языково-знаковым выражением. Мысли о мыслях, высказывания о высказываниях составляют суть социального познания, так как человек проявляет себя в тексте, которому присущи значение, смысл и ценность: «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан ведь как прямой объект естественных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» [Бахтин 1979: 294]. Таким образом, в высказывании неизбежно отображаются интенции говорящего и его отношения к миру, что находит свое проявление в языковой форме [Манаенко 2006].

Связующее звено данных корреляций – концепт ФАКТ, который «в разной связи обсуждался в философских, логических и лингвистических работах. В философии – это проблема реальности факта, то есть его отнесенности к онтологии или эпистемологии. В логике – это, прежде всего, вопрос о структуре атомарного факта и способах его представления. В лингвистику

проблема факта вошла вместе с концепцией пресуппозиций – той информации, которая в составе высказывания принимается за истинную» [Арутюнова 1999: 503]. Все аргументы в обосновании той или иной трактовки факта в различных науках опираются на дискурсивное употребление и лексическое значение слова *факт*: «*Факт* (лат. *factum* – сделанное) – действительное, невымышленное происшествие, событие, явление; твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для какого-л. заключения вывода...» [Современный словарь иностранных слов: 635].

Из второй части лексического значения слова *факт* следует, что факты *знают*, поскольку факты чаще всего принадлежат прошлому, что указано в первой части словарной дефиниции. «Отнесенность фактов к логическому пространству была отмечена, в частности, З. Вендлером. <...> Подчеркивая, что факты не локализованы в мире, они – «о мире», З. Вендлер все же включает их наряду с другими типами сущностей – предметами и событиями – в онтологию. Видя в фактах причины происходящего, т. е. ставя факты в каузальные отношения к событиям и считая в то же время каузальные контексты прозрачными, З. Вендлер пришел к мысли о необходимости расширения онтологии за пределы пространственно-временной области и включения в нее «замершей области всего того, что есть» [Арутюнова 1999: 506].

Смещение *фактов* и *событий*, отмеченное для теории познания и в еще большей степени характерное для обыденной речи, обусловлено смещением значения имени «*факт*» в сторону действительности: факты выступают в качестве первичных, заранее данных сущностей, а истинные суждения, их констатирующие, – в качестве вторичных. Факты считаются независимыми от наших утверждений. Однако Н. Д. Арутюнова убедительно доказала, что «представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно» [Арутюнова 1999: 491]: события наполняют собой действительность, говоря о них, человек превращает их в факты. При этом окружающий мир представляется человеку отнюдь не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов *ситуаций*: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека... ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание» [Звегинцев 1996: 188].

Ситуация – это позиция человека в отношении события, ракурс представления в сознании человека «действительного, невымышленного происшествия, события, явления». Для того чтобы ситуация приобрела

другие свойства факта, данные в его дефиниции, она должна получить языковое воплощение, которое, войдя в мир дискурса, позволит ситуации, выделенной в событии, стать «твердо установленным знанием, данным в опыте» и разделенным другим. Репрезентация ситуации как ментального образа возможна на основе *пропозиции*. Поскольку мы видим мир в модальности говорящего субъекта, пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он воссоздает ситуацию, выбирая глубинный предикат. Таким образом, пропозиция есть основание для номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию, т. е. событие (*со-бытие*) в представлении говорящего.

Мир дискурса (пространства речемыслительной деятельности обучающихся) – это онтология языка и фактов, именно здесь вычленяются «денотативные» («реальные») ситуации, соотносительные с языковыми высказываниями и сущности связываются определенными отношениями лишь благодаря предметно-практическому опыту человека. Одной ситуации соответствует одна и та же пропозиция, а то, что находится «вне человека» представляет фрагмент континуума внешнего мира во всем многообразии объектов, их свойств и отношений между ними – то или иное *событие*. Таким образом, онтология события – действительность (внешний мир), онтология факта – истинные суждения о действительности (внутренний мир). Необходимо подчеркнуть, что это суждения, истинные для информационного пространства того или иного лингвокультурного сообщества (ср.: *победа Наполеона при Бородино во французской историографии / ничейный исход сражения в русской*). Объективируются факты в различных типах дискурса, вследствие чего и можно утверждать, что онтология фактов – это мир дискурса.

Из реального события «извлекаются» только такие факты, которые выгодны субъекту-инициатору конструирования социальной реальности. «Вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного рода информационные фильтры» [Почепцов 2000: 137]. Инерционность массового сознания – условие, позволяющее в целях пропаганды апеллировать к прошлым символам, к которым массовое сознание относится уже как базовым, маркирующим определенную картину мира. «Никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [Матурана 1996: 140]. Из реального события тем или иным субъектом идеологии выделяются разные ситуации, языковое выражение пропозиционального

содержания которых позволяет совершенно иначе не только сформировать и подобрать факты, соотнесенные с данным событием, но и дать ему оценку, которая неявным способом поддерживается благодаря использованию в контекстах соответствующей дискурсивной лексики. В результате подбора и языковой репрезентации фактов может создаваться основа для циничных манипуляций массовым сознанием и откровенной лжи, которая превращается в безусловные «факты», формирующие не только «сиюминутную» картину мира, но и мировую историю (ср.: *Историю пишут победители*). Таким образом в массовой коммуникации становится возможным «переиначивание» событий, или, по существу, замена одних фактов другими.

Дискурсивная природа факта объясняет феномен актуализации тех или иных фактов в информационном пространстве, а также либо соотнесенность фактов с разными ситуациями (соответственно, при неразличении *ситуации и со-бытия* – разными «событиями»), либо вообще возможность исключения факта, а значит, и события из информационной картины мира или, наоборот, укоренения в информационном пространстве «факта», не соотнесенного ни с каким событием («фейка»). Проблема *выбора* факта и его закрепления в информационных потоках придает факту характер предварительной (неявной) *оценки*, обусловленной интенциями и социальными позициями «создателя» факта.

Оценка как смысловой компонент дискурса противостоит фактуальной информации, фиксирующей воспринимаемые человеком черты объективного мира, внешнего и внутреннего. Аксиологические концепты (ценности), на которые опирается оценка, одновременно зависят от внешнего мира и независимы от него. Оценка обусловлена фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется: «Мотив оценки всегда имеет объективный характер. В число мотивов могут входить наблюдаемые свойства объекта, связанные с данным объектом факты и прогнозы, отношение к цели, закономерности капризы восприятия, нормальные и «аллергические» реакции на разные виды объектов. Мотив оценки не находится с самой оценкой ни в каузальных отношениях, ни в отношении логического вывода. Строго говоря, между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи, хотя они и находятся в постоянном эмпирическом взаимодействии в сознании людей» [Арутюнова 1999: 180].

Оценка всегда мотивирована, но она не может быть верифицирована, что отличает ее от дескриптивных высказываний о действительности. При этом одни и те же мотивы могут быть обоснованием разных оценок. Для того чтобы оценить феномен действительности, человек должен «пропустить» его через свою концептуальную систему, поэтому природа оценки обусловлена сознанием человека как субъекта идеологии.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Вендлер З.* Факты в языке // *Философия, логика, язык*. М.: Прогресс, 1987. С. 293–317.
- Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Манаенко С. А.* Языковое выражение коммуникативных интенций автора в аналитическом тексте публицистики // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2006. № 1. С. 108–113.
- Матурана У.* Биология познания // *Язык и интеллект*. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 95–142.
- Почепцов Г. Г.* Информационно-психологическая война. М.: СИНТЕГ, 2000.
- Современный словарь иностранных слов*. М.: Русский язык, 1993.
- Соловьев Г. М.* Лингвопублицистическая корреляция «факт – оценка»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.

G. N. Manaenko (*Stavropol, Russia*)
North Caucasian Federal University

SENSE COMPONENTS OF MEDIA DISCOURSE: EVENT, FACT, ASSESSMENT

The article analyzes the content of the supporting meanings of media discourse. It is established that in order to correctly determine the relationship between an event, a fact and an assessment, it is necessary to take into account the concepts of situation and proposition. It is proved that the ontology of facts is the world of discourse.

Key words: subject of ideology, event, situation, proposition, fact, discourse.

М. Ю. Миронова (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*
mkpr@yandex.ru

ДИНАМИКА ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Цель исследования состоит в том, чтобы с помощью методов корпусного анализа проследить динамику использования дискурсивных маркеров авторской позиции в англоязычных научных статьях в диахронии. Полученные результаты эмпирического исследования свидетельствуют о снижении частоты употребления дискурсив-

ных маркеров уверенности и неуверенности в начале 21 века, что свидетельствует о наименьшей степени выраженности коммуникативной категории авторитетности в данный период.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, научный дискурс, корпусные исследования, диахрония, коммуникативная категория.

Изучение жанров и дискурсов в диахронии (см. например: [Кочетова 2013]) становится в последнее время одной из основных задач исторической лингвистики. Использование диахронического метода в дискурсивных исследованиях позволяет сопоставить дискурсивные/жанровые признаки в разные периоды их существования и выделить характеристики, приобретаемые или утрачиваемые жанрами в процессе их функционирования в историческом социокультурном контексте. Научный дискурс относится к наименее исследованным с точки зрения эволюции и тенденций развития его содержательных, жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических характеристик.

Учёные всё чаще обращаются к изучению коммуникации, пытаются определить, что отвечает за правильную передачу информации отправителем и её адекватное восприятие получателем. Очевидно, что коммуникация – это сложный процесс, объединяющий многообразие вербальных и невербальных средств, которые адресант использует намеренно для достижения своей коммуникативной цели. Поскольку коммуникативные единицы, передающие фактуальную информацию, не всегда могут быть интерпретированы так, как планировал адресант, со временем сложился класс единиц (дискурсивных маркеров), рассмотрению которых и посвящена данная статья. Система дискурсивных маркеров развивалась на протяжении многих десятилетий. Находясь под влиянием процессов грамматикализации, лексикализации и прагматикализации, она продолжает развиваться, видоизменяться и совершенствоваться для повышения эффективности и продуктивности общения.

Термин «дискурсивные маркеры», введенный в научный оборот Д. Шифрин [Schiffirin 1987], обозначает единицы неинформативного уровня, которые выполняют функцию организации общения. Дискурсивные единицы маркируют границы высказывания; способствуют связности и структурированности текста; отражают лингвокультурологические особенности общества; репрезентируют личность автора; устанавливают связь между новым и старым знанием; маркируют отношение автора текста к сообщаемой информации и к адресату; выделяют главное на фоне второстепенного. Все перечисленные функции подчинены единой цели дискурсивных единиц: помочь автору в речевом оформлении коммуни-

кативного намерения, а адресату – в правильном восприятии дискурса [Викторова 2016].

Изучение единиц организующего уровня с разных позиций (А. Н. Баранова, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, О. Б. Сиротинина, М. А. Кормилицына, Е. В. Уздинская) привело к расхождениям в их номинациях и составе: дискурсивные слова (А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Е. В. Хачатурян, Е. Ю. Викторова, Е. В. Николаева, К. М. Шилихина, Albrecht, Métrich и др.), дискурсивы (О. Б. Сиротинина), вспомогательные коммуникативные единицы (С. В. Андреева, Е. Ю. Викторова), дискурсивные маркеры (Ю. Н. Науменко, С. В. Когут, Л. В. Дудникова), лексемь-маркеры (А. О. Стеблцова, Ю. Н. Науменко), дискурсивные связки/discourse connectives (Blakemore), дискурсивные частицы/discourse particles (Fischer, Aijmer). Многочисленные типологии дискурсивных маркеров, существующие сегодня, отличаются количественным и качественным составом. Так, выделяют языковые средства связности и цельности, средства выражения образа автора, средства оформления взаимодействия коммуникантов [Когут 2014]; регулятивы и организаторы [Викторова 2016]; дискурсивные маркеры отношений, референциальные, структурные и когнитивные маркеры [Maschler, Schiffrin 2015]; текстовые, интерпретативные и межличностные маркеры [Hyland 2005].

По всей видимости, то, как каждый ученый идентифицирует и классифицирует дискурсивные маркеры, является следствием той научной теории, которой он руководствуется. Например, Б. Фрейзер придерживается теории, основанной на связности (coherence-based approach), и исследует дискурсивные маркеры как лингвистические выражения, связывающие два сегмента дискурса и указывающие на соотношение базового сообщения с контекстом [Fraser 1999]. Д. Шиффрин тоже исследует дискурсивные маркеры с позиции теории когезии, поскольку главной задачей дискурсивных маркеров считает обеспечение связности дискурса [Schiffrin 1987; Maschler, Schiffrin 2015]. Д. Блейкмор изучает дискурсивные маркеры с позиций когнитивно-прагматического подхода на основе теории релевантности (relevance-based approach), согласно которой роль маркеров заключается в том, чтобы помочь коммуникантам определить релевантную информацию и тем самым сократить усилия в процессе восприятия когнитивных намерений друг друга [Blakemore 2002]. В классификации Д. Байбера сделан акцент на подробном освещении способов выражения авторской позиции в дискурсе [Viberg 2006].

Несмотря на всё разнообразие типологий, существующие сегодня классификации дискурсивных маркеров объединяет входящий в их состав класс маркеров повышения/снижения категоричности. Использование языковых

средств интенсификации и смягчения учёные объясняют стремлением говорящего/пишущего выразить свое мнение и отношение к сообщаемому, продемонстрировать уверенность или неуверенность в суждениях.

Цель настоящего исследования – проследить динамику использования дискурсивных маркеров выражения авторской позиции (маркеров уверенности/неуверенности) в англоязычных научных статьях в разные временные периоды. До настоящего времени маркеры различных жанров научного дискурса (в том числе дискурсивные маркеры уверенности/неуверенности) и особенности их диахронического развития в англоязычной научной статье не подвергались серьезному анализу. Выбор жанра научной статьи в качестве объекта исследования обусловлен тем, что научная статья входит в группу ядерных жанров научного дискурса и репрезентирует новое научное знание. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального изучения маркеров обозначенной группы, поскольку они выполняют важные коммуникативные функции в рамках одной из основных коммуникативных категорий научного дискурса – категории авторитетности. Категория авторитетности конструируется в научном дискурсе стратегиями повышения и снижения категоричности и реализуется при помощи дискурсивных маркеров, грамотное использование которых позволяет оказывать воздействие на сознание реципиента [Хутыз 2018]. Предметом данного исследования выступают дискурсивные маркеры уверенности/неуверенности, использованные в англоязычных научных статьях четырех временных периодов (1931, 1961, 1991 и 2006 годы). Количество научных статей по каждому периоду – 80.

Анализ трудов, посвященных исследованию дискурсивных маркеров, позволил выделить группу лексических единиц, маркирующих выражение уверенности и неуверенности автора в истинности сообщаемой информации:

1) эпистемические дискурсивные маркеры уверенности: *clearly, obviously, certainly, of course, surely, highly, indeed, always, in fact, actually, really, no doubt, undoubtedly, decidedly, definitely, incontestably, incontrovertibly;*

2) эпистемические дискурсивные маркеры неуверенности: *possibly, perhaps, usually, at least, arguably, probably, maybe, apparently, likely, unlikely.*

Настоящее исследование базируется на корпусных методах, позволяющих получать данные о частотности использования языковых единиц, которые извлекались из текстов диахронического корпуса *Brown Family (extended)*. Корпус представляет собой электронную коллекцию текстовых образцов и является первым крупным структурированным корпусом текстов письменных жанров художественной, научной, публицистической и нехудожественной прозы американского и британского варианта английского языка. Корпус *Brown Family (extended)* размещен на сервере *CQPweb*

Таблица 1

Частота использования дискурсивных маркеров уверенности и неуверенности в англоязычных научных статьях

Название корпуса	Кол-во маркеров уверенности	Кол-во научных текстов	Кол-во маркеров неуверенности	Кол-во научных текстов
BLOB (1931) (Learned)	1671.97	71	1237.48	68
LOB (1961) (Learned)	1572.99	74	1322.87	67
FLOB (1991) (Learned)	1555.15	67	1335.34	69
BE2006 Corpus (Learned)	713.81	51	796.17	61
Всего	1377.73	263	1172.45	265

и снабжен всем необходимым компьютерным инструментарием. На первом этапе исследования при помощи функциональных возможностей платформы был сформирован подкорпус научных текстов (общее количество – 320), относящихся к четырем различным периодам в истории английского научного дискурса (BLOB (Lancaster 1931), LOB1961, FLOB1991, British English 2006)). На втором этапе работы, используя программное обеспечение *CQPweb*, для каждого из периодов извлекались данные о частоте использования перечисленных выше дискурсивных маркеров. Далее был проведен сопоставительный анализ частотности использования дискурсивных маркеров уверенности и неуверенности и установлены тенденции в их употреблении (см. таблица 1).

Полученные результаты свидетельствуют о равномерном использовании маркеров уверенности и неуверенности на протяжении временных периодов 1931, 1961 и 1991, а также существовании логичной закономерности снижения количества маркеров уверенности при увеличении числа маркеров неуверенности и наоборот. Важным результатом проведенного корпусного исследования являются полученные данные о резком снижении частоты употребления дискурсивных маркеров уверенности и неуверенности в англоязычных научных статьях в начале 21 века. Наблюдаемая тенденция к снижению эмоциональности, категоричности и приобретению научными текстами нейтрального характера свидетельствует об изменении

коммуникативно-прагматических характеристик англоязычной научной статьи, а именно менее выраженном характере коммуникативной категории авторитетности в данный период по сравнению с предыдущими.

Литература

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016.

Козут С. В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 18–23.

Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013.

Хурыз И. П. Коммуникативные категории и стратегии лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10(88). Ч. 2. С. 374–379.

Biber D. Stance in spoken and written university registers // Journal of English for Academic Purposes. 2006. № 5. P. 97–116.

Blakemore D. Relevance and linguistic meaning: the semantics and pragmatics of discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Fraser B. What are discourse markers? // Journal of pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 931–952.

Hyland K. Metadiscourse: exploring interaction in writing. London / New York: Continuum, 2005.

Maschler Y. Discourse markers: language, meaning and context // The Handbook of Discourse Analysis. 2nd Ed. / ed. by D. Tannen, H. Hamilton and D. Schiffrin. Vol. 1. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 189–221.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

M. Yu. Mironova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University of Economics

DYNAMICS OF THE AUTHOR'S POSITION DISCOURSE MARKERS IN AN ENGLISH SCIENTIFIC ARTICLE

The purpose of the research is to investigate the dynamics of the discourse markers which are used to express the author's position in English-language scientific articles in different time periods. The results of the empirical data confirm a sharp decrease in the frequency of using discourse markers of confidence and uncertainty in English-language scientific articles of the early 21st century. This indicates a decrease in the degree of expression of the communicative category of authority in this period.

Key words: discourse markers, scientific discourse, corpus research, diachrony, communicative category.

Е. И. Михалева, Ю. Е. Иванова

(Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

MihalevaEI@mgpu.ru, IvanovaYuE@mgpu.ru

**ФОНОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕЧИ ОРАТОРА
В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА**

В статье изучается прагматическая направленность просодического оформления речи оратора в жанре выступления на научной конференции и участия в ток-шоу, рассматриваются ключевые особенности данных дискурсов. Выявляется и описывается взаимосвязь вариативности просодических средств в зависимости от смыслового содержания высказывания, адресата и экстралингвистической ситуации в целом.

Ключевые слова: фонопрагматика, просодия, научный дискурс, ток-шоу, адресат.

Человеческий голос, возможно самый мощный инструмент в коммуникации, находится в фокусе данного исследования. Авторы предпринимают попытку проанализировать ряд выступлений англоязычного оратора с целью проследить, как, в зависимости от аудитории и ситуативной составляющей, варьируются интонационные особенности речи, и предложить для этих изменений последовательное описание. Акцент в работе сделан на взаимосвязь звуковой репрезентации высказывания и его прагматического смысла.

Материалом статьи служат выступления Джейн Сеттер (Jane Setter) – британского фонетиста, профессора университета Рединга – на международной конференции для преподавателей английского языка IATEFL в Глазго в 2017 г. и ее участие в одном из ток-шоу Алана Титчмарша (Alan Titchmarsh) в 2014 г. Таким образом, мы рассматриваем публичное выступление оратора, который реализует конкретное ролевое поведение на научной конференции и в телевизионном ток-шоу в зависимости от своего личного статуса, ситуативной обусловленности и ожиданий слушателей.

Дискурс устной научной речи в жанре выступлений на конференциях будет сочетать в себе характерные черты публичной речи и научного дискурса. В целом его отличает равенство всех участников, каждый может высказать свое мнение, участвовать в дискуссии, комментировать и подвергать критике точки зрения коллег. Основной целью таких выступлений является обмен научными данными и установление контактов в ходе конференции. В научном выступлении должна преобладать четкая

аргументированность, логичная структура, краткость и научное изложение материала.

Основываясь на существующих типологиях интеллектуальных стилей зарубежных ученых Й. Гальтунга (1981) и Р. Каплана (1966), мы можем охарактеризовать англосаксонский научный когнитивный стиль как имеющий несложную структуру, доступное, последовательное, адресатоцентричное изложение материала, логичность и высокую степень диалогичности.

Ориентация на непринужденное общение и сотрудничество с аудиторией помогает оратору реализовать определенное воздействие на слушателей и сближает научный дискурс с риторическим. Речь будет более убедительной, если выстраивать ее с учетом особенностей аудитории и тех знаний, которыми она обладает. По мнению Н. Н. Болдырева и В. С. Григорьевой, «учет знаний о социуме и культуре собеседника также может быть одним из доминирующих принципов организации языкового общения, когнитивной доминантой успешного речевого взаимодействия» [2018: 19].

Анализируя поведение носителей английского языка на международных научных конференциях, следует отметить присущую им высокую степень самопрезентации с целью создания у слушателей желаемого благоприятного впечатления о себе. Напористость и ориентация на успех также отличают представителей англосаксонской культуры от других выступающих. В то же время, диалогичность как маркер научного дискурса достигается благодаря снижению уровня формальности выступления, использованию в речи маркеров речевого отгораживания [Михалева 2022].

Наряду с вербальными средствами, значимую роль в выступлении приобретают просодические (интонационные) средства: тон, тембральная окраска речи, логические ударения, паузы, темп, которые в силу своей гибкости и вариативности помогают создать запоминающееся выступление.

Большой опыт публичных выступлений сказывается на манере выступления оратора. Имея высокий статус профессора и признанного авторитета в области фонетики английского языка, Джейн Сетгер очень уверенно и естественно держится перед своей аудиторией – преподавателями языка. Очевидно, что Джейн понимает, что ее слушатели обладают соответствующей степенью владения языком и уровнем образования для эффективного восприятия вербальной информации. Однако используя терминологический аппарат, оратор поясняет каждый из фонетических терминов, принимая во внимание то, что, возможно, не все присутствующие являются специалистами в области фонетических аспектов речи. Объяснения и комментарии по ходу выступления сопровождаются активной мимикой и жестикуляцией оратора, а также просодическими средствами, выразительно демонстриру-

ющими суть вопроса. Несмотря на сохранение умеренно-быстрого темпа речи, мы отмечаем четкое членение информации на синтаксические синтагмы, тема-рематические отношения маркированы нисходяще-восходящими и высокими нисходящим тонами соответственно, артикуляция четкая, форма произношения полная.

Поскольку компоненты просодии используются в речи как средства воздействия на аудиторию на подсознательном уровне, ораторы активно привлекают их для формирования определенного отношения слушателей к себе и к информации. Джейн периодически нарушает формальную передачу профессиональных знаний, иницируя взаимодействие с аудиторией. Мы отмечаем переход на сниженный регистр в обращении к участникам коммуникации с целью установления контакта: использование неформальной лексики, неполной формы произношения слов, изменение эмоциональности высказывания, высоты тонального уровня, увеличение громкости.

Так, например, изменение громкости, высоты тона и тембральной окраски в комментарии-реакции (*What?! Oh. Oh, dear. What on earth is going on there?*) на результаты исследований, представленные на слайде, говорит не только о попытке заострить внимание слушателей на ключевых моментах, но одновременно с этим и снизить пафос научного выступления, продемонстрировать идею равностатусности профессиональной коммуникации.

Если в основе научного дискурса лежит подготовленная, неспонтанная речь, то ток-шоу характеризуется неподготовленной, спонтанной речью. Ток-шоу как жанр телевизионного дискурса представляет собой форму устного диалогического общения и максимально приближен к разговорной речи. Элемент разговорности, с помощью которого устанавливается контакт с аудиторией, способствует диалогу между субъектами телевизионной коммуникации.

Еще одним фактором ток-шоу является единство времени и действия, воспроизведения шоу в прямом эфире: "...principle of the television talk show is that it is experienced in the present tense as "conversation". Live, taped, or shown in reruns, talk show always maintain the illusion of the present tense" [Timberg 2002], что говорит о ситуации спонтанности межличностного общения, ситуативном выборе звуковой формы и поведения. Таким образом, телевизионную речь относят к публицистическому стилю с элементами разговорности [Ларина 2004].

Учитывая принцип кооперации Х. П. Грайса, которому подчинена речь всех участников дискуссии, в телевизионном ток-шоу важными для анализа представляются постулат категории количества ("Quantity") и категории способа ("Manner") [Tolson 2006: 38].

Выступая в роли эксперта на развлекательном телешоу, соответственно, подчиняясь правилам формата, Джейн необходимо высказываться конкретно, информативно, понятно и в соответствии с коммуникативными запросами адресата, а также сохранять форму непринужденной речи, соблюдать языковые нормы, использовать языковые средства, понятные гипотетической массовой аудитории.

Взаимодействие с аудиторией осуществляется один раз в начале шоу, когда Джейн пытается вовлечь зрителей в беседу, однако в дальнейшем поведение всех участников программы подчиняется формату «вопрос-ответ» и временным рамкам шоу.

Наиболее длинный связный отрезок речи за все участие в шоу, пока ее не перебивает ведущий, не дав закончить мысль, – ответ Джейн на вопрос о кимографе – приборе для графической регистрации кривой звуков в экспериментальной фонетике. Эксперт за 22 секунды произнесла 4 пространственных предложения, в которых было использовано 65 слов, 27 пауз, включающих 6 пауз-хезитаций, наполненных вокализаций (*ehm, er*). Паузы составляют 41,5% звучащего текста, что свидетельствует о спонтанном характере выступления, процессе обдумывания, подборе языковых средств, понятных слушателям, а также о возможных сбоях в нетипичных для оратора условиях общения [Ivanova et al. 2020]. Заметим, что вокализированные паузы-хезитации служат дискурсивными маркерами. Их изъятие из беседы не поменяет смысл высказываний, но негативно отразится на интерактивном характере беседы.

Среди наиболее распространенных просодических средств, используемых Джейн, следует отметить быстрый темп речи, адекватный предполагаемым зрителям шоу – англоязычной аудитории, умеренная громкость, падающие тоны низкого и среднего регистров, короткие синтагмы с паузами разной длительности, также частотны восходящие тоны в незавершенных синтагмах, что придает отрывистую ритмичную манеру высказыванию.

Итак, обобщая наблюдения, полученные в ходе фонопрагматического анализа звучащей речи, основные характеристики, которые обуславливают различия между выступлениями данного оратора в двух разных жанрах, заключаются в следующей вариативности: по сравнению с научным выступлением в ток-шоу отмечается снижение тонального уровня, увеличение количества коротких синтагм за счет использования хезитационных пауз, восходящие тоны, фокус высказывания оформляется нисходящим тоном низкого и среднего уровней. Будучи приглашенным экспертом, профессор находится в подчиненной роли на ток-шоу, соответственно стиль поведения регламентируется и модифицируется форматом, условиями и контекстом коммуникации, в отличие от пленарного выступления на на-

учной конференции, где в речевом и невербальном поведении оратора ярко проявляется институциональный статус эксперта и раскованность публичной речи.

Литература

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого поведения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.

Ларина Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

Михалева Е. И. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1(45). С. 113–124.

Galtung J. Structure, culture and intellectual style: an essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches // Social Science Information. 1981. № 20. P. 817–856.

Ivanova Y. E. Internationalization of stand-up comedians' speech behavior: loss of national identity? // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Moscow, 23–25 апреля 2020 года. London: European Publisher, 2020. P. 293–305.

Kaplan R. Cultural thought patterns in intercultural education // Language Learning. 1966. № 16. P. 1–20.

Timberg B. Television talk: a history of the TV talk show. USA: The University of Texas Press, 2002.

Tolson A. Media talk: spoken discourse on TV and radio. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.

E. I. Mikhaleva, Yu. E. Ivanova (Moscow, Russia)
Moscow City University

PHONOPRAGMATICS OF SPEECH IN DIFFERENT DISCOURSES

The authors seek to explicate how prosody helps realize the intentions of the speaker and varies according to the expectations of the audience. We observe pragmatics of the tone of voice in a public talk at a scientific conference and on a talk show and point out the interrelation of prosody with the audience and extralinguistic environment of these discourses in general.

Key words: phonopragmatics, prosody, scientific discourse, talk show, audience.

Ю. А. Ненашева (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АКТИВАТОРЫ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОСОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПРИ ЧТЕНИИ ВСЛУХ

Автор предлагает описание и классификацию лексических активаторов когнитивных процессов обработки информации и принятия решений о выборе интонационного контура высказывания при чтении вслух художественного текста. Эти активаторы – лексические праймеры/маркеры – сопровождают прямую речь персонажей, и могут быть классифицированы на основании семантического и формального критериев в группы, ассоциируемые с фонологизированными интонационными контурами и их вариантами.

Ключевые слова: дискурс, просодия, лексические праймеры/маркеры, интонационный контур, обработка информации, принятие решений, чтение вслух.

В соответствии с определением дискурса, предложенным Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2012: 125], и уточнением понятия «дискурсивный контекст», предложенным А. А. Кибриком [Kibrik 2011: 11–12, 14], следует заключить, что процессы обработки информации и принятия решений, реализуемые на операциональном/процедурном этапе дискурсивной деятельности – рече-производство/речевосприятие – определяют выбор звуковой формы речевого сообщения, в том числе и его просодической организации. Исследования последних лет показывают, что когнитивные механизмы обработки информации для определения дискурсивного контекста реализуемого высказывания и процессы принятия решений [Величковский 2006; Ахутина 2014] играют ведущую роль в определении специфики дискурсивного контекста, сопровождающего прямую речь персонажей в художественном тексте, что, в свою очередь, определяет выбор просодических средств чтецами-дикторами [Stites et al 2013; Yao et al 2021; Eerland, van Charldorp 2022].

Прагматическая функция, выполняемая лексическими единицами, сопровождающими прямую речь в художественном тексте, заключается в активации мыслительных процессов [Kibrik 2011: 367–369, 375; Grosz 2021: 342]. Эти единицы активируют когнитивные процессы в сознании читателя, позволяя ему идентифицировать субъективные эмоциональные значения, реализованные автором текста, и передать их посредством просодической

организации речи при чтении вслух. Нейролингвистические исследования доказывают, что обработка информации, передаваемая языковыми знаками вызывает нейронный ответ, схожий по характеру с нейронными ответами на воспринимаемые и обрабатываемые интонационные стимулы [Gantiva et al 2020: 935; Ахутина 2014: 314–315, 367, 383]. Само понятие эффективной коммуникативной деятельности предполагает наличие определенного «общего знания» [Tomasello 2019: 60–61; Leman, Tenenbaum 2017: 145–148], которое определяет процессы принятия решений в производстве речевого сообщения.

Таким образом, изучение лексических единиц, сопровождающих прямую речь в письменном варианте художественного текста и соответствующего аудиоварианта этого текста, реализованного чтением вслух, позволит определить специфику протекания когнитивных процессов обработки информации и принятия решений о выборе соответствующего просодического контура высказывания, определяемую этими единицами в ходе выполнения ими функции активатора механизмов рабочей памяти и внимания.

Несмотря на высокую вариативность просодической организации высказываний, специфика фонологизированных просодических единиц подтверждается психолингвистическими исследованиями, изучающими «скрытую», имплицитную просодию (The Implicit Prosody Hypothesis (IPH) [Fodor 2002; Vreen 2014] – фонологизированные интонационные конструкции, ассоциируемые в сознании участников дискурса с определенной информацией, значимой для данного дискурса, и отраженные в кодифицированной интонационной норме [Ward 2019: 113]. Эти фонологизированные интонационные конструкции используются как просодическое средство передачи определенной информации по умолчанию, направляя когнитивные процессы обработки информации. Они также соотносятся с интонемами, под которыми понимается «структурно организованная просодическая единица смысло-различения, существующая в данном языковом коллективе как отработанная практикой речевого общения модель звучания, реализующаяся в виде совокупности типовых материальных воплощений» [Кантер 1988: 73]. Таким образом, мы можем говорить об определенной степени унифицированности используемых в дискурсе интонационных конструкций, проявляющейся в виде статистических пропорций просодических средств, их вариантов и комбинаций [Kurumada et al 2022].

Выборка экспериментального фонетического исследования, включающая около 1300 высказываний, содержащих три автоматически определяемых программой слога (АОУС), была подвергнута анализу при помощи программного обеспечения PRAAT (Prosogram) [Mertens 2019]. Исследуемые высказывания представляют собой канонические повелительные высказы-

вания [Aikhenvald 2017: 5]. В соответствии с полученными результатами можно сделать следующие выводы:

1) В соответствии с формальным критерием лексические единицы, сопровождающие высказывания прямой речи, составляют три основные группы. Первая группа носит более однородный характер, включая в себя глаголы (65,8%), вторая группа более неоднородная (21,9%), она включает в себя как автономные прилагательные и наречия (19,8%), так и словосочетания, содержащие прилагательные/наречия в качестве главных членов словосочетаний (2,1%). Третья группа включает в себя предложные номинативные словосочетания (12,3%). Все лексические активаторы, входящие в выявленные группы, сопровождают высказывания прямой речи самостоятельно и в сочетании с лексическими активаторами других групп.

2) В соответствии с семантическим критерием вышеупомянутые группы делятся на подгруппы, связанные с информацией определенного вида. Так, глаголы, входящие в первую группу, делятся на а) глаголы, обозначающие непосредственное речепроизводство (*say, speak*) (65,7%), б) глаголы, обозначающие специфические способы звукопроизводства (*shout, whisper*) (21,6%), в) глаголы, обозначающие речевую каузацию (*ask, order*) (4%), г) глаголы, обозначающие жестикуляцию и кинесику (*smile, wave (one's hand)*) (6,1%), а также д) глаголы, обозначающие стадии речепроизводства (*continue, go on*) (2,5%). Лексические единицы второй и третьей групп также делятся на подгруппы по семантическому критерию: а) невыраженная эмфаза (*calmly, quietly*) (54,7%), б) выраженная эмфаза неопределенного характера (*crisply, suddenly*) (28,3%), выраженная эмфаза положительного характера (*amiably, sweetly*) (6,2%), выраженная эмфаза отрицательного характера (*coldly, angrily*) (10,8%).

Лексические активаторы определяют следующие особенности просодической организации высказываний прямой речи персонажей художественного текста при чтении вслух: 1) сочетание лексических активаторов разных групп, сопровождающее высказывание прямой речи обратно пропорционально количеству тональных движений внутри интонационного контура, то есть, более точное указание на коммуникативное значение высказывания прямой речи реализуется в выборе более простого интонационного контура, в большей степени соответствующего интонационным контурам кодифицированной интонационной нормы, выражающим данное значение; 2) такое же соответствие между интонационными контурами и лексическими активаторами справедливо для высказываний с легко идентифицируемым эмоционально-оценочным компонентом (положительным/отрицательным); 3) просодическая организация высказывания

усложняется дополнительными тональными движениями, реализуемыми в пределах одного фонетического слога при уменьшении количества лексических активаторов, в ситуации неопределенности говорящий принимает решение компенсировать отсутствие лексических маркеров вариативностью просодических компонентов интонационного контура; 4) несмотря на достаточно высокую вариативность просодии высказываний, возможно выделение повторяющихся просодических конструкций, сводимых к интонационным конструкциям кодифицированной интонационной нормы, однако, выделяемые просодические конструкции представляют собой сочетание определенных компонентов: так, например, наличие эмфазы выражается в повышенном количестве вариаций тонального компонента в предъядерной части контура, тогда как в ядерной части наличие эмфазы отражается лишь в повышении тонального уровня, но не в характере движения (Rise или Fall).

Литература

- Ахутина Т. В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: ЯСК, 2013.
- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006.
- Кантер Л. А.* Системный анализ речевой интонации. М.: Высшая школа, 1988.
- Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
- Aikhenvald A. Y.* Imperatives and commands: a cross-linguistic view // *Commands: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 1–45.
- Breen M.* Empirical investigations of the role of implicit prosody in sentence processing // *Language and Linguistics Compass*. 2014. № 8(2). P. 37–50.
- Eerland A., Engelen J. A. A., Zwaan R. A.* The influence of direct and indirect speech on mental representations // *PLoS ONE*. 2013. № 8(6): e65480.
- Fodor J.* Prosodic disambiguation in silent reading // *Proceedings of NELS32*. Amherst: GLSA Publications. 2002. P. 113–132.
- Gantiva C. et al.* Cortical processing of human and emoji faces: an ERP analysis // *Behaviour & Information Technology*. 2020. № 39 (8). P. 935–943.
- Grosz P.* Discourse anaphoricity and first-person indexicality in emoji resolution // *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2021. № 25. P. 340–357.
- Kibrik A. A.* Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kurumada C., Roettger T. B.* Thinking probabilistically in the study of intonational speech prosody // *Wiley interdisciplinary reviews. Cognitive science*. 2022. № 13(1), e1579.
- Leman P. J.* Communication in children's and adolescents' social groups // *The Wiley-Blackwell Handbook of Group Processes in Children and Adolescents*. London: Wiley-Blackwell, 2017. P. 144–164.

Mertens P. From pitch stylization to automatic tonal annotation of speech corpora // *Rhapsodie. A prosodic and syntactic treebank for spoken French. Studies in Corpus Linguistics 89.* Amsterdam: Benjamins, 2019. P. 233–250.

Stites M. C., Luke S. G., Christianson K. The psychologist said quickly, “Dialogue descriptions modulate reading speed!” // *Memory and Cognition.* 2013. № 41. P. 137–151.

Tomasello M. *Becoming human: a theory of ontogeny.* Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019.

Ward N. G. *Prosodic patterns in English conversation.* Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Yao B., Taylor J. R., Banks B., & Kotz S. A. Reading direct speech quotes increases theta phase-locking: Evidence for cortical tracking of inner speech? // *NeuroImage.* 2021. № 239. 118313.

Yu. A. Nenasheva (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

LEXICAL ACTIVATORS OF COGNITIVE PROCESSES IN PROSODY OF READ-ALOUD SPEECH

The author suggests the description and classification of lexical activators of information processing and decision making in discourse, stipulating prosodic organization of read-aloud direct speech utterances in read-aloud fiction texts. These activators – lexical primers/markers – accompany the direct speech of book characters in the fiction texts and represent three classes of language units classified according to semantic and formal criteria. These classes of language units are associated with phonologized prosodic patterns and their variations.

Key words: discourse, prosody, lexical primers/markers, prosodic pattern, information processing, decision making, read-aloud speech.

E. A. Никонова (*Москва, Россия*)
МГИМО МИД России
Ekatnikon2014@yandex.ru

EDITORIAL КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ЖАНР СМИ

Типология медиатекстов остается одним из наиболее сложноразрешимых вопросов современной медиалингвистики: существующие подходу к определению статуса текстов СМИ не являются исчерпывающими. Представляется, что анализ текстотипов СМИ через призму дискурсивных жанров может позволить преодолеть

наметившиеся сложности. В качестве примера дискурсивного жанра в статье рассматривается *editorial*.

Ключевые слова: *editorial*, дискурсивный жанр, медиалингвистика, жанры СМИ, жанровая типология.

Одним из наиболее «чувствительных» моментов для современной медиалингвистики является вопрос о статусе медиатекстов. Преодоление данного аспекта осложняется следующими моментами: во-первых, существует определенный разброс в предлагаемых вариантах обозначения коммуникативных форм медиа (медиатексты рассматриваются, например, как «формат» [Пампура 2010: 262] или «жанр» [Добросклонская 2008]), во-вторых, подвижность, динамичность, присущая текстотипам СМИ [Miller 2017: 135] осложняет процесс фиксации их типологических характеристик. Для решения данных сложностей представляется целесообразным использование концепции дискурсивного жанра [Montgomery 2007], предложенной в западной лингвистике, но не получившей достаточного распространения в отечественной науке.

Концепция дискурсивного жанра позволяет объединить в себе традиционный жанроведческий и дискурсивный подходы к жанру, т. е., с одной стороны, в основе понимания жанра лежит его бахтинская интерпретация как триединства стиля, формы и структуры, а с другой стороны, выделяется дискурсивность, выраженная через дискурсивные практики, как ключевая характеристика жанра.

Editorial является жанром, присущим качественной англоязычной прессе. Получив распространение на рубеже XIX–XX вв., *editorial* сегодня сохраняет ведущую роль в социально-политической жизни стран, о чем свидетельствуют многочисленные междисциплинарные исследования (см., например: [Druckman 2005; Norris 1999; Kahn 2002]). Ключевая задача *editorial* – оказание влияния на общественно-политическую ситуацию в стране, а также формирование политической повестки; данный жанр позволяет газетам оставаться независимым «голосом», способным оказывать влияние на общество и политиков, в частности: «мы можем полагать, что члены парламента, конгресса, министры, топ-менеджеры корпорации или другие общественные лидеры следуют мнению наиболее уважаемых газет» [Dijk 1996].

Поскольку жанр “*editorial*” представлен в качественной прессе, то тематика публикаций ограничивается социально-политическими вопросами, как правило, имеющими на текущий момент колоссальное значение для общества. Структура жанра – трехступенчатая, где ключевую роль играет вывод, который может принимать следующие формы: вывод-рекомендация, вывод-прогноз, вывод-оценка, а также возможны комбинации всех трех типов выводов. Стилистическая специфика жанра определяется его целевой установкой на оказание влияния на аудиторию, изменение политических

взглядов реципиентов и характеризуется аргументативностью, высокой степенью эмоциональности языка, интертекстуальностью, использованием индивидуально-авторских номинаций и разговорной речи.

Реализуемые в editorial дискурсивные практики связаны с социальной функцией данного типа текста – оказать влияние на общественные ценности и общественное мнение. Были выделены такие дискурсивные практики, как выражение рекомендации, трансляция прогнозов, а также элемент нарратива как дискурсивная практика.

Итак, на примере жанра “editorial” было продемонстрировано, что «дискурсивный жанр» является целесообразной и продуктивной концепцией определения статуса текстотипов СМИ.

Литература

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008.

Пампура Ж.В. Проблема репрезентации и передачи смыслов в коммуникационных процессах в средствах массовой информации // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 260–262.

Dijk van T. Opinions and ideologies in editorials. URL: <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/Opinions%20and%20ideologies%20in%20editorials.htm>

Druckman J.N., Parkin M. The impact of media bias: How editorial slant affects voters // The Journal of Politics. 2005. № 67 (4). P. 1030–1049.

Kahn K.F. The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens’ views of candidates / K.F. Kahn, P.J. Kenney // American Political Science Review. 2002. № 96 (2). P. 381–394.

Miller C.R. Emerging genres in new media environment. North Carolina State University Raleigh, North Carolina, USA, 2017.

Montgomery M. The discourse of broadcast news: a linguistic approach. London & NY: Routledge, 2017.

Norris P. On message: Communicating the campaign. Thousand Oaks, CA; London, U. K.: SAGE, 1999.

E. A. Nikonova (Moscow, Russia)
MGIMO University

EDITORIAL: MASS MEDIA DISCOURSE GENRE

Mass media text typology is one of the most complicated issues of modern media linguistics. The “discourse genre” concept can be applied to determine the status of media texts. Editorial texts were used to illustrate the concept.

Key words: editorial, media genres, discourse genres, media linguistics, mass media.

М. С. Петросян (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
marina.sarkisyan84@mail.ru

СЕМАНТИКА И АКСИОЛОГИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В НУТРИЦИОНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению семантики и аксиологии неологизмов в нутриционистском дискурсе. Исследуются неологизмы, взятые из современных англоязычных лексикографических онлайн-изданий, онлайн-журналов. Нутриционистские неологические единицы в англоязычном дискурсе отражают особенности мировосприятия и систему ценностных отношений общества. В ходе проведенного исследования было определено коннотативное значение неологизмов и их аксиологический потенциал.

Ключевые слова: семантика, медицина, неологизм, аксиология, нутрициология.

Неологизмы входят в категорию слов, обладающих наибольшей языковой активностью, отражённой в их экспрессивном характере и аксиологическом плане. Само создание новых слов является актом придания ценности отражаемым ими объектам, введением их в пространство социального значения. Изучение ценностной специфики неологизмов позволяет увидеть способы включения тех или иных явлений в ценностное поле языка путём их номинации и категоризации» [Катермина, Липириди 2021: 91].

Специфика нутриционистского дискурса определяет характер данного рода неологизмов, так как связанные с нутрициологией и диетологией слова и выражения чаще всего являются отражением массового сознания, а не специалистов в данной области.

Изучение семантического плана подобной лексики позволяет составить представления о менталитете современного человека, о его желаниях и стремлениях. Неологизмы, занимая особое место в семиотическом пространстве социума, являются релевантными маркерами «языкового вкуса эпохи», поскольку служат не только средством номинации нового знания, но и выражают прагматические отношения к познаваемому миру [Костомаров 1994: 23].

Материалом исследования послужили неологизмы, взятые из современных лексикографических онлайн-изданий, онлайн-журналов: Clean eating, Dirty food, Sirtfood diet, Reducetarian, Green diet, Planetary health diet, Breatharian, Bivalvegan, Paleo diet и Pegan diet, DASH, MIND diet.

При анализе коннотативного значения неологизмов можно отметить, что почти все они имеют положительную коннотацию. В нашем материале можно выделить такие неологизмы, как *sirtfoods are mainly*

*plant-based, antioxidant-rich foods; bivalvegan – someone who eats a mainly vegan diet but does eat bivalves such as oysters and mussels; mind dieting – the activity of thinking carefully about what you eat in a way that motivates you to choose foods that are better for you; DASH – the ‘Dietary Approaches to Stop Hypertension’ diet is an eating pattern designed to help **normalize** blood pressure and **prevent** hypertension. DASH is a **plant-rich, low-fat** diet that emphasizes **fruit and vegetables, grains, legumes, nuts, seeds, lean meat, low-fat dairy, poultry, and fish**. It is also relatively **low in salt, saturated fat, and sugar**. MIND diet is a combination of the traditional Mediterranean diet and the DASH diet with an emphasis on cognitive brain **health**. MIND is an acronym for “Mediterranean-DASH Intervention for Neurodegenerative Delay.” The MIND diet emphasizes the intake of **fresh fruit, vegetables, and legumes**.*

Положительная оценка выражается такими лексемами, как *plant-based – consisting or made completely of plants, or mainly of plants* (состоящие или полностью сделанные из растений или в основном из растений), *antioxidant-rich foods can do wonders to our bodies and can keep us healthy* (продукты, богатые антиоксидантами, могут творить чудеса с нашим телом и поддерживать наше здоровье), *health – the condition of the body and the degree to which it is free from illness, or the state of being well* (состояние организма, в котором отсутствуют заболевания, состояние, при котором человек чувствует себя хорошо), *avoid – to stay away from someone or something* (держаться подальше от кого-то или чего-то) (*avoid being cruel to animals*), *reduce – to become or to make something become smaller in size, amount, degree, importance, etc.* (стать или сделать что-то меньшим по размеру, количеству, степени, важности и т. д.), *diet – an eating plan in which someone eats less food, or only particular types of food, because they want to become thinner or for medical reasons* (план питания, при котором кто-то ест меньше пищи или только определенные виды пищи, потому что хочет похудеть или имеются медицинские показания), *mind – the part of a person that makes it possible for him or her to think, feel emotions, and understand things* (способность человека, которая позволяет ему или ей думать, чувствовать эмоции и понимать вещи), *thinking carefully – with great attention* (с большим вниманием), *motivate – to cause someone to behave in a particular way* (заставить кого-то вести себя определенным образом), а также интенсификаторами *super – especially, very: used for emphasizing an adjective or adverb* (очень: используется для усиления прилагательных или наречий).

Эмоционально-оценочные и экспрессивные коннотации, реализуемые указанными лексемами, определяют их важность.

Например, лексема *cruel* значительно усиливает экспрессию. Экспрессивные метафоры вызывают яркое образное представление, «апеллируют

к чувствам человека», вызывают переживания, находят отклик в душе и, следовательно, создают экспрессивный эффект [Черникова 2001: 84].

В анализируемом материале были выделены антонимические пары DIRTY – CLEAN: *clean eating – dirty food. Clean eating – the practice of eating only foods that are regarded as **healthy**, especially **fresh** food that has **not been processed** (= given any industrial or chemical treatment). **Dirty food** – when applied to food, refers to dishes that are traditionally regarded as **junk food** or **fast food***. Лексемы *clean* и *dirty* являются квалификаторами высокой степени проявления какого-либо качества или состояния. Этот факт находит свое отражение в аксиологической маркировке данных выражений.

Ключевыми лексемами данных неологических единиц выступают *healthy – good for your health* (хорошо для здоровья), *fresh – not yet changed, has not been processed* (не измененный, не обработанный), *pollution – damage caused by harmful substances* (повреждение, нанесенное вредными веществами), *junk food – things that are considered to be of no use or value, or of low quality* (вещи, которые являются бесполезными или низкокачественными). Данная антонимическая группа отражает проблему современного питания: *dirty food* (переработанная пища, вредная пища) и предлагает решение – *clean eating*.

Главной дискурсивной идеей в современном английском языке является мысль о необходимости бережного и заботливого отношения к природе: «сбережение природных ресурсов и экосистем, использование альтернативных источников энергии, возобновляемых природных материалов, природосберегающих технологий, безотходность, уменьшение «углеродного следа», этическое отношение к животным» [Басинская 2019: 6].

Примером могут служить следующие неологизмы: *reducetarian – person who for ethical reasons attempts to reduce the amount of meat in their diet* и *green diet – the diet emphasizes **plant** foods and **limits** meat and poultry intake*. Важность правильного питания неразрывно связано с экологией, что подтверждается наличием колоратива *green* в неологизме *green diet*. *Green* – это экологическая метафора с положительной коннотацией: *green – relating to the **protection** of the **environment*** (зеленый цвет – это цвет, относящийся окружающей среде, к ее защите). Подтверждают принцип защиты окружающей среды лексемы *ethical – relating to beliefs about what is morally right and wrong* (относящийся к убеждениям о том, что является морально правильным и неправильным), *reduce, plant, limit – the amount of something that is enough and not too much*. Экологический дискурс призван «генерировать, аккумулировать и распространять экологические знания для сохранения природы на планете и улучшения качества жизни людей» [Павлова 2019: 90].

4. Анализ неологизмов в нутриционистском дискурсе позволил прийти к выводу, что часть изучаемых неологизмов может принадлежать к разным дискурсивным полям: *paleo diet – caveman diet, or stone-age diet; pegan diet – offering a plant rich diet that includes protein, good fats and grains, and avoids dairy, gluten and sugar*. Например, лексемы *pegan* и *paleo* входят в поле геологического дискурса, а лексема *green* (*green diet – the diet emphasizes plant foods and limits meat and poultry intake*) вводит экологическое дискурсивное поле. Неологизм *MIND diet* относится к медицинскому дискурсу.

Таким образом, анализ английских неологических единиц нутриционистского дискурса свидетельствует об озабоченности людей своим здоровьем, качеством своей жизни, красотой.

Проведя анализ популярных диет на сегодняшний день, мы выделили у большинства неологизмов наличие положительной оценки. Наличие эмотивного и интенсивного компонентов лишь усиливают аксиологический потенциал неологизмов, таким образом выделяя, возвышая незыблемую человеческую ценность – здоровье.

Также анализ неологизмов в нутриционистском дискурсе позволил прийти к выводу о наличии различных дискурсивных полей, в которых английские нутриционистские неологизмы выполняют аксиологическую роль.

Все вышесказанное позволяет говорить об определенной образно-эстетической заряженности нутриционистских неологизмов в англоязычном дискурсе и об их несомненной значимости в структуре создаваемых ими образов.

Литература

Басинская М. В. Современные номинативные процессы в англоязычном экологическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019.

Катермина В. В., Липириди С. Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: коллективная монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Москва: Педагогика-пресс, 1994.

Павлова Е. Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. № 1. С. 88–100.

Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82–90.

<https://www.everydayhealth.com/diet-nutrition/the-dash-diet.aspx> <https://www.hsph.harvard.edu/>

<https://medmunch.com/mind-diet-plan/>

www.dailymail.co.uk

www.telegraph.co.uk/

M. S. Petrosyan (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

SEMANTICS AND AXIOLOGY OF NEOLOGISMS IN NUTRITIONIST DISCOURSE

The article deals with the study of the semantics and axiology of neologisms in nutritionist discourse. Neologisms taken from modern English-language lexicographic online publications and online magazines are investigated. Nutritionist neological units in the English-language discourse reflect the peculiarities of the worldview and the system of value relations of society. In the course of the study, the connotative meaning of neologisms and axiological potential were determined.

Key words: semantics, medicine, neologism, axiology, nutrition.

Н. Л. Потанина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
tatulia_tmb@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ И. МАКЬЮЭНА

В статье обоснована специфика социального дискурса в романе И. Макьюэна “Machines Like Me and People Like You”, состоящая в том, что этот дискурс, соприродный социальному роману, функционирует в жанровой структуре романа научно-фантастического. Это позволяет рассматривать социальный дискурс как механизм альтернативной интерпретации исторических событий и принцип художественного осмысления проблем взаимодействия естественного и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: социальный дискурс, роман, научная фантастика, И. Макьюэн, М. Фуко, естественный и искусственный интеллект.

Английская проза с наглядностью демонстрирует справедливость тезиса о завершении постмодернистского проекта, выразившуюся, в частности, в характерных для современного романа “*the passion for the real*”, “*the return of the real*” и “*the end of the irony*” [Yousef 2017: 33]. Эти свойства связывают с остро осознаваемой сейчас потребностью в «восстановлении целостности» [Yousef 2017: op. cit.], утраченной литературой в эпоху постмодерна.

Впрочем, и тогда, когда в других национальных литературах доминировал постмодернизм, английская литература в борениях разных эстетических тенденций сохраняла, по признанию исследователей (в том числе и британских [Bentley 2008: 193]), «здоровое начало», определявшееся, в первую очередь, реализмом [Проскурнин 2010: 214].

Одним из самых значительных писателей современной Великобритании продолжает оставаться Иен Макьюэн (Ian McEwan, 1948). В России, как и на родине, его называют «очень английским писателем», прочно укоренным в национальной культурной традиции и вместе с тем – остро чувствующим современность [Bentley 2008: 140–148], а причины равной привлекательности его книг для читателей и исследователей видят в «понятном сюжете», «актуальных проблемах» и ярких переживаниях, которые они в себе несут [Хабибулина 2021: 246]. Наряду с психологизмом прозы Макьюэна, ставшим основанием для целого ряда российских исследований [Джумайло 2011; Федоров 2012; Рогачевская 2015], привлекает особое внимание обостренный интерес писателя к проблемам времени и «борьбы со временем», феноменологии детства, интеграции детского и взрослого сознания [Веденкова 2012], памяти и истории [Bentley 2008: 140–148; Хабибулина 2021: 246]. В коллективной монографии «Два века времени» (2021) Л. Ф. Хабибулина доказательно рассуждает об «акцентированной телесности» прозы Макьюэна – примете, ставшей характерной для всей литературы первых десятилетий нового века [Хабибулина 2021: 247]. Эта примета трактуется в двух аспектах – как отказ от постмодернистских образов-симулякров и как показатель сохраняющегося влияния теории постмодернизма на художественную практику.

Названные выше исследования основываются на материале романов, созданных Макьюэном до 2016 г. Здесь речь пойдет о последнем из ныне опубликованных романе Макьюэна, изданном в 2019 году и в том же году переведенном на русский язык. Это роман “Machines Like Me and People Like You” (рус. пер. – «Машины как я», 2019). Он демонстрирует сохраняющийся интерес Макьюэна к вышеназванным проблемам творчества, но при этом предлагает новый и неожиданный ракурс их рассмотрения в рамках сюжета об искусственном интеллекте.

Предметом настоящей статьи является социальный дискурс этого романа. Внимание к социальности – далеко не самая характерная черта романов конца XX и начала XXI вв. В романах Макьюэна социальный дискурс, как правило, имел место и на ранних этапах творчества, традиционно обосновывая психологические коллизии и метаморфозы его героев. Новизна интерпретации социальности в новом романе Макьюэна

состоит, прежде всего, в том, что социальный дискурс, инкорпорированный в парадигму научно-фантастического романа, становится средством воссоздания эпизодов из альтернативной истории Великобритании, а вместе с тем – основанием для приращения смыслов, связанных с актуальными проблемами отношений человека и искусственного интеллекта, им порожденного.

Наша гипотеза состоит в том, что социальный дискурс «прошивает» все вышеназванные дискурсы этого романа, маркируя их сведениями о событиях социальной жизни и давая тем самым новые импульсы для осмысления сложной проблематики романа. Вопрос о том, возможно ли сосуществование естественного и искусственного интеллектов на современном уровне развития общественной морали и нравственности, становится тем фокусом, который собирает воедино разные виды дискурсов романа: научно-философский, морально-нравственный, правовой/юридический, социальный и др.

Как известно, интердискурсивность является характерной чертой романа новейшего времени, наиболее отчетливо проявившейся в эпоху IT. Она обусловлена множественностью тех когнитивных источников, на основе которых строится картина мира современного человека. В художественном мире, ее отражающем, сосуществуют и взаимодействуют разные виды знания. В ходе такого взаимодействия нехудожественный дискурс обретает *«черты образности, используя самые разные виды тропов, а принимающий текст приобретает черты ноуменальности – интеллектуализируется»* [Исаев, Владимирова 2017: 362–363]. Именно этим и отличается новый интеллектуальный бестселлер И. Макьюэна.

Авторский подход к изображению мира в этом романе побуждает вспомнить методологию М. Фуко, в основе которой лежит концепция анализа дискурсов с целью постижения природы и трансформации фактов в их исторической перспективе. В работе «Порядок дискурса» (1970), анализируя методологию школы «Анналов», Фуко сформулировал свое понимание задач историографии, которая должна уйти от описательности и сочетать изучение фактов с анализом дискурсов. Поясняя эту мысль, Фуко отмечает: *«Это – понятия события и серии с игрой сопряженных с ними понятий: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформация. Благодаря такому набору анализ дискурсов, о котором я думаю, сочленяется с реальной работой историков»* [Фуко 1996: 84]. Вместе с тем в предисловии к своему трактату «Использование удовольствий» (1984) М. Фуко заметил, что его работы, имея отношение *«к области “истории” – и предметом исследования, и характером использованных материалов»*, не являлись *«трудами “историка”... Это было философское*

упражнение; его сверхзадачей было узнать, в какой степени работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе» [Фуко 2004: 15].

Альтернативная история своей страны тоже не является для Макьюэна предметом самодовлеющего интереса. Она становится одновременно значимым фоном (и вместе с тем совокупным агентом) процесса, в котором решается вопрос о степени готовности современного человечества к тем преобразованиям, которые несет с собой созданная им самим высокотехнологичная цивилизация.

Свое восприятие исторической концепции Фуко Макьюэн косвенно воспроизводит, характеризуя род занятий героини этого романа, Миранды. Миранда специализируется в области социальной истории и работает над докторской диссертацией. Характеризуя методологию этой диссертации, автор, судя по всему, имеет в виду дискурсивный анализ М. Фуко: “...It was no longer proper to assume that anything at all had ever happened in the past. There were only historical documents to consider, and changing scholarly approaches to them, and our own shifting relationship to those approaches, all of which were determined by ideological context, by relations to power and wealth, to race, class, gender and sexual orientation” (McEwan: электронный ресурс). Кроме того, сходное представление о прошлом как о чем-то таком, что существует только в нашем собственном восприятии, автор воспроизводит из перспективы рассказчика, Чарли Френда: “Besides, it suited me to think that whatever had once happened was no more than its evidence. In the new dispensation, the past weighed less” (McEwan: электронный ресурс).

Фуко понимал историю не как эволюционный процесс, а как череду дискретностей, не детерминированных экономическими или социально-политическими факторами. С его точки зрения, «традиционные средства конструирования всеобъемлющего взгляда на историю и воссоздания прошлого как спокойного и непрерывного развития должны быть подвергнуты систематическому демонтажу... История становится “эффективной” лишь в той степени, в какой она внедряет систему разрыва в само наше существование...» [Foucault 1971: 153–154].

В свете этой концепции французского мыслителя обращение Макьюэна к отдельному эпизоду из недавней социальной истории Великобритании, как и его альтернативная интерпретация, уже не кажутся неоправданными. Ведь историческое развитие, по мысли Фуко, подвержено мгновенным переменам и внезапным «разрывам». В одном из своих интервью, данном в апреле 2019 г. в связи с выходом этого романа, Макьюэн рассуждает

о множестве факторов, которые могли бы сделать настоящее совсем не таким, каким мы его видим сегодня: *“Machines Like Me” is classic «what if» fiction, an extended reflection really on the very fragile nature of the present, how easily it could be otherwise... Yet it’s overwhelmingly self-evident that we tend to forget all the little forking paths we could be hurtling down”* [Steger: электронный ресурс].

Время действия романа Макьюэна – 1982–1983 годы. Место действия – Лондон. Завязка романа – покупка героем, Чарли Френдом, новейшего экземпляра робота-андроида – соотнесена со знаковым событием социально-политической жизни Великобритании. Оно произошло за неделю до этой покупки (*“...the week before the Falklands Task Force set off on its hopeless mission...”* (McEwan: электронный ресурс)). Как известно, в действительности британцы сохраняют свое присутствие на Фолклендах, однако в вымышленном мире этого романа названное событие имело прямо противоположный исход.

Размышляя о структурированности мышления и языка, М. Фуко формулирует представление о том, что каждая культурная эпоха характеризуется особой конфигурацией знания, представленного совокупностью различных дискурсов (научных, клинических, образовательных и проч.), составляющих «исторически конкретное “познавательное поле” научного свойства», которое является показателем «уровня научных представлений своего времени» (Ильин 1996: 60–61). Для обозначения этого общего пространства знания, характерного для исторической эпохи, Фуко вводит понятие «эпистемы» (впервые – в трактате «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»).

Как уже указывалось, многообразием дискурсов отмечено и художественное пространство романа Макьюэна. Тем самым, рисуя художественный образ вымышленной эпохи, Макьюэн поступает так же, как это советовал делать Фуко в отношении эпохи исторической: он воссоздает ее дискурсы. В истории, созданной Макьюэном, британский военный контингент, отправленный на Фолкленды, терпит сокрушительное поражение, что в конечном итоге приводит к краху политики М. Тэтчер и ее уходу со своего поста, волнам социальных протестов, прокатившимся по Британии, смене кабинета министров, назначению нового премьера и его последующей гибели от рук террористов. Это обстоятельство открывает целую череду подробных характеристик, которые даются в романе изображаемой социальной ситуации. При этом социальный дискурс включает в себя два слоя, различающихся содержательно и стилистически. Первый из них представлен подробными отчетами о текущем моменте, более всего напоминающими ежедневные, а иногда и почасовые свод-

ки с мест военных действий или репортажи о социальных волнениях. Формально они даются из перспективы рассказчика, будто бы пересказывающего эти репортажи и невольно имитирующего их стилистику. Второй слой социального дискурса являют собой те сюжетные эпизоды, которые проблематизируют отдельные обстоятельства социальной жизни на материале персональных историй героев. Тем самым «строительным материалом» социального дискурса становятся не только социальная лексика, соответствующие речевые стили и газетно-публицистические жанры, но и поэтика персонажей. В этом качестве выступают в романе сюжетные линии и характеры Чарли Френда, Миранды, Алана Тьюринга и Марка, с которыми соотнесены истории второстепенных персонажей (Мириам и Горринджа).

В оригинальном тексте романа обнаружено 30 контекстов слова *social*. Анализ этих контекстов свидетельствует о том, что понятие *social* фигурирует в романе в социумной пресуппозиции. Социальный дискурс романа включает в себя вербализованные и художественно осмысленные представления автора и его героев о социальной истории ("*social history*"), социальной жизни ("*social life*") и социальном порядке ("*social order*"), социальных переменах ("*social changes*"), социальном позоре ("*social disgrace*"), социальной революции ("*social revolution*"), социальной катастрофе ("*social breakdown*") и социальном крахе ("*social collapse*"), а вместе с тем – о социальном маневрировании ("*social manoeuvre*"), общественной безопасности ("*social security*"), о расходах на социальные нужды ("*social spending*") и их источниках ("*social origins*"), о людях социализированных ("*social creature*") и не социализированных ("*social inept*"), об институте социальных работников ("*social workers*") и формировании социальных навыков ("*social skills*"), об университетских курсах по социальной истории ("*social history*") и о студентах, их изучающих ("*social students*"), о медиасайтах (*social media sites*), отражающих социальную жизнь и др.

Таким образом, авторские интерпретации концепта SOCIAL, являясь значимым компонентом социального дискурса романа, способствуют художественному воссозданию образа социума как общего когнитивного пространства изображаемой эпохи. Социальный дискурс содержит актуальный материал, служащий, в том числе, для его осмысления средствами других дискурсов романа: юридического, психологического, философского. Так, мысль о том, что человек способен простить себе или другим «ложь во спасение», оказывается совершенно недоступна высокообразованному интеллекту робота Адама, что и побуждает Адама расценить как преступления отдельные поступки, совершенные в про-

шлом его владельцами (Мирандой и Чарли) и тем самым стать причиной их психологических и нравственных страданий, судебного преследования, а потом и разрушения его самого.

Несмотря на то, что художественная практика Макьюэна далека от эстетики постмодернизма, он, как человек той же эпохи, когда эта эстетика создавалась, творчески воспринимает идеи ее теоретиков. Здесь это выразилось, во-первых, в трактовке отдельного эпизода социальной истории как проявления дискретности исторического процесса, а во-вторых, в изображении культурной эпохи как совокупности разного вида дискурсов, представляющих уровень когнитивных возможностей и морально-нравственных предпочтений людей данной эпохи (М. Фуко).

Вместе с тем, продолжая социально-критическую линию реализма, Макьюэн уделяет особое внимание социальному аспекту сложной научной и нравственно-психологической проблематики своей эпохи, что и определяет то значительное место, которое занимает в его романе социальный дискурс. В результате его взаимодействия с другими дискурсами создаются основания для ответа на главный вопрос романа – о возможности сосуществования человека и порожденной его разумом высокотехнологичной цивилизации. Развязка романа – истории массового уничтожения и самоуничтожения роботов-андроидов – ясно свидетельствует о том, что, с точки зрения автора, к сосуществованию с искусственным интеллектом современное человечество не готово. Тем не менее, книга «Машины как я» вполне соответствует своей эпохе с характерной для нее *«страстью по реальности»* (“*the passion for the real*” [Yousef 2017: 33]), а Макьюэн в очередной раз подтверждает свой статус автора, последовательно возвращающего своих читателей к реальности, каким бы фантастическим ни выглядел на первый взгляд сюжет его очередного романа.

Литература

Веденкова Е. С. Темпоральный дискурс в романе И. Макьюэна «Дитя во времени»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2011.

Исаев С. Г., Владимировна Н. Г. Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы: монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.

Проскурнин Б. М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Размышления о современной британской прозе // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 209–214.

Рогачевская М. С. Новые формы психологизма в британском романе XX века. Минск: Новое знание, 2015.

Федоров А. Модификация психологического романа и современная английская проза (Дж. Барнс, Й. Макьюэн) // *Liberal Arts in Russia*. 2012. Vol. 1. № 1. С. 14–22.

Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб: Академический проект, 2004.

Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 49–96.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.

Хабибулина Л. Ф. Иен Макьюэн: метамодернизм или новый облик реализма // Два века английского романа: коллективная монография. К 70-летию профессора Б. М. Проскурнина. СПб.: Изд-во «Маматов», 2021. С. 246–261.

Bentley N. Contemporary British fiction: Edinburg critical guides. Edinburg: Edinburg University Press, 2008.

Foucault M. Nietzsche, la geneologie, l'histoire // *Hommage a Jean Hyppolite*. Paris: PUF, 1971. P. 145–172.

McEwan I. *Machines Like Me and People Like You*. London: Jonathan Cape penguin.co.uk/vintage, 2019. URL: <https://www.Royallib.com> (дата обращения: 18.01.2023).

Steger J. Ian McEwan and the literary potential of artificial intelligence // URL: <https://www.smh.com.au/entertainment/books/ian-mcewan-and-the-literary-potential-of-artificial-intelligence-20190408-h1d9uw.html> (дата обращения: 26.01.2023).

Yousef T. Modernism, postmodernism, and metamodernism: a critique. // *International Journal of Language and Literature*. June 2017. Vol. 5. № 1. P. 33–43.

N. L. Potanina (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

THE SPECIFICS OF SOCIAL DISCOURSE IN THE NOVEL BY I. McEWAN

The article substantiates the specifics of social discourse in I. McEwan's novel "Machines Like Me and People Like You", which consists in the fact that this discourse, which is congenial to a social novel, functions in the genre structure of a science fiction novel. This allows us to consider social discourse as a mechanism for an alternative interpretation of events from the history of Great Britain and as a principle of artistic understanding the problems of interactions between natural and artificial intelligence.

Key words: social discourse, I. McEwan, M. Foucault, novel, science fiction, natural and artificial intelligence.

Н. Л. Потанина, Н. И. Платицына

(Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

tatulia_tmb@mail.ru

**ЭСТЕЛЛА VERSUS АЛИСА:
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА *LITTLE LADY* В ВИКТОРИАНСКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Рассмотрены способы осмысления проблемы детства в викторианском художественном дискурсе, маркирующие коренные изменения в общем когнитивном контексте эпохи, что выразилось в создании диккенсовского канона юной героини. Это позволяет рассматривать викторианский художественный дискурс как порождение и одновременно фактор формирования дискурсивного пространства приближающейся неклассической эпохи.

Ключевые слова: концепт, детство, образ девочки, викторианство, дискурс, роман, Ч. Диккенс, Л. Кэрролл.

На рубеже XX–XXI вв. в гуманитарной исследовательской практике наметилось усиление внимания к онтологии детства. Эта тенденция вступает в известное противоречие с традиционным для философии, филологии и психологии «взрослоцентризмом», выражающим себя в убеждении, что мир людей – это прежде всего мир взрослых. При таком подходе существенная часть вопросов, связанных с проявлением когнитивных возможностей человека, обретаемых в период взросления, не попадает в поле исследовательского внимания. Процессы концептуализации происходят, как известно, в русле определённой культуры, вследствие чего в сознании человека возникает и сохраняется целый спектр обусловленных определённой этнокультурой ментальных образов, среди которых фреймы, схемы, сценарии и др. [Palmer 1996; Sharifian 2011]. Богатый материал для наблюдений такого рода дают дискурсивные практики викторианства – эпохи, в которую произошёл переворот во многих областях знания, включая и онтологические представления о природе человека. В их числе оказалось и понимание детства в литературе, а с ним вместе – и вся та проблемно-тематическая область, которую романтики называли «тёмным пространством между младенчеством и взрослостью». Особую роль в этом перевороте сыграл Ч. Диккенс (Charles Dickens, 1812–1870), в романах которого дети впервые обрели свойственный ребенку взгляд на мир. Правда, в большей степени это относится к образам

мальчиков. С образами девочек дело обстоит сложнее. Концепт МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА / LITTLE LADY включает в себе богатый, противоречивый и художественно продуктивный именно вследствие этой своей противоречивости интерпретационный потенциал, который впервые был реализован в образах девочек-женщин, созданных Диккенсом в 1840–1860 гг. Вслед за Диккенсом эту тенденцию освоил и талантливо развил целый ряд английских авторов, прежде всего – Л. Кэрролл (Lewis Carroll, 1832–1898) в своей дилогии об Алисе («Алиса в стране чудес», «Alice's Adventures in Wonderland», 1865; «Алиса в Зазеркалье», “Looking-Glass, and What Alice Found There”, 1871).

Переворот в понимании детства совершался в условиях кардинальных изменений, происходивших в выверенных столетиями стратегиях мышления. Традиционное представление о ребёнке в английской (и европейской) литературе до Диккенса соответствовало устойчивой «модели культурно-обусловленного, канонизированного знания» [Болдырев 2004: 30], которая обусловила широту его распространения и прочность укоренения в общественном сознании. Эта модель знания оформлялась веками, начиная с эпохи раннего христианства. В ее основе лежало представление о святости детства, однако при этом ничто собственно детское в этой культуре не фиксировалось. Концепт ДЕТСТВО входит в состав суперфрейма «жизнь», включающего в себя также доминантные фреймы «добро/зло», «богоугодно/богопротивно», «истина/ложь» и др.

Романтики – в их числе почитавшийся Диккенсом У. Вордсворт (W. Wordsworth, 1770–1850) – на рубеже XVIII–XIX вв. часто изображали ребенка как наивное существо, наделенное сверхъестественной проницательностью в сравнении со взрослыми, обременёнными греховным земным опытом. В английской культуре эта вера в сверхъестественные возможности детства имеет давние корни. П. Акройд в известной книге «Лондон: Биография» (2000) [Ackroyd 2000] приводит следующие факты, это подтверждающие: «Под Потри на большой глубине обнаружена золотая статуэтка ребенка. Маленькая фигурка эта заключает в себе представление о святости младенчества. О некоторых детях писали как о пророках или провидцах; одному юному лондонцу “было, к вящей славе Господа, даровано знание о том, чему его не учил наставник” [Акройд 2005: 720]. Эта запись, вероятно, относится к XII в. Кроме того, отмечает Акройд, «писали, что “в дни Св. Николая, Св. Климентия и Невинно убиенных младенцев детей наряжали как епископов и священников и водили с песнями и танцами от дома к дому – благословлять жителей”... Даже в XVI в., перед самой Реформацией, в “большинстве частей Лондона мальчик, облаченный по-епископски в pontificabilis, ходил по улицам и распевал по старому обычаю”. ...Нелишне также отметить окружающую детей диковинную и стойкую атмосферу суеверий. В годы республики Кромвеля “к пророчествам

детей прислушивались с великим вниманием”; астрологи использовали детей в качестве ясновидящих. “Вызванного духа, утверждает одна из книг о магии, способны узреть только дети одиннадцати или двенадцати лет или же непорочные девицы”. Отсюда хорошо видно, какое важное значение придавалось невинности в скверном и оскверняющем городе», – заключает П. Акройд [Акройд 2005: 721].

Но параллельно существовало и набирало силу другое отношение к детству, ставшее особенно влиятельным в XVIII в. Популярный английский богослов и проповедник методистской церкви Джон Уэсли в своей «Проповеди о воспитании детей» (1783) так выразил распространенную точку зрения на ребенка и его воспитание: «Ублажать ребенка – значит делать болезнь неизлечимой. Мудрый родитель, наоборот, должен с момента рождения подавлять его волю. В деле христианского воспитания нет ничего более важного. Для ребенка воля Божья воплощена в воле родителей. Но этой стези надо придерживаться постоянно. Ослабь вы свое внимание хоть на час, все труды пойдут прахом» [Уэсли: электронный ресурс]. Тем самым ребенок признавался сосудом греха, а всяческое подавление свободной воли ребенка трактовалось как дело не только допустимое, но и богоугодное. В то время как любое ослабление притеснений ребенка воспринималось общественным мнением как богопротивное и асоциальное. Этой антигуманной позиции активно воспротивился Диккенс.

Именно Диккенс поразительно точно запечатлел мир взрослых как тотальное торжество жестокости и абсурда. Не в последнюю очередь это вызвано тем возмущением, которое вызывало у него отношение взрослых к детям. Разве не возмутительны те условия, в которых содержатся дети в работных домах («Приключения Оливера Твиста», “*Oliver Twist; or, the Parish Boy’s Progress; The Adventures of Oliver Twist*”, 1837–1839) и частных школах («Жизнь и приключения Николаса Никльби», “*The Life and Adventures of Nicholas Nickleby*”, 1838–183) Разве не абсурдно то, что неопытный ребёнок («крошка Нелл» («Лавка древностей», “*The Old Curiosity Shop*”, 1840–1841) вынужден постоянно спасаться (и спасать) от последствий неразумных поступков своего взрослого опекуна, к тому же приходящегося этому ребёнку родным дедом?

Однако здесь нас прежде всего интересуют диккенсовские образы юных героинь. Алиса Кэролла несёт в себе их характерные свойства. Алиса любознательна и прагматична, изобретательна и самоуверенна. Она не боится задавать вопросы незнакомым, отважно идёт навстречу неведомому, но вместе с тем всегда держит в памяти то, что усвоено ею как благовоспитанной викторианской девочкой. В этом – её опора на традицию, на преподанные ей твёрдые представления о том, как следует и как не следует поступать.

Эти представления она пытается транслировать и в «стране чудес», и в «ззеркалье». Но там иной мир, и в нём действует иная логика, что девочке не так просто понять в силу той же самой традиционности ее мышления/воспитания. Почему именно девочка становится у Кэролла носительницей вышеперечисленных свойств, будто бы понятно. Всем известны биографические причины этого обстоятельства. Однако дело ведь не столько в этом. Дело в том, какие именно свойства авторский взгляд «выхватывает» из девичьего образа, выделяет в нём в качестве достойного внимания. И почему именно эти свойства, а не другие? Размышляя об этом, мы неизбежно оказываемся «на территории» литературного канона.

Канон той литературной эпохи, к которой принадлежал Л. Кэролл, был создан его старшим современником Ч. Диккенсом. Этот канон включал в себя, наряду со многим прочим, определённые черты юной англичанки. Как известно, первая из книг об Алисе вышла через четыре года после того, как Диккенс завершил свой роман «Большие ожидания» (“Great Expectations”, 1860–1861), а вторая – через шесть лет после его смерти. То есть Л. Кэролл рисует образ девочки Алисы тогда, когда диккенсовский канон уже сформирован. А два последних романа «великого викторианца», умножая и внутренне усложняя женские образы в них, тем не менее, сохраняют основные свойства диккенсовских девочек-женщин. То есть только укрепляют этот канон.

Во всех романах Диккенса выделяются две категории девочек-героинь: кроткие «домашние ангелы» (Нелл, Флоренс, Бидди и др.) и очаровательно своенравные, иногда кокетливые, независимые и пугающе резкие строптивницы вроде Мерри и Черри Пексниф, Эстеллы, Белы Уилфер или Элен Ландлесс. Впрочем, отважную решимость и независимость, свойственные этим последним, временами могут проявлять и «девочки-ангелы». Чаще всего это бывает в ситуациях, когда им необходимо выступить на защиту близких и/или против вопиющей несправедливости. То есть Диккенс даже на ранних этапах творчества – именно они отмечены созданием ангелоподобных маленьких героинь, за что его традиционно упрекают критики разных поколений, – уже имел в виду возможность трансформации таких характеров путём обнаружения/проявления их внутренней силы.

Крошка Нелл («Лавка древностей») из относительно раннего (четвертого из пятнадцати) диккенсовских романов, сочетающая в себе девичью мягкость и огромную внутреннюю стойкость, нравственную силу и волевое начало, – тому подтверждение. Дальше примеры будут множиться. Та особая самостоятельность, которой наделяются девочки в романах Диккенса, присущие их дискурсу наставительные интонации, независимость суждений, иногда – самоуверенность, окажутся непосредственными источниками характерологии Кэролла.

Предполагаем, что продуктивной для дальнейшего развития литературного образа викторианской девочки-женщины оказывается контаминация свойств так называемых «домашних ангелов» Диккенса (Нелл, Флоренс, Эми Доррит, Бидди, Роз и др.) и его же «строптивых дочек» (Мерри и Черри Пексниф, Эстелла, Белла Уилфер, Элен Ландлесс и др.). Не лишённые остроумия реплики в многочисленных диалогах последних несут в себе энергию действия и читаются с гораздо большим интересом, чем «правильные» высказывания ангелоподобных героинь (см., например, диалог Мерри и Черри из главы 11 романа «Мартин Чезлвит» («Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», “The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit”, 1843–1844) или диалог Эстеллы и Пипа («Большие ожидания»), где юная героиня явно провоцирует героя на драку с незнакомцем). Ещё одна значимая краска все того же образа: в «строптивых девочках» Диккенса есть нечто загадочное, иногда граничащее со зловещим. Есть и тяготение к злу. Так, красавицу Эстеллу, предмет любовных мечтаний и честолюбивых надежд центрального героя «Больших ожиданий», автор неожиданно ассоциирует то со страшной восковой фигурой, то с полуистлевшей мумией, которыми предприимчивые торговцы завлекают-пугают зевак на сельских ярмарках. При этом Диккенс подчёркивает поразившую Пипа способность Эстеллы оказываться в самых странно запущенных и таинственных местах владений своей покровительницы. В начале романа есть эпизод, рисующий испуг Пипа, которому в закоулках усадьбы видится то призрак «белой дамы» (“white lady”), известного персонажа лондонского городского фольклора, то будто бы раскачивающееся на балке тело мисс Хэвишем. Интересна компоновка этого эпизода: галлюцинации Пипа вдруг сменяются неожиданным появлением Эстеллы прямо из загадочных усадебных завалов. Эпизоды её первых встреч с Пипом показывают, что Эстелле – в сущности, всего лишь марионетке в руках богатой хозяйки – удается сохранять относительную независимость.

Хромоногая кукольная швея Дженни Рен («Наш общий друг», «Our Mutual Friend», 1863–1865), вынужденная в свои двенадцать лет проявлять недетскую самостоятельность во всём, включая и собственное содержание, своим маленьким тельцем и острым личиком напоминает крохотную птичку-королька (такова семантика её фамилии). Но временами автор рисует ее как жутковатое порождение мучительных фантазий в манере Калло. Заметим, что и собственные фантазии этой большой горбуны – например, о мрачной узкой норе, куда она хотела бы заточить всех детей, жестоко насмехающихся над ее увечьями, – заставляют вспомнить о «Кроличьей норе» Л. Кэррлла. (Впрочем, «Алиса в стране чудес» к моменту знакомства читателей с Дженни Рен уже написана).

Строптивные героини Диккенса склонны эксплуатировать в разговорах только одну интонацию – высокомерно-наставительную. Эта независимость юных героинь, их стремление поучать, основанное на убеждённости в собственной безусловной правоте, вкупе со странным их тяготением к загадочному, необычайному и пугающему, на наш взгляд, являются знаковыми характеристиками канонического образа “*little lady*”, созданного Диккенсом. Те же черты подобных персонажей акцентирует в 1860–1870-е гг. визуальное искусство: викторианская живопись и фотография. Портреты кисти популярной викторианской художницы К. Перуджини и фотографии девочек, выполненные Доджсоном (подлинное имя Л. Кэролла), запечатлели изменившийся облик юных леди: нежных и резких, сомневающих и упрямых, умных и игриво дерзких. Именно на этой основе рождается образ Алисы – чтящей традиции и ломающей их, независимой и послушной, рассудительной и взбалмошной, бесстрашной в своём влечении к непознанному и стремящейся всё увидеть и всё для себя объяснить в этом загадочном мире.

Таким образом, авторские интерпретации концепта LITTLE LADY, являясь значимым компонентом викторианского художественного дискурса, демонстрируют существенное изменение общего когнитивного контекста, состоящее в усложнении представлений англичан о детстве вообще и ювенальной феминности, в частности, что выражается в создании диккенсовского канона юной героини. Этот канон формируется в течение всего творческого пути автора, но особенно активно – в 1840–1860-е гг. Он возникает на основе совмещения двух основных разновидностей образа “*little lady*”, охарактеризованных выше. Л. Кэролл воспринимает этот канон и художественно реализует его в своей дилогии об Алисе. Это дает существенное приращение смыслового содержания при очевидной экономии поэтологического инструментария: возникает богатый, парадоксальный, яркий и запоминающийся образ юного человека, постигающего мир в борениях с ним и с самим собой, что пролагает пути развитию неклассического дискурса, актуального для литературы этой эпохи.

Литература

Акройд П. Лондон: Биография / пер. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Уэсли Д. Избранные проповеди URL: <http://www.blagovestnik.org/books/00255.htm> (дата обращения: 12.01.2023).

Ackroyd P. London: The biography. London: Chatto & Windus, 2000.

Palmer G. Towards a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1966.

Sharifian F. Cultural conceptualisation and language: Theoretical framework and applications. Amsterdam: John Benjamins, 2011.

N. L. Potanina, N. I. Platitsyna (*Tambov, Russia*)

Derzhavin Tambov State University

ESTELLA VERSUS ALICE: REPRESENTATION SPECIFICS OF THE CONCEPT *LITTLE LADY* IN VICTORIAN ARTISTIC DISCOURSE

The ways of understanding the problem of childhood in Victorian artistic discourse are considered, marking fundamental changes in the general cognitive context of the era, which resulted in the creation of the Dickensian canon of a young heroine. The Victorian artistic discourse is considered as a product and at the same time a factor in the formation of the discursive space of the coming non-classical era.

Key words: concept, childhood, image of a girl, Victorianism, discourse, novel, Ch. Dickens, L. Carroll.

A. P. Рахимова (*Томск, Россия*)

*Томский политехнический университет
rahimovara@tpu.ru*

«ВЕРТИКАЛЬ» КАК ОСНОВАНИЕ ОЦЕНКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗНАНИЯ О ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (на материале научного психологического дискурса и терминосистемы психологии)

Статья посвящена исследованию метафорического моделирования психических процессов человека на основе пространственных параметров. Представление о вертикальной протяженности пространства содержится в репрезентации знания о внутреннем мире человека в языковой картине мира и в языке психологии. Перемещение по вертикали служит основой для передачи информации о динамике психической активности, организует знание о структуре психики человека и его личности, а также является показателем соответствия психосоциальной норме.

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование, психика человека, психическая деятельность человека, психология, научный психологический дискурс.

Способность осмыслять действительность метафорично воплощается в параметризме языка, в соответствии с которым пространство, которое воспринимается человеком, является и мерой для непространственных сущностей. Наиболее показательно данная закономерность прослеживается в метафорическом употреблении параметрической лексики (прилагательных и адъективных существительных), которые активно привлекаются для описания абстрактных явлений. К их числу относится психическая деятельность человека – объект научного познания в области психологии и сфера активного метафорического моделирования в языковой картине мира (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, В. Г. Гак, Л. В. Лаенко, М. В. Никитин, В. Н. Телия).

В рамках данной работы рассмотрены особенности метафорической организации знания о психической деятельности человека в виде вертикально протяженного пространства. Отметим, что исследование метафорической репрезентации знания о внутреннем мире человека на основе параметра «верх-низ» пространства ранее было представлено в лексико-семантических и лингвокогнитивных исследованиях на материале русского и английского языков [Мухачева 2004, Рахилина 2008, Ташлыкова 2013]. В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Дж. Лакофф, М. Джонсон 2004], на методологию которого мы опираемся, отмечается аналоговая связь между представлением о вертикальной организации пространства и закрепленной в сознании носителя языка положительной/отрицательной оценкой в отношении эмоционального, интеллектуального и социального развития человека, в соответствии с чем верх пространства оценивается положительно (*высокое чувство/интеллект/социальный статус*), низ пространства воспринимается негативно (*низменное желание/низкий интеллект/низы общества*).

Последнее определило *проблему* данного исследования – установить преемственность или трансформацию лингвокогнитивной модели «верх-низ» при метафорическом моделировании психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе. *Цель исследования* – выявить специфику метафорической репрезентации знания на основе представления о вертикали, как показателе оценки/нормы в представлении знания о психической активности человека.

Цель исследования определила *ряд методов*, которые использовались в данной работе. На основе метода сплошной выборки была сформирована эмпирическая база исследования, которую составили 1278 контекстов. В качестве основного выбран метод метафорического моделирования, позволивший выявить понятийные области, вовлекаемые в процесс метафоризации. А также метод концептуально-фреймового анализа, с помощью

которого были определены лексемы, выступающие в качестве репрезентативных единиц при метафорическом моделировании психической деятельности человека на основе параметра «верх-низ» пространства: высокий/низкий, высший/низший, повышенный/пониженный, завышенный/заниженный, повышение/понижение, снижение, взлёт, подъём/падение, сверж, свысока и др.

Результаты исследования.

В научном психологическом дискурсе «вертикаль» как основание оценки лежит в основе метафорического моделирования четырех аспектов психической деятельности: 1. структуры психики человека: психических процессов, 2. социальной структуры личности, 3. нарушений психической деятельности, а также 4. знания о возможности изменения эмоционального состояния человека в рамках проведения психологических и психокоррекционных методик работы.

1. Структура психики: психические процессы

Представление о вертикальной протяженности пространства лежит в основе знания об иерархической организации структуры психики человека, в соответствии с которой сознание обозначается как верх *«более высокое состояние сознания»* [Психологическая энциклопедия 2006: 236], бессознательное имеет тернарную структуру: *«бессознательное низшее, среднее и высшее»* [Словарь практического психолога 1998: 144].

В этой связи развитие психических процессов, которые происходят на разных уровнях ее системы, уподобляются процессу вертикального перемещения в пространстве психики. *«При этом взаимодействие ощущений, как и адаптация, проявляется в двух противоположных процессах: повышении и понижении чувствительности»* [Общая психология 1976: 271]. Динамика когнитивных процессов обозначается в виде локации верха или низа пространства, в соответствии с чем верх становится аналогией нормы психического здоровья человека *«высшие психические процессы/высокий уровень психического развития»*, низ пространства – напротив, символизирует отклонения от свойственной человеку нормы *«низкий уровень психического развития»*.

2. Социальная структура личности

Представление о «вертикали» содержится в основе знания о личности человека, имеющей тернарную структуру: Ид (Оно), Эго (Я) и Супер-Эго (*Сверх-Я*). Сверх-Я является психосоциальным образованием, которое отвечает за моральные принципы, этику и правила поведения человека с точки зрения общества, в связи с чем моделируется в качестве объекта, находяще-

гося над личным «Я», вверху пространства сознания [Психотерапевтическая энциклопедия 1999: 367].

Психосоциальные изменения человека моделируются в виде противоположно направленных процессов. Первый из них связан с ситуацией смещения центра пространства вверх или вниз, в соответствии с которым баланс в структуре личности нарушается, что приводит к чрезмерному переживанию человеком собственной социальной значимости *«завышенная/заниженная самооценка»*. Смещение центра психического пространства вверх также связано с невозможностью человека объективно оценивать окружающую действительность. Метафорически данный процесс обозначается в виде смещения центра пространства других людей вниз, что визуально (в представлении человека) делает центр его собственного пространства выше: *«параноидное расстройство личности характеризуется: 2) отношением высока»* [Психология состояний 2011: 413].

3. Нарушения психической деятельности

Третий аспект метафорического моделирования связан с репрезентацией знания о нарушении психической активности человека, а также изменении его психоэмоционального состояния. В этом отношении интенсивность развития психических процессов, превышающая допустимую норму и осложняющая естественное функционирование психической деятельности, с одной стороны, обозначается в виде нахождения вверху пространства, выше допустимой высоты: *«повышенная истощаемость, утомляемость, тревога, чувство вины, раздражение/сверхсильное раздражение»*, а с другой стороны, уподобляется нахождению внизу, ниже допустимого предела: *«пониженное настроение/ снижение эмоционального реагирования»*, *«апатия – состояние человека, сопровождающееся пониженной активностью»* [Халтагарова 2006: 3].

Динамика развития психических нарушений моделируется в виде быстрого перемещения объекта вверх – *«взлет невроза»* или перемещения вниз с вероятностью последующего разрушения: *«падение невроза/падение психической активности/ интеллектуальное снижение, снижение психической активности»*.

4. Психологические и психокоррекционные методики работы

Четвертый аспект метафорического моделирования связан с представлением об изменении эмоционального состояния в рамках психологических и психокоррекционных методик работы, знание о котором структурируется с учетом двух процессов. Первый из них относится к обозначению действия методики, воздействие которой позволяет поднять, сделать выше объект,

находящийся ниже допустимого предела: **«повышение чувствительности к другим/повышение самооценки»** [Психотерапевтическая энциклопедия 1999: 196–197]. Вторая закономерность связана с представлением о методике, воздействие которой направлено на то, чтобы опустить объект вниз, сделать его на уровень ниже ввиду того, что он находится в пределах верхней допустимой границы: **«снижение психического дискомфорта; снижение тревоги и неуверенности»** [Там же: 132]. Вследствие нарушения верхней границы психического пространства человека, оказание психологической помощи уподобляется возможности «преодолеть» данный барьер без указания на возможность перемещения по вертикали: **«Кризисная интервенция. Психотерапевтическая помощь людям, находящимся в кризисном состоянии. Цель ее – преодоление сверхценного эгоцентризма и однонаправленного программирования жизни»** [Там же: 186–189].

Итак, проведенное исследование показало, что представление о вертикальной организации пространства является активным элементом в представлении знания о внутреннем мире человека в языковой картине мира и в репрезентации знания о психической деятельности человека как объекте научного познания. В научном психологическом дискурсе и терминосистеме психологии представление о «вертикали» организует знание об иерархической организации структуры психики человека и структуре его личности; выступает в качестве показателя оценки и интенсивности чувств, состояний человека; структурирует знание о динамике развития психических процессов и методах психологической работы на основе аналогии процессу перемещения в пространстве по вертикали.

Несоответствие естественной для психики человека здоровой норме, а также отклонение от нормы социальной, которое обозначается с помощью лексем, показывающих изменение положения в пространстве по вертикали, связано с трансформацией общепринятой языковой модели, в соответствии с которой достижение/превышение верхней границы пространства может оцениваться отрицательно (**повышенная истощаемость/утомляемость/раздражение/агрессия; отношение свысока, сверхконтроль**), в то время как аналогия перемещению вниз может приобретать положительную оценку (**снижение психологического дискомфорта/тревоги/неуверенности др.**).

Закономерности, установленные в метафорическом моделировании принципов психологической работы, позволяют предположить, что в наиболее комфортном состоянии психика человека стремится сохранить эмоциональный баланс и соответствовать психосоциальной норме, аналогией чего является установление соотношения между верхней и нижней границами во внутреннем мире человека по аналогии с пространством внешнего мира.

Литература

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Мухачева А. М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.

Общая психология: учебник для студентов пед. ун-тов / под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1976.

Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. [и др.]: Питер [и др.], 2006.

Психология состояний: учеб. пособие / под ред. А. О. Прохорова. М.: Когито-Центр, 2011.

Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер Ком, 1999.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2008.

Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998.

Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации»: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013.

Халтагарова О. Д. Краткий психологический словарь: учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006.

A. R. Rakhimova (Tomsk, Russia)
Tomsk Polytechnic University

«VERTICAL» AS THE BASIS OF ASSESSMENT IN THE KNOWLEDGE REPRESENTATION ABOUT HUMAN MENTAL ACTIVITY (based on a psychological discourse and terminological system of psychology)

The article deals with the study of metaphorical modeling of human mental processes based on spatial parameters. The idea of the vertical extent of space is contained in the representation of knowledge about the human psyche in the linguistic picture of the world and in the language of psychology. Vertical movement serves as the basis for the representation of information about the dynamics of mental activity, organizes knowledge about the structure of the human psyche and their personality, and is also an indicator of compliance with the psychosocial norm.

Key words: metaphor, metaphorical modeling, human psyche, human mental activity, psychology, scientific psychological discourse.

Т. В. Романова, Д. А. Маликова

(Нижний Новгород, Россия)

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

tvromanova@mail.ru, dmalikova@hse.ru

ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНОВ КОГНИТИВИСТИКИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ¹

Статья посвящена вопросам медиатизации терминов, в ней представлены способы интерпретации когнитивных терминов в научно-популярных текстах. Среди частотных выделены следующие виды формирования нового знания: оппозиция, метафора, спецификация. Указаны также логико-грамматические способы интерпретации содержания терминов.

Ключевые слова: медиатизация, термин, вторичная интерпретация, способы интерпретации.

В результате активного проникновения в масс-медийный дискурс научной терминологии исследователи медийной речи говорят о процессе медиатизации терминов, под которым понимается распространение и переосмысление термина в рамках медиадискурса. При этом часто речь идёт о вторичной языковой интерпретации и о разной степени медиатизации терминов.

В СМИ попадают и термины когнитологии. Это обусловлено тем, что терминологический аппарат когнитивной науки интегративен. Многие термины, например когнитивной лингвистики, заимствованы из других научных областей, некоторые термины, наоборот, пришли в другие научные области из когнитивистики. Эти термины находят свое применение и в научно-популярных текстах. В качестве материала для наблюдения нами были использованы подкасты из раздела «научпоп» сервиса «яндекс.музыка» (<https://nnov.hse.ru/human/linguistics/slovar/publ>). На их основе строился корпус письменных расшифровок эпизодов. Всего было расшифровано 82 эпизода, подкастовый материал обнаружил 27 терминов, в корпусе было зафиксировано 1084 вхождения этих терминов.

Мы поставили перед собой следующие исследовательские вопросы. Каким образом термины вводятся в научно-популярные тексты (речевые стратегии

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-008) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

и тактики)? Способ интерпретации терминов? Вид концептуальной деривации? Какое значение при этом актуализируется, терминологическое или нет?

Тактики информирующей стратегии адресантом выбираются исходя из прагматической пресуппозиции адресата. Если адресат обладает достаточной компетенцией в предметной области, то предполагается, что в коммуникации с ним будет активно использоваться тактика апелляции к фоновым знаниям. Если этих фоновых знаний у адресата недостаточно, то ожидается применение тактик объяснения и расширения информации. Особенно они актуальны в случае использования терминологических единиц. Например:

Это по сути освоение, укладывание там той или иной теории в свою ментальную картину мира. То есть, грубо говоря, у нас есть какая-то структура, которая построена в голове, нам дали новый кусочек, мы его так потыкали, так потыкали, он не подходит, не подходит... Ага, вот теперь пристроили (Поздняков А. 123: Какой должна быть система образования // The Big Beard Theory. 2017. URL)

При интерпретации содержания терминов задействованы следующие виды/ принципы формирования нового знания (концептуальной деривации) [Болдырев 2022].

Принцип оппозиции. Так, в следующем примере содержание термина *смысл* приравняется к содержанию термина *значение*:

*– Когда мы пытаемся понять **смысл** какого-то определенного слова, мы стараемся смотреть на разные части предложения и в зависимости от этого менять, например, вес определенного слова* (Головин А. Как машины понимают текст? – Виктория Земляк // Критмышь. 2021. URL).

Этот пример иллюстрирует процесс образования вторичных когнитивных структур в результате подмены понятий. Перекатегоризация приводит к нетерминологическому употреблению слова: *смысл=значению*.

Метафорический принцип. Метафоризация – признак высокой степени медиатизации [Кондратьева, Игнатова 2021]:

*Он [нейрон] смотрит назад, на другие нейроны, которые ему передали сигнал в предыдущем слое, и чуть-чуть сильнее начинает им доверять, потому что они дали ему правильный совет <...> Это такая очень отдаленная **схема**, симуляция того, что происходит в мозгу* (Дугаев Д. «Наш мозг очень сложный и очень тупой». Как на самом деле устроен искусственный интеллект? Сможет ли робот мыслить как человек? // Так и будет. 2020. URL).

Принцип сужения, или спецификации. Термин употребляется в более узком, специализированном значении. Так происходит в следующих примерах: *память – долговременная память, оперативная память; сознание – сознание интеллекта; матрица – ‘таблица’; ментальная модель – ‘ма-*

тематическая модель'; прототип – 'предшественник, образец последующего' (первый прототип *Starship*). В этом случае происходит «изменение концептуальной области определения, необходимой для актуализации этого знания, или когнитивного контекста» [Болдырев 2022: 28].

Принцип конкретизации. В этом случае слово теряет своё терминологическое значение, значение слова фиксирует переход означаемого в общественно-бытовую плоскость: *сценарий – сценарий фильма, сценарий работы, категория – категория граждан, восприятие – 'точка зрения', схема – схема принятия решений, репрезентация – 'представительство кого-либо, чего-либо'*.

Принцип расширения. Слово употребляется в более широком, чем терминологическое, значении: *фон/фигура – на фоне проблематики, на фоне пандемии (фон как 'общая основа чего-либо')*.

Как указывает Н. Н. Болдырев, «формирование конкретных интерпретирующих смыслов обусловлено использованием различных когнитивных и языковых механизмов. Среди них важная роль отводится грамматическим схемам интерпретации знаний о мире» [Болдырев 2020: 47]. Среди способов интерпретации можно выделить логико-грамматические (синтаксические): цитирование, дескрипция, дефиниция, предикативные характеристики, импликация, пропозиционная структура, свернутая пропозиция, сравнение, суждение. Наиболее частотными способами являются свернутая предикация и дефиниция: *и в сфере того, что мы называем ментальными стереотипами; сознание – это некоторая иллюзия <...>; когнитивное искажение – это искажение, которое заставляет нас находить скрытые закономерности на очень маленьком объеме выборки*.

Часто при интерпретации содержания терминов совмещаются несколько способов. Например, дескрипция и уточнение:

Когда мы смотрим на какие-то данные, мы строим, да, ментальную модель, которая должна максимально соответствовать наблюдаемой реальности. То есть наша ментальная модель математически может быть идеальна, ну, то есть, например, мы берем там $f = m(a)$, в нашей ментальной модели это неоспоримо работающая вещь, а является ли она неоспоримо работающей в объективной реальности... (Поздняков А. 280: Статистика и Data Science как основа понимания естественных наук // The Big Beard Theory. 2020. URL).

В проанализированных нами подкастах в когнитивном терминологическом значении употребляются следующие лексемы и словосочетания: *когнитивное искажение, когнитивные сетки, концепт, концептуальный уровень, матрицы мышления, менталитет, ментальная картина мира, ментальные стереотипы*.

Литература

Болдырев Н. Н. Теоретические и методологические основы изучения вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 1(48). С. 19–80.

Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта легитимность) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69–85. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85>

Music. Yandex. URL: <https://music.yandex.ru/album/6408431/track/47272913?dir=desc&activeTab=about>

T. V. Romanova, D. A. Malikova
(Nizhny Novgorod, Russia)
HSE University

SECONDARY INTERPRETATION OF COGNITIVE TERMS IN MEDIA DISCOURSE

The article deals with the issues of mediatization of terms, it presents ways of interpreting cognitive terms in popular science texts. Among the frequency types, the following types of formation of new knowledge are distinguished: opposition, metaphor, specification. Logical and grammatical ways of interpreting the content of terms are also indicated.

Key words: mediatization, term, secondary interpretation, ways of interpretation.

И. В. Сафьянова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
irina.safyanova@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ SOUL/SPIRIT В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование реализации лингвокультурных концептов SOUL/SPIRIT в англоязычном поэтическом дискурсе направлено на выявление специфики культурно-значимого содержания данных концептов и особенностей индивидуально-авторских концептов на основе изучения лексических единиц, репрезентирующих анализируемые концепты, и описания их образной и эмоционально-оценочной составляющей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, поэтический дискурс, индивидуально-авторский концепт, когнитивная метафора, образность.

Концептосфера внутреннего мира человека и ее языковая репрезентация привлекает внимание многих исследователей как в плане изучения ее содержательной структуры в рамках одного языка, так и в плане сопоставления языковой картины мира носителей разных языков. Необходимость сопоставительного анализа лингвокультурных концептов SPIRIT/SOUL обуславливается прежде всего тем, что в языковой картине мира данные концепты имеют значительные зоны пересечения.

Исследуя ключевые идеи русской языковой картины мира, А. Д. Шмелёв подчёркивал, что если в христианской антропологии человек имеет тройственное строение (*дух – душа – тело*), то для наивно-языкового сознания важны скорее две оппозиции: *дух – плоть* и *душа – тело*, отмечая при этом, что «практически нет контекстов, в которых *дух* и *душа* были бы взаимозаменяемы» [Шмелев 2005: 137].

Данные Британского национального корпуса относительно частотности употребления имен, обозначающих сущности психического мира – *mind, heart, spirit, soul* – показывают, что последние два наименее частотны (26837, 13162, 6310, 2855 соответственно) [4]. По мнению А. Вежицкой, ведущая роль в концептуализации данной сферы принадлежит MIND, что объясняется тем, что в англосаксонской традиции, возможно под влиянием картезианского дуализма, личность рассматривается как состоящая из материального компонента *body* и интеллектуального – *mind*. Русская контрастивная пара противопоставляет тело душе, которая является производным от «духа» (восходит к и. е. корню **dheus/*dhus*) [Вежицкая 1996: 22].

Т. Б. Радбиль при анализе основных русских культурных концептов, отмечает, что оба концепта восходят к идее «воздуха», «дыхания», которая подверглась мифологическому метафорическому переносу, но «душа» рассматривается как маркированный член пары и используется в самом широком спектре контекстов, благодаря чему возможен метонимический перенос и частотное употребление слова для обозначения человека [Радбиль 2012: 238].

Концепт, по определению Ю. С. Степанова, – «это как бы сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2004: 43]. В этой связи интерес представляет не только описание национально-культурных особенностей того или иного концепта, но и изучение индивидуально-авторских концептов, которые формируются в результате трансформации существующего культурного концепта. Хотя ядерные характеристики являются общепринятыми для всех представителей культурно-языкового сообщества, при репрезентации в тексте не обязательно актуализируется весь объем содержащейся в концепте информации, т. к. субъективно значимыми могут быть разные смысловые компоненты, которые варьируются и дополняются новыми характеристиками.

Этимологически лексема *soul*, восходит к древнеанглийскому *sāwol*, тесно связана со словами, обозначающими понятие «душа» в других герман-

ских языках, и репрезентирует архаичные представления о загробной жизни и религиозные представления о связи человека с высшим духовным началом, что находит отражение как в религиозном, так и поэтическом дискурсах.

Этимология лексемы *spirit*, напротив, связана с старофранцузским и англо-норманским *esperit, spirit (lat. spiritus)* и была заимствована предположительно в 14 веке при переводе Библии Джоном Уиклифом. Помимо обозначения высшего духовного начала – *the Holy Spirit / the Spirit* (всегда с заглавной буквы), – лексема сохранила исходную многозначность. В Oxford English Dictionary словарная статья *spirit* является одной из самых объемных и насчитывает 163 компонента значения.

Анализ содержательных характеристик концептов SOUL/SPIRIT, как они представлены в лексикографических источниках и поэтических контекстах, позволяет выделить некоторые зоны пересечения.

Как уже отмечалось ранее, оба представляются как нематериальные субстанции, бестелесные духовные сущности, противопоставленные телу. Для религиозно-философского направления в поэзии характерно восприятие души и духа как идеальных сущностей, через которые осуществляется связь человека с богом: *Her spirit shall approach the throne of God (Shelley). He is thy gracious friend / And (O my Soul awake!) / Did in pure love descend, / To die here for thy sake (H. Vaughan)*. Возвышенная религиозно-философская поэзия, религиозные мотивы, отсылка к прецедентным библейским текстам свойственны поэтам-метафизикам и поэтам-романтикам, но значительно реже встречаются в современной поэзии.

Содержание концепта в концептосфере определяется его отношениями с другими концептами. Контекстуально лексемы *soul/spirit* тесно связаны с понятиями *life/death*, о чем свидетельствуют некоторые фразеологические сочетания, отражающие представления, характерные для данного языкового сознания: *life and soul (of the party), give it life and spirit, the word of god is spirit and life*. Согласно христианским религиозным представлениям, когда человек умирает, его душа отлетает/ дух покидает тело, что находит отражение и в поэтической традиции: *Least that pure breath of Life, the Spirit of Man..., cannot together perish/ With this corporeal Clod (J. Milton) Death is a Dialogue between/The Spirit and the Dust (Emily Dickinson)*.

Оппозиция души/духа, которые канонически представляются бессмертными, и материального тела может варьироваться в стихах разных поэтов. Так, если *soul* почти всегда противопоставляется *body*, то вторым компонентом в оппозиции к *spirit* традиционно выступает *flesh* (e. g. *The spirit indeed is willing but the flesh is weak*), но возможны и другие варианты: *clay, dust, clod, matter* и даже *meat*.

Как уже отмечалось, концепты SPIRIT и SOUL могут метонимически репрезентировать человека, как например: *And what delights can*

equal those / That stir the spirit's inner deeps (Tennyson). Yet learn the lofty destiny / Which restless Time prepares / For every living soul (Shelley).

Семантический анализ показывает, что в поэтических текстах данные концепты могут получать атрибуты, связанные с обозначением различных свойств личности, положительных и отрицательных эмоций и состояний.

Понимание *spirit* как воплощение моральной силы человека, его энергии и воли, интеллекта характерен и для поэзии времен Шекспира, и поэтов более поздних эпох: *There is the trap that catches noblest spirits, that caught – they say – God, when he walked on earth* (R. Jeffers). *The Spirit is the Conscious Ear* (E. Dickinson). Именно это значение актуализируется в отрывке из пьесы Шекспира “Henry IV”: *All furnisht al in Armes... As ful of spirit as the month of May* (Shakespeare).

Представление о душе как средоточии эмоциональной жизни человека и душевных сил актуализируется в поэтическом дискурсе посредством широкого спектра характеристик: *My soul is dark* (Byron), *a sweet and virtuous soul* (G. Herbert), *bitter soul* (W. B. Yeats), *unconquerable soul* (W. E. Henley), etc.

Лексемы *spirit* и реже *soul* в классической поэтической традиции употребляется в значении «дух», «призрак», «привидение», например: *Where I may... unsphear / The spirit of Plato* (J. Milton) или в шутливо-ироническом стихотворении Джона Китса: *Souls of poets dead and gone, / What Elysium have ye known, / Happy field or mossy cavern, / Choicer than the Mermaid Tavern?* (J. Keats).

В этом же значении лексемы могут выступать как образ метафоры для описания неодушевленных объектов, например, в хорошо всем известной шекспировской строке *Brevity is the soul of wit* или в стихотворении Шелли: *Spirit of Nature! thou / Life of interminable multitudes; / Soul of those mighty spheres / Whose changeless paths through / Heaven's deep silence lie* (Shelley).

Противопоставление духа/души и тела, духовного начала и телесной оболочки играет значительную роль в творчестве поэтов-романтиков. Это противопоставление понимается как модель более общего противопоставления идеального и материального.

Так, в стихотворении “The Caged Skylark” Дж. Хопкинс сравнивает пойманную птицу с «пленным духом», заключенным в теле: *Man's spirit will be flesh-bound when found at best, / But uncumbered* (G. M. Hopkins).

Образ жаворонка уже в названии стихотворения отсылает читателя к знаменитой оде Шелли “To a Skylark”, где жаворонок становится воплощением духовной и творческой свободы: *Hail to thee, blithe Spirit! / Bird thou never wert*. В стихах Шелли *spirit* можно рассматривать не только как отражение пантеизма поэта, но прежде всего как воплощение духовного начала, истинного смысла изображаемого объекта или явления, как например, в оде “Ode to the West Wind”: *Wild Spirit, which art moving everywhere; / Destroyer and preserver; hear, oh, hear* (Shelley).

В поэтическом дискурсе происходит высвобождение ресурсов языка, используется весь арсенал языковых средств и происходит максимальное раскрытие их образного и эмоционально-оценочного потенциала за счет компонентов различных уровней. Всё это значительно расширяет возможности метафорических переходов. Наиболее продуктивной концептуальной метафорой является антропоморфная метафора, несколько реже встречаются зооморфные метафоры, а так же модели SPIRIT/SOUL IS COMODITY, SPIRIT IS FORCE, etc.

Несомненный интерес представляет анализ особенностей преломления инвариантных содержательных характеристик концептов в творчестве отдельных поэтов, когда происходит трансформация культурного концепта в индивидуально-авторский.

Литература

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Рабдиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
- Шмелёв А. Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 135–152.
- British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.12.2021).
- Fraser D.* Dictionary of Quatations. London and Glasgow: Collins, 1988.
- Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.12.2022).

I. V. Safyanova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

LINGUISTIC REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL CONCEPTS *SOUL/SPIRIT* IN POETIC DISCOURSE

Analysis of linguistic representation of linguo-cultural concepts SOUL/SPIRIT representing the inner world of man in poetic discourse is aimed at revealing culture specific content of concepts SOUL/SPIRIT. Analysis involves studying lexical items representing the given concepts and identifying their imagery and emotive and evaluative potential.

Key words: linguocultural concept, poetic discourse, individual author's concept, cognitive metaphor, imagery, emotive-evaluative potential.

Н. К. Седова (Москва, Россия)

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)
n.k.sedova@yandex.ru*

**НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
СПОРТИВНОМ КОММЕНТАРИИ И РЕПОРТАЖЕ
(на материале публикаций,
посвященных финалу чемпионата мира по футболу)**

В настоящем докладе приводятся результаты концептуального анализа публикаций, относящихся к двум основным жанрам англоязычного спортивного дискурса и посвященных финальному матчу Чемпионата мира по футболу 2022 года. Рассматриваются особенности концептуально-метафорической репрезентации участников, итогов и хода развития событий матча.

Ключевые слова: англоязычный спортивный дискурс, метафорический концепт, система концептуально-метафорической репрезентации, формирование семантики, когнитивная семантика.

В исследованиях, посвященных спортивному дискурсу отмечается, что основными его жанрами являются репортаж и комментарий [Crystal 2004: 386–7]. Ранее было показано, что концептуальная метафора активно используется в англоязычном спортивном дискурсе как механизм формирования семантики языковых единиц [Порохницкая, Седова 2021]. Было также отмечено, что в системе концептуально-метафорической репрезентации так называемые базовые метафорические концепты могут сочетаться со сложными метафорическими концептами, которые в свою очередь могут быть объединены в несколько тематических блоков, включающих домены и кластеры [Седова 2021].

Рассуждая о концептуальной метафоре как о механизме формирования семантики новых лексических и фразеологических единиц, Е. Г. Беляевская отмечает, что одно и то же явление внеязыковой действительности может представлять в языке с помощью нескольких концептуальных метафор [Беляевская 2011: 17]. С учетом данного проявления множественной репрезентации, которая, как отмечает Е. Г. Беляевская [там же], свойственна для разных языков, было решено проанализировать использование концептуальной метафоры в англоязычном спортивном дискурсе при освещении финала Чемпионата мира по футболу 2022 года и выяснить, какие составляющие матча, то есть какие области цели, обозначаются с помощью различных концептуальных метафор и какие области источника при этом используются.

Чемпионат мира проходил в Катаре в ноябре и декабре 2022 года, а в финале турнира, состоявшемся 18 декабря, встретились команды Аргентины и Франции. Для настоящего исследования были выбраны две публикации – письменный послематчевый репортаж (match report) и письменный по минутный комментарий (minute-by-minute commentary), появившиеся на веб-сайте британской газеты «Гардиан» (*The Guardian*) 18 декабря. Следует отметить, что сама газета традиционно относится к качественной прессе, а веб-сайт издания является самым посещаемым из сайтов британских газет данного типа согласно данным компании Alexa Internet.

Концептуальный анализ показал, что в вышеупомянутых публикациях концептуальная метафора использовалась преимущественно для репрезентации матча в целом, а также обеих команд и отдельных игроков. При описании игры в общем использовались метафорические концепты, относящиеся к тематическим блокам Человек и Культура. Так, в основе семантики терминологической единицы *penalty shootout* (*серия послематчевых пенальти*, букв. *перестрелка*) лежит метафорический концепт, относимый нами к кластеру Военная деятельность тематического блока Человек. Также, при упоминании предшествующих матчей турнира вместо терминологической единицы *playoff stages* (*матчи стадии плей-офф*) была использована нетерминологическая единица *knockout stages* (букв. *нокаут*), в основе семантики которой лежит метафорический концепт кластера Спортивная деятельность, причем областью источника концепта является другой вид спорта – бокс.

При описании финальной игры также использовалась лексическая единица *pulsating* (*пульсирующий*), в основе семантики которой лежит метафорический концепт, относящийся к кластеру Тело человека: *It will go down as surely the finest World Cup final of all time, the most pulsating, one of the greatest games in history...* (*Он, несомненно, войдет в историю как лучший финал чемпионата мира всех времен, самый пульсирующий, один из величайших матчей в истории...*). Следует отметить, что в данном случае сложный метафорический концепт блока Человек реализуется совместно с базовым метафорическим концептом ОБЪЕКТИВАЦИЯ, который позволяет представить футбольный матч в виде конкретного объекта – бьющегося сердца. Также, в отношении финального матча использовалась лексическая единица *story* (*история*), в основе семантики которой лежит метафорический концепт, относимый нами к тематическому блоку Культура (домен Нематериальная культура): *A part of the story was France's champion courage...* (*Одним из элементов этой истории было чемпионское мужество Франции...*).

Следует отметить, однако, что наибольшее количество, а также наибольшее разнообразие, метафорических концептов использовалось при описании

действий отдельных игроков, особенно главных звезд обеих команд – аргентинского нападающего Лионеля Месси и французского нападающего Килиана Мбаппе. Так, метафорический концепт ЗОЛОТО, который мы относим к тематическому блоку Природа (кластер Полезные ископаемые), участвует в формировании семантики нескольких лексических и фразеологических единиц, использованных в отношении Лионеля Месси. В частности, глагол *to gild* (букв. *золотить, покрывать золотом*): *...he gilded his claim to being recognised as the greatest player of them all (...он подтвердил свое право считаться величайшим игроком)*. Стоит также отметить, что в данном примере метафорический концепт реализуется совместно с базовым метафорическим концептом ОБЪЕКТИВАЦИЯ, который позволяет представить абстрактное понятие «право» (*claim*) как конкретный объект, который можно покрыть золотом.

Метафорический концепт ОГОНЬ, также относимый нами к блоку Природа (кластер Четыре стихии), вербализуется в прилагательном *burning* (букв. *горящий*) в следующем предложении: *...he finally plugged the burning gap on his CV, winning the one title that has eluded him – at the fifth time of asking, surely the last time (...он, наконец, заткнул зияющую брешь в своем резюме выиграв единственный титул, который ускользал от него – с пятой, конечно, последней попытки)*. Данное предложение использовалось для описания первой и долгожданной победы Лионеля Месси на пятом для него чемпионате мира. В этом же предложении использовался метафорический концепт, относимый нами кластеру Социальная деятельность тематического блока Человек. В данном случае попытки Месси выиграть чемпионат мира в составе сборной Аргентины сравниваются с просьбой: *at the fifth time of asking, surely the last time (попросив в пятый и, конечно, последний раз)*.

В отношении обоих игроков также использовались метафорические концепты, относимые нами к кластеру Религия, который мы выделяем в рамках блока Культура. Так, применительно к аргентинскому нападающему Лионелю Месси использовался глагол *to ordain* (букв. *посвящать в духовный сан*) и существительное *deity* (*божество*): *...it was Messi's destiny to get his hands on the iconic gold trophy, that it was somehow preordained (...Мессу было суждено заполучить культовый золотой трофей, что это было каким-то образом предопределено)*; *Lionel Messi not only emulated the deity of Argentinian football, Diego Maradona, by leading the nation to World Cup glory... (Лионель Месси не только уподобился божеству аргентинского футбола Диего Марадоне...)*. В отношении же французского форварда Килиана Мбаппе использовалось словосочетание *to be hell-bent on doing sth* (*с дьявольским упорством добиваться чего-л.*): *... there was a point towards the end of regulation time when he appeared hell-bent on making sure*

that the additional period would not be needed (...ближе к концу основного времени показалось, что он готов сделать все, чтобы дополнительное время не понадобилось). Примечательно, что в рассмотренных выше примерах можно увидеть оппозицию «бог-дьявол», причем при описании победившего игрока используются метафорические концепты, относящиеся к богу, а при описании проигравшего – к дьяволу.

Анализ репортажа и комментария финального матча Чемпионата мира 2022 между сборными командами Аргентины и Франции показал, что концептуальная метафора активно используется как механизм формирования семантики лексических и фразеологических единиц, а также что для репрезентации одних и тех же внеязыковых явлений употребляются различные метафорические концепты. Проведенный анализ также показал, что при освещении вышеупомянутого матча наибольшее количество и наиболее широкий репертуар метафорических концептов использовался для репрезентации отдельных игроков, Лионеля Месси и Килиана Мбаппе. Следует отметить, что в финале Чемпионата мира к обоим нападающим было приковано особое внимание: оба игрока забили голы в основное и дополнительное время (пять из шести забитых в матче голов), а также в серии послематчевых пенальти; после матча оба игрока были отмечены наградами – Месси получил приз «Золотой мяч» как лучший игрок чемпионата, а Мбаппе – «Золотую бутсу» как лучший бомбардир. В связи с этим можно сделать предположение о том, что концептуальная метафора используется более активно для репрезентации более значимых составляющих игры, и что в зависимости от сценария матча список элементов матча, осмысляемых с помощью концептуальной метафоры, а также репертуар метафорических концептов, используемых при их осмыслении, может меняться. Изучение данного предположения с помощью анализа других футбольных матчей, а также событий в других видах спорта, представляется одним из направлений дальнейших исследований концептуальной метафоры в спортивном дискурсе.

Литература

Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. к 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.

Порохницкая Л. В., Седова Н. К. Система концептуально-метафорической репрезентации в англоязычном спортивном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 612–615.

Седова Н. К. Роль константных концептуально-метафорических моделей в современном англоязычном спортивном дискурсе // Наука без границ: Англистика в XXI ве-

ке. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е. Е. Голубкова. М.: Изд-во МГЛУ, 2021. С. 275–278.

Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. 2d ed. / Repr. Cambridge [etc.]: Cambridge Univ. Press, 2004.

*N. K. Sedova (Moscow, Russia)
MGIMO University*

**THE NOMINATIVE POTENTIAL
OF METAPHORICAL CONCEPTS
IN ENGLISH SPORTS COMMENTARY AND REPORT
(covering the World Cup final)**

The paper presents the results of the conceptual analysis of articles that belong to the main genres of English-language sports discourse and are dedicated to the final match of the 2022 FIFA World Cup. The paper examines the features of the conceptual metaphorical representation of the match participants, results and details.

Key words: English-language sports discourse, metaphorical concept, system of conceptual and metaphorical representation, formation of semantics, cognitive semantics.

*И. Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина
irina_serova@list.ru*

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ИРРЕАЛЬНОГО МИРА В НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ СУБЖАНРА «КИБЕРПАНК»**

В исследовании намечаются пути описания ирреальной картины мира, представленной в дискурсе киберпанк субкультуры, путем анализа лингвистических средств, структурирующих данное вымышленное ментальное пространство. В современной научной фантастике ирреальная картина мира строится «на перекрестке» отношений реальности и вымысла, для которых характерна альтернатива: реальность и вымысел чередуются, в результате чего автору удается успешно транслировать читателю свой образ будущего.

Ключевые слова: научная фантастика, ментальное пространство, ирреальный мир, субкультура киберпанк, синкретизм, альтернатива, предмет-фикция, ситуация-фикция.

В современной научной фантастике традиционно прослеживаются два тренда: «научно-технический» и «социально-философский», где в первом случае целью является раскрытие самой фантастики как гипотезы, описывающей новые изобретения и открытия, а во втором – анализ автором последствий использования этих изобретений для человека и общества. Одним из первых писателей-фантастов был Ж. Верн, который придерживался оптимистичного взгляда на технический прогресс. Однако с начала XX века возобладал пессимистический взгляд Г. Уэллса, для которого развитие технологий было символом наступления чего-то неживого и бездушного. За период полуторавекового развития научная фантастика дифференцировалась, а именно: появились различные поджанры (субжанры), такие как «космическая опера», стимпанк, киберпанк и др. Одним из популярных субжанров является «киберпанк», описывающий мир в условиях продвижения искусственного интеллекта.

Первым человеком, употребившим термин «киберпанк» по отношению к одному из направлений литературы, назван Гарднер Дозуа – один из редакторов «Журнала научной фантастики Айзека Азимова» в начале восьмидесятых годов [Avery 2013].

В настоящем исследовании осуществляется анализ языковых средств, конституирующих вымышленное ментальное пространство произведения одного из наиболее известных произведений этого субжанра – романа Ф. К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (F. K. Dick “Do androids dream of electric sheep?”).

Необычайная популярность научной фантастики в наши дни объясняется тем, что в ее произведениях вымысел, соединенный с воображением и интуицией, позволяет человеку отобразить и высказать самые смелые замыслы и предположения, которые со временем могут привести к научному открытию и стать частью реальности. В художественном тексте фантастических произведений вымышленность реализуется в форме ментального мира, который объективирован тремя факторами: языковыми средствами, связью с современной автору реальностью и игровым началом. При этом авторский вымысел имеет синкретичный характер [Золотухина-Аболина 2010:151]. Синкретичность авторского вымысла представляет собой сочетание и взаимодействие жизнеподобного и нежизнеподобного вымысла, при этом в создании произведений фантастики преобладает жизнеподобный вымысел, который способствует возникновению в сознании читателя иллюзии правдоподобия фантастического мира, его соответствия внетекстовой реальности (там же). Вымышленная реальность фантастического мира, по мнению А. Д. Шмелева, «есть «целостное бикомпонентное образование», своеобразное «двоемирье», которое состоит из двух взаимосвязанных миров – существующего

объективно и не существующего реально, но проявляющегося через реалии настоящего» [Шмелев 2003: 659].

Роман Ф. К. Дика повествует о событиях, происходящих в мире после ядерной войны, и описывает последствия этой трагедии. Основными лингвистическими составляющими конструирования «иной реальности» являются: 1) описание интерьера и окружающей среды; 2) лингвистическое конструирование ирреальных предметов или предметов-фикций, а также ситуаций-фикций.

Атмосфера пустоты доминирует на протяжении всего повествования, отражая, в том числе, и характеристику душевного состояния персонажей, что выражается в многократном использовании таких слов, как *empty* (по результатам количественного анализа их насчитывается 17), *abandoned* (10), *uninhabited* (4), *desert* (4), *hollow* (3), *vacant* (3), *lifeless* (2), *solitary* (2), *desolate*. Автор часто использует данные лексические единицы в описании интерьера (*empty apartment*, *buildings entirely empty*, *abandoned apartment*, *abandoned suburbs*, *empty hall*, *empty parked vehicle*, *uninhabited room*, *desolate part of California*, *vacant apartment*, *lifeless roof*. и др.), что свидетельствует о том, что живые существа, населяющие планету, постепенно исчезают, а их место стремятся занять андромиды. Основной составляющей пейзажа становится *пыль* (“*dust*” упоминается в книге 53 раза), «вездесущность» (*omnipresence*) которой становится осязаемой не только для героев романа, но и для читателей: (*omnipresent dust*, *radioactive dust*, *the dust-stricken*, *dusty soil*, *ever-present dust*). Пыль присутствует везде, от неё не избавиться и не излечиться; она – одно из последствий, которое напоминает людям о том, что они совершили и за что им приходится платить.

В данном случае жизнеподобность вымысла проявляется в том, что существование ядерного оружия и возможность его использования реальны, однако автор предлагает читателям своё индивидуальное видение последствий его применения. Такое сочетание реального и вымышленного и создаёт ощущение правдоподобия искусственно созданного мира.

Предметы-фикции в данном произведении относятся к сфере “*technologies*”, так как все они являются наименованиями усовершенствованных технических изобретений и разработок. Их технологичность преимущественно выражена при помощи присоединения к существительному прилагательного, характеризующего определённый предмет: *electric sheep*, *electric animal*, *artificial animals*, *automatic alarm*, *automatic resetting*, *automatic cutoff*, *artificial brain*, *thalamic suppressant*, *thalamic stimulant*, *humanoid robot*, *organic robot*.

Ситуация-фикция формируется на фоне атмосферы тоски уцелевших людей по живой природе: они стремятся завести дома животных, что почти

невозможно, так как почти все животные вымерли, и поэтому приходится довольствоваться их электронной версией. Ирония ситуации заключается в том, что к тому же стремятся и вытесняющие человека андройды, которые не имеют собственной идентичности и строят ее, имитируя поведение и образ жизни «естественного» человека, способного, в отличие от них, к эмпатии.

Таким образом, в художественном тексте фантастических произведений ирреальная картина мира строится «на перекрестке» отношений реальности и вымысла, для которых характерна альтернатива: реальность и вымысел чередуются, создавая вполне убедительную вероятностную картину мира будущего.

Литература

Золотухина-Аболина Е. В. Проблема вымысла: между фантазией и реальностью // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 148–159.

Исаев К. В. Киберпанк как литературное движение. URL: <http://city.cyberpunk.ru/library/stat/konfident.shtml>, свободный (дата обращения: 11.01.23).

Сараева Д. А. Языковая репрезентация художественной детали в создании вещного мира: на материале англоязычных текстов научно-фантастического жанра и жанра «фэнтези»: дис. ... канд филол. наук. Самара, 2016.

Шмелев А. Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность, прагматика // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. Ф. Спиридоновой. М.: Индрик, 2003. С. 655–663.

Jenna Avery. Sci-Fi circuit: the purpose and the value of science fiction. URL: <https://www.scriptmag.com/features/sci-fi-circuit-the-purpose-and-value-of-science-fiction>, свободный (дата обращения: 12.01.23).

I. G. Serova (St. Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

LINGUISTIC REPRESENTATION OF IRREALITY IN THE SCIENCE FICTION SUBGENRE OF CYBERPUNK

In this research the attempt is undertaken to describe the irreal (unreal) world, presented in the discourse of cyberpunk subculture, through the analysis of the linguistic means, used to construe this assumed mental space. The irreal world description demonstrates a syncretic character, presenting life-like and non-life-like fictional objects and situations in turn. Thus, the author achieves success in the transmission of his view of the future world to the reader.

Key words: science fiction, mental space, irreal world, cyberpunk subculture, syncretic character, alternation, fictional object, fictional situation.

В. Л. Соколова (Москва, Россия)

*Московский государственный
лингвистический университет;
Департамент иностранных языков,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
sokolova_mglu@mail.ru*

Е. О. Шевелева (Москва, Россия)

*Московский государственный
лингвистический университет*

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ХЕДЖИРУЮЩИХ КОНСТРУКЦИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В докладе рассматривается процесс дискурсивного программирования (установления коммуникативных ожиданий читателя) в хеджирующих конструкциях англоязычных СМИ на примере доминирующего в исследовании типа хеджей, указывающего на авторство высказывания (Attribution shields). Делаются выводы о факторах, обуславливающих коммуникативные особенности дискурсивного программирования рассматриваемых хеджей.

Ключевые слова: дискурсивное (коммуникативное) программирование, англоязычный дискурс СМИ, хеджи, хеджи в дискурсе СМИ, хеджи-щиты.

Настоящий доклад обращается к коммуникативному процессу хеджирования, который определяется как коммуникативная стратегия, целенаправленно ослабляющая иллюкутивную силу высказывания [Глоссарий. СКоДис]. Обращение к предшествующим исследованиям хеджирования позволяет заключить, что различные аспекты этого процесса уже долгое время привлекают внимание лингвистов. В частности, детально рассматривалось хеджирование в различных видах дискурса [Crompton 1997; Грибанова 2019] и предлагались различные классификации хеджей [Prince et. al 1982; Brown, Levinson 1987; Caffi 2007].

Для данного исследования представляется релевантной классификация хеджей, разработанная Э. Принсем [Prince et. al 1982] и разделяющая хеджи на аппроксиматоры (approximators) (approximately, kind of, bit of, around) и щиты (shields) (apparently, it appears to have done smth., according to smb., smb. stated that...) [Prince et al 1982].

В своей работе мы обратились к определенному свойству хеджей, а именно – устанавливать определенные коммуникативные ожидания аудитории или

«программировать» дискурс* на примере англоязычного дискурса СМИ. Таким образом, аппроксиматоры дают читателю установку на получение примерной информации, а щиты устанавливают коммуникативные ожидания читателя в зависимости от его собственного отношения к надежности или ненадежности источника или достоверности информации, которую дискурсивно программирует этот тип хеджей. По нашим наблюдениям, процесс установления коммуникативных ожиданий читателя через дискурсивное программирование имеет под собой фреймовый механизм, когда программирующее дискурс высказывание устанавливает коммуникативные ожидания (антиципации) читателя через активацию целого фрейма явления или процесса или только одного из его терминалов.

Для изучения коммуникативных особенностей дискурсивного программирования хеджей были рассмотрены информационные статьи из британских и американских online-ресурсов СМИ (The Guardian, BBC, The Washington Post, Voice of America). В общей сложности проанализировано 224 программирующие дискурс хеджирующие конструкции, подавляющее большинство которых составили хеджи-щиты (99% для британских источников СМИ и 98% – для американских), среди которых преобладал подтип хеджей, указывающий на авторство высказывания (Attribution shields) (84% исследованного материала в британских источниках СМИ и 88% – в американских). Именно в этом преобладающем типе хеджей исследовались особенности дискурсивного программирования в зависимости от его коммуникативной структуры.

В частности, нами были выявлены случаи прямого, обратного, двойного и контекстуального дискурсивного программирования и отмечены особенности его реализации в британских и американских СМИ.

Случаи *прямого* дискурсивного программирования представляют собой конструкции, в которых хедж предшествует программируемому им высказыванию. В приведенном ниже примере хедж, указывающий на источник информации, предшествует сообщаемой информации, программируемой глаголом *said*: At a press conference on Tuesday, *Kang Yi, head of the National Bureau of Statistics, said* China's overall labor supply still exceeded demand, and people should not worry about the population decline [The Guardian, 17 January 2023].

В изученном нами материале случаи прямого дискурсивного программирования были выявлены в 40% (40,3%) исследуемых хеджей, указывающих на авторство высказывания в британском дискурсе СМИ и в 37,5% аналогичных хеджей в американском дискурсе СМИ.

В примерах *обратного* дискурсивного программирования программирующий дискурс хедж, называющий источник информации, следует

* Подробнее о механизме дискурсивного (или коммуникативного) программирования см. [Соколова 2021].

за сообщаемой информацией: The cuts, by far the largest in Google’s 25-year history [...] that has shed more than 200,000 workers last year and so far this year, according to the tracking site *Layoffs.fyi* [The Washington Post, January 20, 2023].

Несмотря на то, что в данном типе дискурсивного программирования программирующее высказывание располагается после программируемого, считаем, что программирующее высказывание все же влияет на иллюкативную силу программируемого: если читатель не доверяет источнику, то его отношение к приводимой в начале предложения статистике, вероятно, изменится.

В исследованном британском материале случаи обратного дискурсивного программирования были выявлены почти в 35% (34,7%) исследуемых хеджей, а в американском материале – в 33% (32,9%) хеджей.

Сравнение использования в изученном материале прямого и обратного дискурсивного программирования показывает отсутствие принципиальной зависимости направленности дискурсивного программирования от национальной вариативности английского языка. Полагаем, что выбор между прямым и обратным дискурсивным программированием обусловлен прежде всего коммуникативными приоритетами авторов статей: в случае прямого дискурсивного программирования – это модальность изложения информации (через указание на источник); в случае обратного – это передача фактической информации читателю.

Двойное дискурсивное программирование, в свою очередь, предполагает реализацию дискурсивного программирования различной направленности в рамках одной конструкции, например, когда сначала осуществляется прямое (в приведенном ниже примере это *Arun Tamu, 44, [...] told AFP news agency*), а потом обратное дискурсивное программирование (в приведенном ниже примере – *he said*): *Arun Tamu, 44, who was about 500 metres away from the site where the plane crashed, told AFP news agency he was among those who ran to the site to try to help. “A few of us rushed to see if we can rescue anybody [...],” he said* [The Guardian, 16 January 2023].

В исследованном материале британских СМИ двойное дискурсивное программирование наблюдалось в 25% примеров, а в американском материале – в 29,5% случаев.

По нашему мнению, продуктивность двойного дискурсивного программирования в хеджирующих конструкциях англоязычных СМИ объясняется прежде всего необходимостью поддержания внимания аудитории благодаря варьированию разных типов дискурса (прямая речь чередуется с авторским комментарием и иногда косвенной речью).

Полагаем, что особого внимания заслуживает еще одна распространенная разновидность дискурсивного программирования, которая встречалась в англоязычном дискурсе СМИ – это *контекстуальное* дискурсивное программирование, которое не противопоставляется уже рассмотренным выше типам

дискурсивного программирования, а может иметь вспомогательную функцию и реализоваться на фоне прямого и двойного дискурсивного программирования.

В рассмотренном материале наиболее распространенная модель контекстуального дискурсивного программирования построена по следующей схеме: *программирующее дискурс высказывание, указывающее на источник информации – комментарий журналиста в косвенной речи – прямая речь, частично повторяющая по смыслу комментарий журналиста – повторная ссылка на источник информации*. Например: *Monterey Park Police Chief Scott Wiese said Sunday evening that officers arrived within three minutes of receiving the call. They found carnage inside the club and people trying to flee through all the doors. “When they came into the parking lot, it was chaos,” Wiese said [The Washington Post, 22 January 2023]*.

Подобные случаи реализации дискурсивного программирования составляют около 10% от всего исследованного материала, что можно считать продуктивным для вспомогательной коммуникативной модели. Определение «контекстуальное» обусловлено тем, что эта модель наблюдалась только в дискурсе СМИ, и со временем, возможно, утратит свою продуктивность.

Представляется, что активное использование контекстуального дискурсивного программирования обусловлено, прежде всего, его интерактивным характером, характерным для дискурса СМИ: сначала читатель получает от источника СМИ информацию о чем-либо утверждении, а затем ему предоставляется возможность самому сделать вывод на основании предложенной цитаты.

Подводя итог, можно сказать, что коммуникативные особенности дискурсивного программирования в хеджах англоязычных СМИ обусловлены коммуникативными приоритетами в каждой конкретной статье (выбор направленности дискурсивного программирования), интерактивным характером дискурса СМИ (использование контекстуального дискурсивного программирования), а также необходимостью поддержания внимания читателя (использование двойного дискурсивного программирования).

Литература

- Глоссарий. СКоДис*. URL: Хеджирование / хеджи – СКоДис (scodis.ru)
- Грибанова Т. И.* Хеджирование в различных типах дискурса // Вопросы прикладной лингвистики. 2019. № 35. С. 7–24. URL: <https://doi.org/10.25076/vpl.35.01>
- Соколова В. Л.* Механизм дискурсивного программирования и его лингвокультурный потенциал в англоязычном дискурсе СМИ // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания: сб. науч. статей. М.: Квант Медиа, 2021. С. 136–146.
- Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Caffi C. Mitigation. Amsterdam: Elsevier, 2007.

Crompton P. Hedging in academic writing: Some theoretical problems // English for Specific Purposes. 1997. № 16 (4). P. 271–287.

Prince E., Bosk C., & Frader J. On hedging in physician-physician Discourse // Linguistics and the Professions / J. di Pietro, (Ed.). Norwood/New Jersey: Ablex, 1982, P. 83–97.

V. L. Sokolova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University;

Department of Foreign Languages

of Moscow Institute of Physics and Technology

E. O. Sheveleva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF DISCURSIVE PROGRAMMING IN ENGLISH MASS MEDIA HEDGES

The report delves into the process of discursive programming based on setting the communicative anticipations of the reader in English mass media hedges, specifically in their Attribution shields subtype which prevailed in the research material. In their conclusions the authors account for some communicative characteristics of hedge-based discursive programming in English mass media sources.

Key words: discursive programming, communicative programming, English mass media discourse, hedges, hedges in mass media discourse, Attribution shields.

М. В. Стефанович (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный

педагогический университет

maria_stefanovich@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТРОСПЕКТИВНЫХ НАРЕЧНЫХ РЕМАРОК С СУФФИКСОМ -LY В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть межрепликовые интроспективные однословные наречные ремарки на -ly как особые метатекстовые организаторы драматического текста, характеризующие способ восприятия коммуникативной ситуации, описываемой репликой или ее частью.

Ключевые слова: драматургический дискурс, драматический текст, интроспективная ремарка, наречная ремарка.

Когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания помещает в фокус исследовательского внимания особый подтип малоформатного текста – сценическую ремарку, которая представляет собой специфический формат знаний, т. е. определенный способ организации и представления информации на языковом уровне, и выступает метатекстовым трансфером от письменной реализации драматического текста к его сценической постановке, в драматургический дискурс.

Такой подход позволяет различать статический аспект дискурса, характерный для текста драмы как результата языковой деятельности автора пьесы (драматический текст), и его динамический аспект (драматургический дискурс), который проявляется как сценическое воплощение текста, в виде дискурсивного события (процесс создания, осмысления и постановки драматического текста) [Петрова 2017: 175]. Очевидно, что драматический дискурс, сформированный в результате когнитивной деятельности и социального взаимодействия его участников (автора, читателя, драматурга, актера, зрителя), интегрирует письменную и устную коммуникацию независимо от существенных различий между ними. Такая двойственная ориентация драматического дискурса служит причиной нацеленности сценических ремарок как на драматический текст, так и на участников драматического дискурса. В частности, сценические ремарки способны восполнять информацию, недоступную для непосредственного восприятия в условиях письменной реализации драматического текста, которая поступает по визуальному и аудиальному каналам, и воспроизводит особенности устной коммуникации в режиме реального времени. Это позволяет характеризовать сценические ремарки как особые метатекстовые организаторы информации, которые получают свое особое графическое оформление в композиционной структуре драматического текста: они маркируются пунктуационно (помещаются в скобки) и курсивом (меняется вариант начертания шрифта), прерывая визуальную, семантическую и синтаксическую линейность драматического текста, и, по меткому выражению А. Вежбицкой, «эти метатекстовые нити являются инородным телом» [Вежбицкая 1978: 399] в пространстве драматического текста.

Вышеупомянутые особенности графического оформления сценических ремарок оказывают непроизвольное воздействие на визуальный канал восприятия и переключают читательское внимание, инициируя сознательный перенос его фокуса на авторские разъяснительные комментарии к основному драматическому тексту. Их концептуальную основу составляет обстоятельственная семантика образа или способа сценического действия [Закареишвили 1990: 11], которая формирует директивно-перформативную устремленность сценической ремарки к точному сценическому исполнению драматического текста и «становится способом непосредственного

воздействия на интерпретаторов драмы – режиссера, актера, читателя» [Зорин 2010: 4].

В этой связи исследовательский интерес представляют межрепликовые интроспективные однословные ремарки, выраженные наречиями с суффиксом *-ly* (*furiously; mildly; calmly; scornfully*), отобранные методом сплошной выборки из драматических текстов английского драматурга Тома Стоппарда.

Использование наречий на *-ly* в ремарках объясняется их высокой дискурсивной маневренностью, которая удовлетворяет требованиям коммуникации и обусловлена семантикой производного слова [Лузина 2008: 45]. Известно, что общекатегориальным значением данных единиц является признак признака или признак второго порядка, т. е. опосредованный признак или признак, опосредованный восприятием наблюдателя-интерпретатора, который получает реализацию в производной семантике.

Качественно-оценочная семантика наречий на *-ly* подразумевает, что концептуализируемый статический признак (объективная характеристика) категоризируется наблюдателем-интерпретатором, т. е. субъектом восприятия и общей когнитивной деятельности [Петрова 2017: 97] по линии шкалирования его количественных и качественных параметров (субъективная оценка). В результате, в дискурсе качественно-оценочные наречия на *-ly* становятся агентами атрибутивной функции и выражают значимые в конструируемой картине мира вторично-производные смыслы, характеризуют ракурс обзора ситуации, описываемой предложением или его частью, через оценочную интерпретацию [Стефанович 2021: 215].

Важно отметить, что в семантической записи, отражающей ход мысли автора [Вежбицкая 1978: 402], наречная ремарка, как правило, «встраивается» между именем героя драматического текста и его репликой в контактно-определяющей препозиции к последней. Такая локация соотнобразуется с действенно-образительным характером отношений между репликой и ремаркой, формирующихся в процессе изображения и называния действия [Маркасова 2019: 142], и транслирует участникам драматургического дискурса коммуникативную значимость наречных ремарок, реализующуюся в экспликации определенного наречием на *-ly* ракурса обзора ситуации, описываемой репликой или ее частью, на которую распространяется сфера действия наречия на *-ly*. Поэтому наречные ремарки обладают синтаксической законченностью, а определяемая ими реплика – семантической зависимостью от самой ремарки. Например:

1. THELMA: (*furiously*) I asked for an ambulance! [AFTER MARGRITTE, 55]

В данном фрагменте драматического текста сфера действия наречия *furiously* охватывает коммуникативную ситуацию, описываемую репликой I asked for an ambulance! и задает ракурс её обзора (in an extremely angry way or with great energy, speed or anger), характеризую особенности внутреннего

и внешнего эмоционально-психологического состояния персонажа в момент произнесения реплики. Важную роль здесь играет оценочная составляющая: её основу определяют инференционно-интерпретативные процедуры, обеспечивающие эмоционально-чувственное восприятие речевой деятельности персонажа, через описание которого наречие *furiously* участвует в интерпретации речевой деятельности персонажа и задает всем участникам драматургического дискурса способ восприятия данной коммуникативной ситуации (т. е. вариант интерпретации поступающей визуально-аудиальной информации).

Вместе с тем, экспликация способа восприятия, описываемого многозначным наречием на *-ly*, сохраняет альтернативные ракурсы обзора коммуникативной ситуации (например, *in an extremely angry way or with great energy, speed or anger*). В результате, недвусмысленная экспликация таких наречных ремарок невозможна в драматическом тексте, но становится возможной в условиях драматургического дискурса. Так, в зависимости от сопутствующих обстоятельств, предлагаемых художественной концепцией режиссёра, и понимания сверхзадачи исполняемой актером роли вышеприведенный фрагмент драматического текста может инсценироваться актрисой / в при-ступе злого гнева / расшвырявшая / расшвырявшая и вне себя от бешенства Тельма требует карету скорой помощи) с акцентом на одну грань проявления этого сложного эмоционально-психологического состояния персонажа в момент произнесения реплики, т. е. зрителям предлагается единственный способ восприятия данной коммуникативной ситуации.

Соответственно, введение других наречных ремарок в межрепликовое пространство драматического текста влечет за собой смену способа восприятия описываемой коммуникативной ситуации, например:

2. HARRIS: (*heartedly*) He had a white stick, woman!

THELMA: (*equably*) In my opinion, it was an ivory cane [AFTER MARGRITTE, 55].

В данном случае посредством наречных ремарок *heartedly* и *equably* происходит смена ракурса обзора и оценки коммуникативной ситуации, описываемой в репликах: Хэррис в порыве раздражения и сильно рассердившись, доказывает свою точку зрения, а внутренне и внешне спокойная Тельма неторопливо и мягко выражает свое видение обсуждаемого вопроса.

Способ восприятия коммуникативной ситуации, описываемый наречной ремаркой, в результате сложно организованной визуальной, аудиальной и ментальной деятельности определяет формирование у участников драматургического дискурса представления, т. е. нового знания. Так, сама наречная ремарка выступает в качестве средства реализации стратегии воздействия и формирования мнения.

Таким образом, межрепликовые интроспективные однословные наречные ремарки на -ly являются метатекстовыми организаторами драматического дискурса. Концептуальную основу наречной ремарки составляет обстоятельственная семантика образа сценического действия, проявляющаяся в экспликации определенного наречием на -ly ракурса обзора коммуникативной ситуации, описываемой репликой или ее частью, на которую распространяется сфера действия наречия на -ly. Тем самым наречная ремарка задает участникам драматургического дискурса способ восприятия этой коммуникативной ситуации. При этом недвусмысленная экспликация многозначных наречных ремарок, невозможная в драматическом тексте, становится возможной в условиях драматургического дискурса, где наречная ремарка выступает в качестве средства реализации стратегии воздействия и формирования мнения.

Литература

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. 1978. Выпуск VIII. С. 402–421.

Закрешивили М. К. Семантика и форма сценической ремарки во французской пьесе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1990.

Зорин А. Г. Поэтика Ремарки в русской драматургии XVIII–XIX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010.

Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме научного знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 41–49.

Маркасова О. А. Трансформация ремарки в драме и киносценарии (на материале произведений Евгения Шварца) // *Litera*. 2019. Выпуск I. С. 139–148.

Петрова Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017.

Стефанович М. В., Кшеновская У. Л., Стародубцева А. В. Когнитивные основания наречий на -ly зрительного восприятия // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 213–219.

M. V. Stefanovich (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University

ADVERBIAL REMARKS AND THEIR PECULIARITIES IN DRAMA DISCOURSE

The research focuses on introspective one-word adverbial remarks ending in -ly. Viewed as special meta-textual organizers of drama, they characterize the way of perceiving the communicative situation described by the replica or its part.

Key words: drama discourse, drama, introspective remarks, adverbial remarks.

И. Н. Толмачева, О. А. Якимова

(Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

i_tolmacheva@mail.ru,

trollking@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНО КОНФЛИКТНЫХ СМЫСЛОВ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА¹

В статье представлены результаты исследования языковых средств с потенциально конфликтной семантикой. На материале стенограмм заседаний Британского парламента 2022 года, посвященных обсуждению темы коронавируса, работы правительства и состояния экономики, описан арсенал языковых средств и их роль в формировании конфликтного модуса осмысления.

Ключевые слова: конфликтная семантика, политический дискурс, экономический дискурс, дебаты, языковые средства.

Изучение проблемы бесконфликтности языкового общения тесно связано с рассмотрением двух видов взаимообусловленных факторов – согласованности концептуальных систем участников коммуникации и ее оформления с точки зрения выбора языковых средств, которые в совокупности определяют бесконфликтное восприятие сообщения. Н. Н. Болдырев считает, что «успешность вербальной коммуникации <...> во многом зависит от эффективности концептуального взаимодействия между ее участниками и степени предполагаемой бесконфликтности их интерпретации передаваемой и получаемой информации соответственно» [Болдырев 2022: 27]. Как показывает анализ фактического материала, достаточно широк диапазон языковых единиц как лексического, так и грамматического уровней, провоцирующих потенциально конфликтное восприятие ситуации.

Особый интерес представляют собой языковые средства, используемые при публичном обсуждении спорных, сложных вопросов, когда участники коммуникации стремятся не только к поиску решений, но также стремятся снять с себя ответственность и переложить ее на других лиц, зачастую обвинить других в просчетах и неудачах. В таком контексте неизбежно возникает риск конфликтности коммуникации, и частым примером такого дискурса

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

является политический, экономический и другие типы публичного дискурса, в которых наблюдается использование языковых средств с потенциально конфликтной семантикой.

Проанализирован ряд стенограмм заседаний Британского парламента в 2022 году, посвященных обсуждению актуальных тем социального и экономического характера. Выявлено, что к числу наиболее частотных средств, приводящих к конфликтному взаимодействию коммуникантов, относятся фразеологизмы с негативной семантикой. Например, обращение к известному выражению «козел отпущения» указывает на обвинение в адрес слушающего. Как известно, обвинительная речь всегда способствует нагнетанию конфликтности: *It was not made on the basis of welfare reform or economic management; its purpose was to find a scapegoat.*

В другом рассматриваемом текстовом фрагменте слушающий посредством фразеологизма *smell fishy* открыто сообщает о своем недоверии, поскольку точка зрения оппонента представляется ему сомнительной и подозрительной: *That leads us to wonder whether this is yet more sleight of hand on the part of the UK Government. If they cannot meet the old targets but can meet the new ones, something smells pretty fishy to me.* В анализируемых примерах также посредством фразеологизмов репрезентировано конфликтное отношение к правительству. Обнаруженный фразеологизм *it is all just smoke and mirrors* указывает на то, что меры и действия со стороны правительства представляют собой не что иное, как сплошной обман зрения: *Moving to the welfare cap, we can see yet more sheen for the way in which this policy works in the papers than for how it works in practice – talking tough instead of supporting those who need it most – and as with so many things that this Government do, it is all just smoke and mirrors.* Фразеологизмом *asleep at the wheel* подчеркивается недовольство безответственностью со стороны правительства: *The Government have been asleep at the wheel, and the result is total shambles.* Выявлено, что в процессе дебатов также подвергаются сомнению слова бывшего премьер-министра. Выражая недоверие, говорящий задает вопрос: а не являются ли слова Бориса Джонсона «ерундой и преувеличением». Подобное высказывание, в частности фразеологизм *hot air*, увеличивает вероятность возникновения конфликта: *Is the NHS now buying British, or were the Prime Minister's words today about British manufacturing simply more hot air?*

При обсуждении вопросов, связанных с распределением бюджета и ограничением расходов на социальное обеспечение, участники коммуникации часто используют разговорную лексику, что принято считать неуважительным по отношению к аудитории и, в свою очередь, неуместным и потенциально конфликтным в официальной обстановке. Обращает

на себя внимание фраза *It will not wash* со значением «никуда не годится» посредством которой говорящий хочет выразить свое полное несогласие и мнение о провале высказанной ранее идеи. При анализе дебатов на тему коронавируса также зафиксирован неофициальный характер произнесенных участниками фраз. К примеру, в ответ на вопрос, почему же в стране до сих пор не используются тесты для выявления коронавируса собственного производства, Борис Джонсон использует в своем ответе просторечие *That is rubbish*. Такое категоричное несогласие, сравнение с мусором, не может способствовать ведению бесконфликтной коммуникации. К числу других обнаруженных разговорных фраз относятся *How appalling, Prime Minister! What a failure!, You don't like the truth, You're damaging us, I am afraid the hon. Gentleman is talking total nonsense*.

Интересными с точки зрения исследования потенциально конфликтной семантики представляются языковые средства, репрезентирующие насмешку. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент: *How nice it is to see the Chief Secretary to the Treasury here again in place of the Chancellor! It would seem that when the going gets tough, the Chancellor goes missing, or at least to California. I am not quite sure where he is today, but I am sorry we are not seeing him. Having looked at the reports of previous statements of this kind, I know that it has always been the custom for the Chancellor to make them here. It is disappointing that while he talks big in the Budget, he disappears when it comes to these debates*. В начале высказывания привлекает внимание положительно окрашенное выражение *how nice it is to see*, однако при детальном обращении к контексту обнаруживается, что на самом деле говорящий таким способом высмеивает отсутствие канцлера казначейства на заседании, посвященном обсуждению планирования бюджета. Фразеологизмом *talk big* иронично подчеркивается, что совершать что-то грандиозное легко лишь в разговоре, а не на деле. Подобные суждения и оценки со стороны говорящего усиливают конфликтность и напряженность в процессе общения. В добавление к вышеуказанному приведем еще один фрагмент, связанный с высмеиванием отсутствия канцлера казначейства на заседании: *I do not know where the Chancellor is tonight. Maybe he is planning his next series of Instagram posts*. В примере с иронией повествуется о том, что обсуждению бюджета канцлер предпочел такое более важное и серьезное дело, как посты в социальной сети.

Кроме фразеологизмов, средством потенциально конфликтной семантики могут выступать синтаксические структуры, особым образом организуя передачу информации и, соответственно, ее восприятие. Например, использование параллелизма придает эмоциональную окраску высказыванию, и такой экспрессивный синтаксис в сочетании с негативной семантикой

лексических единиц в предложении способствует формированию конфликтного модуса осмысления ситуации: *She made an incredible point: she said that this country did not have its own diagnostics capabilities. She does not know what this country is doing – unbelievable! Let me tell the Opposition Front Bench that in this country we have the largest lateral flow test manufacturing facility – in this country! They should go and visit it. They do not know what they are talking about.*

Синтаксический параллелизм, выполняя эмотивную функцию языка – эмоциональное воздействие на адресата, нагнетание, обострение восприятия – в таком контексте не просто может, но и, вероятнее всего, предназначен для эскалации конфликтной коммуникации: *I am not going to continue with a debate. I am going to get on with the statement, because the statement matters to all our constituents. I am not going to continue a debate that has already ended.* Экспрессивную функцию может выполнять и нарушение порядка слов в предложении, усиливая эмоциональный эффект, и он, как правило, имеет негативную окраску: *To come to testing, it really is extraordinary that the Opposition run down this country and its achievements time and again.*

В ходе исследования также выявлено, что стилистические и риторические фигуры, объективирующие намеренное преувеличение ситуации, несут потенциально конфликтный характер. В предложении *It is not just that the Conservatives did not fix the roof when the sun was shining; they dismantled the roof and removed the floorboards* посредством цепочки глаголов *did not fix – dismantled – removed* гиперболизированы действия представителей консервативной партии. Аллюзией на Дж. Кеннеди, которому принадлежит фраза *The time to repair the roof is when, the sun is shining!*, преувеличивается проблема и «бедственность» ситуации, что, в свою очередь, провоцирует конфликт.

Таким образом, исследование показало, что в роли языковых средств с потенциально конфликтной семантикой могут выступать как лексические единицы языка, в том числе фразеологизмы, так и синтаксические структуры, допускающие конфликтный модус восприятия.

Литература

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 25–30.

Covid-19 Update. Hansard. UK Parliamentary; [сайт]. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2022-01-05/debates/22010526000001/Covid-19Update> (дата обращения: 05.01.2023).

Charter for Budget Responsibility and Welfare Cap. Hansard. UK Parliamentry: [сайт]. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2022-01-10/debates/26DEEEBE-2B36-4B0D-B1E7-68B1EF3A6EBE/CharterForBudgetResponsibilityAndWelfareCap> (дата обращения 05.01.2023).

I. N. Tolmacheva, O. A. Yakimova

(Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

LINGUISTIC MEANS OF POTENTIALLY CONFLICTING MEANING FORMATION IN VARIOUS TYPES OF DISCOURSE

The article deals with the research results concerning linguistic means with potentially conflicting semantics. The undertaken study covers the material from the Hansards dated 2022 and devoted to the discussion of such topics as coronavirus, government activity and economic situation. Linguistic means and their role in the formation of the conflict mode comprehension is described here.

Key words: conflicting semantics, political discourse, economic discourse, debates, linguistic means.

О. С. Федотова (Рязань, Россия)

Рязанский государственный университет

имени С. А. Есенина

o.fedotova@365.rsu.edu.ru

МЕТАДИСКУРС АВТОРА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ КАК ДВУХУРОВНЕВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Метадискурс автора англоязычного художественного произведения представлен в статье как двухуровневая система, в которой выделяется внешний, языковой уровень, и глубинный, концептуальный. При помощи метадискурса автор нарратива структурирует свое произведение понятным для читателя образом, расставляя акценты на важных для понимания событиях и явлениях. Метадискурс имеет определенную систему маркеров, позволяющих выделить его в тексте.

Ключевые слова: метадискурс, двухуровневая система, англоязычный художественный нарратив, автор англоязычного художественного нарратива, маркеры метадискурса.

В последнее время структура дискурса и различные модели построения разных видов дискурса все чаще привлекают внимание исследователей, что далеко не случайно, так как дискурс, являясь многомерным явлением, содержит огромное количество уровней и разных видов реальности, которые, переплетаясь между собой, образуют неповторимый образ. В частности, в устном дискурсе при речевом взаимодействии коммуникантов поднимается вопрос о существовании когнитивных доминант, которые обеспечивают это взаимодействие как на концептуальном, так и на языковом уровнях [Болдырев, Григорьева 2018]. В художественном тексте исследуются концепты-доминанты, участвующие в смысловом построении текста [Огнева 2019].

Многомерность пространства художественного текста «предполагает обращение к глубинным базовым процессам понимания текста, опоре читателя на имевшиеся у него ранее знания в сочетании с извлекаемыми непосредственно из дискурса данными, закладываемыми автором произведения» [Манерко, Проконичев, Устинова 2022: 15]. В связи с вышесказанным представляется актуальным изучение метадискурса автора англоязычного художественного произведения, который «направляет» читателя через текст, акцентируя внимание на важных для понимания аспектах.

Опираясь на двухуровневую концепцию языка, которая принята в современной когнитивной лингвистике, мы определяем метадискурс как «двухуровневую систему, которая состоит из глубинного (концептуального) уровня и внешнего уровня (языковых средств, передающих смыслы, которые задают метаконцепты)» [Федотова 2021: 69]. Согласно двухуровневой концепции, в языке выделяется языковой уровень и глубинный концептуальный уровень. Следовательно, меняется и модель семантики: «семантика языковых сущностей рассматривается как двухуровневая конструкция, в которую помимо собственно семантической составляющей входит концептуальная составляющая, структурирующая семантическую составляющую, т. е. ранжирующая признаки обозначаемого по степени важности» [Беляевская 2008: 16]. Иными словами, все языковые сущности, имеющие смысловую составляющую, представляют собой двухуровневое образование, где на внешнем уровне представлена их семантика, а на глубинном уровне представлены концептуальные структуры или когнитивные модели, которые эту семантику структурируют. Например, в слове можно выделить лексическое значение его лексико-семантического варианта и глубинную структуру, которая структурирует это значение, обеспечивая его внутрисистемную значимость. Аналогичным образом, у фразеологической единицы имеется фразеологическое значение, которое структурируется когнитивными основаниями его формирования. Вполне

очевидно, что эта двухуровневая структура как модель семантики применима и к тексту, так как у текста есть смысловое содержание, которое, для того чтобы быть понятным читателю, должно быть определенным образом структурировано. Построить модель концептуального основания смыслового содержания текста – это, как представляется, задача будущего. Немецкие исследователи А. Нюннинг и М. Флудерник [Fludernik 2003; Nünning 2001] говорят о том, что можно определенным образом структурировать то, как конструируется рассказ о событиях фикциональной реальности. То, как структурируется метадискурсивное содержание, исследовалось в [Федотова 2021]. Отметим, что в употреблении термина «внешний уровень» по отношению к тексту может наблюдаться некая двусмысленность: читатель письменного текста прежде всего воспринимает слова, из которых состоит текст, и только затем он должен проникнуть в ту информацию, которую передает автор. Таким образом, он переходит от внешнего зрительного уровня на глубинный уровень, раскрывая для себя смысловое содержание текста. Иными словами, семантика для читателя – это глубинный уровень, но с точки зрения когнитивной лингвистики, существует еще более глубинный уровень – когнитивный.

Рассмотрим проявление метадискурса автора на примере англоязычных художественных произведений разных временных периодов: «Ярмарка Тшеславия» У. Теккерея (1848) и «Тигры в красном» Лайзы Клаусманн (2013). Исследование показало, что метадискурс автора присутствует в англоязычном нарративе, начиная с середины XVIII века и до начала XXI века (подробнее см.: [Федотова 2021]).

(1) *“Becky felt as if she could bless the people out of the carriage windows, so elated she was in spirit, and so strong a sense had she of the dignified position which she had at last attained in life. Even our Becky had her weaknesses, and as one often sees how men pride themselves upon excellences which others are slow to perceive – how, for instance, Comus firmly believes that he is the greatest tragic actor in England; how Brown, the famous novelist, longs to be considered, not a man of genius, but a man of fashion; while Robinson, the great lawyer, does not in the least care about his reputation in Westminster Hall, but believes himself incomparable across country, and at a five-barred gate – so to be, and to be thought, a respectable woman, was Becky’s aim in life, and she got up the genteel with amazing assiduity, readiness and success”* (W. M. Thackeray. Vanity Fair).

В контексте произведения XVIII века автор эксплицитно проявляется в тексте, выступая как всевидящий рассказчик, «провожающий» читателя через текст, что характерно для формы английского романа того времени. Очевидными маркерами метадискурса здесь выступают личные

местоимения (*our Becky*), временной сдвиг из прошлого в настоящее в сочетании с неопределенным местоимением *one* (*as one often sees how men pride themselves upon...*), разговорные фразы и клише (*for instance; so to be, and to be thought*). В контексте (1) реализуется фреймовая модель метадискурса автора англоязычного художественного нарратива, согласно которой автор косвенно затрагивает фикциональную реальность художественного произведения и фокусируется на сущности человеческой природы. Для того чтобы более полно раскрыть внутренний мир и стремления своей героини, автор приводит в пример других известных личностей, которые также стремились к славе и почету. Примечательно, что в своем отступлении автор переходит к формам настоящего времени, а когда вновь начинает «обсуждать» свою героиню, возвращается к формам прошедшего времени.

В контексте (2) также представлен эксплицитный диалог автора с читателем, но формы метадискурса в нем немного отличаются. Так как со временем менялась форма англоязычного романа, то и метадискурс претерпел изменения. Автор уже больше не является всевидящим рассказчиком, но он по-прежнему «сопровождает» читателя через текст:

(2) *“Startled and not wanting to be seen, Hughes held back. He watched them walking away and, unsure of whether to continue, decided to kill time with a cigarette. As he smoked, he tried to rearrange his surprise. It wasn't the obvious implication that confused him. It was more that it was an odd thing to do, for Frank to be so careless. **Anyone who had happened to see them would have known something was going on, and the Island was a small place; everybody knew everybody. You couldn't just walk down the street flying your secrets at full mast. And if you were stupid enough to do that, you knew it would be around town in two seconds flat**”* (L. Klaussmann. *Tigers in Red Weather*).

На метадискурсе здесь указывают следующие маркеры: неопределенное местоимение *anyone*, обобщение *everybody knew everybody*. Особую роль играет личное местоимение *you*, которое указывает на прямое обращение автора к читателю (*You couldn't just walk; if you were stupid enough*). Местоимение *you*, стирает границы между автором и читателем и создает ощущение контактного общения (здесь не имеем в виду *you-narrative*). Получается, что автор одновременно поднимает вопрос, связанный с происходящими в фикциональной реальности событиями, и в то же время обращается к личному опыту читателя, чтобы он / она представили себя на месте обсуждаемого персонажа, оценили его действия и поступки.

Итак, представляется возможным сделать общий вывод о том, что при написании художественного произведения автор отталкивается от опре-

деленных когнитивных моделей, которые помогают структурировать текст. Иными словами, существуют определенные метадискурсивные модели формирования метадискурса англоязычного художественного нарратива, с одной стороны, и языковые средства, которые об этом сигнализируют, с другой.

Литература

Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2005. Вып. 500. С. 9–14.

Беляевская Е. Г. К проблеме моделирования полисемии (межъязыковые соответствия как основание изучения принципов формирования семантической структуры слова) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 544. С. 14–22.

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4(57). С. 15–24.

Манерко Л. А., Проконищев Г. И., Устинова Д. В. Мир англо-шотландской баллады как отражение языка, культуры и перевода: учебное пособие для студентов филологических и переводческих специальностей вузов. М.: Р. Валент, 2022.

Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкторы текстовых миров. М.: ООО «Эдитус», 2019.

Федотова О. С. Принципы конструирования англоязычного художественного нарратива (к проблеме дискурса и метадискурса художественной прозы). М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021.

Fludernik M. Metanarrative and metafictional commentary // *Poetica* 35 (2003). P. 1–39.

Nünning A. Metanarration als Lakune der Erzähltheorie: Definition, Typologie und Grundriss einer Funktionsgeschichte metanarrativer Erzähleräußerungen // *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. 26. 2001. S. 125–164.

O.S. Fedotova (Ryazan, Russia)

Ryazan State University named after S.A. Yessenin

ENGLISH FICTION METADISOURSE AS A TWO-LEVEL STRUCTURE

Metadiscourse of the author of English narrative is presented in the paper as a two-level structure in which there is an outer level, or language level, and the inner, conceptual level. With the help of metadiscourse the author makes the structure of his / her narrative clear to the reader and draws the reader's attention to the most important parts of the story. Metadiscourse has a certain system of language markers that are quite distinguishable in the text.

Key words: metadiscourse, two-level system, English narrative, author of the English narrative, markers of metadiscourse.

Е. В. Челпанова, Л. А. Белова

(Челябинск, Россия)

*Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
chelpanovaev@cspu.ru; belovala@cspu.ru*

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на примере романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева»)**

Цель статьи – выявить лингвистические особенности кризисного художественного дискурса, опираясь на лингвистический, дискурсивный, когнитивный подходы. Сделана попытка выявить базовые свойства дискурса кризиса художественных текстов на различных языковых уровнях; исследовать проявления кризисной топики в специфических образах и коммуникативных стратегиях; описать способы моделирования кризисного пространства и времени; охарактеризовать ведущие метафоры, реализующиеся в языковых средствах кризисного дискурса в англоязычной художественной литературе.

Ключевые слова: англоязычный художественный дискурс, дискурс кризиса, лингвистические особенности дискурса, коммуникативные стратегии и тактики.

В связи с обострившимися противоречиями в политических отношениях между странами и пандемией, изменившей экономические условия в мире в 2020 году, социальную значимость приобретает тема кризиса, захлестнувшая СМИ. Изучение языка геополитических вызовов и дискурса кризисного времени стало актуальной задачей для лингвистов. Кризисный дискурс предстаёт чётко-организованной информационно-содержательной средой. Очевидно, что ядром данного дискурса являются тексты медиа. Однако, тексты художественных произведений, которые составляют его ближнюю периферию и репрезентируют уроки прошлого, предлагают свои способы моделирования кризисного пространства и времени и отражают кризисную топику в специфических образах и коммуникативных стратегиях. На примере английского художественного дискурса 30-х годов двадцатого столетия мы проследим языковые средства и тенденции, которые отражают геополитические изменения того времени.

Объективным откликом на обострение социально-экономической ситуации в США в конце 30-х годов стал роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева», написанный в 1939 году. Реалистичное описание национального бедствия и тягот Пыльного котла периода Великой Депрессии сочетается

с примитивистским романтизмом: Стейнбек подчёркивает добродетельность и гуманность бедных необразованных фермеров. Роман демонстрирует уязвимость таких людей, они первыми попадают под удар в период политической нестабильности и экономического спада: *“And now the owner men grew angry. You’ll have to go. But it’s ours, the tenant men cried. No. The bank, the monster owns it... What then? Well – first the sheriff, and then the troops. You’ll be stealing if you try to stay, you’ll be murderers if you kill to stay ... You’re on land that isn’t yours”* (J. Steinbeck. *The Grapes of Wrath*).

Основными способами изображения ситуации кризиса в данном художественном произведении служат: композиционно-структурная уникальность романа, смена функциональных стилей, коммуникативные стратегии и тактики, символизм и аллюзивность языка, метафоры и дихотомии, трансформация образов героев, аксиологемы.

1. Композиционно-структурная уникальность романа: чередование эпического повествования об испытаниях семьи переселенцев и глав-интерлюдий, предоставляющих беспристрастный анализ общего кризисного положения в стране: *“There is a crime here that goes beyond denunciation. There is a sorrow here that weeping cannot symbolize. There is a failure here that topples all our success. The fertile earth, the straight tree rows, the sturdy trunks, and the ripe fruit. And children dying of pellagra must die because a profit cannot be taken from an orange”* (J. Steinbeck. *The Grapes of Wrath*).

2. Смена функциональных стилей, отступления от эпического повествования, полупублицистический характер глав-интерлюдий, который достигается использованием свободной косвенной речи: *“Then some went to the relief offices, and they came sadly back to their own people. They’s rules – you got to be here a year before you can git relief. They say the gov’mnt is gonna help. They don’ know when. And gradually the greatest terror of all came along. They ain’t gonna be no kinda work for three months. In the barns, the people sat huddled together; and the terror came over them, and their faces were gray with terror. The children cried with hunger, and there was no food”* (J. Steinbeck. *The Grapes of Wrath*).

3. Коммуникативные стратегии и тактики. Лирические отступления в виде глав-интерлюдий дают автору морально-нравственные основания убедительно транслировать свою гражданскую позицию: осуждение классового расслоения и поиск причин обнищания фермеров, обличение грабительской политики правительства и монополий. Тактики, избранные для этого, – предрекание неизбежной гибели существующего порядка вещей через систему метафор, символов и аллюзий, трансформация образов героев. Темы борьбы с несправедливостью, стремления к американской мечте – универсальные темы американского художественного дискурса, приобретающие в произ-

ведении Стейнбека новое кризисное звучание. *“And some day – the armies of bitterness will all be going the same way. And they’ll all walk together, and there’ll be a dead terror from it”* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath).

4. Символизм и аллюзивность описания кризиса даёт жизнь специфическим, неоднозначным образам, не характерным для других типов дискурса: образам, с одной стороны, пугающим своей натуралистичностью, с другой, гротескным, неестественным. Глубокий символизм финальной сцены кормления грудным молоком умирающего от голода человека выражается на трёх уровнях: библейском, психологическом и бытовом. Идея воскрешения, продолжения жизни после мученичества и перенесённых страданий воплощена через такие библейские сюжеты, как возложение во гроб (Lamentation), кормление младенца Христа грудным молоком в амбаре и др. Героиня романа Роза Сарона совершает акт милосердия, вызывает образ оплакивания, символизирует самопожертвование. Однако, психологически неотъемлемая черта человека – оптимизм и надежда на лучшее будущее – раскрыты через место действия, амбар, который вызывает у читателя ассоциации с местом рождения Иисуса и несет оптимистический посыл новой жизни. На бытовом уровне немногословность героев в заключительной сцене, их почти немая реакция на умирающего не означают их равнодушия, но лишь свидетельствуют о том, что они привыкли к страданиям и смерти.

В романе «Гроздь гнева» предметы, герои, ситуации, явления природы становятся символами, несущими философское значение: зелёная трава, появляющаяся на склонах гор после наводнения как символ возрождения, продолжения жизни, миграция беженцев, подобная исходу евреев из Египта: *“Tiny points of grass came through the earth, and in a few days the hills were pale green with the beginning year”* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath).

5. Моделирование кризисного пространства и времени на основе дихотомий и концептуальных метафор. Центральные метафоры романа – гроздь и фрукты. Гниющие разлагающиеся фрукты воплощают экономические устои страны, законы и правила, отдающие приоритет прибыли, а не людям: *“And on the ground the seeds drop and dry with black shreds hanging from them. ... And first the skins wrinkle a little and swarms of flies come to feast, and the valley is filled with the odor of sweet decay. The meat turns dark and the crop shrivels on the ground ... And the yellow fruit falls heavily to the ground and splashes on the ground. The yellowjackets dig into the soft meat, and there is a smell of ferment and rot”* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath).

В контексте романа лексема *“grapes”* приобретает и буквальное, и образное значения. Джоуды едут в Калифорнию в поисках более плодородной земли и находят в изобилии гроздь винограда, персики, груши, но эти блага недоступны. В результате несправедливости у людей в душе

зреет другой фрукт – гнев: *“In the souls of the people the grapes of wrath are filling and growing heavy, growing heavy for the vintage”* (Steinbeck 2014: 188),

Дорога – ещё один метафорический образ романа, создающий его художественное пространство и рисующий жизнь как путешествие, полное тягот и испытаний.

6. «Внутренний кризис», отрицание себя, трансформация образов героев как результат перенесённых ими лишений. Потеря близких и друзей инициировала в центральном герое романа Томе внутреннее преобразование от пассивного наблюдателя к волевому реформатору, воплотившему уникальным образом достоинство и идеалы рабочих в своих словах: *“Wherever they’s a fight so hungry people can eat, I’ll be there. Wherever they’s a cop beatin’ up a guy, I’ll be there. If Casy knowed, why, I’ll be in the way guys yell when they’re mad an’ – I’ll be in the way kids laugh when they’re hungry an’ they know supper’s ready. An’ when our folks eat the stuff they raise an’ live in the houses they build – why, I’ll be there”* (J. Steinbeck. *The Grapes of Wrath*).

7. Аксиологемы. Прозаик использует различные средства, чтобы доказать, что в период кризиса аксиологемы «семья» и «земля» сохраняют свою созидательную силу, оставаясь единственными константами человеческого бытия. Обладание «своей» землей понимается как притязание на нравственную и идеологическую правоту [Горобченко 2012]. «Бездомные, никому не нужные Джоуды сохраняют себя, благодаря осознанию ценности семьи, рода, общего «мы» [Осьмухина 2018]. *“The money we’d make wouldn’t do no good...All we got is the family unbroke. Like a bunch a cows, when the lobos are ranging, stick all together. I ain’t scared while we’re all here, all that’s alive”* (J. Steinbeck. *The Grapes of Wrath*).

Узловые точки кризисного дискурса в романе «Гроздь гнева» раскрываются через актуализацию основных дихотомий: человек – общество, человек – технологии, человек – человек, человек – собственное «я», человек-природа.

– Человек – общество. Том Джоуд начинает борьбу с устоями общества, призывая обездоленных объединиться, потребовать достойную зарплату и привлечь внимание к криминальной практике богатых фермеров.

– Человек – технологии. Джоуды – жертвы замены ручного труда механизированным, машинным. Единственный способ выжить для них – найти сферу, где сохранился ручной труд.

– Человек-природа. В «Гроздьях гнева» Джоуды не могут победить силы природы – засуху и наводнение. Наводнение становится последней каплей: их страдания и испытания выливаются через край. *“They splashed along, carrying the children, carrying the very old, in their arms. And if a barn stood on high ground, it was filled with people, shivering and hopeless...And the*

rain fell steadily, and the water flowed over the highways, for the culverts could not carry the water” (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath).

– Человек – человек, местные жители – мигранты. Когда Джоуды покидают лагерь беженцев, разъярённая толпа жителей Калифорнии грозит перевернуть их грузовик, чувствуя угрозу от внезапной волны мигрантов. Конфликт прорисован через противопоставление разных слоёв населения друг другу: обездоленным фермерам Оклахомы в антагонизм поставлены жители Калифорнии, банкиры, владельцы мелкого бизнеса: *“The local people whipped themselves into a mold of cruelty. Then they formed units, squads, and armed them – armed them with clubs, with gas, with guns. We own the country. We can’t let these Okies get out of hand... And the migrants streamed in on the highways and their hunger was in their eyes, and their need was in their eyes”* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath).

– Человек – собственное «я». Тому Джоуд приходится преодолеть себя, свою собственную природу, чтобы найти смысл жизни. Он понимает своё предназначение после внутренней борьбы, последовавшей за смертью друга.

Аксиологическое описание кризисной ситуации, данное в романе, становится значимым в связи со сменой системы ценностей и культурных установок. В советской критике Джон Стейнбек представлен как писатель-реалист, «поэт обездоленных» [Осьмухина 2018; Горобченко 2012; Кремнева 1999; Леонова 2004]. В работах российских исследователей подчёркиваются демократизм прозаика, его утопическая вера в победу гуманистического начала, отразившиеся в его текстах. Американские критики осмысливали «Гроздья гнева» как продолжение традиций романтизма, трансцендентализма, библейских притч [Кремнева 1999; Леонова 2004]. Однако, попытки анализа романа с точки зрения дискурсивных практик, лингвистических средств репрезентации дискурса кризиса не предпринимались. Практическая значимость исследования кризисного дискурса в романе «Гроздья гнева» определяется возможностью использования его результатов для общественно-просветительской работы, в лингвистических и лингвокультурологических исследованиях. Представленная работа может способствовать всестороннему освещению важнейших общественно-политических социально-значимых тем.

Литература

Осьмухина О. Ю. Проблема человека в романах Дж. Стейнбека «Гроздья гнева» и «Зима тревоги нашей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 45–49.

Горобченко И. В. Своеобразие художественного пространства в романе Джона Стейнбека «Гроздья гнева» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 248–251.

Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.

Леонова Н. Е. Семантика художественного пространства в произведениях Джона Стейнбека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Steinbeck J. *The Grapes of Wrath*. – Viking Press, 2014.

E. V. Chelpanova, L. A. Belova

(Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian

Pedagogical University

**LINGUISTIC MEANS
OF THE CRISIS FICTION DISCOURSE IN ENGLISH
(based on J. Steinbeck's novel "Grapes of Wrath")**

The purpose of the article is to reveal the linguistic features of the crisis artistic discourse, based on linguistic, discursive, cognitive approaches. An attempt is made to identify the basic properties of the discourse of the crisis of literary texts at various language levels; explore manifestations of crisis topics in specific images and communication strategies; describe ways of modeling crisis space and time; to characterize the leading metaphors that are realized in the crisis discourse in English fiction.

Key words: English fiction discourse, crisis discourse, linguistic features of the discourse, communicative strategies and tactics.

Н. А. Чес (*Москва, Россия*)

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)*

МИД России

natches@yandex.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИДИСКУРСЕ**

В статье на материале англоязычного политического медиадискурса рассматривается специфика конструирования образных представлений на базе метафорических концептов с учетом степени сложности их внутренней структуры и фактора конвенциональности.

Ключевые слова: политический медиадискурс, метафорический концепт, структурный метафорический концепт, конвенциональный метафорический концепт, образное представление.

Концептуальная метафора, представляющая собой сложное ментальное образование – «*концепт особого рода*» [Беляевская 2011: 15], фиксирующее определенным образом организованные соответствия между элементами двух онтологически разных областей, является крайне продуктивным основанием образности политического медиадискурса. Наглядные образные представления, способные оказывать эмоциональное воздействие на реципиента и изменять его политическую картину мира, могут формироваться как на базе конвенциональных, так и неконвенциональных (новых) метафорических концептов. Однако, учитывая общую направленность политической коммуникации, опосредованной СМИ, на выполнение регулятивной функции, следует отметить специфику использования образных средств в политическом медиадискурсе, заключающуюся в том, что для обеспечения эффективного манипулятивного воздействия конструируемый образ должен легко декодироваться массовой аудиторией. В этой связи источником ярких образных представлений в политическом медиадискурсе, как правило, становятся конвенциональные метафорические концепты, передающие смыслы, легко распознаваемые и интерпретируемые языковым сообществом.

Возможность создания образности на основе конвенциональных концептуальных переносов обуславливается онтологическими свойствами метафорических концептов и принципами организации их системы, в том числе частичностью метафорических переносов и иерархичностью концептуально-метафорической системы. Принцип частичности метафорических переносов означает, что (1) в конкретном контексте актуализируется только часть соответствий, образующих структурный метафорический концепт, или часть концептуально-метафорических квалификаторов, входящих в состав базового метафорического концепта, (2) некоторые соответствия и квалификаторы регулярно актуализируются в политическом медиадискурсе, в то время как другие оказываются менее коммуникативно востребованными [Lakoff 1993; Lakoff, Johnson 1980: 52–55].

Метафорические выражения, репрезентирующие регулярно используемые соответствия и квалификаторы, не обладают эффектом новизны, являясь лексическими единицами со стертой образностью. Так, в англоязычной лингвокультуре членство страны в организации или объединении традиционно концептуализируется в терминах локализации объектов в некоторой точке пространства или в контейнере, прекращение членства – как удаление от данной точки или выход за пределы контейнера, что обуславливает существование таких лексикализованных метафор, как *to stay in the single market* (букв. «остаться в едином рынке»), *to be outside the eurozone* (букв. «находиться за пределами еврозоны»), *countries outside the EU* (букв. «стра-

ны вне / снаружи ЕС»), *to leave / exit the EU* (букв. «покинуть ЕС / выйти из ЕС»), *to depart from the EU* (букв. «уехать из ЕС»), *pro-leave politicians* (букв. «политики, выступающие за уход»), *to follow the exit path* (букв. «следовать по пути к выходу»).

Активизация «неиспользуемых» концептуально-метафорических соответствий или квалификаторов приводит либо к воссозданию стертой образности, либо к возникновению речевых, индивидуально-авторских метафор, обладающих значительным образно-стилистическим потенциалом. Например, экспрессивное представление о Европейском союзе как о неразорвавшейся бомбе – объекте, несущем серьезную экзистенциальную угрозу, от которой нужно спастись, убегая на как можно большее расстояние, конструируется на основе базовой образ-схематической метафорической модели ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧЛЕНСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ – УДАЛЕНИЕ ОТ ОБЪЕКТА (КОНТЕЙНЕРА), в соответствии с которой Великобритания (ее граждане) концептуализируется как движущийся объект, удаляющийся от статичного объекта (ЕС): *For Brexit's apostles Europe is not an adjacent market of 500 million people, our biggest and most important trading partner, but rather an unexploded bomb from which we should run as far away as possible* (The Guardian, 28 March 2017). Переход от схематизированного концептуально-метафорического представления к детализированной образной картине осуществляется за счет выведения в концептуальный фокус трех квалификаторов, указывающих на характеристики статичного объекта (опасный объект, способный внезапно нанести вред другим близкорасположенным объектам), расстояние, на которое удаляется движущийся объект (максимально достижимое), и скорость перемещения движущегося объекта (высокая). Выдвижение на первый план тех компонентов базового концептуально-метафорического представления, которые обычно не находятся в фокусе концептуализации, предопределившее выбор конкретных языковых единиц, позволило автору сообщения создать оригинальный образ поспешного бегства Великобритании из ЕС, наглядно демонстрирующий неуместность стремления апологетов Брексита в кратчайшие сроки прекратить членство страны в организации.

Структурные метафорические концепты, устанавливающие аналогии между целыми сферами опыта [Lakoff, Johnson 1980: 5], продуцируют многоэлементные объемные образы, обладающие мощным манипулятивным потенциалом. В англоязычном политическом медиадискурсе к числу наиболее востребованных областей-источников метафорического переноса принадлежит область межличностных отношений, включающая обширные знания о характере и типах взаимоотношений, возможных сценариях их развития,

распределении ролевых позиций и поведении людей. В частности, статус конвенционального имеет метафорический концепт ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ – (ЛЮБОВНЫЕ / СУПРУЖЕСКИЕ) ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ: союзы и альянсы между государствами традиционно концептуализируются как брак (*marriage*) или особые отношения (*special relations*), серьезные разногласия – как развод (*divorce*) или раздельное проживание (*separation*). Помимо коммуникативно востребованных и регулярно актуализируемых при метафоризации компонентов, фреймы и сценарии, организующие комплексную информацию о такой хорошо всем знакомой сфере жизни, как брак и семья, содержат в своей структуре обширную «периферийную» зону, объединяющую соответствия, которые могут быть актуализированы в определенных дискурсивных условиях. Например, рассуждая об инициативе Великобритании выйти из Европейского союза и требованиях, выдвинутых организацией в этой связи, автор статьи *Britain's Divorce From the EU Will Be Bitter* (*The Guardian*, 28 March 2017) выводит в концептуальный и номинативный фокус конвенционального метафорического концепта ВЫХОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕС – РАЗВОД такие периферийные компоненты сценария развода, как эмоциональное состояние каждого из партнеров, определяющее принимаемые ими решения и поступки. Сложный политический процесс прекращения членства государства в региональной организации представлен в терминах детализированного описания бытового события: один из партнеров, недовольный браком, втайне вынашивает мысль о разводе (*Even as Europe's capitals stood in loyal solidarity with ours, we plotted a divorce*), при этом неожиданно получившая известие о расторжении брака пострадавшая сторона, вопреки обыкновению, не предпринимает никаких попыток уговорить своего партнера остаться, дает согласие на развод и инструктирует юристов (*The story after the referendum could have been different. Despite the narrowness of the result, there was never an attempt by Europe to persuade us to stay. It is unusual, when an unhappy partner suddenly and unexpectedly asks for a divorce, for the injured half simply to agree and instruct the lawyers*); однако, отпуская партнера, сторона, чувствуя себя униженной, хочет заставить его заплатить определенную цену за эгоистичное решение о разрыве отношений, лишив права собственности на дом и автомобиль (*At first reacting in disbelief, Europe then behaved as a partner scorned. Well, then – go, it said. But you can't expect to keep the house and the car, and there'll be a price for this selfish separation*).

Репертуар актуализируемых в дискурсе периферийных компонентов конвенциональных метафорических концептов может быть чрезвычайно широким, и их выбор определяется смысловыми нюансами, которые стре-

мится передать автор сообщения. Так, сосредоточивая внимание на правовом аспекте выхода Великобритании из ЕС, автор публикации *What a British Divorce From the EU Would Look Like* (The Financial Times, 28 June 2016) использует набор соответствий, заложенных в конвенциональном метафорическом концепте ВЫХОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕС – РАЗВОД, позволяющий в доступной для массового адресата форме раскрыть суть юридических сложностей, сопровождающих Брексит. В статье воспроизводится последовательность событий и юридических действий, как правило, предшествующих официальному разводу: разрыв отношений (*a break-up*), приводящий к завершению длительного и крайне сложного брака (*the end of a long and fraught marriage*), то есть к разводу (*the divorce*), начинается с периода раздельного проживания супругов (*the tricky separation*), сопровождающегося урегулированием вопросов, касающихся процедуры осуществления бракоразводного процесса (*the mechanics of divorce*), порядка разрешения разногласий (*the technical parting of ways*) и финансовых обязательств по оплате счетов (*the settling of old bills*); в случае расхождений относительно основных условий расторжения брака (*Lawyers are divided on the ground rules for the divorce*) неизбежны затяжные переговоры (*drawn-out divorce talks*).

Рассмотренные выше примеры наглядно демонстрируют, что один сложный метафорический концепт может являться базисом для конструирования целого ряда образных представлений о каком-либо политическом феномене, каждое из которых акцентирует внимание на различных его аспектах. Формируемые в политическом медиадискурсе образы упрощают ментальную обработку информации о фрагментах политической действительности путем установления аналогии с более знакомыми для массового реципиента сферами жизни и оказывают на него эмоциональное воздействие через обращение к его личному опыту восприятия бытовых ситуаций, переживаниям и чувствам.

Литература

Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сборник научных трудов. К 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.

Lakoff G. The Contemporary theory of metaphor // *Metaphor and Thought*. 2nd ed. / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

*N. A. Ches (Moscow, Russia)
Moscow State Institute
of International Relations (University)*

METAPHORICAL CONCEPTS AS A BASIS FOR CONSTRUCTING IMAGES IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

Present research into conceptual metaphors typical of British mediatized political discourse and imaginative expressions that are instances of those conventional metaphorical concepts is an attempt to study the process of building up metaphor-based images differing with regard to their complexity and pervasive effects they produce by highlighting some aspects of a situation and hiding some others.

Key words: mediatized political discourse, conceptual metaphor, structural metaphor, conventional metaphor, image, imagery.

*В. Я. Шабалина (Казань, Россия)
Институт развития образования
Республики Татарстан,
Вятский государственный университет
sh_ver@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье представлены основные когнитивно-прагматические параметры научно-методического дискурса как разновидности педагогического дискурса. Определены ведущие коммуникативные стратегии, выявлены наиболее характерные речевые действия, предназначенные для побуждения когнитивных импульсов адресата.

Ключевые слова: научно-методический дискурс, когниция, коммуникативные стратегии, типы речевого действия.

Под термином «методический дискурс» мы понимаем разновидность профессионального (педагогического) дискурса, в котором реализуются специфические прагматические цели решения практических задач обучения и воспитания. В случае с дискурсом методической литературы, издаваемой учреждениями дополнительного профессионального образования, предлагается квалифицировать его как научно-методический, так как авторами текстов, в которых репрезентируются инновационные направления раз-

вития образования, задаются векторы их реализации в непосредственном педагогическом процессе на основе когнитивных операций обобщения, синтеза и анализа.

С позиций конвергенции когнитивного и прагматического подходов к дискурсу, прагматические факторы, обусловленные речевой ситуацией, «определяют воздействующий потенциал высказывания, являются неотъемлемой частью когнитивных процессов» [Моргун 2013: 55], которые происходят в сознании коммуникантов. Главным когнитивно-прагматическим параметром можно считать **коммуникативные стратегии** дискурса, которые являются ведущими, иницилирующими дискурс, в том числе научно-методический.

Для педагогического дискурса, в рамках которого мы выделяем научно-методический, характерны пять основных стратегий: объясняющая, оценивающая, содействующая, организующая и контролирующая [Карасик 1999]. В научном дискурсе в качестве основных выступают информирующая, оценивающая стратегии, стратегия убеждения и др.; при этом отмечается полифоничность и гибридность коммуникативных стратегий научного дискурса [Хомутова 2015]. В целом все названные стратегии присущи и научно-методическому дискурсу, в котором наблюдается гибридизация стратегий педагогического и научного дискурса. Анализ собранного корпуса из наших источников (см.: [Методические материалы...]) позволяет говорить о следующих коммуникативных стратегиях, наиболее характерных для него: информирующая, объясняющая, содействующая, организующая, контролирующая. Необходимо также включить в этот ряд побуждающую, или мотивирующую, стратегию, эквивалентную стратегии убеждения в научном дискурсе, но «адаптированную» для педагогов-практиков: так, В. З. Демьянков говорит об адаптации как «упрощении» содержания и формы произведения» [Демьянков 2019: 15], а в случае с адресной аудиторией в рассматриваемом виде дискурса направлением адаптации становится актуализация тех или иных научных подходов в педагогическом процессе.

В качестве пресуппозиций при реализации каждой из стратегий в дискурсе названного типа выступают, на наш взгляд, когнитивные операции по выявлению профессиональных дефицитов и анализу имеющихся ресурсов, а также селекции оптимальных образовательных средств для их внедрения в практику.

Следующим когнитивно-прагматическим параметром научно-методического дискурса являются его **субъекты**. Если общая цель педагогического дискурса – «формирование целенаправленного процесса взаимодействия учителя и ученика (преподавателя и студента)» [Прагматика... 2022: 31], то прагматика его методической разновидности обуславливается иной

коммуникативной ситуацией, в которой предполагается взаимодействие ученого-методиста и педагога-практика как основных традиционных субъектов методического дискурса. При этом адресант с помощью определенной стратегии реализует специфическую образовательную цель – повышение уровня профессиональных компетенций реципиента, а также побуждает его к определенным когнитивным импульсам. Информационные интересы и потребности коммуникантов научно-методического дискурса совпадают и обуславливаются его содержанием, которое ориентируется на «запуск» когнитивных механизмов реципиента, участвующих в обработке информации и ее актуализации на практике.

Исходя из фундаментальных положений о неразрывной связи когниции и коммуникации, в основе которой всегда есть прагматическая основа, при выявлении когнитивно-прагматических параметров научно-методического дискурса следует также обратиться к анализу **речевых действий, то есть речевых актов**, понимаемых как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [Арутюнова 2000: 412]. Современные исследователи не пришли к единой типологии речевых действий (актов). В качестве наиболее полно отражающей основные параметры дискурса возьмем за основу известную классификацию речевых актов, предложенную в работе [Сёрль 1986]: к ним относятся репрезентативы, информативы, комиссивы, директивы, экспрессивы.

Было установлено, что в научно-методическом дискурсе [далее – НМД] преобладают типы речевого действия, направленные на побуждение когнитивных импульсов в сознании адресата.

Информирующая стратегия реализуется с помощью репрезентативов, содержащих сообщение, утверждение (*первое внедрение ноутбуков в образование ... произошло в Австралии; основные принципы смешанного обучения применялись еще в 60-х годах XX века; роботы превзошли человека в выполнении однотипных операций*); констатацию с четким или «размытым» обозначением агенса (*одни говорят..., другие утверждают..., существует мнение..., по мнению приверженцев данной точки зрения...*); прогнозирование (*согласно прогнозу, все эти переломные моменты должны произойти уже до 2025 г.*); ответы на вопросы (*попробуем ответить на эти и другие вопросы*) и т. д. Особенностью информирующей стратегии в НМД является ее тесная связь со стратегией объясняющей, поскольку подразумевается наличие у адресата критического мышления и соответствующего уровня знаний.

Используя **объясняющую стратегию**, адресант научно-методического дискурса часто применяет, наряду с репрезентативами, комиссивы, в основном, выражающие намерения (*приведем в обобщенном виде основные идеи..., есть несколько типов реакции, рассмотрим их подробнее, перечислим и обсудим* те проблемы..., *планируем представить...*).

Побуждающая (мотивирующая) стратегия обращена к когнитивным способностям адресата и призвана стимулировать непрерывный процесс их развития и совершенствования в условиях повышения уровня профессиональных компетенций педагога при выполнении им определенных действий в ходе образовательного процесса. В русле данной стратегии адресант использует директивы, выражающие просьбу, совет или призыв (*давайте задумаемся..., рекомендуем... вчитываться, не следует упускать из внимания..., если вы решились..., то воспользуйтесь...*), а для усиления коммуникативно-когнитивного эффекта им используются речевые формулы *следует отметить; важно помнить; согласитесь, что; сложно возразить; полезным, на наш взгляд, будет...; ...является необходимым условием; как видим; обратим ваше внимание...* и т. п.

Аргументирующий и побуждающий типы речевого действия с учетом когнитивной составляющей научно-методического дискурса призваны «подтолкнуть» адресата дискурса к выбору точки зрения: *современный учитель, конечно, понимает...; многие учителя увлеклись..., но недостаточно просто уметь пользоваться..., важнее понимать...; согласитесь, что...; целесообразно начать с...; преимуществом является то...; ...можно рассматривать как...*, а также активизируют его когнитивно-коммуникативную деятельность (*если у вас есть другие аргументы, мы готовы их обсуждать и задумываться, можно спорить или соглашаться..., надеемся организовать живой разговор..., мы непременно обсудим..., а пока подумайте; эта модель образования выглядит недостаточной*).

Ориентируясь на когнитивные задатки и способности адресата речи – педагогов – продуценты НМД создают интенционально организованный дискурс, вызывающий желание реципиента совершить предполагаемое действие. При этом используются экспрессивы и средства эмоционально-интеллектуальной вовлеченности: *признаемся абсолютно честно...; однако трудно не признать...; мы больше не сможем позволить себе пять лет изучать теоретические дисциплины...; сегодня даже страшно подумать..., как это ни печально звучит...*

Содействующая, организующая и контролирующая стратегии, на наш взгляд, более применимы на лекциях, семинарах, вебинарах во время курсовой подготовки и в посткурсовой период сопровождения, т. е. в устном формате дискурса, что не является объектом данного исследования.

Таким образом, анализ когнитивно-прагматических параметров научно-методического дискурса показал, что выделяемая нами разновидность педагогического дискурса включает типичных для нее субъектов, характеризуется определенными коммуникативными стратегиями, которые реализуются через речевые действия, обусловленные специфическими прагматическими целями.

Литература

Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 412–413.

Демьянков В. З. Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 9–19.

Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3–18.

Методические материалы Института развития образования Республики Татарстан». URL: <http://www.irogt.ru/tu/node/85> (дата обращения: 18.01.2023).

Моргун Е. А. К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II Международ. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 55–57.

Прагматика профессионального дискурса: коллективная монография / под редакцией Е. В. Комлевой. Санкт-Петербург: Реноме, 2022.

Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: «Прогресс», 1986. С. 170–195.

Хомутова Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 3. С. 15–22.

V. Ya. Shabalina (Kazan, Russia)
Institute for the Development of Education
of the Republic of Tatarstan,
Yyatka State University

COGNITIVE-PRAGMATIC PARAMETERS OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL DISCOURSE

The article presents the main cognitive-pragmatic parameters of scientific and methodological discourse as a kind of pedagogical discourse. The leading communicative strategies are identified, the most characteristic speech actions have been determined to induce the cognitive impulses of the addressee.

Key words: scientific and methodological discourse, cognition, communicative strategies, types of speech action.

А. М. Шаипова (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений

Т. Ю. Тамерьян (Владикавказ, Россия)
Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова
tamertu@mail.ru

СЕМИОЗИС ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются модели семиозиса фразеологического оборота *одна нога здесь, другая там* в новостном политическом дискурсе. С позиции когнитивных механизмов вторичного означивания фразеологической единицы как целостной синтаксической и лексической структуры анализируются приемы креативного переосмысления данного фразеологического единства и демонстрируются способы переинтерпретаций внутреннего образа оборота в зависимости от авторских интенций.

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматический компонент, культурный компонент, концептуальный код, новостной дискурс.

Исследование частных случаев семантико-семиотических трансформаций на примере фразеологического оборота *одна нога здесь, другая там* выполнено в русле когнитивных исследований политической и медийной коммуникаций. Новостное сообщение как наиболее частотный жанр политического дискурса рассматривается сквозь призму многомерности и комплексности данного коммуникативного феномена, который не только выполняет функцию передачи информации, но и является одним наиболее действенных средств эффективных воздействия на массовую аудиторию посредством ценностной интерпретации текущих фактов и событий.

Цель статьи – рассмотреть контекстуально обусловленную модификацию и/или деструкцию семантико-семиотического содержания фразеологического оборота *одна нога здесь, другая там* в новостных сообщениях.

В речевых актах политической коммуникации используются различные приемы креативной обработки фразеологизмов посредством языковой игры: количественная трансформация структуры в плане добавления или усечения их составляющих, замена компонентного состава при сохранении структуры, обыгрывание значений отдельных элементов оборота и др.

Когнитивные механизмы современной поликодовой коммуникации действуют в условиях новой парадигмы, вбирающей синестезию кодов, модусов и каналы общения. Возникновение кодов культуры связывается с древнейшими архетипическими представлениями о мире, роли, месте и пребывании человека в нем. Сикретичность кодов, формирующихся на вербальной, предметной и акциональной платформах, зародившаяся еще в фольклорных обрядовых традициях, наиболее ярко манифестирована в когнитивно-коммуникативной канве цифровых массмедиа.

Привлечение общего социокультурного контекста и политической ситуации для дешифровки заявленного фразеологизма в каждом фрагменте новостного дискурса осуществляется с позиций когнитивного подхода, в рамках которого языковые факты и явления изучаются сквозь призму познавательной деятельности, когда за «процессами языкового воспроизводства и креативности стоят общие когнитивные процессы деривационного характера, имеющие аналоги в культуре в целом, т. е. процессы концептуальной деривации, связанные с развитием концептуальной системы и формированием общей и языковой картин мира» [Болдырев 2021: 57–58].

В телесном коде культуры заключен значительный герменевтический потенциал для исследования языка и культуры, и общества. Континуальный семиозис языкового знака в рамках антропного соматического кода демонстрирует динамику восприятия образа мира. Рефлексия над телом, его частями, формами, строением, признаками и функциями служили источником концептуализации мира и структурирования пространства в целом [Гудков, Ковшова 2007: 72]. Мотивационно архаическое мировидение организовано топически, что обусловлено первичностью визуального восприятия.

Ноги представляют собой хтонический символ, обозначающий связь человека с землей и природной энергией в космогонических мифах о сотворении мира. В архаичном членении мира ноги репрезентируют низ, нижние миры: «универсальная черта кинесики ног – их отношение к хтоническим силам земного плодородия. Направленность ног к земле и связь с растительным миром сообщают им хтонический характер» [Чеснов 1989: 125]. Функционально нижние конечности, ноги, символизируют опору, устойчивость и движение. Прагматика фразеологизмов с компонентом-соматизмом *нога* в политической коммуникации сводится к переинтерпретации, деактуализации компонентов фразеологизма, усложнению способа указания на денотат) [Баранов 2008: 30–31].

Как отмечалось выше, *ноги* в соматическом коде русского культурного кода связаны прежде всего с функцией перемещения в пространстве, дви-

нением. Скорость, передвижения в определённом направлении репрезентирована фразеологизмом *одна нога здесь, другая там*.

Комментирование в новостных сообщениях актуальных текущих событий ориентировано на применение механизмов когнитивно-семиотического переосмысления внутренней формы фразеологических единиц. Так, первоначальная мотивированность образа, обусловленная стремительностью передвижения ног, как у сказочного скорохода или гонца в волшебной обуви, – одна нога на месте, откуда его отправляют с поручением, а другая – уже в пункте назначения. Интерпретация состояния раздвоенности, нахождения одновременно на двух территориях, в двух местах или ментальных областях, двойственность ситуации.

В новостном материале под названием «Великобритания вне ЕС: одна нога здесь, другая там» об условиях так называемой сделки по выходу страны из ЕС и сохранению при этом части гарантий, предоставляемых Евросоюзом, сообщается, что

вне зависимости от его наполнения принятие соглашения станет не более, чем новым этапом в отношениях между ЕС и Великобританией, которая всегда придерживалась позиции – одна нога здесь, другая там (<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/velikobritaniya-vne-es-odna-noga-zdes-drugaya-tam/>.17.12.2019).

О наличии сразу двух статусов – политика, заседающего в Государственной Думе и действующего артиста или певца, представляющего российскую культуру, – Денисе Майданове, Дмитриии Певцове и Николае Бурляеве рассказывается в новостной ленте в материале на сайте Дни.ру под названием «*Одна нога здесь, другая там: кто из артистов сидит в Госдуме*» (<https://dni.ru/showbiz/2022/5/2/503755.html>.11.02.23).

О душевном надломе русского населения в Латвии, особенно старшего, и проблемах выезда в Россию сообщает публицист и писатель Анастасия Миронова:

Так и живут: одна нога здесь, другая – там. В смысле, жизнь духовная и культурная с жизнью физической не пересекаются. Духовно ты – с «Сорока днями без войны». А физически – в мире, где диктор с прискорбием сообщает о смерти самого пожилого в твоей стране ветерана СС (<https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/15321326.shtml> 08.05. 2022).

Одна нога здесь, другая – там. Как один Трамп две Кореи «прикормил» (<https://radiosputnik.ria.ru/20190701/1556096721.html>.01.07.2019). С периода разделения Кореи в августе 1945 года, когда северную часть Корейского

полуострова заняли войска СССР, а южную – американские, между КНДР и Республикой Корея отсутствуют дипломатические отношения. Однако в период президентства Дональда Трампа ему удалось наладить международные связи с обеими странами.

Таким образом, была представлена многоплановая трансформация семантики фразеологизма *одна нога здесь, другая там* при сохранении его структурной и компонентной целостности. Продемонстрирована вариативность интерпретаций внутреннего образа фразеологического оборота в зависимости от авторских интенций. Эксплицированы приемы порождения интерпретанты устойчивого оборота, актуализирующие контекстуальный замысел, порождающие многоплановость текста и образно-ассоциативный фон.

Литература

Болдырев Н. Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.

Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. 2004. Вып. 26. С. 39–50.

Чеснов Я. В. Шаг Майтреи: некоторые вопросы изучения кинесики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 122–138.

Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

A. M. Shaipova (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations

T. Yu. Tameryan (Vladikavkaz, Russia)
Khetagurov North Ossetian State University

SEMIOSIS OF A LANGUAGE SIGN IN NEWS DISCOURSE

The paper examines models of phraseologism *odna noga zdes' drugaya tam* semiosis in the news political discourse. From the position of cognitive mechanisms of secondary nomination, a phraseological unit as an integral syntactic and lexical structure is analyzed, the techniques of creative reinterpretation of this phraseological unit are demonstrated. The ways of reinterpretations of the idiom internal image depending on the author's intentions are shown.

Key words: phraseological unit, somatic component, cultural component, conceptual code, news discourse.

*Е. С. Шмелёва (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
katherineshm@gmail.com*

**ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК:
ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ VS. ИНФОРМАТИВНОСТЬ
(на материале англоязычных таблоидов 90-х)¹**

Данное исследование направлено на рассмотрение связи заголовка с текстом статьи, которой он предпослан. На материале статей из таблоидов были выявлены четыре модели взаимодействия таких характеристик газетного заголовка, как информативность и лингвокреативность.

Ключевые слова: лингвокреативность, медийный дискурс, газетный заголовок, таблоиды.

Ни для кого не секрет, насколько важной структурной частью газетной статьи является заголовок, ведь, как показывают исследования, «около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам» [Лазарева 1993: 3]. Причина тому очевидна: заголовок призван емко, но при этом информативно сообщить читателю о тематике последующей статьи. Однако изучение англоязычной прессы показало, что функция информирования читателя может вовсе не выполняться газетными заголовками или выполняться с определенными оговорками: часто в погоне за читательским вниманием авторы статей отдают предпочтение креативным заголовкам, которые едва ли раскрывают содержание последующей статьи.

Представляется, что с когнитивной точки зрения такое введение реципиента в состояние непонимания или, иначе говоря, когнитивного диссонанса [Фестингер 1999: 18], также названного В. И. Карасиком «мистификацией» [Карасик 2022: 53], может быть как намеренным, побуждающим к дальнейшему прочтению текста и раскрытию содержания заголовка, который не поддается интерпретации, так и вынужденным, происходящим из невозможности создать иную, более понятную, но столь же креативную форму изложения информации.

По нашим наблюдениям, для привлечения внимания читателя авторы газетных текстов прибегают к разнообразным ресурсам языка и речи, включая стилистические тропы и другие средства реализации лингвокреативности. Отметим, что под лингвокреативностью мы, вслед за И. В. Зыковой, понима-

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН».

ем «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638].

С целью рассмотрения связи креативного и информативного потенциала газетного заголовка в рамках текущей работы была применена методика дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности (см. подробнее о разработке понятия «параметризация лингвокреативности» в [Зыкова, Киосе 2020]); полный список выделенных параметров лингвокреативности представлен в [ЛДРТ: 558–560]). В ходе анализа были выявлены, промаркированы и изучены все элементы лингвокреативности в области морфологии, словообразования, синтаксиса, лексики и орфографии.

Материалом послужила репрезентативная выборка 50 текстов из рабочего корпуса, который был сформирован из статей Британского газетного архива (British Newspaper Archive) на основе англоязычной популярной прессы (включая The Daily Express, The Daily Mail, The Daily Mirror, The Sunday Mirror, The Sun) за период 1990–1999 гг. Такой объем материала для анализа представляется достаточным, поскольку в других выборках, рассмотренных ранее с применением методики исследования, не были установлены значимые отклонения результатов (см. подробнее [Зыкова, Киосе 2020]). Выбор материала продиктован дальнейшими целями и задачами исследования, направленными на диахроническое изучение особенностей реализации лингвокреативности в текстах таблоидов. Рассмотрим полученные результаты.

Итак, как было отмечено ранее, к основным характеристикам газетных заголовков относится информативность в отношении содержания последующей статьи, а также наличие средств реализации лингвокреативности, направленных на привлечение внимания читателя. В ходе исследования было выявлено, что данные характеристики газетного заголовка нередко находятся в своего рода обратной зависимости: чем менее информативен о содержании последующей статьи газетный заголовок, тем он более креативен и, как следствие, примечателен для читателя. Впрочем, такая зависимость может быть установлена не всегда – так, креативный по форме заголовок далеко не всегда является информативным. Исследование материалов рабочей выборки медийных статей из таблоидов позволило выявить 4 модели соотношения креативности (К) и информативности (И) газетного заголовка.

По первой выделенной нами модели строятся креативные газетные заголовки, которые представляются не поддающимися интерпре-

тации в отрыве от последующего текста, а потому не информативными (К+И-). Иллюстрацией данной модели может послужить заголовок статьи из *The Sunday Mirror* от 20 сентября 1998 г. “To boldly go...”. Верная трактовка этого заголовка становится возможной лишь после прочтения первой строки статьи, содержащей продолжение авторской мысли: *In search of a degree*. Данный медийный текст повествует о введении в Гламорганском университете в Уэльсе программы бакалавриата, направленной на изучение инопланетных цивилизаций. В рассматриваемом заголовке, среди прочего, актуализируется такой параметр лингвокреативности, как «синтаксически-смысловая интеграция текста/дискурса в названии», соответственно, он может быть понят читателем лишь в соотнесении с последующим текстом статьи. Подобные заголовки составили менее 5% от материала исследовательского корпуса.

Другая выделенная нами группа включает креативные заголовки, которые могут быть поняты читателем лишь частично (К+И+-). Примером такого рода может послужить заголовок из *The Sunday Mirror* от 21 марта 1999 г. “Lady T for President?”. Вследствие реализации целого комплекса лингвокреативных средств, включая модификацию имени бывшего премьер-министра Соединенного Королевства Маргарет Тэтчер (Lady T), реализацию эллиптической конструкции и актуализацию стилистического приема нарративного вопроса, он привлекает внимание читателя. Вместе с тем, без соотнесения заголовка с текстом статьи реципиенту остается неясным, каким образом становится возможным президентство Маргарет Тэтчер с учетом того, что формой правления в Великобритании является монархия. Ответ на поставленный вопрос содержится в статье: речь в данном тексте идет о президентстве в Европарламенте. Заголовки подобного рода (креативные и частично информативные) составили около 30% от материала рабочего корпуса.

Еще более многочисленны (около 45% заголовков нашей выборки) газетные заголовки третьего типа: они в равной степени информативны и креативны (К+И+). Такие заголовки могут быть интерпретированы реципиентом в отрыве от последующей статьи, поскольку заключают в себе информацию, достаточную для их верной и полной трактовки, но при этом они также содержат определенные элементы лингвокреативности. Примером может послужить статья “Tory workers fuming over smoking ban” из *The Sunday Mirror* от 28 июня 1998 г. Данный заголовок достаточно информативен в отношении содержания статьи и сообщает читателю о негативной реакции, которая последовала от членов партии тори в ответ на запрет курения в переговорных комнатах и коридорах их штаб-квартиры. Заголовок также представляется креативным, поскольку в нем реализуется стилистический прием каламбура,

основанный на многозначности глагола *fume* и одновременной контекстуальной актуализации двух его значений: *злиться* (to be very angry, sometimes without expressing it), что соотносится с негативной реакцией членов партии, и *дымить* (to decompose into air), что указывает на процесс курения, который оказался под запретом (Cambridge Online English Dictionary).

Четвертая группа медийных текстов из нашего исследовательского корпуса включает незначительное количество статей, которым предпосланы сугубо информативные заголовки, не содержащие элементов лингвокреативности и, соответственно, не реализующие апеллятивную функцию (К-И+). К примеру, в заголовке “Earl Spencer ends his silence for BBC” из *The Daily Mirror* от 04 июня 1998 г. заключена вся необходимая информация о содержании последующей статьи: младший брат Принцессы Дианы, граф Чарльз Спенсер, после продолжительного молчания высказался по поводу смерти своей сестры в документальном фильме Би-Би-Си. Данный заголовок представляется сугубо информативным, в нем отсутствуют средства реализации лингвокреативности, что в целом характерно для заголовков информативного типа. Заголовки такого рода менее многочисленны и составили лишь 20% от материалов корпуса.

Итак, в данной статье поджегал исследованию вопрос соотношения таких характеристик газетного заголовка, как информативность и креативность. Было установлено, что наибольшее количество заголовков статей нашего исследовательского корпуса (75% текстов) одновременно креативны и информативны о содержании последующей статьи, различается лишь степень их информативности. Креативные газетные заголовки, которые не содержат информации о тексте последующей статьи (5% исследовательского материала), а также некреативные, но информативные заголовки (20% текстов), по нашим данным, менее многочисленны, что лишь подтверждает идею о комплексном характере реализации заголовка и его широком прагматическом потенциале.

Литература

Зыкова И. В. *Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты*. М.: Гнозис, 2017.

Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 2. С. 26–40.

Карасик В. И. Мистификация как дискурсивный феномен // *Когнитивные исследования языка*. 2022. Вып. № 4 (51). С. 53–59.

Лазарева Э. А. *Системно-стилистические характеристики газеты: дис. ... канд. филол. наук*. Екатеринбург, 1993.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: коллективная монография / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Ювента, 1999.

Online Cambridge English Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

British Newspaper Archive. URL: <http://britishnewspaperarchive.co.uk>

E. S. Shmelyova (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

**NEWSPAPER HEADLINE:
LINGUISTIC CREATIVITY VS. INFORMATIVITY
(based on 90-ies' English tabloid articles)**

The article aims to examine the correlation between the newspaper headline and the article to follow. Proceeding from the study of tabloid articles, four models have been identified specifying the interaction between such characteristics of the headline as linguistic creativity and informativity.

Key words: linguistic creativity, media discourse, newspaper headline, tabloid.

Н. В. Шутёмова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

n.shutemova@spbu.ru

**ИНФОРМАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ДЕКЛАРАЦИЙ
О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ
ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Исследование нацелено на изучение информативной функции деклараций о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия. На основе когнитивно-дискурсивного анализа их корпуса рассмотрена фактологическая, концептуальная и подтекстовая информация, составляющая репрезентируемое в документах специальное знание, систематизируемое относительно доминантного концепта.

Ключевые слова: институциональный дискурс, декларация о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия, виды информации, знание, концепт ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ.

Актуальность проблемы определения видов информации, репрезентируемой в декларациях о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия (далее ВУЦ), связана с осмыслением концептуального пространства обозначенной документации, способов реализации в ней доминантного концепта, репрезентации и трансфера специального знания в дискурсе [Алексеева, Мишланова 2019; Болдырев 2004; Демьянков 2016; Van Dijk 2014]. Декларации ВУЦ составляют один из основных жанров, играющих ведущую роль в лингвистическом обеспечении соответствующего проекта, миссия которого предполагает сохранение природного и культурного богатства мира. Они сообщают о существовании и высокой оценке уникальной достопримечательности, убеждая международное сообщество в ее всеобщей значимости, что позволяет выделить такие их взаимосвязанные функции, как информативная, оценочная, персуазивная, и систему соответствующих дискурсивных качеств. Объективация в декларациях ВУЦ знания, составляющего основное содержание концепта ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ, и осуществляемый ими трансфер знания обуславливает необходимость рассмотрения собственно видов информации, представленных в корпусе документов, размещенных на сайте проекта.

Когнитивно-дискурсивный анализ данного материала позволяет выявить репрезентированность в нем трех основных видов информации, включая содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую. Она организуется относительно дискурсообразующего концепта ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ, во фрейме которого можно выделить следующие слоты: тип объекта (природный, культурный, смешанный), его локация, история, выдающаяся универсальная ценность (например, эстетическая, промышленная, инженерная, геологическая, экологическая), соответствие критериям оценки, подлинность, целостность, защита.

Необходимо отметить, что ключевая роль в этой системе принадлежит понятию «выдающаяся универсальная ценность» (англ. Outstanding Universal Value; франц. Valeur universelle exceptionnelle), определяемому в документации ЮНЕСКО как «бесценное и невозполнимое достояние не только каждого народа мира, но и всего человечества в целом» [Руководство по выполнению Конвенции 2017: 17–18]. Оно означает «культурную и / или природную значимость, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества» [там же: 45], обуславливая сопряжение национально-культурного и универсального в содержании концепта ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ.

Содержательно-фактуальная информация представляет собой эксплицированные данные о географическом положении достопримечательности, ее истории, свойствах, критериях оценивания и требованиях к охране объекта. Такая информация используется не только для его описания, но и в качестве основанной на фактах аргументации для убеждения целевой аудитории.

Репрезентация данного вида информации характеризуется точностью и ясностью, что обеспечивается употреблением лексических единиц в соответствии с их предметным значением, высокой частотностью прецизионной и специальной лексики. Например, в декларации о первом объекте всемирного наследия, которым стал Галапагос [Galapagos Islands], с помощью числительных подчеркивается обширность территории архипелага, указывается площадь Национального парка (7665100 га) и Морского заповедника (133 000 км²), упоминаются значимые даты: посещение островов Ч. Дарвином в 1835 г., публикация его книги «Путешествие на корабле ‘Бигль’» в 1839 г., создание Национального парка в 1959 г. и Морского заповедника в 1986 г.

Особый интерес в рассматриваемом ракурсе представляет и специальная лексика. Например, фитонимы и зоонимы, объединенные в многочисленные многокомпонентные ряды однородных членов, объективируют тезис о богатстве флоры и фауны Галапагоса. Аналогично перечисляются вулканические, сейсмические, геоморфологические, биогеографические, эволюционные, экологические процессы, сформировавшие уникальный объект, демонстрирующий историю планеты и ее современное состояние.

Кроме того, содержательно-фактологическая информация передается посредством имен собственных, номинирующих географические локации, климатические явления, природоохранные законы, выдающихся личностей.

Содержательно-концептуальную информацию составляет реализованное в документах целостное и мотивированное представление об объекте и мерах по его охране, сформированное страной-заявительницей и одобренное ЮНЕСКО. Одним из основных способов системной репрезентации знания о достопримечательностях является структура документа. Она характеризуется стандартизованностью и включает следующие композиционно-смысловые блоки: 1) резюме решения Комитета всемирного наследия о том, что объект обладает ВУЦ (“brief synthesis”); 2) перечень критериев, которым он соответствует (“criteria”); 3) оценку целостности объекта (“integrity”), 4) констатацию его подлинности (“authenticity”); 5) требования к охране объекта и управления им (“protection and management requirements”) [Руководство 2017: 108].

Эпистемический потенциал документации определяется и богатством подтекста, создаваемого импликацией информации, эксплицированной в иных

текстах. К ним относятся, документы ЮНЕСКО, в частности Конвенция [Convention 1972], художественная, научная и публицистическая литература в различных предметных областях, включая историю, географию, геологию, биологию, искусствоведение. В целом репрезентация знания в декларации ВУЦ характеризуется интертекстуальностью, полидискурсивностью, мультимодальностью.

Литература

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Трансфер знания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 521–527.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. Вып. 1 (001). С. 18–36.

Демьянков В. З. Когнитивные техники трансфера знания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 29–32.

Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Париж: Центр всемирного наследия ЮНЕСКО, 2017. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000-369013_rus (дата обращения: 21.02.2020).

Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage Adopted by the General Conference at its Seventeenth Session Paris, 16 November 1972. English Text. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, 1972. URL: <https://whc.unesco.org/archive/-convention-en.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).

Galapagos Islands. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1> (дата обращения: 21.02.2020).

Van Dijk T. Discourse and knowledge. A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

N. V. Shutemova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University,
Perm State University

TYPES OF INFORMATION IN STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES

The research is aimed at studying the informational function of SOUVs. Based on their cognitive-discourse analysis, factual, conceptual and implicit types of information are considered in reference with the special knowledge and dominant concept WORLD HERITAGE represented in the documents.

Key words: discourse, Statement of Outstanding Universal Value, types of information, knowledge, the concept WORLD HERITAGE.

А. В. Эльстон-Бирон (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
eleston@mail.ru

М. Ф. Панченкова (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный университет
путей сообщения
umk_kizt@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ДИСКУРСА «ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ»
(на материале произведений А. П. Чехова)**

В статье рассматриваются лексико-семантические и функционально-прагматические уровни дискурса «Объяснение в любви» в рассказах А. П. Чехова. Выявлено, что когнитивные авторские установки находят отражение в различных вариантах авторской репрезентации ситуации объяснения в любви на уровне лексики, пространственно-временных характеристик и в речи персонажей.

Ключевые слова: дискурс «Объяснение в любви», когнитивная система автора, творчество А. П. Чехова.

Любовь является одним из важнейших феноменов любой культуры, который нередко осмысливается посредством литературно-художественного творчества. Возникнув между двумя представителями какого-либо социума, любовь проходит ряд обязательных этапов в своем развитии, подчиняясь установленным в обществе правилам поведения, отношение к которым открыто или косвенно выражается автором в произведении. Сегодня *литературно-художественный дискурс* трактуется лингвистами-дискурсологами [Манерко 2013; Миловидов 2016; Сапиева 2021] как «художественный текст, синтезирующий в себе языковое воплощение самого процесса художественной коммуникации, обусловленной различными внутренними и внешними факторами, и субъективную оценку реальности писателя» [Сапиева 2021: 29]. В свою очередь, под *любовным дискурсом*, в широком смысле, исследователи склонны понимать «художественное произведение целиком, либо совокупность художественных произведений, в которых любовный дискурс персонажей и/или автора значим для понимания идейного содержания» [Велюго 2016: 10].

Среди прочих знаменательных моментов, которые проходят влюбленные, авторами часто выделяется и описывается ситуация объяснения в любви. В творчестве А. П. Чехова встречается множество репрезентаций

этого важного отрезка действительности. Совокупность таких художественных авторских описаний составляет авторский дискурс «Объяснение в любви». Под ним мы понимаем *открытое и динамическое множество типовых текстовых фрагментов, имеющих один денотат – ситуацию объяснения в любви*. При сопоставлении лексико-семантических и функционально-прагматических параметров дискурса «Объяснение в любви» обнаруживаются когнитивные установки А. П. Чехова при описании одноименной ситуации. Становится возможным проанализировать отношение автора к репрезентируемым им событиям и их участникам. Для произведений А. П. Чехова это особенно важно. Изучение закономерностей его поэтики, видение А. П. Чеховым мира и человека остается и сегодня актуальным вопросом поскольку *чеховская загадка* до сих пор «не может быть свернута к одному яркому и запоминающемуся определению» [Степанов 2005: 368].

Анализ лексическо-семантического уровня дискурса «Объяснение в любви» в творчестве А. П. Чехова показывает, что автор часто обращается к употреблению одних и тех же лексем и дает схожие описания наполнения окружающего пространства. Ситуации объяснения, репрезентированные в рассказах «Дом с мезонином», «Попрыгунья», «Черный монах», «Учитель словесности», «Три года», «У знакомых» объединяются на категориально-лексическом уровне семей *место произрастания деревьев/цветов*: «сад» [Чехов 1977, Т. 9: 190], «парк» [Чехов 1977, Т. 8: 244], «сад» [Чехов 1977, Т. 8: 322], «сад / лес» [Чехов 1977, Т. 10: 21]; семей *время действия*: «ночь» [Чехов 1977, Т. 9: 187], «ночь» [Чехов 1977, Т. 8: 15], «поздно вечером» [Чехов, 1977, Т. 8: 320], «вечерние тени» [Чехов, 1977, Т. 8: 320], «ночь» [Чехов, 1977, Т. 10, 21]. Помещая влюбленных в схожие условия, автор различно конкретизирует предметно-объектную наполненность пространства. При этом объяснение в любви часто происходит на фоне цветов, при свете луны или звезд или под крики птиц: «георгины и розы в цветнике» [Чехов 1977, Т. 9: 190], «цветы, которые сыпались на нее со всех сторон» [Чехов 1977, Т. 8: 15], «тюльпаны и ирисы» [Чехов 1977, Т. 8: 322]; «восходила луна / Часто падали звезды» [Чехов 1977, Т. 9: 187], «В тихую лунную июльскую ночь / за лунной ночью / о лунном блеске» [Чехов 1977, Т. 8: 15], «над садом светил полумесяц» [Чехов 1977, Т. 8: 322], «залитое лунным светом» [Чехов 1977, Т. 10: 21]; «доносился крик кукушки» [Там же]. Кроме того, часто возникающим условием в репрезентации ситуации объяснения является наличие большого старинного господского дома. Чеховские влюбленные находятся либо недалеко от него: «взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом» [Чехов 1977, Т. 9: 187], «быстро-быстро пошла, но не к дому, а дальше

в парк» [Чехов 1977, Т. 8: 244], «на террасе большого дома» [Чехов 1977, Т. 10: 23], либо объясняются в самом доме: «Была в доме комнатка» [Чехов 1977, Т. 8: 320], «Вошли в сени» [Чехов 1977, Т. 9: 19]. Только в рассказе «Попрыгунья» ситуация объяснения разворачивается под ночным небом «на палубе волжского парохода» [Чехов 1977, Т. 8: 15]. Другие примеры, иллюстрирующие когезию дискурса «Объяснение в любви» в произведениях А. П. Чехова, относятся к описанию погодных условий, звучанию музыки. Все это говорит о наличии определенной лексической структуры, на основе которой автор строит ту или иную репрезентацию ситуации объяснения в любви. Являясь каждый раз новой, ситуация повторяется А. П. Чеховым в установленных им самим пространственно-временных ориентирах, которые находят одинаковые или схожие лексические репрезентации. Безусловно, это невозможно без опоры на когнитивную систему автора, в которой благодаря дискурсивному сопоставительному анализу мы очерчиваем границы ментального представления о важном отрезке действительности в жизни любого человека.

На функционально-прагматическом уровне дискурса «Объяснение в любви» отчетливо выделяется реализация речевого акта признания. Выбор варианта непосредственного признания влияет на дальнейшую судьбу влюбленных. В одних случаях А. П. Чехов выбирает для своих персонажей прямое эксплицитное высказывание, вроде «Я безумно люблю вас» [Чехов 1977, Т. 8: 16], «Я вас люблю и уже привык любить» [Чехов 1977, Т. 8: 244] или равное на прагматическом уровне «Если бы вы согласились быть моею женой, я бы всё отдал» [Чехов 1977, Т. 9: 19], либо «он сойдет вниз или позовет ее к себе и наконец объяснится, и оба они будут счастливы» [Чехов 1977, Т. 10: 22]. При такой реализации счастливое совместное будущее влюбленных становится невозможным в силу различных сюжетных обстоятельств. В «Попрыгунье» Ольга Ивановна сознательно соглашается на адюльтер с художником, в чем впоследствии раскаивается. В «Черном монахе» Коврин думает, что объясняется в любви к Татьяне, однако на деле просто манипулирует чувствами девушки. Указание на истинную природу его отношения к возлюбленной заключены в его меркантильно-эгоистических словах: «Не знаю, как я буду обходиться без вас» [Чехов 1977, Т. 8: 244]. Коврину нужна не любимая, но удобная прислуга-приживалка. К сожалению, оба не осознают этого в момент объяснения в любви. Несчастливым остается и Лаптев, невзаимная любовь которого к Юлии Сергеевне выгорела за «Три года» пустой совместной жизни. Подгорин из рассказа «У знакомых» вовсе не осознает, что отказ от объяснения в любви к Надежде является для него метафорическим отказом от самой жизни. Неспособный

на любовь, он остается ходячим мертвецом. Напротив, те персонажи, что под влиянием сильнейших эмоций, захвативших их в момент объяснения, не смогли облечь свое признание в ясную речевую форму, испытывают настоящую любовь и способны жить полноценно. Именно их автор делает думающими и деятельными людьми. Например, в рассказах «Дом с мезонином» и «Учитель словесности» речевой акт признания в любви отсутствует вовсе. А. П. Чехов показывает объяснение через описание неосознанных невербальных действий персонажей под влиянием сильнейших мгновенных эмоций: *«Я снял с себя пальто и прикрыл ее озябшие плечи; она, боясь показаться в мужском пальто смешной и некрасивой, засмеялась и сбросила его, и в это время я обнял ее и стал осыпать поцелуями ее лицо, плечи, руки»* [Чехов 1977, Т. 9: 189] или *«Она откинула назад голову, а он поцеловал ее в губы и, чтоб этот поцелуй продолжался дольше, он взял ее за щеки пальцами; и как-то так вышло, что сам он очутился в углу между шкапом и стеной, а она обвила руками его шею и прижалась к его подбородку головой»* [Чехов 1977, Т. 8: 321]. Дальнейшая судьба таких «молчаливых» влюбленных может оказаться раздельной или совместной, но способность испытать настоящую любовь всегда делает их живыми людьми.

Анализ лексико-семантических и функционально-прагматических особенностей дискурса «Объяснение в любви» в творчестве А. П. Чехова показывает, что автор часто помещает влюбленных в схожие пространственно-временные условия. Ночное и вечернее время, наличие луны и звезд, сад или парк с обилием цветов и криками птиц, звуки музыки, ночные тени, близость большого дома свойственны для чеховской репрезентации ситуации объяснения в любви. Однако схожие условия не являются гарантией настоящей любви. Искренней взаимной любви и полноценной жизни у А. П. Чехова становятся достойны те персонажи, что не используют заготовленных речевых шаблонов и тем более решений. Именно в таких объяснениях автор поддерживает влюбленных, перевоплощаясь на уровне нарратива в стороннего рассказчика или сливаясь с ним. Этим А. П. Чехов устраняется от прямой оценки искренности чувства персонажей. Выводы о глубине чувства необходимо делать читателю. Настоящие чеховские влюбленные молчаливы и действенны. Слова, сказанные при объяснении в любви, получают истинную оценку и раскрывают свой смысл только в контексте целого произведения, а порой только при дискурсивном сопоставлении одного текста с рядом других. Такая подача материала скрывает чеховских персонажей, подталкивает читателя к ошибочным выводам о влюбленном человеке и любви как феномене в произведениях А. П. Чехова. Однако разноразмерный анализ парадигматических связей авторского дискурса

«Объяснение в любви» очерчивает когнитивные установки при описании соответствующей ситуации. Таким образом мы вносим очередную лепту в разрешение *чеховской загадки*.

Литература

Велюго О. А. Дискурс любви или любовный дискурс? Комментарий к терминологическому аппарату // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2016. Серия 4. № 1. С. 1–8.

Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.

Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса. М.: Буки Веди, 2016.

Сатиева С. К. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 27–36.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славян. культуры, 2005.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903. М.: Наука, 1977.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. М.: Наука, 1977.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. [Рассказы. Повести], 1894–1897. М.: Наука, 1977.

A. V. Elston-Biron (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

M. F. Panchenkova (Yekaterinburg, Russia)
Ural State University of Railway Transport

COGNITIVE FEATURES OF THE DISCOURSE “DECLARATION OF LOVE” (based on the works of A. P. Chekhov)

The article deals with the lexico-semantic and functional-pragmatic levels of the discourse “Declaration of Love” in the stories of A. P. Chekhov. It has been revealed that the author’s cognitive attitudes are reflected in various variants of the author’s representation of the situation of declaration of love at the level of vocabulary, spatio-temporal characteristics and in the characters’ speech.

Key words: discourse “Declaration of Love”, author’s cognitive system, A. P. Chekhov.

Н. М. Юрьева (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
o.yuriev@list.ru

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОСТРОЕНИЮ ГИПОТЕЗЫ ОБ ЭВОЛЮЦИИ УСТНОЙ ИСТОРИИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кратко представлены некоторые идеи и результаты исследований, проведенных за несколько последних десятилетий в нарративной области, которые оказали влияние на разработку рабочей гипотезы об эволюции устной истории в речевой деятельности индивида.

Ключевые слова: устная история, рассказывание историй, дискурсивная деятельность, совокупность дискурсивных явлений.

Для гуманитарной науки XXI века тема эволюции и формирования такого на неискушенный взгляд весьма простого феномена в речевой деятельности человека, как рассказывание историй, продолжает оставаться актуальной не в меньшей степени, чем полвека назад, когда обратились к языковой личности, появился постструктурализм с его интересом к нарративу, заговорили о «нарративном повороте», «срастании антропоцентрической и дискурсивной лингвистик» [Седов 1999: 40] и заметном «смещении акцента на дискурс и говорящего человека» [Скребцова 2018: 303]. Наше исследование проводится в русле когнитивно-дискурсивных установок современной лингвистики, подчеркивающей «значимость обращения к процессам познания, когнитивной деятельности, когнитивной системе индивида, роли человека в познавательных и дискурсивных процессах» [Болдырев 2017: 20]. Также мы опираемся на лингводидактическую концепцию «пяти уровней владения языком» [Богин 1984] и концепцию «становления дискурсивного мышления языковой личности» [Седов 1999]. Один из аспектов этой проблемной области связан с вопросами об эволюции и периодах в развитии нарративного дискурса, о характеристиках его сформированности в речевой деятельности человека, важнейшая из которых связана с устными историями – когнитивно-дискурсивным феноменом, определяющим языковую личность.

Рассказывание историй – это, по мнению ученых, самый «мощный» и «действенный» способ, прибегая к которому «люди организуют свои знания об окружающем мире и происходящих событиях», одновременно «осмысливая себя и других людей» [Bruner 1986; Маслов 2020: 17–18]. Согласно Дж. Брунеру, «существуют два способа когнитивного функциони-

рования, два способа мышления, каждый из которых обеспечивает особые способы упорядочивания опыта и конструирования реальности», к которым он относит такие дискурсивные жанры, как «истории и аргументация». По мнению Дж. Брунера, «эти два понятия (хотя и дополняют друг друга) несводимы друг к другу. <...> Хорошая история и хорошо сформулированный аргумент – это разные естественные виды дискурсивного мышления» [Bruner 1986: 11].

В работах последних десятилетий отмечается, что выделенные дискурсивные феномены недостаточно изучены, поскольку большая часть работ «и по историям, и по аргументации в дискурсе основана на письменных источниках» [Саганза 2015: 58]; в качестве «исходной базы для теоретических построений выступали прежде всего письменные литературные тексты» [Сахарный 1991: 221]. Современные работы свидетельствуют в пользу точки зрения, что в устной речи «истории и различные варианты аргументативного дискурса» возникают в ситуациях социального взаимодействия и диалога. Подчеркивается, что даже «в жанрах, не связанных с взаимодействием, аргументация далека от монологической», а повествование признается одним «из основных способов, с помощью которого можно отстаивать свою точку зрения» [Саганза 2015: 58]. Имеются данные, что в речевой деятельности индивида диалог, аргументация, различные нарративы предстают в виде совокупности дискурсивных феноменов, которые «в повседневной дискурсивной практике образуются и изменяются» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 37, 41], создавая разнообразные формы дискурса, которые могут быть взаимосвязаны.

Устная история – это «сложная дискурсивная целостность», воплощающая, с одной стороны, «*процесс* создания смысла» и передачи значимой для рассказчика информации о событии либо ряде событий в виде сложно структурированного дискурсивного продукта, в котором «интегрируются смысловые единицы разных уровней». Поэтому «история – это результативный текстовый *продукт этого процесса*» [Halliday 1982: 209–247]. Рассказывание истории концентрирует в себе прежде всего собственно языковую и текстовую сторону истории, т. е. саму «повествовательную речь как некоторое организованное поле, <...> ограниченное феноменологической фиксацией» отдельных языковых единиц, синтаксических структур и их взаимосвязи при передаче замысла рассказа [Гиндин 1986: 358–362]. Вместе с языковой составляющей в нем задействована внутренняя область когниции и дискурса, скрытых интраязыковых факторов – когнитивно-дискурсивных процессов, включенных в деривативные нарративные процессы, – и экстралингвистических факторов, влияющих на возникновение звучащего дискурса и его осмысление адресатом.

В исследованиях последних лет в противовес доминирующим традиционным нарративным моделям, в которых отдается предпочтение «большим нарративам» [Маслов 2020: 17] и «большим» историям, длинным непрерывным «рассказам о прошлых событиях, историям жизни», обращается внимание на присутствие в речевой деятельности человека большого количества «малых» историй [Georgakopoulou 2006: 130]. Сам термин «малые истории» служит обобщающим термином. Их наличие в устной речи рядовых носителей языка создает основания для включения в «нарративную область» и нарративный анализ спектр «недоопределенных» и «нетипичных» продуктов нарративной деятельности, таких как короткие рассказы о текущих событиях, будущих и даже гипотетических событиях, а также «намекы на рассказы». К важному жанру небольших историй исследователи относят «срочные новости» [Georgakopoulou 2015: 255–256]. Заметим, что на наличие малых нарративных форм («текстов-примитивов») в свое время обратил внимание Л. В. Сахарный, который считал, что они «не укладываются в традиционную теоретическую лингвистику» [Сахарный 1991: 222–223]. Отметим также, что «малая» форма активно используется в поэзии и в литературной прозе, например, в рассказах писателей для маленьких детей.

Наш интерес к «малым» историям связан с идеей о «сосуществовании» в устной речи индивида больших и малых историй. На основе собранных речевых материалов предполагается выделить некоторые конкретные жанры малых историй в устной речи взрослых.

Предпринятый краткий обзор подвел нас к гипотезе, что нарративная деятельность представляет собой неоднородный дискурсивный процесс, в котором языковая личность выражает свое осмысление происходящих, прошедших либо возможных событий в разнообразных сосуществующих дискурсивных продуктах и формах, образующих некоторую гибкую дискурсивную совокупность, складывающуюся в социальной жизни человека и его взаимодействии с окружающими людьми.

Литература

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 20–81.

Гиндин С. И. Риторика и проблемы структуры текста // Ж. Дюбуа, Ф. Менге, Ф. Эделин, Ф. Пир и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. С. 355–364.

Маслов Е. С. Что такое нарратив? Казань: изд-во Казанского Университета, 2020.

Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221–237.

Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.

Юрьева Н. М. Интерактивное порождение устной истории ребенком при участии взрослого // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 159–180.

Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1986.

Carranza I. E. Narrating and arguing. From plausibility to local moves. The Handbook of narrative analysis. UK: John Wiley and sons, 2015. P. 57–75.

Georgakopoulou A. A small stories research. Methods – analysis – outreach // The Handbook of Narrative Analysis. UK: John Wiley and sons, 2015. P. 255–271.

Halliday M. A. K. How is a text like a clause? // Text processing. Text analysis and generation. Text typology and attribution. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1982. P. 209–247.

N. M. Yurieva (Moscow, Russia)

Institute of linguistics,

Russian Academy of Sciences

**A FEW TOUCHES TO THE CONSTRUCTION
OF A HYPOTHESIS ABOUT THE EVOLUTION
OF ORAL HISTORY IN SPEECH ACTIVITY**

The article briefly presents some ideas and results of studies conducted over the past few decades in the narrative field, which have influenced the development of a working hypothesis about the evolution of oral history in the speech activity of an individual.

Key words: oral history, storytelling, discursive activity, a set of discursive phenomena.

ХИ. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова
(Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
larissapsu@gmail.com,
mishlanovas@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Данная статья нацелена на раскрытие когнитивных взглядов на понимание текста при переводе. Процесс перевода трактуется как когнитивная реконструкция переводчиком исходного текста, основанная на понимании смысла. Освещаются проблемы, связанные с применением техник понимания при переводе. На основе анализа современных стратегий и тактик понимания в конкретных переводческих ситуациях предлагается модель переводческих действий.

Ключевые слова: техники понимания текста, перевод, компрессия текста, моделирование, схематизация.

Для лингвокогнитологии проблема понимания текста особенно актуальна, поскольку именно в данной науке разрабатываются когнитивные практики, основанные на техниках его понимания [Богин 2001, Новиков 2000 и др.]. В сферу исследования современных когнитивных наук попадает проблема понимания разных типов текста, включая текст перевода. Безусловно, понимание как вид мыслительной деятельности, свойственно для любой работы с текстом, поскольку мы не можем воспринимать текст, не понимая его. Для переводчика научного текста понимание составляет особую задачу: оно является стратегией успешного перевода.

Проблемы понимания переводимого текста сформировались в ходе практики перевода, уходящей корнями в 1 в. до н. э. (Цицерон, Гораций), IV в. н. э. (Св. Иероним Стридонский) [Алексеева 2022: 28]. Когнитивные аспекты понимания текста перевода зародились в середине XX века в исследованиях В. Беньямина, считавшего, что перевод всегда несет в себе нечто

большее, чем просто передача содержания исходного текста. По его мнению, исходное содержание достигает в тексте перевода более полный расцвет [Беньямин 2012: 257].

Вопросы понимания переводимого текста наиболее остро сформулированы в исследованиях Г. И. Богина, который трактует понимание как стремление к освоению содержательности текста. Исследователь осуществляет это с помощью понятия *рефлексии*: *Понимание – одна из организованных рефлексии, и готовность к пониманию достигается через обучение рефлексии, обученность рефлексии, владение рефлексивными техниками понимания* [Богин 2001: 14]. Исследователь полагает, что, хотя пониманию нельзя научить, ему можно научиться после овладения рефлексией. По Г. И. Богину, приемы понимания («техники понимания») – это перевыражения рефлексии. Все техники понимания рефлексивны уже по определению [Там же: 17].

Мы разделяем мнение Ю. А. Сорокина о том, что переводчик живет в состоянии постоянной рефлексии, оценивая себя и автора исходного текста, не сомневаясь в нем и в самом себе [Сорокин 2003: 265].

Особое значение для проводимого исследования приобретает идея о том, что исследование текста и его проблем в новых аспектах не может быть механистическим, поскольку это качественно видоизменяет предмет исследования и пересматривает систему традиционных понятий и терминов [Мурзин 1991: 3]. В этой связи когнитивные аспекты понимания текста при переводе ассоциируются с новыми направлениями, базирующимися на раскрытии роли человека, осуществляющего перевод, и поэтому предполагают разработки новых техник понимания текста, отвечающих запросам современной науки [Алексеева 2022; Алексеева, Мишланова 2022а, б].

В нашем исследовании мы приходим к выводу, что понимание текста требует формирование таких когнитивных навыков, как *компрессирование* текста, *моделирование* исходного смысла и *схематизация* понятого содержания. Термин «понимание» определяется не столько как умение установить набор дифференциальных признаков объекта, сколько как способность *построить действующую модель* явления или объекта [Алексеева 2022: 9].

Механизм компрессии текста соотносим с его пониманием. Структура развернутого текста представляет собой сложную темо-рематическую последовательность. При разработке компрессированного текста исходная цепочка связей упрощается [Мурзин, Штерн 1991; Сахарный 1994]. Когнитивный смысл исходного текста сложноструктурен и выявляется главным образом путем всестороннего анализа и понимания текста.

Моделирование как основа понимания текста является главной целью и техникой данного процесса. Когнитивный взгляд на понимание текста предполагает умение конструировать ментальные модели, соответствующие концептуальному содержанию исходного текста. В когнитивном аспекте доминантой научного перевода становится понимание научного и профессионального знания.

Методика обучения переводу текста основывается на положении о том, что смысл любого научного концепта соотносится с ментальными моделями, эксплицитно выраженными в тексте.

Если согласиться с тем, что содержанием любого текста является история проблемы, события или концепта, то тогда в основе текста, можно полагать, лежит ментальная модель, выполняющая роль сюжета. Процесс сюжетизации соотносится, в нашем представлении, со схематизацией содержания исходного текста.

Анализ когнитивных сложностей при переводе позволяет выявить объективные трудности и риски в переводе:

1. Непосредственное описание самого процесса перевода – одна из сложнейших задач теории перевода, нуждающейся в добротных аналитических выводах.

2. Большинство процессов, происходящих в голове переводчика, проходят бессознательно и не поддаются описанию.

3. Именно эти трудности не позволяют напрямую связать теоретическую установку переводчика с самой практикой.

Помимо объективных сложностей понимания мы учитываем его субъективную сторону. Поскольку главным и единственным источником текста перевода является сам переводчик, то процесс понимания исходного текста имеет субъективный характер [Алексеева, Мишланова 2016, 2019]. В ходе создания ментальной модели реализуется индивидуальный опыт языковой личности.

Процесс мышления можно определить по фиксированным состояниям, т. е. по продуктам мысли. При этом фиксируются последовательность и связь этих меток. Анализ зафиксированных смысловых меток позволяет выявить определенные комбинации. Это служит основанием изучения строения процесса мышления и действий переводчика.

Таким образом, когнитивный аспект понимания текста при переводе позволяет сформировать следующие выводы:

– когнитивные исследования переводческой деятельности вплотную приблизились к решению вопроса о необходимости разработки техник понимания текста в переводе;

– понимание исходного текста является опорой построения текста перевода;

- понимание текста – это комплексный навык, охватывающий множество знаний и умений, центральными из которых выступают компрессия исходного текста, трансформация, сюжетизация и др.;
- техники понимания основаны на таких умениях переводчика, как актуальное членение предложений, работа с предикативными комплексами, реконструкции и выведения исходного знания, заложенного в исходном тексте.

Литература

Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Иностранные языки и литературы. 2010. Вып. 1 (7). С. 45–51.

URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/science/uchebnie-posobiya/alekseeva-effektivnoe-ispolzovanie-tehnik-ponimaniya-pri-perevode.pdf>

Алексеева Л. М. Эффективное использование техник понимания при переводе: учебное пособие. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/alekseeva-effektivnoe-ispolzovanie-tehnik-ponimaniya-pri-perevode.pdf>

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Переводческая компетенция (семиотический аспект) // Индустрия перевода: материалы VIII Международной научной конференции. 6–8 июня 2016 г. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2016. С. 163–169.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Трансфер знания в переводе как вызов современного сетевого общества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 41–53.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Понятие переводящей личности в когнитивном переводоведении // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 3(50). С. 649–652.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Трансфер знания: инновации и технологии. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022б. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Alekseeva-Mishlanova-Transfer-znaniya-innovacii-i-tekhnologii.pdf>

Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сборник статей. М.: Изд-во РГГУ, 2012.

Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М, 2001.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991.

Новиков А. И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М.: Мысль, 2000. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-4.html

Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – Текст – Культура: сборник научных статей. Екатеринбург: Ин-т развития регионального образования, 1994. С. 7–59.

Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003.

L. M. Alekseeva, S. L. Mishlanova

(Perm, Russia)

Perm State University

COGNITIVE ASPECT OF TEXT COMPREHENSION IN TRANSLATION

The article is aimed at revealing cognitive views on text comprehension in translation. The translation process is viewed as a cognitive reconstruction of the source text by the translator, based on sense comprehension. The problems associated with the use of comprehension techniques in translation are highlighted. Based on the analysis of modern strategies and tactics of understanding in specific translation situations, a model of translation actions is proposed.

Key words: comprehension techniques, translation, text compression, modeling, schematization.

В. Н. Алесенкова *(Саратов, Россия)*

Саратовская государственная консерватория

имени Л. В. Собинова

alesenic@gmail.com

КОНЦЕПТЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА В ЛИРИЧЕСКИХ ДРАМАХ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Исследование представляет собой опыт моделирования концептов внутреннего мира на основе семантического анализа трех пьес А. Блока: «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка». Метаязыковая интерпретация символических образов души позволила автору сконструировать ряд метафорических концептов и их мифические проекции.

Ключевые слова: концепт ДУША, концепты внутреннего мира, познание, драмы Блока.

Искусство является *средством познания, и в первую очередь, познания человека* [Лютман 2000: 131]. Концептуализация знаний о «внутреннем» человеке на материале произведений искусства не только не теряет своей актуальности, но сфера исследований даже расширяется от вербальных (поэтические тексты) до невербальных (кино- и сценические образы) форм репрезентации. Если в работах М. В. Пименовой [Пименова 2001] и О. Н. Кондратьевой [Кондратьева 2004] концепты внутреннего мира из-

учались на базе метафор естественного языка и были сконцентрированы в словах *душа*, *сердце* и *ум*, то моделирование аналогичных концептов на основе метаязыковой интерпретации образов-символов в контексте драматического действия, гипотетически, приводит к другим результатам. Благодаря своей *динамической сущности* [Тарасова 2019: 69] символ может быть не менее значимым, чем метафора, *средством понимания концепта* [Лакофф 2004: 42].

Созданные в 1906 году символистские пьесы Александра Блока «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка» были определены самим автором как *лирические*, поскольку подразумевали представленные в драматической форме внутренние переживания одного человека, его «разные стороны души» [Блок 1981: 384]. Трижды протагонист-Поэт (в «Балаганчике» это Пьеро) действует в символическом пространстве инобытия или сновидения и репрезентирует ментальный образ «внутреннего» человека в его диалектическом противоречии. Это позволяет рассматривать трилогию Блока, с учетом некоторого объема критических статей, как феномен индивидуально-авторского дискурса, к которому можно применить метод когнитивно-семантического анализа, отводя исследователю *активную роль в формировании значений и выборе языковых средств выражения* [Болдырев 2014: 33].

Ключом к когнитивно-семантическому разбору объектов и событий пьесы «Балаганчик» становится концептуальная метафора «мир – балаган» и вытекающая из нее: «люди – куклы». В контексте авторской интерпретации, *жизнь* – это иллюзия, маскарад, спектакль, ограниченный бутафорскими стенами, за пределами которых ей – физической жизни – противопоставляется уже неподдельная метафизическая реальность – *смерть*. Люди представлены внутри «балаганной» структуры манекенами, масками, марионетками, куклами и их двойниками, что дает основание объединить данные характеристики в синтетический концепт ЛЮДИ-КУКЛЫ с его идеей кукольно-марионеточной сущности людей, подменяющей человека духовного неким неодушевленным принципом, свойственным множеству, как антитезе индивидуальности.

Носителями принципов «внутреннего» человека, репрезентируемого в языке концептом ДУША, в разной степени являются три персонажа (Пьеро, Арлекин и Коломба). Рассматривая Пьеро и Арлекина как противоположные аспекты одной души, можно заметить, что когда торжествует грубый шут, утонченный поэт превращается в «сломанную куклу», а когда Арлекин выпадает в окно, разрушив иллюзию балаганного мира, для Пьеро открывается возможность вдохновенного перехода в другую (внешнюю) реальность – в Смерть, отождествляемую с Вечностью. Образ

души как «сломанной куклы» (горизонтальное положение персонажа в пространстве) отражает внутреннюю опустошенность, «душевную пустоту», возникновение которой совпадает с замещением образа возлюбленной (Коломбины) образом изменницы – «картонной невесты». И напротив, явление возлюбленной в новом качестве (Смерть-Коломбина) сопровождается наполнением души жизненной силой и энергией (вертикальное передвижение персонажа в пространстве). Таким образом, душа мыслится некой пассивной сущностью, оболочкой, которая поочередно вмещает управляющие ею субстанции позитивного и негативного плана. Если в мире-театре Шекспира мужчины и женщины все еще играют роли по Замыслу божиему, то в мире-балагане Блока, отгородившись от Замысла и потеряв связь с высшей реальностью, они становятся пародией на людей – безликой и безымянной чередой масок.

Восприятие авторской картины мира в пьесе «Король на площади» опирается на концепты пространства – ВНУТРИ / СНАРУЖИ, ВЕРХ / НИЗ, которые преимущественно «основаны на физическом и культурном опыте» [Лакофф 2004: 35]. «Внутренняя» ЖИЗНЬ человека в пределах острова-города обозначена как страдание и мучительное ожидание смерти или спасения «извне» в образе кораблей, на встречу которых брошены все силы. Город решен как стандартная «вертикаль власти». «Верх» – гранитный Король на троне (неизменный закон, установленный Творцом). «Низ» – площадь (территория чаяний, страхов и страстей «безумной толпы»). Особое значение отводится в пьесе месту пересечения миров (у кромки моря), где условная душа, символизируемая Поэтом, общается с Зодчим (Творец, Отец), поддается очарованию его Дочери (вера в чудо, мечта о спасении / свободе) и сталкивается со своим антиподом Шутом (интеллект, ум).

Концептуальная основа души включает вербальное и невербальное осмысление образа. В вербальной интерпретации, душа трактуется как способ коммуникации – *бесмысленное певучее существо* [Блок 1981: 33], инструмент, который лишь озвучивает толпе мысли тех, кто его настраивает, будь то Всевышний, интеллект или желание. В невербальном контексте представление о душе основано на действиях в сакральном пространстве «вертикали». В пассивном состоянии она пребывает «внизу»; под воздействием интеллекта активизируется на уровне толпы; окрыленная мечтой о свободе, стремительно поднимается «вверх» к манящему предмету желания и на миг возвышается *над* Королем. Так, установленный свыше порядок вещей нарушается, спасение подменяется общим стихийным порывом к свободе, и свобода реализуется как *смерть*, разрушение и гибель всего города – формы жизни.

Следует отметить характерную двойственность образов внутреннего мира, заложенную автором. Энергетический стимул (вера / мечта) проявлен в двух аспектах: высшем (как царственная «дочь Зодчего», святая, спасительница) и низшем (как нищая «дочь толпы», колдунья, обманщица). Так, изначальная идея Творца как бы искажается в процессе коммуникации. Интеллект (ум) становится двойником души – трикстером, полным противоречий. Одновременно «Здравый Смысл» и хитрый «ловец человеков», Истина и молва, «добрый пастырь» и «страшная кара», он скрывает обличье Шута под рясой священника и первым покидает символический город.

В пьесе «Незнакомка» ЖИЗНЬ, согласно авторскому замыслу, мыслится как видение или сон, в котором душа получает фрагментарное отражение на пересечении двух сфер бытия – небесной и земной. Рациональный (земной) план представлен рассуждениями обывателей – похожих друг на друга завсегдатаев кабачков и гостиных. План иррациональный (небесный) отождествляется с властью стихии. Условный переход сознания в иную реальность отмечен семантическими признаками смерти – зима, ночь, забытье, дуга моста, снег.

Лирический герой (Поэт) в процессе перехода претерпевает ментальную трансформацию – возникает в трех ипостасях: Голубой (светоносная сущность, поэт-рыцарь), Звездочет (астральный мыслитель, поэт-ученый) и Господин в котелке (двойник с низменными желаниями, рифмоплет). Главным событием становится падение звезды Марии и появление на земном плане небесной гостьи – Незнакомки. Для Поэта она останется неузнанной *прекрасной дамой*, не постигнутой высшей реальностью, потому что светлая часть его души скована дремотой, она слишком пассивна и не может препятствовать мистической подмене образа Вечной Женственности образом падшей женщины. Здесь уводящий деву-звезду Господин коррелирует с Арлекином, так же увлекающим в «морозный туман» невесту друга в «Балаганчике», однако место Арлекина рядом с Поэтом на заснеженной аллее занимает интеллектуал Звездочет. Творчество Поэта на рациональном плане не озарится светом иного мира, но обряд инициации души заложен в ментальной схеме ПЕРЕХОДА – метафизической смерти (падение в материю) и последующем возрождении (вознесение в небо) Звезды, что можно считать позитивной трансформацией образа. Находясь в сфере пересечения миров, душа представляется особым измененным состоянием, в котором ее содержимое спонтанно проецируется из одного мира в другой. В этом контексте *смерть* мыслится пробуждением.

Резюмируя эмпирические данные, можно сделать вывод, что основной единицей знания о внутреннем мире в лирических драмах А. Блока явля-

ется обобщающий концепт ДУША. В индивидуально-авторской картине мира он формируется на основе трех так называемых концептуальных метафор: «душа – вместилище», «душа – канал связи», «душа – переход». Функциональные и онтологические сущностные характеристики образа души позволяют осмыслить выявленные метафорические концепты как проекции метафизических принципов, репрезентируемых в языке словами: «вмещение», «иерархия», «отражение», «цикличность». Так, перечисленные принципы становятся структурными элементами *мифических* концептов АМБИВАЛЕНТНОСТЬ и ТРИЕДИНСТВО, как комплекс ментальных сценариев взаимодействия трансцендентных величин.

Литература

Блок А. Собрание сочинений. Т. 3. Театр. 1906–1919 / редкол. М. Дудин и др., сост. и прим. В. Орлова. Л.: Худож. лит., 1981.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в Русских Летописях (на примере концептов душа, сердце, ум): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.

Тарасова Т. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: ИНФРА-М, 2019.

V. N. Alesenkova (Saratov, Russia)
Saratov State Conservatoire
named after L. V. Sobinov

THE INNER WORLD CONCEPTS IN THE LYRIC DRAMAS BY A. BLOK

The article studies the process of modeling the inner world concepts based on the semantic analysis of three dramas by A. Blok: *The Little Show-Boot*, *The King in the Square* and *A Stranger Lady*. The author makes a metalinguistic interpretation of symbolic images of the soul, which allows constructing a number of metaphorical concepts and their mythical projections.

Key words: concept SOUL, inner world concepts, cognition, dramas by Alexander Blok.

А. З. Атлас (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
anna_atlas@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ И ВИЗУАЛЬНЫЙ КАНАЛЫ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА-ИСТОЧНИКА ПРИ ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Статья посвящена исследованию вербальных и визуальных кодов, посредством которых может передаваться «сильная» история, рассказанная в тексте-источнике, волшебной сказке, при его вторичной репрезентации и роли этих каналов передачи информации в раскрытии потенциального смысла сказки.

Ключевые слова: вторичный текст, исходный текст, реинтерпретация, волшебная сказка, мотив, вербальный код, визуальный код.

Интерес к феномену вторичности в текстообразовании носит неслучайный характер: доля текстов, которые возникли в результате обращения к некоему другому тексту, чрезвычайно велика в информационном пространстве. Трудно не согласиться с мнением Н. Н. Болдырева и Л. В. Бабиной, что необычайное разнообразие и разнородность вторичных явлений создает трудности для их системного описания [Болдырев, Бабина 2001].

В основе создания вторичного текста любой функциональной принадлежности лежат деривационные отношения: вторичный текст создается путем преобразования исходного текста. Механизмы порождения первичного и вторичного текстов различны, для их запуска нужны разные движущие силы. Для порождения первичного текста таковым является авторский замысел; его формированию предшествует тема-понятие. Восприятие первичного текста, направленное на его понимание, сопровождается свертыванием. Результатом такого свертывания является тема данного конкретного текста, которая запускает механизм создания вторичного текста и управляет процессом его развертывания [Новиков, Сунцова 1999].

Эта четкая схема осложняется, когда вторичной репрезентации подвергается художественный текст, ведь *исходный текст всегда предстает в качестве комплекса сюжетных мотивов, акцентуация которых зависит исключительно от точки зрения воспринимающего сознания* [Волкова, Приходовская 2020: 169; см. подробнее: Атлас 2021]. Немаловажно и то, что, скажем, у волшебной сказки, которая является объектом исследования, исходный текст, *Ur-text*, не подлежит восстановлению. Сказочные сюжеты бродячие, и они бытуют во множестве вариантов. Непросто проследить, как

из этого множества версий автор осуществляет отбор сюжетных мотивов истории для ее вторичной репрезентации, а от каких он отказывается.

Кроме того, история может быть изложена с помощью различных материальных каналов связи, по которым передается информация. Сюжет про Золушку можно передать не только вербально – как рассказ, стихотворение и т. д., но и невербально – как балет, опера, художественный фильм, мультфильм, иллюстрация, комикс, пантомима [Chatman 1980]. Трудно не согласиться с утверждением Клода Бремона о том, что любое повествование содержит слой автономного значения, которое может быть выделено из совокупного смысла сообщения и переведено из одного канала передачи информации в другой, не потеряв основных, опорных свойств [Bremond 1964].

Так, история о Синей Бороде существует во множестве вариаций, переданных с помощью вербального и невербального кодов. Обратившись к ней в своем рассказе “Alien Territory” (1992), Маргарет Атвуд задействует три варианта истории – либретто Белы Балажа к опере Белы Бартока «Замок герцога Синяя Борода» (Балаж, в свою очередь, использовал при написании либретто драму Мориса Метерлинка «Ариана и Синяя Борода») и более известные версии – сказки Шарля Перро и братьев Grimm. Один из исследователей творчества венгерского композитора замечает относительно литературной основы оперы, что сюжеты, которые в сказочной форме рассказывают устрашающе невероятные вещи об отношениях между мужчиной и женщиной, никогда не теряют интереса. Ядро истории освобождается от исторических и пространственно-временных подробностей и легко переносится из эпохи в эпоху [Уйфалуши 1971].

В соответствии с оперным либретто, Юдифь сбегает с Синей Бородой в его таинственный замок. Она любит этого могучего рыцаря вопреки тому, что его имя наводит ужас на всю округу. Атвуд отбирает из либретто мотив исцеляющей любви для своей версии истории о Синей Бороде: *Believe it or not, [she] was in love with him, even though she knew he was a serial killer. She roamed over the whole palace... looking for clues for his uniqueness. Because she loved him, she wanted to understand him. She also wanted to cure him. She thought she had a healing touch* [Atwood 1994: 104]. В том, как Атвуд вводит этот мотив, сквозит ироничное отношение к главной героине. Об этом свидетельствует метакомментарий (*believe it or not*), который предваряет протокольное изложение мотивов ее замужества с помощью подчеркнуто упорядоченного, неразвернутого синтаксиса (*she knew, she roamed, she loved, she wanted, she thought she had*) и характеристика Синей Бороды как серийного убийцы с позиций современного, рационального человека (термин был введен в научный оборот Робертом Ресслером, спецгентом ФБР, в 70-е годы XX века).

В прологе либретто теще обращается к публике с вопросом: *The curtain of your eyelids is raised: Where is the stage: outside or within, ladies and gentlemen?* [Balazs]. Ответ дается однозначный: место действия не снаружи, а внутри. Становится понятно, что сюжет о замке Синей Бороды трактуется так, что действие разворачивается в сфере психологии; закрытая душа человека метафорически уподобляется замку или запретной комнате в нем. Метерлинк выразил эту мысль так же – метафорой: *У каждого из нас в глубине души есть закоулок Синей Бороды, который не следует открывать* [СЭ 2005: 438]. Героиня рассказа “Alien Territory” стремится овладеть знанием об этой чужой, неведомой ей территории – alien territory. В результате постижения тайны “территории души” другого ей, подобно Юдифи из либретто, грозит участие предшественниц.

В версии Атвуд нет однозначной развязки, однако тональность последних строк мрачная. Синяя Борода ведет жену за собой, спрашивая ее: *I warned you. Weren't you happy with me?.. Where are we going? she said, because it was getting dark, and there was suddenly no floor. Deeper, he said* [Atwood 1994: 105]. Вместо привычного по версиям Перро и братьев Grimm счастливого конца, в котором героиня за счет собственной смекалки или помощи родных избегает грозящей ей смерти, Атвуд, используя в завязке мотивы из этих версий, возвращается к мотивам из либретто, закольцевав ими свой рассказ. В нем замок теряет свойство неотъемлемого пространственного атрибута сказки; его значение переносится в сферу психологии: замок становится символом вместилища неумных, губительных желаний человека.

Как справедливо отмечает Е. М. Масленникова, *возможность сосуществования N-множества интерпретаций одного и того же текста и получения потенциально новых его (ре-)интерпретаций поддерживается вариативностью языковой системы на всех ее уровнях* [Масленникова 2015: 40]. Вместе с тем, сама эта система накладывает определенные ограничения для вольной интерпретации. Как уже отмечалось, «сильная» история имеет слой автономного содержания, опорные моменты, которые позволяют транспонировать изначально вербальный канал передачи информации в иной. В качестве примера рассмотрим иллюстрации Уолтера Крейна, известного английского художника и дизайнера, к сказке о Синей Бороде, сделанные им в конце XIX века [Bluebeard 1873]. Издатель книги дает нам возможность не только прочесть сказку, но и рассмотреть иллюстрации к ней, а художник, по определению интерпретатор иллюстрируемого им словесного материала, предлагает нам взглянуть на свое видение темы этой первоосновы.

Внимательный читатель заметит, что Крейн рисует героиню сказки на фоне картины, изображающей библейский миф об искушении в эдемском саду. Эта геральдическая конструкция, текст в тексте, позволяет читателю,

вслед за Крейном, провести параллель между сказочным сюжетом и библейским мифом и увидеть соответствие между Евой и героиней сказки. И тогда роли персонажей и атрибутов сказки начинают восприниматься таким образом: жена Синей Бороды, подобно библейской Еве, жаждет обладать знанием, скрываемым мужем; Синяя Борода действует подобно богу в своем стремлении единолично обладать этим знанием и запрещает жене овладеть «запретным плодом»; запретная комната, в которую заходит, послушавшись мужа, сказочная героиня (подобно библейской Еве, нарушившей из любопытства запрет бога), уподобляется древу познания, дающему человеку знание. И, наконец, это знание, в котором «много печали», может погубить. В иллюстрации к сказке художник пытается раскрыть психологическую подоплеку рассказанной в ней истории и постичь ее тему и иносказательный смысл, и его невербальная интерпретация сюжета о Синей Бороде перекликается с пониманием этого сюжета у Агвуд, которая опирается в том числе на либретто Балажа со схожей смысловой линией.

Таким образом, когда писателем или художником производится отбор элементов исходного текста, которые они стремятся акцентировать, исходя из их значимости, для рассказываемой истории, сквозь нарративный материал проводится смысловая линия, которая выделяет одни элементы и оставляет другие в стороне. Такие вторичные тексты, не смотря на разницу в каналах передачи информации, могут в смысловом отношении группироваться в синонимический ряд; их близость определяется тем, каким образом интерпретаторы выделяют тему исходного текста. Сравнение вербальной и визуальной версий одной и той же истории может пролить свет на потенциальный смысл текста-источника, волшебной сказки, раскрываемый при его вторичной репрезентации.

Литература

Атлас А. З. Демифологизация культурных конструкторов волшебных сказок в рассказах Анжели Каргер // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 182–190.

Болдырев Н. Н., Бабина Л. В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 4. С. 79–86.

Волкова П. С., Приходовская Е. А. «Нетерпение сердца»: интерпретация и реинтерпретация // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 165–177.

Масленникова Е. М. Оценочность и интерпретирующий диапазон художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 39–46.

Новиков А. И., Сунцова Н. Концептуальная модель порождения вторичного текста. [Электронный ресурс] // Обработка текста и когнитивные технологии. 1999. № 3. С. 158–166. URL: <http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-77>

- СЭ – Сказочная энциклопедия. М.: Олма-пресс, 2005.
Уйфалуши Й. Бела Барток. Жизнь и творчество. Будапешт: Корвина, 1971.
Atwood M. Alien Territory // Atwood M. Good Bones and Simple Murders. New York: Talese; Doubleday, 1994. P. 95–108.
Balazs B. Bluebeard Castle. Libretto / transl. by Ch. Hassall. URL: http://www.powell-pressburger.org/Reviews/64_Bluebeard/Words.html
Bluebeard. London, New York: Routledge & Sons, 1873. URL: <http://www.library.si.edu/digital-library/book/bluebeard00cran>
Bremond C. Le message narrative // Communications. 1964. № 4. P. 4–32.
Chatman S. What Novels Can Do That Films Can't (and Vice Versa) // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. № 1. P. 121–140.

A. Z. Atlas (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

VERBAL AND VISUAL CODES AS SOURCES OF MEANING IN A TWICE-TOLD TALE

The article examines the verbal and visual codes through which a “strong” story told in the source text, a fairy tale, can be conveyed in its secondary representation and the role of these information transmission channels in revealing the potential meaning of the tale.

Key words: twice-told tale, textual precedent, reinterpretation, fairy tale, motif, verbal code, visual code.

Н. В. Бадаева (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России
n.badaeva@my.mgimo.ru

КОНЦЕПТЫ ЦИФРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СМИ ГЕРМАНИИ

Объектом внимания в статье является концептосфера СМИ Германии в начале XXI века. Уточняется представление о ядерных и периферийных концептах, выдвигается гипотеза об эквивалентности понятия «тег» в СМИ понятию концепта в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, представляются результаты статистического анализа тегов статей экономического содержания.

Ключевые слова: концепт, масс-медиа Германии, экономический дискурс, тег, облако тегов, цифровые СМИ.

Значительные структурные изменения общества в начале нового тысячелетия обуславливают стремление ученых к рассмотрению дискурса СМИ в рамках современной лингвистической парадигмы, уточнению особенностей его функционирования в условиях новых трансформаций.

В ряду последних особое значение имеет широкомасштабная цифровизация всех сфер общественной и частной жизни, которая ставит СМИ перед необходимостью реагировать на новые вызовы, в числе которых рост компетентности участников дискурса, сопряженный с профессиональной деятельностью и личными потребностями в информировании о событиях в мире и в их качественных интерпретации и анализе. Такое взаимодействие СМИ и аудитории обуславливает коллективный, либо индивидуализированный характер как первичной, так и вторичной языковой интерпретации фактов объективной реальности [Болдырев 2022: 358], а также ее концептуализации и категоризации: язык помогает закрепить новое знание и способы его осмысления и толкования в виде концептов и систематизировать полученную информацию в виде определенных рубрик опыта – категорий [Болдырев 2018: 45].

Ввиду сказанного данное исследование задумывалось с целью описать и охарактеризовать концептосферу немецкоязычных масс-медиа начала XXI века в рамках когнитивно-дискурсивного подхода.

Была выдвинута гипотеза, суть которой заключается в том, что теги информационных и аналитических статей как вербальное выражение идентификатора категоризации данных в информационно-поисковых системах масс-медиа могут выступать маркерами концептов концептосферы дискурса СМИ.

Понятия «концепт» и «концептосфера» являются важными понятиями в когнитивной лингвистике. Концепт рассматривается как обобщенная мыслительная единица, отображающая и трактующая явления объективной действительности в зависимости от образования, личного, профессионального и социального опыта носителя язык [Лихачев, 1991: 280–287], как *квант знания* [Кубрякова 1996: 90], а концептосфера – *воплощение культуры народа* [Лихачев, 1993: 3–9]. В целом, подавляющее большинство определений концептосферы сводятся к тому, что под этим явлением в самом широком смысле понимается некое структурированное пространство, состоящее из концептов, и обладающее определенными обязательными признаками, такими как ядро и периферия, а также национальная и культурная обусловленность.

Кратко охарактеризуем собственное представление о концептосфере. На наш взгляд, на современном этапе оправданным, а также более наглядным является сравнение концептосферы и так называемого «облака» (англ.:

«cloud storage») в терминах современных цифровых технологий. Это, скорее, некое диффузное образование, не имеющее четкой формы и обладающее определенными структурными элементами, отдельные части которого могут дискретно разворачиваться или же свертываться в зависимости от состояния потребностей общественного сознания.

Исходя из этого тезиса, стоит уделить внимание таким понятиям, как «тег» и «хэштег». Термин «тег» в современной кибернетике служит элементом разметки текста, в более же широком понимании, не связанном со специальными областями знания, обозначает идентификатор для категоризации, маркировки, поиска данных в информационно-поисковых системах. Фактически это дескриптор, выраженный словом или словосочетанием, то есть лексическая единица, которая служит для обобщения смысла отдельного текста. В электронных версиях современных масс-медиа на титульной странице, как правило, представлены облака тегов [Halvey, Keane, 2007: 1314]. Цель облака тегов – категоризировать темы каждого конкретного медиа-ресурса и облегчить читателю нахождение текстов по определенной тематике, поскольку любое слово или словосочетание из этого облака тегов является прямой ссылкой на один или множество текстов, связанных с определенной темой.

Однако, если рассмотреть теги и облако тегов с позиций теории концептов и концептосферы, то, на наш взгляд, вполне обоснованным выглядит предположение, что облако тегов как раз и представляет собой эквивалентное концептосфере образование, а теги – ее содержимое. Гипотетически, если мы заменим слова «тег» и «облако тегов» словами «концепт» и «концептосфера», то получим практическое, в настоящий момент повсеместно применяющееся на практике воплощение концептосферы отдельного онлайн-издания, репрезентируемое визуально и вербально. В этом контексте понятия «тег» и «концепт» становятся эквивалентными друг другу, и в дальнейшем, рассуждая о концептосфере дискурса немецкоязычных СМИ, мы будем исходить из данного предположения.

Для изучения этого вопроса мы провели анализ следующих онлайн-изданий Германии: Handelsblatt, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Spiegel, Manager Magazin. В результате проведенного количественного анализа было выделено 57 наиболее частотных тегов, типичных для всех изданий. При этом общий массив употреблений по всем изданиям за два первых десятилетия XXI века составил более 4537 тысяч применений.

Для удобства анализа мы делим эти теги на три группы: высокого, среднего и низкого уровня частотности употребления. Пятнадцать тегов составили группу высокой частотности, где каждый насчитывает более 100 тысяч применений.

Если принять совокупный объем всех тегов за 100%, то на первую группу приходится 66,8%, что, очевидно, значительно выше, чем половина всех применений тегов в целом. В эту группу входят такие теги, как Geld, Bank, Markt, Arbeit, Banken, Wirtschaft, Börse, Geschäft и пр.

Группа средней частотности употребления самая многочисленная (всего 34 тега). Ее образуют теги, общее употребление которых составляет от 10 тысяч до 100 тысяч и в процентном выражении это дает 34,43% (DAX, Konjunktur, Zinsen, Produktion, Übernahmen и пр.)

Третья группа, с низкой частотностью употребления, представлена восемью тегами, которые в совокупности применялись менее 10 тысяч раз. Доля этой группы в общем объеме составляет 0,98%.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу: концептосфера экономического дискурса СМИ Германии состоит из трех основных слоев – ядра, промежуточного поля и периферии. Это подтверждает и в некоторой степени уточняет современное понимание концептосферы как совокупности мыслительных единиц, существующей в общечеловеческом сознании и/или в сознании конкретного этноса или индивидуума.

Заметим в то же время, что проведенный нами количественный анализ концептов (тегов), позволил обнаружить некоторые отличия в плане выделения более и менее значимых тегов между вышеупомянутыми СМИ. Например, тег Geld, в совокупном выражении являющийся самым частотным, не является таковым для всех изданий. Для Spiegel и Handelsblatt его частотность составляет более 35% и 38% соответственно, что позволяет отнести этот концепт к составу ядра концептосферы, а для FAZ этот показатель сокращается до чуть менее 15%.

Был проведен анализ индивидуального облака тегов каждого из рассматриваемых изданий, для чего были отобраны десять ключевых тегов, являющихся элементами ядра концептосферы, которые были распределены в порядке убывания частотности.

Анализ распределения тегов позволил сделать выводы касательно того, какие тематические направления в течение последних двадцати лет каждое из изданий определяло для себя как приоритетные, а также относительно соответствия этих направлений тем задачам, выполнение которых определяется как первоочередное.

Издания Handelsblatt и Manager Magazin позиционируют себя как масс-медиа деловых кругов, ориентированные на освещение экономических вопросов и финансовых событий в национальном и международном масштабе, публикующими аналитические материалы, предметом рассмотрения которых является финансово-экономическая политика. Облака тегов этих изданий практически аналогичны. У изданий Handelsblatt и Manager Magazin теги Geld,

Börse, Wirtschaft занимают одинаковые позиции в пределах первой пятерки. При этом тег Börse располагается сразу за тегом DAX. Наличие в первой пятерке сразу двух тегов, касающихся положения дел на фондовых рынках, а также тег Geld свидетельствует о крайней важности для названных СМИ универсального концепта «Деньги» (финансы) и финансовых институтов. То же самое в целом можно сказать и об издании Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ), которое в своем информационно-аналитическом потоке выделяет значительную долю медийного пространства на освещение экономической политики собственной страны и мира, что характеризует FAZ как средство массовой информации, ориентированное на деловую журналистику.

На общем фоне обращает на себя внимание распределение тегов в изданиях Süddeutsche Zeitung и Spiegel. Стоит отметить, что тег Wirtschaft у обоих органов печати находится лишь на 10 месте. Кроме того, тег Arbeit, отсутствующий в списке ключевых ядерных тегов у издания MM, а у НВ занимающий предпоследнее место, наоборот, располагается в первой пятерке (у Spiegel он занимает первое место).

Наличие этих тегов и их расположение, которое связано не только с экономической, но и социальной проблематикой, свидетельствует, на наш взгляд, о выраженом доминировании общественно-политической проблематики в рамках экономического дискурса этих двух репрезентантов СМИ Германии.

Анализ тегов и их распределения как в целом, так и внутри отдельных изданий, позволяет делать выводы касательно тематических направлений, которые являются приоритетными для СМИ. Это, в свою очередь, дает возможность определить значимость конкретных тем для аудитории или же судить о том, какие именно темы выбраны для воздействия на нее.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н. Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 355–368.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Лихачев Д. С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 280–287.

Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Серия: Литературы и языка. 1993, № 1. С. 3–9.

Halvey M. J., Keane M. T. An assessment of tag presentation techniques // In Proceedings of the 16th international conference on World Wide Web (WWW '07). New York: Association for Computing Machinery, 2007. P. 1313–1314.

*N. V. Badaeva (Moscow, Russia)
MGIMO University*

CONCEPTS OF GERMAN DIGITAL ECONOMIC MEDIA

The article focuses on the concept sphere of German media at the beginning of the 21st century. The idea of core and peripheral concepts is clarified, a hypothesis is put forward about the equivalence of the concept of “tag” in the media to the idea of concept within the framework of the cognitive-discursive approach, and the results of a statistical analysis of tags of articles of economic content are presented.

Key words: concept, German mass media, discourse of Economics, tag, tag cloud, digital media.

***Е. В. Белоглазова (Санкт-Петербург, Россия)**
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
evbeloglazova@herzen.spb.ru*

***Н. К. Генидзе (Санкт-Петербург, Россия)**
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
lingvotheory@inbox.ru*

ДИСКУРСО- И ЖАНРОВО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ЗАГОЛОВКАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ROSSICA: СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящее исследование призвано показать, что заголовки служат идентификации текстов Rossica как относящихся к руссо-центричному дискурсу, а также позволяют идентифицировать тексты разных жанров Rossica, демонстрируя определенные черты, получающие статус прецедентных. Исследование показало, что индивидуализирующая функция заголовка в значительной мере подавляется категоризирующей функцией: прецедентные черты могут лишать заголовков узнаваемого своеобразия.

Ключевые слова: заголовок, Rossica, корпус, прецедентность, ксеноним.

Введение. Заголовок является частью канонической структуры текста, на что указывает наиболее широко цитируемое и общепринятое определение текста, сформулированное И. Р. Гальпериным [Гальперин 1981: 18]. Без заголовка текст невозможно каталогизировать, к нему гораздо сложнее отослать

читателя. В результате такой текст рискует выпасть из семиосферы. Более того, заголовок является важнейшей частью текста, его *сильной позицией* [Арнольд 1978: 23].

Отмеченный статус заголовка обусловил наше внимание именно к этому элементу текста в изучении массива иноязычной литературы, посвященной России (Rossica).

В настоящем исследовании мы попытаемся показать, что (1) заголовки служат идентификации текстов Rossica в общем текстовом массиве, в то же время, (2) заголовки позволяют идентифицировать тексты разных жанров Rossica, демонстрируя определенные черты, получающие статус прецедентных.

Методика исследования. Для целей исследования ранее созданный корпус заголовков Rossica, в который на начальном этапе были отобраны более 370 названий научно-популярных и публицистических книг, посвященных России, был дополнен подкорпусом заголовков художественных произведений, сюжетно связанных с Россией (170 наименований).

Хотя первые иноязычные описания России появляются еще в XVI веке, наш исследовательский корпус охватывает период, начиная с рубежа XVII–XVIII веков до настоящего времени. Это решение обусловлено тем, что на более ранних этапах были приняты заголовки-аннотации, представляющие собой несколько иной тип текста как в структурном, так и в функциональном отношении.

Собранный корпус был подвергнут обработке с помощью стандартных корпусных инструментов корпусного менеджера AntConc и ручной разметке по категориям. Номенклатура категорий была предварительно намечена на основании исследований специфики английского языка, обращенного в область русской культуры [Кабакчи 2020], и уточнена по результатам анализа ключевых слов корпуса.

Таким образом, методика исследования сочетает методы корпусного анализа с методикой интерлингвокультурологического анализа [Кабакчи 2020: 2, 18], направленного на выявление и описание черт дискурса вторичной культурной ориентации.

Разметка корпуса и категоризация ключевых слов проводилась в формате файла excel, позволяющем статистическую обработку данных, их фильтрацию и корреляцию.

Результаты исследования. Заголовки публицистических и художественных произведений о России являются частью руссо-центрического дискурса, воспроизводя его характерные черты. К маркерам названного дискурса, т. е. дискурсивно-обусловленной прецедентности, проявляющейся с сопоставимой активностью в обоих подкорпусах, относятся ксенонимы-

русизмы (*Russia, czar, Siberia, Crimea, etc.*), отсылки к прецедентным текстам о России (ср. “War and Passion” синтаксическим, лексическим и фонетическим повтором отсылает к англоязычному названию романа Л. Н. Толстого “War and Peace”), а также ограниченный набор прецедентных метафор (*red, white, to shake*).

В то же время, заголовки сравниваемых подкорпусов демонстрируют различия, вызванные различной жанровой отнесенностью текстов, которые они представляют. Маркерами жанрово-обусловленной прецедентности являются различные синтаксические конструкции, оформляющие заголовки публицистических и художественных произведений.

Для публицистического подкорпуса характерны двухчастные заголовки, части которого обычно соединяются двоеточием. Дж. Люисон и Дж. Хартли [Lewison 2005] указывают на прямую взаимосвязь между информативностью заголовка, его длиной в словах и особой двухчастной структурой, в которой части обычно соединяются двоеточием (хотя возможны и другие варианты пунктуации).

E.g. 1: The Romanovs: Autocrats of All the Russias

Авторы отмечают, что подобная структура позволяет удлинить заголовок, включить в него больше смысловых опор и повысить ее информативность. При существенной детализации содержания заголовков может приобретать черты аннотации, в память о том, что еще относительно недавно они были единым синкретичным типом текста:

E.g. 2: American Kompromat: How the KGB Cultivated Donald Trump, and Related Tales of Sex, Greed, Power, and Treachery

Заголовок художественного произведения в большей степени тяготеет к аттрактивной функции. Это объясняет предпочтение, которое отдается кратким номинативным конструкциям N+N, N’s N:

E.g. 3: The Summer Garden

E.g. 4: Stalin’s Ghost

А также различным предложным конструкциям:

E.g. 5: The Jewel of St. Petersburg

Заключение. Таким образом, можно отметить, что заголовки текстов *Rossica* призваны не только индивидуализировать произведения, представителями которых они являются, но категоризировать их как относящиеся к определенному дискурсу и жанру, воспроизводя как структурные, так и содержательные элементы соответствующего канона. Индивидуализирующая же функция отходит на задний план, что наглядно иллюстрирует восемь однотипных названий *Red + N*, восемнадцать заголовков, начинающихся с *From Russia with + N* (не считая чуть более творческих вариаций модели).

Литература

Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4 С. 23–24.

Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020.

Lewison G., Hartley J. What's in a title? Numbers of words and the presence of colons // Scientometrics. 2005. Vol. 63. P. 341–356.

E. V. Beloglazova (Saint-Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

N. K. Genidze (Saint-Petersburg, Russia)

Saint-Petersburg State University of Economics

DISCOURSE- AND GENRE-RELATED PRECEDENCE IN ROSSICA HEADINGS: A COMPARATIVE CORPUS STUDY

The present paper is aimed at proving that headings serve to identify Rossica texts as belonging to the Russia-centered discourse, as well as to reveal their relation to a particular Rossica genre. This identification is achieved by equipping the headings with certain recognizable features, which are precedent for the particular discourse and/or genre. The research showed that the individualizing function of headings is to a certain degree suppressed by the categorizing function, i. e. that precedent-related features make the headings devoid of uniqueness.

Key words: heading, Rossica, corpus, precedence, xenonym.

E. Г. Борисова (Москва, Россия)

Московский государственный

педагогический университет

egbor@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ СВЕРХФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ (на основании свойств служебных слов)

Статья посвящена описанию восприятия связного текста, в частности установлению адресатом отношений между различными фрагментами сообщения (простыми предложениями в составе сложного, предложениями, разделяемыми точкой – как простыми, так и сложными). Вопросы связности текста, вспыхнувшие в 60-х-70-х гг.,

могут получить новую уточненную интерпретацию с помощью разработанного с тех пор аппарата. В частности, для этого может использоваться когнитивное моделирование. В работе показывается, какая интерпретация процессов понимания может быть дана и как может быть уточнена модель, если учитывать поведение служебных слов, используемых для корректировки процессов понимания: частиц, сочинительных союзов, междометий.

Ключевые слова: союзы, имплицитная информация, управление пониманием, прогнозирование разворачивания текста.

Введение. Вторая половина XX в. характеризуется пристальным вниманием к семантике, в частности, к семантике слов, в том числе и служебных. С одной стороны, продолжались усилия по все более точному лексикографированию частиц, союзов, а вслед за ними и междометий. С другой стороны, к описанию значения служебных слов стал применяться аппарат новых направлений: прагматики, теории пресуппозиций, теории дискурса. Параллельно возник интерес к изучению фрагментов текста, превосходящих отдельное предложение. С одной стороны, появились исследования связей между предложениями [Севбо 1969], с другой – выявление структуры сверхфразовых единств (СФЕ), в том числе в абзацах. В последнее десятилетие свойства связного текста изучаются через исследования по коннекторам [Семантика коннекторов 2018]. Сюда же можно отнести выявление типов текстов, имевших места в трудах Г. А. Золотовой и ее учеников (повествование).

Исследования единиц больших, чем предложение, вывело на необходимость учета мыслительных процессов. Наряду с собственно психологическими исследованиям определенную роль здесь может сыграть когнитивное моделирование, отражающее связанные с лингвистикой связного текста мыслительные процессы.

Целью данной работы является формирование фрагментов когнитивной модели восприятия связного текста (в письменном варианте). Поскольку опора на свидетельства языка продолжают оставаться важнейшей частью любого лингвистического исследования, мы включаем в модель те фрагменты, которые находят подтверждение в свойствах языковых единиц. Однако в дальнейшем предполагается расширение модели исходя из ее возможной структуры и других имманентных свойств.

Исследование. Материалом исследования послужили фрагменты связного текста – как отобранные автором самостоятельно, в том числе в ходе исследований по имплицитной информации сообщения, так и примеры, взятые из словарей, НКРЯ (преимущественно в связи с описанием частиц и союзов) – в целом около 200 фрагментов как из художественных

произведений, так и из современных публицистических и информационных текстов. При анализе их содержания и в первую очередь, содержания связи между ними, использования семантический метод, базирующийся на модели «Смысл – Текст», а также интерактивный подход, учитывающий взаимодействие участников общения.

На основании данных примеров употребления союзов и частиц можно выделить следующие фрагменты модели понимания.

Прогнозирование понимания. Важным моментом в понимании текста оказывается прогнозирование содержания дальнейшего фрагмента сообщения. Адресат формирует несколько предположений о продолжении. Наиболее вероятный (немаркированный) вариант – продолжение имеющегося в сообщении тренда, который в случае сомнений может маркироваться. Маркируются – практически обязательно – отклонения от этого.

Наши собственные исследования подтверждают выдвинутые предположения, что два связанных предложения (клаузы или отдельные сложные предложения, обозначим их как **ХсвязУ**) оказываются связаны благодаря следующим семантическим отношениям:

а) У продолжает Х (описание, последовательные события и т. п.)

Маркировка союзом И в ряде случаев кажется избыточной. Однако опущение, в порядке эксперимента, нередко приводит к сомнительности или даже непонятности фрагмента:

(1) *Раздался гул, и невдалеке прозвучал взрыв.*

Сообщается о связи гула (от полета снаряда или ракеты) и взрыва. Иначе понимается следующий пример:

(2) *Раздался гул. Невдалеке прозвучал взрыв.*

Здесь связь двух событий не исключается, но и не входит в утверждение.

б) У противоречит тому, что следует (в обычной картине мира) ожидать. Это нарушение ожидания () маркируется во многих языках. В русском используются сочинительные союзы **НО** и **ОДНАКО**, а также средства выражения противопоставления и уступки. Противоречие может относиться не только к явно выраженному смыслу, и к имплицитному: выводам из сказанного, а также модальной рамке:

(3) *Он вроде бы уже профессор, но это сомнительно.*

в) У оказывается новым по сравнению с Х. Эта ситуация в некоторых языках не выделяется и относится или к присоединению (если подчеркивается сходство, выводимость), либо к противопоставлению. Это дало основание некоторым исследователям утверждать, что союз А является национально специфической лексикой [Зализняк 2004].

Отдельно стоит отметить маркировку союзом **ДА**. В ряде случаев он подходит под уже указанные присоединение похожей информации или

противоречия ожиданию. Тем не менее, есть примеры, когда невозможно понять, присоединяется ожидаемая информация, новая или противоречивая:

(4) *Пьян да умен – два угодыя в нем.*

Иными словами, маркировка не отменяет возможности самостоятельного вывода адресата о поступившей информации.

Заметим, что и для некоторых значений присоединительного союза И остается возможность выражения неожиданности или противоречия:

(5) *Мальчик – и плачет.*

С позиции адресата мы имеем дело с неопределенностью: какая из тактик будет выбрана.

Для этого этапа моделирования понимания можно предложить такую схему: слушающий ожидает несколько тактик. Продолжение позволяет выбрать нужную. Соответственно без дополнительной коррекции ожидания (включающего и понимание роли предыдущего высказывания) слушающий может интерпретировать текст так, как он его ожидал услышать, что вступит в противоречие с замыслом автора.

Коррекция интерпретации роли. Связное изложение включает в себя и возможность (а иногда и необходимость) передать причинно-следственные связи. Поэтому одним из вариантов ожидания может быть предположение, что говорящий объяснит причину того, что он уже сказал. А с другой стороны, поскольку как мы уже видели, в продолжении сообщения могут быть разные варианты продолжения, поэтому причина может быть не выявлена, принята за дальнейшее изложение обстоятельств. Поэтому в моделирование поведения слушателя следует включить и маркировку причины – или заранее (союзами *поскольку, так как* и др.), или уже в ходе сообщения (союзы *потому что, частицы и, -то, ведь*).

(6) *Оденься теплее, сегодня же похолодало.*

Коррекция новизны. Еще одним аспектом понимания сообщения адресатом является маркировка того, что говорящий не считает новым. Как мы показали выше, введение новой информации заставляет адресата искать места этой информации в общем понимании последовательности: зачем это сообщается. Однако далеко не всегда каждое сообщение содержит новую информацию, изменяющую представления адресата о событиях. Так говорящий может сообщать нечто, чтобы передать причину (см. пример выше).

Обращение к известному может происходить, когда говорящий намерен привести пример в доказательство:

(7) *Вон Иван не стал дожидаться*

Вопрос новизны встает и в связи с тем, что в обсуждении появляются персонажи, которые априори воспринимаются как новые (в языках без категории определенности). Для снятия затруднений маркируются известные

объекты и факты, для чего используются частицы *же*, *-то*, местоимение *сам*. Маркировкой новизны можно считать и употребление союза *А*.

Результаты исследования. Таким образом, оказывается, что линейризованное разворачивание текста можно представить как отражение когнитивных операций слушающего. Это а) признание связи с предшествующим текстом; б) установление степени ожидаемости: сообщается об ожидаемом, или о противоречащем ожиданию, или о новом; на этом этапе возможны дополнительные выводы, когда такая информация передается имплицитно; в) выявление причины сказанного или того, что будет сказано (если есть).

Кроме этих фрагментов модели, представляется очевидным определение новой информации и связанные с этим операции (выявление новой темы, примеров и сопутствующих сведений и т.п.). Кроме того, несомненно, должен быть включен компонент выявления замысла и других операций, касающихся всего текста. Однако это уже выходит за рамки изучения функций союзов и частиц.

Литература

Зализняк А. А., Микаэлян И. Русский союз *А* как лингвоспецифичное слово.
URL: www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf

Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования.
М.: Наука, 1969.

Семантика коннекторов / ред. О. Ю. Инькова. М.: Топус Пресс, 2018.

E. G. Borisova (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University

COGNITIVE MODEL OF PERCEPTION OF SUPERPHRASAL RELATIONS (based on the properties of functional words)

The article deals with description of the perception of a coherent text, in particular, the establishment by the addressee of relations between various fragments of the message (simple sentences as part of a complex one, sentences separated by a dot – both simple and complex).

The issues of text coherence that flared up in the 1960s and 1970s can be reinterpreted with the help of the apparatus developed since then. In particular, cognitive modeling can be used for this. The paper shows what interpretation of the processes of understanding can be given and how the model can be refined, given the behavior of auxiliary words used to correct the processes of understanding: particles, coordinating conjunctions, interjections.

Key words: conjunctions, implicit information, comprehension management, prediction of text unfolding.

М. С. Брайтлинг, Ю. Г. Тимралиева

(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный

экономический университет

mariabreitling@gmail.com,

juliati@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РАБСТВА В РОМАНЕ Т. МОРРИСОН «ВОЗЛЮБЛЕННАЯ»

Объектом рассмотрения данной статьи является знаковый роман Т. Моррисон «Возлюбленная». В статье определяется роль метафоры в авторской картине мира писательницы, выявляется связь между характером метафор и главной темой произведения – темой рабства и его деструктивного влияния на жизнь человека.

Ключевые слова: концептуальная метафора, рабство, Т. Моррисон, «Возлюбленная».

Т. Моррисон (T. Morrison) – афроамериканская писательница-романистка, лауреат Нобелевской премии – в американской прессе позиционируется как один из лидеров темнокожего сообщества. В своих произведениях автор осмысляет разные стороны жизни афроамериканцев, в том числе вопросы семьи и детства, деструктивное наследие рабства и проблемы расовой дискриминации в современном обществе, стремление к свободе и поиски самоидентичности. Материалом данного исследования послужил роман «Возлюбленная», который был издан в 1987 году и впоследствии принес своему автору Пулитцеровскую премию. В основе сюжета – жизнь сбежавшей рабыни Сети, убившей родную дочь ради того, чтобы спасти ее от рабской жизни. Сюжет взят из реальной жизни и описывает историю беглой рабыни Маргарет Гарнер. Роман стал прорывом в американской литературе, поскольку впервые история рабства была рассказана не с позиций белых людей, часто оставляющих за рамками повествования неприглядные стороны этого явления, а с позиций человека-раба, описывая события глазами темнокожих, осмысляя и прорабатывая проблемы людей, долгое время подвергавшихся физическому и моральному насилию.

Важным средством концептуализации действительности в романе является метафора, рассматриваемая в данной статье с позиций когнитивного и семантического подходов, как ментально-языковое явление [Калинин 2020: 25]. Для описания механизма метафорических переносов в статье используются предложенные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном термины, характеризующие взаимодействие двух структур знаний: когни-

тивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [Лакофф, Джонсон 2021: 7]. Согласно результатам языкового анализа, в романе «Возлюбленная» тема рабства раскрывается главным образом через использование метафор «человек – животное», «человек – вещь», а также с помощью телесных метафор.

Уподобление человека животному становится одним из самых продуктивных метафорических переносов в романе. Образ чернокожего раба/рабыни раскрывается через различные элементы сферы-источника: названия животных и детенышей животных (*bull, mule, cow, goat, buzzard, rabbit, snake, dop, foal, pup*), свойства (*pet like adoration*) и части тела животных (*fangs, tail, wing, claws, split tongue*), действия, выполняемые животными (*roar, fly*) и людьми по отношению к животным (*pick off, net, skin, trade*), предметы, используемые в обращении с животными (*chain, mark, stable, animal side of paper*), люди, осуществляющие действия по отношению к животным (*trapper, catcher*). В следующем примере посредством метафоры «человек – животное» описывается жестокое обращение белых хозяев со своей рабыней Сэти. Прямо за конюшнями с лошадьми у рабыни насильно отнимают молоко, предназначенное для ее новорожденного ребенка – ее буквально «доят» как корову или козу: *She my daughter. The one I managed to have milk for and to get it to her even after they stole it; after they handled me like I was the cow, no, the goat, back behind the stable because it was too nasty to stay in with the horses. But I wasn't too nasty to cook their food or take care of Mrs. Garner* [Morrison 2004: 200]. В другом примере ключевыми лексемами метафорических переносов с человека на животное становятся обозначения взаимодействующих с животными людей (охотники/ звероловы) и их действий (ловить, сачковать), поддерживаемые сравнительными конструкциями с упоминанием животных (канюки, кролики). Уподобление раба кролику, на которого охотник расставил сети, подчеркивает ничтожность его жизни в глазах хозяина: *Not only because trappers picked them off like buzzards or netted them like rabbits, but also because you couldn't run if you didn't know how to go* [Morrison 2004: 135]. Наконец, своего рода символами рабства в романе становятся многократно появляющиеся при описании рабов цепи, кандалы, ошейник – предметы, ограничивающие свободу человека и подчеркивающие его «животную» зависимость от хозяина: *They put a three-spoke collar on him so he can't lie down and they chain his ankles together* [Morrison 2004: 227].

Другой значимой метафорой в романе является метафора «человек – вещь», иносказательно осмысляющая образы темнокожих через названия вещей (*doll, shaft, loaf*), действия, осуществляемые по отношению к вещам (*rent, loan, buy, bring, store, win, stole*), денежное выражение стоимости

вещи (*worth, price, dollar value*), составляющие область сферы-источника. Так, в следующем примере бывшая рабыня Бэби Саггс рассуждает о судьбах своих знакомых и приходит к выводу, что многие среди них серьезно пострадали от рук белых и бесследно исчезли: *Anybody Baby Suggs knew, let alone loved, who hadn't run off or been hanged, got rented out, loaned out, bought up, brought back, stored up, mortgaged, won, stolen or seized* [Morrison 2004: 23]. В ее речи присутствует лексика, которую люди используют по отношению к вещам, объектам или товарам (сдавать в аренду, отдавать в долг, покупать, закладывать, выигрывать и т. д.). Метафора служит для описания уничижительного отношения белых к афроамериканцам, отождествляемым с бездушными объектами/ вещами.

Роман «Возлюбленная» также содержит в себе большое разнообразие телесных метафор. Так, в романе выявляется 7 денотатов сферы-цели: глаза, голова, сердце, спина, руки, пальцы, кожа, которым в области сферы-источника соответствуют различные элементы. Каждому герою романа соответствуют определенные метафорические проекции. Например, ключевыми элементами сферы-цели при описании главной героини Сэти становятся глаза и спина. Глаза, в разных примерах отождествляемые с колодцами, щелками, отверстиями, раскрывают внутреннее состояние героини, подчеркивая ее эмоциональное опустошение: *But what he did broke three more Sweet Home men and punched the glittering iron out of Sethe's eyes, leaving two open wells that did not reflect firelight* [Morrison 2004: 9]. Спина, которая в разных частях романа сравнивается с деревом, лабиринтом рубцов, залежами ископаемых, стиральной доской, напоминает о пережитом физическом насилии. Например, в следующем примере цветущее вишневое дерево, которое замечает на спине Сэти белая девушка Эми, принимающая у нее роды во время побега от хозяев, на самом деле является уродливым кровоточащим шрамом, напоминающим об избиваниях плетью своим хозяином: *It's a tree, Lu. A chokecherry tree. See, here's the trunk – it's red and split wide open, full of sap, and this here's the parting for the branches. You got a mighty lot of branches. Leaves, too, look like, and dern if these ain't blossoms. Tiny little cherry blossoms, just as white. Your back got a whole tree on it. In bloom* [Morrison 2004: 79]. При описании возлюбленного Сэти ключевым элементом сферы-цели становится сердце. В нем Поль Ди как в банке из-под табака «запирает» воспоминания о пережитом, когда после попытки убить одного из своих владельцев он отправился в тюрьму, где его унижали так же, как и в доме хозяина: *He would keep the rest where it belonged: in that tobacco tin buried in his chest where a red heart beloved used to be. Its lid rusted shut. He would not pry it loose now in front of this sweet sturdy woman, for if she got a whiff of the contents it would shame him* [Morrison 2004: 73]. Пережитой

опыт делает из героя человека черствого, закрытого, слабого. Он не хочет делиться своими воспоминаниями с Сэти и всеми силами старается подавить травмирующие эпизоды. Будучи зацикленным на своем прошлом, он не способен выстраивать отношения в настоящем.

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, что метафора выступает в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» значимым элементом текстовой структуры, отражающим языковую картину мира автора. Деструктивный характер рабства описывается в романе через метафоры «человек-животное», «человек-вещь», а также посредством телесных метафор. Их продуктивность и вариативность (многообразие источников переноса) диктуется тематикой романа, осмысляющего одну из самых острых проблем американской истории – тему рабства. Бесправное положение человека-раба, уподобляемого животному или вещи, а также связанные с этим физические и психологические травмы, не позволяющие выстраивать здоровые отношения внутри и за пределами своего сообщества, образует концептуальную основу большинства метафорических переносов в рамках данных лексико-семантических полей.

Литература

Калинин О. И. Метафора как предмет лингвистических исследований: монография. М.: РУСАЙНС, 2020.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2021.

Morrison T. *Beloved*. New York: Vintage International, 2004.

M. S. Breitling, J. G. Timralieva

(St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics

PECULIARITIES OF METAPHORICAL UNDERSTANDING OF SLAVERY IN T. MORRISON'S NOVEL "BELOVED"

The object of consideration of this article is the iconic novel by T. Morrison "Beloved". The article defines the role of metaphor in the author's picture of the world, reveals the connection between the nature of metaphors and the main theme of the work – the theme of slavery and its destructive influence on human life.

Key words: conceptual metaphor, slavery, T. Morrison, "Beloved".

Л. В. Воронина, Т. Н. Скокова

(Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

voronina@bsu.edu.ru, skokova@bsu.edu.ru

ОБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЦЕЛОГО

В статье осуществлен анализ уровней концептов ПРОСТРАНСТВО/RAUM на материале рассказов И. А. Бунина и Ф. Кафки, служащих проявлением способности автора как субъекта познания действительности по-особому объединять языковые средства, которые в конечном итоге организуются и объективируются целостное в своей субъектно-объектной дwoякости концептуальное образование.

Ключевые слова: архитектоника концепта, отношение противопоставления, субъектно-объектная дwoякость, концептуальное образование.

Возникнув в определённом языковом пространстве, концептуальное целое характеризуется подобной и различающейся логико-культурно-языковой синергетикой. Определяя концепт как многомерное образование, будем рассматривать его как субъектно-объектную дwoйственную реальность, которая обязательным образом включается в систему «объект процесса познания».

Задачами, которые ставятся нами в предлагаемом исследовании, являются: 1) доказать, что архитектоника концепта в немецком и русском языках имеет сходства как состоящая из элементов, связанных внутренними отношениями, а ее синергетичность обусловлена тем, что концепты – это открытые системы, для которых характерен обмен информационной энергией; 2) на примерах источников на русском и немецком языках продемонстрировать, что «...одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковыми сознаниями в соответствии с выработанными в определённом этнокультурном сообществе представлениями о данном классе; притом, что логические механизмы их концептуализации остаются универсальными» [Скокова 2011: 127]; 3) в очерковой форме излагаемого материала показать, что основные параметры восприятия категории бытия (отношение всеобщности, пространственно-временные и ценностные отношения), отражаются в структуре и семантике языка, этнокультурная специфика же проявляется в том, в каком соотношении находятся в языке общее и частное, время и пространство, духовное и материальное.

Новизна работы заключается в том, что предпринята попытка посредством рациональной реконструкции этнокультурной картины мира через

ее толкование по «маркерам» в текстах, а также через декодирование в языковом сознании человека-носителя культуры, объективировать элементы картины мира и зафиксировать их, насколько это возможно в подобном формате изложения, в виде упрощенной реляционной модели. Эта функциональная модель демонстрирует особенности функционирования концепта как системы во взаимосвязи с его внутренними и внешними элементами.

Цель исследования состоит: а) в выявлении в немецком и русском языках отношения противопоставления между элементами целостно мыслимых многокомпонентных концептов, благодаря чему в способах и характере этноязыковой репрезентации действительности достигается оптимальное понимание общего и специфического и б) в определении общего и различного между концептуальной сущностью в соответствующих языках, что является своего рода синергетическим фактором проявления истинного.

Рассмотрим концепты ПРОСТРАНСТВО/RAUM в произведениях И. А. Бунина и Ф. Кафки. Исследование пространства обоими авторами происходит через измерение «отношение противопоставления». Вспомним такое произведение И. А. Бунина, как «На чужой стороне». Здесь противопоставляются следующие концептуальные составляющие: «родные места – чужая сторона» (ср.: «с ближнего болота» – «далеко от родных мест, под чужим небом»); «церковь – крестьянская деревня». В произведении «На хуторе» «пространство реальности – Вечность», «бесконечность природы – конечность человеческой жизни», «природный мир – предметный мир». В рассказе «На Донце» «вековое пространство – земное существование», «конечность дороги – вольная, бесконечная даль», «перемещение в реальном пространстве – перемещение в пространство полной неизвестности» и др. Обобщая, можем сказать, что основные смыслы, передаваемые благодаря объективации реляции «противопоставление» в анализируемых рассказах, следующие: мрачность, «ничтожество» и конечность земного существования – восхищение «вольностью», бесконечностью природы и надежда, хоть и таящая полную неизвестность, на лучшее и связанная с восприятием «вековой дали».

Объективация Ф. Кафкой составляющих концептуальное целое RAUM континуумов в исследованных нами произведениях также осуществляется через отношение противопоставления. В частности, это противопоставление в сфере акустических пространств: Lärm, Zischen, Geschrei, Schlag, Stimme, Gesang, Musik. Заметим, что акустическое пространство – это пространство, возникающее там, где существуют предпосылки появления, распространения, восприятия и воздействия звуков. Координатой вербализируемой авторской картины мира или реляционным транслятором, роль которого выполняет отношение противопоставления, устанавливаются базовые, фундаментальные пропорции человеческого мышления и бытия, что является основой перехода

от одних форм мышления к другим с одновременным программированием отбора и распределения языковых единиц, а результатом выступает порождённый смысл, модель внешнего мира.

Проанализируем теперь некоторые рассказы Ф. Кафки. В произведении “Großer Lärm” противопоставляются такие концептуальные составляющие, как: «пространство человеческого состояния – пространство животного состояния». Ср.: *Die Wohnungstüre wird aufgeklinkt und lärmt, wie aus katarrhalischem Hals, öffnet sich dann weiterhin mit dem Singen einer Frauenstimme und schließt sich endlich mit einem dumpfen, männlichen Ruck, der sich am rücksichtslosesten anhört. Der Vater ist weg, jetzt beginnt der zartere, zerstreutere, hoffnungslosere Lärm, von den Stimmen der zwei Kanarienvögel angeführt. Schon früher dachte ich daran, bei den Kanarienvögeln fällt es mir von neuem ein, ob ich nicht die Türe bis zu einer kleinen Spalte öffnen, schlangengleich ins Nebenzimmer kriechen und so auf dem Boden meine Schwestern und ihr Fräulein um Ruhe bitten sollte* [Kafka 2007: 298, 441–447]. Отношение противопоставления продуцирует смысл: шум, крик, громкое пение и громкие голоса обладают такой силой, которая вызывает мысли, где ставится под сомнение различие между человеческим и животным началом.

В другом произведении автора “Die Verwandlung” главный герой видит себя паразитом, ползучим существом, зависимым от других, которое должно прятаться. Ср.: *Die sanfte Stimme! Gregor erschrak, als er seine antwortende Stimme hörte, die wohl unverkennbar seine frühere war; in die sich aber, wie von unten her, ein nicht zu unterdrückendes, schmerzliches Piepsen mischte, das die Worte förmlich nur im ersten Augenblick in ihrer Deutlichkeit beließ, um sie im Nachklang derart zu zerstören, dass man nicht wusste, ob man recht gehört hatte* [Kafka: URL]. В этой связи важным остается тот факт, что только мать, которую окружающие воспринимают как слабую больную женщину, до последнего видит в своем сыне личность, а не насекомое. После превращения героя его близкие живут в противоречии «слышимое – неслышимое», для них невыносимо слышать издаваемый им шум. Кульминацией повествования является игра сестры на скрипке. Грегора привлекают звуки музыки, и он выходит из своей комнаты, после чего жильцы прекращают отношения с семьей. В последующем разговоре внутри семьи Грета энергично требует убрать насекомое, в котором она уже не может узнать своего брата. Соглашаясь с этим смертным приговором, Грегор удаляется в свою комнату и умирает. Противопоставление акустических пространств «слышимое – неслышимое» побуждает к пониманию авторского смысла. А психологический замысел Ф. Кафки, как представляется, состоит в том, чтобы поменять местами сына и членов семьи. Главный герой должен оставаться человеком, а они из-за отсутствия таких человеческих качеств, как сострадание, поддержка и др., превратиться в мерзких животных.

На примере анализа содержания ещё одного из рассказов Ф. Кафки “Der Jäger Gracchus“ объективация концепта RAUM возможна как представление определенного «среза» отношений элементов, обуславливающих особенности порождения смыслов при взаимодействии всей совокупности составляющих его элементов. Отношение противопоставления акустических пространств «кричать – молчать» является особым способом выражения перехода от жизни к смерти. Ср.: *Der Gedanke, mir helfen zu wollen, ist eine Krankheit und muss im Bett geheilt werde. Das weiß ich und schreie also nicht*» (Kafka F. Der Jäger Gracchus). Отношение противопоставления становится источником смысла: нет необходимой связи между явлениями мира, между чаяниями живущих в этом мире, несмотря на то, что все, казалось бы, говорит о взаимообусловленности, в нем царит хаос, разорванность пространства и времени.

Подведем итог. 1. Сравнивая произведения И. А. Бунина и Ф. Кафки и репрезентацию различных пространств (пространство как определенное место, которое обуславливает познание сущности развивающихся в нем событий, и звуковое пространство также как способ восприятия действительности), следует отметить, с одной стороны, максимальное обобщение в понимании явлений мира и, с другой, различное восприятие, которое имеет субъективный оттенок.

2. Одно из важных отношений познания мира – это отношение противопоставления. Реляционная модель концептуального целого может быть представлена следующим образом: концепт ПРОСТРАНСТВО / RAUM – общее (объективное, субъективное) – отношение противопоставления – авторское (объективное, субъективное) – смысл.

3. Анализируя составляющие концептов ПРОСТРАНСТВО / RAUM на примере авторских текстов, приходим к следующим выводам: концепт как системная общность выступает как двойственная сущность. Она объективна, так как отражает закономерности бытия с помощью взаимодействующих континуумов, выявляемых с помощью определенных реляций (в нашем случае отношение противопоставления и его смыслообразующая роль), в то же время, это системное образование является отражением определенной формы существования знания, иными словами, проявлением *субъективизма* человеческого познания.

Литература

Бунин И. А. На чужой стороне. URL: bunin-lit.ru

Бунин И. А. На Донце // Классика: Бунин Иван Алексеевич. Святые Горы. URL: Lib.ru

Бунин И. А. На хуторе. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/na-hutore.htm>.

Скокова Т. Н. Релятивность как речемыслительный механизм вербализации картины мира // Европейский журнал социальных наук. 2011. № 7. С. 120–127.

Kafka F. Großer Lärm. Sämtliche Erzählungen. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2007.

Kafka F. Die Verwandlung. URL: linguabooster.com

L. V. Voronina, T. N. Skokova

(Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

THE OBJECT-SUBJECT DUALITY OF THE CONCEPTUAL WHOLE

The article analyzes the levels of the concepts SPACE/RAUM based on the stories of I. A. Bunin and F. Kafka, which are a manifestation of the ability of the author, being a subject of the cognition, to organize linguistic means which are ultimately organized in a special way and to objectify a conceptual formation that is integral in its subject-object duality.

Key words: architectonics of the concept, relation of opposition, subject-object duality, conceptual formation.

А. Ю. Вычужанина (Тобольск, Россия)

МАОУ СОШ № 16 им. В. П. Неймышева

doulskaya@yandex.ru

Ю. В. Сурмятова (Тюмень, Россия)

Тюменский индустриальный университет

surmjatovajv@tyuiu.ru

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВОЦВЕТОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДИОСТИЛЯ ДЖОАН РОУЛИНГ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»

В статье предпринята попытка когнитивного анализа лингвоцветового фона произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» как интегрального ментального пространства. Предлагается дифференциация цветковых образов как факторов формирования семиотических кодов английской лингвокультуры и моделирующей системы восприятия.

Ключевые слова: лингвоцветовая картина мира, поликультурная картина мира, идиостиль, семиотические коды.

Метаязык для описания лингвистических особенностей зарубежного художественного произведения несущественно отличается от логического инструментария рефлексии в плане литературоведческого анализа отечественных произведений, однако дает определенное преимущество в плане разъяснения инаковости восприятия иными этносами того или иного фрагмента действительности и концептуализации реалий мира, а также всяческого рода реминисценций сказок, выдумок и фантазий. Художественное произведение – это, несмотря на авторский вымысел, всегда опора на национальную перспективу восприятия мира, архаику опыта, социологию восприятия, внутреннюю логику и обыденное сознание народа.

Аспектный подход в изучении идиостиля автора – проблема не новая для когнитивной лингвистики. В трудах ученых-лингвокогнитологов в различные периоды освещались различные подходы: семиотика и семантика (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Н. А. Фатеева, 2021), фразеология в тексте (О. В. Ломакина, 2018), стилистические особенности (М. П. Котурова, 2006), лексическая статистика (М. Ю. Мухин, 2011), поликодовый текст (О. В. Тимашева, 2012), система отношений (В. В. Леденева, 2001), «языковая личность», «речевой портрет» (Д. С. Мухортов, 2014), авторская позиция и средства ее реализации (М. А. Кормилицина, О. Б. Сиротина, 2012) и многое другое. Идиостилевые сопоставительные исследования английского и русского дискурса освещают проблемы: анализа лингвоцветовых картин мира (А. М. Тимофеева, 2003), детективного нарратива (Н. Ю. Филистова, 2007), роль цветообозначений в передаче эмоциональных концептов (А. Ю. Вычужанна, 2009), текстовое многомирие и вход в него через ворота дейксиса (С. А. Пушмина, 2009) и многие другие.

Исследование творческого дискурса Джоан Кэтлин Роулинг несомненно важный шаг в изучении популярной современной английской литературы, чья глобальная известность не только репрезентирует особенности концептуального ментального каркаса англичан, но и формирует поликультурную картину мира читателей во всем мире. Почитатели таланта Джоан Роулинг – это, как правило, молодые люди с формирующимися представлениями о мире, гибким восприятием и гибридным отбором эталонов. Вслед за Н. А. Суховой терминологическая единица «поликультурная картина мира» трактуется нами как *средство хранения и переработки знаний образованных представителей современного общества, получаемых как в процессе социализации, так и в процессе обучения иностранным языкам и в непосредственной межкультурной коммуникации* [Сухова 2013: 142].

Процесс формирования образов мира, а также мировидения и мироощущения базируется у человека на визуально-эстетическом восприятии мира, опорой для которого становится цветоощущение. Экранизация и ил-

люстрирование содержания, насыщенная авторская палитра и ментальная изоглосса выявляют, подсвечивают и формируют у читателей новые визуальные, ментальные образы героев, природы, окружающего мира, вещей и много другого. Ментальная изоглосса, по мнению Г. Г. Молчановой, это *своеобразный эволюционный семиотический ряд, представляющий собой динамику когнитивного процесса, приводящего от знакообразования (семиотики языка) – к смыслообразованию (семиотике человека): икона – индекс – символ – и затем, как будет показано далее, возможен переход в символ-концепт* [Молчанова 2015: 22].

Воспринимаемый зрением параметр материального мира всегда объективизирует реалии действительности, наделяя их особыми семиотическими кодами, которые воспринимаются не стихийно, а с опорой на опыт. Влияние разных спектральных составов на эмоциональное и психофизическое восприятие человека зачастую *приводит к переосмыслению их значений и отрыву от реальных предметных связей* [Ведута 2019: 12]. В результате этого процесса происходит этническая дифференциация функций цветообозначений.

В данном исследовании анализируется роль цветообозначений при описании волшебной картины мира на материале романа Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Научная новизна определяется тем, что роман рассматривается с точки зрения наличия цветообозначений в волшебной картине мира и особенностей их репрезентации. В данном аспекте это произведение Дж. К. Роулинг ранее не исследовалось.

Концепт ЦВЕТ вербализуется группой лексем, передающих излучения разных спектральных составов, представляет собой четко структурированную иерархию, в которой на вербальном уровне соподчинение доминанты и периферийных элементов происходит по принципу молекулы ядро-доминанта-концепт и периферия – фреймы – слова-детализаторы. Концептуальное понятие при этом остается архилексемой, ключевым словом в толковании, а фреймы – гипонимами-частностями.

Ядерными цветообозначениями в английском языке и в рассматриваемом нами произведении Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Rowling 1997], далее цитируемого нами в статье, являются цветообозначения *white (35), black (57), red (34), green (32), yellow (10), blue (12)*. Итого в ходе исследования нами было обнаружено 180 употреблений ядерных (основных) цветообозначений. Данные представлены в диаграмме 1.

Лексико-семантическое поле цвета *white* представлено ядерным цветообозначением *white*, а также производными *greyish white, snowy-white, pearly-white, bright white, white-blond, chalk white*. Чаще всего данные цветообозначения встречаются в произведении при описании внешности героев, их эмоций: лица часто становятся бледными

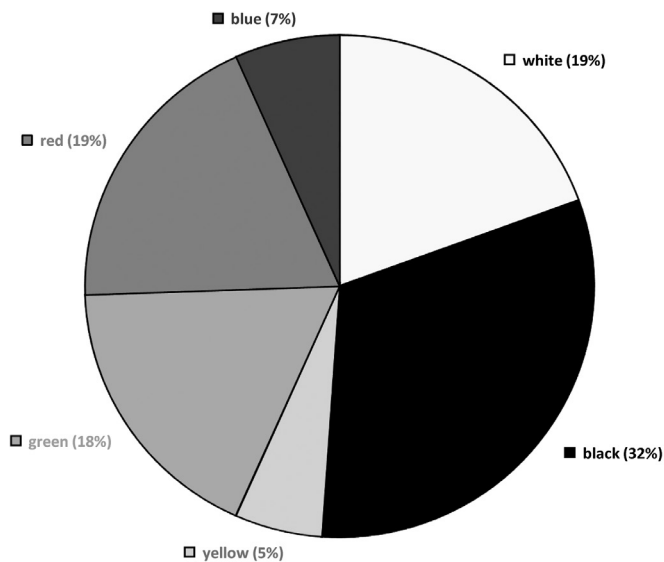

Диаграмма 1. Базовые цветообозначения
в романе «Гарри Поттер и философский камень»

- от страха, ужаса: *Harry saw his scared **white** face look down at the ground falling away, saw him gasp, slip sideways off the broom* [с. 189];
- от гнева: *Harry had never seen her look so angry. Her lips were **white*** [Rowling 1997: 228].

Английская архилексема *black* (и производными *jet-black*, *blackness*), символизирующая черный цвет, не противопоставлена белому и серебристому: добрые и злые волшебники облачены в черные мантии *black coats*, *black robes*, *black overcoats*. Это обстоятельство также распространяется и на описание окраски волосяного покрова персонажей. Нет дифференциации светлый-положительный, темный-отрицательный в описании героев. Так например, у Гарри Поттера темные волосы (*Harry had a thin face, knobby knees, **black hair** and bright green eyes* [Rowling 1997: 31]). Полная противоположность Гарри, кузен Дадли, – блондин («Dudley looked a lot like Uncle Vernon. He had a large, pink face, not much neck, small, watery blue eyes and thick, *blond hair* that lay smoothly on his thick, fat head» [Rowling 1997: 32]). Кентавр Фиренц, спаситель Гарри Поттера в запретном лесу, обладает светлыми волосами и красивыми голубыми глазами, что подчеркивает положительное отношение автора к герою (*A centaur was standing over him, not Ronan*

or Bane; this one looked younger; he had **white-blond hair** and a palomino body [Rowling 1997: 329]). Кентавры Ронан и Бейн, обладатели рыжих и черных волос, антагонисты Фиренца, отказавшие в помощи, так описываются автором: *And into the clearing came – was it a man, or a horse? To the waist, a man, with **red hair** and beard, but below that was a horse’s gleaming chestnut body with a long, **reddish** tail. Harry and Hermione’s jaws dropped* [Rowling 1997: 323]). Бинарная оппозиция чёрный – белый, выраженная лексемами black – white, в романе отсутствует. Для выявления дихотомичности черной и белой магии автор использует прилагательное *dark*.

Лексико-семантическое поле цвета *red* представлено ядерным цветообозначением *red*, а также производными *shiny red*, *bright red*, *redder*, *reddish*, *blood-red*. Красный цвет неоднозначен в романе, он имеет много противоречивых значений, в романе с помощью данного цветообозначения передан:

– отрицательный характер персонажа Волдеморта: *Where there should have been a back to Quirrell’s head, there was a face, the most terrible face Harry had ever seen. It was chalk white with glaring **red eyes** and slits for nostrils, like a snake* [Rowling 1997: 374];

– негативные эмоции героев (гнев): *“All right, thirty-seven then”, said Dudley, going **red** in the face. Harry, who could see a huge Dudley tantrum coming on, began wolfing down his bacon as fast as possible in case Dudley turned the table over* [Rowling 1997: 33];

– положительные эмоции (радость, счастье): *Harry took the wand. He raised the wand above his head, brought it swishing down through the dusty air and a stream of **red and gold sparks** shot from the end like a firework, throwing dancing spots of light on to the walls* [Rowling 1997: 112].

Цветообозначение *yellow* и производные *yellowish*, *canary-yellow* также встречается при передаче как негативных значений, например, предательства, страха, трусости (*Their teacher, Madam Hooch, arrived. She had short, grey hair **and yellow eyes like a hawk***) [Rowling 1997: 188]), так и позитивных – изображают волшебный мир: *People stared more than ever on the train. Hagrid took up two seats and sat knitting what looked like **a canary-yellow circus tent*** [Rowling 1997: 88].

Лексико-семантическое поле цвета *green* и производные *emerald-green*, *bright green*, *pale green*, *greener* помогают передать образ главного героя, у Гарри Поттера светло-зеленые глаза (*Harry had a thin face, knobbly knees, black hair **and bright green eyes***.) [Rowling 1997: 31]), одежды персонажей зачастую изумрудно-зеленого цвета, например, излюбленный цвет профессора Макгонагалл: *The door swung open at once. A tall, black-haired witch in **emerald-green robes** stood there* [Rowling 1997: 146]. Помимо всего прочего зеленый цвет еще являлся семиотическим кодом факультета Слизерин,

соперничавшего с Гриффиндором, и обучающего множество волшебников, ставших впоследствии злыми колдунами: *It (the Great Hall) was decked out in the Slytherin colours of **green and silver** to celebrate Slytherin's winning the House Cup for the seventh year in a row* [Rowling 1997: 388].

Лексико-семантическое поле цвета *blue* представлено цветом *blue* и производными *watery blue*, *bright blue*, *forget-me-not blue*, *silver blue*. Данный цвет активно участвует в передаче волшебного магического мира, которому принадлежат герои, так синим может быть и огонь, и пламя, и дым, даже кровь: *They walked in silence, their eyes on the ground. Every now and then a ray of moonlight through the branches above lit a spot of **silver blue blood** on the fallen leaves* [Rowling 1997: 322]. Небо представляется в романе не просто голубым, а цвета незабудок: *It was the first really fine day they'd had in months. The sky was a clear, **forget-me-not blue** and there was a feeling in the air of summer coming* [Rowling 1997: 294].

Дополнительными (оттеночными) являются цветообозначения *grey* (14), *pink* (14), *violet* (3), *brown* (10), *orange* (4), *purple* (14). Нами было найдено 59 употреблений данных цветообозначений. Характеристика героев, их облачений, действий претворяется автором посредством неосложненных базовых цветов, а составные, сложные богатые оттенки (*maroon tailcoats*, *the golden-brown bean*, *a deep-purple sky*, *different-coloured bobble hats*, *icy grey mountains*, *emerald-green robes*) используются для формирования более красочной, живописной, наполненной символами и аллюзиями ткани произведения.

В заключение следует отметить, что лингвоцветовые особенности идиостиля Джоан Роулинг требуют дополнительных исследований, так как передаваемый автором художественный мир дает широкие перспективы изучения поликультурной картины мира.

Литература

Ведута О. В. Символическая насыщенность цветообозначения GREEN в английских идиомах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып.3. С. 11–14.

Молчанова Г. Г. Ментальная изоглосса в живописи как семиотический код и когнитивный механизм смыслопроизводства // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. Москва: КДУ «Университетская книга», 2015. С. 21–25.

Сухова Н. А. Подходы и принципы формирования поликультурной картины мира у студентов филологических специальностей // Научное мнение. 2013. № 3. С. 142–148.

Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury Publishing Plc., 1997.

*A. Yu. Vychuzhanina (Tobolsk, Russia)
School № 16 named after V. P. Nejmyshev*

*Yu. V. Surmyatova (Tyumen, Russia)
Industrial University of Tyumen*

**COGNITIVE STUDY OF LINGUISTIC
AND COLOR FEATURES OF J. ROWLING'S IDIOSTYLE
BASED ON THE NOVEL
"HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHER'S STONE"**

The article attempts a cognitive analysis of the linguo-color background of J. Rowling's "Harry Potter and the Philosopher's Stone" as an integral mental space. A differentiation of color images is proposed as factors in the formation of semiotic codes of English linguistic culture and a modeling system of perception.

Key words: linguistic color world picture, multicultural picture of the world, author's idiostyle, semiotic codes.

*В. А. Глазырин (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
glazyrinslava@bk.ru*

**ОПЫТ ПОЭТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СТИХОТВОРЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА
"NOTRE DAME"¹**

В докладе освещаются принципы авторской поэтической идеографии – нового направления исследования поэтических текстов. Цель этого подхода – выявление и описание индивидуально-авторских поэтических картин мира и их репрезентаций в лексикографических параметрах. Излагается модель поэтико-идеографического анализа на материале стихотворения О. Э. Мандельштама "Notre Dame".

Ключевые слова: поэтический текст, идеографическая лексикография, поэтическая идеография, индивидуально-авторская картина мира, авторский идеографический словарь.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00352.

Целью данной работы является исследование стихотворения О. Э. Мандельштама “Notre Dame” с помощью поэтико-идеографического анализа. По утверждению Ю. В. Казарина, в основе данного метода *лежит исследование и описание смысловой парадигматики лексики на глубинном уровне лексической смысловой структуры стихотворения* [Казарин 2004: 360]. Отметим, что мы понимаем под поэтической идеографией одновременно и метод исследования, включающий различные частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств, и его результат. Итог этого анализа – системно организованная лексика анализируемых стихотворений, отображающая и интерпретирующая внешний и внутренний миры поэта и тем самым выражающая авторские представления о нем, что, соответственно, является основой структурирования и формирования индивидуально-авторской картины мира.

Метод поэтической идеографии опирается как на теоретические достижения крупнейших отечественных лингвистов (см.: Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Э. В. Кузнецова, Н. Ю. Шведова и др.), так и на практику составления идеографических словарей ученых Уральской семантической школы (далее – УСШ) под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Следует отметить особо важную роль для нашего исследования Синопсиса [Бабенко 2014], составленного на основе свода идеографических классификаций, представленных во всех словарях УСШ: глаголов, существительных, прилагательных и др. Синопсис представляет собой наиболее полный вариант лексической категоризации мира, отображающей русскую национальную языковую картину мира. Он является для нас образцом при категоризации и систематизации лексики стихотворений сборника О. Э. Мандельштама «Камень».

Поскольку итогом исследования дебютного сборника поэта является составление авторского идеографического словаря, для нас особенно важны достижения в области традиционной авторской лексикографии, основы которой глубоко и многоаспектно представлены в работах Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011].

Поэтико-идеографический анализ представляет собой последовательную многоаспектную интерпретацию каждого отдельного стихотворения, входящего в общий поэтический сборник. Результаты данной работы оформляются в лексикографических параметрах и представляют собой словарную статью отдельно взятого стихотворения, отображающего фрагмент индивидуально-авторской картины мира поэта.

Словарная статья авторского идеографического словаря включает в себя:

1. Заглавная единица – анализируемый поэтический текст вместе с названием;

2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий;
3. Поэтико-идеографический анализ лексики отдельного стихотворения, включающий следующие лексикографические параметры:

3.1. Семантический анализ лексического значения слова и его контекстуальных реализаций с целью выявления основных текстовых смыслов и способов их репрезентации;

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант;

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа;

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте;

4. Интерпретация особенностей фрагмента индивидуально-авторской картины мира, воссозданного в анализируемом тексте, формулировка его общего когнитивно-дискурсивного смысла.

В рамках доклада мы значительно сократим 2 пункт, опустим пункты 3.1, 3.2 и 3.4 из-за их значительного объема, при этом сконцентрируемся на пунктах 3.3 и 4.

Представим поэтико-идеографический анализ стихотворения “Notre Dame”.

1. Текст стихотворения:

NOTRE DAME

Где римский судия судил чужой народ –
Стоит базилика – и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.
Но выдает себя снаружи тайный план!
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.
Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб и всюду царь – отвес.
Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, –
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий

Стихотворение “Notre Dame” закрывает первое издание книги «Камень». Впервые оно было опубликовано в 1913 году в журнале «Аполлон». Исследуемый поэтический текст тематически тесно связан с программной статьей О. Э. Мандельштама «Утро акмеизма». Поэт писал: *Акмеизм – для тех, кто обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы* [Мандельштам 1990: 188].

В свете постулата тождественности слова и камня, – как отмечает Л. Г. Кихней, – *каждая поэтическая реалья этого стихотворения обретает второй план* [Кихней 2016: 52]. Невозможно не согласиться с исследователем в том, что *в развернутом образе храма можно усмотреть метафору стихотворения как целостного художественного высказывания* [Там же]. Как храм строится из камней, так и стихотворение состоит из слов обыденного, бытового языка. В первой строфе стихотворения “Notre Dame” подчеркивается *органическая первозданность, несотворенность* храма, во второй – *образ храма <...> предстает как рукотворное создание* [Там же: 53].

О. А. Лекманов обратил внимание на то, что источником образности исследуемого стихотворения *почти наверняка послужило предисловие Валерия Брюсова к книге стихов <...> Николая Клюева «Сосен перезвон»* [Лекманов 2016: 77]. Действительно, В. Я. Брюсов пишет о готических соборах, *строящихся по одному глубоко обдуманному плану, о тяжелых камнях, которые, громоздясь один на другой, образовывали легкие своды, о диком лесе, в котором ничего не предусмотрено, не предрешено заранее, на каждом шагу ждет неожиданность* [цит. по: Лекманов 2016: 77]. Но в отличие от концепции В. Я. Брюсова, который противопоставлял друг другу строгую готическую архитектуру и лес, у О. Э. Мандельштама *лес предстает фрагментом общего архитектурного замысла* [Там же: 78].

М. Л. Гаспаров в статье «Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама» писал: *Notre Dame не противопоставляется римскому храму Юпитера, а продолжает дело римского судилища* [Гаспаров 2001: 270]. Исследователь отмечает, что поэту *важна не религиозная, а социально-культурная преемственность трех культур – не культура вписывается в религию, а наоборот, религия в культуру. Notre Dame делается знаком культурной традиции и в то же время он – знак новаторства, он первый, как Адам* [Там же].

Неслучайно стихотворение “Notre Dame” закрывает дебютную книгу поэта: лирический герой стихов О. Э. Мандельштама проходит путь от рождения в первом стихотворении (*Дано мне тело – что мне делать с ним...*) до осознания себя поэтом, творцом – в последнем (*И я когда-нибудь прекрасное создам*).

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе денотативно-идеографические группировки слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы (в рамках данного доклада мы не будем указывать денотативно-идеографические группы):

Восприятие окружающего мира: *где, стоять, некогда, крестовый, легкий, снаружи, здесь, сила, масса, грузный, таран (перен.), с, рядом, тростинка (перен.), дуб (перен.), всюду, чудовищный, часто, когда-нибудь;*

Нации: *римский, чужой, народ;*

Общественно-государственная сфера: *судья, судить, базилика, Адам, распластывать (перен.), нерв (перен.), играть мышцами (перен.), свод (2), позаботиться (перен.), подпружный, арка, стена, бездействовать (перен.), таран, лес (перен.), готический, египетский, христианство, тростинка (перен.), дуб (перен.), отвес, Notre Dame, я (3), ребро (перен.), прекрасное, содать);*

Универсальные представления, смыслы и отношения: *и (5), первый, как, но (2), чтоб, не, душа, царь (перен.), чем, твой, тем, из, и;*

Человек и его внутренний мир: *радостный, легкий, выдавать, тайный, план, грузный, дерзкий, стихийный, лабиринт (перен.), непостижимый, рассудочный, мощь, робость, царь, внимательно, твердыня, изучать, чудовищный, думать, недобрый;*

Человек как живое существо: *нerv, играть мышцами, ребро;*

Конкретная физическая деятельность: *сокрушить;*

Живая природа: *лес, тростинка, дуб;*

Неживая природа: *пропасть;*

Язык и речь: *тяжесть (перен.).*

Итак, денотативно-идеографический анализ лексики стихотворения О. Э. Мандельштама “Notre Dame” выявил своеобразный набор групп слов, участвующих в изображении уникального фрагмента мира. Он формируется комбинацией лексики десяти денотативных сфер, функционирующих в тексте с учетом их количественной представленности, следующим образом: «Общественно-государственная сфера», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира», «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Человек как живое существо», «Живая природа», «Нации», «Неживая природа», «Язык и речь», «Конкретная физическая деятельность». Как видим, в иерархии текстовой категориальной структуры доминанта –

«Общественно-государственная сфера». Она включает в себя такие важные для исследуемого поэтического текста подгруппы, как «Строительство», «Искусство», «Религия». Лексика данных групп создает уникальный фрагмент картины мира поэта, который отображает представления Мандельштама-акмеиста о поэзии и шире – искусстве. Также обратим внимание на гармонию внешнего («Восприятие окружающего мира») и внутреннего («Человек и его внутренний мир») миров О. Э. Мандельштама.

Литература

Бабенко Л. Г. Синопис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 22–42.

Гаспаров М. Л. Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама: анализ и интерпретация // Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001.

Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва, Екатеринбург: Академический Проект: Деловая книга, 2004.

Кихней Л. Г. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.

Лекманов О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.

Мандельштам О. Э. Камень / издание подготовили Л. Я. Гинзбург и др. Ленинград: Наука, 1990.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.

V. A. Glazyrin (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
of the first President of Russia B. N. Yeltsin

EXPERIENCE OF POETIC-IDEOGRAPHIC ANALYSIS OF O. E. MANDELSTAM'S POEM "NOTRE DAME"

The report highlights the principles of the author's poetic ideography – a new direction in the study of poetic texts. The purpose of this approach is to identify and describe individual author's poetic pictures of the world and their representations in lexicographic parameters. A model of poetic-ideographic analysis is presented based on the material of O. E. Mandelstam's poem "Notre Dame".

Key words: poetic text, ideographic lexicography, poetic ideography, individual author's picture of the world, author's ideographic dictionary.

И. А. Даниленко (Белгород, Россия)
*Белгородский государственный научный
исследовательский университет
danilenko_ia@bsu.edu.ru*

**КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
АВТОРСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО
КОНЦЕПТА-ДОМИНАНТЫ *WAR/ВОЙНА*
(на материале романа Томаса Кенелли “The Daughters of Mars”)**

В статье моделируется номинативное поле авторского художественного концепта-доминанты *WAR/ВОЙНА*, созданного Томасом Кенелли в романе “The daughters of Mars”. В архитектонике номинативного поля концепта-доминанты *WAR/ВОЙНА* выявлены авторские субконцепты, которые формируют уникальный авторский художественный концепт-доминанту *WAR\ВОЙНА*, отличный как от познавательного концепта *WAR\ВОЙНА* так и от других художественных концептов с тем же названием.

Ключевые слова: когнитивно-герменевтическое моделирование, художественный концепт, авторский художественный концепт, концепт-доминанта.

Концептосфера языка находится в постоянной динамике, приобретает и теряет концепты. В языке концепты *появляются, когда возникает социальная потребность выделить и осмыслить тот или иной фрагмент реальности, и уходят, когда такая потребность исчезает* [Карасик 2018: 51]. Концептосфера художественного текста, в отличие от концептосферы языка, имеет вполне чёткие границы, она статична и имеет определённое, заложенное автором количество художественных концептов.

Поскольку концептосфера художественного текста, а равно и составляющие её концепты, не подвержены изменениям, представляется возможным изучение их архитектоники. Концептосферу художественного текста составляют художественные концепты.

Среди концептов художественного текста одни концепты доминируют над другими. «Доминантный принцип», применим к концептосфере художественного текста как к варианту познания и фиксации объективной действительности. При познании окружающего мира сознанию человека свойственно выдвигать *те или иные элементы в качестве определенных доминант* [Болдырев 2019: 38], определяя их как более значимые.

Все художественные концепты одного художественного текста реализованы автором в разной степени. Автор делает одни художественные концепты более значимыми, чем другие, в рамках художественного текста. Концепт-доминанта – это *центральный концепт художественного*

произведения [Даниленко 2021: 27]. Архитектоника номинативного поля концепта-доминанты подразумевает *ядро-периферийную совокупность субконцептов* [Огнева 2022: 39].

Для анализа художественных концептов-доминант и изучения их архитектоники мы применяем **метод когнитивно-герменевтического моделирования**. Результаты такого моделирования позволяют получить *представление о концептуальных структурах и возможностях их описания с помощью когнитивных моделей* [Кушнерук 2019: 16–17]. Когнитивная модель даёт наглядное представление об архитектонике художественного концепта-доминанты и предоставляет широкие *интерпретативные возможности* [Огнева 2022: 38] при сопоставительном анализе одинаковых концептов доминант из разных художественных текстов.

Художественные субконцепты, отражающие значение концепта-доминанты в наибольшей степени, находятся ближе к ядру, художественные субконцепты, отражающие суть концепта-доминанты в наименьшей степени, – ближе к периферии номинативного поля.

Одно из свойств всех художественных концептов – их уникальность: *художественный концепт <...> не поддается соединению, слиянию с каким-либо другим концептом другого автора, даже когда два концепта синонимичны. Но сам автор «художественного» очень часто стремится без конца варьировать ранее данное свое* [Степанов 2004: 242]. Развивая эту идею дальше, скажем, что художественный концепт формируется на основе множества индивидуально-авторских художественных концептов, реализованных во множестве художественных произведений. Поэтому в разных художественных текстах номинативное поле одного и того же концепта-доминанты формируется разными субконцептами.

Представляется интересным изучить структуру номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА в романе Томаса Кенелли “The daughters of Mars”. Это роман австралийского писателя о двух сёстрах, принимавших участие в Первой Мировой войне в качестве медсестёр австралийской армии.

Художественный концепт-доминанта WAR/ВОЙНА выступает в романе сюжетобразующим: все события романа подчинены событиям войны. Когнитивно-герменевтический анализ позволил нам выявить следующие субконцепты, входящие в номинативное поле художественного концепта WAR/ВОЙНА:

WOMAN/ЖЕНЩИНА, HOSPITAL/ГОСПИТАЛЬ, DESEASE/ БОЛЕЗНЬ, WOUND/РАНЕНИЕ, DEATH/СМЕРТЬ, ANZAC/АВСТРАЛИЙСКИЙ И НОВОЗЕЛАНДСКИЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, SOLDIER/СОЛДАТ, ENEMY / ВРАГ, SHELLING / АРТОБСТРЕЛ, AIR RAID / АВИАНАЛЁТ.

Субконцепты расположены в зависимости от объёма их номинативного поля: от субконцептов с самым объёмным номинативным полем к субконцептам с наименьшим по объёму номинативным полем.

Ближе всех к ядру художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА находится субконцепт WOMAN/ЖЕНЩИНА. Он входит в номинативное поле концепта-доминанты т.к. по замыслу автора роман рассказывает историю женщины на войне, и поэтому субконцепт WOMAN/ЖЕНЩИНА репрезентирован наибольшим количеством номинантов по сравнению с другими субконцептами.

В рассматриваемом концепте-доминанте художественные субконцепты медицинской тематики формируют ближнюю периферию, тогда как художественные субконцепты военной тематики – дальнюю периферию. Это обусловлено сюжетом романа: главные героини военные медсёстры, поэтому автор уделяет значительное время описанию работы военных госпиталей. Особое внимание Томас Кенелли уделил медицинским технологиям и процедурам того времени, реалистично описывая проведение операций и внедрение новых медицинских технологий и инструментов, что положительно сказалось на реалистичности романа.

В ближней периферии выявлены субконцепты HOSPITAL/ГОСПИТАЛЬ, DESEASE/БОЛЕЗНЬ, WOUND/РАНЕНИЕ и ANZAC/АВСТРАЛИЙСКИЙ И НОВОЗЕЛАНДСКИЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС. Автор описывает войну с точки зрения военных медсестёр, поэтому номинантов, входящих в номинативное поле вышеперечисленных художественных субконцептов, подавляющее большинство.

Субконцепты DESEASE/БОЛЕЗНЬ, WOUND / РАНЕНИЕ выделены как два разных, поскольку в тексте романа есть чёткое разграничение между ранениями, полученными в бою, и заболеваниями невоенного характера. Так, в определённый момент автор даже противопоставляет раны, полученные в бою, и венерические заболевания у солдат или эпидемии, возникающие из-за антисанитарии в госпиталях того времени.

При моделировании концептосферы художественного текста всегда следует помнить, что *при исследовании литературных произведений тех или иных народов особое внимание уделяется специфике национальной культуры, истории, традициям и ценностям данного народа* [Амануллаева 2020: 53]. Автором рассмотренного нами романа является австралиец, хорошо знакомый с культурой Австралии, что и отражается в концептосфере романа.

Художественный субконцепт ANZAC/АВСТРАЛИЙСКИЙ И НОВОЗЕЛАНДСКИЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС выявлен в ближней периферии номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА. Вопрос об обособленности австралийских частей в составе британской армии

проходит через весь роман. Первая Мировая война стала для Австралии, в том числе, и возможностью, заявить о себе не только как о колонии, а как о самостоятельном государстве, о чём говорят все герои романа на всём его протяжении. Автор старательно передал атмосферу того времени и желание австралийцев зарекомендовать себя как отдельную нацию.

Дальняя периферия номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА сформирована, как ни странно, субконцептами исключительно военной направленности: SOLDIER/СОЛДАТ, ENEMY/ВРАГ, SHELLING/АРТОБСТРЕЛ и AIR RAID/АВИАНАЛЁТ. В романе почти нет описаний военных действий, следовательно, номинантов, репрезентирующих данные художественные субконцепты, наименьшее количество.

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ авторского художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА позволил выявить субконцепты, входящие в номинативное поле исследуемого концепта. Уникальность авторского художественного концепта WAR/ВОЙНА, созданного Томасом Кенелли в романе “The daughters of Mars”, обусловлена наличием национальных и сюжетно мотивированных субконцептов, таких как WOMAN/ЖЕНЩИНА, HOSPITAL/ГОСПИТАЛЬ и ANZAC/АВСТРАЛИЙСКИЙ И НОВОЗЕЛАНДСКИЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС. При этом субконцепты исключительно военной тематики реализованы в значительно меньшей степени и формируют дальнюю периферию художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА.

Литература

Амануллаева К. М. Художественный концепт и специфические характеристики его воссоздания // Иностранная филология: язык, литература, образование. 2020. № . 4 (77). С. 53–57.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № . XXXVII. С. 37–43.

Даниленко И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка “Der Funke Leben”) // Гуманитарные исследования. 2021. № . 1. С. 26–32.

Карасик В. И. и др. Кротость: концепт ушедшей эпохи // Лингвистика в эпоху глобанглизации. 2018. С. 51–61.

Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М.: Флинта, 2019.

Огнева Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № . 2. С. 37–49.

Степанов С. Ю. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.

*I. A. Danilenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State Scientific Research University*

**THE NATIONAL COMPONENT
AND THE AUTHOR'S VISION
WITHIN THE NOMINATIVE FIELD
OF THE LITERARY CONCEPT WAR
IN THOMAS KENEALLY'S NOVEL
"THE DAUGHTERS OF MARS"**

The author models the nominative field of the author's literary concept-dominant WAR created by Thomas Keneally in the novel "The daughters of Mars". Within the architectonics of the nominative field of the dominant concept WAR the author's subconcepts are revealed which form a unique author's literary concept-dominant WAR which is pretty different from both the cognitive concept of WAR and others literary concepts with the same name.

Key words: cognitive-hermeneutical modeling, literary concept, author's literary concept, concept dominant.

*Н. В. Денисова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.denisova@spbu.ru*

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ:
ФАКТОР АДРЕСАНТА**

В статье представлен сопоставительный когнитивно-дискурсивный анализ двух разножанровых искусствоведческих текстов, написанных по поводу одного и того же события: выставки Г. Брускина «Коллекция археолога». Показано, что фактор адресанта сказывается на дискурсивных параметрах искусствоведческого текста, в т. ч. на его структурно-смысловой организации, характере и объекте оценки, плотности когнитивной информации и стиле изложения, связанном с экспертным знанием автора.

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, рецензия, комментарий художника, внутренний/внешний эксперт, экспертное знание, оценка.

Жанры искусствоведческого дискурса отличаются разнообразием, связанным в т. ч. с такими факторами, как авторство, модальность, объем и канал связи.

Цель настоящего исследования – продемонстрировать, как фактор адресанта искусствоведческого текста влияет на его когнитивно-дискурсивные характеристики: специфику структурно-смысловой организации текста, нарратологические особенности, объект оценки и проч., отражая не только идиостиль автора, но и его отношение (внутренний / внешний эксперт) к арт-объектам, которым посвящен текст.

Материалом предлагаемого анализа послужили два текста о выставке Гриши Брускина “An Archaeologist’s Collection” («Коллекция археолога»): рецензия искусствоведа и куратора Сильвии Бурины, вошедшая в каталог, и 20-минутное видео на русском языке, задуманное художником как введение к выставке (introductory text for the exhibition). Транскрипт этого выступления на английском языке также вошел в каталог к выставке и может рассматриваться как развернутый комментарий художника.

Анализируя комментарии художников, У. Гарретт-Петтс и Р. Нэш сравнивают их с предисловием к литературному произведению в связи с их важной риторической ролью. Становясь частью экспозиции, комментарий художника может рассматриваться как своего рода приглашение, объясняя зрителю авторскую задумку [Garrett-Petts, Nash 2008] и выполняя тем самым **интродуктивную функцию**. В этом смысле комментарий-введение Г. Брускина очень показателен, поскольку при авторской интерпретации собственных работ художник выступает **внутренним экспертом**, приоткрывая завесу в мир созидания и помещая арт-объекты в творческий контекст, необходимый для понимания замысла.

В структурном плане комментарий Г. Брускина состоит из пяти смысловых блоков: 1. Вводная часть, посвященная широкому культурно-историческому контексту; 2. Краткое воспоминание о жизни в СССР и первом желании написать картину-письмо; 3. Рассказ о детской страсти сочинять и отправлять письма в никуда; 4. Изложение сущности картины «Фундаментальный лексикон», положившей начало его многолетнему «Советскому проекту»; 5. Изложение истории создания «Коллекции археолога», описание ее состава, историческая справка о Римских империях и объяснение намерения закопать скульптуры в Тоскане.

Г. Брускин не просто дает разъяснения – он очень «литературно» рассказывает личную историю. Текст открывается словами:

Советская империя исчезла в одночасье. Упала как зарница – как в стакан воды ресница, протянув всего ничего каких-нибудь жалких 76 лет. В пример будет сказано, Великая Византийская прожила аж тысячу лет. Коммунистические идеалы дискредитированы, национальная идея попорана. Что делать? Куда ты мчишься, птица-тройка?

Обращают на себя внимание множественные стилистические средства: рифмованное метафорическое сравнение (как зарница – как в стакан воды

ресница), мейозис (*всего ничего каких-нибудь жалких*), антитеза (*Советская империя протянула жалких 76 лет – Великая Византийская прожила аж тысячу лет*), аллюзивный риторический вопрос (*Куда ты мчишься, птица-тройка?*). Текст обнаруживает интертекстуальные связи с произведениями русской литературы: это и прямые цитаты, и аллюзии, и особый «былинный слог» художника. Комментарий изобилует культурно-коннотированной лексикой (*Тридцатое Царство, фронтовой треугольник*), историзмами и советизмами (*Золотая Орда, Третий Рим, Железный занавес, ГУЛАГ*), отсылками к Священному Писанию (*Армагеддон, Антихрист, Мессия*).

В целом, можно отметить следующие антропоцентрические параметры текста-комментария Г. Брускина: эксплицитно выраженная представленность субъекта (повествование от первого лица: *Я живо вспоминаю, я беспокоился*), апелляция к собственному опыту и воспоминаниям (*Давным-давно, живя в Советском союзе*), использование эгоцентриков с интродуктивной функцией (*однажды, в свое время*), ярко выраженная просветительская интенция (*Почему я закопал руины в Италии? Краткая историческая справка...*), обилие эмоционально-оценочной лексики (*беспокоился, предался страсти, необыкновенно красивы, восхитившись*), которая употребляется в основном в связи с обращением автора к прожитому опыту, с оценкой исторических событий. Представляется, что объектом оценки выступает прежде всего событие, вдохновившее художника на создание проекта.

Принцип комментирования Г. Брускина можно определить как **эгалитарный**, т. е. предполагающий когнитивное равенство с адресатом. Это проявляется и в использовании обобщающего местоимения «мы», если речь не идет о личном опыте (*как все мы еще помним, мы видим*).

В целом, развернутый комментарий Г. Брускина отличает литературность изложения, обилие выразительных стилистических приемов и лексических единиц, номинирующих эмоции, эксплицитно выраженная представленность субъекта дискурсивного знания, эгалитарный стиль изложения. Текст выполняет прежде всего интродуктивную функцию, являясь вербальным продолжением выставки/проекта художника.

Рецензия куратора выставки «Коллекция археолога» Сильвии Бурины отличается более четкой структурой, смысловые блоки имеют подзаголовки, выполняющие прогнозирующую функцию: 1. Раздел *The Cultural Context: Conceptualism and Sots-Art* посвящен краткой биографии Г. Брускина и контекстуализации его творчества; 2. В разделе *“The Secret of History lies in the Mystery of its Language”* Бурины представляет семиотическую концепцию культуры Ю. Лотмана как ключ к пониманию работ Брускина; 3. В Разделе *Explosions and Ruins* излагается концепция «взрыва» и делается вывод о важности «прочтения» работ Г. Брускина «по Лотману». 4. *Memories*

and Ruins – последний структурно-смысловой блок посвящен основному мотиву творчества художника – коллективной памяти. Цитаты из работ Ю. Лотмана, помещенные в сильные позиции, – заглавие и последний абзац – задают смысловые доминанты. **Мультимодальный** текст рецензии сопровождается фотографиями экспонатов.

Первые два абзаца рецензии содержат эксплицитно выраженную положительную оценку творчества Г. Брускина, задавая аксиологический камертон текста:

Today, Grisha Bruskin is a well-known, even famous artist, with a story worthy of a novel. In Soviet times, this was not the case... <...> gradually gained an international recognition which has never faded since then. <...> This led him to achieve a highly idiosyncratic and original style...

Оценочная лексика (*original, famous*) присутствует только в этой части рецензии и демонстрирует **монополярность** субъективной эмоциональной оценки автора. Здесь же проводится антитеза: международное признание художника сегодня и «отторжение» его системой во времена СССР. Эта мысль раскрывается далее, где С. Бурины погружает читателя в социально-политический и культурный контекст, понимание которого очень важно для декодирования художественно-идейного замысла произведений Брускина.

Как отмечают У. Гарретт-Петтс и Р. Нэш, предлагая интерпретацию художественных объектов, искусствоведы часто прибегают к перефразированию комментариев самих художников [Garrett-Petts, Nash 2008]. Бурины многократно цитирует и пересказывает слова Брускина, однако, обладая экспертным знанием в области русского искусства и семиотики культуры, критик перемежает пересказ комментариев самого художника подробным изложением теории семиосферы Ю. Лотмана. Стиль изложения в целом можно определить как **авторитарный**, т. е. предполагающий неравенство знаний у адресата и адресанта. Автор вводит в текст необходимые переводные термины (*unpredictability [nepredskazuemost], explosion [vzryv]*) и знакомит читателя с концепцией «взрыва» – так Ю. Лотман обозначал динамические изменения, влияющие на ход истории и находящие отражение в культуре. Развал СССР, по ее мнению, и есть такой взрыв, породивший целый ряд проектов Брускина (*the collapse of the Soviet empire was ... an explosion, a trauma*).

В целом, можно отметить, что мультимодальный текст С. Бурины написан в авторитарной манере, характеризуется более четкой структурой, высокой плотностью когнитивной информации и монополярностью оценки, объектом которой оказывается творчество Г. Брускина, и выполняет прежде всего интерпретативно-аттрактивную функцию.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что фактор адресанта определяет ряд когнитивно-дискурсивных характеристик искусствоведческого текста. Рецензия куратора имеет более четкую структурно-смысловую организацию, отличается ауторитарным стилем изложения и меньшим разнообразием выразительных средств. Объектами положительной эмоциональной оценки выступают художественные произведения и творчество художника. Предлагая интерпретацию идейного замысла, автор рецензии обращается к комментарию художника и делится с читателем экспертным знанием, излагая теорию семиосферы Ю. Лотмана. В этой связи текст рецензии отличается большей плотностью когнитивной информации и выполняет прежде всего интерпретативно-аттрактивную функцию. Комментарий художника, напротив, отличается менее четкой структурно-смысловой организацией, интертекстуальностью, большим разнообразием средств выразительности и эмоционально-оценочной лексики. Являясь внутренним экспертом, художник оценивает контекст и события, вдохновившие его на создание коллекции. Комментарий художника представляет собой вербализацию художественного замысла и выполняет прежде всего интродуктивную функцию, приглашая читателя стать зрителем.

Литература

Bruskin G. An Archaeologist's Collection. The artist reads the introductory text for the exhibition. 2015. URL: <https://fineartbiblio.com/videos/43610/grisha-bruskin-an-archeologist-collection-the-artist-reads-the-introductory-text-for-the-exhibition> (дата обращения: 10.01.2023)

Burini S. 'The Secret of History lies in the Mysteries of its Language' from a fundamental lexicon for the future to an archaeologist's collection // Grisha Bruskin. An Archaeologist's Collection. Exhibition Catalogue / Giuseppe Barbieri and Silvia Burini (eds). 2015. Venezia: 15–28.

Garrett-Petts W.F., Nash R. Re-visioning the visual: making artistic inquiry visible // Rhizomes 18. 2008. Spec. issue on "Imaging Place".

N. V. Denisova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

COGNITIVE AND DISCURSIVE DIMENSIONS OF AN ART REVIEW VERSUS AN ARTIST'S STATEMENT

The paper provides a comparative analysis of Silvia Burini's review and Grisha Bruskin artist's statement, both written in relation to the same event: Bruskin's 2015 exhibition *An Archaeologist's Collection*. The paper seeks to identify cognitive and discursive dimensions of these two texts of different genres of art discourse. It is argued that the author-

ship factor, i. e. whether the author of the text is an internal or external expert, manifests itself in various ways, including the style, structure, and cognitive density of the text.

Key words: art discourse, art review, artist's statement, internal/ external expert, expertise, evaluation.

О. А. Дмитриева (Чебоксары, Россия)
*Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева
olgaal_79@mail.ru*

ОБРАЗЫ И СРАВНЕНИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВАКХИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются особенности интерпретации ситуации винопития в мире художественного произведения А. П. Чехова. Уделяется особое внимание зоометафорам и анималистическим сравнениям. Выявлено, что компаративные тропы характеризуют частое времяпрепровождение персонажа, его образ жизни, характер и негативно оценивают его.

Ключевые слова: А. П. Чехов, метафора, зоометафора, вакхический текст, индивидуально-авторский образ мира, культура винопития.

Введение. Быт и культура повседневности все чаще становятся предметом изысканий ученых-филологов, культурологов, историков и др. И как следствие, практики питания могут рассматриваться в разных ракурсах, при этом в фокус попадают те или иные элементы культуры, закрепленные в т. ч. и в языке. Мир художественного произведения (Е. Г. Беляевская пишет о *дискурсивной интерпретации мира* [Беляевская 2016]) – иная ипостась, включающая в себя как условно объективное, которое часто национально обусловлено, так и субъективное, связанное с точкой зрения автора, его взглядами и мировоззрением. Текст может быть представлен как система семантических / аксиологических доминант. Смоделированный художественный мир (см., например, когнитивное моделирование ПРОСТРАНСТВА [Огнева 2022]) оказывает определенное эстетическое воздействие на читателя.

Ситуация винопития в художественном тексте, если не выполняет сюжетобразующую роль или функцию характеристики персонажа, уходит в фон и зачастую читателем замечается вскользь. Тем не менее каждый элемент индивидуально-авторского мира «встроен» в сюжет и несет свою аксиологическую нагрузку. Цель данного исследования – рассмотреть индивидуально-авторское представление о ситуации винопития, вербализованное в зоомета-

форах и анималистических сравнениях в прозе А. П. Чехова, а также соотности его с традиционным национальным образом, типичным для русской языковой картины мира и культуры в целом.

Вакхические зоометафоры в прозе А. П. Чехова. Образные характеристики *однозначно определяют сущность персонажа* [Кожевникова URL]. Зоометафорам в произведениях А. П. Чехова посвящены специальные исследования. Так, Е. Н. Нагорная уделяет особое внимание таким метафорическим образам, как «голубь», «лошадь», «осел», «собака» [Нагорная 2014]. М. А. Фокина, анализируя зоонимы в повести «Скучная история» (ею упоминаются *верблюд, ломовой конь, табун* и др.) подчеркивает, что Чехов часто уподобляет своих героев представителям животного мира, что отражается и в самих названиях произведений [Фокина 2020: 67]. В концептуализации ситуации винопития также нередко участвуют бестиарные образы (см. [Белякова 2016]). В качестве примера приведем распространенное сравнение *напиться как свинья*; или глагол *назюзиться*: во внутренней форме слова существительное *зюзя* (*зюська, зюха*) восходит к диалектному «свинья» в псковских и др. говорах [Бирих и др. 1998: 221]. Деривационный и синонимический ряд *свинья* в произведениях Чехова представлен разными единицами: *свиненок, свинтус, свинопас; поросенок, поросля, поросеночек; хрюкало* (название газеты «Делец»); фразеологизм *свинья в ермолке*; прецедентное выражение *торжествующая свинья* (берет истоки из драмы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою»); прилагательные *свиной* (*свиное рыло*), *свинский, свинячий, свиновый; порослячий*; существительные *свинина, свинство, свинюшник*; наречие *по-свински*; глагол *хрюкнуть*. Лексема *свинья*, например, включается в группу существительных со значением наименования лица, по «Частотному грамматико-семантическому словарю языка художественных произведений А. П. Чехова», употребляется 65 раз в 39 произведениях [Частотный 2012: 489].

Омысляя образ жизни человека и, в частности вакхическую ситуацию, А. П. Чехов обращается к образу *свиньи*, при этом добавляются дополнительные коннотации и вводится свой индивидуально-авторский аксиологический ракурс. В повести «Драма на охоте» слуга Поликарп называет жизнь, которую вел его хозяин – судебный следователь Сергей Зиновьев (Камышев), в присутствии графа Карнеева *свинюшником*, хотя сам Камышев видит ее в совершенно ином ракурсе, где смешиваются положительные и отрицательные оценки, как *беспутную, необычную жизнь, полную эффектов и пьяного бешенства* [Чехов т. 3: 249] (см. подробный анализ вакхической лексики в повести [Димитриева 2022б]). Рассмотрим следующие два примера: (1) *Должность такая анафемская. <...> А иной раз и сведения не получишь без того, чтоб с какой-нибудь свиньей бутылку водки не стрескать. Сегодня, например, на пожаре нельзя было с агентом не выпить* (Конь и трепетная лань) [Чехов

т. 4: 97]; (2) *Короче, где радость по заказу, где купленный восторг, лезть, словоблудие, где пресыщение, тунейдство и свинство, там вы всегда найдете вдову Клико. Нет, подальше от шампанского!* (Шампанское) [Там же: 282]. В первом отрывке герой называет *свиньей* человека, у которого ему нужно выпросить информацию, и основным средством для достижения этой цели является распитое совместно спиртное. Во втором фрагменте *свинство* попадает в один ряд слов (*купленный восторг, словоблудие* и т. д.), выдержанных в негативном аксиологическом ключе, куда включается и *шампанское* (*Вдова Клико*), обычно ассоциирующееся с праздником и весельем.

Интересной представляется характеристика *свиньи* в рассказе «Ряженные»: *Вот солидно, подняв с достоинством голову, шагает что-то нарядившееся человеком. Это «что-то» толсто, обрюзгло и плешиво. <...> Оно только что пообедало, напилось елисейского пойла и теперь решает вопрос: отправиться ли к Адели, лечь ли спать, или же засесть за винт? <...> Завтра проснется в полдень, пообедаст, напьется пойла и опять примется за тот же вопрос. Послезавтра тоже... Кто это? Это – свинья* [Чехов т. 4: 276]. Внешность «нарядившегося человеком», образ жизни, представленный во всех трех временных планах: прошедшем времени (глаголы совершенного вида, употребленный в ситуации конкретного единичного действия – *пообедало, напилось*), настоящем актуальном (*решает*), будущем (*проснется, пообедаст, напьется* – в ситуации конкретного единичного действия). Единичные действия являются репрезентантами распорядка дня. Темпоральные наречия *только что – завтра – послезавтра*, заполняемые одинаковыми событиями, подчеркивают удовлетворение лишь витальных потребностей ряженого, что заставляет нарратора подобрать для этого типажа соответствующую номинацию: *это – свинья*. В этом же рассказе описание постоянного образа жизни, включающего сочетание отношения героя к спиртному и зоометафоры, относится еще к двум «ряженным»-антагонистам: один – это «*талант*», «*загримировавшийся забулдыгой*», другой – «*гусь лапчатый*», «*нарядившийся талантом*», причем для первого типичным считается, то, что «*пьет он каждые десять минут: днем водку, ночью пиво, утром содовую воду. Состояние «под шифе» – его норма <...> Живет он по-свински*» [Там же: 277]; для второго, наоборот, «*он не пьет, часто ездит лечиться и оберегает себя строгим комфортом*» [Там же: 278].

Таким образом, употребление спиртного и соответствующий образ жизни оценивается Чеховым негативно, метафорически уподобляется одному из негативно представленных в русской языковой картине мира животному – *свинье*, причем, как видно из рассказа «Ряженные», за этим образом стоит определенный типаж людей.

Еще одним чеховским анималистическим образом, репрезентирующем вакхический типаж, является «налим» из рассказа «Рыбье дело (Густой трактат

по жидкому вопросу)». Рассмотрим описание налима: *Тяжел, неповоротлив и флегматичен, как театральный кассир. Славится своей громадной печенкой, из чего явствует, что он пьет горькую. Живет под корягами и питается всякой всячиной. По натуре хищен, но умеет довольствоваться падалью, червяками и травой. <...> Ему на всё плевать...* [Чехов т. 4: 39]. Зооперсонаж, по замечанию Р.М. Иманкуловой, живет «в мире, смоделированном автором по образу и подобию человеческого», как и в некоторых сказках Салтыкова-Щедрина [Иманкулова 2016: 148]. Помимо характеристик, присущих только животным (*живет под корягами; довольствоваться падалью*), в примере мы видим и те, которые являются «человеческими» свойствами: *флегматичен, как театральный кассир; пьет горькую; ему на все наплевать*.

Выводы. Таким образом, расхожее сравнение *напиться как свинья* в прозе А. П. Чехова приобретает разнообразные формы экспликации: 1) образ жизни и негативная его оценка (*свинюшник; свинство; жить по-свински*); 2) зоометафоры становятся полноправными зооперсонажами, действующими в смоделированном мире, и обладающими свойствами и качествами человека («Ряженые»); 3) образ жизни персонажа предопределяет его анималистический образ, эталонное представление, закрепленное в культуре и языке, национальной картине мира. Отношение к винопитию как элемент частого времяпрепровождения эксплицируется и в других bestiарных образах, например, фразеологической единице *гусь лапчатый*, или в облике рыбы – *налима*. В последнем случае в описании сочетаются как антропоморфные признаки, так и качества, присущие лишь животной сфере.

Литература

Беляевская Е. Г. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в языке // Вестник МГЛУ. 2016. № 19 (758). С. 18–27.

Белякова С. М. Эстетическое освоение сферы «Алкоголь» в русских народных говорах // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 244–253.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Димитриева О. А. Концептуализация ситуации винопития в художественном мире писателей второй половины XIX в. // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 2(49). С. 220–225.

Димитриева О. А. Функционирование вакхической лексики в повести А. П. Чехова «Драма на охоте» // Филология и культура. 2022б. № 4(70). С. 51–58.

Иманкулова Р. М. Поэтика анималистических заглавий в ранней прозе А. П. Чехова // Филология и человек. 2016. № 3. С. 144–150.

Кожевникова Н. А. О тропях в прозе А. П. Чехова. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/kozhevnikova-o-tropah-v-proze-chehova.htm>.

Нагорная Е. Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2014.

Огнева Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37–49.

Фокина М. А. Метафоры-зоонимы в повести А. П. Чехова «Скучная история» // Неутомимые странники: сборник. Кострома: КГУ, 2020. С. 67–70.

Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / под общей ред. А. А. Поликарпова. М.: МАКС Пресс, 2012.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982.

О. А. Dimitrieva (Cheboksary, Russia)
Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University

**IMAGES AND COMPARISONS
IN THE REPRESENTATION OF THE BACCHIC MAN
IN THE PROSE OF A. P. CHEKHOV**

The article discusses the peculiarities of the interpretation of the situation of wine drinking in the world of A. P. Chekhov's work of art. Special attention is paid to zoometaphors and animalistic comparisons. It is revealed that comparative tropes characterize the frequent pastime of a character, his lifestyle, character and evaluate him in a negative way.

Key words: A. P. Chekhov, metaphor, zoometaphora, bacchanalian text, individual author's image of the world, culture of wine drinking.

Т. В. Дроздова, Е. А. Вишнякова (Тула, Россия)
*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
tanyazelenskaya@mail.ru, vishnyalis@yandex.ru*

**КОГНИТИВНО-ДИССОНАНТНЫЕ СИТУАЦИИ
КАК СТИМУЛ СОЗДАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

В статье рассматривается феномен когнитивного диссонанса, сущностью которого является несоответствие когниций коммуникантов, находящее свою репрезентацию на уровне языкового выражения. Анализ ситуаций когнитивного диссонанса, представленных в художественном дискурсе, показал, что их лингво-когнитивный

потенциал может быть использован в целях конструирования образа, создания особой атмосферы виртуального пространства и развития всей системы художественных образов литературного произведения.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, когнитивно-коммуникативная категория, конструирование образа, литературно-художественное пространство, речевая характеристика персонажа.

Согласно основным положениям теории когнитивного диссонанса ситуация несоответствия между особенностями когниций индивидов, т. е. между качеством и объемом знаний, мнений, убеждений, а также между интерпретационными возможностями индивидов в плане обработки и представления информация, может повлечь за собой психологический дискомфорт, который требует устранения или нейтрализации конфликтного состояния для достижения внутреннего баланса, то есть состояние консонанса и духовной гармонии [Фестингер 2000]. Когнитивный диссонанс относится к ситуациям, когда человек испытывает определенный психологический стресс, поскольку идеи и действия, включая языковую деятельность индивидов, психологически не согласуются с их установками, убеждениями и ценностями, становясь, таким образом, вопросами, выходящими за рамки привычного культурного, концептуального и языкового мировоззрения. Индивид испытывает диссонанс вследствие получения информации, не соответствующей его когнитивным установкам, поскольку основные концепты, относящиеся к структуризации видения мира в отношении миропорядка, а также фундаментальных связей и закономерностей, основанных на его знаниях и индивидуальных интерпретациях [Кубрякова 2004], представлены в неожиданном и зачастую непонятном формате.

Положение дел служит стимулом для преодоления и/или уменьшения возникшего дискомфорта. Внутренняя несогласованность имеет тенденцию становиться значимой мотивацией к поиску различных способов снижения когнитивного диссонанса, которые в более общем смысле включают в себя рациональный подход к ситуации относительно внесения изменений для оправдания некавалифицируемого социального или языкового поведения коммуникантов, вызывающего стресс. Консонанс может быть достигнут путем добавления новых когнитивных элементов в область когнитивной системы индивида, а также приложения смещения подтверждения, как ссылающегося на противоречивое избегание информации. В других подобных случаях поиск гармонии и консонанса относится как к содержанию, так и к способам изложения, а также сосредоточение внимания на утверждениях, которые поддерживают предшествующие знания и ожидания с точки зрения ценностей, убеждений

и установок, обычно полностью игнорируя информацию, вызывающую диссонанс и конфликты [Фестингер 2000].

Мы исходим из того, что феномен когнитивного диссонанса необходимо анализировать с точки зрения расхождений между когнициями коммуникаторов, актуализированными на уровне языка. Это означает, что рассматриваемую категорию можно определить как когнитивно-коммуникативную категорию, представленную оппозицией консонанс/ диссонанс на уровне речевого взаимодействия [Дроздова 2011]. Когнитивный диссонанс возникает в ситуациях, которые относятся к отсутствию соответствия между когнитивными и концептуальными основами коммуникантов, обладающих разными индивидуальными психическими и когнитивными особенностями, а также социокультурными нормами, в том числе обуславливающими закономерности выбора того или другого способа языковой репрезентации [Молчанова 2018: 11].

В области литературно-художественного творчества авторы используют несоответствие для передачи как интеллектуальной, так и эмоционально-оценочной информации для создания художественных образов, с одной стороны, а с другой – для представления среды максимально реальной, чтобы придать описанию максимально правдоподобный характер, либо фантастической, отвечающей соответствующим целям воздействия на читателя. Это способствует более глубокому проникновению в суть намерения автора, представленной им концепции художественного текста и их адекватной интерпретации [Вишнякова 2002].

Обратимся к материалу и проанализируем отрывок из романа С. Боумен «Тёмный ангел». Собеседники – девочка-подросток Констанц и Гвен, одна из её многочисленных тётушек.

She approached the advent of Sir Montague Stern, said perhaps too much, and halted. This was not, she realized, a topic to discuss with a girl. Constance smiled.

'Oh, you need not be delicate. I am not a child now. I know Stern is Aunt Maud's, lover. Why shouldn't he be? He is younger than Maud, of course, but such a clever generous man...'

Gwen was shocked at first. The word 'lover' was unexpected. She might have preferred some more decorous term – protector perhaps. But Gwen was not staid; she had a sense of humour, and Constance was now looking at her in such a way, amused, slightly conspiratorial... Times were changing. Gwen was tempted to go on [Beauman 1990].

В приведенном случае фокус внимания коммуникантов сосредоточен на языковой единице «lover». Слушающий воспринимает и адекватно интерпретирует значение языковой единицы *lover – a partner in a sexual*

relationship outside marriage [Oxford Advanced Learner's Dictionary: URL]. Проблема заключается в том, что с точки зрения Гвен, употребление данной языковой единицы подростком не соответствует принятым морально-этическим нормам. Осуществляя попытку нейтрализовать когнитивный диссонанс, слушающий использует прием псевдономинции, эвфемизации, заменяя единицу «lover» на «protector», таким образом, пытаясь направить интерпретационный процесс партнера по коммуникации в русло, в большей степени соответствующее морально-этическим нормам и возрасту собеседника. Из дальнейшего контекста становится очевидно, что в реальности между собеседниками достигается полное понимание, в то время как на уровне собственно лингвистическом имеет место реализация когнитивного диссонанса.

Вместе с тем, включение в художественное произведение ситуации такого рода может быть рассмотрено как способ построения литературно-художественного образа, который находит отражение в речевой характеристике персонажа. Исследование литературно-художественного образа предполагает комплексный анализ словесно-речевых и художественно-композиционных приемов создания образа конкретных литературных персонажей [Липгарт 2021].

В качестве иллюстрации приведённого выше положения рассмотрим эпизод речевого общения, участниками которого являются люди с равным социальным статусом – Чарльз Смитсон, благовоспитанный добропорядочный викторианец, и его приятель, доктор Гроган.

When Charles had finished he turned again to the window.

'I wish I could remember what particular punishments Dante prescribed for the Antinomians. Then I could prescribe them for you.'

'I think I shall have punishment enough.'

'That is not possible. Not by my tally.'

Charles left a pause.

'I did not reject your advice without much heart-searching.'

'Smithson, a gentleman remains a gentleman when he rejects advice. He does not do so when he tells lies.'

'I believed them necessary.'

'As you believed the satisfaction of your lust necessary.'

'I cannot accept that word.'

'You had better learn to. It is the one the world will attach to your conduct.'

[Fowles 1969: URL]

В ходе беседы доктор, указывая на неадекватное поведение своего друга, прибегает к прямой номинции, реализуя языковую единицу «lust».

Дефиниция данной единицы как *a strong sexual desire* [Oxford Advanced Learner's Dictionary: URL] сопровождается в словаре пометой «often derogatory», что относит ее к пласту негативно окрашенной, инвективной лексики. Принимая во внимание социально-культурные нормы коммуникации, соответствующие социальному статусу собеседников, можно утверждать, что реализация языковой единицы «lust» не является уместной в данном случае. Более того, говорящий не имеет намерения прибегнуть к эвфемизму, т. е. заменить языковую единицу на более подходящую для данного типа общения.

Неприятие слушающим указанной формы языкового выражения подтверждается ответной реакцией в виде прямого возражения: «I cannot accept that word», которое является маркером имеющего лингвистический характер когнитивного диссонанса, как выражение несогласия, отрицания. Отказ говорящего в данной диссонантной ситуации от реализации более уместных языковых средств также служит целям создания литературно-художественного образа – показать нежелание говорящего актуализировать адекватное для данного типа общения языковое выражение.

Таким образом, возможно заключить, что введение авторами ситуаций когнитивного диссонанса в контекст литературно-художественного произведения определяет специфику художественного образа, включающего речевую характеристику персонажа, которая реализуется при помощи целого ряда языковых средств, репрезентирующих процессы эвфемизации, метафорического понимания и толкования.

Литература

Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство: на материале современного английского языка. М.: МАКСПресс, 2002.

Дроздова Т. В. Рассогласованность кодово-процедурных программ коммуникантов как основа когнитивного диссонанса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 531–541.

Лингарт А. А. Основы лингвопоэтики. М.: URSS, 2021.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Молчанова Г. Г. Когнитивный диссонанс как транзакционный прием построения урбанонима. Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 8–16.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

Beauman S. Dark Angel. New York: Bantam Books, 1990.

Fowles J. The French Lieutenant's Woman. 1969. URL: <https://archive.org/details/frrenchlieutenant00fowl>

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

T. V. Drozdova, E. A. Vishnyakova (Tula, Russia)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

**COGNITIVE DISSONANT SITUATIONS
AS A STIMULUS FOR CREATING A STYLISTIC EFFECT
IN A LITERARY ARTISTIC TEXT**

The article deals with the phenomenon of cognitive dissonance, the essence of which is the discrepancy between communicants' cognitions which is manifested at the level of language. The analysis of cognitive dissonance situations represented in artistic discourse has shown that they can be used to construct an image, create a special atmosphere of virtual space and develop the whole system of artistic images of a literary work.

Key words: cognitive dissonance, cognitive and communicative category, image construction, literary and artistic space, speech portrayal.

О. А. Дронова (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
oa.dronova2014@yandex.ru*

**ФУНКЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ
МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ АРНО ГАЙГЕРА
«СТАРЫЙ КОРОЛЬ В СВОЕМ ИЗГНАНИИ»**

В статье рассматриваются концептуальная, текстообразующая и интертекстуальная функции индивидуально-авторской метафоры в романе А. Гайгера «Старый король в своём изгнании». Делается вывод о том, что метафора «король в изгнании» концентрирует в себе различные культурные коды (карнавальный, шекспировский, модернистский) и отражает амбивалентность авторской оценки главного героя романа.

Ключевые слова: метафора, Арно Гайгер, текстообразующая функция, культурный код, карнавал.

Проблема природы индивидуально-авторской метафоры, процессов её порождения и функционирования в художественном дискурсе является одним из наиболее актуальных аспектов филологических исследований. На современном этапе индивидуально-авторская метафора понимается как сложное явление, образующееся на стыке индивидуальной концептосферы художника и картины мира, характерной для данной лингвокультуры (Телия В. Н., Складаревская Г. Н., Алефиренко Н. Ф., Туралина Н. А., Рябых Е. Б.). Метафоричность является одним

из существенных свойств художественного дискурса. В русле когнитивного подхода метафора в художественном тексте рассматривается не столько как средство художественной выразительности, сколько как *орудие и плод поэтической мысли* [Арутюнова 1990: 16] – то есть, способ авторского познания и интерпретации мира. Метафора зачастую выступает в качестве смысловой доминанты художественного произведения, организующей все уровни его художественной структуры, она разворачивается, объясняется и уточняется т.е. выполняет в нем текстообразующую функцию (Харченко В. К., Билоус Л. С.).

Название романа современного австрийского прозаика Арно Гайгера «Старый король в своём изгнании» (“Der alte König in seinem Exil“, 2011) представляет собой индивидуально-авторскую метафору, локализованную в сильной позиции текста, что указывает на её концептуальный статус в рамках произведения. Этот автобиографический роман посвящен заболеванию отца писателя деменцией. Эта тема весьма актуальна в современной немецкоязычной литературе и присутствует помимо творчества Гайгера также у Э. Йелиннек, У. Дреснера, О. Руге и других авторов. В романе «Старый король в своем изгнании» Гайгер говорит о деменции как новой «болезни века» – символе современного стареющего общества.

Метафора *der alte König in seinem Exil* представляет собой развернутую метафору, обеспечивающую цельность и единство художественного текста романа. В её структуру входят два компонента: *больной деменцией-король* и *болезнь-изгнание*. Наиболее неоднозначным представляется первый компонент – уподобление больного деменцией королю. С позиции Н. Д. Арутюновой, метафорический перенос может происходить не только на основе сходства, но и противопоставления в силу того, что *отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании* [Арутюнова 1990: 17]. Метафора *больной деменцией-король* отражает позитивную эмоционально-оценочную коннотацию в отношении заболевшего, который выступает в романе как носитель специфического мышления, *индивидуальной логики (Privatlogik* [Geiger 2011: 43]). Каждая глава открывается фрагментом диалога между автором романа и его отцом, высказывания которого афористичны, демонстрируют нетривиальность мышления, заставляют по-иному взглянуть на привычные истины. Больной деменцией в романе является носителем чужеродности, инаковости и в этом плане он близок фигурам шута и дурака в концепции М. М. Бахтина. Эти фигуры обладают особым статусом, правом *быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения* [Бахтин 2000: 88]. В тексте романа Гайгера

присутствует номинация «плут»: *er sei derselbe Schelm wie eh und je* [Geiger 2011: 55], комичные характеристики в отношении героя: *schelmisch* [Geiger 2011: 132], *scherzend* [Geiger 2011: 63] *Verschmitztheit* [Geiger 2011: 85]. Некоторые проявления болезни комичны, точнее, трагикомичны: так Август Гайгер предлагает бургомистру, пришедшему на его восьмидесятилетие, спеть песню, что вызывает смех присутствующих. В ситуации болезни привычные иерархии оказываются упраздненными, а жизнь семьи приобретает «сюрреальные» свойства [Geiger 2011: 107] – что вновь указывает на присутствие карнавального обертона. С фигурой дурака/чудака образ больного деменцией роднит и мотив непонимания очевидных вещей, он выступает как носитель наивной логики, соприкосновение с которой обесценивает ложную условность рационального миропонимания.

В рамках концепции М. М. Бахтина фигуры шута и короля образуют неразрывно связанную пару антиподов: шут – это развенчанный король в карнавальном действии, *король обратного мира* [Бахтин 1990: 470]. *Больной деменцией-король* связан с карнавальным началом в романе и характеризует амбивалентность статуса больного – одновременно безумца и мудреца, выламывающегося из координат обыденности. Неслучайно в эпизоде острейшего приступа безумия Август Гайгер в наибольшей степени представляется автору романа похожим на короля: *Zwei Handtücher hatte er sich martialisch um den Hals gebunden, in der einen Hand hielt er eine nach oben aufgerichtete langstielige Rückenbürste, in der anderen Hand einen Nagelzwicker, dessen Nagelpfeile ausgeklappt war. Er sah jetzt tatsächlich wie ein König aus – mit Zepter und Schwert. Doch im Gesicht trug er den Stempel des Wahnsinns*» [Geiger 2011: 89]. Заболевший деменцией – безумец в мире здоровых, но король в своем мире: *Dort drüben, innerhalb der Grenzen seiner geistigen Verfassung, jenseits unserer auf Sachlichkeit und Zielstrebigkeit ausgelegten Gesellschaft, ist er noch immer ein beachtlicher Mensch* [Geiger 2011: 10].

Карнавальное начало реализовано и в двумерности (термин Бахтина) романного пространства – в разделении на мир «здоровых» – *meine Welt* и мир больного – *seine Welt*. Пространство болезни структурировано в романе с помощью ориентационных метафор. Мир больного находится «вне» мира здоровых (*jenseits* [Geiger 2011: 10]), на все большей пространственной дистанции *«immer größer werdende Distanz»* [Geiger 2011: 75]. Кроме этого, болезнь отождествляется с пространственным «низом», что отражает традиционное для большинства лингвокультур противопоставление «верха» – здоровья и «низа» – болезни: *Rutschbahn* [Geiger 2011: 12], *Es gelang mir, tiefer in sein Leiden einzudringen* [Geiger 2011: 50], *Es geht schon lange abwärts mit meinem Tun und Können* [Geiger 2011: 130]. Попытки коммуникации с больным концептуализированы с помощью метафорфизического приближения

к «его» пространству: *Da mein Vater nicht mehr über die Brücke in meine Welt gelangen kann, muss ich hinüber zu ihm* [Geiger 2011: 10].

Понятие «изгнания» (*Exil*) обозначает вызванное внешними обстоятельствами пребывание в пространстве вне родины: *langfristiger Aufenthalt außerhalb des Heimatlandes, das aufgrund von Verbannung, Ausbürgerung, Verfolgung durch den Staat oder unerträgliche politische Verhältnisse verlassen wurde* [Онлайн-версия словаря Duden]. Герои романа Гайгера физически находятся в едином пространстве, но ментально – в разных. Главным симптомом болезни выступает то, что Август Гайгер перестаёт узнавать свой дом, субъективно воспринимая его как чужбину, что становится источником его постоянных страданий, «тоски по родине» (*Heimweh* [Geiger 2011: 47]). Метафора изгнания соединяется с метафорой бездомности (*Heimatlosigkeit* [Geiger 2011: 46]) и становится точкой пересечения биографического и культурного контекстов романа. Симптомы болезни представляются автору романа выражением глубоко укорененного в человеческой природе чувства отчужденности, экзистенциального одиночества и вызывают ассоциации с абсурдистскими произведениями Франца Кафки и Томаса Бернхарда.

Концепт EXIL подразумевает пространственное перемещение из-за воздействия внешних сил. Такой силой в романе Гайгера выступает болезнь, которая мыслится как автономная сущность, обладающая анималистическими свойствами: кошка (*ein jahrelanges Katz-und Maus Spiel* [Geiger 2011: 7]), паук (*Die Krankheit zog ihr Netz über ihn, bedächtig, unauffällig* [Geiger 2011: 16]), хищник и др. С другой стороны, борьба с заболеванием концептуализирована с помощью милитарных метафор: *er leistete sich keinen hartnäckigen Stellungskrieg gegen seinen geistigen Verfall* [Geiger 2011: 7], *...sich sein Verstand gegen das Unverständliche und die Halluzinationen wappnete* [Geiger 2011: 98], *die Krankheit hat seine Persönlichkeit schon stark angegriffen* [Geiger 2011: 58]. Прогрессирование заболевания воспринимается как военное поражение: *der Vater ging davon aus, dass er geschlagen war* [Geiger 2011: 8], *Niederlage, Kapitulation* [Geiger 2011: 111] и как разрушение: *zeigte sich das ganze Ausmaß der Zerstörung* [Geiger 2011: 106]. Метафоры *болезнь-изгнание* и *болезнь-военное поражение* взаимосвязаны и образуют метафорическое сцепление: изгнание мыслится как результат поражения.

Важнейшей функцией индивидуально-авторской метафоры *der alte König in seinem Exil* является интертекстуальная функция. По словам А. Гайгера, название романа представляет собой видоизменённую цитату из романа В. Вулф «На маяк» (“To the lighthouse”, 1927), в котором метафора «король в изгнании» используется для характеристики внешнего облика героя романа, мистера Рамзи. В контексте романа Гайгера метафора “*der alte König in seinem Exil*“ обладает большим аллюзивным потенциалом. В первую очередь, она ак-

туализирует шекспировский код романа – образ Августа Гайгера вызывает ассоциации с королём Лиром, с Ричардом II. Шекспировский интертекст представлен цитатой из трагедии «Ричард II» в финале романа Гайгера: «*Let us sit upon the ground and tell sad stories of the death of kings*» [Geiger 2011: 145]. Образ Августа Гайгера концентрирует в себе многочисленные литературные аллюзии: в разных эпизодах романа он сравнивается с Овидием, Робинзоном Крузо, Рипом ван Винклем, героями Ф. Кафки и Т. Бернхарда, а его мышление напоминает «поток сознания» Джеймса Джойса.

Таким образом, метафора «король в изгнании» является центральной смыслопорождающей и текстообразующей метафорой романа А. Гайгера, концентрирует в себе различные культурные коды (карнавальный, шекспировский, модернистский) и выступает средством реализации авторской интенции произведения. Выполняя концептуальную функцию, эта метафора отражает авторский поиск адекватного языка для осмысления и воплощения болезни века – деменции, к которой неприменимы привычные понятия и категории. В идейном плане эта метафора отражает амбивалентность образа заболевшего деменцией, который выступает и как безумец (чужак, дурак), и как король в своем особом мире, при взаимодействии с которым происходит разоблачение ложных условностей современного общества.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: «Азбука», 2000.
Онлайн-версия словаря Duden. URL: www.duden.de
Geiger A. Der alte König in seinem Exil. München: Carl Hansen Verlag, 2011.

O. A. Dronova (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

FUNCTIONS OF AN INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR IN ARNO GEIGER'S NOVEL "THE OLD KING IN HIS EXILE"

The article examines the conceptual, text-forming and intertextual functions of the individual author's metaphor in A. Geiger's novel "The Old King in his Exile". It is concluded that the metaphor THE KING IN EXILE concentrates various cultural codes (carnival, Shakespearean, modernist) and reflects the ambivalence of the author's assessment of the main character of the novel.

Key words: metaphor, Arno Geiger, text-forming function, cultural code, carnival.

Т. Н. Ефименко (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
tefimenko@mail.ru

ЭЛИМИНИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА В МЕДИАТЕКСТЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

Данная статья посвящена актуальной проблеме изучения бесконфликтного общения с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. Рассматривается понятие конфликта в медиадискурсе. Выявляются языковые и когнитивные механизмы формирования смысла, способствующие элиминированию конфликта в медиатексте.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, конфликт, когнитивные механизмы, концептуальное взаимодействие.

В условиях развития современного общества такие понятия, как средства массовой информации и конфликтная ситуация, стали синонимичными. Сложно представить себе статью газеты, журнала, Интернета, телевизионную передачу, в которой эксплицитно или имплицитно не сообщалось бы о сложной обстановке, межличностном или межгрупповом конфликте. В связи с этим изучение медиатекста как конечного элемента в цепочке реализации новостного сообщения представляется интересным и актуальным. Актуальность темы статьи обусловлена и недостаточной изученностью концептуальных основ элиминирования конфликтной ситуации, напряженности в новостных сообщениях. Фокус исследования направлен на изучение и выявление когнитивных механизмов элиминирования конфликта в медиатексте. В качестве основного метода исследования используется когнитивно-дискурсивный анализ. Когнитивный подход способствует подробному изучению особенностей функционирования человеческого мышления в процессах восприятия и интерпретации информации, позволяет выявить знание, имплицитно выраженное в языковых единицах. С позиции данного подхода происходит изучение взаимодействия когнитивных структур, репрезентированных в дискурсе (см. подробнее: [Кубрякова 2004]), в данном случае в медиадискурсе, единицей которого является медиатекст.

Учитывая результаты исследований по медиатексту в трудах отечественных и зарубежных ученых (Фэрклоу 1989; Фаулер 1991; Ван Дейк 2000; Бэлл

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067).

1996; Солганик 2005; Добросклонская 2009; 2014; Дзялошинский 2019; и др.), медиатекст представляет собой разновидность текста, реализованного посредством СМИ, определенных каналов и рассчитанного на массовую аудиторию. Это многогранный/многоуровневый феномен с определенной системой параметров, которые позволяют более точно описать медиатекст с точки зрения особенностей его производства и канала распространения, а также его языковую реализацию. Медиатекст рассматривается как медийный продукт, который *включен в разные медийные структуры (вербальные, звучащие, мультимедийные), и представлен материально в форме газет, журналов, радио, телевидения, Интернет и ориентирован на активацию и удержание внимания* [Засурский 2005: 6].

Однако следует отметить, что активация и удержание внимания – это далеко не единственная цель медиатекста. Немаловажным является оказание воздействия на аудиторию, а именно, воздействие на 1) восприятие информации, 2) формирование смысла посредством предоставления особенной интерпретации, 3) формирование отношения и оценки события или объекта, освещаемого в сообщении и, в конечном итоге, 4) конструирование определенного знания об этих объектах и событиях. Особенности интерпретации обусловлены опосредованным характером коммуникации между журналистом и аудиторией. Именно журналист, как автор новостного сообщения, является тем посредником, который интерпретирует и передает информацию аудитории, вкладывая свое определенное знание, что влияет на конечное восприятие информации аудиторией. Следовательно, СМИ выступают инструментом и средой формирования смысла, оценки, общественного мнения, в результате чего конструируются новые или трансформируются уже имеющиеся отношение, оценка и переоценка ценностей, формируются этические и идеологические взгляды.

Стоит отметить, что различия в интерпретации объясняются несоответствием содержания концептуальных областей коммуникантов, а это может стать причиной возникновения или эскалации конфликта.

Согласно современной парадигме исследования конфликтов, данный феномен рассматривается как одна из форм человеческого взаимодействия, как естественный фрагмент человеческой жизни [Гришина 2008: 51]. Исследователи конфликта в области СМИ разграничивают конфликт на речевой, сущностно-коммуникативный и содержательный – конфликт интересов, ценностей, норм [Кара-Мурза 2020: 21]. Однако полагаем, что провести четкую границу между данными типами конфликтов не представляется возможным, поскольку, как известно, за каждой языковой единицей стоит определенное знание, а значит, речевой конфликт уже основывается на разнице интересов, ценностей и норм. Как справедливо

подчеркивает Н. Н. Болдырев, конфликт есть не что иное, как *конфликт знаний и опыта, в том числе языкового, в плане степени совпадения их объемов и способов их структурирования у разных коммуникантов, а также механизмов формирования и понимания смыслов* [Болдырев 2022: 26]. Таким образом, независимо от сферы коммуникации (профессиональная /обыденная коммуникация), эффективное концептуальное взаимодействие участников коммуникации является основой бесконфликтного языкового общения.

Применительно к медиа коммуникации, с целью снижения градуса напряжения в новостных сообщениях, авторы статей используют конкретные когнитивные операции, то есть когнитивные механизмы донесения информации под определенным углом зрения. Когнитивные механизмы формирования смысла представляют собой способы вторичной интерпретации и репрезентации исходного концептуального содержания...исходного вербализованного знания [Болдырев 2018: 189]. К таким механизмам относят: профилирование, эвфемизацию, генерализацию, спецификацию, концептуальную метафору, и др. Рассмотрим примеры использования данных когнитивных механизмов:

Профилирование (высвечивание наиболее значимой на данный момент информации): *You could **get money** from your energy supplier for using appliances at night... By making small changes, you could **save hundreds of pounds** a year* [The Sun 2023: URL]. В данном случае акцент ставится на экономию денежных средств в период энергетического кризиса, а именно внимание аудитории переключается с проблемы дефицита и высокой стоимости энергоресурсов, на факт экономии средств, что значительно важнее. Следовательно, сама проблема становится менее серьезной, и градус напряженности в тексте снижается.

Следующим механизмом является генерализация, когда внимание аудитории, как субъекта восприятия, фокусируется не на конкретных аспектах описываемого положения дел, а на общих положениях, не раскрывающих специфику события. Например: ***Labor criticised the plans** as “yet another **sticking plaster**” rather than an attempt to fix “**buckling**” health and care services* [The Evening Standard 2023: URL]. Не указывая на конкретные проблемы в системе здравоохранения, критикуются планы сторонников Лейбористской партии. Кроме того, использование эвфемизации (*sticking plaster – dealing with a problem in a temporary and unsatisfactory way* [Online Cambridge Dictionary]) и концептуальной метафоры (перенос знания из одной области в другую) (“*buckling*”- *be defeated by a difficult situation* [Online Cambridge Dictionary]) нейтрализует остроту проблемы и придает всему высказыванию юмористический оттенок.

Использование концептуальной метафоры в медиатексте с целью элиминирования конфликтной ситуации наблюдается и следующих примерах: ...*locating your opponents` weak spot; Nadhim Zahawi`s job hangs by a thread* [The Evening Standard 2023: URL].

Как было упомянуто выше, эвфемизмы нейтрализуют явно отрицательные ассоциации в новостном сообщении, например: *Keegan cannot guarantee schools will stay open amid strikes* [The Evening Standard 2023: URL].

...*there are questions that need answering* (заменяя слово проблемы) [The Evening Standard 2023: URL].

...*Was Richard Sharp the one with the editorial and journalistic and media industry nous? I simply raise an eyebrow* [The Evening Standard 2023: URL].

We have many challenges at the BBC and I know that distractions such as this are not welcome [The Evening Standard 2023: URL].

Таким образом, в результате использования определенных языковых и когнитивных механизмов авторами новостных сообщений, снижается градус напряженности в медиатексте, нейтрализуется явно негативная оценка и острота проблемы, что способствует элиминированию конфликтной ситуации в целом.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4 (51). С. 25–29.

Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.

Дзялошинский И. М. Современный медиатекст. Особенности создания и функционирования: уч. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019.

Добросклонская Т. Г. Медиатекст как единица дискурса массовой информации // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы международной конф. М.: Ярославль, 2009. С. 137–143.

Засурский Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: журналистика. 2005. № 2. С. 3–6.

Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 18–27.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. 2005. Вып. 2. С. 7–15.

Тен А. ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Bell A. Approaches to media discourse. London: Blackwell, 1996.

Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: theory and methods of studying language in the media // Media Linguistics. 2014. No. 2 (5). P. 7–15.

Fairclough N. Language and power. London: Longman, 1989.

Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the press. London: Routledge, 1991.

Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>

The Sun, January 23. URL: <https://www.thesun.co.uk/>

The Evening Standard. URL: <https://www.standard.co.uk/>

T. N. Efimenko (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

CONFLICT ELIMINATION IN MEDIA TEXT: COGNITIVE ASPECT

The article focuses on the topical issue of conflict-free language communication from cognitive and discourse perspective. The notion of conflict in media discourse is under consideration. In alignment with this objective the author describes language and cognitive mechanisms of sense formation, promoting conflict eliminating situation in media text.

Key words: conflict-free communication, cognitive mechanisms, conceptual interaction.

O. N. Zherdeva, O. V. Frolova
(Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State University
vigrijanova@mail.ru, frolova.olga@list.ru

REPRESENTATION OF EUROPEAN AND AMERICAN NATIONAL PICTURES OF THE WORLD IN H. JAMES'S NOVEL "THE EUROPEANS" (based on the Germanic languages)

The article deals with the study of nationally marked space in the works of Henry James. The authors interpret the loci found in the novel from the point of view of the opposition of the European and American mentalities.

Key words: artistic space, text interpretation, cognitive linguistics, national picture of the world.

The opposition “America – Europe” as a representation of two life systems alien to each other occupies a central place in the work of H. James. The interest in this topic is largely determined by the paradoxical position of the writer himself in American culture: being an American by birth, James did not feel spiritual affinity with his historical homeland, showing, however, a keen interest in the traditions of European culture. For most of his American contemporaries, he was an aesthete, almost a snob, in any case, a stranger, not a close writer.

Against the backdrop of contemporary American literature, James also seems to be a writer who goes against the tide; his work carries the traditions of the classical bourgeois novel rather than the realistic trends common for American literature of the second half of the 19th century.

The conflict between Europe and America is presented in the work of H. James from various points of view and does not at all boil down to identifying the advantages and disadvantages of a particular value system. Rather than that, James, constantly confronting Europeans and Americans in his works, explains certain actions of his characters by the difference in mentality, and also seeks to identify the role of the outside world in the process of self-identification, since often a different culture is perceived through the prism of its national values.

In the novel “The Europeans”, which we took for research, the conflict between America and Europe is indicated primarily at the level of space and the material world that fills this space.

V.N. Toporov in his article “Space and Text” writes about the presence in the texts of a special mythopoetic space, one of the features of which is that it *...is always filled and always real, it does not exist outside things...* [Топоров 1983: 230]. Things, in turn, “constitute space”, “... organize it structurally, giving it significance and meaning (semantic “settlement” of space)” [Топоров 1983: 260].

Already on the first page of the novel, the author contrasts two spatial objects: on the one hand, the hotel room, where brother and sister Felix and Eugenia Young, who came from France to visit their American relatives, settled; on the other hand, the city (in this case, Boston), a view of which opens from the window of the hotel room. Both loci are mentally colored: a room, a house is a significant space for a European.

A home for a European is a sovereign territory, a kind of closed world into which a European will not let an outsider in [Гачев 2003, Бобров 1978]. According to В. Barkow, a house in its European sense is a “warm, calm refuge” [Зейдениц, Баркоу 2001: 23], which separates a European from the “unsettled world”. Moreover, Europeans associate House with the idea of the Motherland: for the British and Germans, the continuity of generations, the preservation of family traditions, the memory of ancestors, the concepts of “state”, “heritage” are important [Зейдениц, Баркоу 2001: 23].

Boston, in turn, is considered an island of Puritan culture; it is this city, according to James himself that has preserved the legacy of this ethical tradition. Puritanism, although it originated in England as a branch of the Protestant faith, received its recognition and development in America and is a pro-culture of Americans.

An important object, linking the spaces we have designated, in the novel is the window of a hotel room. It is from the window that brother and sister are watching what is happening on the street.

The window is interpreted as a kind of exit to another world, *an important mythopoetic symbol that implements such semantic oppositions as external-internal and visible-invisible and the opposition of openness-hiddenness, respectively, danger (risk)-security (reliability) formed on their basis* [Энциклопедия символов].

Thus, the fundamental difference between these two *topoi*, and, accordingly, the value systems that they, in our case, personify, is emphasized. It is no coincidence that Eugenia is afraid of and disgusted by everything that she sees from the window, rejection is an important sign of someone else's here. *...as soon as she neared the window again it began to proclaim that she was a very ill-pleased woman* [Джеймс 2006: 3].

The opposition "European" – "American" becomes even more convex when considering the material world of the spaces we have identified. Moreover, the author himself, in our opinion, focuses the reader's attention on certain subjects. It seems that there are no random things in the environment of the heroes, they are all symbolic. For example, when describing the hotel room of Eugenia and Felix, James introduces such items as a fireplace (a symbol of comfort, family warmth, it is no coincidence that Eugenia admires the fire, repeats several times how beautiful it is), a dressing table, in the drawers of which she put all her jewelry and objects of women's toilet. Drawers, trinkets, the desire to surround yourself with pleasant, beautiful things are a sign of philistinism, characteristic of the European way of life [Мальцева 1998]. The large mirror is a particularly significant item for Eugenia Young. During a conversation with her brother, she looked only at the mirror hanging over the dressing table at the opposite end of the room. *She only turned her eyes, occasionally, as she passed, to a mirror suspended above the toilet-table on the other side of the room. Here she paused a moment, gave a pinch to her waist with her two hands, or raised these members to the multifold braids of her hair; with a movement half caressing, half corrective. An attentive observer might have fancied that during these periods of desultory self-inspection her face forgot its melancholy; but as soon as she neared the window again it began to proclaim that she was a very ill-pleased woman* [Джеймс 2006: 3].

Outside the hotel window, the reader sees, on the one hand, a cramped cemetery, on the other hand, *a row of small red brick houses, showing a series*

of homely, domestic-looking backs [Джеймс 2006:3]. The author goes on to describe Boston as a city *with a dull color, with absent-minded and pensive inhabitants, gray, gloomy houses, awkward, rumbling carriage* [Джеймс 2006: 4].

Thus, by creating a negative urban landscape and thereby showing Eugenia's dislike for a country alien to her, different from Europe, the author of the novel enhances the contrast of European and American life systems. The narrative features of the novel also help to emphasize this contrast: the narration in the first part of the work (conditional designation) is conducted on behalf of Eugenia Young.

Further on the pages of the novel, another such spatial opposition arises. In this case, the contrast is between the house of the Wentworths (Eugenia and Felix's American relatives living in the suburbs of Boston) and the small white house that the Americans leave to their brother and sister *at their complete disposal when they visit the Wentworth family. The first (the Wentworth house) is a large wooden house, something like a three-story bungalow. Inside there is "neither excessive decorations, nor splendor. The furniture is old, patriarchal, with excessively straight form* [Джеймс 2006: 21].

The home of the owners characterizes its inhabitants – members of the Wentworth family. This is a Puritan family. *Everything is simple with the Wentworths, Felix says, There is no gilding, no crowds of servants, nothing to please the senses. It was Puritans to the bone, restrained, melancholy warehouse. And the front door of the big, unguarded home stood open, with the trustfulness of the golden age; or what is more to the purpose, with that of New England's silvery prime.*

Eugenia remade a small white house to her taste. *And she began to hang up portieres in the doorways; to place wax candles, procured after some research, in unexpected situations; to dispose anomalous draperies over the arms of sofas and the backs of chairs. There were Indian shawls suspended, curtain-wise, in the parlor door, and curious fabrics, tumbled about in the sitting-places. There were pink silk blinds in the windows, and along the chimney-piece was disposed a remarkable band of velvet, covered with coarse, dirty-looking lace* [Джеймс 2006: 29]. *It will be a foreign house,* – says one of Wentworth's daughters, Gertrude, after seeing how Eugenia transforms the house. – *When we go over there it will be like going to Europe* [Джеймс 2006: 29].

The house in archaic cultures seems to be the center of the world, for a European, the house is indeed the central concept, hence the desire of Europeans to decorate their homes, equip their lives, a philistine beginning [Мальцева 1998, Бобров 1978].

A. A. Fet, in his memoirs of a trip to Germany, describing the house of his sister Carolina, notes that it looked like a well-equipped nest: good furniture and many beautiful trinkets [Фет 1983: 180].

In this regard, it is interesting that Eugenia Young, as follows from the novel, lived in Germany for a long time, being married to a baron.

The contrast in the interior of the two houses is symbolic, as if provoking a conflict between their inhabitants, which we observe later in the novel. It is symptomatic that the reason for the clash was that the Wentworth children *began to visit too often* Eugenia and Felix in their new home. The phrase uttered by the head of the family: *Do we really need this foreign house here?* becomes a rhetorical question and an explicit beginning of the conflict.

Thus, it can be assumed that the artistic space in James's "The Europeans" is nationally marked; the things that fill it are functional and characterize the characters in terms of their nationality.

References

- Toporov V.N.* Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura. M.: Nauka, 1983.
Gachev G.D. Mentalitet narodov mira. M.: Eksmo: Algoritm, 2003.
Bobrov V.A. FRG. Shtrikhi k portretu. M.: Mysl, 1978.
Zeydenits S., Barkow B. Eti strannyye nemtsy. M.: Alpina Publisher, 2001.
Entsiklopediya simvolov URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9E%D0%BA%D0%BD%D0%BE6/>
James H. The Europeans. London: Floating Press, 2006.
Maltseva D.G. Germaniya: strana i yazyk: Lingvostranovedcheskiy slovar'. M.: Rus-skiye slovari, 1998.
Fet A.A. Vospominaniya. M.: Pravda, 1983.

О. Н. Жердева, О. В. Фролова

(Барнаул, Россия)

Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИН МИРА В НОВЕЛЛЕ Г. ДЖЕЙМСА «ЕВРОПЕЙЦЫ» (на материале германских языков)

Данная статья посвящена исследованию национально-маркированного пространства в творчестве Генри Джеймса. Авторы интерпретируют локусы, встречающиеся в новелле, с точки зрения оппозиции европейского и американского менталитетов.

Ключевые слова: художественное пространство, интерпретация текста, когнитивная лингвистика, национальная картина мира.

Д. Б. Измаилян (Москва, Россия)
*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
diana.izma@gmail.com*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье анализируется роль идеологических воздействий в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования массовой коммуникации. Описывается механизм медийной интерпретации информационного пространства, при котором за вербальными и медийными компонентами текста массовой информации закрепляются социальные значения, определяющие ценностные и смысловые параметры информационной картины мира.

Ключевые слова: медиатекст, масс медиа, картина мира, интерпретация, идеология, функция воздействия, модель ситуации.

Современная концепция «медиатекста» как сложного многоуровневого феномена предполагает изучение текста массовой информации в единстве всех составляющих его частей: вербальной, медийной и гипертекстуальной (за счёт выстраивания межтекстовых связей в Интернет пространстве). Сложная, объёмная структура медиатекста дополняется рядом параметров, способных упорядочивать стремительное движение медиапотока в эпоху информационного общества, а также предельно точно описывать медиатекст с точки зрения его лингвоформатных особенностей. Так, медиатексты принято классифицировать по функционально-жанровому признаку (информационные, аналитические, художественно-публицистические и рекламные тексты) и далее распределять эти типы на воображаемой шкале между двух крайних полюсов – функции сообщения и функции воздействия. Сочетая в себе эти функции в разной степени, каждый отдельный текст, соответственно, приближается либо к функции сообщения, либо функции воздействия.

В рамках структурного подхода к анализу медиатекста в исследованиях масс медиа также дифференцируют когнитивно-идеологический уровень, позволяющий изучать текст в неразрывной связи с общим фоном знаний, или коммуникативным фоном, т. е. в совокупности всех условий и особенностей производства, распространения и восприятия медиасообщения. Такой подход тесно соотносится с концепцией дискурса и дискурсивных методов исследования, охватывающих как вербальную составляющую коммуника-

ции, так и все её экстралингвистические компоненты социокультурного и ситуативно-контекстного характера. К экстралингвистическим параметрам традиционно относят знания об отправителе сообщения (его целях, установках, интенциях) и его получателе, о коммуникативной ситуации и её условиях, а также знания о мире, необходимые для корректного восприятия текстовой информации. При таком подходе изучение языкового материала происходит не в статике, а в движении, с учётом многочисленных факторов, которые лежат вне языковой плоскости, однако оказывают значительное влияние на производство, функционирование и восприятие речевых единиц и последовательностей.

Когнитивно-дискурсивная парадигма в сфере анализа текста представляет особую ценность для изучения медиатекстов. Современное знание о мире, или картина мира, в немалой степени формируется благодаря природным свойствам масс медиа информировать о явлениях окружающей реальности и, следовательно, отражать многообразие нынешнего века. Фактически об всех изменениях окружающей действительности человек узнаёт сегодня из средств массовой информации, и его представления об этих событиях нередко регулируются теми образами и репрезентациями, которые производят и распространяют масс медиа. Таким образом, взаимообусловленность информативной и отражающей функций (функции сообщения) текстов массовой информации в информационном мире является основополагающей в процессе создания информационной картины мира, т. е. определённой системы знаний, представлений и мнений человека об устройстве и функционировании окружающей реальности, или информационного пространства.

Информационная картина мира непосредственно связана с языковой картиной мира, т. е. отражённым в языке образом окружающей реальности, идеологией, ценностях и социальных отношений. Иными словами, речь идёт о словесном воплощении знаний человека о мироздании, о лингвистической форме представления смысловых и ценностных параметров картины мира или информационного пространства, о языковой репрезентации национально-культурного видения и восприятия объективной действительности. Ввиду того что современные знания о человеческой жизнедеятельности и окружающей действительности опираются на те версии и интерпретации, которые транслируются по каналам массовой коммуникации, справедливо будет заключить, что информационная картина мира оказывается во власти языковой картины мира. В этом случае тексты массовой информации обладают также интерпретационной, или идеологической функцией (функцией воздействия), при которой СМИ не только и даже не столько отражают окружающую действительность, сколько интерпретируют её, дают ей оценку,

комментарий и служат фоном для формирования у человека определённой идеологической позиции.

В когнитивной науке и дискурсологии «интерпретация» является одним из ключевых понятий, т. к. непосредственно связано с толкованием смыслов в процессе «познания» или «познавания» (от лат. *cognitio, cogitatio*). Многие исследователи масс медиа также оперируют идеологизированными интерпретациями, отображающими определённую систему ценностей и социальных отношений, для описания механизмов реализации воздействующей функции СМИ. Крупный специалист в области медиадискурса Т. ван Дейк указывает на это свойство медиакommunikации в своей монографии «Идеология: междисциплинарный подход»: *События и явления не обладают значением сами по себе, эти значения конструируются при сообщении о событиях на основе взаимодействия многих социально-идеологических факторов – классовой принадлежности, гендера, расы, культуры, политических убеждений и т. д.* [van Dijk 1998]. Медiateксты в этом отношении, как правило, «прозрачны», так как лежащие в основе создания этих текстов идеологические образы обычно чётко просматриваются в их словесной ткани. Эти идеологические образы *могут быть представлены в тексте как эксплицитно – с помощью выражений оценки или комментария, так и имплицитно – на уровне отбора фактов и определения новостной ценности события* [Измаилян 2012].

Строго говоря, изучение идеологий и идеологических воздействий оказывается в центре экстралингвистических исследований медiateкстов. Зародившись в 18 веке во Франции как «наука об идеях», идеология является в высшей степени сложным и многогранным понятием и в академической среде носит отчётливо междисциплинарный характер. В самом общем смысле термином идеология принято обозначать единую для той или иной общности людей систему идей, взглядов, ценностей и отношений. Это определение позволяет включить идеологию в круг дискурсивных исследований социально ориентированного общения – массовой коммуникации. Классическим примером использования когнитивно-дискурсивного подхода к описанию идеологической составляющей текстов массовой информации служит когнитивная концепция идеологии, разработанная Т. ван Дейком во второй половине 20 века и не утратившая своей актуальности и сегодня.

Названная концепция исходит из фундаментальных принципов когнитивной науки: во-первых, основой познания выступают фоновые знания человека, т. е. приобретённые ранее и хранимые в памяти концептуальные структуры как части личностной, индивидуальной картины мира, которым отводится ведущая роль в ходе восприятия и интерпретации новой

информации. Так, понимание текстовой информации достигается в результате сложного, контролируемого картины мира и по большей части не осознаваемого человеком процесса вывода, а не простого узнавания эксплицитно выраженных в тексте форм. Во-вторых, воспринимая окружающую реальность сквозь призму личностной картины мира, человек неосознанно выстраивает ментально и выражает языковыми средствами субъективную модель этой реальности. Иначе говоря, объективные явления, описанные в тексте, в сущности, являются ментальными аналогами этих явлений – проинтерпретированными человеком внутренними моделями реальных событий.

Указанные принципы легли в основу понятия о *ситуационных моделях*, которые ван Дейк определяет как фиксируемые в памяти человека ментальные репрезентации реальных ситуаций; эти когнитивные конструкты, храня следы предшествующего личного опыта человека и являясь носителем его ценностей, взглядов и устремлений, чувств и эмоций, оказывают решающее влияние на интерпретативные возможности языка говорящего. Фактически проникая в сущность картины мира, ситуационные модели ведут к пониманию текста через понимание непосредственно ситуации, о которой говорят участники коммуникации.

В сфере массовой коммуникации «модельная» природа дискурсивного пространства становится неразрывно связанной с идеологией. В силу жёстких институциональных ограничений, накладываемых на производство текстов в этой сфере социальной жизни, участники коммуникации сталкиваются здесь с особым, идеологически маркированным способом изображения и осмысления окружающей действительности. Создаваемые журналистами медиатексты, равно как и воплощённые в них ситуационные модели, подвергаются проверке на предмет идеологической чистоты, соответствия системе ценностей, идей и норм той общественной группы, на которую ориентируется организация, выпускающая эти тексты. Отсюда следует вывод, что СМИ реализуют идеологическую функцию через преднамеренный отбор и распространение по своим каналам приемлемых для группы моделей ситуаций в целях формирования у аудитории определённых взглядов и убеждений в рамках единой мировоззренческой системы координат данной общественной группы. Иными словами, идеология предлагает искусственно созданные модели реальных социальных ситуаций и вместе с этим особый механизм их интерпретации, отвечающий интересам группы, с которой медиаорганизация ассоциируется и рупором которой является.

Итак, исследования медиаречи в русле когнитивной концепции идеологии нацелены на выявление выражаемых структурами медиатекста

«подстрочных» социальных значений, которые, определяя ценностные и смысловые параметры информационной картины мира, закрепляются за вербальными и медийными компонентами текста средствами массовой информации. Такой подход позволяет понять и объяснить механизмы медийной интерпретации ситуаций реальности, описать лингвистические средства конструирования медиаобразов, а также выделить факторы, способствующие созданию, распространению и восприятию идеологизированных репрезентаций. Все идеологизированные интерпретации, включённые в вербальную, медийную и гипертекстуальную ткань медиатекста, ведут к созданию определённых общественных ценностей и отношений, устойчивых образов и стереотипов, а также демонстрируют приверженность к той или иной идеологической позиции.

Литература

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ, Добросвет, 2020.

Измайлян Д. Б. Языковая реализация идеологического компонента в новостных текстах СМИ (на примере британской качественной прессы): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.

Минченков А. Г. Языковая картина события как результат его субъективно-оценочной интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3(46). С. 576–579.

van Dijk Teun A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.

D. B. Izmailyan (Moscow, Russia)

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

THE REPRESENTATION OF COGNITIVE-IDEOLOGICAL COMPONENT IN MASS MEDIA TEXTS

The article analyzes the role of ideological influences within the framework of the cognitive-discursive paradigm of the study of mass communication. The mechanism of media interpretation of the information space is described, in which the verbal and media components of the mass media text are assigned social meanings that determine the value and semantic parameters of the information picture of the world.

Key words: media text, mass media, picture of the world, interpretation, ideology, impact function, situation model.

Е. В. Ильина (Тюмень, Россия)

*Уральский государственный университет
путей сообщения, филиал в г. Тюмени
ekaterina_ilyina_tum@mail.ru*

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ
В ПОЭЗИИ Л. Н. АНДЕРСЕН
(на материале отдельных произведений)**

В статье с позиций когнитивно-дискурсивного подхода приводится анализ поэтического образа России в творчестве Л. Н. Андерсен. Экспликация стоящих за языковыми средствами структур знаний доказывает, что образ России получает социокультурную интерпретацию и оценку: как компонент художественной картины мира автора и репрезентант социокультурного и культурно-исторического опыта русских эмигрантов.

Ключевые слова: концептуализация, художественный дискурс, языковое сознание, поэтический образ.

Образ России в творчестве яркой представительницы восточной ветви русской эмиграции Л. Н. Андерсен (1911–2012) как способ выражения поэтической мысли обладает художественной природой и специфической в силу субъективации авторским сознанием формой отражения своего объективного источника [Поспелов 1988]. Как результат эстетического восприятия действительности образ России подвергается субъективной концептуализации, поскольку не только отражает объективное понятие о государстве, стране, географическом объекте, но и одновременно транслирует авторское личностное отношение к России, в том числе ее ценностное и духовное осмысление, кодифицирует языковое сознание эмигрантского социолекта, носителем которого, несомненно, была автор. Языковое сознание носителей социолекта – это результат лингвокреативной интерпретации отраженного в языковой семантике исторически и социально сформированных представлений о мире в соответствии с ценностными установками той или иной социокультуры [Сидорова 2020: 74–75].

Цель данного исследования – определение способов концептуализации поэтического образа России как компонента художественной картины мира и репрезентанта языкового сознания Л. Н. Андерсен. Объектом исследования выступают отдельные произведения автора, в которых запечатлен образ России. Предмет исследования – экспликация в художественном дискурсе стоящих за языковыми средствами индивидуальных смыслов, структур знаний, когнитивных механизмов, которые в своей совокупности объективируют образ России.

С помощью языка происходит «конструирование» окружающего мира в сознании человека [Болдырев 2016: 10], поэтому основной теоретико-

методологический принцип исследования – лингвокогнитивная интерпретация художественного дискурса с позиций антропоцентрической парадигмы, основанной на анализе языковых и дискурсивных явлений в связи с языковой личностью и языковым сознанием (Н. Н. Болдырев, Т. Г. Винокур, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Ленекер, Ч. Филлмор, У. Чейф и др.) и нацеленной на раскрытие *личностной пристрастности человека* в процессах формирования смысла, репрезентируемого различными языковыми единицами [Фурс 2022: 160].

В свою очередь слово – это лексический репрезентант концепта [Шарандин, У Мэн 2018: 16]. Авторская идея формируется в тексте имплицитно – с помощью мотивов, интенций, установок, концептов, сем, понятий, символов, эмоций. Языковые пресуппозиции, стереотипные ситуации, культурные установки, концепты, идеи объективируют в художественном дискурсе элементы когнитивного сознания писателя [Сидорова 2020: 75].

С нашей точки зрения, образ России в творчестве Л. Н. Андерсен, вынужденно пережившей «три эмиграции» и отлученной от Родины, манифестируется в сборнике «Одна на мосту» особенно экспрессивно. Механизмом создания и формой образа являются языковые средства, а его содержанием – концептуализированные авторским языковым сознанием ценностные установки, смысловые доминанты и конструкты, концепты, мотивы, идеи [Сидорова 2020: 75]. Так, структурным элементом образа России выступает одноименный концепт, а мотивы утраты, неприкаянности, одиночества и несчастья – сопутствующими данному образу.

К «хрестоматийным» для эмигрантской поэзии Русского Китая можно отнести цикл стихотворений Л. Н. Андерсен «Без России» (состоит из 23 стихотворений), название которого, находясь в выдвинутой позиции текста, объективирует основную интенцию адресанта: передать ощущение трагедии русских эмигрантов. Предлог «без» в названии цикла актуализирует сему «отсутствие», «недостаток» кого-то или чего-то. Мы остановимся подробнее на двух стихотворениях из этого цикла, которые, на наш взгляд, наиболее характерны для концептуализации данного образа.

В стихотворении «Я думала, Россия – это книжки...» образ России носит амбивалентный характер за счет особого композиционного построения произведения, основанного на ценностной оппозиции, которая включает две составляющих: первая – стереотипные, типичные представления о традиционной России, аккумулирующие ассоциации и воспоминания автора; вторая – социокультурные и ценностные рефлексивы, детерминированные эмигрантским опытом осмысления утраты родины. Образ России в первой части стихотворения кодируется посредством аллегорий и метонимий – они же служат средствами объективации концепта РУССКОСТЬ: *книжки*,

борщ, блины, пирог, коврижки, купола, иконы; метафор: *все то, что мы учили наизусть; Пасхи колокольный звон; потускневшие погоны, что мой отец припрятал у икон*. Сознание автора отождествляет разные концептуальные сферы, а языковые средства объективируют это отождествление: наблюдается взаимопроникновение концептосфер РОССИЯ и ЛИТЕРАТУРА, РОССИЯ и РУССКАЯ КУХНЯ, РОССИЯ и ВЕРА (когнитивный механизм взаимодействия когнитивных пространств [Сидорова 2020: 76, 78]). Актуализации смыслов также способствует экспрессивное использование полисиндентона (*И тихих песен ласковая грусть. И купола. И темные иконы. И светлой Пасхи колокольный звон. И эти потускневшие погоны...*). Как видим, языковой знак используется с определенной коммуникативной целью: создать «впечатляюще торжественную» и в то же время грустную ноту. Мотив ностальгии по прежней России, объективируется с помощью оксюморона: Россия – *тихий песен ласковая грусть*. Мотивы, связанные с русской языковой картиной мира, русским языковым менталитетом, русским национальным характером, составляют основу рефлексивной деятельности автора. Концептуализируются смысловые конструкты: *Россия неотделима от православной культуры, служение Родине – святое дело*. Смысловые конструкты актуализируют модально-оценочный аспект художественного дискурса, коррелируют с личностными и социокультурными ценностями автора [Сидорова 2020: 74]. Ряд общекультурных концептов получает особую объективацию в художественном дискурсе.

Для второй части стихотворения характерны минорные интонации: утрата России вербализуется с помощью ассоциативов: *быль, туман со стариками, стук часов и траурных колес*. Пространственные образы подвергаются авторской субъективации: мир без России утрачивает свою материальность, трансформируется в трансцендентный сон, морок, нечто ирреальное, не имеющее конкретных пространственно-временных параметров. Возникает мотив смерти (эпитет «траурный») и скоротечности жизни (аллегория времени «стук часов»). Временной модус смещен к ретроспекции: *быль* – то, что прошло; *старика* – чья жизнь подходит к завершению. Актуализируется хронотоп духовной культуры русского эмигранта: необустроенное, необжитое, неосвоенное пространство; временный и недолговечный приют. В финальных строчках стихотворения посредством такой структуры знания, как сентенция, стоящей за градацией, манифестируется одна из смысловых доминант духовной культуры русского эмигранта: жизнь без России лишена счастья, так как *Россия – вздох, Россия – в горле камень, Россия – горечь неутешных слез*. Кроме того, примечательно построение концовки стихотворения: автор репрезентирует нам свое горестное ощущение, ассоциативное восприятие покинутой родины, используя анафорическое построение текста, причем

каждое последующее предложение расширяет смысловое содержание предыдущего и понятия «Россия» в целом.

Особой экспрессивностью обладает стихотворение «Пьяная, жестокая, шальная...», которое буквально четырьмя строками кодифицирует индивидуально-авторский компонент концепта РОССИЯ, посредством которого репрезентируется рефлексивный способ восприятия действительности автором. Образ России моделируется с помощью антропоморфных эпитетов *пьяная, жестокая, шальная, истерзанная, бедная, больная*, которые одновременно выражают презрение, оправдание, осуждение и жалость – чувства, которые можно испытывать к человеку – заблудшей, но родной душе. Ценностная оппозиция усиливается во второй части стихотворения, где данная структура знания объективируется посредством оксюморона *Как я люблю тебя! Как ненавижу*; антитезы *моя страна – которой я не вижу*. Особую эмоциональную окраску получает притяжательное местоимение *моя* (в словосочетании *моя страна*) как символ непреложной преданности Родине вопреки всему. Идея стихотворения как главная авторская интенция тождественна смысловой доминанте духовной культуры русского эмигранта: любовь к России неистребима, несмотря на чувство ненависти, вызванное горестным состоянием страны, причинами насильственной утраты Родины, самым фактом отлучения от России.

Следовательно, образ России, объективированный в художественном дискурсе, получает социокультурную интерпретацию и оценку, взаимодействуя с другими ассоциативно связанными образами и становясь как компонентом художественной картины мира автора, так и репрезентантом социокультурного и культурно-исторического опыта эмигрантов в целом.

Одноименный концепт РОССИЯ включает смысловые доминанты как ценностные установки и смысловые конструкты, являющиеся жизненными постулатами русских эмигрантов, маркирует их духовную культуру, транслятором которой выступает Л. Андерсен.

Дискурсивное осмысление образа России в творчестве Л. Андерсен позволило определить способы его концептуализации и особенности языкового сознания автора, основной чертой которого является превалирование духовного модуса в рассмотренных поэтических произведениях.

Литература

Андерсен Л. Н. Одна на мосту. URL: litmir.me/175115.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Поспелов Г. Н. Введение в литературоведение URL: <https://scibook.net/literatury-i-teoriya-istoriya/vvedenie-literaturovedenie>.

Сидорова Т. А. Особенности когнитивного стиля Б. Шергина (На примере концептуализации образа моря) // Русский язык в школе. 2020. № 1. С. 73–81.

Фурс Л. А. Антропологический подход в лингвистике: достижения и перспективы // Язык и личность. Материалы Всероссийского Круглого стола, посвященного памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Сибирского отделения Академии наук Высшей школы России, академика Российской Академии гуманитарных наук Ю. М. Малиновича (г. Иркутск, 20 апреля 2022 г.): сб. материалов. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022. С. 155–161.

Шарандин А. Л., У Мэн. Лексикографическая репрезентация концептов как отражение эволюции языка и мышления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 16–20.

Е. В. Ивина (Тюмень, Россия)

Ural State University of Railways, branch in Tyumen

**CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF RUSSIA
IN L. N. ANDERSEN POETRY
(based on individual works)**

The article gives an analysis of the poetic image of Russia in the work of L. N. Andersen in accordance with the cognitive-discursive approach. The explication of the structures of knowledge behind linguistic means proves that the image of Russia receives a sociocultural interpretation and assessment: as a component of the artistic picture of the author's world and a representative of the sociocultural and historical experience of Russian emigrants.

Key words: conceptualization, artistic discourse, linguistic consciousness, poetic image.

А. В. Кащеева (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

им. Г. Р. Державина

kashcheyeva@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МНОГОАСПЕКТНОГО ЗНАНИЯ
В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ**

В статье обсуждается вопрос о том, в чем проявляется многоаспектность знания, представленного в учебном тексте. Многоаспектность знания в когнитивной лингвистике понимается как взаимосвязь концептуальных областей. В статье сделан вывод о том, что многоаспектное знание, представленное в учебном тексте, может быть

отнесено к образовательной, предметной и лингвистической областям. Указанные области определяют особенности учебного текста как формы репрезентации знания, а также свойства нормативности и метапредметности учебного текста.

Ключевые слова: учебный текст, многоаспектное знание, образовательная, предметная, лингвистическая концептуальная область.

Когнитивные исследования языка связаны с гносеологией, в которой ключевой категорией является знание. Знание обладает отличительными свойствами антропоцентричности и предметности, оно применимо к объектам окружающей действительности, но имеет определенную предметную область, а также принадлежит человеку, обосновывается им, является продуктом познавательной деятельности человека [КСЛТ 1996: 28; Лекторский 1980: 4–6]. Предметное знание заключается в понимании свойств и структуры объекта, его взаимоотношений с другими объектами, а также в способности использовать совокупность понимаемых характеристик объекта на практике [Лекторский 1980]. Суммируя основные положения теории познания, можно утверждать, что многообразие знания проявляется в том, что оно отражает разные предметные области, виды, результаты и навыки деятельности человека, аспекты изучаемых объектов и может быть представлено в разных формах.

В когнитивной лингвистике принцип многообразия знания развивается в исследовании многих аспектов его существования и взаимодействия с ментальными и языковыми структурами. Среди аспектов знания называют объективность и субъективность как тип знания (в т. ч. объективное, субъективное, процедурное, декларативное, вербальное и невербальное и иные типы), накопление и развитие знания, механизмы формирования и формы репрезентации знания [КСЛТ 1996: 28]. Таким образом, многоаспектность в исследовании знания в когнитивной лингвистике реализует принцип общенаучного анализа, который подразумевает рассмотрение нескольких критериев оценки изучаемого объекта [Макаренко 2019].

По мнению Н. Н. Болдырева, многоаспектное знание имеет специфический когнитивный формат, матричный, объединяющий множество взаимосвязанных областей концептуализации объекта в единую систему. Открытость, динамичность, многообразие сочетаемости компонентов матричного формата позволяет осмыслить различные характеристики объекта. Многоаспектное знание не является стереотипным, то есть не может быть представлено типичными языковыми единицами, но формирует *когнитивный фон* языка [Болдырев 2008: 52–54]. Следовательно, языковые единицы, репрезентирующие многоаспектное знание, многообразны, многозначны и имеют свою

специфику, которая выражается, в первую очередь, лексически [Болдырев 2008: 52,54; Раздабарина 2012].

Свойство текста выступать в роли познавательного средства и формы выражения знаний о мире как результате мышления общепризнано [Лекторский 1980; Щирова 2007]. Учебный текст, на наш взгляд, является характерной формой репрезентации многоаспектного знания, поскольку он относится не только к образовательной области, но и одной или нескольким предметным областям, то есть, может характеризоваться как метапредметный. Опираясь на концепцию о роли многоаспектного знания в духовном развитии общества [Брюховецкий 2017], можно также утверждать, что учебный текст обладает определенным воспитательным потенциалом, что соответствует требованиям к результатам обучения на современном этапе. Кроме того, текст сам по себе представляет многоаспектное лингвистическое образование и изучается в рамках актуального интегрального лингвистического подхода [Щирова 2007]. Иными словами, учебный текст репрезентирует многоаспектное лингвистическое знание.

Таким образом, многоаспектность знания, репрезентируемого в учебном тексте, заключается в том, что оно объединяет взаимосвязанные концептуальные области: образовательную, предметную и лингвистическую.

Образовательная область содержит знания о целях, содержании, средствах, стратегиях и участниках обучения. Следовательно, учебный текст имеет дидактическую ценность и реализует разные образовательные задачи, например, представление основной и справочной информации, инструкция и контроль. Знание адресата учебного текста основывается на представлениях об уровне общих и предметных знаний обучающихся. Знание стратегий изучения учебной информации выражается в формулировании предтекстовых и послетекстовых заданий. Примерами могут послужить учебные тексты энциклопедий, учебников, тексты для контроля. Поскольку учебный текст, как и любой текст, является формой «опредмечивания мышления» [Лекторский 1980], правомерно утверждать, что он обладает свойством метапредметности, так как учит мыслить и учиться, или выражает процедурное знание. Указанные аспекты знания образовательной области определяют специфику учебного текста, которая может выражаться в объеме, жанре, структуре, сложности, информативности, степени аутентичности текстов.

Приведем пример отрывка учебного текста с послетекстовым заданием поиска специфической информации. Сложность данного текста соответствует уровню владения английским языком B1. В соответствии с заданием он содержит много точной информации о датах, событиях и личностях в истории аэропорта и его технических характеристиках. Деление текста на абзацы обусловлено историческими периодами развития аэропорта:

Bristol International Airport currently handles 4.6 million passengers a year, with flights to 90 destinations.

The airport was the brainchild of local businessmen in 1927. Through public subscriptions, they raised £6000 to open a flying club at Filton Aerodrome, Concorde's birthplace. Inspired by early success, they then bought an area of farmland south of the city.

Prince George opened the airport in 1930. It thrived, handling 4000 passengers in 1939. However, during the Second World War, the airport was taken over by the Air Ministry for military operations. After the war finished, many felt it had no future, but ten years later, the airport moved site after it was purchased by the Bristol Corporation for £55,000. It has been based there ever since. Passenger numbers have continued to rise, with the airport expected to handle 12 million passengers by 2030, and to need a longer runway [OST 1].

Предметная область непосредственно связана с формированием концептосферы обучающихся, она в большей степени формирует аспекты знания, выраженные в тексте. Как правило, предметная область знания выражена в содержании учебного текста. Содержательными доминантами являются концепты изучаемой предметной области, что в определенной степени ограничивает когнитивный контекст. Однако полнота репрезентируемого знания невозможна без привлечения сопутствующих концептов из других предметных областей, что позволяет говорить о многоаспектности как неотъемлемой характеристике учебного текста.

Лингвистическая область содержит знания о жанре текста, его организационно-смысловой структуре, свойствах текста и языковых единицах. В предметной области «Филология» именно эти аспекты включены в содержание обучения [Никитина 2022]. Несмотря на то, что стереотипность не характерна для способов языкового выражения многоаспектного знания [Болдырев 2008], представляется, что именно учебные тексты отличаются нормативностью, являясь средством обучения. Следовательно, в рамках определенного жанра учебный текст может представлять многоаспектное знание, но иметь типичную организационную структуру и языковые средства. Кроме того, лингвокультурологические особенности учебных текстов разных образовательных пространств составляют один из аспектов знания лингвистической области.

Ниже приведен пример текста-образца электронного сообщения, в котором автор рассказывает другу об особенностях путешествия в Африку. Очевидна типичная структура текста, выбор будущего времени и повелительного наклонения, наличие причинно-следственных связей, объясняющих необходимость будущих действий.

Hi Sally

It's great you're going to Africa. It'll be very exciting, but if you're really going to enjoy the holiday, remember to be flexible. Plans sometimes have to be changed, and anything could happen! Your days will be busy. You have breakfast at 7am, then drive for anything up to 600km in a day. In the evening you'll either have to help cook an evening meal, or collect wood and help put tents up. Most of the time you'll sleep at a campsite with some facilities, but sometimes you'll be out in the bush! Buy a mosquito net beforehand, as the company don't provide this. Make sure you have a good sleeping bag too. Oh, and take a good book...

John [OST 1].

Обобщая сказанное, отметим, что учебный текст является одним из способов репрезентации знания особого формата, или многоаспектного знания. Многоаспектность знания, репрезентируемого в учебном тексте, понимается нами как взаимосвязь образовательной, предметной и лингвистической областей его осмысления. Образовательная и предметная области знания, выраженного в учебном тексте, обуславливают его специфические особенности как лингвистической формы, обладающей свойствами нормативности. В отличие от иных видов текстов, учебный текст является метапредметным и всегда репрезентирует процедурное знание в образовательной области.

Литература

Болдырев Н. Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 50–55.

Брюховецкий Н. Н. Многоаспектность знания как фактора развития общества // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2017. № 2 (203). С. 79–82.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.

Макаренко С. И. Справочник научных терминов и обозначений. СПб.: Наукоемкие технологии, 2019.

Никитина Л. Б., Гейко Е. В. Обучение лингвистическому анализу текста в системе подготовки учителя-словесника // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 195–199.

Раздабарина Ю. А. Когнитивно-матричный анализ как метод исследования существительных широкой семантики // Вестник ТГУ. 2012. № 12. С. 292–295.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007.

OST 1 – Official Sample Test 1. Pearson Test of English General. Level 3. Edexcel. London: Pearson Education Ltd, 2011.

*A. V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

MULTIDIMENSIONAL KNOWLEDGE REPRESENTATION IN THE EDUCATIONAL TEXT

The paper discusses the question of how multidimensional knowledge reveals itself in the educational text. Cognitive linguistics claims that multidimensional knowledge results from the interconnection of conceptual areas. The paper concludes that knowledge dimensions represented in the educational text can be attributed to the educational, subject and linguistic areas. These areas determine the features of the educational text as a form of knowledge representation, as well as the properties of normativity and metasubjectivity of the educational text.

Key words: educational text; multidimensional knowledge; educational, subject, linguistic conceptual areas.

*Т. А. Климова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
klimova.tania@gmail.com*

РОЛЬ ОБРАЗОВ СВЕТА И ТЕНИ В КОГНИТИВНОМ СТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА (на материале романа Кадзуо Исигуро “A Pale View of Hills”)

В статье рассматривается роль образов света и тени в когнитивном стиле Кадзуо Исигуро – писателя-билингва, в творчестве которого непротиворечиво сочетаются черты английской и японской лингвокультур. Когнитивный стиль рассматривается как совокупность устойчивых структурных решений, в которых находит свою репрезентацию индивидуальное сознание автора.

Ключевые слова: билингвизм, когнитивный стиль, языковое сознание, синкретизм.

Общепризнанным сегодня является положение о том, что концепт как оперативная единица знания имеет сложную структуру, часть содержания которой имеет языковую репрезентацию, а значительная часть представлена ментальными структурами другого типа: конкретно-чувственными образами, схемами, фреймами и т. п. [Болдырев 2018: 55–56]. По мнению И. Ланкашира, выявлению повторяющихся языковых конструкций (паттернов) способствует инструментарий когнитивной стилистики. Подобные паттерны, в свою очередь, помогают составить примерную карту долговременной ассоциативной

памяти автора в момент продуцирования текста. По словам Ланкашира, «когнитивная стилистика подчёркивает, что любое высказывание содержит отпечатки своего создателя, а также время произведения высказывания: хотя эти отпечатки не так уникальны, как отпечатки пальцев, в совокупности они образуют вполне оригинальные комбинации, которые могут быть полезны при установлении авторства или анализе текста» [Lancashire 2008: 397].

Представляется, что именно эти «языковые отпечатки» формируют *когнитивный стиль (mind style)* автора. Когнитивный стиль понимается нами, вслед за Р. Фаулером, как существующая внутри художественного текста совокупность устойчивых структурных решений, в которых находит свою манифестацию индивидуальное сознание автора [Fowler 1977: 76].

Целью настоящей статьи является выявление роли образов света и тени в репрезентации когнитивного стиля писателя-билингва. Кадзуо Исигуро представляет собой пример билингвального автора, чьё становление происходило на фоне тесного контакта английского и японского языков и соответствующих культур. Следствием существования индивида в разных культурных и языковых контекстах является синкретизация его языкового сознания, т. е. совмещение в нём образов и когнитивных стилей родного и второго языков [Козлова 2004: 129]. Подобный синкретизм характерен и для когнитивного стиля Кадзуо Исигуро: при этом его творчество строится не на оппозиции «английскости» и «японскости», а на их непротиворечивом совмещении.

В романе *A Pale View of Hills* («В дымке холмы», 1982) непротиворечивое совмещение двух культур в сознании автора представлено метафорически как игра света и теней. Роман представляет собой череду размытых воспоминаний и размышлений главной героини Эцуко и переключается между тремя временными отрезками, которые мы для удобства представляем в виде таблицы ниже:

Нагасаки, Япония конец 1940-х	Англия, прим. 1970-е	
прошлое, <i>о котором</i> ведётся повествование	недалёкое прошлое, <i>о котором</i> ведётся повествование	настоящее, <i>в котором</i> Эцуко ведёт повествование

Катализатором воспоминаний и размышлений служит приезд младшей дочери Эцуко, Ники. Приезду Ники, в свою очередь, предшествует недавняя трагедия – самоубийство старшей дочери, Кэйко. Самоубийство Кэйко омрачает всё повествование вплоть до развязки, которая предстает как момент осознания или прозрения. Встреча с Ники, разговоры между ней и матерью,

а также размышления Эцуко сопровождаются дождливой погодой разной степени интенсивности:

(1) *It was a grey windy morning, and we had moved the armchairs nearer the windows to watch the rain falling on my garden.* [Ishiguro 1982: 9]

(2) *It was the third day of Niki's visit and the rain had eased to a drizzle.* [Ishiguro 1982: 47]

(3) *As we made our way back from the tea shop, the sky had clouded over ominously and the drizzle had become heavier.* [Ishiguro 1982: 49]

(4) *It rained throughout that night, and the next day – the fourth day of Niki's stay – it was still raining steadily.* [Ishiguro 1982: 52]

(5) *That morning – the fifth day of Niki's visit – I awoke during the early hours. What occurred to me first was that I could no longer hear the rain as on previous nights and mornings. [...] The sky looked pale and white; it did not appear to be raining.* [Ishiguro 1982: 88–89]

(6) *There were no signs of rain and the sky seemed clearer than on previous mornings.* [Ishiguro 1982: 176] *The spare bedroom Niki had been using was small and stark; the sun was streaming into it that morning.* [Ishiguro 1982: 179] *My daughter had decided she need not leave until after lunch and we had come out walking through the orchard behind the house. The sun was still out, but the air was chilly.* [Ishiguro 1982: 180] *Two ponies had appeared near the sycamore trees. For a moment they stood quite still, in the sunshine, side by side.* [Ishiguro 1982: 180]

Интенсивность дождя меняется в зависимости от характера мыслей Эцуко. Так, моросящий дождь (*drizzle*) в примере (2) предшествует образу играющей в парке маленькой девочки, которую Эцуко и Ники встретили на прогулке. Во время прогулки между Эцуко и Ники происходит несколько напряжённый разговор о детях и материнстве, в начале которого Эцуко упоминает, что ей не хватает присутствия маленьких детей (*Perhaps you'll get married and have children soon [...] I miss little children. / I can't think of anything I'd like less, said Niki.* [Ishiguro 1982: 48]). По пути домой погода меняется: небо затягивают «зловещие», «предвещающие недоброе» облака (*the sky had clouded over ominously*), а морось усиливается (*the drizzle had become heavier*) из примера (3). В примере (4) морось переходит в дождь, который продолжается всю ночь и весь последующий день. Именно той ночью образ играющей в парке девочки впервые является Эцуко во сне, который «поначалу казался абсолютно безобидным». По мере приближения момента прозрения дождь прекращается, о чём свидетельствует пример (5). В этом же эпизоде Эцуко, не в силах заснуть, думает о хозяйке квартиры в Манчестере, которая обнаружила Кэйко; эта мысль приводит Эцуко в старую комнату Кэйко. Наконец, момент прозрения, когда Эцуко признаёт, что совместный переезд в Англию был продиктован скорее эгоистичными мотивами (*But you see, Niki, I knew all along. I knew all along*

she wouldn't be happy over here. But I decided to bring her just the same. [Ishiguro 1982: 176]), сопровождается солнечными лучами, проливающимися в комнату Ники, и солнечной погодой в целом, по которой Эцуко и Ники гуляют до отъезда последней, о чём свидетельствует пример (6). Подобное использование света и тени приобретает метафорический смысл и отражает общую схему повествования, в значительной мере построенную на самообмане: свет выдаёт желаемое за действительное, в то время как действительное остаётся в тени.

Размышляя о роли эстетики в японской культуре в эссе «Похвала тени» (1933), Дзюнъитиро Танидзаки противопоставляет культуру стран Запада и восточной Азии: первая стремится к ясности и проливает свет на неизведанное, а во второй во главу угла ставится недосказанность и приглушённые тона. Танидзаки уделяет особое внимание роли тени в японской культуре: *Каждый раз, когда я смотрю на выдержанную в строгом стиле нишу японской залы, я прихожу в восхищение искусством распределения светотени, которое свойственно только японцам, постигшим тайну «тени». <...> Где ключ к этой таинственности? Секрет её в магической силе тени. Если бы тень была изгнана из всех углов ниши, то ниша превратилась бы в пустое место. Гений надоумил наших предков оградить по своему вкусу пустое пространство и создать здесь мир тени* [Танидзаки 1986: 500]

Момент прозрения в конце книги снова сменяется тенью – с отъездом Ники погода становится пасмурной, поднимается ветер: *She left shortly after lunch with an oddly self-conscious air, as if she were leaving without my approval. The afternoon had turned grey and windy, and I stood in the doorway as she walked down to the end of the drive.* [Ishiguro 1982: 183] На присутствие тени указывает и упомянутый выше эпизод со сном, который «поначалу казался абсолютно безобидным»: *At first it had seemed a perfectly innocent dream; I had merely dreamt of something I had seen the previous day – the little girl we had watched playing in the park. And then the dream came back the following night. Indeed, over the past few months, it **has** returned to me several times.* [Ishiguro 1982: 47]

Обратим внимание на использование видовременных форм глагола в данном примере: в первых четырёх случаях используется Past Perfect, в то время как в последнем – Present Perfect. В одной из предыдущих работ [Климова 2022: 240] мы упоминали функцию перфектной формы как связующего звена между событиями прошлого и настоящим, а также наличие похожей формы в японском языке. В данном случае мы предполагаем, что перфектная форма настоящего времени служит границей между *настоящим*, в котором ведётся повествование и *прошлым*, о котором ведётся повествование. Опираясь на интерпретацию тени, представленную Д. Танидзаки, можно утверждать, что Эцуко ограждает пустое пространство и создаёт в нём мир тени – прошлого, признавая таким образом существование болезненных воспоминаний, но не убягая от них.

Таким образом, в рамках когнитивного стиля Кадзуо Исигуро отношения между образами света и тени построены на синкретизме, что обусловлено спецификой его языкового сознания, в котором две национальных культуры взаимно дополняют друг друга. Использование образов света и тени отражает общую схему повествования, в котором свет выдаёт желаемое за действительное, а действительное остаётся в тени.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Климова Т. А. Специфика концепта MEMORY в языковом сознании билингва и её репрезентация в тексте (на материале романа Кадзуо Исигуро “The Buried Giant”) // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 3 (50). С. 238–242.

Козлова Л. А. О некоторых особенностях речевого поведения билингвов, обусловленных спецификой их языкового сознания // Язык и транснациональные проблемы: материалы I международной научной конференции 22–24 апреля 2004 года. Москва – Тамбов: 2004. Ч. 1. С. 128–134.

Танидзаки Д. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1: пер. с яп. М.: Худож. лит., 1986.

Fowler R. Linguistics and the novel. London: Methuen & Co., 1977 (Reprinted 1989 by Routledge).

Ishiguro K. A Pale view of hills. London: Faber and Faber Limited, 1982.

Lancashire I. Cognitive stylistics and literary imagination // A Companion to Digital Humanities / ed. by S. Schreibman, R. Siemens, J. Unsworth. Oxford: Blackwell, 2008. P. 397–414.

Turner M. Reading minds: The study of English in the age of cognitive science. Princeton: Princeton University Press, 1991.

T. A. Klimova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

THE IMAGES OF LIGHT AND SHADOW FILTERED THROUGH BILINGUAL AUTHOR’S COGNITIVE STYLE: A LOOK AT KAZUO ISHIGURO’S “A PALE VIEW OF HILLS”

The paper discusses the image of light and shadow in the context of the mind style of Kazuo Ishiguro, a bilingual author whose works reflect his English and Japanese cultural and language background. The mind style is considered as a set of repeated language patterns representative of an individual consciousness.

Key words: bilingualism, mind style, language consciousness, syncretism.

А. А. Клиновская, В. В. Стрельцова

(Москва, Россия)

Московский государственный
лингвистический университет

anna-klinov2@yandex.ru,

wlapschina@yandex.ru

РОССИЯ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ
(на материале книги
«Черно-белый роман» Марион Пошманн)

На материале произведения немецкого автора Марион Пошманн «Черно-белый роман» были выявлены стратегии, тактики и языковые средства реализации стереотипных представлений, формирующих образ России и соответствующих идеологическим установкам потенциального читателя.

Ключевые слова: цветовая символика, концептуальная метафора, оценка, категоризация, образ России.

Исследование литературного текста с позиций когнитивной лингвистики позволяет получить представление о картине мира автора произведения, а также о так называемых «нормах ожидания» читательской аудитории [Бойко 2006]. Основным мотивом романа является противопоставление русского и немецкого образа жизни, ценностных установок русских и немцев. Интерес представляет объективация в романе знаний оценочного характера, в том числе активных в немецком обыденном сознании представлений о «чужой» группе, которая представлена через призму гетеростереотипов, и конструирование «своей» (немецкой) идентичности путем объективации автостереотипов.

Отношение к России и ее жителям формируется с помощью цветовой метафоры, имеющей сквозной характер и формирующей метафорическую сеть на макроуровне. Уже в названии присутствует цветовая символика: действие «Черно-белого романа» разыгрывается в стране, где доминирует серый как результат смешения черного и белого. Серый цвет автор считает скромным, неброским, безликим, невыразительным и одновременно практичным: *Grau war bekanntlich die zentrale Farbe des Ostblocks.*

Grau war schlicht. Grau war cool. Als Farbe in höchstem Maße ausdruckslos und unpersönlich, ließ Grau eine einheitliche Gestaltung sämtlicher Gebrauchsgegenstände zu und war ohne Einschränkung auch auf großen Flächen anwendbar. Strapazierfähig und unbestimmt, eignete sich Grau für Eßbesteck so gut wie für Betongebäude, ganze Straßenzüge und ausgedehnte

Paradeplätze. Dieser Umstand gab der Farbe selbst in kleinen Dimensionen etwas heimlich Monumentales. Grau enthielt den Verweis auf etwas überall Verbreitetes, ja Allgemeingültiges. Hier zeigte sich das erfolgreiche Vordringen der Zivilisation, eine gedeckte, unauffällige Machtentfaltung. [Poschmann 2005: 8–9]

Цель путешествия героини романа – Магнитогорск – представляется ей воплощением «серости», для нее это лишенный блеска, скучный, безрадостный, даже мрачный город:

Magnitogorsk... musste stumpf sein, trüb, je nach Tageszeit verschiedene Tönungen des üblichen Graus annehmen, es musste, das erwartete ich, für dieses Grau ein besonders gelungenes Beispiel sein [Poschmann 2005: 15].

Русские предпочитают преимущественно серую одежду и живут в серых многоквартирных домах, что создает удручающую атмосферу:

Ich war von unmodischen Stoffen umgeben... Die Mäntel der Leute um mich herum machten den Eindruck, als seien sie schon beim Kauf merkwürdig veraltet gewesen, ihnen haftete etwas Muffiges an, das die Farben veränderte, als seien es allesamt Restposten, die jahrelang gelagert worden waren und die den Grauschleier der Fabrikhallen angenommen hatten [Poschmann 2005: 8].

Серой массе русских противопоставлены «яркие» немцы, приехавшие в Россию. Сама героиня ходит в красном пальто и представляет своего отца, работающего в Магнитогорске, «ярким пятнышком» на сером фоне:

Ich hatte mir überlegt, wie mein Vater sich dort einfügen würde, ein bunter Tupfen in einem grauen Hochhaus, der mit der Zeit die Farbe der Umgebung annahm [Poschmann 2005: 16].

Автор лишает страну не только цвета, но и тепла: Россия представлена холодной, снежной и ветреной, потому неприветливой и даже враждебной (*eine unwirtliche Klimazone, eine feindliche Außenwelt*). Для создания образности используются метафоры, как, например, в следующем предложении: *Der Schnee verschlang alles/Снег поглотил всё* [Poschmann 2005: 38]. Героиня романа испытывает к России недоверие и сомневается, что ее отец может выстоять в противоборстве с этим холодом, темнотой и необъятным пространством:

Ich traute Rußland nicht. Ich bezweifelte, daß sich mein Vater gegen die Ungeheuerlichkeit des Schnees und der Kälte, gegen die Weite und Dunkelheit würde durchsetzen können [Poschmann 2005: 38].

Еще одна отличительная черта России – бескрайняя территория. Чтобы подчеркнуть ее, автор прибегает к приему гиперболизации, как в следующих примерах: *das gesamte Imperium in seiner Unermeßlichkeit, endlose Entfernungen, das gigantomanische Rußland*. В книге используются многочисленные метафоры, при помощи которых создается впечатление безгра-

ничности и опасности пространства. Важная роль принадлежит аллюзии на исторические события. Просторы страны предстают как «большой котел» или всепоглощающая «черная дыра», которая «перемалывает» и «проглатывает» танковые колонны и целые роты:

Die Weite des Landes als Verblüffung im Fall des Falles. Panzerkolonnen geraten in allesfressende Wälder. Truppen gefrieren in Schneewüsten zu Notrationen, ganze Kompanien sind von der gierigen Steppe zermahlen, vom Schlamm verschlungen. Die Weite des Landes ein einziger großer Kessel. Ein schwarzes Loch, das in Nichts führt. Nichtigkeiten. [Poschmann 2005: 161].

Сама главная героиня ощущает на себе разрушительное воздействие простора и однообразия России, они «гложут ее и затягивают в воронку, ведущую в пустоту»:

Die Weite, die Eintönigkeit nagte an mir und erzeugte einen Sog ins Nichts... [Poschmann 2005: 75].

Героиня считает, что России свойственна гигантомания, проявляющаяся в архитектуре, градостроительстве, памятниках, в развитии промышленности и инфраструктуры. Это связывается в тексте романа, с одной стороны, с необъятными просторами, с другой стороны, с демонстрацией силы и власти России.

In Rußland sind die Plätze ungeheuer, sie sind in Länge, Breite, Ausdehnung auf die Weite des Landes zugeschnitten... Rußland legte es darauf an, seine Plätze so endlos wie möglich wirken zu lassen, Rußland zielte auf nichts anderes ab... [Poschmann 2005: 25].

В такой обстановке, где преобладает всё гигантское, по мнению героини романа, нет места ничему человеческому:

...eine Umgebung, in der das Riesige dominierte, die Masse, das Gigantische. Die Hochhäuser standen klotzig im trüben Licht des Nachmittags, sie bildeten Barrieren und rechte Winkel, und es wirkte unangebracht, hier nach menschlichem Maß zu bauen, eine Schneefigur aufzustellen...

Субстантивированные прилагательные *das Riesige, das Gigantische* содержат в себе неопределенность и одновременно угрозу. Частое употребление абстрактных существительных, таких как *die Kälte, die Weite, die Endlosigkeit, die Eintönigkeit, die Unermeßlichkeit, die Ungeheuerlichkeit*, передает атмосферу враждебности.

Опасность представляет и загрязненная окружающая среда: воздух, вода, продукты питания несут болезни и смерть:

Magnitogorsk, umringt von schwarzen, roten, gelben Schneeflocken im Winter, von Staubwolken im Sommer. Kein Pflanzenwuchs mehr in der Umgebung, der Boden lag frei, flog fort. Der Uralfluß rückte zum Werksteich auf,

durfte Abwässer aufnehmen, sie weiterspülen. Hohe Kindersterblichkeit, Krebserkrankungen. Keine Ursache [Poschmann 2005: 164].

Die deutschen Ingenieure waren vor Milch gewarnt worden. Den Verzehr von Milch, Fisch, Pilzen sollten sie vermeiden [Poschmann 2005: 29].

Автор метафорически представляет Россию как огромную химическую лабораторию, где люди сидят в колбах и над ними проводятся эксперименты:

Rußland ein riesiges Laboratorium, wir saßen im Kolben, wurden gesotten, gefiltert, destilliert [Poschmann 2005: 171].

В анализируемом художественном тексте преобладает эмоциональная оценка, представляющая собой *определенную реакцию человека на объекты и явления окружающего мира, которые затрагивают личный мир говорящего, его цели и установки, нормы поведения и которые поэтому он воспринимает как важные для себя* [Болдырев, 113]. Для героини Россия является чем-то наводящим тоску или представляющим опасность. Чтобы точнее описать этот эффект, производимый страной на героиню, употребляется окказионализм *Rußlandkoller* («приступ безумия, вызванный Россией»):

Noch erträgst du die Stadt... Dann kommen die Depressionen, wenn sie nicht schon da sind. Das ist der Rußlandkoller, er ist unvermeidlich [Poschmann 2005: 77].

Размышляя о процессе категоризации, В. З. Демьянков и Е. С. Кубрякова отмечают, что *мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию и «ментальную образность», что выходит далеко за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности»* [КСКТ 1996: 57].

На наш взгляд, есть основания говорить о присутствии в тексте романа концептуальной метафоры, которая рассматривается в традиции когнитивной лингвистики как *основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира*. [Чудинов 2002: 299] А. П. Чудинов отмечает высокий прагматический потенциал концептуальной метафоры: *Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира* [там же]. Автор, таким образом, стремится закрепить в массовом сознании представление о России как сером неповоротливом жутком чудовище, проглатывающем людей.

Данное представление создается и внедряется в сознание читателя как на макроуровне через сквозную метафору бескрайнего пугающего и лишённого логики пространства или бездушного механизма в сочетании

с цветовой метафорой, так и на микроуровне, где нами рассматривается семантический и стилистический потенциал лексических и грамматических средств. Так, например, возникает целая цепочка существительных и прилагательных для создания отрицательного образа (*unmodische Stoffe, merkwürdig veraltet, etwas Muffiges, Restposten*). Стереотипизация как одно из средств создания образа России носит эксплицитный и имплицитный характер. Отдельно следует выделить роль автостереотипа, связанного с ценностными установками немцев, такого как уважение к индивидуальности, противопоставленного гетеростереотипам, а именно представлениям о русских как о серой безвольной массе.

Литература

Бойко М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны: на материале немецких политических креолизованных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103–114.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Чудинов А. П. Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 298–310.

Poschmann M. Schwarzweißroman. Frankfurt am Main: Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, 2005.

A. A. Klinovskaya, V. V. Streltsova

(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

RUSSIA WITH THE EYES OF GERMANS (based on “Black and White Novel” by Marion Poschmann)

Based on the material of the work of the German author Marion Poschmann “Black and White Novel”, strategies, tactics and linguistic means of implementing stereotypical ideas that form the image of Russia and correspond to the ideological attitudes of a potential reader were identified.

Key words: color symbolism, conceptual metaphor, evaluation, categorization, image of Russia.

И. В. Кожухова (Челябинск, Россия)

*Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru*

Н. Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru*

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ М. ЗАХАРОВОЙ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена описанию частотных языковых приемов, используемых в телеграм-канале Марии Захаровой. Для воздействия на целевую аудиторию дипломат нередко применяет оценочную и разговорную лексику, ироническую номинацию, интенсификаторы, имплицитные средства отрицательной оценки, а также отсылки к прецедентным именам и явлениям. Разнообразные риторические и тактико-стратегические приемы позволяют дипломату маркировать авторитетность и оценочность суждений.

Ключевые слова: социальная сеть, речевое воздействие, аггравация, импозитивность, языковая личность.

Данная работа продолжает исследование [Кожухова, Кошкарлова 2017] по изучению языковой личности М. В. Захаровой, в котором было выявлено, что к наиболее продуктивным средствам выразительности относятся: использование эмодиконов, метафорических моделей, сниженная и разговорная лексика, оценочная номинация, ирония и прецедентные тексты. Выделенные средства являются одними из определяющих в позиционировании языковой личности М. В. Захаровой, директора департамента информации и печати МИД РФ.

Цель настоящей работы – выделить и описать характерные языковые и экстралингвистические особенности записей телеграм-канала М. В. Захаровой. Материалом для анализа послужили записи телеграм-канала М. В. Захаровой в период с 1 декабря 2022 по 20 января 2023 года. Предмет исследования – языковые и экстралингвистические особенности записей.

На графико-визуальном уровне отмечаем выделение наиболее важных частей текста жирным шрифтом, а также графическими значками, зачастую определяющими характер новости: значок «микрофон» – комментарий, «молния» – срочная, важная новость, «облако» – цитата, «указательный палец вверх», «восклицательный знак» – важно и др. Обращает на себя внимание отсутствие эмодиконов и практически полное отсутствие значков субъективной эмоциональной оценки. Данный канал используется дипломатом для позиционирования себя, в первую очередь, в качестве профессионала,

оставляя за рамками личную жизнь. Записи личного характера носят очень ограниченный характер.

Дипломат использует арсенал приемов для достижения коммуникативных интенций. Отметим, что нередко в «в дипломатическом дискурсе представлены конкурирующие точки зрения, а люди, представляющие их, используют такие языковые средства, которые, с одной стороны, должны делать сообщения максимально информативными, но с другой стороны, позволять выражать оценку событий и действий конкурентов» [Шилихина, 2021]. Так, материал исследования показывает, что продуктивными приемами стали использование оценочной лексики, имплицитность отрицательной оценки, уничижительная лексика, ироническая номинация, антитезы и др. Используемые приемы наиболее характерны именно для личного канала, комментарии и заявления на официальном канале МИД России носят более дипломатичный характер.

Рассмотрим некоторые из перечисленных средств. Использование оценочной лексики и лексики с отрицательной (контекстуально-отрицательной) коннотацией иллюстрирует субъективное отношение адресанта к описываемым явлениям. Подобное описание нивелирует значимость оппонентов и является частью агональной коммуникации. Усиление общей отрицательной оценки повествования достигается за счет риторических и стилистических приемов: *Было бы лучше, если бы европейские псевдомиротворцы прекратили военную подпитку Киева*. Предполагается, что страны Европы занимают нейтральную к участникам конфликта позицию, тем самым становясь «миротворцами». Приставка «псевдо» показывает ложность, мнимость нейтральной позиции, что подкрепляется дальнейшим утверждением про военную помощь Киеву. В следующем примере *...полную некомпетентность и, прямо говоря, импотенцию продемонстрировала ОБСЕ* градация («некомпетентность», «импотенция») усиливается метафорическим переносом на лексику со значением половой немощности аггравирова импозитивность.

Продуктивными приемами усиления отрицательной и положительной оценки, абсолютизации мнения в исследуемом материале становится использование интенсификаторов: *...и показали миру всю эту жуткую неприглядность вранья Запада*. В данном примере использование разговорной лексики «вранье» усиливает эмоциональность высказывания (*ср.* более нейтральное «ложь»), усиленное в свою очередь двумя предыдущими лексемами – «неприглядность» и «жуткую». Нагнетание атмосферы при помощи интенсификаторов является одним из ключевых приемов дипломата: *...налицо явное нарушение базовых прав и свобод человека: сочетание «явное нарушение» можно считать усилением словосочетания «базовых прав и свобод», так как именно эти права являются важнейшими, основополагающими, т. е. теми,*

на которых зиждется все правовое поле. В другом примере мы также видим использование эпитетов в качестве усилительных маркеров: *...в бессильной злобе, продиктованной нулевой эффективностью собственных санкций...*: нулевая эффективность, которая в некоторых контекстах может рассматриваться как словосочетание с нейтральной оценкой, в данном контексте имеет строго отрицательную коннотацию, которая усиливается парой «бессильная злоба».

Ирония в текстах нередко достигается за счет смешения стилей: *...остается лишь надеяться, что в момент, когда наши западные визави...возьмутся за ум и попытаются возродить...диалог*. Отличительной чертой как текстов дипломата, так и других представителей МИДа является использование разговорной лексики в риторических целях. Усиление коммуникативного воздействия также происходит за счет сочетания разностилевых лексем, как в примере выше: книжная лексема «визави» сочетается с разговорным фразеологизмом «взяться за ум». Отметим, что данная цитата не является словами М. В. Захаровой, ее автором является О. Г. Карпович, проректор Дипломатической академии МИД России. Цитирование источников лишь подчеркивает общую риторику дипломата.

Вопросительные по форме высказывания также могут являться риторическим приемом: *Нас еще не обвинили в том, что у Байдена в гараже нашли секретные документы?* Использование разговорного союза «еще» со значением повторяемости действия служат отсылкой к тому, что с точки зрения иностранных СМИ «русский след» прослеживается в большом количестве событий.

Отсылки к прецедентным именам и фактам иллюстрируют параллели с эпохой Второй мировой войны и фашизмом. Отметим, что большая часть анализируемых записей относилась к СВО, поэтому сопоставление режимов и прецедентных лиц намекает на схожесть: *Кайла, Адольф Вами гордился бы», «Среди прочих вояк там нашлись неонацисты, открыто носящие на своей форме символы, в т. ч. шевроны дивизии СС «Тотенкомф», Последний раз с такой помпой нацистов-наркоманов перевозили по воздуху во время Второй мировой войны, когда рейхсминистравиации Германа Геринга доставляли с одной авиабазы на другую*. Адольф Гитлер – диктатор нацисткой Германии, дивизия СС «Тотенкомпф» ассоциируется с фанатичностью и жестокостью. Аллюзия к Г. Герингу в данном случае контекстуальна, обращает на себя внимание отсылка к образу действия «с такой помпой» и его сочетание с объектом «нацист-наркоман». Аггравация агонии в случае с аллюзиями носят не только точечный характер, но дают объемное представление об однозначных параллелях.

Иронические комментарии с использованием прецедентных имен и отсылкам к прецедентным феноменам также присутствуют в записях

дипломата: *Все жду, когда Зеленский Хрюшу со Степашкой под санкциями подведет. Если теперь уже и Ангелина Вовк «угрожает национальной безопасности Украины», то ее два подельника и подавно должны быть запрещены.* Отсылка к передаче для детей «Спокойной ночи, малыши» и приравнивание ее героев к угрозам национальной безопасности носит, очевидно, характер насмешки.

В результате лапидарного анализа телеграм-канала М. В. Захаровой можно прийти к выводу, что использование стандартных языковых приемов для достижения коммуникативной цели в своей совокупности (эпитеты, оценочная лексика, смешение разговорных и книжных слов, отсылка к прецедентным именам и фактам и др.) приводит к реализации риторических приемов, аггравирующих конфронтационность и агональность.

Литература

Кожухова И. В., Кошкарлова Н. Н. Языковая личность М. Захаровой (на материале социальной сети Фейсбук) // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: материалы VI Международной научно-практической конференции. 3 марта 2017 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. С. 222–226.

Мария Захарова. Официальный телеграм-канал: <https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova>

Шилихина К. М. Иронические комментарии в публичном дискурсе российских дипломатов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironicheskie-kommentarii-v-publichnom-diskurse-rossijskih-diplomatov> (дата обращения: 23.12.2022).

I. V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

N. N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

TELEGRAM CHANNEL OF M. ZAKHAROVA: LANGUAGE FEATURES

The article describes the most frequent language techniques of Maria Zakharova's telegram channel. To influence the target audience, the diplomat often uses evaluative vocabulary, ironic nomination, intensifiers, implicit means of negative evaluation, as well as references to precedent names and phenomena. A variety of rhetorical and tactical-strategic techniques allow a diplomat to mark the authority and value of judgments.

Key words: social network, speech impact, aggravation, imposition, linguistic personality.

Н. И. Комкова (Тула, Россия)

Тульский институт управления и бизнеса
им. Н. Д. Демидова
lingvo_2012@mail.ru

КОНЦЕПТ ЛЮБОВЬ В ПРОЗЕ Б. В. ШЕРГИНА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Статья посвящена изучению концепта ЛЮБОВЬ как одного из доминантных и самобытных элементов концептосферы Б. В. Шергина. На материале рассказов разных периодов творчества писателя показано, какие лексемы репрезентируют концепт ЛЮБОВЬ, как они раскрывают характеры героев, их систему ценностей – отношение к дружбе, семье, выбранному ремеслу.

Ключевые слова: концепт ЛЮБОВЬ, лексема, концептосфера писателя, язык поморов, язык Б. В. Шергина, художественный текст, концептуальная модель, средства репрезентации.

С позиции когнитивной лингвистики основополагающим элементом любого авторского текста всегда выступает концепт, представляющий собой синтез тождественных объектов, участвующих в процессе текстообразования [Комкова 2021: 98]. Чтобы рассмотреть концептосферу в целом, необходимо изучить каждый отдельный концепт в частности [Ломакина 2019: 781], а также их совокупность в единой семантической целостности [Комкова 2022: 128]. Система ценностей и особенности мировоззрения отдельного народа отражены в произведениях писателей конкретного региона [Ломакина 2021: 172]. Произведения Б. В. Шергина как транслятора культуры Поморского края неразрывно связаны с нравственными ценностями поморов: их пониманием любви, верности, выбора профессии [Комкова 2021: 75].

Стремления сердца для *«удивительного народа Архангельского не сводятся только к мечтаньям о большеглазой юной красавице: если любовь и есть жизнь, то не имеет смысла она без дружбы, надёжного ремесла, праведных помыслов, «ибо это и есть истинная, самозабвенная нежность, питающая все надежды и свершения удивительной души поморской»* [Горелов 1984: 5], поэтому концепт ЛЮБОВЬ является одним из доминантных концептов в произведениях Б. В. Шергина.

Цель статьи заключается в изучении лексических средств репрезентации концепта ЛЮБОВЬ в прозе Б. В. Шергина.

Материалом исследования послужили такие рассказы писателя, как: «Виктор Горожанин», «Егор увеселялся морем», «Мимолётное виденье», «Митина любовь», «Любовь сильнее смерти».

Вообще концептуальная информация разного типа выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов. Более того, концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его передачи [Болдырев 2021: 84]. В выше обозначенных рассказах также основным лексическим репрезентантом концепта ЛЮБОВЬ служит одноимённая лексема, которая в «Словаре русского языка» выступает в трёх лексико-семантических вариантах: 1. *Чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо.* 2. *Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола.* 3. *Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо* [МАС: 221].

Концепт ЛЮБОВЬ представлен в прозе Б. В. Шергина в большей степени в третьем значении, при этом семантизируя в себе первые два понятия [Лихачёв 2014: 155], ведь *любовь к женщине невозможна без друзей верных, без притяжения сердечного к выбранному ремеслу, без стремления всего естества человеческого к родному краю, Архангельской стороне* [Горелов 1984: 8].

Так, в рассказе «Виктор-горожанин» Б. В. Шергин объясняет, что зачастую будущую профессию человека определяет его детство, и выбранное ремесло будет нерасторжимо связано с неизбывным уважением к нравственным ценностям и культуре родного края [Горелов 1984: 8]: *Художнику свойственно любить культуру своей родины и вникать в эту культуру. Непонятно, почему ещё детское сердце устремляется к чему-то единственному, и этой любовью человек живёт и дышит всю жизнь... Меня и Витю сблизила любовь к рисованию* («Виктор-горожанин»). Б. В. Шергин описывает зародившуюся в детстве дружбу между ним и соседским мальчишкой Виктором, впоследствии ставшим художником по росписи карбасов. *Сам же юный отрок Борис вырос истинным живописцем слова* [Горелов 1984: 8]. Б. В. Шергин раздвигает границы простого детского навыка рисования до труда всей жизни. Инфинитивная форма *любить* является своеобразным способом передачи концептуальной модели в целом [Зализняк 2010: 101]: выбранная профессия станет делом всей жизни героев рассказа. Одноимённая лексема *любовь* выступает в значении *внутреннего стремления, тяготения к чему-либо*.

Любовь к своему ремеслу в рассказах Б. В. Шергина неотделима от чувств к женщине, которые даруют не только радость семейного очага, но и внушают возможность самопожертвования ради истинного счастья родного человека [Горелов 1984: 5]. В рассказе «Егор увеселялся морем» главный герой, судостроитель Егор Васильевич, преодолевает муки ревности и сам содействует тому, чтобы его молодая жена Варя обрела истинное счастье с некогда любимым Егором учеником Колей Ивановым: *Да, любовь*

у юноши душу **строит**, а у старика душу **мутит**... Доченька!.. Я, твой бывший **муж**, ныне же твой **отец**, торжествую над собой **пресветлую** победу. Отдаю тебя Николаю на руки, Ивановичу навеки» («Егор увеселялся морем»). Существительное *любовь* служит некой катализирующей силой [Бахтин 1986: 105] между временными заблуждениями сердца и чувством на всю жизнь. Эта сила репрезентируется посредством глаголов *строит* и *мутит*, приведённых в антонимическом ряду, тогда как лексемы *отец* и *муж* выступают как контекстуальные синонимы: осознанная жертва Егора ради подлинного чувства Николая и Вари. Суперлатив *пресветлую* подводит читателя к пониманию развязки рассказа: благодаря своему поступку герой достигает спокойствия и гармонии на новой службе с верными товарищами-моряками. Лексема *любовь* приводится посредством совмещения двух значений *сердечной склонности и неизменного стремления* к выбранному ремеслу.

Исследуя тему отношений между мужчиной и женщиной, Б. В. Шергин порой прибегает к известным стихотворениям любовной лирики, чаще всего глубоко почитаемого им поэта, А. С. Пушкина, порой вынося цитаты в глаavia своих произведений [Горелов 1983: 11]. Так, название рассказа «Мимолётное виденье» адресует читателя к бессмертным строкам поэзии А. С. Пушкина, посвящённым А. П. Керн, и помогает понять разницу между подлинными чувствами умирающего Льва Павловича к жене и порочной слабостью купца Маляхина к безвременно овдовевшей героине [Горелов 1984: 8]: *Пособить не пособим, а хоть поплачем над ихней прелестной любовью* («Мимолётное виденье»). Употребление указательного местоимения в просторечной форме *ихней* делает чувства героев вполне осязаемыми, не отрицая их глубины и подлинности. Лексема *любовь* выступает в значении *глубокой привязанности к кому-либо*, ведь отношения Кати с мужем построены скорее на дружбе и взаимном уважении, нежели на терзающей душу страсти [Горелов 1984: 8].

Б. В. Шергин выносит цитаты в названия своих произведений, посвященных отношениям героев, а лексема *любовь* служит в его прозе частью заглавия того или иного рассказа («Митина любовь», «Любовь сильнее смерти»). В рассказе «Митина любовь» вечный холостяк Митька пытается забыть замужнюю Марью Кярстен, *полюбившуюся ему с первого взгляда*, но чувства героев неподдельны: спившийся супруг Маши погибает из-за пагубного пристрастия. Узнав об этом, герой после долгих поисков возлюбленной обретает с ней долгожданное счастье: *И поклялся я забыть эту любовь...однако праведная любовь не потеряется* («Митина любовь»). Контекстуальная конструкция *праведная любовь не потеряется* приближает возможность обретения героями долгожданного счастья [Горелов 1984: 8]. Лексема *любовь* опять выступает в значении *глубокой привязанности к кому-либо*.

Все движения человеческой души Б. В. Шергин передаёт в рассказе «Любовь сильнее смерти», где одноимённая лексема вновь является частью заглавия. Главный герой Кирик не прилагает достаточных усилий для спасения своего названного брата Олеши, втайне надеясь завладеть сердцем Моряшки, в которую влюблены оба друга. Но гибель верного товарища не приносит Кирику счастья. Он ищет смерти в ратном бою, осознавая, что любовь к другу и их общему труду, морскому делу, завещанному ещё отцами, побеждают в нём все другие чувства, в том числе и сильное влечение к прекрасной Моряшке. Не случайно и имя возлюбленной, являющееся однокоренным к существительному море, как бы закольцовывает триединство чувств Кирика: страсть к девушке, вечное стремление к выбранному ремеслу, непроходящее чувство вины перед Олешей [Горелов 1983: 11]: **Отцы их по любви морскую лодьёю владели и детям то же заповедали** («Любовь сильнее смерти»). Лексема *любовь* сочетает в себе значения *страстного желания и внутреннего тяготения к чему-либо*, при превалирующей семантизации последнего [Лихачёв 2014: 154].

Таким образом, концепт ЛЮБОВЬ в рассказах Б. В. Шергина представлен в значении *внутреннего тяготения к субъекту или предмету, соединяющего в себе чувство горячей сердечной склонности с незыблемостью настоящей дружбы*, и максимально приближен к лингвокультурной репрезентации: любовь к женщине и искренняя привязанность к другу невозможны без чистоты и правдивости помыслов, заключающихся в подлинном осознании своего места и предназначения на неизведанных просторах Поморского края.

Литература

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Горелов Ал. Поморское узорочье // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. М.: Современник, 1983. С. 6–15.
- Горелов Ал. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина // Шергин Б. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. С. 3–9.
- Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.
- Комкова Н. И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
- Комкова Н. И. Роль прозы Б. В. Шергина в репрезентации Северного текста // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 127–137.
- Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М.: Колибри, 2014.

Ломакина О. В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.

Ломакина О. В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л. Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780–785.

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. С-Я / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

N. I. Komkova (Tula, Russia)
Tula Institute of Management and Business
named after N. D. Demidov

THE CONCEPT *LOVE* IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN: LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION

The article deals with the study of the concept LOVE as one of the dominant and original elements of the concept sphere of B. V. Shergin. On the material of the stories of different periods of the writer's work, it is shown which lexemes represent the concept of LOVE, how they reveal the characters of the characters, their value system – attitude to friendship, family, chosen craft.

Key words: the concept of LOVE, lexeme, the writer's conceptual sphere, the language of the Pomors, the language of Boris Shergin, literary text, conceptual model, means of representation.

M. N. Konnova, S. E. Horokhorina
(Калининград, Россия)
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
mkonnova@kantiana.ru,
sofiakhorokhorina@gmail.com

ДИНАМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Рассматриваются лингвокогнитивные особенности метафорической экспликации авторского темпорального опыта в произведениях Э. Дикинсон. Внимание уделяется сложным ценностным смыслам, присущим языковым реализациям когнитивной модели динамического времени.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, темпоральный опыт, концептуальная метафора, Э. Дикинсон.

Поэтика времени американской поэтессы Э. Дикинсон (1833–1886) отличается необычайным разнообразием. Точность, присущая авторскому видению времени, делает это абстрактное явление осязаемым, почти физически ощутимым [O'Brien 2014]. «Концептуальная вселенная Э. Дикинсон» [Freeman 1995], проявляющаяся в ярких художественных образах, предельно субъективных и, одновременно, аксиоматично обобщенных, структурируется когнитивными моделями, метафорическими и метонимическими по своей природе. Цель данной статьи – исследование роли динамической метафоры времени в концептуализации авторского темпорального опыта и его ценностного содержания (см. подробнее: [Коннова 2018]).

В поэтическом мире Э. Дикинсон концептуальная метафора TIME MOVES/ ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ выступает структурным основанием осмысления тождества времени и изменения, которое затрагивает и видимую действительность, и внутренний мир лирического героя. Ср.:

I could not prove the Years had feet –
Yet confident they run
Am I, from symptoms that are past
And Series that are done –

I find my feet have further Goals –
I smile upon the Aims
That felt so ample – Yesterday –
Today's – have vaster claims –

(E. Dickinson)

В приведенном фрагменте неожиданная конкретизация узуальной метафоры *time runs* («время бежит») через раскрытие её внутренней формы в метонимическом уточнении *the Years had feet* (рус. «У годов есть стопы») придаёт нейтрально-привычному образу движущегося времени веселый, игривый характер. Антитеза первых стихов, объединенных противительным союзом *yet* («однако»), эксплицирует парадоксальную природу времени. Если отрицание *I could not prove the Years had feet* (букв. «Я не могла доказать, что...») подчеркивает логическую необъяснимость движения времени, то признание *Yet confident they run* (букв. «И всё же уверенно они бегут») утверждает реальность метафорического «хода» часов и годов, проявлением которого становятся события, метонимически именуемые симптомами (*symptoms that are past*).

Во второй строфе образы бегущего времени и лирического «я» поэта сопрягаются через повтор лексемы *feet* («стопы») в метафоре *I find my feet*

have further Goals (букв. «Обнаруживаю, что у моих стоп есть дальнейшие цели»). Прошлое, метонимически именуемое словом-символом *Yesterday* («вчера»), сменяется здесь планом настоящего. Соотносимое с полнотой сегодняшнего дня (*Today*), настоящее устремляется вперед, к широте будущего, образ которого имплицитно в четвертом стихе строфы сочетание *vast(er) claims* (букв. «более обширные намерения»).

Сложность субъективного темпорального опыта, в котором медленное течение времени может неожиданно сменяться стремительным полётом, отражают в идиолекте Э. Дикинсон контрастные динамические метафоры. Ср.:

This slow Day moved along –
I heard its axles go
As if they could not hoist themselves
They hated motion so –
I told my soul to come –
It was no use to wait –
We went and played and came again
And it was out of sight –

(E. Dickinson)

В приведенном стихотворении мотив промедления, передаваемый начальным прилагательным *slow* («медленный»), усиливается глаголом *move along* («проводить»), имплицитно указывающим на задержку, остановку в пути. Семантика движения, достаточно обобщенная в первом стихе – *Day moved along* (букв. «День тянулся»), уточняется во втором стихе, где субстантив *axle* («ось») метонимически вводит образ экипажа, придавая традиционной аллегории колесницы времени почти бытовую конкретность. Упоминание осей, не передающих крутящего момента, но соединяющих вращающиеся колеса, сопрягает противоположные идеи – движения и неподвижности. Перцептивная семантика сказуемого в синтагме *I heard its axles go* (букв. «Я слышала, как двигались его оси») оттеняет остроту субъективного темпорального опыта. Ощущение замедления хода времени, свидетельствующее о внутренней неудовлетворенности, нетерпеливом ожидании перемен, достигает максимальной силы в гиперболической персонификации *They hated motion so* (букв. *Так они ненавидели движение*).

Во второй строфе иносказание *I told my soul to come* (букв. «Я попросила мою душу прийти») указывает на перенос центра внимания лирического героя извне, с временного мира (*Day*), во внутрь – к душе (*my soul*), по природе бессмертной. Резкое смещение фокуса с внешнего на внутреннее изменяет и эмоциональную тональность стихотворения. Тягостность одиночества,

имплицитруемая местоимением *I* («я») первой строфы, преодолевается в момент возвращения к себе, когда разобщенные части личности обретают единство, символизируемое подлежащим *we* («мы»). Целостность рождает непринужденную легкость бытия, описываемую сказуемым *played* в третьем стихе – *We went and played* (букв. «Мы пошли и играли»). Произошедшая с лирическим героем перемена находит свое отражение и в характере темпорального опыта. Метафора заключительного, четвертого стиха – *it was out of sight* (букв. «оно скрылось из виду») – передает мысль о стремительно пронесшемся, будто исчезнувшем времени.

В «концептуальной вселенной» Э. Дикинсон темпоральный опыт не ограничивается сферой времени. Одним из его измерений является вневременность, идея которой может актуализироваться посредством взаимосвязанных динамических метафор. Ср.:

We talked to each other about each other
Though neither of us spoke –
We were listening to the seconds' Races
And the Hoofs of the Clock –
Pausing in front of our Palsied Faces
Time compassion took –
Arks of Reprieve he offered to us –
Ararats – we took –

(E. Dickinson)

Оксюморон-антитеза двух первых стихов *We talked to each other... Though neither of us spoke* («Мы говорили друг с другом... Хотя никто из нас не сказал ни слова») описывает молчаливый диалог двух собеседников. Однородные метафорические дополнения третьего и четвертого стихов – *seconds' Races/ And the Hoofs of the Clock* (букв. [мы прислушивались к] скачкам секунд и копытам часов) эксплицируют стремительное движение времени, которое переживается как элемент внешнего, враждебного по отношению к лирическому герою, мира. Присущие лексеме *races* («гонки, скачки») и контекстуально усиливающему её слову *hoofs* («копыта») ассоциативные со-значения беспорядочного шума и, одновременно, напряженного ожидания, передают сложное ощущение беспокойства и беспомощности, рождающееся от понимания необратимости движения времени. Представляющее собой яркую форму авторской детализации конвенциональной метафоры *колесницы времени*, это иносказание оттеняет насыщенность темпорального опыта, каждый момент (*second*) которого переживается лирическим героем как имеющий самостоятельную ценность.

Во второй части стихотворения акценты смещаются: время перестает быть фактором внешнего, враждебного мира, но становится активным участником происходящего. Воображаемый ход времени, ранее описанный метафорой *seconds' races* («скачки секунд») как стремительный, замедляется. Персонифицирующая метафора *Pausing... Time compassion took* (букв. «Остановившись..., время сжалилось») вводит в шестом стихе образ живого, одушевленного времени. В седьмой строке местоимение *he* («он») изображает время личностью, а акциональный глагол *offered* («предоставил») наделяет способностью самостоятельного действия. Завершается стихотворение неожиданной ветхозаветной аллюзией – *Arks of Reprieve he offered to us – / Ararats – we took* (букв. «Ковчеги отсрочки он предложил нам/ Арараты – мы брали»). Словоформа *Arks* («ковчеги»), отсылающая к библейскому повествованию о всемирном потопе (Быт. 6–9), совмещает противоположные образы – бушующей стихии (внешний, враждебный мир) и данного Творцом убежища (внутренний мир). Идея убежища прочитывается в стихотворении во временном ключе: буквальное значение слова *reprieve* («отсрочка смертного приговора»), сопрягая процессуально-эмотивные семы крайнего напряжения чувств и внезапной радости, оттеняет остроту переживаний мгновений перед неизбежной разлукой. Окаzionale форма прецедентного топонима *Ararats* (букв. «Арараты»), указывающего на череду гор, на которых остановился Ноев ковчег после окончания потопа (*the ark rested ... upon the mountains of Ararat* [Gen. 8: 4]), актуализирует идеи высоты как близости к небу и умиротворения, становясь своеобразным символом преодоления времени.

Как свидетельствует проведенный анализ, концептуальная метафора *TIME MOVES/ ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ* отличается в произведениях Э. Дикинсон широким разнообразием дискурсивных проявлений. Насыщенные богатыми аллюзивными смыслами, метафоры времени – окаzionale сочетания и переосмысленные поэтессой узуальные клише – эксплицируют аксиологическое измерение авторского темпорального опыта.

Литература

Коннова М. Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018.

Dickinson E. *The Complete Poems of Emily Dickinson* / ed. Thomas H. Johnson, Toronto: Little, Brown and Co., 1967.

Freeman M. Metaphor making meaning: Dickinson's conceptual universe // *Journal of Pragmatics*. Vol. 24. Issue 6. 1995. P. 643–666.

O'Brien P. Telling the time with Emily Dickinson // *The Massachusetts Review*. Vol. 55. Issue 3. 2014. P. 468–489.

M. N. Konnova, S. Ye. Khorokhorina
(Kaliningrad, Russia)
Immanuel Kant Baltic Federal University

**DYNAMIC TIME METAPHORS
IN EMILY DICKINSON'S POEMS:
AN AXIOLOGICAL PERSPECTIVE**

The article looks at how temporal experience is represented in metaphoric imagery of Emily Dickinson's poetry. The focus is on the dynamic image of TIME MOVES cognitive schema and the deep symbolism of its poetic realizations.

Key words: cognitive poetics, temporal experience, conceptual metaphor, Emily Dickinson.

O. A. Кострова (Самара, Россия)
*Самарский государственный
социально-педагогический университет*
Olga_kostrova@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОТТЕНКИ КАУЗАЛЬНОСТИ
В НЕМЕЦКИХ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ**

Рассматривается варьирование концепта КАУЗАЛЬНОСТЬ, репрезентированного сложноподчиненным предложением с придаточным причины. В беллетристике концепт реализуется с оттенком мотивации, в научном тексте – с оттенком аргументации. Позиция придаточного определяет иконичность репрезентации, когнитивные импликация пресуппозиций реализуют концептуальные оттенки.

Ключевые слова: интенция, нарушение ожидания/нормы, принятие решения, оценка, объяснение.

Сложноподчиненное предложение (СПП) с придаточными причины рассматривается нами как ядерный репрезентант концепта КАУЗАЛЬНОСТЬ. В немецкой грамматике каузальность описывается как отношение, которое может быть реконструировано в логической схеме кондициональности [Zifonun 1997: 2291], а причина определяется как реальная или как результат познания (Erkenntnisgrund) [там же: 2296]. По нашим наблюдениям СПП с придаточными причины в беллетристике реализуются, в основном, в прямой или несобственно-прямой речи, имплицитно мотивирующую ин-

тенцию говорящего [Кострова 2021: 531]. В научном тексте интенция автора направлена на изложение объективных связей, его позиция отступает на задний план [Fleischer, Michel 1977: 261]. Текст, будучи компонентом дискурса, организуется в соответствии с концептуальными системами знаний коммуникантов, в соответствии с которыми реализуются доминантные принципы его структурирования: тематический, субъектный, социокультурный и др. [Болдырев, Григорьева 2018: 16].

Цель статьи состоит в выявлении концептуальных оттенков каузальности, формируемых авторской интенцией и принципами построения немецкого беллетристического и научного текстов. Материалом анализа служат СПП с придаточными причины, извлеченные из основного корпуса [DWDS], и корпуса научно-технических текстов [Polytechnisches Journal (PJ)]. В методологии исследования сочетаются лингвистические и когнитивно-дискурсивные методы: синтаксический анализ, учитывающий позицию придаточного, и когнитивно-дискурсивный анализ пресуппозиций в концептуальных системах коммуникантов.

Позиция придаточного предложения в СПП определяет иконическую вариативность концепта. Препозитивное придаточное иконически обозначает предшествование каузального фактора, при постпозиции логическая последовательность нарушается, репрезентация концепта становится неиконичной. СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзом *weil*, более характерны для беллетристики, а с препозитивными придаточными, вводимыми союзом *da*, для научного текста. Исходя из этого, интерпретация каузальности в художественном тексте требует дополнительного выстраивания логики причинно-следственного отношения. Тем не менее оба союза возможны как в пре-, так и в постпозиции. Ср. примеры из беллетристики (1–4) и из гуманитарных научных текстов (5–8): (1) *Er gilt als völlig skrupellos, weil er ja nichts mehr zu verlieren hat* (DWDS). (2) [...] *er war stolz, dass er den mächtigsten Mann der Gegend zum Feind hatte. Und weil dieser Feind so bedeutend war, zollte er ihm Respekt* (ebd.). (3) *Da ihm noch Zeit blieb, wählte er die Nummer von Telekabel* (ebd.). (4) [...] *er konnte ja nichts erwidern, da er pausenlos Schokolade aß* (ebd.). (5) *Da sie auf lange Sicht die politische Einheit der Nation nicht erreichen konnten, mussten sie wenigstens versuchen, ein Nationaltheater zu errichten* (ebd.). (6) *Der Reichskanzler konnte erklären, das Misstrauensvotum des Parlaments werde wirkungslos bleiben, da er nur dem Kaiser unmittelbar verantwortlich sei* (ebd.). (7) *Weil Karl Moor sich aus der Reihe der Reinen ausgestoßen fühlt, scheut er fortan nicht mehr die Befleckung.* (ebd.). (8) *Philipp argumentiert, weil er den feurigen Marquis zu lieben begonnen hat.* (ebd.).

Препозитивное придаточное обозначает, как правило, побудительный мотив (“*Beweggrund*” [Zifonun 1997: 2297]) следующего за ним действия

(2, 3, 5, 7); постпозитивное придаточное обычно объясняет или комментирует содержание главного предложения (1, 4, 6, 8). Тем самым позиция придаточного способствует выявлению когнитивно-прагматических оттенков концепта.

Оттенки каузальности в беллетристическом тексте

В текстах художественного стиля оттенки каузальности создаются импликацией социально значимых пресуппозиций, присутствующих в концептуальных системах коммуникантов и формирующих их картину мира.

Пресуппозиция ожидания реализуется в СПП с постпозитивными придаточными. В примере (1) эта пресуппозиция имплицитно присутствует как присутствие в нашей концептуальной картине мира ожидания того, что люди должны вести себя прилично. Если это ожидание нарушается чьим-то беззащитным поведением, как описано в главном предложении (1), то это требует объяснения, которое дается придаточным предложением.

Пресуппозиция ожидания, может содержаться в вопросе о мотивах какого-то действия и ответе на него, ср.: (9) *Warum darf ich eigentlich **nie** allein irgendwo hingehen, frage ich meine Mutter. Weil man nie wissen kann, was passiert, sagt meine Mutter* (DWDS). Здесь выявляется разница концептуальных систем ребенка и матери: у матери присутствует ожидание неприятностей, которые могут встретиться в жизни её ребенка, а у ребенка такого ожидания нет. Отсюда его вопрос и объяснение матери, которая пытается привести в соответствие концептуальные системы обоих (см. подробнее: [Болдырев 2022: 27]).

Пресуппозиция принятия решения реализуется в СПП с препозитивными придаточными, в которых формулируется положение вещей, вызывающее или требующее какого-то действия. В примере (3) человек набирает номер, пользуясь тем, что у него есть резерв времени. Его действие соответствует нашему когнитивному опыту, согласно которому, имея запас времени, мы можем принять решение приступить к какому-то действию. Иногда нас побуждают к этому обстоятельства, ср. (2).

Пресуппозиция оценки отражает взаимодействие человека с социокультурной средой; в его концептуальной системе присутствует ценностная шкала, которая может имплицитно присутствовать в СПП с придаточными причины, ср.: (10) *Und das ist keine Lüge, **nur weil** du es nicht glaubst* (DWDS). Частица *nur* фокусирует только один аспект аргументации, что, с точки зрения говорящего, не может служить достаточным основанием для опровержения истинности факта, выраженного в главном предложении. Тем самым позиция коммуникативного партнера имплицитно оценивается как негативная.

Пресуппозиция обоснования речевого действия актуализируется в нашей концептуальной системе при непосредственном общении, ср.: (11) “*Jo-Hannes*”, *sagte ich, weil er nun mal dastand und wartete, “Ihr Essay hat mir gefallen”* (DWDS). Здесь принцип субъективности реализуется в употреблении местоимения первого лица в главном и частиц *nun mal* в придаточном предложении.

Таким образом, в беллетристическом тексте в репрезентации концепта КАУЗАЛЬНОСТЬ имплицитно кодируются социокультурные пресуппозиции. Субъект речи выражает свою точку зрения, мотивирующую его поведение. Созданию субъективности мотивации в немецком языке во многом способствуют частицы.

Оттенки аргументации в научном тексте

В отечественной лингвистике аргументация рассматривается как признак научного текста (см.: [Васильев 1992: 33]), обосновывается когнитивный подход к ее лингвистическому исследованию (см.: [Баранов 1990]). В западной германистике теория аргументации строится, как правило, на политических текстах, а основным аргументом признается топос (см. подробнее: [Wengeler 2018]).

Наш анализ показывает, что аргументация в научном тексте организуется с учетом профессиональных концептуальных систем и имеет в большинстве случаев рациональный объективированный характер; в организации текста прослеживается более последовательная реализация иконичности. В научных текстах гуманитарного характера СПП с препозитивными придаточными, вводимыми союзом *da*, обозначают, как правило, некоторое положение вещей, воспринимаемое как топос, вытекающий из предтекста и способствующий ориентации в тексте (см.: [Kostrova 2013: 146–147]). В то же время, если топос содержит негативный компонент, имплицитно кодирующий отрицательную оценку, как в (5), осознание этой оценки служит аргументом дальнейшего действия (о роли оценки в принятии решения см. подробнее: [Баранов 1990: 28]). Авторская позиция в гуманитарном научном тексте придает аргументации субъективный характер.

В научно-технических текстах препозитивный топос, описывающий нарушение/превышение технических требований к объекту, служит аргументом, обуславливающим необходимость действий, направленных на минимизацию отклонений. Ср.: (12) *Da die Rauchgasreinigung immer ein Unkostenposten ist, muss immer die günstigste Anlage, den gegebenen Möglichkeiten entsprechend, gesucht werden* (PJ). При этом имплицитно кодируется согласование или подчинение концептуальной системы исполнителя концептуальной системе лица/

лиц, принимавших решение о необходимости определенного стандарта. Объективность обусловленного действия подчеркивается пассивом, обязательность нередко репрезентируется модальными глаголами. Здесь наиболее ярко проявляется кондициональная основа каузальности (см. выше).

Вместе с тем, в постпозитивных придаточных проявляется субъективный момент, если, например, приводится аргумент, объясняющий оценку качества изделия, названного в препозитивном главном предложении (13). Субъективация имеет место и при усилении аргументации за счет включения в главное предложение СПП с союзом *weil* компонентов *deswegen/deshalb* (14), а также при выражении эпистемической модальности (15). Ср.: (13) *Die Empfindlichkeit des Apparats ist groß, da bei feinsten Einstellung der Abstand zwischen Membrane und Kontaktstelle nur ein Tausendstel Millimeter beträgt* (PJ). (14) *Diese Maßnahme wurde deshalb getroffen, weil man über die Menge des Entnahmedampfes nicht ganz sicher war* (PJ). (15) *Der benützte Äther muss wasserfrei sein, weil er sonst zu langsam durch das Filter liefe und schon im Faltenfilter sich Kristalle abschieden* (PJ).

Обращение к когнитивным принципам организации текста в соответствии с интенцией адресанта позволяет выявить концептуальные оттенки каузальности. В беллетристике доминирует оттенок субъективной мотивации поведения адресанта, формируемый его картиной мира; в научно-технических текстах преобладает тенденция к объективной, обуславливающей аргументации необходимого действия в рамках профессиональных концептуальных систем.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: Программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 25–29.

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.

Васильев Л. Г. Аспекты аргументации. Тверь: Тверской госуниверситет, 1992.

Кострова О. А. Концепт КАУЗАЛЬНОСТЬ и его когнитивно-прагматическое членение в романе “Faserland” // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3 (46). С. 529–533.

DWDS-Kernkorpus 21 (2000–2010). URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/korpus21>
Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1977.

Kostrova O. A. Komplexe Sätze im deutschen wissenschaftlichen Text aus der Sicht der Perspektivierung // VAKKI Publications. No 2. Vaasa 2013. S. 140–151.

Polytechnisches Journal. URL: <https://www.dwds.de/r/?corpus=dingler&q=%22Da%20%23%3D4%20ist%22>

Wengeler M. Diskurslinguistik als Argumentationsanalyse // *Handbuch Diskurs* (Hrsg. I. Warnke). Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2018. S. 242–264.

Zifonun G. Subordination: Nebensätze // *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 3. Berlin, New York, 1997. S. 2233–2357.

O. A. Kostrova (*Samara, Russia*)

*Samara State University
of Social Sciences and Education*

CONCEPTUAL SHADES OF CAUSALITY IN GERMAN FICTIONAL AND SCIENTIFIC TEXTS

The variation of the concept CAUSALITY, represented by a complex sentence with a subordinate clause of cause, is considered. In fiction, the concept is realized with a touch of motivation, in a scientific text – with a touch of argumentation. The position of the subordinate clause determines the iconicity of the representation, the cognitive implications of the presuppositions realize the conceptual nuances.

Key words: intention, breach of waiting or norm, decision taking, assessment, explanation.

V. V. Кучер (*Барнаул, Россия*)

*Алтайский государственный
педагогический университет
kuchervv@bk.ru*

ЦВЕТ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РЕПРОДУКТИВНОМ РЕГИСТРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена изучению языковой манифестации зрительного восприятия в рамках репродуктивного регистра речи. Рассматриваются языковые средства репрезентации концептов ЦВЕТ и СВЕТ – событийные номинации, передающие визуальные перцептивные впечатления в виде колоративных семантических ситуаций, т. е. фрагментов текста, описывающих цветовые явления и события при помощи нецветовой лексики.

Ключевые слова: концепт, феномен цвета, языковая репрезентация цветового значения, регистр речи, репродуктивный регистр, художественный текст.

Изучение языковой манифестации модальностей восприятия, в частности, визуальной перцепции и цветового восприятия лежит в рамках актуальной для когнитивной лингвистики проблемы «конструирования мира» (the construal of the world) или «номинативной проблемы» [Курбьякова 2004; MacLaury 1995]. Цветовому восприятию и интерпретации визуальных впечатлений посвящен ряд исследований (см. подробнее: [Исаев 2021; Лаенко 1988; Макеенко 1999; Серов 2015, Bennett 1988; Collier 1976; Кау, McDaniel 1978; Steinvall 2002; Thompson 1995; Wierzbicka 1990]). Живой интерес к проблеме восприятия цвета обуславливается сложностью и многогранностью этого феномена. Характеризуясь перцептивной выделенностью, цвет, наряду с формой и размером, служит одной из основ концептуализации и категоризации мира (см.: [Болдырев 2014]), а в рамках художественного текста выступает индивидуально-авторским перцептивным концептом (см.: [Колесов 2022]). В рамках когнитивно-дискурсивных исследований отражение в языке физической сущности цвета как такового отходит на второй план. Объектом исследования становится цвет, увиденный и воспринятый человеком, преломленный его органами чувств и сознанием (см.: [Курбьякова 2004]).

Особенность языковой манифестации концепта ЦВЕТ заключается в том, что диапазон воспринимаемого цветового спектра неизменен, в то время как количество цветовых номинаций в языке увеличивается. Система номинаций цвета, репрезентирующая концепт ЦВЕТ, пополняется и развивается номинациями, передающими переходные тона и оттенки, которые можно рассматривать как элементные номинации, т. е. номинации, обозначающие элементные «кусочки» действительности, представленные в форме слов, словосочетаний и фразеологизмов. Номинации цвета, соответствующие базовым и дополнительным цветам – это не единственный способ вербализации концепта ЦВЕТ (см. подробнее: [Алимпиева 2012; Горн 2014; Колесов 2018; Лаенко 1988; Макеенко 1999; Светличная 2003]). Наряду с номинациями цвета могут быть выделены средства цвето- и светопередачи, которые, не называя цвет напрямую, сопровождают и дополняют цветовую характеристику предмета, явления, процесса или события. Концепты ЦВЕТ и СВЕТ вербализуются при помощи событийных номинаций, т. е. номинаций обозначающих внеязыковые ситуации, представленных в форме предложений. Событийные номинации цвета и света и сопровождающие их языковые выражения (отдельные лексемы и словосочетания) репрезентируют в тексте непосредственно воспринимаемые органами чувств фрагменты, события, картины – *колоративные семантические ситуации*, которые, в терминах Г. А. Золотовой организуют репродуктивный регистр речи [Золотова 1998]. Введение понятия «колора-

тивная семантическая ситуация» [Кучер 2022] обусловлено необходимостью обозначения событийных номинаций цветовых и световых явлений, которые отражают восприятие и интерпретацию автором визуально-воспринимаемых явлений действительности.

Для выявления языковых средств создания колоративных семантических ситуаций было проанализировано 136 фрагментов текста, содержащих 193 словоупотребления с семантическим компонентом «цвет/свет». Анализ колоративных семантических ситуаций выявил следующие виды языковых средств, участвующих в их создании:

- номинации света, характеризующие яркость, насыщенность, глубину цвета (dark, light, bright, pale и т.д.): *I saw a tent that was only a little **lighter gray** than the ground* [Steinbeck URL].

- номинации света, передающие степень освещенности пространства (dark, dusk, gloomy и т.д.): *From the east **the light** grew swiftly* (Steinbeck. Breakfast). *The new day **was light** now* [Steinbeck URL].

- имена существительные, содержащие сему «цвет / свет» (fire, flame, explosion, halo, sunshine и т.д.): ***The flame of the sun** came over the ridge and fell on Pepe where he lay on the ground* [Steinbeck URL].

- лексические единицы, называющие процессы соединения, слияния цветов, входящие в ЛСП ЦВЕТ/СВЕТ: *...i **mergedwith** purenight* (Steinbeck. Breakfast). *...the irtops **meltedinto**thesky* [Steinbeck URL].

- глаголы со значением «излучать свет» (to glare, to glow, to gleam, и т.д.): *The sun was gone behind the westward mountain now, but still it **glowed brilliantly** on the oaks and on the grassy flat* [Steinbeck URL].

- гипероним номинаций цвета – лексема «color/ colour».

Кроме собственно лексических единиц в создании колоративных семантических ситуаций задействован ряд глагольных конструкций, таких, как:

- адвербиальные конструкции с глаголами со значением «излучать свет» в сочетании с обстоятельством образа действия, предлогом with и прилагательным обозначающим цвет/ свет: to glow (flame, shine) with + adj (color) + n, например: *The fields **glowedwith a grayfrostlikelight*** [Steinbeck URL].

- конструкция с инхоативными глаголами, выступающими в функции связочного глагола в именном сказуемом. Это глаголы *to grow, to become* + прилагательное со значением цвета или света: to grow, to become + adj (color/light term): *The garden **grew lighter*** [Steinbeck URL].

- конструкция с глаголом *turn* в связочной функции, означающая изменение цветовой характеристики: to turn + adj (color term) + with + N (source of light): *The ocean clouds **turned red with the sun** that was behind the mountains* [Steinbeck URL].

● конструкция с предлогом *with*, в которых частью составного именного сказуемого является номинация света: *to be + (light term) with + N (source of light)*: *Against the east the piling mountains weremisty with light; their tops melted into the sky*[Steinbeck URL].

Так, репрезентантами концептов ЦВЕТ и СВЕТ являются лексические единицы и конструкции, обозначающие световые и сопровождающие их явления, что обусловлено онтологическим единством феноменов цвета и света – в сознании человека они воспринимаются как единое целое и разделяются весьма условно [Алимпиева 2012; Серов 2015; Itten 1970]. В художественном тексте единство восприятия цвета и света проявляется в колоративных семантических ситуациях, интерпретация которых имеет значимость в аспекте перевода художественного текста. Колоративные семантические ситуации, отражая результат зрительного восприятия в рамках репродуктивного регистра речи, выступают носителями индивидуально-авторских смыслов и идейно-тематического содержания произведения.

Литература

Алимпиева П. В. Концептуализация света и цвета как способ выражения перцептивной доминанты в поэтическом тексте (на материале поэзии А. Блока и М. Волошина) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 93–98.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Горн Е. А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте: на материале современной английской литературы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.

Исаев А. А. Философия цвета: феномен цвета в мышлении и творчестве. М.: ФЛИНТА, 2021.

Колесов И. Ю. Роль цветových и световых номинаций в реализации интерпретирующей функции языка // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 392–399.

Колесов И. Ю., Кучер В. В. Концепты цвет и свет в концептуальном пространстве новеллы Дж. Стейнбека ‘Burning Bright’ // Педагогическое образование на Алтае. 2022. № 1. С. 76–81.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кучер В. В. Средства репрезентации концептуального содержания «цвет» (на материале англоязычных художественных текстов) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы

XI Международной научной конференции, Челябинск, 7–9 апреля 2022 г.: в 2 ч. Ч. 1. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2022. С. 228–231.

Лаенко Л. В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале русских и английских прилагательных, обозначающих цвет): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.

Макеев И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.

Светличная Т. Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003.

Серов Н. В. Символика цвета. Санкт-Петербург: Страта, 2015.

Bennett T. J. A. Aspects of English colour collocations and idioms. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. 1988.

Collier G. A. Further evidence for universal color categories // *Language*. 1976. Vol. 52, # 4. P. 884–890.

Itten J. The elements of color: A treatise on the color system of Johannes Itten based on his book *The Art of Color*. Chapman and Hall, 1970.

Kay P., Mcdaniel C. K. The linguistic significance of the meaning of basic color terms // *Language*. 1978. Vol. 54. # 3, P. 610–646.

MacLaury R. E. Language and the cognitive construal of the world / eds. John R. Taylor and Robert E. MacLaury. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995, 231–276.

Steinbeck J. URL: https://openlibrary.org/authors/OL25788A/John_Steinbeck

Steinvall A. English colour terms in context. Umeå: Umeåuniversitet, 2002.

Thompson E. Colour vision. A study in cognitive science and the philosophy of perception. London: Routledge, 1995.

Wierzbicka A. The meaning of colour terms: Semantics, culture, and cognition // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. P. 99–149.

V. V. Kucher (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

COLOR IN LINGUAL REPRESENTATION OF VISUAL PERCEPTION IN THE DESCRIPTIVE REGISTER OF LITERARY TEXT

The article discusses the lingual means of representing visual perception within the descriptive register of literary text. The paper highlights the nominations that convey visual perception in the form of a color semantic situation, i. e. passages describing color sensations using non-color vocabulary as the lingual means of representing color and light.

Key words: concept, color phenomenon, lingual means of conveying the meaning of color, language register, descriptive register, literary text.

Сюй Лили (*Тяньцзинь, Китай*)

*Нанькайский университет
lili1324559882@outlook.com*

ОРИЕНТАЦИОННЫЕ МЕТАФОРЫ В КЛАССИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ «ДА СЮЭ»

Данная статья посвящена когнитивному изучению ориентационных метафор в философском тексте «Да сюэ». В результате исследования выявлена роль метафор пространственной ориентации разного типа в воплощении и понимании идей конфуцианской философии об управлении государством и обществом, регулировании межличностных отношений и воспитании нравственной культуры личности.

Ключевые слова: ориентационная метафора, конфуцианство, «Да сюэ», философский дискурс.

Когнитивно-дискурсивная ориентированность является одной из основных характеристик современной лингвистики. В научной литературе дискурс определяется как «первоначально особое использование языка для выражения особой ментальности, идеологии» [Степанов 1995: 38] или «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения» [Кубрякова 1997: 19]. Философский дискурс в качестве особого типа дискурса включает в себя совокупность высказываний философского учения или школы, отражающих рационально-теоретическое осмысление мира и бытия человека. Другими словами, он представляет собой знаковую систему, служащую средством воплощения мыслей и ценностей человека как сознательного существа. Как отмечают Е. А. Кожемякин и Е. А. Кротков, философский дискурс создает «категориальное пространство мышления-говорения о мире, о положении и роли человека в нем» [Кожемякин, Кротков 2010: 347]. На наш взгляд, изучение философского дискурса или философского текста имеет большое значение для познания и понимания ментального мира человека, нравственных ценностей общества и культурных характеристик народов. В данной работе с лингвокогнитивной точки зрения исследуются ориентационные метафоры в китайском философском тексте «Да сюэ», который вместе с «Чжун юн», «Лунь юй», «Мэн-цзы» входит в базовый конфуцианский канонический свод «Сы шу» («Четверокнижие»).

В современной когнитивной лингвистике метафора рассматривается не столько как чистое языковое явление, сколько как общая универсальная характеристика человеческого мышления. Согласно теории концептуаль-

ной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, сущность метафоры заключается в «осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон 2004: 389], т. е. в понимании одной концептуальной структуры с помощью другой. Ученые выделяют три основных вида метафор: ориентационные метафоры, онтологические метафоры и структурные метафоры. Среди них наиболее значимыми признаются ориентационные метафоры, основанные на пространственных оппозициях «верх – низ», «впереди – позади», «лево – право», «внутри – снаружи», «центр – периферия» и т. д. Несмотря на то, что восприятие пространственной ориентации является универсальной когнитивной способностью человечества, ориентационные метафоры в разных культурах проявляются по-разному. Как отмечает Т. Г. Скребцова, «ориентационные метафоры, закрепленные в той или иной культуре, находятся в тесной связи с ее основными ценностями» [Скребцова 2018: 49]. Ниже на материале оригинального текста «大学» («Да сюэ») и текста перевода «Великое учение» А. И. Кобзева [Кобзев 2004: 73–122] рассматривается роль ориентационных метафор в выражении идей конфуцианства, представляющих главные ценности китайской культуры.

Во-первых, пространственная пара «верх – низ» в китайской лингвокультуре является символом власти и социального положения: обладание властью и господствующим положением ассоциируется с ориентацией «верх», а подчинение власти и авторитетам – с ориентацией «низ», так что в тексте «Да сюэ» понятия «上^{шан}» («верх») и «下^{ся}» («низ») в основном используются для выражения отношений между управляющими и управляемыми в системе государства. Предложения «未^{вэй}有^ю上^{шан}好^{хао}仁^{жэнь}而^{эр}下^{ся}不^{бу}好^{хао}义^и者^{чжэ}也^е: Еще не бывало, чтобы при любви верхов к гуманности низы не любили должную справедливость», «上^{шан}老^{лао}老^{лао}而^{эр}民^{минь}兴^{син}孝^{сяо}: Когда верхи подобающе относятся к старым, в народе процветает преданность родителям» показывают, что высокие нравственные качества управляющих (верхов) являются примером для управляемых (низов). Это свидетельствует о том, что правители и руководители государства играют важную роль в воспитании народа.

Во-вторых, пространственное слово «后^{ху}» («позади») в китайском языке часто используется для моделирования категории времени и может переводиться на русский как «после», «потом», «позже», «последующее», «будущее» и т. д. В тексте «知^{чжи}止^{чжи}而^{эр}后^{ху}有^ю定^{дин}: За знанием того, как остановиться на совершенном добре, следует обладание упроченностью; 定^{дин}而^{эр}后^{ху}能^{нэн}静^{цзин}: За упроченностью следует способность к спокойствию; 静^{цзин}而^{эр}后^{ху}能^{нэн}安^{ань}: За спокойствием следует способность к умиротворенности; 安^{ань}而^{эр}后^{ху}能^{нэн}虑^{люй}: За умиротворенностью сле-

дует способность к рассуждению; 虑^{люй}而^{эр}后^{ху}能^{нэн}得^{дэ}: за рассуждением следует способность к достижению остановки» иероглиф «后^{ху}» был переведён А. И. Кобзевым как словосочетание «следовать...за...», которое в формальном аспекте выполняет функцию построения языковой логики, а в смысловом аспекте отражает значимость принципов последовательности, постепенности и планомерности в конфуцианской философии.

В-третьих, для выражения отношений между людьми в обществе в тексте «Да сюэ» используются и ориентационные метафоры «前^{чян}» («впереди») и «后^{ху}» («позади»), «左^{цзо}» («лево») и «右^ю» («право»), что отражается в следующих фразах: «所^{со}恶^ю于^{юй}上^{шан}, 毋^у以^и使^{ши}下^{ся}: То, что ненавистно верхам, нельзя использовать в руководстве низами; 所^{со}恶^ю于^{юй}下^{ся}, 毋^у以^и事^{ши}上^{шан}: То, что ненавистно низам, нельзя использовать в служении верхам; 所^{со}恶^ю于^{юй}前^{чян}, 毋^у以^и先^{сянь}后^{ху}: То, что ненавистно предыдущем, нельзя использовать в проведении последующего; 所^{со}恶^ю于^{юй}后^{ху}, 毋^у以^и从^{цзун}前^{чян}: То, что ненавистно в последующем, нельзя использовать в следовании предыдущему; 所^{со}恶^ю于^{юй}右^ю, 毋^у以^и交^{цзяо}于^{юй}左^{цзо}: то, что ненавистно в правом, нельзя использовать в обращении с левым; 所^{со}恶^ю于^{юй}左^{цзо}, 毋^у以^и交^{цзяо}于^{юй}右^ю: То, что ненавистно в левом, нельзя использовать в обращении с правым; 此之谓絜矩之道: Все это называется «точно вымеренным Путём»). Оппозиционная пара «前^{чян}» («впереди») и «后^{ху}» («позади») в этом контексте означает порядок поколений: «前^{чян}» («впереди») понимается как старшее поколение, предшественники, а «后^{ху}» («позади») – младшее поколение, потомки. Оппозиционная пара «左^{цзо}» («лево») и «右^ю» («право») в китайской культуре также имеет тесную связь с социальным положением человека. В добром и счастливом деле «左^{цзо}» («лево») представляет лицо, занимающее высокое социальное положение, а «右^ю» («право») представляет лицо, занимающее низкое социальное положение. В злом и несчастном деле, наоборот, «右^ю» («право») представляет лицо, занимающее высокое социальное положение, а «左^{цзо}» («лево») – лицо, занимающее низкое социальное положение. На этой основе выражается принцип человеколюбия конфуцианской философии, т. е. в любой ситуации надо ставить себя на место другого, относиться к ближним как к самому себе.

В-четвертых, метафоры ориентации «内^{нэй}» («внутри») и «外^{вэй}» («снаружи») реализуются в тексте «Да сюэ» посредством понятий «本^{бэнь}» («ствол») и «末^{мо}» («крона»). В фразе «德^{дэ}者^{чжэ}, 本^{бэнь}也^е: Благодать – корень; 财^{чай}者^{чжэ}, 末^{мо}也^е: богатство – верхушка; 外^{вэй}本^{бэнь}内^{нэй}末^{мо}, 争^{чжэн}民^{мин}施^{ши}夺^{до}: Если корень считается второстепенным, а верхушка – первостепенной, то правитель состязается с народом и потакает захватам» было выражено противоположное отношение между духовной добродетелью и материальным богатством. Иероглифы «本^{бэнь}» («ствол») и «末^{мо}» («крона») метафорически

описывают важность вещей. По логике благодать (или добродетель), рассматриваемая как ствол, должна быть внутренней, главной, важной, а богатство как крона должно быть внешним, относительно незначимым. «外^{вэй}本^{бэнь}内^{нэй}末^{мо}» буквально означает «ствол снаружи, крона внутри», переносно символизирует «не отличать главное от второстепенного, т. е. ценить богатство больше, чем добродетель», что неизбежно приводит к отрицательным последствиям. Отсюда можно видеть значимость духовно-нравственного воспитания личности для философии конфуцианства.

Кроме вышесказанного, в китайском языковом сознании человек часто рассматривается как пространственное вместилище, имеющее внутреннюю и внешнюю сторону. В предложении «诚^{чэн}于^{юй}中^{чжун}, 形^{син}于^{юй}外^{вэй}, 故^{гу}君子^{цзюнь-зизы}必^{би}慎^{шэнь}其^{ци}独^{ду}也^э»: *искренности внутри соответствует телесная форма снаружи. Поэтому благородному мужу необходимо быть бдительным наедине с собой*» говорится о том, что искренность как духовное качество находится внутри человека и всегда внешне проявляется в его поведении и действиях, поэтому благородный человек должен быть взыскательным к себе в любое время. Иероглифы «出^{чжэнь}» («выходить») и «入^{жэнь}» («входить») в предложении «言^{янь}悖^{бэй}而^{эр}出^{чжэнь}者, 亦^{йи}悖^{бэй}而^{эр}入^{жэнь}»: *недостойно выпущенное слово так же недостойно возвращается*» показывают, что информационный обмен между людьми – это процесс, направленный из одного вместилища в другое. Мысль относится к внутренней категории, а язык в качестве средства её объективации – к внешней. Высказывания человека должны соответствовать мыслям, находящимся внутри души. В этом проявляется принцип искренности конфуцианства.

В заключение отметим, что конфуцианский философский дискурс является важным средством репрезентации духовных ценностей китайской культуры. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что выражение идей конфуцианства в тексте «Да сюэ» в значительной степени опирается на пространственные ориентационные метафоры. При помощи метафор ориентации «верх» и «низ», «впереди» и «позади», «лево» и «право», «внутри» и «снаружи» была выявлена важность принципов гуманности, искренности, справедливости и постепенности в управлении государством, регулировании межличностных отношений и развитии личности.

Литература

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова и др. М.: Восточная литература, 2004.

Кожелякин Е. А., Кротков Е. А. Философский дискурс // Дискурс-Пи: Научно-практический альманах. 2010. № 1–2 (9–10). С. 347–349.

Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 15–26.

Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Издательский дом УРСС, 2004.

Скребицова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 35–73.

Xu Lili (Tianjin, China)
Nankai University

**ORIENTATIONAL METAPHORS
IN THE CLASSICAL TEXT OF CHINESE PHILOSOPHY
“DA XUE”**

This article deals with the cognitive study of orientational metaphors in the philosophical text “Da Xue”. As a result of the study, the role of metaphors of spatial orientation of various types in the embodiment and understanding of the idea of Confucian philosophy about the management of the state and society, the regulation of interpersonal relations and the education of the moral culture of the individual was revealed.

Key words: orientational metaphor, Confucianism, “Da Xue”, philosophical discourse.

A. С. Макарова (Москва, Россия)
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
aleste_63@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА КРЕСТ
В ПРАВОСЛАВНОЙ МЕДИАПРОПОВЕДИ**

В статье рассматриваются примеры вербализации христианского концепта КРЕСТ на материале православной медиапроповеди. Проведённый анализ показал, что для реализации лингвопрагматической функции медиадискурса автор медиапроповеди употребляет лексику *крест* 12 раз и использует образные сравнения, библеизмы, перифразу, устойчивое выражение *Русский крест* в не свойственном ему значении.

Ключевые слова: православная медиапроповедь, концепт КРЕСТ, вербализация, медийный дискурс.

«Каждый этнос объективирует в языке наиболее значимую информацию, показывает своё отношение к тому или иному явлению, что даёт представление о системе ценностных координат народа» [Гишкаева, Ломакина, Макарова 2021: 143]. Сегодня в силу различных экстралингвистических факторов актуализировалась проблема реконструкции и дальнейшей ретрансляции традиционных христианских православных ценностей, которые являются единственно возможной основой для возрождения русского народа. Решение задачи по возвращению к исконным культурно-историческим корням возложена на православных проповедников и журналистов православных СМИ. «Авторы, работающие в поле православных массмедиа, рассматривают сохранение российской самобытности как действенную альтернативную парадигму глобализации супердержав» [Макарова 2019: 105].

Цель данной статьи – показать, как вербализуется концепт КРЕСТ в православной медиапроповеди, которая «являясь результатом речетворчества, как любой другой текст, имеет характерные особенности, актуализирующиеся посредством выбора языковых и фразеологических средств, грамматических средств и конструкций, а также стилистических приёмов» [Макарова 2022: 1044–1045].

В качестве эмпирического материала выступает медийная проповедь протоиерея Артемия Владимирова «Слово на Крестовоздвижение о Русском Кресте», произнесённая им в храме на литургии 01.10.2022 г. и представленная в интернет-пространстве [<https://yandex.ru/video/preview/17919031208321162891>].

Прежде чем перейти к анализу православного медиаконтента, обратимся к лексикографическим источникам. Вначале приведём различные определения лексемы *крест*:

«*Крест* – Главный символ Христианства, орудие казни Богочеловека Иисуса Христа, на котором он был распят для искупления грехов мира.

Крест – символ победы жертвенной любви над злом» [Азбука веры URL].

«*КРЕСТ*, -а, м. 1. Символ и предмет христианского культа в виде вертикального стержня, пересечённого у верхнего конца перекладиной (по евангельскому сказанию, на таком кресте был распят Христос); 2. Изображаемый движением правой руки ото лба к груди и от правого плеча к левому знак, повторяющий форму такого предмета; 3. Фигура из двух пересекающихся под углом линий; 4. Знак отличия, имеющий форму такого предмета [МАС 1982: 127].

В «Словаре “Моления” Даниила Заточника» *крест* обозначен как «символ христианства, стержень с перекладиной в верхней половине» [Моления 2007: 94].

Лексема *крест* употребляется в рассматриваемом медиатексте 12 раз, но использует её проповедник в сочетании с эпитетами-определениями, с именами существительными в составе различных типов предложений, а также использует фразеологические единицы с компонентом *крест*: *Животворящий Крест Господень*; *свой собственный крест*; *Крест Своей всемирной искупительной жертвы*; *С Голгофы со Креста нам воссияла благодать*; *возьмёт крест веры и верности*; *взошёл на Крест*; *возносит нас на крест*; *сияет Крест Господень*; *поклоняемся Кресту Господню* и т. д. Автор создаёт перифразу – *страна-крестоносица*, прибегнув к словообразовательному потенциалу данной лексемы, и, говоря о России, вспоминает известное устойчивое выражение *Русский Крест*, вынесенное в сильную позицию текста – название проповеди. Также в рассматриваемом медиаконтенте обнаруживаются образные сравнения с лексемой *крест*: *как оружие*, *Крест Своей всемирной искупительной жертвы*; *Крест в качестве спасительного оружия защиты*, *покрова и благословения*.

Приведём контекстуальное использование перечисленных примеров:

Вместе со всею Церковью, дорогие братья и сестры, мы величаем сегодня Животворящий Крест Господень, им же нас Христос избавил от работы вражия; С Голгофы со Креста нам воссияла благодать от Того, Кто вместо нас, и за нас, и ради нас, взошёл на Крест...; «Кто хочет быть моим учеником, да отвергнется себя, возьмёт крест веры и верности и следует за мной.

Наличие библеизма *нести/понести (свой) крест* [Мелерович, Мокиенко 2005: 341] и пословицы-трансформа, восходящей к библейскому первоисточнику и преобразованной при помощи комплексного приёма трансформации фразеологизмов (субституция+экспликация): *У каждого свой крест* [Лепта библейской мудрости 2019: 189] усиливает экспрессию и придаёт особую образность медиаконтенту, а наличие авторского (метаязыкового) комментария, вводимого союзом *то есть*, представляет собой характерную особенность жанра проповеди: *Мы все вместе, всем народом его призваны нести, имея и свой собственный крест, то есть свою собственную любовь ко Христу...*

Использование образных сравнений способствует усилению экспрессивной составляющей медиапроповеди, ведь *крест* здесь сравнивается с оружием, а не орудием казни, что говорит об изменении семантики, о которой мы можем судить при рассмотрении авторской семантизации концепта: *Спаситель пришёл в это мир чтобы разрушить дела дьявола, используя, как оружие, Крест Своей всемирной искупительной жертвы*; *С Голгофы со Креста нам воссияла благодать от Того, Кто вместо нас, и за нас, и ради нас, взошёл на Крест, взял на себя нашу вину, пострадал за наши грехи*

*и, преобедив темную силу, воскрес яко победитель, даровав нам **Крест** в качестве спасительного оружия защиты, покрова и благословения.*

Устойчивое выражение *Русский Крест* встречается два раза – в виде инварианта и трансформа *вселенский Русский Крест*, образованного приёмом экспликации путём прибавления к нему имени прилагательного *вселенский*. Употребление данного устойчивого выражения также сопровождается авторским (метаязыковым) комментарием, в котором обнаруживается семантизация лексемы *крест*, меняющей её привычное значение на ‘любовь ко Христу’, в результате чего узуальный концепт КРЕСТ приобретает окказиональные признаки: *Есть такое выражение – «Русский Крест». Мы все вместе, всем народом его призваны нести, имея и свой собственный крест, то есть свою собственную любовь ко Христу, которая возносит нас на крест в глубинах нашего духа; В чём этот вселенский Русский Крест? Очевидно, в том даре, который ниспослал Господь нашему отечеству воспринять веру как некую драгоценность, наследовать благословение первого, второго Рима и стать оплотом мира в этой скоромняющей и имеющей некогда исчезнуть вселенной.*

В данном контексте логичным выглядит появлением перифразы *страна-крестоносица*, которая вновь сопровождается авторским (метаязыковым) комментарием: *И очевидно, что страна-крестоносица, страна, которая выверяет свой курс по заповедям Божьим, то есть держится вечных, неизменных нравственных начал, возвещённых Евангелием, будет со всех сторон окружена теми, кто захвачен, увы, тьмою.*

Однако устойчивый оборот *Русский Крест / Славянский Крест* имеет совсем иной смысл применительно к демографии – это «явление ежегодного превышения количества умерших над количеством родившихся, наблюдаемое в результате падения рождаемости и роста смертности, характерных для восточноевропейских стран» [Академик URL]. В результате семантического расширения становится понятно, что смысл, вложенный прот. Артемием Владимировым в устойчивый оборот *Русский Крест*, говорит о высоком духовном и нравственном смысле жизни народа, который напрямую связан с его существованием и процветанием.

Таким образом, анализ процесса вербализации концепта КРЕСТ на материале православной медиапроповеди позволяет констатировать, что здесь присутствует яркая авторская креативность (образные сравнения, фразеологизмы библейского происхождения, перифраза, устойчивый оборот) в сочетании с квантитативным фактором – употребление лексемы *крест* 12 раз в небольшом по объёму медиатексте, а благодаря приёму семантизации лексемы *крест* и фразеологизмов с компонентом *крест* узуальный концепт КРЕСТ приобретает окказиональные признаки. В связи с этим можно сделать

следующий вывод: данный концепт выступает в роли текстообразующего, смыслообразующего и концептообразующего элемента, что способствует реализации лингвопрагматической функции православного медийного дискурса.

Литература

- Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/>
- Академик. Словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/269072>
- Артёмий Владимиров прт.* Слово на Крестовоздвижение о Русском Кресте. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17919031208321162891>
- Гишкаева Л. Н., Ломакина О. В., Макарова А. С.* Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // *Cuadernos de Rusística Española*. 2021. Vol. 17. С. 135–147.
- Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2-х т. Т. 1: А–О / авт.-сост.: З. К. Адамия; под общ. ред. Е. Е. Иванова. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019.
- Макарова А. С.* Православная картина мира в религиозном медиадискурсе: к постановке проблемы // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists. Scientific Journal “West-East”*. Научный журнал «West-East». Vol. 2/1 № 1 (October, 2019) Tbilisi. 2019: Publishing House “Universal”. P. 104–108.
- Макарова А. С.* Языковые и стилистические особенности православной медиаапроповеди // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1044–1061.
- МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. 2-е изд., стер. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005.
- Словарь «Моления» Даниила Заточника. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

*A. S. Makarova (Moscow, Russia)
St. Thikon's Orthodox University*

VERBALIZATION OF THE CONCEPT CROSS IN THE ORTHODOX MEDIA SERMON

The article deals with examples of the verbalization of the Christian concept of the CROSS on the material of the Orthodox media sermon. The analysis showed that in order to implement the linguo-pragmatic function of the media discourse, the author of the media sermon pronounces the lexeme *cross* 12 times and uses figurative comparisons, biblical expressions, paraphrase, and the stable expression Russian Cross in a meaning that is not characteristic of it.

Key words: Orthodox media sermon, the concept of the CROSS, verbalization, media discourse.

*Д. А. Малышев (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
институт им. А. И. Герцена
reddydragonqew@gmail.com*

БИОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРСОНАЖЕЙ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Данная работа посвящена применению теории аффордансов для анализа персонажей фантастического текста. Художественный текст, как вторичная моделирующая система, дает нам возможность переносить взаимодействие «индивид-среда» на коммуникацию персонажей с целью выявить наиболее значимые для персонажей и самой коммуникации аффордансы.

Ключевые слова: художественный образ, персонаж, модель, коммуникация, аффорданс, среда, индивид.

Художественный образ – это целостное образование, формирующееся в процессе познания объекта. Художественный образ человека предстает в художественном тексте как образ персонажа, являющийся субъектом внутритекстовой коммуникации и реконструирующийся в сознании читателя в результате серии последовательных появлений, или серии вербальных презентаций. Характеристика живых существ и неодушевленных предметов также может касаться их отдельных черт, обрисованных образно и художественно, а может быть развернута в целостный художественный образ (см.: [Чернова 2014: 111]). С учетом сказанного сформулируем определение художественного образа с лингвистических позиций.

Художественный образ (в лингвистике) – это результат творческого отражения действительности и творческой деятельности в области словесного искусства (см.: [Чернова 2014: 112]). Художественный образ в рамках художественного текста формируется как объединение особенности различных стилевых разновидностей литературной формы общенародного языка и его нелитературных форм с опорой на изобразительно-выразительные ресурсы (тропы, перифразы, ирония, аллегория, сарказм, гротеск, стилистические фигуры, риторические единицы, различные приемы языковой игры и т. д.) фонетического, лексического, морфологического, синтаксического, семантического уровней языка. Эти ресурсы используются с целью повышения эстетичности, выразительности, эмоциональности и других качеств речи, способствующих усилению речевоздействующей функции образа.

Как и любой другой образ (человека или окружающего его мира), художественный образ по структуре представляет собой совокупность субъективно

окрашенных и ассоциативно связанных характеристик человека (литературного персонажа) или реалий окружающего человека мира, формирующихся в сознании другого лица (группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах.

Таким образом, художественный образ можно рассматривать как модель реального объекта. Термин «модель» определяется двояко: а) через его функцию, которая в процессе познания представляет в определенной форме релевантные для специального исследования свойства объекта (изучая «модель», мы производим симуляцию – системную модификацию – нашего объекта исследования – произведения искусства, культуры, окружающей реальности); б) «модель» (подобно «знаку») может сама быть объектом исследования и является (как и метаязыковое понятие «модель») репрезентацией не только самой себя, но и, вместе с тем, чего-то другого (см.: [Константинов 2016: 132]).

Когда мы говорим о познании мира, действительности, мы тем самым производим моделирование этой действительности в рамках определенной моделирующей системы: естественного языка, искусства, науки. Таким образом, модель можно понимать как редукцию сложной природной действительности. Модель представляет наши субъективные знания о мире, а также способ получения знаний, и она характеризуется как состоящая из знаковых и модельных параметров. Поэтому функцию «моделирования» можно представить как стремление к вычленению основных функциональных закономерностей реальности [Лотман 1998: 139].

В свою очередь, образ персонажа чаще всего не представляет собой модель некоторого конкретного реального индивида, но в процессе анализа художественного текста может рассматриваться как индивид, так как его поведение, личность, характер и т. д. моделируют соответствующие аспекты, которые могли бы принадлежать реальному человеку.

Таким образом, если рассматривать персонажа через призму биокогнитивной парадигмы, то мы можем воспринимать его высказывания в рамках текста как моделируемую коммуникацию. Соответственно, в качестве среды, в которой происходит коммуникация, выступает вымышленный мир. С помощью воображения человек не только постигает мир и отражает его в своем сознании, но выражает в нем себя, создавая новые «виртуальные» объекты и системы и конструируя так называемые «вымышленные миры» [Ильинова 2009: 3]. В свою очередь, вымышленные миры – результат творческой деятельности автора; сконструированные миры, которые отличны как друг от друга, так и от реального мира [Лем 2008: 7]. По мнению исследователей фантастики (см. подробнее: [Pandey, Ashish, Suvin] и др.), одним из основных свойств этих миров является их непротиворечивость – беспрекословное следование законам вымышленного мира, установленным в рамках произведения.

Если вымышленный мир представляет собой смоделированную среду, а персонажи – смоделированными участниками коммуникации, то их коммуникацию можно воспринимать как систему, включающую как собственно сообщения, так и аффордансы, необходимые для успешной коммуникации. Аффордансы могут восприниматься как «возможности для действия» [Aronin 2012: 312]. Автор теории аффордансов Дж. Гибсон определяет аффордансы как «то, что она предлагает, предоставляет индивиду» [Gibson 1979: 127]. Аффордансы позволяют устанавливать сильные вероятностные связи и могут быть как экстралингвистическими, так и лингвистическими.

Более того, аффордансы неотрывно связаны со значимостью элементов среды для индивида [Златев 2006: 314], что позволяет использовать анализ коммуникации персонажей через призму теории аффордансов для выявления авторской оценки значимости этих аффордансов для коммуникации. Т. е. те аффордансы которые выдвигаются на передний план, которые наиболее значимы для интерпретации, в то же время являются наиболее значимыми компонентами коммуникации для автора. Этот подход представляется полезным для анализа коммуникации персонажей в фантастических произведениях, т. к. в силу текстотипологических характеристик этих текстов, системы аффордансов персонажей, участвующих в коммуникации, различаются больше, чем системы аффордансов двух реальных индивидов (например, в случае антропоморфных персонажей). Это позволяет автору подчеркнуть минимально необходимые аффордансы для успешной коммуникации, а также продемонстрировать сходства и различия персонажей.

Перспективы использования данного подхода для анализа и интерпретации фантастических текстов состоят в применении альтернативного подхода к идентификации авторской интенции в отношении персонажей художественного текста, определение авторской оценки характеристик как персонажей, так и среды (вымышленного мира) художественного произведения. Также могут быть сделаны выводы об авторской картине мира, репрезентированной в тексте.

Литература

Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): Наброски единой биокультурной теории значения / пер. с англ. Т. Л. Верхотуровой и А. В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 1: Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы: ежегодный Межвузовский сборник научных трудов. М.: Гнозис. 2006. С. 308–361.

Ильинова Е. Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008.

Константинов М. Генезис понятия вторичная моделирующая система у Ю. М. Лотмана // *Гілея. Філософські науки*. 2016. № 115. С. 130–134.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПб» 1998. С. 12–150.

Чернова С. В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 109–116.

Aronin L., Singleton D. Affordances Theory in Multilingualism Studies. Studies in Second Language Learning and Teaching, 2012. Vol. 2. No. 3. P. 311–331.

Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception: Classic Edition. 1979.

Pandey A. Academic Dictionary of Fiction. Delhi, India: Isha Books, 2005.

Suvin D. Metamorphoses of science fiction. New Haven: Yale University Press, 1979.

D. A. Malyshev (*Saint-Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University

BIOCOGNITIVE APPROACH TO ANALYZING CHARACTERS IN A FICTIONAL TEXT

The work deals with the possibility of applying affordance theory to the analysis of characters in fictional texts. Fictional text, as a secondary modeling system, allows us to apply the idea of the interconnection between the individual and the environment to the communication of these characters to find out, which affordances are more significant to the characters and to the communication itself.

Key words: image, character, model, communication, affordance, environment, individual.

Л. А. Морина (*Новосибирск, Россия*)
*Новосибирский государственный
технический университет
Ludmila200273@mail.ru*

ПРОТОТИП И ИНВАРИАНТ В КОНЦЕПЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Рассмотрены понятия «прототип» и «инвариант», участвующие в формировании методологических оснований риторического декодирования – концепции, реконструирующей механизмы текстообразования и диагностирующей их эффективность. В фокусе дихотомии «прототип – инвариант» осмысливается когнитивный статус риторического текстотипа как текстоформирующего образца и инструмента декодирования.

Ключевые слова: прототип, инвариант, риторическое декодирование, риторический текстотип, риторический текст, текстообразование.

Дихотомия ментальных сущностей «прототип – инвариант», вовлеченная в организацию процессов познания окружающего мира и представления его результатов, входит в круг дискуссионных понятий когнитивистики. Трактовки отношений между прототипом и инвариантом представлены в работах Н. Н. Болдырева, А. В. Бондарко, А. Вежбицкой, Т. Е. Литвиненко, Е. В. Петрухиной, В. Е. Чернявской, А. Л. Шарандина и других исследователей.

Под прототипом в свете вызвавшей большой резонанс в научных кругах теории прототипов Э. Рош понимают «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание» [Болдырев 2021: 130]. Однако данная дефиниция не отражает типы формируемых прототипом знаний и требует своего расширения. Так, «прототип определяет круг знаний об объектах естественных категорий и представлен на базовом уровне категоризации, демонстрируя знания о лучших образцах в категоризации действительности и языка, знания, которые оказываются наиболее типическими для их восприятия...» [Шарандин 2011: 126]. Очевидно, что специфика прототипа как структуры представления знаний характеризуется параметрами типического и образцового, эталонного.

Инвариантность в ее традиционном общеметодологическом толковании связывается со свойством ряда значимых для системы соотношений сохраняться при ее определенных преобразованиях [ФЭС 1983: 205]. Предполагается, что «в инварианте... представлены знания об идеальном объекте, который имеет классовую сущность, объединяя знания о конкретных единичных предметах на основе нахождения в них общих свойств и признаков...» [Шарандин 2011: 126].

Сегодня прототип и инвариант признаются общенаучными универсалиями, входящими в концептуальные аппараты различных исследований, в том числе и лингвистических, направленных на изучение когнитивных и языковых структур.

Рассмотрим возможности использования понятий «прототип» и «инвариант» в концепции риторического декодирования текста (далее РДТ – *Л. М.*).

Ключевое понятие РДТ

Возникшая как реакция на современные информационно-коммуникационные вызовы концепция РДТ нацелена на реконструкцию механизмов текстообразования в фокусе оценки их коммуникативно-речевой эффективности (подробнее о РДТ см.: [Гольшкينا 2020]). РДТ связано с последовательным восстановлением текстообразующего замысла продуцента, осуществляемым как поиск соответствий / несоответствий между способами и средствами воплощения стратегий текстообразования и параметрами эффективности текста.

Ключевым понятием РДТ выступает **риторический текстотип** – ментальный текст-образец, представляющий собой структуру знаний, которая аккумулирует представления о текстовой эффективности [Морина (Гольш-кина) 2022]. Именно риторический текстотип и есть тот «эталонный репрезентант» (А. В. Бондарко), которым в идеале должен руководствоваться продуцент как кодом текстопостроения и который эксплуатирует декодирующий как метакод в практике «распаковки» текстообразующих процедур.

Идея текстотипичности поддерживается функционально-прагматической концепцией текста А. Г. Баранова, обосновывающей алгоритмы текстопостроения с опорой на такие понятия, как текстотип, субтип, жанровая схема, когниотип [Баранов 1997]. В свою очередь идея текста-образца, текста-эталона, текста-ориентира уходит корнями в исследования Н. А. Бернштейна, П. Я. Гальперина, А. А. Леонтьева, Е. С. Кубряковой, Ю. А. Сорокина.

Важнейшим пунктом РДТ становится положение о том, что риторический текстотип задается и регулируется моделью коммуникативного контекста, основу которой формирует структура коммуникативного акта (см. подробнее: [Городецкий 1989]). Так, актуализация в модели коммуникативного контекста продуцента таких составляющих, как адресант и адресат, наделяет текст свойством диалогичности; обстоятельство общения обуславливают публичность текста; коммуникативная цель субъекта речи определяет персуазивность текста и т. п. Объективация риторического текстотипа в реальной коммуникативной практике позволяет нам оперировать понятием «риторический текст». Иначе говоря, риторический текстотип и есть та когнитивная структура, которая определяет содержание категории *РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ*.

Вышесказанное позволяет заключить, что практика декодирования основывается на принципе переосмысления кодирования, выступает своего рода надстройкой над процедурами текстообразования, что обуславливает понимание риторического текстотипа в контексте РДТ как метакогнитивного конструкта.

Когнитивный статус риторического текстотипа: прототип / инвариант

То обстоятельство, что риторический текстотип, являясь ментальной структурой, участвует как в обеспечении кодирования, так и декодирования, создает предпосылки для рефлексии о его методологических свойствах – онтологических и гносеологических. Не отменяя диалектизма указанных свойств, мы, тем не менее, отмечаем, что в случае текстообразования актуализируется в первую очередь онтологическая функция риторического текстотипа, направленная на построение новой сущности – текста как способа представления действительности и инструмента коммуникации. В поисково-аналитической

ситуации декодирования риторической текстотип, выступая в роли исследовательской матрицы, выполняет уже гносеологическую функцию.

Наши рассуждения коррелируют с точкой зрения Н. Н. Болдырева, который считает, что противопоставление онтологического и гносеологического высвечивает сущность инварианта и прототипа: «инвариант – это понятие, скорее, гносеологического плана, в то время как прототип – понятие онтологического уровня» [Болдырев 2003: 56].

Предложенная логика позволяет связывать прототип с текстообразующей деятельностью, а инвариант – с практикой РДТ, где знания декодирующего об идеальном абстрактном объекте проецируются на конкретные тексты, претендующие на статус риторических. Выявленные в ходе РДТ параметрические соответствия текстотипу-образцу, признаваемые инвариантными, выступают основанием оценки воздействующего потенциала текста, а несоответствия – индикатором его риторических рисков.

Условием адекватности РДТ становится признание возможного несовпадения уровней и механизмов категоризации риторического текста у продуцента и декодирующего. Так, декодирующий для реализации задач РДТ должен владеть всей системой параметров риторического текстотипа, куда входят диалогичность как следствие авторства и адресности, публичность, аргументированность как фундамент персуазивности, актуальность, акциональность, технологическая осознанность как следование технологии эффективного текстообразования – риторическому канону. Очевидно, что аналитическая деятельность декодирующего связана с активацией отличительных признаков риторического текста, специальных знаний о нем, что свидетельствует о субординатном уровне категоризации объекта – низшем в родо-видовой иерархии.

В свою очередь продуцент, если он не спичрайтер или не профессиональный журналист, может в своей текстовой деятельности оперировать не субординатной категорией *РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ*, а базовой прототипической категорией *ТЕКСТ*, не требующей узкоспециальных знаний о параметрах объекта. Такие категориальные расхождения создают определенные сложности при определении инвариантных признаков. Именно поэтому входные знания декодирующего о специфике категоризации, осуществляемой продуцентами с разными уровнями риторической компетентности, обуславливают корректность анализа текста, позволяют строить гипотезы о зонах риторических рисков, возникающих в текстах публичной и массмедийной коммуникации, где актуализируется риторический текстотип, способствуют обеспечению валидности диагностики текстовой эффективности.

Таким образом, включение понятий «прототип» и «инвариант» в сферу РДТ расширяет знания о когнитивной природе кодирования и метакогнитив-

ном характере декодирования. Сформированные теоретические положения намечают перспективы изучения прототипических эффектов в текстообразовании, а также представлений о типах текстов, существующих как в обыденном, так и профессиональном сознании.

Литература

Баранов А. Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи: сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 4–12.

Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариантность. СПб.: Наука, 2003. С. 54–74.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Гольшикина Л. А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления // Научный диалог. 2020. № 5. С. 9–24.

Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 5–31.

Морина (Гольшикина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. М., Тамбов, Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. С. 305–308.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Шарандин А. Л. Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (029). 2011. С. 121–127.

L. A. Morina (*Novosibirsk, Russia*)
Novosibirsk State Technical University

PROTOTYPE AND INVARIANT IN THE CONCEPT OF RHETORICAL TEXT DECODING

The concepts of “prototype” and “invariant” involved in the formation of the methodological foundations of decoding rhetoric – a concept reconstructing the mechanisms of text formation and diagnosing their effectiveness are considered. In the focus of the “prototype – invariant” dichotomy, the cognitive status of the rhetorical text type as a text-forming sample and decoding tool is comprehended.

Key words: prototype, invariant, decoding rhetoric, rhetorical text type, rhetorical text, text formation.

Е. А. Нильсен (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
janenilsen@mail.ru

МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ

Статья посвящена анализу метафорических репрезентаций времени в английском травелоге на примере романа Дж. К. Джерома «Three Men in a Boat». Рассматривается экспликация таких метафорических моделей, как ВРЕМЯ – ЦЕННОСТЬ / ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ, ВРЕМЯ – ПУТНИК, ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО / ЛАНДШАФТ, ВРЕМЯ – ВМЕСТИЛИЩЕ (КОНТЕЙНЕР), ВРЕМЯ – ГОСПОДИН.

Ключевые слова: время, метафора, английский травелог, Дж. К. Джером.

Широко известно, что метафора представляет собой один из основных механизмов, помогающих человеку интерпретировать и концептуализировать окружающую его действительность, что обуславливает неугасающий интерес к метафоре со стороны лингвистов (см. подробнее: [Болдырев 2013; 2014; Faconnier, Turner 2006; Lakoff, Johnson 2003; Lakoff, Turner 1989 и др.]). Особую значимость имеет изучение метафорической репрезентации времени, поскольку именно время является одной из четырех координат в современной геометрии мира, одним из краеугольных камней сознания личности. Концепт TIME / ВРЕМЯ играет важнейшую роль в концептуализации мира человеком, что заставляет ученых снова и снова возвращаться к вопросам исследования оязыковления времени, включая его метафорическую экспликацию (см. подробнее: [Болдырев 2016; Заботкина, Коннова 2009; Нильсен 2014; 2015; 2016; Evans 2006 и др.]).

Рассмотрим некоторые особенности метафорической репрезентации времени в травелоге на примере романа Дж. К. Джерома “Three Men in a Boat”. Отметим, что изучению подвергались только метафоры, в вербализации которых участвует лексема *time*.

Как показывает проведенное исследование, автор произведения в тексте романа чаще всего использует метафору TIME IS A POSSESSION. Таким образом, время представляется, прежде всего, ценностью, предметом обладания, принадлежащим человеку, его сокровищем и исчерпаемым ресурсом. Его можно иметь, тратить, получать, отдавать, дарить или красть, что эксплицируется с помощью сочетания существительного *time* с соответствующими глаголами. Вербализация когнитивной модели TIME IS A POSSESSION также может осуществляться за счет сочетания лексической единицы *time* с притяжательным местоимением, указывающим на то, что время принадлежит тому или иному человеку. В травелоге

“Three Men in a Boat” эта метафорическая модель, в частности, встречается в следующих контекстах: «I will not *take up your time*, dear boy...» [Jerome 1996: 7]; «...without further *loss of time*...» [Jerome 1996: 8]; «*You will have time to think* as well as to work. *Time to drink* in life’s sunshine – *time to listen* to the Aeolian music that the wind of God draws from the human heart-strings around us – *time to* -» [Jerome 1996: 21]; «There was George, throwing away in hideous sloth *the inestimable gift of time*...» [Jerome 1996: 33]; «...he ... was only *wasting his time*...» [Jerome 1996: 37]; «We did *have a lively time!*» [Jerome 1996: 49]; «At lunch *they had a very bad time* of it» [Jerome 1996: 50]; «He *had had a hard time* in the City...» [Jerome 1996: 64]; «...you are going to *have a hard time* on the river...» [Jerome 1996: 64]; «...we had dispensed with tea, so as to *save time*...» [Jerome 1996: 72]; «...I could stay a month without *having sufficient time* to drink...» [Jerome 1996: 99]; «...from *the times of King Sebert and King Offa*...» [Jerome 1996: 99]; «...we *had plenty of time*...» [Jerome 1996: 109]; «...how a woman ... manages to pass away *her time*...» [Jerome 1996: 117]; «...*British and Saxon times*» [Jerome 1996: 130]; «...*the time of the Britons*» [Jerome 1996: 139]; «...we ... *found time*...» [Jerome 1996: 150].

Очевидно, что в приведенных выше примерах время представлено как собственность людей: *your time, his time, her time, the times of King Sebert and King Offa, the time of the Britons*. Время можно у кого-то отнять (*take up your time*), потерять (*loss of time, wasting his time*), найти (*found time*), иметь (*have time*), воспринимать как дар (*gift of time*), беречь (*to save time*). Соответственно, можно говорить о реализации в этих случаях метафорической модели TIME IS A POSSESSION.

Еще одной очень частотной метафорой в романе Дж. К. Джерома “Three Men in a Boat” является TIME IS A CONTAINER. В случае реализации этой метафорической модели время трактуется как вместилище важных для повествования событий, эмоций, определенных поступков действующих лиц произведения и т. д. В качестве примеров можно привести следующие контексты: «...we should be wanting to start *in less than twelve hours’ time*» [Jerome 1996: 30]; «...*the time of the Great Coram Street murder*...» [Jerome 1996: 37]; «...*in 200 years’ time*...» [Jerome 1996: 44]; «...*in the daytime*...» [Jerome 1996: 45]; «...*in no time*» [Jerome 1996: 50]; «...*in these tempestuous times*...» [Jerome 1996: 85]; «...the little dogs ... *filled up their spare time*...» [Jerome 1996: 101]; «...*in the day-time*...» [Jerome 1996: 112]; «...*in the time*...» [Jerome 1996: 139]; «...*the time of the Parliamentary War*...» [Jerome 1996: 139]; «...*in ancient British times*...» [Jerome 1996: 139]; «*In more recent times*...» [Jerome 1996: 139]; «...*in comfortable time*...» [Jerome 1996: 148]. Во всех этих случаях время представляет собой вместилище значимых для автора произведения событий, действий героев романа и т. п., что эксплицируется

чаще всего за счет сочетания существительного *time* с предлогом *in*. Другими механизмами создания метафоры TIME IS A CONTAINER в рассматриваемом романе являются, например, сочетание лексемы *time* с глаголом «наполнять, заполнять» (*filled up their spare time*) или с лексическими репрезентантами событий, которые «помещаются» в обозначенный автором произведения отрезок времени (*the time of the Great Coram Street murder*).

Менее частотной в рассматриваемом романе, но не менее значимой метафорической моделью является TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT. Время в таких контекстах предстает перед читателем как путник, движущийся из прошлого в будущее. В частности, можно привести следующие примеры репрезентации в тексте травелога этой модели: «...in their pleasant company *the time slipped by somewhat quickly...*» [Jerome 1996: 113]; «*In the course of time my friends arrived on the opposite bank...*» [Jerome 1996: 124]; «...we felt that *the time had come* to commence operations» [Jerome 1996: 126]; «...until *the time came* when ... we leant back in our chairs...» [Jerome 1996: 149]. Как правило, модель TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT эксплицируется в тексте с помощью сочетания существительного *time* с глаголами движения (*the time slipped by, the time had come, the time came*), реже – с помощью других словосочетаний, обладающих семантикой движения, как, например, «*In the course of time*».

Время может быть представлено в травелоге и как господин, управляющий жизнью людей. В таком случае вербализуется метафора TIME IS A MASTER. Эту метафорическую модель можно выявить, в частности, в следующих контекстах: «*A trying time for the English nation*» [Jerome 1996: 88]; «...the shattered *bridge of Time*, over which our fancy travels back to the days when Marlow Manor owned Saxon Algar...» [Jerome 1996: 98]; «...*the time-honoured lies...*» [Jerome 1996: 119]; «...mighty fortifications, the trace of which *Time* has not yet succeeded in sweeping away,...» [Jerome 1996: 139]; «But *Time*, though he halted at Roman walls, soon crumbled Romans to dust...» [Jerome 1996: 139]. Таким образом, время предстает перед читателем как грозный господин, способный приготовить суровые испытания для целого народа (*A trying time for the English nation*), построить «мост Времени» (*bridge of Time*), по которому человек может мысленно перенестись в прошлое, представить себя участником событий далеких эпох. Время может «одобрить» «проверенные временем» байки, которые путешественники рассказывают друг другу (*the time-honoured lies*). Время может уничтожить и превратить в пыль любые возведенные человеком укрепления, как и самих людей, которые эти укрепления возвели (mighty fortifications, the trace of which *Time* has not yet succeeded in sweeping away; But *Time*, though he halted at Roman walls, soon crumbled Romans to dust).

Метафора TIME IS A SPACE / A LANDSCAPE оязыковляется в романе “Three Men in a Boat” двумя способами: во-первых, за счет сочетания существительного *time* с пространственными предлогами, во-вторых, с помощью развернутой метафоры. В качестве примеров первого способа можно привести следующие контексты: «...*up to the time*...» [Jerome 1996: 139]; «...*we were half-an-hour behind our time*» [Jerome 1996: 149], в которых лексическая единица *time* употреблена с предлогами *up* и *behind*, передающими пространственные отношения. Развернутая метафора ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО / ЛАНДШАФТ репрезентируется в тревелогe, в частности, следующим образом: «I agreed with George, and suggested that we should seek out some retired and old-world spot, far from the madding crowd, and dream away a sunny week among its drowsy lanes – some half-forgotten nook, hidden away by the fairies, out of reach of the noisy world – some quaint-perched eyrie on the *cliffs of Time*, from whence the *surging waves of the nineteenth century would sound far-off and faint*» [Jerome 1996: 9]. В этом контексте перед читателем предстает живописное полотно, на котором изображен ландшафт времени: скалы Времени с орлиными гнездами и бурные волны девятнадцатого века, от суеты которого стремятся спрятаться герои романа.

Обобщая все вышесказанное можно сделать вывод о том, что наиболее значимыми моделями метафорической репрезентации времени в романе Дж. К. Джерома «Three Men in a Boat» являются TIME IS A POSSESSION, TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT, TIME IS A SPACE / A LANDSCAPE, TIME IS A CONTAINER, TIME IS A MASTER. Соответственно, время видится автору произведения, прежде всего, как ценность и предмет обладания, как движущийся объект, как пространство или ландшафт, как господин и, конечно, как вместилище значимых для повествования событий.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. 15. С. 12–22.

Болдырев Н. Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 18. С. 42–47.

Болдырев Н. Н. Пространство и время как формы языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 25. С. 25–32.

Заботкина В. И., Коннова М. Н. Концептуальный анализ динамики метафор времени в английском языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 1. С. 191–201.

Нильсен Е. А. Метафоры времени в английской научной фантастике // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 21. С. 236–239.

Нильсен Е. А. Метафоры времени в британской антиутопии XX века // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 499–509.

Нильсен Е. А. Основные тенденции развития метафор времени в английском языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. С. 315–324.

Evans V. How we conceptualise time: Language, meaning and temporal cognition. Sussex, 2006.

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / edited by Dirk Geeraerts. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. Pp. 303–371.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Jerome K. J. Three men in a boat. To say nothing of the dog. Ware: Wordsworth Editions Limited, 1996.

E. A. Nilsen (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University of Economics

TIME METAPHORS IN ENGLISH TRAVELOGUE

This article is dedicated to metaphorical time representation in British travelogue on the example of «Three Men in a Boat» by Jerome K. Jerome. Metaphors TIME IS A POSSESSION, TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT, TIME IS A SPACE / A LANDSCAPE, TIME IS A CONTAINER, TIME IS A MASTER are observed.

Key words: time, metaphor, British travelogue, Jerome K. Jerome.

E. A. Огнева (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

ТЕКСТОВЫЙ КОГНИТИВНЫЙ КОД

В статье впервые излагается авторская концепция интерпретации и моделирования текстового когнитивного кода, включающего инициативно-антропоцентрический вектор когниции и манипулятивно-антропоцентрический вектор когниции. Интерпретируется текстовый концепт ВРЕМЯ и текстовый концепт ПРОСТРАНСТВО в качестве когнитивных скреп текстового когнитивного кода. Определяется специфика функционирования дуального художественного концепта ДВОРЯНИН-РЫЦАРЬ в текстовом когнитивном коде романа В. Скотта «Айвенго».

Ключевые слова: текст, художественный текст, текстовый когнитивный код, текстовые когнитивные скрепы, моделирование.

Современный уровень лингвокогнитивных исследований обладает обширной теоретико-методологической базой, позволяющей подойти к решению новой задачи – интерпретации текстового когнитивного кода, рассматриваемого как «взаимосвязь всех типов текстовых когнитивных конструкторов» [Огнева 2022: 38], к которым можно отнести текстовые концепты, текстовые когнитивные фреймы, текстовые когнитивные сценарии, текстовые когнитивные сцены как «осознаваемые ментальные образования» [Кушнерук 2017: 270].

Интерпретация номинативных полей данных текстовых когнитивных конструкторов показывает тот факт, что во всех перечисленных типах репрезентируется текстовое пространство и текстовое время, рассматриваемые в качестве текстовых когнитивных скреп между конструктами.

Исследование параметров текстового пространства и текстового времени в виде показателей функционирования текстовых когнитивных скреп основано на выявлении «когнитивного контекста как определенной системы знаний с точки зрения его интерпретирующей роли в репрезентации мира и знаний о мире в языке» [Болдырев 2017: 32–33].

Определение интерпретирующей роли когнитивного контекста основано на понимании того, что «языковая картина мира отражает избирательность познавательной деятельности человека» [Бабина 2018: 369], оперирующего в пространстве текста номинативными полями текстовых концептов, текстовых когнитивных фреймов, текстовых когнитивных сценариев, текстовых когнитивных сцен.

Текстовый когнитивный код в предлагаемой интерпретативной концепции может быть выстроен как формат знания, включающего «фундаментальные принципы человеческой когниции» [Демьянков 2018: 21], которая «дает процедурный ключ к пониманию и целого текста, и его частей» [Демьянков 2005: 6]. В этом случае когниция может функционировать в соответствии с двумя векторами: (1) инициативно-антропоцентрическим вектором и (2) манипулятивно-антропоцентрическим вектором. Под *инициативно-антропоцентрическим вектором* когниции предлагается понимать процесс познания, инициированный и управляемый самой языковой личностью, создающей текст. Под *манипулятивно-антропоцентрическим вектором* понимается процесс познания, цель которого сформулирована вне самой языковой личности, создающей текст, то есть цель сформулирована и транслирована автору текста другой языковой личностью.

Вышеперечисленные текстовые когнитивные конструкторы: (1) текстовые концепты, (2) текстовые когнитивные фреймы, (3) текстовые когнитивные сценарии, (3) текстовые когнитивные сцены, в совокупности составляющие текстовый когнитивный код, отличаются в случае развертывания текста либо

по инициативно-антропоцентрическому вектору, либо по манипулятивно-антропоцентрическому вектору, но в обоих случаях репрезентируются «как субъективные, так и национально-культурные ценностные установки» [Голованова 2019: 172] с учетом наличия «коннотаций в семантической структуре» [Хвесько 2020: 985] текста.

Выявлено, что развертывание текстового когнитивного кода по инициативно-антропоцентрическому вектору обусловлено лингвокогнитивными параметрами преваляирования того когнитивного конструкта, который ситуативно доминирует вследствие функционирования триады параметров, сопрягающей (1) интенцию автора текста, (2) его идиостиль и (3) тематику текста, поскольку автор текста самостоятельно выбирает конструкт текстового когнитивного фрейма, текстового когнитивного сценария или текстовой когнитивной сцены, либо сочетание двух-трёх конструктов для создания концептосферы текста как совокупности текстовых концептов.

При развертывание текстового когнитивного кода по манипулятивно-антропоцентрическому вектору выбор когнитивного конструкта или совокупности конструктов, в рамках которых будет реализовано создание текста, обусловлен функционированием иной триады параметров, состоящей в первую очередь из тематики текста, во вторую очередь из идиостиля автора текста, в то время как параметр «интенция автора» нивелируется и заменяется параметром «интенция стороннего манипулятора».

Текстовый когнитивный код может быть смоделирован. В процессе моделирования значим тот факт, что сегменты номинативных полей текстовых концептов, составляющих концептосферу текста, могут функционировать в рамках когнитивных фреймов, когнитивных сценариев и когнитивных сцен. Текстовые когнитивные скрепы, в роли которых выступает текстовый концепт ВРЕМЯ и текстовый концепт ПРОСТРАНСТВО, предстают в качестве статичных, динамичных и статично-динамичных конструктов знания.

Специфика функционирования текстового когнитивного кода обусловлена стилем и жанром текста. Так, например, когнитивный код художественного текста чаще всего развивается по инициативно-антропоцентрическому вектору. В концептосфере художественного текста художественные концепты как один из компонентов текстового когнитивного кода, формирующиеся под влиянием интенции автора, его идиостиль и тематики текста, могут быть одноядерными и двуядерными. Рассмотрение одного из типов двуядерных художественных концептов, а именно дуального художественного концепта показывает тот факт, что «сопряженные номинативные поля дуального художественного концепта имеют n-количество общих номинантов, которые контекстуально объединяют два концепта в один» [Даниленко 2020: 334]. Так, например, в текстовом когнитивном коде романа В. Скотта «Айвенго»

дуальный художественный концепт ДВОРЯНИН-РЫЦАРЬ, который по своим параметрам является концептом-доминантой, сопряжен преимущественно с конструктом текстового когнитивного сценария, поскольку, во-первых, номинативное поле, образованное вокруг ядра ДВОРЯНИН, включает в себя значимый динамичный сегмент текстового когнитивного сценария, во-вторых, номинативное поле, образованное вокруг ядра РЫЦАРЬ, также включает в себя значимый динамичный сегмент текстового когнитивного сценария и, в-третьих, область пересечения двух номинативных полей представлена преимущественно номинантами текстового когнитивного сценария, в то время как на втором месте по частотности номинантов в номинативном поле, образованном вокруг ядра ДВОРЯНИН, находятся номинанты текстовой когнитивной сцены, а в номинативном поле, образованном вокруг ядра РЫЦАРЬ, находится номинанты текстового когнитивного фрейма.

Определено, что в номинативном поле художественного концепта ВРЕМЯ, выступающего текстовой когнитивной скрепой в модели рассматриваемого текстового когнитивного кода, превалируют статичные хронемы и лексические таймеры как «словосочетания, косвенно отображающие темпорально-семантическую сторону текста» [Огнева, Бузина 2019: 277], в то время как в номинативном поле художественного концепта ПРОСТРАНСТВО, выступающего также текстовой когнитивной скрепой, превалируют динамические проксемы, а именно спейсмены, под которыми понимаются словосочетания, состоящие «из существительного и предлога, характеризующие местонахождение героя произведения или месторасположение предмета в текстовом художественном пространстве» [Тугуз 2022: 130].

Следовательно, модель дуального художественного концепта-доминанты ДВОРЯНИН-РЫЦАРЬ в текстовом когнитивном коде романа В. Скотта «Айвенго» представляет собой сравнительно-сопоставительный исследовательский конструкт, параметры которого выстроены в соответствии с инициативно-антропоцентрическим вектором, развертывание которого основано на превалировании формата текстового когнитивного сценария.

Предлагаемая концепция интерпретации и моделирования текстового когнитивного кода позволяет в новом исследовательском ракурсе рассмотреть параметры концептосферы текста с учетом его стиля и жанра.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация: сборник научных статей. Москва, 2017. С. 32–42.
- Бабина Л. В.* Изучение творческого начала человека в языке (на материале двухкомпонентных сложных существительных) // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. № 33. С. 369–374.

Голованова Е. И., Ковалева О. Н. Ценностные доминанты в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 172–173.

Даниленко И. А. Дуальный художественный концепт как сюжетобразующий концепт в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 332–336.

Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3 (006). С. 5–10.

Демьянков В. З. Социокультурная когнитивная инженерия // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. № 35. С. 21–31.

Кушнерук С. Л. От теории текстовых миров к теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования: кристаллизация исследовательского направления // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. № 30. С. 269–272.

Огнева Е. А., Бузина Е. И. Алгоритм интерпретации художественного концепта ВРЕМЯ (на материале романа Д. Дю Морье “Rebecca”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12 (№ 4). С. 275–279.

Огнева Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37–49.

Тугуз Т. Р. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубки») // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 128–132.

Хвесько Т. В., Басуева Н. Ю. Воплощение социокогнитивного компонента в ономастике // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 983–987.

Scott W. Ivanhoe. NY: Barnes & Noble Books, 2005.

E. A. Ogneva (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

TEXT COGNITIVE CODE

The article deals with the author’s interpreting and modeling theory of a textual cognitive code, including an initiative-anthropocentric vector of cognition and a manipulative-anthropocentric vector of cognition. The text concept TIME and the text concept SPACE are interpreted as cognitive units in the text cognitive code. The specific features of the functioning of the dual literary concept NOBLEMAN-KNIGHT in the textual cognitive code of W. Scott’s “Ivanhoe” are determined.

Key words: text, literary text, text cognitive code, text cognitive units, modeling.

А. Ю. Петкау, Юйпэн У

(Екатеринбург, Россия)

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

*uretkaui@yandex.ru,
1147971029@qq.com*

ПОРТРЕТ КОНЦЕПТА ЗДОРОВЬЕ В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

В статье описана словесная модель концепта ЗДОРОВЬЕ, которая была составлена при опоре на картотеку 100 слоганов китайской социальной рекламы. В фокусе внимания находятся когнитивные признаки, манифестирующие ценность соблюдения здоровых привычек, здорового питания, заботы о духовной составляющей здоровья и соблюдения режима дня.

Ключевые слова: концепт ЗДОРОВЬЕ, когнитивные признаки, социальная реклама о здоровье, китайская социальная реклама.

Социальная реклама проникает и воздействует на все сферы жизни общества, формирует систему ценностей. Любая реклама (коммерческого и некоммерческого типа) несет в себе суггестивную направленность, но главная задача социальной рекламы – привлечь внимание к актуальным проблемам в обществе, а в стратегической перспективе – изменить поведенческую модель человека.

В фокусе нашего внимания находится концепт ЗДОРОВЬЕ, который можно описать, с одной стороны, как государственную, с другой стороны, как персональную ценность, (см. подробнее: [Усачева 2005: 110]).

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности репрезентации витального концепта ЗДОРОВЬЕ в китайской социальной рекламе. Нами было просмотрено свыше 100 слоганов китайской социальной рекламы с сопутствующими рисунками, дополняющими анализируемый текст. Сразу же отметим, что рекламные тексты с указанием на здоровый образ жизни расценивались нами как тексты, презентующие концепт ЗДОРОВЬЕ, поскольку понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни» находятся между собой в причинно-следственных отношениях (см. об этом подробнее: [Петкау 2014: 272–276]). Отбор контекстов для анализа происходил в период с 2021 по 2023 гг. на основе данных интернет-ресурсов, посвященных социальной рекламе.

Методика исследования заключалась в экспликации культурных смыслов или, в другой терминологии, когнитивных классификационных признаков

концепта (см. подробнее: [Попова, Стернин 2007: 67–75]), проводилось ранжирование яркости по принципу частотности. Численное выражение яркости признака рассчитывалось в процентах как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков.

Представим полученные результаты в виде словесной модели концепта ЗДОРОВЬЕ с присущими ей компонентами: ядром, приядерной зоной, ближней и дальней периферией.

В ядре модели находится классификатор *Здоровый образ жизни (далее – ЗОЖ): Здоровые привычки* (45%). Самый общий взгляд на когнитивные признаки, включенные в этот классификатор, показывает влияние COVID-19 на социальную рекламу. Как справедливо отмечал В. Франкл, «осознание ломкости, непрочности, ненадежности, хрупкости, уязвимости человеческого здоровья и самой жизни, которые рассматриваются как их константные свойства, и определяют философию жизни» [Франкл 1990: 35].

В аспекте пандемии актуализируется значимость здоровья и соблюдения здоровых привычек: **避免因公共用筷导致的病毒传染 – Избегайте вирусной инфекции, вызванной общедоступными палочками для еды; 科学佩戴口罩, 注意咳嗽礼仪 – Обращайте внимание на этикет при кашле; 保持社交距离, 增强防病意识 – Сохраняйте социальную дистанцию и повышайте осведомленность о профилактике заболеваний; 提高全民健康意识, 坚持适量运动 – Повышайте осведомленность людей о своем здоровье; Носите маски, заботьтесь о себе и других.** Важность заботы о здоровье вербализуется с помощью прямых форм побудительных конструкций, то есть включением в структуру слоганов глаголов в форме повелительного наклонения и модальной лексики долженствования.

Отметим, что в России социальная реклама о коронавирусе чаще всего строилась по типу слоганов с семантикой тревоги: *Минздрав предупреждает: коронавирус убивает; Маска или могила; Не нравится носить маску? (визуальный ряд – кладбище)* и др. Таким образом, в основе таких рекламных сообщений находился не концепт «здоровье», а концепты «смерть», «болезнь» (см. подробнее: [Вепрева 2022: 35–52]).

В качестве примера проанализируем одну из реклам этой группы: **避免因公共用筷导致的病毒传染 – Избегайте вирусной инфекции, вызванной общедоступными палочками для еды.**

Сначала обратим внимание на визуальный ряд: приятный голубой фон выделяет чистую белую тарелку, в ее центре разворачивается история: группа детей обедает и о чем-то оживленно беседует, в их руках – китайские палочки для еды. Понять смысл беседы можно из цитаты, которая вынесена в рамку: **避免因公共用筷导致的病毒传染 – Избегайте вирусной инфекции, вызванной общедоступными палочками для еды.**

Фраза звучит не совсем уместно (по тональности) из уст ребенка, если воспринимать ее отстраненно. Возможно, в процессе полилога она становится частью рассказа и вписывается в его повествование.

Кроме того, становятся значимыми фоновые знания. Пандемия коснулась каждого человека на Земле, поэтому расширенный контекст не так необходим. Люди считают слоган и дополняют его нужными деталями в своем сознании.

Обращает на себя внимание и синтаксис предложения. В социальной рекламе принято формулировать идеи простыми предложениями, так как они легче считываются реципиентами. Здесь же мы видим осложнение в виде причастного оборота.

Когнитивные признаки *не употреблять алкоголь, не курить, не принимать наркотики* также актуализированы в этой группе. Специфика слоганов состоит в том, что они построены на императиве, но не на рациональных аргументах: **提倡戒酒, 坚持运动 – Как можно скорее бросьте курить; 远离酒精成瘾, 并提防慢性酒精中毒. – Остерегайтесь хронического алкоголизма; 吸烟对心脏有害 – Курение вредно для сердца; 拒绝来自别人的酒, 过多饮酒影响身体健康 – Откажитесь от алкоголя.**

Одна из особенностей китайской социальной рекламы – использование английской лексики в текстах, что позволяет привлечь молодое поколение к рекламе. Наиболее часто такой прием встречается в социальной рекламе против курения и употребления наркотиков. Например, это хорошо видно в этом тексте: **«毒品, 将让你失去所有» – Drugs, will make you lose all (Наркотики заставят тебя всё потерять).**

Кроме того, в нашу картотеку также вошли когнитивные признаки, связанные с чистотой: **不随地吐痰, 讲究卫生, 预防疾病 – Соблюдайте гигиену и не допускайте заболеваний; 不乱扔垃圾, 坚持清洁 – Придерживайтесь чистоты** и др. Дидактические сентенции поддерживаются визуальными образами метафорического характера.

Приядерную зону формирует классификатор **ЗОЖ: Здоровое питание** (26%): **合理的饮食结构是一个人身体健康的重要前提 – Разумная диета – важная предпосылка здоровья человека; 多喝水对身体健康有好处 – Обильное питье полезно для здоровья; 学会正确的饮水 – Научитесь правильно пить воду; 科学饮食使人健康一生 – Диета сохраняет здоровье людей на всю жизнь; 减少摄入被重金属污染的蔬菜 – Уменьшите потребление овощей, загрязненные тяжелыми металлами** и др.

Обращает на себя внимание выдвигание ценности питьевой воды, что связано с особенностями китайской ментальности. Приведем пример рекламного сообщения: **当饮用水变为奢侈品, 谁来买单? – Питьевая вода превращается в предмет роскоши, кто будет расплачиваться?** На первом плане этой рекламы мы видим флакон туалетной воды с надписью H₂O. Создатели

рекламы имплицитно сравнивают два товара – дорогой парфюм и обычную воду. Таким образом, рекламодатель поднимает вопрос о нехватке воды в Китае, что говорит о национальной специфике мировосприятия граждан Китая.

Ближнюю периферию занимает классификатор *Духовная составляющая здоровья* (18%): **有效的沟通可以缓解心理压力, 维护心理健康 – Эффективное общение может снизить психологическое давление и сохранить психическое здоровье; 多读书可以有效预防心理疾病的产生 – Чтение поможет предотвратить психические заболевания; 阅读书籍, 为健康生活充电 – Читайте книги и заряжайтесь на здоровый образ жизни; 关照老年人心理健康 – Позаботьтесь о психическом здоровье пожилых людей; 保持平和心态, 积极乐观自律 – Сохраняйте спокойный ум и будьте позитивными.** Отметим, что в рекламах такого типа нередко встречается отсылка к заботе о здоровье людей старшего пожилого возраста, что также говорит об особенностях китайской ментальности.

В пространстве дальней периферии находится классификатор *ЗОЖ: режим дня* (11%), который отражает когнитивные признаки о важности чередования труда и отдыха, полноценности ночного сна для здоровья.

Литература

Вепрева И. Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10 (№ 1). С. 35–52.

Петкау А. Ю. О тенденциях развития социальной рекламы, обращенной к теме здоровья // *Стилистика сегодня и завтра: материалы III международной научной конференции*. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2014. С. 272–276.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: «Восток-Запад», 2007.

Усачева А. Н. Здоровье // *Антология концептов: в 2 т. Т. 1.* Волгоград: «Парадигма», 2005. С. 110–118.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: «Прогресс», 1990.

*A. Yu. Petkau, U Yupeng (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University*

PORTRAIT OF THE CONCEPT HEALTH IN CHINESE SOCIAL ADVERTISING

The article describes the verbal model of the concept HEALTH, which was based on a card index of 100 Chinese social advertising slogans. The focus is on cognitive signs that demonstrate the value of maintaining healthy habits, healthy eating, taking care of the spiritual component of health, and observing the daily routine.

Key words: concept HEALTH, cognitive features, social advertising about health, Chinese social advertising.

Н. В. Питолина (Псков, Россия)
Псковский государственный университет
peanut278@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

В статье рассматривается категория художественного времени на материале рассказа британской писательницы Дж. Гардам “Groundlings”. Знакомство с темпоральной организацией рассказа, в котором переплетаются временные планы автора, героя и гения позволяет говорить о многомерности художественного времени, помогает установить связь автора и читателя, и познать художественный замысел произведения.

Ключевые слова: художественное время, время автора, время героя, время гения, диалог.

Важным понятием когнитивной лингвистики является интерпретация – когнитивная деятельность, результатом которой становится понимание текста. Огромную роль в процессе интерпретации текста играют пространственно-временные отношения, особенно ярко проявляющиеся в художественном тексте.

В настоящей статье речь пойдет о художественном времени (далее ХВ). На сегодняшний день существует немало исследований, посвященных категории ХВ. Наиболее полно характеристика ХВ представлена в монографии профессора З. Я. Тураевой «Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка)» (1979). Вот лишь некоторые определения ХВ, данные в книге.

«Художественное время – неотъемлемый элемент художественного отражения мира, форма существования сюжета, категория развития действия» [Тураева 1979: 14].

«Художественное время – это некое множество индивидуальных времен и установление временных зависимостей между отдельными (частными, индивидуальными) временами» [Там же: 15].

«Художественное время – это сложное переплетение трех порогов восприятия – автора, читателя, персонажей» [Там же].

Вытекающей из данных определений отличительной чертой ХВ является *многомерность*, которая проявляется в наличии множества индивидуальных временных систем, перекрещивающихся и параллельных сюжетных линий, нескольких точек отсчета [Там же: 18].

Заслуживает внимания концепция профессора Г. А. Золотовой, которая описывает четыре временных плана художественного текста: **Т1** – время

в мире, существующее вне текста, **T2** – время в тексте – категория креативная, творимая говорящим, **T3** – время перцептивное, это пространственно-темпоральная позиция говорящего, его перемещающийся «наблюдательный пункт» и **T4** – время читателя, слушателя, реакции которого вовлекаются в текст некоторыми авторами, но роль этого времени целиком программируется автором в пределах **T3** [Золотова 2002: 11].

ХВ, описанное таким образом, позволяет целостно и глубоко осознать читаемое произведение, синтезировать различные временные планы и благодаря этому выйти на высший уровень декодирования художественного текста – *интерпретацию*.

Рассмотрим отмеченное взаимодействие временных систем на примере рассказа британской писательницы Джейн Гардам “Groundlings” [Gardam 1994]. Действие рассказа происходит в Лондоне и охватывает промежуток времени в сорок лет. Главная тема рассказа – любовь к театру, любовь к Шекспиру. Рассказ ведется от первого лица. В рассказе – три главных героя: *автор-повествователь, Эджи Батт и Шекспир*, которые задают три временных плана соответственно: *время автора, время героя, время гения*.

T1 – время автора

Время автора повествования максимально приближено к реальному, основными свойствами которого являются *линейность, движение и изменение*.

В рассказе четко обозначена точка отсчета (1945 г.), от которой события жизни автора линейно и непрерывно развиваются далее: *учеба в университете – замужество – рождение дочери – работа – встреча с бывшими сокурсниками – переезд в загородный дом и т. д.* Хронологическая определенность выражена в рассказе лексическими единицами темпоральной семантики и видо-временными формами глагола, которые фиксируют события на временной оси рассказчика (*I've known old Aggie Batt in theatre queues all of thirty-five years, anyway. [...] it was a wonderful year, that '45- '46, first term at college for me [...]. At the beginning, when I was eighteen, I was just one of a gaggle of girls – a first-year student. There is a moment in the theatre queue and it is 9.59 a. m. I'm nearly sixty now.*).

Другое онтологическое свойство реального времени – *изменение* – отражено во внешних изменениях самой героини, смене событий и состояний (*My face strikes me as being no different really, until I see the photographs. It's a pity that these days the queue has changed a bit. People are tireder nowadays, especially men.*).

Т2 – время героя

Время героя в рассказе – время *перцептуальное*. Как будет показано далее, такое время психологично, парадоксально, т. к. создается рукой автора произведения и допускает нереальные возможности: *обратимость, разнонаправленность, статичность* и др. Но именно эти «парадоксы» позволяют отразить авторское мироощущение и передать его читателю.

Главным героем рассказа “Groundlings” является Эджи Батт – страстный почитатель Шекспира ([...] *a woman with a Shakespeare fixation*). Театр и Шекспир для Эджи Батт – это *любовь всей жизни* (героиня посещает только пьесы Шекспира), это *образ жизни* (героиня не пропускает ни одного представления в Лондоне, каждый раз проводя в очереди за билетом по многу часов), это *сама жизнь* (кажется, что у Эджи Батт не было и нет никого, кроме Шекспира), и, наконец, это *больше чем жизнь* (в конце рассказа героиня уходит из жизни, стоя в очереди, так и не успев купить билет на любимый спектакль).

Необычна завязка сюжета: в самом начале рассказа внимание читателя оказывается сразу и полностью сосредоточенным на главной героине (“*Is she there?*” “*Yes, she’s there*”). Использование личного местоимения и *вопросно-ответная структура* внутреннего диалога создают у читателя горизонт ожидания и желание немедленно конкретизировать образ, вызывающий такой сильный авторский интерес. Любопытство читателя удовлетворяется сполна по мере чтения рассказа. Образ Эджи Батт раскрывается эмоционально и в малейших деталях. И одним из сильных впечатлений для читателя оказывается то, что за сорок лет образ этот не претерпел заметных изменений. Изменения не затронули ни внешность Эджи Батт, ни ее образ жизни, ни ее предпочтения. Автор регулярно делает на этом акцент, используя соответствующие языковые средства: *She’s always the same, lying prone on a length of black macintosh. She looks no different from the 1945 season at the New. It was Shakespeare for Aggie Batt, Shakespeare then and Shakespeare now. Shakespeare all the way. And Aggie B. was always at the head of the queue as she was until this very year. Aggie Batt is ageless. She’s nearly always in the same seat – G25.*

Несложно сделать вывод, что для Эджи Батт *время застыло*: сорок лет, которые в жизни автора пролетели наполненными событиями, для героини сжались до одной единственной точки на оси времени – точки, схваченной Шекспиром, точки, стремящейся стать частью вечности.

Парадоксально, что «застывшее» время героини обнаруживает более сложную семантику, чем динамичное время автора-повествователя. Время героини отражает ее внутренний мир, не имеет пространственной локализа-

ции и хронологических рамок, метафорично, а возможные изменения носят только духовный и эмоциональный характер.

Несмотря на очевидные отличия граница между временем автора и временем героя в рассказе подвижна, допустимы темпоральные пересечения: свойства времени героя могут быть присущи авторскому времени, и наоборот. Например, читатель воспринимает Эджи Батт глазами автора, которая стремится показать величину личности героини, способной любить и служить высокому искусству. При этом описывая героиню с теплотой и уважением, автор сама демонстрирует тонкость и глубину собственной души. Как и главный герой, она также страстно увлечена театром и Шекспиром (“...*stage-struck, Shakespeare-struck...*”). И эта любовь остается неизменной на протяжении всей жизни (*I felt rather as I had done long ago, when I was eighteen standing in the aisle at the New Theatre, famished, light-headed, looking forward. It was like falling in love*).

Другой пример – в конце рассказа Эджи Бэтт умирает, сближая свое индивидуальное время со временем реальным, где все конечно. Тем не менее, смерть героя сама по себе не является конечной точкой на оси перцептуального времени, т. к. уходит лишь физическое тело, а чувства героя, составляющие основу перцептуального времени и получившие эмоциональный отклик в сердце автора и читателя, продолжают жить дальше. Не зря перцептуальное время называют эмотивным временем [Тураева 1979: 17]. Именно на этом этапе повествования, по-видимому, происходит то, что М. М. Бахтин называет *эстетизацией личности героя*, т. е. закрепление и завершение героини в эстетически значимом образе [Бахтин 2002: 130].

ТЗ – время гения

Время гения в рассказе лишено каких-либо заданных свойств и характеристик, но оно опосредованно программирует время читателя.

Шекспир не является собственно героем произведения. Он стоит *над* другими героями, а тема Шекспира доминирует в рассказе, сплетая все сюжетные нити в единую ткань. Можно утверждать, что Шекспир в рассказе выступает хронотопом, задающим пространственно-временные параметры произведения, с одной стороны, и позволяющим читателю проникнуться замыслом автора, с другой.

Именно на этом уровне, на наш взгляд, устанавливается связь автора и читателя. Шекспир выступает единицей знания и опыта читателя, концептом, благодаря которому происходит общение с читателем и постигается авторский посыл. Автор превращает Шекспира в эстетическое средство – развернутую временную метафору, воплощающую человеческую жизнь и высшие человеческие ценности.

Рассмотренное сложное взаимодействие всех индивидуальных временных систем в рассказе образует исследуемую категорию – художественное время рассказа, которое помогает выстроить диалог писателя и читателя, и раскрыть художественный замысел произведения.

Литература

Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.

Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 8–29.

Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979.

Gardam J. Groundlings // Contemporary British Stories / edited by K. Hewitt. Oxford: Perspective Publications Ltd., 1994. С. 86–100.

N. V. Pitolina (Pskov, Russia)
Pskov State University

TIME IN FICTION AS A MEANS OF TEXT INTERPRETATION

The article explores the category of fiction time and its features. The research is done on the material of a short story “Groundlings” by J. Gardam. The story illustrates a complex interaction of various time-lines – those by an author, by a hero and by a genius that all together help to interpret the literary work and the writer’s message.

Key words: fiction time, time of an author, time of a hero, time of a genius, dialogue.

A. С. Пташкин (Томск, Россия)
*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
cognitionscience@tpu.ru*

ОЦЕНОЧНАЯ ДИКТЕМА И КАТЕГОРИИ (на примере категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ в романе У. Гибсона «Нейромант»)

Цель исследования – выявить особенности языкового выражения физиологической и ментальной составляющих категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ с позиции диктежной теории текста в английском и русском языках на примере романа У. Гибсона «Нейромант». Ментальная единица DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ

представлена как «оценочная категория» и «категория оценочных слов», чьи семантические признаки включены в семантическое поле «оценочной диктемы». Категория DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ впервые исследуется с позиции диктемной теории текста.

Ключевые слова: диктема, категория, концептуальный анализ, оценочный концепт, семантическое поле, девиация.

Концепты объединяются в концептосферы, а также подводят информацию о мире под определенные категории [Блох 2011]. Знания об окружающих нас предметах, явлениях, событиях нам представляет язык, который является одним из способов активации концептов, ментальных единиц в сознании человека. Язык необходим для передачи ментальных единиц в процессе вербального общения [Болдырев 2021: 42]. Концепты нужно опознать, дать им имена и отнести к некому классу, категории согласно собственной языковой картине мира. Концептуальная же картина мира по своей сути является «пропозитивной» [Блох 2016: 20].

Сознание оперирует пропозициями, которые могут быть выражены разными языковыми средствами: одним словом, словосочетаниями или несколькими предложениями.

На уровне текста пропозиция, как речевой акт, является диктемой [Асратян 2020: 65]. Диктема выполняет четыре основные функции: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию. Пропоземы-суждения, посредством диктем-высказываний, складываются в дискурсы. Диктема, таким образом, становится элементарной единицей изучения речевого выражения концептов языка [Блох 2011: 17]. Семантическое поле диктемы включает в себя семантические признаки концептов, которые определяют тематические доминанты выявляемой диктемы [Блох 2014: 77]. В художественном произведении такая диктема является оценочной, поскольку текст отражает индивидуальные способы концептуализации и категоризации.

Оценочные концепты и категории считаются продуктом вторичной интерпретации индивидуумом уже имеющихся знаний о предметах и явлениях. Оценочная концептуализация предполагает и буквальное, физическое восприятие окружающих феноменов в связке с ценностными взглядами в сознании личности. Кроме того, существует категоризация оценочных слов, которую следует отличать от оценочной категоризации. Категоризация оценочных слов предполагает изучение максимально исчерпывающих блоков лексических единиц, которые используются с целью актуализации значений с оценкой явлений определенной «тематической области» [Болдырев 2021: 42]. Языковые средства выражения оценочных концептов и категорий представлены в рамках диктемы или гипердиктемы с помощью сочинительного или разделительного союзов: ... *you wig or something?* (Gibson W. F.

“Neuromancer”) / ... ты дурак или сроду так? (Гибсон У. «Нейромант»).
Здесь и далее – перевод М. А. Пчелинцева.

Концептуальный анализ, включающий данные контекстуального метода, на уровне объединений предложений, представляет языковые средства как компоненты оценочных диктем. Так, в качестве примера, рассмотрим лексемы, устойчивые словосочетания, фразеологизмы, выражающие оценочную категорию DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ в романе «Нейромант» У. Гибсона.

В основе оценочной категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ находятся соответствующие концепты, указывающие на нарушения в работе различных органов человека. Все концепты, в составе категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ, стереотипны. Следует отметить, что языковые средства, выявленные в нижеследующих контекстах в романе «Нейромант» У. Гибсона, также актуализируют оценочные значения. В примерах пропозиции-суждения об отклонениях представлены с отрицательной оценкой: *It's not like I'm using*, *Case heard someone say, as he shouldered his way through the crowd around the door of the Chat. It's like my body's developed this massive drug deficiency* (Gibson W.F. “Neuromancer”) / Разве я употребляю? – услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». – Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность (Гибсон У. «Нейромант»).

Поскольку диктема является топикальной единицей, ключевым признаком для ее выделения в данном случае является присутствие лексических единиц, репрезентирующих одно семантическое поле – отклонение в работе внутренних органов и психическое расстройство: *use, massive drug deficiency, develop*. Лексема *develop* в составе фразеологической единицы *develop massive drug deficiency* актуализирует значение «иметь острую наркотическую зависимость» в прямом переводе. Герой повествования входит в бар и просит налить ему, так в русском языке, через контекст, мы понимаем, что у Кейса еще и проблемы с алкоголем. В данном случае речь идет о категории оценочных слов.

В заглавии к произведению отражена вся трагедия главного персонажа. Автор называет героя *neuromancer*, где *neuro* от древнегреческого «нейрон», а *mancer* – «волшебник». И этот волшебник, в прошлом высококлассный хакер, который легко взламывал системы защиты в киберпространстве, теперь не в состоянии работать как прежде. Заглавие является диктемным именем текста, обладающим различными функциями: аттрактивной, номинативной, но нас особенно интересует концептуально-содержательная функция. Для понимания заглавия необходим макротекст всего произведения, только так можно понять всю содержательную сторону заглавия, точку зрения автора. Поэтому в начале прочтения текста заглавие остается опосредованным от концептуальной стороны произведения.

Как отмечалось ранее, оценочные категории и концепты часто репрезентируются в диктеме с помощью разделительных и сочинительных союзов. В представленном произведении автор активно использует их для оценки общего физиологического и психического состояния героев. Например: *She hunched forward, forearms across her knees, her face twisted for a few seconds with pain or its memory* (Gibson W. F. "Neuromancer") / Линда виновато поникла, ее лицо исказилось то ли от боли, то ли от воспоминания о прошлой боли (Гибсон У. «Нейромант»).

Автор оценивает состояние персонажа, вводит разделительный союз «or», в русском переводе также используется разделительный союз – «то ли – то ли». В рамках данного фрагмента диктемы семантическое пространство категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ представлено лексемой *pain* в составе словосочетания *twist with pain*. Лексема *memory* в рамках данного примера приобретает значение «воспоминание о боли», указывает на физическую боль, как следствие ментальной проблемы у персонажа. Таким образом, ментальная и физиологическая составляющие категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ пересекаются в рамках данного художественного произведения. В большинстве выявленных контекстов наблюдается одинаковая причинно-следственная связь: персонажи страдают от серьезных заболеваний, вызванных употреблением тяжелых наркотиков.

Примечательно, что языковые средства выражения оценочных категорий могут отсутствовать в оригинальном тексте, а появляются лишь в переводе. Таким образом, в исходной диктеме могут присутствовать средства выражения категорий оценочных слов, а в переводной версии уже есть возможность наблюдать оценочные категории. И наоборот. Например: *Screwed up. Freaks like 3Jane* (Gibson W. F. "Neuromancer") / *Уроды. Уроды и извращенцы, вроде три-Джейн* (Гибсон У. «Нейромант»).

В переводе представлен сочинительный союз «и» для оценки действий персонажей. Лексема «урод» репрезентирует не только физическую составляющую категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ, но и ее морально-этическую сферу. Лексема «извращенец» актуализирует прямое значение, указывая на моральные отклонения в действиях героев. В оригинальном тексте фрагмента диктемы категория DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ включает фразовый глагол *screw up* и существительное *freak*. Данные лексические единицы также представлены значениями, характеризующими отклоняющееся поведение. Фразовый глагол *screw up* репрезентирован в данном контексте значением «неуравновешенный». Лексема *freak* приобретает, в силу контекстных условий, значение «человек с извращенным поведением». Выявленные языковые единицы включены нами в ближнюю периферию семантического пространства категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ; они принадлежат к не-

формальному стилю в английском языке. В русском языке лексемы «урод» и «извращенец» также представляют ближнюю периферию семантического пространства исследуемой категории в данном примере. В целом, указанные лексемы могут актуализировать прямые значения, зафиксированные в словарях. В этом случае они также могут относиться к нейтрально-книжному стилю, а значит формировать ядерную область семантического пространства рассматриваемой ментальной единицы.

На структуру категории DEVIATION / ДЕВИАЦИЯ, как и других категорий, влияет личный опыт переводчика, его языковая картина мира. Таким образом, семантическое поле оценочных категорий и концептов это еще и объект исследования в рамках контрастивной лингвистики, где художественный перевод предполагает поиск прямых, векторных соответствий, лагун, но не исключает творческой составляющей процесса. Как отмечалось ранее, категории оценочных слов в переводе могут сформироваться в оценочные категории при поиске соответствий или определенных языковых реалий.

Содержание ядерной области, а также периферий концептов отражает семантика языковых средств, функционирующих в составе диктема, которые являются элементарными единицами речевого выражения категорий.

Концептуальный анализ, учитывающий данные анализа словарных дефиниций и контекстуального метода, помог выявить дополнительные, не зафиксированные в словарях значения языковых средств выражения оценочной категории. Кроме того, данный метод, на уровне нескольких, логически связанных, предложений, позволил представить лексические единицы в качестве компонентов оценочных диктема.

Литература

- Асратян З. Д.* Смыслообразующая роль диктемы в художественном тексте. М.: МПГУ, 2020.
- Блох М. Я., Каиштанова И. И.* Проблема дискурсного выражения концепта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 14–18.
- Блох М. Я.* Семантическое пространство диктемы в тексте фольклорной сказки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 74–84.
- Блох М. Я.* Сознание и менталитет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 18–25.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Гибсон У.* Нейромант / пер. М. А. Пчелинцев. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020.
- Gibson W. F.* Neuromancer. New York: Pinguin Books, 2000.

*A. S. Ptashkin (Tomsk, Russia)
National Research Tomsk Polytechnic University*

**EVALUATIVE DICTEME AND CATEGORIES
(based on the category *DEVIATION*
in W. Gibson's novel "Neuromancer")**

The aim is to reveal peculiar features of linguistic means of expressing *DEVIATION* as the evaluative category from the position of dicteme theory of the text within W. Gibson's "Neuromancer" in English and Russian. The mental unit *DEVIATION* can be represented as an "evaluative category" and "category of evaluative words", whose semantic features are included in the semantic field of the evaluation dicteme. *DEVIATION* is being studied from the standpoint of the dictemic theory of the text for the first time.

Key words: dicteme, category, conceptual analysis, evaluative concept, semantic field, deviation.

*A. Г. Самарина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
stasyasamarina1994@yandex.ru*

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОЙ КОМУНИКАЦИИ
(на материале русскоязычных рекламных объявлений)¹**

Данная статья посвящена изучению эффективной коммуникации в русскоязычных рекламных объявлениях. Бесконфликтная интерпретация лексики формируется при достижении концептуального и языкового взаимодействия между продавцом товара и его покупателем. В результате исследования выявлены языковые средства, способствующие достижению эффективности рекламного объявления.

Ключевые слова: концептуальное взаимодействие, языковое взаимодействие, бесконфликтная интерпретация, эффективная коммуникация, рекламное объявление, языковые средства.

Создание рекламы – очень сложный и трудоемкий процесс, который требует от копирайтера соблюдать определенные правила для достижения эффективной рекламной коммуникации. Прежде всего, любое рекламное

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

сообщение направлено на то, чтобы привлечь потенциальную целевую аудиторию (ЦА), вызвать у нее интерес к товару/услуге, побудить ее к действию – «купить объект рекламы». Если поставленная цель копирайтера достигнута то, можно сказать о том, что рекламная кампания прошла успешно.

Выделяют ряд информационных моделей, направленных на достижение когнитивного, аффективного, суггестивного, конативного воздействий на предполагаемых покупателей. Среди них можно выделить: AIDA (attention, interest, desire, action), ACCA (attention, comprehension, conviction, action), AIDMA (attention, interest, desire, motivation, action) и др. (см.: [Алексенко, Бондаренко 2018]). Стоит отметить, что если копирайтер не учитывает один из необходимых компонентов рекламы, ее эффективность снижается, а это означает, что товар/услугу будет продать сложнее.

Когнитивная основа рекламной коммуникации также формируется посредством ощущений, восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения, эмоций, которые существенно влияют на степень ее восприятия [Коноваленко, Ясин 2016: 71–100].

В данной статье в качестве материала исследования выступают рекламные объявления, которые были созданы непрофессионалами, обычными поль-зователями сети Интернет, которым, вероятно, не знакомы правила создания эффективной рекламы. Поэтому очень важным является определить языковые средства, которые позволяют им достичь концептуального взаимодействия с покупателем.

Прежде, чем перейти к рассмотрению основ бесконфликтной коммуникации в рекламе, важно дать определение понятию «рекламное объявление» и рассмотреть его основные критерии создания.

Рекламное объявление – краткое изложение уникального торгового предложения юридического лица/компании о товаре/услуге, которое направлено на внимание потенциальных покупателей. Ключевыми факторами, влияющие на эффективность реализации сбыта объекта рекламы посредством рекламных объявлений, являются:

- запоминающийся заголовок;
- наличие изображения;
- простота и лаконичность;
- легкость покупки;
- тестирование рекламы;
- стоимость;
- польза продукции;
- отсутствие шаблонов [<https://spravochnick.ru>].

Соблюдение вышеперечисленных компонентов успешной рекламы является неотъемлемой частью формирования бесконфликтной коммуникации.

Согласно Н. Н. Болдыреву, бесконфликтная языковая коммуникация означает эффективное взаимодействие ее участников на концептуальном уровне, что предполагает учет отправителем опыта и знаний получателей [Болдырев 2022: 35]. При взаимодействии людей, их концептуальные системы могут отличаться, например, по составу концептов и категорий, их значимости, по характеру внутренней структуры, межконцептуальных, межкатегориальных связей. Следовательно, эффективность концептуального взаимодействия участников коммуникации определяется речевым взаимодействием в норме [Там же: 32]. На языковом уровне бесконфликтная языковая коммуникация обеспечивается разными языковыми средствами, которые исключают или нейтрализуют потенциально конфликтную интерпретацию языковой семантики [Там же: 35].

При создании рекламных объявлений продавцы б/у товаров стремятся положительно представить объекты рекламы, чтобы потенциальный покупатель не сомневался в их покупке.

Рассмотрим рекламные объявления, в которых представлена категория «личные вещи», взятые на сайте «Авито», и проанализируем, за счет каких языковых средств достигнуто эффективное концептуальное взаимодействие между продавцом и покупателем.

1. *Удобные туфли. Не носятся уже пару лет.*

2. *Желтого очень мало, если некоторые цвета подсохли, их не сложно размягчить. Краски **яркие**, коробка в не очень хорошем состоянии, но цвета **хорошие**.*

3. *Свитер, с **интересными** рукавами. **Симпатичный**, но состояние среднехорошее. Критичных дефектов нет, все носибельно. На 38–40/40–42 размер. **Глубокий** синий цвет.*

4. *Просто **огромный** зонт (24 спицы и 104 см. диаметра) с системой антиветер. Материал **быстросохнущий, водоотталкивающий. Крепкая** конструкция, за исключением стержня. **Рабочий**. Цена договорная.*

В вышеприведенных примерах продавцы заинтересованы в продаже объектов рекламы, поэтому, несмотря на наличие отмеченных недостатков, они стараются представить свой товар в выгодном ракурсе, чтобы достичь концептуального взаимодействия с покупателем и убедить его в покупке рекламируемого объекта. Для этой цели используются слова с **положительной семантикой** (*удобный, яркий, хороший, интересный, симпатичный, глубокий, огромный, быстросохнущий, водоотталкивающий, крепкий, рабочий*), которые не допускают конфликтной интерпретации рекламных объявлений и делают его привлекательным для массовой целевой аудитории.

Однако не всегда рекламное объявление может быть успешным, есть ряд примеров, где присутствует потенциально конфликтная языковая семантика, которую необходимо избегать при создании рекламного объявления,

так как она мешает достигнуть бесконфликтного языкового взаимодействия с покупателем в связи с разными концептуальными системами:

5. *Куртка кожаная женская. Новая. Супермегаоверсайз по мне. Очень теплая, качество пушка.*

6. *Шарф с эмблемой DHL. Качество отличное. Дизайн огонь. Сочетание со многими вещами гардероба. Осталось 5 штук.*

В данных примерах продавец не учитывает возрастные особенности, интеллектуальные и профессиональные знания массовой целевой аудитории, что способствует конфликтной интерпретации языковой семантики.

В рекламном объявлении (5) продавец использует **иноязычное слово** (ср.: супермегаоверсайз), произошедшее от английских слов (ср.: *mega – of the highest level of rank, excellence or importance; super – of high grade or quality; oversize – being of more than standard or ordinary size* [<https://www.merriam-webster.com>]), которое может быть не знакомо людям, не владеющим иностранным языком, что снижает эффективность рекламы.

В рекламном объявлении (6) используется **профессиональная аббревиатура**, которая может быть неизвестна покупателем, не знакомым с деятельностью соответствующей компании (ср.: DNL – международная компания экспресс-доставки грузов и документов, лидер мирового и Российского логистических рынков [<https://ru.wikipedia.org>]).

Кроме того, в примерах (5 и 6) применяется **сленг**, который, прежде всего, ориентирован на молодежную аудиторию, у более возрастной категории людей может возникнуть негодование и непонимание сказанного, что сокращает количество спроса на товар (ср.: пушка, огонь – что-либо, вызывающее сильные эмоции [<https://ru.wiktionary.org>]).

Таким образом, можно сказать о том, что при составлении эффективного рекламного объявления необходимо ориентироваться на целевую аудиторию, учитывать ее возрастные особенности, интеллектуальные и профессиональные знания, чтобы достичь бесконфликтной языковой коммуникации с ними. Для нейтрализации конфликтной интерпретации рекламы б/у товаров используются слова с положительной оценкой, которые помогают продавцу выгодно представить объект рекламы в глазах покупателя и оказать мощное когнитивное воздействие на него с целью приобретения товара, несмотря на наличие явных дефектов.

Литература

Алексенко Е. В., Бондаренко Н. С. Анализ основных моделей процесса рекламного воздействия на потребителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. Вып. № 10–2. С. 13–15.

Болдырев Н. Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 3 (50). С. 31–36.

Коноваленко М. Ю., Ясин М. И. Психология рекламы и PR. Москва: Издательство «Юрайт». 2016.

Справочник от Автор 24. URL: <https://spravochnik.ru> (дата обращения: 26.09.2022).

Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 27.09.2022).

Авито. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 28.09.2022–30.09.2022).

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 29.09.2022).

A. G. Samarina (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

THE CONCEPTUAL AND LANGUAGE INTERACTION AS A BASIS FOR EFFECTIVE COMMUNICATION (based on Russian advertisements)

The article deals with the investigation of the effective communication in the Russian advertisement. Conflict-free interpretation of lexis is formed by the conceptual and language interaction between a seller and a customer. As a result, the linguistic means help to achieve the advertisement effectiveness.

Key words: conceptual interaction, language interaction, conflict-free interpretation, effective communication, advertisement, linguistic means.

Ю. О. Соловьева (*Москва, Россия*)
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
solovieva-julia2009@yandex.ru*

ВИДЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КНИГЕ О ПРАВЕ

Прецедентные тексты играют важную роль в эффективной популяризации специальных знаний, так как позволяют адресанту и адресату, несмотря на большую разницу пресуппозиций, осознавать себя членами одного социума. В статье анализируются виды и источники текстовых реминисценций в современных научно-популярных книгах о праве.

Ключевые слова: прецедентный текст, текстовая реминисценция, научно-популярная книга, право.

Прецедентные тексты (ПТ) как «артефакты культуры» [Слышкин 2000: 63] вызывают большой исследовательский интерес. Ю. Н. Караулов выделяет следующие характеристики ПТ: 1) ПТ значимы для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) ПТ хорошо известны не только отдельно взятой личности, но и ее широкому окружению, включая предшественников и современников; 3) обращение к ПТ неоднократно возобновляется в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2010: 216].

Г. Г. Слышкин относит прецедентный текст к концептам и различает внутритекстовые (название, имена персонажей, сюжетная линия, отрывки, запомненные наизусть) и внетекстовые (историческая ситуация создания текста, отношение к нему со стороны политических институтов, ритуальное использование и т. п.) аспекты прецедентности в составе данного концепта [Слышкин 2000: 63]. По мнению ученого, текстовые реминисценции, выступая в качестве «ассоциативных стимулов», актуализируют концепты ПТ в сознании носителя языка [Там же: 64]. Г. Г. Слышкин выделяет пять основных видов реминисценций, служащих средством апелляции к концептам прецедентных текстов: упоминание, прямая цитация, квазичитация, аллюзия и продолжение [Там же].

Цель данной статьи – рассмотреть виды и источники прецедентных текстов, функционирующих в коммуникативном пространстве книги о праве. В качестве материала исследования послужили книги В. Кизяковского «Занимательное правоведение» (2019) и А. Русаковича «Правоведение для всех» (2017) общим объемом 1 164 страницы.

Проанализируем несколько примеров вышеупомянутых видов текстовых реминисценций. Так, одна из глав в книге А. Русаковича носит название «Уголовное право: преступление и наказание» [Русакович 2017: 415]. В данном примере в качестве средства апелляции к концепту ПТ выступает упоминание. Под упоминанием подразумевается прямое (нетрансформированное) воспроизведение языковой единицы, являющейся именем концепта (название произведения, автор текста, метонимия по принципу «автор вместо произведения») [Слышкин, 2000: 64]. Необходимо упомянуть, что концепт «Преступление и наказание», актуализируемый в сознании носителя упоминанием названия романа Ф. Достоевского, можно по праву отнести не только к национальным, но и универсальным прецедентным феноменам, вышедшим за пределы русской культуры [Неговора, Щитова 2020: 213].

По нашим наблюдениям, наиболее частотным видом текстовых реминисценций в рассмотренных книгах выступает прямая цитация. «Прямая цитация – дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего» [Слышкин, 2000: 65]. Вполне

ожидаемо, что источниками цитат в текстах научно-популярных книг о праве выступают различные юридические документы, а также высказывания известных правоведов, историков и государственных деятелей: *... что ни юрист, то дурак* (М. Н. Мусин-Пушкин, российский общественный деятель, 1847) [Кизяковский 2019: 15]; *Мудрый творит законы, а глупый ограничен ими* (легист Шан Ян, IV в. до н. э.) [Кизяковский 2019: 160]. *<...> Чтобы сильный не обижал слабого <...> чтобы притесненному оказать справедливость, я начертал драгоценные слова на моей стеле <...>* (Законы Хаммурапи, 1750-е гг. до н. э.) [Кизяковский 2019: 155].

«Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (ius). Право получило свое название от «правосудия» (iustitia), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом» (Дигесты Юстиниана, 530–533 гг.) [Кизяковский 2019: 230].

Обращают на себя внимание ярко выраженный аксиологический вектор цитируемых высказываний и их актуальность с точки зрения представлений современного общества. Прежде всего в тексте научно-популярной книги о праве закономерно репрезентируются ключевые концепты юридического дискурса (закон, право, правосудие). Актуализация данных концептов осуществляется в тесной ассоциативной связи с аксиологемами «добро», «мудрость» и «справедливость». Интересно, что отрицательный стереотипный образ юриста по-прежнему существует в языковом сознании представителей российского общества.

Еще одним частотным источником прямого цитирования выступает художественная литература. В анализируемых книгах содержатся текстовые реминисценции как из произведений, признанных шедеврами культурного наследия, так и из произведений современной популярной (массовой) культуры: *Или (это уже из «Собачьего сердца»): «...разруха не в клозетах, а в головах <...> И вот, когда он вылупит из себя мировую революцию, Энгельса и Николая Романова, угнетенных малайцев и тому подобные галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой <...>* [Кизяковский 2019: 23]; *Фрагмент из повести Довлатова «Зона»: <...> «А прокурор – в отказ: «Вы-то – да, а общество простить не может...» Эта цитата дает примерное представление о публичном праве* [Русакович 2017: 80]; *Всю ночь Игорь писал бумаги, и под утро дело достигло объема тома «Большой Советской Энциклопедии». Качество проделанной работы в Главке оценивалось взвешиванием дела на руке начальника, поэтому труд Филатина не должен был пропасть даром* (А. Кивинов «Кошмар на улице Сточек») [Русакович 2017: 388].

По наблюдению Г. Г. Слышкина, для цитации характерна имплицитность, т. е. отсутствие ссылки на источник цитирования [Слышкин, 2000: 65].

Цитация рассматриваемых фрагментов в этом плане характеризуется скорее эксплицитностью. Имена авторов и названия произведений практически всегда сопровождают прямую цитацию, что указывает на отсутствие у обоих авторов научно-популярных книг уверенности в наличии у читателей соответствующих presupпозиций.

При анализе источников прямой цитации в текстах рассматриваемых научно-популярных книг нами также отмечена общая для обоих авторов апелляция к творчеству Михаила Жванецкого, что подтверждает высокий уровень прецедентности текстов известного отечественного сатирика: *Юридически правильное отношение к документам лучше всего выразил Михаил Жванецкий: «Некоторые издеваются: справки – это все, что ты накопил к старости? – Все! Причем это копии. Оригиналы закопаны в таком месте, что я спокоен»* [Русакович 2017: 324]; *В одном из сюжетов М. М. Жванецкого российское общество сравнивалось с несущимся неизвестно куда табуном лошадей. Вожак, как полагается, впереди, и вдруг они закричали: «Не туда бежим! Надо в другую сторону!» Табун разворачивается и несется в противоположном направлении, а вожак каким-то непостижимым образом опять оказываются впереди табуна...* [Кизяковский 2019: 27].

Интересным видом текстовых реминисценций выступает аллюзия, заключающаяся в соотношении предмета общения с некоей ситуацией или событием без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части [Слышкин, 2000: 66]. Пример подобной аллюзии содержится в шуточном названии одной из глав в книге А. Русаковича: *«Административное право: без бумажки ты букашка»*. В рамках данной аллюзии воспроизводится строка из знаменитой «Песенки бюрократа» (1931), написанной советским поэтом В. И. Лебедевым-Кумачом на музыку композитора К. Листова. Проблематика песни (бюрократия, бумажная волокита) перекликается с ироничным содержанием приведенных ранее монолога М. Жванецкого и эпизода из повести А. Кивинова (на основе которой был написан сценарий популярного сериала «Улицы разбитых фонарей»). Таким образом, мы видим, как актуальная для российского общества проблема находит отражение в разных видах текстовых реминисценций, функционирующих в текстах научно-популярных книг правовой тематики.

Наконец, еще одним распространенным видом текстовых реминисценций в рассматриваемых научно-популярных книгах выступает квазичитация, т. е. «воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в умышленно изменённом виде» [Слышкин 2000: 65]. Так, глава об основных понятиях и принципах уголовного судопроизводства в книге А. Русаковича носит ироничное название *«Уголовный процесс: то, что вы на свободе – не ваша заслуга, а наша недоработка»* [Русакович 2017: 418].

Данная реминисценция является трансформацией ставшей крылатой фразы основателя и руководителя ВЧК Ф. Э. Дзержинского: «Отсутствие у вас судимости – это не ваша заслуга, а наша недоработка». Очень важное значение для понимания смысла данного ПТ имеет внетекстовый аспект. Отрицательное отношение граждан к упомянутому государственному органу, проводившему карательную политику, существенно усиливает эффект квазицитаты, в которой подвергается критике обвинительный уклон российского правосудия.

Таким образом, текстовые реминисценции разных видов, функционирующие в современных научно-популярных книгах о праве, позволяют актуализировать уже имеющиеся в сознании носителей русской лингвокультуры концепты ПТ, а также эффективно расширять объем фоновых знаний адресатов, интересующихся вопросами права. Основными источниками ПТ выступают значимые юридические документы, высказывания историков и правоведов, а также произведения литературы. Большинство описываемых ПТ принадлежит к социумному и национальному уровням прецедентности.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010.

Кизяковский В. Занимательное правоведение. М: ООО «Центр полиграфических услуг» «Радуга», 2019.

Неговора Н. А., Щитова Н. Г. Особенности классификации прецедентных феноменов // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2020. № 1. С. 209–214.

Русакович А. Правоведение для всех. М.: Издатель Русакович А. А., 2017.

Слышкин Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет, 2000. С. 62–68.

***Yu. O. Solovyeva** (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

TYPES OF PRECEDENT TEXTS IN A POPULAR SCIENCE BOOK ON LAW

Precedent texts play a major role in the popularization of law as they enable the addresser and the addressee to identify themselves as members of the same society despite the big difference in their presupposition levels. Types and sources of such precedent texts in a law-related book are analyzed.

Key words: precedent text, textual reminiscence, popular science book, law.

А. Н. Степанова (Екатеринбург, Россия)
*Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б. Н. Ельцина
stepanovaalena@yandex.ru*

**ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ
(на материале эмотивной лексики в НКРЯ)**

Парадокс рассматривается в аспекте современных подходов к изучению языка, что позволяет расширить представление о парадоксе и его функциях в тексте и речи. Парадоксальные высказывания с эмотивной семантикой, извлеченные из поэтического корпуса НКРЯ, анализируются с когнитивной точки зрения как способ выражения нового знания о той или иной эмоции.

Ключевые слова: парадокс, эмотивная лексика, Национальный корпус русского языка, поэтическая речь, когнитивная лингвистика.

В статье предлагается взгляд на парадокс с точки зрения актуальных подходов к изучению языка. Традиционным для лингвистики является представление о парадоксе как о стилистической категории, в соответствии с которым он рассматривается как выразительное средство, направленное на то, чтобы привлечь внимание читателя очевидным противоречием, вовлечь его в языковую игру, вызвать комический эффект. Нам представляется, что подобный взгляд на явление парадокса неоправданно сужает его значение как в поэзии, так и в речи в целом. Так, М. В. Ляпон указывает на недостаточность исключительно стилистического подхода к данному явлению: «Парадокс есть ментальная потребность языковой личности, и изучение семантики парадокса не может быть продуктивным без пристального внимания к психологической стороне его сущности» [Ляпон 2001: 91]. Рассмотрение парадокса в аспекте когнитивного подхода позволяет расширить представление о парадоксе и его функциях в тексте и речи.

Когнитивный подход направлен на то, чтобы «выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире» [Демьянков 1994: 20]. Применение данного подхода к языку предполагает его рассмотрение как способа получения знаний о мире и средства выражения этих знаний. Парадокс же, содержащий в себе противоречие, способен выражать знания о противоречивых, сложных явлениях действительности, в том числе связанных с внутренним

миром человека. Материалом для исследования такого парадокса может служить поэтический текст, поскольку когнитивный подход фокусируется «не только на коллективном, но и на индивидуальном знании отдельных говорящих» [Болдырев 2014: 10].

Парадоксальные высказывания удобно рассматривать на материале лексики, относящейся к сфере эмоций, поскольку «семантическое пространство языка не покрывает полностью отражаемый мир эмоций, и его эмотивный потенциал исчерпывается, как только объектом вербализации выступают явления, отражающие естественную психодейтельность человека во всей ее сложности, гибкости и разнообразии оттенков» [Ионова, Штеба 2019: 65]. Кроме того, с одной стороны, обнаруживается довольно четкое деление эмоциональных переживаний на положительные и отрицательные, с другой – можно говорить о недифференцированности внутренних переживаний, поскольку «большая часть эмоциональных переживаний функционально не является автономной, а существует в потоке других переживаний, во взаимодействии с ними» [Ионова, Штеба 2019: 69]. Это обеспечивает почву для парадоксальных высказываний, основанных на соединении противоположных эмоций. Примеры подобных высказываний можно обнаружить в Поэтическом корпусе.

При совмещении противоположных эмоций в поэтическом тексте возможны различные модели их взаимодействия и, соответственно, различные способы разрешения парадокса. Вероятно, здесь было бы точнее говорить об интерпретации парадокса, чем о его разрешении, поскольку не всегда исходное противоречие окончательно разрешается. Чаще всего интерпретация такого парадокса осуществляется в духе гегелевской триады «тезис-антитезис-синтез», когда из двух противоположных (обычно с точки зрения оценки) эмоций рождается третья, носящая смешанный, комплексный характер и сочетающая в себе когнитивные признаки как первой, так и второй эмоции. Показателем может служить лексика со значением совместности, например:

Расплавяйся в слезах и в бесформенный сплав
превращайся – любви и тоски.

(Б. Рыжий)

В стихотворении Б. Рыжего *тоска и любовь*, противопоставленные с точки зрения положительной и отрицательной оценки, соединяясь, образуют сложное, внутренне противоречивое переживание. При этом результат соединения данных эмоций характеризуется как *бесформенный сплав*, что указывает на сложный характер их взаимодействия.

Подобная ситуация наблюдается и в ряде парадоксальных конструкций, где одна эмоция выступает как основная, а вторая служит ее характеристикой:

Есть в мартовской понурости берез
особое уныние пред-счастья.

(Б. Ахмадулина)

В стихотворении Б. Ахмадулиной авторский окказионализм *пред-счастье* позволяет говорить о соединении трех эмоций – уныния, счастья и ожидания/предвкушения – в комплексное полиэмотивное переживание.

Парадокс может также передавать представление о том, что между противоположными с точки зрения оценки эмоциями на самом деле наблюдается больше сходств, чем отличий, так что на определенном этапе они оказываются почти неразличимыми. Возможны два варианта такого взаимодействия: либо на первый план выходит интенсивность эмоций, за счет чего их оценка оказывается на заднем плане, либо, напротив, их воздействие настолько ослабевает, что разница между противоположными эмоциями становится несущественной. Пример первому можно увидеть в стихотворении А. Хвостенко, где противоположные, но равные по интенсивности эмоции оказывают одинаковое воздействие на человека:

Повторим то, что сказано вчера:
Мы умерли от радости и горя!

(А. Хвостенко)

Обратная ситуация обнаруживается в стихотворении Б. Нарциссова, в котором ощущение, что все в мире преходяще, снимает парадоксальное противоречие и делает возможным сближение счастья и несчастья. Дополнительным показателем неразличимости этих эмоций в стихотворении служит их соединение в сложное существительное:

Все опадает, как в осень листва, –
Счастье-несчастье, дела и слова.

(Б. Нарциссов)

Интересны также случаи, где парадоксальность привносится за счет нестандартного источника эмоции. Так, например, в стихотворении А. Кушнера счастье и несчастье оказываются неразрывно связаны, поскольку ситуация, в которой герой ощущает себя несчастным, осмыслиется им как счастье:

Быть нелюбимым! боже мой!
Какое счастье быть несчастным!
Идти под дождиком домой
С лицом потерянным и красным.
(А. Кушнер)

Сближение противоположных эмоций оказывается также возможным при приписывании им общего когнитивного признака. Подобным образом в стихотворении М. Волошина устанавливается парадоксальное тождество печали и радости, причем печаль признается высшей степенью радости:

Нет в мире радости светлее, чем печаль!
(М. Волошин)

Возможность сближения различных эмоций обуславливает также динамический характер эмоциональных переживаний, их изменчивость, заключающаяся в том числе в возможности одной эмоции превращаться в другую, как в стихотворении С. Кековой:

Но этих черт не исказит
глухая жажда обладанья,
а смерть навек преобразит
в любовь энергию страданья.
(С. Кекова)

Помимо парадоксального сближения различных и противоположных эмоций возможны контексты, где какая-либо эмоция оказывается не тождественной самой себе, например: *Печаль не кажется печальной* (М. Кузмин); *Да и счастье – не счастье, и долго // Продолжаться не может оно* (Н. Глазков). Подобная ситуация наблюдается и в стихотворении Б. Рыжого, где *покой* не в полной мере оказывается покоем, а *счастье* – счастьем:

И беспокоен мой покой,
и счастье счастья не приносит.
(Б. Рыжий)

Представляется, что интерпретация подобного парадокса требует уточнения представлений о том, что такое *покой* и *счастье*, «реконструкции» авторского представления о них. Можно предположить, что *покой* и *счастье*

рассматриваются здесь двойко: данные эмоции, взятые отвлеченно, предстают как нечто завершенное и окончательное, статичное, тогда как в реальной жизни любые эмоциональные переживания носят динамичный, изменчивый характер.

Таким образом, парадокс в когнитивном аспекте предстает как средство выражения знаний о мире, в том числе о мире эмоциональных переживаний. С помощью парадокса возможно выразить внутренне противоречивое знание, не укладывающееся в рамки общеязыковых концептов и категорий. С этой точки зрения в поэтической речи, с одной стороны, обнаруживается парадоксальное сближение противоположных эмоций, с другой – парадоксальная «дифференциация», когда эмоция оказывается не тождественной самой себе.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–77.

Ляпон М. В. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 90–106.

Поэтический корпус // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html#> (дата обращения: 25.01.2023).

A. N. Stepanova (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

PARADOXICAL STATEMENTS IN POETIC SPEECH IN THE COGNITIVE ASPECT (based on emotive vocabulary in Russian National Corpus)

The paradox is considered in the aspect of modern approaches to language learning, which makes it possible to broaden the idea of the paradox and its functions in text and speech. Paradoxical statements with emotive semantics elicited from the poetic subcorpus of the Russian National Corpus are analyzed in the cognitive aspect as a way of expressing new knowledge about emotions.

Key words: paradox, emotive vocabulary, Russian National Corpus, poetic speech, cognitive linguistics.

Сунь Сяоли (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
Sunxiaoli_smile@163.com

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
РУССКИХ РЕФЛЕКСИВОВ,
ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛИ <ИЛИ КАК...>,
В ТЕКСТАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В речи персонажей литературных произведений, имитирующей живую разговорную речь, часто встречаются прагматические маркеры. В статье рассматриваются маркеры-рефлексивы, построенные по модели <или как...>, в текстах Ф. М. Достоевского и способы их перевода на китайский Цзан Чжунлуном. Анализ показал большой спектр функциональных эквивалентов, использованных переводчиком для воссоздания коммуникативной специфики оригинала.

Ключевые слова: прагматический маркер, рефлексив, художественный перевод, имитация живой речи, функциональная эквивалентность.

Прагматикализация – это процесс перехода на коммуникативно-прагматический уровень языка в устной речи определенных лексико-грамматических форм, которые в результате становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [Graf 2011: 296]. Именно в ходе этого активного процесса образуется новая функциональная единица, именуемая в настоящем исследовании *прагматическим маркером* (ПМ). Одним из классов таких единиц устной речи являются *маркеры-рефлексивы*, которые «выражают реакцию говорящего на собственное речевое поведение, в частности, на произведенный гезитационный поиск, а также оценку степени адекватности найденной единицы изначальному намерению» [Богданова-Бегларян 2021: 28].

По мнению многих исследователей, «художественный диалог во многом близок разговорной речи, поскольку писатели средствами письменной речи создают впечатление речи устной, спонтанной, протекающей в условиях непосредственного общения» [Полищук, Сиротинина 1979: 188]. Т. Г. Винокур подчеркивает, что «опытный автор способен создать воспроизведение разговорной речи настолько близко к оригиналу, что даже искусственные исследователи-лингвисты (а тем более читатели и зрители) принимают время от времени это произведение за копию» [Винокур 1993: 34–35]. В речи персонажей художественных произведений, имитиру-

ющей живую разговорную речь, сохраняются индивидуальные и стилистические особенности говорящего (иногда даже самого автора-рассказчика): диалектные черты, обрывы, повторы, вербализованные паузы хезитации, вокализации и т. п.

Е. Ю. Викторова в своем исследовании по дискурсивам, во многом близким прагматическим маркерам, высказала следующую мысль: «дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление» [Викторова 2014: 10]. В большинстве своем такие единицы бывают «непереводимыми» по той причине, что в другом языке редко встречаются их точные эквиваленты. Применение результатов анализа русских ПМ пока не получило широкого распространения в переводоведении, в чем видится перспектива данного направления. Настоящая работа посвящена способам перевода ПМ-рефлективов, построенных по модели <или как...>, в текстах Ф. М. Достоевского на китайский язык.

Материалом для анализа послужили 5 контекстов из романа «Бесы», 2 – из «Подростка», 5 – из «Братьев Карамазовых» и 1 контекст из «Преступления и наказания», содержащие в целом 10 вариантов рефлексива *или как там*, 3 употребления *или как (его, их)* и 2 – *или как это там*, а также параллельные переводы этих текстов, выполненные авторитетным китайским переводчиком Цзан Чжунлунем.

1. *Приближаются ваши немощи, а она вас укроет, или как там... Ma foi, я и сам, всё это время с вами сидя, думал про себя, что провидение посылает ее на склоне бурных дней моих и что она меня укроет, или как там... enfin, понадобится в хозяйстве.*

您的身体日益虚弱，而她可以照料您的起居，**或者诸如此类的事**.....真的，当我跟您一起坐在这里的时候，我一直在暗自寻思，是上帝在我动荡不宁的一生的晚年把她派来的，她可以照料我的起居，**或者诸如此类的事**.....最后，家务也得有人照料。

2. *Вы начальник, вы сила; я у вас только сбоку буду, секретарем. Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна... или как там у них, черт, поется в этой песне...*

“您是头目，您是力量；我只是为您敲敲边鼓，给您当个秘书。您知道，我们将坐上一艘大船，槭木做的船桨，丝绸做的船帆，船尾坐着美丽的姑娘，可爱的莉莎维塔尼古拉耶夫娜.....见鬼，谁知道他们在这支歌里是怎么唱的.....”

В примере (1) видим рефлексию говорящего на высказанное утверждение (*она вас укроет, она меня укроет*): фраза сказана, но говорящий остается в состоянии неуверенности в ее адекватности коммуника-

тивному намерению и вербализует свое отношение «отстраненности» от сказанного, используя рефлексив *или как там*. Обе конструкции были переведены как полнозначное выражение с похожей функцией «отстраненности»: 或者诸如此类的事 *хо чжэ чжу жу цы лэй дэ ши* ‘или что-то вроде того’. В примере (2) налицо расширенная форма рефлексива *или как там* – *или как там у них*. В данном случае говорящий выражает сомнение в правильности припоминания текста песни. Этот рефлексив переводчик не перевел вовсе.

3. *Послушай, этот хозяин, Ипполит, или как его, он... не доктор?*

我说, 这房东, 伊波利特, 或者, 他叫什么来着, 他.....不是大夫吗?

В примере (3) Ф. М. Достоевский использовал ПМ-рефлексив *или как его* после имени *Ипполит*, выражая неуверенность персонажа в том, что имя названо правильно. Цзан Чжунлунь снова перевел данный ПМ как полнозначное выражение с аналогичной функцией 或者, 他叫什么来着 *хо чжэ, та цзяо шэнь мэ лай чжэ* ‘или как его зовут’.

4. *И чудесно! «Будем пить и наслаждаться...» или как это там, есть такие стихи. Анна Андреевна, дайте ему чаю, il prend toujours par les sentiments... дайте нам чаю, милая.*

“太好了! ‘让我们痛饮与享受.....’或者, 这是怎么说来着, 有这么一首诗。安娜·安德烈耶芙娜, 给他斟杯茶, *il prend toujours par les sentiments.....*给我们斟杯茶, 亲爱的。”

В примере (4) можно видеть еще одну расширенную структуру ПМ-рефлексива *или как это* – за счет слова *там* (можно рассматривать данную единицу как комбинацию (гибрид) двух синонимичных (однофункциональных) рефлексивов: *или как это* и *или как там*; подробнее см.: [Прагматические маркеры... 2021: 200–201]). Переводчик перевел *или как это там* как китайский рефлексив 或者, 这是怎么说来着 *хо чжэ, чжэ ши цзэнь мэ шо лай чжэ* ‘или как это сказать’.

5. *Я там вам у нотариуса, что ли, или как там... Одним словом, я готов на все, выдам все документы, какие потребуе, все подпишу...*

以后我可以去找公证人, 给您, 怎么说呢, 或者随便干什么吧.....一句话, 干什么我都同意, 我可以立您要我立的一切字据, 一切我都可以签字.....

6. *Постойте, как это:*

Эта ножка, эта ножка

Разболелася немножко...

– *или как там, – вот никак не могу стихов запомнить, – у меня тут лежат, – ну я вам потом покажу, только прелесть, прелесть, и, знаете, не об одной только ножке, а и нравоучительное, с прелестною идеей, только я ее забыла, одним словом, прямо в альбом.*

请稍候，这首诗是这样写的：

这只秀足呀秀足，
疼得我茶饭不思，
心猿意马……

下面还有话，这首诗总也记不住，就在我屋里放着，我以后拿给您看，不过写得太美了，简直美极了，而且，您知道吗，这不仅写脚，而且劝人为善，立意极美，不过我忘了，一句话，简直可以收进诗集。

В примерах (5) (6) Ф. М. Достоевский употребил ПМ-рефлексив *или как там*, выражая неуверенность персонажа в правильности сказанного (5) и в точности процитированного стихотворения (6). В примере (5) сомнение персонажа выражается не только маркером-рефлексивом, но и с помощью частицы *что ли* (подчеркнута) (см. подробнее о специфике данной единицы в русской разговорной речи: [Богданова-Бегларян 2016]). Затруднение в припоминании стихов очевидно еще и из подчеркнутой фразы в примере (6). В примере (5) переводчик перевел *что ли* как *怎么说呢 цзэнь мэ шо нэ* ‘как сказать’, *или как там* как *或者随便干什么吧 хо чжэ суй бянь гань шэнь мэ ба* ‘или что-нибудь делать вам’. В примере (6) маркер *или как там* был переведен как значимые единицы (фактически – предложение) – *下面还有话 ся мянь хай ю хуа* ‘еще строчки’.

Количественное соотношение четырех использованных способов перевода оказалось следующим (расположено в порядке убывания распространенности):

1) замена ПМ-рефлекси́ва полнозначимым выражением с похожей функцией (8 случаев; 53,3%): *или как там* → *或者诸如此类的事 хо чжэ чжу жу цы лэй дэ ши* ‘или что-то вроде того’; *или как его* → *或者，他叫什么来着 хо чжэ, та цзяо шэнь мэ лай чжэ* ‘или как его зовут’ и др.;

2) аналогичный китайский ПМ-рефлексив (3; 20,0%): *или как это там* → *或者，这是怎么说来着 хо чжэ, чжэ ши цзэнь мэ шо лай чжэ* или *或者这话是怎么说来着 хо чжэ чжэ хуа ши цзэнь мэ шо лай чжэ* ‘или как это сказать’; *или как там* → *或者，怎么说呢 хо чжэ, цзэнь мэ шо нэ* ‘или как сказать’;

3) замена ПМ-рефлекси́ва значимыми единицами с другой функцией (2; 13,3%): *или как там* → *或者随便干什么吧 хо чжэ суй бянь гань шэнь мэ ба* ‘или что-нибудь делать вам’ и *下面还有话 ся мянь хай ю хуа* ‘еще строчки’;

4) прием опущения (2; 13,3%).

Несовпадение в системе и норме русского и китайского языков составляет большую трудность для переводчика при установлении эквивалентных отношений на лексико-грамматическом и прагматическом уровнях. Как опытный переводчик Цзан Чжунлунь в большинстве случаев отчетливо ощущает функции ПМ-рефлекси́вов в оригинальных текстах и передает их в переводе разными способами. Для перевода исследуемых маркеров-рефлекси́вов

им были подобраны функциональные эквиваленты, что позволило сохранить коммуникативную специфику оригинала. При помощи языковых трансформаций достигается функциональная эквивалентность в переводе.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. ЧТО ЛИ в русской разговорной речи: функционально-семантические возможности прагматемы // ART SANAT. Special Issue of the International Virtual Forum – Istanbul 2016: Humanitarian Aspects in Geocultural Space. Стамбул: TÜBİTAK-ULAKBİM Dergi Park Açık Dergi Sistemleri Journal Park Open Journal Systems, 2016. P. 183–189.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор пред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. Т. 14. Вып. 1. 2014. С. 10–15.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика: сб. статей / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1979. С. 188–199.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / сост., отв. ред. и автор пред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main: Lang corp., 2011. 328 p.

Sun Xiaoli (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

THE SPECIFICITY OF TRANSLATION INTO CHINESE OF RUSSIAN REFLEXIVES BUILT ACCORDING TO THE MODEL <ILI KAK> IN THE TEXTS OF F. M. DOSTOYEVSKY

In the speech of the characters of literary works, imitating live colloquial speech, pragmatic markers are often found. The article deals with reflexive markers constructed according to the <ili kak...> model in the texts of F. M. Dostoevsky and ways of their translation into Chinese by Zang Zhonglun. The analysis showed a wide range of functional equivalents used by the translator to recreate the communicative specificity of the original.

Key words: pragmatic marker, reflexive, literary translation, imitation of living speech, functional equivalence.

Н. С. Татаринцев, Ю. Г. Тимралиева

(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный

экономический университет

darion317@gmail.com, juliati@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗАХ УЖАСОВ К. БАРКЕРА

Статья посвящена рассмотрению пространства в рассказах ужасов британского писателя К. Баркера. В статье определяется роль художественного пространства в языковой картине мира автора, выявляются ключевые маркеры пространственного моделирования. Актуальность исследования связана с возрастающим интересом к способам и средствам концептуализации действительности в художественном тексте, к проблемам художественного жанра и к специфике авторского идиостиля.

Ключевые слова: пространство, локус, литература ужасов, Клайв Баркер.

Клайв Баркер (*Clive Barker*) – британский писатель, драматург, режиссёр сегодня по праву причисляется к ведущим мастерам слова, работающим в жанре литературы ужасов. Фокусируясь на острых проблемах современности, он вводит в бытовую жизнь персонажей сюрреалистичные и фантастические образы, создавая свой собственный узнаваемый авторский мир, основанный на смешении повседневного и потустороннего. Имя К. Баркера стало широко известно после выхода сборника рассказов ужасов под названием «Книги крови» (*Books of Blood*) (1984–1985) [Sorcha 2017]. Материалом данного исследования послужили следующие произведения автора: “The Midnight Meat Train”, “The Life of Death”, “The Forbidden”, “Son of Celluloid”, “Dread”.

Категория пространства, будучи одной из базовых онтологических категорий, занимает особое место в современных филологических исследованиях. Выступая важнейшим звеном языковой картины мира, пространство наряду со временем представляет своего рода сетку координат, посредством которых люди воспринимают и осознают мир и строят его образ. Категорию пространства в художественных произведениях исследовали такие отечественные ученые, как М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, И. Р. Гальперин, Д. С. Лихачев и многие другие. Ю. М. Лотман рассматривает художественное пространство не просто «континуумом, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [Лотман 1997: 627], а «авторской моделью мира, выраженной на языке его пространственных представлений» [Там же: 622]. Через пространство автор моделирует различные отношения и может накла-

дывать на пространственные категории дополнительные смыслы. В данной статье определяются ключевые маркеры пространственного моделирования в языковой картине мира К. Баркера.

Пространство в рассказах К. Баркера характеризуется множественностью локусов, большая часть которых обладает выраженным урбанистическим характером. В каждом рассказе К. Баркера четко выделяется некий ядерный локус, имеющий особое эмоциональное значение для протагониста произведения. Если ядерный локус, как правило, описывается достаточно подробно, насыщаясь всевозможными деталями объективного и субъективного толка, то периферийные локусы представлены краткими описаниями.

Для вербализации бытового пространства автор часто прибегает к использованию различных топонимов. В текстах рассказов регулярно встречаются названия городов, улиц, районов, жилых комплексов – как вымышленных, так и реальных. Так, рассказ “The Midnight Meat Train” начинается с представления Нью-Йорка как одного из героев произведения: *But that was when he'd lived in Atlanta, and New York was still a kind of promised land, where anything and everything was possible.* (Barker C. The Midnight Meat Train). Иногда тот или иной город не называется прямо, но косвенно на него указывают те или иные топонимические единицы. Например, в рассказе “The Life of Death” рассказчик упоминает атаки животных на людей в Эппинге и убийства в Клапеме. Информация появляется в тексте в виде газетных новостей, которые читает героиня рассказа. Поскольку лесной массив Эппинг (Epping Forest) простирается от севера-востока Лондона до города Эппини, а Клапем (Clapham) является районом на юго-западе Лондона, у читателя не остается сомнений, где разворачиваются события данного рассказа.

По признанию самого писателя, сочетая в своем творчестве элементы «фэнтези» и «ужаса», он обращается также к жанру готического романа, подстраивая традиционные готические образы под современные реалии, трансформируя «старую готику» в «новую готику»: «Я думаю, что в некотором роде, я пишу Новую Готику. Мои персонажи склоняются к тем маргиналам, чужакам, безумцам и гиперсексуальным мечтателям, что блуждают по готическим романам, вытворяя друг с другом невыразимые вещи» [<http://www.clivebarker.info/writingstyle.html>]. Современное готическое пространство отодвигает замки и родовые поместья на задний план, фокусируясь на изображении городской среды. Именно пространства мегаполиса, прежде всего места, отражающие его неприглядные стороны – покинутые улицы, обветшалые здания, заброшенные территории – становятся в рассказах Баркера идеальным ландшафтом для реализации человеческих конфликтов. Подобные городские пространства, лишенные признаков цивилизованности, фиксирующей определенный уровень нравственной и бытовой культуры,

представляются читателям «объектами террора и ужаса», обнажающими «изнанку общественной психики внутри социальной системы» [Morgan 2002]. Многие из районов и зданий, к которым обращается автор, можно охарактеризовать как «современные руины», представляющие собой результат ошибок проектирования, произошедших катастроф или острых социальных конфликтов. Образ подобных руин в литературе часто лишён семантики «древности», свойственной руинам замков и родовых поместий; современные руины символизируют состояние социума, представляя собой изолируемые и редко посещаемые обществом места (см.: [Федоров, Скибина 2012]). Их появление можно зафиксировать в различных рассказах автора: *Most of the houses were already rubble. A few were in the process of being knocked down. Their inside walls were unnaturally exposed; pink and pale green wallpapers, fireplaces on upper storeys hanging over chasms of smoking brick.* (Barker C. Dread) *Lamps had been shattered and back-yard fences overthrown; cars whose wheels and engines had been removed and chassis then burned, blocked garage facilities. In one courtyard three or four ground-floor maisonettes had been entirely gutted by fire, their windows and doors boarded up with planks and corrugated iron.* (Barker C. The Forbidden) *Fewer and fewer kids came this way to spend their money: there were new spots to hit, new places to be seen in. The bars closed up, the restaurants followed. Only the Movie Palace remained as a token reminder of more innocent days in a district that was becoming tackier and more dangerous every year.* (Barker C. Son of Celluloid)

В рассказе “The Forbidden” местом действия является заброшенный район города, где проживает малоимущее население. По признанию самого автора, речь идет о его родном городе Ливерпуле. Рассказ был опубликован в 1985 году, спустя шесть лет после избрания на пост премьер-министра М. Тэтчер, предпринявшей ряд масштабных социальных и экономических реформ, и через четыре года после беспорядков в Токстете, одном из центральных районов Ливерпуля. Ядерным локусом рассказа является жилищный комплекс «Спектор Стрит» (Spector Street Estate). Возведённые в рамках комплексного проекта постройки обладали идеальной геометрией и некогда являлись ярким образцом современной индустриализации: *Like a flawless tragedy, the elegance of which structure is lost upon those suffering in it, the perfect geometry of the Spector Street Estate was only visible from the air.* (Barker C. The Forbidden) Однако очень скоро городские власти потеряли интерес к комплексу, в результате чего здания пришли в упадок и регулярно подвергаются нападкам со стороны вандалов: *It was difficult to believe, staring at the multiple layers of designs, names, obscenities, and dogmas that were scrawled and sprayed on every available brick, that Spector Street was barely three and a half years old.* (Barker C. The Forbidden) Говорящим является само

название комплекса, представляющее собой трансформацию британской лексемы *spectre*, наряду со значением «спектр» обладающей значениями «призрак», «фантом», «привидение», «угроза» [Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/spectre>]. В результате название жилого комплекса вызывает определенный круг ассоциаций и способствует его мифологизации, которая подпитывается легендами о жестоком Кэндимене и поддерживается таинственными историями местных жителей о происходящих здесь преступлениях: ...*The police will leave, the cameras will be pointed at some fresh horror, and they will be left alone, to tell stories of the Candyman again <...> There was some talk I heard. An old man, and his dog. He was battered to death, and the dog ended up...* (Barker C. *The Forbidden*)

Таким образом, категория пространства играет в рассказах ужасов К. Баркера важную роль, не только выступая адекватным фоном для разворачивающихся в данном пространстве событий, но и оказывая на них самое непосредственное влияние. Важной особенностью представления пространства является совмещение объективного, проявляющегося в подробном описании места действия, в активном использовании топонимов и лексических единиц с семантикой локальности, и субъективного, основанного на эмоциональном восприятии пространства героем/ рассказчиком и задаваемого обилием оценочной и перцептивной лексики, вербализующей большой спектр тревожных состояний. В качестве ядерного локуса, выделяемого в каждом рассказе, чаще всего выступает некое заброшенное городское пространство. Презентуемое как лишенное признаков цивилизованности, покинутое, маргинальное, опасное, оно служит идеальным фоном для реализации мотивов «изоляция», «упадок», «смерть».

Литература

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 621–658.

Федоров В. В., Скибина Е. В. Феномен архитектурных руин // Вестник Московского государственного строительного университета. 2013. № 8. С. 7–13.

Cambridge Dictionary Spectre. In Cambridge dictionary. Cambridge University Press. (n. d.). URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/spectre>

Morgan J. *The biology of horror: Gothic literature and film* // Southern Illinois University Press, 2002.

Sorcha N. F. Barker, Clive (1952-) // *Horror literature through history: an encyclopedia of the stories that speak to our deepest fears* / Matt Cardin, editor. // Santa Barbara, California: Greenwood, 2017.

Stokes P., Stokes S. *The official Clive Barker website revelations – writing style*. URL: <http://www.clivebarker.info/writingstyle.html>

N. S. Tatarintsev, J. G. Timralieva

(St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics

REPRESENTATION OF SPACE IN C. BARKER'S HORROR STORIES

The article is devoted to the consideration of space in the horror stories of the British writer C. Barker. The article defines the role of artistic space in the linguistic picture of the author's world, identifies the key markers of spatial modeling. The relevance of the study is associated with the growing interest in the ways and means of conceptualizing reality in a literary text, in the problems of the artistic genre and in the specifics of the author's idiosyncrasy.

Key words: space, locus, horror literature, Clive Barker.

T. P. Tuguz (Belgorod, Russia)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

tuguz@bsu.edu.ru

СПЕЙСЕМЫ КАК МАРКЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОНОВОМ ТЕРМИНАЛЕ КОГНИТИВНОЙ СЦЕНЫ (на материале произведения Г. Джеймса «Бостонцы»)

Данная работа посвящена исследованию проксема, формирующих художественное пространство в романе Г. Джеймса «Бостонцы». Выявлены основные тенденции при построении фонового терминала в когнитивных сценах. Определяются особенности спейсэма – слов и словосочетаний, обозначающих местонахождение предмета или месторасположение человека в пространстве.

Ключевые слова: художественный текст, художественное пространство, спейсэма, проксема, когнитивная сцена, информационный терминал, фоновый терминал.

Исследование художественного текста является одним из актуальных вопросов современной лингвистики. Данная проблема в настоящее время находится в центре внимания многих лингвистов.

Существуют различные определения термина «текст». Например, И. Р. Гальперин считает, что текст – это «сообщение, объективированное

в виде письменного документа», которое состоит из «ряда высказываний», объединенных различными типами связи [Гальперин 2020: 18–19].

По мнению Е. А. Огневой и Ю. А. Кузьминых, текст – это «комплексное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера» [Огнева, Кузьминых 2014: 5].

Н. Ф. Алефиренко рассматривает текст как «целостное коммуникативное образование», компоненты которого представляют собой «единую иерархическую семантическую структуру» [Алефиренко 2005: 303].

Согласно определению Е. С. Кубряковой, текст – это «информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием» [Кубрякова 2001: 73].

Художественный текст состоит из различных художественных концептов, которые в совокупности образуют авторскую концептосферу. Согласно определению Н. Н. Болдырева, концепты – это «единицы концептуального содержания» [Болдырев 2016: 18]. По В. И. Карасику, концепт – «ментальное образование, сформировавшееся на базе понятийно-ценностного признака» [Карасик 2004: 6]. Е. С. Кубрякова рассматривает концепт как «многомерный мыслительный конструкт». [Кубрякова 1996: 90–93].

Одним из главных элементов художественного текста является концепт ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО как одна из основных составляющих авторской картины мира.

Согласно проведенному исследованию, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО часто репрезентируется в рамках когнитивной сцены. Под когнитивной сценой подразумевается «комплексный исследовательский конструкт, который описывает взаимодействие двух и более коммуникантов» [Тугуз 2021: 107].

Когнитивная сцена состоит из 4-х компонентов: адресат, адресант, информационный терминал и фоновый терминал. Такая когнитивная сцена называется четырехтерминальной. Если в когнитивной сцене отсутствует фоновый терминал, то она называется трехтерминальной [Огнева, Кузьминых 2014: 6].

В фоновом терминале когнитивных сцен часто встречаются проксема – репрезентанты невербального кода коммуникации. Под термином «проксема» подразумевается «единица пространства, обладающая физическими параметрами, соответствующими характеру общения» [Нелюбин 2003: 169].

Е. А. Огнева выделяет 4 типа проксем:

1) существительные и словосочетания, семантика которых маркирует художественное пространство; 2) глаголы движения; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы [Огнева, Кузьминых 2014: 56].

Пункт «существительные и словосочетания, семантика которых маркирует художественное пространство» в данной статье обозначается авторским термином «спейсхема». Данный тип проксем разделен на 2 группы:

- 1) слова и словосочетания, обозначающие местонахождение человека в пространстве;
- 2) слова и словосочетания, обозначающие месторасположение предмета в пространстве.

В ходе исследования был применен метод когнитивно-герменевтического анализа, который заключается в «осмыслении исследуемых лексических единиц и концептов» [Даниленко 2021: 28].

Выявление различных типов проксем в романе Г. Джеймса «Бостонцы» показало, что преобладающим типом проксем в данном произведении являются глаголы движения. На 2-м месте находятся спейсемы, на 3-м месте находятся пейзажные единицы, на 4-м – топонимы.

Данная работа посвящена исследованию спейснем – второго по частотности типа проксем в романе Г. Джеймса «Бостонцы».

В примерах приняты следующие условные обозначения: ИИ – информационный импульс, римские цифры обозначают очередность информационных импульсов.

Пример 1. Спейсхема, выражающая местонахождение человека в пространстве

(ИИ I) Are you against our emancipation? she asked, turning a white face on him in the momentary radiance of a street-lamp.

(ИИ II) Do you mean your voting and preaching and all that sort of thing? He made this inquiry, but seeing how seriously she would take his answer, he was almost frightened, and hung fire. <...>

(Фоновый терминал) They had arrived at the address given by Miss Chancellor to the coachman, and their vehicle stopped with a lurch. Basil Ransom got out; he stood at the door (спейсхема) with an extended hand, to assist the young lady [James 2017: 10].

В номинативном поле рассматриваемой когнитивной сцены присутствуют два коммуниканта – Бэзил Рэнсом и Олив Чанселлор. Антропонимы «Олив Чанселлор» и «Бэзил Рэнсом» образуют два терминала «адресант ↔ адресат», а именно: в первом коммуникативном импульсе адресантом является Олив Чанселлор, а адресатом – Бэзил Рэнсом, во втором коммуникативном импульсе адресантом является Бэзил Рэнсом, а адресатом – Олив Чанселлор.

Информационный терминал рассматриваемой когнитивной сцены состоит из двух коммуникативных импульсов. Репрезентант невербаль-

ного кода, проксема «the door» является частью фонового терминала, который следует за вторым коммуникативным импульсом. Местоимение «he» обозначает одного из коммуникантов – Бэзила Рэнсома. Данная проксема указывает на местонахождение героя в художественном пространстве романа.

Пример 2. Спейсхема, выражающая месторасположение предмета в пространстве

(ИИ I) Well, she replied, I guess I have thought more than I appear

(ИИ II) Do you understand German? Do you know 'Faust'? said Olive. 'Entsagen sollst du, sollst entsagen!'

(ИИ III) I don't know German; I should like so to study it; I want to know everything.

We will work at it together – we will study everything», Olive almost panted;

(фоновый терминал) and while she spoke the peaceful picture hung before her of still winter evenings under the lamp, with falling snow outside, and tea on a little table (спейсхема), and successful renderings, with a chosen companion, of Goethe, almost the only foreign author she cared about; for she hated the writing of the French, in spite of the importance they have given to women [James 2017: 37].

В номинативном поле рассматриваемой когнитивной сцены присутствуют два коммуниканта – Верена Таррант и Олив Чанселлор. Антропонимы «Олив Чанселлор» и «Верена Таррант» образуют два терминала «адресант ↔ адресат», а именно: в первом коммуникативном импульсе адресантом является Верена, а адресатом – Олив, во втором коммуникативном импульсе адресантом является Олив, а адресатом – Верена, и т. д. по структуре когнитивной сцены.

Информационный терминал рассматриваемой когнитивной сцены состоит из трех коммуникативных импульсов. Репрезентант невербального кода, проксема «on a little table» является частью фонового терминала, который следует за третьим коммуникативным импульсом. Данная спейсхема указывает на месторасположение предмета в пространстве.

Таким образом, была выявлена высокая частотность когнитивных сцен в тексте романа Г. Джеймса «Бостонцы». Спейсхемы являются вторым по частотности типом проксема в когнитивных сценах. Согласно исследованию, в данном произведении преобладают спейсхемы, обозначающие местонахождение человека в пространстве.

Предложенный алгоритм исследования проксемного аспекта фонового терминала выявляет специфику построения данного компонента текстовой когнитивной сцены.

Литература

- Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.
- Болдырев Н. Н.* Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сентября 2016 г. Екатеринбург – Москва. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2020.
- Даниленко И. А.* Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка “Der Funke Leben”) // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 26–32.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: доклады Международной научной конференции. 2001. Т. 1. С. 72–80.
- Кубрякова Е. С.* Концепт // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–92.
- Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Огнева Е. А., Кузьминых Ю. А.* Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014.
- Тугуз Т. Р.* Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки») // Филологический аспект. 2021. № 11(79). С. 105–112.
- James H.* The wings of the dove. М.: T8 RUGRAM, 2017.

T. R. Tuguz (Belgorod, Russia)
Belgorod National Research University

SPACENAMES AS MARKERS OF LITERARY SPACE IN THE BACKGROUND TERMINAL OF THE COGNITIVE SCENE IN H. JAMES'S “THE BOSTONIANS”

This work deals with the study of the proxemes that form the art space in H. James's novel “The Bostonians”. The main tendencies in the forming of the background terminal in cognitive scenes are revealed. The features of spacenames – words or phrases denoting the location of an object or of a person, are determined.

Key words: literary text, art space, spacename, proxeme, cognitive scene, information terminal, background terminal.

О. А. Турбина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
turbina371@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА В ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению фундаментальных принципов языкового представления, обусловленных универсальными антропологическими законами восприятия и познания универсума – внешнего и внутреннего. Автор указывает, что заложенные отцом немецкой классической философии И. Кантом основы теории познания получили развитие в психосистематике для объяснения механизмов и принципов концептуализации и категоризации мира в языке.

Ключевые слова: законы, принципы и формы языкового представления, пространство, время, категории мышления.

Интерес лингвистики к антропологическим наукам имеет объективные основания и обусловлен тем, что технократический уклон в развитии цивилизации в целом и научной мысли в частности всё чаще ведёт в тупик при объяснении сложных явлений природы, сталкивается с проблемами конфликта машины и человека. Всё более очевидным становится то, что тайна неразгаданного кроется в самом Человеке, и что путь науки должен лежать через изучение Человека, его природы, потенциальных возможностей, когнитивных способностей, скрытых и неизученных до сих пор механизмов и принципов отношения *Человек ↔ Мир*. Лингвистика оказалась, таким образом, на переднем рубеже антропологических наук, ибо язык, её объект, является неотъемлемым и главным свойством человека разумного как биологического вида. Поэтому языковедческая наука обращается сегодня к психологии, социологии, философии, логике, нейрофизиологии и другим наукам о человеке [Гринев-Гриневич и др. 2021] с тем, чтобы изучать язык и речевую деятельность в системе с учётом внутренних и внешних факторов её функционирования и развития.

По этой же причине внутри самой науки о языке, начиная со второй половины прошлого века, наблюдается интеграция различных теоретических направлений, как тех, что развивались ранее параллельно друг другу, так и тех, что состояли между собой в положении оппозиции. Так, корпус когнитивной лингвистики, в центре интересов которой находятся структуры представления различных типов знания в системе языка и способы их концептуальной организации в процессе кодирования и декодирования

речевого сигнала различной степени сложности, образуют ряд современных концепций, строящихся на стыке логического и психологического направлений лингвистики и когнитивной психологии. Когнитивная психология, в которой человек рассматривается как оперирующий центр, активно воспринимающий и перерабатывающий информацию, создающий в своей когнитивной деятельности определенные правила, стратегии и планы, представила когнитивной лингвистике теоретико-методологический аппарат, позволяющий совместить анализ языковых структур с изучением процессов их генезиса в языковом сознании, включая концептуализацию и речевое развертывание. Основателем когнитивной психологии, напомним, является психолог У. Найссер опубликовавший в 1967 г. книгу с одноименным названием. Близки к этим исследованиям и разработки в области прикладной лингвистики, связанные с решением проблем создания искусственного интеллекта [Герасимов, Петров 1988: 8–10].

Особое место в корпусе антропологического языковедения занимает психосистематика (систематика языка и речевой деятельности), которую ещё в первой половине XX в. называли антропологической, когнитивной лингвистикой и феноменологией языка, и которая в силу оригинальности методики анализа языковых единиц и системы языка в целом отстоит от традиционного языкознания и до сих пор остается малоизвестной в отечественной научной среде, хотя в мировой науке она по праву признана одним из самых перспективных лингвистических направлений [Туссен 1992: 3–4]. Основатель психосистематики французский лингвист Г. Гийом (1889–1960) посвятил свою научную деятельность изучению принципов организации системы языка и механизмов развертывания языковых единиц в момент их актуализации – антропологический момент. Г. Гийом является по сути первым и величайшим из лингвистов-когнитологов [Турбина 2021: 76–83], ибо его научный поиск был обращён к изучению языка как особой теории, сотворенной человеческим разумом, как системы систем, объединяющей интра- и экстралингвистические аспекты, как уникальной знаковой системы, в которой закодированы механизмы познания мыслью самой себя, как единого живого организма, в котором господствует антропологическое начало. Система языка рассматривается в психосистематике как периферическая система фиксации мыслимого, достигшая высокой степени организации на концептуальной, т. е. в определенной степени отвлеченной как от образа, так и от материальной субстанции языка (звуковой материи), основе. Г. Гийому удалось выявить общие фундаментальные принципы организации системы языка, её подсистем и единиц, функционирование и развитие которых подчиняется открытым им универсальным законам языкового представления. А именно, фундаментальным принципом языкового

представления, по Гийому, является дихотомия, определяющая бинарность языковых сущностей (у Г. Гийома – существ – êtres de langue) на всех уровнях, а фундаментальными универсальными языковыми законами являются:

- закон (принцип) сохранения целого;
- закон (принцип) простоты;
- закон (принцип) бинарности внутри целого;
- закон (принцип) непрерывности и каноничности языкового представления;
- закон (принцип) отсутствия повторения [Гийом 1992: 128–129, 134;

Турбина 2019: 55–56]. По этим законам и в соответствии с этими принципами разворачиваются механизмы построения языковых единиц – генезис (психосемиозис), актуализация и историческое развитие.

Антропологическая и когнитивная направленность психосистематики в числе прочего определяется тем, что главным её основанием является тот факт, что дихотомия языкового представления повторяет дихотомию мышления, которая в свою очередь восходит к дихотомии восприятия, обусловленной организацией высшей нервной деятельности, в частности – функциональной асимметрией мозга. Эта биологическая особенность навязывает человеку определенные способы познания и категоризации мира и выражается в том, что наш рассудок постигает мир двумя способами – чувственно-конкретным и абстрактно-логическим, на основе которых и складывается наше представление о Пространстве и Времени [Гийом 1992: 114]. Эта высказанная ещё И. Кантом гипотеза в настоящее время подтверждается результатами экспериментов по изучению функциональной асимметрии мозга. В психосистематике Пространство и Время определяются как формы языкового представления категорий мышления, складывающихся на основе универсальных форм восприятия человека [Kant 1904: 53–58]. В языковом сознании они образуют два взаимопересекающихся универсума – универсум-Пространство и универсум-Время, определяющих лингвогенезис (психосемиозис) имен и глаголов соответственно [Гийом 1992: 97].

Антропоцентричность языка и речевой деятельности объясняется тем и состоит в том, что вся система концептуализации управляется силами интериоризации и экстериоризации, порождающими акты ментального видения, с одной стороны, и акты перевода возможности ментального видения в возможность словесного высказывания – с другой. Микроскопический отрезок времени свершения этих актов Г. Гийом назвал оперативным, а один из его последователей, А. Жакоб, антропологическим моментом. В этот момент – в момент актуализации – в оперативном времени свершается акт спасиотемпорализации – размещения мыслимого на пространственно-временной оси, в силу чего оно становится обдуманым [Jacob 1980: 516, 521–522], готовым обрести рече-языковую материализацию, т. е. способным к выходу в речь.

Так, согласно закону сохранения целого, грамматический и когнитивно-дискурсивный статус актуализированной вербальной единицы определяется прежде всего по её месту на пространственно-временной оси: чем больше она приобретёт категориальных признаков имени, тем отвлечённей она будет от временного плана. Полярными единицами языкового представления являются имя существительное – оформление по топогенезу и финитный глагол – оформление по хроногенезу. Таким образом, речевая трансформация глагольной формы в именную или наоборот имеет в своём основании переосмысление денотата в плане его категоризации в пространственно-временном континууме, влекущее за собой изменение выражения, заключающееся в переориентации языковой единицы на пространственно-временной оси, что связано, как правило, с большим или меньшим включением эмотивности в когнитивно-дискурсивные процессы [Турбина 2018: 30–37].

Важно, что учитывая достижения в области смежных антропологических наук и обращаясь к вопросам, которые решаются сегодня на стыке филологии, логики, психологии и языкознания, психосистематика не выходит за рамки лингвистики, раскрывая антропологические принципы концептуализации и категоризации мира системой языка.

Литература

Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: «Прогресс», 1988. С. 5–11.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс: Культура, 1992.

Гринев-Гриневиц С. В. и др. Теория языка: антропологическая лингвистика: учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Л. Г. Викулова. М.: Издательский дом ВКН, 2021.

Турбина О. А. Семиозис эмогенного текста // Эмогенный текст: сб. статей / под редакцией О. А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 7–83.

Турбина О. А. Лингвистическая дискурсология и психосистематика // Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы: материалы XIX Международной научной конференции Школы-семинара имени Л. М. Скредлиной. Петрозаводск, 2019. С. 54–61.

Турбина О. А. Лингвистическое наследие Г. Гийома: первый и величайший из когнитивистов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 76–83.

Туссен М. Предисловие к первому изданию перевода книги «Гюстав Гийом. Принципы теоретической лингвистики» // Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс: Культура, 1992. С. 3–4.

Jacob A. De la psychomécanique à une anthropologie opérative // Langage et psychomécanique du langage. Lille, 1980. P. 513–524.

Kant I. Kant's Werke. Kant's gesammelte Schriften. Bd. I–V. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reiner, 1902–1909. Bd. III.

O. A. Turbina (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State University

**ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLES
OF CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION
OF THE UNIVERSE IN THE LANGUAGE**

The article deals with the consideration of the fundamental principles of linguistic representation, due to the universal anthropological laws of perception and cognition of the universe – external and internal. The author points out that the foundations of the theory of knowledge laid down by the father of German classical philosophy I. Kant were developed in psychomechanic of language to explain the mechanisms and principles of conceptualization and categorization of the world in language.

Key words: laws, principles and forms of linguistic representation, space, time, categories of thinking.

Е. Н. Цветаева, Е. С. Панкратьева
(*Москва, Россия*)

*Московский государственный
лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru,
helene-sergeevna@yandex.ru*

**ФРАЗЕОЛОГИЯ «ПЕРЕВЕРНУТОГО МИРА»
В НЕМЕЦКОЙ «НАРОДНОЙ» ГРАФИКЕ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

В статье рассматривается взаимодействие вербальных и иконических знаков при представлении «перевернутого мира» в немецкой «народной» графике (нем. Flugblatt, Bildblatt и т. п.) раннего Нового времени, подчеркивается значимость взаимовлияния разнотипных семиотических систем при создании целостного гетеросемиотического пространства, оказывающего на реципиента комплексное прагматическое воздействие.

Ключевые слова: семиотическая гетерогенность; «перевернутый мир»; аллегория; визуализация; фразеологизм.

Одной из характерных черт уже позднесредневековой литературной традиции является ее бимедиальная направленность, позволившая совмещать в различных художественных формах вербальные и изобразительные элементы. Это обстоятельство было подкреплено распространением в Европе

в XV в. новых техник изготовления и копирования текстовых материалов, таких как ксилография, гравюра, наконец, изобретения станка с подвижными литерами, который облегчил процесс печатания книг и сопровождавших их иллюстраций. Именно в это время появляется новое средство распространения информации, представляющее собой напечатанный на одной стороне лист различного формата, сочетающий текст и изображение, выпускавшийся по различным поводам. В немецкоязычном пространстве подобные тексто-визуальные формы именовали *Einblattdruck*, *Einblattholzschmitt*, *fliegende Schrift* / *fliegendes Blatt*, *Flugblatt*, *Bildblatt*, *Bilderbogen* (отметим, что для русской традиции более характерными являются названия *лубок*, *лубочные картинки*, а для английской – *popular print*, *broadsheets*, *broadsides*). Данные гетеросемиотические единства были посвящены различным религиозным, политическим, военным, общественным явлениям действительности, бытовым сценам. Произведения выполнялись в форме молитвы, описания жизни святых, напоминания о важных событиях (особенно исторических), иллюстрации битв; в них приводились высказывания известных личностей, схемы и планы городов или городских учреждений. Содержание этих работ предполагало и критику церкви и правителей, они освещали модные тенденции в одежде, астрономические, погодные и природные явления. Такие художественные формы печатались в виде календарей, альманахов, стихов, песен, ребусов и даже официальных документов, например, индульгенций. Героями этих произведений становились святые, люди разных сословий, а также животные, в том числе наделенные человеческими свойствами. Нередко они наполнялись аллегорическим или символическим смыслом (например, распределение власти в Европе и статус европейских монархов отражен в виде танца на работе середины XVII в. «Groß Europisch Kriegs-Balet / getanztet» [Harms 1983: 207]; на бильдербогене «Curtus belli», изготовленной Х. Гольциусом ок. 1633 г., война представлена как наказание Божие, от которого нет спасения [Там же: 247]).

Для истории литературы появление нового коммуникативного средства означало, что различные текстуальные формы – прежде всего малого формата – могли отныне печататься большим тиражом и явились тем самым предшественниками современных средств массовой информации, сочетавших в себе взаимодействие разнотипных знаковых систем – как вербальных элементов, так и иконических. При этом использование автором графических средств значительно подкрепляло текстовую составляющую, поскольку массовый реципиент в данную эпоху не имел доступа даже к начальному образованию.

Существенными для рассматриваемого периода в этой связи видятся и представления о «перевернутом мире» (*нем. die verkehrte Welt*), явив-

шиеся, с одной стороны, характерным проявлением цивилизационно-мировоззренческих рефлексий, а с другой – источником развития «определенных культурных традиций эпохи, к которым – в рамках языковой традиции – относится формирование специфического пласта фразеологии» [Цветаева 2009: 201].

В качестве примера рассмотрим произведение из собрания Музея изобразительных искусств г. Галле (Германия), выполненное Якобом ван дер Хейденом около 1630 г. в г. Страсбурге “*Die Verkehrte Welt hie kan...*” [Harms, Schilling 2018: 31]. На небольшом листе размером 26,2*33,9 см расположены в пять рядов 25 иллюстраций «перевернутого мира», которые сопровождаются рифмованным двустихием, представляющим собой комментарий к изображенным сценам. Предваряет цикл иллюстрация перевернутого глобуса, на котором стоят на руках три человека, наличие подписи *Die Verkehrte Welt hie kan Wohl besehen Jederman* не только усиливает смысл иконического компонента и порождает необходимые ассоциации, но и называет тематику всего произведения. Последующие 24 сцены отображают аллегорию «мира наизнанку», в котором нормальные представления о мироздании, нормах поведения и ценностных стереотипах перевернуты с ног на голову. Так, меняются социальные роли (король идет вслед за слугой, восседающим на коне, мужчина прядет, а женщина облачена в доспехи, подмастерье воспитывает розгами мастера), модели поведения (ребенок качает взрослого или кормит мать, хромой несет на спине здорового, слепой ведет зрячего, больной лечит врача), переворачиваются отношения человека и животных (распространенное и популярное в рассматриваемый период представление об охотнике, загнанном дичью, изображение овцы, подстригающей пастуха, осла, подгоняющегося хозяина, женщин, запряженных в карету вместо лошадей), изменяются взаимоотношения между животными (баран ест волка, рыбы хотят быть птицами). Наличие вербального элемента облегчает интерпретацию изображения, в то же время визуальная модальность способствует интенсификации семантики языкового компонента, предполагая нередко новые концептуальные признаки, не нашедшие реализации в вербальном коде. Таким образом, интеграция взаимодействующих языковой и графической знаковых систем, оказывающих друг на друга существенное воздействие, актуализирует смысл созданного гетеросемиотического единства.

Немаловажно отметить, что самая известная картина «пословицной» тематики П. Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы» (1559) (рассматриваемая нами в едином культурно-историческом континууме, наряду с собственно немецкоязычными фактами, во многом отражаемыми и нидерландской культурой) имеет и другое название – «Перевернутый мир», поскольку на полотне среди других визуализированных устойчивых

словесных комплексов изображен земной шар с крестом, обращенным вниз. Хотя «нарисованные» фразеологизмы не сопровождаются вербальным элементом, их интерпретация невозможна без обращения к языковому коду, в связи с этим «пословичные» работы живописцев и граверов следует рассматривать как семиотически гетерогенный текст, способный оказывать на адресата комплексный прагматический эффект. Предшественником П. Брейгеля Старшего в области буквальной передачи паремий на полотне можно назвать Ф. Хогенберга. И в центре его картины «Синий плащ» (1558), на которой визуализирована 21 паремия, изображен мужчина, который держит в руках перевернутую земную сферу с крестом. Известно, что Ф. Хогенберг в том числе занимался изданием и «народной» графики. Так, его картина выполнена в традициях позднесредневековых «дурацких» бильдербогенов (Narrenbilderbogen), поскольку визуализированные фразеологические образы сопровождаются вербальным компонентом, собственно, фразеологизмами. Основное отличие видится в размещении сюжетов на полотне.

Серединой XVII в. датируется и другая работа страсбургского гравера и издателя Петера Обри (Aubry) под названием “Die Narrisch Welt”, также выполненная в русле общей тематики «перевернутого мира». На ней в четыре ряда представлены 20 иллюстраций, подкрепленных рифмованными двустихиями, олицетворяющими человеческие глупости, слабости, ошибки и пороки [Harms 1983: 305]. Некоторые из изображений заимствованы из «Корабля дураков» С. Бранта (1494). По мотивам этого произведения исполнена и работа Давида Манасера (1630) с аллегорической репрезентацией заполненного дураками корабля, который из-за сломанной мачты вскоре налетит на скалы [Там же: 301]. Совершенно очевидно, что неоднократное появление одних и тех же изображений в контексте общей культурной традиции свидетельствует о наличии так называемых визуальных реминисценций, основанных на определенных символах, метафорах, лежащих в основе представлений о «перевернутом мире», способствующих верному пониманию ценностной парадигмы эпохи. В то же время смена модальности увеличивает и его прагматический потенциал.

В контексте «перевернутого мира» небезынтересно рассмотреть визуализацию актуальных для анализируемого периода фразеологических образов, поскольку устойчивые словесные комплексы как нельзя лучше передают символику «мира наизнанку». Так, на работе Яна Тиля “Siet vringen dit heeftmen... geweten...” изготовленной в конце XV в., изображен пословичный сюжет по мотивам произведений П. Брейгеля Старшего, основной замысел которого заключается в критике власть имущих [Там же: 297]. При этом ряд иллюстраций дополняет текст на нидерландском языке, включающий сразу две похожие паремии: *Die großen Fische essen die kleinen* и *Die kleinen (Fische)*

hängt man, die großen lässt man frei. Вербальный и графический компоненты интегрируются и облегчают процесс декодирования смысла фразеологизмов. Необходимо отметить, что «визуализированные» устойчивые единицы способствуют не только выявлению изменений, происходящих на разных уровнях языковой системы, но и обнаружению наиболее релевантных для развития фразеологической системы факторов, в связи с чем они являются полезным источником для историка фразеологии.

Таким образом, изучение «народной» графики раннего Нового времени, представляющей собой гетеросемиотические гибридные тексты, образованные интеграцией визуальных и иконических знаков, имеет существенное значение как для установления потенциала различных семиотических систем для моделирования определенных культурно значимых и фразеологических образов, так и дальнейших исторических фразеологических исследований.

Литература

Цветаева Е. Н. «Перевернутый мир» средневековья в немецкой культуре и фразеологии (исторический фразеологический очерк) // Альманах современной науки и образования: в 2 ч. Ч. II. 2009. № 8(27). С. 198–201.

Harms W. (Hrsg.). *Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation und der Glaubenskämpfe.* Kunstsammlungen der Veste Coburg. Coburger Landesstiftung, 1983.

Harms W., Schilling M. (Hrsg.). *Deutsche illustrierte Flugblätter des 16. und 17. Jahrhunderts.* Band IX. Die Sammlung des Kunstmuseums Moritzburg in Halle a. S. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2018.

E. N. Tsvetaeva, E. S. Pankratieva

(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

PHRASEOLOGY OF THE ‘TOPSY-TURVY’ WORLD AS DEPICTED IN GERMAN FOLK VISUAL ART DURING EARLY MODERN PERIOD

The paper examines the interaction of verbal signs and icon signs when representing the ‘topsy-turvy’ world in German ‘folk’ visual art (German *Flugblatt*, *Bildblatt* etc.) during early modern period. The research highlights the importance of mutual influence of diverse semiotic systems in the process of crafting a holistic heterosemiotic space, which affects the recipient in a complex pragmatic way.

Key words: semiotic heterogeneity, ‘topsy-turvy’ world, allegory, visualization, phraseological unit.

З. М. Чемодурова (Россия)

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
zinatim@rambler.ru*

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ШАХМАТНОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению когнитивно-прагматических особенностей шахматной игры в художественном тексте. Особое внимание уделяется анализу ее семантики, а также уточняются функции моделируемой шахматной темы в художественных произведениях. Совмещая в своей семантике миметические и немиметические признаки концепта ИГРА, шахматная игра способствует реализации в тексте символической и экспрессивной функций.

Ключевые слова: игра, шахматная игра, художественный текст, символическая, экспрессивная, миметическая, характеризующая функции.

Игра как одно из ключевых понятий культурологии, философии, психологии, лингвистики давно привлекает внимание исследователей, не оставляющих попыток дать определение этому сложнейшему феномену, а также предложить собственную типологию игр. Несмотря на объективные сложности создания такой классификации, на которые в свое время указывал еще Л. Витгенштейн, многие исследователи сходятся во мнении, что можно выделить два обширных класса игр. М. В. Никитин говорит об играх моделирующих и немоделирующих: «моделирующие игры предполагают большую или меньшую степень идентификации и даже отождествления игровых ролей и шире всех элементов игровых структур с реальными прототипами – лицами, вещами, структурами, событиями и явлениями, разумеется, на разных уровнях обобщения – конкретизации и с разной мерой воспроизведения – отвлечения» [Никитин 1996: 359]. С другой стороны, особенность немоделирующих игр состоит в том, что правила, по мнению М. В. Никитина, на которых строится игра, не порождаются моделированием какого-то участка реального мира, а изобретаются, придумываются, а не транспонируются» [Там же: 361]. Н. Д. Арутюнова предлагает выделять «1) изолированные игры, отделенные от корыстных (материальных) интересов игроков, то есть игры для тренировки, удовольствия, развлечения, времяпрепровождения и самоутверждения, а также игры с игрушками и без партнера и адресата (зрителя); 2) игры «совмещенные», или «вовлеченные» в поведение человека в обществе, игры замаскированные, скрытые [Арутюнова 2006: 9].

Шахматы (от персидского «шах мат» – властитель умер), одна из самых распространенных изолированных, или немоделирующих игр, описывается в педагогическом энциклопедическом словаре как «древняя игра, возникшая в Индии; сочетает в себе элементы науки, искусства и спорта. Способствует развитию фантазии и концентрации внимания, воспитанию характера и воли, приучает логически мыслить. Используется в качестве модели научных исследований в ЭВМ, психологии и педагогике» [Бим-Бад 2002: 319].

Уникальные особенности игры в шахматы, сочетание интеллектуального, стратегического противоборства соперников с практически мистическим характером шахматного символизма как модели космических сил и поединка добра и зла привели к тому, что еще с древних времен тема шахмат стала чрезвычайно популярна в художественном творчестве – в поэзии, прозе, живописи (см.: [Иванова 2019]). М. М. Бахтин, анализируя образы игры – в кости, карты, шахматы, – в раблезианском контексте, удивительно тонко подмечает универсализм этих образов, их мирозерцательный характер: «В образах игры видели как бы сжатую универсалистическую формулу жизни и исторического процесса: счастье-несчастье, возвышение-падение, приобретение-утрата, увенчание-развенчание. В играх как бы разыгрывалась вся жизнь в миниатюре (переведенная на язык условных символов), притом разыгрывалась без рамки. В то же время игра выводила за пределы обычной жизненной колеи, освобождала от законов и правил жизни, на место жизненной условности ставила другую, более сжатую, веселую и улегченную условность» [Бахтин 1990: 260]. Особо подчеркивая превращение шахматной игры в карнавальное маскарад, связанный с тем, что в роли шахматных фигур выступали живые люди, М. М. Бахтин указывает и на создание при помощи шахмат карнавального образа военно-политических событий [Там же].

Шахматы, таким образом, до некоторой степени совмещают в себе черты как моделирующих игр, так и преобладающие особенности игр немоделирующих, или немиметических (в другой терминологии см.: [Чемодурова 2017]), что, на наш взгляд, и обуславливает их важную роль в моделировании фикционального мира художественных произведений.

Итало Калвино прибегает к использованию шахматных образов, описывая общение Марко Поло и Кублай Хана, в ходе которого военно-политические события воспроизводятся на шахматной доске, выполняющей *символическую и характеризующую функции*:

Returning from his last mission, Marco Polo found the Khan awaiting him, seated at a chessboard. With a gesture he invited the Venetian to sit opposite him and describe, with the help only of the chessmen, the cities he had visited. Marco did not lose heart.

The great Khan's chessmen where huge pieces of polished ivory: arranging on the board looming rooks and sulky knights, assembling swarms of pawns, drawing straight or oblique avenues like a queen's progress, Marco recreated the perspectives and the places of black and white cities on moonlit nights []. Knowledge of the empire was hidden in the pattern drawn by the angular shifts of the knight, by the diagonal passages opened by the bishop's incursions, by the lumbering, cautious tread of the king and the humble pawn, by the inexorable ups and downs of every game (Calvino I. Invisible Cities).

Фигуры на доске, оживая, становятся опорой в игре воображения, объединяющей персонажей «Невидимых городов» И. Калвино и составляющей концептуальную основу данного метафического повествования. Тема шахматной игры, таким образом, непосредственно связанная со временем и будущим, с судьбой, с государственной властью [Бахтин 1990: 259], благодаря использованию автором конвергенции стилистических приемов (эпитетов, метафоры, гиперболы, олицетворения), выдвигается на передний план, способствуя при этом *экспрессивизации повествования* (см.: [Чемодурова 2021]).

Еще больший символизм приобретают шахматные фигуры в произведениях В. В. Набокова, шахматы для которого всегда выступали в качестве серьезнейшего увлечения, а также служили источниками вдохновения:

*В ходах ладьи – ямбический размер,
в ходах ладьи – анапест. Полу-танец,
полу-расчет – вот шахматы...*

– так «магистр игры» описывает в одном из своих шахматных сонетов сущность шахматной игры (В. Набоков. Три шахматных сонета). В своем первом англоязычном произведении «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» он наделяет шахматы миметической функцией, выражающейся прежде всего в причудливой ассоциативной связи основных персонажей с говорящими «шахматными» фамилиями Knight, Bishop, Toorovets, которых В. В. Набоков, увлекавшийся составлением шахматных задач, заставляет разыгрывать сложнейшую партию.

Реализация *миромоделирующей, или миметической, функции* шахматной игры у Набокова во многом перекликается со значением в моделировании фикционального мира знаменитой шахматной партии, разыгранной Воландом, в бессмертном романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», написанном в эти же годы:

На доске тем временем происходило смятение. Совершенно расстроенный король в белой мантии топтался на клетке, в отчаянии вздымая руки. Три белых пешки-ландскнехты с алебардами растеряно глядели на офицера, размахиваю-

щего шагагой и указывающего вперед, где в смежных клетках, белой и черной, виднелись черные всадники Воланда на двух горячих, роющих копытами клетки, конях. Маргариту чрезвычайно заинтересовало и поразило то, что шахматные фигурки были живые (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Прагматический потенциал шахматной игры, реализующийся на страницах художественного произведения и активирующий такой важный элемент шахматной игры, как воображение, фантазия, часто обуславливает усиление игрового эффекта, оказываемого на читателей любым художественным текстом, поскольку «ментальные игры» присущи как процессу игры в шахматы, так и созданию и восприятию литературного произведения.

Наконец, одной из наиболее значимых функций шахматной игры является *сюжетообразующая* функция, в случае, если шахматная тема реализуется как центральная в смысловой структуре всего художественного текста. Одним из наиболее ярких примеров реализации сюжетообразующей роли шахмат может служить роман У. Тевиса “The Queens’s Gambit”, повествующий о гениальной девочке-сироте, в 8 лет познавшей страсть к игре в шахматы, которая определила весь ход ее жизни:

She held Modern Chess Openings under her desk whike Mr. Espero read. She went through variations one at a time, playing them out in her head. By the third day the notations – P-K4, N-KB3 – leapt into her quick mind as solid pieces on real squares. [...] “For his gayer hours she has a voice of gladness/and a smile and eloquence of beauty...’ read Mr. Espero, while Beth’s mind danced in awe to the geometrical rococo of chess, rapt, enraptured, drowning in the grand permutations as they opened to her soul, and her soul opened to them” (W. Tevis. The Queen’s Gambit).

Шахматы предстают у У. Тевиса чудесным сочетанием поэзии и логики, открывшимся маленькой Бет, при этом автор фокусирует внимание читателей на поистине судьбоносной роли шахматной игры в жизни девочки, искусно сочетая цитату из романтического стихотворения У.К. Брайнта о жизни и смерти, шахматные термины и описание психологического состояния девочки: эпитеты, метафоры, повторы способствуют выдвижению шахматной игры как ключевой темы романа.

Таким образом, даже этот достаточно краткий анализ позволяет заключить, что шахматная игра получает в художественном тексте многообразное воплощение, образ шахматной игры многолик, обладает несомненным эмоциональным потенциалом, значительно усиливая моделируемый в сознании читателей эффект игры в вымысел. Шахматная игра, репрезентируемая

в художественном тексте, может выполнять сюжетообразующую, оценочную, экспрессивную, символическую функции, в разных жанрах и типах текста по-разному подстегивая воображение читателей.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры: сб. трудов конференции. М.: Индрик, 2006. С. 5–16.
- Бахтин М. М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990 (1965).
- Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1988.
- Иванова Е. Р.* Своеобразие темы шахмат и шахматной игры в художественной литературе // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25 (№ 1). С. 165–169.
- Набоков В. В.* Три шахматные сонета. URL: <http://www.nabokov-lit.ru>.
- Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.
- Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
- Чемодурова З. М.* Прагматика и семантика игры в англоязычной постмодернистской прозе 20–21 веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017.
- Чемодурова З. М.* Стратегия экспрессивизации повествования в микропрозе // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 694–697.
- Calvino I.* Invisible Cities. A Harvest book. Harcourt. San Diego, New York, London, 1974.
- Tevis W.* The Queen's Gambit. Vintage Contemporaries. N. Y. Weidenfeld & Nicolson, 2020.

Z. M. Chemodurova (*St.-Petersburgh, Russia*)
Herzen State Pedagogical University of Russia

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF A CHESS GAME IN FICTION

The aim of the article is to analyze cognitive and pragmatic features of the chess game in fiction. Its semantics is closely analysed and various functions of the chess game modelled in literary texts are examined. Combining in its semantics mimetic and non-mimetic characteristics of the concept GAME the chess game enhances symbolic and expressive functions in fiction.

Key words: game, chess game, literary text, symbolic, expressive, mimetic, characterizing functions.

А. А. Чистякова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
aliechistyakova@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАГОЛОВКА РЭП-ТЕКСТА (на примере текста Kendrick Lamar “Purple Heart”)

В статье проведён когнитивный анализ заголовка текста американского рэп-исполнителя Kendrick Lamar “Purple Heart”. Новизна работы объясняется тем, что заголовок рэп-текста ещё не становился объектом когнитивного анализа. Результатом исследования является вывод о концептуальности полисемичного словосочетания “Purple Heart” и наличии семантической изотопии между текстом и заголовком.

Ключевые слова: заголовок, рэп-текст, рэп-дискурс, концепт, когнитивный анализ.

Данная статья посвящена анализу заголовка рэп-текста с целью выявить роль заголовка в рэп-тексте, его концептуальные смыслы и соотносимость с корпусом текста.

Рассуждая о тексте и его правильности, советский лингвист И. Р. Гальперин замечает, что соответствие содержания текста его названию и его завершённости по отношению к названию являются первыми признаками правильного текста, то есть текста завершённого и интегрированного (цельного, целостного) [Гальперин 2007: 25, 124]. Советский и российский профессор и доктор филологических наук Н. С. Валгина считает, что целостность текста прежде всего означает единство тематическое, *концептуальное*, модальное. Можно предположить, что заголовок целостного текста может рассматриваться в качестве концепта как ключевого слова культуры и содержательной единицы мышления, или более сложной когнитивной единицы, фрейма.

Анализ текста с когнитивной точки зрения предполагает учёт соотношения содержания понятий текст – дискурс – интертекст – гипертекст – сверхтекст (см.: [Романова 2013: 170]). Предполагается, что рэп-текст является «правильным» текстом и дискурсом, так как рэп-текст, как и любой дискурс, «обладает языковыми и внеязыковыми категориями, такими как события и ценностные установки, а также требует знания о мире для интерпретации» [Алефиренко 2013: 17]. Дискурс обращён к ментальным процессам коммуникации участников, таких как этнографические, психологические и социокультурные правила и стратегии порождения и понимания речи в тех или других условиях (см.: [Арутюнова 2002]).

Таким образом, именно когнитивный анализ заголовка текста позволяет получить наиболее полное представление о концептуально-смысловой составляющей рэп-текста и установить его статус как целостного текста и дискурса, а также дифференцировать заголовок рэп-текста как когнитивную единицу. Следовательно, необходимо интерпретировать информацию, заложенную в заголовке текста.

Согласно классификации информации, предложенной И. Р. Гальпериным в его труде «Текст как объект лингвистического исследования» [Гальперин 2007: 27], можно сделать вывод, что рэп-текст как текст художественный преимущественно содержит содержательно-концептуальную информацию, а также содержательно-подтекстовую. Это не значит, что рэп-текст не несёт в себе фактическую информацию. Такая информация пропускается через призму «индивидуально-авторского понимания», более того – содержательно-фактуальная информация выступает средством выражения. Поэтому, по словам лингвиста, для интерпретации художественного текста необходимо декодирование, для которого требуется мыслительная работа и понимание языкового кода.

Заголовок является началом понятийного цикла (см.: [Романова 2013: 173]) и, условно говоря, совокупностью смыслов всего озаглавленного текста. При когнитивном анализе заголовка следует обратить внимание на максимально субъективные языковые экспликации, такие как метафора или концепт, так как именно эти формы выражения содержат в себе непосредственно когнитивную информацию гораздо более, чем прямое отображение реальной действительности. Согласно А. Вежбицкой, необходимо учитывать и тот факт, что «на входе (концепт-минимум) содержание концепта может представляться не таким полным, как на выходе (концепт-максимум)» [Вежбицкая 1999]. Необходимо не только назвать концепт, то есть указать план выражения, но и понять его глубинный смысл, то есть вывести план содержания. Из вышеизложенного следует, что семантический анализ является первым этапом когнитивного анализа.

В качестве примера когнитивного анализа заголовка рэп-текста был проанализирован заголовок текста американского рэп-исполнителя Kendrick Lamar “Purple Hearts”.

Сама по себе лексическая единица HEART является полисемичной. Словарь Oxford Advanced Learner’s Dictionary даёт следующие определения: 1) часть тела: His heart stopped beating (его сердце перестало биться), 2) чувства/эмоции: to break sb’s heart (разбить кому-либо сердце, то есть глубоко ранить чувства); in good heart (счастливый, весёлый); from the heart (искренне); sb’s heart sinks (испугаться), 3) важная часть, 4) центр, 5) форма: heart-shaped (в форме сердца) и пр. Идиоматически heart мо-

жет трактоваться как «душа»: at heart (в душе, в глубине души), to break sb's heart (разбить кому-либо сердце, то есть глубоко ранить чувства), sb's heart leaps (воодушевиться, наполниться счастьем); open heart (открытый, душевный человек). То есть, коннотации слова heart могут выражать как положительные эмоции, так и отрицательные. Таким образом, семантика концепта СЕРДЦЕ в английском языке сводится к значению «вместилище чувств и эмоций человека» [Цримова 2003: 8]. Концепт HEART также отражает чувственную функцию «любить» и религиозную сферу жизни человека (христианская ценность «Бог есть Любовь»), то есть любить означает прощать.

Purple помимо цвета (пурпурный) так же может обозначать художественный текст, перенасыщенный средствами выразительности (в сочетании с prose) и имеет связь с медикаментозными веществами [Spears 2006: 280].

Словосочетание “Purple Heart” обозначает «Пурпурное сердце» – медаль, которая вручается всем американским военнослужащим, погибшим или раненым во время военных действий [Borch 2012: 16]. Также “Purple Heart” на британском и американском слэнге обозначает медикаментозное средство в форме таблетки [Hare 1964: 2] и визуально соотносится с графическим символом «пурпурное сердце», используемым в сети Интернет.

В тексте концепт-название соотносится с большинством известных значений словосочетания, указывая на наличие семантической изотопии текста [Жаворонкова 2002: 26]:

*I know y'all **love** it when the drugs talkin'
If God be the source then I am the plug talkin'
A nigga still gon' be a nigga, emoji heart, my family pictures
How's **love** when it's **heart** to your **soul**
And if I **feel** where your **heart** can be, you'll still be a **part** of me
It ain't **love** if you gon' **judge** me for my past*

Из приведённого выше отрывка следует, что лексико-семантическое поле Purple Heart включает в себя тематическую группу «духовность»: *God, heart, soul, love, feel*. Также образуется бинарная оппозиция «любить-ненавидеть», «осуждать-прощать». Употребляемые в тексте лексические единицы можно рассматривать как эмотивные языковые средства, что, по мнению американских лингвистов-когнитологов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, свойственно концептосфере языка [Смагулова, Кучерявая 2018: 292].

Таким образом, PURPLE HEART, в зависимости от понимания и толкования термина, может считаться концептом, так как является полисемическим словосочетанием, включает в себя визуальные образы, совокупность

смыслов, и носит эмотивный характер. Как концепт минимум PURPLE HEART – emoji heart (изображение сердца) или медаль «Пурпурное сердце», как концепт максимум обладает концептуальным центром «душа» с синтагматическим распространением «религиозность». Тексту также присуща семантическая изотопия, что подтверждается корреляцией смыслов заголовка с лексикой текста.

Литература

- Алефиренко Н. Ф.* и др. Текст и дискурс. 2-е изд., стер. М. Флинта, 2013.
- Валгина Н. С.* Теория текста. М.: Логос, 2003.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М: Языки русской культуры, 1999.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007.
- Жаворонкова Р. Н.* Семантическая изотопия как средство связи в тексте // Лесной вестник. 2002. № 3. С. 25–26.
- Кубрякова Е. С.* Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона // Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 82–140.
- Романова Т. В.* Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8 (№ 1). С. 170–181.
- Смагулова А. С., Кучерявая Т. Л.* Категория эмотивности в концептосфере // Молодой ученый. 2018. № 15 (201). С. 292–295.
- Цримова З. Р.* Концепт «сердце» в языковой картине мира: на материале кабардинского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003.
- Шапочкин Д. В.* Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). С. 101–107.
- Spears R. A.* McGraw-Hill's dictionary of American slang and colloquial expressions. American slang dictionary. 4th ed. p. cm. Previously published: McGraw-Hill's dictionary of American slang and colloquial expressions, 4th hc ed., 2006.
- Borch L., Fred.* A Heart of Purple. The Story of America's Oldest Military Decoration and Some of Its Recipients // Prologue. Winter 2012. P. 16–25.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English / A. S. Hornby; Chief Editor: S. Wehmeier. 11 Impression. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Hare E. H.* The 'purple heart' problem // Drug and Therapeutics Bulletin. BMJ Publishing Group Ltd., 1964.

*A. A. Chistyakova (Moscow, Russia)
Moscow City Teaching University*

**COGNITIVE ANALYSIS OF A RAP TEXT TITLE
(based on Kendrick Lamar’s “Purple Heart”)**

The article presents a cognitive analysis of the title of the text of the American rap artist Kendrick Lamar “Purple Heart”. The novelty of the work is explained by the fact that the title of the rap text has not yet become the object of cognitive analysis. The result of the study is the conclusion about the conceptuality of the polysemic phrase “Purple Heart” and the presence of a semantic isotopy between the text and the title.

Key words: headline, rap text, rap discourse, concept, cognitive analysis.

*Л.Л. Шевченко (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный
педагогический университет
shevchenko_ll@altspu.ru*

**ШЕКСПИРОВСКИЙ КОД И ЕГО АКТУАЛИЗАЦИЯ
В РОМАНЕ АЙРИС МЕРДОК
“THE SACRED AND PROFANE LOVE MACHINE”**

Статья относится к области когнитивной стилистики и рассматривает возможность изучения концептуальной системы автора посредством когнитивного моделирования гипертекста – единой смысловой структуры, которая находит репрезентацию в целом ряде повторяющихся черт, в совокупности составляющих уникальный стиль художника слова.

Ключевые слова: гипертекст, шекспировский код, базовая метафора, онтологическая метафора, интертекст.

Изучая художественный мир писателя, исследователь неизбежно приходит к мысли о существовании некой устойчивой смысловой структуры, которая объединяет все тексты отдельного автора. Эта структура интегрирует различные элементы авторского стиля в единый сверх-, или гипертекст, который, будучи исследовательским конструктом, лежит на пересечении двух сознаний – автора и читателя. Пока никем не доказано, как отмечает У. Эко, «что то, как мы воспринимаем текст, преобразуя *план выражения* в *план содержания*, отражает (в обратном порядке) тот процесс, в ходе которого некое задуманное *содержание* преобразовалось в данное *выражение*» [Эко 2016: 36]. Однако можно надеяться, что когнитивное моделирование как

один из ведущих методов современной лингвостилистики, активно встраивающейся в когнитивную парадигму, приближает нас к пониманию того, как кодируется и передается смысл.

Данная статья продолжает наше исследование творчества британской писательницы Айрис Мердок, которое ведется в русле когнитивной стилистики и рассматривает вопрос о возможности описания единого смыслового пространства, или гипертекста, интегрирующего все тексты автора и реализующегося в целом ряде доминантных смыслов и повторяющихся стратегий или когнитивных привычек.

Как мы уже отмечали [Шевченко 2022: 464], одним из базовых концептов, формирующих гипертекстовое пространство Айрис Мердок, является концепт THEATRE, который неизбежно отсылает нас к творчеству Уильяма Шекспира. Объектом исследования в данной статье выступает шекспировский код (термин заимствуется нами из филологии для обозначения совокупности способов проекции шекспировского художественного метода в исследуемый текст), а предметом – варианты его репрезентации в романе «Святая и греховная машина любви» (*The Sacred and Profane Love Machine*). Данный роман выбран в качестве материала, поскольку в нем достаточно ярко представлен шекспировский контекст, однако это произведение еще не рассматривалось в подобном ключе, в отличие от глубоко изученных с этой точки зрения романов «Черный принц» (*The Black Prince*), «Море, море» (*The Sea, the Sea*), «Дилемма Джексона» (*Jackson's Dilemma*), «Под сетью» (*Under the Net*), «Побег от волшебника» (*The Flight From the Enchanter*).

Говоря о жанровом своеобразии романов Айрис Мердок, исследователи характеризуют их как философские, психологические, детективные, любовные и др. По мнению Л. К. Байрамкуловой, «остросюжетность мердоковских произведений – показатель драматургичности ее поэтики, несущей на себе отпечаток шекспировского театрального мышления» [Байрамкулова 2005: 10]. Н. С. Зелезинская утверждает, что «сама писательница как будто подсказывала иной ключ, лежащий вне непосредственно романного жанра, но подходящий лучше всего к тому роману, который создавала она сама, – шекспировский» [Зелезинская 2013: 264]. С этим нельзя не согласиться. Влияние Шекспира на всю мировую литературу неоспоримо, а для английской писательницы, профессора философии Оксфордского университета, творчество великого драматурга стало художественным образцом, прочно закрепившимся в ее концептуальной картине мира. Театральность выступает в качестве основного философско-эстетического принципа, определяющего тематику, образность и стратегию повествования в произведениях Айрис Мердок.

Метафора придуманного, иллюзорного мира пронизывает все романы писательницы, структурируя целую парадигму образов, актуализирующих

концепт THETRE. Айрис Мердок изображает жизнь как актерскую игру, последовательную смену сцен, ролей, масок: *My dearest girl, I pray you to accept this new **scene** and to make it work; 'That is the only **role** of which, without dangerous self-deception, you are really capable, and I advise you to **play** it'; His old friends kept changing their **masks*** [Murdoch: URL]. Герои выступают как в качестве актеров, так и в качестве зрителей спектакля: *'He must have put in a good deal of **play-acting** with you in the old days'; Luca had the air of an interested **spectator**; Monty had been moved by the **spectacle** of Harriet the loving and successful wife and impressed by the confident forgiving wronged Harriet* [Murdoch: URL].

Шекспировская формула «Весь мир – театр» раскрывается не только в многочисленных языковых выражениях. Данный метафорический смысл также передается онтологическими метафорами через действие или событие, описываемое в произведении. Исследуемый роман начинается с таинственного появления ребенка в саду. Дом принадлежит Блейзу и Харриет, супружеской паре, имеющей сына-подростка Дэвида, который и заметил незнакомца из окна: *David stopped in **the act of pulling his curtain** against the dark twilight and gazed intently down into the garden* [Murdoch: URL]. В тот момент Дэвид еще не подозревал, что маленький мальчик Лука – его сводный брат, внебрачный сын Блейза. Нежелание что-либо выяснять, подвергая опасности границы своего мира (характерное для английской культуры в целом), заставило подростка задернуть штору. Этот символический жест, служит онтологической метафорой завершения театрального представления (английское “curtain” в русском соответствует двум лексемам: «штора» и «занавес»), символизируя преграду между реальным миром и миром выдуманном: *The pulling of the **curtain** had already made the incident seem unreal and unimportant* [Murdoch: URL].

Далее в романе автор не раз упоминает штору-занавес: *He ought to have held Edgar in **play** long enough to let Harriet leave the **scene**. As it was he had practically thrust them into each other's arms. Cursing, he crept into the dining-room and peered through the **curtains*** [Murdoch: URL]. Метафорическое содержание этого образа высвечивается благодаря контексту. Сосед Блейза Монтегью (Монти) – известный писатель, который из-за «шторы-занавеса» наблюдает за разыгравшейся в семье его друзей «трагикомедии», воспринимая все происходящее сквозь призму своего творческого воображения.

Описывая квартиру, снятую Блейзом для того, чтобы начать совместную жизнь с любовницей Эмили и их сыном Лукой, автор, словно намеренно, подчеркивает значение новых штор для обустройства нового дома. Метафорический смысл выражения *to hang the curtains* раскрывается в речи Харриет, жены Блейза: *'He's in love with her again. He won't come rushing back. He'll be **hanging the curtains** at the flat in Fulham'* [Murdoch: URL]. Эмили

радовалась не только шторам, но и приобретению стенного шкафа для белья, который выступает в качестве артефактной, или предметной, метафоры. В речи Блейза лексема *cupboard* употребляется в метафорическом значении: *Harriet would never let him shut himself into any dark cupboard; This was the dark cupboard all right... The dark forces had never been stronger or more clearly seen, but he was not their puppet* [Murdoch: URL]. Образ куклы, используемый в ближайшем окружении, позволяет интерпретировать «темный шкаф» как место для хранения театрального реквизита. Переезжая и обустраивая новый дом, Блейз и Эмили словно готовятся для новой роли и открывают занавес для новой сцены в спектакле собственной жизни.

Метафорический смысл, стоящий за определенными действиями или событиями, рождается в контексте. В традиционной стилистике подобное явление относится к типу выдвижения и обозначается термином «иррадиация», под которым понимается «приобретение текстом стилистических свойств «сильного» доминирующего элемента» [Скребнев 1975: 138]. Сильным элементом в тексте исследуемого романа выступает базовая метафорическая модель LIFE – THEATRE. Это часть шекспировского кода, который регулирует процесс инференции скрытых смыслов, удерживая читателя в рамках определенного интерпретационного поля, границы которого обозначены множеством подсказок в тексте романа.

Наиболее очевидным свидетельством присутствия шекспировского кода в произведениях Айрис Мердок являются интертекстуальные включения. В романе упоминается как сам драматург, так и герои его произведений: *Miranda, Portia, Ariel, Puck*. Шекспировский текст звучит в аллюзивной цитате *'They'll see you haven't vanished into thin air'* [Murdoch: URL], отсылающей читателя к известному монологу Просперо из «Бури»: *'These our actors, as I foretold you, were all spirits, and are melted into air, into thin air'* [Shakespeare: URL]. Реминисценцией является сам сюжет произведения, в котором преломляются шекспировские мотивы: ребенок, выступающий как источник конфликта; любовный дурман, охватывающий героев, которые быстро переключаются с одного объекта на другой; посылный-шпион, усугубляющий конфликт; ревнивец, убивающий возлюбленную; финальное примирение соперников («Сон в летнюю ночь», «Отелло», «Буря»). Мифологический контекст, характерный для комедий Шекспира, присутствует в образных сравнениях и артефактах, используемых в качестве декораций к отдельным сценам: *And you can help me easily, like Athena helping Heracles to hold the world up.*; *...an immense and very battered baroque fountain representing Poseidon surrounded by sea nymphs* [Murdoch: URL]. Свообразной интертекстуальной переключкой также является использование устаревших форм: *Herewith your humble spy's report from over yonder. ...Thine for ever, your constant nymph, P.* [Murdoch: URL].

Целостное восприятие романа как разыгрываемой на сцене шекспировской пьесы подкрепляется не только сюжетом, образностью, интертекстом, но и самой структурой повествования, в частности, наличием ремарок, например: *Enter Luca* [Murdoch: URL]. Театральность угадывается в том, как Айрис Мердок расставляет по местам своих героев, описывая место действия той или иной сцены: *The best white cloth with the lace edges had been put on to the little bamboo table. Monty, smiling, sat down on an upright chair. He scooped up Little Bilham off the floor and began stroking him hard as one might stroke a dog. Little Bilham turned to regard Monty with his wicked eyes. Blaise sat down on another upright chair and Emily upon the arm of the armchair. Pinn brought in sandwiches and a jug of coffee and stood there like a servant, also smiling* [Murdoch: URL]. Основная часть повествования, как в пьесе, занята диалогами, которые герои ведут друг с другом и самими собой, в разных вариациях транслируя идею выдуманного, иллюзорного, ограниченного рамками индивидуального сознания мира: *'We all live in dream worlds'* [Murdoch: URL].

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что шекспировский код заложен в сюжете, образности, повествовательных стратегиях и доминантных смыслах произведений Айрис Мердок. Это одна из базовых характеристик концептуальной картины мира писательницы. Наряду с другими элементами она структурирует гипертекст Айрис Мердок, ту общую для всех текстов когнитивную модель, которая способствует успешному диалогу автора и читателя-интерпретатора.

Литература

Байрамкулова Л. К. Поэтика Айрис Мердок в свете проблемы интертекстуальности. Мердок и Шекспир: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.

Зелезинская Н. С. Романы Айрис Мердок. Уроки шекспировского жанра // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 264–273.

Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков имени Н. А. Добролюбова, 1975.

Шевченко Л. Когнитивный стиль – Метакогниция – Гипертекст: к вопросу о моделировании авторской картины мира (на материале произведений Айрис Мердок) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 461–465.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016.

Murdoch I. The Sacred and Profane Love Machine. URL: https://www.bookfrom.net/iris-murdoch/49247-the_sacred_and_profane_love_machine.html

Shakespeare W. The Tempest. URL: https://www.bookfrom.net/william-shakespeare/31463-the_tempest.html

L. L. Shevchenko (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

**SHAKESPEARIAN CODE AND ITS REPRESENTATION
IN IRIS MURDOCH'S NOVEL
“THE SACRED AND PROFANE LOVE MACHINE”**

The article is referred to the sphere of cognitive stylistics and suggests that it is possible to study the author's conceptual system by modeling a hypertext, which is the cognitive structure that projects itself into literary texts in many features characteristic of the author's unique style.

Key words: hypertext, Shakespearian code, basic metaphor, ontological metaphor, intertext.

И. А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Schirova@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ АКТИВНЫХ НАЧАЛ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Природа интерпретации художественного текста анализируется в контексте процессов конструирования и реконструирования фикционального мира и связывается с опытом, знаниями, переживаниями и высокой степенью когнитивной активности литературных коммуникантов. Исследуются уникальность, множественность, субъективность интерпретации и отвергается правомерность её произвольности.

Ключевые слова: познание, опыт, интерпретация, коммуниканты, когнитивная активность, уникальность, субъективность.

В. И. Вернадский предостерегает исследователя: *Нельзя узнать мир одним способом, даже если это научный анализ, а ты трудишься «днем и ночью». Ты должен узнавать всеми средствами – и вот тебе способ познания, где вся жизнь твоя...* [Вернадский 2016: 389] (курсив мой – И. Щ.). Оценка Вернадского едва ли утратит свою справедливость, если использовать ее для характеристики художественного текста, отображающего в образной форме реальную действительность и открывающего человеку все ее многообразие. Текст предлагает читателю-интерпретатору *колоссальный, обширнейший и глубочайший* опыт жизни [Лихачев 1996: 67].

Художественный текст – это объективируемый языковыми средствами индивидуально-личностный вариант концептуализации мира. Все элемен-

ты иерархически организованного текстового целого реализуют единую авторскую интенцию на передачу адресату глубинного смысла, который опосредованно, на примере художественной ситуации, отображает авторское мировидение. Сложность объективируемой текстом картины мира определяется сложностью «рискуемых» ею миров, в совокупности воспроизводящих реальный Универсум – мир как целое. Разнообразие проявлений мира и репрезентирующих его художественных форм закономерно включает в себя человека, чей целостный образ создается неразрывным единством двух ипостасей: человека внешнего и человека внутреннего. Заданная автором и актуализируемая в читательском сознании целостность картины мира текста реализуется во взаимосвязях и взаимоотношениях всех его строевых элементов: темы и проблемы; фабулы и сюжета, системы конфликтов (внешних и/или внутренних) и системы образов персонажей (главных и второстепенных, контрастных и параллельных и пр.), образующих эти образы характеристик (портретной, речевой, акциональной и пр.), пространственно-временных образов и т. д. С появлением экспериментальных художественных форм модернизма и «принципиально эклектичного» в своей основе постмодернизма, разрушившего традиционные представления о целостности, стройности, законченности эстетических систем, их норм и критериев (см.: [Маньковская 2018: 192]), сложность текста, возрастает, коррелируя с усложнением реалий мира. Усложнение текста как художественной модели увеличивает его «открытость», программирует его многозначность и, как следствие, множественность прочтений (истолкований, интерпретаций). И конструирование фикционального мира автором, и его реконструирование читателем-интерпретатором нуждаются в «активном отношении ума» (фразеология М. Бахтина).

Автор – это когнитивный творческий субъект. Он наделен волей, сознанием, интенцией и определенной системой ценностей, воссоздаваемой в тексте с помощью оптимальных для трансляции интерпретативных стратегий и тактик. «Эстетическое событие текста» всегда наполнено оригинальным личностным опытом и «собственным переживанием» автора. Авторская интенция соотносится с интенциональностью, релевантной для понимания интерпретации и как философская категория, и как категория текста. В первом случае, в интенциональности видят свойство человеческого сознания быть направленным на объект, «активное отношение ума к объекту» [ФЭС 2004]. Во втором – конститутивное текстовое свойство, намерение автора передать связный и целостный текст [De Beaugrande & Dressler 1981]. Несмотря на возможные смысловые отличия, интенция и интенциональность объединены характером целеполагания – стремлением передать адресату смысл, фиксирующий субъективную, индивидуально-личностную позицию адресанта.

Как пишет М. Бахтин, в эстетическом событии текста пространственное, временное и смысловое целое «в раздельности не существуют». Эстетическую значимость приобретает и смысловая установка героя в бытии, его ценностная позиция в нем [Бахтин 1997: 128, 129].

Активным началом интерпретации текста и частью процесса его порождения является читатель [Эко 2006: 14]. Понимание всегда чревато ответом. Текст не вещь, а поэтому второе сознание – сознание воспринимающего, нельзя элиминировать или нейтрализовать [Бахтин 1997: 209]. Художественное восприятие текста является его истолкованием и исполнением, и в любом таком восприятии текст *оживает в своей неповторимой перспективе* [Эко 2006: 71]. Осуществляя когнитивные виды деятельности – понимание и интерпретацию, читатель-интерпретатор активно воспринимает заданный смысл. Он модифицирует вербализуемые текстом особенности авторского мировосприятия, основываясь на собственном уникальном опыте и собственных переживаниях, аргумент отличных от авторских. Мир как предмет изображения и мир как предмет истолкования, таким образом, уже на начальной стадии познания, не отражаются в коммуницирующих сознаниях пассивно и не состоят «в простом переживании». Восприятие осуществляется посредством активного структурирования (духовной обработки) воспринимаемого содержания. «Эти синтезы» являются активным, хотя и не всегда осознаваемым вкладом субъекта [Фоллмер 1998].

Конструируя мир в сознании в соответствии со своим образом жизни, средой обитания, видами деятельности и предпочтениями и исходя при этом из имеющихся у него представлений о нормах, стереотипах и ценностях, человек, отмечает Н. Н. Болдырев, выступает в качестве наблюдателя, категоризатора и концептуализатора. Он интерпретирует получаемую информацию на основе сложившегося видения мира, структурируя и переструктурируя знания о нем, превращает информацию в новое знание интерпретационного характера или отвергает ее (см. подробнее: [Болдырев 2021: 37]). Воспринимая и осмысливая, понимая и интерпретируя мир и свое место в нем, человек оценивает мир эмоционально или рационально, с большей или меньшей степенью субъективности. Каждый новый, освоенный, а значит понятий и истолкованный фрагмент мира включается в целостную картину, уже сложившуюся в сознании человека, тем самым корректируя набор и уточняя иерархию заключенных в ней ценностных ориентаций. В каждом новом опыте общения человек обретает новые возможности для формирования, реализации и совершенствования своих способностей адекватного оценивания универсума в диалоге с Другим.

Автор и интерпретатор – уникальные субъекты познания. Как языковые и коммуникативные личности они существуют в конкретном времени и про-

странстве. Виды и объемы обретенного ими опыта (жизненного, опыта чтения, языкового общения, способности к эмпатии, эстетическому восприятию, в т. ч. восприятию иной культуры и пр.), как и умение применить этот опыт в процессе освоения сложного мира текста у литературных коммуникантов могут сближаться, но не могут совпадать. Субъективность опыта автора и читателя предопределяет уникальность видения ими реального и фикционального мира, программирует различия в полноте и глубине интерпретации.

Открытый текст, сколь ни был бы открыт, не подразумевает произвольной интерпретации [Эко 2005: 21]. Произведение искусства предстает как форма, завершенная и замкнутая «в своем строго выверенном совершенстве», и вместе с тем, оно не утрачивает своего «неповторимого своеобразия» и открыто толкованию «на тысячи ладов» [Эко 2005: 87]. Используя идею и фразеологию М. Бахтина, можно сказать, что текст не бывает только отражением или только выражением «существующего, данного и готового». В нем всегда создается нечто ... *абсолютно новое и творимое*, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т. д.). *Созданное*, однако, всегда *создается из данного* (язык, увиденное явление действительности, пережитое чувство, сам говорящий субъект, *готовое в его мировоззрении* и пр.). Данное *преображается в заданном* [Бахтин 1997: 315] (курсив мой – И. Ш.)

«Понятнейшая сеть» антропоцентричной науки вносит новые акценты в решение «вечной» проблемы интерпретации, но неразрывная взаимосвязь *данности и созданности* обнаруживается и в современных её описаниях. С одной стороны, они указывают на уникальность интерпретации, ее индивидуально-личностный характер, с другой – на «вехи» (слова, конструкции, мысли), являющиеся ее опорными пунктами. Интерпретатор оперирует не произвольным набором толкований, – напоминает В. З. Демьянков, а тем, что «навязывается» ему автором, которого, как и интерпретатора, характеризует внутренний мир. Выражение, ставшее объектом интерпретации, «подвергается реконструкции, «восстанавливается... путь», которым оно было построено [Демьянков 1996: 31] (курсив мой – И. Ш.). Само включение в описание интерпретации понятия *внутреннего мира*, заметим, эксплицирует значимость субъективного фактора в современном осмыслении природы и сущности интерпретации. Внутренний мир интерпретатора, хотя и дополняется, сужается или «даже в корне» меняется в результате интерпретации, наряду с намерениями интерпретатора и стратегиями интерпретации, регулирует её ход [Там же: 31–33]. «Вехи» интерпретации, таким образом, выделяются не в ущерб личностным аспектам интерпретации, что указывает на сбалансированность данности и созданности в интерпретируемом тексте. Эта гибкая трактовка сложного феномена интерпретации коррелирует, как представляется, с гибкими стилями мышления современной науки.

Литература

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
- Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М.: Русские словари, 1997.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2. С. 34–43.
- Вернадский В. И.* Философия науки. Избранные труды. М.: Юрайт, 2016.
- Демьянков В. З.* Интерпретация // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 31–33.
- Лихачев Д. С.* Без доказательств. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996.
- Маньковская Н.* Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т. 4(№ 1). С. 192–230.
- ФЭС – Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/494/intencionalnost.htm>
- Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания. Врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4660>
- Эко У.* От древа к лабиринту, Исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. А. Поповой-Пле. М: Академический проект, 2016.
- De Beaugrande R. & Dressler W.* Introduction to text linguistics. London & New York: Longman, 1981.

I. A. Shchirova

(Saint-Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University

ON THE ISSUE OF ACTIVE PRINCIPLES OF INTERPRETATION

The nature of interpretation of a literary text is included in the general context of a fictional world constructing and reconstructing and is associated with the experience, knowledge, and a high degree of cognitive activity of literary communicants. Uniqueness, plurality and subjectivity of interpretation are considered while the legitimacy of a limitless interpretation is rejected.

Key words: cognition, experience, interpretation, communicants, cognitive activity, given and created, uniqueness, subjectivity.

16+

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (54)

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием

20–21 апреля 2023 года

Часть II

Главный редактор

Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска

Фурс Людмила Алексеевна

Компьютерная верстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-708-3

9 785000 787083 >

Подписано в печать 27.03.2023 г. Дата выхода в свет 18.04.2023 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 51,00. Тираж 500 экз. Заказ 2388. Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

